БОЛЬШИЕ Фф КНИГИ
Уильям Гибсон
ВИРТУАЛЬНЫЙ СВЕТ
ИДОРУ
ВСЕ ВЕЧЕРИНКИ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ
18+
«АЗБУКА»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Уильям Гибсон прославился трилогией «Киберпространство» («Нейромант», «Граф Ноль», «Мона Лиза овердрайв»), ставшей краеугольным камнем киберпанка и определившей лицо современной литературы на десятилетия вперед. Но очень быстро жанровому революционеру стали тесны рамки любого жанра – и за совместной с Брюсом Стерлингом стимпанк-эпопеей «Машина различий» последовала «Трилогия Моста» («Виртуальный свет», «Идору», «Все вечеринки завтрашнего дня»), действие которой происходит в своего рода альтернативном настоящем, а фабула триллера, футуристический антураж и виртуозная скупость стилевых приемов порождают взрывоопасный, но неотвратимо притягательный коктейль. Здесь мощное землетрясение рассекло Калифорнию на Северную и Южную, и пресловутый Мост стал символом этого разделения. Здесь полицейский-неудачник Райделл и велосипедистка-курьер Шеветта-Мари сведены волей случая и вместе пытаются выжить в охоте, устроенной на них владельцами сверхважной информации, хранящейся в солнцезащитных очках системы «виртуальный свет». Здесь Токио заново застроен нанотехнологическими небоскребами, успехом пользуется ночной клуб по мотивам Франца Кафки, а по фанатскому сообществу пронесся слух, что рок-звезда по имени Рез собирается жениться на виртуальной звезде, актрисе и певице Рэй Тоэй. Здесь лучший в мире убийца не оставляет следов во всемирной паутине, а тайный хозяин мира думает, что идет по его следу…

- Уильям Гибсон
  - ○
  - ○ Виртуальный свет
    - ■
    - ■ 1
    - ■ 2
    - ■ 3
    - ■ 4
    - ■ 5
    - ■ 6
    - ■ 7
    - ■ 8
    - ■ 9
    - ■ 10
    - ■ 11

- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- Благодарности

○ Идору

-
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13

- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- Благодарности

○ Все вечеринки завтрашнего дня[83]

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9

- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53

- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- Благодарности

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22

- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66

- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110

- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141

Уильям Гибсон
Виртуальный свет. Идору. Все вечеринки завтрашнего дня

© М. А. Пчелинцев (наследники), перевод, 2001, 2003
© Д. С. Борисов (наследники), перевод, 2002
© В. В. Еклерис, иллюстрация на обложке, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

Виртуальный свет

Гэри Гаэтано Бандьере, крутому пижону и нашему другу

1
Пламенеющая плоть исполинов

Курьер прислонился лбом к слоеному пирогу стекла, аргона и ударопрочного пластика. Над окраинами города висит боевой вертолет – узкая хищная оса, высматривающая добычу, цепкие лапки тесно прижимают к груди гладкий черный кокон, набитый десятками смертей.

Несколькими часами раньше на один из северных пригородов обрушились ракеты, семьдесят три убитых, никакая группа не взяла еще на себя ответственность. Но здесь, где пламенеющей плотью исполинов плывут зеркальные зиккураты Ласаро Карденаса[1], все кошмары ночи остаются снаружи, на ждущих своего часа avenidas[2] – обыденные заботы, мир, что пребудет.

По милости заоконного воздуха каждый источник света окружен ореолом, желтушным посередине, тускло-коричневым – ближе к краю. Тонкие, почти невесомые хлопья сухого фекального снега, прилетающие с городских отстойников, запорошили око ночи.

Крепко зажмуриться, сосредоточиться на еле слышном шипении кондиционера. Так можно перенестись в Токио, представить себе, что этот номер расположен в одном из новых корпусов старой гостиницы «Империал». Увидеть себя на улицах Тиода-ку, услышать шелест поездов, пролетающих по эстакаде, прямо над головой. Узкий переулок, цепочка красных бумажных фонариков.

Курьер открыл глаза.

Мехико, снова Мехико.

На кофейном столике аккуратно выстроились восемь пустых пластиковых бутылочек: «Возвращение лосося», название японской водки раздражает даже сильнее, чем прилипчивый, ничем не смоешь и не заешь, привкус.

Нежно-бежевым фризом застыли на экране *девочки*. Ждут приказа. Курьер берет дистанционный пульт; высокие, острые скулы девочек приходят в движение, поворачиваются где-то в его черепе, чуть позади глаз. Мальчики, неизменно проникающие в своих напарниц сзади, щеголяют черными лайковыми перчатками. Славянские лица непрошенно вызывают осколки детских воспоминаний: вонь маслянисто-черного канала, стальной грохот раскачивающегося на рельсах поезда, высокие потолки старой квартиры, окна, выходящие в зимний, промерзший парк.

Вокруг трудолюбиво совокупляющихся русских – рамка из двадцати восьми периферийных кадров. Курьер мельком видит, как выносят трупы с дочерна прокопченной грузовой палубы азиатского парома.

Он откупоривает еще одну маленькую, на один стакан, бутылочку.

Теперь девочки отсасывают у своих высокомерных, самопоглощенных дружков, запрокинутые головы двигаются в едином ритме, словно части хорошо смазанного механизма. Ракурсы съемки приводят на память самозабвенный пыл раннего советского кино.

Взгляд курьера натыкается на метеосводку NHK. По Канзасу движется фронт низкого давления. На исламском канале раз за разом с жутковатой монотонностью повторяется нечто вроде сложного, угловатого орнамента – имя Господа во фрактальной каллиграфии.

Курьер пьет водку.

И смотрит телевизор.

Чуть за полночь на перекрестке Ливерпульской и Флорентийской курьер смотрит с заднего сиденья белой «лады» на Сона-Роса. Нанопористый швейцарский респиратор неприятно трет его свежевыбритый подбородок.

Губы и ноздри прохожих укрыты фильтрами. В честь Дня Мертвых некоторые маски украшены серебряными бусинками, они похожи на ухмыляющиеся пасти сахарных голов. Производители всех респираторов дают одни и те же неопределенные обещания насчет защиты от вироидов. Неубедительно, но все же успокаивает.

Курьер хотел отвлечься от рутины, от одинаковости, возможно – найти что-нибудь красивое или хотя бы достойное мимолетного интереса, но здесь были только маски, и уличные огни, и прежний неизбывный страх.

Из-за поворота, с авениды Чапультепек, выползает допотопный американский автомобиль, из-под полуоторванного бампера вырываются густые клубы выхлопа. Зеркальное покрытие, укутывающее весь, за исключением ветрового стекла, корпус, растрескалось и покрыто пылью, сквозь него проглядывает темно-коричневая скорлупа эпоксидной обмазки. Ветровое стекло, черное и блестящее, непроницаемое, как лужица пролитой на бумагу туши, напоминает курьеру смертоносный кокон боевого вертолета. Беспредметный прежде страх конденсируется вокруг «кадиллака», этого карнавального урода, допотопного (ну надо же – двигатель внутреннего сгорания!)

чудища, одетого в грязный, клочкастый серебряный балахон. Кто позволил ему отравлять своей вонью и так непереносимый воздух? Кто скрывается внутри, за черным ветровым стеклом?

Он смотрит вслед нелепой таратайке. Его пробирает дрожь.

– Эта машина…

Подавшись помимо собственной воли вперед, он обращается к толстой, дочерна загорелой шее водителя, чьи большие уши странным образом приводят на память древнюю керамику, точнее – копии с нее, рекламируемые по гостиничному телевидению.

– *El coche*[3].

У водителя нет маски. Он поворачивается и словно впервые замечает своего пассажира, «кадиллак» проезжает мимо какого-то ночного клуба, попадает в луч лазера, вспыхивает ярким рубином, исчезает из виду.

Недоуменный взгляд водителя.

Курьер приказывает вернуться в гостиницу.

Он выплывает из глубин сна, наполненного металлическими голосами, из сводчатых переходов какого-то европейского аэропорта, где крошечные, непостижимо далекие фигурки людей застыли в беззвучном ритуале прощания.

Темнота. Шипение кондиционера.

Льняные простыни. Телефон под подушкой. Звуки улицы, приглушенные газовой прослойкой оконных стекол. Все напряжение, вся недавняя паника – все это исчезло. Вспоминается бар на крыше отеля. Музыка. Лица.

Редкая, желанная минута, когда внутренний мир пришел в равновесие. Спокойствие. Никакого другого спокойствия курьер не знает.

И… ну да, очки тоже здесь, рядом с телефоном. Вытаскивая очки из-под подушки, курьер ощущает виноватое наслаждение, почти такое же, как тогда, в полузабытой Праге.

Он любит ее почти уже десять лет, хотя никогда не задумывается над своими чувствами и вряд ли поверил бы, что это – любовь. Но он не покупает другой программы, а черная пластиковая оправа почти утратила свой первоначальный блеск. Надпись на кассете совсем стерлась, ночные прикосновения превратили ее в белое матовое пятно. Сколько их было – комнат, таких как эта.

Пожелтевшие наушники остаются без дела, курьер давно уже предпочитает тишину, а точнее – собственное звуковое сопровождение. Он шепчет ей, своей единственной, ускоренно прокручивая дурацкие титры и вступительную сцену – черный, залитый лунным светом пейзаж, не Голливуд и не Рио, но некое

расплывчатое компьютерное подобие их обоих.

Белый домик в конце ущелья. Она ждет его, как и прежде, как и всегда. Свечи. Вино. Черным бисером расшитое платье и белая матовая, невероятная в своей безупречности кожа. Туго обтянутое бедро, гладкое и холодное, как брюхо змеи.

Где-то очень далеко, под простыней, его руки начинают двигаться.

Позднее, когда он готов уже провалиться в новый, не похожий на прежние, сон, из-под подушки доносится негромкий одиночный звонок.

– Да?

– Место на Сан-Франциско заказано.

Голос принадлежит то ли женщине, то ли компьютеру. Курьер трогает клавишу, чтобы записать номер рейса, затем говорит: «Спокойной ночи», смотрит на тусклый свет, сочащийся сквозь щель между занавесками, и снова закрывает глаза.

Его обвивают белые как снег руки. Предвечная, неизбывная белизна.

Он спит.

2
«Громила» в деле

Машины «Интенсекьюра» выходят на патрулирование по щадящему графику: смена рабочая, две смены отдыха. Мыли их исключительно в большом специализированном заведении рядом с Колби – двадцать слоев эмали «свежий мед», ручная шлифовка; к такой роскоши поневоле начнешь относиться бережно.

Тем памятным ноябрьским вечером, когда Держава Желаний положила конец его карьере на поприще вооруженной охраны, Берри Райделл пришел в автомойку чуть раньше времени.

Ему там нравилось. Запах розоватого раствора, которым снимали с машин дорожную грязь, приводил на память последние школьные каникулы, летнюю халтурку, которую он подыскал себе тогда в Ноксвилле. Громадный жилой дом на улице Джефферсона Дэвиса решили переделать в кондоминиум, а для начала полностью раскурочили. Нужно было обдирать шлакоблочные стены, но обдирать не совсем, а чтобы кое-где, на стыках и в углублениях, оставались следы старой розовой краски – такой вот имелся у архитекторов бзик. Архитекторы – приехавшие, к слову сказать, из Мемфиса – все как один щеголяли в черных костюмах и белых хлопковых рубашках. Они никогда не надевали галстуков и никогда не расстегивали верхние пуговицы рубашек, стоивших побольше, чем костюмы, – или, во всяком случае, не меньше. Райделл решил про себя, что архитекторы всегда так одеваются: последующая жизнь в Лос-Анджелесе подтвердила его догадку. Однажды он нечаянно подслушал, как один из этих героев объяснял прорабу смысл задания. *Нужно подчеркнуть преемственность, выявить непрерывность прохождения материала через время.* Чушь, конечно же, собачья, а все равно здорово. Сразу вспоминаешь, как стареют люди в телевизионных фильмах.

Здорово там не здорово, но на практике все сводилось к тому, что нужно было обдирать долбаную краску со многих тысяч квадратных футов дважды долбаной шлакоблочной стены: делалось это с помощью пульсирующей высоконапорной струи какого-то раствора, берешь в руки брандспойтную головку, прикрепленную к длинной ручке из нержавейки, и – вперед на танки. Если прораб не смотрит, можно развернуть струю в тридцатифутовый павлиний хвост жгучей радуги и смыть с кого-нибудь из ребят всю обмазку. Результат проявлялся мгновенно – австралийская фирма, выпускавшая солнцезащитный крем,

окрашивала свою продукцию в яркие, заметные цвета, чтобы не перепутать, какие участки кожи уже намазаны, а какие – нет. Операция требовала осторожности и глазомера – с близкого расстояния да на полную силу струя могла ободрать хромировку с автомобильного бампера. В конечном итоге Райделла и Бадди Криггера выгнали с работы за хулиганство, каковое событие они отметили на противоположной стороне улицы Джеффа Дэвиса, в пивной, после чего Райделл пошел ночевать к этой девице из Ки-Уэста, что само по себе было событием не меньшим – он впервые уснул рядом с женщиной.

А теперь он в Лос-Анджелесе, крутит баранку «Лихого гусара», покрытого двадцатью слоями лака, да еще с ручной шлифовкой. «Гусаром» назывался бронированный лендровер, способный выдать сто сорок миль в час – если, конечно же, ты найдешь прямой, свободный от машин участок шоссе и успеешь разогнаться. Эрнандес, старший по смене, любил говорить, что англичане органически не способны сделать что-либо крупнее и сложнее шляпы, сделать так, чтобы оно не отказало в самую нужную минуту. Еще он говорил, что «Интенсекьюр» должен был купить израильские машины или хотя бы бразильские и вообще – на хрена это Ральф Лорен[4] полез изобретать танк, без него, что ли, не обошлись бы?

Райделл не имел своего мнения на этот счет, но вот с краской ребята явно перестарались. Возможно, они хотели, чтобы «Гусар» был похож на большие коричневые грузовики фирмы «Юнайтед Парсел», развозящие товары по домам, – и в то же самое время напоминал какой-нибудь элемент интерьера епископальной церкви. Никакой показной роскоши, простенько так и со вкусом.

В автомойке работали по преимуществу монголы, недавние иммигранты, не успевшие еще подыскать себе место получше. Они без умолку пели свои бредовые гортанные песни, Райделлу эти песни нравились. Он все время пытался понять, как же это можно выделывать горлом такие штуки – малость похоже на кваканье древесных лягушек, только лягушки квакают однотонно, а тут вроде как два совершенно независимых звука.

Теперь работяги надраивали ряды хромированных шишек, опоясывающие машину. К этим шишкам крепилась, если надо, электрифицированная сетка, а хромировали их так, для красоты. В нормальной обстановке электричество ни к чему, а вот для разгона беснующейся толпы – самое милое дело. В Ноксвилле полицейские машины тоже были электрифицированы, но там ставили вдобавок систему увлажнения – мокрая сетка бьет гораздо сильнее.

– Распишитесь, – сказал бригадир, тихий чернокожий парень

по фамилии Андерсон. Днем он учился на врача, вечером работал и всегда выглядел сильно невыспавшимся.

Райделл взял блокнот и световой карандаш, расписался на маленьком экранчике. Андерсон протянул ему ключи.

– Ты бы хоть отдохнул когда-нибудь, – посоветовал Райделл. Андерсон тускло улыбнулся. Райделл подошел к «Громиле» и отключил охранную сигнализацию дверцы.

Внутри машины, прямо над ветровым стеклом, кто-то написал: «ГРОМИЛА». Зеленым маркером, большими буквами. Название прижилось – в первую очередь потому, что оно нравилось Саблетту. Уроженец Техаса, Саблетт вырос в трейлерном поселке какой-то бредовой видеосекты. Повзрослев, он смылся на волю. «Моя мамаша, – говорил он, – готова отдать церкви все, вплоть до собственной жопы». Райделл не очень понимал насчет жопы – это так, для красного словца, или в каком-нибудь там смысле?

Саблетт не любил рассказывать про секту, но Райделл уловил главное: эти придурки считали, что Господь Всевышний предпочитает общаться с потомками Адама посредством телевидения, что экран – нечто вроде перманентно функционирующей неопалимой купины.

– Господь, – сказал как-то Саблетт, – Он в деталях. Нужно смотреть очень внимательно, и тогда ты Его узришь.

В какой бы там форме ни общались эти психи со своим Богом, ясно было одно: Саблетт наглотался всякой телевизионной хрени по самое это место, в первую очередь – старых фильмов, транслируемых по каналам, которые только тем и занимаются, что их транслируют. Он сообщил Райделлу, что «Громила» – имя танка-робота из какого-то там японского фильма про чудовищ. У Эрнандеса было подозрение, что Саблетт сам и написал это слово над ветровым стеклом. Саблетт яростно отпирался. Эрнандес сказал: «Тогда возьми тряпку и сотри». Саблетт проигнорировал приказ. Надпись так и осталась на месте, но Райделл знал, что такой законопослушный парень, как Саблетт, никак не мог совершить акта вандализма, к тому же чернила из маркера уложили бы его без сознания, а могли б и вовсе убить.

Аллергия. Мельчайшая капелька какого-нибудь растворителя или моющего вещества вызывала у Саблетта аллергический шок, так что он не заходил в автомойку никогда, ни под каким видом. Ко всем прочим радостям, аллергия вызывала у несчастного парня болезненную чувствительность к свету, так что он постоянно носил зеркальные контактные линзы. Черная интенсекьюровская форма, сухие светло-соломенные волосы да плюс еще эти долбаные линзы – Саблетт выглядел самым

натуральным фашистом, придурком ку-клукс-клановским. Что могло привести к определенным недоразумениям, особенно в негритянской лавочке на бульваре Сансет. Особенно если время, скажем, три часа ночи, а тебе вдруг прямо позарез потребовалось купить бутылку кока-колы или там минералки. И все же Райделл искренне радовался, когда расписание сводило его с долговязым техасцем. Саблетт ненавидел насилие, черта характера редчайшая, а у наемного копа так и вовсе невероятная. Сумасшедший? Самое интересное, что даже не сумасшедший. С точки зрения Райделла, и то и другое было вполне определенными плюсами. Ведь в Южной Калифорнии, как любил говорить Эрнандес, очень строго расписано, кто может и кто не может работать парикмахером, а вот полицейских нанимают прямо с улицы, безо всякой, считай, проверки.

Многие теперешние коллеги Райделла пришли в «Интенсекьюр» из полиции, некоторые из них успели даже поработать в ДПЛА, Департаменте полиции Лос-Анджелеса. Судя по строгим, подробно детализированным правилам, запрещавшим выходить на работу с каким-либо оружием, кроме табельного, фирма почти не сомневалась, что только дай этим ребятам волю – и они под завязку нагрузятся всякими противозаконными железками. Двери диспетчерской были снабжены металлодетектором, и совсем не напрасно – стол Эрнандеса буквально ломился от ножей выкидных и ножей засапожных, от нунчаков, кастетов, парализующих пистолетов и прочей хурды-мурды. Ну прямо как в школе. После смены полицейские получали свое хозяйство назад, но при выездах по вызову они должны были ограничиваться глоками и чанкерами.

Глоки – древние, двадцатилетней давности, полицейские пистолеты – «Интенсекьюр» закупал у полицейских департаментов, которые могли позволить себе перейти на оружие с безгильзовыми боеприпасами, закупал навалом, чуть ли не целыми грузовиками. Согласно инструкции каждый глок должен был находиться в пластиковой кобуре, кобуру же пришпиливали к центральной консоли машины, на липучке. Выходя по вызову, ты отдирал кобуру с пистолетом от консоли и вешал ее на себя, при помощи все той же липучки. Единственная ситуация, когда ты вооружен и находишься вне машины, – это выход *по вызову клиента*.

Чанкеры не были настоящим оружием, во всяком случае с точки зрения закона. Однако десятисекундная очередь из этой штуки могла обглодать чью-нибудь физиономию до костей, особенно если с близкого расстояния. Пневматические, израильского изготовления устройства для борьбы с толпой,

чанкеры стреляли дюймовыми кубиками из твердой резины. Выглядели они как ублюдочный плод насильственного скрещивания автомата схемы «буллпап» с клепальным пистолетом – хотя какой же идиот станет делать автомат из ярко-желтого пластика? Нажимаешь на спуск, и машинка выдает почти непрерывную струю кубиков. Немного наловчившись, можно стрелять даже из-за угла, была бы только подходящая отражающая поверхность. Длинная очередь в упор способна перепилить лист фанеры, а человеку, словившему одиночный кубик с расстояния в тридцать ярдов, гарантирован приличный синяк. Основополагающая теория заключалась в том, что вооруженные бандиты – большая редкость. Работайте чанкерами, чтобы поменьше калечить клиента и его имущество. Ну а если уж нарвался на вооруженного бандита – у тебя есть глок. О том, что оружие этого бандита почти наверняка имеет плавающий затвор и безгильзовые боеприпасы, теория скромно умалчивала. И еще один факт, забытый теорией: выходя на дело, серьезный бандит почти наверняка примет дозу «плясуна», приобретет нечеловеческую скорость реакции, а заодно превратится в самого настоящего, клинического психа.

В Ноксвилле «плясуна» этого тоже хватало – почему, собственно, Райделл и был отстранен от работы. Он приполз на карачках в квартиру, где механик по имени Кеннет Терви держал в заложниках свою подружку и двоих ее детей. Этот костлявый, белобрысый, месяц не мывшийся парень хотел побеседовать с президентом. На его груди красовалась свеженькая – даже кровь не успела подсохнуть – татуировка, Тайная вечеря. Райделлу бросилось в глаза, что ни у Иисуса, ни у апостолов нет лиц, только слепые овалы.

– Да мать вашу так, – сказал Терви. – Я всего-то и хочу, что поговорить с президентом.

Он сидел, скрестив ноги, на диване. Совершенно голый. На коленях у него лежала толстая, сплошь обмотанная изоляционной лентой труба.

– Мы пытаемся с ней связаться, – объяснил Райделл. – Ты уж извини за задержку, но только дело это очень сложное, инстанции всякие промежуточные, никак не пробиться.

– Кой хрен, – покачал головой Терви. – Да неужели никто не может понять, что я действую по указаниям Господа?

В голосе его не было никакой злобы, только усталость и отчаяние. Через открытую дверь спальни Райделл увидел девушку. Она лежала на полу ничком, так что лица не было видно. Правая нога неестественно вывернута, сломана, что ли? А где же дети?

– Что это у тебя за штука? – спросил Райделл, указывая на обмотанную скотчем трубу.

– Ружье, – устало объяснил Терви. – Потому-то мне и нужно поговорить с президентом.

– В жизни не видел таких ружей, – признался Райделл. – А чем оно стреляет?

– Консервные банки, залитые бетоном.

– Не брешешь?

– Смотри.

Терви поднес свою пушку к плечу. Теперь Райделл рассмотрел замысловатый затвор, спуск (*наверное*, спуск), похожий на ручки хирургического зажима, и два гибких шланга. Шланги тянулись к тяжелому – такие возят на тачке – газовому баллону.

Все это время Райделл стоял на коленях. Синтетический ковер, устилавший комнату, насквозь пророс пылью. Ствол идиотского оружия описал широкую дугу, какую-то долю секунды он смотрел Райделлу прямо в лицо. Круглая черная дыра, огромная, дюйма четыре в диаметре. Кулак просунуть можно. Терви взял на мушку дверь стенного шкафа, видневшуюся в глубине спальни.

– Терви. – Собственный голос показался Райделлу чужим. – Терви, а где эти долбаные дети?

Терви потянул спусковую ручку и прошиб в двери стенного шкафа рваную дыру размером с блюдце. В шкафу сидели дети. Они завопили. *Наверняка* завопили, хотя Райделл этого и не запомнил. Мой подзащитный, говорил позднее адвокат, не только лишился на время слуха, но и пришел в состояние акустически индуцированной каталепсии. Изобретение этого вонючего придурка грохнуло лишь на пару децибел слабее, чем шумопарализующая граната. Короче говоря, Райделл не помнил, как вопили дети, не помнил, как прострелил Кеннету Терви голову, не помнил вообще ничего. Очнулся он в больнице. Рядом с койкой сидела женщина из телевизионного шоу «Копы влипли». Женщина сказала Райделлу, что ничего не может обсуждать с ним, пока не поговорит с его адвокатом. Нет у меня никакого адвоката, сказал Райделл. Знаю, сказала женщина. Нет, так будет, мы уже об этом позаботились, подожди немного, адвокат скоро придет.

«Копы влипли»… Райделл лежал и вспоминал, как любили они с папашей смотреть эту передачу. Особенно папаша: его, бывало, и вообще от телевизора не оторвешь.

– А что, – спросил он через пару минут, – крупно я влип?

– Мало не покажется, – улыбнулась женщина.

Райделл присмотрелся к ней повнимательнее. Симпатичная.

– Как тебя звать?

– Карен Мендельсон.

Столичная штучка, в Ноксвилле таких не встретишь. Да и в Мемфисе – тоже.

– Так ты что, с телевидения? «Копы влипли»?

– Да.

– И чем же ты у них занимаешься?

– Я юрист.

За всю свою жизнь Райделл не видел еще ни одного юриста – зато теперь ему предстояло встречаться с ними чуть не каждый день.

Райделл вставил ключ, набрал на клавиатуре пароль, прогнал через систему тестовую программу, и серые прямоугольники дисплеев ожили. Ему очень нравились камеры, установленные под задним бампером «Громилы»: это ж какое удобство при парковке, когда подаешь машину задом и точно видишь – куда. Связь со «Звездой Смерти» пока что отсутствовала, слишком уж много металла в стенах и перекрытиях автомойки. Ничего, у Саблетта в ухе капсульный приемник, вот пусть и слушает, все равно ему делать нечего.

«Звезда Смерти» – только так и называли этот спутник, хотя в диспетчерской «Интенсекьюра» и висела бумажка, призывавшая сотрудников компании воздерживаться от употребления нехорошей клички. Да что там наемные копы, если и в ДПЛА тоже иначе не говорили. Ну а официально это «Геостационарный спутник южнокалифорнийских органов охраны правопорядка», язык сломать можно.

Райделл дал задний ход, внимательно глядя на экраны боковых камер. Керамические двигатели «Громилы» не успели еще износиться и работали довольно тихо, сквозь их мирное урчание доносился шелест покрышек по мокрому бетону.

Саблетт ждал снаружи, на парковочной площадке; по серебряным бельмам его глаз ползли рубиновые мошки – отражения хвостовых фонарей. Солнце уходило за горизонт; судя по расцветке закатного неба, коктейль атмосферных загрязнений был сегодня даже крепче обычного. Техасец торопливо отскочил от приближающейся машины – одна-единственная крошечная брызга из-под колес гарантировала ему веселую жизнь. Райделл тоже старался разворачиваться поаккуратнее, а то свалится этот красавец с аллергическим шоком и тащи его тогда в «Кедры», большая радость.

Ну вот, а теперь это чудо морское натягивает одноразовые

хирургические перчатки. Райделл терпеливо ждал.

– Привет, – сказал Саблетт, забираясь на сиденье. Он захлопнул дверцу и начал осторожно снимать перчатки, чтобы тут же кинуть их в застегивающийся пластиковый мешочек.

– Смотри, на себя не капни, – ухмыльнулся Райделл, наблюдая за этим священнодействием.

– Смейся, смейся, – беззлобно откликнулся Саблетт. Он вытащил пакет антиаллергической жевательной резинки, закинул пластинку в рот. – Ну и как там старик «Громила»?

Райделл окинул взглядом дисплей:

– Ничего, на здоровье не жалуется.

– Надеюсь, у нас не будет сегодня этих долбучих стелсов, – заметил, не переставая жевать, Саблетт.

Стелсы, дома-невидимки, занимали в его личном каталоге неприятных вызовов чуть не самое первое место. Воздух там, видите ли, токсичный. Райделл в это не верил, но давно перестал спорить. Скучно и бесполезно. Стелсы, говорил он когда-то, больше обычных домов, больше и дороже. И уж как-нибудь хозяин такой халупы позаботится о чистоте воздуха, не станет экономить по мелочам. Саблетт упрямо возражал, что в стелсах живут исключительно психи, построить себе такой дом – это все равно что громко заявить: «У меня мания преследования». И психи эти затыкают в своих жилищах каждую дырку, так что воздух не может циркулировать, в нем накапливается всякая отрава.

В Ноксвилле стелсов не было, а если даже и были, то Райделл о них ничего не слыхал. Он и сейчас считал, что это чисто лос-анджелесские закидоны. Саблетт работал на «Интенсекьюр» уже два года, по преимуществу – в Венисе, на дневном патрулировании, он-то и рассказал своему напарнику о домах-невидимках. А потом Райделл попал в стелс по вызову и почти не поверил своим глазам. Снаружи, на поверхности, виднелось нечто похожее на фабрику химчистки, сильно пострадавшую при бомбежке, – ну не то чтобы совсем было похоже, но что-то вроде. А под этой убогостью – шахта, уходившая вглубь и вглубь, а совсем внизу – комнаты, а уж в комнатах чего только не было. Бревенчатые стены, белая штукатурка, турецкие ковры, большие – *огромные* – картины, изразцовые полы, мебель, какую нигде и не увидишь. А вызов был странный и не очень приятный, семейное насилие – так, во всяком случае, показалось Райделлу. Ну вроде как муж шарахнул жену, жена шарахнула по кнопке, а потом они опомнились и решили сделать вид, что ничего такого не было, случайная накладка, вот и все. Только никакая это была не накладка, не сама же кнопка нажалась. И случайно нажать ее тоже не могли – ровно через три и восемь десятых секунды был

проверочный звонок, подняли бы трубку, сказали бы: «Мы это нечаянно», назвали бы пароль – и дело с концом, а тут ведь никто и не подошел. Скорее всего, жена перебила все телефоны, а потом уже нажала на кнопку. В тот раз напарником Райделла был «Большой Джордж» Кечакмадзе, и грузину (грузины живут где-то там на Кавказе, и столица у них называется Тбилиси) эта история тоже не понравилась. «Ни хрена не поделаешь, – сказал потом Большой Джордж. – Эти люди – подписчики, так что убедился, что ни трупов, ни крови нет, и мотай на все четыре стороны, да поскорее». Но Райделл долго еще вспоминал напряжение, стоявшее в глазах женщины, и как она сжимала воротник роскошного белого халата – горло прикрывала, что ли? Ее муж был в таком же халате и в дорогих очках, а из-под халата высовывались толстые волосатые ноги. Что-то там было не так, сильно не так, но что именно – этого Райделл так и не узнает. И он совершенно не понимал, как строится жизнь таких людей, жизнь, очень похожая на то, что показывают по телевизору, и в то же самое время – совсем другая.

Вот чуть присмотришься и видишь, что Лос-Анджелес полон тайн, и нет этим тайнам конца.

И все же ему нравилось кататься по этому городу. И не обязательно, чтобы спешить в какое-то определенное место, а просто так, колесить по улицам на «Громиле», вот как сейчас. Он свернул на Ла-Сьенту; крошечный зеленый курсор на экране сделал то же самое.

– «Запретная зона», – сказал Саблетт. – Херв Виллечез, Сюзан Тирелл, Мари-Паскаль Эльфман, Вива.

– Вива? – переспросил Райделл. – Вива *что*?[5]

– Просто Вива. Актриса.

– А когда это его сняли?

– Тысяча девятьсот восьмидесятый.

– Меня еще и на свете не было.

– На телевидении, Райделл, всегда *одно и то же* время.

– А мне-то казалось, что ты стараешься бороться со всей этой хренью, которую в тебя с детства вдалбливали. – Райделл выключил зеркальный фильтр бокового окошка, чтобы полюбоваться рыжей девицей, проезжавшей мимо в розовом открытом «дайхацу сникере». – Как бы там ни было, я этого фильма не смотрел.

По не совсем ясной причине на закате лос-анджелесские автомобилистки выглядели невероятно красивыми. А главный врач США все пытается запретить машины с открывающимся верхом, говорит, что они увеличивают заболеваемость раком кожи.

– «Эндшпиль». Эл Кливер, Мойра Чен, Джордж Истмен, Гордон Митчелл, тысяча девятьсот восемьдесят пятый.

– Тогда мне было уже два года, – откликнулся, не отрывая глаз от дороги, Райделл, – но этого фильма я тоже не видел.

Саблетт погрузился в унылое молчание. Райделл искренне ему сочувствовал: вот не знает парень другого способа завязать разговор, и все тут, а был бы он среди тех, своих, в трейлерном лагере, так они и эти фильмы смотрели по десять раз, и миллион других.

– А я вот тоже вчера смотрел один старый фильм, – сказал Райделл, чувствуя, что теперь его черед поддерживать светскую беседу.

– Да? – заинтересованно вскинулся Саблетт. – И какой?

– Не знаю, – покачал головой Райделл. – Там этот парень, он в Лос-Анджелесе, и он только что познакомился с этой девушкой. А потом он слышит, что таксофон звонит и звонит, и берет трубку. А время уже позднее, совсем ночь. И вот этот другой парень, он сидит где-то в ракетной шахте, и он знает, что мы только что запустили в них свои ракеты – в них, в русских то есть. И он пытается дозвониться до своего папаши, или брата, или хоть до кого. И он говорит, что миру приходит конец и времени почти не осталось. А потом парень – ну тот, который трубку взял, – слышит, как вбегают солдаты, и они тут же парня этого пристрелили. Это, значит, того парня, который дозванивался.

Саблетт прикрыл глаза, просматривая свои внутренние банки данных.

– Да? И чем же все кончилось?

– Не знаю, – признался Райделл. – Потом я уснул.

– А кто там снимался? – поднял голову Саблетт.

– Спроси чего полегче.

Серебряные глаза Саблетта изумленно расширились.

– Господи, Берри, да ты просто *не имеешь права* смотреть телевизор. Если уж смотришь, то смотри внимательно.

В тот раз, пристрелив Кеннета Терви, он провалялся в больнице совсем недолго, каких-то два дня. Адвокат Райделла, знаменитый Аарон Персли, устроил шум, что его не должны были выписывать так быстро, что нужно было получше оценить уровень посттравматического шока, но сам Райделл ненавидел больницы, да и вообще он чувствовал себя совсем неплохо, просто не мог вспомнить точно, как там и что там случилось, вот и все. И у него имелась теперь надежная помощница, та самая Карен Мендельсон, а кроме того – Веллингтон Ма, агент, взявший на себя общение с другими людьми из «Влипших копов»; только

Карен была очень хорошенькая, одни длинные темно-каштановые волосы чего стоят, а все эти другие ей и в подметки не годились. Веллингтон Ма, чистокровный китаец, жил в Лос-Анджелесе; его отец состоял в банде «Большой Круг»[6], это Карен так сказала, а потом сразу прикусила язык и посоветовала Райделлу никогда об этом пикантном обстоятельстве не упоминать.

Визитная карточка Веллингтона Ма представляла собой тончайшую, почти как бритвенное лезвие, прямоугольную пластинку розового кварца с лазерной гравировкой, первая строчка – имя и фамилия, вторая – «Агентство Ма – Мариано», а дальше – адрес по бульвару Беверли и уйма всяких адресов электронной почты и еще каких-то номеров. Серый замшевый конверт с пижонской визиткой доставил Райделлу курьер «Глобал Экспресса» прямо в больницу.

– Это ж порезаться можно, – сказал Райделл.

– Можно, – согласилась Карен Мендельсон. – А если положить ее в бумажник и сесть, она разлетится вдребезги.

– Зачем это все? Какой смысл?

– А такой, чтобы получатель относился к ней бережно, с почтением. Другой тебе никто не даст.

Райделл так и не встретился с Веллингтоном Ма лично – встретился, конечно, но это произошло потом, гораздо позже, – зато Карен приносила иногда маленький чемоданчик с наглазниками на проводке, и тогда можно было связаться с лос-анджелесской конторой, поговорить с великим человеком. Райделл никогда еще не пользовался аппаратами телеприсутствия с таким разрешением, эффект был потрясающий, словно и вправду перенесся в Лос-Анджелес. За окном кабинета виднелась темно-синяя сильно скособоченная пирамида. Он спросил у Ма, что это такое, и Ма сказал: старый конструкторский центр, только теперь это молл, торгующий с уценкой, вот приедет Райделл в Лос-Анджелес – а это будет совсем скоро, – пусть туда забежит.

Подружка Кеннета Терви, Дженни-Рей Клайн, возбудила целую кучу отдельных хитроумно переплетенных исков против Райделла, против департамента полиции, против города Ноксвилл и даже против сингапурской компании, владевшей домом, в котором все и случилось. В сумме так миллионов на двадцать.

Короче говоря, Райделл крупно влип, слава еще богу, что у него нашлись такие союзники, как эти, из «Влипших копов», телевизионщики. Для начала они наняли Аарона Персли, а уж кто такой этот Аарон Персли, Райделл знал прекрасно, не зря же они с отцом смотрели чуть не каждую передачу. У адвоката была

благородная седая шевелюра, ярко-голубые глаза и тонкий, хоть коли им лучину, нос. Обычная его одежда состояла из джинсов, ковбойских сапог и ковбойской же, египетского хлопка рубашки с галстуком-шнурком, украшенным серебряными индейскими бусинами. Персли был весьма знаменит и часто защищал копов вроде Райделла от личностей вроде Кеннетовой подружки и ее адвоката.

Адвокат этой самой Дженни-Рей Клайн не моргнув глазом утверждал, что Райделлу вообще нечего было делать в ее квартире, что, незаконно проникнув в жилище его клиентки, преступный полицейский зверски умертвил Кеннета Терви, а заодно поставил невинную женщину и ее малолетних детей в смертельно опасное положение. Мистер Терви описывался в исках как квалифицированный механик, усердный труженик, любящий приемный отец маленьких Рембо и Келли, истовый христианин, вернувшийся к вере после искуса сомнений, человек, сумевший избавиться от пагубного пристрастия к тетратиобускалину, а также единственный кормилец семьи.

– Сумевший избавиться? – переспросил Райделл.

Готовясь к отъезду, он переселился в один из служебных номеров аэропорта, сюда-то Карен Мендельсон и принесла полученный от адвоката Кеннетовой подружки факс.

– Как выясняется, – пожала плечами Карен, – в тот самый день он участвовал в собрании.

– И что же он там *делал*? – прищурился Райделл, живо припомнивший кровавую, со слепыми лицами Тайную вечерю.

– Согласно *нашим* источникам, он открыто, у всех на виду, занюхал целую столовую ложку своего излюбленного препарата, после чего силой занял кафедру и разразился тридцатиминутной речью о колготках президента Миллбэнк, а также о предполагаемом состоянии ее половых органов. Затем он заголился, некоторое время мастурбировал, однако эякуляции не достиг, с чем и покинул зал собраний Первой баптистской церкви.

– Господи Исусе, – поразился Райделл. – Так это что же, происходило на одном из собраний бывших наркоманов – ну, которые вроде «Анонимных алкоголиков»?

– Именно так, – кивнула Карен. – И насколько я понимаю, выступление Терви стало побудительным толчком для целой серии крайне прискорбных рецидивов. Мы высылаем сюда бригаду юристов, пусть побеседуют с участниками этого собрания.

– Хорошая мысль, – согласился Райделл.

– Собранный ими материал очень пригодится мистеру

Персли – в том, конечно же, маловероятном случае, если дело это дойдет до суда.

– Хорошенькое «сумел избавиться», – продолжал кипеть Райделл. – Да он уторчавшийся был как не знаю что. Занюхать столовую ложку этой дури – это ж вообще сумасшедший дом.

– Так-то оно так, – пожала плечами Карен, – только тут есть еще одно обстоятельство. Терви принадлежал к Дожившим Сатанистам, и уже прошел слушок, что они заинтересовались этим делом. Исходя из чего мистер Персли и мистер Ма пришли к выводу, что нам, Берри, нужно линять отсюда, и поскорее. Нам – тебе и мне.

– А как же судебные иски?

– Ты всего лишь временно отстранен от работы. Тебе не предъявлено никаких обвинений, а адвоката твоего звать Аарон – с двумя «а» – Персли. Ты уезжаешь отсюда, Берри.

– В Эл-Эй?

– Видишь, какой ты догадливый.

Райделл задумался о Лос-Анджелесе – Лос-Анджелесе, каким его показывали по телевизору.

– А он мне понравится?

– Вначале, – улыбнулась Карен. – Вначале *ты* понравишься *ему*. Я сужу по тому, что *мне* ты понравился.

Так вот и вышло, что Райделл оказался в одной постели с юристкой – юристкой, верткой, как угорь, и не стеснявшейся никаких самых непристойных слов, юристкой, от чьего запаха кружилась голова, чье белье было изготовлено в Милане, это такой город в Италии.

– «Смертельная доза». Сиринда Бурдетт, Гудрун Уивер, Дин Митчелл, Синобу Сакамаки. Тысяча девятьсот девяносто седьмой.

Райделл допил последние капли охлажденного декофеинизированного кофе со сливками, взглянул на грязновато-молочные кубики льда, болтавшиеся на дне пластиковой чашечки термоса, и помотал головой.

– В жизни о таком не слышал.

– А вот мама видела Сиринду Бурдетт живьем. В Уэйко, в молле каком-то. Даже автограф взяла. На самое почетное место положила на телевизоре, вместе с молельными платочками и голограммой преподобного Уэйна Фаллона. У нее же для каждой хрени свой молельный платочек. Один для арендной платы, другой от СПИДа, третий от туберкулеза…

– Правда? И что же она с ними делает?

– Да просто держит их *на телевизоре*, – объяснил Саблетт.

Немного подумав, он достал хрустально прозрачную бутылку

и вытряхнул в рот последние капли четырехкратно дистиллированной воды. До единственного на Сансете магазина, торговавшего столь экзотическим напитком, было довольно далеко, однако Райделла это ничуть не волновало. Ну сделаем лишний крюк, чего тут такого страшного? И парковочная площадка там удобная, прямо за углом, и кофейный бар совсем рядом, можно будет термос наполнить. Отличный, кстати, мужик этот, который за парковочной площадкой следит, – всегда вроде как радуется, когда нас видит.

– Молельным платочком от СПИДа не убережешься, – сказал Райделл. – Сделал бы ты лучше прививку, как все нормальные люди. И мамаше бы своей посоветовал.

За прозрачным (после той рыжей Райделл так и не включил зеркальный фильтр) стеклом виднелся уличный алтарь Джей-Ди Шейпли, пристроенный к полуобвалившейся бетонной стене – жалкому остатку вполне, вероятно, приличного дома. В западном Голливуде такое не редкость. На стене красовались трехфутовые буквы, намалеванные ядовито-розовой аэрозольной краской: «ШЕЙПЛИ В РОТ ДОЛБАНЫЙ ПИДОР» – и большое, тоже ярко-розовое сердце. Прямо под надписью стена была облеплена открытками с портретом Шейпли и фотографиями людей, обреченных когда-то на смерть. Таких людей миллионы и миллионы. Еще ниже, на тротуаре, валялись увядшие цветы, огарки свечей и прочая дребедень. Странное все-таки, подумал Райделл, у этого парня лицо, страшновато даже, прямо мурашки по коже. Нечто среднее между Элвисом и каким-нибудь католическим святым – костлявое, почти бесплотное, и глаза как блюдца.

– А то, – повернулся он к Саблетту, – что ты до сих пор не вакцинировался, так это все твоя деревенская тупость, упрямство ослиное.

– Да это же, – виновато забубнил Саблетт, – даже хуже *живой* вакцины, там же одного вируса вышибают другим, и он в тебе *остается*.

– Ну да, – кивнул Райделл, – а что тут такого? Он же ничего тебе не сделает. А того, старого, СПИДа в мире еще ой-ё-ёй сколько. Будь моя воля, я бы *заставлял* делать прививки.

Саблетт зябко поежился.

– Преподобный Фаллон всегда говорил…

– А в рот я твоего преподобного и в ухо, – разозлился Райделл. – Этот ублюдок попросту зашибает деньги, втюхивая молельные платочки людям вроде твоей мамочки. Да что я тебе объясняю, ты же и сам прекрасно понимаешь, что все это хрень собачья, иначе сидел бы ты сейчас не здесь, а в своем трейлерном

лагере, сидел бы и молился на телевизор.

Он шарахнул по кнопке зажигания, затем врубил скорость и бросил «Громилу» в поток машин. Удобно все-таки ездить на «Лихом гусаре» – прочие водители всегда пропускают тебя, дают вклиниться в ряд.

Уныло свешенная голова, сутулая спина и высокие плечи делали Саблетта удивительно похожим… на кого? На орла, наверное, только на орла обеспокоенного, затюканного какими-то своими орлиными невзгодами.

– Не так это все просто, – вздохнул он. – Ведь это вера, в которой меня воспитывали, которая сделала меня таким, как я есть. Ну не может же все в ней быть хренью собачьей, вот ты сам подумай, ведь не может?

Райделл искоса взглянул на Саблетта и сжалился.

– Нет, – согласился он, – конечно не может. Я и не говорю, что все в ней хрень, просто…

– Слушай, Берри, а тебя-то в какой вере воспитывали?

Райделл надолго задумался.

– В республиканской.

В жизнь Райделла вошло много нового, вроде кредитной карточки Южнокалифорнийского отделения Мексикано-американского банка, выданной ему «Влипшими копами», или возможности летать не туристским, а бизнес-классом, но лучшей изо всех этих приятных новинок была, пожалуй, Карен Мендельсон.

В тот первый раз, в служебном номере ноксвиллского аэропорта, он не имел при себе ничего предохранительного и пытался показать Карен свои справки о прививках (без справок этих департамент полиции не выписывал страховой полис). Карен только расхохоталась и сказала, что обо всем позаботится немецкая нанотехника. Потом она показала Райделлу нечто вроде портативной скороварки, и там, под прозрачной крышкой, лежала эта штука. Райделл слышал про такие, но никогда прежде их не видел; еще он слышал, что они стоят жутко дорого, ну, примерно, как среднего класса автомобиль. А хранить их нужно при температуре человеческого тела. Обязательно – это он прочитал в какой-то газете или журнале.

Белесая такая штука, вроде небольшой медузы и вроде как шевелится, а может, и нет. Райделл спросил: а правда, что они живые? Карен улыбнулась и сказала, что не то чтобы совсем, но почти, а в основном это шарики Баки и субклеточная автоматика. И что он совсем не почувствует, что эта штука там, и что она ни в коем случае не станет вставлять ее здесь, у него на глазах.

Карен ушла в ванную и вернулась в этой самой рубашке, миланской, но тогда он еще не знал, что рубашка миланская, это она позже сказала. Ну и правда, он совсем не чувствовал эту штуку и никогда не догадался бы, что она там, но он все равно про нее *знал*, но очень скоро забыл. *Почти* забыл.

На другое утро они наняли маленький конвертиплан до Мемфиса, а там пересели на «эр-магеллановский» лайнер, направлявшийся в LAX[7]. Бизнес-класс отличался в первую очередь изобилием примочек, смонтированных в спинке сиденья, которое перед тобой; Райделл сразу же увлекся аппаратом телеприсутствия, который можно было подключить к управляемым камерам на обшивке самолета. Карен такими глупостями не занималась, она очень не любила пользоваться крошечным карманным виртуфаксом, а потому с облегчением вызвала на откидной дисплей свою лос-анджелесскую контору и начала просматривать свежепоступившую почту. Затем она говорила по телефону, рассылала какие-то факсы, работала ловко и сосредоточенно, не обращая внимания на восхищенные охи и ахи крутого ноксвиллского копа, увлекшегося новой игрушкой.

Нет, что ни говори, а на самолетах местной линии, которыми Райделл летал иногда во Флориду, к отцу, все выглядело гораздо скромнее, здесь же и сиденья просторнее, и кормежка лучше, и за выпивку денег не берут. Райделл и сам не заметил, как высосал три или четыре фужера, а потом задремал и очнулся уже где-то над Аризоной.

Аэропорт поразил его странным незнакомым запахом, да и свет здесь был какой-то не такой. Райделл знал, что в Калифорнии большая плотность населения, и все же никак не ожидал такой толчеи и гомона. Представитель «Влипших копов» держал над головой мятую картонку с надписью «Мендельсон», криво накорябанной красным маркером, и растерянно озирался. Буква «S» была написана задом наперед. Райделл улыбнулся, представился и пожал парню руку. Тот, похоже, очень обрадовался и сказал, что его звать Сергей. Карен спросила: а где же твоя долбаная машина? – и тогда Сергей густо покраснел и сказал: подождите минутку, сейчас я ее подгоню. Нет уж, сказала Карен, большое спасибо, мы уж лучше сами дойдем до стоянки, вот только вещи с самолета выдадут. Ты что же, думаешь, я вот так вот и буду торчать в этом обезьяннике, и чтобы меня каждую секунду толкали, и шум тут такой, что оглохнуть можно. Сергей покорно кивнул, он все пытался сложить свою картонку и засунуть в карман, но картонка была очень большая и никак не помещалась. И чего это, удивлялся Райделл, Карен на него так окрысилась? Устала, наверное, после полета, а то с чего бы? Он

подмигнул Сергею, надо же подбодрить парня, но тот, похоже, ничуть не успокоился, а стал, наоборот, еще больше нервничать.

У Карен были две черные кожаные сумки, а у Райделла – мягкий синий «самсонит», купленный по новой кредитной карточке. Они с Сергеем потащили багаж сперва к выходу из аэропорта, а затем через большую круглую площадь, опоясанную кольцевой дорогой. Наружный воздух ничем не отличался от того, что внутри аэропорта, вот только жарко было тут как в пекле. Динамики непрерывно орали, что площадки, выкрашенные в белый цвет, предназначены исключительно для погрузки и разгрузки. На площади был форменный сумасшедший дом – сотни людей, груды багажа, детский рев, автомобили всех на свете марок, слава еще богу, что Сергей точно знал, куда нужно идти – к гаражу на противоположной стороне.

Машина у Сергея была немецкая, черная и длинная, и выглядела она так, словно всю ее минуту назад протерли носовым платочком. Давайте, предложил Райделл, я сяду впереди, вроде как охранником, и тогда Сергей снова задергался и засунул его на заднее сиденье, к Карен. Глядя на эту сцену, Карен засмеялась, и Райделл почувствовал себя немного лучше.

Когда машина выезжала из гаража на площадь, Райделл заметил под огромной, составленной из отдельных стальных букв вывеской «МЕТРО» двух копов. Здоровенные мужики в сферических, с прозрачными пластиковыми визорами шлемах-кондиционерах. Они лениво лупили дубинками какого-то старика. Лупили как простыми палками, не включая разрядников, а потому старик, одетый в грязные, продранные на коленях джинсы, реагировал довольно вяло. На обеих скулах дочерна загорелого – даже и не поймешь, белый он или какой еще, – лица ярко выделялись большие нашлепки из лейкопластыря, верный признак рака кожи. Людской поток, стремившийся ко входу в метро, раздваивался, равнодушно обтекал старика и копов, снова смыкался.

– Добро пожаловать в Лос-Анджелес, – провозгласила Карен. – Цени, что едешь на машине, а не подземкой.

Ужинали они в обществе самого Аарона Персли, в Голливуде, как объяснила Карен, а точнее – на Норт-Флорес-стрит. Ресторан был техасско-мексиканский, и кормили там просто здорово, все блюда вроде бы и знакомые, но как-то особенно вкусно приготовленные. Месяц спустя у Саблетта был день рождения, и Райделл повел его в этот же самый ресторан – пусть парень поест родной, как у себя дома, пищи, может, и взбодрится немного. Однако ничего не вышло.

– Все столики заняты, – сказал швейцар.

Райделл взглянул в окно и увидел, что ресторан почти пуст – потому, наверное, что время было совсем раннее.

– А как же эти? – спросил он, указывая на свободные столики.

– Заказаны, – отрезал швейцар.

– Пошли, – сказал Саблетт. – Да и вообще зря мы сюда сунулись, тут же все будет переперченное, а у меня изжога.

А лучше всего было объезжать на «Громиле» горы и каньоны, особенно если лунной ночью.

Там иногда видишь такие вещи, что даже и не понять, видел ли ты их или нет. Один раз – тогда было как раз полнолуние – Райделл вел «Громилу» по ущелью и вдруг за поворотом увидел обнаженную женщину; она застыла в лучах фар, ну точно как олень, выбежавший из леса на просеку, – дрожит, а с места сдвинуться не может. Словно примерзла. Так вот она и стояла добрую секунду, достаточно долго, чтобы Райделл увидел – а может, ему это просто почудилось, – что у нее на голове то ли серебряные рога, то ли какая-то такая шляпа в виде полумесяца концами вверх, и она вроде бы японка. И вот это-то – что японка – поразило его больше всего. Затем она увидела Райделла – то есть это он отчетливо увидел, что она его видит, – и улыбнулась. И тут же пропала.

Саблетт же впал в священный ужас и разразился неудержимым, как понос, потоком слов. Он извел недельный запас своей антиаллергийной жвачки и все говорил и говорил; фильмы ужасов – все, наверное, какие он видел в жизни, – дико мешались с бредовыми россказнями преподобного Фаллона о ведьмах и колдуньях, о дьяволопоклонниках и могуществе Князя Тьмы, и так оно продолжалось, пока Райделл не озлился вконец и не сказал своему экстатическому компаньону: «Заткни хлебало».

Теперь, когда женщина исчезла, ему хотелось не слушать всякую хренотень, а спокойно подумать. Подумать о том, как она выглядела, что она тут делала, да и о том, кстати, каким это образом она *исчезла*. Не обращая внимания на Саблетта, уныло поникшего на соседнем сиденье, Райделл пытался вспомнить, как же это было: вот она здесь, на шоссе, а потом вдруг ее *нет*. Забавно, он же вроде и помнил все, помнил отчетливо, но только в двух разных вариантах одновременно, тоже заморочка, но совсем иная, чем с Кеннетом Терви, – вот тут в голове не осталось ровно ничего: ни как стрелял, ни что потом, хотя за последующие дни он столько наслушался, как эту историю пережевывают сценаристы и адвокаты, что иногда начинало казаться, что он все-таки видел ее – в версии «Влипших копов» (которая так и не пошла в эфир). Так вот, Райделл помнил, что женщина вроде как

спустилась вниз по склону налево, хотя бежала она при этом или парила в воздухе – этого он сказать не мог. А еще он помнил, как она прыгнула – плохое слово, слабое, тут бы надо было выразиться как-то по-другому, но только как? – прыгнула *вверх* по склону, примыкавшему к дороге справа, каким-то образом перебежала через посеребренные луной деревья, взметнулась вверх на сорок футов с такой же легкостью, как, скажем, на пять, а затем невозможным образом *исчезла*, растворилась в воздухе.

И разве бывают у японок такие вот длинные волнистые волосы? А курчавый, еле различимый в тени кустик – он действительно был подбрит в форме восклицательного знака?

Кончилось все тем, что Райделл завернул в Уилшир, в круглосуточную русскую аптеку, и купил Саблетту в утешение четыре пакета его хитрой жвачки – и страшно поразился, как дорого стоит эта отрава.

Насмотрелся он в каньонах и многого другого, особенно когда выпадала смена от полуночи до шести утра, самая глухая. Чаще всего это были огоньки, совсем маленькие, ничего вроде особенного, только горели они в таких местах, где никаких огоньков не могло быть. Иногда попадались огни поярче, висевшие прямо в небе, но мозги Саблетта были настолько засраны этой ихней, из телевизионного лагеря, хренью про пришельцев и блюдца, что Райделл просто боялся указать техасскому красавчику на эти огни – и никогда не указывал.

Патрулируя каньоны, он часто думал об этой женщине. Он понимал, что не знает, кто она такая или что такое, и никогда не узнает, но это его совсем не волновало; странно сказать, но ему было наплевать даже, человек она или нет. И ему ни разу не пришло в голову, что она какая-нибудь там плохая – просто другая, не такая, как мы, вот и все.

А сегодня, в последнюю ночь своей работы на «Интенсекьюр», Райделл попросту крутил баранку и трепался с Саблеттом. Луны не было, зато на поразительно ясном небе сверкали яркие, как лампочки, звезды. Еще пять минут пути, затем первая за смену проверка дома клиентов и – назад, в Беверли-Хиллз.

Трепались они об этой сети японских гимнастических залов, чья реклама висела на каждом углу, о «Боди Хаммере». «Боди Хаммер» не шибко-то упирал на традиционные физические упражнения, скорее уж, если можно так выразиться, наоборот – там делали деньги на подростках, желающих получить инъекцию бразильской зародышевой ткани, чтобы укрепить свои скелеты «стойким, надежным материалом», так это называлось в рекламе.

Саблетт сказал, что это – дело рук Сатаны.

Райделл сказал, что это – франчайзинговая операция с

головной фирмой в Токио.

– Тяжкое убийство нескольких лиц, – сказал «Громила». – Захват заложников, среди которых могут оказаться и малолетние дети клиента. Бенедикт-Каньон. «Интенсекьюр» санкционирует неограниченное, повторяю: неограниченное применение силы.

Приборная доска полыхнула россыпью разноцветных огней, не хуже древнего игрального автомата.

В результате Райделл так и не успел толком привыкнуть ни к Карен Мендельсон, ни к сиденьям бизнес-класса, ни ко всей остальной роскоши.

Карен жила на хренадцатом этаже Сенчури-Сити-II, то бишь Пузыря, третьего по росту здания во всем Лос-Анджелесском бассейне; по виду Пузырь очень смахивал на сиську, только сиську зеленоватую и полупрозрачную, каких в природе не бывает (и слава богу, что не бывает). Иногда, при нужном освещении, эта штука просматривалась почти насквозь, тогда можно было различить три подпорки, на которых она держалась; подпорки настолько огромные, что в каждую из них свободно влез бы обычный небоскреб. В этой-то треноге и располагались лифты, двигались они, естественно, под углом – к чему Райделл тоже так и не успел привыкнуть.

Сиська имела бронзовый, вроде как покрытый патиной сосок, в котором поместилась бы пара футбольных стадионов; именно здесь и располагалась квартира Карен – вместе с сотнями других, а также теннисным клубом, барами, ресторанами и небольшим моллом, куда пускали за покупками только тех, кто заплатил вступительный взнос и получил билет, а жилье в этом соске было страшно дорогое – и жизнь тоже. Квартира Карен находилась на самом краю, а потому имела огромные, чуть искривленные окна, посаженные в зеленую – та самая патина – стену.

Все здесь было различных оттенков белого, кроме одежды – Карен носила исключительно черное – и чемоданов, тоже черных. А длинные махровые халаты – дома Карен ходила только в них – были цвета вроде как засохшей овсянки.

Карен сказала, что этот стиль называется «агрессивное ретро семидесятых» и что он начинает ее малость утомлять. Райделл подумал, что и немудрено, но говорить ничего не стал, здраво размыслив, что получится не очень вежливо.

Телевидение сняло ему комнату в Западном Голливуде, в отеле, более-менее похожем по виду на нормальный дом, но только Райделл почти туда не заглядывал, жил все время у Карен – пока в Огайо не появился Медведь-Шатун.

Уже начальный эпизод, когда были обнаружены тридцать

пять жертв Медведя-Шатуна, почти оборвал карьеру Райделла на непыльном поприще влипшего копа. В довершение всех прочих несчастий первыми на место преступления прибыли сержант Чайна Вальдес и капрал Норма Пирс, самые хорошенькие девушки во всем цинциннатском департаменте полиции («Взглянешь на такую, и прямо как серпом по яйцам», – сказал один из телерепортеров, но никто вокруг даже не улыбнулся; обстоятельства придавали этой шуточке нехорошее, даже зловещее звучание). Счет возрастал с немыслимой быстротой; вскоре Медведь-Шатун далеко опередил самых знаменитых маньяков прошлого. Затем стало известно, что все его жертвы – дети. Затем сержант Вальдес, не совсем еще оправившаяся от посттравматического шока, зашла в некое сомнительное питейное заведение и прострелила обе коленные чашечки известному педофилу – на удивление тошнотворному типу по кличке Мармелад, никаким боком не причастному к убийствам.

В результате роскошный, без единой металлической детали самолетик уносил Аарона Персли в Цинциннати, Карен нацепила очки и обсуждала ситуацию чуть не с десятком собеседников одновременно, а Райделл сидел на краешке огромной снежно-белой кровати, начиная проникаться идеей, что что-то такое вроде бы изменилось.

– У них есть подозреваемые? – спросил Райделл.

Карен окинула его недоуменным взглядом, словно незнакомый предмет, неведомо как оказавшийся в комнате.

– Подозреваемые? Да они уже сознались.

Райделл поразился, какой старой выглядела она в этот момент. А правда, подумал он, сколько же ей лет? Карен встала и вышла из комнаты.

Вернулась она минут через пять, уже одетая в безупречный черный костюм.

– Собирайся. Ты не можешь здесь больше оставаться.

И ушла. Ушла без поцелуя, без «до свидания», без ничего, ушла – и все.

Райделл встал, включил телевизор и увидел Медведя-Шатуна, только это оказался не один человек, а трое. Выглядели они так, что и не подумаешь, – серенькие, безобидные, почти симпатичные парни – одним словом, именно так, как и выглядят всегда по телевидению гниды, способные на любые, самые тошнотворные мерзости.

Так вот он и сидел на кровати Карен, в одном из ее махровых халатов, когда на пороге комнаты появились – появились безо всякого там стука или «разрешите войти» – два рентакопа. У них была черная униформа и такие же высокие черные ботинки, в

каких совсем еще недавно Райделл патрулировал улицы Ноксвилла, – ну те самые, с дополнительной кевларовой стелькой, на случай если кто-нибудь изловчится выстрелить тебе в пятку.

Один из рентакопов грыз яблоко. Второй помахивал электрошоковой дубинкой.

– Слышь, друг, – сказал первый, – нам приказано выпроводить тебя отсюда.

Рот его был полон недожеванного яблока, и слова звучали не очень разборчиво.

– У меня тоже были такие ботинки, – сообщил Райделл. – Изготовлены в Портленде, Орегон. Двести девяносто девять долларов в мелкооптовом магазине, а в обычном еще дороже.

– Ясненько, – ухмыльнулся второй, который с дубинкой. – Так ты шмотки свои будешь собирать или как?

«Черного и белого не выбирайте», – вспомнилась Райделлу детская игра; он собрал по комнате все предметы, кроме черных и белых, а также серых, цвета засохшей овсянки, и побросал их в синий «самсонит».

Рентакоп с дубинкой наблюдал за его действиями, а второй, с яблоком, слонялся по комнате и дожевывал яблоко.

– На кого, ребята, работаете? – поинтересовался Райделл.

– «Интенсекьюр», – сказал тот, что с дубинкой.

– Хорошая шарага? – спросил Райделл, застегивая сумку.

Дубиноносец пожал плечами.

– Сингапурская, – сообщил второй, заворачивая огрызок яблока в мятую бумажную салфетку, выуженную из кармана брюк. – На нас все большие здания, все общины, установившие себе заборы и охранные системы, ну, в общем, ты понимаешь.

Он аккуратно засунул огрызок в нагрудный карман черной, безукоризненно выглаженной форменной рубашки, в тот самый карман, на котором красовалась бронзовая бляха.

– Деньги на метро есть? – спросил мистер Дубина.

– Конечно, – откликнулся Райделл, вспомнив про свою кредитную карточку.

– Видишь, какой ты богатый, – ухмыльнулся рентакоп. – Обычно у засранцев, которых мы отсюда выпроваживаем, вообще ни гроша за душой.

Карточку Мексикано-американского банка Райделлу обнулили на следующий день.

А ведь не прав Эрнандес насчет английских полицейских броневиков, подумал Райделл, врубая впервые в жизни овердрайв на все три оси. Он ожидал услышать визг проскальзывающих

покрышек, однако «Громила» вцепился в мостовую намертво, как пиявка. Трехтонная, с двумя керамическими моторами пиявка.

Саблетт, расхлябанно обвисший на соседнем сиденье, испуганно вскрикнул – автоматически затянувшиеся ремни безопасности вздернули его в вертикальное положение.

Скорость – семьдесят миль в час, впереди – музейной кондиции «бентли». Правый, по обочине, обгон, под колеса «Громилы» летит чахлая, черная от пыли трава. Ужас, застывший в глазах пассажирки «бентли», еще мгновение – и взвыла сирена, вспыхнули мигалки: Саблетт дотянулся наконец до большой красной кнопки.

Прямой участок. И ни одной, абсолютно ни одной машины. Райделл вышел на осевую и до упора вдавил педаль газа, вой спаренных «киоцеров» перешел в пронзительный визг. Странное, даже жутковатое поскуливание Саблетта заставило Райделла на секунду подумать, что техасец не выдержал напряжения, сломался и то ли молится, то ли поет на некоем трейлерлагерном языке, не известном никому, кроме сдуревших последователей преподобного Фаллона.

Нет, ничего подобного. Скосив глаза направо, он увидел, что Саблетт до предела – и как только зеркальные линзы не свалятся – выпучил глаза на экран, высветивший данные о клиенте, что губы его непрерывно шевелятся, руки же быстро и словно сами по себе заряжают потертый, бог знает сколько хозяев сменивший глок. Длинные белые пальцы двигались ловко и, как бы это сказать, *буднично* – ну, словно намазывая бутерброд или сворачивая газету.

И вот это действительно вызывало ужас.

– «Звезда Смерти»! – крикнул Райделл.

Саблетт не имел права ни на секунду вынимать из уха капсульный приемник; в экстренной ситуации небесный голос – голос настоящих копов, переданный через спутник, – мгновенно заставит замолчать все прочие передачи.

Техасец вставил обойму и повернулся; на его бледном лице играли отсветы разноцветных огоньков приборной доски.

– Вся прислуга убита, – сказал он. – Эти типы загнали троих *детишек* в *детскую комнату*.

Могло показаться, что Саблетт выражает сдержанное неудовольствие чем-то увиденным по телевизору – ну, скажем, увечной версией хорошего старого фильма, изготовленной для нужд какого-нибудь там местного национального рынка.

– И они, Берри, говорят, что убьют их.

– Ну а что там думают долбаные *копы*? – крикнул Райделл. Охваченный бессильной яростью, он колотил по мягкому, в

форме восьмерки рулевому колесу.

Саблетт тронул правое ухо пальцем. Казалось, еще секунда – и он тоже начнет кричать.

– Молчат. – Ровный, на удивление спокойный голос. – Вырубились.

Передний бампер «Громилы» снес чей-то антикварный, сороковых годов прошлого века, придорожный почтовый ящик, купленный, надо думать, на Мелроуз-авеню, за бешеные деньги.

– Да какого хрена *вырубились*, – чуть поспокойнее сказал Райделл. – Не могут эти раздолбаи вырубиться. Они же *полиция*.

Саблетт вытащил капсулу из уха, протянул Райделлу.

– Ничего не слышно, только помехи.

Райделл взглянул на экран и вспомнил игру в дартс. Ярко-зеленый дротик курсора несся по бледно-зеленой горной дороге, неумолимо приближался к мишени – девственно-белому кружку размером с обручальное кольцо. В правом окошке высвечивались жизненные показатели трех детей клиента. Пульс учащенный, у всех. В нижнем окошке – телевизионный, снятый в инфракрасных лучах кадр. Главные ворота. Похоже, что крепкие. Целенькие и, если судить по телеметрии, запертые. Охранная система тоже в порядке.

Вот тогда-то, наверное, он и решил идти на прорыв.

Через неделю, когда пена сошла и события немного прояснились, Эрнандес проявлял даже нечто вроде сочувствия. Конечно же, такая накладка, да еще в его собственную смену, не доставляла начальнику особой радости, однако он честно признал, что не может – если учесть все обстоятельства – винить Райделла особенно строго.

Прискорбное происшествие тщательно скрывалось от журналистов. Для этого, а также для того, чтобы полюбовно договориться с клиентами, с Шонбруннами, из сингапурского головного отделения «Интенсекьюра» спешно прилетела чуть не целая дивизия экспертов – так, во всяком случае, слышал Райделл. Он не имел ни малейшего представления об окончательных условиях этой договоренности, не имел, да и не хотел иметь: телевизионную программу «Рентакопы влипли» никто еще пока не придумал, а одни только шонбрунновские ворота стоили побольше его полугодовой зарплаты.

Ворота «Интенсекьюр» починит без труда, хотя бы уж потому, что он их и ставил. Мощные, кстати, ворота: японский пластик, армированный углеродным волокном, термоустановка в бетонных опорах; вся эта мутотень чуть не начисто соскребла с морды «Громилы» нежно лелеемый «свежий мед».

Далее – ущерб, нанесенный дому, по большей части окнам (*сквозь* которые «Громила» проехал) и мебели (*по* которой он проехал).

– Ну и, – закончил Эрнандес, – придется подкинуть Шонбруннам что-нибудь сверху. За эмоциональные страдания, – пояснил он, вытаскивая из-за стола большой железный термос и наливая Райделлу чашку мерзкого, перестоявшего кофе. На термосе была оптимистичная наклеечка: «Я НЕ О'КЕЙ, ТЫ НЕ О'КЕЙ – ПЕЙ, ВОТ И БУДЕТ О'КЕЙ».

Время близилось к десяти утра, обсуждаемые события покрылись уже двухнедельной плесенью, а лицо их главного героя – пятидневной то ли бородой, то ли, тут вопрос спорный, щетиной. На Райделле были мешковатые оранжевые, сильно выгоревшие шорты, ветхая футболка с надписью: «НОКСВИЛЛСКОЕ ПОЛИЦЕЙСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ», начинавшая уже расползаться на плечах, черные ботинки, оставшиеся от интенсекьюровской формы, и прозрачная надувная хирургическая шина на левой руке.

– Эмоциональные страдания, – повторил Райделл.

Эрнандес, чуть ли не такой же широкий, как его стол, передал Райделлу чашку.

– Легко ты отделался, больше тут и не скажешь. Прушник.

– Вылетел с работы, рука сломана – и это ты называешь «прушник»?

– Нет, точно, – кивнул головой Эрнандес. – Тебя же могли там замочить. Ребята из ДПЛА, они же тебя чуть не уложили. Да и потом, мистер и миссис Шонбрунн повели себя на удивление сдержанно, особенно если учесть расстройство миссис Шонбрунн и все прочее. Рука – ну да, рука, жаль, конечно… – Он пожал непомерно огромными плечами. – Да и к тому же никто тебя и не *увольнял*, ведь так? Мы только сняли тебя с *патрулирования*. Если хочешь на стационарную охрану – пожалуйста, никаких проблем.

– Нет, спасибо.

– Магазины, склады? Будешь работать в ночь. Ну, скажем, «Энсино Фэшн молл».

– Нет.

– Бабу-то видел, которая там работает? – прищурился Эрнандес.

– Не-а.

– Слушай, – вздохнул Эрнандес, – а как там со всем этим говном, которое вываливают на тебя в Нэшвилле?

– В Ноксвилле. Департамент потребовал полного отстранения от должности с полным запретом на работу в правоохранительных органах. Проникновение в частную квартиру

без санкции и без поддержки.

– А что эта сучка, которая таскает тебя по судам?

– Их со старшим сыночком повинтили в Джонсон-Сити за вооруженное ограбление магазина, это последнее, что я слышал…

Райделл тоже пожал плечами – и сморщился от боли.

– Ну вот, – расплылся в улыбке Эрнандес. – Я же говорю – прушник.

Проламывая «Громилой» шонбрунновские бронированные ворота, Райделл испытал мгновенное ощущение чего-то очень высокого, очень чистого, клинически пустого – деланье, лишенное всякого думанья, бредовое адреналиновое возбуждение с утратой всех прочих аспектов своего «я».

И в это время – когда он боролся с рулем, прорываясь через японский сад камней, когда пробивал тугое бронестекло, рассыпавшееся со второго удара, и осколки падали медленно, как во сне, – в это время он вспомнил, что примерно то же самое ощущал и тогда, выхватывая револьвер, нажимая курок, выплескивая мозги Кеннета Терви на бесконечный, как звездное небо, простор белой, загрунтованной под краску стены, которую так никто никогда и не покрасил.

Райделл поехал в «Кедры» навестить Саблетта.

«Интенсекьюр» расщедрился на отдельную палату – чтобы держать его подальше от лезущих в каждую щель журналистов. Техасец полусидел на кровати, уставившись в жидкокристаллический экран маленького CD-плеера, и жевал резинку.

– «Воины двадцать первого века», – сказал он вошедшему Райделлу. – Джеймс Уэйнрайт, Энни Макэнроу, Майкл Бек.

– И когда же это его сняли? – ухмыльнулся Райделл.

– Тыща девятьсот восемьдесят второй. – Саблетт приглушил звук и оторвал глаза от экрана. – Только я его уже пару раз смотрел.

– А вот я только что из конторы, говорил с Эрнандесом. Говорит, чтобы ты не беспокоился за свою работу.

В пустых серебряных глазах – нечто похожее на озабоченность.

– Свою – а как насчет твоей, Берри?

Обтянутая пузырем рука нестерпимо чесалась. Райделл нагнулся, выудил из мусорной корзины, стоявшей у изголовья кровати, пластиковую питьевую соломинку, запустил ее под шину и начал крутить. Помогло, хотя и не слишком.

– Я для них – история, далекое прошлое. За руль меня больше

не пустят.

– Не нужно было брать *использованную*, – огорчился Саблетт. – В больнице это запрещено.

– Да уж ты-то, Саблетт, какой же ты заразный? Ты, может, самый чистый, стерильный раздолбай ныне живущего поколения.

– Так что же ты будешь делать? Есть-то тебе надо.

– Пока не знаю. – Райделл уронил соломинку в корзинку, по принадлежности. – Я только знаю, что не буду сторожить ничьи дома и не буду сторожить никакие там моллы.

– А что там с этими хакерами? Ты как думаешь, сумеют их накрыть – тех, что нас подставили?

– Хрен там сумеют. Слишком уж их много. Держава Желаний резвится уже очень давно. У федералов есть список из трех сотен подозреваемых, но они не имеют возможности загрести их всех, тряхануть и выяснить, кто в чем виноват. Слава еще богу, что эти пидоры любят стучать друг на друга, иначе никого бы из них в жизни не повинтили.

– Но мы-то им зачем? Чего они нас-то кинули?

– Спроси чего попроще.

– *Гадить* они любят, вот, наверное, и все, – решил Саблетт.

– Любят, это уж точно. А еще Эрнандес говорит, что, по мнению ДПЛА, кто-то там хотел, чтобы *миссис* Шонбрунн накрыли с голой жопой.

Ни Саблетт, ни Райделл не видели упомянутую жопу, так как миссис Шонбрунн находилась в детской. Детей в детской не было, они улетели с папочкой в штат Вашингтон, чтобы полюбоваться с воздуха на три новорожденных вулкана.

Ничто появившееся на экранах «Громилы» после автомойки не соответствовало действительности. Кто-то залез в бортовой компьютер «Лихого гусара» и ввел в коммуникационный блок здоровый пакет умело сфабрикованных – и абсолютно липовых – данных, заодно отрезав Райделла и Саблетта от «Интенсекьюра» и даже от «Звезды Смерти» (которая, конечно же, и не думала вырубаться). Райделл сильно подозревал, что монгольские ребята из автомойки – ну, если не все, то двое-трое из них – могли бы рассказать эту историю со значительно большими подробностями.

И может быть, в эти мгновения ослепительной ясности, когда изуродованный, с помятой мордой «Громила» все еще пытался взобраться на раздолбанные в капусту останки двух больших кожаных диванов, когда пробудились наконец воспоминания о смерти Кеннета Терви, в эти мгновения Райделл понял, понял с той же ослепительной ясностью, что вряд ли стоит всегда и во

всем доверяться самозабвенному, чистому в своем бешенстве порыву: «Вперед – и ни о чем не думай».

– Слышь, – Саблетт говорил тихо и недоуменно, словно сам с собой, – они же *убьют* этих *детишек*.

С этими словами он отщелкнул ремни безопасности и выскочил наружу, с глоком на изготовку, а Райделл не успел еще даже пошевелиться. Где-то на полпути Райделл вспомнил про сирену и мигалки и велел Саблетту их выключить, но уж теперь-то каждый находящийся в доме знал, что отважные интенсекьюровцы прибыли на место происшествия.

– Работаю, – сказал Райделл, и даже вроде не говорил, а услышал свой голос, пришлепывая на бедро кобуру с глоком и хватаясь за чанкер – самое, пожалуй, подходящее оружие для перестрелки в помещении, где содержат детей, вот только скорострельность у него, заразы, больно уж могучая.

Он пинком распахнул дверцу и вывалился прямо на кофейный столик, кованые ботинки с мелодичным звоном прошли сквозь дюймовой толщины стекло (двенадцать швов, но это ерунда, порезы). Саблетт куда-то исчез. Райделл пошел вглубь комнаты, к двери, выставив перед собой желтый неуклюжий чанкер, и понемногу осознал, что с левой рукой что-то вроде не так.

– *Замри, заеба*, – сказал самый громкий в мире голос. – ДПЛА! Бросай свою желтую говешку, а то, на хрен, замочим!

Плетью хлестнул луч резкого, мучительно яркого света. Райделлу показалось, что в глаза ему льется расплавленный металл.

– *Ты слышишь, заеба?*

Райделл повернулся, прикрывая глаза рукой, и увидел раздутое бронированное брюхо садящегося вертолета. Поток от винта прижимал к земле то немногое, что осталось от японского садика после броска «Громилы».

Райделл уронил чанкер на пол.

– *И пистолет, мудила!*

Райделл взялся двумя пальцами за рукоятку глока и оторвал его от бедра вместе с кобурой. Скрипнула липучка, было непонятно, как такой тихий звук сумел прорваться сквозь рев боевой машины.

Он уронил глок и поднял руки. *Руку*, вторая была сломана.

Саблетта нашли футах в пятнадцати от «Громилы». Лицо и руки техасца раздулись, как розовые воздушные шарики, он задыхался. Босниец, работавший у Шонбруннов дворецким, смывал недавно с маленького дубового столика детские каракули каким-то средством, содержащим ксилол и четыреххлористый

углерод.

– А хрен ли это с ним? – удивился один из копов.

– Аллергия, – с трудом выговорил Райделл. Полицейские надели ему наручники, да к тому же не спереди, а за спиной, боль была страшная. – Нужна «скорая».

Саблетт открыл глаза. *Попытался* открыть.

– Берри…

И тут Райделл вспомнил название того фильма, который он смотрел, но не досмотрел.

– «Чудесная миля».

– Никогда не видел, – сказал Саблетт и вырубился.

В этот день миссис Шонбрунн развлекала своего ландшафтного садовника, поляка. Копы нашли ее в детской. Взбешенная и беспомощная, она была засупонена более чем пикантным образом с применением английского латекса, северокалифорнийской кожи, а также антикварных наручников фирмы «Смит и Вессон», любовно отшлифованных и покрытых черной хромировкой, – неслабая упряжь, тысячи на две, а то и на три. Ну а садовник – садовник, судя по всему, услышал, как Райделл паркует «Громилу» в гостиной, и тут же дернул в горы.

3
Нехорошая вечеринка

Шеветта никогда не воровала – во всяком случае, у людей и уж точно не при разноске. И если в плохой, надолго запомнившийся понедельник она прихватила у этого засранца очки, так он просто ей не понравился.

А было это так: она стояла на девятом этаже, у окна, и просто смотрела поверх серых пустых скорлупок, бывших когда-то роскошными магазинами, на мост, и тут он как раз и подошел сзади. Она почти уже нашла комнату Скиннера – там, высоко, среди ржавых тросов – и вдруг почувствовала на своей голой спине кончик пальца. Он тронул ее за спину, залез и под Скиннерову куртку, и под футболку.

Она всегда ходила в этой куртке, вроде как в доспехах. Дураку понятно, что, когда на байке, да еще в такое время года, нужно носить нанопору и только нанопору, но она все равно предпочитала старую Скиннерову куртку из жесткой лошадиной, что ли, кожи и намертво прицепила к ее лацканам значки с полосатым кодом «Объединенной». Шеветта крутнулась, чтобы сбросить этот палец, дать нахалюге по грабкам, цепочки ее зипперов тоже крутнулись и звякнули.

Налитые кровью глаза. Морда – ну сейчас расплывется в кисель. В зубах – короткая зеленоватая сигарка, только не зажженная. Он вынул сигарку, поболтал мокрым концом в небольшом стакане прозрачной, как вода, жидкости, сунул в рот и жадно к ней присосался. И лыбится при этом от уха до уха, как только репа пополам не треснет. Словно знает, что она тут не на месте, что не полагается ей быть ни на пьянке такой, ни вообще в старом крутом отеле на Гири.

Это была последняя на сегодня разноска, пакет для юриста, и мусорные костры Тендерлойна[8] горели совсем близко, а вокруг них, скрючившись на корточках, все эти безжизненно-тусклые, безвозвратно, химически погибшие лица, освещенные призрачными вспышками крошечных стеклянных трубок. Глаза, завернутые жутким, быстро улетучивающимся кайфом. Мурашки по коже, посмотришь на таких вот – и мурашки по коже.

Она поставила велосипед на гулкую подземную стоянку «Морриси», заперла его, насторожила и поднялась служебным лифтом в холл, где охранные хмыри попытались освободить ее от груза, но хрен там. Она отказалась отдавать пакет кому бы то ни было, кроме вполне конкретного мистера Гарро из восемьсот

восьмого, как указано в сопроводиловке. Тогда они проверили сканером полосатый код «Объединенного» значка, просветили пакет рентгеном, прогнали ее через металлодетектор и наконец пустили в лифт, обвешанный розовыми зеркалами и отделанный бронзой что твой банковский сейф.

Ну и – вверх, на восьмой, в коридор, где стояла такая ватная тишина, словно он и не настоящий вовсе, а только приснился. Рубашка на мистере Гарро была белая, а галстук – цвета свинца, расплавленного и едва начинающего твердеть. Он взял пакет, расписался в сопроводиловке и закрыл перед ее лицом дверь с тремя бронзовыми цифрами – так ни разу в это лицо и не посмотрев. Шеветта проверила свою прическу, смотрясь в зеркально отполированный курсивный нуль. Сзади все о'кей, хвост торчит как надо, а вот спереди – спереди не очень. Перья слишком уж длинные. Клочкастые. Она двинулась назад, позванивая прибамбасами Скиннеровой куртки, новенькие штурмовые ботинки глубоко утопали в свежепропылесосенном ковре цвета влажной терракоты.

А когда открылась дверь лифта, оттуда выпала эта японская девица. Почти выпала. Шеветта ухватила ее под мышки и прислонила к косяку.

– Где тут вечеринка?

– И кто же это позвал *тебя* такую? – поинтересовалась Шеветта.

– Девятый этаж! *Крупная* пьянка!

Зрачки у девицы были огромные, во весь глаз, челка блестела, как пластиковая.

Вот так вот и вышло, что стояла теперь Шеветта с настоящим стеклянным бокалом настоящего французского вина в одной руке и самым крохотным бутербродом изо всех, встречавшихся ей на жизненном пути, в другой, стояла и думала, скоро ли гостиничный компьютер сообразит, что слишком уж долго она здесь задерживается. Здесь-то, конечно, искать ее не станут, кто-то выложил очень и очень хорошие деньги, чтобы спокойно и без помех оттянуться, это ж и дураку понятно.

Весьма интимная вечеринка, никто и ничего не боится, решила Шеветта, глядя в распахнутые двери ванной, где голубое трепещущее пламя мощной, как паяльная лампа, зажигалки высвечивало плавные обводы дутого стеклянного дельфина и лица людей, куривших через него – через *кальян* – опиум.

И не одна комната, а уйма, все связанные друг с другом, и людей тоже уйма, все больше мужчины в пиджаках на четырех пуговицах, в крахмальных рубашках с высокими, наглухо застегнутыми воротничками, а вместо галстуков – маленькие

булавки с камнями. Платья, какие на женщинах, Шеветта видела прежде только в журналах. Богатенькие люди, точно, богатенькие и иностранцы, не наши. А может, богатые – они все не наши, а иностранцы?

Она доволокла японскую девицу до длинного зеленого дивана и придала ей горизонтальное положение. Девица сразу засопела в две дырки – пусть полежит, теперь-то она в полной безопасности, разве что кто-нибудь не заметит и сядет.

Присмотревшись получше, Шеветта обнаружила, что она здесь не одна такая, не по общей форме одетая. Вот для начала парень в ванной с этим здоровым желтым «Биком», но он – случай особый. И еще – пара вполне очевидных тендерлойнских девушек, возможно их затащили сюда для местного колорита, что бы это словосочетание ни означало.

А теперь тут еще этот засранец, лыбится своей противной пьяной рожей. Шеветта положила руку на складной нож – тоже, как и куртка, позаимствованный у Скиннера. У ножика этого была выемка в лезвии, под большой палец, чтобы можно открыть одной рукой. Керамическое лезвие в три дюйма длиной, широкое, как столовая ложка, и жутко зазубренное. *Фрактальный* нож, как выражается Скиннер, режущий край вдвое длиннее лезвия.

– Вы, я вижу, не очень веселитесь, – сказал этот тип. Европеец, но откуда – не понять. Не француз. И не немец.

Кожаная куртка, но совсем не такая, как у Скиннера, табачного цвета и сделана из шкуры какого-то невероятно тонкокожего животного; можно подумать, что и не кожа это совсем, а плотный, тяжелый шелк. Шеветта вспомнила запах скиннеровской комнаты, запах пожелтевших журналов, некоторые из них такие старые, что картинки даже не цветные, а разных оттенков серого; вот такой же серый, без красок, бывает иногда город, если смотреть с моста.

– Все было прекрасно, пока *ты* не появился, – сказала Шеветта, решив про себя, что пора и сматывать – от этого мужика жди неприятностей.

– Скажи мне, пожалуйста, – не отставал тип, внимательно оглядывая ее куртку, и футболку, и ездовые брюки, – какие *услуги* ты предлагаешь?

– Что-то я ни хрена тебя не понимаю.

– Абсолютно очевидно, – говорит засранец, указывая в противоположный угол комнаты на тендерлойнских девушек, – что ты имеешь предложить нечто значительно более *интригующее*, – слово перекатывается у него во рту, как камешек, – чем эти особы.

– Шел бы ты в жопу, – говорит Шеветта. – Я рассыльная.

Засранец молчит и смотрит как-то странно, словно что-то до его пьяных мозгов понемногу доходит. Потом он закидывает голову и хохочет – можно подумать, Шеветта рассказала самый смешной в мире анекдот. Перед ней пляшут очень белые, очень качественные и, конечно же, очень дорогие зубы. У богатых, говорил Скиннер, никогда не бывает во рту никакого железа.

– Я что, смешное что сказала?

Засранец вытирает выступившие слезы.

– Да у нас же с тобой много общего.

– Сомневаюсь.

– Я тоже рассыльный, – заявляет он; только какой же из такого хиляка рассыльный, думает Шеветта.

– Курьер, – говорит он таким голосом, словно сам себе это напоминает.

– Ну и двигай ногами, – говорит Шеветта, обходя его, и в тот же момент гаснет свет и врубается музыка, и она по первым же аккордам узнает, что это «Крутой Коран», последний ихний хит «Подружка Господа Всевышнего». Шеветта торчит на «Крутом Коране» как ни на чем и всегда врубает их, когда на байке и нужно гнать побыстрее, и сейчас она двигается под музыку, и все вокруг тоже танцуют, и даже эти, подкуренные, в ванной, – тоже.

Избавившись от засранца – или, во всяком случае, временно о нем забыв, – она замечает, насколько лучше выглядят эти люди, когда не слоняются просто так, а пляшут. Напротив нее оказывается девушка в кожаной юбке и коротких черных сапогах с побрякивающими серебряными шпорами. Шеветта улыбается, девушка тоже улыбается.

– Ты из города? – спрашивает девушка, когда музыка смолкает.

Это она в каком же смысле? – думает Шеветта. В смысле, что я работаю на мэрию? Теперь, когда девушка – вернее будет сказать: женщина – не танцует, она выглядит заметно старше, ей, наверное, лет под тридцать и уж всяко больше, чем самой Шеветте. Симпатичная, и не так, как это бывает, когда вся красота из косметички выужена, – темные большие глаза, темные, коротко подстриженные волосы.

– Из Сан-Франциско?

Шеветта кивает.

Следующая мелодия постарше ее самой – это вроде бы тот черный парень, который переделался в белого, а потом его лицо сморщилось и облезло. Она ищет свой бокал, но разве тут найдешь, они все одинаковые. Японская куколка уже очнулась и лихо отплясывает, ее глаза безразлично скользнули по Шеветте, не узнаёт.

– В Сан-Франциско Коди всегда умеет найти все, что ему нужно, – говорит женщина; в ее голосе какая-то беспросветная усталость, а еще как-то так чувствуется, что все происходящее кажется ей очень забавным. Немка. Да, точно, немецкий акцент.

– Кто?

– Наш гостеприимный хозяин.

Женщина чуть приподнимает брови, но улыбается все так же широко и непринужденно.

– Я тут, в общем-то, случайно зашла…

– Если бы я могла сказать такое про себя! – смеется женщина.

– А что?

– Тогда бы я могла выйти.

– А тебе что, здесь не нравится?

Вблизи чувствовался ее дорогой запах. А как же, наверное, от меня-то воняет, забеспокоилась Шеветта. После целого дня верхом – и ни разу в ду́ше. Но женщина взяла ее под локоть и отвела в сторону.

– Так ты *не знаешь* Коди?

– Нет.

Шеветта снова заметила того пьяного, засранца значит, в соседней комнате, где свет все еще горел. Засранец смотрел прямо на нее.

– И мне, наверное, лучше уйти? Я пойду. О’кей?

– Да нет, ты что придумала, оставайся. Просто я завидую, что у тебя есть выбор.

– Ты немка?

– Падуанка[9].

Это вроде бы часть того, что было когда-то Италией. Северная вроде бы часть.

– А кто такой этот Коди?

– Коди *любит* вечеринки. Коди любит *эту* вечеринку. Она продолжается уже несколько *лет*. Если не здесь, то в Лондоне, Праге, Макао…

Сквозь толпу движется парень с бокалами на подносе. Он не смотрит ни на Шеветту, ни на никого – из гостиничного, наверное, персонала. Крахмальная рубашка парня утратила все свое великолепие – смята, расстегнута до пупа, выбилась из брюк и болтается сзади, и теперь видно, что сквозь левый его сосок пропущена стальная такая хреновинка вроде маленькой гантели. А крахмальный воротничок, тоже, конечно, расстегнутый, торчит за затылком на манер соскользнувшего нимба. Женщина берет с подноса бокал белого вина и смотрит на Шеветту. Шеветта мотает головой. Кроме бокалов, на подносе есть еще белое блюдце с колесами и вроде бы с закрутками «плясуна».

Парень подмигнул Шеветте и потащил свой арсенал дальше.

– Тебе все это странно?

Женщина выпивает вино и бросает пустой бокал через плечо. Шеветта слышит звон бьющегося стекла.

– А?

– Коди с его вечеринкой.

– Да. Пожалуй. То есть я случайно зашла и…

– Где ты живешь?

– На мосту.

Шеветта ждет реакции.

Женщина улыбается:

– Правда? Он выглядит так… таинственно. Я хотела бы туда сходить, но экскурсий таких нет, и, говорят, там опасно…

– Ничего там опасного, – говорит Шеветта. – Только… – добавляет она после секундного колебания, – не одевайся… ну, вот так – вот и все. И там совсем не *опасно*, здесь вот, в окрестностях, и то гораздо хуже. – (Перед глазами – эти, вокруг мусорных костерков.) – На Остров Сокровищ, вот туда не надо. И не пытайся дойти до конца, до самого Окленда, держись подвесной части.

– А тебе это нравится, жить там?

– Еще как. Я бы нигде больше не хотела.

– Счастливая ты, – улыбается женщина. – Точно.

– Ну ладно. – Шеветта чувствует себя как-то неловко. – Надо мне идти.

– Меня звать Мария…

– Шеветта.

Шеветта пожимает протянутую руку. Имя – почти как ее собственное: Шеветта-Мари.

– Пока, Шеветта.

– Ну, всего тебе хорошего.

– Ничего тут хорошего нет.

Шеветта расправляет плечи, кивает Марии и начинает проталкиваться через толпу, уплотнившуюся за это время на пару порядков, – знакомые этого Коди все подходят и подходят. Много японцев, все они в очень строгих костюмах, на ихних женах, или секретаршах, или кто они уж там есть, жемчуга. Но все это ничуть не мешает им врубаться в атмосферу. Шум в комнате нарастает. Публика быстро косеет или там балдеет, кто что, Шеветта хочет убраться отсюда как можно скорее.

У двери в ванную, где эти подкуренные, только теперь дверь прикрыта, она застревает. Куча французов, они говорят по-французски, смеются, размахивают руками, а в ванной – Шеветта отлично это слышит – кого-то рвет.

– Дай-ка пройти, – говорит она седоватому, коротко остриженному французу и проталкивается мимо него. Вино из бокала француза плещет вверх, прямо ему на бабочку, он что-то говорит по-французски, но Шеветта не оборачивается.

У Шеветты самый настоящий приступ клаустрофобии, вроде как бывает у нее иногда в конторах, когда приходится ждать, пока принесут отправляемый пакет, и она смотрит, как конторские шныряют туда-сюда, туда-сюда, и не понимает, они это по делу или просто шныряют туда-сюда. А может, это от вина: Шеветта пьет редко и мало, и сейчас она чувствует вкус не вкус, но что-то такое неприятное в горле.

И тут вдруг она видит этого своего европейца сраного, со все той же нераскуренной сигарой, его вспотевшая харя нависла над туповатым, чуть обеспокоенным лицом одной из тендерлойнских девушек. Он зажал ее в угол. И в этом месте, совсем рядом с дверью, коридором и свободой, такая толчея, что Шеветту на мгновение притискивают к его спине, а он ее и не замечает, продолжает себе засирать девице мозги, только шарахнул локтем назад, прямо Шеветте под ребра, чтобы, значит, место освободила, а так – не замечает.

А из кармана табачной этой кожаной куртки что-то торчит.

А потом это «что-то» не торчит уже ни из какого кармана, а лежит в руке Шеветты, и она запихивает это за брючный ремень и выскакивает в коридор, а засранец так ничего и не заметил.

Здесь, в коридоре, шум уменьшается сразу наполовину, а по мере того, как Шеветта приближается к лифту, он становится еще слабее, почти исчезает. Ей хочется бежать. И смеяться тоже хочется, а еще ее охватывает страх.

Иди спокойно, не торопясь.

Мимо горы подносов, грязных стаканов, тарелок.

Помни об охранных хмырях внизу, в холле.

И эта штука, заткнутая за пояс.

В конце коридора, но не этого, а поперечного она видит широко распахнутую дверь служебного лифта. В лифте – центральноазиатского вида парень со стальной тележкой, нагруженной плоскими прямоугольными хреновинами. Телевизоры, вот это что. Он внимательно оглядывает проскользнувшую в кабину Шеветту. У него выпирающие скулы, блестящие, с тяжелыми веками глаза, волосы подбриты и собраны в узкий, почти вертикальный пучок – любимая у этих ребят прическа. На груди чистой серой рубахи – значок «секьюрити», через шею переброшен красный нейлоновый шнурок, на шнурке висит виртуфакс.

– Подвал, – говорит Шеветта.

Факс негромко гудит. Парень поднимает его, нажимает на кнопку, смотрит в глазок. Эта, что за поясом, штука становится огромной, как… как что? Шеветта не находит сравнения. Парень опускает факс, подмигивает Шеветте и нажимает кнопку П-6. Двери с грохотом захлопываются, Шеветта закрывает глаза.

Она прислоняется спиной к мягкой амортизирующей стенке и страстно желает быть сейчас не здесь, а в Скиннеровой конуре, слушать, как скрипят тросы. Пол там из брусьев два дюйма на четыре, поставленных на ребро, а по самой середине из пола высовывается верхняя часть каната – конура, она не подвешена, а прямо сидит на канате, как на насесте. В нем, в канате этом, говорит Скиннер, семнадцать тысяч четыреста шестьдесят четыре жилы, стальные, в карандаш толщиной каждая. Если прижать к нему ухо, можно услышать, как мост поет, не всегда, но при подходящем ветре – можно.

Лифт останавливается на четвертом. И зря – дверь открывается, а никто не входит. Шеветте очень хочется нажать кнопку П-6, но она себя сдерживает, пусть этот, с факсом, сам. Нажал наконец-то.

П-6 – это не стоянка, куда ей так страстно хочется, а лабиринт древних, столетних наверное, бетонных туннелей, пол здесь покрыт растрескавшимся асфальтом, по потолкам тянутся толстые железные трубы. Пока парень возится со своей телегой, Шеветта выскальзывает наружу. Громадные, войти внутрь можно, холодильники, дверцы закрыты на висячие замки. Полсотни пылесосов, подзаряжающихся в нумерованных гнездах. Рулоны ковров, наваленные как бревна. Люди кто в робе, кто в белом поварском халате; Шеветта изо всех сил старается выглядеть как рассыльная – а кто же она еще, если не рассыльная, пусть думают, что она здесь по делу, на доставке.

Она находит узкую лестницу, поднимается. Воздух горячий и стоялый. Мертвый воздух. Сенсоры услужливо включают перед ней свет на каждом новом пролете. А сзади – выключают, но Шеветта этого не видит, не оборачивается. Она чувствует огромную тяжесть, словно все это древнее здание навалилось ей на плечи.

П-2, и вот он, ее байк, за щербатым бетонным столбом.

– *Отойди*, – говорит ей байк, когда Шеветта подходит к нему на пять футов. Не орет во весь голос, как автомобиль, но говорит оч-чень серьезно.

Строгая геометрия углеволоконной рамы, проглядывающая через имитированную ржавчину, и серебристые ленточные проводники вызывают у Шеветты обычную, почти сексуальную дрожь. Она просовывает руку в опознающую петлю.

А потом – все вроде одновременно – сдавленный щелчок снятых тормозов, Шеветта прыгает в седло и – вперед.

По раскаленному, в масляных пятнах пандусу, вверх и наружу, и этот вес свалился наконец с плеч, и никогда еще не была она такой легкой и счастливой.

4
Проблема трудоустройства

Райделлов сосед по комнате, Кевин Тарковский, работавший в виндсерфинговом магазинчике «Раздвинь пошире ноги», носил в ноздре косточку.

В понедельник утром, узнав, что Райделл не работает больше на «Интенсекьюр», Кевин предложил подыскать ему какое-нибудь место в торговле, по линии пляжной субкультуры.

– Сложен ты, в общем-то, прилично, – сказал он, оглядывая голую грудь и плечи Райделла. На Райделле все еще были те самые оранжевые шорты, в которых он ходил к Эрнандесу. Шорты принадлежали Кевину. Надувная шина, спущенная и скомканная, успела уже отправиться в пятигаллонное пластиковое ведро из-под краски, заменявшее им мусорную корзинку. Кевин украсил ведро большой самоклеящейся ромашкой. – Стоит, конечно, качать мышцу малость порегулярнее. И наколки бы тоже не помешали. Племенной обычай.

– Кевин, я ровно ничего не понимаю ни в серфинге, ни в виндсерфинге, ни в ничем. Я и в море-то, считай, не бывал. Пару раз в заливе Тампа – вот и все.

Время шло уже к десяти. У Кевина был выходной.

– Понимаешь, Берри, главное в нашей торговле – давать *живое соприкосновение*. Клиенту нужна *информация* – ты даешь информацию. Но заодно ты даешь ему *живое соприкосновение*. – Для иллюстрации Кевин постучал по двухдюймовой веретенообразной косточке. – И он покупает у тебя комплект.

– Да у меня и загара нет.

Глядя на Кевина, Райделл часто вспоминал коричневые мокасины, подаренные ему тетей на пятнадцать лет, – ну точно такая же кожа, что по цвету, что по текстуре. И ни при чем тут хромосомы, ни при чем ультрафиолет, вся эта роскошь получена и поддерживается уколами, таблетками и специальными лосьонами.

– Да, – согласился Кевин. – Загар – загар тебе потребуется.

Райделл знал, что Кевин не серфует и никогда не серфовал, зато он регулярно приносит из своего магазина диски и проигрывает их на гляделку, совершая одновременно полагающиеся телодвижения, а потому может предоставить клиенту любую информацию в наилучшем виде. Ну и конечно же, *живое соприкосновение*. Дубленая кожа, накачанные в зале мышцы и эта самая кость в носу привлекали к Кевину много внимания,

особенно со стороны женского пола, другой бы на его месте истаскался по бабам, а этот вроде воспринимает все спокойно.

Основным в магазинчике товаром была одежда. Дорогая, которая, считается, защищает и от ультрафиолета, и ото всякой дряни в воде. На нижних полках стенного шкафа стояли две картонки, битком набитые этим барахлом; Райделлу, оставившему в Ноксвилле почти весь свой гардероб, позволялось копаться в коробках и брать оттуда все, что угодно. Выбор был не ахти – виндсерфинговые модельеры тяготели к люминесцентным тканям, черной нанопоре и зеркальной пленке. Некоторые костюмы, прикольные, имели чувствительную к ультрафиолету надпись: «РАЗДВИНЬ ПОШИРЕ НОГИ». Стоило озоновому слою скиснуть посильнее обычного, как невидимая при нормальных условиях надпись начинала полыхать ярким оранжевым светом – в чем Райделл убедился во время вчерашнего похода на овощной рынок.

Они с Кевином занимали одну из двух спален маленького, в шестидесятых еще годах построенного домика. Располагался этот домик на Мар Виста; говоря нормальным языком, это значит «Вид на море», только никакого вида здесь не было, и моря – тоже. Кто-то когда-то разгородил спальню пополам листами сухой штукатурки. С Райделловой стороны перегородка была сплошь залеплена такими же, как на ведре, самоклеящимися ромашками и сувенирными стикерами из местечек вроде Мэджик Маунтин, Ниссан Каунти, Диснейленд и Скайуокер-парк. В доме было еще двое постояльцев – трое, если считать и китайскую девицу, но она жила малость на отшибе, в гараже, и ванная у нее тоже была там, отдельная.

Большую часть первой своей интенсекьюровской зарплаты Райделл истратил на надувной диван. Купил он его на рынке, в ларьке; там диваны были дешевле, к тому же ларек назывался «Надуйте нас» – смешно. Надувальная продавщица рассказала Райделлу, что надо в метро сунуть дежурному по платформе двадцатку и тогда он пустит тебя в вагон со свернутым диваном. Диван был запакован в зеленый пластиковый мешок, вроде тех, которые для трупов.

Позднее, когда на руке у Райделла была эта самая шина, он провел на диване уйму времени – просто лежал и смотрел на стикеры. И думал: а вот тот парень, который их сюда прилепил, он и вправду бывал во всех этих местах? Эрнандес как-то предлагал Райделлу работу в Ниссан Каунти, у «Интенсекьюра» была лицензия на эту зону. А Диснейленд – там провели свой медовый месяц родители. Скайуокер-парк – это в Сан-Франциско, раньше он назывался Голден-гейт. Райделл видел когда-то по

телевизору, как его приватизировали – мордобой был, но небольшой.

– А ты пробовал какое-нибудь бюро по трудоустройству?

Райделл помотал головой.

– Этот звонок за мой счет, – сказал Кевин, подавая ему гляделку; белый шлем, какими пользуются дети для игр, и отдаленно не напоминал маленькие изящные очки Карен. – Надень, номер я сам наберу.

– Спасибо, – кивнул Райделл, – только зря ты беспокоишься, мне даже как-то неловко.

– Ну-у… – Кевин потрогал свою кость, – я же тоже заинтересован. А то чем ты за квартиру платить будешь?

И то верно. Райделл надел шлем.

– Итак, – вздернула носик Соня, – согласно нашим данным, вы закончили высшие курсы…

– Академию, – поправил Райделл. – Полицейскую.

– Правильно, Берри. Так вот, согласно тем же нашим данным, вы проработали затем всего восемнадцать дней и были отстранены от несения службы.

Соня выглядела как хорошенькая девушка из мультфильма. Ни единой поры на коже. Никакой текстуры, нигде. Зубы у нее были очень белые и казались монолитным объектом, чем-то, что можно вынуть целиком для серьезного изучения. Ни в коем случае не для прочистки – двумерные картинки не едят. И потрясающая грудь – именно такие сиськи и нарисовал бы ей Райделл, будь он гением мультипликации.

– Понимаете, – сказал Райделл, вспомнив невменяемые глаза Кеннета Терви, – я патрулировал и попал в неприятную историю.

– Понимаю, – бодро кивнула Соня.

И что же это она такое понимает? – подумал Райделл. А вернее – что может тут понять экспертная программа, использующая ее как балаганную куклу? А еще вернее – *как* она это понимает? Как выглядит такой вот, вроде Райделла, тип в глазах компьютерной системы бюро по трудоустройству? Хреново, наверное, выглядит.

– Затем вы переехали в Лос-Анджелес, и здесь, Берри, согласно нашим данным, вы проработали десять недель в корпорации «Интенсекьюр», отдел вооруженной охраны жилых кварталов. Водитель, имеющий опыт обращения с оружием.

Райделл вспомнил набитые ракетами обтекатели под брюхом полицейской вертушки. У них же, надо думать, и пушка была – эта, которая пятьсот снарядов в секунду.

– Да, – кивнул он.

– А затем вы уволились по собственному желанию.

– Ну, вроде.

Соня расплылась в радостной улыбке, словно Райделл стеснялся, стеснялся, а потом взял да и рассказал, что имеет докторскую степень и получил недавно приглашение работать в аппарате конгресса.

– Ну что ж, Берри, – сказала она, – дайте-ка я секунду пораскину мозгами, – а затем подмигнула и закрыла огромные мультяшные глаза.

Ох, господи, подумал Райделл. Он попробовал посмотреть в сторону, но Кевинов шлем не давал периферийного зрения, так что ничего там, в стороне, не было. Только Соня, да голый прямоугольник ее стола, да всякая мелочь, долженствующая изображать интерьер кабинета, да стена, украшенная логотипом бюро по трудоустройству. С этим логотипом за спиной Соня напоминала ведущую телеканала, который передает только *очень* хорошие новости.

Соня открыла глаза. Теперь ее улыбка не просто лучилась, а ослепляла.

– Ведь вы родом с *Юга*.

– Ага, – кивнул Райделл.

– Плантации, Берри. Акации. Традиции. Но кроме того – некоторая *сумеречность*. Готический оттенок. Фолкнер.

– Фолк?.. Как?

– «Фольклорный КошмАрт», Берри, вот что вам нужно. Бульвар Вентура. Шерман-Оукс.

Кевин внимательно смотрел, как Райделл снимает шлем, как он пишет адрес и телефон на обложке последнего номера «Пипл». Журнал принадлежал Монике, китаянке из гаража, она неизменно печатала все свои газеты и журналы таким образом, что в них не было никаких скандалов и бедствий, но зато тройная порция описаний красивой жизни. С особым упором на быт и нравы британской аристократии.

– Ну как, Берри, – с надеждой спросил Кевин, – есть что-нибудь?

– Может, и есть, – пожал плечами Райделл. – Место одно такое, в Шерман-Оукс. Зайду посмотрю.

Кевин задумчиво потрогал свой бивень.

– Если хочешь, я тебя подвезу.

В витрине «Фольклорного КошмАрта» было выставлено большое «Отрешение от скорбей земных». Такие картины Райделл видел чуть не каждый день, чуть не у каждого торгового центра: христианские проповедники украшали ими свои фургоны. Уйма

автомобильных катастроф и прочих несчастий, уйма крови, души спасенных устремляются в небо, к Иисусу, чьи глаза, это уж правило, сверкают излишне ярко, смотришь на них, и вроде как мурашки по коже. Но эта картина, фольклорно-кошмарная, была написана с большими подробностями, чем все, какие он видел прежде. Каждая из спасенных душ имела свое, индивидуальное лицо, похоже даже не просто из головы придуманное, а чье-то, реального какого-то человека – вон, тут же и знаменитости разные попадаются, кого по телевизору видишь. Жуткая картина и вроде как, ну, детская, что ли, неумелая. Вроде как рисовал все эти ужасы то ли пятнадцатилетний ребенок, то ли некая почтенная леди, возомнившая себя на старости лет художницей.

Райделл попросил Кевина остановиться на углу Сепульведы и прошел два квартала назад, высматривая магазин. Рабочие в широкополых касках заливали основания для пальм. Райделл не знал, были тут до вируса настоящие пальмы или нет. Имитации вошли в моду, их теперь тыкали везде, где надо и не надо, может, и на Вентуре тоже так.

Вентура – одна из этих лос-анджелесских магистралей, у которых нет ни начала, ни конца. Райделл наверняка проезжал на «Громиле» мимо «Фольклорного КошмАрта» бессчетное число раз, но когда по улице идешь пешком, она выглядит совсем иначе. Во-первых, ты находишься в полном, считай, одиночестве; кроме того, так вот, на малой скорости, начинаешь замечать, сколько здесь обшарпанных, потрескавшихся зданий, сколько на них грязи.

За пыльными стеклами – пустота, груды пожелтевшей рекламной макулатуры, лужи, очень *подозрительные* лужи, ведь дождю туда не попасть. Минуешь пару таких развалюх, и на тебе пожалуйста – заведение, предлагающее солнечные очки по цене всего-то чуть большей, чем полугодовая квартплата за райделловские полкомнаты на Мар Виста. Судя по всему, очковая лавочка охранялась рентакопом.

«Фольклорный КошмАрт» располагался между почившим в бозе салоном по наращиванию волос и еле живой риелтинговой конторой, прирабатывавшей заодно и страховкой. Белая по черному вывеска: «ФОЛЬКЛОРНЫЙ КОШМАРТ – ЮЖНАЯ ГОТИКА» – явно написана от руки, буквы бугристые и волосатые, как лапки комара в мультфильме. Однако перед магазином стоят две очень неслабые машины – серебристо-серый «рейнджровер», нечто вроде «Громилы», приодевшегося для школьной вечеринки, и антикварный двухместный «порше», сильно смахивающий на жестяную игрушку, из которой вывалился заводной ключик. Райделл обогнул «порше» по широкой дуге – такие хреновины

чаще всего оборудованы сверхчувствительными охранными системами. Сверхчувствительными и сверхагрессивными.

Сквозь армированное стекло двери на него смотрел рентакоп – не интенсекьюровский, а какой-то другой фирмы. Райделл одолжил у Кевина плотные хлопчатобумажные брюки цвета хаки, тесноватые, но зато во сто раз более приличные, чем те оранжевые шорты. Еще на нем была черная интенсекьюровская рубашка с еле заметными следами от споротых нашивок, стетсон и штурмовые ботинки. Райделл не был уверен, что черный с хаки – такое уж гармоничное сочетание. Он нажал кнопку. Рентакоп открыл дверь.

– У меня назначена беседа с Джастин Купер, – сказал Райделл, снимая солнечные очки.

– У нее клиент.

Рентакоп, плотный мужик лет тридцати, выглядел как фермер из Канзаса или еще откуда. Райделл посмотрел через его плечо и увидел костлявую женщину с темными волосами. Женщина разговаривала с толстым мужчиной, не имевшим вообще никаких волос. Пыталась ему что-то продать. Наверное.

– Я подожду, – сказал Райделл.

Ноль реакции. На поясе неразговорчивого фермера болталась мощная электрошоковая дубинка в потертом пластиковом чехле, законы штата запрещали ему иметь более серьезное оружие. И все-таки есть у красавчика ствол, как пить дать есть. Ну, скажем, эта самая гуманитарная помощь России американским хулиганам – маленький такой пистолетик с диким калибром и еще более дикой убойной силой, предназначенный, по идее, для борьбы с танками. Русское оружие, не слишком безопасное в обращении, но зато простое, дешевое и эффективное, буквально затопило черный рынок.

Райделл огляделся по сторонам. Похоже, это самое «Отрешение» было главным коньком «Фольклорного КошмАрта». Такие вот христиане, говорил всегда Райделлов папаша, их же просто жалко. Ждали-ждали конца тысячелетия, а оно кончилось, и новое наступило, и никаких тебе особенных отрешений не произошло, а эти все долдонят свое, все лупят во все тот же старый, дырявый барабан. То ли дело соплеменники Саблетта – сидят себе в техасском трейлерном поселке и глазеют под водительством преподобного Фаллона в телевизор; над ними хоть посмеяться можно.

Он хотел посмотреть, что же это такое втюхивает дамочка своему жиряге, но встретился с ней глазами, смутился и начал слоняться по магазину, вроде как изучать товар. Да уж, товар… Целую секцию занимали тошнотворные веночки, сплетенные то

ли из паутины, то ли из седых волос; вся эта мерзость была прикрыта стеклышками и помещена в овальные золоченые, сильно потертые рамки. Рядом – широкий ассортимент проржавевших детских гробиков, из одного такого, наполовину наполненного землей, свешивались плети плюща. Кофейные столики, изготовленные из могильных плит – очень старых, с едва различимыми следами букв. Райделл задержался у кровати со столбиками из четырех железных негритят – в Ноксвилле такие, прости господи, статуи стояли когда-то перед многими домами, но потом их запретили. На черных, словно ваксой надраенных, лицах намалеваны широкие красногубые улыбки, лоскутное покрывало сшито в виде конфедератского флага. Ценника Райделл не нашел, одну из негритянских задниц украшала желтоватая наклейка: «ПРОДАНО».

– Мистер Райделл? Ничего, если я буду называть вас Берри?

Узкий, как карандаш, подбородок, крошечный ротик, заставляющий серьезно задуматься: да сколько же у этой дамы зубов? Нормальный, в тридцать две штуки, комплект не забьешь туда никакой йогической силой. Коротко остриженные волосы похожи на коричневую, до блеска начищенную каску, черный просторный костюм, не слишком успешно скрывающий насекомое телосложение. На Юге таких не встретишь – да чего там, они вообще не водятся к югу от чего бы то ни было. А уж напряжена-то, напряжена-то, прямо как рояльная струна.

Жирный вышел из магазина и остановился. Ну да, дезактивирует защиту своего «ровера».

– Ради бога.

– Вы из Ноксвилла. – Джастин Купер дышала медленно и размеренно, словно опасаясь гипервентиляции легких.

– Да.

– У вас почти нет акцента.

– Хорошо бы все так думали. – Райделл улыбнулся, ожидая встречной улыбки. И не дождался.

– А ваши *родители*, они тоже из Ноксвилла, мистер Райделл?

(Кой хрен, так что же ты не называешь меня Берри?)

– Отец вроде да, а мать откуда-то из-под Бристоля.

Выглядела Джастин Купер лет на сорок с небольшим; ее темные, почти без белков, глаза глядели прямо на Райделла, но как-то странно, безо всякого выражения, было даже не понять, видит она его или не видит.

– Миссис Купер?

Миссис Купер дернулась, словно в задницу укушенная.

– Миссис Купер, а что это за штуки такие, в старых рамках, ну, которые вроде венков?

– Памятные венки. Юго-Западная Виргиния, конец девятнадцатого – начало двадцатого века.

Пусть, подумал Райделл, поговорит о своем товаре, может, в чувство придет. Он подошел к венкам и стал их рассматривать.

– Похоже на волосы.

– Конечно волосы, – дернула костлявым плечиком Джастин. – А что же еще?

– Человеческие волосы?

– Конечно.

– Так это что же, волосы *умерших*?

Теперь он заметил, что волосы разделены на пряди, завязаны крошечными, на манер цветочков, узелками. Тусклые, неопределенного цвета волосы…

– Боюсь, мистер Райделл, что я напрасно трачу ваше время. – Джастин осторожно шагнула в его сторону. – Беседуя с вами по телефону, я находилась под впечатлением, что в вас… ну, как бы это получше сказать… больше *южного*.

– Что вы имеете в виду?

– Мы продаем людям не только товар, но и определенное *видение*. А также некий мрак, тьму. Готическую атмосферу.

Мать твою так и разэтак. Ну точно как та кукла резиновая из бюро, то же самое дерьмо собачье, чуть не слово в слово.

– Скорее всего, вы не читали Фолкнера. – Она резко взмахнула рукой, отмахиваясь от чего-то невидимого, пролетевшего, похоже, мимо самого ее носа.

(Ну вот, опять за рыбу деньги!)

– Нет.

– Как я и думала. Понимаете, мистер Райделл, я пытаюсь найти человека, способного *передать* ощущение этой атмосферы, этой тьмы. Самую *суть* Юга. *Лихорадочный бред* сенсуальности.

Райделл недоуменно сморгнул.

– К сожалению, вы не внушаете мне такого ощущения.

И снова – охота на невидимую паутинку. Или зеленого чертика?

Райделл взглянул на рентакопа, но тот ничего не видел и не слышал. Кой хрен, он там что, совсем уснул?

– Леди, – осторожно начал Райделл, – да из вас же торговый менеджер, как из моей жопы – соловей. У вас же совсем крыша съехала.

Брови Джастин Купер взлетели на середину лба.

– Вот!

– Ну что – вот?

– Краски, мистер Райделл. Жар. Сумеречная полифония, вербальное многоцветие немыслимых глубин распада.

Вот это, наверное, и называется «лихорадочный бред». Взгляд Райделла снова остановился на негрокойке.

– У вас же тут, думаю, и черные тоже бывают. Они как, не жалуются на такие вот штуки?

– Отнюдь! – Сумеречная Джастин презрительно дернула плечиком. – Наши клиенты, в числе которых есть несколько весьма богатых афроамериканцев, прекрасно понимают, что такое ирония. А куда им без этого деться.

Интересно, какая тут ближайшая станция метро – и сколько до нее тащиться, до этой «ближайшей»? А Кевину Тарковскому так все и объясним – не вышел я, значит, рылом. Хреновый я южанин, не южный какой-то.

Рентакоп открыл дверь.

– Простите, миссис Купер, но не могли бы вы сказать, откуда вы такая родом? – обернулся напоследок Райделл.

– Нью-Гэмпшир.

Дверь за его спиной закрылась.

– Долбаные янки, – сказал Райделл жестяному «порше». Любимое папашино выражение неожиданно заиграло свежими, яркими красками. Такое вот, дались оно конем, вербальное многоцветие.

Мимо прополз немецкий грузовик, длинный и суставчатый, словно гусеница. Только что не мохнатый. Райделл ненавидел эти машины, ходившие на растительном масле, – ну как это можно, чтобы выхлопные газы воняли жареной курицей?!

5
Бессонница

Сны курьера состоят из обжигающего металла, вопящих и мечущихся теней, тусклых, как бетонные надолбы, гор. Склон холма, похороны. Сироты лежат в пластиковых светло-синих гробах. Цилиндр священника. Первая мина была полной неожиданностью, никто не заметил, как она прилетела с бетонных гор. Мина пробила все – холм, небо, синий гроб, женское лицо.

Звук слишком огромен, чтобы вообще считаться звуком, и все же он не мешает им слышать запоздалые, только теперь долетевшие хлопки минометов; они смотрят на серую гору, там вспухают белые, аккуратные шарики дыма.

Словно подброшенный пружиной, курьер садится посреди широкой, как поле, кровати, в его горле застрял немой оглушительный крик, слова языка, на котором он давно запретил себе говорить.

Голова раскалывается от боли. Он берет с тумбочки стальной графин и пьет тепловатую безвкусную воду. Комната качается, расплывается, снова становится резкой. Курьер заставляет себя встать, идет, не одеваясь, к высокому старомодному окну. Раздвигает тяжелые занавески. Сан-Франциско. Рассвет, похожий на старое, потемневшее серебро. Сегодня вторник. Это не Мехико.

В белой ванной он жмурится от неожиданной вспышки света, плещет на онемевшее лицо холодной водой, трет глаза. Сон отступает, но оставляет после себя какой-то мерзкий осадок. Курьер зябко подергивает плечами, кафельный пол неприятно холодит босые ноги. Пьянка, шлюха. Ну уж этот Харвуд! Декадент. Курьер осуждает декаданс. По роду работы он соприкасается с настоящим богатством, настоящей властью. Он встречается со значительными людьми. Харвуд – богатство, лишенное значительности.

Он выключает свет и бредет к кровати, все его внимание поглощено пульсирующей в голове болью.

Подтянув полосатое покрывало к подбородку, он вспоминает вчерашний вечер. В цепи событий обнаруживаются неприятные провалы. Вседозволенность. Курьер не любит вседозволенности. Вечеринка. Голос в телефонной трубке, инструкция, нужно идти к Харвуду. Он успел уже выпить несколько порций. Лицо девушки. Ярость, презрение. Короткие темные волосы скручены в острые, вздернутые кверху шипы.

Глаза стали огромными, не помещаются в глазницы. Курьер трет их и сразу же тонет в море ярких тошнотворно-зеленых вспышек. В желудке перекатывается холодный ком воды.

Он вспоминает себя за широким, красного дерева столом со стаканом под рукой. Это еще до вечеринки. До звонка по телефону. На столе лежат два футляра. Открытые, почти одинаковые. В одном хранится она. Другой – для того, что ему доверили. Дорогой способ, но ведь хранящаяся в кассете информация просто бесценна, это курьер знает с абсолютной достоверностью. Он складывает графитовые наушники и защелкивает футляр. Затем трогает пальцем футляр, хранящий все ее тайны, – и белый дом в горах, и блаженное, пусть и недолгое спокойствие. Он рассовывает футляры по карманам куртки…

Курьер вздрогнул и напрягся, его желудок стянуло тугим узлом.

Он ходил в этой куртке к Харвуду. На вечеринку, почти не отложившуюся в памяти. Нет, отложившуюся, но с большими провалами.

Почти забыв о болезненных ударах в голове, он слезает с кровати, ищет куртку, находит ее на полу, скомканную.

Бешено стучит сердце.

Вот. Тот, который нужно доставить. Во внутреннем, застегнутом на молнию кармане. Остальные карманы, остальные карманы… Пусто.

Она исчезла. Курьер роется в одежде. Едва не теряя сознания от головной боли, он становится на четвереньки, заглядывает под кресло. Исчезла.

Ничего, утешает он себя, эта потеря восполнима. Он стоит на коленях, комкая в руках куртку. Нужно только найти дилера, специализирующегося на подобном софте. К тому же последнее время она стала терять резкость.

Думая о ней, он смотрит на свои руки, расстегивающие внутренний карман, вынимающие футляр. В этом футляре хранится их собственность. Они доверили эту собственность ему. Он должен ее доставить.

Он открывает футляр.

Черная поцарапанная пластиковая оправа, кассета со стертым до полной неразборчивости ярлыком, желтые полупрозрачные наушники.

Курьер слышит, как в глубине его гортани образуется высокий, почти свистящий звук. Такой же, как много-много лет назад, когда упала первая мина.

6
Мост

Ямадзаки аккуратно отсчитал тридцать процентов чаевых, расплатился, открыл заднюю дверцу машины и с облегчением покинул бугристое, продавленное сиденье. Таксер, прекрасно знавший, какие они богатые, эти японцы, мрачно пересчитал грязные, потрепанные купюры, а затем опустил три пятидолларовые монетки в треснутый термос, примотанный скотчем к облезлой приборной доске. Ямадзаки, никогда не бывший богачом, вскинул сумку на плечо, повернулся и зашагал к мосту. Лучи утреннего солнца косо прорезали прихотливое сплетение вторичных конструкций – картина, неизменно заставлявшая его сердце сжиматься.

Структура пролетов была строгой и гармоничной, как современная компьютерная программа, но на ней выросла иная реальность, ставившая перед собой иные задачи. Реальность эта образовалась по кусочку, без единого плана, с использованием всех, какие только можно себе представить, техник и материалов. В результате получилось нечто аморфное, расплывчатое, поразительно органичное. Ночью эти строения, освещенные цветными лампочками, факелами и старыми неоновыми трубками, обретшими в руках местных умельцев вторую жизнь, клубились какой-то странной средневековой энергией. Днем, издалека, они напоминали Англию, развалины Брайтонского пирса, перемешанные в некоем треснутом калейдоскопе местного стиля.

Стальной костяк моста, его туго напряженные сухожилия полностью терялись в коралловом нагромождении горячечных снов. Татуировочные салоны, игорные ряды, тускло освещенные лотки, торгующие пожелтевшими, рассыпающимися на листки журналами, лавки с рыболовной наживкой и лавки с пиротехникой, крошечные, безо всяких лицензий работающие ломбарды, лекари-травники, парикмахерские, бары. Сны о коммерции затопили уровни моста, по которым двигались когда-то транспортные потоки. Выше, поднимаясь до самых вершин вантовых устоев, повисло невообразимое в своем разнообразии хитросплетение баррио[10], птичьи гнезда никем не исчисленных, да, пожалуй, и неисчислимых людей.

Первое знакомство Ямадзаки с мостом произошло ночью, три недели назад. Он стоял в тумане, среди торговцев, среди фруктов и овощей, разложенных на одеялах, стоял и с гулко бьющимся

сердцем смотрел в широкий зев пещеры. Рваная, скособоченная арка неоновых ламп окрашивала пар, поднимающийся над котлами торговцев супом, в адские огненные тона. Туман размывал все очертания, люди и предметы плавно переходили друг в друга, сплавлялись воедино. Телеприсутствие лишь в очень малой степени передавало магию, необычность, невозможность этого места; полный благоговения, Ямадзаки медленно углубился в неоновый лабиринт, в безудержный карнавал неведомо где найденных – или украденных – поверхностей, слепленных в калейдоскопически пестрое одеяло. Волшебная страна. Высеребренная дождями фанера, обломки мрамора со стен давно позабытых банков, покореженный пластик, сверкающая бронза, раскрашенный холст, зеркала, хромированный металл, потускневший и облезший в соленом воздухе. Так много всего, роскошный пир для ненасытных глаз; путешествие сюда не было напрасным.

Во всем мире нет и не может быть более великолепного томассона.

Сегодня утром он снова вступил в этот мир, в знакомую уже толчею тележек с мороженым и жареной рыбой, оглашаемую столь же знакомым дребезгом машины, пекущей мексиканские лепешки, и пробрался к кофейной лавке, напоминающей своим интерьером древний паром – темный исцарапанный лак по гладкому массивному дереву, словно кто-то и вправду отпилил эту лавку целиком от заброшенного корабля. Что совсем не исключено, подумал Ямадзаки, садясь за длинную стойку. Подальше, к Окленду, за этим опасным островом, в бесконечной туше «Боинга-747» дружно обосновались кухни девяти таиландских ресторанчиков.

На запястьях официантки (хозяйки?) ярко синели татуированные браслеты в виде стилизованных ящериц. Кофе здесь подавали в чашках из толстого, тяжелого фаянса. Все чашки были разные. Ямадзаки вынул из сумки записную книжку, включил ее и бегло набросал свою чашку; сетка трещин на белой глазури напоминала миниатюрную кафельную мозаику. Отхлебывая кофе, он просмотрел вчерашние заметки. Сознание человека по фамилии Скиннер удивительно напоминало мост. К некоему изначальному каркасу постепенно прилипали посторонние разношерстные и неожиданные элементы; в конце концов критическая точка была пройдена, и появилась совершенно новая программа. Новая – но какая?

Ямадзаки попросил Скиннера объяснить, каким образом происходило обрастание моста, создавшее вторичную структуру. Чем мотивировался каждый конкретный, индивидуальный

строитель? Записная книжка зафиксировала, транскрибировала и перевела на японский язык путаные, невнятные объяснения.

> Вот тут этот мужик, он раз рыбу ловил, ну и крючок вроде как зацепился. Тянул-тянул, вытащил мотоцикл. Весь ракушками обросший. Люди смеялись. А он взял этот мотоцикл и построил закусочную. Бульон из ракушек, холодные вареные мидии. Мексиканское пиво. Повесил мотоцикл над стойкой. Всего три табуретки и стойка, и он выставил свою халупу футов на восемь за край, закрепил суперклеем и скобами. Стенки внутри заклеил открытками, вроде как дранкой. Тут же и спал, за стойкой. Раз утром смотрим, а его нет. Только и осталось что лопнувшая скоба да на стене цирюльни – несколько щепок приклеены. У него там хорошо было, можно было смотреть вниз и видеть воду. Вот только слишком уж далеко он высунулся.

Ямадзаки смотрел на поднимающийся от кофе пар и пытался представить себе обросший ракушками мотоцикл – тоже, кстати сказать, весьма примечательный томассон. «А что это такое – томассон?» – заинтересовался Скиннер; пришлось объяснить американцу происхождение, современный смысл и область применения этого термина, что и было зафиксировано записной книжкой.

> Исходный Томассон был игроком в бейсбол. Американец, очень сильный и красивый. В 1982 году он перешел в «Йомиури Джайантс», за огромные деньги. Вскоре выяснилось, что он не может попасть битой по мячу. Писатель и художник Гемпей Акасегава стал использовать его фамилию для обозначения определенного класса бесполезных и непонятных сооружений, бессмысленных элементов городского пейзажа, странным образом превращающихся в произведения искусства. Позднее термин приобрел и другие значения, заметно отличающиеся от первоначального. Если хотите, я могу войти в справочник «Гэндай Його Кисогисики», то есть «Основы понимания современной терминологии», и перевести на английский полный набор определений.

Однако Скиннер – седой, небритый, с красными пятнышками лопнувших сосудов на пожелтевших белках ярко-синих глаз – равнодушно пожал плечами. Ямадзаки успел уже

проинтервьюировать троих местных, все они единодушно называли Скиннера старожилом, одним из первопоселенцев моста. Само расположение его комнаты свидетельствовало об определенном статусе – факт, мягко говоря, странный: неужели найдется много охотников жить у самой верхушки одного из устоев? До установки электрического лифта подъем на такую высоту мог вымотать кого угодно. Теперь, с поврежденным бедром, старик превратился в беспомощного инвалида, полностью зависел от соседей и этой девушки. Они приносили ему еду, воду, следили, чтобы работал химический туалет. Девушка получала за свои хлопоты крышу над головой, но было в ее отношениях со Скиннером и нечто более сложное, глубокое.

Трудно понять Скиннера, очень трудно, это связано с его возрастом, либо со складом личности, либо и с тем и с другим одновременно, а вот девушка, живущая в его комнате, просто хмурая и неразговорчивая. Ямадзаки уже привык, что почти все молодые американцы хмурые и неразговорчивые, возможно, они просто не хотят раскрываться перед иностранцем, японцем, который к тому же задает слишком много вопросов.

Он посмотрел вдоль стойки, на профили других посетителей. Американцы. То, что он действительно сидит здесь, пьет кофе рядом с этими людьми, казалось чудом. Необыкновенное ощущение. Ямадзаки начал писать в записной книжке, кончик карандаша негромко постукивал по экрану.

> Квартира в высоком викторианском доме, построенном из дерева и тщательно покрашенном; все улицы этого района названы в честь американских политиков девятнадцатого века. Клей, Скотт, Пирс, Джексон. Сегодня утром, во вторник, покидая квартиру, я заметил на верхнем столбике лестничных перил следы снятых петель. Я думаю, что к этим петлям была когда-то подвешена калитка, преграждавшая путь детям. Затем я шел по улице Скотта, ловил такси и увидел на тротуаре мокрую от дождя почтовую открытку. Узкое лицо великомученика Шейпли, ВИЧ-святого, покрылось неприятными пузырями. Очень печальное зрелище.

– Зря они так говорят, не нужно бы так. Это я, в смысле, насчет Годзиллы.

Ямадзаки озадаченно уставился в негодующее лицо официантки (хозяйки?).

– Извините?

– Не нужно было им так говорить. Про Годзиллу. Не над чем тут смеяться. У нас тут тоже были землетрясения, но вы же над

нами не смеялись.

7
Чтобы все было о’кей

– Пошли на кухню, а то я еще не завтракал, – сказал Райделл.

Увидев Эрнандеса в цивильной одежде, он испытал нечто вроде потрясения, хотя чего тут, собственно, так уж потрясаться. На службе – форма, а после звонка носи что хочешь. Например, тускло-голубой безрукавный комбинезон и немецкие пляжные сандалии с пу´почками на стельках, которые, считается, все время массируют тебе ступни и ты от этого очень здоровый. На предплечьях Эрнандеса синели крупные римские цифры – грехи молодости, такого типа татуировки делают себе члены молодежных банд. Ступни у него были коричневые от загара и какие-то такие, ну, вроде как медвежистые.

Сейчас, во вторник утром, они были в доме одни. Кевин уехал в «Раздвинь пошире ноги», остальные тоже разошлись по своим делам, чем бы уж там они ни занимались. Про Монику неизвестно, может, сидит в своем гараже, а может, и нет, она с соседями не общается.

Райделл достал из буфета свой личный пакет кукурузных хлопьев, заглянул внутрь. На одну миску вроде бы хватит. Затем он открыл холодильник и взял с решетчатой полки литровую пластиковую флягу с жирной надписью красным маркером: «МОЛОЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ».

– Что это такое? – поинтересовался Эрнандес.

– Молоко.

– А зачем там написано «эксперимент»?

– Чтобы никто не выпил. Я придумал это еще в академии, когда жил в общаге.

Он высыпал хлопья в миску, залил их молоком, нашел ложку и перенес все завтракательное хозяйство на кухонный стол. Миску стол выдерживал, но ставить на него локти было нельзя – одна из ножек все время норовила подломиться.

– Как рука?

– Прекрасно.

Райделл снова забыл про своенравность стола и оперся о него локтями – по ободранному белому пластику потекла река молочно-кукурузной жижи.

– На, вытри. – Эрнандес отмотал от рулона длинный кусок бежевого бумажного полотенца.

– Это этого хрена, – заметил Райделл. – Он дико не любит, когда мы ими пользуемся.

– Полотенечный эксперимент, – ухмыльнулся Эрнандес, бросая Райделлу бумажный ком.

Райделл промокнул молоко и собрал большую часть хлопьев. Он не мог себе представить, чего это Эрнандесу здесь потребовалось; с другой стороны, он ровно так же не мог себе прежде представить Эрнандеса раскатывающим на белом «дайхацу сникере» с динамической голограммой водопада на капоте.

– Хорошая у тебя машина, – сказал Райделл, выскребая из миски остатки хлопьев.

– Дочкина. Роза откомандировала меня в ремонтную мастерскую.

Райделл прожевал хлопья, сглотнул.

– Что, тормоза или что?

– В рот долбаный водопад. Там должны быть еще всякие мелкие зверюшки, они раньше вроде как высовывались из кустов и смотрели на него, на водопад то есть. – Эрнандес прислонился к стене, взглянул на пальцы, высовывавшиеся из пупырчатых сандалий. – Такие вроде как коста-риканские животины. Экология. Роза, она у меня насквозь зеленая. Заставила нас перепахать все, что осталось от газона, и посадила эти сберегающие грунт штуки – ну знаешь, которые вроде серых пауков. А в мастерской они не могут вытащить этих чертовых зверюг из кустов, не могут – и все тут, ну хоть тресни. У нас ведь и гарантия не кончилась, и все эти дела, а толку – хрен.

Он сокрушенно помотал головой.

Райделл покончил с хлопьями.

– А вот ты, Райделл, ты был когда-нибудь в Коста-Рике?

– Не-а.

– Потрясуха у них. Ну прямо тебе Швейцария.

– Я и там не был.

– Да нет, я в смысле, что они делают с информацией. Точно как швейцарцы.

– Надежное хранение?

– Верно сечешь. Хитрые они ребята. У них же ни армии, ни флота, ни авиации, ни хрена, сплошная нейтральность. И они хранят для всех ихнюю информацию.

– Вне зависимости, что это за информация?

– Возьми с полки пирожок. Хитрые, говорю, ребята. И все заработанные деньги они тратят на *экологию*.

Райделл отнес миску, ложку и влажный полотенечный ком к раковине. Он вымыл миску и ложку, вытер их, запихнул ком поглубже в подвешенный к раковине мусорный мешок, выпрямился и взглянул на Эрнандеса.

– Нужна от меня какая-нибудь помощь?

– Наоборот, – улыбнулся Эрнандес, – это я хочу тебе помочь.

Странная у него была улыбочка, не вселяющая особых надежд.

– Я же тут все о тебе думал. В какое ты попал положение. Хреново это, точно говорю – хреново. Настоящим копом ты уже не будешь. Теперь, когда ты от нас уволился, я не смогу взять тебя обратно ни на какую работу, ни даже ворота где-нибудь сторожить. Ну, может, ты сумеешь устроиться в какую еще контору, назначат тебя в винный магазин, будешь сидеть в конуре, как бобик. Устраивает это тебя?

– Нет.

– Вот и правильно, что не устраивает, ведь на такой работе угробить могут на хрен. Придет какой-нибудь придурок и разнесет эту твою конуру.

– В данный момент я веду переговоры насчет места в торговле.

– Не брешешь? Торговля? Чем торговать?

– Кровати, склепанные из чугунных садовых негритят. А еще – узоры, сплетенные из столетней давности человеческих волос.

Эрнандес сощурил глаза и направился к двери. Райделл решил было, что бывший начальничек обиделся и уходит, однако тот просто начал разгуливать из угла в угол; дурацкая привычка, он и в «Интенсекьюре» всегда так. Развернувшись перед самой дверью, Эрнандес пошел прямо на Райделла.

– Вот такие мы, значит, крутые и все нам по хрену? Ты иногда таким себя мудаком ведешь, что я просто и не знаю. Кончил бы выкобениваться и подумал – а вдруг я и вправду хочу тебе помочь? – Он снова зашагал к двери.

– А ты бы сказал в простоте, что ты там такое придумал.

Эрнандес остановился, повернулся к Райделлу, вздохнул.

– Ты ведь вроде никогда не бывал в Северной Калифорнии, верно? В Сан-Франциско бывал? Есть там кто-нибудь, кто тебя знает?

– Нет.

– «Интенсекьюр» имеет там лицензию, в Северной этой Калифорнии. Другой штат, другие законы, другое отношение к делу, прямо что тебе другая трижды долбаная страна, но у нас и там до хрена всего. Административные корпуса охраняем, гостиницы. Огражденные жилые кварталы – с этим там послабее, разве что в пригородах. «Конкорд», «Асьенда Бизнес-Центр», всякая такая мутотень. Это тоже на нас – не все, но большая часть.

– Так это ж та же самая шарага. Не берут меня здесь, так и

в Сан-Франциско будет то же.

– Возьми второй пирожок, если там осталось. Никто и не говорит, чтобы тебя *нанимать*. Просто там есть один мужик, с которым можно договориться. Он работает вроде как сам от себя, свободный такой художник. У фирмы возникают иногда *проблемы*, и тогда они привлекают кого-нибудь со стороны. И *этот* мужик, он не интенсекьюровский. Гуляет сам по себе. Тамошняя наша контора, у них вот сейчас и возникли проблемы.

– Подожди, подожди. О чем мы, собственно, говорим? О вооруженной охране?

– Этот мужик, он ищейка. Знаешь, что это такое?

– Ищет людей, сбежавших от долгов, от просроченной квартплаты и все такое.

– Или ребенка, сбежавшего от родителей, или кого угодно. Но на такие дела в наше время ищеек почти не нанимают, теперь же компьютерная сеть. Посылай почаще запрос с фотографией в «Дейтамерику», и найдешь голубчиков как миленьких, не сегодня, так завтра. А то, – Эрнандес пожал плечами, – можно и к копам обратиться.

– А потому главная задача ищейки… – начал Райделл, вспомнив одну из передач «Влипших копов».

– Избавлять клиентов от необходимости обращаться к копам.

– Или в лицензированное сыскное бюро.

– Совершенно верно, – кивнул Эрнандес.

Райделл направился к двери; сзади по тусклому кафелю кухонного пола зашлепали немецкие пляжные сандалии. Только сейчас он почувствовал запах табака. Вчера на кухне кто-то курил – нарушение условий аренды. Узнает хозяин – крику не оберешься. Хозяин, сербский эмигрант, ездил в дряхлом пятнадцатилетнем «БМВ», носил идиотские тирольские шляпы и откликался на имя Уолли. Зная, что Райделл работает на «Интенсекьюр», Уолли подвел его как-то к своему «БМВ» и вытащил из-под приборной доски хитрый электрический фонарик – здоровенную такую, больше фута длиной, штуку со специальной кнопкой, чтобы выдавать мощную струю перечного газа. Он спросил Райделла, как тот думает – «хватит» этого или «не хватит».

Райделл соврал. Он сказал Уолли, что люди, принимающие *много* «плясуна», они даже *любят* получить хорошую дозу хорошего перечного газа. Он им вроде как нос прочищает и мозги. Бодрости прибавляет. Они *торчат* на нем, на этом перце.

Войдя в комнату, Райделл взглянул под ноги и вдруг, после стольких-то недель, заметил, что ковер здесь точно такой же, как тот, по которому он ползал на карачках тогда, еще в Ноксвилле, в

квартире этой самой стервы, подружки сбрендившего Терви. Чуть почище, но все равно такой же. Странно, как он раньше-то не заметил.

– Послушай, Райделл, не хочешь, так и не надо, и слава богу. У меня выходной, отдыхать надо, а я тут с тобой рассусоливаю. Ну да, понимаю, тебя кинули какие-то там хакеры, ты купился и среагировал слишком уж активно. Понимаю и сочувствую. Но так уж случилось, никуда от того не денешься, а я хочу тебе помочь и предлагаю что уж могу – ничего другого у меня нет. И еще. Если ты справишься, поможешь фирме, об этом узнают в Сингапуре и тогда, может быть, что-нибудь изменится.

– Эрнандес…

– У меня сегодня выходной…

– Слушай, да я же не умею искать людей…

– Ты умеешь водить машину. А ничего другого и не надо. Ты будешь при нем, при этом сыщике, водителем. Сам он не может водить, ногу недавно покалечил. А тут дело такое, вроде как деликатное. Мозгами нужно ворочать. Вот я и сказал им, что ты, значит, ты справишься. Так вот прямо и сказал – сказал им, что ты справишься.

На кушетке валялся очередной подарок Моники – «Пипл», раскрытый на статье о Гудрун Уивер, сорокалетней актрисе, пришедшей к Богу благодаря стараниям преподобного Уэйна Фаллона. Большая, на целую страницу фотография: Гудрун Уивер лежит на диване, напряженно вглядываясь в здоровенную батарею телевизионных экранов, на каждом из которых один и тот же древний фильм.

Райделл увидел самого себя со стороны: лежит мужик на надувном матрасе, тупо созерцая пластиковые цветочки и автомобильные стикеры.

– А там как, все чисто? Все по закону?

– По закону? – Эрнандес хлопнул себя по серо-голубому бедру; звук получился громкий, как пистолетный выстрел. – Мы же говорим с тобой *о серьезных людях*. Я же помочь хочу тебе, понимаешь? За кого ты меня держишь? Ну на хрена стану я подбивать тебя на что-нибудь незаконное?

– Так что же я, собственно, должен делать? Просто явиться туда и сесть за баранку?

– Ну да. Машину водить, машину, сколько раз тебе говорить! Мистер Уорбэйби скажет куда, и ты его повезешь.

– Кто?

– Уорбэйби. Люциус Уорбэйби.

Райделл взял «Пипл», перелистнул страницу и наткнулся на фотографию Гудрун Уивер с преподобным Уэйном Фаллоном.

Сорокалетняя актриса Гудрун Уивер выглядела как сорокалетняя актриса. Преподобный Фаллон выглядел как жирная крыса с чужими волосами и в смокинге за десять тысяч.

– Этот Уорбэйби, он же, Берри, чуть не лучший в своей профессии, а может, и лучший. В рот долбаная звезда. Иначе б они его и не наняли. Будешь с ним работать – многому научишься. Ты же парень совсем молодой, мозги еще не заржавели, тебе только учиться и учиться.

Райделл бросил журнал на прежнее место.

– А кого они там ищут?

– Гостиничная кража. Кто-то что-то спер. А охрана там была наша. В Сингапуре из-за этого все на ушах стоят. Вот и все, больше я ничего не знаю.

Райделл стоял под парковочным навесом и вглядывался в мерцающие глубины голографического водопада, в туман, сочащийся между ярко-зелеными ветвями тропических деревьев. Красиво. Однажды он видел «харлей-дэвидсон», буквально кишащий мерзкими, в натуральную величину, насекомыми. По всей раме, кроме тех мест, где хромировка, – скорпионы, фаланги, мокрицы, да все, что угодно, и все ползают, шевелятся.

– Видишь? – сказал Эрнандес. – Вот тут, где вроде как размыто. Тут, по идее, должен быть этот долбаный *ленивец*. Или лемур, хрен его знает. Заводская трижды в рот долбаная гарантия.

– И когда я должен ехать?

– Вот, возьми номер. – Эрнандес сунул Райделлу клочок желтой бумаги. – Позвони, они тебе все скажут.

– Спасибо.

– Слышь, – сказал Эрнандес, – я же хочу, чтобы у тебя все было о’кей. Честно хочу. И ты только посмотри на это говно. – Он ткнул в капот «сникера». – В рот долбаная гарантия.

8
На другое утро

Шеветте снилось, что сильный боковой ветер сносит ее на встречную полосу; после поворота с Фолсом-стрит на Шестую стало легче – теперь мягкая невидимая рука подталкивала ее в спину. Она дважды проскочила на красный, у рынка едва-едва успела под зеленый и притормозила, чтобы не вылететь из седла, переваливая через рельсы.

Дальше самый трудный участок пути – крутой подъем по Тэйлора на Ноб-хилл; Шеветта пригнулась к рулю.

– Ну, давай! – скомандовала она себе. – Сегодня ты справишься.

За спиной – дружеская ладонь ветра, впереди, над вершиной холма, – голубое, безоблачное небо; отчаянно работая ногами, Шеветта перевела передачу, почувствовала, как цепь клацнула о зубья огромной, по специальному заказу сделанной звездочки, звездочки слишком большой для ее велосипеда – для любого велосипеда. Крутить стало легче, и все равно она проигрывала, безнадежно проигрывала…

Шеветта закричала, встала на педалях и нажала из *последних* сил, ощущая, как остатки гликогена в крови превращаются в молочную кислоту. Вот она, вершина, совсем рядом…

Сквозь круглое окно, сквозь секторы разноцветного стекла в комнату Скиннера падают косые лучи солнца. Вторник. Утро.

На стене, сплошь заставленной пачками желтых, потрепанных «Нешнл джиогрэфик», четко вырисовывается паутинный рисунок оконного переплета с двумя черными мохнатыми пятнами – два стекла вывалились, пришлось заткнуть дырки тряпками. Скиннер, одетый в старую клетчатую рубашку, сидит на кровати, чуть не до подбородка подтянув одеяло и спальник. Собственно говоря, это не кровать, а массивная дубовая дверь, установленная на четырех ржавых колесных ступицах от «фольксвагена» и застеленная пенкой. Шеветта спит на полу на другом, поуже, куске пенки, который она по утрам сворачивает и прячет за длинный деревянный ящик, до краев заваленный аккуратно смазанными инструментами. Запах смазки не покидает ее даже во сне, но Шеветта уже привыкла и почти его не замечает.

Выпростанную наружу руку обожгло ноябрьским холодом. Шеветта дотянулась до свитера, лежащего на деревянной, грубо покрашенной табуретке, затащила свитер к себе в спальник, влезла в него, для чего потребовалось минуты две извиваться

ужом, и встала. Свитер свисал почти до колен, Шеветте приходилось непрерывно его поддергивать, чтобы растянутая пройма не соскользнула с плеч. Скиннер молчал – утром он всегда так.

Шеветта протерла глаза, вскарабкалась на пятую перекладину привинченной к стене лестницы, отодвинула не глядя засов и распахнула люк. Подняться на крышу, поздороваться с водой и с городом – непременный утренний ритуал, нарушавшийся только в редких случаях. Если шел дождь или над заливом стоял густой туман, Шеветте приходилось сперва накачать примус – музейную редкость с ярко-красным бачком и латунной, дочерна закопченной горелкой. Обычно Скиннер делал это сам, но в сырую погоду он почти не вылезал из кровати, жаловался, что ноют все кости, особенно бедро.

Шеветта высунулась из квадратного отверстия и присела на край, свесив босые ноги в комнату. Солнце пекло уже в полную силу, серебристая дымка тумана таяла буквально на глазах. Скоро будет совсем жарко, черный прямоугольник крыши накалится, смоляной запах размягченного асфальта проникнет даже в комнату.

Скиннер показывал ей «Нешнл джиогрэфик» со снимками карьеров Ла-Бреа и бедных-несчастных зверюг, живших миллионы лет назад в тех местах, где теперь Лос-Анджелес, и утонувших в смоле. Вот так-то и добывают асфальт; асфальт – минерал, а не какая-то там гадость, изготовленная на химическом заводе. Скиннер любил точно знать, откуда что берется.

Куртка, которую он дал Шеветте, была сшита в ателье Д. Льюиса на Грейт-Портленд-стрит. Это не здесь такая улица, а в Лондоне. Скиннер любил карты. К некоторым номерам «Нешнл джиогрэфик» прилагались карты, и все изображенные на них страны были похожи друг на друга – большие, от края до края листа, пятна, выкрашенные одним цветом. Неимоверное множество стран, среди которых попадались и настоящие гиганты: Канада, СССР, Бразилия, – только этих, больших, теперь уже нет, они рассыпались по кусочку. То же самое, говорит Скиннер, происходит и с Америкой, хотя она и не хочет в этом признаваться. Вот, скажем, теперь две Калифорнии, а когда-то была одна, один большой штат.

Если посмотреть на комнату и на крышу, то комната вроде как больше, хотя она и забита всяким скиннеровским барахлом, а на крыше только-то и стоит, что ржавая металлическая тележка с парой рулонов толя, и размеры у них, у крыши и комнаты, конечно же, одинаковые – двенадцать футов на восемнадцать.

Слева, чуть подальше четвертой опоры, виднелся Остров

Сокровищ, струйка дыма от горящего на берегу костра бесследно терялась в тумане. На самой опоре недавно установили здоровую штуку вроде купола, почти шар; треугольные секции сверкали, как начищенная латунь, но Скиннер объяснил, что это просто майлар, натянутый на деревянный каркас. У них там релейная станция, штука такая, которая разговаривает со спутниками; надо сходить как-нибудь посмотреть.

Рядом, на уровне глаз, скользнула серая чайка.

Город выглядел точно так же, как и всегда: частокол административных башен – Шеветта знала их все по номерам, – а дальше холмы, похожие на спящих бегемотов. И гостиницу эту, ее тоже отсюда должно быть видно, раз оттуда был виден мост.

Вчерашний вечер грубо схватил Шеветту за загривок.

Она сама не верила, что умудрилась сморозить такую глупость. Футляр, вытащенный из кармана этого мудака, переместился в карман скиннеровской куртки, куртка же висит сейчас на железном крюке, сделанном в форме слоновой головы. И добро бы что интересное, а то очки – дорогие, судя по виду, и жутко темные, ничего сквозь них не видно. Гориллы, которые в вестибюле, просканировали на входе значки; с их точки зрения, она так до сих пор и торчит в той гостинице. Компьютер, конечно же, через какое-то время всполошился, начал ее искать. Если они запросят «Объединенную», можно сказать, что доставила пакет в восемьсот восьмой, а потом забыла про проверку на выходе и спустилась служебным лифтом. И ни про какую там пьянку слыхом не слыхала, да и кто ее, собственно, там видел? Да нет, засранец этот видел. И помнит, наверное, не такой уж он был пьяный. И мог сообразить, что это она прихватила его очки. Может, даже почувствовал что-нибудь в тот момент.

Скиннер крикнул, что кофе готов, а вот яиц нет, кончились. Шеветта спрыгнула вниз, ухватилась на лету за верхнюю перекладину лесенки и повисла.

– Оставь мне кофе.

Она натянула черные бумазейные лосины и сунула ноги в ботинки, даже не позаботившись их зашнуровать, а затем открыла люк, который в полу, и вылезла наружу, все еще полная тревожных мыслей про этого засранца, про его очки и свою работу. Теперь вниз, по десяти стальным ступенькам, приваренным к опоре старого подъемного крана. Корзина на месте, там, где она оставила ее вчера. Велосипед тоже на месте, да куда же он денется, прикованный цепью к опоре, с охранной системой да еще с двумя дополнительными сиренами на всякий пожарный случай. Шеветта перевалила через высокую, по пояс, боковину желтой пластмассовой корзины и стукнула по кнопке.

Заскулил мотор; здоровенный зубец, удерживающий корзину на месте, убрался, и она заскользила вниз. Скиннер называл подъемник своим фуникулером. Только он не сам сделал подъемник, его сделал черный парень по фамилии Фонтейн, это когда Скиннеру стало трудно карабкаться наверх и вниз. Фонтейн жил на другом, оклендском, конце с двумя женщинами и целой оравой детей, на нем держалось чуть не все электрическое хозяйство моста. Время от времени он приходил к Скиннеру в своем длинном твидовом пальто с двумя чемоданчиками, по одному в каждой руке, – у него там лежали инструменты. Он смазывал подъемник, проверял и говорил: «Все в порядке». У Шеветты был записан номер, чтобы позвонить ему, если что сломается, но такого еще не было.

При остановке корзину сильно тряхнуло. Шеветта выбралась на деревянные мостки и пошла вдоль сплошной стены молочно-белого, туго натянутого пластика, ярко подсвеченной изнутри галогенными лампами, испещренной тенями растений. Из-за стены доносилось неустанное бормотание воды в гидропонных грядках. Теперь за угол и вниз, к утреннему шуму и суете моста. Навстречу попался Найджел с одной из своих тележек, самой новой. Работает уже, доставляет.

– Привет, Вета, – широко ухмыльнулся Найджел. Это он ее всегда так называет.

– Яичную бабушку не видел?

– Поближе к городу. – «Городом» был исключительно Сан-Франциско, а Окленд – просто «Земля». – Сильная штука? – Он указал на тележку, малость придурочное лицо расцвело гордой улыбкой творца.

Черненая алюминиевая рама, тайваньские ступицы и ободья, новенькие, сверкающие спицы. Найджел ремонтировал велосипеды, среди его заказчиков были и курьеры «Объединенной» – те, которые все еще катались на металле. Ему не понравилось, когда Шеветта перешла на бумажную раму.

– Хорошая, – кивнула Шеветта, проведя пальцем по безукоризненно гладкому чернению.

– А это японское говно, оно еще не расслоилось?

– Ни в коем разе.

– Не расслоилось, так расслоится. Стукнешь посильнее, и разлетится твоя новомодная хрень, как стекло.

– Вот тогда я и приду к тебе, пожалуюсь.

– Тогда будет поздно, – покачал головой Найджел; облезлый рыболовный поплавок, свисавший с его левого уха, дернулся и закрутился.

Расставшись с Найджелом – он покатил свою тележку в

сторону Окленда, – Шеветта нашла старушку и купила у нее три яйца. Каждое яйцо было обернуто двумя большими сухими листьями какой-то травы. Фокус, волшебство. Эту упаковку не хотелось снимать, нарушать ее совершенство, а если уж снимешь, то никогда не завернешь яйца снова, и непонятно, как она это делает. Яичная старушка опустила пятидолларовую монету в маленькую сумочку, висевшую на костлявой шее. Зубов у нее не было, ни одного, от влажной щели запавшего рта радиально расходилась сеть глубоких, словно ножом прорезанных морщин.

Скиннер уже сидел за столом, больше похожим на полку, чем на стол, и пил кофе из стальной, сильно помятой термосной кружки. Вот так вот зайдешь, посмотришь, и он – ну разве это старик? Крупный мужик, ширококостный и совсем не такой вроде и старый. Седые волосы гладко зачесаны назад, на лбу – богатая, за долгую жизнь накопленная коллекция шрамов, вмятины всякие, борозды и пара черных пятнышек вроде татуировки; это где в рану попала какая-то черная пыль да так там и осталась.

Шеветта нарушила волшебство яичной старушки, развернула яйца и положила их в пластиковую миску. Скиннер тяжело встал со своего скрипучего стула, поморщился от боли в ноге. Взяв у Шеветты миску, он повернулся к примусу. Яичницу-болтушку Скиннер жарил без масла, на воде, говорил, что научился этому на каком-то корабле у кока. Яичница получалась хорошая, а что сковородку потом не отскребешь, так это уж не его забота. Оставив Скиннера заниматься яичницей, Шеветта подошла к висящей на слоновом крючке куртке и вынула футляр.

Совершенно непонятно, из чего он сделан; верный признак, что вещь дорогая. Что-то такое темно-серое, как карандашный грифель, и тонкое, как та же самая яичная скорлупа; и все-таки почему-то кажется, что по скорлупе этой хоть на грузовике катайся и ничего ей не будет. Вроде японской велосипедной рамы, которую Найджел хает. Как футляр открывать, это Шеветта сообразила еще вчера, – одним пальцем нажать сюда, другим сюда, и все в порядке. Никаких защелок, никаких пружин, ничего. И фирменной марки тоже нет, и номера патента. Внутри – что-то вроде черной замши, только это не замша, а какая-то другая хрень, потолще, и мягкая, как поролон.

И очки, большие и черные. Вроде как у этого Орбисона на постере, приклеенном к стене над Скиннеровой кроватью, *черно-белом* постере. Скиннер говорит: если хочешь приклеить постер, чтобы навсегда, нужно брать не клей, а сгущенное молоко. Молоко из консервной банки. Теперь консервную банку днем с огнем не сыщешь, но Шеветта еще помнила, что это такое, а странный мордастый парень в черных очках вот так вот и был

намертво приклеен к белой фанерной стене.

Шеветта вынула очки из футляра; черная, вроде замши, подстилка мгновенно спружинила, выпрямилась, превратилась в гладкую, без малейшей вмятины, плоскость.

Очки беспокоили Шеветту. И не только, что она их украла, а и вообще – странные они были какие-то. Слишком уж тяжелые, даже если учесть большие заушники. Оправа словно выточена из графита, а может, не «словно», а и вправду, вот ведь велосипедная рама: там бумажная серединка покрыта графитом, и это – самая современная технология, «Асахи инжиниринг» иначе не работает.

Стук деревянного шпателя: Скиннер взбалтывает яйца.

Шеветта надела очки. Темнота, полная темнота.

– Кэтрин Хэпберн, – сказал Скиннер.

– А? – переспросила Шеветта.

– У нее тоже были такие вот очки. Большие.

Шеветта взяла зажигалку, лежавшую рядом с примусом, щелкнула и попыталась рассмотреть пламя сквозь одно из стекол. Фиг там.

– И для чего же они такие, для сварки?

Скиннер выложил ее долю яичницы на алюминиевую армейскую тарелку с отштампованным годом выпуска «1952», а затем поставил тарелку на стол, рядом с вилкой и уже налитой кружкой черного кофе.

– Ничего не видно, черные, и все.

Шеветта положила очки на стол, пододвинула табуретку, села и взялась за яичницу. Скиннер тоже сел и начал есть, время от времени поглядывая на Шеветту.

– Советский Союз, – сказал он, глотнув кофе.

– Чего?

– Вот так вот они делали солнечные очки в светлой памяти Советском Союзе. Два завода солнечных очков, и один из них такие вот все время и выпускал. И прямо на склад, ведь никто их не покупал, покупали нормальные, с другого завода. Забили склад под самую крышу.

– Завод выпускал непрозрачные очки?

– Советский Союз, что ж ты хочешь.

– Они там что, были совсем с приветом?

– Не так-то все это просто… А где ты их взяла?

Шеветта взглянула на свою кружку.

– Нашла.

Она взяла кружку со стола, старательно глотнула.

– Работаешь сегодня?

Скиннер встал, заправил рубаху в джинсы, потрогал проржавевшую пряжку ремня, перевязанную для верности

проволокой.

– С обеда до пяти.

Шеветта взяла очки со стола, взвесила их в руке. Да, слишком уж тяжелые.

– Нужно позвать кого-нибудь, чтобы проверил топливные элементы.

– Фонтейна?

Скиннер не ответил. Шеветта уложила очки на черную замшу, закрыла футляр, встала, собрала со стола посуду и отнесла к раковине. Искоса взглянула на футляр.

Выкинуть надо, подумала она, и дело с концом.

9
Когда дипломатия бессильна

В тот же день, поближе к вечеру, Райделл сел в Бербанке на конвертиплан «Кал-Эр». Фредди, мужик из Сан-Франциско, сказал: приходи на аэродром, я забронирую билет и оплачу. Пассажиры здесь были попроще, и «Кал-Эр» считала излишним баловать их компьютерными развлечениями. Противно пищали дети. Райделлу досталось место у окна. Внизу плыла россыпь огней, чуть размытая и радужная, – кто-то из предыдущих пассажиров прислонился к стеклу набриолиненной головой. Калифорнийская долина. Бирюзовые бездны плавательных бассейнов, подсвеченных из-под воды. Большая это теперь редкость – плавательный бассейн. Тупая боль в руке.

Райделл прикрыл глаза и увидел отца, стоящего у кухонной раковины их флоридского автофургона. В этот момент смерть уже вызревала в нем, превращалась в факт, какая-то грань была пройдена. Отец стоял у раковины, мыл стакан и говорил о своем брате. Дядя Райделла был на три года младше отца и к тому времени пять лет уже как умер; однажды он прислал Райделлу из Африки футболку в пакете с мягкой, из пузырчатого пластика, подкладкой и с армейскими марками. На марках был один из древних бомбардировщиков, «B-52», и надпись: «КОГДА ДИПЛОМАТИЯ БЕССИЛЬНА».

– Как вы думаете, это что – Прибрежный хайвей?

Райделл открыл глаза. Соседка чуть привстала и вглядывалась в затянутый бриолиновой пленкой иллюминатор. Старая, старше, чем был бы сейчас отец, и похожа на миссис Армбрастер из пятого класса.

– Не знаю, – сказал Райделл, – может быть. То есть, – добавил он, – мне они все кажутся улицами, я не здешний.

Любознательная соседка улыбнулась и снова втиснулась в узкое кресло. Ну точно как миссис Армбрастер, такое же дикое сочетание твида и оксфордского хло́пка, та же индейская накидка. Уж эти бодрые старушонки в крепких, на толстой подошве ботинках!

– Никто из нас не здешний. – Морщинистая рука похлопала Райделла по коленке цвета хаки. («Да оставь ты себе эти брюки», – сказал Кевин.) – Такие уж времена.

– У-гу, – промычал Райделл, отчаянно нащупывая кнопку, опускающую сиденье, маленький стальной кружок, который поможет опрокинуться в некое подобие сна. Он снова закрыл

глаза.

– Хорошо, что до Сан-Франциско так близко. Я лечу туда, чтобы перевести своего покойного мужа в одну из малых криогенных фирм, – не отставала «миссис Армбрастер». – В фирму, предоставляющую клиентам *индивидуальные* консервационные модули. Реклама называет их «салонами» – гротескно, не правда ли?

Райделл нашел кнопку и выяснил, что «кал-эровские» сиденья откидываются не больше чем на десять сантиметров.

– Он в крио – сколько же это? – уже девять лет, и все это время я с ужасом думаю, что его мозг болтается там, в этом гелии, вместе с сотнями других. Завернутый в фольгу. Ну совсем как печеная картошка, верно?

Райделл открыл глаза. В данной ситуации не подходил ни один из возможных ответов.

– Или как кроссовки в сушилке, – сказала старуха. – Я понимаю, что все они насквозь промерзшие, и все равно вот как-то не чувствуется в этом настоящего, достойного *упокоения*.

Райделл разглядывал спинку переднего сиденья. Голый пластик. Серый. Безо всякого всего – телефона и того нет.

– Конечно же, эти маленькие конторы не могут обещать ничего нового в смысле грядущего пробуждения, но так будет пристойнее. Я *уверена*, что так будет пристойнее.

Молчать дальше было уже просто невежливо. Райделл повернул голову и, сам того не желая, встретился со старухой взглядом. Светло-карие глаза запутались в паутине тончайших морщинок.

– К тому времени, как он оттает – или что уж там они с ним в конечном итоге сделают, – меня к тому времени уже не будет, я не буду при этом присутствовать. Идея замораживания в корне противоречит моим принципам. Мы постоянно с ним спорили. Я не могла забыть о миллиардах мертвецов, о бесчисленных людях, умирающих в *бедных* странах. «Дэвид, – говорила я, – ну как ты можешь *помыслить* о таком, когда большая часть человечества не знает, что такое кондиционер?»

Райделл открыл рот. И снова закрыл.

– Лично я имею членский билет «Угасни в полночь».

Райделл не понимал выражения «членский билет», а вот что такое «Угасни в полночь», это он знал. Общество коллективной самоэвтаназии, запрещенное в штате Теннесси, только кто же сейчас смотрит на законы и запреты? Рассказывали, что они даже накрывают для врачей и санитаров скорой помощи стол – печенье обычно и молоко. Собираются группой в восемь-девять человек и – прямиком на тот свет. Никого не подводят, травятся хитрыми

смесями лекарств, имеющихся в свободной продаже, ни стуку ни грюку, сплошная благодать, вот они какие, эти УП. Упыри – так называют их санитары.

– Простите, пожалуйста, мэм, – сказал Райделл, – но мне просто необходимо немного поспать.

– Спите, юноша, спите, у вас и вправду очень усталый вид.

Райделл откинул голову на спинку, закрыл глаза и открыл их снова только тогда, когда резко изменился рев двигателей; конвертиплан шел на посадку.

– Томми Ли Джонс, – произнес черный парень.

Его прическа напоминала перевернутый цветочный горшок, обвитый аккуратно выдавленной спиральной дорожкой. Нечто вроде шрайнерской[11] фески, только без кисточки. Росту – пять футов, ядовито-желтая рубаха на три размера велика и разукрашена пистолетами всех существующих в природе систем, в натуральную величину, огромные темно-синие шорты болтаются ниже колен, круглые зеркальные очки со стеклами размером в пятидолларовую монету, длинные гольфы, кроссовки с крошечными красными светлячками по краю подошв.

– Обознался, – сказал Райделл.

– Не, мужик, ты *выглядишь* точно как он.

– Как кто?

– Томми Ли Джонс.

– Кто?

– Это, мужик, *актер* был такой.

Райделл на секунду решил, что этот парень тоже из последователей преподобного Фаллона. Вот даже очки – один к одному как Саблеттовы линзы.

– Ты Райделл. Мы прогнали тебя через «Двойника».

– Так ты – Фредди?

«Двойником» называлась полицейская программа, очень полезная при розыске пропавших. Сканируешь фотографию нужного тебе человека, получаешь на выходе фамилии полудюжины знаменитостей, а затем начинаешь опрашивать всех подряд, не попадался ли им в последнее время некто, хоть отдаленно напоминающий А, В, С… Странным образом, эта методика давала гораздо лучшие результаты, чем если попросту показывать людям снимок. В Ноксвиллской академии инструктор объяснял курсантам, что так в работу вовлекается отдел мозга, куда отложены сведения о знаменитостях. Райделл представлял себе этот отдел как специальный бугор или там шишку, занимающуюся кинозвездами, и ничем кроме. Интересно, неужели и вправду такие есть? Тогда понятно, почему Саблетт все

фильмы наизусть знает, шишка у него большая. Только вот когда Райделла прогоняли через «Двойника» в академии, получилось, что он точь-в-точь похож на Хауи Клактона, бейсболиста из Атланты, и никаких тебе Томми Ли Джонсов. Да и с Хауи Клактоном дело очень сомнительное, во всяком случае, сам Райделл не усматривал никакого сходства между собой и этим типом.

– Багаж есть? – спросил Фредди, протягивая Райделлу очень большую и очень мягкую ладонь.

– Только это. – Райделл подхватил свой «самсонит».

– А вон там мистер Уорбэйби.

Фредди указал кивком на одетую в полувоенную форму охранницу, проверявшую у пассажиров корешки билетов. Нет, не на охранницу, а чуть левее, где за барьером маячила чудовищная фигура негра, такого же широкого, как и сам Фредди, но раза в два выше.

– Большой человек.

– Угу, – кивнул Фредди, – и нам бы лучше поскорее, чтобы он долго не ждал. У мистера Уорбэйби болит нога, я говорил ему: да сидите вы в машине, но он буквально *настоял*, что придет сюда и встретит тебя лично.

По пути к турникету и пока охранница проверяла посадочный талон, Райделл внимательно изучал своего нового работодателя. Шесть с лишним футов, широкий, как шкаф, но главное, что огромный этот человек лучился огромным спокойствием – спокойствие, а еще какая-то такая печаль на лице. Черный телевизионный проповедник, которого отец смотрел в последние месяцы, вот у него было такое же лицо. Смотришь на этого проповедника, на его лицо, и чувствуешь, что он успел повидать все печальное дерьмо, какое только бывает, чувствуешь и вроде как начинаешь ему верить. Во всяком случае, отец верил. Может быть. *Отчасти* верил.

На негре было длинное пальто из оливкового, ромбиками простеганного шелка.

– Люциус Уорбэйби, – сказал он, вытаскивая из глубоких карманов огромные, Райделл таких в жизни не видел, ладони. В неимоверно низком голосе почти ощущались инфразвуковые гармоники. На старомодном, тяжелом, как кастет, кольце сверкала надпись алмазной крошкой по золоту: «УОРБЭЙБИ».

– Рад познакомиться, мистер Уорбэйби.

Рука Райделла утонула в гигантской черной клешне, его пальцы ощутили колкую шершавость алмазов.

Черный с загнутыми вверх полями стетсон сидел на голове Люциуса Уорбэйби ровно, как по ватерпасу, очки – прозрачные,

без диоптрий, стекла в тяжелой черной оправе – не исполняли никаких функций, кроме чисто декоративных. Сквозь никчемные эти стеклышки печально глядели чуть раскосые глаза необычного, золотисто-коричневого оттенка. Китайские глаза, решил про себя Райделл. Или кошачьи.

Великий сыщик опирался на больничный, с регулируемой длиной костыль; его новехонькие черные джинсы были заправлены в зеркально начищенные ковбойские сапоги трех разных оттенков все того же черного цвета, под левой штаниной угадывались контуры углеродно-волоконной шины.

– Ты вроде бы прилично водишь машину. – В голосе Уорбэйби звучала черная, беспросветная тоска. – Хуанито говорит, ты не знаешь этих мест…

– Совершенно не знаю.

Райделл никогда еще не слышал, чтобы Эрнандеса называли Хуанито.

– Это хорошо, – продолжал Уорбэйби. – Значит, и тебя здесь не знают. Фредди, возьми у парня сумку.

Фредди с явной неохотой освободил Райделла от багажа. По его лицу можно было подумать, что «самсонитовская» сумка – нечто не совсем пристойное, с чем не стоит появляться на людях.

Украшенная кольцом рука опустилась на плечо Райделла. Создавалось впечатление, что кольцо это весит фунтов тридцать.

– Хуанито говорил тебе, чем мы тут занимаемся?

– Сказал, что гостиничная кража. Что «Интенсекьюр» привлек вас по контракту и…

– Да, вот именно, кража. – Судя по виду и голосу Уорбэйби, на нем лежала ответственность за все беды земные и он твердо решил нести свое непосильное бремя до конца – каким бы ни был этот конец. – Нечто пропало. А теперь еще возникли… *осложнения*.

– Какие?

– Человек, заявивший о пропаже, умер, – тяжело вздохнул Уорбэйби.

В золотистых глазах – острый, настороженный блеск. Тяжелая, как гиря, рука убралась наконец с плеча Райделла.

– Умер? Каким образом?

– Убийство, – сказал Уорбэйби. Сказал тихо, печально, но очень отчетливо.

– Ты задаешься вопросом, откуда у меня такая фамилия, – сказал Уорбэйби, успевший уже втиснуть свое огромное тело на заднее сиденье черного фордовского «Патриота».

– Я задаюсь вопросом, в какую дырку засунуть ключ

зажигания, – пробурчал Райделл, изучавший непривычную приборную панель.

Американские производители упорно ставили на свои машины приборы, по одному на каждый показатель, в то время как весь остальной мир давно перешел на дисплеи. Возможно, именно поэтому в мире так мало американских машин. И мотоциклов с цепной передачей вроде «харлей-дэвидсона», тоже мало.

– Моя бабушка была вьетнамкой, – пророкотал Уорбэйби. Вот с таким, наверное, звуком скальная платформа, подпирающая Калифорнию, сдвинется однажды с места и ухнет куда-нибудь там в Китай. – А дедушка – из Детройта. *Солдат*. Привез ее из Сайгона, но потом они разбежались. *Мой* папа, его сын, сменил свою, то есть *его*, фамилию на Уорбэйби[12]. Жест такой. Дань чувствам.

– У-гу, – промычал Райделл, запуская двигатель «форда» и проверяя трансмиссию. Для него Сайгон был местом, куда богатенькие ребята летают отдыхать.

Привод на все четыре колеса. Керамическая броня. Гудировские «стритсвиперы», хорошие шины, враз не прострелишь, разве что из очень серьезного оружия. Перед вентиляционной решеткой болтается картонный освежитель воздуха, сделанный в виде симпатичной такой елочки.

– А насчет «Люциус» – этого я тебе сказать не могу.

– Мистер Уорбэйби, – раздраженно обернулся Райделл, – куда мы едем?

Негромко загудел вмонтированный в приборную доску модем.

– Мать твою, – присвистнул Фредди. – Ну что, суки, делают!

Райделл взглянул на выползавший из прорези факс. Толстый, абсолютно голый мужик на пропитанной кровью простыне. Лужа, море крови, не верится даже, что в человеке ее так много.

– Что это у него под подбородком? – спросил Райделл.

– Кубинский галстук.

– Нет, правда, что это? – Райделл говорил высоким, дрожащим, непривычным для самого себя голосом.

– Его собственный язык.

Фредди сорвал факс и передал его на заднее сиденье.

Райделл услышал шорох бумаги.

– Страшные люди, – сказал Уорбэйби. – Ужасно.

10
Современные танцы

Ямадзаки сидел на низкой деревянной табуретке и смотрел, как Скиннер бреется. Для такого случая Скиннер опустил ноги с кровати на пол; он выскребал лицо одноразовой бритвой, окуная ее время от времени в серый помятый алюминиевый тазик, зажатый между коленями.

– Бритва старая, – сказал Ямадзаки. – Вы не собираетесь ее выбросить?

Скиннер взглянул на пластиковую бритву, затем на японца.

– Дело в том, Скутер, что после некоторого момента эти штуки больше не тупятся.

Он намылил и выбрил верхнюю губу. Первые дни Ямадзаки был Кавасаки. А теперь вот – Скутер. Выцветшие, полуприкрытые красными набрякшими веками глаза старика смотрели спокойно, равнодушно, однако Ямадзаки казалось, что Скиннер внутренне смеется.

– Вам смешно на меня смотреть?

– Сегодня – нет. – Скиннер уронил бритву в тазик, хлопья пены и седые волоски шустро разбежались к краям. Поверхностное натяжение. – Во всяком случае, не так, как в тот день, когда ты гонялся за говешками.

Ямадзаки потратил недавно целое утро на составление схемы канализации группы жилищ, которую он называл про себя «квартал Скиннера». Прозрачные пятидюймовые шланги превращали это не очень аппетитное занятие в нечто вроде увлекательной детской игры. Ямадзаки выбирал какой-нибудь приметный ком отходов и следил, как тот движется от одного жилища к другому. Шланги свисали изящными, безо всякого порядка расположенными дугами, перепутывались, как нервные волокна, уходили в тысячегаллонный буферный бак, приваренный под мостом. Скиннер сказал, что, как только бак наполняется, ртутный выключатель, управляемый поплавком, приводит в действие струйный насос и все накопившиеся отбросы перекачиваются по трехфутовой трубе в городскую канализацию.

Интересный пример связи между автономной подпрограммой моста и программой города, есть о чем подумать, но сейчас гораздо важнее вытащить из Скиннера историю моста. Убежденный, что именно Скиннер обладает ключом к экзистенциальному смыслу моста, Ямадзаки полностью забросил прямые физические исследования здешних, крайне необычных

структур, чтобы проводить в компании старика как можно больше времени. Ежевечерне он отсылал собранные за день материалы на кафедру социологии Токийского университета.

Сегодня по пути к лифту он разминулся на лестнице с этой девушкой, она несла вниз велосипед. Девушка работает где-то в городе, курьером.

Важно ли, что Скиннер делит кров с особой, зарабатывающей хлеб свой насущный на этом архаичном перекрестке информации и топографии? Конторы, между которыми она мечется на велосипеде, объединены электронно, являются, по сути дела, одним огромным рабочим местом, все расстояния смазаны и упразднены монолитной системой, обеспечивающей мгновенную связь. Но ведь эту самую монолитность, благодаря которой материальная почта стала дорогостоящим капризом, можно рассматривать и как пористость, естественным образом создающую спрос на услуги, предоставляемые Скиннеровой жиличкой. Физически перенося клочки информации за пределами вездесущей, из той же самой информации состоящей Сети, она обеспечивает абсолютную, осязаемую надежность, нечто вроде твердой опоры в текучем, безбрежном океане. Вы знаете, что посланное вами письмо находится в сумке курьера и нигде кроме; если обратиться к услугам электроники, в момент передачи текст окажется *нигде*, а может – *везде*.

Ямадзаки находил Скиннерову девушку с белыми крепкими ногами и воинственно вздернутым хвостиком черных, чуть рыжеватых волос привлекательной, хотя и странноватой. Иностранка…

– Засыпаешь, Скутер?

Скиннер отставил тазик и привалился плечами к горе серых, чуть ли не плесневелых подушек. Фанерная, выкрашенная в белый цвет стена негромко скрипнула.

– Нет, Скиннер-сан. Но вы обещали рассказать мне про первую ночь, когда люди решили захватить мост…

Ямадзаки включил свою книжку на запись. Негромко и почтительно он произносил слова, специально подобранные, чтобы вызвать в собеседнике раздражение, развязать ему язык.

– Я ничего не *обещал*. Я уже говорил тебе, что… – Руки Скиннера слегка подрагивали.

– Но ведь как-то это случилось.

– Случиться может все, что угодно. *Случилась* та ночь. Никаких планов, никаких сигналов и вождей. А вы думаете, что это была политика. Этот танец, мальчик, он давно закончился.

– Но вы говорили, что люди были «готовы».

– Готовы, но не на все, что угодно. Вот этого-то ты, похоже, и

не понимаешь – верно? Мост – мост, он был здесь, но нам совсем не казалось, что он нас *ждет*. Ты понимаешь разницу?

– Я думаю…

– Ты думаешь жопой – и мысли у тебя соответственные.

Идиоматика Скиннера нередко приводила записную книжку в замешательство. К тому же он говорил не очень разборчиво, проглатывал куски слов. Экспертная система Осакского университета высказала предположение, что у данного субъекта повреждены ткани головного мозга, причиной чего может быть либо употребление низкокачественных наркотиков, либо микроинсульт. Сам же Ямадзаки думал, что Скиннер попросту слишком уж долго находился в сфере действия странного аттрактора, который и позволил мосту стать тем, чем он стал.

– Никто… – Скиннер говорил медленно, с расстановкой, словно подчеркивая значение своих слов. – Никто не *использовал* уже мост, ни для какой цели. И не собирался использовать, ты понимаешь?

Ямадзаки кивнул, глядя, как на экран ложится перевод Скиннеровых слов.

– Землетрясение раздолбало его на хрен. Туннель к острову завалило. Здесь же зона тектонической неустойчивости. Сперва они говорили, что подождите, все отстроим, от нуля, лучше, чем раньше, а потом оказалось, что нет денег. Тогда они огородили его с обоих концов бетонными надолбами, кольчужной сеткой, колючей проволокой. А потом появились немцы, года, наверное, через два, и продали им нанотехнологию, как построить новый туннель. Дешевый, для машин и поезда на магнитной подушке *одновременно*. Ты не поверишь, как быстро они все сварганили – как только сумели уломать в законодательном собрании зеленых, протащить проект. Ясное дело, это зеленое биотехническое лобби, оно заставило их выращивать секции в Неваде, в пустыне. Вроде как тыквы. Затем они притащили секции сюда вертолетами и покидали в залив. И соединили. Крошечные механизмы ползали там, как тараканы, скрепили все намертво, алле-гоп! – и вот вам туннель. А мост – мост так и остался.

Ямадзаки затаил дыхание, опасаясь, что Скиннер потеряет нить рассказа. Он делал это часто и, похоже, намеренно.

– Была эта женщина, она все повторяла, что нужно засадить его ползучими растениями, виргинским плющом… Другие, они говорили: снесите его к чертовой бабушке, а чего его сносить, еще одно землетрясение, и сам упадет. Одним словом – стоял он, мост. В городах уйма народу и негде жить. Картонные поселки в парках – так это еще кому повезет. Из Портленда привезли спринклеры, установили вокруг зданий. Обрызгивают все вокруг

и не очень вроде сильно, но уже на землю не ляжешь, не захочется. Хреновый он город, Портленд этот, такую пакость изобрели… – Скиннер закашлялся. – А затем, однажды ночью, люди взяли и *пошли*. Теперь чего только не рассказывают, как это вышло. И дождь тогда хлестал – страшное дело. Не лучшая погода для бунта.

Перед глазами Ямадзаки стояли два пролета заброшенного моста, ливень, разбухающие, как на дрожжах, толпы. Он видел, как люди штурмовали заграждения, облепили кольчужную сетку. Как сетка не выдержала веса сотен тел и упала. Затем они полезли на устои, многие падали и разбивались, но остальные упорно карабкались вверх. Утром насчитали больше тридцати трупов, вертолеты информационных агентств кружили вокруг стальных, облепленных людьми башен, как большие встревоженные стрекозы.

Ямадзаки много раз видел эти сцены у себя в Осаке, на экране видеомагнитофона, а Скиннер – он был там.

– Тысяча людей, а может, и больше. Это с нашего конца. И еще тысяча там, в Окленде. Мы пошли, потом побежали. Копы и не пытались нас остановить, да и чего бы ради? Чего там было сторожить? Просто у них был приказ предотвращать беспорядки, не позволять людям собираться большими толпами. У них и вертолеты были, светили на нас прожекторами сверху, через дождь. Это нам только помогало. У меня сапоги были, такие, с острыми носами. Подбежал к сетке, она была высотой футов в пятнадцать. Вбил с размаху в нее сапоги и полез. Лезть на такую сетку очень просто, всегда есть опора для ног. Лезешь себе и лезешь. Я буквально взлетел наверх. Там колючка спиралями, но люди, которые сзади, подавали доски, куртки, спальники – все, что угодно, чтобы накрыть колючку. У меня было такое чувство, словно я… ну, совсем ничего не вешу.

А у Ямадзаки было чувство, что он подобрался к самому сердцу проблемы.

– Я прыгнул. Не знаю уж, кто прыгнул *первым*, я просто прыгнул. Ударился о бетон. Кричали, все кричали. На той стороне, в Окленде, тоже прорвали заграждения. Там сетка была пониже. Мы видели, как они бегут по мосту. Полицейские вертушки освещали их прожекторами, а еще у некоторых были сигнальные красные фонари. Они бежали к Острову Сокровищ. С того времени, как ушли военные моряки, там никого не было. Мы тоже бежали. Встретились посередине и заорали: «Ура!» – все вместе… – Глаза Скиннера смотрели куда-то внутрь, в далекое прошлое. – А потом все пели – гимны, псалмы, да любую хрень. Толклись просто на месте и пели. Как сдуревшие. Я и многие

другие, мы были под кайфом. И мы видели копов, как они прут с обеих сторон. Суки подлые.

Ямадзаки судорожно сглотнул.

– И что тогда?

– Мы полезли. На башни эти, на устои. На них же, понимаешь, ступеньки были приварены, чтобы малярам забираться. Ну мы и полезли. К тому времени уже прилетели телевизионные вертолеты. Мы были сенсацией, нас показывали всему миру, а мы ничего не знали. Я так точно не знал. А и знали бы, так нам бы все равно это похрену. Мы просто лезли. А эти, с вертолетов, снимали и передавали все прямым эфиром. На другой день, потом, у копов была веселенькая жизнь, они же тоже засветились. Ребята падали, срывались и падали. Парень прямо передо мной, у него ботинки были обмотаны изоляционкой, чтобы подошва не отваливалась. Лента размокла, сползла, ноги соскальзывают. Прямо у меня перед мордой соскальзывают и соскальзывают, не увернешься – так каблуком в глаз… Сорвались у самого верха, обе сразу, ну будто договорились.

Скиннер замолк, словно прислушиваясь к отдаленному звуку. К удару тела о мостовую? Ямадзаки затаил дыхание.

– Когда лезешь наверх, сюда, – снова заговорил Скиннер, – первое, что надо запомнить, это не смотри вниз. Второе – чтобы всегда три точки опоры, отрывай от моста только одну руку или ногу, а остальными держись. А этот чудик, он этого не знал. Да еще в таких ботинках. Вот и полетел, спиной вниз. Не крикнул, не пискнул. Вроде как… ну… мужественно.

Ямадзаки зябко поежился.

– А я как лез, так и лез. Дождь кончился, рассвело. Вот тут и остался.

– И что вы при этом чувствовали?

– Чувствовал? – недоуменно сморгнул Скиннер.

– Ну тогда – что вы сделали, когда взобрались наверх?

– Я увидел город.

Желтая люлька напоминала одноразовую пластиковую чашку, выкинутую великаном. Ямадзаки опустился Скиннеровым лифтом туда, где начиналась лестница, сделал шаг и замер. Из темной приоткрытой двери доносились шлепанье карт, женский смех, возбужденные голоса, говорящие по-испански, а над всеми этими звуками, не заглушая их, но лишь оттеняя, – ровный, неумолчный шум вечерней жизни. За огромными, изогнутыми, как надутые паруса, листами пластика – винно-красный закат, вечерний бриз доносит запахи пригорелого масла и древесного дыма, сладковатый аромат гашиша. Мальчишки в драных кожаных куртках сидят на корточках, передвигают гладкие, ярко

выкрашенные камешки – фишки в какой-то непонятной игре.

Ямадзаки стоял не двигаясь, его правая рука лежала на деревянном поручне, испещренном дефисами аэрозольного серебра. Рассказ Скиннера гулом отдавался во всем окружающем, в тысяче мелких деталей, в неумытых улыбках и кухонном дыме, словно звон колокола, слишком низкий, чтобы его восприняло неопытное ухо чужака.

Закончилось не столетие, думал он, и даже не тысячелетие, закончилось нечто другое. Эра? Парадигма? Везде приметы конца.

Кончалась современность.

Здесь, на мосту, она давно уже кончилась.

А что родилось взамен? Теперь он пойдет к Окленду, прощупывать странное сердце этого нового, народившегося.

11
Крути педали

Сегодня, во вторник, она была как в отрубе. Драйва не было, наката. Банни Малатеста, диспетчер, он-то сразу просек и загундосил:

– Шев, не пойми меня не так, но у тебя что, месячные или что?

– Иди ты на хрен.

– Слышь, я же только и хотел сказать, что сегодня ты не такой, как всегда, живчик, только и хотел сказать.

– Давай адрес.

– Миссури, шестьсот пятьдесят пять, пятнадцатый, приемная.

Взяла пакет, двинула на Калифорнийскую, пятьсот пятьдесят пять, пятьдесят первый этаж. Сдала, получила подпись на корешке – и назад. День, такой многообещающий вначале, превращался в серую тягомотину.

– Монтгомери, четыреста пятьдесят шесть, тридцать третий, приемная, поднимайся грузовым лифтом.

Вложив уже руку в опознавательную петлю велосипеда – замерла.

– А это еще почему?

– Они говорят, курьеры исцарапали надписями все пассажирские лифты. Так что – грузовой, иначе они вышвырнут тебя и отнимут допуск, а «Объединенная» разорвет контракт. Ты же не хочешь без работы остаться, нет?

Она вспомнила эмблему Рингера, вырезанную на стенке одного из пассажирских лифтов этого самого Монтгомери, четыреста пятьдесят шесть. Долбаный Рингер испоганил больше лифтов, чем кто-либо другой в истории человечества. Инструменты с собой специально таскает, совсем спсихел.

В четыреста пятьдесят шестом ее нагрузили коробкой шире, чем по правилам, можно бы отказаться, но ничего, на багажник поместится, зачем передавать работу этим, с коляской? Отвезла, сдала, не успела выйти, как позвонил Банки, послал на Бил-стрит, пятьдесят, в кафе на втором этаже. Шеветта сразу догадалась, что там будет такое: дамская сумочка, завернутая в пластиковый мешок. И верно – коричневая кожаная сумка, кожа непонятная, то ли змеиная, то ли с ящерицы, а из угла какие-то зеленые стебельки торчат. Бабы всегда так – забудут свою сумку, потом вдруг вспомнят, звонят управляющему и просят: пришлите с рассыльным. Дают хорошие чаевые. Обычно. Рингер и некоторые

другие, они обязательно пороются в сумке, нет ли там наркотиков, если есть – прикарманят. А вот я такого не сделаю, подумала Шеветта. И сразу же вспомнила этого засранца с его сраными очками…

Сегодня ей много не наработать. В «Объединенной» не было системы, что отвез пакет – тут же получаешь новый адрес и крути педали; за каждым заказом приходилось возвращаться в диспетчерскую. Иногда, конечно, повезет – что-нибудь, как сейчас, срочное, и звонят: возьми там, отвези туда, а потом еще раз и еще, тогда за день набирается много доставок, но это редкость. Курьеры «Объединенной» выкладываются до предела. Однажды Шеветта сумела сделать за день шестнадцать ездок, так это было все равно что сорок в другой фирме.

Она отвезла сумку на Фултон-стрит и получила две пятерки – после того как клиентка проверила, все ли на месте.

– По правилам ресторан должен был сдать ее копам, – сказала Шеветта. – *Мы* не любим брать на себя ответственность.

Пустой, непонимающий взгляд сумковладелицы, какой-то секретарши или еще что. Шеветта спрятала пятерки.

– Алабама, двести девяносто восемь, – провозгласил Банни, словно преподнося ей бесценную жемчужину. – Хорошая разминка.

Ну да, пока туда доберешься – жопу до костей сотрешь. А потом – доставка. И сюда еще возвращаться, вот день и кончится. С такими маршрутами хрен что заработаешь.

И очки еще эти…

– Из тактических соображений, – сказала блондинка, – мы не одобряем использование насилия и черной магии в отношении частных лиц. *Пока*.

Шеветта только что вернулась в контору, на сегодня – все. Блондинка говорила с плоского си-эн-эновского экранчика, повешенного над дверью диспетчерской. Лицо ее было затянуто чем-то вроде черного чулка с тремя треугольными дырками для глаз и рта. По нижнему краю экрана светились голубоватые буквы: «ФИОНА ИКС, ПОЛНОМОЧНАЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦА ФРОНТА ОСВОБОЖДЕНИЯ САУТ-АЙЛЕНДА»[13].

Залитый слепящим светом флюоресцентных ламп коридор насквозь пропах горячим стиролом, копировальным порошком и пропотевшей обувью. А еще – лежалыми объедками прихваченных из дома завтраков. Этот запах на мгновение воскресил в памяти Шеветты муниципальный детский садик в Орегоне, промозглую сырость неотапливаемого помещения, унылые лучи бесцветного зимнего солнца, косо падающие сквозь высокие, густо покрытые

пылью окна. Безрадостные воспоминания длились недолго – хлопнула входная дверь, по металлическим ступенькам загрохотали шаги, через мгновение Шеветту догнал Сэмьюэл Саладин Дюпре. Огромные, умопомрачительно красные кроссовки густо заляпаны грязью, подсохшие брызги той же самой грязи облепили широкое, от уха до уха улыбающееся лицо.

– Чего лыбишься?

Сэмми Сэл Дюпре, самая мощная и красивая двухколесная машина в штате «Объединенной», вне всякой конкуренции. Под шестью футами двумя дюймами черного электричества угадывается невероятного совершенства каркас, прочный, как легированная сталь, подвижный, как ртуть. Шеветте иногда казалось, что кости у Сэмми и вправду металлические – вроде как у этого парня из старого кино, которого перекалечили, а он сделал себе протезы и пошел в политику. Тело Сэмми вызывало у большинства девиц острое желание шлепнуться на спину и раздвинуть ноги – у большинства, но не у Шеветты, прекрасно знавшей, что Сэмми голубой. Не говоря уж о том, что последнее время она как-то утратила интерес к этому занятию.

– Правду говоря, – сказал Сэмми Сэл, стирая тыльной стороной ладони грязь со щеки, – я решил убить Рингера. А правда, как тебе известно, дает *свободу*…[14]

– Ясненько, – кивнула Шеветта. – Тебя посылали сегодня в четыреста пятьдесят шестой.

– Да, лапа, да, именно так и было. На самую верхотуру, грязным служебным лифтом. Грязным, *еле ползущим* служебным лифтом. А почему бы это, как ты думаешь?

– Потому что они обнаружили на своей драгоценной латуни и нежно любимом розовом дереве высокохудожественную резьбу некоего неизвестного им, но прекрасно известного нам мастера.

– Точнехонько, зайка. – Сэмми Сэл снял с шеи белую с синим бандану и вытер лицо начисто. – А потому этот придурок умрет в страшных мучениях.

– …И обязан незамедлительно перейти к саботажу, – сказала Фиона Икс. – Каждый уклонившийся будет объявлен врагом человечества.

Дверь диспетчерской, увешенная сменными графиками, картами городских районов, мунистскими воззваниями и жалобами, полученными от клиентов по факсу, настолько плотно, что Шеветта даже не знала, какая поверхность скрывается под этой многослойной бумажной массой, распахнулась. Банни, словно встревоженная черепаха, высунул в коридор покрытую шрамами, неровно выбритую голову, прищурился от яркого света и взглянул вверх, привлеченный агрессивным голосом Фионы

Икс. При виде чулочной маски лицо Банни стало абсолютно безразличным, внутренний переключатель каналов в этой битой-лупленой башке сработал чуть ли не быстрее, чем глаза сфокусировались на экране.

– Ты. – Теперь он уставился на Шеветту. – Зайди-ка сюда.

– Не уходи, Сэмми, – сказала Шеветта. – Я сейчас.

Банни Малатеста мотался по Сан-Франциско на велосипеде тридцать лет кряду, мотался бы и дальше, не забарахли у него суставы и позвоночник. Работать с ним было очень хорошо – и одновременно очень плохо. Хорошо потому, что велосипедная карта города, хранившаяся в его щербатой репе, далеко превосходила все, что может вывести на экран компьютер. Банни знал каждое здание, каждую дверь, повадки всех охранных служб, знал курьерское дело *насквозь*. Более того, он знал весь курьерский фольклор, всю неписаную историю; слушая его рассказы, ты ощущал себя частью чего-то большого, хотя иногда и бредового, чего-то такого, что стоит делать. Да он и сам был живой легендой. Банни, ослепивший за свою карьеру семь полицейских машин – рекорд, до сих пор никем не побитый. Плохо – по тем же самым причинам, такому профи лапшу на уши не повесишь. Любого другого диспетчера можно было задурить, только не Банни. Он все знал и не давал никаких послаблений.

Банни подождал, пока Шеветта войдет в диспетчерскую, и закрыл дверь. На его жилистой шее болтались старые, скрепленные прозрачным скотчем наглазники. Окон в тесной конуре не было, лампы не горели – Банни считал, что ему вполне достаточно света, исходящего от полудюжины цветных мониторов, расставленных полукругом перед его черным вращающимся креслом. Патентованная медицинская подушка, привязанная к спинке кресла, напоминала розовую, чудовищно раздувшуюся гусеницу.

Банни потер спину, чуть повыше крестца, и болезненно сморщился.

– Позвонок проклятый, – сказал он не то чтобы Шеветте, а так, никому.

– Попросил бы Сэмми Сэла вправить, – посоветовала Шеветта. – У него здорово получается – хрустнет и на месте.

– Спасибо, у меня уже один раз хрустнуло. А теперь расскажи, чем ты занималась вчера в «Морриси». Пустяковый вопрос, тебе ведь нечего скрывать.

– Доставляла пакет, – сказала Шеветта, переходя в автоматический режим, как всегда, когда появлялась необходимость убедительно соврать. Она ожидала чего-то подобного, но не так же скоро.

Банни неторопливо снял наглазники с шеи, отключил их, положил на один из мониторов.

– А чего же это ты не отметилась на выходе? Охранники звонят мне, говорят, что ты вошла – точно вошла, они просканировали значки – и пропала. Испарилась. Слушайте, ребята, говорю я им, *сейчас* ее в вашей гостинице нету, я это точно знаю, потому что видел эту красавицу здесь собственными глазами, только что послал ее на Алабама-стрит.

Он внимательно следил за реакцией Шеветты.

– Понимаешь. Банни, – без запинки заговорила Шеветта, – это ж была последняя ездка, я торопилась, а велосипед остался на подземной стоянке. Увидела служебный лифт, идущий вниз, и вскочила, чтобы напрямую. На выходе, конечно же, нужно отмечаться, но я решила, что там, на *выезде*, тоже кто-нибудь стоит. Поднялась по пандусу, а там никого, а сзади машина едет, ну я и рванула на улицу. Мне что, нужно было вернуться и отметиться?

– Да, и ты сама это знаешь. Такие правила.

– Спешила я, поздно уже было.

Банни опустился, покряхтывая, в свое гусеничное кресло, чуть расставил колени, накрыл их большими, мосластыми грабками и уставился на Шеветту. Очень на него, на Банни, не похоже. Что-то его сильно беспокоит. Что-то серьезное, а не просто вопли этих горилл, что нельзя выходить без регистрации.

– Как поздно?

– Чего?

– Они спрашивают, когда ты вышла.

– Минут через десять после того, как вошла. Максимум через пятнадцать. Ну, еще в подвале задержалась, пока стоянку искала, там такие ходы-выходы, черт ногу сломит.

– Ты вошла, – сказал Банни, – в шесть тридцать две и восемнадцать секунд, время отмечено при сканировании. Они поговорили с адвокатом этим, с клиентом, и знают, что пакет ты доставила. – С его лица не сходила все та же странная озабоченность.

– Да о чем, собственно, шум? Ну, скажи им, что я проскочила, нарушила, что ты выпорешь меня по заднице.

– Ты никуда больше не заходила? В гостинице этой?

– Заходила. – По телу Шеветты пробежала волна странной холодной дрожи. Сейчас будет пройдена черта, из-за которой нет возврата. – Я же говорю, что *отдала* этому мужику пакет.

– Не думаю, чтобы их так уж волновал твой пакет, – раздраженно бросил Банни.

– Так в чем же дело?

– Слушай, Шев, – он говорил медленно, с расстановкой, словно втолковывая глупому ребенку азбучные истины, – звонок от охранника – это одно дело. «Извините, шеф, мы не допустим, чтобы такое повторилось». Но этим делом занялся кто-то из руководителей охранной фирмы «Интенсекьюр» – так она называется, – и он позвонил прямо *Уилсону*. В результате мне нужно разбираться не только с мистером Охранником, но еще и с хозяином нашей фирмы. Мне придется просить Грассо, чтобы тот прикрыл меня на совете директоров, а у Грассо, конечно же, все выйдет сикось-накось.

– Банни, – сказала Шеветта, – мне очень жаль, что так вышло.

– Ну да. Тебе очень жаль. Мне тоже очень жаль, только вот сейчас, прямо сию минуту, какой-то там сраный самый главный рентакоп допрашивает с пристрастием долбаного Уилсона, чем же это таким занималась *ты* после того, как отдала адвокату пакет. И на каком ты здесь счету, и как долго ты работаешь на «Объединенную», и имела ли ты дела с *полицией*, и не замечена ли в употреблении *наркотиков*, и где ты *живешь*.

Шеветта отчетливо увидела засранцевы очки – Скиннерову комнату и черный футляр, спрятанный за пачку «Джиогрэфиков» с цифрами 1997 на тонких желтых корешках. Она попыталась извлечь их оттуда мысленным усилием. Сквозь люк, на пахнущую смолой крышу, направо и через край. Сбросить это дерьмо в залив, где ему самое и место. Но нет, очки лежали на прежнем месте. Утром нужно было, ручками.

– Ведь это *ненормально*, – сказал Банни. – Ты понимаешь, о чем я?

– Они спросили тебя, где я живу? Что ты им ответил?

– Где-то на мосту. – По лицу Банни скользнуло бледное подобие улыбки. – Не слишком-то точный адрес, верно?

Он крутнулся на кресле и начал выключать мониторы.

– Банни. – Голос Шеветты предательски подрагивал. – Что они теперь сделают?

– Найдут тебя, – пожал плечами Банни, все еще занятый своими мониторами. – Здесь. Больше им некуда идти. Ты ведь ничего *такого* не сделала, верно?

На его затылке пробивалась седая щетина.

– Нет, – все так же, на автопилоте. – Нет… Спасибо, Банни.

Банни хмыкнул нечто неопределенное, на чем беседа и закончилась. Теперь Шеветта думала об одном – как поскорее попасть домой. С бешено бьющимся сердцем она планировала кратчайший путь, мысленно проскакивала под красный свет, почти не замечала окружающего – ярко освещенный коридор, лестницу, дверь. Нужно выкинуть эти очки, избавиться от них,

нужно…

Сэмми Сэл прижал Рингера к синему мусорному контейнеру. В рудиментарном сознании Рингера постепенно проступало нечто вроде тревоги.

– Слышь, я ж *тебе* ничего не сделал.

– Сколько раз тебе говорили: не корябай лифты! А ты снова за свое.

– Но я ж ничего не сделал *тебе*!

– Причинно-следственный ряд, загреба. Чрезмерно сложная для тебя концепция, но ты все равно попробуй врубиться: если *ты* кому-нибудь насрешь, неизбежно насрут и *тебе. Ты* поганишь лифты клиентов – мы устраиваем козью морду *тебе*. Круговорот говна в природе.

Сэмми Сэл накрыл ободранный шлем Рингера левой ладонью, дернул с поворотом вверх. У кого другого такой номер не вышел бы, но в длинных коричневых пальцах Сэмми шлем умещался совсем легко, как баскетбольный мяч.

– Ничего не сделал! – придушенно хрюкнул Рингер.

Шеветта проскочила мимо них, прямо к велосипедной стоянке. Глухую стену над стоянкой украшала роспись – огромный портрет Шейпли. Кто-то залепил великомученику в глаз солидную дозу серо-голубой краски, кривые голубоватые струйки исполосовали всю правую щеку.

– Шеви, – окликнул Сэмми Сэл, – иди сюда. Давай подвергнем этого говноеда адским пыткам.

Сунув руку в опознавательную петлю, Шеветта попыталась вытащить свой велосипед из путаницы молибденовой стали, графита и армированного пластика. Прочие велосипеды дружно заорали; на фоне оглушительных взвизгов, сумасшедшего звона и страдальческих завываний шипящий, ненавидящий голос извергал поток самой грязной испанской похабели. Шеветта поставила ногу на педаль, вскочила в седло и рванула вперед, успев краем глаза заметить, как Сэмми Сэл выпустил, вернее сказать, выронил Рингера.

Выехав на улицу, она обернулась. Сэмми Сэл уже выхватил со стоянки свой велосипед – розовое в черную крапинку чудовище; при первом же повороте педалей ободья колес вспыхнули призрачным фиолетовым светом.

Сэмми решил составить ей компанию. Нашел моментик.

Шеветта рванула изо всех сил.

Крути педали. Крути педали, пока не дали.

Как в том утреннем сне, только гораздо страшнее.

12
Контролируемые движения глаз

А тут, похоже, не соскучишься, подумал Райделл, разглядывая Шитова и Орловского. Серьезные ребята эти сан-францисские копы, настоящие профи. Супертяжеловесы. В любом полицейском департаменте отдел расследования убийств – самый важный.

И вот, пробыв в Северной Калифорнии всего ничего, каких-то сорок восемь минут, он уже пьет кофе за компанию с ребятами из убойного отдела. Точно, без балды. Если не считать того, что ребята эти пьют не кофе, а чай. Из стаканов. С диким количеством сахара. Райделл сидел у самого конца стойки, рядом с Фредди. Фредди пил молоко. Дальше сидел Уорбэйби, так и не снявший свою шляпу, потом Шитов и, наконец, Орловский.

Шитов почти не уступал в росте Люциусу Уорбэйби, но при этом состоял из сплошных сухожилий и широких выпирающих мослов. У него была массивная голова с широким лбом, длинными льняными волосами, гладко зачесанными назад, и бледными бровями; полупрозрачное костлявое лицо, туго обтянутое розоватой блестящей кожей, выглядело так, словно он только что отошел от костра. На макушке тощего смуглого Орловского намечалась лысина, у него были цепкие, густо поросшие черным волосом пальцы и очки с перепиленными пополам стеклами.

Глаза обоих копов испускали какую-то невидимую, но почти реальную, осязаемую хрень, которая пришпиливала тебя к месту, не давала пошевелиться, проникала тебе в самое нутро и лежала там, тяжелая и тусклая, как свинец.

«Десенсибилизация оппонента посредством контролируемых движений глаз» входила в учебный план полицейской академии, но Райделл так и не научился этим фокусам – то ли способностей не хватало, то ли мало старался. Профессор Багли, заведовавший до выхода на пенсию кафедрой психологии преступности Дьюковского университета, не столько читал лекции, сколько рассказывал курсантам байки о маньяках, проходивших через его руки в Дьюке, об автоэротичных самодушителях и прочей белиберде. Кроме того, этот курс стоял в расписании очень неудачно – между «Захватом вооруженного преступника» и «Имитатором огневого контакта». Занятия по «Захвату преступника» проводили попеременно разные инструкторы, и все они, словно сговорившись, отводили Райделлу роль

захватываемого преступника. Райделл не понимал, почему так получается. В результате он приходил на следующую лекцию перевозбужденный, не мог толком сосредоточиться на поучениях Багли, а уж последующая работа на ИОКе начисто выбивала из его головы даже то немногое, что успело там чудом застрять. ИОК – это нечто вроде компьютерной игры, только с использованием настоящего оружия.

Подсчитав результат, ИОК демонстрировал тебе раны – как раны противника, так и твои собственные – и просил решить, от чего загнулся проигравший – от потери крови, болевого шока или гидравлического удара. Поработав пару раз на ИОКе, некоторые курсанты начинали вздрагивать и заикаться, Райделлу же все было как с гуся вода. И не то чтобы он любил насилие или был безразличен к виду крови, просто работа на тренажере требовала скорости и внимания, не позволяла отвлекаться на посторонние мысли, а экранную кровь он воспринимал именно как *экранную*, ненастоящую кровь. За все про все, курсант Райделл так и не научился строить глазки противникам, или напускать на них сглаз, или как уж там эта плешь называется. Вот лейтенант Шитов – у того был явный талант, да и напарник его зыркал поверх своих перепиленных гляделок вполне убедительно. Впрочем, лейтенанту Орловскому было проще – он и так сильно смахивал на вурдалака.

Райделл с интересом изучал одежду сан-францисских копов. Под светло-бежевыми плащами – черные бронежилеты, под бронежилетами – белые рубашки и галстуки. Рубашки английские, на пуговках, а галстуки полосатые, вроде как намекающие на принадлежность к какому-нибудь там клубу. Брюки с обшлагами, ботинки из пузырчатой кожи, на толстой рифленой подошве. Такие рубашки, галстуки и ботинки не носит практически никто, разве что иммигранты, косящие под стопроцентных американцев. Однако в сочетании с броней и поношенными английскими дождевиками картина получается совсем иная. Округлая пластиковая рукоятка пистолета «хеклер и кох», выглядывающая у Шитова из-под расстегнутого жилета, смотрелась тоже весьма внушительно. Какая модель – враз и не сообразишь. Одна из этих новомодных штучек с магазином поверх ствола. Использует безгильзовые боеприпасы, смахивающие на восковые карандаши, – стрелы из твердого сплава, облепленные пластичным порохом.

– Если бы вы, Уорбэйби, рассказали нам все, что вы уже знаете, наша беседа стала бы значительно продуктивнее.

Шитов окинул взглядом крошечное кафе и вынул из кармана пачку «Мальборо».

– В *этом* штате курение запрещено, – со злорадным наслаждением процедила официантка, крупная баба с огромной копной черных волос.

И кто же это ходит в такие забегаловки? – подумал Райделл. Ну разве что какой несчастный, отстоявший ночную смену у станка, вымотавшийся до такого состояния, что нету уже сил поискать что-нибудь получше. А тот, кто уж совсем невезучий, может получить в дополнение к завтраку еще и эту красавицу.

Шитов пригвоздил официантку к месту десятикиловольтным полицейским взглядом, вытащил из-под бронежилета бляху на тонком нейлоновом шнурке, продемонстрировал ее и небрежно уронил себе на грудь. Судя по стуку, под белой рубашкой скрывалась еще одна, дополнительная броня.

– Вот зайдут сюда двое мормонов из дорожного патруля, – прошипела официантка, – вот *им* и показывай. И я посмотрю, что они тебе на это скажут.

Шитов зажал сигарету губами.

В руке Уорбэйби появился кусок золота размером с противотанковую гранату.

Над устрашающим предметом возник бледно-голубой язычок пламени.

Уорбэйби поднес пламя к сигарете полицейского.

– Зачем это вам, Уорбэйби? – спросил Шитов, разглядывая зажигалку. – Вы что, тоже курите?

– Курю все, что угодно, кроме этих китайских «Мальборо», – скорбно признался Уорбэйби. – В них же сплошная стекловата.

– С чего это? – удивился Шитов. – Американская марка, лицензионное производство.

– За последние шесть лет в нашей стране не было изготовлено ни одной легальной сигареты, – похоронным голосом сообщил Уорбэйби.

– «Маль-бо-ро». – Шитов вытащил сигарету изо рта, ткнул пальцем в буковки, напечатанные на фильтре. – Когда мы ходили в школу, «Мальборо» – это были *деньги*.

– Когда мы ходили в школу, даже *деньги* были деньгами.

Орловский расхохотался.

– Так вернемся к делу, – сказал Шитов. – Что вам известно?

– Мистер Бликс найден в гостинице мертвым. Убийство.

– Профессиональная работа, – кивнул Орловский. – Они хотят, чтобы мы приняли этническую версию.

– *В точности* мы этого не знаем. – Шитов внимательно смотрел на Уорбэйби.

– Да какая там нужна еще точность? – убежденно возразил Орловский. – *Язык*. Национальный *колорит*. Хотят увести нас в

сторону. Чтобы мы занялись латинскими королями.

Шитов глубоко затянулся и выпустил дым в сторону официантки.

– Что вы про него знаете?

– Ганс Рутгер Бликс, сорок три года, натурализованный костариканец. – Могло показаться, что Уорбэйби стоит у свежевырытой могилы и перечисляет необыкновенные достоинства безвременно почившего друга.

– Хрень собачья, – поморщился Шитов, не выпуская сигареты изо рта.

– Уорбэйби, – терпеливо заговорил Орловский, – нам известно, что ты ввязался в дело до того, как этому засранцу перерезали глотку.

– Засранец, – укоризненно покачал головой Уорбэйби. – Человек умер, вот и все. Неужели это делает его засранцем?

– Стопроцентный засранец. – Шитов глубоко затянулся и раздавил окурок о тарелку с так и не тронутой порцией тунцовой икры. – Ты уж мне поверь.

– Тебе виднее, – вздохнул Уорбэйби. – Скажи, Аркадий, на него было досье?

– Хочешь получить досье, – равнодушно бросил Шитов, – так расскажи сперва, что ты должен был для него сделать. Мы знаем, что он с тобой говорил.

– Я в жизни не слышал его голоса.

– О'кей, – устало кивнул Шитов. – С тобой говорили интенсекьюровцы. Ты свободная пташка, работаешь по контракту.

– Сугубо.

– Что сказал этот Бликс «Интенсекьюру»?

– Он потерял некий предмет.

– Что именно?

– Нечто сугубо личного свойства.

– Люциус, – вздохнул Шитов. – Ради бога.

– Очки.

Шитов с Орловским недоуменно переглянулись и снова уставились на Уорбэйби.

– «Интенсекьюр» привлекает к расследованию Люциуса Уорбэйби по той единственной причине, что кто-то там посеял свои очки?

– А вдруг, – негромко заметил Фредди, – это очень дорогие очки?

Он внимательно и, похоже, с удовлетворением изучал свое лицо в висевшем за стойкой зеркале.

Орловский начал – бывает же у людей такая мерзкая привычка – хрустеть суставами волосатых пальцев.

– Он считал, – сказал Уорбэйби, – что мог потерять их на *вечеринке*. Не исключено даже, что кто-то их *взял*.

– Что за вечеринка? – подался вперед Шитов; Райделл отчетливо услышал, как скрипнула многослойная броня.

– Вечеринка в гостинице. В «Морриси».

– Кто устраивал? – Вурдалачьи глазки Орловского двустволкой смотрели поверх стеклянных полумесяцев.

– Некий мистер Коди Харвуд, – пожал плечами Уорбэйби.

– Харвуд, – повторил Орловский. – Харвуд…

– Фамилия Павлов ничего не напоминает? – спросил у своего отражения Фредди.

– Деньги, – буркнул Шитов.

– Не имеющие ни малейшего отношения к «Мальборо», – заметил Уорбэйби. – Мистер Бликс зашел к мистеру Харвуду, выпил несколько рюмок…

– Проспиртовался, как двухголовый младенец в Кунсткамере, – косо усмехнулся Орловский.

– Выпил несколько рюмок. Упомянутый предмет находился в кармане его куртки. Наутро он обнаружил пропажу и позвонил в охрану «Морриси». Те связались с «Интенсекьюром», «Интенсекьюр» связался со мной.

– Его телефон исчез, – сказал Шитов. – Уходя, прихватили с собой. Концы обрубали. Ни записной книжки, ни откуда приехал, ни куда собирался ехать дальше – ничего.

– Профи работали, – кивнул Орловский.

– Так, значит, очки, – продолжал Шитов. – Какие очки?

– Солнечные. – Фредди все не мог на себя налюбоваться.

– Мы там нашли что-то вроде очков.

Шитов вытащил из кармана плаща стандартный полицейский мешочек для сбора вещественных доказательств. Райделл различил сквозь прозрачный полиэтилен иззубренные осколки черного пластика.

– Дешевый аппаратик ВС. Растоптан вдребезги.

– А вы не знаете, – поинтересовался Уорбэйби, – какие он ставил программы?

Теперь настала очередь Орловского. Победно ухмыльнувшись, он вытащил из-под бронежилета второй такой же мешочек.

– Никак было не найти их, эти программы. Потом мы просветили жмурика рентгеном. Кто-то засунул эту штуку ему в глотку.

Черный прямоугольник. Наклейка протерта чуть не до дыр и вся в буроватых пятнах.

– В *перерезанную* уже глотку.

– Так что же это? – спросил Уорбэйби.

– Макдонна, – выплюнул Шитов.

– Чего? – Фредди перегнулся через своего шефа, стараясь получше разглядеть кассету. – Мак-что?

– Дрочилка.

Что еще за точилка, удивился на мгновение Райделл, но тут же понял: Макдонна.

– А вот интересно, прочитали они ее всю, насквозь? – На этот раз Фредди сидел сзади. Он взгромоздил ноги на спинку переднего пассажирского сиденья, красные огоньки, бежавшие по краям подошв, складывались в текст какой-то песни.

– Что они должны были читать?

Райделл смотрел на русских и Уорбэйби, стоявших рядом с законспирированной, без мигалки и надписей, полицейской машиной. Неприметная такая машина – сланцево-серый кашалот, фары и радиатор защищены мощной графитовой решеткой. По ветровому стеклу «Патриота» медленно сползали капельки дождя.

– Порнуху, извлеченную из пищевода этого парня.

В каждом слове Уорбэйби звучала тяжелая, неизбывная тоска, а вот Фредди – тот говорил спокойно, вроде как расслабленно. Только вот если тоска Уорбэйби казалась самой настоящей, неподдельной тоской, то за расслабленностью Фредди угадывалось нечто, ну, вроде как обратное.

– У программы такого рода колоссальный объем, там можно спрятать все, что угодно. Для описания текстуры кожи используют фрактальную технику, замешать туда текстовую информацию – пара пустяков.

– А ты что, Фредди, сечешь в компьютерах?

– Я у мистера Уорбэйби технический консультант.

– Как ты думаешь, о чем они там говорят?

Фредди тронул пальцем одну из кроссовок.

Красные огоньки потухли.

– Вот сейчас-то у них и пошла настоящая беседа.

– Какая?

– *Деловые* переговоры. Нам нужно все, что у них есть по Бликсу, по жмурику этому.

– Да? А что можем предложить им мы?

– «Мы»? – присвистнул Фредди. – Ты крутишь для мистера Уорбэйби баранку, вот и все твое дело. – Он убрал ноги со спинки сиденья и выпрямился. – Впрочем, тут нет никаких особых секретов. «Интенсекьюр» и «Дейтамерика», считай, одна и та же контора.

– Не слабо. – (Уорбэйби почти не раскрывал рта, и Орловский

– тоже, зато Шитов говорил не переставая.) – И что все это значит?

– Это значит, что полиция может только завидовать базе данных, с которой мы работаем. Придет время, этот старый трепач захочет заглянуть в нее хоть краешком глаза, вот тогда-то он вспомнит сегодняшний день и возблагодарит Господа, что не отказал нам в пустяковой услуге. А вот сейчас – сейчас ему расставаться с информацией – все равно что ржавым серпом по его русским яйцам.

Райделл вспомнил, как ходил как-то к Большому Джорджу Кечакмадзе в гости на шашлык и тот пытался завербовать его в «Национальную стрелковую ассоциацию».

– У вас тут, гляжу, много русских в органах.

– Тут? До хрена и больше.

– Странно даже, чего это их так тянет на полицейскую работу?

– А ты покрути мозгами. У них же там было целое *полицейское государство*. Привыкли, поднабрались, в гены небось впиталось.

Шитов и Орловский полезли в брюхо своего серого кашалота. Уорбэйби повернулся и зашагал к «Патриоту», тяжело наваливаясь на блестящую металлическую тросточку. Полицейская машина приподнялась дюймов на шесть (гидравлическая подвеска, подумал Райделл), взвыла и задрожала; на длинном блестящем капоте плясали дождевые капли.

– Мама родная, – поразился Райделл. – Они что, вот так вот и работают, совсем не скрываясь?

– Они *хотят*, чтобы их видели, – не слишком вразумительно объяснил Фредди.

Уорбэйби открыл дверцу и начал протискиваться на сиденье. Операция эта оказалась длинной и сложной.

– Езжай, – сказал он, захлопывая дверцу. – Протокольные правила. Мы покидаем точку рандеву первыми.

– Только не сюда, – всполошился Фредди. – Это же ты прямо к Кэндлстик-парку. Направо, направо!

– Да, – кивнул Уорбэйби. – У нас еще дела в центре.

Ну откуда, откуда, спрашивается, у него эта мировая скорбь?

Да, Сан-Франциско – это кое-что. Бесчисленные холмы, окаймляющие город, улицы, карабкающиеся по крутым склонам, создавали у Райделла впечатление… ну, не совсем, в общем-то, понятное впечатление. Впечатление, что он находится *где-то*. Где-то во вполне определенном месте. А вот нравится ли ему это

место – вопрос особый, тут еще надо разобраться. В Лос-Анджелесе ты словно бы затерялся в огромной, без конца и края, решетке, сотканной из света, ощущение совсем другое, прямо противоположное, вот эта-то противоположность и дает, наверное, о себе знать. Здесь же ясно понимаешь, что приехал *куда-то*, приехал откуда-то. Старые, тесно поставленные здания, ничего более современного, чем этот здоровый шипастый небоскреб с решетчатой вышкой наверху – так ведь и он, говорят, построен очень давно. Сырой, прохладный воздух, пар, клубящийся из вделанных в мостовую решеток. Люди на улицах тоже другие, *отдельные* люди, у каждого своя одежда, своя работа. Вроде как в Ноксвилле, сказал себе Райделл, но свежеизготовленный ярлык никак не приклеивался. Нет, еще одно новое, совершенно незнакомое место.

– Да не сюда, налево, *налево*!

Фредди подкреплял каждое свое слово ударом по спинке водительского сиденья. Новый город, новая сеть улиц, которую нужно откладывать в память. По навигационной карте медленно полз зеленоватый курсор; Райделл начал искать подходящий поворот налево, к этой самой гостинице, к «Морриси».

– Не стучи по сиденью мистера Райделла, – сказал Уорбэйби, бегло проглядывавший огромную кипу распечатки. – Он за рулем.

Распечатку (Райделл догадывался, что это – досье Бликса, мужика, которому перерезали глотку) они прихватили по пути, в какой-то непонятной конторе.

– *Фассбиндер*, – отчетливо, чуть не по слогам проговорил Фредди. – Кто-нибудь из вас слышал о таком? *Райнер* Фассбиндер.

– Знаешь, Фредди, – проворчал Уорбэйби, – мне сейчас не до шуток.

– Какие там шутки? Я прогнал этого Бликса через «Двойника», отсканировал снимок трупа, полученный от русских, и прогнал – и что же вы думаете? По мнению машины, он выглядит точь-в-точь как Райнер Фассбиндер. Это мертвяк-то, с перерезанным горлом. Интересно бы взглянуть на герра Фассбиндера, вот уж красавец, наверное, так красавец.

– Уймись, Фредди, – вздохнул Уорбэйби.

– Наверное, этот тоже немец. Национальность, она все-таки проявляется.

– Мистер Бликс не был немцем. Если верить этой бумаге, мистер Бликс не был даже мистером Бликсом. А теперь не мешай мне. Да и мистеру Райделлу тоже, а то еще заедет не туда в незнакомом городе.

Фредди недовольно хмыкнул. Через пару секунд Райделл услышал дробный перестук клавиатуры – технический

консультант мистера Уорбэйби взялся за компьютер, с которым он, похоже, не расставался даже во сне.

Поворот налево, и – сразу, безо всякого предупреждения – мирная улица сменилась зоной боевых действий. Развалины. Дымное пламя костров, темные пригнувшиеся фигуры, мучнисто-белые лица.

– Не тормози, – сказал Уорбэйби. – И не газуй, езжай, как едешь.

Нечто, вылетевшее из жутковатой группы сутулых, узкоплечих людей, шлепнулось о ветровое стекло, прилипло на секунду, упало, оставив после себя грязно-желтое пятно. Длинная, гибкая штука, серая и вроде бы окровавленная. Кишка, что ли?

На перекрестке – красный.

– Гони под красный, – приказал Уорбэйби.

Сзади – негодующее гудение десятков клаксонов.

– Тормози. Нет, заезжай прямо на тротуар.

Колеса «Патриота» перескочили через выщербленный поребрик.

– В бардачке.

Райделл открыл дверцу бардачка. Вспыхнувшая лампочка осветила банку аэрозольного «Виндэкса», рулон серых бумажных полотенец и одноразовые хирургические перчатки.

– Давай, – сказал Уорбэйби. – Никто нас не тронет.

Райделл натянул на правую руку перчатку, взял банку, серый рулон и выбрался на тротуар.

– Смотри на себя не капни, – сказал он, вспомнив Саблетта, а затем щедро обрызгал желтое пятно «Виндэксом», оторвал три полотенца, скомкал их в правой, защищенной, руке и начисто вытер стекло. Теперь – как учили в академии. Аккуратно снимем перчатку, наворачивая ее на влажный ком. Все. И куда же теперь, спрашивается, это дерьмо девать?

– Бросай на землю, – сказал Уорбэйби.

Райделл швырнул перчатку со всем ее содержимым в сторону, отошел от машины на пять шагов, согнулся пополам и окатил тротуар мутным широким потоком блевотины. Затем он оторвал еще одно полотенце, вытер рот, вернулся в машину, захлопнул дверцу, аккуратно ее запер, вернул рулон и банку на прежнее место и закрыл бардачок.

– А чего горло не ополоснул?

– Заткнись, Фредди, – рявкнул Уорбэйби. – Скорее всего, просто отбросы с бойни, – сказал он, наклонившись вперед. Рессоры «Патриота» негромко скрипнули. – Но все равно хорошо, что ты не забыл о предосторожностях. У нас тут была одна

компания, называли себя «Орден кровавой свиньи», слышал о таких?

– Нет, – качнул головой Райделл. – Никогда не слышал.

– Воровали где попало огнетушители. Заправляли их кровью. Кровью с бойни. Но только они распускали слух, что эта кровь – она человеческая. Затем подстерегали какую-нибудь религиозную процессию. Прихватив с собой огнетушители.

– Господи, – выдохнул Райделл.

– *Вот именно*, – скорбно согласился Уорбэйби.

– Видишь эту дверь, вон там? – спросил Фредди.

– Какую дверь?

Холл «Морриси» ошеломлял; войдя сюда, Райделл непроизвольно перешел на шепот, как в церкви или в похоронном бюро. Толстый, фантастически мягкий ковер вызывал острое желание лечь, свернуться калачиком и уснуть.

– Черную.

Райделл уставился на черный прямоугольник, совершенно гладкий, без какого бы то ни было подобия ручки. Если подумать, прямоугольник этот абсолютно не гармонировал с остальной обстановкой холла – с полированным деревом, матовой бронзой, граненым стеклом. Если бы не Фредди, Райделл принял бы эту дверь за какое-нибудь произведение модернового искусства, картину там или еще что.

– Да? И чего в ней такого?

– Это *ресторан*, – уважительно сказал Фредди. – Такой дорогой, что туда даже и не войдешь.

– Ну-у, – разочарованно протянул Райделл, – таких заведений везде хоть пруд пруди.

– Нет, я не про то, – качнул головой Фредди. – Там просто дорого, а сюда тебя вообще не пустят, даже будь у тебя денег – хоть жопой ешь. Приватное вроде как заведение. Японские штучки.

Они стояли около конторки охранников, ждали, пока Уорбэйби переговорит с кем-то там по местному телефону. Ребята за конторкой, дежурные охранники, были все в интенсекьюровской форме, только хитрой, дорогой, с бронзовыми значками фирмы на смешных, остроконечных, на манер шлема, шапочках.

Райделл оставил «Патриота» в гараже, на одном из бесчисленных подземных уровней гостиницы. Там, внизу, жизнь била ключом: десятки людей в поварских халатах и колпаках раскладывали по сотням тарелок непонятного вида салат, по полу ползали, попискивая, маленькие японские пылесосы – здесь, в

спокойном, просторном холле, вся эта суета казалась чем-то невероятным.

В Ноксвилле, в этих самых служебных номерах, где он жил несколько дней, тоже были такие вот корейские роботы, наводившие порядок, когда тебя дома нет. Был даже такой специальный железный паук, который объедал пыль со стенного экрана, но на Карен все это не производило ни малейшего впечатления. Экономят, сказала она, живые уборщики обходятся дороже.

Уорбэйби отдал телефон одному из ребят в остроконечных шапках, повернулся, махнул рукой, подзывая Фредди и Райделла.

– Нас проведут, – сказал он.

Охранник, взявший у Уорбэйби телефон, вышел из-за конторки. Он, конечно же, заметил на Райделле интенсекьюровскую рубашку со споротыми эмблемами, однако воздержался от комментариев. Райделл давно уже задумывался, когда же наконец можно будет улучить свободную минуту, забежать в магазин и одеться хоть малость поприличнее. И где это лучше сделать? Мелькнувшая было мысль посоветоваться с Фредди пропала при первом же взгляде на разукрашенную пистолетами да пулеметами рубашку.

– Сюда, сэр.

Уорбэйби двинулся вслед за охранниками, его трость глубоко погружалась в ковер, шарнирная титановая шина негромко пощелкивала. Фредди и Райделл скромно пристроились в кильватер.

13
Дрожь в коленках

Гони. Гони. Гони.

В такие вот моменты, когда Шеветта гнала из последних сил, выкладывалась по-черному, к ней приходило – *изредка* приходило – ощущение безграничной свободы, независимости от города, от собственного тела, даже от времени. Она понимала, что это – обычная для курьеров галлюцинация, что никакая это не свобода, а, наоборот, полная включенность, вплавленность в мир. Зажатый между коленями велосипед казался частью ее самой, неким странным *хвостом*, возникшим за тысячелетия неспешной эволюции, – великолепный в своей простоте костяк рамы постепенно оброс сверхпрочными лексановыми покрышками и пневматическими амортизаторами, подшипниками, которые отменили понятие «трение». Слившись с велосипедом, Шеветта превращалась одновременно и в часть города, в своевольную, хотя и полностью зависящую от обстоятельств крупицу вещества, она ежесекундно делала тысячи свободных выборов – и все эти выборы зависели от уличного движения, от блеска дождя на трамвайных рельсах, от роскошных, цвета красного дерева волос незнакомой женщины, бессильно спадавших на плечи темно-синего плаща.

И вот сейчас это состояние приближалось, приближалось, несмотря ни на что. Если гнать и гнать, ни о чем не думая, не воспринимая ничего, кроме движения собственных ног, кроме педальной звездочки, цепи и японской бумажно-углеродной рамы.

Но рядом возникла долговязая фигура на велосипеде, воздух наполнился гулкими, ритмичными ударами басов – у Сэмми, как и у многих курьеров, вуфер стоял в седле. Чтобы не поскользнуться, тормозя на вентиляционной решетке, Шеветта свернула влево, через поребрик; покрышки, намертво зажатые энергетическими тормозами, оставили на тротуаре длинные черные полосы. Сэмми Сэл остановился рядом, ярко сверкавшие ободья колес потускнели, погасли совсем.

– Что-то ты, зайка, не в себе. – Его пальцы грубо, со злостью сдавили руку Шеветты. – А может, некий чудодейственный продукт сделал тебя хитрее и проворнее?

– Отпусти.

– Ни в коем разе. Я устроил тебя на хорошее место. Теперь ты идешь вразнос, словно *хочешь* вылететь с работы. Почему?

Не выпуская Шеветту, он хлопнул левой ладонью по обтянутому черным поролоном рулю; велосипед замолк.

– Сэмми, *пожалуйста*. Мне нужно поскорее добраться до Скиннера.

Сэмми разжал пальцы.

– С чего бы такая спешка?

Шеветта судорожно закашлялась, затем сделала три глубоких медленных вдоха.

– Слушай, Сэмми, а вот ты – ты когда-нибудь воровал? Не вообще, а во время работы?

Сэмми пристально всмотрелся в ее лицо.

– Нет, – сказал он наконец. – Вот трахнуть клиента – это я за милую душу.

– Я такого и в мыслях не имею, – брезгливо поежилась Шеветта.

– Само собой, – кивнул Сэмми Сэл. – Но у нас с тобой разные клиенты. Не говоря уж о том, что ты девушка.

– Вчера я украла одну штуку. У мужика этого, прямо из кармана. Я встретила его в отеле «Морриси», там у них была пьянка.

Сэмми задумчиво обвел губы кончиком языка.

– А как это твоя рука попала в его карман? Ты что, с ним знакома?

– Да нет, – качнула головой Шеветта. – Засранец он, вот и все.

– А-а. *Этот. Его* я встречал, и не раз.

– Он достал меня. Эта штука торчала у него из кармана.

– Ты точно знаешь, что штука, которой он тебя достал, торчала именно *из кармана*?

– Сэмми, – взмолилась Шеветта, – кончай свой треп! Я же серьезно говорю. Я боюсь, очень боюсь.

Сэмми снова всмотрелся в ее лицо.

– Вот так вот, значит? Ты боишься. Сперла какое-то там говно и прибздела?

– Банни говорит, охранники позвонили в «Объединенную», прямо к Уилсону. Они меня ищут.

– Вот же мать твою, – вздохнул Сэмми, продолжая разглядывать Шеветту. – А я-то решил, ты *уторчалась*, на «плясуне» или еще на какой дури. И что Банни заметил. Он многое терпит, но за такие штучки может с говном съесть. Так ты что – просто боишься?

– Да, – кивнула Шеветта. – Просто боюсь.

– Ну хорошо, – снова вздохнул Сэмми. – И чего же *именно* ты боишься?

– Боюсь, что они заявятся к Скиннеру и найдут эту штуку.

– Какую штуку?

– Очки.

– Ты бы не могла поконкретнее – какие очки? Очки, как на картах? Или как на игральных костях? – Сэмми побарабанил пальцами по рулю. – Или как у кобры на голове?

– Черные очки. Вроде как солнечные, только через них совсем ничего не видно.

– Очки, сквозь которые ничего не видно? Это в каком же смысле?

– Черные они. Непрозрачные.

– Солнечные очки?

– Да. Только они *совсем* черные.

– Ясненько. Вот если бы ты *трахалась* с приличными клиентами – с такими, как *я*, с приличными, – ты бы знала, что это такое. Извини меня, лапа, но сразу видно, что все твои кавалеры – голь перекатная. Встречайся ты с архитекторами, хирургами и прочей умственной публикой, они бы между делом тебя просветили.

Длинный черный палец насмешливо качнул цепочку, свисающую с застежки скиннеровской куртки.

– ВС-очки, вот это что. Виртуальный свет.

Шеветта слышала где-то такой термин, но не понимала его значения.

– Так они что, дорого стоят?

– Это уж как сказать. Не дешевле хорошей японской машины – но и не сильно дороже. Крошечные электромагнитные излучатели, установленные вокруг линз, действуют прямо на оптические нервы. Один мой приятель приносит иногда такую штуку домой, из конторы. Они там занимаются ландшафтной архитектурой. Так вот, наденешь эти очки и идешь гулять, и все видно нормально, только на каждом дереве, какое попадется по дороге, на каждом растении вроде как висит бирка с названием на нормальном языке, а внизу еще и по-латыни…

– Так они же совсем черные!

– Это пока ты их не *включила*. А включишь, так они даже не темные, вроде как совсем без стекла. От солнца не защищают, зато придают тебе вид – ну такой, вроде как серьезный. Только тебе это ни к чему, – ухмыльнулся Сэмми, – ты у нас и так чересчур серьезная. Главная твоя беда.

Шеветта поежилась.

– Слушай, Сэмми, поехали со мной, к Скиннеру. О’кей?

– Не люблю я высоту, – качнул головой Сэмми. – А эта его коробочка, она точно сверзится как-нибудь с верхотуры, помяни мое слово.

– Ну пожалуйста, Сэмми. У меня от этой истории коленки дрожат. Вместе с тобой я буду о’кей, а если ты останешься внизу, я снова начну думать и совсем опупею от страха. Ну правда, ну что мне *делать*? Вдруг я приеду, а копы уже там? И что скажет Скиннер, если к нему вот так, ни с того ни с сего, завалятся копы? А вдруг я выйду завтра на работу, а Банни меня уволит? Ну что мне делать, что *делать*?

Сэмми Сэл посмотрел на Шеветту тем же взглядом, как в тот вечер, когда она просила, чтобы он устроил ее в «Объединенную». А затем косо ухмыльнулся. Блеснули ровные, идеально белые зубы.

– Засовывай тогда эту штуку себе в промежность. И держись. *Старайся* держаться.

Он вскочил на велосипед и съехал с тротуара, при первом же повороте педалей колеса вспыхнули бледно-фиолетовым светом. До рванувшейся следом Шеветты донеслись гулкие удары басов.

14
Лавлесс

– Ну как, приятель, хочешь еще пива?

Женщина за стойкой. Ее выбритую голову украшал сложный черный орнамент, доходивший, как понимал Ямадзаки, примерно до естественной границы волосяного покрова. Основными элементами татуировки были кельтские узлы и зигзагообразные, как в детских книжках, молнии. Сохраненные на макушке волосы напоминали шкурку некоего ночного животного, питающегося исключительно вазелином и перекисью водорода. Сквозь десяток, а то и больше отверстий, случайным образом проколотых в левом ухе буфетчицы, был протянут кусок тонкой стальной проволоки. В другое время Ямадзаки проявил бы к подобной картине живейший интерес, однако сейчас ему не хотелось отрываться от записной книжки, от составления путевых заметок.

– Нет, – сказал он. – Большое спасибо.

– Ты что, боишься с двух бутылок нажраться в жопу или что?

Веселый, даже вежливый голос. Ямадзаки поднял голову. Женщина ждала.

– Да?

– Хочешь здесь сидеть, так закажи что-нибудь. Или мотай.

– Пиво, пожалуйста.

– Такое же?

– Да, пожалуйста.

Женщина смахнула с бутылки мексиканского пива налет инея, откупорила ее, поставила на стойку и переключилась на клиента, сидевшего от Ямадзаки слева. Ямадзаки вернулся к своей записной книжке.

> Скиннер все время старался объяснить мне, что нет и не было никакого плана, никакой глубинной структуры. Только вот этот, очевидный костяк, мост, наивысшее из воплощений Томассона. Малое Великое пришло – и совсем не оказалось Годзиллой. В этом месте, в этой культуре даже нет эквивалентного мифа (нельзя исключать, что в Лос-Анджелесе дело обстоит совершенно иначе). Бомба, ожидавшая столь долго, исчезла. Ее место заняли эпидемии, медленнейшие из катаклизмов. Когда Годзилла явился наконец в Токио, мы пребывали в глубочайшем отчаянии. И катастрофу мы приветствовали. Приветствовали, хотя ни за что не

решились бы в этом себе признаться. Не успев еще оплакать своих мертвых, мы начали осознавать всю неимоверность выпавшей на нашу долю удачи.

– Красивая штука, – сказал сосед слева, накрывая записную книжку левой ладонью. – Японская, не иначе, а то с чего бы она такая красивая.

Ямадзаки поднял голову и неуверенно улыбнулся. Глаза соседа поражали своей странной, необыкновенной пустотой. Живые, блестящие, настороженные – и абсолютно пустые.

– Да, это из Японии, – сказал Ямадзаки. Ладонь неспешно соскользнула с записной книжки.

– Лавлесс, – сказал мужчина.

– Простите?

– Лавлесс. Моя фамилия – Лавлесс.

– Ямадзаки.

Белесые, широко посаженные глаза. Глаза, словно глядящие на тебя из озера, сквозь зеркально-гладкую поверхность.

– Ага. Так я и думал, что будет что-нибудь в этом роде.

Непринужденная улыбка, акцентированная архаичным золотом.

– Простите? В *этом* роде?

– Что-нибудь этакое, японское. Какое-нибудь там «заки» или «зуки». Такая, в общем, срань.

Улыбка вроде бы не изменилась и в то же самое время стала угрожающей.

– Допивайте свою «Корону», мистер. – Пальцы незнакомца сомкнулись на запястье Ямадзаки. – И пошли. А то жарковато тут.

15
Тысяча пятнадцатый номер

Среди всего прочего Райделла познакомили в академии и с аэрозолем «Килз», применявшимся для дезинфекции помещений, загрязненных большим количеством крови или любой другой из жидкостей человеческого тела. Антивирусный препарат с запахом, как у древнего цветочного одеколона, выжигавший почище водородной бомбы все – от первой до пятой включительно – разновидности ВИЧ, а также лихорадку Мокола, Тарзана-Денге, конго-крымскую лихорадку и канзасскую инфлюэнцу – любую, в общем, высокозаразную гадость.

Вот его-то прохладный запах и уловил Райделл, пока интенсекьюровский охранник открывал вороненым ключом дверь тысяча пятнадцатого номера.

– Уходя, мы все запрем как надо, – сказал Уорбэйби, притронувшись указательным пальцем к полям шляпы.

– Да, сэр. – Охранник чуть помедлил. – Что-нибудь еще?

– Нет.

Уорбэйби повернулся и вошел в комнату. Фредди не отставал от него ни на шаг, как разукрашенная пистолетами тень. Помявшись немного в нерешительности, Райделл последовал их примеру и притворил за собой дверь. Темно. Шторы задернуты. Сильный запах «Килза». Под потолком вспыхнул свет. Рука Фредди на выключателе. Уорбэйби смотрит вниз, на кирпичного цвета ковер. На светлый прямоугольник – место, где, скорее всего, стояла прежде кровать.

Райделл огляделся. Обстановка солидная, старомодная. Дорогая. Как в хорошем клубе. Стены обиты блестящей, в белую и зеленую полоску тканью, может даже – шелком. Мебель деревянная, полированная. Кожаные болотно-зеленые кресла. Бронзовый торшер с темно-зеленым абажуром. Старинная гравюра в широкой золотой раме. Райделл подошел поближе и вгляделся в потускневшее изображение. Лошадь, запряженная в двухколесную повозку очень странного вида – крошечное сиденье и никакого кузова. Бородатый возница в шляпе, как у Эйба Линкольна. Внизу надпись: «Каррир и Айвз»[15]; Райделл задумался на секунду, где здесь имя бородатого мужчины, а где – лошади. Потом он заметил на стекле, прикрывающем гравюру, круглое коричневато-красное пятно. Поток крови успел уже растрескаться, вроде как грязь, остающаяся от подсыхающей лужи, только здесь трещинки были совсем крохотные. И никто

его, похоже, не продезинфицировал, не брызгал «Килзом». Райделл боязливо отступил.

Фредди уже расположился в одном из зеленых кресел и раскрыл свой компьютер. Он размотал тонкий черный шнур и подсоединился к розетке вроде телефонной, но поменьше. Глядя на Фредди, Райделл не переставал поражаться: ноябрь, сыро, холодно, а он в шортах ходит, это ж насмерть замерзнуть можно. Странные они, эти негритянские пижоны, – одеваются, ориентируясь исключительно на моду, а погоды для них вроде как и вообще не существует.

– Ну так что? – спросил Уорбэйби, все так же смотревший на светлое пятно, оставшееся после кровати; лицо его выражало все ту же неизбывную скорбь.

– Сейчас. Сейчас *все* будет. – Фредди сосредоточенно крутил трекбол компьютера.

Уорбэйби недовольно хмыкнул, стекла его очков на мгновение почернели – фокусы освещения, не иначе. Секунду спустя у Райделла появилось неуютное ощущение, что Уорбэйби смотрит *сквозь него*, что взгляд огромного негра внимательно следит за неким далеким, быстро передвигающимся предметом; Райделл даже обернулся, но не увидел ничего, кроме бледной, в бело-зеленую полоску стены.

Он снова взглянул на Уорбэйби. Металлическая трость поднялась, указала на место, где стояла прежде кровать, и снова воткнулась в ковер. Уорбэйби печально вздохнул.

– Хотите данные СФДП[16] по осмотру места преступления? – спросил Фредди.

Уорбэйби пробурчал нечто неразборчивое, его глаза метались из стороны в сторону. Райделлу вспомнились документальные ТВ-фильмы про вуду, глаза жрецов, вошедших в контакт с богами, или дьяволами, или с кем уж там они общаются.

Фредди продолжал крутить свой шарик.

– Отпечатки пальцев, волосы, чешуйки кожи… В гостиничном номере чего только не найдешь…

Райделл не выдержал, шагнул вперед и посмотрел Уорбэйби прямо в глаза.

– Не понимаю, вы тут что, колдуете или что?

Уорбэйби медленно, печально улыбнулся, снял очки, тщательно протер их большим темно-синим платком, извлеченным из кармана пальто, и протянул Райделлу.

– Надень.

Райделл посмотрел на очки. Их стекла были совершенно черными.

– Надень, – повторил Уорбэйби.

Очки оказались непривычно тяжелыми. Кромешная тьма. Затем появились расплывчатые вспышки, вроде как если надавить на закрытые глаза; еще мгновение, и он увидел Уорбэйби. За спиной Уорбэйби повисло нечто вроде прозрачной стены, исписанной ярко-желтыми словами и цифрами. Райделл присмотрелся к надписям (лицо Уорбэйби немного расплылось) и понял, что это – данные следственной экспертизы.

– А если хочешь, – сказал Фредди, – можешь *поприсутствовать*…

На пропитанной кровью кровати лягушкой разбросался жирный, громоздкий человек. *Мертвый* человек. Труп. Голова далеко закинута, подбородок смотрит вверх, в потолок. А там, где полагается быть кадыку, темнеет нечто страшное, заставляющее отвести глаза. Вспухший, раздувшийся темно-лиловый нарост.

Желудок Райделла завязался в тугой болезненный узел, он с трудом сдерживал подступившую к горлу тошноту, но тут на месте этого ужаса появилась другая кровать, стоящая в другой комнате, и нагая женщина с волосами, как старое серебро, озаренная невероятным лунным светом.

Райделл сдернул очки. Фредди закинул голову, вздрагивая от беззвучного хохота, длинные черные пальцы придерживали поставленный на колени компьютер.

– Ты бы, – выдавил он наконец, – только поглядел сейчас на свою рожу! Я вставил сюда кусок этой порнухи, о которой говорил Аркадий, из кассеты, приобщенной к протоколу.

– Фредди, – вздохнул Уорбэйби, – тебе что, так уж не терпится заняться поисками работы?

– Нет, сэр.

– Иногда я бываю очень жестким. И ты это знаешь.

– Да, сэр.

В голосе Фредди звучало искреннее беспокойство.

– В этой комнате умер человек. Некто нагнулся над этой кроватью, – Уорбэйби указал на отсутствующую кровать, – перерезал ему глотку и протащил через щель язык. Это не какое-нибудь там случайное убийство. По телевизору таким анатомическим шуткам не научишься.

Он взял у Райделла очки. Угольно-черные диски, которые и стеклами-то не назовешь, оправленные в темно-серый графит.

– Да, сэр. – Фредди опустил глаза и сглотнул. – Извините, мистер Уорбэйби.

– А как это получается? – спросил Райделл.

Уорбэйби неспешно протер очки, неспешно их надел. Стекла снова стали хрустально-прозрачными.

– В оправе и линзах установлены индукторы, действующие

прямо на оптические нервы.

– Виртуальный свет, – пояснил Фредди; новая тема разговора устраивала его гораздо больше, чем прежняя. – На этот дисплей можно вывести абсолютно все, представимое в цифровой форме.

– Телеприсутствие?

– Нет, – мотнул головой Фредди, – там работает *свет*. Вылетают фотоны, попадают тебе в глаз. Здесь все иначе. Мистер Уорбэйби ходит по комнате, рассматривает ее – и может одновременно видеть данные из протокола, да хоть какие. Надень эти очки на человека, потерявшего *глаза*, но сохранившего оптические нервы, и он *увидит*. Их так сначала и придумали, для слепых.

Райделл подошел к окну, раздвинул шторы и посмотрел вниз, на ночную улицу нового, незнакомого города. Редкие прохожие спешили по своим неизвестным делам.

– Фредди, – сказал Уорбэйби, – выведи-ка мне из интенсекьюровских файлов эту Вашингтон. Девушку, работающую в «Объединенной курьерской».

Фредди кивнул и что-то сделал с компьютером.

– Да, это возможно. – Уорбэйби внимательно изучал нечто, видимое ему одному. – Вполне возможно. Райделл, – он снял очки, – я бы хотел, чтобы и ты взглянул.

Райделл отпустил шторы, подошел к Уорбэйби, взял очки, тем же движением их надел. У него было отчетливое чувство, что сейчас не стоит медлить, мяться в нерешительности – хотя бы даже в результате пришлось снова смотреть на того мужика, на жмурика.

Чернота, цветные вспышки, а затем – лицо девушки, спереди и в профиль. Отпечатки пальцев. Сетчатка правого глаза, увеличенная до размеров ее головы. Цифровые данные. ВАШИНГТОН, ШЕВЕТТА-МАРИ. Большие серые глаза, длинный прямой нос, легкая улыбка, предназначенная, видимо, фотографу. Темные, коротко остриженные волосы собраны на макушке не то в метелку, не то в хвост.

– И что же ты думаешь? – спросил Уорбэйби.

Райделл напрочь не понимал, о чем его спрашивают, не знал, что тут можно ответить.

– Симпатичная.

Похоже, я сморозил глупость, подумал он, услышав приглушенное фырканье Фредди.

Однако Уорбэйби спокойно кивнул.

– Прекрасно. Значит, ты ее не забудешь.

16
«Санфлауэр»

В бетонном лабиринте противотанковых заграждений Сэмми Сэл оторвался и пропал из виду; при всех своих внушительных размерах он был непревзойденным мастером езды по узким, петляющим проулкам. Он умел делать абсолютно невозможные повороты, при необходимости Сэмми мог вздыбить велосипед и развернуться на триста шестьдесят градусов. Шеветта пару раз видела, как он делал такое на спор. А что оторвался, так она прекрасно знала, где его найти.

Проскакивая между первой парой надолб, Шеветта взглянула вверх и почувствовала, что мост тоже на нее смотрит, смотрит сотнями освещенных окон, фонарей и неоновых вывесок. Она видела картинки, на что был похож мост раньше, в те времена, когда по нему днем и ночью мчались машины, видела, но как-то вроде и не верила этому. Мост для нее был то, что он есть, он не мог быть иным ни сейчас, ни прежде. Убежище, дикое, странное, но – убежище, где можно лечь и уснуть, единственный приют бесчисленных людей и их бесчисленных снов.

Она миновала тележку рыбника, проскочив юзом на мелких осколках льда и серых, тускло поблескивающих кишках. Кишки пролежат тут всю ночь, на рассвете их расхватают чайки. Рыбник крикнул что-то вслед, но Шеветта не разобрала ни слова.

Она ехала между лотками и тележками в вечерней сутолоке, ехала и высматривала Сэмми Сэла.

Сэмми оказался там, где и должен был оказаться, – рядом с кофейной тележкой. Он ничуть не запыхался и стоял теперь, лениво оперевшись о свой велосипед; смуглая девушка с раскосыми глазами и острыми азиатскими скулами заваривала кофе. Шеветта притормозила рядом и соскользнула на землю.

– Решил, – сказал он, – что успею выпить маленькую без сахара.

Ноги Шеветты отчаянно ныли, гнать за Сэмом – это тоже тебе не сахар.

– Успеешь, если поторопишься, – сказала она, взглянув на мост, и повернулась к девушке. – Мне тоже.

Удар перевернутым ситечком по краю тележки, комок коричневой гущи полетел на землю и рассыпался, над ним поднялось легкое облачко пара. Девушка засыпала в ситечко кофе, чуть утрамбовала его пальцем, подняла ручку экспрессски, вставила ситечко, снова опустила ручку.

– Понимаешь… – сказал Сэмми Сэл и замолк, осторожно пробуя горячий кофе. – Ты не должна иметь таких проблем, ни к чему тебе это. Существуют две, и только две, разновидности людей. Люди, останавливающиеся в гостиницах вроде «Морриси», и мы с тобой. Существовал, говорят, и средний класс, люди, которые посередине, но это было давно и неправда. Как мы и подобные нам связаны с теми, другими? Мы развозим их конверты. Мы получаем за это *деньги*. Мы стараемся не наследить на ковре. Если дело этим и ограничивается, то все о'кей. Но что произойдет при более близком контакте? Что случится при соприкосновении?

Неосторожный глоток обжег Шеветте рот и горло.

– Преступление, – сказал Сэмми. – Секс. Возможно – наркотики. – Он допил кофе и поставил чашку на фанерную стойку. – Это практически исчерпывает все возможные варианты.

– Но ты-то их дерешь, – заметила Шеветта. – Ты сам говорил.

– Деру, – пожал плечами Сэмми, – ибо мне это *нравится*. Я понимаю, что могу нарваться на неприятности, и знаю, на что иду. А ты просто взяла и сделала черт знает что, безо всякой нужды и причины. Нарушила мембрану, отделяющую *нас* от *них*. Ручки у нее, видите ли, очень шаловливые. Дурь собачья.

Шеветта подула на кофе.

– Понимаю.

– Ну и как же ты намерена выпутываться из этой истории?

– Пойду к Скиннеру, возьму очки, отнесу их на крышу и выкину в воду.

– А что потом?

– Потом буду делать все как всегда, пока кто-нибудь не придет по мою душу.

– А придет – что ты ему скажешь?

– Сделаю большие глаза. Скажу, что ни хрена не понимаю, о чем это он. Не было такого – и все тут.

– У-гу. – Сэмми медленно кивнул, в его голосе не чувствовалось особого энтузиазма. – Может, и проскочит. А может, и нет. Если каким-то там людям эти очки нужны позарез, они могут нажать на тебя так, что пискнешь и околеешь. Другой вариант: мы берем эти очки, отвозим их в «Объединенную», и ты рассказываешь все как на духу.

– Мы?

– У-гу. Я буду играть роль почетного караула.

– Меня выкинут с работы.

– Найдешь себе другую.

Шеветта допила кофе, поставила чашку, вытерла рот тыльной стороной ладони.

– Работа – это все, что у меня есть. И ты, Сэмми, ты сам это знаешь. Ты сам ее мне нашел.

– А еще у тебя есть место, где спать, – там, на верхотуре. И этот придурочный старый раздолбай, который пустил тебя.

– Я его кормлю…

– И у тебя есть твоя собственная жопа, в целости и сохранности. А если некий хорошо обеспеченный джентльмен врежет тебе по известному месту мешалкой за то, что ты без спросу взяла его информационные очки, ситуация может сильно измениться.

Порывшись в карманах, Шеветта положила на стойку три никелевые пятерки за две чашки кофе и два доллара чаевых. Затем она храбро расправила обтянутые Скиннеровой курткой плечи. Негромко звякнули цепочки многочисленных молний.

– Нет. Отправлю это говно на дно залива, и никто ничего не докажет. Никогда.

– Невинное дитя, – вздохнул Сэмми.

Это звучало очень странно. Шеветта никогда не думала, что слово «невинность» можно использовать таким вот образом.

– Так ты идешь со мной?

– Зачем?

– Заговоришь Скиннеру зубы. Встанешь между ним и его журналами. Это там я их спрятала, за журналами. Тогда он не увидит, как я их вынимаю. Потом я поднимусь на крышу – и все, с концами.

– О'кей, – кивнул Сэмми. – Только я думаю, ты ищешь на вышеупомянутую жопу приключений. Доиграешься.

– Ничего, рискну.

Шеветта покатила велосипед к Скиннеровому подъемнику.

– Тебя не переспоришь, – еще раз вздохнул Сэмми и пошел следом.

В жизни Шеветты было всего три *по-настоящему* хороших, волшебных момента. Один – это когда Сэмми Сэл сказал, что попробует устроить ее в «Объединенную», и действительно устроил. Другой – когда она расплатилась наличными за свой велосипед и тут же, у дверей магазина, села на него и поехала. И еще вечер, когда она встретила в «Когнитивных диссидентах» Лоуэлла, хотя это еще как сказать, хорошо это было или плохо.

Не нужно только путать *хорошие* моменты с *удачными*; самые большие удачи неизменно приходили к Шеветте при обстоятельствах, которые никак не назовешь хорошими, когда вся жизнь вроде как намазана ровным толстым слоем говна, и нет этому говну ни конца ни края, и неизвестно даже, доживешь ты

до завтра или нет, а тут вдруг раз – и удача.

Шеветте крупно повезло в памятную ночь, когда она сбежала из Бивертонской колонии для малолетних, сумела, самой непонятно как, перелезть через колючую проволоку, но все равно та ночь была хреновая, до предела хреновая. О чем свидетельствуют шрамы, так и сохранившиеся на обеих ладонях.

А как она впервые забрела на мост? Ведь это ж была *дикая* удача. Двигаясь в Сан-Франциско по побережью, Шеветта подхватила лихорадку и едва переставляла подламывающиеся ноги. Все, буквально *все* причиняло ей боль – свет, звуки, ветер, обдувающий кожу; мозг ее точно лишился защитных покровов, превратился в огромный ком боли, в чудовищный серый гриб, неудержимо рвущийся наружу. Она помнила, как хлюпала оторвавшаяся подошва правой кроссовки, какую нестерпимую муку причиняло ей это хлюпанье, как ноги подкосились окончательно и она села на густо усыпанную мусором мостовую. Мир стал светлым и прозрачным, плыл и вращался, и тут этот кореец выскочил из своей лавки и стал кричать: вставай, вставай, здесь нельзя, иди в другое место. Предложение показалось Шеветте весьма привлекательным, и она направилась прямо в Другое Место – завалилась назад и потеряла сознание, не успев даже почувствовать, как ударилась затылком о бетон.

Здесь-то, надо думать, и нашел ее Скиннер, хотя он толком этого не запомнил, а может – Шеветта не была уверена, – просто не хотел об этом говорить. Вряд ли он мог сам затащить ее наверх, в свою конуру – ведь и нога больная, и вообще, – позвал, наверное, пару мужиков на помощь. А может, и не звал никого, сам справился, со Скиннером ведь не угадаешь. Старый, больной, а иногда – словно подключится к стокиловольтному питанию и делает вещи, непосильные даже молодым крепким парням, хоть стой, хоть падай. Вытащил он Шеветту – это точно, а уж как вытащил и сколько провалялась она потом в беспамятстве – дело темное.

Открыв глаза, она увидела круглое окно с мелким переплетом, заткнутое кое-где тряпками; солнце пробивалось сквозь сохранившиеся стекла цветными точками и пятнами, каких Шеветта никогда прежде не видела; эти точки и пятна плыли в ее воспаленных глазах, как водяные жуки в пруду. Затем прошло огромное, мучительное время, вирус выжимал, выкручивал Шеветту так же, как этот старик выкручивал серые полотенца, которыми обматывал ей голову. Когда горячка кончилась, отступила, откатилась куда-то на сотни миль вдаль, когда Шеветта *вернулась*, перевалила через край болезни, голова ее оказалась лысой, как яйцо, волосы лежали на мокрых полотенцах,

словно набивка из старого грязного матраса.

Когда волосы отросли, они поменяли цвет, стали темнее, почти черными. Может быть, поэтому Шеветта почувствовала себя вроде как тоже изменившейся, другой. Только почему, думала она, *другой*? Не другой, а именно что *собой*, какая я есть.

Шеветта прижилась на новом месте, взяла на себя все обязанности по добыванию еды и поддержанию порядка в комнате. Скиннер посылал ее на нижний уровень моста, где раскладывали свой товар торговцы старьем, посылал то с гаечным ключом, украшенным надписью «БМВ», то с мятой картонкой этих плоских черных штук, которые когда-то играли музыку, то с мешком пластмассовых динозавров. Шеветта не могла поверить, что весь этот хлам кому-то нужен, однако покупатели неизменно находились. Гаечный ключ позволил безбедно прожить целую неделю, за два черных диска из пачки заплатили еще больше. Скиннер знал старые вещи, знал, где они изготовлены и для чего предназначены, мог с уверенностью сказать, что на это вот желающие найдутся быстро, а на это – нет. Первое время Шеветта боялась продешевить – товар непонятный, поди разберись, сколько стоит, но Скиннера это, похоже, не беспокоило. Непроданный товар – те же, скажем, пластмассовые динозавры – возвращался «на склад», в кучи барахла, сложенные на полу вдоль всех четырех стен комнаты.

Отрастив новые волосы и немного окрепнув, Шеветта начала делать дальние вылазки – в пределах моста, город все еще оставался чем-то чужим, пугающим. Дважды она добиралась до самого Окленда, знакомилась с обстановкой. Жизнь там была вроде и похожая, но какая-то немного другая, а чем именно другая – не понять. Больше всего Шеветте нравилось у себя, на подвесном мосту, – одни люди слоняются без дела, другие шустрят; кто чем хочет, тот тем и занимается; и все это вместе вроде как растет, каждый день что-то новое – маленькие, едва заметные, но изменения. В Орегоне нет ничего подобного, да что там Орегон, такого, наверное, и нигде больше нету.

Сперва Шеветта даже не понимала, что ей здесь нравится, просто странное такое ощущение, психованное вроде, вроде как остатки горячечного бреда, но потом она подумала и решила, что это, наверное, и есть счастье и к счастью этому нужно привыкать.

Совершенно неожиданно выяснилось, что счастье – это совсем еще не все, что можно испытывать одновременно и счастье, и беспокойный, непоседливый зуд. Шеветта начала делать осторожные вылазки в город; чтобы не ходить с совсем уж пустыми карманами, она утаивала часть – *совсем* маленькую часть – денег, вырученных за Скиннерово барахло. Изучать Сан-

Франциско – этого занятия могло хватить надолго. Шеветта обнаружила Хайт-стрит, прошла по ней до Скайуокера, поглазела издалека на Храм Судьбы, но заходить за стену не стала. Вела туда аллея, даже не аллея, а узкий такой парк с очень подходящим названием: «Пэнхэндл»[17] – *общедоступный* парк (это ж представить себе, что такие еще сохранились!). Народу там было не протолкнуться в любое, считай, время дня, и все больше старики, во всяком случае выглядели они стариками, и все они лежали бок о бок, почти впритирку, и каждый завернут от ультрафиолета в серебристый пластик, блестящий, как костюмы Элвиса, только сами эти люди совсем не были похожи на Элвиса из видеофильмов, которые показывали иногда в Бивертоне. Так уж говоря, они и вообще походили не на людей, а на червяков, завернутых в серебряную фольгу, каждый – в свой, отдельный клочок, и шевелились они тоже как червяки, у Шеветты прямо мурашки бежали по коже. Не любила она это место.

На Хайт-стрит она тоже чувствовала себя вроде как неуютно, хотя там и были такие участки, что идешь, смотришь и все как на мосту: люди делают что хотят, ни от кого не прячась, вроде как копов и на свете не существует. Только на мосту Шеветта ничего не боялась, да и чего же бояться, если рядом всегда есть знакомые, если не свои, так хотя бы Скиннеровы, уж его-то, Скиннера, там каждая собака знает. И все равно она любила ходить по Хайт – где же еще найдешь столько мелких лавочек, такую дешевую еду. Вот, скажем, булочная, где всегда можно купить вчерашние бублики, дешево и хорошо; Скиннер говорит, что такие бублики и нужно есть, вчерашние, а свежие бублики все равно что яд, от них кишки склеиваются, или затыкаются, или еще что-то в этом роде. У него, у Скиннера, много таких заморочек. Пообвыкнув, Шеветта начала даже заходить в хайт-стритские лавочки, почти во все, только старалась вести себя там очень тихо, улыбаться и не вынимать руки из карманов.

Однажды она заметила вывеску «Цветные люди», подошла – и не смогла понять, чем же это таким торгует лавка. По занавешенной сзади витрине были расставлены и разбросаны странные вещи – кактусы в горшках, большие ржавые железяки и еще какие-то маленькие, зеркально отшлифованные стальные штучки. Кольца, короткие стержни с шариками на концах и всякое такое, и одни из них висят на кактусах, прямо на иголках, а другие лежат на тех ржавых железяках. И эта самая занавеска, из-за нее не видно, что там внутри. Дверь лавки не была заперта, люди входили туда без всякого звонка или там стука; Шеветта набралась смелости и решила, что не будет ничего страшного, если она откроет дверь и хоть краем глаза посмотрит, что же там

такое делается. Из лавки вышел, посвистывая, толстый мужик в белом комбинезоне, затем вошли две высокие черноволосые женщины, с головы до ног в черном, как вороны. Интересно, чем они там таким занимаются.

Шеветта сунула голову в дверь. За прилавком стояла женщина с короткими огненно-рыжими волосами, все стены помещения были увешаны потрясными картинками, краски такие, что ослепнуть можно, и все сплошные змеи и драконы и всякое такое. Дикое количество картинок, все сразу и не рассмотришь; Шеветта стояла раскрыв рот, а потом эта женщина за прилавком сказала: да ты заходи, чего дверь загораживаешь, – и Шеветта вошла, и только тут она увидела, что продавщица, или кто там она еще, одета во фланелевую рубашку без рукавов, распахнутую до пупа, и что ее руки и все, сколько видно, тело сплошь разрисованы такими же в точности картинками.

Тоже, казалось бы, новость – татуировка, татуировок Шеветта насмотрелась по это самое место и в подростковой колонии, и так, на улице, но ведь там была сплошная кустарщина, для которой достаточно иголок, цветной туши, нитки и шариковой ручки. Она подошла к прилавку и уставилась на безумное неистовство красок, сверкавшее между грудей женщины (не таких *больших*, как у Шеветты, хотя женщине этой было уже под тридцать, а может, и все тридцать), и там были осьминог, и роза, и голубые зигзаги молний, и все это переплетено, перемешано, ни хоть вот столько неразрисованной кожи.

– Вы хотите что-нибудь купить, – спросила женщина, – или просто так смотрите?

Шеветта испуганно сморгнула и потупилась.

– Нет, – услышала она свой голос, – я только вот никак не могу понять, что это за маленькие металлические штучки, которые в витрине.

На прилавке лежала большая книга, переплетенная в черную кожу с хромированными накладками. Женщина развернула ее к Шеветте, раскрыла на первой странице, где красовался странного вида член – здоровенный, с двумя маленькими стальными шариками по бокам клиновидной головки.

Шеветта хрюкнула от удивления.

– Амфаланг, – пояснила татуированная продавщица, – или амфитрахий, как называют его некоторые, имеет много разновидностей. Это – гантель, а это, – она перелистнула страницу, – шпора. Запонки. Кольцо. Грузила. А эта модель известна как «мутовка». Нержавеющая сталь, ниобий, белое золото пятьсот восемьдесят третьей пробы.

Она перекинула страницы назад, и перед Шеветтой снова

возник тот, самый первый болт.

Фокусы, подумала Шеветта. Нарисовать любое можно.

– Так больно же будет, – сказала она вслух.

– Не так больно, как тебе кажется, – прогудел низкий бархатистый голос, – а потом как привыкнешь, так чистый *кайф*.

На черном-черном, как черное дерево, лице парня сверкала широкая, в тридцать два ослепительно-белых зуба, улыбка, под подбородком болталась нанопористая маска, – вот так и произошло первое знакомство Шеветты с Сэмьюэлом Саладином Дюпре.

Двумя днями позднее она увидела его на Юнион-сквер, в компании велосипедных курьеров. Она давно уже пялилась на этих ребят. Одежда и прически – как ни у кого кроме, а главное – велосипеды со светящимися колесами и рулями, загнутыми вверх и вперед, как скорпионьи хвосты. А еще шлемы со встроенными рациями. Они либо неслись куда-то во весь опор, либо вот так вот, как сейчас, мирно тусовались – чесали себе языками да пили кофе.

Сэм стоял вместе со всеми, скинув ноги с педалей на землю, и ел верхнюю половинку бутерброда. Розовая в черную крапинку рама гудела низкой, почти одни басы, музыкой, длинные черные пальцы левой руки безостановочно плясали по рулю, отбивая такт. Шеветта подошла поближе, чтобы присмотреться к велосипеду. Переключение скоростей, тормоза, все такое хитрое и, ну, *красивое*, что чистый отпад.

– В пуп и в гроб, – несколько гнусаво провозгласил Сэм, его рот был забит бутербродом. – В пуп и в гроб мой амфи… мой амфи*трахий*. Ам-фал-л-ланг. Где ты раздобыла такие туфли?

Старые парусиновые кеды, позаимствованные у Скиннера. Настолько длинные, что Шеветте пришлось запихать в каждый чуть не по целой газете.

– Вот, бери. – Сэм сунул ей в руку вторую половинку своего бутерброда. – Я уже заправился.

– Велосипед у тебя… – восхищенно помотала головой Шеветта.

– Чего там с моим велосипедом?

– Он… Ну, он…

– Нравится?

– Ага.

– А то, – гордо ухмыльнулся Сэм. – «Сугаваровская» рама. «Сугаваровские» передачи и подшипники. Гидравлика от «Зуни». Полный абзац.

– И *колеса*, – добавила Шеветта. – Потрясные колеса.

– Ну, – ухмыльнулся Сэм, – это больше так, для балды. И

чтобы мудак, который сшибет тебя на улице, хоть заметил, что кого-то там сшибает.

Шеветта потрогала руль. Потрогала *музыку*, гудевшую в велосипеде.

– Да ты ешь, – сказал Сэмми. – За фигуру тебе бояться не приходится.

Шеветта послушно откусила бутерброд, и они разговорились, и это, собственно, и было их настоящее знакомство.

Затаскивая велосипед по хлипкой фанерной лестнице, Шеветта рассказала Сэму о японке, как та вывалилась из лифта. И как она сама, Шеветта, в жизнь не попала бы на ту пьянку и даже не знала бы, что где-то там идет пьянка, если бы не оказалась в том самом месте – перед лифтом, значит, – в тот самый момент. Сэмми отвечал неразборчивым хмыканьем; колеса его велосипеда погасли, стали тускло-серыми.

– А чья же это была пьянка и по какому случаю? Ты там ни у кого не спросила?

Мария. Мария же говорила.

– Коди. Мне сказали, что хозяин – какой-то *Коди* и…

Сэмми Сэл резко притормозил, брови его поползли вверх.

– Так-так. Коди Харвуд?

– Не знаю, – равнодушно пожала плечами Шеветта. Бумажный, почти невесомый велосипед абсолютно не сковывал ее движений.

– А кто это такой – Коди Харвуд, ты хоть это-то знаешь?

– Нет.

Площадка. Теперь можно не тащить велосипед, а катить.

– Ба-альшие башли. Реклама. Харвуд Левин – это его папаша.

– Ну да. – Шеветте было по фигу, кто там чей папаша. – Я же говорила, что там и публика, и все-все там было богатое.

– Папашина фирма руководила избирательной кампанией президентши Миллбэнк и на этих выборах, и на прошлых.

Но Шеветта была занята более важным делом – активировала распознающую петлю. Сэмми поставил свой велосипед рядом, загоревшиеся было колеса потускнели и снова стали серыми.

– Я прицеплю его к своему, на той же петле. Да здесь их вообще никто не тронет.

– Вот так же думал и *я*, – сказал Сэмми, наблюдая, как Шеветта вытягивает петлю, как она осторожно, чтобы не оставить на розовой с черным эмали ни царапинки, обматывает раму его велосипеда, как запечатывает петлю большим пальцем. – В тот раз, когда у меня сперли первый велосипед. И следующий.

К величайшей ее радости, желтая корзина подъемника была

внизу; гостей у Скиннера, похоже, нет.

– Ну так что, поехали?

Шеветта запоздало вспомнила, что обещала утром купить у Джонни-таиландца суп, кисло-сладкий лимонный суп, любимое блюдо Скиннера.

Когда она сказала Сэму, что хочет курьерить, хочет иметь свой собственный велосипед, он принес ей мексиканский шлем с наушниками и наглазниками, обучающий, где в Сан-Франциско какая улица и как куда проехать. Через три дня Шеветта знала город вдоль и поперек, хотя и не так, как знают его курьеры. У курьера, сказал Сэмми, в голове такая карта, какой нигде больше и нет. Тут же нужно знать все основные здания, и как в них войти, и как там себя вести, и что нужно делать, чтобы какая-нибудь сволочь не стырила твой велосипед. Но когда он привел ее к Банни, все прошло без сучка без задоринки, чудо, да и только.

За три недели она заработала достаточно, чтобы купить себе вполне приличный велосипед, это тоже было вроде как чудо.

Примерно в это же время Шеветта начала встречаться после работы с парой других «Объединенных» велосипедисток, с Тэми Ту и Элис Мэйби, через них-то она и забрела тогда к когнитивным диссидентам. Забрела и познакомилась с Лоуэллом.

– Здесь у вас никто не запирается, – сказал Сэмми, глядя снизу, как Шеветта поднимает крышку люка.

Шеветта зажмурилась и увидела целую толпу копов, набившуюся в Скиннерову клетушку, попыталась рассмотреть, как они одеты, но не смогла. Затем она открыла глаза и просунула голову в люк.

Обычная, ежедневно наблюдаемая сцена. Скиннер лежит в постели, взгромоздив маленький телевизор прямо себе на грудь, из серых дырявых носков выглядывают желтые ороговевшие ногти.

– Привет, – сказала Шеветта, поднимаясь наверх. – Я привела Сэмми. Мы с ним вместе работаем.

В люк просунулись голова и плечи Сэмми Сэла.

– Здрасьте, – кивнул Сэмми.

Скиннер молчал, по хмурому морщинистому лицу бегали цветные отсветы экрана.

– Как поживаете? – вежливо осведомился Сэмми; он поднялся в комнату и прикрыл за собой крышку люка.

– Ты поесть что-нибудь принесла? – Скиннер словно и не замечал гостя.

– Джонни говорит, что суп будет готов чуть попозже, –

сказала Шеветта, двигаясь к стеллажу с журналами, и тут же осеклась: ну надо же – сморозить такую глупость! Суп этот готов *всегда*, двадцать четыре часа в сутки, – Джонни заварил его много лет назад и с тех пор только и делает, что добавляет продукты в постоянно кипящий котел.

– Как поживаете, мистер Скиннер? – терпеливо повторил Сэмми. И подмигнул Шеветте. Он стоял, чуть наклонившись, чуть расставив ноги, и держал шлем перед собой, в обеих руках, ни дать ни взять – подросток, пришедший засвидетельствовать почтение папаше своей подружки.

– А чего это ты там подмигиваешь?

Скиннер щелкнул выключателем, и экран погас. Шеветта купила этот телевизор в Мышеловке, с контейнеровоза. Скиннер говорил, что не в силах больше разобрать, какие из передач «программа», а какие «реклама», что бы эти слова ни значили.

– Да нет, мистер Скиннер, – сказал Сэмми Сэл, – что вы, просто в глаз что-то попало.

Он переступил с ноги на ногу и стал еще больше похож на нервозного, неуверенного в себе подростка. Шеветта бы, пожалуй, расхохоталась, если бы не другое, *важное* дело. Прикрытая широкой спиной Сэмми, она пошарила за журналами. На месте, слава богу. Вытащим – и в карман.

– Сэмми, а ты смотрел когда-нибудь на город с нашей верхотуры?

Шеветта чувствовала на своем лице широкую придурочную улыбку, чувствовала недоумение Скиннера, пытавшегося понять, что же тут происходит, но ей сейчас все было по фигу. Она взлетела по стремянке к потолочному люку.

– Нет, лапа, никогда. Полный, наверное, отпад.

– Слышь, – сказал Скиннер, глядя, как Шеветта открывает люк, – что это с тобой, сдурела, что ли?

Но она уже поднялась в недвижность навалившегося на мост воздуха. Чаще всего здесь дул ветер, вызывавший острое желание лечь ничком и вцепиться во что-нибудь покрепче, но бывали и такие вот моменты мертвого, абсолютного затишья. Сзади послышались шаги Сэмми. Шеветта вынула футляр из кармана и шагнула к краю крыши.

– Подожди, – сказал Сэмми. – Дай посмотреть.

Шеветта занесла руку для броска. Цепкие черные пальцы выхватили у нее футляр.

– Ты что!

– Стихни. – Сэмми открыл футляр, извлек из него очки. – Отличная штука…

– Отдай!

Шеветта протянула руку, но получила только сланцево-серую скорлупку футляра.

– Видишь, как это делается? – Сэмми держал очки за дужки. – Слева *«aus»*, справа – *«ein»*. Вот так вот, слегка сдвинуть – и все.

В тускловатом свете, пробивающемся из люка, – длинные черные пальцы.

– Вот, попробуй сама, – сказал Сэмми, надевая на Шеветту очки.

Деловые кварталы Сан-Франциско, Пирамида, стянутая после землетрясения стальными скрепами, дальние горы – все это исчезло.

– Еж твою в двадцать, – пораженно выдохнула Шеветта, глядя на ровный строй невероятных зданий. Огромные – шириной, пожалуй, в четыре городских квартала каждое, – они отвесно уходили к небу, чтобы там, на головокружительной высоте, распуститься широкими, похожими на дуршлаги полусферами. Затем небо заполнилось китайскими иероглифами.

– Сэмми…

Она покачнулась и тут же почувствовала на правом локте твердую руку Сэма.

Китайская надпись искривилась, поплыла, выстроилась в нормальные буквы.

САНФЛАУЭР КОРПОРЕЙШН.

– Сэмми…

– А?

– Что это за хрень?

Стоило Шеветте присмотреться к чему-нибудь повнимательнее, как в небе вспыхивала новая надпись, тесные строчки непонятных технических терминов.

– Откуда мне знать, я же не вижу, чего ты там видишь. Дай посмотреть.

– Скутер, – донесся снизу голос Скиннера. – Чего это ты вдруг вернулся?

Шеветта беспрекословно отдала Сэмми Сэлу очки, опустилась на колени и заглянула в люк. Ну да, тот самый японский недотепа, который ходит все время к Скиннеру, студентик, или социальный работник, или кто уж он там такой. Только чего этот японец так странно выглядит, он и всегда-то как пыльным мешком ударенный, а тут и вообще. Испуганный какой-то. И кто это с ним второй?

– Ну так что, Скутер, – сказал Скиннер, – как жизнь молодая?

– Это мистер Лавлесс, – пробормотал Ямадзаки. – Он хочет с вами познакомиться.

– Эй, на крыше! – Незнакомец сверкнул золотыми коронками

и вытащил из кармана длинного черного дождевика пистолет. Он держал оружие с привычной непринужденностью профессионала, как плотник свой молоток или смазчик – масленку. На его руке была хирургическая перчатка. – Чего ты туда залезла, спускайся к нам.

17
«Мышеловка»

– А делается это так, – сказал Фредди, вручая Райделлу кредитную карточку. – Ты платишь пять сотен за вход и имеешь потом право набрать на эти пять сотен товару.

Райделл взглянул на карточку. Какой-то голландский банк. В счет, нужно понимать, зарплаты. Сейчас, пожалуй, самое время спросить, какая она будет, эта зарплата. А может, и не самое время, может, лучше подождать, а то больно уж у него, у Фредди, мрачное настроение.

По словам Фредди, этот Контейнерный город – лучшее место, чтобы быстро и без хлопот купить одежду. *Нормальную*, будем надеяться, одежду. Уорбэйби пьет сейчас травяной чай в этом странноватом кафе. Сказал, что ему нужно спокойно подумать. Отослал Райделла к машине, а Фредди задержал и пару минут с ним секретничал.

– А что, если мы ему понадобимся? Поехать захочет куда-нибудь или еще что.

– Позвонит и вызовет.

Следуя указаниям Фредди, Райделл засунул кредитную карточку в кассовый автомат и получил пятисотдолларовый магнитный чек Контейнерного города плюс разрешение на парковку «Патриота».

– Теперь сюда, – сказал Фредди, указывая на турникеты.

– А ты что, не будешь платить?

– На хрена? – ухмыльнулся Фредди. – *Я* покупаю одежду в *других* местах.

Он открыл бумажник и продемонстрировал Райделлу карточку с эмблемой «Интенсекьюра».

– А я-то считал, что вы на них работаете сугубо по договору.

– Сугубо, но очень часто, – пояснил Фредди, засовывая в прорезь интенсекьюровскую карточку. Райделл прошел через соседний турникет с помощью своего магнитного чека.

– Так это что же, без пяти сотен сюда и не войдешь?

– Да, потому и название такое – «Мышеловка». Они это придумали, чтобы не прогореть на эксплуатационных расходах, защитили себя от зевак, не собирающихся ничего покупать. Каждый вошедший оставит здесь не меньше этих пяти сотен.

Контейнерный город оказался исполинским крытым рынком, если можно назвать рынком место, где паркуются не грузовики, а корабли, *большие* корабли. Судя по всему, пятисотдолларовый

минимум никого особенно не отпугивал, люди здесь толклись даже теснее, чем на улице.

– Гонконгские деньги, – сказал Фредди. – Эти ребята откупили целый кусок набережной.

– Слышь, – удивленно воскликнул Райделл, указывая на смутный силуэт, вырисовывавшийся за крановыми балками и прожекторными мачтами, – так это ж мост, тот самый, на котором люди живут.

– Да, – криво усмехнулся Фредди, – только лучше бы сказать не «люди», а «психи».

Он направил Райделла к эскалатору, неутомимо взбегавшему на безупречно белый борт огромного контейнеровоза.

– Охренеть можно, – восхитился Райделл, оглядывая сверху Контейнерный город. – Куда там Лос-Анджелесу, там такого не найдешь!

– Ну уж не скажи, – качнул головой Фредди, – и я родился в Лос-Анджелесе, так что знаю, о чем говорю. А это – рынок себе и рынок, плешь собачья.

Райделл купил бордовую нейлоновую куртку, две пары черных джинсов, три черные футболки и белье, за все про все – пять сотен с небольшим, так что пришлось доплатить по кредитной карточке.

– Совсем и не дорого, – сказал он, укладывая покупки в желтый полиэтиленовый мешок с эмблемой Контейнерного города. – Спасибо, Фредди, что показал такое место.

– Не за что, – пожал плечами Фредди. – А что там на джинсах написано, где они произведены?

Райделл изучил ярлык.

– Африканский союз.

– Ну вот, – кивнул Фредди, – принудительный труд. Не нужно было тебе брать это говно.

– Я как-то не подумал… А как тут с едой, поесть тут можно где-нибудь?

– Сколько душе угодно…

– А ты-то пробовал когда такую вот корейскую хрень маринованную? Ну прямо огонь во рту…

– У меня язва. – Фредди методично закладывал себе в рот ложку за ложкой простого, безо всяких там примочек йогурта.

– Стресс, Фредди, это все от стресса.

– Очень смешно. – Фредди оторвался от розовой пластиковой миски и окинул Райделла недружелюбным взглядом. – Ты что, всегда такой юморист?

– Какой там юмор, – печально улыбнулся Райделл, – просто

так уж вышло, что я про язву много знаю: у моего отца тоже думали, что язва.

– Так была она у него или нет, язва, у твоего папаши?

– Нет, потом вдруг оказалось, что не язва, рак желудка.

Фредди болезненно сморщился, отставил свой йогурт, покрутил в пальцах бумажный стаканчик с ледяной минеральной, отхлебнул из него и тоже отставил.

– Эрнандес говорит, – сказал он, – что ты учился на копа в какой-то там глухой дыре.

– Ноксвилл, – кивнул Райделл. – И не просто учился, я *был* копом. Только недолго.

– Ну да, конечно, понимаю. – Фредди не то успокаивал Райделла, не то извинялся за свою «глухую дыру». – Так ты что, прошел полную тренировку по всем этим полицейским штучкам?

– Н-ну, – протянул Райделл, – в нас старались впихнуть всего понемногу. Осмотр места происшествия. Вот, скажем, в этом номере, сегодня. Я точно знаю, что они не работали с суперклеем.

– Не работали?

– Нет. В суперклее есть такая химическая зараза, которая липнет к содержащейся в отпечатках воде, а ведь они, отпечатки, из той воды, считай, и состоят, на девяносто восемь процентов. Ну так вот, есть такой маленький нагреватель, специально для клея, вставляется прямо в обычную розетку. Включаешь его, затыкаешь окна и двери мусорными метками, да хоть чем угодно, лишь бы заткнуть, и оставляешь так на двадцать четыре часа, потом возвращаешься и очищаешь там воздух.

– Как это – очищаешь?

– Ну, проветриваешь. Открываешь окна и двери. Потом все как обычно – ищешь отпечатки, обрабатываешь порошком. А там, в отеле, ничего этого не сделали. После такой обработки на всем остается тоненькая такая пленка. И еще запах, как ни проветривай…

– Ни хрена себе, – уважительно протянул Фредди, – да ты, получается, настоящий спец.

– Тут же все на уровне здравого смысла, – отмахнулся Райделл. – Ну вроде как не пользоваться туалетом.

– Туалетом? Не пользоваться?

– На месте преступления. Не ходить в туалет. Не спускать воду. Ведь если бросить что-нибудь в унитаз… Ты обращал внимание, как там все устроено, вода прет вниз, а потом вверх и снова вниз.

– Ага, – кивнул Фредди.

– Так вот, вполне возможно, что преступник или кто там еще бросил туда что-нибудь и спустил. А эта хрень не спустилась

совсем и так и болтается там, в трубе. А ты придешь, спустишь воду – и все, с концами.

– Вот же мать твою, – восхитился Фредди. – Ну никогда такого не знал.

– Здравый смысл, – повторил Райделл, вытирая губы бумажной салфеткой.

– А ведь прав мистер Уорбэйби, точно прав.

– Это про что?

– Он говорит, что мы зря усадили тебя за баранку, что ты можешь заниматься куда более серьезными делами. Сам-то я, если по-честному, совсем не был в этом уверен.

Фредди замолчал, словно ожидая, что Райделл обидится.

– Ну и?

– Ты заметил, что у мистера Уорбэйби на ноге шина?

– Да.

– Ты знаешь этот мост, на который ты еще показывал?

– Да.

– И ты помнишь снимок этой рассыльной соплячки, малолетка такая, крутая, как яйцо?

– Да.

– Ну так вот, – вздохнул Фредди, – мистер Уорбэйби уверен, что она-то и обворовала этого мужика. И она живет на мосту. А мост этот самый – местечко страшное, *жуткое*. Там сплошные анархисты, жуть сплошная…

– А я слышал, там самые обыкновенные люди, бездомные. – Райделл смутно припомнил какой-то старый документальный фильм о мосте. – Устроились там и живут.

– Хрен там, бездомные. – Для убедительности Фредди сжал правую руку в кулак и стукнул по ее сгибу ребром левой ладони. – *Бездомные*, они живут *на улице*. А эти, на мосту, они же все там сатанисты и хрен знает что. Вот ты, наверное, думаешь, что можешь пойти туда и так себе спокойно разгуливать? Хрен ты там погуляешь. Они ж туда только *своих* пускают. Это у них вроде как культ, инициации и все такое белье-мое.

– Инициации?

– *Черные* инициации, – наставительно поднял палец Фредди.

Нужно думать, ухмыльнулся про себя Райделл, красавчик не имеет в виду *расовый* аспект этих ритуалов.

– О'кей, – сказал он вслух, – только как это все связано с ногой мистера Уорбэйби?

– Вот там-то, *на мосту*, ему и *повредили* колено, – торжественно поведал Фредди. – Он *пробрался* туда, отчетливо понимая, что *рискует* своей жизнью, но он был готов на все, лишь бы спасти это дитя. Маленькую *девочку*. – Фредди прямо упивался

своим повествованием. – Эти суки с моста, они же часто *это* делают.

– Что – «это»? – В глазах Райделла стояли постные, невыразительные физиономии «Медведей-Шатунов».

– Воруют детей, – объяснил Фредди. – И теперь ни мистер Уорбэйби, ни я, ни один из нас не может и близко туда подойти, ведь эти суки, они на нас охотятся, понимаешь?

– А потому вы хотите, чтобы туда пошел я?

Райделл запихнул скомканную салфетку в картонную коробку из-под кимчи[18].

– Пусть уж мистер Уорбэйби сам все это объясняет, – вздохнул Фредди. – У него лучше получится.

Они нашли Уорбэйби там же, где и оставили, – в темноватом, с высоким потолком кафе; район, сказал Фредди, зовется Норт-Бич. На Уорбэйби снова были эти хитрые очки, но что уж там изучал знаменитый сыщик, оставалось полной загадкой.

Райделл прихватил из машины свой синий «самсонит» и мешок с покупками, ему не терпелось переодеться. Туалет в кафе имелся всего один, на одну персону вне зависимости от пола, в туалете этом была даже ванна, так что он вполне заслуживал гордое название «ванная комната». Судя по всему, ванной этой никто никогда не пользовался – на внутренней ее поверхности была намалевана русалка в натуральную величину. Неизвестный злоумышленник прилепил к животу морской девы коричневый окурок, чуть повыше того места, где кончается кожа и начинается чешуя.

Райделл обнаружил, что Кевиновы брюки лопнули сзади по шву, и с тоской задумался, сколько же это времени разгуливал он в таком вот пикантном виде, с голой задницей. Ладно, будем считать, что авария произошла только что, в машине, иначе кто-нибудь да сказал бы, да хоть тот же самый Фредди. Он снял интенсекьюровскую рубашку, затолкал ее в урну для мусора, надел одну из черных футболок, расшнуровал ботинки и задумался. Предстояла сложная задача – переодеть трусы, брюки и носки, ни разу не встав босыми ногами на подозрительно мокрый пол. Залезть в ванну? Да нет, там тоже грязно. В конечном итоге ему удалось выполнить все необходимые операции, сперва – стоя на снятых ботинках, а затем – полусидя на стульчаке; вся старая одежда отправилась в ту же самую урну. Размышляя, сколько же там осталось на этой голландской кредитной карточке, Райделл переложил бумажник в правый задний карман новых джинсов, а затем надел бордовую куртку. Умылся под жиденькой струйкой чуть тепловатой воды.

Причесался. Уложил остальную одежду в «самсонит», не забыв и магазинный мешок – пригодится для грязного белья.

Хорошо бы, конечно, принять душ, но с этим придется повременить, переодеться удалось – и то слава богу.

На этот раз очки Уорбэйби оказались прозрачными.

– Фредди рассказал тебе немного насчет моста?

– Ну да, – кивнул Райделл. – Они там все сатанисты, пьют кровь христианских младенцев.

Уорбэйби сверкнул глазами на скромно потупившегося Фредди.

– Описание излишне колоритное, однако очень близкое к истине. Место не из самых приятных. К тому же оно фактически выпадает из сферы действия правоохранительных органов. К примеру, там ты не встретишь наших друзей Шитова и Орловского, во всяком случае – в их официальном качестве.

Еще один ледяной взгляд, и улыбка, появившаяся было на лице Фредди, увяла.

– Фредди мне все уже объяснил. Вы хотите, чтобы я отправился на мост и нашел эту девушку.

– Да, – мрачно кивнул Уорбэйби, – совершенно верно. Очень хотелось бы сказать тебе, что ничего опасного там нет, однако это не так. К крайнему моему сожалению.

– Да-а… И насколько же это опасно?

– Очень, – вздохнул Уорбэйби.

– А эта девушка, она что, тоже опасна?

– В высшей степени, – отчеканил Уорбэйби. – Тем более что *внешность* ее не внушает ни малейших опасений. Да что там говорить, ты же сам видел, что они сделали с горлом этого человека.

– Господи, – пораженно выдохнул Райделл, – неужели вы думаете, что эта девочка способна на *такое*?

– Ужас, – печально кивнул Уорбэйби. – Люди делают ужасные вещи.

Только теперь, вернувшись к машине, Райделл заметил, что припарковал ее прямо под огромной стенной росписью. Джей-Ди Шейпли, в черной кожаной куртке на голое тело, возносится в рай на руках полудюжины белокудрых, предельно педерастичных ангелов. Голубыми сверкающими спиралями ДНК, исходящими из его живота, Шейпли поражал вирус СПИДа – ржавый, отвратительного вида шар со множеством зловещих механических лап, очень похожий на боевую космическую станцию из какого-нибудь фантастического фильма.

До чего же это было дико – быть этим вот парнем, Шейпли. А

быть кем-нибудь другим – разве это не дико? Тоже дико. Но вот что особенно дико, так это быть Шейпли и умереть, как он, а *потом* глядеть на эту вот картинку.

«ТЕПЕРЬ ОН *ЖИВЕТ* В НАС, – гласила надпись большими, в добрый фут высотой, буквами, – И ТОЛЬКО ИМ МЫ ЖИВЕМ».

Истина, с которой мог бы поспорить разве что Саблетт, так и не сделавший себе ни одной прививки.

18
Конденсатор

У Шеветтиной матери был одно время дружок по фамилии Оукли, который пил по-черному, а в свободное от пьянки время возил бревна на лесопилку, если, конечно, не врал. Долговязый мужик с голубыми, широко посаженными глазами и лицом, изборожденным глубокими вертикальными морщинами. Мамаша восхищалась этими морщинами, говорила, что с ними Оукли похож на самого взаправдашнего ковбоя. И никакой у него не ковбойский вид, а такой, ну вроде как *опасный*, думала про себя Шеветта, но с матерью не спорила. К слову сказать, ничего опасного в Оукли не было, ну разве что примет на грудь слишком уж много – бутылку там виски или две – и перестанет понимать, что к чему. Иногда он начинал приставать к Шеветте, путал ее с мамашей, но Шеветте каждый раз удавалось вывернуться; проспавшись, Оукли не знал, куда глаза деть, и он шел в лавку и покупал ей всякие побрякушки, ну чтобы вину свою хоть как-то загладить. А сейчас, глядя сверху, через люк, на этого незнакомого мужика, Шеветта вспомнила тот случай, когда Оукли, трезвый как стеклышко, отвел ее в лес и дал пострелять из револьвера.

У этого, в комнате, было лицо вроде как у Оукли, и глаза такие же, и морщины на щеках. Такие морщины, как вроде человек много улыбается, да он и сейчас улыбался, тип этот, только вот улыбка у него была такая, что никого не развеселит, не успокоит, и еще эти золотые зубы.

– Спускайся, – сказал он не очень громко, но все равно это звучало как приказ, за невыполнение которого того и гляди поставят к стенке.

– Ты что, парень, с буя сорвался? – В голосе Скиннера не чувствовалось страха – недоумение, любопытство, но никак не страх.

Сухой, совсем негромкий щелчок – и яркая голубая вспышка. Японец осел на пол, сразу как-то осел, неожиданно. Шеветта даже сперва подумала, что этот тип его застрелил.

– Заткнись, – бросил бандюга Скиннеру и снова повернулся к Шеветте. – *Спускайся*. Сколько раз тебе говорить?

Пальцы Сэмми Сэла тронули ее за затылок, чуть подтолкнули к люку, снова исчезли где-то там сзади.

Этот тип, он же, пожалуй, и не подозревает даже, что здесь, на крыше, есть еще какой-то Сэмми Сэл. А очки у Сэмми Сэла. И

никакой этот мужик не коп, скорее уж наоборот.

– Извините, пожалуйста, – сказал японец. – Мне очень неудобно перед вами, но…

– Сейчас я всажу тебе пулю в правый глаз.

И все лыбится, лыбится, и голосок – ну прямо словно предлагает: «Хочешь, я куплю тебе сэндвич?»

– Сейчас, – сказала Шеветта, – иду. – И этот не стал больше стрелять ни в нее, ни в никого.

Она вроде как слышала, как Сэмми Сэл шагнул по крыше, отступил от нее и от люка, но не стала, конечно, оборачиваться. И она не знала, стоит закрывать за собой люк или нет, и решила, что не стоит, ведь мужик сказал ей спуститься, и ничего больше. Чтобы закрыть, ей нужно будет повернуться и протянуть руку назад, к крышке, а хрен там хрена этого знает, подумает еще, что она достает оттуда пистолет или еще что. Ну прямо тебе как в кино. Чистый цирк.

Спрыгивая с нижней ступеньки на пол, Шеветта старалась держать руки на виду, чтобы хрену этому было видно.

– Что ты там делала?

И улыбочка, все та же долбаная улыбочка. Пистолет и близко не похож на старый громадный и неуклюжий револьвер, привезенный Диком Оукли из Бразилии. Маленькая такая, тупорылая, почти квадратная хреновина из тускло-серого, точь-в-точь как инструмент в Скиннеровом ящике, металла. А на кончике дула, вокруг дырки, кольцо другого металла, блестящего, вроде как глаз с черным зрачком.

– На город смотрела.

Шеветта не ощущала особого страха. Да она сейчас и вообще ничего не ощущала, кроме дрожи в ногах.

Тип поднял голову, скользнул взглядом по черному зеву люка; рука, сжимавшая пистолет, не шевелилась, как каменная. Шеветта боялась, а вдруг он спросит, одна она была на крыше или с кем; ответишь неуверенно или там со слишком горячей уверенностью, так он ведь сразу поймет, что врешь.

– Ты знаешь, за чем я пришел.

Скиннер сидел в кровати, привалившись спиной к стенке; от недавней его сонливости не осталось и следа. Японец – не только живой, но, похоже, даже не раненый – сидел на полу, широко раскинув длинные костлявые ноги.

– Ясненько, – сказал Скиннер, – наркотики или деньги. Только ты сильно ошибся адресом. Если хочешь, могу дать тебе пятьдесят шесть долларов и лежалый хабарик с дурью.

– Заткнись. – Золотоносная улыбка исчезла, теперь у мужика словно вообще не было губ – тонкая, как карандашом

проведенная линия, и все. – Я не с тобой разговариваю.

Скиннер хотел вроде бы что-то сказать или, может, засмеяться, но не сделал ни того ни другого.

– Очки.

Тип снова сверкнул этой своей улыбкой, которая и на улыбку-то не похожа, и поднял пистолет, так что Шеветта глядела теперь прямо в злобный черный зрачок. *Ну пристрелит он меня*, – мелькнула у нее мысль, – *ну и что? А где он их потом искать будет?*

– Хэпберн, – сказал Скиннер с этой своей легкой, чуть ненормальной улыбочкой, и только теперь Шеветта заметила, что во лбу Роя Орбисона, который на стене, на постере, появилась круглая, аккуратная такая дырочка.

– Там. – Она указала на люк. На нижний люк, люк в полу.

– Где?

– В багажнике велосипеда.

(Только бы Сэмми не наткнулся в темноте на эту ржавую тележку, не загремел.)

Тип взглянул на потолочный люк – ну прямо мысли слушает.

– Лицом к стене, раскинь руки. – Он подошел ближе. – Ноги пошире. – Холодное прикосновение к затылку – пистолет, наверное. Бесстрастная, словно механическая, рука скользнула под куртку, ищет оружие…

– Так и стой.

Скиннеров нож – тот, керамический, с фрактальным лезвием – бандит прозевал. Шеветта чуть повернула голову и увидела, как он одной рукой обкручивает запястье японца чем-то красным и вроде как резиновым – яркая такая штука, ну вроде как эти мягкие жевательные конфеты, на червяков похожие, которыми торгуют из больших стеклянных банок. Потом он проволок косоглазого дурика через всю комнату, пропустил красную хреновину через стальной кронштейн столика, того самого, за которым Шеветта завтракала, и обмотал свободным ее концом второе, покорно подставленное запястье. Этим дело не кончилось. Затянутая в резиновую перчатку рука извлекла из левого кармана черного дождевика еще одну такую же штуку и встряхнула ее, как игрушечную змею.

– Сиди, старик, на своей кровати и не рыпайся.

Бандюга ткнул Скиннера пистолетом в висок, наклонился и опутал его руки. Скиннер молчал и не шевелился.

Затем настала очередь Шеветты.

– Тебе мы сделаем спереди, а то по лестнице не сможешь спуститься.

Веревка эта, или как ее, оказалась холодной, скользкой, и

типу этому не пришлось ее завязывать там или защелкивать, она сама склеилась на запястьях в кольцо, даже не склеилась, а срослась, безо всяких там швов. Веселенькие такие пластиковые браслеты, ярко-красные, ну прямо тебе детская игрушка. Теперь с молекулами каких только фокусов не делают.

– Я буду за тобой следить, – сказал он и снова стрельнул глазами на потолочный люк. – Так что спускайся медленно, без всяких штучек. Если ты спрыгнешь или побежишь, когда будешь внизу, – я тебя убью.

Шеветта ни секунды не сомневалась, что так он и сделает, если сможет, а вот сможет ли? Оукли, помнится, говорил в тот раз, в лесу, что это очень трудно – попасть в цель, когда стреляешь прямо вниз, а прямо вверх еще труднее. Так что стоило, пожалуй, рвануть, как только под ногами будет ровное место, всего-то и надо что отбежать от лестницы на шесть футов, а там уже угол, и поминай как звали… Шеветта еще раз взглянула в черный с серебряной радужкой зрачок пистолета и решила, что эта, насчет рвануть, идея не такая уж, в общем-то, и удачная.

Она подошла к люку и встала на колени. Спускаться по чуть ли не вертикальному трапу со связанными руками – номер трудный, почти акробатический; мужик помог Шеветте, ухватив ее за шкирку Скиннеровой кожанки. В конце концов она поставила ноги на третью от верха ступеньку и вцепилась пальцами в край люка, дальше уже было попроще. Она переставляла ноги на одну ступеньку вниз, отпускала ступеньку, за которую держалась руками, и хваталась за следующую – тут-то, собственно говоря, и был весь фокус: не успеешь перехватить достаточно быстро, потеряешь равновесие и сверзишься вниз, сделаешь чересчур резкое движение – тот же самый плачевный результат. А потом – все по новой.

Шеветта опускалась почти механически, думая совсем о другом, и как-то так вышло, что лестничная эта эквилибристика помогла ей просмотреть все возможные варианты и выбрать из них самый вроде бы осуществимый. Она думала спокойно и методично, немного даже удивляясь собственному спокойствию, *знакомому* спокойствию. Точно так же чувствовала себя Шеветта в Бивертоне, в ту ночь, когда она перебралась через колючую проволоку, взяла и перебралась, ничего не планируя заранее. А еще в тот раз, когда эти шоферюги-дальнобойщики решили затащить ее в свою спальную конуру; она тогда сделала вид, что не имеет, собственно, ничего против, а затем выплеснула одному из них в морду целый термос горячего кофе, врезала другому ногой по балде и выскочила наружу. Шоферюги искали ее битый

час, светили повсюду и фарами, и фонариками, а она все лежала и лежала в болоте, в кустах, и боялась пошевелиться, а комары жрали ее заживо. Так и стоят перед глазами ослепительно-яркие лучи, пляшущие на чахлых болотных кустиках.

Все, площадка. Шеветта отступила от лестницы, стараясь держать связанные руки на виду, а то еще что подумает. Мужик спустился быстро, бесшумно и даже красиво – ни одного лишнего движения. Только сейчас Шеветта обратила внимание, из какой странной ткани сшит его дождевик – ни малейшего глянца, и даже не матовая она, а словно вообще не отражает света, нисколько. А на ногах – ковбойские сапоги, тоже черные. Бегать в таких не хуже, чем в кроссовках, хотя мало кто об этом догадывается.

– Где они?

Короткая улыбка, мгновенная вспышка золота. Темно-русые волосы гладко зачесаны назад. Демонстративное движение стволом – чтобы Шеветта не забывалась, не думала ни о каких глупостях. Рука, держащая пистолет, начинала потеть, под белой резиновой перчаткой угадывались темные капли влаги.

– Дальше можно спуститься на… – Шеветта осеклась. Желтая корзина подъемника была наверху, точно на том месте, где ее оставили они с Сэмми Сэлом. А как же этот-то поднялся и японец тоже?

Новый проблеск золота.

– Мы воспользовались лестницей.

Ну да, служебная лестница, для маляров, стальные, чуть не насквозь проржавевшие скобы. Мало удивительного, что у японца поджилки потом дрожали.

– Так что, – спросила Шеветта, – ты идешь?

По пути к подъемнику она старательно смотрела себе под ноги, чтобы не забыться, не взглянуть назад и вверх – что там делает Сэмми. Спуститься он не мог – если медленно, осторожно, то не хватило бы времени, а скатываться по трапу быстро, так это какой бы грохот стоял.

Шеветта перекинула ногу через высокий пластиковый борт и беспомощно оглянулась. Золотозубый подсадил ее, затем тоже влез в корзину и выжидательно замер.

– Этот вниз, – сказала она, указывая на один из рычагов.

– Давай.

Шеветта сдвинула рычаг на деление, на другое; снизу донесся вой мотора, корзина поползла под уклон. Внизу, под лампочкой, заключенной в мятую алюминиевую сетку, виднелся пятачок света. Интересно, подумала Шеветта, а что бы было, если бы Фонтейн или там кто еще появился бы сейчас, пришел бы,

скажем, электрическое хозяйство проверить? Пристрелил бы его этот хмырь, точно пристрелил бы, а если двое или трое – всех бы пристрелил. Перещелкал бы одного за другим, а потом скинул в воду, это ж у него прямо на морде написано, большими буквами.

Он вылез из корзины боком, не спуская с Шеветты глаз, затем помог и ей. Помост под ногами ощутимо вибрировал – снова поднялся ветер, и мост гудел, как гигантская эолова арфа. Издалека доносились обрывки смеха.

– Где? – спросил бандюга.

– Вон тот, розовый с черным. – Шеветта указала связанными руками на два велосипеда.

Бандюга даже не сказал «иди вперед» или там «достань», а только молча махнул пистолетом.

– Держись *подальше*, – сказал Шеветтин велосипед, когда до него оставалось футов пять.

– В чем дело?

Толчок стволом в спину, не то чтобы болезненный, но неприятный.

– Второй велосипед выступает, у этой рухляди охранная система.

Шеветта нагнулась, нажимом большого пальца освободила велосипед Сэмми Сэла, однако не стала просовывать руку в распознающую петлю.

– Ты что, засранец, английского языка не понимаешь? – угрожающе процедил велосипед. – Может, тебе *по-другому* объяснить?

– Выключи его, – скомандовал бандюга.

– О'кей.

Шеветта знала, что нужно сделать это одним быстрым движением – взяться двумя пальцами за резиновую изолирующую покрышку и качнуть велосипед в сторону.

А вот что бандюга наклонился так низко, что рама влепилась прямо в его пистолет, – это уж было чистым везением. Конденсаторы энергетических тормозов выбросили весь свой заряд в охранную систему, замаскированную липовой ржавчиной и артистически замусоленной проводящей лентой; рванувшись наружу, заряд превратился в короткую ослепительную молнию. Бандюга громко ударился коленями о помост, глаза его помутнели, на губах раздулся и тут же лопнул серебристый пузырек слюны. Шеветте показалось даже, что над тупорылым пистолетом поднимается струйка пара.

– Беги, – скомандовала она себе и пригнулась, но тут послышался звук, похожий на суматошное хлопанье крыльев, а еще через мгновение какой-то длинный черный предмет ударил

полуобморочного бандита по спине, бросил его ничком на помост. Рулон толя; Шеветта подняла голову. Сэмми Сэл стоит на одной из углепластовых стяжек, обхватив рукой вертикальную опору. Стоит и улыбается, хотя нет, не может она этого видеть, слишком уж далеко, да и темно тоже.

– Ты забыла, – сказал Сэмми и бросил вниз что-то маленькое и темное. Ни на что не надеясь, Шеветта подняла связанные руки и выхватила из воздуха гладкий продолговатый футляр – очки словно сами стремились к ней вернуться. Она так и не поняла, зачем Сэмми это сделал.

И никогда уже не поймет – тупорылый пистолет разразился долгим кашляющим звуком, засверкали, сливаясь воедино, голубые вспышки; Сэмми Сэл качнулся назад и исчез, словно его и не было никогда на этом месте.

Шеветта бросилась бежать.

19
Супербол

Красная пластиковая змейка, пропущенная сквозь стальной кронштейн скиннеровского стола, цепко держала Ямадзаки за руки, не позволяя подняться с колен. Где-то вдалеке дробно застучал и тут же смолк автомат – или какой-нибудь пневматический инструмент.

Голова Ямадзаки кружилась от сильного едкого запаха; чуть подумав, он решил, что это – запах его собственного страха.

На столике прямо перед глазами стояла щербатая тарелка с пятном засохшей зеленоватой грязи на краю.

– Все, что у меня есть, я ему так и сообщил, – сказал Скиннер, поднимаясь на ноги; его руки были связаны за спиной. – А ему не надо. Никогда не угадаешь, что им надо, верно?

Миниатюрный телевизор соскользнул с края кровати и грохнулся об пол, плоский экран вылетел и повис на радужной ленте кабеля.

– Мать твою.

Скиннер нагнулся и сморщился от боли; Ямадзаки был уверен, что старик сейчас упадет, однако тот наклонился вперед, чтобы удержать равновесие, и шагнул раз, другой.

Ямадзаки напряг руки – и вскрикнул, почувствовав, как затягиваются пластиковые узы. Словно живые.

– Тянешь их, выкручиваешь, а они все туже и туже, – послышался сзади голос Скиннера. – Стандартное снаряжение копов – не теперь, когда-то. Потом это говно запретили.

Комната содрогнулась от тяжелого удара, лампочка под потолком испуганно замигала. Ямадзаки оглянулся и увидел, что Скиннер сидит на полу, выставив вверх костлявые колени и чуть наклонившись вперед.

– Тут у меня двадцатидюймовые бокорезы. – Старик указал левой ногой на ржавый, помятый ящик с инструментами. – Только бы их достать.

Пальцы левой ноги Скиннера расширяли дыру в сером драном носке, выбирались наружу.

– А и достану, так хрен я с ними управлюсь… – Он замер и взглянул на Ямадзаки. – Есть идея получше, не знаю точно, как тебе понравится.

– Да, Скиннер-сан?

– Посмотри на этот кронштейн.

Сломать кронштейн? Нет, не получится. Грубая, небрежная

сварка, незачищенные капли застывшего металла, и все же сооружение выглядит весьма солидно. Девять головок разнокалиберных болтов. Подкос изготовлен из пачки стальных пластин, стянутых внизу и вверху ржавой железной проволокой.

– Я сам это сделал, – сказал Скиннер. – В подкосе три толстых ножовочных полотна. Зубья не сточены, как-то все недосуг было. Пощупай, они там кверху, чтобы портки не цеплялись.

Ямадзаки провел пальцем по мелким острым зазубринам.

– Давай, Скутер, работай. Отличный металл, перережет все, что угодно. Почему я их и взял.

– Я перепилю эту веревку?

Ямадзаки поставил кисти на равном расстоянии от кронштейна и чуть натянул пластиковую змею.

– *Постой.* Этой долбаной штуке не понравится, что ты ее пилишь. Нужно сделать все очень быстро, иначе она врежется в руки до самых костей. Да *подожди* ты, кому говорят!

Ямадзаки застыл.

– Не нужно посередине. Перепилишь в этом месте – на каждом запястье останется по браслету, и это говно будет затягиваться ничуть не хуже, чем раньше. Нужно работать прямо на стыке, перепилить один браслет и сразу же заняться вторым, пока он тобой не занялся. А я попробую открыть эту хрень… – Скиннер стукнул ногой по ящику, там что-то забренчало.

Ямадзаки приблизил лицо к пластиковой змейке и повел носом; пахло чем-то медицинским. Он глубоко вздохнул, стиснул зубы и начал яростно пилить. Красные, словно игрушечные, браслеты стянулись, превратились в стальные тиски, запястья обожгло невыносимой болью. Ему вспомнилась хватка Лавлесса.

– Терпи, – сказал Скиннер, – ты *сможешь*.

Пластик распался с неожиданно громким щелчком, это было похоже на звуковой эффект какого-нибудь детского мультфильма. На мгновение он почувствовал свободу – левый браслет расслабился, вбирая в себя массу правого и перемычки.

– Скутер!

Расслабился – чтобы тут же стянуться с удвоенной силой. Не помня себя от боли, Ямадзаки бросился к инструментальному ящику, успел смутно удивиться, что крышка уже откинута, и в тот же момент Скиннер ударил по ржавому, облупленному боку пяткой; ящик перевернулся, на пол посыпались сотни замысловатых металлических предметов.

– Синие ручки!

В куче хлама мелькнули длинные, неуклюжие рукоятки, обмотанные синей изолентой. Времени было в обрез – красная удавка ушла уже в тело почти наполовину и продолжала

сжиматься. Правой, свободной, рукой Ямадзаки схватил кусачки, безжалостно вонзил толстые короткие лезвия в тыльную сторону левого запястья и навалился на верхнюю рукоятку. Взрыв боли. Звонкий щелчок. Все.

Скиннер шумно, с облегчением выдохнул.

– Как ты там? В порядке?

Ямадзаки осмотрел свои руки. На левой – глубокая синеватая борозда. Кровоточит, но не сильно, можно было ожидать и худшего. Он окинул взглядом пол; остатки наручников куда-то запропастились.

– Теперь меня, – сказал Скиннер. – Только подцепи снизу, ладно? Постарайся не прихватить тело. А потом вторую руку – как можно *быстрее*.

Ямадзаки пощелкал кусачками, встал на колени, подсунул одно из лезвий под яркое, совершенно безобидное пластиковое кольцо, свободно висевшее на правом запястье старика. Полупрозрачная, вся в коричневых пятнах кожа, вздутые, перекрученные вены. Наручник лопнул на удивление легко – и тут же захлопнул левое запястье Скиннера; он извивался, как самая настоящая змея, только что не шипел. Не дожидаясь, пока злобная тварь сольет два своих кольца в одно и начнет сжиматься, Ямадзаки подцепил ее кусачками и перерезал. Новый, четвертый уже по счету щелчок, и наручники исчезли, только что были – и нет их; Ямадзаки недоуменно моргнул.

– Старуха, дверь закрой! – зычно заорал Скиннер.

– Что?

– Запри этот долбаный люк!

Ямадзаки бросился в угол, захлопнул крышку люка, запер ее на засов. Вполне возможно, что эта массивная бронзовая пластина была когда-то частью корабля.

– А девушка? – оглянулся он на Скиннера.

– Постучит, если надо. Ты что, хочешь, чтобы сюда вернулся этот хрен со своим пистолетиком?

Ямадзаки не хотел. Его взгляд скользнул по потолочному люку. По *открытому* потолочному люку.

– Сбегай наверх, посмотри, как там Дон Педрила.

– Простите, Скиннер-сан?

– Ну тот – черный голубой, длинный.

Ямадзаки не понимал, о ком (или о чем) говорит Скиннер, однако послушно полез по лестнице и высунул голову наружу. Сильный порывистый ветер бросил ему в лицо пригоршню дождя, мост превратился на мгновение в древний корабль, в проржавевшую железную шхуну, бесцельно дрейфующую в безбрежности ночного океана: пластиковые паруса разорваны

ветром, матросы – кто умер, кто сбрендил, кто попросту напился, а Скиннер, выживший из ума капитан этой посудины, все еще пытается что-то сделать, все еще выкрикивает снизу никому не нужные, никому не понятные команды.

– Тут нет никого, Скиннер-сан.

Дождь хлынул как из ведра, городские огни исчезли.

Ямадзаки нырнул в люк, захлопнул крышку, запер на хлипкую – никакого сравнения с тем бронзовым засовом – щеколду.

Спустился вниз.

Скиннер сумел каким-то образом встать и шел теперь, покачиваясь, к своей кровати.

– Вот же мать твою, – пробормотал он, падая на матрас, – кто-то сломал телевизор.

– Скиннер?

Ямадзаки наклонился над кроватью. Глаза Скиннера закрылись, дышал он часто, неглубоко и неровно. Скрюченные пальцы левой руки судорожно скребли спутанную поросль седых волос, вылезавшую из расстегнутого воротника до дыр заношенной фланелевой рубахи. Сквозь едкую вонь пороха, выбросившего пулю из короткого, тупого ствола лавлессовского пистолета, пробивался кислый запашок мочи. Ямадзаки печально вздохнул – по засаленным, серым от грязи джинсам Скиннера расползалось темное пятно.

Ну и что же теперь? Несколько минут Ямадзаки не двигался, затем присел на заляпанную краской табуретку, стоявшую у того самого, на кронштейне, столика. Он благодарно провел рукой по зубьям ножовочных полотен, посмотрел вниз, увидел на полу, рядом со своей левой ногой, нечто вроде мячика и нагнулся.

Нет, не мячик. Блестящий шар из алого пластика, прохладный и чуть податливый. Наручники, либо Скиннеровы, либо его собственные.

Ямадзаки сидел, смотрел на Скиннера и слушал, как стонет на ветру мост. Только безымянный, почти суеверный страх не позволил ему прижаться ухом к тянущемуся вдоль комнаты ванту – источнику этих тревожных звуков.

В какой-то момент Скиннер очнулся, *почти* очнулся, и попытался сесть. Он кого-то звал. Девушку?

– Она ушла, – сказал Ямадзаки, придерживая Скиннера за плечо. – Разве вы не помните?

– Давно, – пробормотал Скиннер, – давно ушла. Двадцать лет. Тридцать лет. Блядство. Время.

– Скиннер-сан?

– Время. Вот оно-то и есть *самое блядское блядство*.

– Посмотрите. – Ямадзаки показал старику красный шар. – Видите, во что они превратились?

– Супербол, – с неожиданной отчетливостью сказал Скиннер.

– Простите?

– Иди, Скутер, и выброси его на хрен. – Глаза Скиннера снова закрылись. – Зашвырни это говно далеко-далеко…

20
Полная пустота

– Ты не поверишь, – сказал Найджел. – Вот только что, секунду назад, эта хрень пошевелилась. *Сама*.

Шеветта сидела, плотно зажмурившись. Найджел пробормотал что-то еще, затем тупая сторона керамического ножа плотно прижалась к ее запястью, раздался резкий звук – вот так же примерно лопается латаная-перелатаная велосипедная камера, – и правая рука ощутила свободу.

– В рот компот! *Господи*…

Сильные пальцы бесцеремонно рванули левую руку Шеветты, она услышала второй щелчок и решилась наконец открыть глаза. По монбланам металлолома плясало ярко-красное пятнышко. Голова Найджела – он следил за этими дикими прыжками – качалась вверх-вниз, точно так же, как голова гипсовой собачки из Скиннеровых запасов, которую Шеветта продала с неделю назад.

Узкое помещение было загромождено металлом – куски старых велосипедных рам, пыльные банки, набитые ржавыми спицами, все, что угодно. Мастерская, где Найджел мастерил свои тележки и ремонтировал как уж мог велосипеды немногих своих клиентов. Поплавок, свисавший с левой его мочки, раскачивался в противофазе движениям головы и закрутился на месте, когда резко выброшенная рука выхватила из воздуха непонятный предмет. Красный пластиковый шар.

– Да-а, – уважительно протянул Найджел. – И кто же это нацепил на тебя *такое*?

Шеветта дрожала с головы до ног, дрожь пробегала по ней, как нечто отдельное от тела, *живое*. Живое, как эти красные наручники.

Вот так же чувствовала она себя, когда вернулась к трейлеру и обнаружила, что мать ушла, ушла насовсем, собрала вещи и ушла. Ни записки, ничего, только кастрюлька на плите да банка равиоли. И открывалка для консервов. Шеветта даже не прикоснулась к банке; с того самого дня она ни разу не ела равиоли и точно знала, что никогда не будет их есть.

В тот день и пришло ощущение, проглотившее все прочие, проглотившее весь мир, ощущение настолько огромное, что убедиться в его присутствии можно было только от противного – подсчитав потери или вспомнив о лучших временах, а так его, ощущения этого, вроде и не было вовсе. Шеветта бродила внутри

его бессмысленными кругами, тыкалась то туда, то сюда, пока не попала за колючую проволоку, в Бивертон, в место настолько скверное, что оно было как бритвенно-острый осколок стекла, чьи уколы проникали даже сквозь эту мутную, непомерно огромную пустоту. Но даже теперь это ощущение, проглотившее мир, было едва заметно, оно всегда таилось где-то сбоку, ускользало от прямого взгляда. Не ощущение даже, а нечто вроде газа, пара, от него першило в горле, его мертвенный холод заполнял каждую комнату, встречал Шеветту за каждым углом.

– Ты как, в порядке?

Найджел. Сальные нечесаные волосы, в правой руке – красный блестящий шар, в уголке рта – янтарно-желтая зубочистка.

Долгое время Шеветта боялась, а вдруг *оно* вернется, ведь может же быть, что лихорадка не выжгла начисто какую-то там цепь в мозгу, а только слегка повредила. Однако, по мере того как она привыкала к мосту, и к Скиннеру, и к работе, пустота все больше заполнялась новыми, обыденными вещами, на месте старого мира вырастал новый, за одним днем приходил другой, такой же безбедный, что бы она ни делала ночью – танцевала в «Диссидентах», трепалась с друзьями и подружками или спала, свернувшись калачиком, в своем спальном мешке, в Скиннеровой комнатушке, под завывание ветра и низкое пение тросов, уходившее по опорам моста вниз, в скальную породу, в материковую платформу, которая (это все Скиннер рассказывал) тоже плывет, как корабль в море, только это море – самое медленное на свете.

А теперь все *это* сломалось.

– Вета?

Та парашютистка, девушка, которую выудили полупрозрачным пластиковым багром и втащили на борт катера, она была вся обвисшая, как макаронина, и такая же белая, ну, не белая, а вроде как бесцветная, а изо рта ее текла вода и из носа тоже. Шлепнешься соответствующим образом, так ни одной косточки не останется целой, это тоже Скиннер сказал. Она из бара прыгала – влетела в чем мать родила, вскочила на ближний к перилам столик и сиганула головой вперед, а потом ее затащило, не ее, конечно, а *тело* ее затащило в эту светящуюся сеть, которую вроде как забрасывают с японских рыболовных плотов, только это все декорация, для туристов. Вот и Сэмми Сэл, он тоже сейчас так, если не попался в сети, не зацепился ни за что, выплыл уже из мертвой зоны, где вода отравлена шелупайками бессчетных слоев свинцовой краски, так что рыбы и нос сунуть боятся, выплыл и попал в течение, которое

подхватывает всех мертвецов моста, проносит их мимо Мишшн-Рок, чтобы выкинуть в конечном итоге к ногам затянутых в микропору богачей, бегающих, драгоценного своего здоровья ради, трусцой по бетонным набережным Чайна-Бэйзин[19].

Не в силах сдержать тошноту, Шеветта согнулась над пустой железной банкой.

– Тебе что, плохо? Да? Плохо? – неуверенно бормотал Найджел.

Он порывался дотронуться до Шеветты, успокоить ее – и тут же смущенно отдергивал руку. Ужас какой-то. А что, если она возьмет вот сейчас и шлепнется в обморок? Или промахнется мимо так удачно подвернувшейся банки из-под грунтовки (этой густой серой замазкой Найджел выравнивал самые грубые огрехи своих ремонтных работ)? Ведь тогда предстоит нечто неслыханное, невообразимое – *генеральная уборка*.

– Вот, выпей воды, тебе нужно, выпей.

Вообще-то, эта жестянка предназначалась для закаливания мелких стальных предметов; взглянув на воду с радужными пятнами машинного масла, Шеветта почувствовала новый приступ тошноты, но через секунду ей полегчало.

Сэмми Сэл умер. А может быть, и Скиннер. И Скиннер, и этот студент-аспирант, или кто он там, остались наверху, связанные этими кошмарными пластиковыми червяками.

– Шев?

На этот раз Найджел совал ей в руку предусмотрительно открытую банку пива. Шеветта отрицательно помотала головой и зашлась долгим, мучительным кашлем.

Найджел неуверенно переступил с ноги на ногу, затем повернулся к единственному в мастерской окну – треугольной дырке, забранной осколком люцита.

– Льет, – удовлетворенно сообщил он. Вечерний мир продолжал жить нормальной, пусть даже не очень уютной жизнью. – Льет как из ведра.

Убегая от убийцы, от его пистолета и его глаз, от жуткой, с золотым высверком ухмылки, сжимая связанными руками плоский темно-серый футляр, Шеветта заметила, что бегут и все остальные, только они бегут от начинающейся грозы, от первых, почти еще теплых капель дождя. Вот Скиннер, он, конечно же, знал о ненастье заранее, у него же есть этот здоровый, в футляре, как колесо допотопного парохода, барометр, он всегда следит за погодой. Скиннер, жив ли он там, в своем гнезде, на самой верхотуре моста? Другие тоже, наверное, знали, но это тут стиль такой – дождаться дождя, а затем от него улепетывать, задерживаться ради каких-нибудь последних дел, последней

затяжки, последнего покупателя. В это время – лучшая торговля, люди покупают почти не задумываясь, некогда им задумываться. Потом, правда, кое-кто гибнет – если гроза окажется слишком уж сильной, и не всегда это новички, никому не знакомые люди, остающиеся снаружи и цепляющиеся, вместе со своим жалким скарбом, за стены, за лотки убежавших домой торговцев, за что придется. Иногда, если ветер сильный и под каким-нибудь таким подходящим углом, в воду рушатся целые секции с обитателями и со всем; Шеветта не видела еще такого ни разу, только слышала. Странное дело, редко кто из новичков спускается на нижний уровень, где нет дождя и ветер слабее, а ничто ведь им не мешает, и никто.

Шеветта провела тыльной стороной ладони по губам, взяла у Найджела банку, сделала один глоток и тут же ее вернула – теплое пиво не лезло в горло. Найджел вытащил изо рта зубочистку с явным намерением глотнуть пива, но передумал и поставил банку на стеллаж, рядом с паяльной лампой.

– Что-то у тебя не так, – сказал он. – Сильно не так, я же *чувствую*.

Шеветта помассировала запястья. На тех местах, где находились недавно пластиковые наручники, быстро вспухали красные влажноватые рубцы.

– Да… – Она заметила свой керамический нож, взяла его, машинально закрыла и спрятала. – Да, сильно не так…

– А что не так, что *случилось*?

Найджел мотнул головой, стряхивая упавшие на глаза волосы, – движение лохматого встревоженного пса. Потрогал кончиками пальцев один непонятный инструмент, другой. Его руки казались чем-то самостоятельным, отдельным – бледные, грязноватые зверьки, ловкие и безгласные, способные быстро, безо всякой помощи со стороны разрешить проблемы, непосильные для самого Найджела.

– Ясно, – решил он, – это японское дерьмо расслоилось, как ему и полагается, и ты…

– Нет.

Шеветта почти его не слышала.

– Сталь. Курьеру, при его-то работе, нужен стальной велосипед. Тяжелый. С большой корзинкой впереди. А не туалетная бумага, обмотанная каким-то там дурацким арамидом. Он же ничего, считай, и не весит, велосипед этот твой. А что, если ты столкнешься с автобусом? В-в-врежешься в-в з-заднюю стенку? У т-тебя же м-м-масса больше, ч-чем у в-велосипеда, п-перелетишь ч-через руль, расшибешь г-г-г… расшибешь с-себе…

Руки плясали в воздухе, изгибались и сплетались,

демонстрируя кинематику придуманной Найджелом аварии. Шеветта подняла глаза и увидела, что он дрожит.

– Найджел. – Она встала. – Эту штуку надели на меня просто так, ради шутки. Есть тут один такой юморист. Вот так оно все и было, ты понимаешь?

– Она *двигалась*, – неуверенно возразил Найджел, – я точно видел.

– Не очень удачная шутка, не очень смешная. Но я знала заранее, к кому нужно обратиться. К тебе. И ты все сделал, быстро и хорошо.

Найджел смущенно мотнул головой, длинные лохмы снова упали ему на глаза.

– Хорошо, что у тебя был этот ножик, здорово режет. – Он замолчал и нахмурился. – Только все равно ножик должен быть *стальной*…

– Да, – кивнула Шеветта. – Мне нужно идти.

Она наклонилась и взяла банку из-под грунтовки.

– Выкину куда-нибудь. Извини.

– Гроза ведь, – забеспокоился Найджел. – Ты подождала бы, пока кончится.

– Нужно. Ничего со мной не сделается.

А если бы этот, золотозубый, нашел, куда она спряталась, – что бы тогда? Он бы и Найджела убил. Или изуродовал. Или перепугал.

– Я их разрезал – и вот. – В руке Найджела поблескивал красный шар.

– Выброси эту штуку.

– Почему?

– Посмотри. – Шеветта показала свои воспаленные запястья.

Найджел выронил шар, словно тот жег ему руку, и тщательно вытер пальцы о собственную грязную футболку.

– Ты не мог бы одолжить мне отвертку? Простую, не крест.

– Они у меня все изношенные… – Бледные зверюшки радостно заплясали по нескончаемым полкам с инструментами, Найджел мрачно за ними наблюдал. – Все эти винты со шлицем, я их сразу выкидываю и заменяю. Шестиугольная головка под ключ, вот это – самое то…

– Мне и *нужна* изношенная.

Правая рука замерла, словно делая стойку, и ловко выхватила из залежей хлама желанную добычу – чуть погнутую, с черной рукоятью отвертку.

– То, что надо, – кивнула Шеветта, расстегивая один из карманов Скиннеровой куртки.

Отвертка лежала на почти молитвенно протянутых ладонях,

глаза Найджела робко прятались в зарослях волос.

– Я… Ты… Ты мне очень нравишься.

– Да. – В одной руке Шеветты была гнутая отвертка, в другой – банка, полная блевотины. – Да, я знаю.

Стесненная вкривь и вкось наляпанным пластиком крыш, дождевая вода пробиралась вдоль канализационных труб и силовых кабелей, обрушиваясь на верхнюю палубу в самых неожиданных местах, под самыми неожиданными углами – миниатюрные ниагары, струящиеся по рифленому железу, слоистому пластику и фанере. Прямо на глазах Шеветты, стоявшей в дверях Найджеловой мастерской, лопнул брезентовый навес – огромный, туго натянутый пузырь громко затрещал и раздался, обрушив на мостовую десятки галлонов серебристой воды; налетевший ветер взметнул мокрые, тяжелые лохмотья. Здесь, на мосту, ничто никогда не планировалось – в общепринятом смысле этого слова, – так что и проблемы дренажа разрешались не впрок, а по мере их возникновения. Или не разрешались.

Света на мосту было мало, скорее всего, потому, что люди повыключали электричество, выдернули все рубильники, какие только можно. Шагнув из дверей, Шеветта уловила краем глаза призрачную розоватую вспышку, секунду спустя со стороны Острова Сокровищ донесся глухой раскатистый взрыв. Трансформатор. Теперь пятнышки света можно было пересчитать по пальцам, темнота стала почти непроницаемой. И никого вокруг, ни души, только ветер мотает провод с жалкой стосвечовой лампочкой, вкрученной в оранжевый пластмассовый патрон.

Шеветта вышла на середину моста, там было поменьше опасности запутаться в сорванных проводах. Вспомнив о банке, она откинула ее в сторону, банка звонко ударилась о бетон, покатилась, стихла.

Где-то там мокнет под дождем беззащитный, с разряженными конденсаторами велосипед. Уведут его, это точно, да и Сэмми Сэл лишится своего розового в крапинку чудовища… лишится? Жизни он лишился… Велосипед был самой важной, самой ценной вещью в жизни Шеветты, каждый доллар, выложенный на прилавок того магазина, достался ей тяжелым, в поте лица, трудом. Она думала о своем велосипеде, как о чем-то одушевленном, примерно так же, как другие люди – о принадлежащих им лошадях. *Наверное*, так же, ведь у нее никогда не было знакомых лошадников. Некоторые рассыльные давали своим велосипедам имена, но Шеветте такое даже в голову не

приходило – именно потому, что она воспринимала его как *живое* существо.

Двигай, сказала она себе, здесь они живо до тебя доберутся. Беги на остров, в Сан-Франциско опасно.

Они – кто *они*? Тот, с пистолетом. Он пришел за очками. Пришел за очками и убил Сэмми Сэла. Кто его послал – те самые люди, звонившие Уилсону и Банни? Они, кто же еще. Рентакопы. Охранники.

Футляр в кармане. Гладкий, округлый. И этот фантастический, как из мультика, город, гигантские башни с грибообразными верхушками. «Санфлауэр».

– Господи, – простонала Шеветта. – Куда, *куда* мне деться?

На Остров Сокровищ, в лес, к маньякам и озверевшим убийцам, изгнанным с моста? Бывшая военно-морская база, говорил Скиннер, но моровая язва покончила с этим раз и навсегда, зараза такая, от которой выпадают все зубы, а глаза превращаются в кисель. Лихорадка Острова Сокровищ выползла, наверное, из какой-нибудь пробирки, разбившейся во время землетрясения, – у военных же, у них чего только не было запасено. Поэтому теперь туда никто не ходит – никто нормальный. Ночью там видны огоньки, днем – струйки дыма, и если идешь на оклендский, консольный конец моста, то стараешься пройти мимо острова побыстрее, а люди, живущие там, на консоли, совсем не такие, как здесь, на подвеске.

Или вернуться, попытать счастья с велосипедом, если его, конечно же, никто еще не спер? Час езды – и конденсаторы зарядятся. Рвануть на восток, куда глаза глядят, через пустыни, которые показывают по телевизору, мимо зеленых полей, где бродят стадами непонятные сельскохозяйственные машины, занятые какой-то своей непонятной работой. Но затем Шеветта вспомнила дорогу из Орегона, грузовики, ревущие в ночи, как бешеные бесприютные животные, и попыталась представить себе, как это будет – ехать по *такой* дороге? Нет, там ведь негде приткнуться, там нет ничего нормального, в человеческую меру, ни одного огонька в бесконечных ночных просторах. Там можно идти и идти, идти до бесконечности и не найти даже места, где бы присесть. И велосипед – он тоже не сильно поможет.

А можно вернуться в Скиннерову конуру. Подняться и глянуть, что там делается… Нет. Забудем.

Шеветта ощутила вокруг себя полную пустоту, словно удушливый газ, и задержала дыхание.

Что имеем – не храним, потерявши – плачем. Потеряв что-нибудь, только и начинаешь замечать, что оно же у тебя, оказывается, было. Только с уходом матери замечаешь по-

настоящему, что она *была*, была *рядом*, прежде это воспринималось как нечто само собой разумеющееся, вроде погоды. Вот так же и со Скиннером, и с его примусом, и с масленкой, из которой нужно капать в крохотную дырочку, чтобы кожаный колпачок на поршне не пересыхал и примус накачивался. Проснувшись поутру, ты и не думаешь здороваться с каждой мелочью окружающего мира, но ведь эти мелочи – из них же и состоит мир, весь мир. И людей, которых видишь, их тоже вот так воспринимаешь, что есть они, и это – нормально, и говорить тут особенно не о чем, и никуда они не денутся. Вот, например, Лоуэлл. Когда у Шеветты был Лоуэлл – если, конечно, можно сказать, что он у нее был, сомнительно это очень, – словом, когда он был *поблизости*, это тоже казалось…

– Шев? Это ты, что ли?

Вот он, легок на помине. Сидит по-турецки на ржавом леднике с надписью: «КРЕВЕТКИ», курит и смотрит на капли, скатывающиеся с навеса. Шеветта не видела Лоуэлла уже добрые три недели, ей хотелось что-нибудь сказать, но в голове крутилась одна-единственная мысль: «Ну и видок же у меня, наверное». Тут же сидел и этот Коудс, нахлобучил на бритую голову капюшон, втянул руки в длинные рукава и сидит. Коудс никогда не любил Шеветту – и пользовался полной взаимностью.

Тусклый огонек сигареты осветил ухмылку Лоуэлла.

– Ну так что, – поинтересовался он, – ты намерена сказать «здрасьте» или как?

– Здрасьте, – сказала Шеветта.

21
Когнитивные диссиденты

Так что же все-таки там творится, на что он похож, этот мост? И в Контейнерном городе, и потом, на обратном пути, словоохотливый Фредди рассказал уйму весьма красочных историй, однако все эти страшилки не вызвали у Райделла никакого доверия. В Ноксвилле он видел документальный фильм, и там не было ни слова ни о каких людоедах или, скажем, сатанинских культах. Врет Фредди, запугивает, интересно только – зачем? Хочет, чтобы Райделл был осторожен, когда пойдет на мост искать эту самую девицу, Шеветту Вашингтон?

Теперь же, когда люди носились как очумелые, торопясь укрыть свое добро от непогоды, мост и вовсе ничем не напоминал мрачные картины, нарисованные ассистентом великого сыщика. Скорее уж нечто вроде передвижного цирка. Или провинциальная ярмарка – с той, конечно, разницей, что здесь, на верхнем уровне, над головой висит целая деревня, дикая мешанина самых разнообразных домиков, хижин, халуп – называйте как хотите. Все, что угодно, вплоть до целых, с колесами и со всем, жилых трейлеров; вздернутые наверх лебедками, прикрепленные к вантам огромными сгустками клея, они напоминали кузнечиков, запутавшихся в паутине. Для сообщения между уровнями моста в верхнем настиле было прорублено множество отверстий; среди стальных, деревянных и пластиковых лестниц Райделл заметил даже старый, на спущенных шинах трап из какого-нибудь аэропорта.

Наверху торговали по преимуществу едой, нижний же уровень изобиловал барами – маленькими, крошечными и совсем микроскопическими, где едва помещались четыре табуретки, а дверью служила гофрированная железная штора.

Во всем этом не замечалось никакого плана, никакого замысла. В обычном молле каждый хозяин покупает один из свободных участков, ставит там свой магазинчик и внимательно следит, как пойдет торговля, если плохо – нужно менять ассортимент. Здесь же, судя по всему, происходило нечто вроде органического роста, одно заведение пристраивалось к другому, бесформенная масса расползалась вкривь и вкось, пока не заполнила все доступное пространство; более того, если клетки древесины или, скажем, гриба более-менее одинаковы, то среди клетушек, образовавших этот псевдорастительный организм, не было и двух похожих друг на друга. Разнообразнейшие

материалы – и почти все они использованы не по прямому своему назначению. Фасады, облицованные бирюзовым слоистым пластиком, плитами с имитацией под кирпич, даже зелеными с медью прямоугольниками печатных плат. Одну из стен украшали цветы, спирали и волосатые солнечные диски, выложенные из обломков разноцветного кафеля.

Райделл непроизвольно улыбался всему этому буйству форм, а заодно и прохожим, ни один из которых не проявлял к нему интереса, ни гастрономического, ни сатанинского, ни еще какого. Мирная публика, такая же разношерстная, как и здешние строительные материалы. Смешение всех на свете рас, всех возрастов, всех оттенков кожи, и все эти люди бегут, подгоняемые резкими порывами ветра, спешат укрыться от неизбежной уже грозы. Райделл едва успевал уворачиваться от торговцев с тележками, от старух, волочивших непомерно тяжелые корзины. Споткнувшись о неожиданное препятствие, он опустил глаза и увидел мальчика лет шести с лицом, сплошь покрытым разноцветной, на редкость затейливой татуировкой. Мальчик пробормотал что-то на непонятном языке, перехватил понадежнее большой, чуть не в свой рост, красный огнетушитель и смешался с толпой.

Райделл остановился и вынул из кармана полученную от Уорбэйби карту, точнее, схему, показывающую, где живет Шеветта Вашингтон и как туда попасть. На самом верху, в крохотной халупе, приклеившейся к одной из опор, поддерживающих ванты этого чертова моста. Схема аккуратная, без единой помарки, подписи – буковка к буковке, покажи кому, ведь и не поверят, что этот шедевр каллиграфии создан прямо в машине, на коленке, на ходу. Лестница, затем подвесная дорожка, в конце которой должно быть нечто вроде подъемника.

Вот только как ее найти, эту самую лестницу? Лестниц здесь чертова уйма, хорошо, если они ведут к какой-то там общей площадке, тогда можно идти по любой, а если вдруг нет?

Господи, да когда же наконец я смогу поспать? И где? – неотвязно крутилось в одуревшей от усталости голове Райделла. И вообще – что все это значит? Вот уж втравил Эрнандес так втравил…

Ветер резко усилился, по настилу моста застучали крупные капли; последние, самые нерасторопные из аборигенов бросились сломя голову под укрытия. Райделл проводил счастливчиков завистливым взглядом, обреченно вздохнул и забился между двух допотопных – японских, конечно же, – торговых автоматов. Щелястое беспорядочное нагромождение халуп и лавчонок, лестниц, площадок и переходов почти не защищало от дождя,

однако обладало огромной парусностью. Под напором резкого шквалистого ветра вся эта, с позволения сказать, конструкция жалобно стонала и поскрипывала. Огни гасли один за другим.

Громкий треск, голубоватая, ослепительно-яркая вспышка, еще мгновение – и откуда-то сверху упал длинный змеящийся провод; ветер смял и унес чей-то отчаянный крик. Райделл посмотрел вниз и увидел, что стоит в глубокой луже. Вода под ногами, мокрые ботинки, переменный ток – такое сочетание не сулило ничего хорошего.

За правым торговым автоматом начиналась сплошная стена, к левому примыкал лоток, вкривь и вкось сколоченный из горбылей и каких-то неописуемых обрезков. Нелепое это сооружение сильно смахивало на детскую игрушечную крепость, однако имело и помост, дюймов на шесть приподнятый над бетонным настилом моста, и на удивление водонепроницаемый навес. Чтобы залезть под навес, Райделлу пришлось скрючиться в три погибели, от грязных досок воняло то ли гнилыми мандаринами, то ли еще какой гадостью, однако здесь было сухо, да и ветер почти не чувствовался.

Райделл застегнул куртку до самого верха, сунул руки в карманы и предался грустным размышлениям. Он мечтал о невозможном – горячей ванне и сухой постели. Он вспомнил Мар Виста, вспомнил свой надувной диван и ощутил укол самой что ни на есть взаправдашней ностальгии. Господи, сонно подумал он, этак ты начнешь еще тосковать по этим пластиковым ромашкам…

Раздался громкий треск, деревянные стойки одного из соседних лотков переломились, как спички, брезентовый навес обрушился, выплеснув на мостовую несколько ведер воды. Райделл оглянулся, поднял голову и увидел ее, эту девушку, Шеветту Вашингтон. Шеветта стояла совсем рядом, футах в двадцати от его горбыльного укрытия.

Во Флориде, когда отец переехал туда и заболел, у Райделла была такая вроде как подружка. Клаудиа Марсалис, так ее звали, приехала из Бостона, трейлер ее матери стоял на том же участке, что и трейлер Райделлова отца, прямо у залива Тампа. Райделл учился уже в полицейской академии, но бывали ведь и выходные, и отпроситься на пару дней всегда можно, а что лететь дорого, так отец умел договориться насчет билетов со скидкой.

Вот Райделл и летал во Флориду повидаться с отцом, а уж заодно катался иногда с Клаудией Марсалис на ее, а точнее, мамашиной машине, «линкольне» урожая девяносто четвертого года. По словам Клаудии, совсем еще недавно «линкольн» был

как огурчик, это когда они во Флориду переехали, но потом соль его порядком разъела. Судя по всему, там, у себя в Бостоне, они ездили только летом, берегли машину ото всей этой химической дряни, которой снег растаивают. Еще бы не беречь, коллекционный ведь был экземпляр, и номера даже не такие, как у всех, а древние, штампованные из металла и, конечно же, безо всякой подсветки изнутри, и надпись на номерах, аккуратная такая, синяя по белому: «МАСС. ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ»[20].

Обстановочка в этой части Тампы была неспокойная, так себе обстановочка; дорожные, скажем, знаки все как решето, даже и не разберешь, что это за знак, – местная публика использовала их как мишени, чтобы потренироваться, не терять снайперского мастерства, а то и просто захочет кто-нибудь продемонстрировать приятелю: видал, как кучно бьет моя двустволка? А уж двустволок тех, да и прочей артиллерии, хватало там за глаза и за уши – в каждом, считай, пикапе или джипе по нескольку штук, на самом виду, и собаки тоже чуть не у всех – здоровенные собаки, и не по одной собаке в машине, а по две, а то и по три. Клаудиа все приставала к Райделлу насчет этих флоридских ребят в нахлобученных чуть не до подбородка шляпах: как это они так разъезжают всюду спокойно со своими стволами и волкодавами, не понимала она этого. Райделл терпеливо объяснял ей, что пусть с ними местная полиция разбирается, его тут дело телячье, он ведь из Ноксвилла, и там, в Ноксвилле, люди не разъезжают с ружьями напоказ. И в дорожные знаки не стреляют, а если кто выстрелит сдуру, так ему быстренько устроят веселую жизнь. Но Клаудиа была из этих, которые думают, что к югу от округа Колумбия нет никакой разницы, что тот штат, что другой – везде одни и те же порядки, а может, она так и не думала, а просто поддразнивала Райделла.

Ружья там или пулеметы, собаки или бегемоты, но вечерний бриз приносил в открытые окна «линкольна» запахи соли, цветущих магнолий и болота, а из приемника лилась музыка. Когда опускалась густая тропическая ночь, можно было смотреть на огоньки кораблей и грузовых вертолетов, эти громадины проплывали над головой медленно, с низким, утробным ревом – паралитичные НЛО, да и только. А еще – скучноватая, безо всякого энтузиазма акробатика на заднем сиденье; Клаудиа говорила, что Флорида плохо приспособлена для подобных развлечений – жарко, душно, кожа вся от пота липкая; Райделл с ней, в общем-то, соглашался. Одиночество и неприкаянность – вот, пожалуй, и все, что толкало их друг к другу.

Однажды вечером какая-то там местная алабамская станция неожиданно выдала «Мы с Христом надерем тебе жопу» – такой

себе пятидесятничный хеви-метал, где все насчет абортов, аятолл и так далее, по всему алфавиту, до язычников. Клаудиа не слышала прежде этой песни и чуть не описалась от хохота. Она просто не верила, что такая песня может существовать, что кто-то может петь такие вещи всерьез. А кто-то слушать всерьез. Придя немного в себя, она вытерла слезы и спросила Райделла, как это вышло, что он захотел стать полицейским? Райделл неловко замялся. Это что же, она, значит, считает желание поступить в академию до колик смешным – таким же смешным, как эта идиотская песенка? Да и что, собственно, можно ответить на вопрос, о котором ты прежде никогда и не задумывался, особенно если тебя спрашивают вот так, с бухты-барахты?

Главной не главной, но одной из причин была передача «Копы влипли»; они с отцом смотрели ее чаще любой другой, и там в каждом выпуске старались внушить уважение к защитникам правопорядка. Показывали во всех красках, с какими проблемами сталкивается полиция. Уторчавшиеся в хлам, вооруженные до зубов бандиты – это само собой, но ведь есть еще и адвокаты этих бандитов, и трижды долбаные суды, и чего только нет. Но если так вот взять и брякнуть, что я, значит, пошел в полицейские из-за телесериала, Клаудиа снова расхохочется, как только что. Подумав немного, Райделл выдал обычную жвачку насчет возможности помогать людям, выручать их из беды. На лице Клаудии появилось откровенное недоумение.

– Берри, – сказала она, – ты что, и вправду так думаешь?

– Ну да, – кивнул Райделл. – Конечно.

– Но ты пойми, вот ты станешь копом, и люди будут тебе *врать*. Они будут смотреть на тебя как на врага – до тех, конечно же, пор, пока сами не попадут в неприятности, тут уж они разговорятся.

– А ты-то откуда все это знаешь? – поинтересовался Райделл.

– Сужу по своему папаше, – пожала плечами Клаудиа, на чем разговор и закончился. Больше они эту тему не поднимали.

Работа на «Интенсекьюр» очень походила на полицейскую – с той единственной разницей, что ты не был полицейским. Люди, которым ты помогал, даже не давали себе труда соврать, насрать им было на какого-то рентакопа, они же *платили* за его услуги.

А теперь – этот мост, и нужно вылезать из вонючего фруктового лотка под дождь, выслеживать девушку, которая – если верить Уорбэйби и Фредди, а верить им нельзя ни на вот столько – зарезала в гостинице этого немца, или кто уж он такой был, если не немец. И украла очки, такие же, как у великого Уорбэйби, и очки эти нужно у нее отнять. Только если девица украла их где-то там раньше, кой хрен она потом вернулась и

прикончила этого мужика? А главный вопрос – какой во всем этом смысл и как все это связано с телепередачей «Копы влипли», любимой программой покойного отца? Ответ, надо полагать, состоял в том, что надо же как-то зарабатывать деньги, а то ведь с голоду сдохнешь.

Дождь не прекращался, кое-где с висячих трущоб срывались настоящие водопады. Впереди, поближе к Окленду, полыхнула розовая вспышка, через мгновение оттуда донесся сухой треск. Шеветта сделала движение рукой, словно отбрасывая что-то в сторону. Что бы это значило? Хорошо бы остановиться и поискать, но нет времени – можно потерять объект из виду.

«Объект» постоял еще немного и двинулся в направлении Окленда, уворачиваясь от хлеставших сверху потоков воды.

Техника наружного наблюдения преподавалась в академии с пятого на десятое, почти без практических занятий – ну разве что ты покажешь себя жуть каким многообещающим сыщиком; подобных уникумов переводили в специальную группу повышенного уровня. Однако Райделл не пожалел денег и купил себе учебник, не только купил, но и прочитал. Многоопытные авторы книги даже не рассматривали вариант, когда наблюдение проводится в одиночку; более того, они считали само собой разумеющимся, что оперативник все время находится на связи и что он всегда имеет возможность слиться с толпой мирных сограждан. Где она, та толпа? Сейчас Райделлу оставалось одно – тишком-молчком волочиться следом за Шеветтой и молить Бога, чтобы та не обернулась.

Он узнал Шеветту по этой дикой прическе, по короткому, вздернутому вверх хвостику на затылке, вроде как у борцов сумо – так они, что ли, называются? Одним словом, у неимоверно жирных японцев, которых показывают по телевизору. Только девушка совсем не была толстой, просторная мотоциклетная куртка болталась на ней, как на вешалке. (И сколько же, интересно, лет этой куртке? На какой помойке она ее подобрала?) Крепкие мускулистые ноги туго обтянуты чем-то черным, блестящим – такой же, наверное, микропорой, из которой сшиты все эти Кевиновы серфинговые костюмы. Обувь прочная, серьезная, не то короткие сапоги, не то высокие ботинки на шнуровке.

Разглядывая Шеветту и стараясь не попасться ей на глаза, Райделл не особенно выбирал дорогу, а потому угодил прямо под один из водопадов; по спине потекли противные холодные струйки.

– Шев? Это ты, что ли?

Вот и подтверждение первоначальной идентификации.

Райделл опустил глаза, увидел, что стоит в глубокой луже, но выхода не было. Проклиная все на свете, он плюхнулся на колени и укрылся за невысоким штабелем грязных, явно побывавших уже на свалке досок.

Там, впереди, о чем-то беседовали, однако монотонный плеск оставшегося сзади водопада заглушал все слова; Райделл вздохнул и начал разглядывать новых персонажей. Молодой парень в черной кожаной куртке и еще какая-то личность в чем-то черном, натянутый на голову капюшон не позволяет определить ни пол, ни возраст. Сидят на каком-то прилавке или леднике, кожаный парень курит в кулак, его волосы собраны на макушке в нечто вроде конуса – очень подходящая прическа для такого дождя. Сигарета описала в воздухе огненную дугу и потухла, кожаный спрыгнул со своего насеста, его губы шевелились. Уговаривает он ее, что ли? На что уговаривает? Парень в черном капюшоне тоже спрыгнул. Да, это точно парень, а одет он в длинную, не по росту, рубашку. Рукава дюймов на шесть длиннее рук, это потому, что ли, кажется, что движения у него какие-то паучьи? А еще он похож на тень из того старого фильма, где тени отделялись от людей, потом их ловили и водворяли на место, пришивали, что ли. Саблетт, вот кто мог бы и название фильма вспомнить, и сюжет от начала до конца, со всеми подробностями.

Райделл стоял на коленях в луже и старался не двигаться, а затем двинулись *они*, девушка посередине, а эти, в черном, по краям, и тот, который тень, оглянулся, нет ли кого сзади. Мелькнула часть мучнисто-белого лица и жесткие, осторожные глаза.

Раз… два… три. Он встал и пошел следом.

Через сколько-то там ярдов – или миль? – Райделл вконец потерял ощущение пространства и времени – троица исчезла, словно сквозь землю провалилась. Как же это так? Райделл протер мокрые от дождя глаза и с трудом сообразил, что девушка и ее провожатые попросту спустились по лестнице на нижний уровень; прежде он не замечал, что здесь есть такие люки. Над люком висело призрачное голубоватое сияние. Подойдя поближе, Райделл услышал обрывки музыки и увидел источник света – надпись: «КОГНИТИВНЫЕ ДИССИДЕНТЫ», выполненную паутинно-тонкими неоновыми трубками.

Мокрый от дождя трансформатор вывески негромко шипел.

Райделл постоял у люка несколько секунд и начал спускаться.

Фанерные ступеньки были оклеены какой-то шероховатой, вроде наждачной бумаги, хренью, это чтобы не поскользнуться, и все равно он чуть не поскользнулся. Уже к середине спуска его

ноздри различили хорошо знакомую смесь запахов: пиво, табак и более экзотические разновидности курева. Все понятно.

В баре было жарко, как в парилке. Народу – не протолкнуться. Кто-то швырнул Райделлу тугой, насквозь мокрый ком, оказавшийся при ближайшем рассмотрении полотенцем. Райделл вытер полотенцем лицо и руки, снова его скомкал и швырнул назад. Из дальнего угла донесся громкий женский смех. Райделл протолкался к стойке, нашел свободное место, выудил из мокрого кармана пару пятидолларовых монет, звонко уронил их на мраморный, с желтоватыми разводами пластик.

– Пиво.

Чья-то рука поставила перед ним бутылку, сгребла монеты, снова исчезла. Пиво оказалось японское американского изготовления, в Тампе такое не пьют. Райделл плотно зажмурился, одним глотком ополовинил бутылку, поставил ее на стойку и только тогда открыл глаза.

– Подкат, – произнес рядом чей-то голос.

– Чего? – обернулся Райделл.

У этого хмыря были маленькие розоватые очки, маленький розоватый ротик и реденькие набриолиненные мышиного цвета волосенки, зачесанные со лба назад. Подбородка у него не было вовсе. Ну, не вовсе, а *почти* не было.

– Я сказал «подкат», – сказал хмырь.

– Вот так мне и послышалось, – кивнул Райделл.

– Ну и? Тебе нужен сервис?

– Слушай, – вздохнул Райделл, – давай договоримся. На данный момент мне нужно это вот пиво – и ничего кроме. Ясно?

– Телефон, – терпеливо объяснил хмырь. – Телефон или факс. Подкат с месячной гарантией. Тридцать дней, а иначе – следующие тридцать бесплатно. Местные звонки без ограничения. Нужны международные – можно поговорить о международных. Но сперва – базовый подкат. Три сотни.

Тусклый, неразборчивый голос, не голос, а жужжание сонной мухи. Вот с такими же примерно интонациями разговаривают детские игрушки, снабженные грошовыми, бог весть в каком подвале сляпанными голосовыми чипами.

– Подожди-ка секунду, – сказал Райделл.

Прикрытые розовыми очками глаза несколько раз моргнули.

– Ты это про карманный телефон, да? Насчет подключить его каким-то там хитрым образом и говорить на халяву, так, что ли?

Хмырь молчал, смотрел на Райделла во все глаза, как на чудо какое, и молчал.

– Большое спасибо, только у меня нет при себе телефона. – Райделлу не терпелось закончить поскорее этот никчемный

разговор. – А то бы я с радостью принял твое соблазнительное предложение.

Хмырь продолжал пялиться.

– Где-то я тебя вроде бы видел… – Он неуверенно смолк.

– Ни в коем разе, – твердо отрезал Райделл. – Я из Ноксвилла. И тут, у вас, впервые – забежал спрятаться от дождя.

Длинное, во всю стенку, зеркало, висевшее за стойкой, густо запотело, первоначальная надежда осмотреть с его помощью зал не оправдалась. Ничего не поделаешь, придется так, в простоте. Райделл повернулся и увидел японку – ту самую, что и тогда, в горах, здорово тогда Саблетт испугался. Японка стояла на небольшом, низеньком подиуме. Голая. Длинные, почти до талии, волосы – и все, никакой больше одежды.

– Слышь? – не отставал хмырь. – Нет, ты послушай…

Райделл встряхнулся, как мокрая, из реки вылезшая собака, но привидение никуда не исчезло.

– Так ты слышь, можно и в кредит. – Снова тот же монотонный, утомительный бубнеж. – Проблемы есть? Может, ты хочешь узнать, что они имеют на тебя? Или на любого другого, если у тебя есть номер…

– Подожди, – сказал Райделл. – Вот эта вот женщина, видишь? – Розовые очки развернулись. – Кто это?

– Голограмма это, – сообщил хмырь нормальным человеческим голосом и удалился.

– Ну ты даешь, – уважительно протянул бармен. – Отшил Билли Говнилу в рекордно короткое время, прямо хоть в Книгу Гиннесса. Честно заработал себе пиво. – Бармен, черный парень с медными бусинами в волосах, весело ухмылялся. – Билли Говнила – это потому, что он и сам говно, и все его предложения – тоже. Подключит к твоему телефону какую-нибудь коробочку без ничего внутри, без батарейки даже, понажимает для вида кнопки, навесит лапши, возьмет деньги – и поминай как звали. Говнила – он и есть Говнила.

Длинные черные пальцы ловко откупорили бутылку, поставили ее рядом с той, недопитой.

Райделл еще раз оглянулся. Японка так и не сдвинулась с места.

– Зашел вот от дождя спрятаться, – пробормотал он, пытаясь поддерживать нечто вроде светской беседы.

– Да уж, погодка, – кивнул бармен.

– Слушай, – решился наконец Райделл, – а вот эта, вон там, на сцене, женщина…

– Это – танцовщица, Джози ею танцует, – еще шире ухмыльнулся бармен. – Подожди чуток, вот будет подходящая

песня – она сразу ее запустит.

– Джози?

Бармен молча ткнул пальцем вглубь зала; Райделл чуть не присвистнул от удивления.

Странно, мелькнуло в его голове, и как это обыкновенное инвалидное кресло выдерживает вес такой туши? Толстая баба была одета аккуратно, даже с некоторой претензией на элегантность: ослепительно-белый свитер и синий, с иголочки комбинезон без рукавов, сшитый на манер детских ползунков; седые жесткие волосы сильно смахивали на стальную проволоку. На жирных коленях Джози лежал какой-то продолговатый предмет из серого пластика, ее руки были спрятаны в этом предмете, как в муфте. Глаза прикрыты, на сером, словно из теста вылепленном лице – ноль эмоций. Даже и не поймешь, спит она или нет.

– Голограмма, да?

Японка все еще не шевелилась. Райделл отчетливо помнил ту ночь, женщину на шоссе. Серебряная корона с рожками. Волосы на лобке, подбритые в форме восклицательного знака. Ничего этого сейчас нет, но нет и сомнений. Это она. Она.

– Любит Джози проецировать, хлебом ее не корми.

Бармен словно извинялся за капризного, непослушного ребенка.

– Из этой штуки, у нее на коленях?

– Вроде того, – кивнул бармен. – Это интерфейс, а сам проектор – вон там. – Он ткнул большим пальцем через плечо. – Над знаком НЭК.

Чуть повыше старинной, подсвеченной изнутри рекламной эмблемы чернело нечто вроде оптической кинокамеры, какими пользовались в прошлом веке. А что это такое – НЭК, пиво или что? Вся стена была увешана и оклеена такими значками; названия некоторых фирм вызывали у Райделла смутные воспоминания. Похоже, все это были рекламы древней электроники.

Райделл перевел взгляд с черного угловатого прибора на толстуху в инвалидном кресле. Его охватила непонятная тоска. И нечто вроде злобы. Вроде как если потеряешь что-нибудь личное, дорогое для себя.

– Даже и не знаю, чего я, собственно, ожидал, – сказал он не то чтобы бармену, а так, самому себе.

– Тут кто хочешь ошибется, – понимающе кивнул бармен.

Значит, кто-то сидел там, на склоне, чуть повыше дороги. Машины подстерегал. Вроде как они, школьниками еще, прятались за кустами на Джефферсон-стрит. А потом кидали под

колеса проезжающих машин пустые консервные банки. Звук – ну точно как если ступичный колпак отвалится. Машины тормозили, водители вылезали на дорогу, смотрели как и что, трясли головами. И там, в долине, было что-то вроде, какие-то ребята играли с дорогой игрушкой.

– Хрен с ним, – сказал Райделл и начал высматривать Шеветту Вашингтон; запахи пива и дыма исчезли за густой вонью пота и мокрой одежды.

А вот и они, девушка и двое ее приятелей, в самом углу, за маленьким круглым столиком. Тот, похожий на тень, скинул свой капюшон, явив изумленному миру голову, поросшую короткой белесой щетиной, с летучей мышью, а может, какой птицей, отсюда не разберешь, вытатуированной чуть повыше левого виска. Потому, наверное, и лысый – отпусти он волосы, так вся красота пропадет. Ручная работа, не компьютерная. Лысый – его маленькое жесткое личико было повернуто к Райделлу в профиль – молчал. Шеветта что-то объясняла второму, выглядела она безрадостно, еще секунда – и расплачется.

И тут музыка изменилась, вступили барабаны, казалось, что их, барабанов этих, тысячи и миллионы, что за тонкими стенками бара выстроилась несметная армия барабанщиков, и на этот неумолчный грохот накатывались волны шипения и свиста вроде помех в радиоприемнике, накатывались, и откатывались, и накатывались снова, а затем вступили женские голоса, только голоса эти звучали не по-человечески, а вроде каких-то птичьих криков, и все это искусственное, синтезированное, голоса улюлюкали, как сирены полицейской машины на пустынном шоссе, а барабаны, если прислушаться, также не были барабанами, а состояли из крошечных звуковых обрезков или там осколков, и все это гремело, било по ушам и по нервам.

Японка – *голограмма*, напомнил себе Райделл – вскинула руки, качнула бедрами, заскользила по сцене петлями и восьмерками медленного шаффла[21]. Не обращая внимания на барабаны, она подчиняла свои движения океаническому ритму шумовых волн, мерно накатывающихся на крохотный зал. Райделл оглянулся – глаза студнеобразной Джози были широко открыты, запястья рук, засунутых пластиковую муфту, шевелились.

Никто из посетителей бара не уделял танцу ни малейшего внимания, только они двое, Райделл и женщина в инвалидном кресле. Впрочем, Райделл и сам смотрел на голографическую японку вполглаза, его занимала сейчас совсем иная проблема: что делать дальше?

Оперативное задание выглядело следующим образом: лучше

всего, если ты доставишь очки и девицу, очки без девицы – чуть похуже, но тоже вполне удовлетворительно. Если очков нет – тащи хотя бы девицу.

С шорохом отхлынула последняя волна электронного прибоя, японка замерла. Кое-кто из посетителей захлопал, прозвучало несколько пьяных ободряющих выкриков. Джози изобразила нечто вроде поклона.

Самое ужасное, думал Райделл, что вот эта втиснутая в инвалидное кресло женщина попросту не умеет толком танцевать свою голограмму. Вроде этого ноксвиллского слепого, который сидит с утра до вечера в парке и бренчит на старой, антикварной, считай, гитаре. Он, слепой этот самый, добыл где-то эту гитару, но играть на ней не умел, абсолютно. И сколько он там ни сидит, сколько ни мучает инструмент, ни одного аккорда так и не выучил. Неверно это как-то, вроде даже нечестно, только вот не понять: по отношению к кому нечестно? К старику-слепому, к ни в чем не повинным прохожим или к гитаре?

Заметив, что за ближайшим к Шеветте столиком встают, Райделл прихватил честно заработанную бутылку, перебазировался на одно из освободившихся мест и напряг уши. Хрен там что услышишь, при таком-то шуме. Хорошо бы, конечно, встрять в их разговор, только как это сделаешь? Райделл не чувствовал себя в этой пивной белой вороной, чужеродным элементом; судя по всему, здесь сидела сейчас разношерстная публика, не постоянные клиенты, а случайные люди, забежавшие спрятаться от дождя. Но он не понимал этого заведения, его духа, его идеи. Вот, скажем, название, «Когнитивные диссиденты» – ну с чем это, спрашивается, едят? Узнать у кого-нибудь? А что толку, сильно это тебе поможет? Тем временем разговор между Шеветтой Вашингтон и ее парнем заметно накалялся.

Ее парень, это точно. Во всем поведении Шеветты, в каждом ее жесте чувствовалась Отшитая Подружка, а парень, так тот прямо из кожи вон лез, чтобы продемонстрировать, насколько безразлична ему какая-то там быв…

Мудрые эти рассуждения мгновенно утратили всякий смысл. Шум в зале смолк, Райделл поднял глаза и увидел на нижней ступени лестницы знакомую фигуру Орловского. Голову вурдалака из отдела убийств СФДП прикрывала нежно-оранжевая пластиковая шляпа с примятой посередке тульей и закрученными вверх полями; странные, не как у людей, половинковые очки зловеще поблескивали. Орловский расстегивал пуговицы потемневшего от влаги плаща, вокруг его ботинок быстро набегала лужа. Под плащом обнаружился знакомый уже Райделлу бронежилет; расстегнув последнюю пуговицу, рука Орловского

легла на гладкую, цельнолитую из оливкового пластика рукоятку «хеклер и кох». На этот раз Райделл разобрал, что пистолет у этого красавца очень и очень приличный, плавающий затвор и все такие дела. Зато бляхи полицейской, висевшей в тот раз на нейлоновом шнуре, он не обнаружил, сколько ни старался.

Весь бар молча вытаращился на Орловского. «Явление Христа христопродавцам», неизвестный художник, XIX век.

Орловский неторопливо осмотрел зал. Полуприкрытые полуочками глаза отпускали каждому из присутствующих щедрую дозу Парализующего Взгляда. С его приходом даже музыка, монотонный технодолбеж, похожий на взрывы бомб в резонансных камерах, зазвучала иначе, обрела новый смысл.

На лице Джози, разглядывавшей русского из своего инвалидного кресла, появилось какое-то напряженное, непонятное Райделлу выражение.

Заметив Шеветту Вашингтон, Орловский зашагал к ее столику. Он двигался с подчеркнутой, выматывающей нервы медлительностью, волосатые пальцы сжимали рукоятку пистолета.

Райделл все больше и больше опасался, что русский возьмет вот сейчас и застрелит девушку. Все вроде бы к тому и шло – но разве может *коп* сделать *такое*?

Орловский остановился перед столиком на точно выверенной дистанции – не слишком близко, чтобы выхватить оружие и перестрелять парней, если те дуром на него кинутся.

«Кавалер» совсем обосрался, Райделл отметил это с непонятным для себя самого удовлетворением. Лысый замер, застыл, не живой человек, а восковая фигура. Его руки лежали на столе, в левой ладони чернел карманный телефон.

Свет флюоресцентных ламп придавал лицу Орловского пепельно-серый оттенок, четко прорисовывая каждую морщинку. И хоть бы малейшая тень улыбки. Он пронзил девушку стокиловольтным глазным излучением, тронул левой рукой поля пластиковой шляпы и сказал:

– Вставайте.

Девушку била мелкая дрожь. Ни у кого не возникло сомнений, что Орловский имеет в виду ее, а не парней. Обосравшийся кавалер побледнел, того и гляди в обморок шлепнется, лысый продолжал изображать из себя восковую фигуру.

Шеветта поднялась на дрожащих, подламывающихся ногах. Ее стул упал, негромкий стук показался Райделлу грохотом.

– Выходи.

Движением подбородка Орловский указал на лестницу.

Волосатая лапа все так же лежала на рукоятке.

Райделл судорожно напрягся. Его руки сжимали края столика. Снизу столик был густо облеплен засохшими комочками жевательной резинки.

Свет в зале потух.

«Джози швырнула на него свою голограмму, и это выглядело точь-в-точь как в конце „Затерянного ковчега“, когда все ангелы, или кто уж там они были, вылетели клубком из сундука и бросились на фашистов» – в таких словах описал Райделл последовавшую сцену Саблетту, но разговор их состоялся позднее, через много дней.

А тогда было не до сравнений, события развивались слишком быстро. Потух не только верхний свет, потухли все лампы до последней, даже эти рекламные знаки на стене, и Райделл вскочил, ни о чем даже не думая, а так, автоматически, отшвырнул столик вместе с так и не допитой бутылкой дармового пива и бросился туда, где стояла Шеветта. В то же мгновение на стене – чуть повыше рекламы этой загадочной НЭК, только сейчас рекламы не было видно – вспыхнула ослепительная точка, и точка эта рванулась вниз, превращаясь по дороге в трехфутовый, а то и больше шар света. Желтоватый такой шар или, лучше сказать, цвета слоновой кости – одним словом, точно такой же, как кожа той японки, и весь в темных пятнах, фрагментах глаз и волос, и он вертелся волчком, как снятая со спутника Земля на экране телевизора в заставке прогноза погоды. И все это – вокруг головы Орловского и его плеч, и когда шар вращался, на нем мелькала то прядь ее волос, то глаз, то рот, разинутый в беззвучном крике, и все это – увеличенное. Каждый глаз становился на долю секунды огромным, во весь шар, и зубы тоже огромные, с руку длиной.

Орловский вскинул руки, отмахиваясь от неожиданной напасти, как от роя мух, и это его задержало, чуть-чуть, но задержало, и он не успел выхватить пистолет.

Убедившись (спасибо шару за освещение), что схватил в темноте именно Шеветту, а не Кавалера или Лысого, Райделл сгреб ее в охапку и бросился к лестнице; в академии учили специальным приемам и захватам, чтобы задержанный шел с тобой и не рыпался, однако сейчас, в нужный момент, академическая премудрость вылетела у него из головы.

Орловский орал вслед нечто совершенно непонятное – по-русски, наверное.

Райделлов дядя – тот, который служил в Африке, – говорил, что любит смотреть на женские задницы, как они перекатываются на ходу, ну прямо тебе две росомахи в холщовом мешке. Сейчас,

когда Райделл тащил Шеветту Вашингтон по лестнице, странное это сравнение наполнилось для него новым глубоким смыслом – и безо всякого там сексуального подтекста.

Еле ребра уцелели.

22
Неприличная фамилия

Шеветта не успела заметить, кто это ее схватил, да и какая, собственно, разница, что один бандит, что другой. Она брыкалась как бешеная, но без особого успеха – разве ж тут ударишь хорошенько, когда этот гад тащит тебя на вытянутых руках.

А потом он споткнулся и чуть не упал, и они оказались снаружи, на верхнем уровне, и в руке высокого, здоровенного мужика был здоровенный пластиковый пистолет или там автомат, очень похожий на детскую игрушку, их тоже делают такого вот грязно-зеленого цвета, который называется «защитный», и на мужике этом был такой же плащ, как на том, другом, который остался внизу, а шляпы не было, ни пластиковой, никакой – только мокрые волосы, гладко зачесанные назад, а еще кожа у него на роже была натянута неестественно туго, прямо как на барабане, чуть-чуть – и порвется.

– Отпусти ее, мудила.

Странный был акцент у этого мужика, вот так же точно говорил какой-то монстр в одном старом фильме ужасов. Тот, другой, который вытащил Шеветту наружу, поставил ее на землю, она не успела напрячь ноги и едва не грохнулась.

– Только пошевелись, – сказал монстр с пистолетом, – и я тебя, мудилу…

– Уор… – Тот, зацапавший ее, согнулся пополам и начал хрипло, натужно кашлять. – Бэйби, – добавил он, выпрямляясь, а затем ощупал свои ребра, болезненно сморщился и пробормотал: – Ну, мать твою, и лупишь ты ногами.

Вот этот – точно американец, только не с тихоокеанского побережья. Рукав дешевой нейлоновой куртки почти оторван, из дырки лезет какой-то белый пух.

– Только пошевелись…

Пластиковый ствол глядел этому, драному, прямо в лицо.

– *Уор*-бэйби, *уор*-бэйби, – сказал драный, во всяком случае, звучало это именно так. – *Уор*-бэйби поручил мне найти ее и привести. Его машина припаркована у въезда, сразу за этими надолбами, он сидит там и ждет меня. С ней.

– Аркадий…

Ну вот, еще один явился. Старый знакомый. Теперь из-под его дурацкой шляпы торчал короткий тупой рог – объектив прибора ночного видения. В правой руке какая-то круглая штука –

аэрозольный, что ли, баллончик? Он махнул баллончиком в направлении лестницы и сказал что-то на непонятном языке. По-русски?

– Нельзя поливать перцем в закрытом помещении, – заметил тот, американец. – Люди ж до смерти с носоглоткой будут мучиться.

– Ты водила, да? – спросил Барабанная Рожа.

И тут же махнул своему напарничку левой, свободной, рукой, чтобы тот спрятал баллончик, или что уж там у него было.

– Мы пили кофе, а вы – чай. Шитов, так, что ли?

Не хочет, чтобы я знала его фамилию, подумала Шеветта, поймав на себе опасливый взгляд Барабанной Рожи. Да не бойсь ты, бандюга, ничего я не расслышала, мне и вообще показалось, что этот парень сказал: «Шит-офф», а ведь такой фамилии просто не может быть.

– Зачем ты ее утащил? – спросил Барабанная Рожа, Шит-офф.

– А если б она смылась в темноте? Я что, знал, что у этого, твоего напарничка, есть ночные очки? Кроме того, Уорбэйби меня за ней и послал. А вот *вас* тут вроде и не должно было быть, во всяком случае, я так понял.

– Отпусти! – заорала Шеветта.

Тот, в шляпе, грубо заломил ей руку. И когда это только успел он зайти сзади?

– Не бойся, – сказал американец. – Эти ребята из *полиции*. СФДП, отдел расследования убийств.

Успокоил, называется.

– Ну ты и мудила, – присвистнул Шит-офф.

– Копы? – переспросила Шеветта.

– Ну да.

Шит-офф громко, со злостью сплюнул.

– Пошли, Аркадий. Пока эти говнюки из подвала…

Шляпник снял прибор ночного видения и теперь нервно переминался с ноги на ногу, почти приплясывал – точь-в-точь как перед запертой кабинкой туалета.

– Подождите, – сказала Шеветта. – Сэмми *убили*. Вы же копы, вы должны что-то сделать. Он *убил* Сэмми Сэла.

– Какой еще Сэмми? – заинтересовался тот, с оторванным рукавом.

– Мы с ним работаем! В «Объединенной»! Сэмми Дюпре. Сэмми. Он его застрелил!

– Кто застрелил?

– Рай-делл. Заткни *хле-ба-ло*.

– Она говорит нам, что обладает-информацией-связанной-с-возможным-убийством, и ты говоришь мне: «Заткни хлебало»?

– Да. Я говорю тебе: заткни, на хрен, свое долбаное хлебало. Уорбэйби. Он все объяснит.

Они пошли в сторону Сан-Франциско, и Шеветта пошла тоже – а как тут не пойдешь, если руку тебе заломили.

23
Была не была

Шитов чуть не силком заставил Райделла пристегнуться к Шеветте Вашингтон наручниками и наручники дал свои, «береттовские», точно такие же, как у ноксвиллской полиции. Сказал, это чтобы у них с Орловским руки были свободные, на случай если местные заметят, что девушку арестовали, и захотят ее отбить.

Арестовали? А где же тогда «миранда»?[22] Да девице и не сказали даже, что вот, значит, ты теперь под арестом. Райделл твердо решил, что так прямо на суде и выложит, что не слышал никакой «миранды», хотя все время находился рядом, и дались они конем. Не было еще заботы – лжесвидетельствовать ради каких-то там раздолбаев. В академии каждый, считай, день капали курсантам на мозги, что на полицейских ложится колоссальная ответственность и как они должны себя вести, так вот эти, прости господи, крутые ковбои – хрестоматийный пример, как *не нужно* себя вести.

А с другой стороны, именно ведь такими и представляют себе люди копов, именно такого поведения и ожидают от них, сознательно или бессознательно, и все это связано с мифологией – так объяснял один шибко умный лектор. Мифология, она страшная сила, взять, например, синдром преподобного Малкахи. Это когда кто-нибудь держит заложников в запертом помещении и копы решают, что же им такое делать. И все они видели этот фильм про патера Малкахи и начинают действовать соответственно. Ясно, говорят, понятно, нужно привести сюда священника. Нужно привести родителей этого парня. А я пойду туда без оружия и постараюсь его уговорить. Слово за слово, а потом какой-нибудь герой и вправду кладет ствол на землю и идет этого психа уговаривать, со всеми вытекающими последствиями. И все по одной-единственной причине – он забыл, что жизнь не похожа на кино, совсем не похожа. Но это – редкий случай, чаще бывает наоборот, живой коп начинает подражать *крутым* телевизионным копам, проходит какое-то время, и ему не нужно даже подражать, он и вправду становится таким вот ковбоем. Несмотря на все, чему его учили, несмотря на все предупреждения. А иностранцы, вроде тех же Шитова и Орловского, на них эта телевизионная хрень действует еще сильнее. Да хоть на одежду взглянуть – сразу видно, с кого они узоры пишут.

Добраться бы до душа. До *горячего* душа, чтобы почти как кипяток. И терпеть, пока хватит сил – или пока вода в кране не кончится. Вытереться, надеть новые, *совершенно сухие* шмотки и сесть по-человечески, в своей комнате, в свое кресло. Уорбэйби наверняка заказал уже новому сотруднику номер в какой-нибудь гостинице – или сам заказал, или Фредди своему поручил. Позвонить, чтобы прислали пару клубных сэндвичей и пяток этих длинных бутылок мексиканского пива, в Лос-Анджелесе оно везде есть, так и здесь, наверное, тоже. В ведерке со льдом. Посмотреть телевизор. Включить, скажем, а там как раз «Влипших копов» показывают. Позвонить Саблетту, почесать языком, рассказать ему, какой тут бардак в этой ихней Северной Калифорнии. Саблетт не переносит яркого света и старается работать ночью, так что одно из двух – либо он сейчас в патруле, либо смотрит свои старые фильмы…

– Смотри, куда идешь!

Рывок за наручники чуть не опрокинул его на мостовую.

– А? – пришел в себя Райделл. Они с Шеветтой огибали вертикальный стояк с разных сторон. – Прости.

Шеветта хмуро промолчала. И все-таки – ну никак не смотрелась она на девицу, способную полоснуть мужика по горлу и вытащить его язык наружу сквозь не предусмотренное анатомией отверстие. Правда, вот нож… А что, собственно, нож? Ведь нельзя же каждого, у кого в кармане нож, так вот сразу считать за убийцу. Кроме ножа, Шитов вытряс из нее карманный телефон и эти долбаные очки, из-за которых весь переполох. Точно такие же, как у великого сыщика, и футляр такой же. Теперь очки у него, во внутреннем кармане брони; увидев их, русские прямо кипятком в потолок от радости.

И даже боялась она *не так* – душные волны страха, исходящие от пойманного преступника, не перепутаешь ни с чем, для этого и опыта никакого не надо. А тут скорее ужас затравленной *жертвы* – и это притом, что она с ходу призналась Шитову, что да, украла я эти очки. Прошлым вечером в гостинице этой самой, в «Морриси», во время пьянки. И никто ведь из русских ковбоев и слова не сказал про убийство и вообще про мужика этого зарезанного, Бликс он там или как. Подумать если, так они и ни в чем ее не обвиняли, ни в убийстве, ни в воровстве даже, – вообще ни в чем. А она говорила, что кто-то там убил какого-то Сэмми. Может, Сэмми – это и есть тот немец, зарезанный? А русские словно не слышали, и сами ничего не ответили, и Райделлу рот заткнули, и она теперь тоже молчит, ну разве что огрызнется иногда, прикрикнет, когда он начинает засыпать на ходу.

Дождь закончился, ветер стих, но большого оживления на мосту не наблюдалось – да и то сказать, странно бы было, если бы сейчас, в невесть какой час ночи, все повыскакивали наружу и начали устранять причиненный непогодой ущерб. Однако кое-где зажегся свет, какие-то люди сгребали с мостовой воду и мусор. И пьяные – уж без них-то, конечно, никак. Круто уторчавшийся на «плясуне» мужик – во всяком случае, он непрерывно разговаривал сам с собой, молотил языком со скоростью тыща слов в минуту – пристроился в хвост процессии и так и плелся следом, пока Шитов не развернулся и не прошипел, что, мол, уторчался, мудила, так и уматывай, на хрен, в Окленд, а то искрошу тебя к такой-то матери в капусту, и все это со стволом в руках. Мужик вылупил глаза и послушно, без спору повернул назад, да и кто бы на его месте спорил, а Шитов оглушительно заржал.

Участок моста, где час назад (или два? сколько же времени прошло?) стояла в нерешительности Шеветта Вашингтон, был освещен несколькими фонарями. Райделл споткнулся о какую-то доску, взглянул вниз и только теперь заметил на ногах девушки черные десантные ботинки, один к одному, как его собственные. И тоже небось с кевларовыми стельками.

– Классная обувка, – уважительно прокомментировал он и тут же смутился.

Шеветта взглянула на него как на психа. На ее щеках блестели слезы.

– Заткнись, мудила! – рявкнул шагавший рядом Шитов; ствол пистолета болезненно ткнул Райделла в ямку между челюстной костью и правым ухом. – И чтобы больше *ни слова*!

Райделл скосился на русского придурка, подождал, пока рука с пистолетом уберется, и только тогда кивнул:

– О’кей.

Весь дальнейший путь прошел в полном молчании. Райделл украдкой поглядывал на Шитова и решал в уме сложную задачу: когда начистить морду этому сучьему потроху – сразу, как расстегнут наручники, или чуть погодя?

В тот момент, когда Шитов вытаскивал свою долбаную пушку из Райделлова уха, Райделл заметил через его плечо какого-то парня, заметил безо всякого интереса – ну парень себе и парень. Высокий, крепкий, длинноволосый, вылез из узкой, не шире фута, двери, и даже не дверь это, а щель какая-то, вылез и стоит моргает, то ли от яркого света, то ли от удивления.

Райделл не относился как-нибудь там по-особому ни к иммигрантам, ни к черным, ни к голубым – пусть себе хоть зеленый в крапинку, был бы человек хороший. Это, к слову сказать, сильно выручило его при поступлении в полицейскую

академию – прогнали его через все ихние тесты, увидели, что не расист парень, ни вот на столько не расист, и взяли – несмотря на очень грустные отметки в школьном аттестате. Райделл и вправду не был расистом, только не из каких-нибудь там идейных соображений, а так, по житейскому смыслу. Ну на кой, спрашивается, быть расистом, если от этого никакой радости, одни заморочки? Ясно же, что люди никогда не вернутся назад, не будут жить, как жили когда-то, а даже и случись такая невероятная вещь – что бы в том хорошего? Тогда бы небось не по одной станции долбили пятидесятничный хеви-метал, а по всем, двадцать пять часов в сутки. И кто бы, спрашивается, жарил монгольский шашлык? Да и вообще, что толку думать о такой бредятине, когда в Белом доме сидит черная баба?

Однако сейчас, когда они с Шеветтой Вашингтон пробирались между бетонных надолб, взмахивая руками в идиотском общем ритме, ни дать ни взять детский сад на прогулке, черт бы побрал эти наручники, Райделл не мог не признать, что некоторые *конкретные* иммигранты и негры его достали. *Сильно* достали. И Уорбэйби с его вселенской скорбью и постной, как у телевизионного проповедника, харей. И Фредди этот самый, технический, в рот его и в ухо, консультант. Отец, царствие ему небесное, на дух не переносил таких вот типов, скользких и хитрожопых; «ублюдки сраные» – так он их называл, любимое папашино выражение. А уж Шитов и Орловский – посмотришь на них и сразу поймешь, что имел в виду дядя, который в Африке воевал, когда рассказывал про дубин, у которых голова хрящом проросла.

И вот он, пожалуйста, Фредди тот драгоценный, – привалился задницей к радиатору «Патриота» и дергает башкой в такт какой-то там из наушников мелодии, а по краям его кроссовок бегут красные буковки, слова песни или там что. Этот-то под дождь не вылезал, в машине отсиделся, вон ведь, все у него сухонькое, и рубашка эта пистолетная, и необъятные портки.

И начальничек его, Уорбэйби, в стеганом этом пальто и в шляпе, нахлобученной почти на глаза. Почти на эти сраные ВС-очки. Широкий, как шкаф, только нормальный шкаф сам по себе стоит, а этот на тросточку опирается.

Нос к носу с «Патриотом» стояла неприметная такая серенькая машинка размером с океанский лайнер; армированные покрышки и графитовая решетка на радиаторе прямо-таки кричали каждому любопытному: «КОПОВОЗКА». И любопытные были – несмотря на поздний (или уже ранний?) час, они стояли среди бетонных надолб, сидели на ящиках и продуктовых тележках. Дети, пара мексиканок – поварихи, наверное, судя по

волосам, затянутым сетками. Крепкие, угрюмого вида мужики в грязных робах опирались на лопаты и швабры. Никто не подходил особенно близко, просто смотрели – и все, на лицах подчеркнутое безразличие, обычное поведение людей, наблюдающих за работой копов.

На переднем пассажирском сиденье полицейского броненосца клевал носом еще один блюститель закона.

Русские сомкнули строй, зажали Райделла и Шеветту в плотные клещи; Райделл чувствовал, что собравшаяся толпа их нервирует. А вот не хрен было выставлять свою машину на всеобщее обозрение.

Теперь, когда Шитов шагал совсем рядом, стало слышно, как поскрипывает под его рубашкой броня. Он благоразумно припрятал пистолет и, как и подобает настоящему ковбою, не выпускал изо рта китайскую «Мальборо».

И куда же теперь? В полицейскую машину? Да нет, вроде бы к «Патриоту». Лучезарная улыбочка Фредди прямо напрашивалась на хороший удар каблуком, зато Уорбэйби глядел на приближающуюся процессию с чуть ли не большей, чем обычно, скорбью.

– Снимите с меня эту хрень.

Райделл сунул Уорбэйби под нос охваченное тонким стальным ободком запястье; рука Шеветты Вашингтон дернулась вверх. Стоило зрителям заметить наручники, как их безразличие словно ветром сдуло; послышался негромкий угрожающий рокот.

Уорбэйби повернулся к Шитову.

– Добыл?

– Да. – Шитов похлопал себя по груди. – Здесь они, как миленькие.

– Вот и прекрасно, – кивнул Уорбэйби.

Он взглянул на Шеветту, на Райделла и наконец повернулся к Орловскому.

– Сними с него наручники.

Орловский взял Райделла за запястье и сунул в прорезь наручника магнитный ключ.

– Садись в машину, – скомандовал Уорбэйби.

– Они не читали ей «миранду», – запротестовал Райделл.

– Садись в машину. Ты же у нас водитель, или забыл?

– Скажите, мистер Уорбэйби, она что, арестована?

Фредди мерзко хихикнул.

Шеветта протянула Орловскому свое все еще закованное запястье, но тот уже засовывал магнитный ключ в карман.

– Райделл, – печально вздохнул Уорбэйби, – садись в машину. Мы тут больше не нужны.

Правая дверца серой машины распахнулась; полицейский (полицейский?), дремавший прежде на пассажирском сиденье, вышел наружу и потянулся. Черные ковбойские сапоги, длинный угольно-черный плащ. Светлые волосы, не короткие и не длинные. От уголков рта – глубокие, словно стамеской вырубленные морщины. Бесцветные, водянистые глаза. Тонкие губы широко разошлись в улыбке, сверкнули искорки золота.

– Это он. – Голос Шеветты Вашингтон срывался. – Он убил Сэмми.

И тут высокий длинноволосый парень – тот самый, которого Райделл видел на мосту, только теперь он был на велосипеде – с разгона врезался в спину Шитова. Старый ржавый велосипед с крепким стальным багажником перед рулем тянул на добрую сотню фунтов, столько же, а то и больше весил металлолом, набитый в глубокую корзину переднего багажника, еще две сотни – сам лихой велосипедист. Шитов негромко хрюкнул и рухнул на капот «Патриота»; Фредди подпрыгнул, как ошпаренная кошка.

Длинноволосый парень, похожий сейчас на взбесившегося медведя, перелетел через руль, упал на Шитова сверху и начал молотить его мордой о капот. Рука Орловского метнулась к пистолету, но в тот же момент Шеветта выхватила из ботинка отвертку и саданула его в спину. Бронежилет, конечно, не прошибла, но от удара коп качнулся.

Безгильзовые боеприпасы и плавающий затвор обеспечивают невероятную скорострельность. Надсадный, душераздирающий вой, издаваемый современным оружием при автоматической стрельбе, ничуть не похож на ритмичный перестук древних пулеметов и автоматов.

Первая очередь ушла в темное ночное небо; Шеветта Вашингтон повисла на правой руке Орловского. Орловский попытался повернуть ствол в ее сторону, но не сумел – вторая очередь полоснула в сторону моста. Из толпы раздались испуганные крики, люди хватали и прятали детей.

У великого сыщика отвалилась челюсть, он явно не верил своим глазам.

Орловский снова попытался вырвать руку из Шеветтиной хватки. Райделл стоял прямо за его спиной, и это было снова как тогда, с Кеннетом Терви. Или – когда «Громила» выносил ворота шонбрунновской усадьбы.

Он ударил Орловского ребром ботинка по голени, тот рухнул и третья очередь ушла вертикально вверх.

Фредди попытался схватить Шеветту – и едва успел прикрыться драгоценным своим компьютером. Отвертка пробила тоненький чемоданчик насквозь; Фредди уронил его на землю,

истошно завопил и отпрыгнул.

Райделл поймал на лету расстегнутый наручник – тот самый, который висел недавно на его собственном запястье, – и дернул.

Открыв правую дверцу «Патриота», он пролез на водительское место и втащил следом за собой Шеветту. Длинноволосый все еще продолжал выяснять, что прочнее – русская голова или американский металл.

Ключ. Зажигание.

Райделл заметил на капоте радиотелефон и ВС-очки, вывалившиеся из кармана Шитова. Опустить стекло, схватить телефон и тускло-серый футляр, поднять стекло. Короткая очередь прошила длинноволосого, смела его на землю. Врубая задний ход, Райделл снова заметил того, золотозубого из коповозки. Золотозубый стоял, широко расставив ноги, и водил из стороны в сторону стволом. Правая рука сжимает оружие, левая сжимает запястье правой – все, как учили в академии. Корма «Патриота» врезалась в какое-то препятствие, Шитов слетел с капота за компанию с ржавыми цепями и обрезками труб. Шеветта все еще рвалась наружу (и что же это она там забыла?), так что Райделлу приходилось придерживать ее за наручник и крутить баранку одной левой. Затем он выпустил наручник, чтобы перевести передачу с заднего хода на передний, и тут же вцепился в него снова.

Следующим номером программы Райделл бросил «Патриота» на золотозубого; тот настолько увлекся стрелковыми упражнениями, что едва успел выскочить из-под колес. Шеветта оценила наконец ситуацию и захлопнула дверцу.

«Патриот» проскочил в каком-то дюйме от края моста и едва не врезался в хвост огромного оранжевого мусоровоза.

Последняя картина, которую Райделл увидел в боковом зеркальце, выглядела почти нереально, как обрывок горячечного бреда, а потому намертво врезалась в его память. Громада моста, похожая на затонувший, опутанный водорослями корабль, на заднем плане – предрассветное, чуть сереющее небо, на переднем – громоздкая фигура великого сыщика. Уорбэйби шагнул раз, другой и ткнул тростью в направлении удаляющегося «Патриота». Сейчас он сильно напоминал фокусника или волшебника, манипулирующего своим волшебным жезлом.

Затем нечто, вылетевшее из трости, вышибло заднее стекло «Патриота»; Райделл заложил такой крутой правый вираж, что чуть не перевернул машину.

– Господи… – Шеветта говорила медленно, недоуменно, словно только что проснулась и не совсем еще воспринимает окружающее. – Что это ты делаешь?

Райделл не знал, что он делает, он просто *делал*.

24
Песня стальной рептилии

Свет вырубился, Скиннерову комнатушку залила густая чернильная темнота. Ямадзаки встал со стула, нашел Шеветтин спальный мешок, нащупал фонарик.

Яркое белое пятно скользнуло по стенам, задержалось на кровати. Скиннер спал, укрывшись двумя одеялами и рваным спальником, из угла открытого рта сочилась тонкая струйка слюны.

Ямадзаки осмотрел надкроватную полку. Маленькие стеклянные баночки со специями, банки побольше с винтами, гайками и шурупами, черный бакелитовый телефон с диском – живое напоминание о том, откуда взялось выражение «набрать номер». Разноцветные колесики клейкой ленты, мотки толстой медной проволоки, рыболовные снасти – или что-то на них похожее, Ямадзаки не очень в этом разбирался – и, наконец, свечные огарки, штук десять, стянутые черной резинкой, пересохшей и растрескавшейся. Зажигалка нашлась быстрее – она лежала на самом естественном месте, рядом с примусом. Ямадзаки оплавил самый длинный из огарков в пламени зажигалки, прилепил его к блюдцу и зажег. Узкий оранжевый язычок испуганно заметался и потух.

С фонариком в левой руке Ямадзаки подошел к окну, закрыл его поплотнее, подоткнул две грязные тряпки – не очень эквивалентную замену утраченных сегментов витража.

На этот раз свечка не потухла, хотя пламя и колебалось – по комнате все еще гуляли сквозняки. Ямадзаки вернулся к окну. Все огни на мосту погасли, и он исчез, растворился в темноте. Дождь лупил по стеклам в упор, почти горизонтально; крошечные капельки прорывались сквозь трещины и щели, холодили лицо.

А ведь эту комнату, подумал Ямадзаки, можно превратить в первоклассную камеру-обскуру. Вынуть из витража миниатюрное центральное стеклышко, чем-нибудь закрыть остальные сегменты, и на противоположную стену спроецируется перевернутое изображение.

Ямадзаки слышал, что центральная опора, удерживающая на себе середину моста, считалась когда-то одной из лучших в мире камер-обскур. Свет, проникавший в ее темную утробу через крошечное отверстие, рисовал на дальней стене исполинскую картину изнанки моста, ближайшего устоя и водных просторов. А теперь в этих мрачных казематах поселились самые нелюдимые

обитатели моста; Скиннер настоятельно советовал воздержаться от какого бы то ни было с ними общения.

– Это тебе не Остров Сокровищ, никаких таких Мэнсонов[23] там нет, но ты, Скутер, все равно к ним не лезь. Ребята как ребята, только не любят они гостей, не любят – и все тут.

Ямадзаки подошел к стальному канату, разделявшему комнату пополам. Скиннерова халупа *сидела* на канате, небольшая его часть, выступавшая над уровнем пола, напоминала малую поправку, едва проглядывающую при компьютерном представлении поверхности, описываемой сложной математической формулой. Ямадзаки нагнулся и потрогал стальной горб, отполированный сотнями чьих-то рук. Каждый из тридцати семи тросов, составлявших канат, был сплетен из четырехсот семидесяти двух жил, каждый из тросов выдерживал – всегда, в том числе и сейчас, в этот самый момент, – нагрузку в несколько миллионов фунтов. Позвоночник… нет, даже не позвоночник, а спинная струна, *хорда* исполинской реликтовой рептилии, чудом дожившей до нашего времени. И по ней, по этой хорде, струится информация, смутная и темная, как даль геологических эпох. Доисторическая тварь не совсем еще утратила подвижность – мост вибрировал под напором ветра, натягивался и сжимался при смене жары и холода, стальные когти его огромных лап цепко держались за материковую платформу, укрытую донным илом, за скалу, почти не пошевелившуюся даже при Малом великом землетрясении.

Годзилла. Ямадзаки зябко поежился, вспомнив давние телевизионные репортажи. Он тогда был в Париже, с родителями. Теперь на развалинах Токио вырастили новый город.

Да, кстати. Он подобрал с пола Скиннеров телевизор, поставил его на стол и начал рассматривать. Экран вроде бы в порядке, просто вывалился из корпуса и повис на короткой пестрой ленте кабеля. Ямадзаки приложил тускло-серый, с округлыми углами прямоугольник к пустой рамке, нажал большими пальцами, что-то щелкнуло, и экран сел на место. Только будет ли эта штука работать? Он нагнулся, высматривая нужную кнопку. Вот эта. ВКЛ.

По экрану побежали красно-зеленые полосы, через секунду они исчезли, в левом нижнем углу вспыхнула эмблема NHK.

– …Наследник Харвуда Левина, создателя и единоличного владельца одной из крупнейших рекламных империй, покинул сегодня Сан-Франциско, где провел, согласно нашим конфиденциальным источникам, несколько дней.

Непропорционально длинное и все же симпатичное лицо. Тяжелый лошадиный подбородок прячется в поднятый воротник

плаща. Широкая белозубая улыбка.

– Его сопровождает… – (прямо на камеру идет стройная темноволосая женщина, закутанная в нечто черное и – тут уж никаких сомнений – умопомрачительно дорогое, на коротких черных сапогах поблескивают серебряные шпоры), – Мария Пас, дочь падуанского кинорежиссера Карло Паса. Лицо Марии Пас известно каждому, кто хоть немного следит за светской хроникой. Все вопросы, касающиеся цели этого неожиданного визита, остались без ответа.

Известное каждому – и очень несчастное, чуть ли не заплаканное – лицо исчезло, теперь по экрану ползли бронетранспортеры, снятые в инфракрасном свете. Японские миротворческие силы продвигаются к местному аэропорту какого-то богом и людьми забытого новозеландского городка.

– …Потери, вина за которые возлагается на запрещенный Фронт освобождения Саут-Айленда. Тем временем в Веллингтоне…

Ямадзаки попробовал переключить канал. Несколько секунд красно-зеленого мелькания, и на экране проступил портрет Шейпли, заключенный в аккуратную рамочку. Документальная постановка Би-би-си. Лицо спокойное, серьезное, даже чуть гипнотичное. После двух безуспешных попыток поймать что-нибудь другое Ямадзаки прибавил громкость, голоса британских актеров отодвинули в сторону все прочие звуки – и завывание ветра, и гудение тросов, и скрип фанерных стен. Он сосредоточился на хорошо известной истории, с хорошо известным – хотя и не очень хорошим – концом.

Джеймс Делмор Шейпли привлек к себе внимание антиспидовой промышленности в самые первые месяцы нового тысячелетия. Тридцатилетняя проститутка мужеского пола, он был инфицирован уже двенадцать лет. В тот момент, когда доктор Ким Кутник, работавшая в Атланте, штат Джорджия, сделала свое открытие, Джеймс Шейпли отсиживал в тюрьме двухсотпятидесятидневный срок за непристойное поведение в общественном месте (его статус ВИЧ-инфицированного должен был повлечь за собой значительно более серьезные обвинения, однако судьи этого «не заметили»). Ким Кутник, работавшая на компанию «Шарман», филиал «Сибата Фармасьютикалс», просматривала медицинские карты заключенных. Ей были нужны личности вполне определенного – и экзотического плана: ВИЧ-инфицированные не менее десяти лет, не проявившие за это время никаких болезненных симптомов и имеющие в крови нормальное (либо, как в случае Шейпли, повышенное) количество т-лимфоцитов.

Шармановские лаборатории атаковали СПИД по многим направлениям; одно из них было связано с надеждой обнаружить и выделить мутантные штаммы вируса. Многие биологи считали, что высокая, практически стопроцентная летальность единственной известной на тот момент генетической разновидности ВИЧ противоречит законам естественного отбора. Вирус рубит сук, на котором сидит: распространяясь без помех, он не сегодня, так завтра уничтожит человечество, единственную свою питательную среду. Уничтожит *самого себя*. (Другие ученые столь же убежденно утверждали, что необычно долгий инкубационный период СПИДа не даст человечеству погибнуть.) Собственно говоря, идея выделить непатогенные штаммы вируса и применить их для подавления штаммов летальных была выдвинута лет на десять раньше, однако так и осталась идеей: «этические» соображения не позволяли проводить прямые эксперименты на людях. Шармановские исследователи опирались на идеологию этих старых работ: если вирус хочет жить, он не должен убивать своего «хозяина». Исследовательская группа, куда входила и доктор Кутник, намеревалась вакцинировать пациентов на стадии СПИДа сывороткой из крови ВИЧ-положительных индивидуумов – в надежде на вытеснение летального штамма безвредным.

Поиски таких индивидуумов были поручены семерым вирусологам, в том числе и Ким Кутник. Она решила начать прямо с ближайшей тюрьмы. Первоначальный отбор выявил шестьдесят шесть заключенных, которые: а) были инфицированы вирусом иммунодефицита человека десять и более лет назад и б) не имели никаких жалоб на здоровье. Одним из этих шестидесяти шести был Дж. Д. Шейпли.

Действие переместилось в Рио-де-Жанейро, в патио[24] загородного особняка. Доктор Кутник (чью роль исполняла молоденькая английская актриса) вспоминала свою первую встречу с Шейпли.

– Трудно сказать, что поразило меня больше – количество т-лимфоцитов в крови Шейпли, значительно превышавшее норму, или его ответы на вопросник, из которых следовало, что Шейпли не больно-то следовал нормам «безопасного секса». Шейпли произвел на меня впечатление очень искреннего, отзывчивого и, как это ни странно, очень *невинного* человека. Мой вопрос об оральном сексе заставил его смутиться и покраснеть. Затем он рассмеялся и сказал… он сказал… – «Кутник» потупилась, ее щеки вспыхнули пунцовой краской. – Сказал, что «сосет – с хлюпом и досуха». Конечно же, – продолжила актриса, – в те дни все наши представления о путях распространения инфекции

базировались на догадках и предположениях. Странно подумать: не было проведено ни одного прямого эксперимента по выявлению механизма передачи.

Ямадзаки выключил телевизор. Федеральный закон о добровольных участниках экспериментов по борьбе со СПИДом и ходатайство доктора Кутник позволят Шейпли выйти из тюрьмы. «Безбожные и безнравственные» эксперименты шармановской группы, связанные с переливанием людям, умирающим от СПИДа, «нечистой крови», встретят яростное сопротивление со стороны христианских фундаменталистов. Эксперименты застопорятся – в тот самый момент, когда Ким Кутник получит первые обнадеживающие результаты. Состояние пациентов, имевших половые сношения с Шейпли, заметно улучшится, они явно пойдут на поправку. Взбешенная Кутник уволится с работы, увезет ничего не понимающего Шейпли в стоящую на пороге гражданской войны Бразилию, найдет щедрых спонсоров и продолжит свои исследования – там к таким вещам относятся просто и по-деловому.

Все бы хорошо, не будь у этой истории такого печального конца.

Лучше уж сидеть при свечке и слушать песню стальной рептилии.

25
Хоть вброд, хоть вплавь

Он все говорил, что он из Теннесси и что он *в гробу* видал все это говно. А она оставила уже всякие надежды дожить до завтра, так он гнал машину, а и доживешь, так что толку – все равно поймают копы или этот, который застрелил Сэмми. Она все еще не могла понять, как и что случилось, и ведь этот мужик, который вырубил краснорожего, – это же точно был Найджел.

И его все тянуло куда-то направо от Брайанта, и тогда она сказала ему свернуть по Фолсом налево, ведь если эти суки и вправду висят на хвосте, так нужно выезжать на Хайт, лучшего места, чтобы затеряться среди людей, и не придумаешь, сама-то она точно намеревалась двинуть туда при первой же возможности. А «форд» был точь-в-точь такой же, как у мистера Маттьюза, директора Бивертонской колонии. И она пыталась заколоть этого типа отверткой, это подумать только, никогда бы от себя такого не ожидала. А потом сломала этому черному парню, который с такой мощной прической, его компьютер. И этот чертов браслет на левом запястье, а другая его половинка, открытая, болтается на короткой, в три звена, цепочке.

Он оторвал правую руку от руля и схватился за пустой наручник. Что-то такое с ним сделал – вслепую, не отрывая глаз от улицы. Отпустил. И зачем это, интересно, он его защелкнул?

– Зачем ты его защелкнул?

– Для твоей же пользы. А то зацепишься за дверную ручку или еще за что…

– А теперь сними.

– Дай ключ – сниму.

– Что же мне, так теперь и ходить?

Она побренчала наручниками перед самым его носом.

– Засунь в рукав. Это же «береттовские» наручники. Серьезная штука.

Ему вроде как нравилось, что наконец-то нашлась тема для разговора, даже машину повел вроде как поспокойнее. Карие глаза. Не старый, лет двадцать с небольшим. Дешевая, насквозь мокрая одежда. Волосы не темные и не светлые, серединка на половинку, подстрижены слишком уж коротко, но не так коротко, чтобы было ясно, что это нарочно, из пижонства. А мышца на нижней челюсти все ходит и ходит, словно он жует резинку, только он ничего не жует.

– Куда мы едем?

– А я-то откуда знаю? – Он прибавил газа. – Это же ты сказала «налево».

– Кто ты такой?

– Райделл. – Его глаза на мгновение оторвались от дороги, скользнули по Шеветте. – Берри Райделл.

– Барри?

– Берри[25]. Вроде малины. Или волчьей ягоды. Кой хрен, это же *большая* улица, фонари и все такое…

– Направо.

– И куда же я должен…

– Направо!

– О'кей. – Он крутанул руль. – И куда ж это мы?

– На Хайт-стрит. Ночью там много народа, а копы и носа не суют.

– И бросим там машину?

– Отвернись на две секунды, и от нее останутся одни воспоминания.

– Банкоматы в этих краях водятся?

– А то.

– Ну да, вот он и есть.

На поребрике «Патриот» сильно тряхнуло, из рамы заднего окна посыпались осколки пуленепробиваемого стекла. Кто же это его выбил? – удивилась Шеветта. И когда? Я же все время здесь была…

Он выудил из насквозь мокрого бумажника кредитную карточку, затем вторую, третью.

– Без денег нам никак, придется попробовать. А если ты хочешь выскочить из машины и сделать ноги, так за ради бога. – Он пожал плечами. – Никто тебя не держит.

А потом он вытащил из кармана куртки очки, те самые. И телефон. Как только в «Диссидентах» потух свет, она внаглую выхватила этот телефон прямо из пальцев Коудса. Ведь Лоуэлл, он всегда говорил, что в неприятности лучше не попадать, а если уж попал, нужно иметь под рукой телефон, без чего другого можно и обойтись, только не без телефона. А этот, бритоголовый, перетопчется как-нибудь. Ну а *этот*, бзикнутый, который машину гнал, кинул ей на колени и засранцевы очки, и телефон и буркнул:

– Забирай свою хурду-мурду.

А потом он хлопнул дверцей машины, подошел к банкомату и начал совать в него карточки. Банкомат чуть подумал и вылез из бронированной будки, осторожно и вроде как стеснительно, они всегда так делают, и камеры тоже высунулись – следить, чтобы клиент ничего такого не выкинул. А он стоял, прищелкивая

пальцами правой руки, и рот такой, будто свистит он, но свиста никакого не было. Шеветта взглянула на футляр с очками и телефон и еще раз удивилась, чего она сидит здесь, он же, считай, хороший дал совет – делай, говорит, отсюда ноги.

В конце концов он вернулся, пересчитывая на ходу толстую пачку денег, сунул деньги в передний карман джинсов, плюхнулся на водительское место, захлопнул дверцу и швырнул – окно с его стороны было открыто – одну из карточек под ноги банкомату, который задом, словно рак, втягивался в свою скорлупу.

– Ума не приложу, как это они сумели с такой скоростью аннулировать эту штуку, и добро бы у Фредди был компьютер, так ты же ему его раздолбала.

Чуть помедлив, он отправил следом за первой карточкой и вторую. И третью. Лексановый щит банкомата с грохотом опустился, карточки остались снаружи, лежат на мостовой в свете галогенных прожекторов, и на каждой поблескивает крошечная голограмма.

– Так их же кто-нибудь подберет, – удивилась Шеветта.

– На что я и надеюсь, – ухмыльнулся этот. – Подберет и уедет с ними куда подальше. Лучше всего – на Марс.

А потом он врубил передачу, «форд» подпрыгнул и выскочил на улицу задом, чуть не столкнувшись с какой-то другой машиной, и тут сразу визг тормозов и длинный отчаянный вой сигнала, и машина обогнула их в каком-то дюйме, и водитель ее тоже, наверное, кричал, потому что рот его превратился в большое черное «О», только крика не было слышно, и та часть Шеветты, которая все еще оставалась курьером, была в полном восторге – ведь сколько раз эти гады подрезали ее, просто не сосчитать.

– Вот же мать, – сказал этот и начал дергать рычаг передач и дергал, пока не нашел ту, что нужно, и тогда они поехали нормально.

Наручник болезненно натирал воспаленное место, где висела когда-то эта красная гадюка.

– Ты коп? – спросила Шеветта.

– Нет.

– Охранник? Вроде как эти, гостиничные?

– Ага.

– Ну и что ты намерен делать?

Парень этот, охранник там или кто он, молчал. По его лицу мелькал свет уличных фонарей и вывесок.

– Вляпался в говно, так надо выбираться. Хоть вброд, хоть вплавь.

26
«Цветные люди»

Райделл свернул в переулок, заглушил мотор и вылез из машины. И прибалдел. Однорукий, одноногий человек *катился на роликовой доске*. Инвалид лежал на ней животом и отталкивался от мостовой странными, вихляющими взмахами двух сохранившихся конечностей. Как недорезанная в лаборатории лягушка. Правая рука и левая нога (ступни на ноге не было) позволяли ему сохранять хоть какую-то симметрию движений. Серое, землистое лицо словно впитало цвет грязного бетона. Райделл и под страхом смерти не сумел бы ответить, к какой из человеческих рас принадлежит этот кошмарный персонаж. Все его тело было затянуто в черный резиновый чехол, сшитый, по всей видимости, из автомобильных камер, шевелюра (или лысина?) пряталась под черной вязаной шапочкой. Человек катился прямо по не успевшим еще высохнуть лужам; проезжая мимо Райделла, он взглянул вверх и сказал:

– Хочешь со мной *поговорить*? Хочешь со мной *поговорить*, так заткни, на хрен, *хлебало*…

Сзади и чуть справа что-то негромко звякнуло. То ли наручники, то ли цепочки многочисленных молний, украшавших кожаную куртку.

– Пошли, – сказала Шеветта Вашингтон. – Не стоит здесь задерживаться.

– Ты видела? – с надеждой спросил Райделл.

– Постоишь здесь, так не то еще увидишь.

Райделл оглянулся на «Патриота». Не желая облегчать будущим ворам работу (а то подумают еще что), он спрятал ключ зажигания под коврик и запер дверцы. И начисто забыл про заднее окно. Странное это ощущение, когда ты прямо *мечтаешь*, чтобы твою машину угнали, и поскорее.

– Ты *точно* знаешь, что ее приберут к рукам?

– А заодно и нас с тобой. Линять нужно отсюда, в темпе вальса.

Шагая следом за Шеветтой, Райделл скользил глазами по глухим, без единого окна, стенам. От самого низа и до уровня, куда можно еще дотянуться рукой, кирпичная кладка была сплошь покрыта рисунками и буквами, только буквы эти не складывались ни в какие нормальные слова. Вот так же примерно выглядят вопли, хрипы и ругательства, которыми изъясняются герои комиксов.

Едва они свернули налево и сделали пару шагов по тротуару Хайт-стрит, как сзади донеслось негромкое сытое урчание – кто-то запустил двигатель «Патриота». Спина и затылок Райделла покрылись гусиной кожей, он словно забрел ненароком в фильм про привидения. Ведь там, в переулке, не было *ни души*, только этот, в черном презервативе, но и он давно выкатил на своей доске на улицу, скрылся из виду.

– Смотри вниз, в землю, – шепнула Шеветта. – Не поднимай глаза, а то они нас убьют.

Райделл послушно уставился на заляпанные грязью носки своих десантных говнодавов.

– Так ты что, знаешь все повадки и обычаи автомобильных воров? Близко знакома с этой публикой?

– Иди как идешь. Не разговаривай. Никуда не смотри.

Райделл слышал, буквально *видел* затылком, как машина выворачивает из переулка… приближается… едет рядом. Ну почему так медленно? Насквозь промокшие ботинки противно чавкали. Неужели так и придется умереть, думая о каком-то там мелком, жалком неудобстве, о том, что в ботинках полно воды, что надо бы вылить ее и переодеть носки, только вряд ли это удастся…

Но тут водитель совладал наконец с непривычной американской схемой переключения скоростей; «Патриот» взревел и рванулся вперед. Райделл начал поднимать голову.

– Не надо, – прошептала Шеветта.

– Так это что, приятели твои, что ли?

– Да не знакома я с ними ни с кем. Лоуэлл, он называет их «сухопутные пираты».

– Какой еще Лоуэлл?

– Ты видел его в «Диссидентах».

– В баре?

– Это не бар. Тусовка.

– Бар не бар, а спиртное подают.

– Тусовка. Сидят там, треплются. Тусуются.

– Кто тусуется? Этот Лоуэлл, он часто туда ходит?

– Да.

– А ты?

– Нет! – с неожиданной злостью отрезала Шеветта.

– Ты хорошо знаешь Лоуэлла? Он ведь твой дружок, верно?

– Вот и видно, что ты коп, по всему разговору видно.

– Нет, – качнул головой Райделл, – не коп. А не веришь – спроси у них сама.

– Не дружок, а знакомый, – снизошла Шеветта. – У меня их много.

– С чем тебя и поздравляю.

– А у тебя есть в этой сумке пистолет или что еще в этом роде?

– Сухие носки. И белье.

– Не понимаю я тебя, – вздохнула Шеветта.

– А ты и не обязана.

Пару минут они шли молча.

– Так мы что, с тобой воздухом дышим или ты знаешь, куда идти? – не выдержал наконец Райделл. – На улице хорошо, но хотелось бы куда-нибудь в помещение.

– Мы хотим посмотреть на картинки, – сказала Шеветта.

Сквозь каждый сосок толстого мужика было продето по паре таких штук, вроде как висячие замки, только поменьше и блестящие, хромированные. Тяжелые, судя по тому как они оттягивали кожу; Райделл посмотрел на них разок, зябко поежился и отвел глаза. Кроме жутковатых этих подвесок, на мужике имелись мешковатые белые брюки с мотней, болтавшейся где-то в районе коленей, и синий бархатный жилет, обильно расшитый золотом. И татуировки. На большом, жирном, мягком, как подушка, теле не было ни вот такого лоскутка неразрисованной кожи.

У Райделлова дяди, у того, который служил в Африке да так оттуда и не вернулся, у него тоже были татуировки. Та, что на спине, так прямо роскошная – громадный извивающийся дракон с крыльями, когтями, рогами и добродушной, чуть придурковатой улыбкой. Это дяде в Корее сделали, на компьютере, в восемь аж цветов. Он рассказывал Райделлу, что компьютер построил сперва точную схему его спины и нарисовал, как все это будет в готовом виде. А потом оставалось только лечь на татуировочный стол, и робот сам, безо всяких там людей, наносил татуировку. Райделл представлял себе этого робота вроде пылесоса, только с гибкими хромированными лапами, и в каждой лапе по игле, а дядя объяснил, что все было совсем не так и робот тот просто серая такая коробка, а ощущение, когда под ним лежишь, такое, словно тебя пропускают через матричный принтер. И за один день такая сложная штука не делается, пришлось прийти в салон и на следующий день, и еще на следующий, и так восемь раз, на каждый цвет по разу, но уж дракон получился просто загляденье – здоровенный, весь закрученный и гораздо ярче, чем орлы, какие на американском гербе, и фирменная марка «Харлей-Дэвидсон», вытатуированные на дядиных предплечьях. Когда дядя выходил на задний двор, снимал рубаху и качал Райделловы гантели, Райделл обязательно выходил тоже – смотреть, как дракон вроде

как извивается. Красиво, ничего не скажешь.

А у этого жиряги с грузилами на сиськах татуировки были везде – кроме ладоней и лысины, ну и лица тоже. Прямо словно не голое тело, а в таком костюме, и все картинки разные, все хитрые, безо всяких там орлов и мотоциклов, и все они переходят одна в другую, сплетаются воедино. Райделл смотрел-смотрел на жирного, а потом почувствовал, что голова кружится, и начал смотреть на стены, где тоже были сплошь татуировки, то есть *рисунки* для татуировок, образцы, из которых можно выбирать.

– Ты ведь была здесь *раньше*, – сказал мужик.

– Да, – кивнула Шеветта, – с Лоуэллом. Вы ведь помните Лоуэлла?

Мужик равнодушно пожал плечами.

– Мы с другом, – сказала Шеветта, – мы хотим что-нибудь выбрать…

– А вот *друга* твоего я что-то не припоминаю.

Жирный говорил спокойно, дружелюбно, но Райделл уловил в его голосе какое-то недоверие, вопрос. И еще он косился на Райделлову сумку.

– Все о'кей, – уверенно заявила Шеветта. – Он знает Лоуэлла. Он оттуда, с оклендского конца.

– Вот вы тут, *мостовые*, – начал жирный; было видно, что люди, живущие на мосту, вызывают у него искреннее уважение, – так как вы перенесли эту *жуткую* бурю? Надеюсь, она не слишком много у вас *переломала*? В прошлом месяце один клиент подкинул нам снимок, сделанный широкоугольником, хотел перенести к себе на *спину*. Весь ваш подвесной пролет и *все*, что там есть. *Прекрасный* снимок, только он не поместился на спину, а от предложения *уменьшить* клиент отказался. Вот у твоего друга, – он взглянул на Райделла, – спина *пошире*, ему бы в самый раз.

– И как, получилось?

Райделл уловил в голосе Шеветты инстинктивное желание растянуть разговор, поддержать интерес собеседника.

– Наш салон обеспечивает *полный сервис*, – значительно сообщил жирный. – Ллойд прогнал снимок через графический компьютер, *повернул* изображение на тридцать градусов, *усилил* перспективу, получилось нечто *необыкновенное*… Возвращаясь к началу, какими образцами ты интересуешься – для *себя* или для своего *друга*?

– Ну, вообще-то, – скромно потупилась Шеветта, – мы хотим подобрать что-нибудь для нас обоих. Ну, значит, вроде как бы парное, *гармонирующее*…

– Весьма романтично, – улыбнулся жирный.

Райделл с сомнением покосился на свою непредсказуемую спутницу.

– *Сюда*, пожалуйста. – При каждом шаге жирного в низко болтающейся мотне что-то негромко, но отчетливо позвякивало; Райделл болезненно сморщился. – Позвольте угостить вас *чаем*.

– А кофе? – оживился Райделл.

– Прошу меня извинить, – покачал головой жирный, – но Батч кончает в *двенадцать*, а я не умею пользоваться этой *машиной*. Но я могу угостить вас очень хорошим *чаем*.

– Да. – Шеветта предостерегающе ткнула Райделла острым, как карандаш, локтем. – Чай, пожалуйста.

Вся обстановка маленькой комнаты, куда проводил их жирный, состояла из двух стенных экранов и кожаного диванчика.

– Я сейчас, только заварю вам *чай*, – сказал он и удалился, притворив за собой дверь. Побрякивание стихло.

– Чего это ты там намолола про парные татуировки?

Райделл бегло осмотрел комнату. Чисто. Голые стены. Мягкое освещение.

– Теперь он отвяжется от нас, даст время повыбирать. Ну а парные – чтобы не удивлялся, чего мы так долго копаемся.

Райделл поставил сумку в угол и сел на диван.

– Так мы что, можем здесь посидеть?

– Да, нужно только вызывать образцы.

– А это как?

Шеветта взяла дистанционный пультик, включила правый экран и пошла гулять по меню. Увеличенные, с высоким разрешением снимки татуированной кожи. Минут через десять жирный принес подносик с двумя большими керамическими кружками.

– Тебе *зеленый,* а *тебе*… – Он повернулся к Райделлу. – Мормонский, раз уж ты *просил* кофе.

– Спасибо, – неуверенно сказал Райделл, беря тяжелую, как булыжник, кружку.

– Располагайтесь поудобнее и никуда не *спешите*, – любезно улыбнулся жирный. – А если что *потребуется* – не стесняйтесь, зовите *меня*.

Он широко улыбнулся и ушел, помахивая пустым подносом.

– Мормонский?

Райделл с сомнением принюхался к поднимавшемуся над кружкой пару. Ничем вроде не пахнет.

– Им кофе не полагается. А в этом чае эфедрин.

– Это что, наркотик?

– Его делают из одного растения, в котором есть что-то такое,

мешающее уснуть. Все точно как кофе.

Не до конца убежденный, Райделл решил, что чай все равно слишком горячий, и поставил кружку на пол, рядом с ножкой дивана. Девушка на экране демонстрировала дракона вроде дядиного, только этот был поменьше и не на спине, а на левом бедре. Сквозь верхнюю часть ее пупка было продето маленькое серебряное колечко. Шеветта нажала кнопку. С потного байкерского предплечья глядело лицо президентши Миллбэнк, выполненное в черно-белых тонах.

Райделл вылез из мокрой куртки, только теперь заметив разодранное плечо и белые клочья синтетической ваты.

– А у тебя есть татуировки? – Он отбросил куртку в угол.

– Нет.

– Так откуда ты все про это знаешь?

– Лоуэлл. – Шеветта перебрала еще с полдюжины картинок. – Вот у него есть. Гигер.

– Какой еще гигер?

Райделл открыл сумку, достал носки и начал распутывать мокрые ботиночные шнурки.

– Художник такой. Девятнадцатого, что ли, века. Классика, самая взаправдашняя. Биомеханика. Лоуэлл сделал себе на спину картину этого Гигера «N. Y. C. XXIV»[26]. – Шеветта назвала римские цифры, как буквы: «экс-экс-ай-ви». – Там вроде этого города, Сан-Франциско. Без никаких цветов, все черно-серо-белое. А он хочет еще и рукава, чтобы в масть, вот мы и зашли сюда как-то, посмотрели других Гигеров[27].

– Слушай, – сказал Райделл Шеветте, нервно разгуливавшей вдоль экранов, – ты бы села, что ли, а то шея устала головой вертеть.

Он снял мокрые носки, закинул их в мешок с эмблемой «Контейнерного города» и натянул сухие. Обуваться не хотелось, но что, если придется мотать отсюда в темпе? Райделл вздохнул, надел ботинки, начал их шнуровать, и тут наконец Шеветта угомонилась, села.

Она расстегнула куртку, скинула ее с плеч и потянулась; негромко звякнул болтающийся на цепочке наручник. Черная футболка с по плечо обрезанными рукавами, бледные, без малейшего признака загара руки. Шеветта перегнулась через диванчик и вроде как *прислонила* куртку к стенке; сшитая из жесткой негнущейся кожи, она так и осталась стоять с бессильно обвисшими рукавами, словно уснула. Райделл остро ей позавидовал.

– Слышь, – вспомнил он вдруг, – а этот мужик в плаще – ну тот, который застрелил…

Райделл не успел сказать про волосатика на велосипеде – Шеветта больно вцепилась ему в запястье. Снова звякнул наручник.

– Сэмми. Он застрелил Сэмми, там, наверху, у Скиннера. Он… он охотился за очками, а очки были у Сэмми, и он…

– Подожди. Подожди секунду. Очки. Всем нужны эти долбаные очки. Их ищет этот мужик, их ищет Уорбэйби…

– Какой еще Уорбэйби?

– Здоровый негр, который высадил заднее окно машины – ну, когда я от них смывался. Вот он и есть Уорбэйби.

– И ты думаешь, я знаю, что они такое?

– И ты не знаешь, почему все на свете за ними *охотятся*?

Шеветта взглянула на него, как на лошадь, вежливо спросившую, не кажется ли ей, что сегодня самый подходящий день потратить все, какие есть, деньги на этот вот лотерейный билетик.

– Давай-ка начнем с самого начала, – предложил Райделл. – Расскажи мне, где ты их *взяла*.

– С какой такой стати?

Райделл обдумал вопрос.

– А с такой, что ты давно была бы на том свете – не выкинь я там, на мосту, этого идиотского номера.

Теперь задумалась Шеветта.

– О’кей, – кивнула она секунд через двадцать.

Может, в этом мормонском чае и вправду было что-то намешано, а может, смертельно усталый Райделл просто перевалил критическую черту, отделяющую обычную вязкую усталость от парадоксальной, при которой мир становится светлым и прозрачным и ты чувствуешь себя даже бодрее, чем обычно, и сна – ни в одном глазу. Так или иначе, но он отхлебывал из кружки и слушал Шеветту, а когда она слишком уж увлекалась рассказом и забывала перелистывать образцы татуировки, то брался за дистанционный пультик сам и жал какие попало кнопки.

Если расставить все по порядку, провинциальная, без роду без племени девчонка бросила свой захудалый орегонский городишко и двинула на юг, в Сан-Франциско. Дальше – мост. Больную и беспомощную, ее подобрал этот хромой, малость тронутый старик. Старик нуждается в уходе, она – в крыше над головой, так что все вышло ко всеобщему удовольствию. Затем она нашла себе работу – мотаться по Сан-Франциско на велосипеде, развозить пакеты. В Ноксвилле тоже были курьеры, так что за недолгую свою работу пешим патрульным Райделл

достаточно насмотрелся на эту публику. То по тротуарам разъезжают, то под красный лезут, то еще какие нарушения, а задержишь такого, чтобы оштрафовать, так непременно скандал закатит. Вкалывают по-черному, но и зарабатывают вполне прилично. Сэмми, негр, которого застрелил (*по ее словам*, застрелил) золотозубый, тоже работал курьером, он-то и нашел ей это место в «Объединенной».

Рассказ о том, как Шеветту случайно занесло на чужую пьянку и как она вытащила эти самые очки из кармана незнакомого мужика, звучал вполне правдоподобно. Если хотят соврать, то придумывают обычно что-нибудь другое. А тут – не «нашла», не сами в руку прыгнули, а просто взяла и сперла, по мгновенному побуждению. Достал ее этот гнусный тип – вот и вся причина. Ерунда, мелкое воровство – не окажись эти очки такими для кого-то ценными.

С другой стороны, из Шеветтиных описаний однозначно следовало, что именно этот ее «засранец» окончил жизнь с кубинским галстуком на шее, да и место событий совпадало – гостиница «Морриси». Коста-риканский гражданин германского происхождения – что, скорее всего, не соответствовало истине ни по первому, ни по второму пункту. А по состоянию на настоящий момент – труп, чей похабный портретик передали великому Уорбэйби по факсу, прямо в эту, украденную теперь сухопутными пиратами машину. Человек, чье убийство расследуют Шитов и Орловский, если они его действительно расследуют.

– Вот же мать твою, – пробормотал Райделл.

Шеветта – она все еще продолжала свой рассказ – оборвала фразу на полуслове:

– Что?

– Ничего, это я так. Да ты говори, говори.

Русские работают налево, это уж точно. Служат в убойном отделе – и косят налево. Можно поставить пачку долларов против рулона туалетной бумаги, что эти типы и вообще не задействованы в расследовании. Они организовали великому Люциусу доступ на место преступления, они залезли в полицейский компьютер, а все остальное – спектакль, рассчитанный на одного-единственного зрителя. На Райделла. Чтобы взятый со стороны водитель не подумал чего плохого. И еще. Если верить болтовне Фредди, «Интенсекьюр» и «Дейтамерика» – фактически одна и та же фирма. Очень, очень интересно.

А Шеветту Вашингтон словно прорвало. С людьми, у которых много накопилось, такое часто бывает – сперва мнутся, заикаются, а как разговорятся, так и не остановишь. Теперь она

рассказывала про Лоуэлла, что это который с волосами, а не тот, бритоголовый, и что он и правда был ее ну вроде как дружком, но это раньше, давно, и что он может сделать для тебя, считай, что угодно – это в смысле с *компьютером* сделать, и не бесплатно, а за хорошие деньги, – и это ее, Шеветту, всегда пугало, потому что он постоянно болтал про копов, что он совсем их не боится, ничего они ему не сделают, никогда.

Райделл машинально перелистывал образцы татуировок – вот, скажем, дамочка с розовыми гвозди`ками на животе и груди, в аккурат по краям бикини, – так же машинально кивал, но слушал не Шеветту, а свои собственные мысли. Эрнандес – «Интенсекьюр», Уорбэйби – «Интенсекьюр», да и в «Морриси» тоже интенсекьюровские. А Фредди говорит, что «Интенсекьюр» и «Дейтамерика» – одна и та же лавочка, так что…

– …Желаний…

Райделл сморгнул и уставился на экран. Костлявый парень со скорбным Джей-Ди Шейпли во всю грудь. Будешь тут скорбным, когда у тебя волосы из глаз растут.

– Как?

– Держава. Держава Желаний.

– А что это?

– Вот потому-то Лоуэлл и говорит, что копы ни в жизнь его не тронут, а я ему сказала – хрень это все собачья.

– Хакеры, – вспомнил Райделл.

– Я говорю, говорю, а ты ни слова не слышал.

– Нет, – помотал головой Райделл. – Очень даже слышал. Держава Желаний. Проиграй-ка этот кусок по новой, о'кей?

Шеветта отобрала у него пульт, вывела на экран бритую голову с солнцем на самой макушке и планетными орбитами вокруг, затем чью-то ладонь с орущим, широко разинутым ртом, ноги, покрытые голубовато-зеленой чешуей, рыбьей или чьей там еще.

– Так вот, – сказала она, – я тут сказала, что Лоуэлл всю дорогу хвастает, как он связан с этой самой Державой Желаний, и как они могут сделать с компьютером все, что угодно, и что поэтому если кто покатит на него бочку, то схлопочет, по-крупному схлопочет.

– Неслабо, – восхитился Райделл. – А ты сама, ты их видела когда-нибудь, этих ребят?

– А их нельзя *увидеть*. – Шеветта нажала одну из кнопок пульта, но Райделл уже не видел экрана. – *Живьем* нельзя, по-настоящему. С ними только *говорят*, по телефону. Ну или через гляделки, и вот это – самое дикое.

– Почему?

– Потому что они получаются вроде как раки и вся такая срань. Или – как телевизионные звезды. Как все, что угодно. Не знаю только, почему это я так растрепалась.

– Потому что иначе я усну и как же мы тогда решим, что нам больше подходит – чешуя на ногах или гвозди`ки в промежности.

– Теперь твоя очередь, – сказала Шеветта и замолчала. И молчала, пока Райделл не начал рассказывать.

Он рассказал ей про Ноксвилл и про академию и как он всегда смотрел «Копы влипли», а потом, когда сам стал копом и тоже влип, получалось, похоже, что и его покажут в этой передаче. Как они привезли его в Лос-Анджелес, потому что не хотели связываться с «Дожившими Сатанистами», а появился этот Медведь-Шатун, это убийцы эти, и телевизионщики вроде как утратили к нему интерес, и тогда он устроился в «Интенсекьюр», сел за баранку «Громилы». Он рассказал ей про Саблетта, и про Кевина Тарковского, и про ломик на Мар-Висте, но вроде как опустил Державу Желаний, вроде как она и не имела отношения к той ночи, когда он загнал «Громилу» прямо в гостиную Шонбруннов. Рассказал, как вдруг, ни с того ни с сего, заявился Эрнандес (это ж подумать только, двух еще дней не прошло, а кажется – год) и как он, Эрнандес значит, предложил ему место водителя при Уорбэйби – лететь, значит, сюда, в Сан-Франциско, и шоферить. Тут Шеветта заинтересовалась, спросила, чем занимаются эти ищейки, и он объяснил ей, чем они, считается, занимаются и чем они занимаются *в действительности*, как ему теперь кажется, и она сказала: хреново, от таких типов лучше держаться подальше.

А потом Райделл истощился и замолчал, и Шеветта тоже несколько секунд молчала, только смотрела на него ошалелыми глазами. А потом сказала:

– Это что, вот так все и есть? Вот так ты и попал сюда – и вот этим ты и занимаешься?

– Да, – чуть смутился Райделл. – Вроде того.

– Мамочки, – вздохнула Шеветта.

Они полюбовались на мужика, с головы до ног разрисованного древними печатными платами, даже не похоже, что голый, а вроде в таком электронном костюме.

– Если поссать на сугроб, – сказала Шеветта и широко зевнула, – получаются дырки. Вот глаза у тебя точно такие. Честно.

В дверь постучали. Затем она приоткрылась на полдюйма, и кто-то – не тот мужик, который звенел на ходу, – сказал:

– Ну как, нашли что-нибудь? Генри ушел домой…

– Очень трудно выбрать, – пожаловалась Шеветта. – Их так

много, а нам хочется, что нам лучше подходит…

– Ну тогда смотрите дальше, – безразлично предложил голос. – Выберете – скажете.

Дверь закрылась.

– Покажи-ка мне эти очки, – сказал Райделл.

Шеветта перегнулась через диван, достала из кармана куртки футляр с очками и телефон. Материал футляра выглядел необычно – не металл, не пластик, а что-то такое темно-серое, тонкое, как яичная скорлупка, и жесткое, как сталь. Как же он открывается?.. А… понятно. Очки – точно такие же, как у Люциуса Уорбэйби. Черная оправа, стекла – сейчас – тоже черные. И чего они такие тяжелые, словно свинцом налитые?

Шеветта раскрыла клавиатуру телефона.

– Да ты что, – вскинулся Райделл, – они же знают твой номер, *не могут* не знать. Позвонишь по этой штуке – или даже не ты, а *тебе* позвонят, так через пять минут здесь будут сто машин с мигалками.

– Ничего они не знают, – качнула головой Шеветта. – Это ж не мой телефон, а Коудса, я прихватила его со столика, сразу как свет потух.

– А говорила, что никогда не воруешь, что с очками это случайно вышло.

– У Коудса не считается, его телефоны все ворованные. Коудс выменивает их у городских, а другие знакомые Лоуэлла мастырят подкат.

Шеветта потыкала пальцами в клавиатуру, поднесла телефон к уху и недоуменно вскинула брови:

– Молчит чего-то.

– Дай-ка сюда. – Райделл положил очки себе на колени и взял у Шеветты телефон. – Может, промок или батарейки не контачат. Кстати, а на что это Коудс их выменивает?

Он поскреб ногтем по задней стенке футляра, отыскивая съемную крышку.

– Да так, на всякое.

Крышка щелкнула и открылась. Неисправность обнаружилась очень быстро: узкий пластиковый мешочек, втиснутый рядом с батарейками, нарушил питание. Райделл вытащил мешочек, осмотрел.

– Всякое?

– Ага.

– Всякое – в таком вот роде?

– Ага.

Райделл чуть помрачнел.

– Тетратиобускалин, тут и анализа не надо. Запрещенный

наркотик.

Шеветта взглянула на мешочек с темно-серым порошком, затем на Райделла.

Какая разница, ты же теперь не коп.

– А как ты сама, балуешься?

– Нет. Ну, один там раз или два. Вот Лоуэлл – он почаще.

– Дело, как говорится, хозяйское, но на ближайшее время тебе бы лучше воздержаться; я видел, как действует эта зараза. Одна щепотка – и спокойный, вежливый парень превращается в буйнопомешанного. А здесь, – он постучал пальцем по мешочку, – вполне хватит на десяток людей. Ты не представляешь себе, какой это ужас.

Райделл отдал пакетик Шеветте и взялся исправлять погнутый контакт.

– Представляю, – тускло улыбнулась она. – На живом примере Лоуэлла.

– Ну вот, – удовлетворенно возвестил Райделл. – Гудит. Кому будешь звонить?

Шеветта чуть задумалась, затем взяла телефон и закрыла наборную панель.

– Некому вроде.

– У старика твоего есть телефон?

– Нет. – Казалось, еще секунда – и она расплачется. – Боюсь, они и его убили. Из-за меня, все ведь из-за меня.

Райделлу хотелось сказать что-нибудь ободряющее, но слова не шли на ум. Прежняя усталость навалилась с новой силой. Забыв про пульт, про свою обязанность листать каталог татуировок, он тупо смотрел на экран. Чей-то бицепс, украшенный конфедератским флагом. Ну прямо как дома. Он взглянул на Шеветту. Вон ведь какая бодренькая, даже странно. Будем надеяться, что это возраст, а не «плясун» или еще какая дрянь. А может, она все еще в шоке. Сэмми этого застрелили, и еще там двое то ли живы, то ли нет, в такой ситуации кто угодно дергаться начнет. А парня этого, который впилился в Шитова на велосипеде, его она тоже, конечно же, знает, только не знает, что и его застрелили. Странно, как много эпизодов можно не заметить, когда смотришь на драку. Ну не знает – и хорошо, что не знает, а то завелась бы еще больше.

– Фонтейну, что ли, попробовать?

Шеветта снова раскрыла телефон.

– Кому?

– Мужик из наших. Чинит Скиннеру электричество и все такое.

Она набрала номер и приложила телефон к уху.

Глаза Райделла закрылись, он ударился затылком о валик дивана с такой силой, что едва не проснулся.

27
После грозы

– Мочой воняет, – пожаловался Скиннер.

Ямадзаки с трудом разлепил глаза. Только что они с Джей-Ди Шейпли стояли посреди бескрайней равнины – даже не равнины, а гладкой, почти геометрически абстрактной *плоскости*, – перед черной, как обсидиан, стеной, исписанной именами мертвых.

Он поднял голову и огляделся. Темно. Сквозь витраж пробивается тусклый предутренний свет.

– Откуда ты взялся, Скутер? Что ты здесь делаешь?

Крестец и поясница японца тупо, противно ныли.

– Гроза, – пробормотал он, все еще не совсем проснувшись.

– Какая еще гроза? А где девица?

– Ушла, – сказал Ямадзаки. – Вы что, не помните? Лавлесс.

– Чушь ты какую-то мелешь.

Скиннер приподнялся на локте и елозил ногами, пытаясь скинуть на пол одеяла, на покрытом седой щетиной лице застыла гримаса отвращения.

– Мне нужно помыться. И сухую одежду.

– Лавлесс. Он нашел меня в баре. Заставил вернуться сюда, сам он дороги не знал. Думаю, он давно за мной следил…

– Конечно, конечно. А пока – заткнись, ладно?

Ямадзаки смолк.

– Нам нужна кастрюля воды. Горячей. Сперва кофе, а в том, что останется, я вымоюсь. Ты умеешь обращаться с примусом?

– С чем?

– Вон та красная штука. Его нужно накачать, я объясню тебе, как это делается.

Ямадзаки встал, сморщился от боли в пояснице и неуверенно шагнул к загадочному устройству, на которое указывал Скиннер.

– Да знаю я, чем она занята. Пилится. Снова учесала к дружку своему этому, мудиле сраному. Ну точно, Скутер, сколько волка ни корми…

Опасливо подойдя к краю плоской черной крыши, Ямадзаки взглянул на огромный город, залитый странным железным светом. Игривый ветерок, шевеливший его волосы, трепавший обшлага брюк, вчистую отрицал любое, пусть самое отдаленное родство со вчерашним ураганом. В голове вяло кружились осколки недавнего сна. «Я простил их», – сказал Шейпли, имея в виду своих убийц.

Ямадзаки смотрел на желтый клык «Трансамерики», перетянутый – в память о Малом Великом – стальными скрепами, и не вспоминал, а *слышал* бархатистый, как у молодого Элвиса Пресли, голос. *Они же – ты пойми это, Скутер, – они же хотели как лучше*.

Ветер рвал в клочки доносившиеся из распахнутого люка ругательства – там, внизу, Скиннер ополаскивался согретой на примусе водой.

Ямадзаки думал об Осаке, о своем научном руководителе.

– Наплевать мне на них, – сказал он по-английски. Сказал, словно призывая Сан-Франциско в свидетели.

Весь этот город – огромный томассон. А возможно, и вся Америка.

Ну как понять такое им, живущим в Осаке, в Токио?

– Эй, на крыше! – окликнул его чей-то голос.

Ямадзаки обернулся. Рядом с желтой корзиной Скиннерова фуникулера стоял худощавый чернокожий мужчина в плотном твидовом пальто и вязаной шапочке.

– Как там у вас наверху, все тип-топ? Как Скиннер?

Ямадзаки вспомнил золотозубого Лавлесса и замялся. А что, если и этот человек принадлежит к врагам Скиннера и девушки? Как отличить друга от врага?

– Моя фамилия Фонтейн, – сказал чернокожий. – Звонила Шеветта, она попросила меня зайти сюда проверить, все ли в порядке со Скиннером, как он грозу перенес. Я обслуживаю здесь электропроводку, и подъемник этот, и все такое.

– Скиннер сейчас моется, – неуверенно объяснил Ямадзаки. – Во время грозы он… он немного утратил контроль над собой. И он совсем ничего не помнит.

– Напряжение будет через полчаса, – сказал чернокожий. – На нашем конце все гораздо хуже. Полетели четыре трансформатора. Пятеро погибших, двадцать серьезно раненных, это то, что я знаю. Кофе там у вас есть?

– Да, – подтвердил Ямадзаки.

– Не отказался бы от чашки-другой.

– Да, – сказал Ямадзаки и вежливо поклонился. Чернокожий человек сверкнул широкой белозубой улыбкой. Ямадзаки вернулся к люку и осторожно спустился по стремянке.

– Скиннер-сан! Человек по фамилии Фонтейн – он ваш друг?

Скиннер пытался влезть в грязно-серые застиранные кальсоны с электроподогревом.

– Ублюдок он безрукий, а не друг, провода починить и то не может…

Ямадзаки отодвинул тяжелый бронзовый засов и открыл

нижний люк. Через несколько секунд внизу появился Фонтейн. Он оставил одну из своих парусиновых сумок на площадке, повесил другую через плечо и начал карабкаться по ржавым стальным скобам.

Ямадзаки взял самую чистую из грязных кружек и аккуратно, чтобы не прихватить гущу, слил в нее остатки кофе.

Фонтейн положил сумку на край люка и только затем просунул в комнату голову.

– Топливные элементы звезданулись, – недовольно сообщил Скиннер. Он заправлял в шерстяные армейские брюки полы трех, а то и больше фланелевых, ветхих от старости рубашек.

– Работаем, шеф, стараемся, – сказал Фонтейн, одергивая смявшееся пальто. – Уже скоро. Мощная была гроза.

– Вот и этот, Скутер, он тоже про грозу какую-то говорит, – пробурчал Скиннер.

– Ну и верно говорит, без балды, – улыбнулся Фонтейн. – Благодарствую, – добавил он, принимая из рук Ямадзаки дымящуюся кружку. – Шеветта сказала, что задержится, чтобы вы постарались без нее обойтись. В чем там дело?

Ямадзаки взглянул на Скиннера.

– Дрянь паршивая. – Скиннер затянул ремень и проверил ширинку. – Снова смылась к этому мудиле.

– Шеветта ничего такого не говорила, – заметил Фонтейн. – Да и весь разговор был не больше минуты. Так или не так, но если ее нет, вам нужен кто-нибудь другой, чтобы о вас заботиться.

– Справлюсь и сам, – проворчал Скиннер.

– Ничуть не сомневаюсь, шеф, – заверил его Фонтейн, – только в этом вашем фуникулере поджарились два сервопривода. Быстрее двух дней я их не сменю – тут же после этой грозы работы невпроворот, люди вообще без света сидят. Так что нужен кто-нибудь, способный лазать по скобам, чтобы носил вам еду и вообще.

– Вот Скутер и будет лазать, – сказал Скиннер.

Ямадзаки недоуменно сморгнул.

– Это точно? – повернулся к нему Фонтейн. – Вы останетесь здесь и примете на себя заботы о мистере Скиннере?

Ямадзаки вспомнил квартиру в высоком викторианском доме, облицованную черным мрамором ванную. Роскошь, после которой даже не хочется возвращаться в Японию, в Осаку, в холостяцкую конуру, которая вся поместилась бы в одной этой ванной. Он перевел глаза с Фонтейна на Скиннера, затем обратно.

– Если Скиннер-сан не будет возражать, я буду крайне

польщен возможностью пожить в его обществе.

– Делай как хочешь, – снизошел Скиннер. – Да что она там, приклеилась что ли? – Он никак не мог стащить со своего матраса мокрую простыню.

– Шеветта так и думала, что вы здесь, – такой, говорит, парень университетского типа. – Фонтейн отставил пустую кружку, нагнулся и придвинул сумку поближе. – Говорила, что вы с мистером Скиннером опасаетесь незваных гостей, – добавил он, отщелкивая никелированные застежки.

Тускло поблескивающие инструменты, темно-красные мотки изолированной проволоки. Фонтейн вытащил со дна сумки нечто, завернутое в промасленную тряпку, оглянулся на перестилающего постель Скиннера и засунул тряпку вместе с ее содержимым на дальнюю полку, за покрытые пылью банки.

– Никто незнакомый сюда не пройдет, мы уж позаботимся. – Он понизил голос почти до шепота. – А на всякий пожарный там лежит полицейский револьвер тридцать восьмого калибра. Шесть тяжелых пуль со сминающейся оболочкой. Если вы их используете – окажите мне услугу, утопите ствол, хорошо? Он… ну, как бы это сказать… сомнительного происхождения.

Фонтейн заговорщически подмигнул.

Ямадзаки вспомнил Лавлесса и сглотнул застрявший в горле ком.

– Ну, как вы думаете, – спросил Фонтейн, – все тут у вас будет в порядке?

– Да, – сказал Ямадзаки. – Благодарю вас.

28
Ар-ви

В половине одиннадцатого прибежала Лори, та самая продавщица, с которой Шеветта познакомилась при самом еще первом своем посещении «Цветных людей». Прибежала и заохала, что с минуты на минуту должен приехать заведующий, Бенни Сингх, и что им никак нельзя больше здесь оставаться, особенно когда этот вот, твой дружок, вырубился вчистую, так что даже не поймешь, живой он или нет, и чего это он, интересно, наглотался.

– Хорошо, – сказала Шеветта, – я все понимаю. Спасибо.

– Увидишь Сэмми Сэла, – сказала Лори, – передавай приветик.

Шеветта уныло кивнула и попыталась растолкать Райделла. Тот пробормотал нечто невразумительное и перевернулся на другой бок.

– Вставай. Нам нужно идти.

В первый момент, когда Райделл только-только уснул, Шеветта крыла себя последними словами за неожиданный для нее самой приступ болтливости. Но если так подумать, она ведь *должна* была кому-то исповедаться, не этому парню, так другому, пятому, десятому. Иначе и в психушку попасть недолго. Ну и что теперь? Яснее ничего не стало, а только еще больше запуталось. Новость, что кто-то там не поленился и замочил этого засранца, казалась дикой, абсурдной. Шеветта понимала, что так оно, скорее всего, и есть и что теперь она в говне не по колено, а по уши, *понимала* – и все же *чувствовала* себя гораздо лучше, чем несколько часов назад.

– Вставай!

– Господи Исусе…

Райделл сел, ошалело помотал головой и начал тереть глаза.

– Нужно сматывать. Скоро придет ихний босс. Моя подружка и так не трогала нас до последнего, дала тебе поспать.

– И куда же мы теперь?

Этот вопрос Шеветта уже обдумала.

– Коул, это сразу за Пэнхэндлом. Тамошние заведения сдают комнаты на любой срок – хоть на сутки, хоть на час.

– Гостиница?

– Не совсем, – косо усмехнулась Шеветта. – Это больше для людей, которым постель нужна совсем ненадолго.

По неписаному закону природы части города, яркие и оживленные ночью, оказываются наутро тусклыми и

малопривлекательными. Каким-то чудом даже здешние попрошайки выглядели сейчас на порядок страшнее, чем в нормальные свои рабочие часы. Например, этот мужик с язвами на лице, пытавшийся продать початую банку томатного соуса. Шеветта обошла его по самой бровке тротуара. Через пару кварталов пойдут более оживленные улицы – ранние туристы спешат поглядеть на Скайуокер-парк. Больше возможностей спрятаться в толпе – и больше шансов нарваться на полицию. Шеветта попыталась вспомнить, от какой полиции работают скайуокерские рентакопы. Не от этого ли самого «Интенсекьюра», о котором говорил Райделл?

А еще Фонтейн – сходил он к Скиннеру или нет? Она не доверяла телефонам и сказала сперва просто, что исчезает на некоторое время и не мог бы Фонтейн забежать к Скиннеру проверить, как он там – он, а может, и японский этот студент-аспирант, который шляется к нему чуть не каждый день. Но Фонтейн сразу усек, что голос у нее встревоженный, и начал допрашивать что да как, и ей пришлось сказать, что она беспокоится за Скиннера, что появились какие-то темные личности, которые могут подняться туда и что-нибудь с ним сделать.

– Ну это уж не наши, не мостовые, – уверенно сказал Фонтейн, и она согласилась, что да, что, конечно, не мостовые, но тем и ограничилась, не стала говорить ни про полицию, ни про стрельбу.

Несколько секунд в трубке слышались только треск и далекое, словно с другого конца света, пение – кто-то из Фонтейновых детей тянул заунывную, с какими-то странными горловыми прищелкиваниями (и чем они это только делают, гландами, что ли?) африканскую песню.

– О’кей, – сказала Шеветта и торопливо выключила телефон.

Фонтейн оказывал Скиннеру много самых разнообразных услуг. У Шеветты создалось впечатление – ни на чем, собственно, не основанное, – что эти двое знакомы не первый десяток лет – и уж во всяком случае, с той легендарной ночи, когда толпы бездомных снесли проволочные заграждения. Старожилов на мосту много, ни один из них не откажется посторожить опору и подъемник от чужаков, тем более если попросит Фонтейн, главный электрик, перед которым все в неоплатном долгу.

Впереди показалась эта хитрая бубличная с такой пристройкой, вроде как клеткой, сваренной изо всякого железного хлама, где можно сидеть за столиками, пить кофе и есть бублики. Шеветта вдохнула запах свежего хлеба и чуть не упала в голодный обморок. Она уже почти решила купить

навынос десятка полтора бубликов и пару баночек плавленого сыра, когда почувствовала на плече руку Райделла.

Она повернула голову и увидела впереди громадный, безупречно белый Ар-Ви[28], только что вывернувший на Хайт-стрит из переулка, и словно чудом перенеслась домой, в Орегон, где старые пердуны – *богатенькие* старые пердуны – предпочитают этот вид транспорта всем прочим. Целые караваны сухопутных кораблей, на каждой корме непременно висит вельбот – мотоцикл, а то и миниатюрный джип. А еще прицепы с прогулочными катерами и изящными, почти игрушечными лодками. Они ночуют на специальных стоянках, где и колючка вокруг, и собаки, и охранные системы, и таблички «ВХОД ВОСПРЕЩЕН» повешены не так, для балды, а вполне всерьез.

Райделл вроде и не верил своим глазам, и морда у него была совсем ошалелая, а шикарный этот Ар-Ви притормозил рядом, и пожилая такая, очень приличная леди опустила окошко с водительской стороны, высунулась наружу и радостно завопила:

– Молодой человек! Простите мою старушечью назойливость, но мы же с вами уже встречались – вчера, в самолете рейсом из Бербанка. Меня звать Даника Эллиот.

Даника Эллиот оказалась пенсионеркой из Алтадины, это городок такой в Южной Калифорнии, рядом с Лос-Анджелесом, и она прилетела в Сан-Франциско тем же самолетом, что и Райделл, чтобы переложить своего супруга в другой холодильник – не супруга, конечно же, а только его мозг, вынутый из черепа через несколько минут после смерти и замороженный до какого-то там жуткого градуса.

Шеветта никогда не понимала людей вроде покойного мистера Эллиота, зачем они пишут такие завещания, ну как же это можно издеваться над собственным трупом, и Даника Эллиот их тоже не понимала. А теперь, вздохнула она, опять приходится бросать деньги на ветер. Страшно было и подумать, что мозг Дэвида болтается в этой цистерне вместе с десятками неизвестно каких соседей, вот я и решила переселить его в заведение получше, хотя цены там просто грабительские. Слова сыпались из миссис Эллиот, как горох из рваного мешка; вскоре сидевший за рулем Райделл перестал что бы то ни было воспринимать, а только кивал, когда разговорчивая старушка делала паузу. Шеветта тоже слушала вполуха – она взяла на себя обязанности штурмана, а кроме того, зорко приглядывала, не вывернет ли откуда полицейская машина.

Переложив мужнины мозги в новый холодильник, миссис Эллиот «пришла, как бы это получше выразиться, в сентиментальное настроение, даже плохо спала ночью». Наутро

она «забежала в прокатную контору и взяла у них вот эту чудесную машину, чтобы не связываться с аэропортами и самолетами, я их просто ненавижу, а вернуться домой спокойно, безо всякой спешки, чтобы поездка была *приятной*». К величайшему своему сожалению, она не знала Сан-Франциско, не сумела выехать с Шестой стрит, где располагалась прокатная контора, на шоссе, а затем и вовсе заблудилась «и проплутала бы до вечера, если бы не ваша, мистер Райделл, великодушная помощь, избавившая меня ото всех забот и мучений». Хайт-стрит показалась ей «несколько, я бы сказала, *опасной*, но очень интересная улица, *очень*».

Проклятый наручник то и дело норовил вывалиться из рукава Скиннеровой кожанки, однако все внимание миссис Эллиот было поглощено ее собственным бесконечным монологом. Райделл вел машину, Шеветта сидела посередине, а миссис Эллиот – справа, у дверцы. Японская (а какая же еще?) машина имела впереди три роскошных глубоких кресла со встроенными динамиками, с регулировкой подголовника, подлокотников и угла наклона – со всеми, в общем, делами.

Там, на Хайт-стрит, миссис Эллиот с ходу сообщила Райделлу, что «совсем заблудилась в этом невозможном городе».

– Не могли бы вы, – с надеждой добавила она, – сесть за руль и отвести машину в какое-нибудь такое место, откуда легко выехать на Прибрежное шоссе? Мне нужно в Лос-Анджелес.

Райделл пялился на нее с добрую минуту, а затем вышел из ступора и сказал, что да, с удовольствием, правда, я тоже не очень здесь ориентируюсь, зато моя знакомая, ее звать Шеветта, знает город как свои пять пальцев, а меня звать Берри Райделл.

– Шеветта, – повторила миссис Эллиот. – Какое прелестное имя!

Райделл сел за руль, справился по компьютерной карте и повел машину на выезд из города. Шеветта сильно подозревала, что он хочет набиться к старушке в компаньоны – не один, конечно же, а вместе с ней, с Шеветтой. Это ж надо такое везение – всего минуту назад они только и мечтали забиться поскорее в любую дыру, лишь бы подальше от людей, каждый из которых мог оказаться шпиком, а теперь сидят себе, как миллионеры какие, в этих роскошных креслах, за непрозрачным снаружи (Райделл сразу же включил фильтры) стеклом и катят себе в Лос-Анджелес, подальше от мужика, который убил Сэмми Сэла, и от этого Уорбэйби, и от русских копов – нет, ну ведь точно, бывает же такая пруха. Вот только бубликов купить не успели. В животе ужас какой-то, кишка кишке кишкой по башке, скоро они с голодухи друг друга жрать начнут. Ладно, потерпим, не в первый

раз и не в последний.

За окном промелькнула вывеска бургерной, Шеветта вспомнила, как Франклин, ее орегонский знакомый, взял как-то ночью духовой пистолет и разбил в точно такой же вывеске пару букв. Смешная получилась надпись, не то чтобы похабная, а… как это называется?.. *двусмысленная*[29]. Она поделилась этой историей с Лоуэллом, а тот скривился пренебрежительно и спросил, а в каком месте нужно смеяться. Лоуэлл… Если Лоуэлл узнает, что она понарассказывала про него Райделлу, так ведь зашибет на месте, тем более что Райделл если и не коп, то почти все равно что коп. А сам-то, гад, хорош – крутой как яйцо, и связи у него везде, и все такое, а вот пришла она к нему, пожаловалась, что влипла по-крупному, что Сэмми Сэла эти уже застрелили, а скоро и до нее доберутся, а они с этим Коудсом сидят себе и переглядываются, видно, что эта история нравится им все меньше и меньше, а потом, когда вломился этот дуболом в дождевике, они прямо обосрались, вот и вся ихняя крутизна.

А и поделом ей, раньше думать было надо. Ведь Лоуэлл – он никому, буквально никому из знакомых не нравится, а Скиннер – так тот прямо возненавидел его с первого же взгляда. Сказал, что у Лоуэлла в голове одно дерьмо и что понятно, почему он сигарету из зубов не выпускает, это чтобы люди не перепутали, где у него рожа, а где – жопа. Да разве ж поверишь всем этим разговорам, если парень у тебя считай что первый в жизни, да и к тому же Лоуэлл – он же не сразу был такой, сперва он был хороший. А как вмажет «плясуна», так такое становится говно, что и не узнаешь, а может, он и есть в действительности говно, только обычно сдерживается, а под «плясуном» все наружу лезет. И еще сучонок этот, Коудс, он же сразу ее чего-то невзлюбил и всю дорогу подзуживал Лоуэлла, что ну чего ты, спрашивается, связался с этой дурой деревенской. Да ну их всех на хрен.

– Знаете, – не выдержала наконец Шеветта, – я ведь сейчас помру от голода.

Тут миссис Эллиот стала суетиться, сказала, чтобы Райделл поворачивал к ближайшей закусочной и «купил что-нибудь поесть, а то у несчастной девочки совсем измученный вид», и как же это она не спросила сразу, успели они сегодня позавтракать или нет.

– Это все верно, – протянул Райделл, хмуро вглядываясь в боковое зеркальце, нет ли сзади чего подозрительного, – только мне не хотелось бы терять времени, сейчас ведь ленч, движение на улицах слабое, а чуть попозже тут будет не проехать, сплошные пробки.

– Ну, если так… – развела руками миссис Эллиот.

И тут же просияла:

– Шеветта, вы бы сходили назад, порылись в холодильнике. Я *уверена*, что прокатчики поставили туда корзину с едой, они всегда так делают.

Идея здравая и весьма привлекательная. Шеветта расстегнула страховочные ремни, протиснулась между креслами и открыла невысокую узенькую дверцу; вспыхнувшие лампы осветили неожиданно просторное помещение.

– Так здесь же самый настоящий дом!

– Милости просим, – улыбнулась миссис Эллиот.

Шеветта прикрыла за собой дверь. Она никогда еще не видела такую машину изнутри и была поражена, как же много здесь места – ничуть не меньше, чем в комнате Скиннера, только все в тысячу раз удобнее. Светло-серый ковер, светло-серые стены, мебель обтянута светло-серой – не кожей, наверное, но *очень* похоже на кожу. Узкий, вроде стойки бара, столик со встроенным холодильником, в холодильнике – корзинка, упакованная в пластик и перевязанная веселой розовой ленточкой. Шеветта развязала ленточку, сняла пластик и торопливо изучила содержимое корзинки. Вино, маленькие брусочки сыра, яблоко, персик, крекеры и несколько шоколадных батончиков. Дверца холодильника забита кока-колой и бутылками артезианской воды. Шеветта отобрала себе бутылку воды, пачку крекеров, один из сырков и шоколадный батончик, изготовленный аж во Франции, перенесла все хозяйство на кровать и включила телевизор (спутниковая антенна, двадцать три канала).

Покончив с едой, она засунула пустую бутылку и прочие отходы в мусорную корзину, выключила телевизор, сняла тяжелые ботинки и растянулась на кровати.

Странное это было ощущение – лежать в самой вроде бы настоящей комнате, которая летит по шоссе, и неизвестно даже, что там сейчас снаружи, что видят сквозь лобовое стекло Райделл и миссис Эллиот, а еще неизвестно, где эта комната будет завтра.

Засыпая, Шеветта вспомнила, что тот из телефона вынутый пакетик «плясуна» так и лежит в кармане джинсов. Выкинуть его надо, вот что, это ж десяток, а то и больше, доз, верный билет за решетку.

И еще она вспомнила, как чувствуешь себя под кайфом, и подумала, что как же все-таки странно, что есть люди, готовые отдать за это ощущение все, до последнего доллара.

Вот Лоуэлл, он ведь тоже такой. А жаль…

Райделл лег на самый край кровати, он двигался тихо, осторожно, но Шеветта все равно проснулась. Темно. Стоим, что

ли? Да нет, едем.

– А кто за рулем?

– Миссис Армбрастер, – откликнулся голос Райделла.

– Кто?

– Миссис Эллиот. Миссис Армбрастер – это у нас была такая училка, она точь-в-точь на нее похожа.

– И куда мы едем?

– В Лос-Анджелес. Я обещал сменить ее, как только устанет. Сказал, чтобы не будила нас, когда будем проезжать границу штата. Ну с чего бы, спрашивается, копам шмонать такую культурную старушку? Поверят ей на слово, что в машине нет никаких сельскохозяйственных продуктов, и отпустят.

– А если нет?

Она почувствовала, как Райделл пожал плечами.

– Райделл?

– А?

– Откуда все эти русские копы?

– Это в каком смысле?

– Ну, вот по телевизору, если какой полицейский боевик, там половина главных копов обязательно русские. И эти, которые на мосту. Почему именно *русские*?

– По телевизору… – Райделл широко, до хруста в челюсти, зевнул. – По телевизору они малость… ну, в общем, *преувеличивают*. Это все из-за «Треста», зрителям нравится такое видеть, вот им и показывают. А так ты же знаешь, что русские бандиты прибрали к рукам чуть не всю организованную преступность, в такой ситуации без русских копов не обойтись. – Он снова зевнул.

– И они что, все такие, как эти двое?

– Нет, – мотнул головой Райделл. – Продажные копы были и будут, но это никак не зависит…

– А вот приедем мы в Лос-Анджелес – и что же дальше?

Райделл не ответил. Через несколько секунд Шеветта услышала тихое, мирное похрапывание.

29
Мертвый молл

Райделл открыл глаза.

Машина не двигалась.

Он выпростал из-под живота левую руку, включил подсветку циферблата. Три пятнадцать ночи. Шеветта Вашингтон спит без задних ног, куртку свою она так и не сняла. Словно и не девушка лежит рядом с тобой, а старый драный чемодан.

Райделл перевернулся на другой бок, нащупал и приподнял оконную шторку. И тут темно, и там темно.

Ему снился урок миссис Армбрастер. Начальная школа имени Оливера Норта, пятый класс. Их распускают по домам – Лёрнинг-нет настоятельно рекомендует закрыть все школы Теннесси и обеих Виргиний на недельный карантин по канзасскому гриппу. Перед началом занятий медсестры разложили по партам гигиенические респираторы, теперь лица всех ребят укрыты за белыми бумажными масками, не сразу и поймешь, кто здесь кто. Миссис Армбрастер объясняет значение слова «пандемия». Поппи Маркова (буфера у нее – чистый отпад) поднимает руку и говорит миссис Армбрастер: «А вот папа сказал, что канзасский грипп убивает почти мгновенно, вышел из дома вроде здоровый, а по дороге к автобусу упал и умер». Миссис Армбрастер – у нее маска своя, покупная, из микропоры – начинает объяснять слово «паника», связывая его с «пандемией» по общему корню «пан», но тут Райделл проснулся.

Он скинул ноги на пол, осторожно потрогал голову. Болит. И насморк вроде начинается. Канзасский грипп. А то и лихорадка Мокола.

– Только без паники, – приказал себе Райделл.

А как тут без паники?

Он встал, подошел к двери, из-под которой пробивалась узенькая полоска света. Нащупал ручку, нажал и чуть приоткрыл дверь.

– Ну как, выспался?

Золотой высверк улыбки. И черный зрачок маленького тупорылого пистолета. Убийца развернул пассажирское сиденье влево и откинул спинку. Взгромоздил сапоги на среднее сиденье. Лампочка под потолком едва горит.

– Где миссис Эллиот?

– Миссис Эллиот ушла.

– На кого она работает? – Райделл распахнул дверь до

упора. – На вас?

– Нет. – Улыбка стала еще шире. – На «Интенсекьюр».

– Так они что, специально отправили ее тем же рейсом? Чтобы за мной приглядывала?

Равнодушное пожатие плечами. Райделл обратил внимание, что пистолет при этом даже не шелохнулся. А еще – что рука, сжимающая пистолет, обтянута тонкой хирургической перчаткой. И что плащ на мужике тот же самый, в котором он вылез из полицейской машины, – длинный такой, вроде австралийского пыльника, только из черной микропоры.

– Как она сумела перехватить нас на улице?

– Уорбэйби совсем не такой придурок, как можно бы подумать. Тебя вели от самого моста.

– Как же это я не заметил?

– А тебе и не полагалось.

– Слушай, ты скажи мне одну вещь… Это ведь ты замочил в гостинице этого, как его, Бликса, да?

Тусклые глаза над черным зрачком пистолета. Такой маленький калибр не обеспечивает хорошей убойной силы. *Обычно* не обеспечивает – а тут, скорее всего, какие-нибудь хитрые боеприпасы.

– А тебе-то какое дело? – удивился убийца.

– Я видел снимки, как все это было, – объяснил Райделл. – А смотрю на тебя – нормальный вроде мужик.

– Работа у меня такая.

Ясненько, подумал Райделл. Одни баранку крутят, другие картошку жарят, а третьи – вот так. Каждому свое. Справа от двери располагаются столик с холодильником и раковина, так что в ту сторону не нырнешь. А если налево, этот тип прошьет очередью переборку, чего доброго и девушку зацепит.

– И думать не моги.

– О чем?

– Об этой срани. О героических поступках. – Золотозубый скинул ноги с кресла. – Делай, как я скажу. Медленно. *Очень* медленно. Иди к водительскому месту… Садись… Берись за баранку. Руки на девять часов и на два[30]. Вот так и держи. Если ты их сдвинешь, я всажу тебе пулю чуть позади правого уха. Выстрела ты не услышишь.

Монотонный, почти гипнотизирующий голос. Как ветеринар с кобылой.

Райделл сделал все по сказанному и застыл. Снаружи – полная непроглядная тьма.

– А где мы? – поинтересовался он.

– Ты любишь моллы? Как там у вас, в Ноксвилле? Тоже есть

моллы?

Райделл покосился на него, но смолчал.

– Я *очень* прошу тебя смотреть прямо вперед.

– Да, у нас есть моллы.

– А вот этому моллу не повезло. Хилая была коммерция.

Райделл стиснул мягкую, обтянутую губчатой резиной баранку.

– Расслабься.

Громкий стук, наверное, сапогом по переборке.

– Мисс Вашингтон! Восстаньте ото сна! Почтите нас своим присутствием!

Райделл услышал два глухих удара – проснувшись, Шеветта попыталась вскочить на ноги, ударилась головой о потолок и упала с кровати. А затем в ветровом стекле появилось бледное отражение ее лица.

Тут бы другая хлопнулась в обморок. Другая.

– Ты убил Сэмми Сэла, – сказала Шеветта.

– А ты меня чуть током не поджарила, – сказал золотозубый и беззлобно улыбнулся. – Сейчас ты пойдешь вперед, повернешься, сядешь на центральную панель лицом сюда. Никаких резких движений. Так, правильно. Теперь наклонись и положи руки на кресло.

Шеветта села рядом с Райделлом, свесив ноги по бокам компьютерной стойки. Ну прямо как на карусели.

Если что, он прострелит одну голову, сдвинет пистолет на два дюйма и прострелит вторую.

– Я хочу, чтобы ты сняла куртку. – Снова эти монотонные интонации. – Для этого тебе потребуется оторвать руки от сиденья. Постарайся отрывать их *по очереди*, чтобы в каждый момент одна из твоих рук лежала на сиденье. Операция сложная, но ты не торопись, времени у нас уйма.

В конце концов Шеветта вытащила руки из рукавов и скинула куртку с плеч, прямо к ногам золотозубого.

– Что там в карманах? Шприц? Ножи, бритвенные лезвия, прочие опасные предметы?

– Ничего такого, – мотнула головой Шеветта.

– А как насчет электрических зарядов? Давняя твоя слабость.

– Только очки этого засранца и телефон.

– Вы только послушайте ее, Райделл, – простонал убийца. – Засранец! Вот таким и останется он в памяти людской. Ни имени, ни фамилии – просто какой-то там безымянный засранец…

Левая его рука ловко обшарила карманы куртки, выложила на приборную панель сперва телефон, а затем и серый плоский футляр. Райделл плюнул на все запреты и повернул голову.

Обтянутые резиной пальцы открыли на ощупь футляр, достали очки. Бесцветные, как оловянные пуговицы, глаза скользнули по добыче, проверили, все ли в порядке, и снова уставились на пленников.

– Они это, они, – сказал Райделл. – Радуйся.

Рука положила очки на черную замшу и закрыла футляр.

– Радуюсь.

– И что теперь?

Улыбка исчезла, а вместе с ней исчезли и губы, осталась только тонкая, словно карандашом проведенная линия.

– А ты не могла бы принести мне кока-колу? – Улыбка не только вернулась, но даже стала шире, уголки рта задрались еще выше. – Все окна там задраены, дверь – тоже.

– *Кока-колу*? – поразилась Шеветта. – Да ты же пристрелишь меня. Как только я встану.

– Нет, – покачал головой золотозубый, – совсем не обязательно. Ведь я *действительно* хочу пить. В горле пересохло.

Шеветта повернулась к Райделлу, в ее глазах застыл ужас.

– Да принеси ты ему эту колу, – сказал Райделл.

Она слезла с панели, протиснулась между креслами, вошла в дверь и остановилась перед холодильником.

– Я же сказал, чтобы ты не крутил башкой, – напомнил золотозубый.

Глядя в ветровое стекло, Райделл увидел, как открылась дверца холодильника, как вспыхнула в нем лампочка, как Шеветта присела на корточки.

– Д-диет-тическая или обычная?

– Диетическую. Если это не составит тебе большого труда.

– Классическую или «декаф»?

– Классическую.

Негромкий звук, отдаленно – *весьма* отдаленно – похожий на смех.

– С-т-таканов нет.

– Тогда банку, пожалуйста.

Снова этот тявкающий звук.

– Я т-тут пролила н-немного, – сказала Шеветта. – Р-р-руки т-трясутся.

Чуть скосившись, Райделл увидел, как рука в резиновой перчатке берет красную банку, обрызганную коричневыми каплями кока-колы.

– Благодарю вас. Теперь вы можете снять штаны.

– Чего?!

– Штаны. Вот эти самые, черные. Стягивайте их медленно, без рывков. А носки мне нравятся. Их мы, пожалуй, оставим.

Лицо, отраженное в черной бездонности ветрового стекла, исказилось, а затем застыло, стало каким-то равнодушным, отсутствующим. Шеветта расстегнула пояс, наклонилась и начала стягивать с себя узкие, непослушные лосины.

– Теперь вернитесь, пожалуйста, на прежнее место. В ту же позицию. Вот так. Я хочу рассмотреть вас получше. А ты, Райделл, ты тоже хочешь?

Райделл повернулся. В свете потолочной лампочки крепкие, мускулистые ноги девушки казались мертвенно-бледными. Убийца жадно приложился к банке, затем поставил ее на приборную панель, рядом с очками, и отер рот тыльной стороной затянутой в полупрозрачный пластик руки.

– Ну как, Райделл, недурно? – Он кивнул в сторону Шеветты. – Тут намечаются определенные перспективы.

Райделл смолчал.

– Или ты возражаешь?

Райделл продолжал молчать.

Короткий тявкающий смешок. Еще один глоток из красной банки.

– Ты ведь думаешь, что мне нравилось свежевать этого говнюка, верно ведь, Райделл?

– Я не знаю.

– Не знаешь, но *думаешь*, что мне нравилось. Ты считаешь, что я получал удовольствие, я знаю, что ты так считаешь. И правильно считаешь. Я действительно получал удовольствие. Ловил кайф. Только тут есть один отличительный момент, знаешь какой?

– Момент?

– У меня не стоял. Я работал над этим говнюком, а у меня не стоял. Вот такой вот отличительный момент.

– Ты его знал?

– Что?

– Я подумал, может, ты его вот так из каких-то там личных чувств.

– А-а. В некотором смысле я знал его. Знал. Знал так, как *никто* не должен знать *никого*. Я знал все, что он делает, все, Райделл, *все*. Я засыпал под его храп. Дело дошло до того, что по храпу, да просто по *дыханию* я мог точно определить, сколько он принял.

– Принял?

– Он пил. Он, серб этот. Ты ведь был полицейским, верно?

– Да.

– А приходилось тебе вести за кем-нибудь наблюдение?

– До этого не дорос.

– Забавная это штука – следить за людьми. Ездить за ними повсюду – куда объект, туда и ты. Они тебя не знают. Но они знают, что ты где-то здесь. Ну, не знают, конечно, но *догадываются*. Исходят из того, что ты здесь, рядом. Но они тебя не знают. Иногда они смотрят на кого-нибудь в баре или там в холле гостиницы, и ты понимаешь, что они думают, что это ты – тот, который за ними следит. И всегда ошибаются. А когда понаблюдаешь за таким месяц, два месяца, три месяца, начинаешь его любить. Любить, Райделл, *любить*.

По белому, судорожно напряженному бедру Шеветты прокатилась волна дрожи.

– Ну а потом, еще через несколько месяцев, через два десятка перелетов с места на место, через две дюжины гостиниц все меняется. Становится совсем наоборот.

– И ты больше их не любишь?

– Нет. Не люблю. Проходит какое-то время, и ты уже ждешь, чтобы он оступился. Чтобы он предал, не оправдал доверия. Ведь курьеру оказывается колоссальное доверие. Жуткая это вещь – доверие.

– Курьеру?

– Вот ты посмотри на нее, Райделл, посмотри. Уж она-то знает. Она всего лишь развозит по Сан-Франциско какие-то там бумажки, и все равно – она курьер. Ей оказывают *доверие*. Информация обретает материальную форму. И она переносит эту информацию с места на место, так ведь, красавица?

Шеветта молчала и не шевелилась. Сфинкс – вот кого она напоминала сейчас, в этой позе. Белые пальцы глубоко зарылись в светло-серую обивку центрального сиденья.

– Вот этим я, Райделл, и занимаюсь. Слежу за доставкой. Слежу за курьерами. Охраняю их сон и покой. – Он допил кока-колу и уронил банку на пол. – Людей, пытающихся изъять у них информацию, я убиваю. Это – самая приятная часть моей работы. Ты бывал в Сан-Хосе?

– Коста-Рика?[31]

– Да.

– Нет, не приходилось.

– Вот где люди понимают, как нужно жить.

– Ты работаешь на эти хранилища информации, – догадался Райделл.

– Я этого не говорил. Это кто-то другой проболтался.

– И он тоже, – добавил Райделл. – Он должен был доставить кому-то очки из Коста-Рики, а она их украла.

– Узнав о пропаже, я обрадовался. Несказанно обрадовался. Мой номер был рядом, смежный. Я открыл дверь и вошел. Я

представился. Он увидел Лавлесса. В первый и в последний раз.

Левая рука убийцы поднялась и начала ожесточенно скрести голову, можно было подумать, что его заели вши. Однако пистолет не дрогнул, не шелохнулся, словно зажатый в тисках пристрелочного станка.

– Лавлесс?

– Мой *пот де хрень*[32].

Последовала длинная трескучая фраза, вроде бы по-испански, из которой Райделл уловил только слова *nombre de* что-то там[33].

– А вот ты, Райделл, ты как думаешь, у нее там туго? Я люблю, когда туго.

– Ты американец?

Голова убийцы слегка качнулась, глаза поплыли куда-то в сторону, но тут же снова воткнулись в Райделла, такие же светлые и незамутненные, как хромированный ободок на дульном срезе его пистолета.

– А ты хоть знаешь, кто завел эти хранилища?

– Да, – кивнул Райделл, – Картели[34]. Колумбийцы.

– Верно. В восьмидесятых они завезли в Центральную Америку первые экспертные системы, координировать транспортировку. Для установки и отладки этих систем потребовались специалисты. Война наркотиков, Райделл, война. В ней участвовало много американцев, кто на одной стороне, кто – на другой.

– Седая старина, – пожал плечами Райделл. – Теперь мы сами производим все нужные нам наркотики.

– А у них за это время появились хранилища. Теперь им даже не нужно мараться с наркотиками. У них есть то, что было когда-то у Швейцарии. Место, единственное место в мире, где люди могут хранить любые свои секреты.

– Ты вроде как слишком молод, чтобы участвовать в организации всего этого.

– Мой отец. Ты *знаешь* своего отца?

– Конечно.

(В некотором, конечно же, смысле.)

– А я своего никогда не видел. Травма. Мне потребовалась долгая *психотерапия*.

Вот так-то тебя и вылечили, съязвил про себя Райделл.

– Уорбэйби. Он тоже работает на коста-риканские хранилища?

Правая рука убийцы метнулась вверх, смахнула со лба капли пота и вернулась на место, словно притянутая магнитом. И все это время пистолет *смотрел прямо на Райделла*.

– Включи фары. Я разрешаю тебе снять левую руку с руля.

– Зачем?

– Затем, что иначе ты труп.

– Ну а все-таки зачем?

– Не спрашивай, а делай что сказано. О’кей?

Пот заливал ему глаза, струями бежал вдоль морщин, капал на грудь и колени.

Райделл медленно снял левую руку с баранки, щелкнул тумблером. Щелкнул еще раз, чтобы включить фары на максимальную мощность. Резкий безжалостный свет словно проявил скрытое прежде изображение. Заброшенные магазины, покосившиеся вывески, грязный, покрытый коростой пыли пластик. На самой крупной из вывесок отчетливо выделялось одно-единственное слово: «ПРОВАЛ».

– Господи, – поразился Райделл, – да кому же это взбрело на ум дать магазину такое название?[35]

– Очень ты хитрожопый, да? *Мозги* мне засрать хочешь?

– Нет, – качнул головой Райделл. – Только больно уж дикое название. Теперь-то, конечно, все эти лавчонки – сплошной провал, но тогда…

– Уорбэйби просто мальчик на побегушках. Наемный работник. Его привлекают, «Интенсекьюр» его привлекает, когда дела идут наперекосяк. А они всегда наперекосяк. Всегда у них что-нибудь наперекосяк.

Райделл оценил обстановку. Судя по всему, Ар-Ви стоит в широком центральном проходе молла. Все, сколько видно, витрины либо заколочены, либо густо закрашены белым. Проход крытый. Или даже подземный.

– Так что же, очки пропали в гостинице, гостиницу охраняет «Интенсекьюр», «Интенсекьюр» не справился с делом сам и кликнул на помощь Люциуса Уорбэйби?

Он взглянул на Шеветту. Сфинкс. Или что-то вроде хромированной хреновины, какими украшали капоты древних автомобилей. Только ни на камне, ни на металле не бывает таких вот пупырышков, как на ее бедре. Гусиная кожа. А ведь точно мы под землей – вон какая холодина.

– А знаешь что, умник?

– Что?

– Ты не знаешь ни хрена про ни хрена. Сколько бы я тебе ни рассказывал, ты не сумеешь понять ситуацию. Ситуация слишком *масштабна* для понимания таких, как ты. Ты просто не умеешь мыслить такими понятиями. «Интенсекьюр» *принадлежит* той же самой компании, что и информация в этих очках.

– Сингапур, – кивнул Райделл. – И «Дейтамерика» тоже принадлежит Сингапуру.

– Но ты никогда этого не докажешь. Конгресс и тот не смог.

– Крысы! Ты только посмотри.

– Опять мозги мне засираешь…

Последняя из трех крыс исчезла в магазине с диким названием «Провал». Дырка там какая-то или что? Провал.

– Не-а. Я их видел.

– А ты знаешь, что тебя и не было бы здесь, на этом месте, не вздумай Люциус дважды в рот долбаный Уорбэйби покататься на роликовых коньках?

– Как это?

– Колено он расшиб себе, коленную чашечку. *Уорбэйби* расшибает себе *колено*, не может сидеть за рулем, а в результате ты оказываешься *здесь*. Задумайся над этим, вникни. История, *весьма* характерная для позднего, загнивающего капитализма, или *тебе* так не кажется?

– Характерная для чего?

– Они вас что, в академии этой долбаной вообще ничему не учили?

– Учили, – вздохнул Райделл. – Много чему учили.

А в частности – как вести себя со свихнутыми придурками, буде ты попадешь к ним в заложники, только вот трудно вспомнить все эти мудрые советы. Не спорь с ними, не возражай, дай *им* выговориться, как только замолкнут – скажи что-нибудь и снова слушай. Да, что-то в этом роде.

– А чего это все так переполошились из-за этих очков?

– Они хотят перестроить Сан-Франциско. Полностью, снизу доверху, как Токио. Для начала врежут в существующую инфраструктуру решетку из семнадцати комплексов. Восьмидесятиэтажные административно-жилые корпуса и еще подземный цоколь, тоже жилой. Полная автономность, самообеспечение. Управляемые параболические зеркала, парогенераторы. *Ультрамодерные* здания. Они будут жрать свое говно.

– Кто будет жрать говно?

– *Здания*. Их вырастят, Райделл, *вырастят*, понимаешь? Как в Токио. Или как этот туннель.

– «Санфлауэр», – сказала Шеветта и тут же осеклась.

– Я вижу, что кто-то *совал свой нос*… – (Желтые искры.)

– Слышь, а вообще-то… – (Как там учили разговаривать с вооруженными психами?)

– Да?

– А чего тогда весь этот шухер? В чем проблема? Хотят строить – ну и пусть себе строят.

– Проблема, – Лавлесс начал расстегивать рубашку, – состоит

в том, что у города, подобного Сан-Франциско, примерно столько же понимания, куда он *хочет* двигаться и куда он *должен* двигаться, сколько у *тебя*. То есть – до прискорбия мало. Есть люди – миллионы людей, – которые *возмутятся* самим уже фактом, что такой план существует. А еще – торговля недвижимостью.

– Торговля недвижимостью?

– Ты знаешь три главных соображения, учитываемых при покупке недвижимости?

Безволосая, покрытая искусственным загаром грудь Лавлесса лоснилась от пота.

– Три?

– Место, место, – Лавлесс поучительно поднял палец, – и еще раз *место*.

– Чего-то я не врубаюсь.

– И не врубишься. Никогда. А вот люди с деньгами, люди, знающие, *что* нужно покупать, люди, видевшие планы начальной застройки, – они врубятся. Врубятся так, что даже щепки *не* полетят. Они приберут к рукам *все*.

(Очень, очень интересно!)

– Так ты что, смотрел? – невинно поинтересовался Райделл.

– В Мехико-Сити, – кивнул Лавлесс. – Он *оставил* их в номере. Не имел права, *ни в коем* случае.

– Но ведь ты тоже не имел права смотреть? – сорвалось у Райделла.

Несмотря на промозглый холод, Лавлесс обливался потом, вся его лимфатическая система – или что уж там этим заведует – пошла вразнос. Он часто смаргивал и стряхивал пот со лба.

– Я сделал *свою* работу. *Делал* свою работу. Работы, задания. И я, и мой отец. Ты не видел, как они там *живут*. В компаундах. Здесь, здешние, они и понятия не имеют, что можно получить за *деньги*. Они не знают, *что такое* настоящие деньги. Они живут как боги, они, в этих компаундах. И старики – некоторым из них за сто…

В уголках безумного оскала прятались крошечные белые крупинки, Райделл словно вернулся в квартиру той стервы, снова заглянул в глаза Кеннета Терви – и тут словно что-то щелкнуло, головоломка собралась, все встало на свои места.

Она вбухала в эту кока-колу весь пакетик «плясуна». Часть порошка просыпалась на банку, и тогда она вроде как расплескала колу, смыла предательский порошок внутрь.

Лицо Лавлесса налилось кровью, он расстегнул уже рубашку до самого низа, грубая ткань потемнела от пота, липла к мокрой коже.

– Лавлесс… – начал Райделл.

Начал, не зная, что сказать, – и тут же осекся, оглушенный высоким, нечеловеческим воплем; вот так же примерно верещит кролик, запутавшийся в проволочном силке. Лавлесс молотил рукояткой пистолета по собственному паху, молотил, словно стараясь прикончить некое жуткое существо, забравшееся ему в джинсы. Каждый удар сопровождался выстрелом, каждая пуля пробивала в полу машины отверстие размером с пятидолларовую монету.

Словно подброшенная пружиной, Шеветта взметнулась над консолью, перемахнула через спинку среднего кресла и скрылась за дверью, в спальне.

Лавлесс замер, словно каждый атом его тела вдруг остановился, переходя на новую орбиту. Замер, улыбнулся, довольный победой над загадочной тварью, – и начал стрелять сквозь ветровое стекло. Кто-то из преподавателей академии говорил, что по сравнению со сверхдозой «плясуна» даже сверхдоза фенциклидина все равно что аспирин, разболтанный в кока-коле. В кока-коле.

А Шеветта Вашингтон тоже спсиховала не хуже Лавлесса – судя по грохоту, доносившемуся из спальни. Да успокойся ты, дура, стихни, голыми руками стенку не прошибешь.

– По сто лет, по сто лет этим мудакам… – начал Лавлесс, а затем громко всхлипнул и поменял пустую обойму на свежую. – Столетний хрен, а у него все еще *стоит*…

– Там! – Райделл ткнул пальцем в изрешеченное ветровое стекло. – Там, у «Провала»…

– Кто?

– Шитов! – ляпнул наугад Райделл.

Пули летели сплошным потоком, как резиновые кубики из чанкера; после третьего выстрела Райделл ткнул пальцем в кнопку, дезактивирующую замок боковой дверцы, и вывалился наружу. Он приземлился посреди россыпи консервных банок и прочего хлама. Перекатился. И продолжал катиться, пока не ударился о какое-то препятствие.

Маленькие пули пробивали в слепых, как бельма, витринах заброшенных лавок огромные дыры. Звонким дождем сыпались на бетон осколки зеркального стекла.

Шеветта Вашингтон все еще колотилась о заднюю дверь фургона – и не было никакой возможности ее утихомирить.

– Эй! Лавлесс!

Стрельба затихла.

– Шитов ранен! Ты его срезал!

Грохот отчаянных бесполезных ударов. Господи!

– Ему нужна медицинская помощь!

Стоя на четвереньках рядом с чашей давно пересохшего фонтана, откуда несло хлоркой и затхлостью, Райделл увидел, как Лавлесс вылезает из распахнутой дверцы машины, с водительской стороны; багровое лицо и обнаженная грудь блестели от пота. Великолепный профессионал, чьи навыки прорывались даже сквозь густую пелену наркотического безумия, он двигался точно так, как учат на НОКе, – чуть пригнувшись, на полусогнутых ногах, зажатый двумя руками пистолет плавно обходит потенциальные секторы огня.

А Шеветта Вашингтон все еще пыталась проломить ячеистый пластик, или из чего уж там сделана задняя стенка фургона. Затем Лавлесс обернулся, выпустил две пули, и грохот смолк.

30
Погребальный карнавал

В четыре часа Ямадзаки отодвинул тяжелый бронзовый засов, распахнул люк и начал спускаться по ржавым скобам. Тем же, по которым гнал его вчера Лавлесс.

Фонтейн обещал, что электричество будет через двадцать минут, и ушел, прихватив с собой, несмотря на все протесты Скиннера, огромный тюк грязного белья. Свет вспыхнул минут через пятнадцать. Скиннер провел весь день, раскладывая и перекладывая содержимое зеленого инструментального ящика, перевернутого прошлым вечером в поисках бокорезов.

Руки старика, прикасавшиеся то к одному инструменту, то к другому, словно вновь обретали силу и ловкость, а может, в них просто пробуждались воспоминания о давних замыслах и работах, исполненных или заброшенных на полпути.

– Инструменты продать проще простого, – размышлял вслух Скиннер. – Уж на них-то покупатель найдется. Но затем непременно придет день, когда позарез понадобится та самая железяка, которую ты загнал.

По большей части металлические предметы, хранящиеся в зеленом ящике, были для Ямадзаки полной загадкой; хуже того, он не знал, как называются по-английски даже немногие известные ему инструменты, кроме разве что самых простых.

– Конусная развертка. – Из кулака Скиннера зловеще выглядывал стальной, чуть тронутый ржавчиной шип. – На редкость удобная штука, а ведь люди в большинстве своем даже не знают, что это такое.

– Для чего она, Скиннер-сан?

– Расширяет отверстия. И не портит их, оставляет круглыми, надо только правильно все делать. Для листового металла, но может работать и по пластику. По любому тонкому, достаточно жесткому материалу. Кроме стекла.

– У вас очень много инструментов, Скиннер-сан.

– А пользоваться ими я почти не умею. Так толком и не научился.

– Но ведь вы сами построили эту комнату?

– Ты видел когда-нибудь, как работает настоящий плотник?

– Да, однажды.

Ямадзаки вспомнил запах кедровых стружек, желтую, масляно-гладкую поверхность брусьев, черные плоские рубанки, так и летавшие в руках рабочих… Демонстрационное возведение

чайного домика, который будет снесен через неделю по окончании фестиваля.

– У нас в Токио дерево в большой цене. Никто никогда не выбросит даже самую маленькую дощечку.

– Здесь его тоже не враз достанешь, – сказал Скиннер, пробуя на палец острие стамески. «Здесь» – это где? В Америке? В Сан-Франциско? Или на мосту? – Когда-то, прежде чем сюда провели электричество, мы жгли тут мусор – грелись, готовили. А городу не нравилось. Воздух мы, Скутер, им загрязняли. Теперь-то этого почти нет.

– В результате консенсуса?

– Самый обычный здравый смысл.

Скиннер вложил стамеску в брезентовый, насквозь промасленный чехольчик и аккуратно спрятал в зеленый ящик.

Увидев шествие, направляющееся в сторону Сан-Франциско, Ямадзаки сразу же пожалел об оставленной наверху записной книжке. Первое за все эти недели свидетельство того, что на мосту существуют общественные ритуалы.

В узком, стиснутом лавками проходе не развернешься, люди шли не рядами, а по одному, по двое, и все же это было *шествие*, судя по всему – похоронное. А заодно и мемориальное. Возглавляли его семеро (*вроде бы* семеро, Ямадзаки не был уверен в своем подсчете) детей; одетые в неописуемую рвань, густо посыпанные пеплом, они двигались гуськом, один за другим. И маски – гипсовые, аляповато раскрашенные маски святого Шейпли. Однако в поведении детей не было ничего похоронного; в восторге от всеобщего внимания они подпрыгивали и размахивали руками.

Ямадзаки мгновенно забыл о горячем супе, основной цели своего похода, и остановился между тележкой с книгами и лотком птицелова. Незнакомый с местными обычаями, скованный громоздким, непривычным термосом, он чувствовал себя здесь лишним, даже неуместным. А что, если свидетели похоронного шествия обязаны провожать усопшего каким-либо определенным жестом, вести себя каким-либо определенным образом? Он покосился на торговку книгами. Высокая, одетая в засаленную овчинную жилетку женщина поправляла левой рукой две розовые пластиковые палочки, скрепляющие на затылке тяжелый узел седых волос. Нет, это не ритуальный жест.

На тележке теснились ряды ветхих замызганных книг, каждая – в отдельном пластиковом мешочке. Несколько секунд назад женщина рекламировала свой товар, выкликала странные названия.

– Долина кукол, кровавый меридиан, все о бензопилах…[36]

В этих словосочетаниях звучала какая-то дикая, варварская поэзия; Ямадзаки был уже готов попросить «Все о бензопилах», но тут женщина замолкла, он удивленно обернулся и увидел детей.

И все же в ее поведении не чувствовалось какого-либо особого благоговейного отношения к шествию – ну увидела, замолчала, а могла бы кричать и дальше. Ямадзаки заметил, как шевелятся губы женщины, как руки ее двигаются над затянутыми в пластик книгами – глядя на проходящих мимо детей, она машинально пересчитывала непроданный товар.

Торговец птицами, бледный человек с черными как смоль, любовно ухоженными усами, зевнул, сунул руку под рубашку и меланхолично поскреб живот.

Следом за детьми появились танцующие скелеты. Ямадзаки обратил внимание, что костюмы этих персонажей «La Noche de Muerte»[37] не отличаются ни особой полнотой, ни тщательностью изготовления – некоторые из масок прикрывали только нижнюю часть лица, да и не маски это были, а микропорные респираторы, пародирующие мертвую ухмылку.

Танцоры, совсем еще молодые парни, бились в конвульсиях под какую-то внутреннюю, не слышную зрителям музыку хаоса и запустения. Тазовые кости на узких ягодицах, бедренные кости, белеющие на черных бедрах, – нет, в этом не было ничего зловещего, только эротика и, пожалуй, агрессия. Один из танцоров окинул Ямадзаки острым, цепким взглядом – голубые, чуть прищуренные глаза над черной, заляпанной белым полумаской.

Дальше – две долговязые фигуры в светло-зеленых лабораторных халатах и красных, по локоть длиной резиновых перчатках, черные лица густо размалеваны желтоватым гримом. Кто это – врачи, провожавшие в могилу одного пациента за другим, пока не явился миру великий Шейпли? Или сотрудники бразильских биомедицинских компаний, успешно и с немалой для себя выгодой превратившие Шейпли из неграмотного проститута (а вот такого слова вроде бы нет) в бесценный источник надежды, источник спасения.

А вот и главные герои сегодняшнего карнавала. Немые и безучастные, завернутые в плотный молочно-белый пластик, они лежат на двухколесных тележках, изготовленных здесь же, на мосту, и применяемых обычно для перевоза громоздких предметов. Каждую из тележек катят четверо людей, мужчины и женщины, черные и белые, старые и молодые. Ни в одежде катальщиков, ни в их поведении нет ничего примечательного – если только не считать примечательной подчеркнутую

будничность, резко отличающую их от остальных участников шествия… Нет, все-таки *есть*, подумал Ямадзаки. Они молчат и смотрят только вперед, словно не замечая зрителей. Немые и безучастные, как и те, завернутые в пластик…

– Бедняга Найджел, – вздохнула торговка книгами. – Делал тележку на продажу, а получилось, что для себя.

– Эти люди погибли в грозу? – осторожно поинтересовался Ямадзаки.

– Ну уж только не Найджел. – Женщина окинула чужака цепким подозрительным взглядом. – Весь как решето, какая уж там гроза…

Семь тележек, семь покойников, на этот раз никаких сомнений в подсчете не возникало. Следом за ними появились мужчина и женщина с большой ламинированной литографией. Ввалившиеся щеки, огромные, горящие состраданием глаза; глядя на эти приторно-сладкие портреты, Ямадзаки неизменно испытывал почти физическую тошноту.

В самом конце процессии приплясывала и кривлялась маленькая ярко-красная фигурка. Бесхвостый, безрогий чертенок с древним, непомерно огромным АК-47. Затвора у автомата нет, вместо магазина торчит кривой деревянный брусок, грозное когда-то оружие выкрашено в красный цвет, превратилось в бутафорию, ритуальную принадлежность.

Все предельно ясно. Красный чертенок символизирует ненужную, от начала до конца бессмысленную смерть Шейпли. Жуткую первозданную глупость, гнездящуюся в самой сердцевине мироздания.

– Скиннер-сан? – Записная книжка раскрыта, включена, готова к работе. – Сегодня я видел процессию. Покойников уносили с моста на берег. Людей, погибших во время грозы.

– Здесь их класть некуда. В воду тоже нельзя. Раньше сбрасывали, а теперь город уперся рогом и ни в какую. Мы передаем их в крематорий. Некоторые люди против огня, так мы хороним их на Острове Сокровищ. Тоже не лучший выход, если учесть, что за публика там живет.

– Многие элементы процессии были связаны с Шейпли, с его биографией.

Скиннер кивнул. За все время разговора глаза его ни разу не оторвались от маленького, с почтовую открытку, экрана телевизора.

– Дети в масках Шейпли, чернокожие мужчины, одетые и загримированные под белых врачей, портрет…

Скиннер безразлично хмыкнул.

– Я уж почти и забыл, как это бывает, – пробормотал он через пару секунд. – Все сижу здесь в четырех стенах как проклятый.

– А в конце – маленький человечек, весь в красном, с автоматом. Он плясал и кривлялся.

– У-гу, – кивнул Скиннер.

Ямадзаки нажал кнопку «Транскрипция и перевод».

Во мне-то этого вируса нет. Защитного, прививочного. Этого кусочка Шейпли, который теперь во всех. В моем возрасте вроде и ни к чему, да я и вообще не люблю медицину. Никогда не любил. И того, другого, я тоже как-то не подцепил, хотя возможностей было сколько угодно. Впрочем, ты слишком молод и не понимаешь, как это было, что мы тогда ощущали. Ну да, я знаю, вам теперь кажется, что все времена рядом, рукой подать, ведь все для вас записано, включай – и словно живешь в прошлом. Цифровая форма. А хрен ли в той форме, в том проигрывании? Вы же все равно не помните, что это было за ощущение – наблюдать, как горы трупов громоздятся все выше и выше. Не столько, правда, у нас, как в других местах – Таиланд, Африка, Бразилия, но мы дрожали заранее, знали, что скоро и наша очередь. К нам эта штука только подбиралась. Медленно-медленно, ретровирусы – они всегда так. Помню, мы как-то говорили с одним мужиком, у него был уже вирус, этот, который старый, и он потом от него загнулся; так вот, мы с ним вспоминали, как жилось в это клевое, но совсем, к сожалению, короткое время, когда многие люди стали трахаться направо и налево, считая, что в этом нет ничего страшного, никто от этого не пострадает, многие люди, и мужики, и даже женщины. Им-то, женщинам, всегда приходилось беспокоиться, они всегда рисковали подзалететь, а дальше – новый риск, можно умереть при родах или при аборте, а если все и благополучно, все равно жизнь уже станет другая, не такая, как раньше. А вот в это, про какое я говорю, время и пилюли появились, и прочее, и уколы ото всяких там болезней, и от тех даже, от которых люди гнили и мерли как мухи – *раньше* мерли. Да, Скутер, времечко было что надо. А потом появляется эта штука, и все опять как раньше, еще во сто раз хуже. Мы въезжаем в третье тысячелетие, весь мир, на хрен, меняется, не узнать, в Европе уже начались гражданские войны, а этот самый СПИД все борзеет и борзеет. Ты же

знаешь, на кого только вину не сваливали, одни говорили, что это все гомики, другие – что ЦРУ, и еще про американскую армию, про какой-то там форт в Мэриленде. И что какие-то там придурки трахали в жопу зеленых макак и заразились, и от них все и пошло, вот ей-же-ей, так прямо и говорили – и сами тому верили. А ты знаешь, что это было в действительности? Люди. Слишком уж много их стало, Скутер, слишком уж много. Летали хрен знает куда, а потом возвращались, носились по свету как очумелые. Ну уж тут-то обязательно кто-нибудь подхватит микроба-другого и привезет домой в подарок. Маленькой стала она, эта долбаная планетка, от любого места до любого – пара часов пути. Вот так мудила этот грешный, Шейпли, тоже прихватил где-то вируса, только у него оказался другой штамм, мутантный, которого можно носить в себе сколько хочешь, и он тебя не убьет. И вообще ни хрена тебе не сделает, только сожрет того, старого. А насчет, что он – Иисус, так хрень это собачья, не верю я и никогда не верил. Я и в самого-то Иисуса не верю.

– А кофе там остался?

– Сейчас, только накачаю примус.

– Видишь, Скутер, эту дырочку в насосе, маленькая такая? Капни туда чуть-чуть масла. У поршня кожаный колпачок, нужно, чтобы он был чуть влажный.

31
С водительской стороны

Пуля прошила стенку, зацепила, наверно, какой-то провод, и зажегся свет. Вторую пулю Шеветта увидела – не пулю, конечно, а то, как в пупырчатой обивке кресла появилось отверстие. Шеветта застыла. Некто, сидящий у нее в голове, медленно и неохотно впитывал два жизненно важных урока. Первое: стреляют. Второе: так вот что такое пуля – это когда сперва дырки не было, а через секунду она есть. И ничего между. Ты видишь, что это случилось, но не успел заметить, *как* это случилось.

Потом она опустилась на четвереньки и поползла, ведь нельзя же просто так стоять и ждать, пока тебя продырявят. За фут до двери она ухватилась правой рукой за край холодильника и встала. И заглянула в освещенную наружным светом кабину. На полу рядом со скомканными черными брюками поблескивает связка ключей. Серый продолговатый брелок сделан из того же пупырчатого материала, что и пробитое пулей кресло. Коврик между правым и средним сиденьями сплошь изрешечен. Остро пахнет порохом. И гарью, наверное, – вон ведь какие края у дырок, черные и вроде как оплавленные.

И все это время убийца орал. Хриплые бешеные вопли отскакивали от стен и скрытого во тьме потолка, возвращались гулким, многократным эхом. Шеветта прислушалась. Что-то насчет, что они (кто – *они*?) – лучшая рекламная компания в мире и как они втюхали публике Ханнис Миллбэнк, а теперь втюхают и этот «Санфлауэр». Если только она правильно все разобрала.

– Я здесь, у двери, с водительской стороны.

Райделл. Сидит на корточках, в двух шагах от распахнутой настежь дверцы.

– Он забыл здесь ключи, – сообщила Шеветта.

– Ничего придурок не соображает – вон же куда учесал, к этому павильону, где был «Мир мечты».

– А если вернется?

– Непременно вернется, если мы будем здесь долго валандаться. Слушай, подползи сюда и кинь мне их, ладно?

Шеветта снова опустилась на четвереньки, проползла в дверь, протиснулась между сиденьями. Краем глаза увидела голову Райделла. Подобрала с полу ключи, швырнула их куда-то в направлении дверцы, а затем схватила свои брюки и попятилась назад, в спальню. Торопливо одеваясь, она поймала себя на идиотском желании спрятаться в холодильник. Подтянуть колени

к груди, пригнуть, сколько можно, голову и попробовать, а вдруг получится, не такой уж он и маленький…

– А почему бы тебе не лечь на пол? – прервал ее размышления Райделл.

– Лечь на пол?

– Минимальная площадь поражения.

– Чего?

– Он ведь снова начнет стрелять. Вот сейчас, когда я…

Звук запускаемого двигателя. Новые дырки в стекле и дождь мелких бритвенно-острых осколков оказались лучшими доводами, чем любые слова, – Шеветта послушно шлепнулась на пол. Ар-Ви дернулся назад, круто повернул налево и снова замер. Райделл сдавленно ругался, пытаясь найти какую-то нужную ручку или кнопку, а тем временем невидимый великан раз за разом обрушивал на машину мерные сокрушительные удары стотонной кувалды.

Райделл разобрался наконец в незнакомом управлении, машина рванула вперед.

Шеветта и сама не заметила, в какой момент она закричала. Ни слов, ничего – просто дикий, истошный вопль.

Машина чуть не опрокинулась на повороте, и Шеветта подумала, что этот огромный Ар-Ви вряд ли предназначен для такой езды. Они мчались все быстрее и быстрее, похоже – куда-то вверх.

– Абзац.

Шеветта успела еще подумать, что голос Райделла звучит совсем обыкновенно, даже скучно, и тут через мгновение они протаранили ворота или что-то еще в этом роде, и это было, как однажды в Лафайет-парке, когда она слишком уж резко тормознула, прижимаясь к обочине, и собралась целая куча народу, и они все объясняли и объясняли ей, как это вышло, что она врезалась головой в бетонку, и она все вроде как понимала, но тут же забывала снова, вчистую.

Она снова была в Скиннеровой комнате, читала в «Нешнл джиогрэфик» статью про Канаду, как распалась та Канада на пять отдельных государств. Запивала соленые крекеры молоком, прямо из картонки. А Скиннер лежал в кровати, смотрел по телевизору один из своих любимых исторических фильмов. Смотрит и комментирует, что вот он смотрит эти фильмы всю свою жизнь и они с каждым годом все лучше и лучше. Как сперва они были еще черно-белые и такие вроде как дерганые, солдаты носились по экрану, как наскипидаренные, и еще это жуткое зерно и небо все в царапинах. Как постепенно люди стали в них

двигаться нормально, без рывков этих и помедленнее, и цвет появился, сперва плохой, а потом – получше, и зерно становилось все мельче и мельче, и даже царапины куда-то исчезли. И все это, сказал он, дерьмо собачье, потому что каждое такое улучшение – это не то, как все по-настоящему было, а чье-то там личное представление, как оно должно было выглядеть, нажал бы он пару других кнопок, и все было бы так же вот гладко, но совсем иначе. И все равно, добавил он, какая это была потрясуха, особенно сперва, все равно что Билли Холидей, когда слушаешь запись, очищенную от треска и дребезжания.

Билли Холидей – это был такой парень вроде Элвиса, тоже в костюме с блестками, но только вроде бы помладше и не толстый – так, во всяком случае, представлялось Шеветте.

Скиннер снова сел на своего любимого конька, насчет истории. Как она превращается в пластик – и делается пластичной, податливой. Шеветта слышала все это сто уже, наверное, раз, но она старалась показывать Скиннеру, что внимательно слушает его рассуждения, а то ведь он такой – надуется и замолчит на несколько дней. Потому она оторвалась от фотографии, где ликующие, распаленные девицы размахивали бело-голубыми флагами Квебека, и взглянула на Скиннера, и вдруг увидела, что рядом с ним сидит мама, ослепительно прекрасная, грустная и вроде как усталая – точно такая, какой она бывала, когда вернется с работы, но не успеет еще смыть косметику.

– Он прав, – кивнула мама.

– Мама?

– Прав насчет истории. Насчет, как они ее изменяют.

– Мама, ты…

– Это делали, делают и будут делать, ничего нового в этом нет. Просто фильмы изменились на памяти одного поколения, вот и заметно.

Шеветта заплакала.

– Шеветта-Мария, – сказал напевный, почти позабытый голос. – Ты расшибла голову и потеряла сознание.

32
Фаллонтаун

– Так ты хорошо знаешь этого парня? – спросила Шеветта.

Каждый раз, когда Райделл вдавливал тормозную педаль, раздавался противный скрип стекла. Подмести бы здесь, так для этого нужно останавливаться, а времени нет. И швабры нет. На первый случай он ограничился тем, что подобрал на обочине ржавую гнутую монтировку и начисто вышиб остатки ветрового стекла, а то ведь с этими пробоинами дальше первого дорожного патруля не уедешь.

– Я работал с ним в Лос-Анджелесе.

Он скинул скорость и осторожно обогнул в клочья изодранную покрышку тяжелого грузовика. Черная и чешуйчатая, она валялась на грязном гудроне, как шкура, сброшенная при линьке каким-то чудовищем.

– А то я боюсь, не оказался бы он вроде этой самой миссис Эллиот. Тоже ведь твоя знакомая.

– Да какая там знакомая, – вздохнул Райделл. – Попутчица, перекинулись в самолете парой слов – вот и все знакомство. Ну а если уж Саблетт – подставка, так тогда весь мир – сплошной тайный заговор. Тогда уж мне впору беспокоиться, кто такая, скажем, *ты*.

Вместо того чтобы беспокоиться, а не прицепил ли Лавлесс – или та же самая миссис Эллиот – к этой таратайке маленький такой, незаметненький маячок. И не приглядывает ли сейчас за ними недреманное око «Звезды Смерти»? А то ведь говорят, что она, «Звезда» эта самая, может прочитать заголовки в газете, а по хорошему, отчетливому следу определит и размер обуви, и фирменную марку.

В свете фар возник деревянный крест футов двадцати высотой с надписью: «НАСТРОЙСЯ» на перекладине – и: «НА ЕГО ПРИСНОСУЩИЙ КАНАЛ» – на столбе. Там, где полагалось бы быть голове Иисуса, висел древний портативный телевизор. Неизвестные герои успели издырявить экран пулями. Мелкашка или пистолет двадцать второго калибра.

– Похоже, подъезжаем.

Шеветта недоверчиво хмыкнула, взяла с соседнего сиденья бутылку воды, прихваченную на «шелловской» заправке, сделала пару глотков, обтерла ладонью горлышко и протянула бутылку Райделлу.

Райделл прошибал ворота молла в святой надежде сразу же вывернуть на один из главных хайвеев. Снаружи молл выглядел как невысокий штабель грязно-желтого кирпича, все его окна были заколочены листами жуткого, под цвет вчерашней блевотины, пластика, получаемого термопрессовкой мелко искрошенных отходов. Покрутившись на огромной, отгороженной высоким забором автостоянке, где сейчас не было ничего, кроме нескольких старых, в хлам разбитых машин да каких-то рваных матрасов, он обнаружил покосившиеся, настежь распахнутые ворота, но никакого хайвея за ними не оказалось.

Никакого, только узкое заброшенное четырехполосное шоссе. В довершение всех радостей одна из лавлессовских пуль прошила навигационный компьютер, карта застыла на центральных кварталах Санта-Аны и полностью игнорировала все попытки вывести на экран что-нибудь более злободневное. Судя по мерзостному запустению, Лавлесс выбрал для своих игр окраину одного из городков, выраставших, как грибы-поганки, на границе обжитых районов с пустыней и заброшенных, обезлюдевших, когда обрушилась евровалюта.

Шеветта Вашингтон свернулась калачиком на полу рядом с холодильником и не реагировала ни на голос, ни на что. Райделл очень боялся, не зацепило ли ее пулей, но не мог этого проверить – останавливаться, не отъехав подальше от молла, было рискованно. Да нет, успокаивал он себя, вырубилась от напряжения, вот и все. И крови нигде не видно.

Миль через десять показалась «шелловская» заправка. «Шелловская» – судя по столбам, на которых крепилась когда-то вывеска. Дверь мужского туалета сорвана с петель, на двери женского висит большой ржавый замок. Кто-то расстрелял попкорновый автомат из крупнокалиберного автомата. Райделл обогнул заправку и увидел самый настоящий старинный трейлер – точно такой же «Эрстрим» был в Тампе у одного из отцовских соседей. Невысокий старик в красном комбинезоне стоял на коленях рядом с тлеющим хибати[38] и помешивал что-то в кастрюльке, рядом с ним сидели два черных лабрадора.

Райделл заглушил мотор, проверил, дышит ли Шеветта, и выпрыгнул из кабины. Старик встал, распрямился и вытер ладони о комбинезон. Над его лицом нависал длинный, дюймов в девять, козырек оливково-зеленой рыбацкой шапочки, «шелловская» эмблема на левом нагрудном кармане выгорела до полной неразборчивости.

– Ты заблудился? – спросил старик. – Или есть проблемы?

Выглядел он лет на семьдесят с хвостиком. С длинным хвостиком.

– Нет, сэр, никаких проблем, но что я заблудился, так это точно. – Райделл посмотрел на лабрадоров. Лабрадоры смотрели на Райделла. – Только эти ваши собаки – они, похоже, не очень мне рады.

– Редко видят чужих, – пожал плечами старик.

– Да, сэр, – кивнул Райделл. – Я так и думал, что редко.

– У меня и пара котов есть. Покупаю им всем сухой корм. Коты – те иногда птицу еще поймают, мышку. Заблудился, говоришь?

– Да, сэр, заблудился. Я не знаю даже, в каком мы штате.

– А кто это знает? – презрительно сплюнул старик. – Когда я, сынок, был в твоем возрасте, все это вместе называлось Калифорния, как то и назначено Господом. Теперь говорят, что здесь Южная, но только ты знаешь, что это такое в действительности?

– Нет, сэр. А что?

– Большая куча все того же дерьма. Вроде как баба, обосновавшаяся в долбаном Белом доме.

Старик снял шапочку, достал из кармана засаленный носовой платок, вытер со лба пот и водрузил шапочку на прежнее место. На темной от загара лысине четко выделялись серебристо-белые шрамы. Рак кожи…

– Так ты, говоришь, заблудился?

– Да, сэр. У меня сломалась карта.

– А простую, бумажную, ты понимаешь?

– Да, сэр. Понимаю.

– А что это за чертовщина с ее головой?

Старик смотрел куда-то вдаль, мимо Райделла.

Райделл повернулся и увидел Шеветту. Шеветта сидела на водительском месте рядом с открытой дверцей и смотрела прямо на них.

– Это у нее такая прическа, – неуверенно объяснил он.

– Ну ни хрена себе, – покачал головой старик. – А так ведь была бы вроде как и хорошенькая.

– Да, сэр, – согласился Райделл.

– Видишь эту пачку? Ты сумеешь засыпать чашку толокна в воду, когда закипит, и разболтать, чтобы без комков?

– Да, сэр, – кивнул Райделл, – сумею.

– Ладно, тогда я схожу поищу карту. А Скитер и Уайти посидят здесь, чтобы тебе не скучно было.

– Да, сэр…

ПАРАДИЗ. Ю. КАЛИФОРНИЯ
ХРИСТИАНСКАЯ ОБЩИНА.
ТРИ МИЛИ

ПАЛАТКИ НЕ СТАВИТЬ
БЕТОННЫЕ ПЛОЩАДКИ
ВОДА И ЭЛЕКТРИЧЕСТВО
ВЫСОКОВОЛЬТНОЕ ОГРАЖДЕНИЕ
БЕСПЛАТНОЕ КУПАНИЕ
ХРИСТИАНСКИЙ ДЕТСКИЙ САД
(лицензия штата Ю. Кал.)
327 СПУТНИКОВЫХ КАНАЛОВ

И крест, на этот раз – высокий, сваренный из ржавых рельсов, набитый старыми телевизорами, огромные бельма потухших экранов слепо уставились на шоссе.

Жаль, что Шеветта спит, такое зрелище пропустила.

Когда Райделл позвонил Саблетту, первый гудок был такой необычный, что он чуть не дал отбой, но это оказалось просто переключение связи на другой номер. Саблетта в Лос-Анджелесе не было, он взял отпуск, чтобы поухаживать за больной матерью.

– Так ты что, в Техасе?

– В Парадизе, Берри. Мама малость прихворнула. Потому, наверное, что она и еще куча наших перебрались в Парадиз, это Южная Калифорния.

– Парадиз?

– Да. На карте его нет, но это очень просто…

Райделл развернул бумажную карту и начал водить по ней пальцем.

– Слушай, – сказал он, получив наконец общее представление, где находится поселок, – а что, если я к тебе заеду?

– Так ты же вроде на работу устроился, в Сан-Франциско, – удивился Саблетт.

– Я тебе потом объясню, по телефону неохота.

– Ты знаешь, а на меня здесь бочку катят, – печально сообщил Саблетт. – Апостатом[39] называют.

– Как?

– Апостатом. И все потому, что я показал маме этот кроненберговский фильм. «Видеодром», ты же его вроде видел. И вдруг оказывается, что он от дьявола.

– А я-то думал, что все фильмы от Бога.

– Нет, Берри, есть фильмы, которые точно от Сатаны. Во всяком случае, так говорит преподобный Фаллон. Вот и кроненберговские тоже от Сатаны, все до единого.

– Он что, тоже в Парадизе?

– Нет, помилуй господи, – почти испугался Саблетт. – Он на этих островах, между Англией и Францией, в старых бункерах. Не может оттуда и носу высунуть, прячется.

– От кого?

– От налогов. А знаешь, Берри, кто их построил, эти бункера?

– Кто?

– Гитлер. С применением рабского труда.

– Никогда не слышал, да у меня и вообще с историей не очень.

Райделлу живо представился этот кошмарный замухрышка с усами вроде черных зубных щеток, как стоит он на большом камне – чтобы за всеми, значит, уследить – и щелкает длинным бичом.

И еще один знак, грубый деревянный щит и надпись от руки, черной аэрозольной краской – никакого сравнения с тем, профессиональным:

ТЫ ГОТОВ[40] К ВЕЧНОСТИ?
ОН ЕСТЬ И ПРЕБУДЕТ! А ТЫ?
СМОТРИ ТЕЛЕВИЗОР!

– Смотреть телевизор? – недоуменно спросила Шеветта. И когда же это она проснулась?

– Фаллониты, они же верят, что Бог вроде как там и находится. В телевидении, во всем сразу.

– Бог в телевизоре?

– Ага. Вроде как на заднем плане, фоном. Саблетт, он отошел от этой Церкви, не знаю только, совсем или не совсем, а мама его, так та страстно верит.

– И они что, смотрят телевизор и молятся или как?

– Ну, я думаю, это скорее похоже на медитацию. Если пересмотреть все старые фильмы, смотреть их по многу раз и внимательно, то на тебя вроде как Дух Святой сойдет, это им так преподобный Фаллон объяснил.

– А у нас в Орегоне есть Новоявленные Арийские Назареи[41], – сказала Шеветта. – И Первая Иисусова Церковь[42]. И Выживанцы. Злые как собаки, любого, кто не ихний, с дерьмом съесть готовы.

– С такими христианами лучше не связываться, – согласился Райделл.

Ар-Ви перевалил невысокую гряду, и впереди открылся Парадиз, залитый светом уличных фонарей. (Уличных? Улиц в нем не было вовсе.)

Полтора акра земли, обнесенные колючей проволокой. Никакими высокими вольтами и не пахнет, хотя сигнальные ревуны, развешанные по колючке с крохотными, фута по два-три, промежутками, обеспечивают щедро разрекламированному «высоковольтному заграждению» вполне удовлетворительную

надежность. Подъездная дорога упирается в приличные ворота со сторожкой, только что тут, собственно, сторожить? Может, они за антенны свои боятся?

Гордый поселок Парадиз состоял из неполной дюжины старых разнокалиберных трейлеров. В самом его центре высилось нечто вроде древней радиобашни, ажурную конструкцию густо усеивали приплюснутые шары из темно-серого пластика – миниатюрные спутниковые антенны, очень современные и очень дорогие. Как там было написано? «Бесплатное купание»? Перегороженный земляной запрудой ручей разлился, образовав нечто вроде лужи, однако вода в ручье сильно смахивала на промышленные отходы, трудно было представить, чтобы кто-то стал купаться в этих помоях бесплатно и даже за деньги.

А вот освещения здесь хватало, даже с избытком, воздух дрожал от тяжелого гула электрогенераторов.

– Мамочки, – сказала Шеветта.

Райделл притормозил у ворот и опустил чудом уцелевшее стекло дверцы. Секунд через десять из сторожки появился мужик в махровой ослепительно-оранжевой куртке и шапочке того же приятного оттенка.

– Частные владения. – Мужик перехватил поудобнее крупнокалиберную с откидным металлическим прикладом двустволку. – А что это случилось с вашим лобовым стеклом?

– Олень, – небрежно бросила Шеветта.

– Мы тут хотим повидать наших знакомых, Саблеттов, знаете таких? – затараторил Райделл в надежде отвлечь внимание охранника от машины; пулевые пробоины – их ни оленем не объяснишь, ни тюленем. – Саблетты нас ждут, мы договорились, вы только позовите кого-нибудь из них.

– Что-то не очень вы похожи на христиан.

Шеветта перегнулась через Райделла и окинула христианнейшего стража ледяным взглядом.

– Не знаю, кто уж там такой *ты*, брат, но *мы* – Арийские Назареи, из Юджина. Нам не очень-то и хочется заезжать *внутрь*, у вас же тут, говорят, кого только не встретишь – мулаты, полукровки, *любое* смешение рас. В наши дни куда ни плюнь, везде расовые предатели.

– Назареи? – с сомнением переспросил охранник. – А чего вы тогда не бритоголовые?

– Шибко умный? – презрительно фыркнула Шеветта. – Ты скажи мне еще, что Христос был евреем. Ты дурак или только притворяешься? Знаешь, что это такое? – Она тронула свою голову, короткие шипастые пучки волос.

Охранник растерянно молчал.

– У нас там священные гвозди. Ну что, дошло?

Пора выручать беднягу, подумал Райделл. Вон как побледнел, того и гляди в обморок хлопнется.

– Слышь, приятель, – лениво бросил он, – так ты позовешь старину Саблетта или как?

Охранник молча повернулся и исчез в сторожке. И чего он, спрашивается, так дрожит?

– Какие еще гвозди? – спросил Райделл.

– Долго рассказывать, – отмахнулась Шеветта. – Это я от Скиннера слышала. Страшные дела.

Дора, Саблеттова мать, пила мексиканскую водку с кока-колой. Пьют и такое, пьют и похуже, но чтобы безо льда, при комнатной температуре… Да и наливалось все это из больших пластиковых бутылок, купленных, судя по внешнему виду, еще до Рождества Христова – может, последнего, а может, и того, самого первого. Водка-то еще и ничего, а вот кока-кола выдохлась напрочь, ни одного пузырька; по некотором размышлении Райделл решил, что ему и вообще не хочется водки – ни теплой, ни холодной.

В гостиной Дориного трейлера не было ни стульев, ни табуреток, только диван и кресло с откидной спинкой. Дора полулежала в кресле, положив ноги на край столика, – это я, извинилась она, для кровообращения. Райделл и Шеветта примостились на крошечном, чуть побольше банкетки, диванчике, а Саблетт сидел прямо на полу, подперев коленями широкий костлявый подбородок. Гостиная поражала стерильной чистотой, полным – несмотря на изобилие безделушек – отсутствием пыли. Саблетта берегут, догадался Райделл. А украшалок быта было действительно много – картинки и фотографии, декоративные теремки и статуэтки, резные полочки с теми же самыми статуэтками и знаменитые молельные платочки. Ну крыса крысой, подумал Райделл, взглянув на плоский голографический портрет преподобного Фаллона. Кожу себе на морде подтянул, загар искусственный навел, а все равно как был крысой, так и остался. Большой портрет Джей-Ди Шейпли действовал Райделлу на нервы, его глаза, казалось, все время смотрели на тебя. Самые, нужно думать, любимые в семье вещи, включая портрет Фаллона, группировались вокруг старомодного телевизора – большого, сверкающего хромировкой ящика, разительно непохожего на современные ультраплоские модели. По экрану беззвучно метались герои какого-то черно-белого фильма – громкость Саблетт убрал до нуля.

– А может, вы все-таки выпьете?

– Большое спасибо, – чуть поклонился Райделл, – но мне правда не хочется.

– Джоэлю я не предлагаю, он у нас трезвенник. Аллергия, и никак с ней не справиться.

– Да, мэм, я знаю.

Джоэль? До этого момента Райделл даже и не задумывался, что у Саблетта есть какое-то имя, Саблетт себе и Саблетт.

Одежда Джоэля Саблетта сверкала непорочной белизной – новехонькие белые джинсы, белая футболка, белые нитяные носки и белые одноразовые тапки.

– Джоэль всегда был очень чувствительным мальчиком, мистер Райделл. Один раз он взял у кого-то из других детей волчок, немного пососал ручку – и вы не поверите, что с ним тогда было, ну прямо рот наизнанку вывернуло.

– Мама, – вмешался Саблетт, – ты забыла, что сказал доктор? Тебе нужно побольше спать.

– Понимаю, Джоэль, понимаю, – вздохнула миссис Саблетт. – Вы, молодежь, хотите поговорить. И все-таки, – она повернулась к Шеветте, – это просто ужас, что сделалось с твоими волосами, и ведь такая красивая девушка. Но ничего, отрастут они, и все будет как надо. Помню, в Галвестоне еще, я хотела опалить на газе курицу, а плита была старая, никудышная, давно это было, когда Джоэль был совсем еще маленьким, он у нас очень чувствительный, очень, так плита взорвалась, чуть меня совсем не убила. Я тогда только что сделала себе перманент, и от него просто ничего…

Шеветта промолчала.

– Мама, – твердо сказал Саблетт. – Выпила ты вполне достаточно, так что пора бы…

Он помог матери встать и повел ее в спальню.

– Господи, – прошептала Шеветта, – да что это с его глазами?

– Ничего особенного, – пожал плечами Райделл. – Просто повышенная чувствительность к свету.

– Уж больно это выглядит жутко, прямо мурашки по коже.

– Да он и мухи не обидит, – ухмыльнулся Райделл.

Саблетт вернулся в гостиную, взглянул на бегущее по экрану изображение, вздохнул и выключил телевизор.

– Ты знаешь, Берри, а ведь мне запретили выходить из трейлера.

– С чего это?

– Нечто вроде карантина. Я же апостат, а ну как кого-нибудь заражу.

Он примостился на краешке кресла.

– Мне-то казалось, что у тебя с этой дурью покончено, –

заметил Райделл.

– Понимаешь, – окончательно смутился Саблетт, – она же больная, уход нужен, вот я и сказал им, что раскаялся, а то бы ведь не пустили. Сказал, что буду медитировать над этим ящиком, и все такие дела. Укрепляться в вере. А потом, – он нервно побарабанил длинными бледными пальцами, – потом они засекли меня с этим «Видеодромом». А ты сам, Райделл, ты видел когда-нибудь Дебору Харри?

Он на мгновение оживился, но тут же вздохнул и поник.

– Как тебя засекли?

– Они могут подключаться и проверять, кто что смотрит.

– Кстати, давно хочу спросить. Чего это вашим на месте не сиделось? Что им в Калифорнии – лучше, что ли?

– Спроси чего полегче, – пожал плечами Саблетт. – Думаю, это как-то там связано с налоговыми заморочками преподобного Фаллона. Последнее время он ни о чем, кроме них, и не думает. А у тебя-то как, Берри? Выгорело что-нибудь с работой?

– Нет, – криво усмехнулся Райделл, – не выгорело.

– Расскажешь? Нет, если это секрет или ты не хочешь…

Райделл рассказал.

– Эта сволота, он же и печку прострелил, – пожаловался Райделл.

Им предстояло ночевать в Ар-Ви, по ту сторону забора.

– Мне нравится твой приятель, – сказала Шеветта.

– Мне тоже.

– Нет, я в том смысле, что он ведь и вправду беспокоится, как у тебя все будет.

– Занимай кровать, – сказал Райделл. – А я устроюсь в кабине.

– Там же и стекла нет. Замерзнешь.

– Ничего, выживу как-нибудь.

– Ложись и ты в спальне, нам же не впервые. Ложись.

Он перекатился на правый бок, чуть не упал с кровати и проснулся. Темно. И никаких звуков, кроме ровного дыхания Шеветты. И скрип кожи – это она пошевелилась под своей гиппопотамовой курткой.

Слушая длинный – и довольно сумбурный – рассказ, Саблетт кивал, время от времени вставлял вопросы; в его зеркальных глазах плавали крошечные отражения Райделла и Шеветты, сидевших бок о бок на диванчике. Потом, когда слушать было уже нечего, он негромко присвистнул и сказал:

– Вот теперь-то, Берри, ты и вправду влип. Крупно влип.

Да уж, не поспоришь.

Он выпростал руку из-под живота и осторожно, чтобы не разбудить Шеветту, ощупал задний карман. Здесь, в бумажнике, лежат все, какие есть, деньги. Других не предвидится. Деньги и визитная карточка Веллингтона Ма. Вернее сказать, то, что от нее осталось: последний раз, когда он смотрел, кварцевая пластинка была расколота на три куска.

– Крупно влип, – сказал он темноте.

Чуть слышно скрипнула кожа, звякнула молния, и Шеветта прижалась к его спине. И даже не проснулась, судя по дыханию. И хорошо, что не проснулась.

Он лежал и думал, и прошел, может быть, час, и у него начала вырисовываться эта идея. Самая бредовая изо всех, когда-либо приходивших ему в голову.

– Да, кстати, дружок твой этот, Лоуэлл…

Кухня в Дорином трейлере была микроскопическая, двоим и не повернуться.

– А что Лоуэлл?

– Ты знаешь его телефонный номер?

Шеветта запила кукурузные хлопья молоком, только что приготовленным из порошка. Гнусная жидкость, словно мел разболтанный, но Дора другого не держит. Все Саблетт с его аллергией.

– Знаю, ну и что?

– Да вот решил я с ним поболтать.

– О чем?

– Об одном деле, в котором он мог бы мне помочь.

– Лоуэлл? Тоже мне помощничка нашел, да он на всех кладет с прибором.

– Зачем спорить? – пожал плечами Райделл. – Вот поговорю с ним, и сразу все выяснится.

– Если ты скажешь ему, где мы находимся, или Лоуэлл сам отследит наши координаты по сотовой сети, он нас сдаст. Если, конечно, поймет, что нас *можно* сдать, что за нами охотятся.

– Почему?

– А вот такое он говно.

Но в конце концов Райделл получил от нее и телефонный аппарат, и номер.

– Лоуэлл?

– Кто это? Какого хрена…

– Привет, Лоуэлл, ну как там твое драгоценное здоровье?

– Кто дал тебе…

– Только не надо вешать трубку.

– Слушай, ты, зае…

– Полиция Сан-Франциско, отдел расследования убийств.

Пауза. Было слышно, как Лоуэлл глубоко затягивается сигаретой.

– Так что ты там сказал?

– Я сказал, где работает Орловский. Здоровенный мудила со здоровенным шпалером, который вломился тогда в бар. А потом еще свет потух, да ты же помнишь. Я сидел у стойки, беседовал с Билли Говнилой, а потом передвинулся к вам поближе.

Пауза. На этот раз Лоуэлл затянулся послабее.

– Слушай, я не понимаю, чего ты…

– А ты и не обязан ничего понимать. Ты можешь просто взять и повесить трубку. А потом можешь смело вешаться сам, на ближайшем крюке. Ведь ты же видел, как Орловский пришел туда за девушкой, верно? А ему это не понравится. Он же пришел туда не от полиции, а сам от себя, как частное лицо, если только эту жопу с ушами можно назвать лицом. А Орловский, надо тебе сказать, офицер очень серьезный. Серьезный, как рак матки.

Пауза. Без затяжек.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Не понимаешь, так слушай. Слушай внимательно, и ты все прекрасно поймешь. Я скажу Орловскому, что ты его *видел*. Дам ему твой номер – и твой, и этого бритоголового. Скажу, что вы треплетесь о нем направо и налево. И знаешь, Лоуэлл, что он тогда сделает? Он найдет тебя и пристрелит. И никто ему не помешает. Убойный отдел – это тебе не шуточки. А потом он *сам же* и займется поисками твоего убийцы, не знаю уж точно, найдет или нет. Серьезный мужик, этого у него не отнимешь.

Лоуэлл закашлялся. Прочистил горло. Сплюнул.

– Это ведь шутка, да?

– А чего же ты не смеешься?

– О’кей, – сдался Лоуэлл, – будем считать, что все на полном серьезе. Ну и что тогда? Чего ты от меня хочешь?

– Говорят, ты знаешь людей, которые всякое там умеют. С компьютерами и со всяким там.

Щелкнула зажигалка, Лоуэлл раскуривал новую сигарету.

– Ну, – неохотно протянул он, – вроде того.

– Держава Желаний, – добавил Райделл. – Я хочу, чтобы ты попросил их оказать мне некую услугу.

– Только без имен и названий, – всполошился Лоуэлл. – Есть система сканирования, вылавливающая из телефонных разговоров…

– «Они». Пусть будут «они», о’кей? Так вот, я хочу, чтобы ты

попросил *их* оказать мне некую услугу.

– Их услуги стоят ой как дорого, – заметил Лоуэлл. – Так что будь готов заранее.

– А я-то тут при чем? – удивился Райделл. – Это *ты* будь готов.

Он дал отбой, захлопнул телефон и пошел к трейлеру. Пусть старина Лоуэлл пораскинет мозгами, проверит список гражданских служащих, убедится, что Орловский действительно работает в отделе расследования убийств.

В трейлере было холодновато – Дора упорно врубала кондиционер на полную катушку.

Саблетт сидел на диванчике, печально уставившись в пол. Белая одежда придавала ему сходство с художником или там со скульптором, только художники всегда замызганные, а Саблетт сверкал чистотой.

– Ты знаешь, Берри, я подумал и решил вернуться в Лос-Анджелес.

– А как же твоя мама?

– Ну, тут недавно приехала миссис Бейкер из Галвестона, помнишь, я тебе рассказывал? Они же соседки, подружки, знакомы не знаю уж сколько лет, так что миссис Бейкер будет даже рада за ней поухаживать.

– Надоело быть апостатом?

– Еще бы. – Саблетт не очень дружелюбно покосился на голографического Фаллона. – Ты не думай, Берри, я все так же верую в Господа и ничуть не сомневаюсь, что видел Его лик на экране, в этом отношении преподобный Фаллон прав. Ну а все остальное… не знаю, но мне кажется, что все остальное – хрень собачья.

Саблетт поднял на Райделла серебряные, полные муки глаза; казалось, еще секунда – и он разрыдается.

– А еще, Берри, я все думаю и думаю про «Интенсекьюр». Про все, что ты мне вчера рассказывал. Ну как могу я вернуться к ним на работу, если знаю, какими делами они занимаются? Ведь я же считал, что помогаю людям, защищаю их хоть от какой-то малой доли вселенского зла, а тут вдруг выясняется, что все это время я работал на абсолютно аморальную фирму.

Райделл подошел к телевизору и начал разглядывать молельные платочки. Интересно, который из них спасает от СПИДа?

– Нет, – сказал он через пару минут, – ты должен вернуться на работу. Ты *действительно* защищаешь людей, в этом нет никакой фальши. И тебе нужно зарабатывать на хлеб.

– А как же ты?

– Что – как же я?

– Они выследят тебя и убьют. И тебя, и ее.

– И тебя тоже, если узнают о наших разговорах. Зря я сюда приехал, да что уж теперь плакаться. Просто нам с Шеветтой нужно линять, и поскорее, чтобы не впутать в это дело тебя и твою маму.

– Нет, – качнул головой Саблетт, – что бы ты там, Берри, ни говорил, на них я работать не буду. Но и здесь я тоже не останусь. Надоело.

Райделл вспомнил упрямого техасца в полной интенсекьюровской форме, нашивки, глок и все дела, и в тот же момент эта бредовая идея вроде как вздрогнула, перевернулась, открыв глазу свои новые, совершенно неожиданные стороны. Ты что, хочешь еще одного человека затащить в дерьмо по самые уши? – спросил кто-то, прятавшийся в его мозгу. Это просто нечестно.

– Саблетт, – сказал Райделл через минуту, – я бы мог предложить тебе такую работу, о какой ты, скорее всего, никогда и не думал.

– Какую? – заинтересовался Саблетт.

– Влипнуть на пару со мной.

33
Записная книжка

Рис
Кухонные мочалки
Швабра
Моющий раствор
Спальный мешок
Топливо для примуса
Масло, поршневой колпачок

Сейчас он спит. Рис и карри с таиландского лотка. Спрашивал, куда делась девушка. Сказал ему, что она звонила Фонтейну неизвестно откуда. Почему ушла и когда вернется – тоже неизвестно. Револьвер на полке. Трогать его не хочется (холодный, тяжелый, пахнет оружейным маслом, на выступах ребристого барабана и по краям ствола воронение стерлось, обнажив тусклый серебристый металл. «СМИТ И ВЕССОН». Томассон). Перед сном он снова говорил о Шейпли.

А что его замочили, так это, Скутер, чистое паскудство, то же паскудство, что и всегда и везде. Такая вот гнусь, посмотришь и думаешь, ну какого хрена эти долбаные религии существуют так долго, да и вообще, откуда они взялись на нашу голову. Вот и с ним будет то же самое, мудаков всегда хватает, и пойдут они мочить людей, и будут считать, что ради него, скажут, что ради него, а там разбирайся как хочешь. Ты не знаешь, наверное, а были такие психи, почитатели Распятого Христа, так они даже не разговаривали, кроме как в понедельник, а в понедельник они знаешь что делали? Шли и выкапывали одну лопату земли из могилы, каждый из своей. А время от времени кто-нибудь из них решал, что на него сошел Дух, вот тогда они это и делали, все честь по чести, специальными хромированными гвоздями, которые у них всегда при себе были, на шее в мешочке, обязательно из кожи нерожденного ягненка, только так. Кой хрен, да они ж были еще психованнее тех, что его замочили. Где-то после девяносто восьмого их и вообще не осталось, поубивали друг друга – и дело с концом, не знаю уж, куда делся последний.

34
Звонок из рая

– «Полостная операция», вот как он называется. Талита Морроу, Тодд Проберг, Гэри Андервуд, девятьсот девяносто шестой.

Миссис Саблетт лежала в кресле с холодным компрессом на лбу. Вчетверо сложенная тряпка – из точно такой же ткани были сшиты ее шлепанцы – начинала уже подсыхать.

– Нет, не видела, – сказала Шеветта.

Она перелистывала журнал, чуть ли не целиком посвященный преподобному Фаллону. Бывшая эта артистка, Гудрун Уивер, стоит на какой-то сцене, облапила Фаллона сзади и улыбается. А если бы лицом к лицу, подумала Шеветта, то его нос уперся бы ей в ключицу или чуть пониже. А кожа у него розовенькая и гладкая, как на парафиновых фруктах, которыми украшают витрины, – может, и ему парафин впрыснули? Розовый. И волосы тоже жуткие, вроде короткого парика, но только это такой парик, что того и гляди слезет с головы и пойдет прогуляться.

– Там все вертится вокруг телевидения, – объяснила миссис Саблетт. – Ты понимаешь, насколько это важно для Церкви?

– А про что он?

– Талита Морроу, она телевизионный репортер, а Тодд Проберг – грабитель, банки грабит. Только он *хороший* грабитель, деньги ему нужны не на что-нибудь там, а чтобы сделать жене пересадку сердца. Кэрри Ли, ее-то ты наверняка знаешь. Поздняя роль, когда она достигла уже полной артистической зрелости. Эпизодическая, но очень яркая. Ну так вот, Гэри Андервуд, они были когда-то с Талитой и разошлись, но он все еще по ней сохнет – даже чересчур. У него эта – как там это слово? – *эротомания*, он вообще ни про что больше и не думает, и это толкает его на жуткие поступки. Он посылает ей непонятные угрожающие вещи, сперва порубленные «барби», затем – дохлый белый кролик, кружевное белье с пятнами крови.

Понесло старушку. Еще в раннем детстве Шеветта научилась отключать внимание, чтобы не слушать материнских нотаций, сейчас она сделала то же самое. Интересно, о чем это они на кухне перешептываются? Не иначе что-то задумали.

Большая синеватая муха взлетела с одной из резных полочек, описала по комнате круг и уселась на телевизор. Вялая она какая-то, сонная, тоже небось страдает от холода, ну как же можно врубать кондиционер на такую температуру?

Да нет, сказала себе Шеветта, и ничего я в него не втюрилась, просто он диво как похорошел, когда умылся, побрился, достал из своей дурацкой сумки все чистое и переоделся. И ведь что интересно, одежда оказалась точь-в-точь такая же, как и раньше. Может, он никогда другой и не носил. А вот задница у него ничего себе, аккуратная. Вот и Саблеттовой матери тоже понравился, ну прямо, говорит, как молодой Томми Ли Джонс. А может, и не в этом даже дело, а в том, что он вроде хочет устроить Лоуэллу веселую жизнь, только вот как у него это выйдет? Совсем недавно Шеветта считала, что все еще любит Лоуэлла или что-то в этом роде, а теперь вдруг выяснилось, что нет. Вот если бы не «плясун» этот проклятый, тогда бы еще неизвестно. А этот-то, и вспомнить страшно, в какого буйного психа превратила его одна ложка этой дури. Она спросила тогда у Райделла, может, он и вообще от такой дозы сдохнет, а Райделл сказал: нет, маловато, попсихует-попсихует и очухается, но вот ломка будет такая, что не позавидуешь. Еще она спросила, почему это Лавлесс лупил себя по яйцам, и тут Райделл почесал в затылке и сказал, что точно не знает, но это что-то такое с нервной системой, что эта дурь вызывает приапизм – так, по крайней мере, говорят. Тогда она спросила, а что такое приапизм. Ну, сказал Райделл, это ну вроде когда мужчина перевозбужден. Она никогда о таком не слыхала, но ведь точно, все сходилось, вот, значит, почему у Лоуэлла иногда бывало, что встанет колом и ни в какую, не опадает, и все тут. Оно бы вроде и ничего и даже хорошо, но только Лоуэлл в таких случаях зверел, и все кончалось тем, что все у нее насквозь болело, а он еще крыл ее последними словами прямо на глазах этих парней, с которыми он тусовался, вроде того же Коудса. Ладно, пусть Райделл делает с этим типом все, что хочет, беспокоиться нужно о Скиннере, жив ли старик, кто за ним ухаживает. Она не звонила больше Фонтейну, боялась и, когда Райделл куда-нибудь звонил, тоже боялась, а вдруг звонок перехватят, узнают откуда. А с велосипедом и вообще хоть плачь, ведь точно сделали ему ноги, точно, даже проверять не стоит. Гибель Сэмми и пропажа велосипеда огорчали Шеветту примерно в одинаковой степени, хотя она никогда бы себе в этом не призналась. А тут еще Райделл говорит, что и Найджела вроде бы ранили, а может, и убили…

– И тогда Гэри Андервуд вываливается из окна и попадает прямо на забор – ну, знаешь, такой, с шипами наверху…

– Слышь, мама, – укоризненно сказал Саблетт, – ты же совсем замучила Шеветту.

– Я просто пересказываю ей «Полостную операцию». – Миссис

Саблетт обиженно замолчала и сдернула со лба окончательно высохшую тряпку.

– Тысяча девятьсот девяносто шестой, – машинально отрапортовал Саблетт. – Прости, мама, но она нам нужна, дело есть небольшое.

– Только знаешь, Берри, – сказал он, пройдя следом за Шеветтой на кухню, – не стоило бы ей выходить наружу, а уж днем и тем более.

Шеветта взглянула на свое запястье. Узкий синеватый стальной ободок – не знаешь, так можно подумать, что это и вправду браслет, для красоты. Слава еще богу, что второго нет – Райделл разжился по дороге керамической ножовкой и перепилил цепочку под корень. Два часа работы, без обеда и перекуров.

А сейчас Райделл сидел за кухонным столиком – и упорно стоял на своем.

– Ты, Саблетт, не можешь выйти наружу из-за своего апостатства. А я не хочу идти в одиночку. Ну представь себе, надел я эту штуку на голову, ничего вокруг не вижу и не слышу, а тут вдруг появляются его родители. Или он сам подслушает.

– Слушай, Берри, – взмолился Саблетт, – да позвони ты им по нормальному телефону.

– Рад бы, да не могу, – развел руками Райделл. – Они этого не любят. Он сказал, что, если связаться с ними по этой ВР-штуке, они хотя бы выслушают меня, а иначе – никак.

– Да о чем это вы? – не выдержала наконец Шеветта.

– У одного из Саблеттовых приятелей есть аппарат с наглазниками.

– У Бадди, – кивнул Саблетт.

– Бадди?

– Ну да, Бадди, звать его так[43], – пояснил Саблетт. – Только эта штука считается вроде как богохульством, нарушением церковных законов. Преподобному Фаллону было откровение, что виртуальная реальность – от дьявола, ведь если ею увлечешься, так потом телевизор меньше смотришь.

– Но сам-то ты этому не веришь, – заметил Райделл.

– Бадди тоже не верит, – вздохнул Саблетт. – Только если папаша узнает про наглазники, он открутит ему голову.

– Так ты позвони ему, – сказал Райделл, – и все объясни. Две сотни наличкой плюс стоимость связи.

– Но ведь тогда ее *люди увидят*. – Саблетт покосился на Шеветту, залился густой краской и торопливо отвел глаза.

– Это в каком же смысле они меня «увидят»?

– Да вот прическа у тебя… – окончательно смутился Саблетт. – *Необычная*. Они же в обморок все попадают.

– Вот две сотни, как я и обещал, – сказал Райделл. – И когда, говоришь, вернется твой отец?

– Часа через два, не раньше. – Бадди осторожно, словно боясь обжечься, взял протянутые Райделлом деньги. – Там сейчас заливают фундамент под топливные элементы, церковный вертолет уже вылетел за ними в Финикс. – Круглые, как пуговицы, глаза воровато стрельнули в сторону Шеветты.

Соломенная шляпка с широкими мягкими полями, купленная миссис Саблетт в каком-то незапамятном году, плюс огромные солнечные очки с широкой лимонно-желтой оправой – в этом наряде Шеветта чувствовала себя пугалом огородным. Она ободряюще улыбнулась мальчику, чем смутила его еще больше.

– А вы оба друзья Джоэля?

Сквозь короткую, почти под корень, стрижку любителя виртуальной реальности просвечивала розовая кожа, его верхнюю губу оттопыривала металлическая скобка для выправления зубов, по тонкой цыплячьей шейке нервно прыгал огромный, чуть не в кулак размером, кадык.

– Из самого *Лос-Анджелеса*?

– Да, – кивнул Райделл.

– Я… я т-тоже хочу т-туда уехать.

– Молодец. – Райделл потрепал его по плечу. – Верной идешь дорогой. Так вот, ты подожди снаружи, а если кто-нибудь появится – ты ей сразу свистни, Шеветте.

Бадди послушно вышел из крохотной комнаты и прикрыл за собой дверь. Ну прямо не верится, подумала Шеветта, что здесь живет мальчишка. Все чистенько, аккуратно, даже на постерах не попсовые звезды, а Христос и Фаллон. Я бы на его месте не то что в Лос-Анджелес, к черту на рога сбежала. А почему в этой живопырке так душно? Вот уж вспомнишь Саблеттов трейлер.

Она с наслаждением сняла шляпу.

– Так вот, – сказал Райделл, беря со стола пластиковый шлем, – ты сидишь на кровати, а если что – щелкаешь этим выключателем, видишь – мальчонка все приготовил.

Он сел на пол, надел шлем, затем натянул специальную, для работы в виртуальной реальности, перчатку.

Обтянутый перчаткой палец быстро набрал номер на невидимой клавиатуре и замер. Затем Райделл попросил, чтобы сразу после звонка ему сообщили, на сколько он наговорил.

Прошло несколько секунд.

– Ну, поехали. – Райделл набрал в воздухе новый номер. Номер, полученный от Лоуэлла. Затем сжал руку в кулак. Покачал ею из стороны в сторону, словно передвигал какую-то

рукоятку. Опустил на колени.

Теперь он крутил головой, словно осматриваясь в незнакомом месте. Перестал крутить. Увидел, наверное, что-нибудь.

– О’кей, – сказал Райделл.

Нет, не ей сказал, не Шеветте, а куда-то *туда*, голос у него был странный, почти незнакомый.

– О’кей, так есть здесь кто-нибудь или нет?

Шеветте стало страшно.

– О! – сказал он и чуть повернул голову. А потом уже не сказал, а почти вскрикнул: – Мамочки!

35
Держава желаний

В Ноксвилле, школьником, Райделл увлекался «Мирами мечты». Франчайзинговая фирма, купившая у японцев эту игру, приспосабливала под нее самые разные помещения – опустевшие кинотеатры, старые магазины, большие секции моллов. Даже заброшенный кегельбан, но там Райделлу не очень понравилось – узкий такой, очень длинный коридор, вроде бы и интересно, но только гнется все, искажается, особенно если двигать объекты побыстрее.

Играть там можно было по-разному, только мало кто этим разнообразием пользовался, ноксвиллские ребята предпочитали стрелялку. Берешь в руки пару пистолетов и палишь себе во всяких мерзких злодеев, они отстреливаются, а в конце тебе показывают результат, кто кого больше продырявил. ИОК, который в академии, в нем разрешение повыше да и колорита побольше – крови, кишок всяких, а так – стрелялка стрелялкой.

Райделл тоже иногда постреливал, но больше всего он любил то место, где ты вроде как лепишь вещи из ничего, из облачка пикселей, или многоугольников, или кто уж они там такие, и ты видишь, как другие занимаются тем же самым, и, может, даже соединяешь свое творение с чьим-нибудь еще, если, конечно, и ты этого хочешь, и он. Женское рукоделие – посмеивались другие ребята, хотя какое же оно женское, ведь девочки единорогов лепят, радуги по небу выкладывают и все такое, а он, Райделл, строил экспериментальные автомобили, как взаправдашний японский конструктор, тут и сравнивать даже нельзя. Хочешь сохранить свои творения – закажи распечатку, а если в динамике, то и кассету. Девицы, так те прямо обожали колдовать над своими собственными снимками – прическу поменяют, нос подправят, еще что-нибудь, а самые лучшие варианты выводят на печать, прямо тебе пластическая хирургия без ножа и топора.

Недоделанные красавицы кучковались обычно в самом дальнем конце, а Райделл работал поближе ко входу – изображал каркас, формовал из зеленых полупрозрачных полотнищ корпус, затем накладывал цвет и текстуру, еще раз подправлял обводы…

Да бог с ними, с машинами этими. Войдя в Державу Желаний, Райделл сразу же вспомнил пространство «Мира мечты» – не то, в котором ты строишь автомобиль или там что-то другое, а наружное, то, что *вокруг*. Если отвлечешься от работы и начнешь оглядываться, то все вроде бы в порядке, но как только

сосредоточишься, появляется странное такое ощущение, будто стоишь на краю мира, над обрывом, а дальше ничего нет, не просто ничего, а даже *пространства* – и того нет.

И стоишь ты уже не на полу старого кинотеатра или там кегельбана, а на стекле, на стеклянной такой равнине, и ты не видишь, конечно, что у тебя за спиной, но *точно знаешь*, что распростерлась эта равнина на тысячи миль и нет ей конца.

Здесь, в Державе Желаний, все было вроде и так же, и совсем не так. Когда логотип телефонной компании исчез и Райделл оказался на стеклянной равнине, он невольно сказал: «О!» – потому что отчетливо видел ее края и равнина эта словно висела в пустоте, а вокруг нее колыхалось нечто неопределенное, то ли туман, то ли облако, то ли дымка, и было это *оно* никакого цвета и всех цветов сразу, призрачное такое мерцание.

А затем появились эти огромные, выше всего на свете, фигуры, стеклянная равнина висела на уровне их… груди, что ли, хотя какая же у них грудь? И они смотрели на Райделла сверху, словно на муравья или там на игрушку детскую.

Один из них был похож на тираннозавра, только его короткие передние лапы заканчивались не когтями, а чем-то вроде пальцев. А рядом – гора с человеческими чертами. Широкое бесстрастное лицо, обрамленное растафарскими косицами, полуприкрытые веки – и все это бурый, изборожденный расселинами камень, мелкий кустарник и мох. И еще плотная, слежавшаяся глина – из нее сформованы косицы.

Затем Райделл перевел глаза на третью фигуру и сказал: «Мамочки».

Такая же огромная, как и две предыдущие, она состояла из бесчисленных телевизоров, даже не телевизоров, а телевизионных *изображений*, слитых воедино и непрерывно меняющихся. Калейдоскопический экран мерцал миллионами цветов, от попытки присмотреться к какому-нибудь его участку повнимательнее кружилась голова, звуковое сопровождение сплеталось в нечто, отдаленно похожее на рокот водопада, в шум, который не был шумом, в звук, который не был звуком.

– Добро пожаловать в Державу, – улыбнулся динозавр.

Из его кошмарной пасти звучал голос веселой, очаровательной женщины, огромные зубы были обточены в форме храмов и пагод. Райделл вгляделся в искусную резьбу, какую-то долю секунды она была видна отчетливо, но затем дрогнула и расплылась.

– У тебя не больше тридцати процентов необходимой частотной полосы, – сказала гора с растафарскими косичками голосом горы с растафарскими косичками. – Ты находишься в

Кей-Ти-пространстве и…

– Может, эмулятор вырубить? – предложил голос, смодулированный из рокота телевизионного водопада.

– Лишние хлопоты, – проворковал динозавр. – Не думаю, чтобы это был серьезный разговор.

– Фамилия, имя, – сказала гора.

Райделл неуверенно замялся.

– И страховочный, – динозавр прикрыл пасть ладонью и зевнул, – номер.

Райделл вспомнил вечные рассуждения отца, что обозначала «страховка» прежде и что – теперь; кого теперь, от чего и как страхуют, присваивая человеку при рождении этот самый номер.

– Имя и номер, – сказала гора, – или мы уходим.

– Райделл, Стивен Берри. – А затем – цепочка цифр.

– Ясненько, – кивнул динозавр. – Бывший полицейский.

– Мамочки, – ужаснулась гора.

Кого-то она Райделлу страшно напоминала.

– Бывший – и безо всякой надежды на будущее, – добавил динозавр. – Затем работа в «Интенсекьюре».

– Вляпался, сердечный. – Гора ткнула в сторону Райделла – рукой? лапой? Гранитная, поросшая мхом клешня заслонила половину неба, словно идущий на посадку космолет. – *Крутой* облом?

– Да уж куда там круче, – согласился телевизионный водоворот. – Впервые вижу, чтобы Лоуэлла волновали чужие проблемы. Более того, он даже не сказал нам твоего имени.

– Не знает, вот и не сказал.

– Кули валять да к стенке приставлять – это дело он знает туго, а больше – ни хрена, ха-ха-ха, – ответила гора издевательски засэмплированным голосом самого Райделла. Тот попытался заглянуть горе в глаза, увидел на мгновение пару голубых озер, кусты, рыжеватого зверька, стремительно несущегося по склону… Картина расплылась и пропала. – Лоуэлл и ему подобные воображают, что мы нуждаемся в них больше, чем они – в нас.

– Изложи суть своего дела, Стивен Берри, – сказал динозавр.

– В Бенедикт-Каньоне было некое происшествие…

– Да, конечно, – прервал его динозавр, – и ты сидел за рулем. Но при чем здесь *мы*?

Только теперь Райделл осознал, что динозавру, да и остальным тоже, доступны все его досье – полицейское, интенсекьюровское, *любое*; что они просматривают эти материалы *прямо сейчас*. Странное было ощущение.

– Так вы что, в файлы мои залезли?

– И не нашли там *ничего* интересного. – Динозавр снова

прикрыл рот рукой, но зевка не получилось. – Бенедикт-Каньон?

– Ну да, – сказал Райделл. – Это ваша работа.

Гора приподняла брови. Вздрогнули и поползли вверх чахлые, прибитые ветром кусты, лавиной посыпались стронутые с места камни, но Райделл этого почти не замечал.

– Строго говоря, это не совсем так. *Мы* придумали бы что-нибудь более изящное.

– Но зачем вы это сделали?

– Если тебе так уж важно, кто именно задумал и организовал это скандальное происшествие, – вмешался динозавр, – поинтересуйся супругом темпераментной леди. Он успел уже подать на развод, имея к тому весьма основательные причины.

– Так он что, нарочно ее подставил? И уехал нарочно, и садовника подговорил?

– Теперь я понимаю, с чего это Лоуэлл стал таким добреньким, – заметила гора.

– Так что же вам нужно, мистер Райделл? – пророкотал телевизор. – Вы так ничего и не сказали по существу.

– Работу примерно того же рода. Я хочу, чтобы вы сделали такое еще раз. *Для меня*.

– Ох, Лоуэлл, Лоуэлл…

Гора сокрушенно покачала головой. Покатились вырванные из косичек комья глины, склон окутался пылью.

– Вы забываете, – заметил динозавр, – что работы подобного рода *опасны*. А опасная работа стоит весьма *дорого*. А у вас, мистер Райделл, нет ни *гроша* за душой.

– А что, если вам заплатит Лоуэлл?

– Лоуэлл не заплатит. – На огромном непроницаемом лице змеились и переплетались миллионы изображений. – Рассчитался бы за старое, и то спасибо.

– Ничего страшного, не заплатит Лоуэлл – заплатят другие. – Райделл и сам не понимал, вранье это или не совсем вранье. – Только вы должны выслушать меня. Всю историю, от начала до конца.

– Нет, – сказала гора. Только теперь до Райделла дошло, кто послужил образцом для ее внешности. Этот мужик, которого показывают иногда в исторических программах, изобретатель наглазников или какой-то там еще хрени. – Нам обрыдли халявщики – можешь, кстати, передать это Лоуэллу.

Гиганты начали блекнуть, рассыпаться на крошечные цветные пятнышки, первичные атомы виртуального мира; Райделл терял их, терял навсегда.

– Подождите, – крикнул он. – Есть среди вас кто-нибудь из Сан-Франциско?

– А что, если да? – Из расплывчатого, почти утратившего форму облака материализовался динозавр.

– И он вам нравится?

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– Потому что он изменится, и очень скоро. Нашлись желающие переделать его по образу и подобию Токио.

– Токио? – Телевизионный водоворот принял на этот раз форму бешено вращающегося шара. – Кто тебе сказал?

– В Токио не больно-то развернешься, – заметила вернувшаяся из небытия гора.

– Выкладывай, – коротко бросил динозавр.

Что Райделл и сделал.

Шляпу Шеветта уже надела, а очки держала в руке. Покачивала очками и смотрела, как Райделл снимает шлем, вытирает со лба пот, кладет шлем на крошечный столик.

– Не врубилась я что-то в идею, – сказала она. – Крыша у тебя съехала, вот это уж точно. Вместе с карнизом.

– Очень может быть, – согласился Райделл. – Сколько там, кстати, с меня.

Оказалось, что изрядно. Остатков наличности едва хватило.

– На кой ляд было через Париж? – пробормотал он.

– Спроси чего полегче, – сказала Шеветта и встала.

36
Записная книжка (2)

Залитый солнцем город, с крыши этой крошечной, прилепившейся к устою коробки. Люк открыт. Слышно, как Скиннер перебирает свое имущество. Медленно наполняет картонный ящик предметами, которые я должен отнести вниз, туда, где торговцы старьем раскладывают свой товар на вытертых одеялах и грязных, насквозь промасленных кусках брезента. Осака далеко. Ветер приносит обрывки песни, стук молотка. Сегодня утром Скиннер поинтересовался, видел ли я в штейнеровском аквариуме щуку.

– Нет.

– Она не двигается, Скутер. Совсем не двигается.

Жаль, что я не поговорил с Фонтейном сам. Так он точно ничего больше не сказал? И он нашел велосипед? Плохо это, очень плохо. Она ж без велосипеда не может. Жопу до костей стерла, пока заработала. Он из бумаги склеен, внутри. Японская конструкционная бумага, как она там называется? Ни хрена ты, Скутер, не знаешь. Это ж твой долбаный язык. Забываешь его еще быстрее, чем мы… Трубки из этой бумаги, затем их покрывают арамидом или чем там. А она, она, думаешь, все так и оставила? Хрен там. Приволокла его как-то домой и три часа напыляла фальшивую ржавчину. Фальшивую ржавчину, ну вот ты, Скутер, ты можешь себе такое представить? И тряпьем старым оклеивала, раму, все подряд. Чтобы не выглядел новым. Вообще-то, от этого больше толку, чем от замков и всей этой хрени, точно больше. Знаешь, Скутер, как взломать криптонитовый замок? Домкратом от «вольво». Вольвовский домкрат подходит тик-в-тик, ну как нарочно подгоняли. Качнуть раза два – и пиздец котенку. Ими больше не пользуются, замками этими. А некоторые люди их все еще любят. Вон там лежит один такой, вон, посмотри… Я ее считай что нашел, на помойке подобрал. Они уже решили отвезти ее на тележке к концу моста, пусть город с ней разбирается. Да мы, говорят, и довезти ее не успеем, помрет раньше. А давитесь вы, говорю, конем, имел я вас в рот и в ухо. Затащил ее сюда, наверх. Сумел как-то. Почему? Потому. Вот ты увидишь, как человек умирает, так что, пройдешь

мимо, словно это по телевизору?

37
Сенчури-сити

Шеветта не понимала, нравится ей Лос-Анджелес или нет.

Но уж пальмы-то эти, это уж точно дикость.

По пути в город Саблеттов электромобиль чуть не полчаса тащился следом за огромным белым трейлером с надписью «ЖИВЫЕ ИНСТАЛЛЯЦИИ, НАНОТРОННАЯ РАСТИТЕЛЬНОСТЬ» по боку, вот там-то Шеветта и увидела эти деревья – зеленые, обернутые прозрачным пластиком верхушки, торчащие из кузова.

Вообще-то, она видела их и раньше, по Скиннерову телевизору, передача была специальная, как их сажают на место настоящих, погибших от мексиканского вируса. Они, деревья эти фальшивые, они вроде магнитной дороги, заменившей мост, или вроде тех зданий, которыми «Санфлауэр» хочет застроить Сан-Франциско, все эти штуки вроде как растут, но не как трава растет, а просто потому, что у них внутри крошечные такие механизмы. В той передаче все хвастались, как здорово эти деревья сконструированы и что в них даже могут жить всякие птицы, и крысы, и всякие там разные, которые жили в настоящих, которые засохли. А Скиннер тогда рассказал, как он раз впилился на джипе в настоящую пальму, это здесь же, в Лос-Анджелесе, и было, и сверху, из веток, на капот шлепнулись крысы, штук десять, и они постояли на капоте несколько секунд, стоят себе, и все, а потом все-таки испугались и убежали.

Лучше там или хуже, но что Лос-Анджелес совсем не такой, как Сан-Франциско, это уж точно. Расхлюстанный он какой-то, всего много и все раскидано как попало, а с другой стороны, сразу понимаешь, что прикоснулся к чему-то *большому*: и все эти горы на горизонте, и еще энергия, которая вот прямо чувствуется, как течет сквозь город, зажигает его, освещает. А может, это все потому, что приехали они сюда ночью, может, днем бы все совсем по-другому казалось.

Машина у Саблетта была маленькая, белого цвета, со странным названием «монтксо» – слово это было написано на приборной доске, Шеветта удивлялась на него всю дорогу от Парадиза до Лос-Анджелеса, а потом Саблетт сказал, что произносится оно «мончо», в рифму с «пончо». Сделали «мончо» в Европе, в Барселоне, и обращаться с ним было совсем просто – подключи к домашней сети и жди, пока батареи там или что зарядятся. Скоростью машинка эта не отличалась, сорок миль в час, и не больше, но Саблетт предпочитал ее всем другим из-за

своей аллергии. Получается, сказала Шеветта, что электромобили ну прямо для тебя придумали, и что бы ты без них делал? И Саблетт начал тогда жаловаться, как он боится теперь электромагнитных полей, ведь от них и рак бывает, и всякое.

Они оставили Саблеттову мать под присмотром миссис Бейкер, только никто из них в тот момент ни за кем не присматривал: они смотрели по телевизору «Космического охотника» и были до крайности возбуждены – *ведь это же первый фильм Молли Рингуайльд!* Да хоть бы и последний, подумала тогда Шеветта. Вот каждый раз так – восторга море, а хрен поймешь из-за чего.

Она взглянула на свое запястье; яркая эпоксидка и горстка цветного бисера (слава богу, миссис Саблетт увлекалась когда-то рукоделием) превратили наручник вроде как в фенечку… Говно это, а не фенечка. Ладно, переживем, уж лучше говенная фенечка, чем самый роскошный наручник.

А Райделл как сел в машину, так и прилип к телефону, попросит иногда Саблетта остановиться, сбегать за свежими батарейками и чешет языком дальше.

Шеветту вроде как тревожило такое невнимание, а ведь в мотеле они снова спали вместе – и снова ничего не произошло, хотя ведь никто не мешал, Саблетт лег прямо в машине на разложенных сиденьях.

А он, Райделл, все разговаривал и разговаривал с этими Лоуэлловыми дружками, с Державой Желаний, теперь они не возражали против обычного телефона, а еще он пытался послать кому-то сообщение по голосовой почте. Странная какая-то фамилия. Ну да, мистер *Ма*. Только сообщение это вроде как никто не принял, и тогда он снова позвонил этим «Желанным» и сказал им, что вот так, не получается, а потом пересказал всю историю с начала до конца, все, что с ним и с ней случилось, а те, Держава, все записывали, чтобы протолкнуть потом в почту этого мистера Ма. И они обещали стереть все остальное, что там ему успели насылать, чтобы Райделлово письмо было одним-единственным, уж тогда-то он, мистер Ма, точно его заметит.

На окраине Лос-Анджелеса Саблетт свернул к мотелю, и Шеветта очень обрадовалась; по рассказам матери эти заведения представлялись ей в самом радужном свете. На практике мотель оказался чем-то вроде трейлерного поселка, только без трейлеров – россыпь маленьких бетонных домиков, поделенных на совсем уже крошечные комнатушки. В растрескавшемся, сто лет как пересохшем плавательном бассейне иностранцы готовили на костре мясо, Шеветте запах даже понравился, но Саблетт впал в черную тоску, начал говорить, что ему нельзя, чтобы какие-то

углеводороды и еще что-то, а Райделл сказал: ничего, одну ночь потерпишь. Затем он, Райделл, сходил к иностранцам, поговорил с ними немного, вернулся и сказал, что это тибетцы. Мясо у тибетцев получилось вкусное, но Саблетт отказался даже пробовать, пожевал взятую с собой еду, желтоватые такие брикеты, с виду точно как мыло и по вкусу, наверное, тоже; так он пожевал этих брикетов, запил дистиллированной водой из бутылки и пошел к своему «мончо» спать.

А теперь Шеветта чуть не дрожала от страха, входя в этот самый Сенчури-Сити-II, а дрожать было нельзя, никак нельзя – опытный курьер, спешащий к адресату с письмом, выглядит независимо и даже нахально. Сенчури-Сити-второй – это дом не дом, неизвестно даже, как назвать, зеленоватая такая штука вроде сиськи и на трех подпорках, только подпорки эти не снаружи, а внутри, а снаружи их тоже видно, потому что стенки там стеклянные или еще какие, в общем – прозрачные. Огромная штука, больше всего, что есть в городе, а Райделл называет ее просто «Пузырь».

И внутри тоже шикарно, вроде как в Чайна-Бэйзин, и люди такие же – такие, каких видишь в финансовом районе, или в моллах, или когда работаешь на доставке.

Шеветта хорошенько вымылась, благо душевая в мотеле работала, и значки курьерские прицепила, и все равно это место действовало ей на нервы. Деревья и деревья, вся эта гигантская пустотелая подпорка усажена изнутри деревьями, словно лес какой, только не нормальный это лес, не горизонтальный, а наклонный, круто уходящий вверх, и свет, сочащийся сквозь прозрачные стенки, тоже странный, мутно-зеленый, как болотная вода. А посреди – эскалатор в милю, наверное, длиной, и она стоит на нем и едет куда-то вверх, а вокруг эти здешние, и ей так все и кажется, что они косятся на нее и думают: а эта-то как сюда попала? Райделл сказал, что тут есть и лифты, в двух других подпорках, и кабины там поднимаются наискось, вроде как эта, у Скиннера, желтая корзина, но Саблеттов друг сказал: лифтами не стоит, уж там-то интенсекьюровские рентакопы каждого с ног до головы осматривают, бдят.

Шеветта знала, что Саблетт где-то сзади, во всяком случае, они так договорились. Райделл только подвез их ко входу, а внутрь не пошел. Она спросила: а куда ты теперь, а он сказал: да вот съезжу, фонарик возьму. Райделл нравился ей все больше и больше – и это ее тревожило. И она задавалась вопросом – а каким бы был он, Райделл, в другой ситуации, не в такой, как эта, и еще – а какой бы была *она сама*, не влипни она в эту самую ситуацию?

Удачно это вышло, что и в Сенчури-Сити интенсекьюровская охрана – Саблетт связался с каким-то своим приятелем и все разузнал. Аккуратно разузнал, осторожно, ну словно хочет он попросить у фирмы перевод на новую работу, а потом они с Райделлом обсудили все и решили, что она, Шеветта, вполне может проникнуть внутрь, особенно если Саблетт будет прикрывать ее сзади.

Плохо вот только, что Саблетт ведет себя по-дурному, ну прямо словно не операцию проводит, а в петлю лезет. Выслушал программу, Райделлов, значит, план, и словно отрешился от всего земного, ну прямо блаженненький какой-то. Говорит все про свое апостатство, про любимые фильмы и еще про какого-то Кроненберга. Не нервничает, не дергается, ведет себя абсолютно спокойно, только вот спокойствие у него какое-то *беспокойное*, тревожное, в общем, спокойствие, словно знает человек, что скоро умрет, и вроде как с этим примирился, жалуется иногда на аллергию, а больше ни на что.

Зеленый свет. И все вокруг зеленое.

Там же, в мотеле, они соорудили этот пакет. В пакете очки. Адресат – Карен Мендельсон.

Шеветта на мгновение зажмурилась, представила себе, что скажет Банни, если она сорвет доставку (скажет? да он голову напрочь открутит!), и нажала кнопку.

– Да? – спросил компьютер.

– «Объединенная курьерская», для Карен Мендельсон.

– Доставка?

– Она должна расписаться.

– Я имею полномочия расписываться штрих-кодом…

– Подпись от руки. Я обязана *видеть*, как она расписывается, понятно?

Пауза.

– Что в пакете?

– А я их что, вскрываю по дороге или что?

– Что в пакете?

– *На* нем, – сказала Шеветта, – написано: «Суд по делам о наследстве», доставлен из Сан-Франциско. И если вы, мистер Волшебник, не откроете дверь, он туда же и вернется, ближайшим авиарейсом.

– Подождите, пожалуйста, – сказал компьютер.

По обеим сторонам двери стояли в кадках деревья – не какие-нибудь там чахлые прутики в горшочках, а большие и вроде бы самые настоящие. Шеветта не видела Саблетта, но знала, что он где-то там, за этой зеленью. Между корней одного из деревьев валялся окурок.

Дверь приоткрылась.

– Да?

– Карен Мендельсон?

– В чем дело?

– «Объединенная курьерская», Сан-Франциско. Распишитесь в получении.

Только вот корешка, где расписываться, нету.

– Сан-Франциско?

– Тут так написано.

Дверь открылась чуть побольше. Темноволосая женщина в светлом махровом халате. Глаза женщины скользнули по значкам «Объединенной». Проверяет.

– Я не понимаю, – сказала Карен Мендельсон, – обычно мы пользуемся услугами «Глобэкс».

– Наша фирма доставляет гораздо быстрее, – сказала Шеветта.

Из-за деревьев вышел Саблетт в черной интенсекьюровской форме. Шеветта увидела в серебристых контактных линзах два своих маленьких искривленных отражения.

– Миссис Мендельсон, – сказал Саблетт, – тут возникла небольшая проблема, связанная с безопасностью. Чрезвычайные обстоятельства.

– Чрезвычайные? – поразилась Карен Мендельсон.

– Не беспокойтесь. – Саблетт протолкнул Шеветту в дверь, мимо Карен. – Ситуация находится под контролем. Благодарю вас за оказанное содействие.

38
Чудесная миля

Уломать Уолли Дивака оказалось совсем просто, хотя в первый момент серб воспринял просьбу Райделла без малейшего энтузиазма.

– Я отдам фонарик сегодня, крайний срок – завтра, а заодно подыщу для тебя в «Интенсекьюре» что-нибудь серьезное, – беззастенчиво врал Райделл. – Что-нибудь такое *профессиональное*. Ну, скажем, телескопическую дубинку с лазерным наконечником.

Уолли относился к полиции с чрезмерным обожанием, под стать тринадцатилетней соплюхе, визжащей от восторга на концерте провинциальной рок-группы. Он любил теплое ощущение сопричастности, связанное со всем «профессиональным», и, подобно большинству своих сограждан, не проводил никакого различия между настоящими копами и наемными. Дом на Мар-Виста находился под охраной; к вящей радости Райделла, на предостерегающей табличке стояло название какой-то мелкой, малоизвестной фирмы. «Интенсекьюр» был для Уолли недоступной роскошью, так же как и новая машина. К слову сказать, он называл свою машину не «подержанная», а «обкатанная», словно первоначальный ее владелец был этаким батраком, укротителем диких, необъезженных автомобилей.

Но зато кополюбивый серб являлся полноправным хозяином не только домика с нежно-голубой пластиковой обшивкой и синтетическим газоном (пластик очень походил на крашеное дерево, а газон выглядел даже *лучше* настоящего), где жили Райделл и Кевин, но и двух других. Сестра Уолли бежала из охваченной беспорядками Сербии в тысяча девятьсот девяносто четвертом, а сам он – чуть позже. Уолли не тосковал по родине. Он говорил, что Америка – прекрасная страна, вот ограничить бы только иммиграцию.

– Что это у тебя за машина? – спросил Уолли с верхней ступеньки крыльца.

– «Мончо», – объяснил Райделл. – Испанский электромобиль, из Барселоны.

– Не забывай, что ты живешь в Америке, – поучительно сказал Уолли; его седые волосы были гладко зачесаны назад, на узком, покатом лбу поблескивали бисеринки пота. – Ну как же можно ездить на такой таратайке?

Рядом с домиком стоял аккуратный, чуть не языком вылизанный «БМВ»; доставая фонарик, Уолли потратил добрые пять минут на выключение охранной системы. Райделл вспомнил тот случай, когда ноксвиллская бригада по борьбе с наркотиками решила проверить новенькие, только что полученные уоки-токи. Тогда (было это в аккурат под Рождество) разом взвыли тысячи автомобильных сирен – неудачная радиоволна стронула все охранные системы в радиусе десяти миль.

– Почему? – удивился Райделл. – Это же очень хорошо для экологии страны.

– Это плохо для *имиджа* страны. Американец должен покупать автомобиль, вызывающий *уважение*. Баварский, в крайнем случае – японский.

– Спасибо, Уолли. – Райделл взмахнул длинным черным фонариком. – Скоро верну.

– С довеском, ты обещал.

– Раз обещал, значит сделаю.

– И за квартиру заплати.

– Обращайся к Кевину, это по его части.

Он забрался в крохотный «мончо», включил мотор и стал ждать, пока разгонится маховик. Уолли пожал плечами, махнул на прощание рукой и прикрыл за собой дверь. Прежде Райделл ни разу не видел его без всегдашней тирольской шляпы.

Райделл осмотрел фонарик, пытаясь разобраться, где у него предохранитель и где спуск. Не бог весть какое оружие, но на сегодня хватит. А что не смертельно, так это даже хорошо. Обзавестись стволом проще простого, в Лос-Анджелесе этого добра навалом, но если повяжут с оружием – припаяют больше.

На обратном пути к Пузырю Райделл вел машину медленно и осторожно, не нарушая никаких дорожных правил, и держался по возможности улиц, на которых были специальные полосы для электромобилей. Достав из бардачка Шеветтин телефон, он набрал номер в Юте, полученный от Пожирателя Богов еще в Парадизе, при первом разговоре. Пожирателем Богов представился тот, который гора. «А что это за имя такое?» – поинтересовался Райделл, и тогда Пожиратель сказал, что он – чистокровный индеец. Врал, наверное.

Да какие там имена, у них голоса и те ненастоящие, цифровое моделирование. Вполне возможно, что Пожиратель Богов – женщина или трое разных людей. Или наоборот, все эти трое – гора, динозавр и телевизор, – все они – один-единственный человек. Райделл вспомнил «Когнитивных диссидентов», женщину в инвалидном кресле. Это могла быть она. Это мог быть кто угодно, в том-то и штука с этими хакерами.

Гудок, другой… Где-то там, в Юте, звонил телефон. Как и всегда, Пожиратель поднял трубку посередине пятого гудка.

– Да?

– Парадиз, – сказал Райделл.

– Ричард?

– Никсон.

– Все в порядке, Ричард, твой заказ выполнен. Осталось последнее маленькое усилие.

– Вы можете назвать цену?

На светофоре вспыхнул зеленый. Отчаянные гудки сзади – какого-то торопыгу достала полная неспособность «мончо» быстро брать с места.

– Пятьдесят, – сказал Пожиратель Богов.

Пятьдесят тысяч долларов! Райделл болезненно сморщился.

– О'кей, – сказал он. – Цена нормальная.

– Еще бы не о'кей. – (Райделл представил себе косую ухмылку на гранитном лице горы.) – А то ведь мы можем устроить тебе веселенькую жизнь, даже в тюрьме. Не *даже* в тюрьме, а *тем более*, там жизнь и сама по себе веселая, а с нашей-то помощью…

Это уж точно, подумал Райделл. Где-где, а в тюрьме-то у тебя дружков хватает.

– Вы можете оценить время реакции, хотя бы примерно? Как быстро появятся они после моего звонка?

Пожиратель Богов рыгнул, громко и беззастенчиво. Обожрался богами?

– Быстро. Минут через десять, максимум пятнадцать. Мы устроили все точно так, как и договаривались, эти ваши приятели навалят в штаны. Да и сам ты держись подальше, тут же будет такое, что ни в сказке сказать. Это у них новая, только что организованная бригада.

– Хотелось бы надеяться, – сказал Райделл и выключил телефон.

Райделл дал смотрителю автостоянки правильный номер квартиры – ну какой тут смысл врать? Перед тем как выйти из машины, он засунул фонарик за брючный ремень, сзади, и накинул на плечи джинсовую куртку, позаимствованную у Бадди. Судя по размеру, куртка принадлежала не Бадди, а его папаше. Отдам, сказал Райделл, в Лос-Анджелесе, а заодно подыщу тебе там какую-нибудь работу. Он очень надеялся, что мальчишка передумает, останется дома, ведь сколько раз бывало, что не успеет такой вот Бадди отойти от автобусного вокзала, как нарвется на шустрого городского хищника. Сверкнут волчьи зубки, хлопнет дверца, закрутятся колеса – и все, остались от

козлика рожки да ножки. А с другой стороны, если войти в его положение… Ну что у мальчишки за жизнь в этой комнатушке метр на два, оклеенной благочестивыми постерами? Одна в жизни радость – виртуалку посмотреть, так и то приходится ночью, крадучись, чтобы папаша, упаси Фаллон, не засек. Если не сделать хоть одну попытку вырваться из этого болота – ну как ты будешь потом смотреть себе в глаза?

А Саблетт молодец – это какую же надо иметь смелость, чтобы уйти вот так, в никуда, да еще с аллергией этой.

Неладно с ним, с Саблеттом. Не время сейчас думать о посторонних вещах, но ведь он, псих этот несчастный, совсем какой-то квелый стал. Двигается как во сне, ни на что внимания не обращает, ну разве что на аллергию.

А еще Райделл думал о Шеветте, о полоске белой кожи между черными велосипедными лосинами и футболкой, когда она лежала на кровати, лицом к стенке, и как он все хотел потрогать эту полоску, но так и не потрогал.

И соски, проступавшие сквозь футболку, когда она села и потянулась, и еще – темный завиток под мышкой. А ведь в ближайшие полчаса может произойти любое, вот упекут тебя за решетку, и кусай тогда локти, что упустил свой шанс, а если пристрелят, так и еще обиднее будет.

Прямоугольная головка хитроумного фонаря болезненно впивалась в позвоночник. Райделл свернул направо, к кофеварке, заказал чашку с двойным коньяком, расплатился последними своими деньгами и взглянул на часы. Без десяти три. Прошлой ночью он позвонил из мотеля по личному, не внесенному ни в какие справочники номеру Люциуса Уорбэйби и обещал перезвонить завтра – то есть сегодня – ровно в три.

Пожирателю Богов абсолютно безразлично, внесен номер в справочник или не внесен. Пожиратель Богов может узнать *любой* номер.

В голосе Уорбэйби звучала глубокая, неподдельная скорбь. Обида и разочарование.

– Мы и подумать не могли, что ты выкинешь такой фортель.

– Простите великодушно, мистер Уорбэйби. А все эти долбаные русские. И этот еще, ковбой хренов, Лавлесс. Ну достали меня эти суки, вот я и сорвался.

– То же самое можно было бы выразить, не прибегая к непристойным выражениям. Кто дал тебе этот номер?

– Эрнандес, еще тогда, раньше.

Молчание.

– Мистер Уорбэйби? Очки все еще у меня.

– Где ты находишься?

Шеветта Вашингтон лежит на кровати, в ее глазах беспокойство.

– В Лос-Анджелесе. Не нравятся мне эти русские, чем дальше от них, тем лучше.

Снова молчание. Очень похоже, что Уорбэйби прикрыл трубку рукой. Десять секунд молчания, пятнадцать…

– Я понимаю твое поведение. Не одобряю, но понимаю. Вполне возможно, что и я бы на твоем месте…

– А вы не могли бы приехать сюда и забрать их? И будем считать инцидент исчерпанным.

Новая пауза. Долгая. Очень долгая.

– Да, Райделл, да, я могу приехать. Только… – Вздох, словно вобравший в себя все скорби мира. – Только не хотелось бы, чтобы ты забыл, как ты меня расстроил.

– Но только чтобы без посторонних, вы и Фредди, и никого больше, хорошо?

– Разумеется.

Райделл представил себе, как Фредди отчаянно молотит по клавиатуре какого-нибудь нового лаптопа, затем поднимает голову, виновато смотрит на своего шефа и пожимает плечами. Проверка по телефонной сети не дала ровно ничего. Звонок пришел с оклендской подстанции, а туда – с пиратского подключения.

– Мистер Уорбэйби, вы успеете сюда к завтра, да? Тогда я позвоню вам по этому же номеру и назначу место встречи. Ждите звонка в три ровно.

– Вот сейчас, Райделл, ты поступаешь совершенно правильно, – сказал Уорбэйби.

– Хотелось бы надеяться, – сказал Райделл и выключил телефон.

Райделл подул на горячий кофе, сделал осторожный глоток, взглянул на часы. Ровно три. Он поставил чашку на стойку, вынул телефон и набрал номер Уорбэйби.

Они приехали через двадцать минут, в двух машинах, с двух противоположных направлений. Черный «линкольн» с белой спутниковой антенной на крыше и потрепанная серебристо-серая «лада», наверное прокатная. С водительского места «линкольна» вышел Фредди. Он покрутил зачем-то головой, обошел машину, открыл правую заднюю дверцу и подал боссу руку. Орловский и Шитов выскочили на мостовую одновременно и дружно хлопнули дверцами. После короткой – секунд десять, не больше – беседы вся четверка вошла под Пузырь, миновала кинетические скульптуры и направилась к ближайшему лифту. Уорбэйби

выглядел точно так же, как и прежде, – то же оливковое пальто, тот же стетсон, та же самая бронебойная трость, та же самая скорбная рожа, зато Фредди щеголял новой рубашкой, выдержанной в ядовито-розовых тонах, и новым компьютером, однояйцевым близнецом старого. Русские вышли на дело в серых, со стальным отливом костюмах. Интересно, они костюмы выбирали под цвет машины или наоборот?

А Лавлесса нет как нет.

И ждать больше нельзя. Пора звонить в Юту.

Райделл набрал номер.

– Господи спаси и помилуй, – пробормотал он, отсчитывая гудки.

– Неужели кофе плохой? – всполошился чернявый азиатский парнишка, заправляющий кофеваркой.

– Все в порядке, – сказал Райделл и тут же услышал голос Пожирателя Богов.

– Да?

– Парадиз.

– Это Ричард?

– Никсон. Они здесь. Четверо, без Юмориста.

– Двое русских, Уорбэйби и этот, его помощничек?

– Все как один.

– А последнего нет?

– Я его не видел…

– Неважно, в пакете описание всех пятерых. О'кей, Райделл, начинаем.

Щелчок – и короткие гудки.

Райделл сунул телефон в карман и почти побежал к эскалатору, оставив кофеварщика в тоске и недоумении.

Пожиратель Богов и его дружки – если только это разные люди, а не какая-нибудь, скажем, престарелая оклендская леди с аппаратурой на пару миллионов и скверным характером, – так вот они (*будем считать,* что *они*) поражали Райделла своим уникальным идиотизмом. Они – если верить их же словам – могли сделать абсолютно все. Но почему же тогда всемогущие эти люди вынуждены прятаться и зарабатывать деньги преступным путем?

Компьютерная преступность не входила в программу академии отдельным предметом, а в двух обзорных лекциях пережевывались по преимуществу старые, любому ребенку известные факты. История того, как появились однажды на свете хакеры, такие себе хитрожопые ребята, хулиганившие не на улицах, а в телефонной сети. «Строго говоря, – сказал лектор,

заезжий фэбээровец, – любое преступление, относившееся прежде к „беловоротничковым“, неизбежно превращается в компьютерное, так как в наше время все конторские операции осуществляются через компьютер. Не следует путать этот вид правонарушений со все еще сохранившимися компьютерными преступлениями в *старом* смысле слова; если в первом случае нам противостоят жуликоватые чиновники и бизнесмены, то во втором – профессиональные преступники, называющие себя по старой памяти хакерами. Рядовой гражданин, – продолжал фэбээровец, – все еще видит хакеров в романтическом свете. Веселые, безобидные шутники, вроде ребят, перетаскивающих ночью дощатый загородный сортир на новое место. В старые дни многие люди даже и не подозревали, что у них в хозяйстве *есть* сортир, который можно куда-то там перетащить, а потом окунались в говно по самые уши и начинали вопить. – Он сделал паузу. Курсанты послушно рассмеялись. – Теперь все переменилось, – продолжил федерал. – Современный хакер ничуть не романтичнее, чем боевик героинового картеля или тупой качок, выколачивающий долги из потребителей „плясуна“. И поймать его несравненно труднее. Средний хакер очень быстро колется на допросе – нажми чуть посильнее, и он выдаст всех своих сообщников. К сожалению, эти ребята переняли у террористов систему конспиративных ячеек, ячейки объединяются в группы покрупнее и так далее. В результате улов почти всегда ограничивается членами одной ячейки, они просто *не знают*, кто состоит в других ячейках, не знают и не желают знать».

Практически наверняка Пожиратель и его приятели, сколько уж их там есть, составляют одну из многих ячеек так называемой Державы Желаний. И они выполнят заказ (если это действительно входит в их намерения) по трем причинам. Первое. Они не хотят перестройки Сан-Франциско, предпочитая его теперешнюю щелястую инфраструктуру. Второе. Они надеются получить с заказчика весьма приличные деньги – деньги, которых у него нет. И третье. Они намерены сделать нечто такое, чего никто и никогда прежде не делал. Судя по всему, именно третья причина является главной, именно она поддерживает в них необходимый для столь сложной операции энтузиазм.

Сейчас, шагая вверх по ступенькам эскалатора, чувствуя на себе недоуменные взгляды людей, то ли живущих, то ли работающих в этом то ли доме, то ли городе, сдерживая себя изо всех сил, чтобы не перейти на бег, Райделл почти уже не верил, что Пожиратель Богов со товарищи действительно сделают то, что обещали сделать. А если не сделают? Тогда все, полный

пиздец.

Да нет, успокаивал он себя, почему же не сделают? Сделают, непременно сделают. Где-то там, в Юте, параболическая антенна развернулась к тихоокеанскому побережью, нацелилась в калифорнийское небо. И с нее срываются эти упаковки – нет, *пакеты* сигналов. Пожиратель всегда говорит «пакеты» – кто их там, интересно, пакует.

А где-то здесь, над Пузырем, над Лос-Анджелесским бассейном, висит «Звезда Смерти».

До верха оставалось метров тридцать; Райделл протиснулся мимо седовласого джентльмена в снежно-белом теннисном обмундировании и рванул бегом. Вот он, бронзовый сосок. Люди входят и выходят из этого хитрого молла, в фонтане бьются и переливаются рваные полотнища зеленоватой воды. Две широкие серые фигуры уверенно шагают в направлении жилого комплекса. Не озираются, не ищут дорогу, идут прямо к нужной квартире. Великий Люциус и верный его соратник куда-то запропастились.

Три тридцать две.

– Вот же мать твою, – сказал Райделл.

Ну вот он и есть, тот самый пиздец. Ни хрена у этого пожирателя говна не вышло, а раз так, то Шеветта погибла, и Саблетт – тоже, и даже Карен Мендельсон, которая вообще здесь сбоку припека. Ну что, доигрался? Смелый ты мужик, чуть что – «была не была» и вперед, на танки. Вот больше и *не будешь*, никогда.

И в этот момент с юга, со стороны кортов для игры в мяч, появились непонятные угольно-черные предметы. Штук десять, а то и больше. Предметы проскользнули сквозь узкую щель в стеклянной стене и стали быстро приближаться. И все это – почти беззвучно. Игроки в мяч провожали их недоуменными взглядами.

Вертолеты, вот что это такое. Маленькие беспилотные вертолеты огневой поддержки, хорошо знакомые по телерепортажам из Мехико. Гордость французской государственной компании «Аэроспасьяль». И можно ручаться, что управляет ими ЭККС, Экстренная командно-коммуникационная система. «Звезда Смерти» тоже находится под контролем ЭККС, это, так сказать, глаза, а теперь вот и руки появились. Один из вертолетов проскользнул совсем близко, футах в двадцати, над головой; Райделл отчетливо различил стволы то ли пушек, то ли ракетных пусковых установок.

Будущее «Интенсекьюра» виделось в очень мрачном свете.

– ЭКСТРЕННАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ ОПЕРАЦИЯ. СОХРАНЯЙТЕ СПОКОЙСТВИЕ.

Со стороны молла донесся истошный женский вопль.

– СОХРАНЯЙТЕ СПОКОЙСТВИЕ.

И в большинстве своем обитатели этой подоблачной страны вели себя весьма достойно, никто из них не шарахался, не суетился, не пытался спрятаться.

Райделл сорвался с места.

Три вертолета снизились до высоты человеческого роста и хищно нацелились на сан-францисских копов. Шитов замер с отвисшей челюстью, половинковые очки Орловского съехали на кончик носа, еще секунда – и упадут.

Райделл обогнал русских.

– НА ПОЛ, ЛИЦОМ ВНИЗ. БЫСТРО, ИЛИ МЫ СТРЕЛЯЕМ.

Но и эта угроза не произвела ни малейшего впечатления на стройных, подтянутых, по преимуществу белокурых небожителей. Кто с ракеткой в руке, кто с покупками, упакованными в темный глянцевый бумажный мешок, они стояли и смотрели. Смотрели на вертолеты. Смотрели на опрометью несущегося Райделла. В их холодных глазах не было ни тени испуга, только умеренное, хорошо сдерживаемое любопытство и какая-то малоприятная жесткость.

А вот Фредди послушно выполнил приказ бестелесного голоса – плюхнулся на гранитные плиты тротуара ничком и прикрыл голову драгоценным своим компьютером.

Хрен с ним, с Фредди.

– СОХРАНЯЙТЕ СПОКОЙСТВИЕ.

Немолодой, отошедший от дел господин устал сидеть в четырех стенах, вышел погулять, присел на чугунную скамейку и который уже час безучастно созерцает текущую мимо жизнь, самая обычная для городских улиц фигура. Уорбэйби поднял голову и взглянул на Райделла.

– ПОЛИЦЕЙСКАЯ ОПЕРАЦИЯ.

Судя по металлической тросточке, прислоненной к боковине скамейки, у господина неладно с ногами. Уорбэйби взялся за трость, начал медленно ее поднимать.

Пиздец, мелькнуло в голове у Райделла. Дырка будет больше головы.

– СОХРАНЯЙТЕ СПОКОЙСТВИЕ.

Но бесконечно скорбный Уорбэйби лишь тронул концом трости поля стетсона, салютуя Райделлу.

– БРОСАЙ ЭТУ ПАЛКУ.

Громовой голос полицейского, засевшего в каком-то подземном бункере Восточного Сити-холла и управляющего крошечным вертолетом с помощью аппарата телеприсутствия.

Уорбэйби медленно пожал плечами и откинул трость в сторону.

Райделл стрелой пролетел сквозь распахнутые ворота и бросился к двери Карен Мендельсон. Дверь была приоткрыта. На пороге стояли Карен и Шеветта. Удивленные, широко распахнутые глаза делали их похожими друг на друга.

– В комнату! – заорал Райделл.

Нуль реакции. Стоят и пялятся.

– Прячьтесь!

Из-за стоявшего рядом с дверью дерева вышел Лавлесс. На Лавлессе была серебристая спортивная куртка. Темные, не в тон коже нашлепки микропористого пластыря, густо усеявшие его лицо, казались пятнами проказы или экземы, левая рука на перевязи, правая поднимает тот самый пистолет. И улыбка – тоже та самая.

– Ах ты сучий потрох! – завизжала Шеветта. – Убирайся!

Пистолет почти уперся Шеветте в голову, позолоченная улыбка исчезла. Вместе с улыбкой исчезли и губы, прежде Райделл этого не замечал. Исчезли, будто их и не было совсем.

– НЕ ДВИГАЙТЕСЬ, – напомнил вертолетный голос, но Райделл уже вскинул полученный от Уолли фонарик.

Лавлесс так и не успел выстрелить. Перечный газ сделал с ним примерно то же самое, что аллергия делала с Саблеттом, только в десять раз хуже и во сто раз быстрее.

– Придурок, идиот, псих ненормальный!

Глаза Карен Мендельсон заплыли, превратились в узкие щелочки, Шеветта выглядела еще хуже – им обеим досталось по небольшой дозе перечного аэрозоля. Саблетт не пострадал – узнав о химической атаке, он залез в кладовку и собирался сидеть там до победного конца, пока не осядут последние микроскопические капли.

– Да ты, придурок, ты сам-то хоть понимаешь, что ты наделал?

Райделл сидел в белом «ретроагрессивном» кресле, наслаждался заслуженным отдыхом и слушал, как орут за стенкой вертолеты. Позднее он узнает, что Держава Желаний представила Уорбэйби и остальную компанию как бомбистов-наемников, работающих на Сонорский Фронт Независимости[44]. Нехорошие эти люди натаскали в квартиру Карен Мендельсон взрывчатку в количестве вполне достаточном, чтобы оторвать сосок от сиськи и забросить его аж в Малибу[45]. Чтобы спецназ действовал не слишком размашисто, Пожиратель Богов и его дружки придумали какую-то историю с заложниками. Выдумка помогла – но только на первое время. Настоящие, безо всяких там вертолетиков, спецназовцы устроили обитателям квартиры

веселую жизнь; не будь Карен юристкой из знаменитого телешоу «Копы влипли», дело могло бы дойти и до членовредительства; чуть позднее на сцене появился Персли со своей командой, и обстановка разрядилась окончательно.

Вскоре выяснился очень интересный момент: ДПЛА и не думал признаваться, что какие-то там хакеры взломали «Звезду Смерти». Тревожный сигнал был получен от неизвестной личности по телефону – копы заявили это с самого начала и твердо стояли на своем. Они были готовы спустить дело на тормозах, закрыть глаза на самые подозрительные обстоятельства – все, что угодно, лишь бы не пострадала репутация наисовершеннейшего из полицейских спутников.

Но это все потом, а пока Райделл сидел в кресле, слушал руготню Карен, проникался понемногу идеей, что да, он, конечно же, идиот, но ей нравятся такие идиоты. И еще думал о «Фольклорном КошмАрте» и о той, как ее там, женщине. Вот именно – *как* ее там. Как ее там берут в оборот лихие стражи порядка. Дело в том, что Пожирателю Богов потребовался лос-анджелесский номер телефона, с которого вроде бы и пришла липовая информация. Райделл не хотел давать номер Кевина, а другого у него не было, он порылся в бумажнике и нашел обрывок «Пипла» с номером «КошмАрта» и сказал этот номер Пожирателю.

А затем пришла Шеветта и спросила, с трудом шевеля раздувшимися от перца губами: так что же получается, удалась эта штука или все-таки пиздец? Райделл сказал, что да, удалась, и нет, не пиздец, и тут вломились копы и так круто взялись за дело, что иногда уже казалось – а может, все-таки пиздец, ну а потом явился во всем своем великолепии Аарон Персли с такой мощной командой, что на каждого спецназовца получилось по два юриста и еще свободные остались, а еще через пару минут пришел Веллингтон Ма в нежно-голубом блейзере с золотыми пуговками.

Вот так-то вот и вышло, что Райделл сподобился лицезреть великого человека.

– Познакомиться с клиентом – величайшее для меня удовольствие, – сказал Веллингтон Ма и протянул руку.

– Очень рад с вами познакомиться, мистер Ма, – сказал Райделл.

– Я не буду спрашивать, что вы сделали с моей голосовой почтой, – сказал Веллингтон Ма, – но очень надеюсь, что это было в последний раз. Я прослушал ваш рассказ с огромным, *огромным* интересом.

Райделл вспомнил Пожирателя и подумал: а вдруг Ма и Карен станут возникать из-за тех пятидесяти тысяч? Да нет, вряд ли, вон ведь Аарон Персли два уже раза говорил, что сюжет

получится куда сильнее, чем тот, с «Медведями-Шатунами», и Карен трещала без умолку, что какая, значит, телегеничная у Шеветты внешность и как «Крутой Коран» в лепешку разобьется, лишь бы получить заказ на саундтрек.

И Веллингтон Ма сам, лично, заключил контракты с Шеветтой и Саблеттом, правда, Саблетт так и не захотел вылезать из кладовки, сунули ему бумаги в щель, он расписался и вернул через ту же щель.

За это время, пока Саблетт и Шеветта держали Карен взаперти и следили, чтобы она не исхитрилась нажать какую-нибудь там интенсекьюровскую сигнальную кнопку, Шеветта успела рассказать ей, считай, всю историю, от начала до конца. Карен, конечно же, разбиралась в этих BC-очках, умела просматривать заложенный в них материал, так что теперь она знала о «Санфлауэре», или как он там называется, во сто раз больше всей остальной компании, вместе взятой. И она все говорила Персли, что это настоящий динамит, что тут же можно прижать к ногтю этого Коди дважды долбаного Харвуда, нужно только нигде не лопухнуться, а его, ублюдка этого долбаного, давно пора прищучить.

А вот Райделл так ни разу и не посмотрел, что же там за картины такие в этих очках, а сейчас уже было не до того, возникали проблемы поважнее.

– Мистер Персли?

– Да, Берри?

– А что с нами будет?

– Ну, – Персли подергал себя за подбородок, – для начала тебя и двоих твоих друзей арестуют.

– В тюрьму?!

– Да. – Персли взглянул на массивные золотые часы. В тех местах, где часы крепятся к браслету, красовались две большие цельные пластинки бирюзы, цифры на циферблате были выложены мелкими бриллиантиками. – Минут через пять. Первая пресс-конференция начнется около шести. Это как, удобно или вы хотите сперва поесть? Позвоните тогда в доставку, закажем что-нибудь.

– Но ведь нас арестуют.

– Залог, Берри. Освобождение под залог – вам знакомо такое понятие? Завтра утром вы снова будете на свободе.

– Ну а потом, мистер Персли? Что будет потом?

– Берри, – широко ухмыльнулся Персли, – ты вляпался. Ты – коп. Ты – честный коп. И ты вляпался. Вляпался по уши, в на редкость – извини, я *должен* это сказать – в на редкость *героическое* говно. – Он хлопнул Райделла по плечу. – А раз так,

сынок, то «Влипшие копы» сделают все возможное и невозможное, чтобы эта история завершилась к полному твоему – и нашему – удовлетворению.

– Тюрьма? – переспросила Шеветта. – Вот и чудесно. Только мне нужно сперва позвонить в Сан-Франциско, Фонтейну.

– Звони куда угодно, милая. – Карен взяла бумажную салфетку и промокнула слезы, брызнувшие из глаз Шеветты. – Они все запишут, но мы тоже получим копию. И ты не напомнишь мне имя твоего друга, черного, которого потом застрелили?

– Сэмми Сэл, – всхлипнула Шеветта.

– Персли, – повернулась Карен, – нужно связаться с Джексоном Кейлом, и побыстрее.

Джексон Кейл? – удивился про себя Райделл. А зачем? При чем тут этот долговязый молодой артист, чью черную нахальную физиономию знают все любители мыльных опер?

Вопросы остались без ответа, потому что в этот момент Шеветта обняла его, прижалась к нему всем телом. Она смотрела на Райделла снизу вверх из-под этой своей бредовой прически, глаза у нее были совсем красные, из носу текло, но Райделлу все равно было приятно.

39
Праздник в непогоду

Пятнадцатого ноября, в субботу, после четвертой ночи, проведенной в Скиннеровом гнезде, Ямадзаки надел балахонистую шерстяную куртку, от которой воняло парафином, открыл запертый на огромную бронзовую щеколду люк, обвязал большую картонную коробку веревкой, спустил ее на дощатый помост, спустился следом сам, сел вместе со своей поклажей в желтую пластиковую корзину лифта и поехал вниз, на барахолку. Коробка содержала несколько обломков окаменевшего дерева, левый рог оленя-самца, пятнадцать компакт-дисков, фаянсовую кружку с ребристой поверхностью и выпуклыми буквами «ОХО»[46] (рекламный подарок какой-то фирмы?) и вздувшуюся от сырости книгу с поблекшими, еле различимыми буквами на синем картонном переплете: «Литературная история Соединенных Штатов».

Серые унылые облака плотно обложили все небо, от стылого, как в подземелье, воздуха коченели пальцы; Ямадзаки сунул руки в карманы Скиннеровой куртки, замусоренные опилками, песком и еще какими-то крошечными непонятными объектами. Торговцы раскладывали свой товар. Ямадзаки волновался, что не знает, как к ним подойти, не знаком с принятой в их обществе манерой общения, но торговцы взяли инициативу в собственные руки, они сгрудились вокруг, изучая содержимое коробки и часто повторяя имя Скиннера.

Первыми – и дороже всего – ушли куски окаменевшего дерева, затем – кружка, затем – восемь компакт-дисков. Мало-помалу Ямадзаки распродал все, кроме «Литературной истории» – слишком уж она заплесневела. Он положил синюю, рассыпающуюся по листочку книгу в мусорную кучу, пересчитал деньги и пошел искать старую женщину, торгующую яйцами. Кроме того, у них со Скиннером почти не осталось кофе.

Подходя к магазинчику, где жарили и мололи кофе, Ямадзаки заметил в утренней сутолоке знакомую фигуру. По случаю холода и сырости Фонтейн застегнул длинное твидовое пальто на все пуговицы и поднял воротник.

– Ну что, Скутер, как там наш старикан?

– Он все время спрашивает об этой девушке…

– Она в лос-анджелесской тюрьме, – ухмыльнулся Фонтейн.

– Тюрьма?

– Сегодня же утром выйдет под залог, она звонила мне вчера

вечером и так и сказала: сейчас меня повинтят, а завтра утром выпустят. Я же, собственно, к вам и собирался, чтобы обрадовать. Да, кстати. – Фонтейн достал из кармана телефон. – Бери, у нее есть этот номер. Захочешь позвонить домой – звони, только не очень часто.

– Домой?

– В Японию.

– Конечно, – кивнул Ямадзаки. – Я прекрасно понимаю…

– Не знаю, чем уж там она занималась все это время, да и знать не хочу, у меня и так хлопот полон рот. Энергоснабжение восстановлено, но теперь я не понимаю, что делать с этим раненым, никто его не знает, никому он не нужен. Вытащили красавчика в среду утром из остатков чьей-то теплицы. Тут вот, рядом, почти прямо под вами. Придет на пару минут в сознание и снова отключается – не знаю уж там, сотрясение у него или что. Так-то все вроде в порядке, кости целы. И еще ожог на боку, вроде как от теперешней хитрой пули.

– И вы не хотите отвезти его в больницу?

– Нет, – качнул головой Фонтейн. – Это только если парень сам попросит или будет совсем при смерти, на мосту иначе не делается. В больнице сразу прогоняют тебя через компьютер, устанавливают личность, а у многих из нас есть серьезные основания держаться от таких штук подальше.

– А-а, – тактично кивнул Ямадзаки.

– Вот тебе и «а», – передразнил Фонтейн. – Думаю, кто-то нашел этого парня раньше нас, во всяком случае, карманы у него пустые, ни бумажника, ничего. Ну да ладно, рано или поздно кто-нибудь его узнает – не по морде, так хоть по прибамбасам на болту.

– Да. – Ямадзаки сделал мысленную заметку спросить у Скиннера, что такое «прибамбасы» и о каком болте мог говорить Фонтейн в связи с опознанием травмированного человека. – А ваш револьвер так у меня и лежит.

– Лежит, говоришь? – Фонтейн опасливо огляделся. – Знаешь, если эта штука точно тебе не нужна, закинь ее в воду, ладно? А телефон я у тебя потом заберу. Да, кстати, сколько ты здесь еще пробудешь?

– Я… я не знаю, – чистосердечно признался Ямадзаки.

– А на парад сегодня пойдешь?

– Парад?

– Пятнадцатое ноября, день рождения Шейпли. Приходи, будет что посмотреть. Что-то вроде марди-гра[47]. Молодежь, так та вообще раздевается догола, не знаю уж как сегодня будет, при такой-то погоде. Ладно, увидимся. Приветик Скиннеру.

– Да, приветик, – улыбнулся Ямадзаки. Фонтейн пошел дальше. Яркий поплавок вязаной шапочки поплясал над морем людских голов и пропал из виду.

По пути к кофейной лавке Ямадзаки вспоминал похоронную процессию, приплясывающую фигуру с багровым автоматом. Символ ухода Шейпли.

Шейпли убили в Солт-Лейк-Сити. (Некоторые называли это самопожертвованием.) Так или иначе, но семеро убийц, христианские фундаменталисты, члены белой расистской секты, загнанной после налета на аэропорт в подполье, все еще отбывали срок. Только, поправил себя Ямадзаки, их уже не семеро, а пятеро – двое умерли от СПИДа, подхваченного, по всей видимости, там же, в тюрьме штата Юта. Умерли, стойко отказываясь от прививки, запатентованной на имя Шейпли.

На суде они молчали. Перед оглашением приговора шестеро отказались от последнего слова, а седьмой, вожак, сказал, что СПИД – кара Господня, воздаяние грешникам по грехам их. Документальные пленки сохранили облик этих убийц Именем Божьим – сухопарые мужчины с наголо выбритыми головами и пустыми стеклянными глазами, такими и останутся они в истории, в памяти людской.

Ямадзаки подошел к лавке и встал в довольно длинную очередь.

К концу недолгой своей жизни Шейпли стал очень богатым человеком. Может быть, он даже был счастлив. Он успел увидеть, как продукт, полученный из его крови, остановил наползавшую на мир тьму. Опасных болезней много, с каждым годом их количество нарастает – и все же живая вакцина Шейпли спасла бессчетные миллионы жизней.

Ямадзаки решил, что обязательно посмотрит на парад. Только бы не забыть записную книжку.

Он дышал запахом свежесмолотого кофе и терпеливо ждал своей очереди.

Благодарности

Я в неоплатном долгу перед Паоло Полледри, основателем и куратором отдела архитектуры и дизайна Сан-Францисского музея современного искусства. В 1990 году мистер Полледри попросил меня написать что-нибудь для выставки «Воображенный Сан-Франциско», результатом чего явился небольшой рассказ «Комната Скиннера». Более того, именно Паоло стал инициатором моего сотрудничества с архитекторами Мин Фун и Крейгом Ходжеттсом, чья переделанная карта города (каюсь, я переделал ее еще раз) дала мне и Скайуокер-парк, и «Мышеловку», и «санфлауэровские» небоскребы. (Викторианская квартира Ямадзаки вместе со всей ее меланхоличностью позаимствована у Ричарда Родригеса из его потрясающей работы «Содом. Размышление над стереотипом», бывшей одним из экспонатов все той же выставки.)

Термин «виртуальный свет» придуман Стивеном Беком для описания аппаратуры, «создающей зрительное ощущение непосредственно в зрительном нерве, без участия фотонов» (*«Мондо 2000»*).

Исходным материалом для Райделлова Лос-Анджелеса послужил «Кварцевый город» Майка Дэвиса вообще и содержащиеся там наблюдения о приватизации общественных территорий в частности.

Я крайне обязан Маркусу, одному из редакторов журнала «Восходящий Меркурий», издаваемого Сан-Францисской ассоциацией велосипедных курьеров, который снабдил меня полным комплектом «Меркурия», после чего я исчез с его горизонта на год с лишним (прости, если можешь). «Восходящий Меркурий» – это «прикольный журнал, информирующий, развлекающий и прочими способами укрепляющий» членов курьерского братства. Именно там почерпнул я и рабочую атмосферу для Шеветты Вашингтон, и изрядную долю ее характера. Крути педали!

Я выражаю глубокую признательность следующим личностям, каждая(-ый) из которых внес(-ла) нужный элемент в самый нужный для этого момент или просто поддержал (-ла) мою работу своим советом, список прилагается: Лори Андерсон, Котти Чабб, Сэмюэл Дилейни, Ричард Дорсетт, Брайан Ино, Дебора Харри, Ричард Кадри, Марк Лейдлоу, Том Маддокс, Пэт Мерфи, Ричард Пиллиш, Джон Ширли, Крис Стейн, Брюс Стерлинг, Роджер Триллинг, Брюс Вагнер, Джек Уомак.

Хочется особо поблагодарить моего литературного агента

Марту Миллард за терпеливое отношение к автору, который работает медленно.

А также Деб, Грэму и Клер, стоически выдержавших мое подвальное затворничество.

Ванкувер, январь 1993

Идору

Посвящается Клэр

1
«Куб казни К.»

После «Слитскана» Лейни услышал от Райделла о другой работе. Кто такой Райделл? Ночной охранник из «Шато». Большой, спокойный теннессиец, всегда в дешевых солнцезащитных очках и с уоки-токи в ухе, всегда чему-то грустно улыбается.

– «Парагон-Эйша ДейтаФлоу», – сказал Райделл.

Это было уже под утро, в пятом, что ли, часу, и они сидели в громадных старых креслах. Там, в вестибюле «Шато», вся мебель была такая громоздкая, что человек в ней словно как терялся, становился меньше ростом. А бетонные потолочные балки кто-то не очень убедительно раскрасил под светлый дуб.

– Да? – вежливо отозвался Лейни, хотя откуда уж там было Райделлу знать, в каких местах его еще могут взять на работу.

– Токио, Япония, – сказал Райделл и потянул через пластиковую соломинку охлажденный латте. – Парень, которого я встретил в том году в Сан-Франциско. Ямадзаки. Он у них работает. Говорит, они ищут серьезного нет-раннера.

Нет-раннер. Лейни, предпочитавший считать себя исследователем, с трудом подавил печальный вздох.

– По контракту?

– Наверное. Он не говорил.

– Не очень мне что-то хочется жить в этом Токио.

Райделл покрутил соломинкой пену и кубики льда, оставшиеся на дне высокого пластикового стакана, словно в надежде обнаружить там какой-нибудь подарок от фирмы, и поднял глаза.

– Он такого не говорил, что жить обязательно там. А ты был когда-нибудь в Токио?

– Нет.

– Интересное, наверное, место, после этого землетрясения, и вообще. – Уоки-токи пискнул и начал что-то нашептывать. – Ну вот, теперь мне надо проверить ворота со стороны коттеджей. Хочешь прогуляться?

– Нет, – мотнул головой Лейни. – Спасибо.

Райделл встал. На нем был черный нейлоновый ремень, сплошь увешанный черными футлярчиками с какими-то хитрыми приспособами, и белая тенниска с подозрительно неподвижным черным галстуком.

– Я оставлю телефон в твоем ящике, – сказал он, привычно

разглаживая складки на форменных, цвета хаки брюках.

Райделл пересек устланное разнообразными коврами фойе и исчез где-то за темной, полированного дерева конторкой. Лейни смутно помнилось, что у него вроде бы были в прошлом крупные неприятности. Хороший парень. Неудачник.

Когда Лейни покинул наконец свое кресло, сквозь высокие арочные окна уже сочился тусклый рассвет, а в темной, как пещера, столовой начала сдержанно позвякивать тайваньская нержавейка. Иммигрантские голоса, степной диалект, понятный разве что Чингисхану. Звуки отражались от выстланного терракотовой плиткой пола, от потолочных балок, чудом оставшихся со времени, когда здесь впервые появились такие, как Лейни, или их предшественники со своей экологией известности и жуткой, нерушимой и непререкаемой иерархией взаимного пожирания.

Райделл сдержал обещание и оставил Лейни сложенный пополам листок бумаги. Токийский номер. Лейни извлек его из ящика на следующий день вместе с самой свежей оценкой своего гостиничного счета.

Теперь он не мог даже делать вид, будто номер в «Шато» ему по карману.

Неделю спустя, в Токио, он увидел свое лицо, отраженное в большом, с золотыми прожилками, зеркале, в лифте, поднимавшемся на четвертый этаж агрессивно-невзрачного здания «Боже Ж Ты Мой». Целью поездки был «Куб Казни К.», такой себе бар по мотивам Франца Кафки.

Прямо из лифта – в длинный зал, поименованный на травленой стальной пластинке как «Превращение». Где твердозарплатники в непременных белых рубашках, скинув пиджаки и расслабив узлы непременных темных галстуков, пили за искусно изоржавленной стальной стойкой, сидя на стульях с высокими спинками из какого-то бурого, хитиноподобного пластика. Над их головами хищно нависали иззубренные инсектоидные мандибулы.

Лейни окунулся в коричневый свет, в негромкий прибой разговоров. Он не знал японского. На прозрачной местами стене регулярно повторялись изображения таких же мандибул, а еще огромных жестких надкрылий и шипастых коленчатых конечностей. Он ускорил шаг, направляясь к изогнутой лестнице со ступеньками на манер блестящих коричневых панцирей.

С другой стороны за ним следили глаза русских проституток, кукольно-пустые в тусклом, тараканьем свете. Эти Наташи были

тут везде, рабочие девчонки из Владивостока, один из товаров, доставляемых «Комбинатом». Элементарная пластическая операция наделяла их бездушной, конвейерной красотой. Славянские Барби. А вживить для удобства надзирателей радиомаячок – так это еще проще.

За лестницей – «Исправительная Колония», дискотека, совершенно в такой час пустая. Лейни пересек зал, так никого и не встретив, под беззвучные вспышки красных молний. С потолка свисал дикого вида механизм, каждая из его членистых, в стиле древнего зубоврачебного оборудования, лапок заканчивалась острым стальным шипом. «Борона», – смутно вспомнил он. И эти самые – зубья, резцы. Рассказ Кафки, машина, исполняющая смертный приговор, вырезая его текст на теле осужденного. Устремленные вверх глаза. Невидящие. Он зябко передернулся, стряхивая воспоминания, и пошел дальше.

Вторая лестница, узкая и покруче, привела в «Процесс», мрачный и с низким потолком. Стены цвета антрацита. За синим стеклом трепещут языки пламени. Замешкался у входа – джетлаг плюс проклятая куриная слепота.

– Колин Лейни, если не ошибаюсь?

Австралиец. Огромный. Стоит за маленьким столом, по-медвежьи ссутулившись. Что-то странное в форме наголо бритой башки. И второй, гораздо меньше, сидит. Японец, клетчатая, с широченным воротником ковбойка застегнута до самого горла. Мигает сквозь круглые стекла очков.

– Садитесь, мистер Лейни, – сказал австралиец.

Чуть попривыкнув к темноте, Лейни рассмотрел, что у того нет левого уха, срезано чуть не начисто, остался какой-то скрученный обрубок.

Когда Лейни работал на «Слитскан», его супервайзера звали Кэти Торранс. Светлейшая из светлых блондинок. Бледность на грани полной прозрачности, при определенных углах освещения начинало казаться, что в ней течет не кровь, а некая странная жидкость цвета свежей соломы. На ее левом бедре было пронзительно-синее изображение чего-то гнутого и крученого, со множеством шипов. Дико дорогая дикарская пиктограмма. Доступная наблюдению ежепятнично, когда Кэти приходила на работу в шортах.

Она всю дорогу жаловалась, что известность очень быстро снашивается. Зациклилась, как думал Лейни, на расхожем мнении многих поколений своих коллег.

В тот раз она сидела, закинув ноги на край своего мультистола. Абсолютно точные, разве что крошечные, копии

футбольных ботинок, застегнутые на подъеме, с крепкой шнуровкой по щиколоткам. Лейни смотрел на ее ноги, длинный, упругий взлет от грубошерстяных носков к бахроме коротко обрезанных джинсов. Татуировка казалась чем-то инопланетным, таким себе знаком или посланием, выжженным на подручном материале кем-то из дальнего космоса на радость человечеству – пусть себе сидит и разгадывает.

Он спросил, что она имеет в виду. Кэти не спеша извлекла из упаковки беленькую, с мятным ароматом зубочистку. Лейни сильно подозревал, что глаза, смотревшие на него сквозь мятного цвета линзы, были в действительности серыми.

– Теперь больше нету настоящих знаменитостей. Ты что, сам этого не замечаешь?

– Нет.

– Я имею в виду *настоящих* знаменитостей. Славы почти не осталось, если в старом смысле этого слова. Так, немножко, по мелочам.

– В старом смысле?

– Мы, Лейни, мы – массмедиа. Мы *делаем* этих засранцев знаменитыми. Подтолкнуть, вытащить – рутинная работа. Они приходят к нам, чтобы мы их слепили из чего уж там есть.

Шипастые подошвы взбрыкнули и пропали. Кэти подобрала ботинки под себя, каблуками к джинсовым бедрам, белесые коленки скрыли ее рот. И как она не сверзится со стула, неудобно же так сидеть.

– Ну и что, – заметил Лейни, возвращаясь к своему дисплею. – Как ни крути, слава, она и есть слава.

– А она что, настоящая?

Лейни недоуменно обернулся.

– Мы научились чеканить из этого дерьма деньги, – продолжила Кэти. – Валюта нашего околотка. А теперь мы нашлепали ее слишком много, даже аудитория начинает догадываться. Это видно по рейтингам.

Лейни кивнул, мечтая, чтобы она оставила свой треп, дала ему поработать.

– А потому, – сказала Кэти, – иногда мы решаем уничтожить какую-нибудь ее часть.

За ней, за анодированной сеткой «Клетки», за обрамляющим прямоугольником стекла, не пропускающего внутрь ни молекулы атмосферных загрязнений, висело пустое, безукоризненно гладкое небо Бербанка, образчик небесно-голубого пигмента, предоставленный прорабом вселенной.

Обрубок уха зарос по краю розовой, гладкой, как воск,

кожицей. Странно, можно же было пришить, а потерялось – так реконструировать.

– Чтобы не забыть, – сказал австралиец, по глазам читая мысли Лейни.

– Не забыть что?

– Не забыть вспомнить. Садись.

Лейни опустился на нечто если и напоминавшее стул, то лишь весьма отдаленно – хлипкую конструкцию из черных металлических прутиков и ламинированного пластика. Столик был круглый, размером с автомобильную баранку. За синим стеклом колыхались огни невесть какому богу возжженных лампад. Японец в ковбойке и круглых, металлом оправленных очках яростно моргал. Австралиец сел на такой же из обгорелых спичек стул, полностью скрыв его под своей непомерной, как у борца сумо, горой мускулов.

– Ты вроде справился уже с джетлагом?

– Таблетки принял.

Вспомнилась тишина в сверхзвуковом самолете, ощущение, что он вроде и не летит никуда, а застыл на месте.

– Таблетки, – повторил толстый. – Гостиница приличная?

– Да, – кивнул Лейни. – Я готов к интервью.

– Ну что ж…

Мужик энергично помял свое лицо огромными, сплошь в шрамах руками, а затем взглянул на собеседника, словно удивляясь, откуда он там взялся. Лейни опустил глаза на нанопорный тренировочный костюм, словно снятый с кого-то другого – тоже очень крупного, но все-таки малость поменьше. Цвета не разберешь, в такой темноте все кошки серы. Расстегнут почти до середины груди. Чуть не лопается на этой чудовищной туше. Обнаженный треугольник кожи исполосован десятками разнообразнейших по форме и текстуре шрамов, речная дельта из какого-то бредового атласа.

– Ну, так что? – произнес австралиец.

Лейни перестал изучать шрамы и поднял глаза.

– Я насчет работы. Пришел на предварительное интервью.

– Серьезно?

– Вы интервьюер?

– Интервьюер? – Неопределенная улыбка, демонстрирующая вполне определенные вставные зубы.

Лейни повернулся к японцу:

– Колин Лейни.

– Синья Ямадзаки. – Японец чуть привстал и пожал Лейни руку. – Мы с вами говорили по телефону.

– Это вы проводите интервью?

Глаза очкарика заморгали еще чаще.

– К сожалению, нет. Я занимаюсь экзистенциальной социологией.

– Я ничего не понимаю, – вышел из себя Лейни.

Молчание. Синья Ямадзаки смущенно отводит глаза. Одноухий нахмурился.

– Вы австралиец, – констатировал Лейни.

– Тэззи[48], – поправил одноухий. – В Смуту мы были за южан.

– Попробуем сначала, – предложил Лейни. – «Парагон-Эйша ДейтаФлоу». Это вы?

– Упорный, гад.

– Обстановка накладывает, – объяснил Лейни. – В смысле профессия.

– Да и то. – Одноухий вскинул глаза. Его правую бровь рассекал розовый перекрученный жгутик шрама. – Тогда Рез. Что ты думаешь *о нем*?

– Это, в смысле, рок-звезда? – спросил Лейни после краткого и не очень успешного сражения с проблемой контекста.

Кивок. Одноухий смотрел на него с предельной серьезностью.

– Из «Ло/Рез»? Группы? Полуирландец-полукитаец. Сломанный нос, так и не выправленный. Длинные зеленые глаза.

– Ну и что ты *думаешь* о нем?

В кэти-торрансовской системе отсчета этот певец воспринимался как нечто особо презренное. Она считала его живой окаменелостью, досадным пережитком давней, первобытной эпохи. Огромная, бессмысленная, как она говорила, известность вкупе со столь же огромным, бессмысленным богатством. Кэти воспринимала славу как некую тонкую материю, первозданную стихию типа флогистона, как нечто изначально распределенное по всей вселенной равномерно, но затем, при благоприятных условиях, концентрирующееся вокруг отдельных личностей и их карьер. Чтобы затем рассеяться, перераспределиться. С ее точки зрения, Рез продержался слишком уж долго. Он подрывал стройность ее теории. Он нагло бросал вызов сложившемуся порядку взаимопожирания. Возможно, все шнырявшие поблизости хищники оказались мелковаты для такой добычи, все, не исключая и «Слитскана». В результате группа «Ло/Рез» выдавала свой продукт с прямо-таки оскорбительной регулярностью в различных медиа, а их певец с упорством, достойным лучшего применения, отказывался убить кого-нибудь, связаться с политикой, признаться в неумеренном употреблении какой-либо любопытной субстанции или в неординарных сексуальных пристрастиях – сделать хоть что-нибудь, за что мог бы зацепиться «Слитскан». Он сиял, может, и тускловато, но зато

устойчиво, вне досягаемости Кэти Торранс. Что и было, по мнению Лейни, истинной причиной ее жгучей ненависти.

– Ну, – протянул Лейни по некотором размышлении и ощутил какое-то странное нежелание отвечать начистоту, – я купил тогда их первый альбом. Когда он только вышел.

– Название?

Одноухий стал еще серьезнее.

– «Ло Рез Скайлайн», – отрапортовал Лейни, крайне благодарный своему мозгу, что тот выкинул эти слова на поверхность. – Но я не знаю, сколько там они выродили с того времени.

– Двадцать шесть, не считая сборников, – сказал мистер Ямадзаки и поправил свои очки.

Лейни чувствовал, что принятые им таблетки, те, которые должны были, по идее, смягчить джетлаг, трещат под ним и проваливаются, как некие прогнившие фармакологические леса. Стены «Процесса» сблизились. И продолжали сближаться.

– Если вы не собираетесь объяснить мне, о чем, собственно, весь этот разговор, – сказал он одноухому, – я, пожалуй, вернусь в гостиницу. Устал я, вот что.

– Кит Алан Блэкуэлл. – (Лейни пожал протянутую ему руку. Ладонь одноухого была похожа на ощупь на элемент какого-то спортивного тренажера.) – Кити. Теперь мы, пожалуй, выпьем и немного поговорим.

– А может, – предложил Лейни, – вы сперва скажете мне, каким тут местом задействована эта самая «Парагон-Эйша»?

– Упомянутая вами фирма, – вздохнул Блэкуэлл, – есть не более чем несколько строчек кода в машине, где-то там на Лайгон-стрит. Чистой воды декорация. Наша декорация, если вам от этого легче.

– Легче? – переспросил Лейни. – Не знаю. Не уверен. Сперва привезли меня сюда для предварительного интервью, а теперь сообщаете, что компания, для которой я должен был интервьюироваться, не существует.

– Но она же *существует*, – возразил Кит Алан Блэкуэлл. – В машине на Лайгон-стрит.

Подошла официантка. В сером, бесформенном бумажном комбинезоне и с косметическими кровоподтеками.

– Большая бочкового. «Кирин». Холодное. А вам, Лейни?

– Кофе со льдом.

– Колу-лайт.

– Вот и прекрасно, – сказал безухий Блэкуэлл, мрачно глядя вслед растворившейся во мраке официантке.

– Я был бы крайне благодарен, если бы вы объяснили мне,

чем мы, собственно, здесь занимаемся, – сказал Лейни и тут же заметил поблескивание светового карандаша; Ямадзаки увлеченно корябал что-то на экране маленького ноутбука. – Вы что, все это записываете?

– К сожалению, нет. Небольшие заметки насчет костюма официантки.

– Зачем? – удивился Лейни.

– Извините. – Ямадзаки сохранил записанное, выключил ноутбук и аккуратно засунул карандаш в пружинный зажим. – Я специалист по таким вещам. У меня сложилась привычка фиксировать мелкие, преходящие детали народной культуры. Ее костюм вызывает естественный вопрос: является он простым отражением мотивов этот клуба или, напротив, представляет некий глубинный отклик на травмирующий опыт землетрясения и последующего восстановления?

2
«Ло рез скайлайн»

Они встретились в джунглях.

Келси сделала растительность: большие, яркие, руссóвские листья[49], мультиковые орхидеи самых что ни на есть «тропических расцветок» (Кья сразу вспомнила сеть магазинчиков, продающих «природные» косметические средства ярчайших, неизвестных природе тонов). Сона, единственная из телеприсутствовавших, непосредственно видевшая хоть что-нибудь, отдаленно похожее на настоящие джунгли, подложила аудио – пение птиц, невидимых, но очень натурально жужжащих насекомых и такое шуршание листьев, не как словно змеи ползут, а будто там какие-то пушистые зверьки, с мягкими лапами и любопытные.

Свет, какой уж он там был, сочился сквозь зеленый полог леса – совершенно, по мнению Кья, диснейлендовый, – хотя какая уж там особая необходимость в «свете», когда все это из одного света и сделано.

У Соны, как и всегда, не было тела, только синий, горящий ацтекский череп да синие призраки ладоней, мерцающие, как подсвеченные стробами голуби.

– Совершенно ясно, что эта бесхуевая шлюха, бесплотная, замыслила опутать его душу своими силками.

Подчеркивая категоричность суждения, над черепом вспыхнули стилизованные зигзаги молний.

Интересно, подумала Кья, как она выразилась в действительности? Что такое эта самая «бесхуевая шлюха» – артефакт мгновенного онлайнового перевода или по-мексикански действительно можно так выразиться?

– Мы ждем надежную подтверждающую информацию из токийского отделения, – напомнила им Келси.

Келси была из Хьюстона, дочь налогового адвоката, и на нее налипло много из папашиного лексикона, а заодно и умение *ждать*, вызывавшее у Кья прямое раздражение, особенно в исполнении этакой феечки из древнего аниме, с глазами как синие блюдечки. И ведь доведись им когда-нибудь встретиться вживую, наверняка оказалось бы, что Келси выглядит как угодно, но уж точно не так, тут уж и к бабке не бегать. (Саму Кья представляла разве что самую малость отредактированная версия того, как она видела себя в зеркале. Ну, может, носа чуть поменьше. Губы пополнее. Но это, собственно, и все. Почти.)

– Вот именно, – сказала Сона, в ее глазищах яростно вращались миниатюрные каменные календари. – Мы *ждем*. А тем временем *он* приближается к роковой черте. А мы тут ждем. Если бы я и мои девочки вот так вот только и делали, что ждали, Крысы давно смели бы нас с проспектов.

Если верить Соне, у нее под началом была *чиланга* – девчоночья, вооруженная ножами шайка. Ну, может, и не самая крутая в Мехико, но достаточно серьезная в смысле территории и авторитета. Кья не то чтобы слишком этому верила, но так было вроде как прикольно.

– Ты так думаешь? – Феечка по-эльфийски надменно вскинулась и пораженно захлопала длинными, как у Бэмби, ресницами. – А в *таковом*, Сона Роса, случае почему бы тебе не слетать в *Токио* и не выяснить *лично*, что же там происходит в *действительности*? То есть действительно ли Рез так и сказал, что он на ней женится, или что? Ну а заодно ты могла бы выяснить, *существует* она все-таки или нет.

Календари остановились, превратились в десятицентовые монетки.

Синие руки исчезли.

Череп словно уплыл в головокружительную даль, оставаясь абсолютно четким, вплоть до мельчайших деталей.

Старые штучки, подумала Кья. Увиливает.

– Но ты же знаешь, что я не могу, – сказала Сона. – Без меня тут никак не обойтись. Мария Кончита, военачальница Крыс, заявила, что…

– А нам вот *по фигу*, чего она там заявила! – Келси взмыла к нависавшим над поляной ветвям и повисла там, голубая феечка на фоне роскошной зелени; солнечный луч выигрышно высветил невозможную, небывалую в природе правую скулу.

– Сона Роса – трепло вонючее! – заорала она не так чтобы очень феисто.

– Не лайтесь, – сказала Кья. – Пожалуйста. Ведь это же очень *важно*.

Келси мгновенно спустилась и взглянула на миротворицу:

– Тогда поедешь *ты*.

– Я?

– Ты, – кивнула феечка.

– Я не могу, – сказала Кья. – В Токио? Да как же я могу?

– Самолетом, а как еще.

– Не забывай, Келси, что у нас нет твоих денег.

– У тебя есть паспорт. Мы знаем, что есть. Твоя мать должна была выправить тебе паспорт во время всех этих дел с таможней. И мы знаем, что ты, нежно выражаясь, в одну школу *уже* не

ходишь, а в другую – *еще*, так ведь?

– Да, но…

– А в чем проблема?

– Твой папаша большой налоговый адвокат!

– Ну да, – кивнула Келси, – и он летает взад-назад по всему миру, рубит капусту. Но ты знаешь, Кья, что еще он заодно зарабатывает?

– Что?

– Баллы регулярного клиента. *Охуенные* баллы регулярного клиента. На «Эр Магеллан».

– Интересненько, – процедил ацтекский череп.

– Токио, – сказала разнузданная фея.

Вот же я влипла, подумала Кья.

Стена напротив ее кровати была украшена огромным, шесть на шесть футов, лазерным увеличением обложки «Ло Рез Скайлайн», их первого альбома. Не такого, как продаются сейчас, а оригинального, групповой снимок, сделанный ими для этого первого, прорывного релиза на инди-лейбле «Сучий суп». Она скачала файл с клубного сайта в первую же неделю, как вступила, а затем нашла заведение рядом с Рынком, где делали такой большой формат. Этот снимок остался для нее самым любимым, и не просто потому, как часто говорила мать, что они там еще молодые. Матери не нравилось, что члены «Ло/Рез» такие старые, примерно ее возраста. Ну почему Кья не западает на музыку своих сверстников?

– А кто там есть, мама, ну кто?

– Ну, скажем, этот самый, «Крутой Коран».

– Отстой, мама.

Кья подозревала, что мать воспринимает время совершенно не так, как она. И не в том даже дело, что месяц казался матери не таким уж и длинным промежутком, а в том, что материнское «сейчас» было поразительно узким и буквальным. Полное подчинение сводкам новостей. Кабельное питание, вроде как бессознательным пациентам жидкую кашицу через шланг закачивают. Настоящее, заточенное до вот этого вот, прямо сейчас, момента в сводке о вертолетном трафике.

Для Кья «сейчас» было цифровым, бесконечно эластичным, мгновенное вспоминание всего, чего угодно, обеспечиваемое глобальными системами, совершенно ей непонятными, да и не нуждавшимися в ее понимании.

Релиз «Ло Рез Скайлайн» состоялся – если здесь применимо это слово – за неделю (вернее, за шесть дней) до рождения Кья. Кья прикидывала, что вряд ли на этот момент в Сиэтле была хоть

одна жесткая копия альбома, но ей нравилось думать, что даже тогда кто-нибудь его там слушал, какие-нибудь задвинутые визионеры, шарящие по самым тмутараканьским инди-лейблам, вплоть до восточно-тайбэйского «Сучьего супа».

Ну конечно же, вступительные аккорды «Позитронного предчувствия» сотрясали молекулы сиэтлского воздуха где-нибудь здесь, в каком-нибудь соседнем подвале, в решительный момент ее появления на свет. Она *знала* это, точно так же как знала, что «Заклинивший Пиксель» почти что и не песня, а просто Ло терзает чуть не на помойке подобранную гитару, проигрывался *где-то*, когда ее мать, почти не владевшая на тот момент английским, подбирала имя для дочки из чего-то там, крутившегося по «Шопинг-каналу», и вот там, в палате послеродового ухода, ласковая фонетика этих слов показалась ей наиболее подходящим сочетанием английского с итальянским, в результате чего эту самую дочку (даже тогда уже рыжую) окрестили Кья Пет Маккензи (что, как узнала потом Кья, немало позабавило ее отсутствовавшего отца-канадца).

Все эти мысли всплыли в густой, хоть сапоги ей намазывай, предрассветной темноте за секунды до того, как инфракрасная мигалка будильника беззвучно приказала галогенному софиту осветить «Ло/Рез» во всей их «сучье-суповой» славе. Рез в расстегнутой (вроде для стеба, а вроде и нет) рубахе и Ло со своей улыбочкой и всегдашними, тогда еще не очень отросшими усами.

Хай, ребята. Нашарить дистанционное. Пощелкать инфраредом в темноту. Щелк: эспрессоматик. Щелк: обогреватель помещения.

Под подушкой непривычные формы паспорта, нечто вроде антикварного игрового картриджа, жесткий темно-синий пластик, текстурированный под кожу, золотое тиснение: герб с орлом. Мягкая бежевая пластиковая папочка с «эр-магеллановскими» билетами, полученная в молле от агента компании.

Ехать так ехать, как сказал попугай, когда кошка потащила его за хвост.

Она глубоко вздохнула. Материнский дом сделал то же самое, но вроде как неуверенно, хрустнув своими деревянными, озябшими от утреннего мороза костями.

Да, такси подъехало точно в назначенное время, все равно как по волшебству, и – нет, таксер не гудел, в точном соответствии с указаниями. Это Келси объяснила, как такие вещи делаются. Кроме того, Келси коротенько опросила Кья по основным обстоятельствам ее жизни и тут же сообразила

подходящую легенду для ее отлучки из дома: десять дней на Сан-Хуанах[50] у Эстер Чен, чья богатенькая мать-луддитка настолько боялась электромагнитного излучения, что жила в своем, сооруженном из пла`вника и крытом дерном замке не то что без телефона, но даже без электричества.

– Скажи, – посоветовала Келси, – что ты хочешь устроить себе информационный пост, хоть на то время, пока утрясаются дела с новой школой. Ей это понравится.

Так то и вышло. Мать давно ворчала, что Кья проводит до безобразия много времени «в этих твоих гляделках и наперстках».

Кроткая, умненькая Эстер вроде бы и въезжала в музыку «Ло/Рез», но почему-то относилась к ним куда с меньшим энтузиазмом, чем следовало бы, не торчала на них. Кья любила Эстерку и успела уже однажды воспользоваться гостеприимством миссис Чен в ее уединенном островном убежище. К сожалению, Эстеркина мать заставляла девиц носить специальные бейсбольные шапочки, сшитые из какой-то там ЭМИ-непробиваемой ткани, чтобы их молодые мозги хоть немного отдохнули от неощутимой, но ничуть от того не менее тлетворной электромагнитно-информационной скверны.

Кья жаловалась Эстерке, что они выглядят в этих шапочках как «кепки»[51].

– Не будь расисткой, Кья.

– А я и не расистка.

– Ну, классистка.

– Да нет, тут же все дело в *эстетике*.

И вот теперь, закидывая в жаркий, как духовка, салон такси свою единственную сумку, она подумала о матери, спавшей сейчас за этими темными, промерзшими окнами, под грузом своих тридцати пяти лет и веселенькой, в цветочек, перины, которую Кья купила ей в «Нордстроме», и тут же почувствовала себя паршивкой, вруньей. Когда Кья была маленькая, мама носила длинную косу, увешанную на конце ракушками, ну прямо волшебный хвост какого-то мифического животного. Кья ловила эту штуку и громко хохотала. И дом тоже выглядел как-то грустно, словно жалел о ее отъезде, белая краска на девяностолетней кедровой вагонке шелушилась, обнажая серую, предыдущую. «А вдруг я никогда сюда не вернусь?» – подумала Кья и зябко поежилась.

– Куда? – спросил водила, негр в нейлоновой пуховке и плоской клетчатой шапочке.

– «Си-Так»[52], – сказала Кья и откинулась на спинку.

Разворот, и – мимо древнего «лексуса», соседи выставили его в своем подъезде, взгромоздили на большие бетонные блоки.

С такого ранья в аэропорту было не просто неуютно, а даже вроде жутковато. Какая-то такая пустота, что-то такое над тобой нависает, что-то большое, полое и грустное. Коридоры и уходящие по ним люди. Соседи в очереди, люди, которых ты никогда прежде не видел и никогда больше не увидишь. Кья переложила билет и паспорт из правой руки в левую, поправила на плече ремень сумки. Ей очень хотелось кофе. Кофе был дома, в «Эспрессоматике», вторая, так и не выпитая чашка. Нужно было хоть вылить его, а чашку вымыть, а то ведь плесенью зарастет.

– Да?

У контролера была полосатая рубашка, галстук с косой полоской «эр-магеллановских» логотипов и тускло-зеленый нефрит в нижней губе. Интересно, он вынимает эту штуку на ночь? И как тогда выглядит его губа? Кья решила, что уж она-то никогда такого с собой не сделает. Она подала ему свою бежевую папочку. Мужик раскрыл папочку, вытащил билет и вздохнул, всем своим видом показывая, что она и сама могла бы это сделать.

Прошелся по билету сканером.

– «Эр-Магеллан» один-ноль-пять до Нариты, с экономическим обратным.

– Да, все правильно, – услужливо подтвердила Кья, но мужик вроде не оценил ее стараний.

– Паспорт.

– Пожалуйста.

Мужик взглянул на паспорт так, словно в жизни не видел ничего подобного, а потом запихнул его в прорезь своей конторки. У прорези были алюминиевые закраины, сильно ободранные и обклеенные прозрачным скотчем. Скотч кое-где отставал и на этих местах густо облип с оборота грязью. Мужик смотрел на невидимый Кья монитор. Вот возьмет сейчас и скажет, что ей лететь нельзя. Кья снова вспомнила ту чашку кофе. Даже остынуть-то не успеет.

– Двадцать три «дэ», – сказал мужик, глядя, как из другой прорези выползает посадочный талон. Он взял высунувшийся из первой прорези паспорт и вернул его Кья вместе с билетом и талоном. – Выход пятьдесят два, синий зал. Багаж сдаете?

– Нет.

– Пассажиры, прошедшие проверку, могут быть подвергнуты безболезненной и безопасной, не нарушающей целостности организма процедуре взятия образцов ДНК.

Мужик выпалил это залпом, как одно кошмарно длинное слово; пассажиры и сами все знали, но по закону он обязан был

их предупредить.

Кья спрятала паспорт и билет во внутренний карман парки, оставив в руке только посадочный талон, и пошла искать синий зал. Чтобы добраться до него, ей пришлось пройти вниз и воспользоваться одним из этих поездов, которые вроде как из лифтовых кабинок, только ползут не сверху вниз, а вбок. Через полчаса она уже прошла проверку и недоуменно разглядывала пломбы, навешанные на все застежки ее сумки. Что-то вроде колечек из ярко-красной резинистой карамели. Кья никак этого не ожидала, она рассчитывала найти в зале отправления платный терминал, подключиться и сообщить подружкам, что пока все в порядке. Когда она летала в Ванкувер пожить у дяди, никаких там пломб не навешивали, но это же, считай, и не международный рейс, во всяком случае теперь, после соглашения.

Подъезжая на резиновой движущейся дорожке к пятьдесят второму выходу, она уже издалека увидела яркую синюю мигалку. Небольшой барьерчик, солдаты. Пассажиры все подходили и подходили, а солдаты выстраивали их в очередь. Все они были в камуфляже и выглядели немногим старше, чем ребята из ее последнего класса.

– Вот же мать твою, – сказала ехавшая впереди женщина, блондинка с роскошными – и, конечно же, удлиненными за счет чужих, приживленных – волосами.

Большие красные губы, многослойный грим, подложенные плечи, микроскопическая красная юбочка, белые ковбойские сапоги. Вроде этой кантри-певицы, на которой торчит мама. Ашли Модин Картер. «Кепка», но с деньгами.

Кья сошла с резиновой дорожки и встала в очередь за женщиной, похожей на Ашли Модин Картер.

Солдаты брали у пассажиров образцы волос и совали их паспорта в прорезь вроде той, недавней. Кья сообразила, что это чтобы проверить, правда ли ты – действительно ты, ведь в паспорте записано что-то такое про твою ДНК, полосатым кодом.

Приборчик, бравший образцы, представлял собой маленькую серебряную трубочку, которая засасывала несколько прядей и обрезала их кончики. Таким манером, подумала Кья, они могут собрать крупнейшую в мире коллекцию волосяных обрезков. Подошла очередь блондинки. На проверке ДНК стояли два малолетних солдатика, один орудовал этой самой трубочкой, а другой тараторил каждому пассажиру, что, дойдя досюда, вы тем самым согласились на отбор образцов и предъявите, пожалуйста, паспорт.

Подавая свой паспорт, блондинка как-то мгновенно вспыхнула откровенной, вызывающей сексуальностью, ну словно

лампочку в ней включили; сраженный лазерной улыбкой солдатик часто заморгал, сглотнул, чуть не выронил паспорт, но затем все-таки засунул его в маленькую, подвешенную к барьеру консоль. Второй солдатик поднял свой жезл. Блондинка небрежно подцепила одну из нарощенных прядей и протянула солдату ее кончик. Вся эта процедура, включая возвращение паспорта, заняла не больше восьми секунд, по лицу солдатика, бравшего у Кья паспорт, все еще гуляла глупая, мечтательная улыбка.

Блондинка прошла за барьер. Кья была почти уверена, что вот сейчас, на ее глазах было совершено тяжкое, проходящее по юрисдикции федеральных властей преступление. Сказать солдатам?

Ничего она им не сказала, а они уже отдавали ей паспорт, и она взяла его, миновала барьер и пошла к пятьдесят второму выходу. А блондинка куда-то вдруг пропала.

Потом Кья стояла и смотрела на бегающие по стенам рекламы, а потом из динамика сказали проходить на посадку, первым проходит первый ряд сидений, затем второй и так далее.

Кья ждала взлета, посасывая выданный стюардессой леденец, а место 23E все пустовало и пустовало. Единственное вроде бы пустое место во всем самолете. Если никто не придет, можно будет опустить подлокотники и прилечь. Она пыталась выставить защитное психическое поле, вайбы, которые никому не позволят прибежать в самую последнюю секунду и плюхнуться в это кресло. Сона Роса – вот кто настоящая специалистка, ведь это же одно из боевых искусств, практикуемых ее бабской шайкой. Кья никогда не понимала, ну как можно всерьез верить, что такая штука сработает.

А она и не сработала, потому что в проходе появилась та самая блондинка, и она, похоже, узнала свою соседку, а может, Кья это просто показалось.

3
Почти цивильно

Лейни не представилось возможности полюбоваться напоследок на эту татуировку, потому что была среда. Кэти Торранс стояла посреди «Клетки», смотрела, как он подчищает свой шкафчик, и орала. На ней был серый с розовым отливом бумазейный блейзер от «Армани» и юбка в масть, скрывавшая послание из дальнего космоса. В расстегнутом вороте белой, мужского покроя рубашке скромно поблескивает ниточка жемчуга. Парадная форма. Сегодня Кэти вызывали на ковер: один из ее подчиненных оказался дезертиром, ренегатом, а может, и вероотступником.

Лейни умозаключал, что она орет, исходя из широко распахнутого рта, однако все звуки этой ярости бесследно тонули в громовом шипении генератора белого шума. Инструктируя Лейни перед его последним визитом в «Слитскан», адвокаты настоятельно рекомендовали ему не выключать эту штуку ни на секунду. И он не должен был делать никаких заявлений. А что уж там заявляли – или орали – другие, этого он попросту не слышал.

Потом он иногда задумывался: каким конкретно образом могла она сформулировать свое бешенство? Краткое изложение все той же теории славы и ее цены с дополнениями о роли, играемой в этих делах «Слитсканом», и о неспособности Лейни функционировать в рамках системы? Или она полностью сосредоточилась на его предательстве? Но он ничего не слышал, он попросту складывал никому не нужные вещи в мятую пластиковую коробку, все еще хранившую запах мексиканских апельсинов. Испорченный, с треснувшим экраном ноутбук, прошедший с ним через колледж. Кружка-термос с полуотклеившимся лого «Ниссан Каунти». Кое-какие заметки, написанные на бумаге, в грубое нарушение правил фирмы. Залитый кофе факс от женщины, с которой Лейни спал в Икстапе; он уже не помнил, как ее звали, а инициалы на этой бумажке невозможно разобрать. Бессмысленные ошметки его личности, которым уготован вечный покой в ближайшем мусорном бачке. Но он хотел забрать оттуда все подчистую, а Кэти все орала и орала.

Теперь, в кафкианском этом клубе, он подумал, что, наверное, она сказала, что он никогда не найдет работу в этом городе, и так оно, пожалуй, и есть. Предательство интересов фирмы, на которую работаешь, это и вообще один из самых

серьезных проколов в биографии, а в этом городе так и самый, пожалуй, серьезный, тем более когда причиной этого предательства стали, если выражаться языком столетней давности, «угрызения совести».

Сейчас это выражение показалось ему очень забавным.

– Вы улыбнулись, – сказал Блэкуэлл.

– Дефицит серотонина.

– Пища, – сказал Блэкуэлл.

– Да я, в общем-то, и не голодный.

– Нужно подзаправиться углеводами, – сказал Блэкуэлл и встал. Стоя, он занимал поразительно много места.

Лейни и Ямадзаки тоже встали и последовали за австралийцем. Из тараканьего света в хром и неон каньона Роппонги-дори. В ночной промозглости – вонь тухлой рыбы и лежалых фруктов, чуть смягченная приторной сладостью китайского топливного спирта, выхлопом машин, мчащихся по экспрессвею. Однако ровный, привычный голос трафика успокаивал, да Лейни и просто нравилось быть в вертикальном положении, двигаться.

Если двигаться и двигаться, он, возможно, сумеет проникнуть в смысл Кита Алана Блэкуэлла и Синьи Ямадзаки.

Блэкуэлл вел их пешеходным мостиком. Рука Лейни, скользившая по металлическим перилам, споткнулась о небольшую неровность. Он повернул голову и встретился взглядом с голой, обворожительно улыбающейся девушкой. Маленький, с ладонь размером, голографический стикер, а неровность – какая-то складка, плохо наклеили. Угол зрения чуть изменился, и девушка указала на телефонный номер, горевший над ее головой. Весь, из конца в конец, парапет заклеен подобными рекламками, а немногие аккуратные бреши – это кто-то отодрал понравившуюся голограмму для своих личных нужд.

Мостик закончился, пешеходы на тротуаре расступались перед громадой Блэкуэлла, как прогулочные лодки перед океанским лайнером.

– Углеводы, – бросил австралиец через горный кряж своего плеча и свернул в проулок.

В тесную, многоцветно освещенную утробу, мимо круглосуточной ветеринарной клиники. За витринным стеклом два человека в белых халатах, хирурги, оперируют… кошку? Наверное, кошку. У витрины собралась небольшая кучка скучающих зевак.

Блэкуэлл боком протиснулся в яркую пещеру. Массивная, из искусственного гранита стойка, пар над варочным автоматом.

Когда подошли Лейни и Ямадзаки, раздатчик уже

раскладывал по мискам порции ароматной, жирно поблескивающей коричневой лапши.

Лейни смотрел на Блэкуэлла. Блэкуэлл поднес миску ко рту и разом – вдохнул, что ли? – все содержимое, перерубив приставшие ко дну лапшинки одним точным движением пластиковых зубов. Мускулы на его шее мощно заходили.

Лейни смотрел.

Блэкуэлл вытер рот тыльной стороной огромной ладони, розовым лабиринтом шрамов. Отрыгнул.

– Дай-ка нам один из этих детских рожков «сухого»…

Один глоток, и он рассеянно, словно бумажный стаканчик, раздавил пустую стальную банку. Постучал миской, привлекая внимание раздатчика:

– То же самое.

Лейни почувствовал острый голод (из-за этой малоаппетитной сцены? Несмотря на нее?) и занялся своей собственной миской, саргассовой путаницей лапши, украшенной сверху розовыми (краска?) бумажно-тонкими ломтиками мяса.

Лейни ел молча, Ямадзаки – тоже. Блэкуэлл осушил еще три банки пива, безо всякого видимого эффекта. Когда Лейни допил остатки бульона и поставил миску на стойку, его глаза зацепились за висевшую на стенке рекламу напитка, именуемого «Эппл Ширз Отентик Файн Фрут Бевериджж». Но сперва он прочитал: «Элис Ширз». Так звали девушку, из-за которой в нем так не вовремя проснулась совесть.

«Эппл Ширз – теплая влага жизни» – сообщала реклама.

Элис Ширз, увиденная впервые на анимированных снимках на пятом месяце его работы в «Слитскане». Довольно привлекательная девушка, бормочущая свои данные воображаемым режиссерам, вербовочным агентам, неизвестно кому, кому угодно.

Он изучал лицо на экране, а Кэти Торранс – его собственное.

– Ну как, Лейни, не заторчал? Аллергия на смазливых? Первые симптомы: постоянная раздражительность, обида на весь свет, смутное, но неотступное ощущение, что тебе делают гадости, используют в своих целях…

– Да она ж даже не такая смазливая, как две предыдущие.

– Вот именно. Она выглядит почти нормально. Почти цивильно. Запятнай ее.

– Зачем? – повернулся Лейни.

– Запятнай ее. Он может соскочить, притворяясь, что она официантка, или еще что в этом роде.

– Ты думаешь, это та самая?

– Можно без труда насчитать еще сотни три кандидаток. Но ты же понимаешь, Лейни, что надо с чего-то начинать.

– Наугад?

– Мы называем это «чутье». Запятнай ее.

Лейни щелкнул клавишей, бледно-голубая стрелка курсора впилась в затемненное веко потупленного глаза, выделяя девушку для более тщательного изучения, как возможную любовницу некоего знаменитого артиста, чья безупречная семейная жизнь была предметом всеобщего восхищения. Вот *его* славу Кэти Торранс и понимала, и одобряла. Человек, не пытающийся идти против жестких законов пищевой пирамиды. Крупный, но не настолько, чтобы «Слитскан» не мог его проглотить. Правда, до настоящего времени он – и те, кто уж там им крутит, – вели себя очень осторожно. Или им просто везло.

Но хорошенького понемножку. По одному из «тайных каналов», на которые опиралась Кэти Торранс, ее ушей достиг некий слушок, так что теперь пищевая пирамида сможет заняться своим привычным делом.

– Проснитесь, – сказал Блэкуэлл. – Вы падаете лицом в миску. Расскажите лучше, как вы потеряли последнюю свою работу, иначе мы не сможем предложить вам другую.

– Кофе, – сказал Лейни.

Лейни особо подчеркнул, что он не вуайер, не любитель подглядывать в замочную скважину. Просто у него есть умение обращаться с информационными структурами плюс медицински зафиксированная неспособность подолгу концентрировать внимание на одном предмете, которую он может при определенных обстоятельствах переводить в состояние патологической гиперсосредоточенности. В результате, продолжал он над латте в одном из заведений токийского филиала «Амос + Анды», из него получился очень хороший исследователь. (Лейни не стал упоминать ни Федеральный детский приют в Гейнсвилле, ни предпринимавшиеся там попытки вылечить его от недостатка концентрации, испытания «5-SB» и все такое.)

В смысле устройства на работу существенным было только то, что он обладал интуитивной способностью подмечать информационные следы, своеобразные отпечатки пальцев, непроизвольно оставляемые каждым человеком в процессе рутинной, но бесконечно многогранной жизни в цифровом обществе. В большинстве случаев недостаток концентрации почти что и не был заметен, однако при работе на компьютере он заставлял Лейни все время «щелкать переключателем» –

перескакивать от программы к программе, от базы данных к базе данных, от платформы к платформе, перескакивать таким… ну, скажем, *интуитивным* образом.

Ну и, конечно же, при устройстве на работу эта интуитивность неизбежно порождала трудности: Лейни был чем-то вроде шамана, кибернетического лозоходца. Он не мог объяснить, как он делает то, что делает. Он и сам этого не знал.

Он пришел в «Слитскан» из «Дейтамерики» со скромной должности ассистента-исследователя в проекте с кодовым названием «TIDAL». К чести корпоративной культуры «Дейтамерики», Лейни так никогда и не узнал ни что значит это слово, ни (хотя бы отдаленно) с чем связан этот проект. Он проводил все свое время, мечась по необозримым просторам недифференцированных данных в поисках «узловых точек», различать которые обучила его группа французских ученых.

Все эти французы были страстными теннисистами, и ни один из них не обеспокоился объяснить ему, что это такое – узловые точки. Мало-помалу Лейни начало казаться, что он – нечто вроде негра-проводника, сопровождающего европейских охотников в африканских джунглях. Они там на что-то такое охотились, а он вспугивал на них дичь. Но уж всяко там было лучше, чем в Гейнсвилле, смешно и сравнивать. А затем «TIDAL», чем бы он там ни занимался, прикрыли, а другой работы ему вроде как и не нашлось. Французы уехали, а когда Лейни пробовал поговорить с другими исследователями: мол, чем вы тут, ребята, занимаетесь, они смотрели на него как на психа.

Когда он пришел устраиваться в «Слитскан», интервьюировала его Кэти Торранс. Он и знать не знал, что она начальница отдела и что скоро она будет его боссом, и без особых, в общем-то, раздумий рассказал ей о себе всю правду. Почти всю.

Лейни в жизни не видел таких бледных, представить себе не мог, что такие бывают. Такая бледная, что чуть не просвечивала. (Позднее он узнал, что это наполовину от природы, а наполовину благодаря косметике, в частности некоей британской линии кремов, в рекламах которой упоминались «уникальные светопреломляющие свойства».)

– Мистер Лейни, вы всегда носите малайзийские имитации «брукс-бразеровских» рубашек из синего оксфорда?

Лейни недоуменно скосился на свою рубашку.

– Малайзия?

– Шаг строчки тик-в-тик, но они так еще и не научились регулировать натяжение нитки.

– О…

– Ничего. Мелкое, идиотское пижонство вроде привычки одеваться в оригиналы могло бы вызвать здесь определенный *frisson*[53]. Кстати, вы могли бы расслабить галстук. Непременно расслабьте галстук. И так и храните в нагрудном кармане эту очаровательную коллекцию фломастеров. Непожеванных, пожалуйста. Хорошо бы дополнить ее таким, знаете, толстым, плоским хайлайтером какого-нибудь особо мерзкого флюоресцентного оттенка.

– Вы шутите?

– Не исключено, мистер Лейни. Можно, я буду называть вас Колин?

– Конечно.

Она никогда не называла его Колин – ни тогда, ни потом.

– Вы скоро увидите, мистер Лейни, что в «Слитскане» невозможно без юмора. Необходимый инструмент выживания. Параллельно вы увидите, что по большей части юмор бытует здесь в весьма неявной своей разновидности.

– Это как, мисс Торранс?

– Кэти. Это так, что цитировать его в докладной записке весьма затруднительно. Равно как и в судебных показаниях.

Ямадзаки был хорошим слушателем. Он молчал, сглатывал, теребил верхнюю пуговицу своей ковбойки, делал десятки других, столь же малозначительных жестов и как-то так все время этим показывал, что внимательно слушает Лейни, не теряет нить его рассказа.

Кит Алан Блэкуэлл, этот вел себя совершенно иначе. Он сидел чудовищной грудой мяса, совершенно неподвижно, разве что иногда начинал тискать пальцами пенек своего левого уха. Блэкуэлл делал это откровенно и беззастенчиво и, как показалось Лейни, то ли с удовольствием, то ли ради облегчения. После каждого очередного тисканья рубцовая ткань благодарно розовела.

Лейни сидел на обтянутой мягким пластиком скамейке спиной к стене. Ямадзаки и Блэкуэлл расположились по другую сторону узкого стола. За ними, над однообразно черноволосыми головами местных полуночных кофепивцев, на фоне неправдоподобно красочного заката в заснеженных Андах парила голографическая физиономия.

Губы шаржированного под мультфильм Амоса были как ярко-красные сосиски; где-нибудь в районе Лос-Анджелеса заведение, рискнувшее выставить такую расистскую карикатуру, быстро схлопотало бы десяток бутылок «молотов-коктейля». Трехпалая, обтянутая белой перчаткой лапища картинно держала белую же

дымящуюся кофейную чашку.

Ямадзаки вежливо кашлянул:

– Продолжайте, пожалуйста. Вы делились с нами своими впечатлениями от «Слитскана».

Для начала Кэти Торранс предоставила Лейни возможность побаловаться нет-серфингом в «слитскановском» стиле.

Она прихватила из «Клетки» пару компьютеров, шуганула из СБМ четверых сидевших там сотрудников, пригласила Лейни и заперла дверь. Стулья, круглый стол, на стене – большая доска, чтобы развешивать иллюстративный материал. Подключив компьютеры к дейтапортам, Кэти вызвала на оба экрана одинаковые изображения. Парень лет двадцати пяти – двадцати шести, с длинными, мышиного цвета патлами. Козлиная бородка, золотая серьга. Лицо, не означавшее для Лейни ровно ничего. С равной вероятностью это могло быть лицо, которое он видел час назад на улице, или лицо занюханного актеришки из низкорейтинговой мыльной оперы, или лицо маньяка, в чьем морозильнике нашли несколько пластиковых мешков, битком набитых пальцами убитых людей.

– Клинтон Хиллман, – сообщила Кэти Торранс. – Парикмахер, специалист по приготовлению суси, музыкальный журналист, статист в среднебюджетной жесткой порнухе. – Она постучала по клавиатуре, натурализуя изображение. Глаза и подбородок второго, на ее экране, Клинтона сильно поубавились в размере. – Скорее всего, он сам это и делал. С профессиональной обработкой нам попросту было бы не с чего начинать.

– Он что, правда снимался в порно?

В Лейни шевельнулась смутная жалость к Хиллману; теперь, без подбородка, он был весь какой-то жалконький, беззащитный.

– Их мало интересует размер подбородка. – Кэти машинально взглянула на экран. – Главное в порно – это действие, движения. Сверхкрупным планом. Там снимаются сплошь дублеры, одно тело, а лица приделывают потом. Но, как ни крути, кто-то все равно должен вставать из окопа и пороть уродин.

– Ну, если вы так считаете…

– Сделай его. – Она протянула Лейни профессиональные, обтянутые резиной томпсоновские очки.

– Сделать?

– Его. Поищи эти самые узловые точки, о которых ты мне тут рассказывал. Этот снимок – выход на все, что о нем имеется. На все эти гигабайты зеленой тоски. Эта информация, Лейни, подобна морю крахмального клейстера. Бескрайние просторы пошлой заурядности – или заурядной пошлости, как уж тебе

больше нравится. Он скучал, Лейни, скучал непогрешимо, эталонно. Сделай его, доставь мне хоть малую радость. Сделай, и мы возьмем тебя на работу.

Лейни взглянул на свой экран, на приукрашенного Хиллмана.

– Вы не сказали мне, что я должен искать.

– Все, что может заинтересовать «Слитскан». Иначе говоря, Лейни, все, что может заинтересовать обобщенного зрителя «Слитскана». Какового можно для удобства визуализировать в виде ленивого, порочного, патологически невежественного, ненасытного существа, вечно алчущего свеженького, с кровью, мяса избранников божьих. Лично мне он представляется как нечто размером с карликового бегемота, цвета вареной картошки, на месяц забытой в кастрюле, живущее в темноте, в полном одиночестве, в отдельном домике на задворках Топеки[54]. Оно сплошь покрыто глазами и все время потеет. Пот попадает в эти глаза и щиплет их. У него, Лейни, нету рта, нету гениталий, а потому оно может выражать свою звериную ярость и свои инфантильные желания только одним способом: переключая каналы на пульте дистанционного управления. Ну или участвуя в президентских выборах.

– «Эс-би-эм»?

Ямадзаки раскрыл свой ноутбук и вытащил световой карандашик. Лейни не имел ничего против. С этими штуками в руках японец выглядел вроде даже как более уютно.

– Стратегический бизнес-модуль, – объяснил он. – Небольшой такой зал для совещаний. «Слитскановская» почтовая контора.

– Почтовая контора?

– Калифорнийская система. У сотрудников нет своих столов. Берешь в «Клетке» компьютер и телефон, тащишь туда. Если нужно много периферии, подключаешься к мультистолу. СБМ предназначены для деловых встреч, но модулей постоянно не хватает – потребуется, а все заняты. Там теперь в моде виртуальные встречи, секретность выше. Все твое барахло хранится в твоем личном шкафчике. Делать распечатки не рекомендуется, а внешнюю рассылку – тем более.

– Почему?

– Ты можешь скопировать что-нибудь из внутренней сети, а потом оно может просочиться наружу. Вот этот ваш ноутбук, его бы никогда не выпустили из «Клетки». А если ничто не делается на бумаге, они регистрируют абсолютно все – каждое соединение, каждую вызванную картинку, каждый нажим на клавишу.

– Секьюрити, – кивнул Блэкуэлл; на его щетинистом черепе играли красные отблески толстых, как автомобильные камеры,

губ Амоса.

– И что же, мистер Лейни, вы добились успеха? – спросил Ямадзаки. – Вам удалось найти эти… узловые точки?

4
Разархивированная венеция

– А теперь заткнись, – сказала женщина с места 23Е, хотя Кья ничего и не говорила, а пробиралась себе по одиннадцатому уровню дурацкой, специально для авиапассажиров, версии «Звезданутых войн». – Сестра расскажет тебе историю.

Кья подняла голову от встроенного в спинку кресла 22Д экрана. Блондинка смотрела не на нее, а куда-то вперед. Ее экран был откинут вниз, как столик, и она успела уже прикончить последний из пяти стаканов охлажденного томатного сока, которые раз за разом приносил стюард за отдельную плату. В каждом стакане зачем-то торчал квадратный, обструганный кусок сельдерейного корня, на манер соломинки или палочки для помешивания, но блондинка их даже и в рот не брала, а просто складывала на столике квадратной рамочкой, вроде как ребенок строит стены игрушечного домика или загородку для маленьких игрушечных зверюшек.

Кья посмотрела на свои пальцы, переставшие бегать по «эрмагеллановскому» одноразовому тачпэду. Снова на блондинку. И встретила взгляд лихорадочно блестящих, щедро подведенных глаз.

– Есть такое место, где всегда свет, – сказала блондинка. – Яркий, везде. Ни одного темного уголка. Яркий, как туман, как словно что-то сыплется, всегда, каждую секунду. Всех, какие бывают, цветов. Башни, что верхушки и не увидишь даже, и падает свет. Внизу они нагромождают бары. Бары, и стрип-клубы, и дискотеки. Нагромождены, как коробки от обуви, один на другом. И там без разницы, как далеко ты залезла вглубь, сколько лестниц прошла, на скольких лифтах поднялась, забейся ты хоть в самую дальнюю, самую крошечную комнатку, свет все равно тебя отыщет. Свет, который взрывается из-под двери, как порох. Прекрасный, ты не представляешь себе, какой прекрасный. Взрывается под твоими веками, если ты вдруг сумеешь уснуть. Но разве ж ты *захочешь* спать – там. В Синдзюку. Разве захочешь?

Кья неожиданно ощутила огромный вес самолета, устрашающую невозможность его движения сквозь промерзлую ночь, над черными, невидимыми водами Тихого океана. Невозможность, ставшую будничным фактом.

– Нет.

Тем временем «Звезданутые войны» скинули ее за невнимательность уровнем ниже.

– Нет, – кивнула женщина, – ты *не захочешь*. Я знаю. И никто не захочет. Но они тебя заставляют. Заставляют. В самом центре мира.

Она откинула голову на спинку, закрыла глаза и начала похрапывать.

Кья вышла из «Звезданутых войн» и убрала тачпэд в карман сиденья. Ей хотелось вопить во весь голос. Что это такое? О чем она, эта женщина?

Подошедший стюард смел сельдерейные палочки в салфетку, взял пустой стакан, вытер и поднял столик.

– Моя сумка? – сказала Кья, указывая вверх. – В ящике?

Стюард открыл лючок, достал сумку, опустил ей на колени.

– А как открыть эти штуки? – Она тронула пальцем красные, упругие кольца, соединившие замки молний.

Стюард потянулся к поясу и достал из маленького черного футлярчика маленький черный инструмент, сильно смахивавший на приспособу, которой ветеринары стригут собакам когти. Перекусываемые кольца звонко щелкали и превращались в крошечные шарики, стюард ловко ловил эти шарики в подставленную ладонь.

– Ничего, что я это погоняю?

Она открыла сумку и показала ему «Сэндбендерс», засунутый между четырьмя парами колготок.

– Выхода в сеть отсюда нет, только в первом и в бизнес, – развел руками стюард. – А так – пожалуйста. Можете, если хотите, подключиться к дисплею в спинке кресла.

– Спасибо, – кивнула Кья. – У меня есть очки.

Стюард пошел дальше.

Блондинка мерно похрапывала.

Самолет качнуло на воздушной яме, блондинка чуть сбилась с ритма и захрапела еще громче. Очки и наперстки лежали в сумке сбоку, аккуратно упакованные в чистое белье; Кья развернула их и положила на сиденье между собой и правым подлокотником. Затем вытащила «Сэндбендерс», застегнула сумку, опустила ее на пол и затолкала ногой под переднее сиденье. Ей хотелось уйти отсюда, из этой обстановки, и чем скорее, тем лучше.

Пристроив «Сэндбендерс» себе на колени, она тронула кнопку «проверка аккумуляторов». Восемь часов в самом экономном режиме, а то и меньше. Ничего, хватит. Кья размотала вывод очков, подключила его к разъему. Выводы наперстков перепутались, как это у них принято. Не спеши, сказала она себе, только не спеши. Порвешь сенсорную ленту, и сиди здесь потом всю ночь в компании Ашли сучьей Модин Картер. Маленькие

серебряные колпачки, гибкие каркасики, куда засовывать пальцы, спокойно, не дергайся, вот видишь, все и получилось. Теперь повключать их. Разъем, разъем, *разъем*…

Блондинка что-то пробормотала во сне. Если это называется сном.

Кья взяла очки, надела их, даванула большую красную кнопку.

– И *на хрен* отсюда.

Так оно и было.

Она сидела на краю своей кровати и смотрела на постер «Ло Рез Скайлайн». Пока Ло не обратил на нее внимание. Он провел пальцем по своим недорослым усикам и ухмыльнулся:

– Привет, Кья.

– Привет.

Приходилось говорить почти беззвучно, чтобы вокруг не слышали, но она давно уже так умела.

– Что нового, сестричка?

– Я в самолете. Лечу в Японию.

– В Японию? Крутяк. Слышала наш Будокановый диск?[55]

– Знаешь, Ло, мне чего-то не хочется сейчас разговаривать.

А тем более – с виртуальным персонажем, пусть и самым милейшим.

– Как знаешь.

Ло сверкнул своей кошачьей ухмылочкой и застыл, снова стал фотографией. Кья окинула комнату взглядом и ощутила укол разочарования. Все было вроде и так, и как-то не так, не нужно было использовать эти фрактальные пакеты, которые все малость поганят, вот и в углах вроде как пыль, и вокруг выключателя какие-то потеки. Сона Роса, так та от этих штук вообще беленится. В нормальной обстановке Кья любила, чтобы конструкт был чистехонький, чище, чем сама комната после большой приборки, и теперь ей остро захотелось домой, к качественной картинке.

Движением пальцев она направила себя в гостиную, с лету проскочив мимо, считается, двери в материнскую спальню. Дверь была едва намечена, а за ней, внутри, не было никакого «внутри», интерьера. Гостиная тоже была так себе, приблизительная, мебель в ней Кья прямо скинула из старой, до «Сэндбендерса», системы «Плеймобил». В стеклянном кофейном столике (это ж во сколько лет я его сделала? В девять, вот во сколько) ходили кругами хило оцифрованные золотые рыбки. Деревья за окном были еще старее: коричневые, идеально цилиндрические стволы с ядовито-зелеными ватными комьями непроработанной листвы. Если посмотреть на них подольше, там, за окном, появится

Мумфалумфагус и захочет поиграть, поэтому она поспешила отвести глаза.

Кья пристроила себя на «плеймобилскую» кушетку и окинула взглядом программы, разбросанные по кофейному столику. Софтвер системы «Сэндбендерс» выглядел как брезентовый мешок для воды, из тех, какими пользовались когда-то в армии (вот где лишний раз пригодился любимый ее справочник «На что похожи вещи»). Потертый бурдюк выглядел на редкость натурально, с крошечными бисеринками воды, проступающими сквозь плотную ткань. Если приблизиться совсем вплотную, оказывалось, что в этих капельках отражаются самые разные вещи: участок микросхемы, напоминающий то ли вышивку бисером, то ли шкурку на горле ящерицы, длинный, пустынный пляж под серым, пасмурным небом, горы под дождем, вода ручья, бегущего по разноцветной гальке. Хорошая фирма «Сэндбендерс», самый топ. На запотевшем брезенте чуть проступала надпись СЭНДБЕНДЕРС, ОРЕГОН, словно выгоревшая под жарким пустынным солнцем. СИСТЕМА 5.9. (У Кья были все апгрейды, вплоть до 6.3. Народ говорил, что в 6.4 полно багов.)

Рядом с бурдюком лежало ее школьное хозяйство: канцелярская папка, сильно поеденная нарочно наведенной цифровой плесенью. Нужно переформатировать, напомнила себе Кья. Стыдно же являться с таким в новую школу, детство какое-то.

Записи «Ло/Рез», альбомы, сборники и бутлеги имели вид оригинальных дисков. Все они были навалены, вроде как небрежно, рядом с архивом. Архив этот Кья собирала с того самого времени, как ее приняли в сиэтлское отделение, и выглядел он, благодаря потрясающему обмену с одним шведским фэном, как жестяная, ярко литографированная коробка для завтрака. Сильная вещь. Кья прямо тащилась от плоской, прямоугольной крышки, с которой глупо пялились мутноглазые и какие-то ошалелые, словно пыльным мешком стукнутые Ло и Рез. Этот швед, он сканировал пять раскрашенных поверхностей с оригинала и навел их на пространственный каркас. Оригинал был вроде непальский и уж точно нелицензированный.

Сона Роса все хотела махнуться, но ничего толком не предлагала, разве что комплект не совсем приличных рекламных роликов к их пятому выступлению в Мексиканском Куполе, но ролики эти были не такие уж слишком неприличные, да и вообще скучные, так что Кья отказывалась. Другое бы дело документальный фильм, сделанный – *вроде бы сделанный* – одним из филиалов «Глобо» во время их бразильского турне. Вот это бы Кья хотела, а ведь Мехико, он в той же стороне, что и Бразилия.

Она пробежала пальцем по корешкам дисков (рука

контурами, на кончике пальца – дрожащее пятнышко вроде капельки ртути) и снова задумалась о Слухе. Слухи и раньше бывали и сейчас есть, и всегда они, слухи, будут. Был, скажем, слух про Ло и эту датскую модель, что они думают пожениться, и слух этот вполне мог быть верным, хотя свадьба так и не состоялась – ну, думали, а потом передумали. И про Реза тоже всегда ходили слухи, что он то с той, то с этой. Но это ж всегда были *люди*. И датская модель, она тоже человек – засранка, конечно же, но все равно *человек*. А этот Слух – он совсем другое дело.

Какое? А для того она и летела в Токио, чтобы выяснить наконец какое.

Она выбрала «Ло Рез Скайлайн».

Виртуальная Венеция, присланная ей отцом на тринадцатилетие, выглядела как древняя, пыльная книга, коричневая кожа переплета кое-где протерлась и стала похожей на замшу – цифровой аналог обработки джинсов в стиральной машине, набитой мячиками для гольфа. Рядом с книгой лежала серая, безликая папка с копиями свидетельства о разводе и соглашением о передаче Кья под опеку матери.

Она пододвинула Венецию к себе и раскрыла. Рыбка дернулась и на мгновение вспыхнула – прошел запуск подпрограммы.

Разархивированная Венеция.

Пьяцца в зимнем монохроме, фасады текстурированы под мрамор, порфир, шлифованный гранит, яшму, алебастр (вкусные названия минералов прокручиваются при желании в периферийном, на самом краю поля зрения, меню). Город крылатых львов и золотых коней. В недвижный час серого, нескончаемого рассвета.

Можно навестить его в одиночку, а можно с Мьюзик-мастером.

Отец – он звонил из Сингапура, поздравлял ее с днем рождения – сказал тогда, что Гитлер, при своем первом и единственном посещении города, смылся от сопровождения, чтобы побродить по этим улицам одному, в эти же самые предрассветные часы, совсем, наверное, спсихевший, и не ходил он, а трусил такой собачьей трусцой.

Кья если и знала что-то про Гитлера, то исключительно из каких-то там упоминаний в песнях, но она вполне его понимала. Подняв посеребренный палец, она пронеслась над каменными плитами пьяццы и бросила себя в головоломный лабиринт воды и мостов, арок и стен.

Она пребывала в полном неведении, что такое этот город, к

чему он и зачем, но чувствовала, что он идеально подходит к месту, им занимаемому, эти камни и эта вода, они точно, без малейшего просвета складывались в единое таинственное целое.

Самый балдежный шмат софтвера, какой вообще бывает, и тут же пошли вступительные аккорды «Позитронного предчувствия».

5
Узловые точки

Клинтон Эмори Хиллман, двадцать пять лет, парикмахер, специалист по суси, музыкальный журналист, статист в порнофильмах, надежный поставщик запрещенных зародышевых тканей троим более эндоморфным[56] членам группы «Дьюкс оф Ньюк'Ем»[57], чья песня «Дитя войны в Заливе» стояла восемнадцатой в чарте «Биллборда», поминутно крутилась на «Ай лав Америка» и успела уже вызвать ряд дипломатических протестов со стороны исламских государств.

На лице Кэти Торранс появилось нечто вроде удовлетворения.

– Так что там с этими зародышевыми тканями?

– В общем-то, – сказал Лейни, кладя очки рядом с компьютером, – мне кажется, что это может быть самым сильным моментом.

– Почему?

– Культуры непременно должны быть иракскими. Мужики особо на этом настаивают. Не хотят себе вкалывать ничего другого.

– Я беру вас на работу.

– Так сразу?

– Вам бы следовало еще сопоставить звонки в «Вентуру» со счетами за парковку и из этого гаража в «Беверли-центр». Хотя эту расхожую шуточку насчет «Деток войны в Заливе» все равно было бы трудно просмотреть.

– Секунду, секунду, – прервал ее Лейни. – Вы что, все уже знали?

– И поставили уже в эфир, на ближайшую среду. Гвоздь программы. – Она выключила компьютер, даже не позаботившись убрать с экрана разретушированный подбородок Клинта Хиллмана. – Но сейчас, Лейни, я получила возможность посмотреть на вас в деле. Вы настоящий. Я почти уже готова поверить, что во всей этой срани насчет узловых точек что-то есть. Некоторые из ваших шагов не имели ровно никакого логического смысла, и все же я сейчас собственными глазами видела, как вы точно вышли на материал, до которого три квалифицированных исследователя докапывались месяц с лишком. У вас это заняло менее получаса.

– Не все здесь было законно, – заметил Лейни. – Вы имеете выход на разделы «Дейтамерики», закрытые для частных

пользователей.

– А вы знаете, Лейни, что такое подписка о неразглашении?

Ямадзаки поднял голову от ноутбука.

– Прекрасно, – кивнул он, обращаясь, похоже, к Блэкуэллу. – Да, прекрасно.

Блэкуэлл чуть сдвинул свою тушу; углеродно-волоконный каркас стула жалобно скрипнул.

– Но ведь он недолго там продержался, так ведь?

– Чуть больше шести месяцев, – уточнил Лейни.

Шесть месяцев могут быть и очень длинным сроком, например – в «Слитскане».

Он использовал бо`льшую часть своей первой месячной зарплаты на съем микрохолостяцкой квартиры в Санта-Монике, на Бродвей-авеню. Он обзавелся рубашками более, как ему казалось, похожими на то, что носят они, в «Слитскане», а те, малайзийские, разжаловал в пижамы. Он купил дорогие противосолнечные очки и настрого запретил себе показываться на люди даже с одним-единственным фломастером, торчащим из нагрудного кармана.

В атмосфере «Слитскана» царила суховатая сдержанность. Лейни быстро обнаружил, что его коллеги ограничивают внешне выказываемые эмоции весьма узким диапазоном. В полном соответствии со словами Кэти, здесь высоко ценили некий весьма специфический тип юмора, но и он практически никогда не вызывал смеха. Реакция на шутку ограничивалась вскинутыми глазами, кивком, много – если тенью улыбки. Здесь ломались – а изредка и строились наново – жизни, рушились – либо переиначивались самым ирреальным, неожиданным образом – карьеры. Потому что деловой специализацией «Слитскана» было ритуальное кровопускание, и кровь, хлеставшая на экраны в его телепрограммах, была драгоценнейшего, сакрального свойства: кровь знаменитостей.

Способность Лейни выудить ключевые данные из бессмысленных, необозримых нагромождений случайной информации заслужила ему завистливое восхищение более опытных исследователей. Он стал любимчиком Кэти и был почти доволен, узнав, что про них уже ходят сплетни.

Реальных оснований для сплетен не было – не считая одного-единственного эпизода в Шерман-Оукс, у нее на квартире, да и тот оказался крайне неудачным. Во всяком случае, повторять не захотелось ни ему, ни ей.

Но зато Лейни день ото дня оттачивал, фокусировал свой

талант, или уж как там это назвать. К вящей радости Кэти. Он почти сросся со своими очками и «слитскановским» выделенным кабелем, мгновенно переносившим его в любую точку унылых просторов «Дейтамерики». Он шел туда, куда посылала его Кэти. Он искал – и находил – узловые точки.

А ночью, перед тем как уснуть, он начинал иногда смутно подозревать, что где-то, неизвестно где, может быть и бо`льшая система, поле с куда бо`льшими перспективами. Как знать, может быть, «Дейтамерика» как целое тоже имеет свои узловые точки, инфопровалы, спустившись в которые можно обнаружить иную разновидность истины, иной способ знать и понимать, погребенный под серыми массами информации. Но только если кто-нибудь сумеет задать нужный вопрос. Лейни не имел ни малейшего представления, что же это должен быть за вопрос, да и существует ли он вообще, но был почти уверен, что в «слитскановском» СБМ такого вопроса не зададут никогда.

«Слитскан» был прямым потомком «Риал-шоу» и сетевых газет конца двадцатого века, однако походил на них ничуть не больше, чем некое крупное, шустрое двуногое млекопитающее на своих неуклюже ползавших по мелководью пращуров. «Слитскан» был зрелым, совершенным организмом, раскинувшим свои щупальца по всему земному шару. Доходов «Слитскана» хватало на покупку целых спутников и на строительство здания в Бербанке, где и работал Лейни.

«Слитскан» пользовался такой популярностью, что превратился в нечто похожее на древние телевизионные сети. Он поддерживался массой дополнительных и побочных программ, созданных с единственной целью – вернуть загулявшего зрителя к святая святых, к знакомому и непременно окропленному свеженькой кровью алтарю, к «Дымящемуся зеркалу»[58], как выражался один из коллег Лейни, мексиканец по происхождению.

Работая в «Слитскане», нельзя было не проникнуться чувством своей сопричастности истории, или, по едкому замечанию Кэти Торранс, тому, что *заменило* историю. Лейни подозревал, что сам «Слитскан» может быть одной из этих бо`льших узловых точек, которые он пытался себе представить, некоей информационной сингулярностью, открывающей путь к глубинным, немыслимым структурам.

Что же касается узловых точек поменьше, за которыми, собственно, и посылала его Кэти в дебри «Дейтамерики», Лейни отлавливал их и успел уже тем повлиять на результаты муниципальных выборов, на рынок фьючерсных контрактов на генные патенты, на закон об абортах в Нью-Джерси и на суматоху вокруг «Угасни в полночь» (движение, боровшееся за свободу

эвтаназии, – или изуверская секта самоубийц, это уж как хотите), не говоря уж о жизнях и карьерах нескольких десятков знаменитостей самого разнообразного толка.

И не все изменения были к худшему, даже если смотреть с точки зрения невольных героев шоу. Материал Кэти Торранс, изобличавший пагубное пристрастие членов группы «Дьюкс оф Ньюк'Ем» к иракским зародышевым тканям, мгновенно сделал их следующий альбом платиновым, а заодно привел к целой серии показательных судебных процессов и публичных казней в Багдаде (ну и что такого, думал Лейни, там и так и так жизнь хреновая).

Сам-то Лейни никогда не был любителем «Слитскана», что, как он подозревал, сыграло в его пользу при устройстве на работу. И не то чтобы он был *противником* этой программы, он просто никогда о ней особенно не задумывался: ну есть такая и есть. «Слитскан» был способом создания и подачи некоторых, не очень ему интересных новостей. «Слитскан» был местом, где ему платили зарплату.

«Слитскан» позволял Лейни заниматься единственным делом, к которому у него был истинный, яркий талант, а потому он инстинктивно избегал думать о своей работе в терминах причин и следствий. Даже теперь, стараясь объяснить внимательному Ямадзаки свою позицию, он не замечал за собой никакой вины, никакой ответственности. Как сказала однажды Кэти, люди богатые и знаменитые редко бывают таковыми по чистой случайности. Можно по случайности стать богатым или знаменитым, но чтобы и то и другое сразу – это уж слишком.

Отдельной строкой шли знаменитости чисто временные, случайные, не имевшие ни богатства, ни, собственно говоря, славы, – ну, скажем, убийца-маньяк или родители последней его жертвы. Их Кэти воспринимала как тяжкий крест, который она вынуждена тащить: ну что это за знаменитость, у которой нет ровно никаких качеств, делающих человека знаменитостью? Правда, к убийцам она относилась с некоторой надеждой, считая, что у них обычно имеется некоторый потенциал, пусть пока и не раскрытый.

Но все это так, между прочим, а в основном Кэти нацеливала внимание Лейни и прочих исследователей (общим числом около трех десятков) на не предаваемые огласке аспекты жизни людей не просто известных, но добившихся своей известности вполне сознательно.

Элис Ширз пользовалась известностью разве что среди нескольких десятков своих знакомых, но вот человек, с которым у нее была связь (Лейни это быстро подтвердил), был весьма известной личностью.

А затем до Лейни начало доходить нечто неожиданное.

Непонятно как, но Элис Ширз *знала*, что он здесь, рядом, что он за ней следит. Она словно чувствовала, что он всматривается в крошечный заливчик информационного океана, отражающий ее жизнь, в неизгладимый отпечаток, оставляемый всеми ее поступками на цифровой ткани мира.

Лейни наблюдал за узловой точкой, формировавшейся в информационном отображении Элис Ширз.

Эта женщина решила себя убить.

6
Друг

Кья запрограммировала своего Мьюзик-мастера на сродство к мостам. Стройный молодой человек со светло-голубыми глазами и неистребимым пристрастием к длинным, развевающимся на ходу плащам, он появлялся в виртуальной Венеции на каждом мосту, которым она проходила с более или менее умеренной скоростью.

С самого начала, еще в бета-версии, он стал предметом судебного иска: юридических представителей некоего почтенного британского певца возмутило, что дизайнеры Мьюзик-мастера использовали изображения их клиента в слишком уж юном возрасте. Конфликт был разрешен во внесудебном порядке, и все последующие версии, включая и ту, которой пользовалась Кья, обладали большим сходством с теперешним оригиналом. (Келси говорила, что в основном переделали его левый глаз, но почему только левый?)[59]

Кья ввела его в программу уже при второй своей прогулке по Венеции, для компании и некоторого разнообразия, а эта фишка насчет мостов и сейчас казалась ей очень удачной. В Венеции ведь пропасть мостов, некоторые из них совсем уж крохотные, такие себе каменные ступенчатые арки, переброшенные через узенькие боковые канальчики. Там есть мост Вздохов (Кья его не любила, печальный какой-то и даже чуть жутковатый) и мост Кулаков, который она любила, в основном из-за такого названия, и много, много других. И еще есть мост Риальто, большой, горбатый и фантастически старый; по словам отца, именно там, на этом мосту, придумали банковское дело, а может, какую-то его разновидность. (Ее отец работал в банке, потому-то ему и приходилось жить в этом Сингапуре.)

Как только Кья замедлила свой бег по городу до нормальной скорости пешехода и начала подниматься по ступенькам Риальто, рядом с ней появился Мьюзик-мастер, неотразимо элегантный в своем светло-коричневом, развевающемся на ветру тренче.

– ДРУГ, – сказал он, активированный ее молчанием. – Диатоническое развертывание устойчивой гармонии. Известное также как мажорный аккорд с нисходящим басовым тоном. Бах, ария из Сюиты номер три ре мажор, тысяча семьсот тридцатый год. «Прокол харум», «Белее бледного»[60], тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год.

Если взглянуть ему в глаза, она услышит музыкальные

иллюстрации, звучащие словно ниоткуда и с как раз правильной громкостью. Затем еще про ДРУГ и снова иллюстрации. Но она ввела его сюда ради компании, а не для того, чтобы слушать лекции. К сожалению, в нем не было ничего, кроме этих лекций да классной иконики (голубоглазый, узкокостный блондин, умеющий носить одежду с изяществом, недоступным никому из живых людей). Он знал о музыке все, что только можно знать, – и больше ничего ни о чем.

Кья не знала, сколько продолжалась ее сегодняшняя прогулка по Венеции, здесь всегда было ее любимое время – одна минута до начала восхода.

– А про японскую музыку ты что-нибудь знаешь? – спросила она.

– Про какую именно?

– Ну, про ту, что народ слушает.

– Популярная музыка?

– Ну да, наверное.

Прежде чем продолжить, Мьюзик-мастер повернулся к Кья и сунул руки в карманы брюк, мелькнула подкладка распахнутого тренча.

– Можно начать, – сказал он, – с музыки, называемой «энка», только вряд ли она тебе понравится. – (Ну да, торговцы софтвером всегда выясняют, что тебе нравится, а что нет.) – Современная японская поп-музыка оформилась позднее, после появления так называемого группового звука. Это было чистейшее подражание, даже не скрывавшее своей коммерческой направленности. Жиденькая смесь различных западных влияний, очень слащавая и однообразная.

– А у них правда есть исполнители, которые не существуют?

– Певцы-идолы. – Он скользнул взглядом по крутому горбу моста. – «Идору». Некоторые из них пользуются бешеной популярностью.

– А бывает, чтобы кто-нибудь из-за них убил себя?

– Я не знаю. Но думаю, что такое вполне возможно.

– А чтобы кто-нибудь на них женился?

– Насколько я знаю – нет.

– А как насчет Рэй Тоэй? – (А вдруг это имя произносится как-нибудь по-другому?)

– К сожалению, это имя мне не знакомо.

Мьюзик-мастер страдальчески поморщился – как и всегда, когда его спрашиваешь про музыку, появившуюся после его релиза. Ну а Кья всегда в этих случаях его жалела, хоть и понимала, что это смешно.

– Да ладно, – сказала она, закрывая глаза. – Ерунда.

И сняла очки.

После Венеции салон самолета стал еще уже, теснее, клаустрофобная труба, забитая креслами и людьми.

Блондинка успела уже проспаться и смотрела прямо на нее с расстояния в несколько дюймов. Удалив со своего лица бо`льшую часть косметики, она почти утратила сходство с Ашли Модин Картер.

А потом она улыбнулась. Это была странная улыбка – медленная и как будто многоступенчатая, ну, словно состоящая из отдельных стадий, каждая из которых проявлялась своей отдельной застенчивостью или нерешительностью.

– Мне нравится твой компьютер, – сказала блондинка. – Он выглядит, будто его смастерили индейцы, ну вроде.

Кья взглянула на «Сэндбендерса».

– Коралл, – сказала она, нажимая красную кнопку. – А тут бирюза. Вот эти, ну, вроде слоновой кости, они из ядра какого-то там ореха. Никакого вреда природе.

– А все остальное – серебро?

– Алюминий. Они раскапывают на пляже старые пивные банки, плавят и отливают по-старому, в формовочный песок. А эти панели из микарты. Ткань, пропитанная какой-то смолой.

– Вот уж не знала, что индейцы делают компьютеры, – сказала женщина, трогая изогнутый бок «Сэндбендерса»; ее голос звучал нерешительно, как-то по-детски.

Ноготь указательного пальца, лежавшего на компьютере, был покрыт ярко-красным лаком, ободранным и начавшим уже облезать. Рука чуть вздрогнула и вернулась к ней на колени.

– Я слишком много выпила, – сказала блондинка. – Да к тому же все с текилой. «Витамин Т», это Эдди ее так называет. Я тут ничего *такого* не делала?

Кья мотнула головой.

– Я когда переберу, потом, бывает, и не помню, чего я делала.

– А ты не знаешь, сколько нам еще до Токио? – спросила Кья. Надо было вроде бы что-то говорить, а ничего другого ей в голову не приходило.

– Часов десять, если не больше. – Блондинка широко зевнула. – Мутотень с этими дозвуковыми, верно? Эдди заказал мне на супер, бизнес-классом, но потом там с билетами что-то такое вышло. Эдди заказывает все билеты в Осаке, в этой такой конторе. Один раз мы летели на «Эр Франс», первым классом, так там сиденье совсем откидывается и получается кровать, и они укрывают тебя таким маленьким пледом. А еще у них там, прямо в салоне, бесплатный бар, и там бутылки стоят просто так, бери – не хочу, и шампанское, и что угодно, и самая лучшая еда. –

Воспоминания об «эр-франсовской» роскоши заметно ее приободрили. – И еще они дают тебе духи и косметику, положенные в красивый футляр от «Гермеса». Настоящая кожа. А зачем ты собралась в Токио?

– О… – Кья чуть замялась. – Ну, в общем… У меня там подруга. Повидать подругу.

– Там все так странно. Знаешь, да? После землетрясения.

– Но они же там все наново отстроили. Ведь правда отстроили?

– Конечно, только все это делалось как-то чересчур быстро, в основном этой самой нанотехникой, которая сама растет. Эдди, он примчался туда, когда пыль еще не осела. Рассказывал, что можно было прямо *видеть*, как растут все эти дома, ночью. На верхушке комнаты, вроде пчелиных сотов, а стенки растут и смыкаются под ними, и дальше вверх, и дальше. Он сказал, это было вроде как смотреть, как плавится и сгорает свечка, но только наоборот. Страшно все это как-то. И без единого звука. И машины такие маленькие, что и глазом не увидишь. Они же, которые эти, они могут прямо тебе в тело забраться, ты это знаешь?

Кья чувствовала, что еще немного, и эта красавица сама себя запугает до полной истерики.

– Эдди? – переспросила она, надеясь сменить предмет разговора.

– Эдди, он вроде как бизнесмен. Он приехал в Японию, чтобы делать деньги после землетрясения. Он говорил, что там тогда вся инфра… инфра… вся *структура* распалась. Он говорил, что из нее, ну, будто вынули позвоночник, так что можно было прийти и укорениться в ней, только быстро, пока она не выздоровела и снова не затвердела. Ну и она потом выздоровела и затвердела *вокруг* Эдди, словно он какой пересаженный орган, или что еще, и теперь он стал частью инфра… инфра…

– Инфраструктура.

– Структура. Да, точно. И теперь он намертво подключился ко всем этим деньжищам. У него и просто недвижимость, и всякие там клубы, и у него дела и в музыке, и в видео, и не знаю в чем.

Кья наклонилась, вытащила из-под переднего сиденья свою сумку и спрятала туда «Сэндбендерса».

– А ты что, там и живешь, в Токио?

– И там, и не только там.

– Тебе там нравится?

– Там все… я… ну… перекошено как-то, понимаешь? Не как в других местах. На них обрушилось такое, ну, огромное, а потом они все починили, и это было, пожалуй, еще огромнее, еще

бо`льшая перемена, а теперь все они ходят там и делают вид, что ничего у них там и не случилось, *ничего* не случилось. Но ты знаешь что?

– Что?

– Посмотри на карту. И на старую карту. Так вот, там же многое, очень многое, *даже не там, где оно было раньше*. И даже не рядом. Ну, конечно, кое-что осталось на месте – императорский дворец, экспрессвей, ратуша эта здоровая в Синдзюку, но все остальное они ну просто сделали наново. Они сгребли все, что осталось после землетрясения, в воду, как мусор, а теперь еще ведут на этом мусоре строительство. Новые острова.

– Прости, пожалуйста, – сказала Кья, – но вчера я поздно легла, а сегодня рано встала, совсем глаза слипаются. Посплю я немного, а то ведь так и сломаться можно.

– Меня звать Мэриэлис. В одно слово.

– А меня – Кья.

Кья закрыла глаза и попробовала откинуть спинку сиденья чуть подальше, однако оказалось, что та и так на пределе.

– Красивое имя, – сказала Мэриэлис.

Кья вздохнула и устроилась поудобнее. Сквозь рев двигателей ей будто слышался мьюзик-мастеровый ДРУГ – уже и не звуки, а вроде часть ее самое. Белее, что ли, бледного или как-то так, но разобрать было почти невозможно.

7
Теплая влага жизни Элис Ширз

– Она думает покончить жизнь самоубийством, – сказал Лейни.

– Почему?

Кэти Торранс неспешно пила кофе. Понедельничный вечер в «Клетке».

– Потому, что она знает. Она чувствует, как я за ней слежу.

– Уймись, Лейни. Это невозможно.

– Она знает.

– Ты не «следишь» за ней. Она ежесекундно порождает информацию – так же, как и все мы, а ты исследуешь эту информацию. Она не может об этом знать.

– Не может, но знает.

Белая чашка негромко клацнула о блюдце.

– Хорошо, но ты-то сам, ты-то откуда знаешь, что она знает? Ты просматриваешь список ее телефонных разговоров, узнаешь, какие программы она смотрит и когда, какую слушает музыку. Ну как ты можешь знать, что она ощущает твое внимание?

По узловой точке, хотел сказать Лейни. Но не сказал.

– Мне кажется, ты просто переработал. Пять дней отпуска.

– Да нет, я уж лучше…

– Я не могу позволить, чтобы ты сжег себя, убыток для фирмы. Я знаю эти симптомы. Отпуск для отдыха, со стопроцентной оплатой, пять суток.

И бонус на оплату поездки. Кэти не поскупилась. Через посредство «слитскановского» транспортного агентства Лейни получил номер в выдолбленной изнутри вершине горы. Какой-то шибко продвинутый дизайнер расставил по зеркально-гладкому бетонному полу гостиничного фойе огромные каменные шары. Стены фойе были сплошь из стекла: древние как мир игуаны философически взирали на портье и его подручных, яркая зелень чешуи на пыльно-коричневом фоне каких-то местных растений.

Женщина, с которой познакомился Лейни, сказала, что редактирует торшеры для некоего сан-францисского дизайнерского бюро. Вторник, вечер. Он прилетел в Мексику три часа назад. Коктейли в гостиничном баре.

– Редактируешь торшеры? – удивился он. – А это как?

Последнее время Лейни стал подмечать, что лично его не заинтересовала бы ни одна из тех работ, смысл которых понятен с первого слова, из одного уже названия. Сам он отвечал

любопытствующим, что занимается количественным анализом, даже не пытаясь что-то такое рассказывать про узловые точки и Кэти Торранс с ее теорией славы и известности.

Женщина сказала, что ее компания выпускает малотиражную мебель и аксессуары, в частности – торшеры. Делают все это не в одном цехе, а что где, по преимуществу – в Северной Калифорнии. Надомное производство. Один человек может подрядиться изготовить двести гранитных подставок, другой – согнуть двести стальных трубок и покрасить их в синий цвет некоего весьма специфического оттенка. Она достала свой ноутбук и показала ему анимированные эскизы. Болезненно тощие, сплошь из каких-то палочек торшеры живо напомнили Лейни недавнюю передачу по каналу «Природа» об африканских насекомых.

Так это что, она придумывает? Нет. Их конструируют в России, в Москве. А она – *редактор*. Она подбирает поставщиков комплектующих. Она осуществляет надзор за изготовлением отдельных элементов, доставкой их в Сан-Франциско и сборкой на производственных площадях бывшего консервного заводика. Если техническая документация предусматривает использование чего-то там такого, чего никак не достать, она либо подыскивает нового поставщика, либо вырабатывает некий компромисс в смысле материала и технологии.

Лейни спросил: а кто же такое покупает? Люди, которые хотят иметь вещи, которых ни у кого больше нет, объяснила женщина. А ей нравится эта работа? Да. Потому что ей и вообще нравится этот русский дизайн, да и люди, которые делают составные элементы, они тоже очень приятные, чаще всего. А больше всего ей нравится создавать что-то такое, чего раньше в мире не было, смотреть, как присланные из Москвы чертежи превращаются в осязаемые предметы, стоящие на полу бывшего консервного завода.

Сперва их нет, говорила она, а в один прекрасный день они тут, перед тобой, ты можешь посмотреть на них, и потрогать их, и понять, хорошо это или нет.

Лейни задумался над ее словами. Женщина сидела и молчала, серьезная и спокойная. Тени, исполосовавшие блестящий, словно лакированный, бетонный пол, ползли с почти ощутимой скоростью.

Он накрыл ее руки своими.

И потрогать их, и понять, хорошо это или нет.

До восхода оставались какие-то минуты, торшерная редакторша мирно спала на его кровати, а он стоял на балконе и

смотрел, как светлеет небо над заливом, как растворяется в зачинающемся дне молочно-бледная, полупрозрачная луна.

Ночью в Федеральном округе – это где-то там, на востоке – был совершен теракт, ракетный обстрел, сопровождавшийся паническими слухами о применении химического оружия. Очередной эпизод одной из малопонятных, ни на секунду не стихающих войн, которые стали уже настолько привычными, что трудно даже представить себе мир, где их нет.

Внизу, на деревьях, просыпались птицы, звуки, знакомые ему еще по Гейнсвиллскому приюту, по другим, давним рассветам.

Кэти Торранс изъявила свое удовлетворение видом Лейни. Она сказала, что он заметно посвежел.

Лейни сильно подозревал, что следующий отпуск может оказаться бессрочным, а потому тут же и без дальнейших комментариев отправился бороздить мир «Дейтамерики». Кэти поглядывала на него, как искушенный ремесленник на ценный инструмент, на котором появились первые микроскопические трещинки.

За прошедшую неделю узловая точка несколько изменилась, хотя описать это изменение словами было бы крайне затруднительно. Лейни скрупулезно изучил бесчисленные обрывки информации, нагромоздившиеся вокруг Элис Ширз в его отсутствие, пытаясь нащупать причину своих недавних предчувствий. Он прослушал музыку, которую вызывала Элис за последние дни в том же, что и она, порядке, песню за песней. Выбор оказался более жизнеутверждающим, чем прежде; она перешла на нового провайдера, «Апфул групвайн», чей неустанно-позитивный продукт был музыкальным эквивалентом «Канала добрых новостей».

Сопоставив расходы Элис с документацией оптовика, предоставлявшего ей кредит, и его розничной сети, Лейни составил список всех ее покупок за неделю. Шестибаночная упаковка пива, пачка лезвий для канцелярского ножа «токкай». Ну да, у нее же вроде был такой. Но тут ему вспомнилось предостережение Кэти, что именно в этой части исследования возможны подсознательные искажения, подробное знакомство исследователя с делами объекта исследований ведет к утрате перспективы. «Не забывайте, Лейни, что все мы очень легко идентифицируем себя с другими людьми на покупательском уровне. В наше время человек – существо покупающее. Если вы однажды заметите, что сменили бренд замороженной фасоли сразу после того, как это сделал объект, – берегитесь».

В многоэтажных гаражах парковочные площадки наклонные, из-за этого пол его квартиры, располагавшейся в бывшем гараже, был устроен ступеньками. Спал он в глубоком конце комнаты на надувной гостевой кровати, заказанной по «Шопинг-каналу». Окон в квартире не было. Санитарные правила предусматривали освещение безоконных жилых помещений при помощи светового насоса, поэтому потолочная панель иногда сочилась воссозданным солнечным светом, но Лейни этого почти и не видел, он редко возвращался с работы засветло.

Он сидел на податливом, скользком крае пластиковой надувашки и пытался представить себе Элис Ширз в ее квартире на Фонтанной авеню. Он знал, что у нее там просторнее, чем у него, но не слишком. Окна. Платит за квартиру, как установил в конце концов «Слитскан», этот самый женатый артист. Платит по хитрой цепочке подставных счетов, но это и не важно, главное, что платит. Из своей заначки, как выражалась Кэти Торранс.

Лейни мог охватить умом всю жизненную историю Элис Ширз сразу, как единый объект, как идеально детализированную модель чего-то вполне заурядного, но при этом чудесного, ярко освещенную его же собственным пристальным взглядом. Он не был с ней знаком, в жизни не перебросился ни единым словом, но все равно знал ее так, как никогда не узнает никто другой. Никакие супруги не знают друг друга с такой подробностью. Психи, по пятам преследующие предмет своей одержимости, очень хотели бы знать его подобным образом, но это всегда остается для них недостижимой мечтой.

Так оно продолжалось до той ночи, когда он проснулся с тупой, пульсирующей болью в голове. Жара и духота, что в твоей Флориде, опять у них там что-то с кондиционером. Синяя рубашка противно липнет к рукам и спине. Интересно, что она сейчас делает?

Не спит, смотрит на освещенный уличными фонарями потолок и слушает «Апфул групвайн»?

Кэти опасалась, не едет ли у него крыша. Лейни посмотрел на свои руки как на что-то постороннее. Он смотрел на них, словно видел впервые в жизни.

Он вспомнил «5-SB» в приюте. Вкус, появляющийся уже после укола, сразу. Ржавый металл. Плацебо не давало никакого вкуса.

Лейни встал с кровати. Кухонный Уголок тут же проснулся. Откатилась дверца холодильника. На белых пластиковых прутиках одной из полок уныло обвис почерневший листик салата. На другой полке – недопитая бутылка воды «Эвиан». Он накрыл салатный листик куполом из сложенных ладоней, стараясь ощутить радиацию его гниения, какую-нибудь там

тонкую жизненную силу, или оргоны, кванты энергии, не воспринимаемой физическими приборами[61].

Элис Ширз решила покончить с собой. Он знал это, знал абсолютно точно. Непонятно как, но он различил это в ворохе случайной информации, порожденной этой женщиной при ее соприкосновениях с миром вещей.

– Эй, там, – сказал холодильник. – Нельзя же так долго держать меня открытым.

Лейни молчал.

– Так что, приятель, так и будешь держать дверцу открытой? Ты же знаешь, что это мешает автоматическому размо…

– Стихни.

Ладоням стало получше. Попрохладнее.

Лейни держал руки в холодильнике, пока совсем не застыли, а затем вынул их и прижал пальцы к вискам; холодильник не упустил такой возможности и торопливо закрылся, воздержавшись, однако, от комментариев.

Лейни даже не стал снимать мятую, пропотевшую малайзийскую рубашку. Двадцать минут спустя он уже ехал в Голливуд. Одинокие фигуры на платформе метро, мелькающие за окнами отходящего поезда.

– Насколько я понимаю, вы не считаете это сознательным решением, верно? – Блэкуэлл снова помял обрубок своего левого уха.

– Нет, – качнул головой Лейни. – Я и сейчас не очень понимаю, что я собирался сделать.

– Вы пытались ее спасти. Эту девушку.

– У меня было ощущение, словно что-то лопнуло. Резинка какая-то. Я чувствовал, что меня туда тянет.

Лейни вышел из метро на станции «Сансет» и торопливо зашагал по уходившей вниз улице. Где-то на полпути он увидел человека, поливавшего свой газон, прямоугольник размером с два бильярдных стола, освещенный медицинским сиянием соседнего уличного фонаря. На ярко-зеленых, идеально гладких пластиковых травинках блестели крупные капли воды. Пластиковый газон был отгорожен от улицы стальным забором. Массивные, как в тюрьме, вертикальные брусья, увенчанные блестящей, без единого пятнышка ржавчины спиралью бритвенно-острой колючей проволоки. Домик полуночного поливальщика был немногим больше его газона, пережиток полузабытых дней, когда по всему этому склону стояли одноэтажные дачки. Некоторые из них все еще сохранились – крошечные строеньица,

заткнутые между однообразно разнообразными, сплошь в балконах, фасадами кондоминиумов и жилых комплексов, последние напоминания о том времени, когда этот район еще не входил в состав города. Лейни чувствовал запах апельсинов, а может, это ему просто казалось, во всяком случае, апельсиновых деревьев не было видно.

Человек со шлангом поднял голову, его глаза прятались за черными нашлепками видеокамер, напрямую связанных с оптическими нервами. Слепой. Неприятное ощущение, никогда не понимаешь, смотрит такой на тебя или нет.

Лейни пошел дальше, сквозь путаницу сонных улиц и мимолетный запах цветущих деревьев, доверив выбор пути тому непонятному чувству, которое вынудило его сорваться из дома и приехать сюда. Где-то на Санта-Монике взвизгнули тормоза.

Через пятнадцать минут он был уже на Фонтанной авеню, перед ее домом. Остановился. Взглянул вверх. Пятый этаж. Квартира пятьсот два.

Узловая точка.

– Вам не хочется об этом говорить.

Лейни поднял глаза от пустой чашки и встретил внимательный взгляд Блэкуэлла.

– Я никогда еще этого никому не рассказывал, – сказал он, ничуть не погрешив против истины.

– Погуляем немного.

Огромная туша Блэкуэлла поднялась безо всяких видимых усилий, всплыла, как гротескный воздушный шарик. «Это сколько ж сейчас времени? – подумал Лейни. – Здесь, в Токио. А, какая разница. Главное – сколько сейчас времени в Лос-Анджелесе?» О счете позаботился Ямадзаки.

Лейни вышел вместе с ними под сыплющуюся с неба морось, которая превратила мостовую в сплошной потоп черных, ритмично подпрыгивающих зонтиков. Ямадзаки извлек из кармана черный предмет размером с визитную карточку, но чуть потолще. Резко его согнул. Предмет расцвел черным зонтиком. Ямадзаки отдал зонтик Лейни. Сухая, чуть тепловатая, бесплотно-невесомая ручка.

– А как его потом складывают?

– Их не складывают, – сказал Ямадзаки, раскрывая второй зонтик для себя. – Их просто выкидывают.

Бритоголовый, одетый в нанопору Блэкуэлл не обращал на дождь никакого внимания.

– Мистер Лейни, – сказал Ямадзаки, – вы не могли бы, пожалуйста, продолжить ваш рассказ.

В просвете между двумя высотными зданиями маячило третье, еще выше. Лейни увидел на его фасаде огромные, смутно знакомые лица, искаженные непонятной мукой.

«Слитскан» брал со всех сотрудников подписку о неразглашении, чтобы по возможности скрыть те случаи, когда он использовал свои связи с «Дейтамерикой» для незаконного проникновения в частную информацию. По опыту Лейни такое происходило сплошь и рядом, особенно на глубинных, продвинутых уровнях исследования. Так как Лейни успел уже близко познакомиться с «Дейтамерикой», он не находил в этом ничего особо удивительного. «Дейтамерика» давно уже стала чем-то вроде суверенного государства; во многих отношениях она сама устанавливала для себя законы.

Длительная слежка за Элис Ширз также была связана с массой незаконных действий, одно из которых дало Лейни коды, требовавшиеся, чтобы попасть в ее дом, активировать лифт, отпереть дверь ее квартиры, а также две цифры, без которых все предыдущие коды срабатывали, однако параллельно вызывалась вооруженная охрана. (Это давало некоторую страховку против популярной в последнее время преступной техники проникновения в квартиру, при которых жильца подстерегали в парковочном гараже и заставляли выдать свои коды.) Элис выбрала для страховочного кода число двадцать три, ее возраст годом раньше, когда она въехала в этот дом и подписалась на услуги охраны.

Эти-то цифры и шептал Лейни, стоя перед восьмиэтажным зданием, фасад которого отражал чьи-то весьма смутные представления о неотюдорском стиле. Первые лучи лос-анджелесского рассвета прорисовали этот архитектурный кошмар с дотошной, всеобъемлющей подробностью.

Двадцать три.

– А потом, – подсказал Блэкуэлл, – вы попросту взяли и вошли. Понажимали эти самые коды, бах – и вы там.

Они стояли на переходе в ожидании зеленого света.

– Бах.

Стены холла сплошь в зеркалах, и – ни звука. Словно в вакууме. Он пересек просторы чистого, новехонького ковра в компании дюжины отраженных Лейни. Вошел в лифт, где пахло чем-то цветочным, и использовал следующую часть кода. Лифт поднялся на пятый этаж. Двери лифта раздвинулись. Новехонькая

ковровая дорожка. Под свежим слоем нежно-бежевой краски проступают легкие неровности старомодной штукатурки.

Пятьсот два.

– Да что же это такое ты делаешь? – громко спросил Лейни. Он не знал и никогда не узнает, кого он тогда спрашивал. Себя или Элис Ширз.

На него уставился старинный, в медной оправе дверной глазок, наполовину затянутый бельмом бежевой краски.

Наборная панель заподлицо со стальной основой двери, чуть пониже глазка. Он смотрел на свой палец, нажимавший по очереди кнопки.

Двадцать три.

Но Элис Ширз, совершенно голая, открыла дверь сама, еще до того, как сработал код. За ее спиной весело гремела музыка. «Апфул групвайн». Лейни отчаянно вцепился в скользкие от крови запястья и увидел в глазах Элис даже не укор, а простое узнавание. Этот момент запомнился ему навсегда.

– Не получается, – сказала она, словно жалуясь на какую-то неполадку в домашней технике.

Лейни громко всхлипнул, чего не случалось с ним уже много лет, с раннего детства. Нужно было осмотреть эти запястья, но он не мог, потому что держал их в руках. Он повел ее спиной вперед к плетеному креслу, неизвестно когда и как им замеченному.

– Сядь, – сказал он ей, как упрямому ребенку, и она села.

Затем он отпустил ее запястья. Метнулся туда, где вроде бы должна была быть ванная. Схватил полотенца и нечто вроде пластыря.

А потом, словно безо всяких промежуточных этапов, оказалось, что он стоит рядом с ней на коленях. Ее руки лежали красными ладонями вверх, красные пальцы чуть согнуты, как в медитации. Он намотал на ее левое запястье маленькое темно-зеленое полотенце, прихватил его сверху пластырем, только это был не пластырь, а такая бежевая резинистая лента, которой прикрывают отдельные участки кожи при наложении аэрозольной косметики. Он знал это из данных о ее покупках.

А может, там, под этой липкой красной массой, ее пальцы уже синеют? Он вскинул глаза. В то же самое узнавание. Левая скула измазана кровью.

– Не надо, – сказал Лейни.

– Уже почти и не течет.

Он взял рулончик пластыря в зубы и начал наматывать полотенце на правое запястье.

– Я промахнулась мимо вены.

– Сиди спокойно.

Лейни вскочил, чтобы закончить перевязку стоя, но запутался в собственных ногах, рухнул лицом вниз и сломал себе переносицу об – как он заметил в самый последний момент – одно из творений редакторши торшеров. Впечатление было такое, словно ковер поднялся и швырнул эту штуку ему в лицо.

– Элис…

Ее щиколотка, метнувшаяся мимо него к кухне.

– Элис! *Сядь* на место!

– Прости, пожалуйста.

Хотя вполне возможно, что ничего она не говорила и ему это просто померещилось. А затем выстрел.

Блэкуэлл громко вздохнул, его плечи тяжело поднялись, задержались, словно в неуверенности, что им делать дальше, и упали. В очках Ямадзаки дрожали и переливались яркие разноцветные пятнышки, стены здесь были сплошь в неоне, освещение на зависть Лас-Вегасу, каждая поверхность сверкает и дергается.

Блэкуэлл смотрел на Лейни и молчал.

– Сюда, – сказал он в конце концов и свернул за угол, в относительную темноту, чуть подкрашенную запахом мочи.

Лейни, а затем и Ямадзаки последовали за ним. Узкий проулок вывел их в сказочную страну.

Ни неона, ни даже обычных уличных фонарей. Мягкий, без теней свет из окон тактично отступивших небоскребов. Крошечные, вроде древних купальных кабинок на каком-нибудь заброшенном пляже, строеньица помечены черными иероглифами, аккуратно выведенными на аскетичных, размером с большую поздравительную открытку прямоугольниках белого матового стекла. Тесно поставленные вдоль одной стороны мощенного булыжником переулка, они были похожи на закрытые, лишь для избранных зрителей, аттракционы некоего тайного городского цирка. Бруски поседевшего от старости кедра, промасленная бумага, соломенные циновки, никаких признаков времени, века, кроме разве что электрической подсветки стеклянных табличек.

Лейни даже не пытался скрыть свое удивление. Такое могли построить гномы. Или эльфы. Но уж никак не люди.

– Золотая улица, – сказал Кит Алан Блэкуэлл.

8
Нарита

Кья шла к выходу, дыша в затылок Мэриэлис, которая приняла на грудь еще пару витаминизированных коктейлей, а потом засела в туалетной кабинке на добрых двадцать минут, расчесывая свои лиловые лохмы и накладывая грим. Результат этого трудоемкого процесса напоминал не столько Ашли Модин Картер, сколько что-то такое, на чем Ашли Модин Картер спала.

Когда Кья встала, ей пришлось вроде как отдавать своему телу отдельные приказы на каждое требуемое действие. Ноги: шагайте.

Нужно будет пару часов поспать, обязательно, а то ведь куда так. Она уложила «Сэндбендерса» назад в сумку и теперь брела нога за ногу следом за Мэриэлис, шаркавшей белыми ковбойскими сапогами по узкому самолетному проходу.

Высадка заняла целую вечность, но в конце концов они все-таки оказались в коридоре аэропорта под огромными логотипами, знакомыми Кья чуть ли не с внутриутробного развития, все эти японские компании, и толпа народу, и все идут в одну сторону.

– Ты сдавала что-нибудь в багаж? – спросила Мэриэлис.

– Нет, – сказала Кья.

Теперь Кья шла первой, а Мэриэлис – сзади. На паспортном контроле Кья предъявила японскому полицейскому паспорт и смарткарту «Кэшфлоу»; Сона Роса, это она заставила Келси выписать эту карточку, напирая на то, что все это ее, Келси, идея. Теоретически расходы по карточке ограничивались суммой, какая имелась в казне Сиэтлского отделения, но Кья подозревала, что в конечном итоге Келси, глазом не моргнув, оплатит все расходы и не сильно от этого обеднеет.

Полицейский вытащил паспорт из прорези сканера и вернул ей, карточка его вообще не заинтересовала.

– Максимальное пребывание две недели, – сказал он и кивнул Кья, чтобы проходила дальше.

Матовое стекло отъехало и впустило ее в зал. Толкучка в зале – куда там «Си-Таку», это ж сколько самолетов должно прилететь сразу, чтобы выгрузить всех этих людей, ждущих своего багажа. Кья посторонилась, пропуская маленького робота с горой чемоданов. У робота были розовые резиновые колеса, он пробирался сквозь толпу, дебильно крутя большими мультяшковыми глазами.

– И все совсем просто.

Кья оглянулась и увидела, как Мэриэлис глубоко вздохнула, задержала дыхание и медленно выдохнула. Глаза у нее были совсем измученные, как от дикой головной боли.

– А куда тут, чтобы сесть на поезд? – спросила Кья. В «Сэндбендерсе» были любые карты, но не хотелось его доставать.

– Вон туда, – сказала Мэриэлис.

Следуя за Мэриэлис, Кья пробиралась сквозь толпу, придерживая рукой сумку, чтобы не цепляться за людей. В конечном итоге они оказались перед «каруселью», на которую выползали с наклонного лотка сумки и чемоданы.

– Один, – сказала Мэриэлис, выхватывая черный чемодан, сказала с такой натужной радостью, что Кья даже обернулась. – И… *два*.

Второй точно такой же, только с ярким стикером «Ниссан Каунти», третьего по размеру калифорнийского парка аттракционов.

– Лапочка, ты не против понести его немного? У меня после этих самолетов всегда спина отказывает.

И, не дожидаясь ответа, нагрузила Кья вторым, со стикером, чемоданом. Чемодан был, в общем-то, не слишком тяжелый, словно полупустой, но зато очень большой, Кья приходилось сильно наклоняться в другую сторону, чтобы он не волочился по земле.

– Спасибочки, – сказала Мэриэлис. – Вот, держи. – Она сунула ей мятый бумажный квадратик с полосатым кодом. – Это квитанция. А теперь… нам сюда…

Теперь, с чемоданом, проталкиваться сквозь толпу стало куда труднее. Кья напрягла все свое внимание, чтобы не наступать людям на ноги и не слишком толкать их чемоданом, а потом и сама не заметила, как отстала от Мэриэлис. Она осмотрелась по сторонам в надежде, что где-нибудь из толпы торчит знакомая, с нарощенными волосами, голова этой жердины, но Мэриэлис как сквозь землю провалилась.

ВСЕ ПРИБЫВШИЕ ПАССАЖИРЫ ДОЛЖНЫ
ПРОЙТИ ТАМОЖЕННЫЙ КОНТРОЛЬ

Буквы задрожали и изогнулись, стали японскими, а потом снова английскими.

Таможня так таможня. Она встала в очередь за мужчиной в красной кожаной куртке с надписью «Столкновение концепций» во всю спину серыми ворсистыми буквами. Кья смотрела на эту надпись, пытаясь представить себе, как концепции сталкиваются, что, надо думать, само по себе являлось отдельной,

самостоятельной концепцией, а потом подумала, что, может, это просто название авторемонтной фирмы или один из этих японских слоганов, переведенных ими на английский, которые вроде как что-то и значат, а вдумаешься, так чушь. Серьезная все-таки вещь этот транстихоокеанский джетлаг, по мозгам шибает.

– Следующий.

Они пропускали чемодан «Столкновения концепций» через машину размером с двуспальную кровать, но сильно выше. Они – это чиновник в таком вроде как видеошлеме, смотревший, надо думать, что там выдают сканеры, и просто полицейский, чтобы взять у тебя паспорт, засунуть его в щель, а затем скормить твой багаж машине. Сперва Кья дала полицейскому Мэриэлисов чемодан, и он хлопнул его на ленту транспортера.

– Здесь у меня компьютер, – сказала Кья, протягивая ему сумку. – Как там эти сканеры, ничего ему не сделают?

Полицейский словно не слышал. Сумка поползла в машину следом за чемоданом.

Чиновник в шлеме, закрывавшем ему глаза, крутил головой из стороны в сторону, переключая таким образом меню.

– Багажная квитанция, – сказал полицейский, и Кья вспомнила о бумажном квадратике, еще больше смявшемся от пребывания в ее кулаке.

Странно, подумала она, с чего это Мэриэлис мне ее дала, а теперь вот удачно вышло. Полицейский провел по квитанции сканером.

– Вы сами укладывали эти сумки? – спросил чиновник в шлеме.

Он, конечно же, не видел ее прямо, но наверняка видел все бумажки, вложенные в ее паспорт, а возможно, и ее изображение с какой-нибудь телекамеры. В аэропортах, в них полно этих камер.

– Да, – сказала Кья, решив, что так будет проще, чем пускаться в объяснения насчет Мэриэлис.

Она попыталась определить по губам, какое у этого, в шлеме, выражение лица, и решила, что нет у него никакого выражения, вообще нет.

– Так это вы укладывали?

– Да… – сказала Кья уже не так уверенно.

Шлем кивнул:

– Следующий.

Кья обошла машину, взяла сумку и чемодан.

Снова отъехало матовое стекло. Этот зал был просторнее, и потолки выше, и реклам больше, и сами они больше, а толкучка такая же. Возможно, это не потому, что самолетов прилетело

много, а тут, в Токио, и во всей Японии, всегда так. Много людей, мало места, вот тебе и толкучка.

И много багажных тележек, роботов этих. Кья подумала, сколько стоит нанять такую. А потом лечь поверх своего багажа, сказать ей куда и уснуть. Только ей сейчас и не хотелось, в общем-то, спать, а просто голова какая-то мутная. Кья перехватила Мэриэлисов чемодан из левой руки в правую и снова задумалась, что же ей делать, если Мэриэлис не объявится, скажем, в ближайшие пять минут. Она уже по это место наелась аэропортов и не имела ни малейшего представления, где будет спать этой ночью. Да и вообще, ночь сейчас или что?

Кья как раз оглядывалась по верхам в надежде найти где-нибудь часы с местным временем, когда на ее правом запястье сомкнулись чьи-то пальцы. Опустив глаза, она увидела золотые кольца и золотые часы на массивном золотом браслете, все кольца соединялись с часами тоненькими золотыми цепочками.

– Это мой чемодан.

Кья скользнула глазами с раззолоченного запястья на белый манжет, затем вверх по черному рукаву к светлым глазам на длинном лице, на каждой щеке – ряд длинных, аккуратных морщин, словно нарочно процарапанных каким-нибудь резцом. На мгновение она приняла его за Мьюзик-мастера, вырвавшегося каким-то образом на свободу. Но Мьюзик-мастер в жизни не наденет такие вот часы, да и волосы у этого пусть и блондинистые, но потемнее, длинные и вроде как мокрые и зачесаны с высокого лба прямо назад. И видок какой-то не очень радостный.

– Не твой, а Мэриэлис, – сказала Кья.

– Она сама тебе его дала? В Сиэтле?

– Она попросила меня поднести.

– В Сиэтле?

– Нет, – качнула головой Кья. – Здесь, уже в зале. Мы с ней в самолете сидели рядом.

– А где она сама?

– Не знаю, – сказала Кья.

На нем был черный костюм с длинным, доверху застегнутым пиджаком, вроде как в старых фильмах, только новехонький и дорогой с виду. Все это время он вроде как и не помнил, что так и держит ее за руку, а теперь отпустил.

– Давай лучше я понесу, – сказал он. – Найдем мы ее, никуда не денется.

Кья немного смешалась, не зная, как будет правильнее.

– Мэриэлис хотела, чтобы я его несла.

– Вот ты и поносила. А теперь моя очередь, – сказал мужик,

забирая у нее чемодан.

– А ты, наверно, ее бойфренд, Эдди, да?

Уголок его рта чуть дернулся, вроде как в огрызке улыбки.

– Можно и так сказать.

У Эдди был «дайхацу-грейсленд» с рулем не на той стороне. Кья сразу это поняла, потому что в одном клипе Рез ехал на заднем сиденье как раз такой машины, только в той была еще ванна из черного мрамора с золотыми кранами в виде хитрых тропических рыбок. Народ говорил, что это такой вроде стеб над деньгами, над всякой жутью, которую ты можешь сделать, если у тебя их чересчур много. Кья рассказала про это матери, а та сказала, что нет смысла слишком уж беспокоиться, что` ты можешь сделать, если у тебя будет жуть как много денег, потому что у большинства людей их не бывает хотя бы достаточно, а потом еще сказала, что уж лучше попробовать разобраться толком, что оно такое, это «достаточно».

А вот у Эдди была эта штука, «грейсленд», сплошь черная эмаль и хром. Снаружи она выглядела как что-то среднее между «ар-ви» и этими длинными, клиновидными «хаммеровскими» лимузинами. Сомнительно, думала Кья, чтобы они так уж здорово шли на японском рынке, в Японии больше в ходу машины веселеньких расцветок, похожие на обсосанные леденцы. А «грейсленд» – это «кепка» в чистейшем, неразведенном виде, ее и сконструировали, и делают специально для американцев, бзикнутых на том, чтобы покупать только отечественное. Что, применительно к машинам, оставляет тебя, считай, и без выбора. (Эстеркина мать, мадам Чен, водит один из этих страхолюдных канадских грузовиков, которые дорогие, будто они из чистого золота, но зато имеют гарантии на восемьдесят лет – это, считается, лучше для экологии.)

Изнутри этот «грейсленд» был сплошь в лиловом бархате, простеганном ромбиками и маленькими хромированными пупочками, где ромбики соединяются – самая, пожалуй, китчуха, какую Кья в жизни видела, и Мэриэлис, похоже, тоже так думала; она, Мэриэлис, еще тогда, в самолете, рассказывала, что у Эдди есть этот крутой, с кантри-музыкой, клуб «Виски Клон» и он прикупил себе «грейсленд», чтобы этому клубу в масть, а заодно и одеваться стал, как одевались когда-то в Нэшвилле[62]. Мэриэлис думала, что оно ему самое то, так она и сказала.

Кья кивнула своим мыслям. Эдди вел машину и разговаривал по громкоговорящему телефону, по-японски. Они нашли Мэриэлис в двух шагах от аэропорта, в крошечном баре, третьем из обследованных. У Кья сложилось впечатление, что Эдди не так

уж и обрадовался, увидев Мэриэлис, но самой Мэриэлис это было, похоже, по фонарю.

Это Мэриэлис придумала, чтобы довезти Кья до Токио. Она сказала, что в поезде все кишки выдавить могут, и билеты очень дорогие, и что она будет рада оказать Кья хоть маленькую услугу за то, что Кья носила ее чемодан. (Кья заметила, что Эдди закинул другой чемодан в багажник, а этот, со стикером «Ниссан Каунти», поставил в салоне, рядом с собой.)

В общем-то Кья не слушала, что там она, Мэриэлис, говорит, было уже сколько-то там ночи, и голова от джетлага совсем задурела, и они ехали по этому длинному мосту, который словно весь из неона, с чертовой уймой полос движения, и маленькие ихние машины, как яркие бусинки на ниточках, все сплошь новые и блестящие. И все время мимо проплывали экраны, узкие, но высоченные, и на одних плясали японские буквы, а на других были люди, лица, с такими улыбками, словно стараются что-то тебе втюхать.

А потом появилось женское лицо: Рэй Тоэй, идору, на которой хочет жениться Рез. Появилось и сгинуло.

9
Совсем без тормозов

– Райс Дэниелз, мистер Лейни. Совсем без тормозов.

Прижимает к той стороне исцарапанного пластика, отделяющего комнату «Для посетителей» от тех, кого эти посетители посещают, какую-то карточку. Лейни хотел ее прочитать, но попытка сфокусировать глаза отозвалась в переносице ослепительной вспышкой боли. Тогда он взглянул сквозь навернувшиеся слезы на Райса Дэниелза. Темные, ежиком стриженные волосы, плотно прилегающие солнечные очки с маленькими стеклами, черные овалы оправы сжимают голову, как лапки хирургического зажима.

И ровно ничего такого, без тормозов.

– Сериал, – сказал посетитель. – «Совсем без тормозов». Как во фразе «Задумайся на секунду, и ты поймешь, что наши массмедиа совсем без тормозов». «Совсем Без Тормозов – боевой авангард контррасследовательной журналистики».

Лейни осторожно тронул полоску пластыря, наклеенную на переносицу. И зря так сделал.

– Контррасследовательной?

– Вы же количественник, мистер Лейни. – (Количественный аналитик. Не то чтобы да, но формально он числился таковым.) – В «Слитскане».

Лейни молчал.

– Эта девушка стала предметом доскональнейшего расследования. «Слитскан» обложил ее со всех сторон. Вы знаете почему. Мы надеемся привлечь «Слитскан» к ответственности за смерть Элис Ширз.

Лейни опустил глаза на свои кроссовки. Лишившиеся шнурков стараниями помощников шерифа.

– Она сама себя убила.

– Но мы-то с вами знаем почему.

– Нет, – сказал Лейни, твердо взглянув в черные овалы. – Нет, я – не знаю. Не совсем знаю.

Узловая точка. Протоколы какой-то совершенно иной действительности.

– Вам, Лейни, потребуется помощь. Очень потребуется. Вам грозит обвинение в убийстве. Побуждение к самоубийству. Они захотят узнать, почему вы там оказались.

– Я скажу им почему.

– Наши продюсеры сумели устроить, чтобы я добежал сюда

первым. Это было ой как непросто. Там сейчас ошивается «слитскановская» аварийная команда. Ждут своей очереди поговорить с вами. Если им позволить, они все это перекрутят, как хотят. Им нужно вытащить вас на свободу, нужно позарез, чтобы вместе с вами не пострадало их шоу. Они точно вас вытащат, с их-то деньгами и юристами. Но вы спросите себя – хотите ли вы *позволить* им это сделать?

Дэниелз все прижимал к пластику свою визитку. При вторичной попытке на ней сфокусироваться Лейни заметил надпись, выцарапанную кем-то с той стороны. Маленькие, корявые, зеркально отраженные буквы, и читать их приходилось слева направо.

Я знаю, это ты сделал.

– Я не слыхал про эту вашу «Без тормозов».

– Часовая пилотная программа готовится прямо сейчас, пока мы с вами здесь разговариваем. И все мы очень волнуемся.

– Почему?

– «Без тормозов» – это не просто новый сериал. Это абсолютно новая парадигма. Новый подход к телевидению. Ваша история – история Элис Ширз – это *в точности* то, что нам нужно. Наши продюсеры – это люди, захотевшие *вернуть зрителям долг*. Они сделали хорошую профессиональную карьеру, добились прочного положения, самоутвердились, а теперь хотят вернуть своим зрителям долг – восстановить до некоторой степени честность, раскрыть новые перспективы. – Черные овалы приблизились к грязному, исцарапанному пластику. – Наши продюсеры – это те же люди, которые делают «Копы влипли» и «Семь раз отмерь, один раз зарежь».

– А это еще что такое?

– Хроника предумышленных убийств в мировой индустрии мод.

– Контррасследовательная? – Карандаш японца завис над ноутбуком.

– Это у них программа о программах вроде «Слитскана», – объяснил Лейни. – О нарушениях закона и злоупотреблениях при их подготовке.

Бар был футов десять в длину и без единой табуретки. Стоишь, и все тут. Если не считать бармена, одетого на манер артистов кабуки, они были здесь совершенно одни. По той элементарной причине, что заполнили помещение до предела. Миниатюрнейшее самостоятельное коммерческое заведение, какое можно себе представить, и оно, похоже, находилось здесь всегда, осколок древнего Эдо, города теней и узеньких темных

улочек. Стены в сплошной чешуе выгоревших открыток, пропитанных никотином и кухонным чадом до ровного коричневого цвета.

– Понятно, – кивнул наконец Ямадзаки. – Метатаблоид.

Бармен варил на кукольной электроплитке пару сардин. Он подхватил их по очереди стальными палочками для еды, переместил на крошечную тарелку, положил сверху какую-то маринованную растительность, бесцветную и почти прозрачную, пододвинул тарелочку к Лейни.

– Спасибо, – сказал Лейни.

Бармен не то чтобы кивнул, а чуть двинул вниз свои выбритые брови.

Несмотря на предельную скромность обстановки, за спиной бармена стояли десятки бутылок дорогого виски, на каждой бутылке – коричневая бумажка с аккуратно выведенными иероглифами. Ямадзаки объяснил, что это имена владельцев, ты покупаешь бутылку, и она стоит тут специально для тебя. Блэкуэлл не спеша приканчивал второй стакан местного аналога водки с местным аналогом льда (во втором случае аналогия была полной). Ямадзаки так и придерживался колы-лайт. Лейни смотрел на нетронутую рюмку сюрреалистически дорогого кентукского бурбона в смутном раздумье, а как отреагирует его джетлаг, если и вправду взять да и выпить эту штуку.

– Короче говоря, – сказал Блэкуэлл и допил водку, звякнув кубиками льда о вставные зубы. – Короче говоря, они вас вытащили, чтобы вы дали им материал на тех, других ублюдков.

– В общих чертах да, – кивнул Лейни. – У них уже была наготове юридическая команда, нарочно для этого, и вторая, для работы по моей подписке о неразглашении.

– И этой второй, – сказал Блэкуэлл, – пришлось попотеть куда больше.

Бармен с ловкостью фокусника снял со стойки отодвинутый Блэкуэллом стакан и так же ловко поставил на его место новый, извлеченный словно ниоткуда.

– Верно, – сказал Лейни.

Соглашаясь тогда на не слишком определенное предложение Райса Дэниелза, он слабо представлял себе, в какую кашу влезает, но зато точно знал, что «Слитскан» не должен, ни в коем случае не должен уйти от ответственности за выстрел, негромко треснувший на кухне Элис Ширз. У нее была грошовая русская стрелялка, состоявшая из патрона, коротенькой трубочки и простейшего спускового механизма. Эти устройства предназначались почти исключительно для самоубийства, прицелиться из них во что-нибудь, находящееся на расстоянии

свыше двух дюймов, было невозможно. Лейни и раньше слышал о «пятничных специальных»[63], как окрестил эти штуки известный юморист, но никогда их не видел.

А что «Слитскан» соскочит, тут уж можно было не сомневаться. Бросят, раз уж так вышло, разработку по милому дружку Элис, вся эта история тихо канет на дно и тут же скроется под ежесекундно нарастающим слоем мертвой, мусорной информации.

И жизнь Элис Ширз, известная ему с кошмарной доскональностью, останется там навечно, никем не узнанная, а чуть позднее – и не могущая быть узнанной.

А если он стакнется с «Без тормозов», ее жизнь может задним числом превратиться в нечто иное, хотя тогда, сидя на жестком, неудобном стуле перед исцарапанным листом пластика, разгораживавшим мир на две принципиально различные части, он и не очень понимал, во что именно.

Он думал о кораллах, о рифах, вырастающих вокруг потопленных авианосцев; возможно, она тоже станет чем-нибудь вроде – тайной, погребенной под причудливыми наростами догадок, предположений и даже легенд.

Ему казалось, что это будет для нее лучший, не такой мертвый способ быть мертвой. И он ей этого желал.

– Вытаскивайте меня отсюда, – сказал он Дэниелзу.

Дэниелз сразу же заулыбался под своим хирургическим зажимом и торжествующе спрятал едва не прилипшую к грязному пластику карточку в карман.

С Райделлом Лейни познакомился чуть позже, когда бестормозная бригада поселила его в «Шато», древней копии еще более древнего оригинала, вызывающе экстравагантной куче бетона, намертво зажатой между двумя одинаковыми и какими-то уж особо тошнотворными корпусами, поставленными здесь как раз к исходу прошлого века. Эти агрессивно-дебильные близнецы как в зеркале отразили миллениальные страхи и тревоги года, когда они являлись на свет, преломляя их к тому же через некую другую, более смутную, жутковато-приглушенную истерию, что делало их не такими безликими – и еще менее привлекательными.

Номер, куда поселили Лейни, был значительно просторнее его жилища в Санта-Монике и представлял собой нечто вроде квартиры 1920-х годов, растянувшейся вдоль длинной неглубокой бетонной террасы с видом на бульвар Сансет, чуть более глубокую террасу нижнего этажа и круглый крошечный газон – все, что осталось от былых садов.

Лейни этот выбор казался странным, мало соответствующим ситуации. Он бы скорее ожидал, что они предпочтут что-нибудь более уединенное, более укрепленное, более опутанное охранными системами, но Райс Дэниелз сказал, что у «Шато» есть свои, и очень серьезные, преимущества. Во-первых, его имидж должен способствовать гуманизации Лейни, «Шато» выглядит как *жилище*, нечто со стенами, окнами и дверьми, место, где постоялец может вести нечто похожее на жизнь, – чего никак не скажешь о серьезных бизнес-отелях с их бездушными кубами и квадратами. Кроме того, эта гостиница имеет глубоко укоренившиеся ассоциации с голливудской системой звезд и, опосредованно, с человеческими трагедиями. Звезды жили здесь, в золотые дни старого Голливуда, а позднее кое-кто из них здесь же и умирал. «Без тормозов» планирует подать смерть Элис Ширз как трагедию в освященной временем голливудской традиции, с тем отличием, что она была спровоцирована «Слитсканом», сущностью более чем современной. Кроме того, объяснял Дэниелз, «Шато» охраняется куда серьезнее, чем может показаться на первый взгляд. Тут-то Лейни и был представлен Барри Райделлу, ночному охраннику.

Как показалось Лейни, Дэниелз знал Райделла еще до того, как тот нанялся в «Шато», хотя было не совсем ясно, как и откуда. Райделл проявил совершенно неожиданную осведомленность во внутренних порядках и обычаях развлекательно-информационной индустрии и чуть позже, когда Дэниелз уже ушел, спросил Лейни, кто его представляет.

– Это в каком смысле? – удивился тогда Лейни.

– У тебя же есть агент, да?

Лейни сказал, что не да, а нет.

– Тогда найми себе агента и не очень с этим затягивай, – сказал Райделл. – Я не говорю, что это спасет тебя от всех накладок и что с агентом все будет точно, как ты того хочешь, но кой хрен, это же шоу-бизнес, не надо об этом забывать.

Это и вправду был шоу-бизнес, и до такой степени, что Лейни уже через несколько минут начал всерьез задумываться, а не лопухнулся ли он, связавшись с этой конторой. В его номер набилось шестнадцать человек, для «предварительной беседы» продолжительностью в четыре часа, хоть бы подумали своими головами, что он только шесть часов как из-за решетки. Когда они наконец ушли, Лейни прошагал заплетающимися ногами чуть не весь длинный, как кишка, коридор, тупо открывая двери каких-то кладовок и чуть не плача оттого, что спальня куда-то подевалась. Найдя ее, он даже не стал снимать одежду, за которой они сгоняли Райделла в «Беверли-центр», а просто заполз на кровать и

уснул.

Что, думал Лейни, ему стоило бы сделать прямо здесь и сейчас, в этом баре на Золотой улице, думал, отвечая тем самым на свой вопрос о взаимодействии джетлага и бурбона. Но чуть позже, допив рюмку до дна, он почувствовал, как дошедший, казалось бы, до низшей точки отлив сил начал сменяться приливом, парадоксальное состояние, связанное, вероятно, не столько с алкоголем, сколько с внутренней химией усталости и перемещения на другой конец света.

– А Райделл бодро держится? – спросил Ямадзаки.

Лейни на мгновение удивился такому вопросу, но тут же вспомнил, что Райделл упоминал тогда какого-то японца, знакомого ему по Сан-Франциско, и это, конечно же, был этот самый Ямадзаки.

– В общем, – сказал Лейни, – этот мужик не показался мне каким-нибудь совсем уж отчаянно несчастным, но в нем иногда проглядывало нечто вроде пришибленности. *Пожалуй*, проглядывало. В смысле, я с ним не то чтобы близко знаком, так что не могу быть уверен.

– Жаль, – вздохнул Ямадзаки. – Райделл – смелый человек.

– А как насчет вас, Лейни? – вмешался Блэкуэлл. – Вот как вы сами, вы считаете себя смелым человеком?

Червячок шрама, рассекавший его левую бровь, пошевелился, словно собираясь уползти наверх, и замер в новой позиции.

– Нет, – сказал Лейни. – Не считаю.

– Но ведь вы пошли против «Слитскана», верно? Пошли из-за того, что они сделали с этой девушкой. У вас была работа, была еда, было где жить. Вы получали все это от «Слитскана», но затем они убили эту девушку, и вы взяли на себя задачу за нее посчитаться, так ведь?

– Ничто и никогда не бывает так просто, – сказал Лейни.

Секундное молчание, а когда Блэкуэлл заговорил, Лейни неожиданно столкнулся с иным способом мыслить, таким, который принято скрывать, считать вроде бы не существующим.

– Что да, то да, – сказал Блэкуэлл. – Хрен там что бывает просто.

Большая, сплошь в розоватой сетке рубцовой ткани, кисть его левой руки поползла подобно некоему неуклюжему самостоятельному животному к нагрудному карману микропорной рубашки, некоторое время в нем копалась, извлекла маленький, тускло поблескивающий металлический предмет и положила его на стойку бара.

– Это гвоздь, – сказал Блэкуэлл. – Полуторадюймовый,

оцинкованный, для кровельных работ[64]. Я иногда прибивал людей за руки, такими вот примерно гвоздями к таким примерно стойкам. Среди них, людей этих, встречались самые форменные ублюдки. – В голосе огромного австралийца не было ни грамма злобы. – И некоторые из этих ублюдков, пока ты прибиваешь им одну руку, другой рукой извлекают бритву или хирургические щипцы. – Палец Блэкуэлла машинально потрогал багровый шрам, выглядевший так, словно что-то пронзило ему кожу прямо под правым глазом и ушло в сторону, натолкнувшись на скульную кость. – Ну и что прикажешь с такими делать?

– Со щипцами?

– С ублюдками. Хочешь не хочешь, приходится их убивать. Вот такая вот, Лейни, бывает «смелость». А теперь подумайте о своем поведении в истории со «Слитсканом» – так ли уж оно отличается от поведения этих ублюдков?

– Я просто не хотел, чтобы они все это втихую забросили. Чтобы она… ну, опустилась на дно. Исчезла из памяти. Мне было почти безразлично, сильно пострадает на этом «Слитскан» или нет, и даже пострадает ли он вообще, я думал не столько о мести, сколько о том, чтобы… ну, вроде сохранить ее в живых.

– А бывают и такие люди, что ты прибиваешь им руку к столу, а они сидят и смотрят на тебя. Вот они-то и есть самые крепкие. Вы думаете, что вы – один из них?

Лейни перевел взгляд с Блэкуэлла на свою пустую рюмку, затем снова на Блэкуэлла. В руках у бармена появилась бутылка бурбона, но Лейни качнул головой и прикрыл рюмку ладонью.

– Если вы, Блэкуэлл, начнете меня приколачивать, – он положил другую ладонь на темно-коричневую, сплошь в круглых отпечатках рюмок и стаканов, стойку, – я буду орать в голос, ладно? Я не знаю, к чему это все и о чем. Может быть, вы просто псих. Может быть. А уж я-то *точно* не герой, ни с какого боку. И сейчас не герой, и тогда, в Эл-Эе, тоже не был.

Блэкуэлл и Ямадзаки переглянулись. Блэкуэлл пожевал губами, еле заметно кивнул и снова повернулся к Лейни.

– Ну и молодца[65]. Пожалуй, что вы подходите для этой работы.

– Не так быстро. – Лейни снял ладонь с рюмки, и бармен тут же налил ему вторую порцию бурбона. – Я не буду слушать ни о какой работе, пока не узнаю, кто меня нанимает.

– Я возглавляю службу безопасности «Ло/Рез», – сказал Блэкуэлл, – и я обязан этому мудозвону жизнью. Последнюю пятерку из которой я провел бы в пенитенциарных заведениях трижды долбаного штата Виктория. Если бы не он. И какая там пятерка, я бы там раньше повесился, или не знаю что.

– Группа? И вы их охраняете?

– Райделл хорошо о вас отзывается, мистер Лейни. – Шея Ямадзаки словно стала чуть длиннее.

– Да что он про меня знает, этот ваш Райделл? – возмутился Лейни. – Он просто ночной сторож из слишком дорогой для меня гостиницы.

– Райделл хорошо разбирается в людях – по моему, во всяком случае, мнению, – сказал Ямадзаки и с любопытством повернулся к Блэкуэллу. – «Ло/Рез»? У них что, сложности?

– У Реза, – уточнил австралиец. – Он говорит, что женится на этой японской шкуре, которой нахуй и нет совсем. И он и сам не знает, что ее нет, а когда ему говоришь, говорит, что у нас нету нахуй никакой фантазии! А я вот что скажу. – Блэкуэлл коротко взмахнул зеркально отполированным, с круглой дыркой в верхнем переднем углу стальным прямоугольником; неизвестно откуда появившийся, этот предмет казался в его огромной клешне совсем миниатюрным, не больше кредитной карточки. – Кто-то его загрузил, ясно? Загрузил его. Не знаю кто, не знаю как. Хотя лично я поставил бы на этот гребучий «Комбинат». На этих русских ублюдков. А вы, Лейни, вы сделаете для нас эту свою узловую хрень, на нашего Реза, и всё нахуй *узнаете*. Узнаете *кто*.

Прямоугольник с негромким, но отчетливым стуком опустился на стойку бара и остался в ней торчать. Поперек волокон дерева. Теперь, когда Блэкуэлл убрал руку, Лейни увидел, что это – очень маленький секач для мяса с изящной палисандровой рукояткой.

– А когда вы это сделаете, – сказал Блэкуэлл, – мы устроим им такую нахуй веселую жизнь, что обхохочешься.

10
«Виски клон»

Кантри-клуб, куда привел их Эдди, располагался в чем-то вроде административного здания, да еще на самом верху. В Сиэтле, подумала Кья, так никогда не делают. *Вроде бы* не делают. Бо`льшую часть пути она проспала и проснулась только тогда, когда Эдди уже заезжал в гараж, а потом во что-то такое вроде чертова колеса или барабана древнего револьвера, только здесь вместо патронов были машины. Потом эта штука начала поворачиваться и подняла их наверх, и Эдди выехал на парковочную площадку, точно такую же, как в любом другом гараже, и машины там стояли сплошь черные и большие, хоть и не такие большие, как «грейсленд».

– Поднимешься с нами, милочка, – сказала Мэриэлис. – Умоешься, приведешь себя в порядок, а то на тебя же страшно смотреть.

– Мне нужно подключиться к сети, – сказала Кья. – Найти эту подругу, у которой я хочу остановиться…

– Проще простого, – сказала Мэриэлис, открывая дверцу.

Эдди уже вышел из машины, не забыв прихватить чемодан со стикером «Ниссан Каунти». Выглядел он все так же скучно. Кья взяла свою сумку и последовала за Мэриэлис. Когда они вошли в лифт, Эдди приложил ладонь к контуру ладони на стене и сказал что-то по-японски. Лифт что-то ему ответил, закрыл двери и повез их вверх. Скорость была вроде бы очень большая, и все равно они ехали и ехали.

В лифте настроение Эдди ничуть не улучшилось. Он стоял совсем рядом с Мэриэлис и смотрел на нее, Кья видела, как играют у него желваки на скулах.

– Да не дергайся ты, – сказала Мэриэлис, – все же получилось.

Желваки заиграли еще сильнее.

– Это не по плану, – сказал наконец Эдди. – Мы так не договаривались.

– Да? – удивилась Мэриэлис. – А ведь раньше ты, помнится, любил небольшие новации.

– Новации? – Эдди коротко покосился налево, где стояла Кья. – Ты называешь это новацией?

Лифт остановился и распахнул двери.

– И чувство юмора у тебя тоже раньше было, – сказала Мэриэлис; Эдди еще раз обжег ее глазами и вышел наружу. – Не

обращай на него внимания, – сказала Мэриэлис, подталкивая Кья к двери. – С ним такое бывает.

Кья ожидала увидеть все что угодно, но только не эту дико запущенную, заставленную штабелями упаковочных коробок комнату. Потолок здесь был совсем низкий, из этих самых фибергласовых плиток на металлических рейках; половина плиток повываливалась, образуя пыльные проемы, из которых свисали какие-то провода и проводочки. В комнате были две маленькие настольные лампы, одна из них светила на кучу пустых упаковок из-под лапши быстрого приготовления и черную кофейную кружку с букетом пластиковых ложек. Японец в сетчатой шапочке с надписью над козырьком «Виски Клон», сидевший на крутящемся стуле перед стойкой с мониторами внутреннего наблюдения, наливал себе что-то горячее из большого термоса с цветочками.

– Йо, Калвин, – сказала Мэриэлис, во всяком случае, так оно звучало или примерно так.

– Хай, – сказал японец.

– Калвин из Такомы, – пояснила Мэриэлис.

Эдди, все с тем же чемоданом в руке, пересек, не останавливаясь, комнату и исчез за какой-то дверью.

– Чего это босс такой веселенький? – поинтересовался японец, отхлебывая из термосного колпачка. Если судить по голосу, он был таким же японцем, как Кья или Мэриэлис.

– А это он радуется, что я приехала, – сказала Мэриэлис. – Прямо из штанов выпрыгивает от радости.

– И это пройдет.

Еще один хлебок. Взгляд на Кья из-под козырька. «Виски Клон» написано такими буквами, какими пишут вывески в моллах, чтобы все подумали, будто у них старое, с почтенными традициями, заведение.

– Это Кья, – сказала Мэриэлис. – Мы с ней в «Си-Таке» познакомились.

«Почему в аэропорту, а не на самолете?» – удивилась Кья и тут же вспомнила всю эту историю с анализами на ДНК и наращенными волосами.

– Приятно услышать, что он никуда не делся, – сказал неяпонский японец. – В смысле, что есть еще дорога назад из всего этого дерьма.

– Ну как же так, Калвин, – покачала головой Мэриэлис. – Ведь тебе же нравится в Токио.

– А то. Когда-то, в Редмонде, у меня была ванная размером со всю мою здешнюю квартиру, и это ж даже не была особо большая ванная. В смысле, там был только душ, без никакой ванны, и

вообще без ни хрена.

Кья смотрела на экраны за его спиной. Уйма народу, а что они все делают – непонятно.

– Удачный, похоже, вечер, – сказала Кья, глядя на телеэкран.

– Средний. Средний между хреновым и очень хреновым.

– Кончай так разговаривать, – сказала Мэриэлис. – Вот доведешь меня, и я знаешь что сделаю?

– Да ну, Мэриэлис, – ухмыльнулся Калвин, – ты же у нас хорошая девочка.

– А можно мне подключиться к сети? – спросила Кья.

– Вход у Эдди в офисе, – сказала Мэриэлис, – но он сейчас висит на телефоне. Чего бы тебе не сходить пока в туалет, – она указала на другую, не куда ушел Эдди, закрытую дверь, – и не умыться? А то вид у тебя какой-то не очень свежий. Тем временем Эдди кончит трепаться и ты сможешь позвонить своей подружке.

В туалете была старая нержавеющая раковина и очень новый, очень хитроумный унитаз с доброй дюжиной кнопок на бачке. И под каждой кнопкой надпись. По-японски. Полимерное сиденье мягко прогнулось под ее весом и даже вроде как слегка пошевелилось, Кья чуть не подпрыгнула с испугу, но затем успокоила себя, что все о'кей, это просто ихняя иностранная технология. Покончив со своими делами, она нажала первую попавшуюся кнопку и тут же отскочила в сторону, задохнувшись от широкой струи теплой, ароматизированной, тончайше распыленной воды. Кья вытерла глаза тыльной стороной ладони, встала сбоку от унитаза и издалека, насколько хватило руки, нажала другую кнопку. Вторая попытка оказалась удачнее – туалет спустился с реактивным ревом, напомнившим ей полет самолета.

Пока она мыла руки, а затем умывалась над ободряюще привычной раковиной бледно-голубым жидким мылом из раздатчика, сделанного в виде одноглазого динозаврика, рев воды в унитазе сменился каким-то другим звуком. Кья посмотрела и увидела, что под сиденьем пульсирует круг красноватого света. Ультрафиолет, догадалась она. Вирусов убивает.

На стенке красовался постер «Дьюкс оф Ньюк'Ем», металлистов этих вонючих. Потные, пустоглазые парни дебильно скалятся в камеру, у барабанщика нет передних зубов. Японские иероглифы. Кья немного поудивлялась, японцам-то они зачем, ведь такие, вроде «Дьюков», группы на каждом углу орут о своей ненависти ко всему, кажущемуся им «не американским», но потом вспомнила слова Келси, много раз сопровождавшей своего папашу в Японию, что с ними, с японцами этими, никогда не

поймешь, что им нравится и почему.

В туалете не было ни полотенца, ни сушилки для рук; немного подумав, Кья воспользовалась – с весьма средним успехом – одной из запасных футболок. Заталкивая футболку назад в сумку, она заметила краешек чего-то вроде бы незнакомого, но в этот самый момент дверь туалета чуть-чуть приоткрылась.

– Извини, пожалуйста, – сказал Калвин.

– Ничего, – сказала Кья, задергивая молнию поставленной на пол сумки. – Все путем.

– Если бы, – сказал Калвин, оглядываясь через плечо. – Ты действительно встретила Мэриэлис в «Си-Таке»?

– В самолете, – уточнила Кья.

– Так ты сама ни при чем?

Кья распрямилась, и все вокруг нее немного поплыло.

– Ни при чем?

– Тогда тебе надо мотать отсюда. – Глаза Калвина, смотревшие из-под черного козырька дурацкой шапочки, были какие-то слишком уж серьезные. – И поскорее.

– Почему? – спросила Кья, хотя эта идея казалась ей вполне разумной.

– Нечего тебе про это знать.

За стеной что-то грохнуло и зазвенело.

– Ничего страшного, – сказал Калвин и чуть поморщился. – Она просто швыряется вещами. Это для них так, легкая разминка. Пошли.

Он подхватил ее сумку и начал вдруг двигаться с такой скоростью, словно опаздывал на самолет. Из туалета, резкий поворот направо, почти бегом мимо двери, за которой скрылся Эдди, мимо стойки с экранами (Кья увидела там вроде бы людей в ковбойских шляпах, отплясывавших цепочкой, сцепившись руками, но где там что рассмотришь, когда нужно догонять этого психа).

Калвин влетел в распахнутые двери лифта и с размаху хлопнул ладонью по сенсорной пластине.

– Довезет тебя до гаража, – сказал он; в офисе Эдди разбилось что-то стеклянное и, видимо, большое. – Иди налево, там футах в двадцати будет другой лифт. Через вестибюль тебе не сто́ит, у нас там камеры. Нажми нижнюю кнопку и попадешь прямо в метро. Садись на поезд.

– На какой? – спросила Кья, забирая у него свою сумку.

Мэриэлис завопила, и не придуриваясь, а как от настоящей боли.

– На любой.

Калвин сказал что-то по-японски и выскочил наружу за мгновение до того, как лифт успел ответить, а затем двери закрылись, пол дернулся вниз, и сумка в руке Кья стала на мгновение легче.

«Грейсленд» так и стоял на прежнем месте, огромный вожак стаи тяжелых, блестящих черных автомобилей. Свернув, как велел Калвин, налево, Кья обнаружила второй лифт. Помятый и обшарпанный, он не умел разговаривать и по нажатию самой обыкновенной кнопки послушно опустил ее в лабиринт залитых ярким, как в полдень, светом переходов, по которым текли толпы людей, к путанице эскалаторов и платформ, к магнитным поездам в туннелях и вечным логотипам, парящим в вышине.

Вот теперь она точно была в Токио.

11
Коллапс новых зданий

Лейни получил комнату в узком, трапециевидном в плане, высотном здании, облицованном белой керамической плиткой. То, что эта высотка, наследие строительного бума восьмидесятых, пережила землетрясение, свидетельствовало о мастерстве ее создателей, а головоломное хитросплетение прав собственности и незатухающая борьба между двумя старейшими криминальными кланами позволили ей пережить и последующую реконструкцию. Лейни узнал все это от Ямадзаки в такси, которое везло их сюда с Новой Золотой улицы.

– Мы не знали, – сказал Ямадзаки, – как вы относитесь к новым зданиям.

– Новые – это нанотехнические?

Все силы Лейни уходили на то, чтобы держать глаза открытыми. На водителе были белоснежные, безукоризненно чистые перчатки.

– Да. Некоторые люди относятся к ним с недоверием, даже опаской.

– Пока что я никак к ним не отношусь. Посмотреть сперва надо.

– Вы сможете увидеть нанотехнические здания уже сегодня, прямо из окна своего номера.

Что да, то да. Собственно говоря, Лейни был знаком с этими непомерно огромными монстрами по виртуальным конструктам, но там слабо ощущалась необычная заглаженность их формы, их псевдобиологичность.

– В них есть что-то от Нью-Йорка, изображенного Гигером[66], – сказал Ямадзаки, но для Лейни это имя было пустым звуком.

А теперь, сидя на гостиничной кровати, он смотрел на эти чудеса ультрасовременной технологии, пытался проникнуться их величием, все-таки крупнейшие в мире обитаемые сооружения (Чернобыльский саркофаг еще больше, но уж там-то точно ни один человек жить не станет), и не чувствовал ничего, кроме скуки и легкого раздражения.

Зонтик, который дал ему Ямадзаки, опал и начал быстро съеживаться, сходить на нет.

Где-то запиликал телефон. Где?

– Телефон, – сказал Лейни. – Где он здесь?

Плоский деревянный брусок, белый на черном квадратном

подносе, пристроенном у изголовья кровати, начал подмигивать в такт пиликанью пятнышком красного света. Лейни взял брусок. Надавил крошечный перламутровый квадратик.

– Алло, – сказал чей-то голос. – Это Лейни?

– А сам-то ты кто?

– Райделл, из «Шато». Ганс разрешил мне попользоваться телефоном. – (Ну да, Ганс, главный ночной смотритель.) – Я не ошибся со временем? Ты там завтракаешь?

Лейни протер глаза, еще раз взглянул на новые здания.

– Ага.

– Я звонил Ямадзаки, – сказал Райделл. – Взял у него твой номер.

– Спасибо, – сказал Лейни и широко зевнул. – Только я…

– Ямадзаки говорит, они тебя взяли.

– Да вроде, – сказал Лейни. – Спасибо. Думаю, с меня причи…

– «Слитскан», – прервал его Райделл. – В «Шато» от них не продохнуть.

– Нет, с этим покончено.

– Лейни, ты знаешь такую Кэтрин Торранс? Живет на Шерман-Оукс. Знаешь? Она сейчас в бывшем твоем номере с техниками и тонной всякого оборудования. Ганс считает, они пытаются разнюхать, чем ты тут занимался. Найти хоть какие обрывки информации.

Лейни смотрел на уходящие в небо башни. Фасад одной из них вроде как пошевелился, но это был, конечно же, просто обман зрения.

– Но он, Ганс, говорит, что в этих номерах нет никакой возможности отсортировать остаточные молекулы. Слишком много наслоений.

– Кэти Торранс? Из «Слитскана»?

– Она этого, собственно, не говорила, но там же такая прорва техников, а техники никогда не умеют держать язык за зубами, а к тому же Чингиз из гаража заметил при разгрузке надпись на некоторых ящиках. Их тут человек двадцать, плюс гориллы. Сняли два больших номера и четыре одноместных. Чаевых не дают.

– Да что же они там делают?

– Всякая сенсорная хрень. Хотят узнать, что ты тут делал и что замышлял. Один из рассыльных видел, как они устанавливали камеру.

Весь фасад одного из новых зданий подернулся рябью и вроде как поплыл. Лейни закрыл глаза, сжал пальцами переносицу и почувствовал легкую боль, напоминание о недавней

травме. И снова открыл глаза.

– Ничего я там не замышлял.

– Нет так нет, – обиделся Райделл. – Я просто подумал, что тебе стоит об этом знать, вот и все.

Нет, с этим фасадом точно что-то происходит.

– Я понимаю. Спасибо. Прости, пожалуйста.

– Если я что-нибудь тут узнаю, сразу тебе позвоню, – сказал Райделл. – А как там оно, в этом самом Токио?

Лейни смотрел, как по фасаду здания скользит пятнышко отраженного света, это было похоже на последовательное сокращение щупальцев какого-то морского животного.

– Странно тут как-то.

– Но наверняка интересно, – сказал Райделл. – Ну ладно, доедай свой завтрак. Я буду позванивать.

– Спасибо, – сказал Лейни, и Райделл повесил трубку.

Лейни вернул телефон на лаковый подносик и как был, не раздеваясь, растянулся на кровати. Он закрыл глаза, чтобы не смотреть на эти здания, но они снова встали перед ним, словно спроецированные на внутреннюю сторону век. Затем они начали расползаться, разжижаться, струйками утекать в лабиринты старого города.

А следом за ними куда-то утек и он сам.

12
Мицуко

Спустившись на самый нижний уровень станции, Кья подключилась к общественному дейтапорту. «Сэндбендерс» набрал номер Мицуко Мимуры, числившейся «социальным секретарем» Токийского отделения (в Токийском отделении у них вроде у всех были какие-то должности). Сонный голос в динамиках компьютера, по-японски, и тут же, почти мгновенно – перевод.

– Алло? Да? Чем я могу быть полезна?

– Это Кья Маккензи, из Сиэтла.

– Ты звонишь из Сиэтла?

– Я уже здесь, в Токио. – Кья прибавила масштаб карты, горевшей на экране «Сэндбендерса». – На станции метро, которая называется «Синдзюку».

– Понятно. Очень хорошо. Ты сейчас сюда приедешь?

– Да, хорошо бы. Я очень устала.

Голос автопереводчика начал объяснять дорогу.

– Не беспокойся, – прервала японку Кья, – мой компьютер прекрасно со всем справится. Ты только скажи, до какой станции ехать. – Услышав название, она нашла станцию на карте и пометила ее маркером. – А сколько тут до вас ехать?

– От двадцати до тридцати минут, в зависимости от того, какая в метро толкучка. Я тебя встречу.

– Да зачем? – удивилась Кья. – Дай мне только адрес.

– Японские адреса очень трудны.

– Ерунда, – отмахнулась Кья. – У меня есть глобальное позиционирование.

«Сэндбендерс» уже сумел навести по телекоммуникационной сети справки, на его экране высветились координаты Мицуко Мимуры. В Сиэтле по личным номерам такого не получалось, только по деловым.

– Нет, – твердо сказала Мицуко. – Я должна тебя поприветствовать. Я же социальный секретарь.

– Спасибо, – сказала Кья. – Так я еду.

Вскинув на плечо полурасстегнутую – чтобы следовать устным указаниям «Сэндбендерса» – сумку, она поднялась на эскалаторе двумя уровнями выше, купила по кредитной карточке билет и нашла нужную платформу. Толкучка тут была почище, чем в аэропорту, но, когда подошел поезд, Кья просто поддалась толпе и позволила вдавить себя в ближайший вагон; остаться на

перроне было бы куда труднее.

Когда поезд тронулся, она услышала голос «Сэндбендерса», сообщавшего, что они отъезжают от станции «Синдзюку».

Двадцать минут спустя Кья снова поднялась на поверхность. Перламутровое небо, серые здания, настенный неон вывесок, все элементы городского пейзажа какие-то чуть-чуть не те, непривычные. Велосипеды – а они пачками припаркованы на каждом свободном месте – все больше этой, почти невесомой разновидности, с рамами из бумажных трубок, обмотанных углеродным волокном. Кья попятилась на шаг, пропуская огромный ярко-бирюзовый мусоровоз; руки водителя, крутившие большую, высоко посаженную баранку, были затянуты в белоснежные митенки. Когда мусоровоз проехал, она увидела девочку-японку в короткой клетчатой юбке и черной байкерской куртке. Девочка улыбнулась. Кья помахала рукой.

Отец Мицуко был хозяином ресторана, и она жила на втором этаже, прямо над подсобками. Снизу доносилось какое-то глухое тюканье, и Мицуко объяснила, что это шустрит пищеприготовительный робот, шинкует там что-то или нарезает…

Ее комната была заметно меньше, чем спальня Кья в Сиэтле, и куда как чище, очень аккуратная и разумно организованная. То же касалось и самой Мицуко; косая, медного цвета полоска, вытравленная в ее черной челке, казалась нарисованной по линейке, крепкие, на двойной подошве кроссовки сверкали чистотой. Ей было тринадцать, на год меньше, чем самой Кья.

Мицуко познакомила гостью со своим отцом. Мистер Мимура, в белой рубашке с короткими рукавами и при галстуке, руководил тремя мужчинами в синих комбинезонах и белых митенках, которые энергично и целеустремленно наводили в ресторане чистоту. Он кивнул, сверкнул широкой улыбкой, сказал что-то по-японски и тут же вернулся к исполнению своих руководящих обязанностей. По дороге на второй этаж Мицуко, почти не знавшая английского, объяснила, что` она сказала отцу, мол, Кья здесь по программе культурного обмена, краткое посещение страны с проживанием в семье, как-то там связанное со школьными делами.

У нее на стене висел точно такой же постер, снимок с обложки оригинального, «сучье-супного», альбома.

Сбегав вниз, Мицуко принесла чайник чаю и пластиковую коробку с отделениями, где лежали роллы «калифорния» и всякая другая, менее знакомая еда. Обрадовавшись роллам, Кья съела

все, за исключением одной какой-то штуки с липкой оранжевой икрой морского ежа сверху. Мицуко похвалила ее за умение обращаться с палочками. Кья сказала, что у них в Сиэтле часто пользуются палочками.

Теперь они обе получали перевод от компьютеров через беспроводные наушники. Перевод шел почти без накладок, кроме тех случаев, когда Мицуко использовала очень уж новый японский сленг или вставляла английские слова, не зная толком, как они произносятся.

Кья все хотела расспросить ее про Реза и идору, но не находила случая, и разговор шел о каких-то других, не слишком важных вещах. Затем Кья уснула, уснула как была, сидя по-турецки на полу, и Мицуко, надо понимать, как-то сумела перекатить ее на маленький жесткий матрасик, где Кья и обнаружила себя три часа спустя, когда проснулась.

В узкое окошко сочился серебристый, пасмурный свет.

Мицуко вошла в комнату с новым чайником и сказала что-то по-японски. Кья пошарила вокруг, нашла свой наушник и прицепила его к уху.

– Ты, наверное, очень устала, – перевел наушник, а затем Мицуко сказала, что договорилась и не пойдет сегодня в школу, чтобы побыть с Кья.

Они пили почти бесцветный чай из маленьких пупырчатых керамических чашечек. Мицуко рассказала, что их в семье четверо – мать, отец, она сама и Масахико, ее старший брат. Мать сейчас в Киото, гостит у родственников. Потом Мицуко сказала, что Киото – очень красивый город и Кья непременно должна его посмотреть.

– Я тут не на экскурсии, а по поручению нашего отделения, – сказала Кья. – Мне нужно кое-что выяснить.

– Я понимаю, – кивнула Мицуко.

– Так это правда? Рез действительно хочет жениться на этой софтверной особе?

– Я всего лишь социальный секретарь, – смутилась Мицуко. – Тебе лучше поговорить об этом с Хироми Огава.

– А кто это?

– Хироми – президент нашего отделения.

– Хорошо, – согласилась Кья. – А когда я смогу с ней увидеться?

– Мы решили, что для проведения этой дискуссии нужно возвести специальный сайт. Скоро он будет готов.

Мицуко явно чувствовала себя не в своей тарелке.

– А твой брат, он чем занимается? – сменила тему Кья. –

Сколько ему лет?

– Масахико уже семнадцать, – повеселела Мицуко. – Он у нас патологический-технофетишист-с-дефицитом-общения. –

Заключительная цепочка слов прозвучала почти слитно, первый признак того, что липс-переводчик работает на крайнем пределе своих возможностей.

У Кья мелькнула на мгновение мысль прогнать хитрое японское понятие через «Сэндбендерса», чья переводящая программа автоматически обновлялась при каждом подключении к сети.

– Кто-кто?

– Отаку, – сказала Мицуко, и липс снова пробубнила свою тарабарщину.

– А, – кивнула Кья. – У нас такие тоже есть. Мы даже называем их тем же самым словом.

– Я думаю, – сказала Мицуко, – в Америке они не совсем такие.

– А чем не такие? – удивилась Кья. – Ведь это все мальчиковые забавы, верно? В моей последней школе была куча этих самых отаку, так они торчали на пластиковых анимированных девицах, военных имитациях и прочей дребедени. Классические специалисты по никому не нужной дребедени.

– Все похоже, – кивнула Мицуко, – но вот ты говоришь, они ходят в школу. А наши – не ходят. Ребята получают онлайновое образование, и это плохо, потому что они всегда находят способ сжульничать. Потом, на заключительном тестировании, они попадаются и пролетают, но им это по фонарю. Это серьезная социальная проблема.

– Так твой брат, он что, тоже из этих?

– Да, – сказала Мицуко. – Он живет в «Застенном городе».

– А что это такое?

– Мультиюзерный домен. Эта штука засасывает, как наркотик. У Масахико тут своя комната. Он почти из нее не выходит. Или спит, или торчит в этом «застенке». Да и когда спит, тоже, наверное, там.

Чтобы хоть как-то подготовиться к назначенной на полдень встрече, Кья попробовала хоть что-то разузнать о Хироми Огаве, но результаты оказались довольно туманными. Семнадцатилетняя (того же возраста, что и Сона Роса) Хироми вступила в клуб пять с лишним лет назад. Она вроде бы обладала излишней полнотой (об этом не говорилось прямо – так, неопределенные намеки на общем для девочек всех цивилизаций коде) и имела склонность к усложненной иконике. Но все

попытки Кья выведать что-либо более существенное разбивались о неколебимую преданность Мицуко своему отделению, на ее понимание себя как подчиненной, а Хироми – как руководительницы.

Судя по всему, клубная политика (Кья ее терпеть ненавидела) могла оказаться здесь весьма серьезной проблемой.

Мицуко достала из шкафчика компьютер – одну из этих корейских штук, похожих на плоский пакет белой студенистой массы, в которой болтается куча разноцветных червяков. Кья расстегнула свою сумку и вытащила из нее «Сэндбендерса».

– А что это? – заинтересовалась Мицуко.

– Мой компьютер.

– О-о! – почтительно протянула Мицуко. – А кто такие делает? Харли-Дэвидсон, да?

– Сэндбендерс, – улыбнулась Кья, доставая из сумки наглазники и перчатки. – Это коммуна такая на Орегонском побережье. Они все делают, и компьютеры, и софтвер.

– Так он что, американский?

– Конечно.

– Вот здорово! – восхитилась Мицуко. – А я и не знала, что американцы делают компьютеры.

Кья аккуратно, не торопясь, надела серебристые наперстки, обкрутила запястья ремешками и взглянула на Мицуко.

– Ну так что, познакомишь меня с вашими?

Мицуко нервно хихикнула.

13
Постижение личности

Ямадзаки позвонил чуть до полудня.

В тусклом свете, сочившемся сквозь серые облака, нанотехнические здания выглядели еще безрадостнее, а потому Лейни с самого утра задернул занавески и сел смотреть телевизор. По NHK показывали чемпионат по запусканию волчков. Главной, как он понял, звездой была маленькая девочка с тощими косичками на голове, одетая в синее платье со старомодным матросским воротничком. Она казалась малость косоватой, не иначе как из-за самозабвенного усердия.

– Хелло, мистер Лейни, – поздоровался Ямадзаки. – Вы хорошо отдохнули? Чувствуете себя получше?

Девочка резким, отработанным движением дернула аккуратно намотанную бечевку, и красно-желтый волчок ожил. Ведущий поднес к волчку ручной микрофон, дал зрителям несколько секунд послушать ровное гудение, а затем сказал что-то по-японски.

– Лучше, чем вчера, – сказал Лейни.

– В настоящее время мы организовываем для вас доступ к информации, окружающей нашего общего знакомого. Дело далеко не простое, поскольку эта информация защищена самыми разнообразными способами. Не было и не могло быть единой, универсальной стратегии. Его частная жизнь ограждается от посторонних глаз весьма исхищренной, многослойной завесой.

– А этот самый «общий знакомый», он-то об этом знает?

Неловкое молчание. Бешено крутящийся волчок не проявляет ни малейших признаков усталости. Перед глазами Лейни возникло растерянно моргающее лицо Ямадзаки.

– Нет, он не знает.

– Мне еще так и не сказали, на кого я буду работать. На него? На Блэкуэлла?

– Вашим работодателем является «Парагон-Эйша ДейтаФлоу», место регистрации Мельбурн. И вашим, и моим.

– А как насчет Блэкуэлла?

– Блэкуэлл работает на корпорацию, через которую проходит часть доходов нашего знакомого. Эта структура, созданная когда-то исключительно для оптимизации финансовых потоков, максимального снижения потерь, стала с течением времени полноразмерной корпорацией.

– Менеджеры, – кивнул Лейни. – Менеджеры, работающие на

этого парня, наложили в штаны от страха, что он выкинет какой-нибудь номер. Это так, да?

Красно-желтый волчок начал еле заметно подрагивать. Скоро его верхний конец станет описывать все расширяющиеся круги, а потом – всё.

– Я еще малосведущ в обычаях этого бизнеса, мистер Лейни. Мне трудно давать сколько-нибудь определенные оценки.

– А что это такое говорил вчера Блэкуэлл, что будто Рез решил жениться на этой японской девице, которой и нету вовсе?

– Идору, – сказал Ямадзаки.

– Что?

– Певица-идол по имени Рэй Тоэй. Она представляет собой личностный конструкт, соположение программных продуктов, порожденное группой инфодизайнеров. Некий аналог того, что именуется в Голливуде «синтактёр», если только я не ошибаюсь.

Лейни прикрыл на несколько секунд глаза. Снова открыл.

– Так как же тогда он может на ней жениться?

– Я не знаю, – вздохнул Ямадзаки. – Но наш знакомый выражает такое намерение, и весьма определенно.

– А вы не могли бы мне сказать, для чего они наняли *вас*?

– Первоначально, как мне кажется, они надеялись, что я смогу объяснить им феномен идору: что делает ее столь привлекательной для аудитории и – возможно – для него. К тому же мне кажется, что и они, подобно Блэкуэллу, так и не смогли окончательно расстаться с убеждением, что все это – результат некоего зловещего заговора. А теперь они поручили мне ввести вас в культурный контекст ситуации.

– Кто такие они?

– В данный момент я не могу говорить более определенно.

Волчок начал вихлять. Лейни заметил в глазах девочки что-то близкое к ужасу.

– Сегодня вечером я попытаюсь ответить на все ваши вопросы. Тем временем, пока специалисты организуют для вас доступ к информации, ознакомьтесь, пожалуйста, с этими…

– Эй, – возмутился Лейни, но на месте девочки с волчком уже появился незнакомый ему логотип: мультипликационный бульдог в шипастом ошейнике, по уши залезший в миску с супом.

– Два документальных видео по «Ло/Рез», – пояснил Ямадзаки, – вышедшие под маркой «Сучьего супа». Мелкой независимой фирмы, базировавшейся в Восточном Тайбэе. «Сучий суп» выпустил первые записи «Ло/Рез», позднее группа приобрела этот лейбл и использовала его для выпуска не очень коммерческих материалов других артистов.

Лейни едва сдерживал желание выругаться – девочка с

косичками была куда симпатичнее этого идиотского бульдога.

– Так это что же, – спросил он, – документальные фильмы о самих себе?

– Эти фильмы не отдавались группе на утверждение. Они не являются корпоративными документами «Ло/Рез».

– И то слава богу, – мрачно заметил Лейни.

– Так вы посмотрите, пожалуйста, – сказал Ямадзаки и отключился.

Виртуальная камера сделала наплыв на один из шипов собачьего ошейника, и он превратился в огромную стальную пирамиду. На сверкающей треугольной грани, по которой плыли отражения облаков, медленно проступило стандартное предупреждение из Всеобщего соглашения об авторских правах.

Вскоре стало ясно, что фильм попросту слеплен из огрызков рекламного материала группы, и Лейни со спокойной совестью пошел в ванную разбираться с загадочной японской техникой.

Почистив зубы и приняв душ за шесть рекордных минут, он вернулся к экрану, на котором продолжали мелькать кадры все того же вроде бы фильма. Все это было похоже на какие-то художественные выкрутасы, Лейни видел такие штуки не раз и не два, но никогда в них особенно не вникал. Надевая белый махровый халат с меткой гостиницы, он решил, что сегодня нужно смотреть повнимательнее, а то ведь Ямадзаки может устроить экзамен, с него станется.

Ну и для чего, интересно, люди такое делают? Ни последовательного повествования, ни хоть бы признаков какой-то разумной структуры, некоторые эпизоды повторяются чуть не по десять раз, то на одной, то на другой скорости…

В Лос-Анджелесе были целые бесплатные каналы, посвященные подобным штукам, и домодельные ток-шоу с самозваными ведьмочками, восседающими в чем мать родила перед огромными изображениями своих Богинь, ими же и намалеванными где-нибудь в гараже. Но там-то все это хоть *смотреть* можно. Судя по всему, замысел этой лапши из эпизодов состоял в сознательном нарушении всех законов построения кадра – нечто вроде хождения по водам, простейшее, многократно повторяемое действие, временно создающее иллюзию равенства с подлежащей основой. Но для Лейни, проведшего сотни, тысячи часов в глубинных пучинах океанов информации, для которых все массмедиа – наносная пена, подобные экзерсисы выглядели до крайности убого. И до ломоты в скулах – скучно, хотя, надо думать, скука здесь тоже ставилась на службу общему замыслу – еще одно нарушение общепринятых правил.

А с чего бы иначе кто-то стал подбирать и склеивать все эти кадры, где Ло и Рез, китаец и полуирландец, гитарист и певец, говорят глупейшие вещи в десятках различных мест перед телевизионными камерами и, надо думать, под перевод? Лейтмотивом были приветствия и благодарности. «Мы счастливы, что смогли наконец приехать к вам во Владивосток. Говорят, у вас появился недавно новый огромный аквариум?» – «Мы хотели бы поздравить вас с проведением свободных выборов и с вашей успешной кампанией по борьбе с лихорадкой денге!» – «Нам всегда, *всегда* нравился Лондон!» – «О, Нью-Йорк, вы здесь все такие… *прагматичные*!»

Обследовав остатки своего завтрака, Лейни нашел под нержавейковой покрышкой тарелки довольно большой огрызок ржаного тоста. В кофейнике оставалось еще на два пальца кофе. Ему не хотелось задумываться о звонке Райделла и его возможном значении. А он-то верил, что совсем покончил со «Слитсканом», покончил со всей этой адвокатской братией…

– Сингапур, ты прекрасен! – сказал Рез.

– Хел-ло, Львиный город![67] – поддержал его Ло.

Лейни взял дистанционный пульт и ткнул быструю перемотку. По нулям. Отключение звука? По нулям. Так-так, значит, Ямадзаки где-то там гоняет всю эту чухню для удовольствия единственного привилегированного зрителя – некоего Лейни. Он хотел было вообще отключить нахрен телевизор, но поостерегся – а вдруг это будет им как-нибудь видно.

Фильм начал разгоняться, эпизоды становились все короче и шли все чаще, происходящее на экране утратило последние остатки смысла, слилось в сплошное, одуряющее мелькание. Улыбка Реза начинала выглядеть зловеще, превратилась в некую отдельную, самостоятельную сущность, перепрыгивавшую, почти не меняясь, из одного эпизода в другой.

А затем все это исчезло, растворилось в смутных тенях, из которых постепенно выступила золоченая ампирная лепнина. Приглушенный звон бокалов. Своеобразное, словно лишенное глубины изображение, знакомое Лейни по работе в «Слитскане», такое получается при использовании сверхминиатюрных камер, маскируемых под прилипшие к одежде соринки.

Ресторан? Клуб? Кто-то, сидящий прямо напротив камеры за строем зеленых бутылок. Темнота и хилое разрешение крошечной камеры делают черты лица совершенно неразборчивыми. Человек наклоняется вперед, теперь понятно, что это Рез. Он раздраженно взмахивает недопитым бокалом красного вина.

– Если мы когда-нибудь кончим болтовню про музыку,

музыкальную индустрию и внутримузыкальную политику, я попробую рассказать вам, насколько легче привлекать к себе внимание миллионов безличных, безразличных тебе слушателей, чем принять любовь и преданность людей, самых тебе близких.

Женский голос, несколько слов по-французски. Скорее всего, именно эта женщина и спрятала на себе камеру.

– Полегче, Роззер. Она не понимает и половину того, что ты тут говоришь.

Лейни вздрогнул от неожиданности. Блэкуэлл? Ну да, конечно. Да и что тут, собственно, удивительного?

– Не понимает? – Рез отодвинулся, его лицо снова превратилось в смутное пятно. – Очень жаль, ведь иначе я рассказал бы ей, как это одиноко – быть непонятым. А может, мы одиноки потому, что боимся быть понятыми, не позволяем себя понять?

Стоп-кадр размытого лица. Метка даты-времени. Два года тому назад. На экране появляется слово «Непонятый».

Телефон.

– Да?

Голос Ямадзаки:

– Мне только что звонил Блэкуэлл. У них появился удачный просвет. График сдвинулся. Вы можете входить прямо сейчас.

– Слава богу, – сказал Лейни, – а то этот первый фильм – вряд ли я что-нибудь из него высосу.

– Рез в поисках нового художественного смысла? Не беспокойтесь, мы покажем вам его еще раз, попозже.

– У меня прямо камень с сердца упал. А что, второй, он тоже в таком духе?

– Второй документальный фильм сделан в более традиционной стилистике. Подробное интервью, элементы биографии. Би-би-си, три года назад.

– Прекрасно.

– Блэкуэлл уже едет к вам в гостиницу. До свидания.

14
Токийское отделение

Сайт, возведенный токийским отделением для предстоящей встречи, напоминал японские гравюры в музее, куда Кья ходила со школьной экскурсией, – такой же коричневый свет, словно сочащийся сквозь наслоения древнего лака. На дальних холмах виднелись перекрученные деревья с сучьями, как размашистые росчерки китайской тушью. Они с Мицуко сразу же направились к деревянной хижине с широкими скатами соломенной крыши. В такую вот хижину прокрадываются под утро мультипликационные ниндзя, чтобы разбудить спящую героиню и сказать ей, что все не так, как ей думалось, что ее дядя состоит в сговоре с преступным полководцем. Кья проверила свою внешность в маленьком периферийном окошке и, после короткого колебания, сделала губы чуть поярче.

Приблизившись к хижине, она обнаружила, что буквально все там сделано из материалов по «Ло/Рез», хранящихся в клубном архиве. Вот, скажем, бледные, сильно увеличенные фрагменты снимков, то появлявшиеся на промасленной бумаге стенных панелей, то исчезавшие с естественной хаотичностью пятен солнечного света, пробивающегося сквозь листву: Резова скула и кусочек черных очков, рука Ло на грифе гитары. Изображения исчезали, сменялись другими, и, если присмотреться получше, все они состояли из других, более мелких изображений, а те – из совсем уж крошечных, и так далее, сколько позволяла разрешающая способность сайта, его цифровая ткань. Кья не знала точно, возможно ли сделать такое просто силами каких-нибудь там фрактальных пакетов, или одним софтвером тут не обойдешься, нужно, чтобы и железо было специальное. Ее «Сэндбендерс» тоже умел кое-что в этом роде, но по большей части – в демонстрационных материалах, рекламирующих возможности фирменного программного обеспечения.

Панели разъехались в стороны, они с Мицуко проплыли внутрь, сидя в позе лотоса, аккуратно остановились и зависли дюймах в трех над циновкой (на которую Кья старалась не смотреть, заметив, что она соткана из телефильмов, снятых на концертах группы, – не хотелось отвлекаться). Хороший получился вход, да и выглядели они вполне достойно, не придерешься. Мицуко была в кимоно с этим, как положено, широким поясом, традиционный японский костюм, но только сплошь сотканный из приглушенных, не лезущих в глаза

анимаций. Кья загрузила для такого раза костюм от Силке-Мари Колб из блузона с плотно облегающими рейтузами, хотя ей было влом платить за виртуальный прикид, который они не разрешали даже тебе скопировать. Правда, платила она опять с той, от Келси, карточки, хоть какое-то утешение.

Все семь девушек, ждавшие их в виртуальной хижине, тоже парили, поджав под себя ноги, в нескольких дюймах над циновкой; все они были в кимоно, но при этом одна из них, расположившаяся чуть поодаль, словно во главе воображаемого стола, выглядела несколько необычно. Робот, но совсем не такой, как настоящие роботы, а гибкий, изящный, сверкающий полированным металлом. Нечто вроде огромной ртутной капли, отлитой в безупречную женскую фигуру. Не было никаких сомнений, что это – Хироми Огава и что, как язвительно подумала Кья, у этой девушки действительно есть проблемы с лишним весом.

Ее тускло-бежевое, как старые фотоснимки, кимоно было соткано из совместных интервью Ло и Реза.

Для начала «нашей уважаемой американской гостье» были последовательно представлены все присутствующие, все они действительно имели свои должности и звания, так что процедура знакомства растянулась на какое-то немыслимое время; Кья быстро перестала вникать в происходящее и только вежливо кивала в нужные моменты. Ей не нравилось, что Хироми явилась на встречу в таком виде. Это нахальство, думала она, и нахальство намеренное, а то, что они вложили в свой сайт столько сил, только подчеркивает это нахальство.

– Встреча с тобой, Кья Маккензи, представляет для нас высочайшую честь. Наше отделение с нетерпением ждет возможности оказать тебе всяческую помощь. Мы горды своей причастностью к неудержимо разрастающемуся движению, цель которого – всемирное, всемерное признание группы «Ло/Рез», ее музыки и ее искусства.

– Спасибо, – сказала Кья.

Все молчали. Через несколько невыносимо долгих секунд Мицуко негромко откашлялась. Вот оно что, догадалась Кья. Речугу нужно толкать.

– Я не нахожу слов, чтобы поблагодарить вас за ваше предложение помощи, за ваше сердечное гостеприимство, – сказала она. – Вы можете быть уверены, что любую из вас ждет в Сиэтле столь же радушный прием. И мне действительно нужна ваша помощь, потому что мы там крайне обеспокоены дошедшими до нас известиями, что Рез публично изъявил намерение жениться на некоем программном продукте, а так как

он, согласно тем же слухам, сказал это во время своего пребывания в вашей стране, мы решили…

Кья чувствовала, что делает ошибку, что не надо было так уж сразу…

Мицуко снова кашлянула.

– Да, – сказала Хироми Огава, – мы рады видеть тебя здесь, с нами, а сейчас Томо Осима, наш историк, порадует нас подробным и точным изложением истории нашего отделения, истории того, как из горстки неискушенных, но преданных почитателей талантов Ло и Реза взросло самое деятельное, самое уважаемое из японских отделений нашего клуба.

Кья прибалдела.

Девушка, сидевшая между ней и Хироми, поклонилась и начала рассказывать историю токийского отделения клуба любителей (вернее сказать – *любительниц*) группы «Ло/Рез» во всех ее скучнейших, выматывающих силы подробностях. Как две девочки, вместе учившиеся в школе-интернате, две вернейшие, неразлучнейшие подруги нашли, гуляя по Акихабаре[68], «сучье-супный» альбом, выброшенный кем-то в мусорную урну, как они принесли его в школу, прослушали, и это сразу изменило их жизни. Как смеялась над ними вся школа, как стойко держались они, когда кто-то из одноклассников украл и спрятал от них драгоценный альбом… И так далее, и так далее, и конца этому не было видно, а Кья должна была сидеть и слушать всю эту тягомотину. Еле сдерживая желание в голос завыть, она прилепила на зеркальную физиономию робота часы, на то примерно место, где полагалось бы быть глазам. Никто их, конечно же, не видел, но ей самой стало как-то поприятнее.

Теперь описывался первый всеяпонский съезд почитательниц «Ло/Рез», на белых бумажных стенах замелькали фотоснимки маленьких девочек в джинсах и футболках, пьющих кока-колу в каком-то подсобном помещении гостиницы Осакского аэропорта, на заднем плане маячат фигуры бдительных родителей.

Через сорок пять минут по все тем же часам, заметно оживлявшим бессмысленное лицо Хироми Огавы, Томо Осима подобралась к заключительной фазе.

– Что переносит нас к настоящему моменту, к историческому визиту Кья Маккензи, достойнейшей представительницы сиэтлского, штат Вашингтон, отделения нашего общества. И теперь мы все надеемся, что она почтит нас изложением истории своего отделения, расскажет нам, как оно зародилось, о его многогранной деятельности, способствующей всемерной популяризации музыки «Ло/Рез»…

– К сожалению, я должна вас разочаровать, – сказала Кья,

когда отзвучал шелест аплодисментов, адресованных то ли Томо Осиме, то ли ей самой. – Наш историк подготовил все нужные материалы, но они совершенно перекорежились, когда мою сумку пропускали в аэропорту через этот большой сканер.

– Нам очень жаль, – вздохнула роботоподобная Хироми. – До чего же неудачно!

– Да, – согласилась Кья, – но, с другой стороны, так у нас будет больше времени на обсуждение вопроса, который привел меня к вам.

– Мы надеялись…

– Помочь нам разобраться во всей этой истории с Резом, да? Мы так и знали. И мы заранее благодарны вам за вашу помощь. Потому что этот слух нас крайне обеспокоил. И ведь он, похоже, возник здесь, у вас, и эта Рэй Тоэй, она тоже местный продукт, так что вы должны понимать происходящее лучше, чем кто-либо другой.

Хироми молчала. Трудно было ожидать, чтобы на гладком металлическом овале ее лица появилось какое-нибудь выражение, но Кья все равно убрала свои часы – на всякий случай.

– Вот за этим я сюда и приехала, – заключила она. – Чтобы узнать, неужели он действительно хочет на ней жениться.

В виртуальной хижине повисло неловкое молчание. Шесть девочек усердно рассматривали циновку, словно впервые заметив пробегающие по ней картинки. Кья не видела Мицуко и не решалась на нее взглянуть – это было не совсем вежливо.

– У нас официальное отделение, – сказала в конце концов Хироми. – Мы имеем честь работать в непосредственном контакте с представителями группы. Их агенты по связям с общественностью обратились к нам с просьбой помочь им сдержать дальнейшее распространение этого неприятного слуха.

– Дальнейшее распространение? Да он уже неделю висит в сети, куда уж там дальше!

– Это не более чем слух.

– Так пусть они опубликуют опровержение.

– Опровержение не погасит слух, а лишь укрепит его.

– Если верить первоначальному сообщению, Рез публично объявил, что любит эту Рэй Тоэй и хочет на ней жениться. Там была длинная цитата.

Кья все сильнее чувствовала, что что-то здесь не так. И разве стоила эта беседа того, чтобы лететь на другой конец света? С тем же успехом она могла бы сидеть сейчас в Сиэтле в своей собственной комнате.

– Мы думаем, что это первоначальное сообщение было чьей-то грубой шуткой. Такое уже случалось.

– Вы *думаете*? Иначе говоря, вы и сами ничего точно не знаете?

– Наши источники заверили нас, что нет никаких причин для беспокойства.

– Ну да, конечно, – усмехнулась Кья. – «Положение нормальное, идем ко дну».

– Так это что же, ты думаешь, что сотрудники группы «Ло/Рез» нам врут?

– Послушай, – сказала Кья, – я торчу на этой команде не меньше кого угодно. А то чего бы я, собственно, сюда прилетела? Но ведь ребята, работающие на «Ло/Рез», это не ангелы, а просто ребята, работающие на «Ло/Рез». И если Рез забредет однажды вечером в клуб, возьмет микрофон и заявит во всеуслышание, что любит эту самую идору, а для полноты комплекта еще и даст клятву на ней жениться, его ребята будут потом говорить ровно то, что они, по их мнению, должны говорить, абсолютно не заботясь, правда это или нет.

– Но у тебя нет никаких доказательств, что все это было. Только какое-то там анонимное сообщение, какая-то там якобы транскрипция записи, сделанной в каком-то там клубе.

– «Обезьяний бой». Мы проверили, этот клуб находится здесь, в Синдзюку.

– Проверили? А ты вот сходи и посмотри сама.

– Зачем?

– А затем, что такого клуба больше нет.

– Как это – нет? Ведь был же.

– Был, да весь вышел, в Синдзюку это дело обычное. – Злорадное торжество Хироми пробивалось даже сквозь тусклый фильтр машинного перевода.

Вот и выведай что-нибудь у этой стервы, думала Кья, с ненавистью глядя на непроницаемое металлическое лицо. А что теперь делать? Что сделала бы Сона Роса, будь она здесь, на этом месте? Что-нибудь такое, демонстративно-психованное, в своем коронном стиле.

– Спасибо, – сказала она. – Мы ведь просто хотели увериться, что ничего такого не происходит. Прости, пожалуйста, если я вела себя не совсем вежливо, это ведь только для того, чтобы развеять последние сомнения. Раз ты говоришь, что все это пустые слухи, значит так оно и есть. Я же понимаю, что вы, ваше отделение, заботитесь о благе Реза ничуть не меньше, чем мы, сиэтлские. И еще раз спасибо за все. – Кья вежливо поклонилась.

Хироми ответила не сразу и совершенно другим тоном. Она явно не ожидала от гостьи такого миролюбия.

– Наши друзья в компании «Ло/Рез» очень обеспокоены

возможным влиянием этих беспочвенных слухов на публичный имидж Реза. Вы же знаете, что всегда была тенденция изображать его как более креативного, но в то же самое время и менее стабильного члена группы.

Что, конечно же, соответствовало истине, хотя Резов стиль нестабильности и выглядел достаточно скромно, если сравнивать с тем, что вытворяли подчас его поп-культурные предки. Он никогда не имел неприятностей с полицией, не провел ни одной ночи в камере. И все же как-то так создавалось впечатление, что он очень даже может влипнуть в какую-нибудь историю. Это всегда было частью его обаяния.

– Ну да, конечно, – согласилась Кья, наслаждаясь очевидным замешательством нахальной японки. – А еще они стараются нарисовать Ло таким себе занудным технарем, насквозь практичным типом, хотя уж мы-то, – она заговорщицки улыбнулась, только что не подмигнула, – знаем, что это совсем не так.

– Да, – кивнула Хироми. – Конечно. Ну так ты, значит, полностью удовлетворена? Ты объяснишь своему отделению, что в действительности с Резом все в порядке?

– Конечно, – горячо согласилась Кья. – Какие ж еще сомнения, если ты так говоришь. Так что с этим мы разобрались, и мне нужно как-то убить еще здесь, в Японии, три дня.

– Убить?

– Идиома такая. Свободное время. Вот Мицуко говорит, что я должна посмотреть Киото.

– Киото прекрасен…

– Ну вот туда я и отправлюсь, – сказала Кья. – Спасибо за сборку этого сайта для нашей сегодняшней встречи. Здорово получилось, и если вы его сохраните, я бы очень хотела зайти сюда как-нибудь потом, вместе с нашими девочками. А то соберемся все вместе, будем дружить отделениями.

– Да, пожалуй… – Хироми определенно не понимала, что все это должно значить.

Вот и поломай голову, злорадно подумала Кья.

– Ты знала, – сказала Кья, – ты знала, что она выкинет этот номер.

– Прости, пожалуйста. – Мицуко покраснела до корней волос. Она сидела, опустив глаза, и бесцельно теребила свой студенистый компьютер. – Хироми решила, что так надо.

– Они с ней связались, да? Сказали, чтобы она как-нибудь от меня отделалась, заткнула мне глотку.

– Она общается с людьми из «Ло/Рез» без нас, частным

образом. Это одна из привилегий ее положения.

Кья взглянула на свои пальцы, все еще унизанные серебристыми наперстками.

– Мне нужно поговорить со своим отделением. Можешь ты оставить меня на несколько минут одну? – Она и злилась на Мицуко, и жалела ее. – И я совсем не злюсь *на тебя*, понимаешь?

– Я пойду приготовлю чай, – сказала Мицуко и вышла, прикрыв за собой дверь.

Кья убедилась, что «Сэндбендерс» все еще подключен к сети, снова надела гляделки и вызвала главный сайт сиэтлского отделения.

И попала совсем в другое место, где ее поджидала Сона Роса.

15
Акихабара

Низкие, серые облака над серым, унылым городом. Взгляд на новые здания сквозь тонированные, с кружевными занавесочками окна лимузина-недоростка.

Промелькнула реклама «Эппл Ширз», булыжная улочка, уводящая в своего рода голографическую сказку, где приплясывают добродушные, широко улыбающиеся бутылки с соком. Лейни снова ощущал джетлаг, в более мирной, но и более исхищренной форме. Некий противоестественный гибрид грызущего чувства вины и на удивление убедительной иллюзии удаленности от своего тела, когда все сенсорные сигналы добираются до тебя какими-то несвежими, потрепанными в долгом пути через запретные для тебя самого пространства.

– Я-то думал, что теперь все будет в порядке, – сказал Блэкуэлл. – Теперь, когда мы избавились от этих сибирских психопатов.

Сегодня австралиец оделся сплошь в черное, что несколько скрадывало его чудовищные габариты. На нем было нечто вроде свободной, бесформенной блузы из черной, как душа злодея, бумажной ткани со множеством карманов по нижнему краю. Нечто смутно-японское. В неопределенно средневековом роде. Что-то подобное мог носить какой-нибудь ремесленник. Ну, скажем, плотник.

– Свихнутые, как не знаю что, – сказал Блэкуэлл. – Прилипли к нему во время турне по «комбинатским» странам.

– Психопаты?

– Накачивали Реза всякой отравой. А он податлив на любые влияния, и дома тоже, а в турне так особенно. Стресс, умноженный на скуку. Все города начинают выглядеть одинаково. Гостиница за гостиницей, гостиница за гостиницей, тут кто хочешь свихнется.

– А куда мы едем?

– Акихабара.

– А что это такое?

– То, куда мы едем. – Блэкуэлл взглянул на огромные, с уймой непонятных циферблатов часы. Укрепленные на массивном стальном браслете, они подозрительно смахивали на технику двойного применения. Такие себе часы-кастет. – Я видел, что происходит, а что толку, они ж целый месяц не давали мне ничего сделать. Потом мы запихнули его в эту парижскую

клинику, а там нам сказали, что эти ублюдки с этим ихним дерьмом в хлам порушили его эндокринную систему. Починили в конце концов, но ведь этого просто не должно было случиться, допускать этого было нельзя.

– Но потом-то вы от них избавились? – Лейни абсолютно не понимал, о чем это Блэкуэлл, но нужно же было как-то поддерживать иллюзию разговора.

– Сказал им, что подумываю пропустить их через «хондовскую» промышленную шинковку, а то вот купил механизму и не знаю, что с ней делать, – ухмыльнулся Блэкуэлл. – Не потребовалось, хватило и демонстрации на холостом ходу. В конечном итоге мы просто малость отретушировали им фотокарточки, вот и вся недолга.

Лейни смотрел на затылок шофера. Он никак не мог привыкнуть к правостороннему управлению, все казалось, что на водительском месте никого нет.

– А вы давно работаете на эту команду?

– Пять лет.

Лейни вспомнил видеоролик, знакомый голос в полумраке клуба. Два года назад.

– Так куда мы едем?

– Скоро будем, теперь уже близко.

Пейзаж за тонированными стеклами резко изменился. Узкие улочки, безликие, неухоженные здания. Ни одна реклама не светится, не живет. Огромные щиты с незнакомыми Лейни названиями. Некоторые здания повреждены, надо думать – при том самом землетрясении. Косые трещины, исполосовавшие один из фасадов, заляпаны большими, с голову, комками бурой стекловидной массы, грошовая игрушка, кое-как подклеенная каким-то неумехой. Машина вильнула к обочине и остановилась.

– «Электрический город», – объявил Блэкуэлл и добавил, тронув шофера за плечо: – Жди нас здесь.

Шофер кивнул, не оборачиваясь и как-то совсем уж не по-японски. Блэкуэлл открыл дверцу машины и со все той же кошачьей грацией выскользнул наружу; ближний к обочине край машины облегченно качнулся вверх. Лейни, уныло волочивший свой зад по серому бархатному сиденью, чувствовал себя разбитым и окостенелым.

– Я как-то ожидал оказаться в месте малость пофешенебельнее, – сказал он, захлопнув за собой дверцу и оглядевшись по сторонам.

– А вот не надо ничего ожидать, – посоветовал Блэкуэлл.

За растресканной, с коричневыми наростами стеной таилось море разливанное белой, розовой, нежно-салатной и какой только

не кухонной техники. По низкому потолку змеились многочисленные, на скорую руку протянутые трубы и кабели. Блэкуэлл уверенно направился по центральному проходу. В боковых проходах слонялись какие-то люди, то ли продавцы, то ли задумчивые покупатели.

В конце прохода нескончаемо уползала вверх складная гармошка старомодного эскалатора; прямоугольные зубья выскальзывающих из-под пола ступенек тускло поблескивали истертой сталью. Блэкуэлл не остановился и даже не сбавил шага, словно не замечая, что лестница движется, Лейни едва за ним поспевал.

Второй этаж. Здесь ассортимент был поразношерстнее: настенные экраны, погруженные консоли, автоматизированные шезлонги с массажными модулями, выпиравшими из них, как головы огромных механических червей.

По проходу, тесно заставленному гофропластиковыми ящиками; руки Блэкуэлла туго вбиты в карманы черной, как у киношных ниндзя, распашонки. В голубой лабиринт пластиковых шторок, свисающих с потолка, с каких-то ржавых труб. Непонятные инструменты. На кафельном полу – алюминиевые ко`злы, на ко`злах – красный продолговатый ящичек, на ящичке – нержавейковый термос, на термосе – глубокая вмятина. Шрамы на руке Блэкуэлла, откинувшего последнюю занавеску.

– Послушайте, Блэкуэлл, а побыстрее было нельзя? – ядовито поинтересовался незнакомый женский голос. – Мы уже битый час поддерживаем для вас этот чертов доступ. Думаете, это очень легко?

Лейни поднырнул под занавеску, и она упала за его спиной.

– Заезжал за ним в гостиницу, – буркнул Блэкуэлл.

Лейни обвел помещение глазами. С трех сторон пластиковые занавески, с четвертой – глухая стена. Места вроде бы и много, раза в два больше, чем в том гостиничном номере, и все равно тесно, в первую очередь – от техники. Да и от мусора тоже. Солидная батарея черных аппаратурных стоек буквально утопает в белой трясине пенополистирольной упаковки, обломков гофрированного пластика и скомканных пузырьковых «простыней». Три человека, замершие в ожидании у стоек, двое мужчин и женщина.

– Хоть бы порядок какой навели. – Блэкуэлл раздраженно пнул груду упаковочного хлама.

– А мы в уборщики не нанимались, – любезно сообщила женщина. Вот таким же примерно голосом и в такой же манере изъяснялись сотрудницы Лейни, «слитскановские» аналитички.

Все трое техников – один рыжий, один японец, с волосами,

стянутыми на затылке в тугой самурайский хвостик, и эта самая женщина, коротко стриженная шатенка, – были одеты в джинсы и самые нормальные, без никакой экзотики, короткие куртки.

– Это ж сдуреть, чтобы такая работа, и почти без предупреждения, – проворчал рыжий.

– *Совсем* без предупреждения, – поправил его японец. Уж этот-то точно был свой, из Калифорнии.

– За то вам и платят, – сказал Блэкуэлл.

– Нам платят за развлекательную прогулку, – ухмыльнулся рыжий.

– Молитесь, чтобы эта хрень работала, – Блэкуэлл указал подбородком на опутанные проводами стойки, – а то все ваше развлечение быстро закончится.

Пока шел этот обмен любезностями, Лейни заметил у дальней – и единственной в этом загоне – стены складной стол. Пластиковый, ядовито-розовый. На столе стоял тускло-серый компьютер и лежали очки. От компьютера к ближайшей стойке тянулись плоские, радужно-многоцветные ленты кабелей. Стена хранила многолетние наслоения старых, незнакомых реклам, из-за розового стола тупо таращился огромный, фута в четыре, женский глаз.

– Ладно, – сказал Лейни, осторожно пробираясь к столу сквозь завалы пенополистирола. – Посмотрим, что там у вас такое.

16
Сона

Здесь не было ни одного мало-мальски целого дома, только жалкие пеньки обвалившихся стен да немногие прямоугольники ржавой гофрированной кровли, косо сидевшие на серых, обветшавших деревянных столбах. И еще – плавательные бассейны, густо поросшие кактусами и огненно-красными молочаями, на белой мозаике битого кафеля сторожко дремали ящерицы, загадочные письмена неведомых цивилизаций. Кое-где чернели пятна дотла прогоревших костров.

Здесь всегда был ранний вечер.

– Сона?

– Тебя кто-то ищет.

Белая футболка, заношенная кожаная куртка. Здесь, в своей долине, Сона всегда представлялась мелькающим коллажем деталей, вырванных из фильмов и журналов, реклам и мексиканских газет: темные глаза, ацтекские скулы, еле заметная россыпь подростковых прыщиков, спутанные черные волосы. Она поддерживала низкое разрешение, всегда была чуть не в фокусе.

– Мама?

– Нет. Кто-то с серьезными возможностями. Кто-то, точно знающий, что ты в Токио. – Узкие носы черных сапог припорошены пылью долины. Медные молнии по наружным швам выгоревших черных джинсов, от талии до щиколоток. – А чего это ты так вырядилась?

– А? – Кья так и была в прикиде от Силке-Мари Колб. – Ну да. Это для встречи с местными. У них тут все официально, как я не знаю, помрешь и не встанешь. Дорого, но я заплатила по карточке нашей общей знакомой.

– А где ты входила в сеть, когда платила?

– Там же, где и сейчас. У Мицуко.

– Да? – нахмурилась Сона. – А что еще ты покупала?

– Ничего.

– Ничего?

– Ну, еще в метро платила.

– В метро, говоришь?

Сона щелкнула пальцами. Ящерка, выскользнувшая из-под соседнего валуна, взбежала по ее ноге и легла в подставленную ладонь. Сона любовно погладила узкое верткое тельце, и узор чешуи изменился. Затем Сона постучала ящерку по голове, та стремглав сбежала на землю и исчезла за смятым, насквозь

проржавевшим листом кровельного железа.

– Келси испугалась, – сказала Сона. – Испугалась настолько, что ко мне пришла.

– Испугалась? Чего?

– Какие-то типы трясли ее насчет твоего билета. Они пытались связаться с ее отцом, потому что билет был куплен на его баллы, но он, отец, сейчас в отъезде. Тогда эти типы взялись за Келси. Думаю, они ей угрожали.

– Чем?

– Я не знаю. Но она им все выложила, и твое имя, и номер карточки.

Кья вспомнила Мэриэлис. И Эдди.

Сона Роса достала из кармана кожанки складной нож и присела на корточки; в пластиковых накладках неустанно вились золотые драконы. Легкое прикосновение к луженой кнопке, и наружу вылетело длинное, с гравированным драконом, лезвие, тыльная сторона лезвия – хребет дракона, иззубренный и безжалостный.

– Прибздела она, эта твоя Келси, прибздела и раскололась. Яйца за такое резать надо.

– Она такая же твоя, как и моя.

Сона подобрала с земли веточку, из-под ножа побежали крутые завитки стружки.

– В моем мире она не продержалась бы и часа.

В тот последний раз она рассказывала про свою войну с «крысами», про ночные марш-броски сквозь ржавые джунгли обветшавших гаражных комплексов и генеральные сражения на загаженных детских площадках. Как началась эта война? Чего они там не поделили? Сона с ходу отметает все подобные вопросы как несущественные.

– Как и я.

– Так кто же тогда тебя ищет?

– Ну, если бы мама узнала, что я здесь…

– Твоя мама ни в жизнь не нагнала бы на Келси такого страху.

– Если кто-нибудь узнает номер моего места в самолете, он тогда сможет узнать номер билета, а потом узнать, где и как был куплен билет, верно?

– Да, если у него есть определенные возможности. Это незаконно.

– А отсюда недалеко и до Келси…

– Но сперва он должен будет залезть в файл регулярных клиентов «Эр Магеллан», а для этого нужны весьма, *весьма* серьезные возможности.

– Там, в самолете, была одна женщина… Она сидела рядом со мной. Потом вышло так, что я несла ее чемодан, а они с ее мужиком подкинули меня до Токио…

– Ты несла ее чемодан?

– Да.

– Ну-ка, ну-ка, расскажи. И поподробнее, ничего не опуская. Где ты познакомилась с этой бабой?

– В аэропорту. В «Си-Таке». Там на входе брали пробу на ДНК, и она сделала такую странную вещь…

Сона слушала, строгала свою палочку и все больше мрачнела.

– *Fuck your mother*, – сказала она, когда Кья замолкла. Автоматический переводчик передал ее интонацию, как не поймешь что, то ли мрачное веселье, то ли отвращение.

– *Чего?* – смешалась Кья.

Сона посмотрела на нее вдоль гладко обструганной палочки, словно прицеливаясь.

– Обсценный арготизм. Идиома. Очень сложная и богатая, твоя мать тут совершенно ни при чем.

Она сделала что-то своим ножом, и он сложился, трижды отчетливо щелкнув. Та же, что и прежде, ящерица стрелой пронеслась по пыльной земле и выжидающе замерла, плоский мозаичный силуэт на тускло-розовом, прогретом солнцем камне. И снова, как и тот раз, пальцы Соны изменили ее окраску.

– Что это ты делаешь?

– Усложняю криптосистему. – Сона приложила ящерицу к лацкану своей куртки, и та повисла на вытертой, порыжевшей коже, как причудливая брошка с блестящими ониксовыми глазами. – Тебя разыскивают. А может, и нашли. Нам нужно по возможности защитить себя от посторонних глаз и ушей.

– А она что, способна на такое?

– Возможно. Она довольно новая. Но вот эти, – Сона ткнула палочкой куда-то вверх, – будут понадежнее.

Кья вскинула голову к закатному небу, к темным с розовой опушкой облакам и вроде бы различила широко раскинутые крылья. Два парящих силуэта. Больших. Не птицы. И сразу исчезли.

– Запрещенные в вашей стране. Колумбийское производство. Птички из информационного убежища[69]. – Сона поставила палку заточенным концом на землю и начала крутить ее между ладонями, туда-обратно, туда-обратно; был когда-то древний мультфильм, где кролик точно вот так же добывал огонь. – Ты идиотка. Полная.

– Почему?

– Ты пронесла чемодан через таможню? Чужой чемодан?

– Да…

– Идиотка!

– Да что тут такого?

– Эта твоя Мэриэлис – контрабандистка. А ты – наивная раззява.

Но ведь ты-то тоже считала, что мне надо ехать, подумала Кья и едва не заплакала.

– А если даже и так, зачем они меня ищут?

– Да какая разница? – пожала плечами Сона. – Серьезный, опытный контрабандист никогда не отпускает ишака на свободу…

В животе Кья, чуть пониже пупка, шевельнулось что-то скользкое, холодное, серебристое, и в тот же самый момент пришло пугающее воспоминание туалетной комнаты в «Виски Клоне». Краем глаза замеченный уголок чего-то чужого, незнакомого. В ее сумке, между футболками. Когда она взяла одну из них, чтобы вытереть руки.

– Что с тобою?

– Слушай, я пойду. Мицуко сейчас вернется, она ведь только чай заварить… – Кья строчила, как пулемет, глотая половину слов.

– Пойдешь! Ты что, сдурела? Нам еще нужно…

– Извини. Пока.

Компьютер отключен, гляделки сдернуты, теперь расстегнуть эти проклятые ремешки на запястьях…

Сумка на месте, стоит, как стояла.

17
Стены славы

– Мы не успели организовать все это путем, – сказала женщина, передавая Лейни очки; он сидел на детского размера пластиковой скамеечке – розовой, в пандан столу. – Да и вряд ли возможно организовать такую штуку *путем*.

– Есть участки, до которых мы не можем добраться, – пояснил хвостатый японо-американец. – Блэкуэлл говорит, у вас был опыт работы по знаменитостям.

– Артисты, – кивнул Лейни. – Музыканты, политики…

– Здесь все будет иначе, да вы сами увидите. Крупнее на пару порядков.

– А что осталось недоступным? – спросил Лейни, надевая очки.

– Мы не знаем, – сказала женщина. – Сейчас вы почувствуете общий масштаб этого хозяйства. Слепые пятна могут быть по бухгалтерии, налоговым хитростям, контрактам… Мы же просто вспомогательный технический персонал. У него есть другие люди, которым специально платят за то, чтобы они обеспечивали максимальную конфиденциальность определенных массивов.

– А почему бы тогда не привлечь *их*? Этих людей? – удивился Лейни и тут же почувствовал на плече тяжелую, как мешок с дробью, руку.

– Это мы обсудим как-нибудь потом, – сказал Блэкуэлл. – А вы бы пока посмотрели, что там и как. Мы же за это вам платим, верно?

Первые дни после смерти Элис Ширз Лейни так и продолжал присматривать за ее делами (благо «бестормозные» разрешили воспользоваться их счетом в «Дейтамерике»). Узловая точка сразу исчезла, да и вообще информации поуменьшилось, ее не то чтобы косою выкосили, а так, слегка пропололи, привели в божеский вид.

Но главное было в том, что Элис попросту не порождала *новой* информации. Замерла кредитная активность, даже ее счет в «Апфул групвайн» был аннулирован. По мере того как исполнялось ее завещание и завершались незавершенные сделки, информация все больше обретала аккуратный, словно по клеточкам расписанный вид. Лейни думал о закоченевших, плотно спеленутых телах, о гробах и склепах, об аккуратно распланированных кладбищах тех, давно минувших дней, когда

мертвецы могли еще рассчитывать на свою долю недвижимой собственности.

Узловая точка существовала, пока Элис Ширз жила, пребывала в беспорядочном, постоянно ветвящемся взаимодействии с обыденным – и все равно бесконечно сложным – миром. А теперь взаимодействие исчезло.

Он осторожно взглянул, не проводил ли ее артист что-нибудь вроде своей любительской подчистки – и не заметил ничего подозрительного. Впрочем, можно было не сомневаться, что «бестормозные» и сами за этим присматривали.

Информация по Элис почти застыла, остались только некие медленные, методичные изменения, связанные, надо думать, с юридическими механизмами, с последовательным исполнением различных пунктов завещания.

Ирландия, спальня дома для гостей. Подробный каталог обстановки. Субкаталог. Предметы, находящиеся в ореховом, семнадцатого века, прикроватном комоде: зубная щетка, зубная паста, таблетки от головной боли, тампоны, бритва, гель для бритья. Кто-то периодически проверяет этот каталог и, при необходимости, пополняет содержимое комода. Последний гость взял гель, а бритву не трогал. Один из пунктов первого каталога: мощный, установленный на треноге австрийский бинокль со встроенной цифровой камерой.

Лейни вошел в память камеры и узнал, что функция видеозаписи использовалась ровно один раз, в день, с которого пошел отсчет гарантийного срока. Гарантия кончилась два месяца назад, единственная запись – вид с занавешенного балкона, выходящего, как решил Лейни, на Ирландское море. В кадре – неожиданная для этих мест пальма, ограда из стальной сетки, железнодорожная насыпь с тускло поблескивающими рельсами, грязновато-желтый песок широкого пляжа, а дальше – серое, с проблесками серебра, море. Поближе к морю в кадр попала часть приземистого форта, сильно смахивающего на приплюснутую крепостную башню. Камни форта почти неотличимы по цвету от песка.

Лейни вышел из спальни, вышел из дома и оказался в окружении археологически точных отчетов о реставрации пяти изразцовых печей для некоей стокгольмской квартиры. Печи были огромны, четырнадцатифутовые башни из красного кирпича, облицованные фигурными, щедро разукрашенными изразцами. В топке каждой из них могли спокойно встать в рост несколько людей. В отчетах подробно описывалась судьба каждого кирпича и каждого изразца, как они нумеровались, разбирались,

очищались, реставрировались и собирались наново. Вся остальная квартира оказалась вне доступа, но одни уже эти печи давали впечатление о ее размерах. Лейни кликнул в конец реставрационного отчета и отметил итоговую стоимость работ – в несколько раз больше его годовой зарплаты в «Слитскане», если по теперешнему валютному курсу.

Он пошел тем же путем назад, пытаясь обрести более широкую перспективу, ощущение формы, но вокруг были непроницаемые стены, огромные массивы безликой, безукоризненно размещенной информации, и ему снова вспомнилась Элис Ширз, ее вторая, информационная смерть.

– Свет горит, – сказал Лейни, снимая очки, – а дома никого.

Наголо выбритый, весь в черном Блэкуэлл пристроился на литом пластиковом ящике, изваяние Будды на грязно-голубом постаменте. Техники, вся троица, стоят, засунув руки в карманы одинаковых курток, и прилежно изображают безразличие.

– Это в каком же смысле? – мрачно поинтересовался Блэкуэлл.

– Странная история, – пожал плечами Лейни. – Он словно вообще ничего не делает.

– Не делает? – Рассеченная шрамом бровь саркастически приподнялась. – Да он всю дорогу норовит что-нибудь такое *сделать*. А я потом расхлебывай.

– Хорошо, – кивнул Лейни. – А вот где он, скажем, завтракает?

– Завтракает? – смутился Блэкуэлл. – В своем номере.

– В номере чего?

– Отеля «Империал», – раздраженно буркнул Блэкуэлл и покосился на техников.

– И в какой же это такой империи?

– Здесь. В этом трижды долбаном Токио.

– В Токио?

– Вы, компания, – сказал Блэкуэлл, – кыш отсюда.

Женщина равнодушно пожала плечами и побрела к выходу, раскидывая ногами обломки пенополистирола, мужчины последовали ее примеру. Блэкуэлл проводил их взглядом и поднялся со своего постамента.

– Если вы думаете водить меня за нос…

– Я просто хочу сказать, что это зряшная затея. Его там *нет*, нет, и все тут.

– Но это же и есть его долбаная *жизнь*!

– Как он платит за завтрак?

– И завтрак, и все остальное включается в счет за гостиницу.

– А на чье имя снят этот номер? На него?

– Конечно же нет.

– Ну а если, скажем, он захочет что-нибудь купить?

– Покупку сделает кто-нибудь другой, из сопровождающих.

– И заплатит наличными?

– По карточке.

– Но не на его имя?

– Нет.

– А значит, нет никакой возможности связать эту покупку с ним?

– Естественно.

– И все это потому, что вы хорошо делаете свое дело, верно?

– Да.

– А значит, он невидим. Для меня. Я не вижу его, не могу увидеть. Его там попросту *нет*. Я не могу сделать то, для чего вы меня наняли. Это невозможно.

– Но как же так? Ведь там уйма информации.

– Это не человек, не личность. – Лейни покачал очки на пальце и положил их на клавиатуру. – Это корпорация.

– Но ведь мы предоставили вам *все*! Его долбаные особняки! Его квартиры! Да хоть бы даже где и когда садовники засадили каменную стену долбаными *цветочками*!

– Но я не знаю, кто он такой. Я не могу выделить его из окружающей обстановки. Он сливается с фоном. Он не оставляет следов, не образует нужных мне структур.

Блэкуэлл надолго закусил верхнюю губу. Негромко клацнул сошедший с места зубной протез.

– Мне нужно сформировать хоть какое-то представление, кто он такой в действительности, – сказал Лейни.

Губа вышла наружу, пунцовая, влажно поблескивающая.

– Да-а, – протянул Блэкуэлл. – Ни хрена себе задачка.

– Мне нужно с ним встретиться.

Прежде чем ответить, Блэкуэлл вытер губу тыльной стороной ладони.

– А может, сойдемся на его музыке? А еще ведь есть видео…

– Я уже видел ваш фильм, имел такое удовольствие. Этот материал может пригодиться – но только если я познакомлюсь с Резом вживую.

Блэкуэлл осторожно потрогал свой ушной обрубок.

– Ну а если я организую вам такую встречу, вы точно сможете найти эти свои точки-узелочки, сделать эту хрень, о которой треплется драгоценный Яма?

– А кто его знает? – пожал плечами Лейни. – Попробую.

– В пуп и в гроб. – Блэкуэлл пропахал мусорные завалы,

отшвырнул занавески, рявкнул томившимся в ожидании техникам: – Идите сюда! – и развернулся к Лейни. – Иногда я очень жалею, что не остался в «Джина-Джина» с корешами. Там, если что утрясешь, оно так утрясенным и останется, без никаких тебе новых бардаков.

В комнату просунулась женская голова с челочкой.

– Побросайте всю эту хурду-мурду в фургон, – сказал Блэкуэлл. – И держите ее наготове.

– У нас нет фургона, – сообщила женщина.

– Нет, так купите, – сказал Блэкуэлл.

18
Отаку

Что-то прямоугольное и вроде бы мягкое, когда дотронешься, но это только снаружи, а внутри оно жесткое. Завернутое в желто-голубой пластиковый мешок «си-таковского» магазина дьюти-фри. Сикось-накось заклеенное мятыми кусками коричневого скотча. Тяжелое. Компактное.

– Хелло.

Кья, сидевшая на корточках у своей расстегнутой сумки, едва не шмякнулась задом на пол, так неожиданно появился этот мальчик. Ну да, мальчик, хотя в первый момент ей показалось, что это еще одна девочка, чуть постарше, с длинными, до плеч, волосами, разделенными посередине на пробор.

– Я Масахико.

Говорит без переводчика. Темная, балахонистая куртка, малость смахивающая на какой-нибудь армейский китель, застегнута до высокого стоячего воротника, свободно болтающегося на тонкой шее. Серые, затрепанные, с пузырями на коленях треники. Белые бумажные шлепанцы, только теперь они не белые, а грязные.

– Мицуко приготовила чай, – мальчик указал на поднос с керамическим чайником и двумя чашками, – но ты была в сети.

– А где она сама?

Кья затолкала непонятный предмет поглубже, на самое дно сумки.

– Ушла куда-то. А можно мне взглянуть на твой компьютер?

– Компьютер? – не поняла Кья.

– Это ведь «Сэндбендерс», да?

– Само собой. – Кья налила себе чаю и обернулась к Масахико. – А ты будешь?

– Не-а, я пью только кофе. – Мальчик присел на корточки рядом с низким столиком и восхищенно потрогал ребро литого алюминиевого корпуса. – Потрясно. Я видел маленький плеер того же производства. Это культ такой, да?

– Коммуна. Или, там, племя. В Орегоне. – Кья заметила в его длинных, шелковистых, аккуратно причесанных волосах тонкий, крутой завиток лапши, точь-в-точь такой, какую кладут в коробочки для быстрого приготовления. – Жалко, что я даже не видела, как Мицуко принесла чай. Нехорошо как-то вышло.

– Ты из Сиэтла.

Не вопрос, а констатация факта.

– А ты ее брат?

– Да. А зачем ты сюда приехала?

Глаза у него были большие и темные, а лицо узкое и бледное.

– Мы с твоей сестрой обе торчим на «Ло/Рез».

– Ты приехала из-за того, что он хочет жениться на Рэй Тоэй?

– Что? – вздрогнула Кья, по подбородку ее покатились капли горячего чая. – Это она тебе сказала?

– Да, – кивнул Масахико. – В «Застенном городе», там некоторые люди работали над ее дизайном. – Он весь ушел в изучение «Сэндбендерса», крутил его и так и сяк. Пальцы у него были длинные и бледные, с обкусанными до мяса ногтями.

– А где это?

– В сети, – сказал Масахико, закидывая назад упавшие на лицо волосы.

– И что же они о ней рассказывают?

– Оригинальный замысел. Почти революционный.

– А ты где учил английский? Здесь?

– В «Застенном городе».

Кья сделала еще глоток чая и отставила чашку.

– У тебя есть кофе?

– Конечно. – Масахико встал, не выпуская «Сэндбендерса» из рук. – Пошли ко мне.

Чтобы попасть в его комнату (кладовку в девичестве), потребовалось спуститься на первый этаж, пройти на зады ресторана и спуститься еще раз по короткой бетонной лестнице. Сама же эта комната… Кошмар, конечно, но Кья уже достаточно насмотрелась на такие мальчишеские берлоги, братья некоторых ее подружек устраивали в своих комнатах бардак и почище. Пол и узкая, вроде вагонной полки кровать завалены грудами грязной одежды, пластиковых оберток (в первую очередь – от той самой лапши). И мятых, растерзанных японских журналов. В углу, за пределами круга света, отбрасываемого галогенной лампой с коническим абажуром, мерцают и подмигивают голографические этикетки пустых пенопластовых плошек из-под еды, их там целая башня. Стол, образующий вторую, повыше, полку, выпилен из куска какого-то вторичного материала, сильно смахивающего на спрессованные обрезки коробок из-под фруктовых соков. На столе стоит компьютер, безликий черный куб. И еще одна узкая полка из того же прессованного картонного крошева, на ней – голубая микроволновка, цельные, еще в упаковке, пенопластовые ложки и батарея крошечных стальных баночек кофе.

Одна из таких баночек была уже разогрета в микроволновке и открыта; Кья осторожно пригубила крепкий, обжигающе горячий,

обильно приправленный сливками и сахаром кофе. Она сидела бок о бок с Масахико на жесткой, буграстой кровати, опираясь спиной о сложенную в несколько раз пуховку. Здесь пахло кофе, лапшой и чуть-чуть – мальчиком, хотя при всем этом бардаке в комнате Масахико производил впечатление чистюли. Да Кья и вообще привыкла считать всех японцев чистюлями. Они же только и делают, что моются. От этих мыслей ей очень захотелось под душ.

– Классная штука, мне нравится.

Масахико снова провел пальцем по алюминиевому ребру. Войдя в комнату, он первым делом смел со стола весь хлам – карандаши и одноразовые ложки, непонятные куски металла и пластика – и водрузил «Сэндбендерса» прямо перед своим компьютером.

– А как ты его запускаешь? – спросила Кья, указывая кофейной баночкой на черный куб.

Короткая японская фраза. По граням куба поползли пульсирующие, нежных тонов световые червяки. Еще одна фраза, и куб потух.

Стены комнаты от пола до потолка были во много слоев залеплены плакатами и афишами, рисунками и графическими распечатками. Над компьютером висело нечто вроде большого платка, квадратный кусок шелковистой ткани с какой-то то ли картой, то ли диаграммой, исполненной в красном, черном и желтом цветах. Сотни угловатых пятен (комнат? кварталов?) теснились вокруг центрального элемента – неровного, густо-черного, вертикального прямоугольника.

– «Застенный город», – сказал Масахико, заметив направление ее взгляда. – А это моя комната. – Он перегнулся над столом и ткнул пальцем в одно из пятнышек. – Восьмой уровень.

– А там у вас что? – Кья указала на середину диаграммы.

– Черная дыра. В оригинале это было нечто вроде вентиляционной шахты! А ведь в Токио тоже есть черная дыра. Ты еще не видела?

– Нет, – качнула головой Кья.

– Дворец. Ночью, с какого-нибудь высотного здания, императорский дворец выглядит как черная дыра. Как-то раз я заметил там пламя факела.

– А что было с ним во время землетрясения?

– Ну, этого никому никогда не покажут. А теперь там все как раньше. Нас в этом заверили. – Масахико улыбнулся, но только уголками рта.

– А Мицуко, куда она пошла?

– Да кто ее знает.

– Она сказала хоть, когда вернется?

– Нет.

Кья подумала о Хироми Огаве и тут же вспомнила, что кто-то запугивал Келси. Хироми? Но тут же еще это самое неизвестно что, лежащее сейчас наверху, в сумке. Мэриэлис, это надо ж, как она вопила тогда, в кабинете Эдди. Нет, скорее всего, Сона Роса права.

– Ты знаешь тут такой клуб «Виски Клон»?

– Нет.

– А «Обезьяний бой»?

Масахико вскинул глаза и покачал головой.

– Ты, наверное, не очень много чтобы гуляешь?

– Да нет, гуляю. – Короткая улыбка. – По «Застенному городу».

– Я хочу сходить в этот клуб, «Обезьяний бой», только он мог сменить название. Это где-то в Синдзюку. Есть такая станция метро, я на ней садилась.

– В такое время все клубы закрыты.

– Ничего. Ты только покажи мне, где это. Назад я и сама доберусь.

– Не могу. Мне нужно вернуться в «Застенный город». Уйма дел. Найди адрес этого клуба, и я объясню твоему компьютеру, как туда дойти.

Оно конечно, «Сэндбендерс» нашел бы дорогу куда угодно, но ей совсем не хотелось идти одной. И Масахико годился в провожатые куда лучше, чем Мицуко с ее беззаветной преданностью этому ихнему отделению. Что же касается клуба, Кья не столько даже хотела попасть *туда*, сколько уйти *отсюда*. Куда угодно. Сона Роса не на шутку встревожила ее своим рассказом. Кто-то знает, что она здесь. И что теперь делать с этой штукой в сумке?

– Он тебе понравился, верно? – спросила Кья, указывая на «Сэндбендерс».

– Да, – кивнул Масахико.

– А софт еще лучше. У меня там есть эмулятор для установки виртуального «Сэндбендерса» в любую операционную систему, хоть бы и в твою. Отвези меня в «Обезьяний бой» и бери скачивай.

Глядя на шагавшего рядом Масахико, Кья не могла отделаться от впечатления, что ему на улице вроде как неуютно. А может, даже не на улице, а вообще под открытым небом. Перед выходом он сменил серые треники на черные – и такие же мешковатые – хлопчатобумажные брюки, схваченные в щиколотках черными нейлоновыми резинками, а бумажные

шлепанцы – на грубые черные ботинки. Черная куртка осталась та же, но теперь ее дополнила черная кепка. Масахико сильно надвинул кепку вперед, так что короткий козырек навис прямо над глазами.

– А ты всегда жил здесь? – спросила Кья. – В смысле, в этом районе?

– Я живу в «Застенном городе», – пожал плечами Масахико.

– Мицуко так мне и говорила. Это вроде как мультиюзерный домен?

– «Застенный город» не похож ни на что.

– Ты дай мне потом адрес, ладно? Я тоже посмотрю этот ваш город.

Тротуар перекинулся через бетонный желоб, по которому текла мутно-серая вода. Кья вспомнила Венецию. Когда-то и здесь была настоящая речка, наверное.

– У него нет адреса, – сказал Масахико.

– Чего? – удивилась Кья. – Так не бывает.

Масахико смолчал.

Кья снова начала думать о том, что она увидела, вскрыв желто-голубой пластиковый мешок. Странная какая-то штука. Плоская, прямоугольная, темно-серая. Какой-нибудь из этих хитрых пластиков, в которых есть металл. На одном конце – ровные ряды маленьких дырочек, на другом – фигурные выступы, металлические и пластиковые, но тут пластик какой-то другой. И никак вроде не открывается, швов не видно. Без маркировки. Не бренчит, когда потрясешь. Стоило бы проверить по справочнику «На что похожи вещи», но где там, в такой спешке. Масахико остался внизу переодеваться и должен был прийти с минуты на минуту, так что слава еще богу, что хватило времени вспороть мешок швейцарским армейским ножом (нумерованный экземпляр из сувенирной серии в честь «Ло/Рез», собственность Мицуко) и посмотреть, что там внутри. Ну и что же теперь с этой штукой делать? Кья торопливо огляделась, но Мицуко развела в своей комнате такую чистоту, что плюнуть некуда, не то что вещь заныкать.

Тем временем на лестнице послышались шаги Масахико, и она без дальнейших размышлений засунула непонятное устройство назад в сумку. Где оно и пребывало, на пару с «Сэндбендерсом», сумка же в настоящий момент висела у нее на плече. Глупость? Вполне возможно. Но так уж оно вышло, и ничего тут не поделаешь.

Билеты в метро купила Кья, по полученной от Келси карточке.

19
Арли

Лейни распрощался с Блэкуэллом, захлопнул дверцу машины и вошел в гостиницу. Там его ждал факс от Райделла. Факс, отосланный из «Счастливого дракона», круглосуточной лавки на бульваре Сансет, разительно контрастировал с роскошной, благородно-сероватой бумагой фирменного бланка, на которой его распечатали. Улыбающийся дракончик с дымом из ноздрей расположился прямо под рельефно оттиснутым серебряным логотипом гостиницы, «Колпаком злого эльфа», в терминологии Лейни. Колпак там или не колпак, но декораторы гостиницы влюбились в эту загогулину с такой страстью, что построили на ее основе все оформление фойе. В номера она, правда, не просочилась – к крайней радости Лейни.

Райделл написал текст фломастером, поразительно аккуратными печатными буквами.

Факс был адресован К. ЛЕЙНИ, ПОСТОЯЛЬЦУ, и К. Лейни, постоялец, прочитал его уже в лифте.

Я ДУМАЮ, ОНИ ЗНАЮТ, ГДЕ ТЫ НАХОДИШЬСЯ. ОНА И ДНЕВНОЙ ПОРТЬЕ ПИЛИ В ФОЙЕ КОФЕ И ВСЕ ПОГЛЯДЫВАЛИ НА МЕНЯ. ОН СПРОСТА МОГ ПРОВЕРИТЬ СПИСОК ИСХОДЯЩИХ ЗВОНКОВ. ГЛУПОСТЬ Я СМОРОЗИЛ, НЕ НУЖНО БЫЛО ТЕБЕ ЗВОНИТЬ С ЭТОГО АППАРАТА. ИЗВИНИ. КАК БЫ ТАМ НИ БЫЛО, ПОТОМ ОНА И ДРУГИЕ БЫСТРЕНЬКО ОТСЮДА СЪЕХАЛИ, ОСТАВИЛИ ТОЛЬКО ПАРУ ТЕХНИКОВ СОБИРАТЬ ХОЗЯЙСТВО. ОДИН ТЕХНИК СКАЗАЛ ЧИНГИЗУ ИЗ ГАРАЖА, ЧТО ЧАСТЬ ИХ КОМАНДЫ УЖЕ ЛЕТИТ В ЯПОНИЮ, И ОН РАДОВАЛСЯ, ЧТО НЕ ПОПАЛ В ЭТУ ЧАСТЬ. ПОГЛЯДЫВАЙ ПО СТОРОНАМ, О’КЕЙ? РАЙДЕЛЛ.

– О’кей, – сказал Лейни.

Однажды ночью, когда не спалось, он махнул на все Райделловы предупреждения и прогулялся до «Счастливого дракона». И ничего вроде бы страшного, если не считать страхолюдных бионических проституток, маячивших чуть не на каждом углу. Некие безвестные живописцы украсили одну из стен «Счастливого дракона» мемориальной фреской в честь Дж. Д. Шейпли, а персоналу достало здравого смысла ее не трогать, что послужило еще большей культурной интеграции круглосуточного магазинчика в повседневную – и тоже круглосуточную – жизнь Стрипа. В «Драконе» можно было купить буррито, лотерейный билет, батарейки, тесты на самые различные заболевания. Отсюда

можно было отправить мейл, войс-мейл или факс. Лейни пришло в голову, что ведь этот магазин – единственный на *мили* вокруг, где продается что-то действительно *нужное*, все остальные торговали такими вещами, что и не придумаешь, кому бы и зачем могли они понадобиться.

В коридоре, по пути к своему номеру, он прочитал факс еще раз и только потом вложил карточку-ключ в щель замка.

Посреди безукоризненно застеленной кровати стояла неглубокая корзиночка с какими-то незнакомыми вещами. По ближайшем рассмотрении оказалось, что это его собственные трусы и носки, выстиранные, выглаженные и разложенные по бумажным конвертикам со все тем же тисненым эльфийским колпаком. Когда Лейни открыл узкую дверцу зеркального шкафа, вспыхнувшая внутри лампочка осветила аккуратно развешенные по плечикам рубашки – в том числе и те, синие, над которыми измывалась Кэти Торранс. Все они выглядели как новенькие. «Шаг строчки», – сказал Лейни, тронув в меру накрахмаленный манжет. И взглянул на вдвое сложенный факс. И снова подумал про Кэти Торранс, коршуном несущуюся из Лос-Анджелеса в Токио. По его голову. Лейни неожиданно осознал, что не может представить ее спящей. Он никогда не видел, как Кэти спит, и был странным образом уверен, что она делает это неохотно, по досадной необходимости. Вот и сейчас, в парадоксальной тишине сверхзвукового полета, она не спит, смотрит на экран своего компьютера либо в серую пустоту окна.

Думая о нем.

Мягкий, мелодичный звон заставил Лейни подпрыгнуть. Он повернулся к самовольно ожившему телевизору и увидел на экране эмблему Би-би-си. Второй видеофильм про Реза.

К тому времени, как в дверь позвонили, фильм уже вовсю разогнался. Рез в потертой и вылинявшей военной форме без знаков различия пробирался по узенькой тропе сквозь какие-то джунгли. Попутно он намурлыкивал некую мелодию, пробуя ее и так и сяк, смещая тона и акценты. Его голая грудь лоснилась от пота, а когда рубашка распахивалась пошире, мелькала татуировка из и-цзиновых гексаграмм. В его руке была бамбуковая палка, он расчищал ею путь, отшвыривая свисающие сверху лианы. У Лейни было сильное подозрение, что вот эта едва нащупанная, еще лишенная слов мелодия превратилась позднее во всемирно известную, издававшуюся миллиардными тиражами балладу, но он никак не мог сообразить, в какую именно. В дверь снова позвонили.

Он встал, пересек комнату и нажал кнопку переговорного

устройства.

– Да?

– Хелло!

Голос женский.

Лейни тронул пальцем маленький, вмонтированный в дверной косяк экранчик и увидел женщину. Брюнетку. С челкой. Блэкуэллову техничку. Он нажал кнопку замка, а затем распахнул дверь.

– Ямадзаки решил, что нам с вами нужно побеседовать, – сказала женщина.

Она успела переодеться в черный костюм с узкой юбкой и черные чулки.

– А чего ж вы фургон-то не покупаете? – поинтересовался Лейни, пропуская ее в комнату.

– Уже купила. – Нежданная гостья прикрыла за собой дверь. – Если уж эта контора решила швырять деньги, она будет швырять деньги. Как правило, не туда, куда надо. – Она взглянула на экран, на Реза, который все еще продирался сквозь джунгли, отмахиваясь от комаров и шлифуя свежесочиненную мелодию. – Домашнее задание?

– Ямадзаки.

– Арли Маккрей. – Брюнетка открыла маленькую черную сумочку и протянула Лейни визитку. Имя, фамилия, четыре телефонных номера, два адреса, оба – электронные. – А у вас есть визитка, мистер Лейни?

– Колин. Нет. Нет у меня визитки.

– Обратитесь к портье, он вам мигом сварганит. Здесь у каждого есть визитка.

– Правда? – Лейни положил карточку в карман рубашки. – А почему же Блэкуэлл не дал мне свою? И Ямадзаки тоже.

– У каждого за пределами конторы «Ло/Рез». Непременный предмет туалета, как носки.

– Носки у меня есть. – Лейни указал на бельевую корзинку. – Есть желание посмотреть английский документальный фильм о «Ло/Рез»?

– Нет.

– Не хочется вырубать. Он же узнает.

– Можно убавить громкость. Вручную. – Арли подошла к телевизору и прикрутила ручку.

– Специалистка, – восхитился Лейни.

– Вооруженная фургоном. И горой оборудования, от которого ни на грош толку.

Она села в одно из двух кресел и закинула ногу за ногу.

– Не ваша вина. – Лейни сел во второе кресло. – Вы

обеспечили мне доступ к данным. Вот только не те это данные, с какими я могу работать.

– Ямадзаки рассказал мне, что за штуки вы вроде бы как умеете делать. Я ему не поверила.

– Не поверили, так не поверили, – пожал плечами Лейни. – Ничем не могу помочь.

На внутренней стороне ее левой икры белели три нарочито примитивных оттиска улыбающегося солнца.

– Они прямо вытканы. Каталонская мода.

– Надеюсь, – сказал Лейни, – вы не попросите меня объяснить, за что эти люди мне платят. За какую такую планируемую работу. Я и сам этого не знаю.

– Не беспокойтесь. Я здесь последняя спица в колеснице. – Арли поменяла ноги. На правой икре солнечных дисков не было. – Лично мне платят сейчас за то, чтобы я определила, что можем мы дать вам из того, что позволит вам сделать то, что вы, как предполагается, можете сделать.

Лейни взглянул на экран. Теперь шли кадры, снятые на каком-то концерте. Рез приплясывал и беззвучно пел в радиомикрофон.

– Вы ведь видели уже этот фильм, верно? Все эти «сино-кельтские» заморочки в интервью, неужели он это всерьез?

– Вы с ним еще не встречались?

– Нет.

– Трудное это дело, определить, что у Реза всерьез, а что нет.

– Но как может существовать этот самый «синокельтский» мистицизм, если у китайцев и кельтов нет общей истории?

– Дело в том, что Рез наполовину китаец, наполовину ирландец. И если есть хоть что-то, к чему он относится с полной серьезностью…

– Да?

– …то это Рез.

Поющего в микрофон Реза сменил на экране Ло со своей гитарой. Крупный план пальцев, бешено бегающих по черному блестящему грифу. Чуть раньше почтенный британский гитарист, облаченный в восхитительный твидовый костюм, вещал, как они ну никак не ожидали, что из недр тайваньской попсы явится миру новый Хендрикс. Так они же вроде и первого никак не ожидали.

– Я уже слышала, как это с вами все случилось, – сказала Арли Маккрей. – Ямадзаки меня просветил. Но не до конца.

Лейни прикрыл глаза.

– Передача так и не пошла в эфир. «Без тормозов» забросили этот проект. Почему?

Он взял за обычай завтракать на берегу небольшого овального пруда, за невзрачными дощатыми домиками – позднейшим добавлением к «Шато», как сказал Райделл. Блаженные минуты, когда он принадлежал самому себе, заканчивались с появлением Райса Дэниелза, что происходило, как правило, где-то поближе к концу большого, на три чашки, кофейника, перед яичницей с беконом.

Дэниелз подходил к его столику «легким, пружинистым шагом», иначе, пожалуй, и не скажешь. Лейни был склонен связать эту козликовую резвость с употреблением наркотиков, чему не имелось ровно никаких доказательств. Более того, Дэниелз вообще не был замечен в пристрастии к каким бы то ни было излишествам, если не считать бессчетного множества чашек декофенизированного эспрессо с завитками лимонной цедры. Он предпочитал мягкие, крупной вязки костюмы и рубашки без воротничка.

Этим утром Дэниелз был не один, и Лейни сразу заметил, что шагает он скучно, без настроения, что во всем его облике чувствуется какая-то горестная обида, даже всегдашние черные очочки казались сейчас тисками, болезненно сжимающими исстрадавшуюся голову. Его спутником был седовласый господин в темно-коричневом, консервативного покроя костюме, обветренный и загорелый, с внушительным рубильником, выпирающим из огромных, чуть не вполлица, солнечных очков. На ногах этого колоритного персонажа были черные, аллигаторовой кожи сапоги «увези меня на ранчо», в руках – видавший виды портфель из дубленой, потемневшей от времени кожи; порванная когда-то ручка портфеля была аккуратно замотана проволокой типа той, какой на плантациях увязывают кипы хлопка.

– Лейни, – возгласил, подойдя к столику, Райс Дэниелз, – это Аарон Персли.

– Да ты не вставай, сынок, – сказал Персли, хотя Лейни и в мыслях не имел вставать. – Вон же, там этот парень несет тебе завтрак.

Со стороны дощатых домиков шел один из монголов-официантов с подносом. Персли сел на белый, из гнутых металлических трубок стул и раскрыл свой заслуженный портфель. Официант подал Лейни яичницу. Лейни подписал счет, добавив пятнадцать процентов чаевых. Персли перебирал содержимое своего портфеля. На каждой его руке было по шесть колец, некоторые – с бирюзой. Лейни никогда еще не видел, чтобы человек носил при себе столько бумажных документов.

– Вы адвокат, – сказал Лейни. – По телевизору.

– И во плоти, сынок, и во плоти.

Персли регулярно появлялся в программе «Копы влипли», а до того прославился, защищая всяких знаменитостей. Дэниелз так и не сел, он стоял за спиной Персли в не характерной для себя позе, уныло ссутулившись и засунув руки в карманы.

– А вот и оно, – возвестил Персли, доставая из портфеля несколько листов голубоватой бумаги. – Да ты ешь, сынок, а то остынет.

– Вы бы сели, – посоветовал Лейни Дэниелзу.

Дэниелз страдальчески поморщился.

– Ну так вот, – сказал Персли, – здесь написано, что в возрасте от двенадцати до семнадцати лет ты воспитывался в Федеральном гейнсвиллском детском приюте.

– Да, – кивнул Лейни, не отрывая глаз от яичницы.

– И в этот период времени ты неоднократно принимал участие в испытании медицинских препаратов? Ты был подопытным?

– Да, – ответил Лейни. Яичница стала какой-то ненастоящей, вроде картинки в журнале.

– Ты делал это абсолютно добровольно?

– Там давали вознаграждение.

– Одним словом – добровольно. Ты принимал когда-нибудь этот самый «пять эс-би»?

– Мы не знали, что там они нам вводят, – сказал Лейни. – Иногда это были просто пустышки.

– «Пять эс-би» никак не спутаешь с никакой пустышкой, да ты, сынок, и сам это, наверно, знаешь.

Что вполне соответствовало истине. Но Лейни молчал.

– Ну, так как же? – Персли снял черные очки. Глаза у него были голубые и холодные, оправленные в паутину тончайших морщин.

– Может, и принимал, – сказал Лейни.

– Вот то-то и оно. – Персли хлопнул себя пачкой бумаг по бедру. – Почти наверняка так оно и было. А знаешь ли ты, как это вещество воздействовало с течением времени на бо`льшую часть подопытных?

Дэниелз выпростал голову из очков и начал мять пальцами переносицу. Глаза его были закрыты.

– Субъекты мужского пола превращаются в маниакальных убийц, они выбирают себе какую-нибудь конкретную жертву, а затем начинают ее выслеживать. – Персли водрузил очки на прежнее место и запихнул синие бумажки в портфель. – Симптомы проявляются далеко не сразу, бывает, что и через много лет. А жертвами становятся, как правило, политики,

телевизионные знаменитости и прочее в этом роде. Потому-то эта отрава и стала теперь одним из *самых* запрещенных веществ в любой, какую ни возьми, стране. Наркотик, вызывающий неудержимое желание выслеживать и убивать политиков, уж его-то *политики* запретили в первую очередь.

– Ко мне все это не относится, – сказал Лейни. – Я не такой, как эти ваши маньяки.

– Да какая разница? – вмешался Дэниелз. – Стоит «Слитскану» указать на малейшую тень такой возможности, и весь наш материал пойдет псу под хвост.

– Понимаешь, сынок, – вздохнул Персли, – они непременно заявят, что ты избрал этот род занятий вполне целенаправленно, руководствуясь неуемной страстью шпионить за знаменитыми людьми. Ведь ты же не рассказывал им про эти эксперименты, верно?

– Нет, – сказал Лейни, – не рассказал.

– Вот то-то и оно. Они скажут, что наняли тебя как прекрасного, высококвалифицированного работника, но твоя квалификации оказалась малость *чересчур* высокой.

– Она не была звездой, – сказал Лейни. – Так что я не понимаю…

– Зато он – звезда, – оборвал его Райс Дэниелз. – И они скажут, что вы охотились *за ним*. И что вообще это была ваша идея. Они будут рвать на себе волосы, что не смогли вовремя вас раскусить. Будут говорить о новых процедурах проверки количественных аналитиков, процедурах, исключающих повторение этой трагической ошибки. И никто, Лейни, *абсолютно* никто не будет смотреть *нашу программу*.

– Вот такая, в общем, картина. – Персли щелкнул замком портфеля и встал. – А что, сынок, это правда настоящий бекон, со свиньи?

– Да вроде да, – пожал плечами Лейни. – И они так говорят.

– Чтоб я так жил! – восхитился Персли. – Вот что значит хороший голливудский отель. Ну, счастливо оставаться, сынок. – Он протянул Лейни руку. – Было очень приятно познакомиться.

Дэниелз не стал утруждать себя никакими прощаниями. А два дня спустя, когда Лейни получил распечатку гостиничного счета, он обнаружил, что отнесение всех расходов на его собственное имя началось с большого кофейника кофе, яичницы с беконом и пятнадцатипроцентных чаевых.

– А они это знают? – спросила Арли Маккрей. – Блэкуэлл знает?

– Нет, – качнул головой Лейни. – Эту часть – нет.

На прикроватной тумбочке белела бумажка – сложенный пополам факс Райделла. *Эту* часть они тоже не знали.

– А что было потом? Что вы сделали?

– Тут еще выяснилось, что я плачу и за часть адвокатов, которых они мне понанимали. Я *не знал*, что мне делать, просто сидел и сидел у этого пруда. В приятной такой расслабленности. Не строил никаких планов, не думал ни о чем конкретном. Вам знакомо такое состояние?

– Возможно.

– А потом я услышал про эту работу, от одного из гостиничных охранников.

Арли медленно покачала головой.

– Что? – спросил Лейни.

– Да так. В этой вашей истории примерно столько же смысла, как и во всем остальном. Может статься, что вы вполне прилично встроитесь.

– Встроюсь? Во что?

Арли взглянула на свои часы. Стальной корпус, черный циферблат, черный нейлоновый ремешок.

– Ужин в восемь, но Рез непременно задержится, у него это в обычаях. Давайте прогуляемся и пропустим по коктейлю. Я попробую рассказать вам все, что я об этом знаю.

– Ну, если вам так хочется…

– Они мне за это платят. – Она распутала ноги и встала. – И это, пожалуй, будет куда труднее, чем волохать тяжелые электронные блоки взад-назад по эскалаторам.

20
«Обезьяний бой»

Серый трепет за окнами бесшумно летящего поезда, не заурядное мелькание бетонных стен, а словно вибрирует там некая мелкодисперсная материя, вибрирует на разрыв, на подкритической частоте, за миг до пришествия нового порядка вещей.

Кья и Масахико сидели между стайкой школьниц в клетчатых юбочках и неопределенного возраста бизнесменом, который с головой ушел в толстый японский комикс. Груди женщины, украшавшей бумажную обложку, были замотаны бечевкой в два тугих конических клубка, соски выпирали наружу, как глаза затравленной жертвы из старого мультика. Издательский художник уделил куда больше внимания точному изображению бечевки, как она там намотана и завязана, чем самим грудям. По лицу женщины струился пот, она в ужасе отшатывалась от чего-то (кого-то?), оставшегося за краем картинки.

Масахико расстегнул две верхние пуговицы черного френча и достал из внутреннего кармана тонкую черную пластинку размером примерно шесть на шесть дюймов. Узкие, бледные пальцы мальчика погладили пластинку слева направо, и на ней вспыхнул узор из тонких, словно унизанных разноцветными бусинками линий. Вот так же точно выглядела лицевая, управляющая грань его компьютера, только там, в затененном подвале, линии казались куда ярче, чем здесь, при ярком свете.

Масахико вгляделся в дисплей, погладил его еще раз, пробежался глазами по изменившемуся узору и помрачнел.

– Кто-то проявляет интерес к моему адресу. И к сестричкиному тоже.

– К ресторанному?

– К нашим юзерским адресам.

– А какой конкретно интерес?

– Не знаю. И мы ведь с ней никак не связаны.

– Разве что через меня.

– Расскажи мне про «Сэндбендерс». – Масахико спрятал дисплей в карман и застегнул френч.

– Все это началось с одной женщины, конструктора интерфейсов, – начала Кья, с радостью переходя на безопасную тему. – Ее муж был ювелиром, он умер потом от разжижения нервов, тогда еще не умели с этим бороться. Так вот, он был убежденным зеленым и дико ненавидел потребительскую

электронику, и даже не ее, а как ее делают. Берут пару литров чипов и плат и засовывают все это в пластиковый корпус. Он говорил, что корпуса эти дребедень, грошовая приманка для глаза, чтобы полегче продать содержимое, и что они неизбежно оказываются потом на свалке, где им и место; можно бы, конечно, переработать, только никто этим обычно не занимается. А поэтому он брал ее, жены своей, технику, корпуса выкидывал, а функциональную начинку вставлял в другие, которые делал сам в своей мастерской, он тогда еще был здоровый. Делал, скажем, для мини-дискового плеера футляр из бронзы, инкрустированный черным деревом, управляющие поверхности вытачивал из мамонтовых бивней, бирюзы, горного хрусталя. Получалось, конечно же, тяжелее, но все равно было много людей, кому такое нравилось, ну, вроде как чтобы их музыка, или там память, и что еще, чтобы все это было в чем-то таком *ощутимом*, что берешь в руки и чувствуешь, что оно *здесь*. И все эти материалы, их и трогать было приятно – металл, полированный камень. А если у тебя такой футляр, то потом, когда производитель выпускает новую модель, электроника там совершеннее или что, ты просто вытаскиваешь из футляра старую начинку и вставляешь новую, и получается, что у тебя вещь вроде та же самая, только работать стала лучше.

Масахико сидел с закрытыми глазами и время от времени чуть кивал, а может, это просто поезд покачивало.

– И вот оказалось, что некоторым людям нравится и это, очень нравится. Он начал получать заказы на изготовление таких штук. Среди самых первых была клавиатура, где все клавиши были вырезаны из пластинок слоновой кости от старого рояля, а цифры на них и буквы инкрустированы серебром. Но потом он заболел…

Масахико открыл глаза, и Кья увидела, что он не просто слушает, а слушает с напряженным вниманием.

– И вот, когда он умер, жена его, софтверный конструктор, стала обо всем этом думать, и ей захотелось продолжить то, что он делал, только в большем масштабе. Она продала акции всех компаний, на которые прежде работала, купила участок земли в Орегоне, на побережье, и…

Поезд остановился у платформы «Синдзюку», все встали и направились к дверям; бизнесмен захлопнул свой сиськовязальный комикс, сунул его под мышку и тоже встал.

Кья стояла, закинув голову, и таращилась на самое странное здание, какое вообще может быть. Оно имело форму, как когда-то рисовали роботов, схематическое подобие человека с туловищем

из цветного – красного, желтого и синего – кирпича. Ноги и вознесенные кверху руки были сделаны из прозрачного пластика на стальном каркасе, по ним проходили лестницы, эскалаторы и плавно изгибающиеся пандусы, из прямоугольного рта вылетали время от времени клубы белого дыма. И все это – на фоне серого, гнетущего неба.

– «Тэцудзин-билдинг», – сказал Масахико, не поднимая глаз от рябящего цветными закорючками дисплея. – Нам не туда.

– А что это такое?

– Осакский институт механических игрушек. А этот твой клуб там.

Он указал налево, мимо фастфудового заведения со странноватым названием «Калифорнийский райх» и еще более странной вывеской: стальная, сильно стилизованная пальма на фоне перекореженного креста. Как-то раз на уроке европейской истории трое «кепарей» разрисовали себе такими крестами руки, так историчка тогда вообще в осадок выпала, но вот пальм они никаких не рисовали, это Кья помнила точно. А потом двое из них сцепились насчет того, куда нужно загибать концы этих крестов, когда рисуешь, направо или налево, и один шарахнул другого электрошоком. Эти гопники всю дорогу с такими ходят, делают их себе из одноразовых фотоаппаратов со вспышкой, и историчке пришлось вызывать полицию.

– «Дом миллиона мокрых листьев», девятый этаж, – сказал Масахико, пробираясь сквозь запрудившую тротуар толпу.

Кья следовала за ним, размышляя, сколько надо времени, чтобы прошел джетлаг, и как вообще отличить его от самой обычной усталости.

Но сильнее усталости, сильнее последствий джетлага было то, что проходило в школьном курсе основ гражданственности под названием «культурный шок». Куда ни посмотришь, все в этом городе было *не так*, до того не так, что не столько уже вызывало интерес, сколько угнетало. Кья ощущала, что ее глаза словно устали подмечать все бесчисленные отклонения от привычного порядка вещей: деревце на тротуаре, заключенное в нечто вроде плетеного чехла, пронзительно-зеленый цвет таксофона, серьезного вида девушка в круглых очках и сером хлопчатобумажном свитере с надписью «Free Vagina»[70].

Первое время она старалась вникать, запоминать все эти вещи, в бессознательной надежде, что со временем они как-нибудь там переварятся и подвергнутся осмыслению, но несообразности шли таким сплошным, нескончаемым потоком, что вскоре бо`льшая их часть стала проскакивать мимо перегруженного сознания – примерно так же, как льется мимо

узкого бутылочного горлышка вода, если пустить слишком сильную струю. В то же самое время у нее было такое чувство, что если вот сейчас взять и прищуриться – ну, не просто прищуриться, а неким специальным, *правильным* образом, – то все это, что вокруг, превратится в Сиэтл, в какую-нибудь из центральных улиц. А рядом будет мама. Ностальгия, так это называется. И каждый раз, когда она шагала левой ногой, ремень сумки болезненно врезался в плечо.

Масахико свернул за угол.

В Токио, похоже, не было проулков – проулков в привычном смысле, узких боковых улочек, где стоят мусорные баки и нет никаких магазинов. Здесь были маленькие улицы на задах больших, и совсем уже крошечные на задах маленьких, но там, на этих улочках, могло быть абсолютно все что угодно: будка сапожника, дорогущая с виду парикмахерская, кондитерский магазин, газетный киоск, где Кья заметила знакомую обложку с замотанными сиськами.

Еще один поворот, и они снова вышли на какую-то улицу, которая уж точно не была проулком, во всяком случае, машины по ней ездили. Одна из этих машин свернула в узкий просвет между зданиями и исчезла. Кья ощутила неприятный холодок. А что, если это как раз и есть клуб этого Эдди, «Виски Клон»? Он же где-то здесь, в этих местах, в Синдзюку. И что такое Синдзюку – квартал или целый городской район? Что, если Эдди и Мэриэлис ее разыскивают?

Они миновали просвет, куда въехала машина. Там было нечто вроде заправочной станции.

– Так куда мы идем? – спросила Кья.

– «Миллион мокрых листьев», – сказал Масахико, указывая вверх.

Высокое, узкое здание, по всей его высоте из углов торчат квадратные щиты с какими-то надписями и логотипами. Примерно такие же, как и все остальные. То, в котором Эдди, было, пожалуй, побольше.

– А как туда попасть?

Они вошли в нечто вроде вестибюля, большое помещение с уймой крошечных магазинчиков по стенам. Слишком много света, зеркал, товаров, в глазах – сплошная рябь. В тесную кабинку лифта, где пахло застоявшимся дымом. Масахико сказал что-то по-японски, и двери закрылись. Коротенькая песня лифта под аккомпанемент нежной, позвякивающей музыки. Лицо Масахико раздраженно нахмурилось.

На девятом этаже лифт остановился и распахнул двери. Кья оказалась носом к носу с плотным, густо припорошенным пылью

мужиком.

– Если ты из журнала, – сказал мужик, вытирая лицо стянутым с головы хайратником, – то зря торопилась. Зайди денька через три.

Кья не могла разобрать, японец он или нет, среднего возраста или старше. Его карие, кошмарно воспаленные глаза прятались под тяжелыми дугами надбровий, в черных, гладко зачесанных назад волосах проглядывала седина.

За спиной мужика что-то грохало и скрежетало, время от времени слышались суматошные крики. Еще один, такой же пыльный мужик толкал оранжевую пластиковую тележку, плотно забитую грязными, кое-как свернутыми проводами и красными с золотом обломками пластика. Заскрипела и рухнула на пол секция подвесного потолка. Новый всплеск криков.

– Я ищу «Обезьяний бой», – сказала Кья.

– А вот тут, наоборот, опоздала ты малость. – На мужике был черный бумажный комбинезон, сквозь дырки на локтях проглядывали голубоватые кружки и стрелы какой-то татуировки под примитив. Он протер тыльной стороной ладони глаза и прищурился. – Так ты что, от этого лондонского журнала?

– Нет, – ответила Кья.

– Нет, – согласился мужик. – Они бы прислали кого постарше. Так откуда ж… – (Треск, грохот, крики. На этот раз секция потолка упала чуть поближе.) – Так откуда ж ты тогда?

– Сиэтл.

– И вы что, слышали про «Обезьяний бой» в этом своем Сиэтле?

– Да…

– Это надо ж такое – в Сиэтле… – Пыльный мужик улыбнулся, но не слишком весело. – А ты что, милочка, и сама как-нибудь с клубами связана?

– Меня зовут Кья Маккензи.

– А меня Дзюн. Хозяин, дизайнер, диджей, все сразу. Но ты, милочка, малость опоздала. Прости уж, пожалуйста. Мой «Обезьяний бой» – вернее, то, что от него осталось, вывозят сейчас на этих вот телегах. Прямиком на свалку. Разбитая мечта – такой же мусор, как и все прочие битые, ломаные вещи. А ведь как тут было здорово все эти три месяца. Ты слышала про нашу шаолиньскую тематику – всю эту штуку с монахами-воинами? – Он горько вздохнул. – Это было *божественно*. От начала до конца. Уже после трех первых ночей окинавские бартендеры выбрили себе головы и нарядились в шафранные балахоны. Я, в диджейской кабине, превзошел самого себя. В этом было некое *прозрение*, ты понимаешь? И это вполне нормально, такова уж

природа зыбкого мира[71]. Торгуя водой (а чем мы еще занимаемся?), поневоле становишься философом. А как зовут твоего друга? Мне нравятся его волосы.

– Это Масахико Мимура, – сказала Кья.

– Люблю этот черный опрощенный стиль, – прицокнул языком Дзюн. – Такая себе богемная биполярность, Мисима и Дитрих в одном флаконе.

Масахико нахмурился.

– А куда же вы теперь? – спросила Кья. – Теперь, когда «Обезьяний бой» закрылся?

– Куда? – Дзюн как-то сразу поскучнел. – Мало ли на свете клубов. Но дизайна мне не дадут. Скажут, что я продался. Ну продался, ну и что. Все равно я сохраняю руководство, приличное жалованье, квартиру, но вот концепция… – Он отрешенно пожал плечами и снова натянул на голову хайратник.

– Вы были здесь в ту ночь, когда Рез прилюдно заявил, что хочет жениться на идору?

Лоб Дзюна сошелся морщинами, хайратник пополз вверх.

– Мне пришлось подписать определенное соглашение, – сказал он. – Ты *точно* не от журнала?

– Точно.

– Не приди он сюда тем вечером, мы бы крутились себе и крутились. Да и вообще такие, как он, совсем не по нашей части. Вот была у нас Мария Пас, сразу после того, как она разбежалась со своим бойфрендом, этим пиаровским чудищем, так репортеров налетело, как мух на говно. Она же здесь самый топ, ты это знаешь? А когда заходил Синий Ахмед из «Крутого Корана», пресса считай что и не заметила. Ну, правда, что касается Реза и его компании, тут уж с прессой проблемы не было. Прислал сюда своего гувернера, здоровенного мужика с рожей, словно на ней мясо рубили. Тот прямо ко мне и говорит, что Рез прослышал про наше заведение и думает забежать с небольшой компанией, и не могли бы мы организовать столик, чтобы вроде как приватно… Правду говоря, я даже сразу не врубился – какой такой *Рез*? Потом-то, конечно, в мозгах щелкнуло, и я сказал да, с преогромным. Мы поставили столик подальше от сцены и даже одолжили у ребят из заведения сверху красный шнурок на столбиках.

– И он пришел? Рез?

– Как штык. Через час – вот он, пожалуйста. Улыбался, руки жал, расписывался на чем ни попросят, хотя, в общем, его не то чтобы рвали на части. С ним четыре женщины и два мужика, это не считая того гувернера. Очень приличный черный костюм. Йодзи. Малость помятый. Рез, в смысле. Был, похоже, где-то на

ужине, ну и принял на грудь. Много смеялся, ну, ты понимаешь. – Дзюн повернулся и что-то сказал одному из подсобников, парню в обувке на манер черных кожаных носков с отдельным большим пальцем.

Кья пыталась представить себе Реза за столиком, вместе с кучей других людей, за красным шнурком на столбиках, а на заднем плане – японскую тусовку, занятую чем уж там занимается японская тусовка в таком клубе. Пляшет? Да и вообще – что это был за клуб, этот «Обезьяний бой»?

– А потом наш мальчонка встает, в туалет ему надо. Громила этот тоже хочет встать, но мальчонка машет ему, чтоб сидел. За столиком хохочут, все, кроме громилы, а у громилы рожа кислая. Две телки тоже встают, вроде как *они* его проводят, но он и им машет остаться, и снова хохот. А народ, кроме тех, за его столиком, на него особенно и не смотрит. Я как раз собирался минут через пять в кабину с подборкой вконец суровой североафриканщины, так присматривался к народу, чтобы быть в струе, знать, когда это лучше вбросить. Так вот, он прошел через весь зал, и его заметили разве что один-двое, да и те не остановились, продолжали плясать.

Да что же это был за клуб, где даже Реза не замечали?

– И я вот, значит, думаю о своей подборке, в какой давать последовательности, и вдруг он прямо передо мной. Улыбается, как не могу. Глаза какие-то непонятные. Хотя я не стал бы вот так божиться, что это из-за чего-то там такого, что он сделал в туалете, – ну, ты понимаешь, про что я.

Кья кивнула, хотя напрочь не понимала, *про что* он.

– А не буду ли я возражать, спросил он, положив мне руку на плечо, если он скажет всей нашей публике несколько слов. И что он давно уже обдумывает одну вещь, а теперь как раз принял решение и хочет поделиться своей радостью с людьми. Тут рядом с нами *материализовался* его гувернер и захотел узнать, что, какие-нибудь трудности? Да никаких трудностей, сказал Рез и сжал мое плечо, вроде как заговорщицки, а просто он хочет сказать публике пару слов.

Кья взглянула на плечи Дзюна, прикидывая, какое из них было тогда сжато Резовой рукой.

– Ну, так он, в общем, и сделал, – подытожил Дзюн.

– Но что же он все-таки сказал? – спросила Кья.

– Да ничего он, милочка, хорошего не сказал, грузил что ни попадя. Эволюция, технология чувств, необходимость для человечества найти красоту в новом, нарождающемся порядке вещей, какая-то там софтверная игрушка для пиздострадателей и его собственная жгучая потребность сойтись с ней поближе.

Хрень. Собачья. – Дзюн приподнял хайратник повыше, но уже через мгновение тот снова сполз ему на лоб. – И вот, *из-за того, что он это сделал*, раззявил пасть в моем клубе, Ло дробь трижды долбаный Рез *купил* этот долбаный клуб. А заодно и меня самого, я дал подписку, что не буду говорить *ни с кем* из вас *ни о чем* из этого. А теперь, милочка, с твоего разрешения и с разрешения твоего очаровательного друга, я хоть немного поработаю.

21
Стоялец

На ближнем к гостинице перекрестке толпа прохожих равнодушно обтекала тощую, неестественно высокую фигуру с рекламными щитами на груди и спине. По щитам непрерывно бежали столбики иероглифов. Время от времени сэндвичмен покачивался и судорожно переступал ходулями, его лицо пряталось под остроконечным капюшоном белого бумажного плаща и противогазной маской.

– Что это? – спросил Лейни.

– Где? – Шагавшая впереди Арли обернулась и проследила за направлением его взгляда. – «Новая логика». Секта такая. Они считают, что как только суммарная масса нервной ткани рода человеческого достигнет некой критической величины, наступит конец света.

На грудном щитке сэндвичмена возникло длинное многозначное число.

– Вот эта, что ли, величина? – спросил Лейни.

– Нет, это их текущая оценка нервной массы на настоящий момент.

На Арли был короткий черный плащ. Пока она ходила за этим плащом к себе в номер, Лейни поменял белье, носки и рубашку. Рубашку он выбрал синюю, малайзийскую и застегнул ее до самого верха, размышляя при этом, все ли сотрудники «Ло/Рез», приехавшие сейчас в Токио, остановились в этой гостинице или не все.

Проходя мимо сэндвичмена, Лейни увидел сквозь стекло противогаза его глаза. Суровые и спокойные. А ходули у него были суставчатые, из какого-то легкого сплава, точно такие, с помощью которых работяги устанавливают подвесные потолки.

– А что это будет за конец света? Война? Потоп?

– Новый порядок вещей. Подробнее они не рассказывают. Рез тоже было начал ими интересоваться. Пытался получить аудиенцию у их основателя.

– Ну и?

– По нулям. Основатель сказал, что Рез зарабатывает на манипуляциях с нервной тканью своих слушателей и это делает его неприкасаемым.

– Рез сильно расстроился?

– Да нет вроде бы. Если верить Блэкуэллу, это даже подняло ему настроение.

– А так он что, чаще не в настроении? – Лейни отшагнул в сторону, пропуская парня, катившего навстречу им велосипед.

– Я бы просто сказала, что Реза волнуют совсем не те проблемы, которые волнуют других людей, бо`льшую их часть.

Рядом с ними полз, чуть не заезжая на тротуар, темно-зеленый минивэн с гнутыми зеркальными боками и номерными платами, светящимися и подмигивающими, как консоль игрового автомата.

– Мне кажется, за нами следят, – встревожился Лейни.

– Надеюсь. Вообще-то, я хотела другой, такого таракана с блестящими усами, чтобы поребрик нащупывать, но из-за спешки пришлось ограничиться номерными знаками в «специальном исполнении». Он сам за тобой ходит, всюду, как собачка. А припарковаться в этих краях – задачка потруднее, чем все то, что хочет от тебя Блэкуэлл.

Узкая, крутая лестница вниз, стены сплошь заляпаны розовыми комками, неприятно похожими на воспаленные гланды. Лейни резко остановился, но тут же заметил вывеску, надпись, выложенную сотнями разноцветных продолговатых лепешечек: «LE CHICLE». Вопреки обещанию Арли, *сюда* фургончик не поехал.

«Жевательная резинка, – подумал Лейни. – Тематический бар. А я уже не очень и удивляюсь, привык». И все же стены из жеваной жвачки вызывали у него легкую тошноту; спускаясь вслед за Арли, он старался держаться от них подальше.

Спускаясь. В серое и мучнисто-розовое, на этот раз – представляющие продукт нежеваный, огромные, во всю стену бруски его, увешанные рекламами и вывесками его неоспоримой родины. Жесть с набивной печатью и древний, в рамки вставленный картон с искусной, как в музее, подсветкой. Кумиры и идолы жвачки. И главный из них – Базука Джо[72], личность для Лейни неизвестная.

– Часто сюда заглядываете? – спросил Лейни, пристраиваясь на круглую табуретку с пухлым сиденьем какого-то совсем уж кошмарного, жвачно-розового цвета. Поверхность стойки была сплошь облеплена обертками от жвачки.

– Да, – кивнула Арли, – но просто потому, что это заведение не пользуется особой популярностью. К тому же здесь не курят, большая для Японии редкость.

– А что такое «Блэк Блэк»? – Он указал на вставленный в рамку плакат с изображением старинного автомобиля, несущегося сквозь еле намеченный городской пейзаж. Под надписью «Блэк Блэк» чернели иероглифы, выполненные в японском варианте ар-деко[73].

– Жвачка. Ее все еще выпускают. Очень популярная у

водителей такси. Из-за кофеина.

– Кофеин? В жвачке?

– А бодрящую жвачку с никотином не пробовали? Здесь продают.

– Я уж лучше возьму пива.

Когда официантка в некоем серебристом, исчезающе малом подобии шортов и пушистом, оглушительно розовом лифчике приняла у них заказ, Арли открыла свою сумочку, достала ноутбук и быстро пробежалась по клавиатуре.

– Здесь линейные топографии части структур, с которыми вы сегодня знакомились. – Она передала ноутбук Лейни. – В формате «Риалтри семь-два».

Лейни бегло просмотрел несколько картинок. Сплошь какие-то абстрактные, стереометрические построения.

– Я этого не понимаю.

Арли налила себе сакэ.

– Вы действительно получили подготовку в «Дейтамерике»?

– Меня натаскивали какие-то французы. Страстные любители тенниса.

– Мы получили «Риалтри» в «Дейтамерике». Их лучший инструмент количественного анализа. – Она закрыла ноутбук и спрятала его в сумочку.

Лейни налил себе пива, отхлебнул и отставил стакан.

– А вам ничего не говорит название «TIDAL»?

– «TIDAL»?

– Аббревиатура. Наверное.

– Нет. – Арли взяла фарфоровую чашечку и подула на сакэ, как ребенок – на горячий чай.

– Это тоже их инструмент, а может, предварительная разработка. Очень сомнительно, чтобы готовый продукт уже вышел на рынок. Вот тогда-то, работая по проекту «TIDAL», я и научился искать узловые точки.

– О'кей, – кивнула Арли. – Но что это такое, эти ваши узловые точки?

– Это примерно как высматривать корабли и верблюдов в рисунке облаков. – Лейни взглянул на узкий ободок пены, прилипший к стенкам стакана. – Только тут ты видишь *реальные* вещи.

– Верблюды? – Арли поставила чашечку. – Ямадзаки заверял, что вы не сумасшедший.

– Это не сумасшествие, просто я как-то там по-особому обрабатываю широкополосные сигналы. Нечто связанное с распознаванием образов.

– И на основе всего этого, что вы мне рассказываете,

слитскановцы взяли вас на работу?

– Они взяли меня на работу, когда я продемонстрировал им, что узловые точки *работают*. С данными, которые вы мне сегодня предоставили, я такого сделать не могу.

– Почему?

– А вы попробуйте выпить на пару с банком. Он не личность. Он не пьет. Его никуда не пригласишь, никуда не посадишь. – Лейни отхлебнул пива, чуть подумал и допил стакан до конца. – Рез не порождает нужных мне структур, потому что никогда ничего не делает сам, только через посредников. Это все равно что выискивать в годовом отчете какой-нибудь корпорации привычки и пристрастия председателя совета директоров. Их там нет. Файлы, которые вы мне предоставили утром, ничуть не информативнее этих картинок в вашем ноутбуке. Знакомясь с каким-нибудь конкретным разделом, я не ощущаю, как эти вот данные связаны со всеми остальными. Мне нужна *взаимосвязанность*. – Он побарабанил пальцами по залитым в пластик оберткам от жвачки. – Где-то там в Ирландии. Дом с видом на море. Пустой, ни души. Записи о снабжении: зубная паста, крем для бритья…

– Я была там, – сказала Арли. – Он купил это поместье у одного пожилого музыканта. Ирландца. Очень живописное. Чем-то похоже на Италию.

– Как вы думаете, он повезет туда эту свою идору, когда они с ней окрутятся?

– Никто не понимает, что же, собственно, имел он в виду, говоря, что хочет на ней «жениться».

– Потом, квартира в Стокгольме. Огромная. В каждой комнате по огромной изразцовой печке.

– Этой я не знаю. У него же масса квартир и домов по всему миру, часть этого жилья держится в большом секрете. Поместье на юге Франции, особняк в Лондоне, квартиры в Нью-Йорке, Париже, Барселоне… Когда разразился этот скандал с идору, я как раз работала в каталонском офисе, доводила до ума их хозяйство, а заодно и то, что в Испании. А теперь вот торчу здесь, с самого того времени.

– Но вы его знаете? Знали его прежде?

– Рез, мистер Лейни, это пуп мира, в котором я работаю. Пуп можно видеть, но *знать*…

– А как насчет Ло?

– Спокойный. Очень. Умный. Очень. – Арли хмуро взглянула на чашку с сакэ. – Я не думаю, чтобы эта история так уж волновала Ло. Сдается, он и всю-то их карьеру воспринимает как некий забавный казус, выверт судьбы, не имеющий ни причин, ни

последствий.

– Всю? И даже то, что его партнер решил жениться на некоей виртуальной особе?

– Ло рассказал мне как-то одну историю из своей прошлой жизни. Дело было в Гонконге, он нанялся там помогать уличному торговцу супом. У торговца была тележка с котлом, суп варили прямо здесь же, на улице. Он говорит, что их тележка была в деле уже более полувека, и главный секрет супового бизнеса состоял в том, чтобы никогда не мыть котел. Они варили суп все время, без малейшего перерыва. По сути дела, они пятьдесят лет подряд продавали один и тот же рыбный суп, один и тот же и не один и тот же, потому что они постоянно добавляли туда какие-то новые ингредиенты, те, что удавалось достать. Он сказал, что воспринимает свою музыкальную карьеру как нечто подобное, и это ему нравится. Ну а Блэкуэлл говорит, что если бы Рез был таким же, как Ло, то он, Блэкуэлл, и по сю пору сидел бы за решеткой.

– Почему?

– Блэкуэлл тянул девятилетний срок в австралийской тюрьме максимально строгого режима, и тут вдруг Резу вздумалось посетить как раз эту тюрьму. Дать концерт для заключенных. Сольник. Ло и остальные отказались, считая эту затею слишком опасной, их предупредили, что тамошняя публика вполне способна взбунтоваться и взять заезжих филантропов в заложники. Администрация тюрьмы отказалась брать на себя ответственность за возможные последствия и потребовала от Реза расписку, что его предупредили. Рез дал им эту расписку. Все его охранники тут же уволились. Он пошел в тюрьму с двумя гитарами, беспроводным микрофоном и минимальным комплектом усилительной аппаратуры. Во время концерта вспыхнул бунт. Судя по всему, заводилами были итальянцы, арестованные и осужденные в Мельбурне. Пятеро из них затащили Реза в тюремную прачечную – глухое, без окон, помещение, где было легче организовать оборону. Они сказали Резу, что убьют его, если он не сможет договориться с администрацией об их освобождении. Грозились отрезать ему как минимум один палец, чтобы поотчетливее показать серьезность своих намерений. Или что-нибудь из более интимных частей тела, хотя вполне возможно, что тут они просто хотели напугать его посильнее. Напугали. – Арли подозвала пушистую официантку и заказала еще сакэ. – Блэкуэлл, который был крайне раздражен срывом понравившегося ему концерта, появился в прачечной минут через сорок после того, как Реза взяли в заложники. Ни Рез, ни итальянцы не видели, как он туда вошел,

для итальянцев это стало полной неожиданностью. – Официантка поставила перед Арли чашечку, забрала пустую и отошла. – Он убил троих из этой компании, томагавком. Проломил им головы, как рассказывает Рез. Одному, другому, третьему. Спокойно, безо всякой суеты.

– Томагавк?

– Нечто вроде узкого топорика с острым шипом на обухе. Страшное оружие, если в умелых руках. Блэкуэлл настолько уважает томагавк, что даже им клянется. Остальные двое успели убежать. Но потом, когда бунт был подавлен и стали разбираться, оказалось, что и они как-то там погибли. Лично я думаю, что их убили либо Блэкуэлл, либо его дружки, чтобы Рез остался единственным очевидцем убийства тех троих. Ну а потом Блэкуэлл отвел Реза к баррикаде, возведенной тюремщиками посреди прогулочного двора, и сдал им с рук на руки. – Арли отхлебнула из чашечки. – Резовы юристы взяли дело Блэкуэлла, накопали каких-то мелких процедурных нарушений, и через три месяца приговор был отменен, а нового обвинения, в этом самом тройном убийстве, ему так и не предъявили. С тех пор они неразлучны.

– А за что он сидел, Блэкуэлл?

– Убийство. Вы знаете, что такое «стоялец»?

– Нет.

– Это чисто австралийская реалия. Я склонна думать, что такое явление и не могло бы возникнуть нигде, кроме культуры, основы которой были заложены каторжниками, хотя мои австралийские друзья напрочь с этим не согласны. «Стоялец» – это волк-одиночка, хищник, охотящийся на других преступников, достаточно богатых, а зачастую и крайне опасных. Он ловит их, а затем «стоит» над ними.

– Что это значит?

– Пытками вымогает у них деньги. И ведь ему приходится иметь дело с весьма серьезными мужиками, у которых есть охрана, бдительно следящая, чтобы ничего подобного не случилось…

– Пытками?

– Есть еще родственный термин – «педикюрщик», только педикюр тут проводится весьма радикальный, под корень пальца. Ну а узнав у них все необходимое, он их убивает.

Блэкуэлл возник рядом с ними неожиданно и бесшумно, огромная фигура в черном клеенчатом плаще на фоне выгоревших американских реклам и настенного многоцветия жвачки. Его изрезанный скальп надежно скрывался под тульей черной клеенчатой шляпы.

– Арли, дорогая, да никак ты поминаешь некое имя всуе?

Но на лице его играла улыбка.

– Я тут знакомила мистера Лейни с ранними периодами вашего жизненного пути. Мы только что добрались до салона красоты, а вы пришли и все испортили.

– Ничего страшного. Обед сдвинут на попозже, по просьбе Роззера. Я вас подброшу. Место встречи тоже поменялось. Надеюсь, вы не будете сильно возражать.

– И что это такое за место? – Арли отхлебнула сакэ, словно и не собиралась никуда идти.

– «Западный мир».

– Ну вот, – вздохнула она. – А я-то надела парадные туфли.

22
Гоми-бой

Теперь в поезде не то что сесть, протолкнуться было трудно, и правила зрительного контакта тоже вроде изменились, хотя Кья и не могла понять, как именно. Ее сумка с «Сэндбендерсом» плотно притиснулась к спине Масахико, который снова работал со своим дисплеем, держа его перед глазами примерно так же, как пассажиры переполненной утренней электрички – газету, сложенную квадратиком на нужной статье.

Назад в ресторан ихнего отца, а потом – неизвестно что. Она сделала то, чего никак не хотела Хироми. И не узнала ничего нового, кроме того, что есть на свете люди, считающие Реза треплом и занудой. Ну и что же дальше? Она все-таки использовала полученную от Келси карточку, чтобы заплатить за метро в одну сторону, а теперь и в другую. А ведь Сона предупреждала, что ее ищут, что они могут проследить за использованием карточки. А нельзя ли как-нибудь ее обналичить? Хорошо бы, но вряд ли.

Все шло наперекосяк, совсем не так, как она представляла себе это в Сиэтле, но кто же мог ожидать, что на пути встретится такая вот Мэриэлис. Или Эдди, или даже Хироми.

Масахико смотрел на дисплей с таким лицом, словно увидел какую-то мерзость, хотя там были все те же крючки-закорючки.

И еще эта штука, которую подсунула Мэриэлис. Прямо здесь, в сумке. Нужно было оставить в комнате Мицуко, а не таскать при себе. Или вообще выкинуть. Ну да, вот так выкинешь, а потом появится Эдди, или Мэриэлис, и что тогда делать, что говорить? А вдруг там какие-нибудь наркотики?

В Сингапуре за такое вешают прямо на площади. Отцу публичные казни не нравятся, из-за них он ее к себе и не приглашает, ну может, не только из-за них, но отчасти. Там же все это показывают по телевизору, так что трудно не увидеть, а он не хочет, чтобы она смотрела на такое. А Сингапур – это далеко от Токио? Ей хотелось мотнуть вот так сразу туда, доехать до отцовской квартиры с закрытыми глазами и сразу выдернуть телевизор из розетки и не включать его больше, а просто быть там с ним и запахом его лосьона для бритья и прижаться щекой к его колючей шерстяной рубашке, только ведь в Сингапуре таких, конечно, не носят, потому что там жарко. Ну ладно, она просто закроет глаза и будет слушать, как он рассказывает про свою работу, про Спрос и Предложение, которые снуют, подобно

невидимым драконам, по биржевым площадкам всего мира, сшибая чешуйки прибыли для таких, как отец, брокеров…

Масахико резко повернулся, чуть не сорвав сумку с ее плеча; поезд тормозил у какой-то – совсем незнакомой – платформы. Женщина с желтым магазинным мешком сказала что-то по-японски. Масахико схватил Кья за запястье и потащил к открывшимся дверям.

– Так нам же не здесь…

– Пошли! Пошли!

Почти бегом из вагона на платформу. И пахнет здесь тоже не так – чем-то едким, химическим. И стены не такие, вроде чистые. Треснувшая плитка кафельного потолка.

– В чем дело? Зачем мы вышли?

Молча и не останавливаясь, Масахико утащил ее в угол между кафельной стеной и гигантским торговым автоматом.

– В ресторане тебя ждут. – Он взглянул на свою руку и мгновенно, чуть ли не испуганно отпустил запястье Кья.

– Откуда ты знаешь?

– «Застенный город». Сперва, час назад, они просто наводили справки.

– Кто?

– Русские.

– Русские?

– После землетрясения здесь появилось много «комбинатских». Налаживают отношения с гуми.

– А кто такие гуми?

– Мафия, если по-вашему. Якудза. У моего отца договор с местным гуми. Если держишь ресторан, без этого никак. Представители этих гуми говорили с отцом про тебя.

– Так что же, у вас там в квартале вся мафия русская?

За головой Масахико, на боковой стенке торгового автомата – анимированный логотип чего-то, называемого «Эппл Ширз».

– Нет. Франчайз от Ямагути-гуми. Отец знает этих людей. Они сказали отцу, что тобой интересуются русские, и это плохо. Они не могут гарантировать такую, как всегда, безопасность. Русские ненадежны.

– Я не знаю никаких таких русских, – твердо сказала Кья.

– Нам нужно идти.

– Куда?

Масахико повел ее в дальний конец платформы, битком забитой людьми и мокрой от сотен сложенных зонтиков, к эскалатору.

– Когда «Застенный город» заметил, что к нашим адресам, моему и сестричкиному, проявляется внимание, одному из друзей

поручили забрать мой компьютер…

– Зачем?

– Потому что на мне лежит определенная ответственность. Перед «Застенным городом». Распределенная обработка.

– Так у тебя что, «эм-ю-ди» в твоем компьютере?

– «Застенный город» нигде не находится, – сказал Масахико, ступая на эскалатор. – Так что теперь мой компьютер у друга. И он знает про людей, которые тебя подстерегают.

Гоми-бой[74], так звали этого друга.

Одежду Гоми-боя составляли замызганная хлопчатобумажная фуфайка с закатанными манжетами и необъятные, как бегемотье брюхо, штаны от армейской робы, не сваливавшиеся с его тщедушного тела только благодаря флюоресцентно-оранжевым, трехдюймовой ширины подтяжкам. Ботинки у него были розовые, точь-в-точь такие, как носят маленькие дети, только на несколько размеров больше. В данный момент он сидел на угловатом алюминиевом стуле, и младенческие ботинки болтались в воздухе, чуть-чуть не доставая до пола. Его шевелюра была словно вылеплена из какой-то вязкой массы, сплошь тугие, клейко поблескивающие завитки и ямки. Вот так же точно изображали прическу Дж. Д. Шейпли авторы этих стенных росписей на площади Пионеров; Кья знала из школьных уроков, что это как-то там связано со всей этой Элвисовой историей, но не помнила, как именно.

Он разговаривал с Масахико по-японски; под неумолчный, как морской прибой, грохот игровой аркады. Кья хотела бы послушать, о чем они там, но для этого требовалось расстегнуть сумку, найти там наушники и включить «Сэндбендерса». А как же такое сделаешь, когда этот Гоми-бой и рад, похоже, что она их не понимает.

Он пил из банки что-то, именуемое «Покари свит», и курил сигарету. В воздухе стелились слои голубоватого дыма. В Сиэтле за такое сразу бы арестовали, потому что рак. И сигарета, похоже, фабричного производства – аккуратный белый цилиндрик с коричневым кончиком, чтобы брать в рот. Такие можно увидеть в старых фильмах, да и то изредка, в тех, до которых не добрались еще с цифровой цензурой, а так в Сиэтле торгуют из-под полы грубыми, кустарными или можно купить маленький мешочек табачной отравы вместе с квадратиками тонкой бумаги и крутить сигареты самостоятельно. Кепари в их школе так и делали.

Дождь как шел, так и шел. Сквозь иссеченное струями воды окно Кья видела на другой стороне улицы другую аркаду, из этих, с автоматами, где катятся серебристые шарики. Дождь, неон и

серебристые шары сливались в единое марево, и Кья думала, о чем там говорят Масахико с Гоми-боем.

Компьютер Масахико, запакованный теперь в клетчатую пластиковую сумку с розовыми международными знаками биологической опасности, стоял на столике, рядом с банкой «Покари свит». Что это такое – покари? Ей представилась дикая свинья, вся в щетине, с торчащими клыками, вроде как показывают по каналу «Природа».

Гоми-бой пососал сигарету, и на ее конце вспыхнул красный огонек вроде светодиода. Затем он выпустил изо рта облачко дыма, прищурился и что-то сказал. Масахико пожал плечами. Перед ним стояла разогретая в микроволновке баночка эспрессо. Кья взяла себе колу-лайт. В Токио и присесть-то нигде нельзя, если не купишь себе какой-нибудь еды-питья, а питье купить быстрее, чем еду. Да и стоит дешевле. Правда, сейчас Кья не платила, платил Гоми-бой, потому что они с Масахико не хотели, чтобы она пользовалась этой карточкой.

Гоми-бой что-то сказал и посмотрел на Кья.

– Он хочет с тобой поговорить, – сказал Масахико.

Кья наклонилась, расстегнула сумку, нашла наушники, отдала один из них Гоми-бою, прицепила другой себе на ухо, еще раз нагнулась и включила «Сэндбендерса».

– Я из «Застенного города», – сказал Гоми-бой, надевая наушник. – Ты знаешь, что это такое?

– Ну да, это у вас такой «эм-ю-ди». Мультиюзерный домен.

– Не в том смысле, как ты думаешь, но примерно так. Зачем ты приехала в Токио?

– Собрать информацию насчет намерений Реза жениться на этой идору Рэй Тоэй.

Гоми-бой кивнул. Все отаку относились к информации крайне серьезно, и он понимал, что такое быть фэном.

– У тебя были какие-нибудь дела с Комбайном? – Кья понимала, что он сказал «Комбинат», а это переводчик так исковеркал. «Комбинат», мафиозное правительство России.

– Нет.

– И ты оказалась у Масахико потому, что…

– Мицуко – социальный секретарь токийского отделения нашего ло-резовского общества.

– Сколько раз ты выходила в сеть? Из ресторана, в смысле.

– Три раза. – (Костюм от Силке-Мари Колб. Встреча с японскими девочками. Сона Роса.) – Я заплатила за декоративный софтвер, мы с Мицуко участвовали во встрече. Я связалась с домашними.

– Ты оплатила софт по своей карте?

– Да.

Кья перевела взгляд с Гоми-боя на Масахико. Между ними и за ними – дождь. За дождем, на той стороне улицы, за стеклом, нескончаемый, грохочущий поток серебристых шаров. Напряженно ссутуленные спины игроков, управляющих движением металла. По лицу Масахико ничего не поймешь.

– Компьютер Масахико поддерживает определенные аспекты «Застенного города», – сказал Гоми-бой. – На случай возникновения критических обстоятельств имелись заранее составленные планы перемещения его в безопасное место. Когда выяснилось, что юзерские адреса Масахико и его сестры стали предметом неожиданного внимания, мне поручили забрать его машину. Мы с ним часто обмениваемся железом. Я торгую подержанным оборудованием, чем и объясняется мое прозвище Гоми-бой. У меня есть ключи от комнаты Масахико. Его отец знает, что мне позволено заходить туда в любое время. Его отец не имеет ничего против. Я пришел и забрал компьютер. Рядом есть небольшая муниципальная рекреационная площадка. Оттуда виден вход в ресторан. Заметив «Оклендских Ровербомберов», я перешел улицу и заговорил с ним.

– Заметив чего?

– Скейтбордовая команда. Они назвали себя по калифорнийскому футбольному клубу. Я спросил их, не замечали ли они в последние часы какой-либо необычной активности. Они сказали мне, что видели очень большой автомобиль около часа назад…

– «Грейсленд».

– «Дайхацу-грейсленд». Насколько я знаю, здесь они встречаются реже, чем в Америке.

Кья кивнула, с трудом удерживая на месте желудок, порывавшийся выскочить наружу вместе со всем своим содержимым.

Гоми-бой протянул в сторону руку с сильно укоротившейся сигаретой и раздавил ее тлеющий кончик в маленькой хромированной чашечке, прикрепленной к боковой стороне игровой консоли. Кья не очень понимала, для чего в действительности предназначена эта чашечка и почему Гоми-бой так сделал, но, с другой стороны, должен же он как-нибудь потушить сигарету, иначе она обожгла бы ему пальцы.

– «Грейсленд» свернул к ресторану и припарковался. Из него вышли два человека…

– Как они выглядели?

– Представители гуми.

– Японцы?

– Да. Они прошли в ресторан. «Грейсленд» ждал их. Через пятнадцать минут они вернулись, сели в «грейсленд» и уехали. Затем из ресторана вышел отец Масахико. Некоторое время он глядел по сторонам, внимательно изучая улицу. Затем он вынул из кармана телефон и с кем-то поговорил. Затем вернулся в ресторан. Я не хотел задерживаться на рекреационной площадке с такой вещью, – Гоми-бой скользнул взглядом по клетчатой сумке, – как компьютер Масахико. Я сказал лидеру «Ровербомберов», что поменяю его телефон на другой, лучший, если он задержится на площадке и будет звонить мне при любых новых случаях необычной активности. «Ровербомберы» все равно ничего не делают, и он согласился. Я ушел. Он позвонил через двадцать минут и доложил о появлении серого «хондовского» минивэна. За рулем сидел японец, но трое пассажиров были иностранцами. Он думает, что они русские.

– Почему?

– Потому что они очень крупные и одеты в манере, которая ассоциируется у него с Комбайном. Они все еще там.

– Откуда ты знаешь?

– Если они уедут, он обязательно мне позвонит. Он хочет получить новый телефон.

– А здесь можно подключиться к сети? Я сейчас же свяжусь с «Эр-Магеллан» и поменяю билет. *Я хочу вернуться домой!* – (И оставить Мэриэлисов пакет прямо вот в этой, за спиной Гоми-боя, мусорной урне.)

– Тебе нельзя подключаться, – сказал Масахико. – Нельзя пользоваться этой карточкой. А то они тебя найдут.

– Так что же мне тогда *делать*? – спросила Кья и удивилась собственному голосу: он звучал как чей-то чужой. – Я же просто хочу *домой*!

– Дай-ка мне взглянуть на эту карточку, – попросил Гоми-бой.

Карточка лежала в кармане парки, вместе с паспортом и обратным билетом, Кья достала ее и протянула Гоми-бою. Гоми-бой расстегнул один из карманов своих необъятных штанов и вытащил оттуда маленький прямоугольный приборчик, замотанный серебристым, грязным по краям скотчем, с прорезью во всю его ширину и круглым глазком. Проведя карточкой поперек прорези, он отложил ее и на несколько секунд прильнул к глазку.

– Обналичить ее нельзя. Зато проследить крайне просто.

– Моя подруга почти уверена, что они и так уже знают номер.

Гоми-бой начал постукивать ребром карточки по краю своей банки.

– Тут есть одно место, где ты можешь воспользоваться ею

безо всякого риска, – сказал он; стук-стук. – Откуда Масахико может войти в «Застенный город». – (Стук-стук.) – Откуда ты сможешь позвонить домой.

– Где это?

– Гостиница любви. – (Стук.) – Ты знаешь, что это такое?

– Нет, – сказала Кья.

Стук.

23
Здесь, в «западном мире»

Из пупырчато-розовой глотки жвачного бара «LE CHICLE» под роняющее первые капли небо. Ходульный апостол «Новой логики» все еще топтался на боевом посту, серый вечер словно прибавил яркости его светящимся плакатам. Пока Блэкуэлл придерживал для Арли дверцу мини-лимузина, Лейни смотрел на меняющиеся строчки цифр и жалел, что так никогда и не узнает, насколько возросла совокупная масса людской нервной ткани за то время, пока они прохлаждались в баре.

Забираясь в машину вторым, вслед за Арли, он снова заметил на внутренней стороне ее ноги эти три каталонских солнца, уменьшающиеся по размеру сверху вниз. Блэкуэлл захлопнул левую заднюю дверцу, а затем открыл переднюю, водительскую, если по-нормальному, и перелил себя на сиденье, как невозможную, в сотни футов весом каплю ртути. Машина качнулась и осела на амортизаторах, страдальчески принимая почти непосильный груз.

Поля черной клеенчатой шляпы Блэкуэлла были сзади приспущены. Сильно. Но не так сильно, чтобы полностью скрыть сеть тонких красных рубцов на его затылке.

Водитель – судя по *его* затылку – был тот же самый, который отвозил их в Акихабару. Наверное. Он резко ввел машину в зеркально обращенный трафик. Быстро разошедшийся дождь бежал потоками и собирался в лужи, расшвыривая отраженный свет неоновых вывесок по тротуару и мостовой.

Сидя с Арли Маккрей бок о бок, Лейни чувствовал запах ее духов, и ему от этого хотелось, чтобы не было рядом никакого Блэкуэлла и чтобы ехали они в какое-нибудь другое место, а не в это, куда уж там они едут сейчас, чтобы было это в каком-нибудь другом городе и чтобы многое из того, что случилось с ним за последние семь месяцев, не случилось совсем, а если бы и случилось, то как-нибудь иначе, чем случилось в действительности, а может, и не за семь месяцев, а начиная с «Дейтамерики» и этих французских теннисистов, но чем дальше он забирался, тем сложнее все становилось и многовариантнее. И тоскливее.

– Я не уверена, что вам там понравится, – сказала Арли.

– А чего это?

– Да вы вроде не из таких.

– Почему вы так решили?

– Ну, не знаю, может, я ошибаюсь. Есть уйма людей, которым там нравится. Мне кажется, что вы воспримете это как чрезмерно сложную и затянутую шутку…

– А что это, собственно, за заведение?

– Клуб. Ресторан. Место с *атмосферой*. Заявись мы туда одни, без Блэкуэлла, нас бы вообще не пустили. Даже не признали бы, что там что-то такое есть.

Лейни вспомнил японский ресторан в Брентвуде, куда водила его Кэти Торранс. Не *японский* японский, а просто принадлежавший японцам. Ресторан на тему некой обобщенно-воображаемой восточноевропейской страны. Декорированный предметами народного искусства этой страны, а все, кто там работал, были одеты либо во всякое такое национальное, либо в серые тюремные робы и громадные, грубые, черные башмаки. У всех мужчин были прически с высоко подбритыми висками, а у всех женщин – две косы, уложенные на манер кругов сыра. Ему подали груду разнообразных, микроскопически крохотных колбасок с гарниром из чего-то вроде маринованной капусты, и вкус все это имело совершенно неопределенный, но, может, так оно и было задумано. А потом они вернулись в ее квартиру, оформленную на манер слитскановской «Клетки», только «В роск. Перепл. с цв. Литографиями». Здесь тоже результаты оказались сильно ниже среднего, и Лейни порой подозревал, что это удвоило ее злость потом, когда он переметнулся к «бестормозным».

– Лейни?

– Прости, пожалуйста… А это заведение – Резу оно нравится?

Мимо непролазного леса черных зонтиков, ждущих на перекрестке зеленого света.

– Я бы сказала, что он любит предаваться там скорбным раздумьям.

«Западный мир» занимал два верхних этажа административного корпуса, который устоял при землетрясении, но не то чтобы совсем. Ямадзаки мог бы сказать (а возможно, и сказал), что он символизирует собой ответ на травму позднейшей реконструкции. В первые же дни (кое-кто говорит – часы) после обрушившегося на Токио бедствия в помещениях таймшерной фирмы, промышлявшей долями членства в гольф-клубах, самозародился импровизированный диско-бар. Спасатели признали здание аварийным и заколотили все его двери, однако окна первого этажа и рухнувшие кое-где перекрытия оставляли достаточное количество лазеек. Смело преодолев одиннадцать пролетов умеренно растресканной бетонной лестницы, вы

получали возможность воочию узреть «Западный мир», крайне необычную (и, по мнению некоторых, не только неизбежную, но и неким таинственным образом жизненно важную) реакцию на, не убоимся двусмысленности, потрясение, только что (по тому времени) унесшее жизни восьмидесяти шести тысяч обитателей мегаполиса (но пощадившего остальные тридцать шесть с хвостиком миллионов, что давало некоторые основания для оптимизма). Бельгийский журналист, тщившийся описать эту неописуемую сцену, уподобил ее чему-то среднему между затянувшимися поминками, нескончаемым разгульным торжеством в честь явления на свет дюжины юных, неслыханных до катастрофы субкультур, спекулянтскими кафе в оккупированном Париже и танцевальной вечеринкой, преломленной через сознание Гойи (с дополнительным, непреложным требованием, чтобы тот Гойя был японцем и без продыху смолил метамфетамин, каковой, наряду с нескончаемыми потоками алкоголя, являлся основной специализацией раннего «Западного мира»).

Немногие уцелевшие окна были наглухо закрашены черной битумной краской, чтобы не лезли в глаза окружающие развалины; все было, так говорит бельгиец, словно сам город породил в муках и судорогах этот крошечный мирок, где можно было забыть обо всех ужасах мира большого. К тому времени, как реконструкция набрала полные обороты, «Западный мир» успел уже стать важной вехой в духовной истории Токио, общеизвестным секретом, местной легендой.

Но теперь, как объяснила Арли на середине первого из вышеупоминавшихся одиннадцати пролетов, все это стало чистой коммерцией; аварийное здание должны были уже десять раз снести, и если этого не происходит, то лишь благодаря дорогому нелицензированному клубу, который, если можно так выразиться, остался его единственным обитателем. Если он и на самом деле остается нелицензированным, в чем у Арли были большие сомнения.

– Здесь публика дотошная и требовательная, – сказала она, аккуратно переступая со ступеньки на ступеньку, – а в таких делах и подавно. То, что в этом здании функционирует «Западный мир», известно всем и каждому. Скорее всего, где-то там на каком-то там уровне было достигнуто тайное соглашение, чтобы этот клуб был вроде как бы нелицензированным. Потому что это нравится клиентам и они за это платят.

– А кому принадлежит само здание? – спросил Лейни, глядя на всплывавшего впереди Блэкуэлла, на руки в черных, широких рукавах плаща, похожие на окорока в трауре.

– Если верить слухам, то одной из двух команд, которые все никак не поделят нашу гостиницу.

– Мафия?

– Местный аналог, но аналог весьма приблизительный. Если прежде, до толчка, структура прав на местную недвижимость была всего лишь предельно запутанной, то теперь она перешла в категорию чистой мистики.

Единственным освещением лестницы были развешенные кое-где петли тусклого биолюминесцентного провода. Проходя под одной из них, Лейни заметил под ногами окаменевшие потеки чего-то зеленовато-желтого.

– А что это на ступеньках? – спросил он.

– Моча.

– Моча?

– Связанная, отвердевшая, биологически нейтральная моча.

Лейни растерянно смолк. Моча? До верха было далеко, а его ноги начинали уже побаливать.

– Землетрясение, – сказала Арли. – Канализация вышла из строя. Люди стали мочиться прямо на лестнице. Послушать очевидцев, так это был полный кошмар. Впрочем, теперь кое-кто из них чуть ли не тоскует по тем временам.

– А почему она затвердела?

– У них тут есть такой хитрый продукт, порошок. Похожий с виду на стиральный. Какие-то там ферменты. Очень удобно для мамаш с малолетними детьми. Ребенок захотел пи-пи, а туалет далеко, он делает свое пи-пи в бумажную чашку или там пакет из-под сока, ты высыпаешь туда содержимое маленького, изящного пакетика, секунда – и все затвердело. В твоей бумажной чашке образовался кусок чего-то, вроде чуть зеленоватого янтаря. Биологически нейтральный. Абсолютно гигиеничный, безо всякого запаха и – надо думать – вкуса. Закинь его в урну и прогуливай дитятко дальше.

Проходя под очередной петлей, Лейни заметил миниатюрные сталактиты, свисавшие с краев ступеньки.

– Так они, значит, применяли эту штуку…

– Все время. Широчайшим образом. В какой-то момент им пришлось срубать наслоения.

– И это что же, так и продолжается?

– Конечно нет. Но «Грот», эта вот лестница, сохранен в первозданном виде.

Еще один пролет. Еще одна петля призрачного, подводного света.

– А что они делали с… твердыми? – спросил Лейни.

– Не знаю. Да и не очень хочу узнать.

Тяжело дыша, с гудящими от усталости ногами, Лейни вошел в голубой свет, бессильно увязавший в непроглядной черноте стен, в смутное пространство, лишь слегка организованное позолоченными стояками несущих конструкций здания. После химией остановленных мочепадов «Грота» «Западный мир» выглядел тускло и убого. Заурядная контора, выпотрошенная, а затем кое-как обставленная невзрачной, разнокалиберной мебелью. В глубине помещения, прямо напротив входа, темнеет что-то громоздкое, неуклюжее. Танк? Лейни недоуменно сморгнул. Ну да, танк. Американский и жуть какой старый.

– Как они его сюда затащили? – спросил он у Арли, отдавшей кому-то свой плащ. – И почему пол не проваливается?

– Это эпоксидка, – улыбнулась Арли. – Мембранная скульптура. Игрушка для отаку, они клеят такие модели из набора деталей.

Блэкуэлл тоже расстался со своим плащом, явив миру одеяние, напоминавшее пиджак, но пиджак не совсем обычный, сотканный из чуть потускневшей алюминиевой нити. Он прокладывал путь сквозь лабиринт низких столиков и диванчиков со все той же целеустремленностью и изумительной легкостью, почти физически увлекая за собой Лейни и Арли.

– Да это же «Шерман», – радостно вспомнил Лейни, бравший когда-то в гейнсвиллской библиотеке сидиром по истории бронетанковой техники.

Арли молчала, название знаменитого танка было для нее пустым звуком. Ну так она же небось в жизни не пользовалась сидиромом, а в приюте, там поневоле знакомишься с безнадежно устаревшими носителями.

Глядя по сторонам и вспоминая слова Арли, что теперь «Западный мир» совсем не тот, что прежде, Лейни поражался, какая ж тогда публика собиралась здесь вначале, когда улица внизу была погребена под шестифутовым слоем битого стекла.

В людях, которые сидели здесь сейчас, хмуро ссутулившись над своими стаканами, резко ощущалась необычная, не похожая ни на что, виденное Лейни в Токио, отдельность, неслиянность с окружающим, как у капелек масла на поверхности воды. Долгий зрительный контакт с кем-либо из них мог привести к очень интересным, а может, и очень опасным последствиям. Если проанализировать совокупную нервную ткань, содержащуюся в этом зале, в ней непременно обнаружатся крайне необычные примеси. А может, здешняя клиентура проходит предварительный отбор по некоему сочетанию пристальности взгляда и низкой подвижности лицевых мышц?

– Лейни, – сказал Блэкуэлл, роняя на плечо Лейни ладонь и разворачивая его под взгляд двух зеленых миндалевидных глаз, – это Рез. Рез, Колин Лейни. Он работает вместе с Арли.

– Добро пожаловать в «Западный мир», – улыбнулся Рез. – Добрый вечер, мисс Маккрей.

Лейни снова заметил явление, знакомое ему по встречам со знаменитостями в «Слитскане», – зыбкое мерцание образа между опосредованным, предзаданным представлением и воспринимаемой реальностью. И каждый раз это мерцание, перемежение образов становилось с секунды на секунду все быстрее и быстрее, пока они не сливались в некое целое, твое новое представление об этом человеке. (Там, в «Слитскане», кто-то говорил ему, что научно доказано существование в мозгу некой области, специально ответственной за узнавание знаменитостей. Треп? Может, треп, а может, и правда.)

Но это все были ручные знаменитости, те, которых Кэти уже выдрессировала. Договорилась (в обычном кабинете, ни в коем случае не в «Клетке») о режиссировании различных граней их многогранной общественной жизни, на тех или иных условиях. А этот парень не был ручным, он был слишком крупен и своеобразен для подобных игр, чем и заслужил яростную ненависть Кэти.

Рез приобнял Арли за плечи и повел ее в чуть затененный конец зала, за пустотелую тушу «Шермана», что-то говоря на ходу.

– Добрый вечер, мистер Лейни, – сказал Ямадзаки и несколько раз сморгнул; зеленая в клеточку спортивная куртка болталась на его узких плечах, как на вешалке.

– Ямадзаки.

– Вы уже познакомились с Резом? Хорошо, очень хорошо. Столик приготовлен, чтобы поужинать. – Словно спасаясь от удушья, Ямадзаки растянул указательными пальцами широкий, свободно болтавшийся на его шее воротник дешевой бежевой рубашки. – Насколько я понимаю, первая попытка идентифицировать узловые точки не увенчалась успехом. – Он вежливо сглотнул.

– Я не могу понять человека по материалам, структурированным как бухгалтерский отчет. Его там попросту *нет*.

Рез и Арли уже исчезли за танком.

– Идемте и мы, – сказал Ямадзаки и добавил, понизив голос почти до шепота: – Нечто экстраординарное. Она здесь. Она ужинает с Резом. Рэй Тоэй.

Идору.

24
Отель «Дай»[75]

В крошечном такси вместе с Масахико и Гоми-боем: Масахико спереди, на водительском, если по-нормальному, месте, Гоми-бой сзади, рядом с ней. У Гоми-боя было так много карманов и так много вещей в каждом кармане, что ему стоило большого труда устроиться более или менее удобно. Кья в жизни не видела такой маленькой машины, а уж такси – так и подавно. Колени Масахико почти упирались в подбородок. На шофере были белые митенки и шапка с козырьком, вроде тех, какие носят шоферы такси в фильмах сороковых годов. На всех подголовниках были белоснежные, накрахмаленные кружевные салфетки, прищепленные специальными прищепками.

Кья рассудила, что машина такая маленькая потому, что платить будет Гоми-бой, наличными, у него их негусто, сам говорил.

После недолгого подъема они вывернули из дождя на этот старомодный, но все равно дико красивый многоуровневый экспрессвей, и мимо понеслись средние этажи застроенного высотками района, может, даже того же Синдзюку, потому что вдали на мгновение показалось здание-робот, под другим углом, но все равно узнаваемое, а затем – она так никогда и не поняла, было это в действительности или только показалось, – мелькнуло окно, точно такое же, как и все остальные, а за ним голый человек, сидящий со скрещенными ногами на конторском столе, и рот его был раскрыт до предела, словно в беззвучном крике.

Время от времени в общей массе темных, едва различимых за пеленой дождя зданий попадались другие, необычные, залитые светом, как аттракционы тематического парка «Ниссан Каунти» в телевизионной рекламе, на каждом из них сверкала огромная вывеска: «ОТЕЛЬ ЦАРЬ МИДАС» с многоцветно мерцающей короной и скипетром, «ВОДОПАД СВОБОДЫ БАНФ»[76] с голубыми горами и золотым водопадом. Еще штук шесть таких, в быстрой последовательности, а затем Гоми-бой сказал несколько слов по-японски. Черный легковой козырек водителя согласно кивнул.

Крошечная машинка свернула направо и покатилась, притормаживая, вниз, по плавному изгибу эстакады. В бездушном, бессмысленно ярком свете натриевых прожекторов Кья увидела пустой перекресток, заросли бледной, буйно взлохмаченной травы на узких, крутых обочинах. Ни одной

машины, словно они здесь и вообще никогда не ездят. Это безликое, никакое место могло бы находиться на окраинах Сиэтла, на окраинах чего угодно, и она на мгновение задохнулась от острого желания вернуться домой, *быть* дома.

Искоса взглянув на соседку, Гоми-бой занялся раскопками в некоем *очень* внутреннем кармане. Расстегнув подтяжки, он запустил руку в штаны чуть не по плечо и извлек солидную пачку денег, перетянутую широкой черной резинкой. Кья с интересом наблюдала, как пальцы Гоми-боя оттянули резинку и отделили три купюры. Побольше размером, чем американские, а на той, что сверху, изображен логотип компании, название которой она узнала чуть ли не в грудном возрасте. Гоми-бой сунул три купюры в рукав фуфайки и начал пристраивать пачку на прежнее место.

– Скоро и там, – сказал он, застегивая подтяжки.

– Скоро и где?

Крутой поворот направо, остановка. Приехали. Откуда-то сверху сочится бледный дрожащий свет, на черном, с масляными пятнами, бетоне нарисованы две параллельные белые стрелки, вперед и назад. Та, что вперед, указывает прямо на квадратный проем в гладкой белой стене. В проеме сплошная, до самого низа, завеса из полосок блестящего нежно-розового пластика; глядя на них, Кья вспомнила ленточки серпантина на школьных танцульках, хотя те, конечно же, были узенькие, а эти – чуть не в две ладони шириной. Гоми-бой отдал три купюры шоферу и теперь ждал сдачу.

В нетерпении размять затекшие ноги Кья потянулась к углубленной в дверцу ручке – и была, как тут же выяснилось, сильно не права.

– Не трогай, – сказал Масахико, торопливо хватая ее за руку. – Замком управляет водитель. Если ты откроешь сама, механизм сломается. Очень дорогой механизм.

Шофер отсчитал наконец сдачу. Кья думала, что теперь Гоми-бой даст ему на чай, но фига с два. Шофер потянулся рукой куда-то вниз, сделал там что-то, и дверца, которую пыталась открыть Кья, открылась сама собой.

Кья вышла под дождь, волоча за собой сумку, и взглянула вверх, на источник странного света. Вывеска, а на ней здание, похожее на свадебный торт, и надпись: ОТЕЛЬ ДАЙ, каждая из белых газосветных букв обведена цепочкой крошечных, шустро подмигивающих лампочек. Масахико уже стоял рядом и нетерпеливо подталкивал ее к проему в белой стене. Сзади донесся звук отъезжающей машины.

– Пошли.

Чуть пригнувшись, Гоми-бой нырнул сквозь розовую завесу.

В полумрак почти пустой парковочной площадки, где сиротливо жались две маленькие машины, серая и темно-зеленая, с номерами, прикрытыми черным матовым пластиком. И стеклянная двустворчатая дверь, бесшумно разъехавшаяся перед Гоми-боем.

Короткая японская фраза, сказанная бесплотным, ниоткуда идущим голосом. Ответ Гоми-боя.

– Дай ему свою карточку, – сказал Масахико.

Кья достала из кармана парки карточку и протянула ее Гоми-бою, который, судя по интонациям, задавал голосу вопрос за вопросом. Кья огляделась по сторонам. Бледно-голубое, розовое, светло-серое. Тесное помещение, оформленное под вестибюль гостиницы, но только *под*, присесть даже негде. На стенных экранах часто сменяющиеся кадры – интерьеры каких-то странноватых комнат. Голос, раз за разом отвечающий на вопросы Гоми-боя.

– Он просит комнату с наилучшими возможностями выхода в сеть, – негромко объяснил Масахико.

В конце концов переговоры завершились каким-то соглашением. Гоми-бой вложил карточку в щель, расположенную над небольшой розовой чашей, типа фонтанчика для питья. Голос снова что-то сказал – похоже, поблагодарил. Открылся узенький лючок, в розовую чашу мягко скользнул ключ. Гоми-бой взял его и передал Масахико. Из щели высунулась карточка. Гоми-бой вытащил ее совсем и передал Кья. Затем он отдал Масахико клетчатую сумку с компьютером, повернулся и вышел через ту же, послушно распахнувшуюся дверь.

– А он что, не с нами?

– В номер пускают только двоих. А у него есть дела в другом месте. Нам сюда.

– А что это за отель такой? – поинтересовалась Кья, входя в автоматически распахнувшиеся двери лифта.

– Отель? – Масахико неловко откашлялся. – Это отель любви.

– Какой еще любви? – Лифт плавно пошел вверх.

– Ну, комнаты такие. Для секса. С поминутной тарификацией.

– А-а, – кивнула Кья, словно теперь ей все стало ясно.

Лифт выпустил их в узкий коридор со множеством дверей и тусклыми светополосами, вделанными в стены на высоте щиколотки. Масахико уверенно двинулся налево. Подошел к одной из дверей и открыл ее ключом из розовой чашки. Как только он переступил порог, в комнате вспыхнул свет.

– А ты уже бывал в таких местах? – Кья почувствовала, что краснеет, и смутилась из-за этого еще больше.

– Нет. – Масахико закрыл дверь, секунду поизучал замок и нажал две кнопки. – Но здешним клиентам иногда требуется выйти в сеть. У отеля хорошая система переадресовки, проследить, что ты работал именно отсюда, почти невозможно. Ну и телефон, тоже очень надежная защита.

Кья огляделась по сторонам. Главное место в комнате занимала круглая кровать, обитая розовой пушистой материей, на манер той, из которой делают игрушечных зверей. Ковер на полу был белый как снег и лохматый – сочетание, живо напомнившее ей мерзейший сахарный батончик «Ринг-динг».

Треск расстегиваемой «липучки»; Кья обернулась и увидела, что Масахико снимает черные подтяжки. Затем он разулся (один из серых нитяных носков продран на большом пальце) и сунул ноги в белые бумажные сандалии. Кья взглянула на свои мокрые ботинки, не слишком уместные на пушистой белизне ковра, и решила сделать то же самое.

– А почему тут все так странно выглядит? – спросила она, наклоняясь, чтобы развязать шнурки.

Масахико безразлично пожал плечами. Кья заметила, что значок биологической опасности на клетчатой сумке был почти того же цвета, что искусственный мех кровати.

Заметив в углу открытую дверь, за которой угадывалась ванная, она прошла туда и закрылась на задвижку. В ту же самую секунду вспыхнул неяркий свет и зазвучало птичье пение. Ванная была немногим меньше спальни, с черными блестящими стенами и кафельным полом в черно-белую шашечку. Кроме черной ванны (такой большой, что ее можно было считать миниатюрным плавательным бассейном), здесь имелось некое устройство, в котором смутно угадывался унитаз. Навороченный, почище того, у Эдди в конторе. Оставив сумку с «Сэндбендерсом» у двери, Кья осторожно подошла к опасному устройству и начала его изучать. Черный пластик, черный фаянс и хромированный металл. Спинка и подлокотники вроде как у парикмахерского кресла. На установленном рядом дисплее непрерывно, по циклу, меняются японские надписи с небольшими английскими включениями… (А) Удовольствие… (В) Суперудовольствие…

– Ага, – кивнула Кья.

Внимательнейшим образом осмотрев черное, как душа ростовщика, сиденье, она спустила трусы, присела, упираясь руками в колени, и помочилась, так и не войдя в соприкосновение со зловещей посудиной.

Ну а спускать, это мы оставим кому-нибудь другому, решила Кья, ополаскивая руки над раковиной, но в тот же момент от унитаза донесся шум бурно льющейся воды.

Рядом с раковиной лежал пакет из глянцевой розовой бумаги с надписью белыми загогулистыми буквами «Туалетный наборчик для юных». Кья открыла пакет, для чего ей потребовалось отлепить бантик из серебристой пластиковой ленточки, и заглянула внутрь. Уйма мелко расфасованной косметики, а еще презервативы, самые разные, штук десять-пятнадцать, и все упакованы на манер конфеток.

Чуть левее зеркала над раковиной висел черный лакированный шкафчик, единственный предмет в ванной, выглядевший по-японски, в смысле – по-*старо*японски. Кья открыла дверцу, вспыхнувшая внутри лампочка осветила три стеклянные полочки, на которых выстроились по росту пластиковые модели мужиковых членов, от самых больших до совсем маленьких, самых разных, порою – диких расцветок, и все аккуратно завернуты в целлофан. Были там и другие, непонятные штуки: пупырчатые шарики, нечто вроде большой соски-пустышки, резиновые, надутые воздухом колечки с длинными упругими усиками. А посреди всего этого хозяйства стояла кукла с черными волосами, одетая в красивое кимоно из золотистой ткани и цветной бумаги. Кья хотела взять куклу, чтобы рассмотреть поближе, но кимоно и парик снялись с нее, как чехольчик, а на полке осталась еще одна пластиковая модель, только у этой были нарисованы глаза и губы. При попытке вернуть кимоно с париком на место все на полке попадало, и тогда она просто закрыла шкафчик. И еще раз вымыла руки.

А в спальне Масахико занимался делом, подключая извлеченный из клетчатой сумки компьютер к черной консоли, стоявшей на полке вместе с какими-то еще штуками. Кья поставила свою сумку на кровать. Раздался негромкий мелодичный звон, а затем меховая поверхность ожила, по ней покатились медленные, концентрические волны, сходящиеся к сумке, приподнимая ее и опуская, поднимая и опуская…

– Ык, – сказала Кья и сдернула сумку на пол; кровать снова звякнула и начала успокаиваться.

Масахико мельком оглянулся и продолжил свое занятие.

Вопреки первому впечатлению, в комнате все-таки было окно, прикрытое чем-то вроде раздвижной ширмы. Кья подергала защелки, державшие ширму на месте, и в конце концов сдвинула ее в сторону. Окно выходило на парковочную площадку, обнесенную металлической сеткой, и низкое коричневатое строение со стенами из гофрированного пластика. На площадке стояли три грузовика, не слишком новые и даже не слишком чистые, в отличие от всех машин, которые она видела в Японии до этого. Серая (вроде бы) мокрая (уж это точно) кошка вылезла

из-под одного грузовика и в два прыжка переместилась под другой. Дождь как шел, так и шел.

– Порядок, – сказал Масахико. – Теперь можно и в «Застенный город».

25
Идору

– Она здесь? Это в каком смысле? – спросил Лейни, огибая корму «Шермана»; на массивных стальных траках висели шматки закаменевшей грязи.

– Здесь мистер Куваяма, – прошептал Ямадзаки. – Ее доверенное лицо…

Группа людей за столиком. Двое мужчин и женщина. Идору.

Попробуй Лейни заранее представить себе ее внешность, получилось бы нечто вроде профессионально выполненного микса из главной обоймы звезд современного японского телеэкрана. Обычная голливудская практика, приобретавшая при создании *виртуальных* персонажей силу непреложного закона: все их черты алгоритмически выводились из некоего человеческого среднего, надежно доказавшего свою популярность.

К Рэй Тоэй все это не относилось.

Ее длинные черные волосы свободно спадали по бледным обнаженным плечам. Бровей у нее не было, а белые, словно чем-то припудренные веки и ресницы резко контрастировали с огромными черными зрачками.

Их глаза встретились.

Весь мир куда-то поплыл. В само`й структуре ее лица, в очертаниях подлежащих костей читались древние истории династической борьбы, бедствий и лишений, побегов от кошмара в кошмарную неизвестность и долгих, бесприютных странствий. Он видел могильные камни на крутых склонах альпийских лугов, снег, заметающий наспех высеченные буквы. Белый пар из ноздрей низкорослых вьючных лошадок, бредущих след в след по неверному краю обрыва, видел тусклое серебро вьющейся внизу реки, слышал, как звенят в голубых, быстро сгущающихся сумерках привязанные к сбруе колокольчики.

Лейни с трудом сдерживал дрожь, его рот наполнился едкой металлической горечью.

– Сядем сюда.

Арли. Держит его за локоть. Другой рукой указывает на два места за низеньким столиком.

– Что с тобой? – еле слышно спросила Арли. – Сними ботинки.

Блэкуэлл смотрит на идору, смотрит страдальчески, но затем это выражение исчезает, впитывается в густую сеть его шрамов.

Лейни встает на колени, чтобы разуться, движения его неуверенные, как у пьяного или не совсем проснувшегося, он это чувствует, но не может ничего с этим поделать. На лице идору вспыхивает улыбка.

– Лейни?

Стол расположен над плоским, как большое корыто, углублением в полу. Лейни садится на подушку, пристраивает ноги под столом, вцепляется в подушку руками.

– Что?

– Ну, как ты там? О'кей?

– О'кей?

– Ты сейчас выглядел… ну… словно вдруг ослеп.

Тем временем Рез занимал свое место во главе стола; справа от него сидела идору, слева – Ло, гитарист, Лейни сразу его узнал. С другой стороны от идору сидел импозантный пожилой господин в очках без оправы, с благородной сединой в зачесанных назад волосах. На нем был очень простой по покрою – и очень, *очень* дорогой – костюм из какой-то черной, чуть ворсистой материи и белая рубашка со стоячим воротничком. Когда этот господин повернулся к Рэй Тоэй, исходивший от ее лица свет – *свет*, Лейни видел это совершенно ясно – блеснул на мгновение в больших, почти круглых стеклах его очков.

Шумный, короткий вдох сидящей рядом Арли. Она тоже заметила.

Самая заурядная голограмма. Бесплотная тень, кем-то там созданная и анимированная. Пальцы Лейни, намертво сжимавшие края подушки, облегченно расслабились.

Но затем он вспомнил припорошенные снегом надгробия, далекую реку, лохматых лошадок с колокольцами в сбруе.

Узловая точка.

Лейни как-то спросил Жерара Делуврие, самого спокойного и покладистого из французов, работавших в свободное от тенниса время над проектом «TIDAL», как это вышло, что именно его, Лейни, избрали первым (и, как оказалось потом, единственным) получателем этой необычной способности? Подавая заявление о приеме на работу, он и в мыслях не имел никаких узловых точек, да и каким бы образом, если про них никогда ничего не писали. Он просто хотел получить место стажера в отделе ремонта и обслуживания оборудования.

Крепкий, с ровным, полученным в солярии загаром и ранней сединой в стриженных ежиком волосах Делуврие откинулся в кресле рабочей станции и на минуту предался изучению своих профессиональных, на натуральном каучуке теннисных туфель.

Затем взглянул в окно на тускло-рыжие прямоугольники зданий, безликий пейзаж, февральский снег.

– Неужели вы еще не заметили, что мы вас ничему не учим? Мы наблюдаем. Это мы хотим у вас научиться.

Айова, исследовательский центр «Дейтамерики». Там был даже крытый корт с плохим, как утверждал Делуврие со товарищи, покрытием.

– Но почему именно я?

– Думаете, это благотворительность, забота о сиротах? – устало вздохнул Делуврие. – Островок тепла и сочувствия в кремниевых джунглях «Дейтамерики»? Нет, Лейни. С вами что-то сделали. Я не исключаю, что нами, до некоторой степени, движет желание возместить это «что-то». Здесь подходит слово «возместить»?

– Нет.

– Будем считать, что вам повезло. Вы в нашей группе, вы занимаетесь важной работой. Зима – не зима, а работа кипит. – Теперь он смотрел прямо на Лейни. – Вы – наше единственное доказательство.

– Доказательство? Чего?

– Был один человек, слепой, который овладел искусством эхолокации. Прищелкивал языком, понимаете? – Делуврие закрыл глаза и пощелкал языком. – Как летучая мышь. Чистая фантастика. – Он снова открыл глаза. – Этот человек получал весьма подробную картину окружающей обстановки. Ездил на велосипеде по оживленным улицам и все время щелкал. Реальная, легко проверяемая способность. Но он не мог объяснить, как это делается, не мог передать свое умение другим… – Делуврие сцепил длинные загорелые пальцы и пощелкал суставами. – Будем надеяться, что с вами все будет иначе.

Не думай о красной корове. Красной? Или бурой? Лейни не помнил. Не смотри на лицо идору. Она не человек, а бесплотная информация. Видимая верхушка айсберга, нет, антарктического ледника информации. Только взгляни на ее лицо, и опять все это начнется. В ней сосредоточен немыслимо огромный объем информации. Она воздействует на узловое зрение неким новым, беспрецедентным образом: индуцирует связное сюжетное повествование.

Можно смотреть на ее руки. Смотреть, как она ест.

Ужин был сложный, множество мелких блюд, подаваемых на отдельных прямоугольных тарелках. Каждый раз, когда официант подавал Рэй Тоэй новое блюдо (непременно в поле действия

какой-то там штуки, которая проецировала ее образ), вокруг него мгновенно возникала безупречная голографическая копия, призрачная еда на призрачной тарелке.

И даже движение палочек в ее пальцах пробуждало периферийные проблески узлового зрения. Потому что палочки эти тоже были информацией, хотя и гораздо менее концентрированной, чем черты ее лица, ее взгляд. И каждый раз, когда убиралась пустая тарелка, на ней мгновенно возникала нетронутая еда.

Когда появлялись эти проблески, Лейни переключал все свое внимание на свою собственную тарелку, на свое неумелое обращение с палочками, на разговоры других участников застолья. Куваяма, тот господин в очках без оправы, отвечал Резу на какой-то его, Реза, вопрос.

– …построение организованной совокупности сложных конструктов. Так называемых желающих машин. – (Зеленые глаза Реза горят напряженным вниманием.) – Не стоит понимать этот жаргонный термин сколько-нибудь буквально, – продолжал Куваяма, – и все же попробуйте заглянуть в недалекое будущее, где возникнут *комплексы субъективных желаний*. Исследования показали, что для описания сложного, ясно оформленного устремления лучше всего подходит модульная конструкция…

В его красивом, отлично поставленном голосе проскальзывали еле заметные следы акцента. Какого?

Рез улыбнулся и взглянул на идору. Лейни – совершенно машинально – сделал то же самое.

И провалился в ее глаза. Он глядел на отвесный обрыв, сплошь состоящий из маленьких прямоугольных балконов, и все они – на разной высоте и глубине. Жар оранжевого заката, отраженный косым, со стальною рамой окном. Небо, расцвеченное как бензиновое пятно в придорожной луже.

Он закрыл глаза, взглянул вниз, открыл их снова. Новая нетронутая тарелка.

– Вдумчиво ты ешь, – заметила Арли. – Нравится?

Предельно сосредоточенный на работе палочками, он сумел поймать и донести до рта дюймовый кубик некоей субстанции, отдаленно напоминавшей омлет с кислой фруктовой приправой.

– Восхитительно. Только без фугу я как-нибудь уж лучше обойдусь. Рыба-собака с какими-то там жуткими нейротоксинами, слышала о таком лакомстве?

– Так ты уже ел фугу, – улыбнулась Арли. – С добавкой. Помнишь большую тарелку с сырой рыбой, уложенной, как лепестки хризантемы?

– Ты шутишь.

– Губы и язык слегка онемели? Вот оно и есть.

Лейни пробежал кончиком языка по губам. Дразнится или правда? Сидевший слева Ямадзаки наклонился к его уху:

– К вашей проблеме с информацией по Резу можно подойти с несколько неожиданной стороны. Вы слышали о глобальной активности фэнов «Ло/Рез»?

– О чем?

– Очень много поклонников, вернее – поклонниц. Они составляют подробные отчеты о каждом замеченном появлении на люди Реза, Ло и работающих с ними музыкантов, с массой подробностей, вплоть до наимельчайших.

Из сегодняшних видеофильмов Лейни узнал, что «Ло/Рез» теоретически считались дуэтом, но реально группа включала по меньшей мере двоих «дополнительных участников», а как правило, и больше. И что Рез питал и питает стойкое отвращение к драм-машинам; Вилли («Слепой») Джуд, их теперешний барабанщик, работал с группой уже много лет. Весь вечер он то и дело поворачивал огромные черные очки в сторону идору, а теперь, похоже, почувствовал на себе взгляд Лейни. Очки – видеокамеры, подключенные к нервам, – резко развернулись.

– Ну, вообще, – сказал Джуд, – это ж сдохнешь и не встанешь, как наш Роззер всю дорогу строит глазки здоровенной алюминиевой фляге.

– А ты ее не видишь?

– С этими го́лами, кореш, у меня, – он тронул пальцами очки, – чистый облом. Когда я думаю прогулять детишек в «Ниссан Каунти», сперва звоню им, чтобы поднастроили под мои гляделки. Потом я там все вижу. А с этой леди никак, то ли она на частоте какой-то дикой, то ли еще что. Мне только и видно, что проектор и эта, вроде как, ну, аура называется, да? Вроде как, в смысле, сияние.

Японец, сидевший между Джудом и Куваямой (мистер Одзаки, вспомнил Лейни), повернулся к барабанщику и сконфуженно забормотал, кланяясь на каждой фразе:

– Мы очень сожалеем. Мы глубочайше сожалеем. Требуется совсем небольшая поднастройка, но ее невозможно осуществить на ходу.

– Да чего там, – великодушно отмахнулся Джуд. – Тоже мне проблема. Я ж ее уже видел. Эти мои штуки, они принимают все музыкальные каналы. И этот клип, где она, типа, монгольская принцесса, или что-то там вроде, в горах…

Лейни уронил одну из палочек.

– Самый свежий сингл, – сказал Одзаки.

– Во-во, – кивнул Джуд. – Классно сделано. Она там еще в

золотой маске. Улетная хрень.

Он закинул себе в рот кусочек маки[77] и начал жевать.

26
Хак-нам

Кья и Масахико сидели на белом ковре лицом к лицу, в комнате был всего один стул, да и тот какой-то хлипкий, с ножками из крученой проволоки и розовым, с блестками, пластиковым сиденьем в форме сердечка. Кья пристроила «Сэндбендерса» себе на колени и теперь вдевала пальцы в наперстки. Масахико поставил свой компьютер на пол, вернул на место его дисплей, а затем достал из выемки в задней стороне куба очень компактный комплект наперстков и пару черных овальных чашечек с тонкими оптическими выводами. Еще один оптический провод тянулся от его компьютера к разъему на задней стороне «Сэндбендерса».

– О'кей, – сказала Кья, надевая последний наперсток, – поехали. Мне тут надо связаться с одной…

– Ага. – Масахико взял черные чашечки и накрыл ими свои глаза. Чашечки так там и повисли, словно приклеенные, это выглядело даже как-то малость неприятно.

Кья последовала его примеру и натянула свои очки.

– А что мне теперь…

Что-то лежащее в центре мира рванулось сразу во всех взаимоисключающих направлениях. Ничего похожего на обычный выход в сеть. Несовместимость софта?

А затем возникло *это*. Здание – или биомасса – или обрыв, беспорядочно, без малейшего намека на регулярность, изрезанный бесчисленными складками. Лоскутное одеяло маленьких, вкривь и вкось посаженных балконов, окна, окошки и оконца, дробящие свет на тысячи тысяч тусклых серебристых квадратиков. Влево и вправо, сколько хватал глаз. А по верхнему неровному гребню чернеет густая поросль перекрученных проводов, а еще дальше, за бесчисленными этими каракулями, расцветает небо. Похожее на бензиновое пятно в придорожной луже.

– Хак-Нам, – сказал где-то рядом Масахико.

– А что это такое?

– «Город тьмы». Средостенье мира.

Кья вспомнила платок в его комнате, головоломную схему чего-то хаотичного и компактного, крошечные, неровные лоскуты черного, красного и желтого. А она и Масахико уже плыли вперед, к узкому проходу.

– Это мультиюзерный домен, верно?

Нечто вроде большой перманентной версии сайта, где имела место быть та идиотская встреча с токийским отделением, или тропического леса, нарисованного Соной и Келси. Но ведь MUD – это просто игрушка, место, где каждый может притворяться кем-то другим, разыгрывать придуманную для себя роль. Этим занимаются либо дети, либо очень одинокие люди.

– Нет, – сказал Масахико, – это не игрушка.

Они были уже внутри и неслись дальше, плавно ускоряясь в густой, барабанившей по оптическим нервам тесноте.

– Тайваньская улица.

Стены, сплошь покрытые бегущими надписями, призрачные двери, сменяющиеся, как карты тасуемой колоды.

А еще – фантомные фигуры, то и дело пролетающие мимо, и постоянное ощущение, что на тебя смотрят.

Фрактальная грязь, цифровая гниль, узкий проход, завешенный сверху дикими извивами каких-то чуть мерцающих линий.

– Приютский переулок.

Крутой поворот. Еще один, а затем они помчались все быстрее и быстрее вверх. Кья набрала в легкие побольше воздуха и крепко зажмурилась; под опущенными веками беззвучно вспыхивали радужные фейерверки, но невыносимое давление исчезло.

Когда вспышки потухли, она открыла глаза и увидела знакомую комнату Масахико. Только в куда более чистом варианте: без завалов грязной одежды, без пустых одноразовых плошек и прочего хлама. Она сидела на аккуратно застланной кровати, Масахико сидел рядом и напряженно смотрел на экран своего компьютера. Здесь же, на девственно-чистой поверхности стола, стоял и «Сэндбендерс». Проработка текстуры более чем приблизительная, все предметы слишком уж гладкие и блестящие. А как он себя-то нарисовал? Да тоже, в общем, без особых хитростей. Элементарное сканирование годичной примерно давности – вон, волосы совсем короткие. А одет в ту же самую черную куртку.

И платок тоже висит на том же месте, только анимированный, красные, черные и желтые пятнышки слегка пульсируют. Кроме того, появилась извилистая зеленая линия, ведущая от края платка к одному из квадратиков, желтому, и от этого квадратика волнами разбегаются зеленые кольца.

Кья еще раз взглянула на Масахико, но тот так и сидел, вперившись в свой экран.

Негромкий звон. Она оглянулась на дверь (ну до чего же все-таки убого сделана текстура дерева) и увидела, как внизу

протискивается в щель маленький белый прямоугольник. Не останавливая движения, прямоугольник пополз по полу прямо в ее сторону и скрылся под кроватью. Кья посмотрела вниз, и вот он, пожалуйста, лезет уже вверх, по матрасу, с той же самой скоростью. Забравшись на кровать, нахальный прямоугольник выбрал такое место, чтобы было удобнее читать, что на нем написано, и замер. Шрифт – вроде того, что в «Виски Клоне», а может, и не вроде, а совсем тот же самый, а написано «Ку-клукс-клан. Коллекционные Курьезы», и еще всякие буквы и цифры, адрес, наверное, только странный какой-то.

Снова звякнуло; на этот раз из-под двери вырвалось серое, бешено вращающееся пятно. Плоское и многолапое, как тень краба или паука, оно мгновенно взлетело на кровать, накрыло белый прямоугольник, поглотило его и с той же стремительностью бросилось к двери.

– Теперь я свободен от обязанностей перед «Застенным городом», – сказал Масахико, отворачиваясь от компьютера.

– А что это были за штуки? – спросила Кья.

– Какие штуки?

– Вроде визитной карточки. Вылезла из-под двери. А потом другая, вроде краба, вырезанного из серой бумаги, накинулась на нее и сожрала.

– Рекламное объявление, – улыбнулся Масахико. – И подпрограмма с критическими соображениями.

– Эта серая штука ничего не критиковала, она просто сожрала белую.

– Скорее всего, человек, написавший подпрограмму, не любит рекламы, как таковой. Это не редкость. Или не любит данного конкретного рекламодателя. Причины могут быть политическими, эстетическими, личными – да какими угодно.

Кья окинула взглядом крошечную комнату.

– А почему ты не сделал себе что-нибудь попросторнее? – спросила она и тут же смутилась, что, может, это потому, что он японец и им, японцам, так привычнее. А иначе с чего бы? Самое, если подумать, тесное виртуальное пространство, какое она в жизни видела, а ведь сделать что-нибудь попросторнее было бы совсем не дороже, если, конечно, не размахиваться, как Сона, на целую виртуальную страну.

– Сама суть «Застенного города» связана с масштабом. Очень важный момент. Ведь масштаб, он и *есть* место, понимаешь? Население оригинала составляло тридцать три тысячи. Два и семь десятых гектара. До четырнадцати этажей.

Все это было не слишком понятно.

– Я выйду в сеть, ладно?

– Конечно, – сказал Масахико, указывая на «Сэндбендерса».

Она заранее приготовилась к этой фишке с двумя направлениями одновременно, но в этот раз как-то обошлось. В стеклянном кофейном столике ходили кругами грубо оцифрованные рыбки. Кья посмотрела в окно на бутафорские деревья и подумала о Мумфалумфагусе, что давно что-то его не видно. Большой розовый динозавр с длинными, дурацкими ресницами, она и говорить-то еще толком не умела, когда отец сделал эту игрушку.

Как там на столе в смысле почты? Ничего нового.

Можно позвонить отсюда. Поговорить с мамой. Ну да, конечно.

«Привет, мамочка, а я в Токио. В „отеле любви“. Тут за мной какие-то гоняются. Потому что одна тетка подложила мне в сумку одну штуку. Ну и, значит, что бы ты мне посоветовала?»

Тогда, может, Келси? В облицованной мрамором прихожей (ну вот зачем такое пижонство?) чей-то, не Келсин, голос сообщил, что в настоящий момент Келси ван Тройер нету дома. Кья удалилась, не оставив никаких сообщений. Потом она попробовала адрес Соны, но там у провайдера завис сервер. В Мексике такое сплошь и рядом, а особенно в Мехико, где живет Сона. Оставалось одно: попытать счастья в ее тайной стране, там сервер другой, аризонский, и никогда не падает. Правда, Сона сильно не любила, чтобы люди шастали туда без приглашения, и не по злобе какой, а просто из опасения, что фирма, создавшая когда-то этот сайт, вспомнит о нем и узнает, что Сона прибрала его к рукам и полностью перестроила.

Кья спросила у «Сэндбендерса», откуда она сейчас работает, и он ответил, что из Хельсинки, так что переадресовочная система отеля работает, хоть это слава богу.

Во владениях Соны были вечерние сумерки. Чуть-чуть после заката, как и всегда. Кья осмотрела дно пересохшего бассейна на предмет Сониных ящериц, но их чего-то не было. А ведь обычно сидят там, ждут. Странно.

– Сона?

Она взглянула вверх, надеясь увидеть этих жутковатых кондоров не кондоров, огромных птиц, которых держала у себя Сона. Небо – просто закачаешься, но совершенно пустое. Первоначально именно небо было самым важным элементом этого сайта, фирма на него не поскупилась. Серьезное небо: глубокое и чистое, фантастического мексиканского цвета, вроде как бледная бирюза. Они приводили сюда клиентов, покупателей, демонстрировали им самолеты бизнес-класса, существовавшие еще только в чертежах. Здесь была тогда взлетно-посадочная

полоса из белого бетона, но потом Сона сложила из нее каньон и разрисовала все по-своему. И весь этот местный колорит тоже был от Соны – прогоревшие костры, и сухие бассейны, и обвалившиеся стены. Она включила сюда пейзажные файлы, а может, даже кое-что из настоящих пейзажей, знакомых ей по какому-нибудь уголку Мексики.

– Сона?

На ближнем склоне что-то загремело, словно камешки по жести.

Ерунда. Ящерица, наверное. А Соны здесь нет.

Треск, как сухой сучок сломался. Ближе.

– Не выдрючивайся. Сона!

И все же ее выход из сайта был похож на поспешное бегство.

Рыбки. Как плавали, так и плавают.

Жуть какая-то в этой Сониной стране, прямо мурашки по коже. Никаких вроде бы оснований, а все равно жуть. И даже теперь, все равно жутко. Кья взглянула на дверь своей спальни и вдруг задумалась: что там, за ней? Вот если войти, что там будет? Кровать, постер «Ло Рез Скайлайн», виртуальный Ло, приветствующий ее в своей всегдашней беззаботной манере. А вдруг там что-нибудь другое? Затаилось и ждет. Вроде как там, когда со склона покатились камни. Или вот если взять и войти в еле намеченную дверь маминой спальни, что тогда? А вдруг там и вправду будет мамина спальня, только не мама будет в этой спальне, а что-то другое?

Ну да, конечно, серый волк в чепчике с оборочками. Чушь это все, и не надо нагонять на себя идиотские страхи. Кья взглянула на стопку альбомов «Ло/Рез», на литографированную жестяную коробку, на виртуальную Венецию. Пообщаться с Мьюзик-мастером? Какая ни на есть, а все же компания. Она открыла Венецию, пару секунд наблюдала, как разархивируется Пьяцца, как огромной, небывало сложной бумажной игрушкой разворачиваются и встают колонны и фасады, как повисает над ними предрассветное небо.

Отвернувшись от воды, где чернели гондолы, похожие на знаки древней, забытой и сгинувшей музыкальной нотации, Кья подняла палец и ринулась в каменный лабиринт; в голове ее крутилась неотвязная мысль, что вот же, когда-то это место было таким же чужим и непонятным, как «Застенный город» со всеми его окнами и закоулками, а где-то в глубине сознания другая мысль, тревожная: это что же такое происходит?

И только на третьем мосту она заметила, что его, Мьюзик-мастера, почему-то нет.

– Эй.

Кья остановилась. За витринным стеклом – карнавальные маски. Старинные, настоящие. Черная кожа, пенисовидные носы, пустые глазницы. Мутное зеркало, задрапированное вылинявшим крепом.

А может, сама же его и отключила? Проверила компьютер. Нет, не отключила.

Она закрыла глаза, досчитала до трех. Вспомнила отель «Дай», заставила себя ощутить ворсистую жесткость застланного ковром пола. Снова открыла глаза.

В конце узкой, мощенной булыжником улочки, там, где она выходила на крохотную, с фонтаном посередине площадь, маячила какая-то незнакомая фигура.

Кья сдернула очки, не позаботившись даже выключить Венецию.

Глаза Масахико прикрыты черными присосками, губы беззвучно шевелятся, пальцы в черных наперстках выводят в воздухе мелкую кружевную вязь, а за его спиной…

На лохматой розовой кровати сидела Мэриэлис. С незажженной сигаретой в губах. В ее правой руке был маленький, странноватой формы пистолет. Кья машинально отметила, как контрастируют красные, свеженаманикюренные ногти с жемчужно-серым пластиком рукоятки.

– Ну вот опять, – сказала Мэриэлис, не выпуская сигарету изо рта, и нажала курок.

Из дула пистолета метнулся узкий язычок золотистого пламени. Мэриэлис прикурила, выпустила облако дыма и вздохнула:

– Токио, он и есть Токио. Здесь всегда так.

27
Настоящая жизнь

В туалете, стоя у черного резинового писсуара, Лейни краем глаза заметил русского, который причесывался перед зеркалом.

Во всяком случае, писсуар был похож на резиновый, с такими вроде как обвислыми краями. Интересно, а вот теперь, при работающей канализации, что бы они сказали человеку, пожелавшему внести свой скромный вклад в «Грот»? По пути сюда он обратил внимание на бар со стойкой из подсвеченной снизу плиты какого-то прозрачного, мутно-зеленого камня; оставалось только надеяться, что плиту эту выпилили где-нибудь, ну, скажем, в горах, а не здесь же рядом, на лестнице.

Ужин уже закончился, и Лейни чувствовал, что немного перебрал по части сакэ. Весь вечер они с Арли и Ямадзаки наблюдали за встречей Реза с этой новой, исправленной и улучшенной, версией идору – той, которая представлялась Вилли Джуду большой алюминиевой флягой. А Блэкуэллу приходилось понемногу осваиваться с ситуацией; судя по всему, он и в мыслях не имел ничего подобного, пока не услышал от Реза, что вот она, здесь.

Арли разговаривала в основном с Ло, в основном о недвижимости. О всяких его владениях по всему миру. Тем временем Лейни слушал, как Ямадзаки развивает свою мысль насчет попытать счастья с этим малолетковым фэн-клубом; может статься, в этом и вправду что-то есть, но сразу вот так не скажешь, надо попробовать. Блэкуэлл и двух слов никому не сказал, он пил не сакэ, а лагер и ел с такой истовой старательностью, словно хотел нечто закупорить, словно в системе охраны обнаружилась брешь, которую можно устранить, если набить в нее побольше сасими. Австралиец орудовал палочками с ловкостью циркового жонглера, он мог бы, пожалуй, засадить тебе такую палочку в глаз с расстояния в полсотни шагов. Но главным аттракционом этого цирка были Рез с идору и – в несколько меньшей степени – Куваяма, поддерживавший беседу с ними обоими. Другой японец, Одзаки, держался в стороне; надо думать, его пригласили просто на случай, если потребуется заменить в этой фляге батарейки. Вилли Джуд был весьма приветлив и общителен, только вот общался он преимущественно ни о чем.

Памятуя, что техники разносят сплетни, как мухи – заразу, Лейни пару раз попробовал закинуть удочку в этом направлении,

однако поплавок даже не шелохнулся. Одзаки отвечал коротко и сугубо по существу. Поскольку Лейни не мог смотреть на Рэй Тоэй, не срываясь в узловое восприятие, ему пришлось ограничить намеченное на этот вечер подглядывание прочими доступными объектами, самым привлекательным из которых представлялась Арли. В очертаниях ее подбородка было нечто такое…

Лейни застегнулся и пошел мыть руки. Раковина здесь была из того же черного, дряблого материала, что и писсуар. Русский все еще причесывался. Конечно же, на этом мужике не было прямо вот так написано, что он – русский, но уж больно примечательная экипировка: черные спецназовские ботинки с белой прострочкой, штаны с черными, шелковыми лампасами и белый кожаный смокинг. Пусть даже и не русский, но наверняка нечто связанное с «Комбинатом», этой мутантной комми-мафиозной заразой.

Русский чесал свои кудри столь самозабвенно, что поневоле приходила на ум муха, охорашивающаяся при помощи передних лапок. Мужик он был длинный и крепкий, и голова у него тоже была длинная, хотя и узкая, похожая по форме на винтовочную пулю концом вверх. Усердие русского казалось несколько избыточным, потому что причесывать ему было, в общем-то, нечего, особенно на острой макушке. Чего только не бывает, вяло удивился Лейни, слыхавший от кого-то, что вся эта публика – большие энтузиасты по части имплантирования волос. Если верить Райделлу, здесь, в Токио, этих «комбинатских» что собак нерезаных, он видел про них документальный фильм, про то, какие они жестокие, и что из-за этой их дикой, почти сюрреальной жестокости все остальные боятся с ними связываться. Потом Райделл начал рассказывать о двоих русских, сан-францисских, вроде бы копах, с которыми он где-то там схлестнулся, но Лейни нужно было на встречу с Райсом Дэниелзом и телевизионным гримером, и он так и не дослушал эту историю.

Лейни оскалил зубы, проверяя, не застряла ли между ними какая-нибудь часть ужина.

Когда он выходил из туалета, русский все еще причесывался.

Ямадзаки стоял посреди зала, моргая и потерянно озираясь.

– Это здесь, рядом, – сказал Лейни.

– Это?

– Сортир.

– Сортир?

– Туалет. Мужской.

– Но я ищу не туалет, а вас.

– Ну вот и нашли.

– Я обратил внимание, когда мы сидели за столом, что вы избегали смотреть на идору.

– Верно.

– Я рискнул предположить, что плотность потока информации была достаточна для перехода восприятия в узловую…

– Опять верно.

– Понятно, – кивнул Ямадзаки. – Однако с видеоклипами и даже с «живым» выступлением все будет иначе.

– С чего бы это? И вообще, чего нам здесь стоять? – Лейни повернулся и пошел к столу.

– Частотная полоса. – Ямадзаки последовал за ним. – Сегодня нам продемонстрировали прототип широкополосной версии.

– А нам оплатят участие в бета-тестировании?

– Вы не могли бы, пожалуйста, описать в общих чертах свои узловые впечатления?

– Что-то вроде воспоминаний. Или отрывков из фильма. Но то, что сказал этот барабанщик, наводит на подозрение, что я попросту видел ее последний клип.

Сильный толчок в спину бросил Лейни прямо на ближайший столик; он почувствовал, как вдребезги разлетелся под ним стакан, увидел на мгновение туго обтянутые серым колени какой-то женщины, услышал первые звуки ее нарастающего, как вой сирены, крика, а затем столик рухнул. Что-то – возможно, ее же нога – садануло его по голове.

Лейни привстал на колени, держась за гудящую от боли голову, посмотрел по сторонам и живо вспомнил физический опыт, который делали в Гейнсвилле на уроке. Поверхностное натяжение. Припороши воду в стакане мелко размолотым перцем. Поднеси к поверхности воды кончик иголки, и перчинки мгновенно разбегутся по сторонам, словно живые и до смерти перепуганные. То же самое происходило сейчас и здесь, только в роли перчинок выступали клиенты «Западного мира», а иголка была явно нацелена на Резов столик.

Фалды белого кожаного смокинга… но тут сорванный с места танк завертелся и двинулся в его сторону, огромный и невесомый, на плечах брызнувших врассыпную людей, а еще через мгновение свет потух.

В темноте крик толпы взмыл до такого невыносимого визга, что Лейни заткнул уши, вернее, попытался заткнуть, потому что кто-то об него тут же споткнулся и он упал на спину, инстинктивно сжавшись в тугой комок и прикрывая руками затылок.

– Вставай, вставай, – сказал где-то рядом Вилли Джуд. – А то по тебе ходить будут. Я тут все вижу. – Невидимая в темноте рука взяла его за запястье. – В инфракрасном.

– А в чем дело? – Лейни позволил поднять себя на ноги. – Что тут происходит?

– Не имею ни малейшего, но надо делать ноги. Тут скоро такое начнется…

Словно в подтверждение его слов, по ушам ударил чей-то дикий, болезненный вопль.

– Блэкуэлл. – Вилли схватил Лейни за пряжку ремня и потащил за собой. – Один-ноль в его пользу.

Какое-то время Лейни пытался ощупывать воздух, однако после того, как кто-то врезался в него лоб в лоб и что-то рявкнул по-японски, он прикрыл лицо согнутыми в локтях руками и покорно двинулся туда, куда тащил его барабанщик.

Еще несколько шагов, и крики переполошенных людей заметно стихли, стали звучать словно издалека.

– Где мы сейчас? – спросил Лейни.

– Сюда…

Правая голень Лейни болезненно ударилась о что-то твердое.

– Табуретка, – сказал Вилли. – Прости, пожалуйста.

Хруст стекла под ногами.

Проблеск света, тут же превратившийся в зеленую, повисшую в темноте петлю, еще несколько шагов, и Лейни увидел «Грот». Рука Вилли Джуда отпустила его ремень.

– Здесь ты уже видишь, да? При этой биолюминесцентной хрени?

– Да, – кивнул Лейни. – Спасибо.

– А мои очки ее не берут. Или нормальный свет, или инфракрасное от нагретых тел, а ступеньки холодные, я их не вижу. Отведи меня вниз.

Рука в руке, Лейни и Вилли Джуд начали осторожно спускаться по лестнице. Три одетые в черное фигуры мелькнули мимо них и исчезли внизу, оставив на зассанных ступеньках черную лаковую туфельку с высоким каблуком; Лейни отфутболил ее в пролет.

Этажом ниже, на темной лестничной площадке, их поджидала Арли с высоко занесенной бутылкой из-под шампанского. В призрачном биолюминесцентном свете помада на ее губах казалась темно-серой, а пятнышко крови в уголке рта – черным.

– Где ты был? – спросила она и медленно опустила бутылку.

– В туалете, – ухмыльнулся Лейни.

– Ты пропустил весь спектакль.

– А что это было?

– Ну вот, пожалуйста, – сокрушенно вспомнила Арли, – я еще и плащ забыла.

– Двигайтесь, двигайтесь, – поторопил их Вилли.

Ступеньки, площадки, снова ступеньки, зеленоватые наросты постепенно исчезли, сменились гладким, безликим бетоном, а люди все сыпались и сыпались сверху, группами и поодиночке, перескакивая через две-три ступеньки. Саднящая боль в груди напоминала Лейни о недавнем падении на столик, о громко хрустнувшем стакане. Он опасливо потрогал пострадавшее место. Да нет, вроде обошлось, ничего не разрезано.

– «Комбинат», наверное, – сказала Арли. – Здоровенные мужики, кошмарно одетые, а морды так вообще не приведи господь. Не знаю уж, кто был им нужен, Рез или идору. Думали, наверное, что могут вот так вот заявиться туда и делать что угодно.

– А что им угодно?

– Не знаю. Но за двумя соседними столиками сидела сплошь охрана Куваямы, человек двенадцать. А Блэкуэлл, так тот, наверное, каждый день, отходя ко сну, просит Бога послать ему заварушку вроде этой. Я видела, как он сунул руку в карман, и сразу же свет потух.

– Ну да, – кивнул Вилли Джуд, – это он все выключил. Пульт какой-то дистанционный. Сам-то он видит в темноте получше, чем я с этими инфракрасными штуками. То ли глаза у него такие, то ли еще что.

– А ты-то как оттуда выбралась? – спросил Лейни.

– Фонарик. В сумочке был.

– Лейни-сан…

Пролетом выше Ямадзаки, левый рукав зеленого клетчатого пиджака полуоторван, в очках недостает одного стекла. Арли вынула из сумочки мобильник и негромко ругалась, пытаясь заставить его работать.

Ямадзаки догнал их на следующей площадке. Дальше они спускались все вместе, Лейни все так же вел слепого барабанщика за руку.

Первый этаж. Входная дверь широко распахнута, все мрачные стражи «Западного мира» куда-то запропастились. Сиротливый полицейский в пластиковой накидке поверх плаща истерически бормочет в пристегнутый к лацкану микрофон. В процессе истерического бормотания он ходит тесными кругами, драматически жестикулируя белой дубинкой. Разноголосое улюлюканье нескольких сирен, мчащихся к «Западному миру» со всех четырех сторон света, сверху рокот заходящего на посадку

вертолета. Снизу вроде бы тихо.

Вилли Джуд отпустил руку Лейни и отрегулировал свои очки на уровень уличного освещения.

– Где моя машина?

Арли опустила руку с заработавшим вроде бы телефоном.

– Слушай, Вилли, иди-ка ты лучше с нами. Сейчас здесь будет целая армия…

– Бесподобно, – сказал Рез; он вышел из «Западного мира», отряхивая темный пиджак от чего-то белого. – Настоящая, телесная жизнь. Мы столько сидим в виртуале, что начинаем ее потихоньку забывать. Вас ведь звать Лейнер?

Протянутая для пожатия рука.

– Лейни, – поправил Лейни, и тут же рядом с ними притормозил темно-зеленый минивэн.

28
Проблема доверия

Мэриэлис открыла изогнутый ящичек, вделанный в изголовье розовой кровати, и достала оттуда синее стеклянное блюдечко. На ней был черный костюм с большими, в стиле Ашли Модин Картер, золотыми розами на лацканах.

– Терпеть не могу эти забегаловки, – сказала она, пристраивая блюдечко на колене. – Есть уйма способов сделать секс безобразным, но тут и того хуже, просто смех и убожество. – Кроваво-красный ноготь скинул на блюдечко серый столбик сигаретного пепла. – Да и вообще, сколько тебе лет?

– Четырнадцать, – сказала Кья.

– Вот так я им и говорила. Четырнадцать, ну, может, пятнадцать, и думать нельзя, что такая малолетка меня окрутила. Это ж *я* окрутила *тебя*, верно? Все делалось по моей инициативе. Я сама придумала зарядить тебя. А они все равно не верят. Говорят, что ты вроде как агент, а я – дура набитая, что Рез нарочно подослал тебя в «Си-Так», чтобы перехватить эту хрень. Говорят, что ты – подстава и только такая, как я, дура может думать, что ребенок на такое не способен. – Мэриэлис выпустила круглое облачко дыма и прищурилась. – А где она сейчас? – Взгляд вниз, на расстегнутую сумку, стоящую рядом с кроватью. – Здесь?

– Я совсем не хотела ее брать. Я и не знала, что она там.

– Да понимаю я, все понимаю, – вздохнула Мэриэлис. – Я так им сразу и сказала. Я не спешила снять ее с тебя, думала, в клубе будет удобнее.

– Я ничего в этом не понимаю, – сказала Кья. – И мне страшно.

– Иногда я провожу для Эдди всякую хрень. Мелкие услуги кому-то там еще, кто устроил ему клуб. Это незаконно, но, как бы это тебе сказать, *не очень* незаконно. Ничего жесткого. А на этот раз он решил приработать на стороне, связался с русскими, и мне это сразу не понравилось. Эта хрень меня попросту пугает. Она словно живая.

– Какая хрень?

– Эта. Ассемблеры, так их называют.

Кья взглянула на свою сумку.

– Так эта штука в моей сумке – нанотеховый ассемблер?

– Скорее, это затравка, для начала. Нечто вроде яйца или маленького заводика. Включаешь ее в другую машину, которая их

программирует, и они начинают мастерить себя из всего, что есть под рукой, а когда их наберется достаточно, они начинают мастерить то, что уж там ты от них хотел. Есть какой-то вроде как закон, запрещающий продажу этих штук «Комбинату», поэтому они готовы на все, лишь бы их достать. А Эдди, он придумал, как это сделать. Я встретила двух этих жутких немцев в «си-таковском» «Хайате». Они прилетели туда откуда-то, я так думаю, из Африки. – Мэриэлис раздавила окурок о голубое блюдце, отчего табачная вонь стала еще хуже. – Они не хотели давать мне эту штуку, говорили, что ожидали увидеть самого Эдди. Начались звонки туда-сюда. В конце концов их уломали. Мне полагалось закинуть ее в чемодан вместе с обычными шмотками, но я замандражировала. Начала налегать на лекарство от мандража.

Она бегло осмотрелась по сторонам, поставила блюдце с раздавленным окурком на прикроватную тумбочку и сделала что-то такое, отчего передняя стенка тумбочки откинулась. Это был холодильник, заставленный маленькими бутылочками. Мэриэлис наклонилась и начала изучать ассортимент, хитрая зажигалка соскользнула с кровати на белый ковер.

– А текилы нету, – пожаловалась Мэриэлис, доставая из холодильника квадратную бутылочку с рыбой на этикетке. – Ну вот кто бы, спрашивается, мог назвать водку «Возвращение лосося»? Только японцы, это для них нормальный ход. А сделать зажигалку в виде пистолета, – она скользнула глазами по упавшей зажигалке, – это уж точно только русские могут, это *для них* нормальный ход.

Кья заметила, что волосы Мэриэлис стали раза в два короче, лишились тех удлинений.

– В «Си-Таке», – сказала она, – когда брали пробы на ДНК, вы подсунули им удлинения…

Мэриэлис вскрыла бутылочку, залпом ее осушила и удовлетворенно передернулась. И только потом ответила.

– Все эти удлинения, – сказала она, – из моих родных волос. Отрастила их на стороне, пока сидела на, ну, вроде как диете, ты меня понимаешь? Эти, в аэропорту, они со своими анализами заодно секут людей, любящих поразвлечься. Некоторые развлекалки остаются в волосах на не знаю сколько времени. – Пустая бутылочка встала рядом с блюдцем-пепельницей. – А этот, – красный ноготь ткнул в сторону Масахико, – он что сейчас делает?

– В сети работает, – сказала Кья; объяснять про «Застенный город» было бы слишком долго, да и вообще ни к чему.

– Уж это-то я и сама вижу. Вы пришли сюда из-за того, что эти забегаловки переадресовывают, верно?

– Но ты меня все равно нашла.

– Хорошие связи в таксомоторной компании. Я решила, что стоит попробовать. Но русские, они ведь тоже об этом подумают. Или уже подумали.

– Но как ты вошла? Тут же все заперто.

– Я, милочка, знаю в таких местах все ходы и выходы. Я вообще знаю больше, чем следовало бы.

Масахико снял с глаз черные чашечки, увидел Мэриэлис, взглянул на чашечки, а затем – на Кья.

– Это Мэриэлис, – сказала Кья.

Гоми-бой был аниме-шаржем на самого себя, огромные глаза, а прическа даже выше и загогулистее, чем в натуре.

– Кто пил водку? – вопросил он.

– Мэриэлис, – сказала Кья.

– Какая еще Мэриэлис?

– Она сейчас там, в этом номере.

– Это эквивалентно двадцати минутам в сети, – сказал Гоми-бой. – А как она попала в ваш номер? В отеле «Дай» такого не бывает.

– Долго объяснять, – ответила Кья.

Они снова были в комнате Масахико. Возвращение в «Застенный город» прошло легко и быстро, безо всякой беготни по лабиринтам, просто кликнули «возврат» и в секунду добрались. Мимо иконки, напоминавшей ей про не закрытую Венецию, но иконка мелькнула и сразу исчезла, так что не было времени среагировать. Возможно, там так устроено, что, если раз зашел, вернуться можно по-быстрому. Масахико сказал, что им нужно туда, и поскорее, потому что какие-то неприятности, а Мэриэлис сказала, что пожалуйста, она не возражает, и они ушли в сеть, хотя Кья была совсем не в восторге, что Мэриэлис остается в номере считай что одна.

– Этой карточки хватит еще на двадцать шесть минут в номере, – сказал Гоми-бой. – Если только твоя подружка не вдарит еще раз по водке. У тебя есть счет в Сиэтле?

– Нет, – мотнула головой Кья, – только у мамы…

– Туда мы уже заглянули, – сказал Масахико. – На съем этого номера плюс выходы в сеть кредита твоей матери никак не хватит. У твоего отца…

– *Отца?*

– …есть подотчетный счет в сингапурском коммерческом банке, где он работает…

– Откуда вы это знаете?

– Откуда? – Гоми-бой пожал плечами. – «Застенный город».

Мы умеем узнавать. Наши люди много знают.

– Я не хочу, чтобы вы залезали в папин счет, – твердо сказала Кья. – Это у него для работы.

– Осталось двадцать пять минут, – напомнил Масахико.

Кья сняла очки. Все вроде в порядке. Кроме одного. Мэриэлис вытаскивает из мини-холодильника очередной пластиковый пузырек.

– Не трогай!

Мэриэлис виновато взвизгнула и уронила бутылочку.

– Тогда, может, немножко рисовых крекеров?

– Ничего, – отрезала Кья. – Здесь все очень дорого. У нас кончаются деньги.

– О!.. – Мэриэлис вскинула глаза и несколько раз сморгнула. – Ведь и правда. А у меня так и вообще ничего нет. Эдди наверняка аннулировал мои карточки, а к тому же, попробуй я ими за что-нибудь заплатить, он тут же узнает, где мы.

– Мы вышли на подотчетный счет твоего отца, – сказал Масахико, не поворачиваясь и не снимая наглазников.

– Вот и чудненько, – разулыбалась Мэриэлис.

– Пусть они ее забирают, эту свою нанофиговину, – сказала Кья, торопливо сдергивая наперстки. – Я ее тебе верну прямо сейчас, а ты отнесешь ее им, отдашь и скажешь, что это была просто ошибка.

Не вставая с пола, на четвереньках она подобралась к расстегнутой сумке, покопалась в ней и протянула Мэриэлис растерзанный сверток. Между лохмотьями скотча и сине-желтого пакета с эмблемой «си-таковского» дьюти-фри проглядывали темно-серый пластик и ряды маленьких, аккуратных дырочек; наноассемблер (если это действительно наноассемблер) выглядел странновато, но вполне невинно, нечто вроде перцемолки работы какого-то шизанутого дизайнера.

– Вот, бери. Объясни им, что все в порядке. Что это просто недоразумение.

– Не надо, – отшатнулась Мэриэлис, – положи ее на место. Видишь ли, – она судорожно сглотнула, – проблема совсем не в том, недоразумение это или не недоразумение. Проблема в том, что и так и так они нас убьют, потому что мы знаем об этой штуке. А Эдди, он и слова им против не скажет. Потому что не может. А еще потому, что он вроде как сыт мной по горло, этот мелкий, неблагодарный, вонючий заебыш… – В ее голосе не было злобы, только тоска и усталость. – Так что на него рассчитывать не приходится.

– Счет вскрыт, – сказал Масахико. – Вернись к нам,

пожалуйста. Тут у тебя гость.

29
Ее плохая сторона

В фургончике пахло резиной и разогретой электроникой. На месте снятых задних сидений чернели аппаратурные блоки, опутанные проводами и проложенные комками пузырьковой упаковки.

Рез сидел впереди, рядом с водителем, тем самым калифорнийским самураем из Акихабары. Лейни пристроился на одном из блоков, между Арли и Ямадзаки; за их спинами с такими же примерно удобствами разместились Вилли Джуд и третий техник, рыжий. При каждом толчке Лейни страдальчески морщился; боль в ушибленном о столик боку не только не утихала, но и становилась все сильнее. Уже здесь, в машине, он обнаружил на своем левом носке кровь, но так и не сумел разобраться, из какого она места, да и вообще – своя или чья-нибудь.

Арли прижимала к уху мобильник.

– Восьмой вариант, – сказала она, обращаясь, как видно, к водителю; тот тронул клавишу дорожной карты, по экрану побежали кварталы Токио, нарезанные координатными линиями на ровные квадратики. – Мы берем Реза с собой.

– Отвезите меня в «Империал», – сказал Рез.

– Приказ Блэкуэлла.

– Дай-ка я сам с ним поговорю. – Рез повернулся и взял у нее трубку.

При повороте налево, с узкой улочки на широкую, свет фар на мгновение выхватил людей, вразброд спешивших оказаться как можно дальше от «Западного мира»; никто из них не переходил на бег, все изображали из себя случайных прохожих, таких себе любителей подразмять ноги перед сном. Обе улицы были довольно невзрачными, плотно застроенными и – если не считать прикидывающихся ветошью пешеходов – совершенно пустынными.

– Кити, – сказал Рез, – я хочу вернуться в свой отель.

Справа и чуть впереди из-за домов вынырнула жестокая, ослепительная звезда полицейского вертолета, по белому бетону побежали угольно-черные тени. Рез слушал трубку. Мелькнула и исчезла позади всенощная лапшовая обжираловка, тусклая желтизна пластиковых, полупрозрачных занавесок, суматошливое мелькание на экранчике маленького телевизора. Арли схватила Лейни за колено и ткнула пальцем вперед, через Резово плечо.

Справа на перекресток вылетели три белых броневика с пронзительно-голубыми мигалками на кургузых, угловатых башнях; они пересекали улицу чуть не под самым носом минивэна и пропали из виду, беззвучные, как тени.

Рез снова повернулся и протянул Арли ее мобильник.

– Кити малость не в себе. Хочет, чтобы я пошел с вами и ждал его там.

– А он уже знает, что это такое было? – поинтересовалась Арли, забирая трубку.

– Любители автографов, – ухмыльнулся Рез и начал поворачиваться.

– А что случилось с идору? – спросил Лейни.

– С идору? – уставился на него Рез. – А вот если бы вы умыкнули эту новую платформу – прекрасная, кстати, работа, – что бы это вам дало?

– Не знаю.

– Единственная реальность Рэй находится в плоскости непрерывного творчества, порождения. Не состояние, а *процесс*, бесконечно больший суммы всех ее «я», прошлых и будущих. Платформы тонут под ней, одна за другой, а она становится все сложнее, все осязаемее… – Зеленые миндалевидные глаза мечтательно затуманились.

Рез отвернулся. Арли осторожно прикладывала к рассеченному углу рта бумажный носовой платок.

– Лейни-сан… – Ямадзаки, шепотом. Сует что-то в руку. Наглазники с проводом. – У нас тут база данных по глобальной активности фэнов…

Ребра ноют со страшной силой. Может, трещина? А кровь, это из ноги?

– Чуть попозже, ладно?

Номер Арли был вдвое больше номера Лейни. В нем имелась даже миниатюрная гостиная, отделенная от спальни и ванной золочеными створчатыми дверьми. У четырех стульев, стоявших в гостиной, были очень высокие, очень узкие спинки с навершиями из матированной нержавейки в форме неизбежных эльфийских колпаков. На одном из этих поразительно неудобных стульев и сидел сейчас Лейни, сидел, скрючившись от боли и нянькая пострадавший бок. Кровь оказалась все-таки его собственной, с ободранной лодыжки. У Арли в ванной нашлась вполне профессиональная аптечка скорой помощи, и он залепил ссадину микропоровым пластырем. С ребрами было сложнее; здесь, пожалуй, могло бы помочь что-нибудь вроде эластичной повязки, но в аптечке ничего на этот счет не нашлось.

Справа на соседнем стуле Ямадзаки воссоединял пиджак с рукавом при посредстве анодированных под золото булавок из эльфийско-колпачного швейного набора. Такие наборы имелись в каждом номере каждой, наверное, гостиницы, но Лейни никогда еще не видел, чтобы ими пользовались. Ямадзаки снял поврежденные очки и работал, чуть не прижимая пиджак к носу; в его фигуре было что-то мирное, почти старушечье. Еще правее сидел, молодецки распрямившись, огненновласый техник с весьма для такой масти уместной фамилией Шеннон; он читал глянцевый журнальчик, явно прихваченный из какой-то халявной раскладки.

Рез лежал на кровати, подоткнув под плечи все наличествующие подушки, а Вилли Джуд сидел у него в ногах, прочесывая с помощью своих гляделок телевизионный эфир. Судя по всему, разгром «Западного мира» не попал еще в выпуски новостей, хотя на одном из клубно-развлекательных каналов и проскользнуло нечто вроде намека.

Арли стояла у окна, прижимая к распухшей губе кубик льда, завернутый в белую тряпочку.

– А когда его ждать, хотя бы примерно? – спросил Рез.

– Понятия не имею, – сказала Арли. – Но Блэкуэлл весьма настойчиво просил, чтобы ты его дождался.

Рез обреченно вздохнул.

– Слушай, Рез, – сказал барабанщик, – ты бы не мешал людям о тебе заботиться. Это их работа.

Блэкуэлл велел Резу ждать его, неявно подразумевая, что ждать будут и все остальные. Лейни ничуть в этом не сомневался, но все равно решил улизнуть в свой номер. Ничего они ему не сделают, в крайнем случае – не выпустят. Оставалось только выбрать подходящий момент.

Долгожданный австралиец вошел в гостиную без стука, на ходу засовывая в карман нечто черное, и близко не похожее на стандартный гостиничный ключ. На его правой щеке нежно розовел косой крест из пластыря; та полоска, что подлиннее, начиналась у подбородка и почти достигала единственного уха.

– Привет, Кити, – ухмыльнулся Рез.

– Вот ты слинял без сопровождения, – сказал Блэкуэлл, – а совершенно зря. Эти русские, они ребята серьезные. И грубые. Было бы очень некстати, если бы они тебя повинтили. Совсем некстати. Тебе бы это не понравилось.

– А как там Куваяма и платформа?

– Платформа, говоришь? – Блэкуэлл подошел к кровати и почти навис над певцом. – Знаешь что, Рез, я видел тебя в обществе таких баб, что я бы с ними срать в одном поле не стал,

ни самой темной ночью. Но так это были по крайней мере бабы. *Люди*. Ты слышишь, что я говорю?

– Слышу, Кити, прекрасно слышу. Я знаю, как ты к этому относишься. Но ты еще изменишь свою точку зрения. Такие уж, Кити, наступают времена. Новые времена. Новый мир.

– Я ничего такого не знаю. Мой папаша состоял в профсоюзе маляров и докеров, секция докеров. Когда я пошел по кривой дорожке, это разбило его сердце. Он умер как раз перед тем, как ты вытащил меня из секции «Б». Он бы очень порадовался, что я принял на себя ответственность. За тебя, Рез. За твою безопасность. А вот теперь я уже и не знаю. Может, он и не стал бы особо радоваться. Может, он сказал бы, что я подтираю сопли придурку с чрезмерно раздутым самомнением.

Рез спрыгнул на пол одним длинным кошачьим движением и встал перед Блэкуэллом, положив руки на его огромные плечи.

– Но ведь ты только так говоришь, Кити, ты так не думаешь, верно? В Пентри же ты так не думал. Когда ты пришел за мной. И когда я вернулся за тобой – тоже не думал.

Блэкуэлл открыл было рот для ответа, но в этот самый момент встал Ямадзаки, чтобы надеть аварийно отремонтированный пиджак. До предела вывернув шею, японец близоруко прищурился на сверкающие золотом булавки – и вдруг почувствовал, что все на него смотрят. Он смущенно прокашлялся, несколько раз моргнул и сел.

В комнате повисла тишина.

– Не по делу, Роззер, – сказал наконец Блэкуэлл.

– Ну, ладно. Перегнул я немного. Понимаю. – Рез улыбнулся и хлопнул охранника по плечу. – Так что все-таки с Куваямой? С платформой?

– У него была там своя бригада.

– А что наши веселые гости?

– Вот тут малость странно, – нахмурился Блэкуэлл. – Комбинатские, Рез. Говорят, что мы что-то там у них украли. Во всяком случае, тот, с кем я успел побеседовать, ничего больше не знал.

По лицу Реза скользнуло удивление, тут же, правда, исчезнувшее.

– Отвези меня в отель, – сказал он.

– Мы еще там прочесываем. Я свяжусь с ребятами… – Взгляд на огромные стальные часы. – Минут через двадцать.

Момент казался вполне подходящим.

– Я пойду приму горячий душ, – сказал Лейни, направляясь мимо Блэкуэлла к двери. – В ребрах, похоже, трещина. – Будто не слышат. – Буду нужен, так свистните.

Он открыл дверь, вышел в коридор, закрыл ее за собой и поковылял в сторону (вроде бы) лифта.

Не вроде бы, а точно. Войдя в лифт, он привалился спиной к зеркальной стенке и тронул кнопку своего этажа.

Лифт сказал что-то ласковое и утешительное. По-японски.

Дверь закрылась. Лейни закрыл глаза.

Мягкий толчок остановки, дверь открылась. Лейни открыл глаза. Вышел, повернул не туда, куда надо, затем – туда, куда надо. Нащупывая в кармане бумажник, где лежит ключ. Вот, все на месте. Ванна, горячий душ, по мере приближения к номеру эти понятия становились все более абстрактными. Спать. Вот именно. Раздеться, лечь и вырубиться.

Он затолкнул ключ в паз. По нулям. Еще раз. Щелк.

Кэти Торранс сидит на его кровати. Улыбнулась. Указала на экран, на фигуры на нем. Одна из фигур – он сам, голый. С эрекцией, превосходящей все разумные пределы. Лицо девушки смутно знакомо, но никак не вспомнить. А уж такого, что на экране, он точно никогда и ни с кем не выделывал.

– Заходи, – сказала Кэти, – чувствуй себя как дома. На это стоит посмотреть.

– Это не я, – сказал Лейни.

– Знаю. – Кэти явно наслаждалась ситуацией. – У него *гораздо* больше. Я прямо *мечтаю* посмотреть, как ты это будешь доказывать.

30
Этруск

Кья торопливо надела наперстки, гляделки, кивнула Масахико, и он вернул ее в свою комнату. Тот же самый мгновенный переход, мигающая иконка Венеции… Кроме Гоми-боя, там был еще кто-то, хотя сперва она его не увидела. Только этот стакан на столе, где его раньше не было, проработанный с куда большим разрешением, чем все остальное в комнате: грязный, захватанный жирными пальцами, со сколом у края, ко дну что-то присохло.

– Эта женщина… – начал Гоми-бой, но тут кто-то откашлялся. Странное, сухое дребезжание.

– Вы *интересная* юная особа, – сказал голос, непохожий ни на что, что Кья когда-либо слышала, потусторонний, приглушенный скрежет, который, пожалуй, можно бы было скомпилировать из библиотеки сухих, еле слышных, случайных звуков. Чтобы долгие гласные – из пения проводов на ветру, а согласные – из стука сухих листьев об оконное стекло. – *Юная* особа, – повторил голос, за чем последовало нечто совсем уж неописуемое, наверное смех.

– Это Этруск, – сказал Масахико. – Этруск вскрыл для нас подотчетный счет твоего отца. Он весьма искусен.

Что-то там, на секунду. Вроде черепа. Над грязным стаканом. Кривая, пренебрежительная улыбка.

– Пустое…

Презентация, вот и все. Вроде как Сона – на ней, как она себя рисует, никогда не сфокусируешься. В этом роде, но доведено до крайности. Уйма работы по звукам. И все равно, сказала себе Кья, мне это не нравится.

И повернулась к Масахико:

– Ты привел меня сюда, чтобы познакомить с ним?

– О нет, – сказал Этруск («О» – многоголосый хорал). – Я просто хотел на вас взглянуть. – И та, вроде смеха, штука.

– Эта женщина, – повторил Гоми-бой. – Ты сама организовала встречу с ней? В отеле «Дай»?

– Нет, – качнула головой Кья. – Она проверила такси, так что ты совсем не такой хитрый, как хотел бы думать.

– Вот-вот. – Как два камешка, брошенные в мраморную чашу пересохшего фонтана.

Кья всмотрелась в стакан. На его дне свернулась сороконожка, огромная, тошнотворно-бледная тварь. С крошечными нежно-розовыми руками…

Стакан исчез.

– Прости, – сказал Масахико. – Он хотел на тебя посмотреть.

– Кто эта женщина в отеле «Дай»? – Мультяшковые глаза Гоми-боя светятся пониманием, но тон довольно жесткий.

– Мэриэлис, – ответила Кья. – Ее бойфренд стакнулся с этими русскими. Штука, за которой они охотятся, лежит там, в моей комнате.

– Какая штука?

– Мэриэлис говорит, это наноассемблер.

– Сомнительно, – поморщился Гоми-бой.

– Поди скажи это русским.

– Как бы там ни было, у тебя есть контрабанда, да? В том номере?

– У меня есть нечто, им нужное.

Гоми-бой страдальчески скривился и исчез.

– Куда он вдруг?

– Это меняет всю ситуацию, – сказал Масахико. – Ты не говорила, что таскаешь при себе контрабанду.

– Но вы же не спрашивали! Вы ни разу не спросили, почему они за мной гоняются!

– А с чего бы нам спрашивать? – пожал плечами Масахико. – Мы никак не думали, что им нужна именно ты. Другое дело – кто-нибудь вроде Этруска, его таланты могли бы вызвать у «Комбината» самый живой интерес. Многие люди слышали про Хак-Нам, но мало кто умеет туда войти. Мы действовали, чтобы защитить целостность города.

– Но ведь твой компьютер стоит сейчас в этом номере. Кто угодно может войти и взять его.

– Ничего страшного, – отмахнулся Масахико, – я уже не задействован в обработке материала. Мои обязанности перешли к кому-то другому. А Гоми-бой опасается возможных неприятностей. Владение контрабандой карается очень жестко, а он к тому же торгует подержанным оборудованием, что делает его особо подозрительным – и уязвимым.

– Да что ты все о полиции, разве в ней сейчас дело! Я-то вообще считаю, что нам бы следовало *вызвать* полицию. Мэриэлис говорит, что эти русские как только нас найдут, сразу убьют.

– Мы не можем вызвать полицию. Этруск взломал сингапурский счет твоего отца, это уголовное преступление.

– Знаешь, если выбирать между тем, чтобы меня убили или арестовали, я предпочту арест.

Масахико задумался.

– Пошли, – сказал он наконец. – Там тебя ждут.

– Сороконожка? – брезгливо поморщилась Кья. – Нет уж, увольте.

– Да не Этруск это, не Этруск. Пошли.

Из комнаты – в недра Хак-Нама, в бешеное мелькание странного, тесного мира, в головокружительное хитросплетение перекрученных лестниц и узких проходов…

– Так что же это все-таки такое? Общественный сайт? А чего тогда столько мельтешения? Зачем все эти секреты?

– «Застенный город» в сети, но к ней не принадлежит. Здесь нет никаких законов, только договоренности.

– И в сети, и не в сети? – переспросила Кья, взлетая по очередной (последней, как оказалось) лестнице. – Так не бывает.

– Распределенная обработка, – сказал Масахико.

– Сона!

Там, за хаотичным нагромождением крыш, поросших диким и странным…

– Ничего не трогай. Среди этих штук есть ловушки. Я сама к тебе приду.

Сона, в обычном своем виде, вся сплошь из набросков и обрывков, двинулась вперед.

Справа – вроде как старинный автомобиль, стоит, накренившись, в беспорядочном наносе случайных текстур; сквозь целехонькое, без единой трещины лобовое стекло проросла рождественская елка, а дальше…

Судя по всему, обитатели «Застенного города» использовали свои крыши в качестве свалки ненужного хлама, но это был хлам особого рода, словно увиденный во сне. Цифровые фантазии, отвергнутые их создателями, головокружительная мешанина форм и текстур. Некоторые из них шевелились.

А затем – какое-то движение в бензиновой луже неба. Те, что были у Соны, птицы?

– Я зашла на твой сайт, – сказала Кья. – Тебя там не было, а что-то…

– Знаю. А ты рассмотрела, что это такое?

Сона обогнула машину с елкой. На елочных игрушках прорезались черные глазницы, дружно следившие за каждым ее движением.

– Нет. Там ничего не было видно, только слышно.

– Я не знаю, что это такое. – Сегодня презентация Соны была даже более дерганой, чем обычно. – Я пришла сюда посоветоваться. Они сказали, что ты здесь и что ты навещала мой сайт.

– Так ты знала это место?

– Кое-кто из них помогал мне с организацией моего сайта.

Сюда нельзя заявиться без разрешения. Мое имя внесено в список, но я все равно не могу пройти вниз, в город, сама, только с кем-нибудь из них.

– Сона! Я тут влипла со страшной силой. Мы прячемся в каком-то кошмарном отеле, а теперь к нам прибилась и Мэриэлис…

– Это та сучка, которая окрутила тебя в ишаки, да? Где она сейчас?

– Да здесь, в нашем номере. Она говорит, что порвала со своим бойфрендом и что это его, эта самая нанохрень…

– Что-что?

– Она говорит, это что-то вроде наноассемблера.

Дерганое изображение на мгновение сфокусировалось, густые брови Соны взметнулись вверх.

– Нанотехнология?

– Эта штука в твоей сумке? – вмешался Масахико.

– Да, и завернута в полиэтиленовый пакет.

– Секундочку. – Он испарился.

– Кто это? – спросила Сона.

– Масахико, брат Мицуко, у которой я остановилась. Он здесь живет.

– А куда он сейчас дернул?

– Вернулся в отель, из которого мы работаем.

– Это говно, в которое ты вляпалась, это вообще бред какой-то.

– Помоги мне, Сона, ну пожалуйста! Я уже не надеюсь вернуться домой!

– Я просканировал этот прибор. – В правой руке вновь возникшего Масахико тускло поблескивала серая коробочка. – Предположительная идентификация – первичный биомолекулярный программирующий модуль С-дробь-семь-А производства Родель-ван Эрп. Это лабораторный прототип. Мы затрудняемся с точным определением его легального статуса, однако серийная модель, С-дробь-девять-Е, относится к нанотехнологии первого класса, запрещенной международным законом. Согласно японскому законодательству, незаконное владение любым устройством первого класса автоматически карается пожизненным заключением.

– Пожизненным? – тупо переспросила Кья.

– Так их же уравняли с ядерным, химическим и биологическим оружием. – Масахико словно извинялся за столь неприятную новость.

– *Fuck your mother*, – сказала Сона, вглядевшись в невзрачную коробочку; в ее голосе звучало глубочайшее уважение.

31
Как оно в жизни бывает

– Видишь, Лейни, как оно в жизни бывает? Сколько веревочке ни виться, а конец найдется. От беды бежал, да в беду попал. Ты слыхал такие пословицы? Старые, избитые, но не кажется ли тебе, Лейни, что это как раз и свидетельствует об их истинности? Поговори со мной, Лейни.

Лейни опустился в одно из миниатюрных кресел и вцепился обеими руками в пронзительно ноющий бок.

– Хреновенько ты выглядишь, Лейни. Где ты был?

– В «Западном мире».

Он не хотел смотреть на то, что происходило на экране, и все равно не мог отвести глаз. Он знал, что этот, там, это не он. Они пририсовали его лицо к кому-то другому. И лицо было точно его. Он вспомнил чье-то там древнее высказывание насчет зеркал, что они вроде как противоестественны и даже опасны.

– А теперь, значит, ты решил попытать счастья на Востоке?

Она не поняла, подумал он, то есть она не знает, где он был сегодня вечером. Значит, там они за ним не следили.

– Это тот парень, – сказал он. – Хиллман этот. На котором ты меня проверяла при приеме на работу. Он снимался в порнофильмах.

– Тебе не кажется, что он с ней как-то слишком уж грубо обходится?

– Кто она, Кэти?

– А ты покопайся в памяти. Если ты сумел вспомнить Хиллмана…

Лейни покачал головой.

– Думай, Лейни, думай. Думай о том актере. Думай об Элис Ширз…

– Его дочь, – сказал Лейни. Не спросил, а сказал.

– Нет, мне точно кажется, что все это слишком грубо, даже жестоко. На грани изнасилования, и даже за гранью. Думаю, нам хватит этого материала, чтобы возбудить дело об изнасиловании.

– Но она-то почему согласилась? Как вы ее заставили? А может, – он отвернулся от экрана и взглянул на Кэти, – это и вправду изнасилование?

– А ты, Лейни, включи звук и послушай. Послушай, что ты там говоришь. Это прольет свет на побудительные мотивы…

– Нет, – почти испугался Лейни. – Я не хочу это слушать.

– Ты, Лейни, всю дорогу говоришь об ее отце. Бывает,

конечно, всякая зацикленность, но чтобы вот так, безостановочно бормотать о нем в процессе жесткого, напряженного пропихона в Роттердам…

Вскакивая на ноги, Лейни зацепился за кресло и чуть не упал. Где же тут это проклятое ручное управление? Ладно, хрен с ним, можно выдрать провода сзади. Один, другой… На третьем проводе экран погас.

– Поставил, значит, на «Ло/Рез», Лейни? Рок-н-роллу захотелось? Вот уж никак не ожидала.

– Ты бы сказала, Кэти, прямо, что тебе от меня нужно?

Ослепительная улыбка. Точно такая же, как тогда, при приеме на работу.

– Можно, я буду называть вас Колин?

– Иди ты на хрен, Кэти.

Сухой, короткий смех.

– Похоже, Лейни, что мы прошли полный круг.

– Это в каком же смысле?

– Можешь считать, что я интервьюирую тебя на предмет приема на работу.

– У меня есть работа.

– А мы, Лейни, предлагаем тебе еще одну. Ну можешь же ты подхалтурить на стороне?

Лейни вернулся к своему креслу. Сел, со всей возможной осторожностью. И задохнулся от боли.

– Что это тебя так корежит?

– Ребра. Больно. – Он кое-как нащупал более или менее приемлемую позу.

– Ты подрался? Это что там, кровь?

– Я поужинал в клубе.

– Это Токио, Лейни. Здесь не дерутся в клубах.

– Так это действительно она, его дочка?

– Без всяких сомнений. И она с радостью расскажет в «слитскановской» программе всю правду. Как некий тип, по пятам преследовавший ее великого, любящего папочку, вовлек ее самое в мерзкие, садистические игры. К слову, об этом самом папочке. Он с того времени сильно переменился. Теперь он наш.

– Но почему? Почему она это делает? Он ей, что ли, приказал?

– Почему? – Кэти смотрела на Лейни почти с состраданием, словно опасаясь, не повредился ли он заодно и в уме. – А потому, что она тоже актриса. Молодая, ищущая известности. Шанс. Ты понимаешь, что это такое – шанс? – В ее взгляде вспыхнула надежда, что заторможенный мозг Лейни хоть со скрипом, но сдвинется с места.

– Так что, это самое и будет ее шансом?

– Шанс, – поучительно сказала Кэти Торранс, – это шанс это шанс. И ты знаешь одну вещь? Я ведь стараюсь. Я очень стараюсь дать шанс не ей, а тебе. Вот сейчас, здесь, я пытаюсь дать тебе шанс. И даже не первый, правда?

Пиликанье телефона.

– Поговори, а то ведь всполошатся, – сказала Кэти, подавая ему белую кедровую плашку.

– Да?

– База данных о деятельности фэн-клубов. – Ямадзаки. И чего ему не спится? – Вам нужно войти в нее прямо сейчас.

– Где вы находитесь?

– В гостиничном гараже. И машина наша здесь.

– Послушайте, я тут сильно не в форме. Нельзя это малость отложить?

– Отложить? – ужаснулся Ямадзаки.

Лейни повернулся к Кэти Торранс. На ней было что-то черное и достаточно длинное, чтобы скрыть татуировку. А волосы вроде покороче.

– Я немного соберусь с духом, а потом сразу к вам. Не закрывайте, я быстро. – Он положил трубку, не дожидаясь ответа.

– О чем это вы?

– Сиацу.

– Врешь.

– Зачем ты пришла, Кэти? Что тебе нужно?

– Он. Мне нужен он. Я хочу получить внутреннюю информацию. Я хочу знать, что он делает. Я хочу знать, о чем он думает. Пытаясь взять на болт эту софтверную щель.

– Не на болт, а в законные супруги.

– Не надо. – Она уже не улыбалась. – Не надо поправлять меня, Лейни.

– Ты хочешь, чтобы я за ним шпионил.

– Проводил исследование.

– Не сри мне на мозги.

– Это же твоя профессия.

– Я узнаю что-нибудь для вас полезное, и вы тут же захотите, чтобы я его подставил.

Улыбка. Лейни на мгновение показалось, что Кэти хочет ему подмигнуть.

– Ну не будем забегать так далеко вперед.

– А что я получу?

– Жизнь. Жизнь без позорного клейма. Жизнь, в которой никто не будет считать тебя маньяком, зверски терзавшим смазливую дочурку объекта своей мании. Жизнь, в которой почти

никто не будет знать об этом фармацевтическом кошмаре, дико и бесповоротно сдвинувшем твою психику. Неужели мало?

– А как же она? Дочка? Получится, что она делала все это с этим вашим Хиллманом за так, для чистого удовольствия?

– Тебе выбирать, Лейни. Поработай на нас, добудь, что мне нужно, и мы скажем ей: извини, такая уж тебе непруха.

– Так просто? И она будет молчать в тряпочку? После того, что вы с ней сделали?

– Если она хочет сохранить хоть малейшую надежду на продолжение своей карьеры – да.

В комнате повисло молчание.

– Это не я, – сказал Лейни, морщась от нового всплеска боли. – Это морф. Если я докажу, что это морф, я смогу подать на вас в суд.

– Да неужто? И ты это осилишь? Суд ведь затянется на много лет. И совсем еще не факт, что ты его выиграешь. У нас, Лейни, есть и деньги, и прекрасные юристы, и опыт обращения с такими проблемами.

В дверь позвонили.

– Сиди, – сказала Кэти, – это ко мне.

Она встала, тронула кнопку охранного экрана, и Лейни увидел через обтянутое черным плечо кусок какого-то мужского лица. Дверь открылась. В комнату вошел Райс Дэниелз, без почему-то своих вечных темных очков.

– Вот, Лейни, – сказала Кэти, – Райс теперь тоже с нами. Если бы не его помощь, нам пришлось бы еще долго разбираться с твоей биографией.

– Так что там, Дэниелз? – спросил Лейни. – Обломилась ваша бестормозная затея?

Дэниелз сверкнул полным комплектом безукоризненно белых зубов.

– Я уверен, Лейни, что мы еще поработаем вместе. Надеюсь, у вас нет никаких претензий по нашему прошлому сотрудничеству.

– Да какие уж там претензии.

– Позвони мне. – Кэти протянула Лейни белую карточку с аккуратно выведенным номером. – Завтра, до девяти. Оставь сообщение. Да или нет.

– Даешь мне шанс?

– Так интереснее. Я хочу, чтобы ты подумал. – Она поддела пальцем уголок воротника его рубашки. – Шаг строчки.

А затем повернулась и вышла. Дэниелз последовал ее примеру. Не прощаясь.

Лейни сидел и смотрел на закрывающуюся за ними дверь. Может, долго, а может, и нет. Пока не запикал телефон.

Терпеливый Ямадзаки начинал проявлять нетерпение.

32
Без приглашения

– Мы должны *атаковать*.

Чтобы подчеркнуть последнее слово, Сона Роса превратилась в пылающий, ацтекский череп. Все они, включая Гоми-боя, снова находились в комнате Масахико – месте куда более спокойном, чем гипнотический хаос крыш со всеми этими глазастыми елками.

– Атаковать? – Как и всегда, выпученные глаза Гоми-боя блестели весело, дурашливо, однако голос его дрожал, как натянутая струна. – И кого же ты думаешь атаковать?

– Нам нужно так или иначе перенести схватку на территорию противника, – сказала Сона Роса. – Бездействие – это смерть.

Из-под двери вынырнуло нечто вроде ярко-оранжевого подноса. Поднос заскользил через комнату, однако серая многолапая тень заглотила его так быстро, что Кья не успела ничего толком рассмотреть.

– *Ты*, – сказал Гоми-бой, глядя прямо на Сону Росу, – сидишь в своем Мехико. И *ничто* из здесь происходящего не представляет для тебя опасности, ни физической, ни юридической!

– Физической? – Сона Роса мгновенно перешла в еще более яростную версию своего предыдущего представления. – Физического захотел, недоделок сучий? Да я замочу тебя на хрен, *физически*. Думаешь, не могу? Ошибаешься, ты же здесь живешь, не на Марсе. Вот свистну своих девочек, прилетим мы сюда и отрежем твои желтые яйца! Думаешь, не могу?

Еще в начале этой пламенной речи из ее кармана появился на свет расписанный драконами нож; теперь зловеще иззубренное лезвие дрожало в сантиметрах от мультяшковой физиономии Гоми-боя.

– Сона, *пожалуйста*! – взмолилась Кья. – Он же ничего плохого мне не делал, а только помогал! Не надо!

Сона фыркнула и сложила нож.

– Но ты это брось катить на меня бочку, – сказала она уже более миролюбиво. – Моя подруга, она тут вляпалась в дерьмо по самые уши, а у меня самой, на моем сайте, завелась какая-то призрачная хрень.

– И у меня в «Сэндбендерсе» тоже, – подхватила Кья. – Я видела эту штуку в Венеции.

– Ты ее видела? – Клочки образов замелькали еще быстрее.

– Я видела *что-то*…

– Что? *Что* ты видела?

– Там кто-то был. В конце переулка, у фонтана. Вроде женщина, а может, и нет. Я испугалась и рванула оттуда. Оставила Венецию открытой…

– Дай-ка мне на нее позырить. – Сона Роса не глядя сунула нож в карман. – У себя на сайте я ее не вижу. И ящерки тоже не видят, дергаются туда-сюда, и все без толку. Птицы стали летать ниже, но даже они не могут ничего найти. Пошли, ты мне ее покажешь.

– Но, Сона…

– Пошли! – повторила Сона. – Зуб даю, это тоже часть того дерьма, в которое ты вляпалась.

– Мамочки, – выдохнула Сона, не сводя глаз с собора. – Да кто же такое написал?

– Это такой город в Италии, когда-то он был отдельным государством. Банки всякие и кредиты, это они здесь изобрели. А это, – Кья указала рукой, – собор Святого Марка. Можно переключиться на модуль, где показано, что тут делается на Пасху, когда папа выносит все эти кости и прочее, оправленные в золото куски святых угодников.

– Святых? – Сона Роса истово перекрестилась. – Вроде как у нас, в Мексике. А это тот самый город, где вода подходит к самым дверям и улицы не улицы, а каналы, вода?

– Я думаю, очень многое из этого теперь вообще *под* водой, – вздохнула Кья.

– А почему тут темно?

– Это я так устроила. – Кья обшаривала глазами все затененные уголки площади. – А этот «Застенный город», Сона, что же он все-таки такое?

– Они говорят, что все началось с общего киллфайла. Ты знаешь, что такое киллфайл?

– Нет.

– Очень древнее понятие. Способ уклоняться от нежелательной входящей корреспонденции. Киллфайл не пропускал эту корреспонденцию, она для тебя все равно что вообще не существовала. Это было давно, когда сеть была совсем еще молодая.

Кья знала, что, когда родилась ее мать, сети вообще не было, или, там, почти не было, хотя, как любили говорить школьные учителя, такое даже трудно себе представить.

– А как могла эта штука стать городом? И почему там все так стиснуто?

– Кто-то загорелся идеей вывернуть киллфайл наизнанку. Ну,

ты понимаешь, это не то, как в действительности все было, а как это рассказывают: что люди, основавшие Хак-Нам, разозлились, потому что сперва в сети было очень свободно, можно было делать все, что ни захочешь, а потом пришли компании и правительства со своими соображениями, что тебе можно делать, а чего нельзя. Тогда эти люди, они нашли способ высвободить хоть что-то. Маленькую территорию, кусочек, клочок. Они сделали что-то вроде киллфайла на *все*, что им не нравилось, а сделав, они вывернули его наизнанку. – Сона подкрепляла свой рассказ чем-то вроде магических пассов. – И они протолкнули его до предела, до другой стороны…

– Другой стороны *чего*?

– Так это же не то, как они это сделали, а как это *рассказывают*. Я не знаю, как там все делалось, а рассказывается это вот так. И они ушли туда, чтобы спрятаться от законов. Чтобы жить совсем без законов, как раньше, когда сеть была совсем молодая.

– Но почему они придали своему городу такой странный вид?

– А вот это я знаю, – сказала Сона. – Женщина, помогавшая мне строить мою страну, она мне все рассказала. Раньше, когда Гонконг не был еще китайским, рядом с аэропортом было такое место, Цзюлун, а когда-то совсем-совсем давно сделали какую-то ошибку, и это место, очень маленькое, но людей там жило много, оно принадлежало Китаю, а в результате вроде как вообще никому не принадлежало. Поэтому и законов не было. Беззаконное место. И туда стекалось все больше и больше людей, и они строили вверх, все выше и выше. Никаких правил, никаких законов, только огромное здание и живущие в нем люди. Полиция туда и носа не совала. Наркотики, проституция, азартные игры. Но тут же и нормальная человеческая жизнь. Мастерские, рестораны. Город. Без законов.

– И он все еще там?

– Нет. – Кья на мгновение подумала, что Сона Роса сейчас вздохнет. – Его снесли прямо перед тем, как отдать весь Гонконг китайцам. Снесли, залили бетоном и устроили парк. А эти люди, которые сделали эту дырку в сети, они собрали всю информацию. Историю, планы, снимки, рисунки. И отстроили город наново.

– Зачем?

– Спроси их самих. По-моему, они все тронутые. – Теперь взгляд Соны тоже блуждал по пустынной пьяцце. – Зябко мне здесь как-то.

Кья хотела было поднять солнце, но в этот момент Сона указала куда-то направо.

– Кто это?

От каменной аркады, где располагались мелкие ресторанчики, к ним шагал Мьюзик-мастер – или кто-то очень на него похожий, фигура в темном, распахнутом пальто с подкладкой цвета полированного свинца.

– У меня есть виртуальный персонаж примерно такого вида, – сказала Кья, – но он, по идее, появляется, когда я выхожу на какой-нибудь мост. А в прошлый раз он и вообще куда-то подевался.

– Ты говорила, что видела кого-то, так это он?

– Нет, – качнула головой Кья.

Сона рывком выросла и ощетинилась жестким, колючим сиянием, окуталась смерчем радужной мошкары.

В дальней части площади пошел снег, быстро засыпáвший брусчатку; темная фигура неуклонно приближалась, оставляя за собой четкую строчку следов.

Сона стала еще выше, ее сияние дрожало нарастающей угрозой, над рваными полотнищами возникло и стало разрастаться грозовое облако мерцающей тьмы, раздался звук, словно в поле электронной мухобойки попал особо сочный жук, совсем рядом мелькнули огромные крылья колумбийских кондоров, Сониных стражей, рожденных в информационном убежище. Мелькнули и пропали. Сона выплюнула поток испанских проклятий, настолько цветистых, что автопереводчик ошеломленно заглох.

Мьюзик-мастер был уже совсем близко, все фасады за его спиной скрылись в кружении снега.

В руке Соны возник нож, тот же самый, но теперь он был размером с электропилу, иззубренный хребет жил мелкой, напряженной дрожью. Золотые драконы с рукоятки вились вокруг смуглого, тесно сжатого кулака, гонялись за своими огненными хвостами сквозь миниатюрные облака китайских орнаментов.

– А вот теперь мы на тебя *посмотрим*, – зловеще процедила Сона.

Кья увидела, как пелена снега, поглотившая ее Венецию, резко съежилась и стала отступать, следуя цепочке следов, а на лице Мьюзик-мастера проступили черты Рэй Тоэй.

– Пожалуйста, – сказала идору.

33
Топология

Арли ждала Лейни у лифта, на пятом, самом нижнем из парковочных уровней гостиницы; она успела уже переодеться в знакомую ему робу. Несмотря на распухшую, заклеенную пластырем губу, джинсы и короткая нейлоновая куртка придавали ей вид на зависть бодрый и компетентный.

– На тебя страшно смотреть, – сказала Арли.

Потолок здесь был низкий, обитый для уменьшения шума чем-то грязно-желтым, вроде войлока. Призрачный свет протянутых по потолку кусков биолюминесцентного провода, густая, сладковатая вонь бензинового выхлопа. Ряды за рядами мелких японских автомобильчиков, чистеньких, как посуда у хорошей хозяйки, влажно поблескивающих, как яркие, обсосанные леденцы.

– Похоже, Ямадзаки считает это очень срочным, – сказал Лейни.

– Да, – кивнула Арли. – Нужно сделать все прямо сейчас. Мы не знаем, сколько потребуется времени, чтобы обеспечить второй заход.

– Нужно так нужно. Сделаем.

– Тебе, с твоим таким видом, вообще не стоило бы ходить.

То ли в подтверждение, то ли в опровержение ее слов Лейни пошел, заметно покачиваясь, вперед.

– Блэкуэлл отвез его в «Империал». Прочесывательная команда ничего не обнаружила. Нам сюда.

Они шли вдоль ровного строя хирургически чистых облицовочных решеток и бамперов. Зеленый минивэн стоял носом к стене, с настежь распахнутыми дверями; небольшой пятачок вокруг него был обнесен оранжевым пластиковым барьером и заставлен аппаратурными модулями. Шеннон, рыжий техник, возился с каким-то черно-красным кубом.

– Эспрессница. – Шеннон засунул руку внутрь кожуха и что-то там нашаривал. – Прокладка полетела.

– Садись, герой, сюда. – Арли указала на переднее пассажирское сиденье. – Оно откидывается.

– А вот этого лучше не надо, – сказал Лейни, забираясь в машину. – Потом ты меня не разбудишь.

За спиной девушки появился Ямадзаки.

– Лейни-сан, вы войдете в те же данные по «Ло/Рез», что и прежде, но теперь у вас будет параллельно доступ к базе данных

по деятельности фэн-клубов. Глубина. Дополнительное измерение. Оно обеспечит необходимую вам степень персонализации. Параллакс, так это называется?

– Взгляни, – сказала Арли, подавая ему очки. – А не получится, так и хрен с ним. – Ямадзаки поморщился и часто заморгал. – Так или не так, потом мы покажем тебя гостиничному коновалу.

Лейни надел очки и откинулся затылком на подголовник.

Ничего. Он закрыл глаза. Услышал легкий щелчок включенного питания. Открыл глаза и увидел те же самые массивы данных, что и утром, в Акихабаре. Тоскливые, строго и однообразно упорядоченные. Безликие.

– А теперь фэн-клуб, – сказал голос Арли, и тут же тусклые, безжизненные массивы стали прозрачными, раскрылись в глубину умопомрачительными хитросплетениями.

– Тут что-то… – начал Лейни, а затем он вновь оказался в той, с огромными кафельными печками, стокгольмской квартире.

Но теперь это было *жилище*, а не просто скопище тысяч скрупулезно табулированных фактоидов. За узкими слюдяными окошками кованой печной дверцы плясали языки пламени.

Зажженные свечи. Дощатый пол – каждая половица шириной в мужские плечи – застелен старыми, мягких тонов коврами. Что-то неподконтрольное Лейни переместило его в соседнюю комнату, мимо кожаного дивана с ворохом маленьких ковриков к узкому, высокому окну. В просвете полураздвинутых гардин, за покрытым по краям изморозью стеклом – густая тьма и мерное падение больших, словно ножницами вырезанных снежинок.

– Что-нибудь получается?

Арли. Как с другого конца земли.

Лейни не ответил, пассивно наблюдая, как его разворачивают и ведут по главному коридору; по пути он взглянул в высокое овальное зеркало и не увидел своего отражения. И сразу вспомнился приют, сидиромы с «бродилками» – заколдованные замки, космический корабль, покинутый командой из-за кошмарной внеземной заразы… Клик туда, клик сюда. Он всегда остро ощущал, что так и не нашел некоего главного чуда, той вещи, которая оправдала бы все эти поиски. Потому что ее там и не было, решил он в конце концов, решил и утратил всякий интерес к этим играм.

Но здесь – клик в спальню – *было* главное чудо. Рэй Тоэй. Откинувшись на подушки, в белопенном море кружев тонкого хлопка.

– Вы были сегодня нашим гостем, – сказала идору. – Я не имела возможности побеседовать с вами. Очень жаль. И

кончилось все плохо, вы были ранены.

Лейни смотрел на нее в ожидании горных троп и колокольчиков, но ничего такого не появилось, и тогда он вспомнил слова Ямадзаки насчет полосы пропускания.

Острый приступ боли в боку.

– Откуда вы это знаете? Что я был ранен.

– Предварительный доклад охранной службы «Ло/Рез». Техник Пол Шеннон утверждает, что вы, судя по вашему виду, пострадали в драке.

– Почему вы здесь?

(«Лейни, – забеспокоилась Арли, – ты там как, в порядке?»)

– Моя находка, – сказала идору. – Восхитительная квартира, правда? Жаль, что он так ни разу и не бывал в ней по завершении реставрации – фактически никогда не бывал. Но вы-то ведь бывали, да? Думаю, потому я ее и нашла.

Ослепительная улыбка. Ослепительная красота, парящая в облаках белизны. Там, в «Западном мире», он так и не смог ее толком рассмотреть.

– Я входил в нее раньше, – сказал Лейни. – Но тогда она смотрелась иначе.

– А теперь она… сформировалась, да? Стала гораздо лучше. Потому что один из реставраторов, перебиравших камины, делал снимки и подробные записи. Не для отчета, просто для себя и своих друзей, но в результате вы можете увидеть, что у них получилось. Эти данные попали в распоряжение фэн-клуба. – Она взглянула на единственный в комнате источник света – тонкую, с синими и кремовыми горизонтальными полосками восковую свечу в подсвечнике из полированной бронзы; рядом с подсвечником на прикроватном столике лежали апельсин и книга. – Здесь я чувствую себя как-то ближе к нему.

– Лично я почувствую себя ближе к нему, если вы спровадите меня наружу.

– На улицу? Там же снег идет. И я совсем не уверена, что здесь есть улица.

– В общий массив данных. Пожалуйста, чтобы я мог вернуться к своей работе.

– Лейни? – Арли тронула его за плечо. – С кем это ты разговариваешь?

– С идору.

– В узловом проявлении? – Ямадзаки.

– Нет. Она проникла сюда, в данные, не знаю уж как. Расположилась в модели его стокгольмской квартиры, говорит, что это я проложил ей путь. Потом я попросил ее вернуть меня сюда…

– Куда? – Арли.

– Туда, где я смогу что-нибудь видеть, – ответил Лейни, глядя на причудливо заросшие ущелья, на побеги и ветвления, сходные с «Риалтри 7.2» в ноутбуке Арли, но живые, без этой абстрактной сухости, сплошь покрытые мхом примечаний. – Ямадзаки был прав. Фэновский материал – это то, чего нам не хватало.

Из прошлого – голос Жерара Делуврие, убеждающий его не концентрировать внимание. *То, что вы делаете*, противоположно концентрации, но мы научим вас направлять эту не-концентрацию.

Отдаться течению. Влиться в поток подружек, лучших подружек и бывших подружек, отчетов о появлении Реза или Ло с той или иной женщиной в том или ином месте. Каждый отчет расцвечен в меру важности, придаваемой данному конкретному эпизоду данной конкретной наблюдательницей. И вот здесь – самое необычное, своеобразное. То, как вырисовываются эти двое. Нормальные во всех проявлениях люди, и – более того. Масса подробностей, зафиксированных с фанатичной, исчерпывающей точностью, и каждый раз они наклеены на пустой, схематичный каркас известности. Здесь Лейни *видел* известность, и не как тонкую субстанцию из теоретических построений Кэти, а как некое парадоксальное качество, изначально присущее субстанции мира. Количество информации, собранной здесь поклонницами группы, многажды превышало все, созданное когда-либо самой этой группой.

– А вот мое любимое, – сказала где-то идору, и Лейни увидел, как Рез поднимается на низенькую эстраду переполненного клуба; господствующий цвет – красный, вроде арбузной мякоти, но куда насыщеннее, корейская психоделика. – Это именно то, что мы с ним чувствуем.

Рез взял микрофон и начал говорить о новых образах бытия, о какой-то «алхимической свадьбе».

А где-то вдали – рука Арли на его плече, ее встревоженный голос:

– Лейни? Извини, но ты нам срочно нужен. Здесь мистер Куваяма.

34
Казино

На улице, за пыльными жалюзи, хлещет дождь. Это сделала идору. Кья никогда не устраивала здесь дождь, но теперь ей вроде даже нравилось. Такая погода подходила Венеции. Делала ее похожей на Сиэтл.

Идору сказала, что это место, куда она их привела, это казино. Кья знала, что такое казино, видела их по телевизору, но там они были совсем другие: большие, многолюдные и сплошь в неоне. А здесь – несколько маленьких комнат, облупленные стены и старомодная мебель с золочеными ножками в виде львиных лап. Все проработано во фрактальной технике, так что вроде как даже чувствуешь, как тут пахнет – пылью и, пожалуй, парфюмерией. Духами. Кья почти не посещала эти модули, нутро Венеции, потому что в них было вроде как малость жутковато. Вот на улицах – там совсем другое ощущение.

Голова Соны, лежавшая на львинолапом столе, снова щелкнула, как лопнувшим жуком. Она, Сона, ужала свой образ до минимума: синий, пылающий ацтекский череп размером с маленькое яблоко. Потому что Кья попросила ее заткнуться и убрать этот зубчатый тесак. Это привело ее в ярость, а может, даже обидело, но что еще было делать, если Кья хотела послушать, что там скажет идору, а Сона со всеми этими спектаклями, насчет сейчас убью всех и зарежу, не давала никому и слова сказать. И именно что спектакли это все, потому что в сети люди не могут причинить друг другу никакого вреда. Во всяком случае – физического. А с ней, с Соной, всегда эти заморочки: да я такая, да я сякая, да я всех вас сейчас. Келси и другие девочки сперва смеялись, но Сона реагировала настолько яростно – в словесной, естественно, форме, – что теперь они это делают только за ее спиной. Кья никогда не понимала, для какой такой радости Сона устраивает весь этот цирк, можно подумать, что у нее расщепление личности.

Так что теперь Сона ничего не говорила, только время от времени издавала этот жукохлопающий звук, чтобы Кья не забывала, что она все еще здесь и все еще злится.

А вот идору говорила, объясняла Кья старое венецианское значение слова «казино»[78], что это не огромное, вроде гипермаркета, здание, где играют в азартные игры и смотрят всякие шоу, а скорее что-то вроде этих отелей любви. В смысле, что у людей были дома, где они жили, а были еще эти казино,

маленькие тайные квартирки, рассеянные по всему городу, куда они приходили, чтобы побыть с другими людьми. Странно только, что они мало заботились о своем уюте, во всяком случае, в *этом* казино уюта особого не замечалось, хотя идору и понаставила уйму зажженных свечей. Она сказала, что очень любит свечи.

У идору была теперь прическа Мьюзик-мастера, и это делало ее похожей на девушку, которая переоделась мальчиком. И ей, похоже, очень понравился его тренч, потому что она время от времени крутилась на каблуке – *его* каблуке, – чтобы полы развевались.

– Я увидела так много новых мест, – сказала она и улыбнулась, – так много новых людей и вещей.

– Я тоже, – начала Кья, – но только…

– Он сказал мне, что так и будет, но все равно я себе не представляла, что это такое. – (Круть-верть.) – Посмотрев на все это, я словно *выросла*… А вот как с тобой, когда ты путешествуешь, ты тоже такое чувствуешь?

Череп вспыхнул ярким голубым светом и издал резкий, малопристойный звук.

– Сона! – прошипела Кья и торопливо повернулась к идору. – Я еще не слишком много путешествовала и не думаю, что мне это так уж нравится, а сюда мы пришли, чтобы посмотреть, что ты такое, потому что мы не знали, а ты появилась в моем софтвере, а может быть, и на Сонином сайте тоже, а это ее встревожило, потому что он у нее секретный.

– Это страна с очень красивым небом?

– Да, – кивнула Кья, – и туда вроде как нельзя проникнуть, если она сама тебя не пригласит.

– А я не знала, – смутилась идору. – Извините. Я думала, что могу идти куда угодно – кроме того места, откуда ты пришла.

– Сиэтл?

– Муравейник снов, окна, громоздящиеся к небу. Я вижу его, но не могу войти. Я знаю, что вы с ней пришли оттуда, но это «там» – его там нет!

– «Застенный город»? – Ну конечно же, ведь *сейчас* они с Соной пришли именно оттуда. – Мы не там, мы только подключились оттуда. Сона сейчас в Мехико, а я в этом отеле, понятно? И нам бы надо поскорее вернуться, потому что я не знаю, что там сейчас происходит…

Синий череп распух и стал Соной, мрачной и надутой.

– Наконец-то ты сказала хоть что-то осмысленное. И чего вообще разговаривать с этой штукой? Она ведь ничто, чуть усовершенствованная версия этой твоей игрушки, которую она украла и приспособила для своих целей. Теперь, посмотрев на

нее, я прихожу к печальному выводу, что Рез и вправду сошел с ума, запутался в какой-то бредятине.

– И ничего он не сошел с ума, – возмутилась идору. – Мы это *чувствуем*, с ним вдвоем. Он говорил мне, что нас не поймут. Во всяком случае – сперва, что будет неприятие, враждебность. Но мы же не хотим ничего плохого, и он верит, что в конечном итоге от нашего с ним союза будет только польза.

– Слушай, ты, синтетическая шлюха, – ощерилась Сона, – ты что, нас за дурочек держишь? Мы что, не видим, что ты делаешь? Ты не настоящая! Ты даже меньше настоящая, чем эта имитация затонувшего города! Ты пустое место – и ты хочешь высосать из Реза все реальное. – Над ней опять разрасталась грозовая туча, дрожало колючее сияние. – Эта девушка, она пересекла океан, чтобы найти тебя и вывести на чистую воду, а теперь ее жизнь в опасности. А она даже не понимает, что это ты в этом виновата. Вот такая она у нас дура!

Идору перевела взгляд с Соны на Кья:

– Твоя жизнь?

– Может быть. – Кья зябко передернула плечами. – Я ничего точно не знаю. Мне страшно.

И идору исчезла, вытекла из Мьюзик-мастера, как краска, не имеющая названия. Мьюзик-мастер щурился на свет двадцати свечей, на лице его была полная растерянность.

– Извините, пожалуйста, – сказал он, – но о чем мы сейчас говорили?

– Ни о чем, – отмахнулась Кья, а затем очки были сняты с ее головы, вместе с Мьюзик-мастером, венецианским «казино» и Соной, а на пальцах, державших очки, жирно поблескивали золотые кольца, и каждое кольцо соединялось с золотым браслетом золотых часов тоненькой золотой цепочкой. И светлые, почти бесцветные глаза.

Эдди медленно улыбнулся.

Кья хотела закричать, но тут другая, не Эддина, ладонь, большая и белая, с металлическим запахом какого-то одеколона, закрыла ей рот и нос. И еще одна ладонь прижала сверху ее плечо, а Эдди уронил очки на белый, мохнатый ковер и отступил.

Все еще глядя ей в глаза, все еще улыбаясь, он поднес палец к губам, сказал «тсс», а затем отвернулся и шагнул в сторону, и Кья увидела Масахико, черные присоски на его лице и беспрестанно шевелящиеся пальцы.

Эдди бесшумно приблизился к сидевшему на полу мальчику, вынул из кармана какую-то черную штуку, что-то с ней сделал и нагнулся. И тронул этой штукой его шею.

Масахико резко дернулся, выкинул ноги вперед, свалился

набок и застыл, вытянувшись в струнку и чуть подрагивая. Его рот раскрылся, одна из присосок упала на пол, вторая, правая, так и осталась на месте.

Эдди повернулся, взглянул на Кья и спросил:

– Где эта штука?

35
Испытательный стенд будущности

Шеннон протянул Лейни высокую пенопластовую чашку, на дне которой плескалось с полдюйма черной, как деготь, жидкости. За его спиной, по ту сторону оранжевого барьера, виднелся длинный белый лендровер с «кенгурятником» и зелеными стеклами. Рядом с машиной стоял Куваяма, высокая фигура в темно-сером костюме и тускло поблескивающих очках без оправы; одетый в черное водитель тактично держался чуть сзади.

– Что ему нужно? – спросил Лейни, осторожно пробуя обжигающе горячий кофе. И сплюнул попавшую в рот гущу.

– Мы не знаем, – сказала Арли. – Но его направил сюда Рез.

– Рез?

– Он так говорит.

Рядом с Лейни появился Ямадзаки. Очки на нем были целые, не иначе как запасные, но зато рукав так и держался на булавках; две из них успели уже расстегнуться.

– Мистер Куваяма есть творец Рэй Тоэй, в некотором смысле. Основатель и бессменный руководитель «Аспекта славы», корпорации, являющейся ее юридическим лицом. Инициатор и вдохновитель всего этого проекта. Он выразил желание пообщаться с вами.

– Мне казалось, что эта работа с комбинированными данными жуть какая срочная.

– Да, да, конечно, – закивал Ямадзаки. – Но все равно я думаю, что вам нужно сейчас поговорить с мистером Куваяма.

Он провел Лейни мимо черных аппаратурных блоков за барьер и обменялся с Куваямой поклонами.

– Это мистер Колин Лейни, наш специальный исследователь, – сказал Ямадзаки, а затем повернулся к Лейни: – Митио Куваяма, председатель совета директоров «Аспекта славы».

Глядя на Куваяму, никто бы и не предположил, что какой-то час назад он был в непроглядной тьме «Западного мира», в самой гуще визжащей, панически мечущейся толпы. И как он только оттуда выбрался, тем более что сидевшая рядом идору должна была сверкать, как рождественская елка? Лейни чувствовал кровь в своем ботинке, пальцы левой ноги неприятно липли друг к другу. Интересно бы знать, насколько возросла совокупная масса человеческой нервной ткани с того времени, как Блэкуэлл увел их с Арли из жвачного бара? И какая часть этого прироста

приходится на его долю?

– Извините, – сказал он, – у меня нет визитной карточки.

– Это не имеет значения. – Куваяма говорил на безукоризненном, если не считать несколько странной акцентировки, английском. Рука для пожатия, уступка иноземным обычаям. – Я знаю, что вы очень заняты. Мы весьма признательны, что вы сочли возможным выделить нам время.

Множественное число заставило Лейни покоситься на водителя, обутого примерно в такие же, как и Райделл из «Шато», ботинки – черные, эластичные, с высокой шнуровкой и рифлеными каучуковыми подошвами. Нет, не похоже, чтобы он был второй половиной этого «мы».

– А теперь, – Куваяма повернулся к Ямадзаки, – с вашего разрешения…

Ямадзаки коротко кивнул и ретировался на огороженную площадку, где Арли возилась с кофеваркой, не забывая поглядывать краем глаза на происходящее. Водитель распахнул перед Лейни дверцу лендровера; Куваяма сел в машину сам, с другой стороны. Щелчок захлопнувшейся дверцы, и они остались один на один.

Между сиденьями, на подставке с обтянутыми фетром зажимами, располагалось нечто вроде большой серебряной фляги.

– Ямадзаки говорит, что во время обеда вы испытывали определенные трудности с частотной полосой, – сказал Куваяма.

– Да, – кивнул Лейни.

– Мы провели небольшую юстировку… – Между ними появилась улыбающаяся идору; заранее подготовленная иллюзия обеспечила ее даже своим, отдельным сиденьем, которое втиснулось между двумя настоящими.

– Вам удалось найти то, ради чего вы покинули меня в Стокгольме, мистер Лейни?

Лейни посмотрел ей в глаза. Это какие ж нужны вычислительные мощности, чтобы создать нечто такое, что отвечает тебе взглядом на взгляд. В разговоре с Резом Куваяма упоминал «желающие машины», «комплексы субъективных желаний», «модульную конструкцию ясно оформленного устремления»…

– Нет, – сказал он, – но уже был на подходе…

– А что вы такое увидели во время нашего ужина, из-за чего не смогли потом смотреть на меня?

– Снег… – Лейни с удивлением почувствовал, что краснеет. – Горы… Но теперь я понимаю, что это попросту был сделанный вами клип.

– Клипы Рэй не «делаются», – вмешался Куваяма. – Во всяком случае, в общепринятом смысле этого слова. Они возникают из ее непрерывного общения с миром. Это, если вам угодно, ее фантазии.

– Вы ведь тоже фантазируете, да, мистер Лейни? – поддержала его идору. – В этом ваш талант. Ямадзаки говорит, что это как видеть лица в облаках. С тем отличием, что эти лица действительно существуют. Я не могу видеть лица в облаках, но Куваяма-сан обещает, что и это когда-нибудь придет. Здесь все дело в практике.

(Ямадзаки? Говорит?)

– Я и сам этого не понимаю, – сказал Лейни. – Делаю, но не понимаю.

– Экстраординарный талант, – сказал Куваяма. – Мы считаем, что нам улыбнулась удача, огромная удача. И нам очень повезло с мистером Ямадзаки, который, даже будучи подчиненным Блэкуэлла, проявляет необыкновенную широту взглядов.

– Мистер Блэкуэлл не слишком одобряет отношение Реза с… – Лейни кивком указал на идору. – Мистер Блэкуэлл может огорчиться, что я разговаривал с вами.

– Блэкуэлл любит Реза, хотя и по-своему, – сказала Рэй Тоэй. – Он тревожится. Но он не понимает того, что наш союз уже состоялся. Наше «бракосочетание» будет постепенным, нарастающим. Мы просто хотим развиваться вместе. Когда Блэкуэлл и остальные поймут, что наш союз благотворен для нас обоих, все будет хорошо. И вы, мистер Лейни, можете нам в этом помочь.

– Я? Могу?

– Ямадзаки объяснил нам смысл вашей работы с архивом фэнов группы «Ло/Рез», – сказал Куваяма. – Но в этих архивах нет ничего – *почти* ничего – о Рэй. Мы предлагаем добавить к двум вашим слоям информации третий, касающийся ее, и тогда перед вами вырисуется картина их союза.

Информация о ней? Лейни взглянул на идору. Но ведь она же сама – информация. Чудовищный объем информации, в обработке которой задействовано бог уж там знает сколько машин. И в то же самое время – тревога и надежда в ее глазах. Нечто, абсолютно неотличимое от тревоги и надежды.

– Вы согласитесь, мистер Лейни? Вы нам поможете?

– Послушайте, – сказал Лейни, – я же здесь ничем не распоряжаюсь. Я сделаю то, что скажет мне Ямадзаки. Захочет он взять на себя ответственность, ну и ради бога. Но я хотел бы, чтобы вы сказали мне одну вещь.

– Что вы желаете узнать? – спросил Куваяма.

– Про что это все? – Вопрос удивил самого Лейни, который не совсем понимал, что именно он собирался спросить.

Внимательные глаза Куваямы за круглыми стеклами очков.

– Это про будущность, мистер Лейни.

– Будущность?

– Знаете ли вы, мистер Лейни, что какую-нибудь сотню лет назад у нас не было слова «природа»? У нас не было и нет пессимистичного отношения к технике. Техника – одна из граней природного, единого. Нашими усилиями единое совершенствует себя. А популярная культура, – улыбнулся Куваяма, – это испытательный стенд нашей будущности.

Арли справилась с эспрессницей не в пример лучше Шеннона. В зеленом фургоне, сидя на корточках среди звонко хлопающих обрывков пузырьковой упаковки, Лейни смотрел на Ямадзаки через край чашки с новой порцией кофе.

– Не понимаю, Ямадзаки, о чем вы только думаете? Вы что, хотите, чтобы мы с вами носили ботинки на пару размеров меньше, или что? Блэкуэлла хлебом не корми, только дай прибить чьи-нибудь руки к столу, а вы тут стакнулись с идору и ее боссом.

Разговор был перенесен с площадки в минивэн. По его настоянию, из соображений конфиденциальности.

– Стакнулся? – недоуменно сморгнул Ямадзаки. – Очевидно, вы считаете, что я вошел с ними в сговор, но это совершенно не в моих обычаях. Рез и Рэй Тоэй находятся теперь в почти постоянном контакте, а последние усовершенствования обеспечили ей очень большую степень свободы. Рез дал ей доступ ко всем данным, с которыми вы пытались работать. Не информируя об этом Блэкуэлла. А теперь она ознакомилась и с данными фэн-клуба. Их предложение кажется мне вполне продуктивным, оно может приблизить всю эту историю к развязке. Блэкуэлл окончательно уверился в наличии некоего заговора. Нападение на ночной клуб.

– А что это было такое?

– Я не знаю. Неудавшееся похищение? Попытка искалечить Реза? Украсть периферийные устройства идору? Поразительная топорность работы, но Блэкуэлл говорит, что это как раз и есть клеймо «Комбината»… Это так говорят – «клеймо»?

– Не знаю.

– Или «тавро»?

– А вы не боитесь, что Блэкуэлл оттяпает нам за это пальцы? Хромать ведь будем, на обе ноги каждый.

– Нет. Мы работаем на одну из подставных фирм «Ло/Реза»…

– «Парагон-Эйша»?

– …но сам-то Блэкуэлл работает на «Товарищество Ло/Рез». Если Рез приказывает нам что-то сделать, мы должны ему подчиниться.

– Даже если Блэкуэлл думает, что это ставит под угрозу безопасность Реза?

Ямадзаки пожал плечами. Глядя в заднее окно минивэна, Лейни видел, как Шеннон катит на тележке серый аппаратурный блок, выгруженный ими ранее из багажника лендровера. Блок был большой, раза в два больше тех, черных, которые у Арли.

Шаннон протолкнул тележку в просвет оранжевого барьера.

36
Мэриэлис

– Не кричать, пожалуйста, – сказал этот, зажимавший ей рот, и снял свою лапу с ее рта.

– Где эта вещь? – Бесцветные глаза мэриэлисового Эдди.

– Там. – Кья указала на сумку, из которой торчал драный угол сине-желтого пластикового мешка.

А потом увидела, что Мэриэлис лежит на мохнатой розовой кровати. Спит себе, прижав подушку к лицу, даже туфли свои на шпильках не сняла. А крошечный холодильник сплошь заставлен сверху маленькими пустыми бутылочками.

Эдди достал из кармана черную с золотом авторучку и подошел к сумке. Наклонился и осторожно, словно мину разминируя, отодвинул авторучкой край мешка. Всмотрелся.

– Здесь оно.

– Это там?

Вторая рука все еще давила на плечо Кья, не давая ей встать.

– Это оно, точно, – сказал Эдди.

– Сиди как сидишь.

Рука убралась. А мужик, который, наверное, все это время стоял на коленях у нее за спиной, встал, подошел к Эдди и тоже заглянул в сумку. Он был заметно выше, в темно-бежевом костюме и ковбойских сапогах со всякими прибамбасами. Ширококостное лицо, волосы посветлее, чем у Эдди, и большая багровая родинка на правой скуле.

– Каким образом ты уверен?

– Да господи, Евгений…

Мужик распрямился, посмотрел на Мэриэлис, снова нагнулся и отнял у нее подушку.

– Как твоя женщина спит на кровати этой комнаты, Эдди?

Эдди взглянул на Мэриэлис:

– В рот и в ухо.

– Ты говоришь нам, девочка и твоя женщина это «случайно». Ты говоришь нам, они встретились на самолете – это только *случайно*. Твоя женщина здесь – это тоже *случайно*? Мы не любим такие *случайно*.

Эдди перевел взгляд с Мэриэлис на мужика (русский он, не иначе), а затем на Кья.

– Какого *хуя* эта сука здесь делает? – Словно Кья в этом виновата.

– Она нашла нас, – сказала Кья. – Она сказала, что знает кого-

то в таксишной фирме.

– Нет, – покачал головой русский, – мы знаем кого-то в таксишной фирме. Это слишком много случайного.

– Но ведь теперь-то все в порядке, эта штука у нас, – вмешался Эдди. – Зачем усложнять ситуацию?

– Пожалуйста, разберись. – Русский потер правой рукой щеку, словно в надежде отшелушить родимое пятно. – Мы даем тебе изотоп. Ты хочешь узнать, есть изотоп, ты можешь тестировать. Ты даешь нам это. – Он пнул сумку острым носком сапога. – Как мы уверены?

– Евгений, – вздохнул Эдди, – ты должен знать, что подобные сделки неизбежно основываются на определенном доверии.

Русский задумался и упрямо покачал головой:

– Нет, основа не хорошая. Наши люди проследили эту девочку к большой рокерской команде. На что она работает, Эдди? Сегодня мы послали людей с ними поговорить, они бросились на нас, как долбаные волки. Одного из людей я еще недостаю.

– Да не работаю я на «Ло/Рез»! – взмолилась Кья. – Я просто состою в клубе. Мэриэлис подсунула эту штуку мне в сумку в самолете, когда я спала.

Масахико застонал, вздохнул и вроде бы снова отключился.

– Очухался? Мало было? Добавить? – Эдди угрожающе поднял руку с парализатором.

– Эдди, – сказала Мэриэлис. – Ты неблагодарное говно.

Она сидела на краю кровати, сжимала свою зажигалку двумя руками и целилась из нее в Эдди.

Эдди окаменел. Как струя мочи, посыпанная этим хитрым японским порошком.

– Вот это основа, – сказал русский.

– Господи, Мэриэлис, – затараторил Эдди, – да где ты взяла этот ствол? Ты хоть представляешь себе, насколько это незаконно, здесь, в Японии?

– Сняла с одного русского мальчика. Выходные отверстия размером с грейпфрут… – Мэриэлис говорила вполне нормально, безо всяких заплетаний языком, но вот в ее покрасневших, с набрякшими веками глазах было что-то определенно пьяное, устрашающе пьяное. – Ты думаешь, Эдди, что можешь так вот пользоваться людьми? Попользовался и выбросил?

Мэриэлис сковырнула левую туфлю носком правой, затем пальцами левой ноги – правую и встала. Чуть покачиваясь, однако зажигалка, которую она держала точь-в-точь как копы в телевизоре, двумя плотно сцепленными, вытянутыми вперед руками, оставалась направленной точно на Эдди.

В руке Эдди тускло поблескивал парализатор.

– Мэриэлис, – крикнула Кья, – скажи ему бросить эту черную штуку.

– Урони на ковер, и без резких движений, – сказала Мэриэлис, явно наслаждаясь, что вот, выпал и ей случай произнести эту тыщу раз по телевизору слышанную фразу, и произнести вполне серьезно, без шуток.

Эдди беспрекословно разжал пальцы.

– Теперь отбрось ногой в сторону.

Вторая половина той же фразы, подумала Кья.

Парализатор остановился в паре футов от ее коленки, рядом с так и подключенными к «Сэндбендерсу» гляделками. На черных, слепых стеклах гляделок выделялись плоские квадратики простейших видеокамер. Если она их активирует, то увидит с тараканьей точки зрения босые ступни Мэриэлис, ботинки Эдди, ковбойские сапоги этого Евгения и, может быть, щеку Масахико.

– Говно, – сказала Мэриэлис. – Говно неблагодарное. Убирайся в ванную.

Непрерывно удерживая Эдди и русского под прицелом зажигалки, она переместилась по широкой дуге, теперь открытая дверь ванной была прямо за их спиной.

– Я понимаю, что ты раздосадована…

– Говно. А говну, Эдди, место в сортире. Убирайся в ванную.

– Сейчас, сейчас.

Эдди вскинул перед собой раскрытые ладони, словно призывая ее к разуму и пониманию. И осторожно попятился. Русский последовал его примеру.

– Семь, – сказал Мэриэлис. – Семь трижды долбаных лет. Тогда, вначале, ты еще не был говном. С виду не был. Господи. Ты и все эти твои разговорчики по пижонскому мобильнику. Меня сейчас стошнит. Кто платил за эту долбаную квартиру? Кто покупал еду? А кто тебе, пижону сраному, покупал твои долбаные костюмы? Ты с твоим хитрым мобильником и твоим долбаным *имиджем*, и тебе ж, конечно, нужно иметь самый маленький мобильник, потому что член у тебя совсем не самый большой, уж это ты мне поверь.

Руки Мэриэлис начали трястись, теперь зажигалка казалась вдвойне опасной.

– Мэриэлис, – сказал Эдди, – ты должна понимать, что я прекрасно понимаю, чем я тебе обязан, сколько ты сделала для моего роста. Я не забываю об этом ни на секунду, ни на полсекунды и никогда, поверь мне, лапочка, никогда не забуду, а все *это*, это просто небольшое недоразумение, случайный ухаб на нашем с тобой, лапочка, жизненном пути, и если ты только

перестанешь махать этим долбаным пистолетом и успокоишься, и мы с тобой выпьем, как разумные, культурные люди…

– Заткни *ебало*! – взвизгнула Мэриэлис, взвизгнула с такой пронзительной громкостью, что Кья всерьез испугалась за свои барабанные перепонки.

Рот Эдди захлопнулся почти со стуком.

– Семь трижды долбаных лет, – сказала Мэриэлис и повторила, как заклинание: – Семь трижды долбаных лет. Год за годом. И два из них здесь, Эдди, два из них здесь, мотаясь взад-назад, Эдди, и все это для тебя, и все для тебя. И всегда *свет*, здесь… – По щекам Мэриэлис покатились цветные от смытой косметики слезы. – Везде. Никогда не уснуть из-за этого света, как туман над городом… В ванную.

Мэриэлис шагнула вперед; Эдди и русский отшагнули назад.

Кья протянула руку и схватила парализатор, не совсем понимая зачем. Спереди у него были два тупых металлических зуба, а сзади, сбоку, красная рифленая кнопка. И поразительно легкий; в школе, у гопников, их самоделки из одноразовых фотокамер были куда тяжелее.

– И он всегда находит меня, этот свет, – пожаловалась Мэриэлис. – Все-гда. И все равно, что` я пью, сколько пью и чем догоняю. Он находит меня и будит. Взрывается из-под двери, как порох. И ничего с ним не сделаешь. Залезает в глаза. И вся эта яркость, сыплется…

Эдди был уже наполовину в дверях, а русский за его спиной, совсем в ванной, и Кья это совсем не нравилось, потому что рук его не было видно. Ванная почувствовала русского и защебетала птичьими голосами.

– И это ты затащил меня туда, Эдди. – Мэриэлис перестала жаловаться, она снова обвиняла. – А этот твой Синдзюку. Ты затащил меня, где этот свет всегда может меня достать, а я никогда не могу от него спрятаться.

А затем она нажала курок.

Эдди завопил как резаный, начисто заглушив щелчок зажигалки, которая даже и не зажглась.

Мэриэлис не растерялась, не запаниковала, а прицелилась получше и снова нажала курок.

Из черного короткого ствола выплеснулся язычок пламени; умолкнувший было Эдди яростно взревел, вышиб зажигалку из рук Мэриэлис, схватил ее за горло и начал молотить кулаком по лицу, выкрикивая в такт ударам:

– Сука!.. Сука… Сука!

Ни о чем не думая, Кья вскочила на ноги – и тут же обнаружила, что они онемели от долгого сидения на полу и не

слушаются. Тогда она превратила свой бросок в кувырок, перекувырнулась еще раз, увидела перед собой щиколотку Эдди, ткнула в нее парализатором и нажала красную кнопку.

Она не была уверена, что щиколотка – подходящее место и что разряд пройдет через носок, но все обошлось наилучшим образом. Может быть, потому, что Эдди отдавал предпочтение *самым* тонким носкам.

Однако разряд достал и Мэриэлис, так что они с Эдди дружно содрогнулись и упали друг другу в объятия.

Мгновение спустя Масахико вихрем пересек комнату, захлопнул дверь перед носом русского, схватился обеими руками за ручку, в прыжке упер одну ногу в дверь, а другую в стену и так повис.

– Беги, – пробормотал Масахико, изо всех сил напрягая руки и ноги, а затем его пальцы соскользнули с круглой хромированной ручки, и он приземлился задом на милосердно мягкий ковер.

Кья увидела, что ручка начинает поворачиваться, прижала к ней парализатор и нажала кнопку. А потом нажала еще, и еще, и еще…

37
Трудовая практика

Лейни вернулся на переднее пассажирское сиденье зеленого фургончика и теперь ждал, пока Арли подключит серый Куваямов блок. За ветровым стеклом серела глухая бетонная стена. Бок малость отошел, но вот встреча с Куваямой и идору плюс последующее выяснение отношений с Ямадзаки окончательно его запутали. Если Рез и Рэй Тоэй решают все вместе и если Ямадзаки решил им подыгрывать, в какое положение ставит все это его? Трудно ожидать, чтобы Блэкуэлл так вот сразу взял и проникся идеей, как это мило и очаровательно, что Рез и Рэй соединят свои судьбы. С его точки зрения, Рез все еще пытался жениться на виртуальной девице, а это есть чушь, если не того хуже.

С другой стороны, Лейни теперь понял, что идору куда сложнее и мощнее любого голливудского синтактера. Особенно если Куваяма не врет насчет ее фантазий, превращающихся потом в клипы. Все – крайне немногие – познания Лейни об искусственном интеллекте были получены в «Слитскане» как побочный продукт исследования бестолковой личной жизни одного из ведущих специалистов по этому предмету, однако он твердо усвоил, что, по всеобщему мнению, настоящий ИИ так еще и не создан и что все последние разработки осуществляются в направлениях, и близко не лежащих с созданием программы, разыгрывающей из себя очаровательную юную особу.

Считалось, что если истинный ИИ будет в конце концов построен, в нем, скорее всего, не будет ровно ничего внешнечеловеческого. Лейни запомнился просмотр лекции, в которой этот самый специалист высказывал предположение, что ИИ может быть создан по чистой случайности, так что сами его создатели не сразу поймут, что же это такое у них получилось.

– Прости, что мы так долго возимся, – сказала Арли, залезая в фургончик с водительской стороны.

– Да понятно, вы же ничего такого не ожидали.

– И заморочка-то самая глупая, с оптическим разъемом. Кабель не присоединить. Они применяют другой стандарт, французский. – Арли обвила баранку руками и уткнула в них подбородок. – Вот так-то и получается, мы спокойно справимся с этими огромными объемами информации – и не имеем под рукой нужного переходника.

– А что же тогда?

– Шеннон побежал в свой номер, говорит, у него там есть. Не

иначе как порнуху японскую смотрит. И еще. У него, у Шеннона, есть дружок в охране, и он говорит, что Блэкуэлл «порасспрашивал» одного из мужиков, которые пытались сегодня захватить Реза.

– Так это что, это все-таки он был им нужен? Рез?

– Вроде так. Они «комбинатские», и им сказали перед налетом, что Рез что-то такое у них украл.

– Украл? Что?

– Этот мужик не знает. – Арли прикрыла глаза.

– А что с ним теперь, с этим, которого допрашивал Блэкуэлл?

– Не знаю. – Она открыла глаза и села прямо. – И как-то сомневаюсь, что мы когда-нибудь это узнаем.

– Он что, и вправду такое может? Пытать людей, убивать?

Арли молчала.

– Как бы там ни было, – сказала она в конце концов, – заставляя нас думать, что это возможно, он получает серьезное преимущество. А в прошлой своей жизни он точно этим занимался. Ты знаешь, что меня больше всего в нем пугает?

– Что?

– Иногда я ловлю себя на том, что вроде и привыкла к нему.

Стук в дверцу с ее стороны. За окном – Шеннон с соединительной кишкой в руках.

– Скажи, когда будешь готов. – Арли открыла дверцу и выскользнула наружу.

Лейни смотрел сквозь тонированное ветровое стекло на бетонную стену и вспоминал ступеньки у дверей гейнсвиллского муниципального суда, как он следил за чистотой на этих ступеньках вместе с еще двоими приютскими, Шакиллом и Кенни. Шакилл тоже участвовал в тестировании медицинских препаратов, а Келли вскоре перевели в другое место, куда-то около Денвера. Лейни не знал их дальнейшей судьбы, но это Шакилл первым заметил, что, когда вкалывают настоящий препарат, во рту появляется такой металлический вкус, вроде как алюминий или еще что. От плацебо, сказал Шакилл, нет *привкуса*.

И ведь точно. Ты всегда мог сказать, то тебе ввели или это.

Они трое проходили там «трудовую практику», пять или шесть дней убирали подношения, которые оставляли люди, ожидавшие суда. Считалось, что эти подношения могут быть источником заразы, а жертвователи всегда старались их получше спрятать, так что иногда и не найдешь, пока не завоняет или мухи не слетятся. Чаще всего куски курицы, перевязанные цветной ниткой. А однажды была, как определил тот же Шакилл, козлиная голова. Шакилл говорил, что все это оставляют распространители наркотиков, у них религия такая. Работать приходилось в зеленых

резиновых перчатках с оранжевыми кевларовыми кончиками пальцев, от этого на руках высыпала потница. А чтобы складывать подношения, было белое ведро с защелкивающейся крышкой и облезлыми наклейками биологической опасности. Шакилл хвастался, что знает имена некоторых из этих, для кого подношения, богов, но Лейни ему не верил. Все эти имена, вроде как О'Ганн или Сэм Эдди, были, конечно же, чистой выдумкой, и даже он, Шакилл, сказал как-то, забрасывая в ведро белый комок слипшихся куриных перьев, что уж лучше бы они наняли себе лишнего адвоката. «Но их тоже можно понять – ждут суда, мандражируют, вот и хотят подстраховаться с другой стороны».

А в общем, эта «трудовая практика» была вполне ничего, лучше, чем в фастфудовых заведениях, плохо только, что потом, в приюте, их каждый раз обыскивали на предмет наркотиков.

Он рассказал Ямадзаки и Блэкуэллу, как знал тогда заранее, что Элис Ширз собирается покончить с собой, и они наверняка решили, что он может видеть будущее. Но сам-то он знал, что не может. Это было бы все равно как если бы эти куриные потроха, подброшенные к ступенькам суда, изменяли решение судьи. То, что произойдет потом, вырастает из того, что происходит сейчас, а предсказывать будущие события… Лейни твердо знал, что сам он этого не может, а опыт работы с узловыми точками наводил его на сильное подозрение, что и никто не может. Судя по всему, образование узловых точек было каждый раз связано с какими-то назревающими изменениями. Он просто умел выделять места, где достаточно маленького толчка, чтобы изменение действительно произошло. *Малейшего* толчка, вроде этой покупки лезвий для канцелярского ножа. Но если бы той ночью, чуть пораньше, произошло бы землетрясение и ее дом обвалился… Или она попросту потеряла бы эту пачку лезвий… А с другой стороны, если бы она купила себе «пятничный специальный» по карточке – что совершенно невозможно, потому что штука эта незаконная и купить ее можно только втихаря, – тогда любому было бы ясно, что она там замышляет…

Арли открыла дверцу с его стороны:

– Ну как ты тут, в порядке?

– В полном, – сказал Лейни и взял с коленей очки.

– Точно?

– Ладно, давай работать.

– Как знаешь. – Она тронула его за руку. – А потом мы тебя сразу к доктору, ладно?

– Спасибо, – сказал Лейни, надевая очки, и тут же его рот наполнился знакомым привкусом…

Данные по «Ло/Рез», прозрачные и прихотливо

переплетенные с архивом фэн-клуба, пополнились россыпью новых текстур, превращавшихся, если к ним присмотреться, в…

Шакилл, в приютском тренировочном костюме. Показывает ту козлиную голову. Вся шкура с головы ободрана, а еще в нее забиты гвозди, а потом Шакилл раздвинул ее челюсти, и оказалось, что языка там нет, а на его месте лежит пропитанная кровью бумажка с какой-то надписью. Имя прокурора, объяснил Шакилл, гордясь своей осведомленностью.

Лейни закрыл глаза, но картина не исчезла.

Он открыл их и увидел идору, лицо, окаймленное мехом. Она смотрела на него. На ней была вышитая меховая шапка с ушами, очень кстати, потому что шел снег, а потом она уплощилась, слилась с текстурами, струившимися вниз, сквозь рифы информации, и он тоже отдался на волю этого течения и ощутил, как проходит через самое ядро, сердцевину, и вынырнул на другой стороне.

– Подожди… – сказал Лейни и услышал свой голос с заметной задержкой.

– Перспектива, – сказала идору. – Параллакс Ямадзаки.

Что-то развернуло его, так что теперь он смотрел прямо на информацию, но под новым углом и словно с огромного расстояния. А вокруг нее… ничего – или, вернее, *ничто*.

Но всю эту информацию пронизывали две смутно параллельные структуры, похожие на «Риалтри» из ноутбука Арли, но бесконечно более сложные. Рез и идору. Они были изваяны во времени, Резова структура зарождалась на самом дальнем краю хлипким, тонким проростком, это были первые проблески его карьеры. Далее – рост, усложнение, превращение в нечто мощное и разветвленное… но затем она вновь начала уменьшаться, многие ветви иссохли и бессильно обвисли… Должно быть, подумал Лейни, это и есть та точка, за которой Рез навлек на себя все нарастающую ненависть Кэти, стал человеком, чья слава определяется не тем, что он есть, а тем, чем был раньше, светом догоревшей звезды…

Структура идору появилась чуть позже, как нечто плавное, продуманное, несколько примитивное. Но дальше, в местах наибольшего сближения с Резом, она начала обретать определенную сложность. Или, подумал Лейни, *непредсказуемость*. Нечто сугубо человеческое. Она училась.

И обе эти структуры, скульптуры во времени, были узловыми, и это их качество нарастало с приближением к «теперь», где они плотно сплетались…

Лейни стоял рядом с идору. Он уже видел этот пляж, в ирландском гостевом доме, когда просматривал снятую биноклем

пленку. Грязно-зеленое, с россыпью белых барашков море, свежий ветер треплет и рвет уши ее меховой шапки. Лейни не чувствовал ветра, но слышал его вой, настолько громкий, что было трудно разговаривать.

– Так ты их видишь? – крикнула она.

– Что – вижу?

– Лица в облаках! Узловые точки! Я ничего не вижу! Покажи их мне!

Но затем она исчезла, а вместе с ней и море, и Лейни снова смотрел на информацию, на оцифрованные истории Реза и Рэй Тоэй, которые сплетались на грани превращения в нечто иное. А если бы тогда, в Лос-Анджелесе, он попытался, могло бы так быть, что из узловой точки Элис Ширз выплыл бы канцелярский нож?

И он попытался.

Перед ним расстилалась белая пушистая равнина. Не снег. А вдали, на фоне ядовито-розового обрыва, величественно переступали исполинские, щедро разукрашенные коричневым по коричневому ковбойские сапоги. Равнина исчезла, на ее месте медленно вращался непонятный, неопределенных размеров предмет, отдаленно похожий на лос-анджелесский автобус, если с него снять колеса.

– Семнадцатый номер, – сказала идору. – Отель «Дай».

– Дай? – переспросил Лейни.

Автобус исчез, поехал догонять сапоги.

– Что такое «отель любви»?

– Как?

– Отель. Любви.

– Ну, наверное, это где люди занимаются любовью…

– А что такое «Первичный биомолекулярный программирующий модуль С-дробь-семь-А производства Родель-ван Эрп»?

– Представления не имею.

– Но вы же мне сейчас показывали! Это *средоточие* нашего союза, наше пересечение, то, из чего должно развернуться и все остальное!

– *Подождите*, – сказал Лейни, – у вас тут есть *другой*, они вроде как смыкаются…

Напряжение отзывалось болью в боку, но вдали виднелись горы, перекрученные деревья, низкая крыша деревянного домика…

Идору исчезла, а затем и дом, словно съеденный изнутри, – его структура замерцала и съежилась. И, на мгновение, образ чего-то громоздящегося, беспорядочная россыпь непохожих друг на друга окон и взвихренное, радужное небо.

– Кончай орать! – сказала Арли, сдергивая с него очки.

Рядом с ней – Ямадзаки.

– Остановитесь, Лейни-сан.

Лейни длинно, судорожно вздохнул, уперся ладонями в мягкий пластик приборной доски и закрыл глаза; рука Арли легла ему на затылок.

– Нужно туда бежать.

– Бежать? Куда?

– Семнадцатый номер… Мы опоздаем. На свадьбу…

38
Звезда

Парализатор перестал щелкать, и Кья уронила его на пол. Дверная ручка не поворачивалась. Из ванной – ни звука, кроме птичьего щебетанья. А что в комнате? Масахико торопливо заталкивает свой компьютер в клетчатый пластиковый мешок. Кья бросилась к «Сэндбендерсу», схватила его (очки потянулись следом, на проводе) и повернулась к сумке, из которой так и торчал угол сине-желтого мешка. Она рывком вытащила мешок вместе с его содержимым, бросила эту мерзость на кровать и нагнулась, чтобы запихнуть «Сэндбендерс» в сумку. И услышала со стороны ванной какой-то звук. Оглянулась.

Ручка медленно поворачивалась.

Русский шагнул в комнату. На его правой руке было нечто вроде ослепительно-розовой рукавицы, без пальцев, но зато с лысой кукольной головой. Сексуальная игрушка из черного шкафчика, сыгравшая роль изоляции. Он сдернул розовую шкурку с руки и небрежно швырнул ее через плечо. Птицы в ванной смолкли.

Масахико, начавший было надевать правый ботинок, замер, уставившись на русского, его левая нога все еще была в бумажном шлепанце.

– Вы уходите? – спросил русский.

– Она на кровати, эта ваша штука, – сказала Кья. – Мы не хотим иметь с ней *никакого* дела.

Заметив на полу парализатор, русский поднял ногу и припечатал его каблуком, словно некую ядовитую тварь; жалобно хрустнул крошащийся пластик.

– Артемий, мой друг из Новокузнецка, делает себе большое унижение этим. – Он поворошил обломки носком сапога. – Носит очень тесные джинсы, Артемий, кожаные, это мода. Кладет в передний карман, спуск случайно нажимается. Артемий парализует свое мужество. – Крупные, неровные зубы оскалились в подобии улыбки. – А нам смешно, да?

– Ну *пожалуйста*, – сказала Кья. – Мы просто хотим *уйти*.

Русский обогнул Эдди и Мэриэлис, так и обнимавшихся на полу.

– Ты случайность, как Артемий своему мужеству, да? Ты только случилась владельцу этого прекрасного ночного клуба. – Носок сапога указал на бессознательного Эдди. – Который контрбандист и прочие вещи, очень сложные, но *ты*, ты есть

просто случайность.

– Да, – кивнула Кья.

– Ты из «Ло/Рез» *(Ло-ресс)*. – Он шагнул к кровати и заглянул в пластиковый мешок. – Ты знаешь, что такое это.

– Нет, – соврала Кья. – Я не знаю.

Русский повернулся к ней.

– Мы не нравимся случайности, никогда. *Не допускаем* случайности.

Руки русского начали подниматься; на третьем суставе каждого его пальца, со стороны ладони, розовело круглое пятнышко размером с горошинку. Кья видела такие у ребят в школе и знала, что это следы татуировки, недавно удаленной лазером.

Она взглянула ему в лицо. В лицо человека, который собирается с духом, чтобы сделать нечто очень неприятное, но совершенно необходимое.

Но тут взгляд его метнулся куда-то вдаль, через ее плечо; Кья обернулась и увидела, как дверь в коридор толчком распахивается внутрь. В комнату не вошел, а словно влился огромный, шире дверного проема, мужик в сером с металлическим отливом пиджаке; его правая щека была сикось-накось заклеена полосками бледно-розового пластыря. А руки – тоже огромные и сплошь в шрамах, в левой зажато что-то черное с концом, похожим на магнитный ключ, правая лезет во внутренний карман пиджака.

– *Yob tvoyu mat*, – пораженно выдохнул русский.

– Мою мать? – обрадовался огромный. Его рука вынырнула наружу с предметом, похожим на очень большие ножницы; предмет начал быстро, сухо пощелкивая, раскладываться и через долю секунды превратился в топорик с металлической ручкой, искривленным, опасно поблескивающим лезвием и узкой, острой, как карандаш, головкой на обухе. – Ты сказал «*мою* мать»?

Его лицо и выбритая, с начинающей вылезать щетиной голова тоже были сплошь испаханы шрамами, розовели бороздками рубцовой ткани, а на месте левого уха торчал пунцовый обрубок.

– Нет, нет, – сказал русский, поднимая руки раскрытыми ладонями вперед. – Речевое оборачивание, только.

Из-за спины мужика с топором в комнату вошел еще один мужик, темноволосый, в черном свободном костюме. Правый глаз новенького закрывал видеомодуль, подвешенный к черному, до бровей надвинутому хайратнику. Глаз, оставшийся на всеобщее обозрение, был большой, веселый и зеленый, и все равно ей потребовалось не меньше секунды, чтобы узнать – кто это.

А узнав, она так и села на… ну, скажем, розовую кровать.

– Где эта штука? – спросил мужик, похожий на Реза (*очень* похожий, разве что чуть поплотнее и щеки не ввалены).

Оба эти, русский и с топором, молчали. Мужик с топором, не оборачиваясь, захлопнул дверь ногой.

Зеленый глаз и видеомонокль переместились на Кья.

– А ты знаешь, где эта штука?

– Какая?

– Биомеханический стартовый модуль, или как ее там… – Он замолк, тронул пальцем засунутый в правое ухо наушник и прислушался. – Первичный биомолекулярный программирующий модуль С-дробь-семь-А, Родель-ван Эрп. *Я тебя люблю*.

Кья ошалела.

– Рэй Тоэй, – объяснил мужик, тронув пальцем хайратник, и тогда она окончательно уверилась, что это он.

– Здесь. Вон в том мешке.

Он залез в сине-желтый мешок, вытащил серую с зализанными углами коробочку и повертел ее в руках.

– Это? Это и есть наше будущее, то, что позволит нам пожениться?

– Извините, пожалуйста, – встрял русский, – но вы должны знать, что это принадлежит мне.

В его голосе звучало искреннее сочувствие.

– Ваше? – Рез вскинул глаза, чуть наклонил голову вбок и сразу стал похож на любопытную птицу. – А где вы это взяли?

– Обмен. – Русский смущенно кашлянул. – Этот джентльмен на полу.

И только тут Рез заметил Эдди и Мэриэлис.

– Они мертвые?

– Вольты, да? Есть обычно не смертельно. Ваша девочка на кровати.

– А ты кто? – повернулся к ней Рез.

– Кья Пет Маккензи, – автоматически отрапортовала Кья. – Я из Сиэтла. Я… Я в вашем фэн-клубе. – Она очень боялась покраснеть и покраснела еще сильнее.

Рез наморщил лоб и, похоже, прислушался.

– О, – сказал он наконец и, продолжая слушать, смолк. – И это все она? Действительно? Ну, как здорово. – Зеленый глаз снова сфокусировался на Кья. – Рэй говорит, что твоя роль во всем этом была ключевой и что мы должны быть тебе по гроб благодарны.

Кья судорожно сглотнула:

– Она так думает?

Но Рез уже повернулся к русскому.

– Эта штука должна быть нашей. – Он поднял

нанотехнический модуль. – Вот, давайте прямо сейчас и договоримся. Сколько вы за нее хотите?

– Роззер, – сказал мужик с топором, так и стоявший у двери, – что это ты еще придумал? Этот ублюдок из «Комбината».

Рез прикрыл глаз, словно стараясь взять себя в руки. А потом открыл глаз и сказал:

– Но ведь они *правительство*. Ты же не станешь с этим спорить? А с правительствами мы и раньше договаривались.

– Так ведь то с законными, – возразил топорник, но как-то без прежней уверенности.

Русский, похоже, тоже это почувствовал и медленно опустил руки.

– А вам-то зачем эта штука? – спросил его Рез. – Что вы хотите с ней делать?

Русский взглянул на предмет в руках Реза, словно соображая, а к чему бы действительно его применить, а затем поднял глаза. На его щеке прыгала жилка; трудное решение было принято.

– Мы, – сказал он, – разрабатываем масштабный общественный проект сооружений.

– Господи. – Мэриэлис говорила так хрипло и неразборчиво, что Кья не сразу и поняла, что это за звуки. – Они туда что-то подсыпали. Точно подсыпали, клянусь моей мамой. – Слово «мамой» завершилось струей блевотины.

39
Шок

Прижав мобильник Арли к приборной доске, Лейни набирал номер отеля «Дай». Как только минивэн вырвался из подземного гаража, сзади раздался грохот – потерявший равновесие Ямадзаки рухнул на завалы пузырьковой упаковки. Еще одна кнопка, еще… телефон пискнул, по экрану карты помчались линии координатной сетки.

– Как вы там, Ямадзаки? В порядке?

– Спасибо, – сказал Ямадзаки. – Да, в порядке. – Стоя на коленях, он смотрел в просвет между спинками сидений. – Вы обнаружили этот отель?

– Экспрессвей. – Арли взглянула на экран и свернула направо, на въездную эстакаду. – Нажми там быстрый набор – три. Спасибо. Дай его мне. – Она взяла у Лейни телефон. – Маккрей. Да. Срочность? Иди ты на хрен, Алекс. Соедини меня с ним. – Пауза. – «Дай»? Именно «Дай»? Ни хрена себе. Спасибо.

Она нажала отбой.

– Так что там? – спросил Лейни.

При выезде на экспрессвей мимо них просвистел, сверкая ребристой стальной обшивкой, исполинский суставчатый грузовик; минивэн ощутимо тряхнуло.

– Я пыталась связаться с Резом. Алекс говорит, что они с Блэкуэллом уехали. Туда же, куда и мы сейчас.

– Когда это было?

– Примерно тогда же, когда у тебя был этот припадок с воплями и мне пришлось вмешаться. Так что извини.

Там, в гараже, Лейни уламывал ее добрых пятнадцать минут и так до конца и не уломал. Арли говорила, что ему нужно к врачу. Говорила, что она – техник, а не исследователь и не охранник, что Реза сторожит Блэкуэлл с его командой, а у нее свои обязанности, она должна сторожить информацию, эти вот блоки, потому что любой, кто до них доберется, получит в свое распоряжение почти полный бизнес-план товарищества «Ло/Рез», плюс бухгалтерию, плюс то, что уж там доверил им Куваяма в этом сером блоке. Она сдалась, согласилась ехать только после клятвенного обещания Ямадзаки, что он берет на себя полную ответственность за все возможные последствия, и пылких заверений Шеннона и его хвостатого напарника, что они ни на шаг не отойдут от аппаратуры. Ни даже, уточнила Арли, чтобы отлить. «А если уж припрет, – сказала она, – мочитесь на стенку.

И свистните сюда полдюжины блэкуэлловских молодцов, для компании».

– Он знает, – сказал Лейни. – Она сказала ему, что это там.

– А что там находится, Лейни-сан? – поинтересовался сзади Ямадзаки.

– Я не знаю. Но что бы это ни было, они считают, что это поможет им пожениться.

– А ты тоже так считаешь? – спросила Арли, обходя цепочку маленьких ярких автомобильчиков.

– Мне кажется, что эта штука вполне на такое способна, – сказал Лейни, и в тот же самый момент откуда-то снизу, из-под водительского сиденья, раздался оглушительный звон. – Но в то же время я совсем не думаю, что все это так уж обязательно произойдет. А это еще что за тарарам?

– Мы превысили допустимую скорость, – объяснила Арли. – Здесь, в Японии, законом предписано, чтобы каждое транспортное средство было снабжено таким вот устройством. Как только начнешь гнать, оно звенит.

Лейни обернулся к глядевшему в щель Ямадзаки:

– Это что, правда?

– Конечно. – Голос Ямадзаки почти потонул в настырном дребезжании.

– Так наверняка же можно что-нибудь там отключить. Неужели никто этого не делает?

– Отключить? – удивился Ямадзаки. – А зачем?

Вполне возможно, что мобильник звонил уже давно, но Арли услышала его только сейчас.

– Маккрей, – сказала она в трубку. – Вилли? – И надолго смолкла.

Минивэн слегка вильнул и начал притормаживать. Звон прекратился. Арли отняла трубку от уха.

– Что там еще? – спросил Лейни.

– Вилли Джуд, – пробормотала Арли. – Он… он просто смотрел один из клубных каналов. Там сказали, что Рез умер. Сказали, что он умер. В «отеле любви».

40
Бизнес

Видя, что никто и не думает помочь несчастной Мэриэлис, Кья встала и протиснулась мимо русского в ванную. Птички зачирикали, в раскрытом черном шкафчике горел свет, все его содержимое – разноцветные члены и прочая мерзость – валялось на полу. Кья сняла с сушилки черное полотенце и черную махровую салфетку, намочила салфетку под краном и вернулась в комнату; салфетку она отдала Мэриэлис, а полотенце сложила пополам и накрыла им блевотину на ковре.

Никто не вмешивался в ее действия. Масахико сидел на полу, поставив компьютер между ног. Безухий, который занимал собой чуть не половину комнаты, опустил свой топор и держал его теперь вдоль чудовищно толстой ноги, шишка на обухе остро поблескивала чуть ниже его колена.

Мэриэлис кое-как села и вытерла рот, оставив на салфетке большую часть своей помады. Кья распрямилась – и чуть было тоже не блеванула, так воняло от стоявшего рядом русского его поганым одеколоном.

– Так вы, значит, строитель? – Рез все еще держал нанотеховый модуль в руке.

– Вы задаете много вопросов. – Русский взглянул на невнятно замычавшего Эдди, шарахнул его ногой и добавил: – *Основа*.

– Общественные сооружения? – не унимался Рез. – Очистка воды или еще что в этом роде?

– В Таллине, – русский покосился на топор, – мы скоро строим эксклюзивный мегамолл, богатые огороженные пригороды и мирового класса фармацевтическую мануфактуру.

– Рез, – вздохнул безухий, – ну чего ты тут дурью маешься? В переводе на нормальный, этот бандюга и его приятели хотят построить себе в Эстонии завод по производству наркотиков. Давай я лучше отвезу тебя в гостиницу.

– Но, может быть, их больше заинтересует… ну, скажем, недвижимость в Токио?

Глаза безухого выпучились, шрамы на лысой репе побагровели. Верхний, что под целым ухом, конец пластырного креста отклеился, обнаружив свежую, глубокую царапину.

– *Недвижимость?* Да где она у тебя, эта японская недвижимость?

– «Аспект славы», – сказал Рез. – Компания, ведущая дела Рэй. Они вкладывают ее доходы в самые разные вещи.

– Вы обсуждаете нанотех, обмененный на токийскую недвижимость? – живо вскинулся русский.

– Совершенно верно.

– А какая *именно* недвижимость?

– Насыпной остров в Заливе, один из двух. В районе одного из полигонов старого «Ядовитого ожерелья», но после землетрясения его закрыли и рекультивировали.

– М-минуточку, – сказала с пола Мэриэлис. – Я тебя знаю. Ты был в этой команде, с этим тощим китайцем, гитаристом. Мощно вы задвигали.

– Я думаю, это нехорошо, здесь обсуждать бизнес, – сказал русский, озабоченно потирая родинку. – Но я Старков, Евгений. – Он протянул Резу руку (Кья снова заметила лазерные шрамы), и Рез ее пожал.

Безухий глухо застонал.

– Я смотрела его по телевизору, в *Дейтоне*, – сказала Мэриэлис, словно это что-то доказывало.

Безухий сунул свободную от топора руку в карман, вынул мобильник и приложил его к безухому уху.

– Спасибо, – сказал он и направился к окну, тому самому, за ширмой, которое нашла Кья. – Ты, Роззер, тоже иди сюда. На это стоит посмотреть.

Рез подошел к безухому, тронув по дороге свой монокль, и встал рядом с ним.

– Что такое, Кити? Что они там делают?

– Тебя хоронят, – ответил безухий.

41
Свечи и слезы

Темные окна административных корпусов проносились совсем рядом, в каких-то метрах от ограждения экспресс-вея. Высотки сменились зданиями пониже, затем в отдалении выплыла яркая вывеска: ОТЕЛЬ ЦАРЬ МИДАС. Карта на приборной доске начала попискивать.

– Третий съезд направо, – сказал Лейни, следивший за курсором.

Ускорение прижало его к спинке, надсадно зазвенел сигнал превышения скорости. Еще одна сверкающая вывеска: ВОДОПАД СВОБОДЫ БАНФ.

– Лейни-сан, – позвал сзади Ямадзаки, – вы замечали какие-нибудь указания на близкую смерть Реза либо иные беды?

– Нет, да и как бы? Для этого нужна определенная степень преднамеренности, отраженная к тому же в изучаемом материале. А несчастные случаи, действия совершенно посторонних личностей… – Звон прекратился, они тормозили перед указанным картой съездом. – Но я видел информацию по ним во временно́й перспективе как два сливающихся потока, и то, *вокруг* чего они сливаются, было там, куда мы сейчас едем.

Арли свернула направо, на широкую дугу съездной эстакады, и Лейни увидел трех совсем молоденьких девочек в облепленных грязью кроссовках, спускавшихся по крутому травянистому склону. Одна из них была, похоже, в школьной форме: гольфы и короткая клетчатая юбочка. Жесткий свет натриевых фонарей придавал их фигуркам какую-то ирреальность, а потом минивэн остановился, заглядевшийся Лейни посмотрел вперед, в чем там дело, и увидел, что дорога полностью перекрыта безмолвной, неподвижной толпой.

– Боже, – сказала Арли. – Поклонницы.

Если там и были отдельные мальчики, Лейни их не заметил. Это было сплошное море черных блестящих волос, все девочки смотрели вперед, где на белом бетонном здании сверкала белая, обрамленная неким подобием короны надпись: ОТЕЛЬ ДАЙ. Арли опустила стекло, и Лейни услышал далекое улюлюканье сирен.

– Нет, – сказал он, – нам тут в жизни не продраться.

Каждая из девочек держала в руках зажженную свечку, колышащееся море света омывало их скорбные, мокрые от слез лица. Малолетки, соплюхи, совсем еще дети… Наглядная демонстрация того, что вызывало у Кэти Торранс особо лютую

ненависть: поклонницы «Ло/Рез» никогда не старели, их армия постоянно обновлялась за счет притока только что вышедших из младенческого возраста девочек, которые без памяти влюблялись в Реза, виртуально обитавшего во вневременном мире сети, вечно двадцатилетнего Реза его ранних хитов.

– Ямадзаки, – сказала Арли, – поищите там сзади черный футляр.

После недолгого, но интенсивного копошения Ямадзаки просунул в щель между сиденьями небольшой, очень плоский чемоданчик; Лейни его подхватил.

– Открой, – сказал Арли.

В чемоданчике лежало что-то серое, плоское. Прямоугольная пластинка с логотипом «Ло/Рез». Арли поставила пластинку перед собой и пробежала пальцем по ее ребру. Легкий щелчок, и на ветровом стекле вспыхнули зеркально обращенные буквы зеленой, обрамленной мигающими звездочками надписи:

ЛО/РЕЗ

ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА

Арли подала машину немного вперед. Ближайшие девочки оглянулись, увидели надпись и потеснились в стороны; минивэн начал медленно, с частыми остановками пробираться сквозь молча расступающуюся толпу.

А затем Лейни заметил, что чуть впереди над этой толпой возвышаются длинная, с жидкими волосами голова и обтянутые белым кожаным смокингом плечи – сочетание, хорошо запомнившееся ему по туалету «Западного мира». Судя по смятенному, почти испуганному лицу русского, громила уже и не чаял вырваться из бескрайней трясины черных волос и трепещущих огоньков, но затем он тоже заметил Лейни, скривился и начал с удвоенной энергией проталкиваться в новом направлении – к зеленому фургончику.

42
Разъезд гостей

Кья тоже подошла к окну и увидела, что дождь кончился. Парковочная площадка, отделенная от отеля «Дай» проволочной сеткой, была сплошь забита неподвижными фигурками с зажженными свечками в руках. И на припаркованных грузовиках тоже стоят, и на крыше низкого здания, которое чуть вдали. Девочки. Японские девочки. И все они смотрят сюда, словно прямо в окно.

Громадный мужик рассказывал Резу, что кто-то объявил, будто он умер, найден мертвым в этом самом отеле, а потом новость повесили в сети и вообще принимают ее на полном серьезе.

Русский достал свой мобильник и начал было трепаться с кем-то по-своему, а потом опустил мобильник, даже вроде не договорив, и прислушался.

– Мистер Ло-ресс, – сказал он, – мы слышим, полиция приезжает. Этот нанотех строго запрещен, а потому очень большая проблема.

– Ну что ж, – сказал Рез, – наша машина стоит в гараже.

Кья почувствовала, что кто-то дергает ее за локоть, повернулась, и Масахико сунул ей в руки ее сумку, уже застегнутую, и «Сэндбендерс» был уже там, по весу чувствовалось. Его компьютер тоже был упакован, в тот клетчатый мешок.

– Обуйся, – сказал он.

Эдди лежал скрючившись на полу; с того времени, как русский саданул его ногой, он вроде даже и не пошевелился. Теперь русский снова шагнул к Эдди, и Мэриэлис, сидевшая рядом с ним, испуганно съежилась.

– Тебе очень повезло, – сказал русский, обращаясь к бесчувственному Эдди. – Мы соблюдаем наше соглашение. Изотоп будет доставлен. Но мы не хотим больше никакого бизнеса с тобой.

Что-то щелкнуло, и еще раз. Кья посмотрела и увидела, что безухий складывает свой топор, ловко и быстро и даже на него не глядя.

– Слушай, Роззер, – сказал он, – эта, что у тебя, хреновина, за нее можно загреметь по максимуму. А тут еще эти твои свистульки, из-за них сюда копы едут. Дай-ка я ее возьму, пусть уж «обладание» будет на меня.

А Рез посмотрел на него и говорит:

– Нет, Кити, я ее сам понесу.

– Ну что ж, – сказал здоровый, и в глазах его появилось что-то такое, обида или даже печаль, – тогда пошли. – Он сунул сложенный топорик в карман и махнул рукой, указывая Кья и Масахико на дверь. – Вы, парочка, идите вперед.

Рез последовал за Масахико, а русский сразу за ним, но потом Кья вспомнила, что ключ от номера так и остался на прикроватной тумбочке, которая в действительности холодильник, бросилась назад и схватила его. И остановилась, глядя на Мэриэлис.

Рот Мэриэлис, с которого стерлась вся помада, выглядел каким-то старым и печальным. Рот, которому много в жизни досталось.

– Пошли с нами, – предложила Кья.

А Мэриэлис подняла глаза и ничего не говорит.

– Да пошли, – повторила Кья. – Тут сейчас полиция будет.

– Я не могу, – сказала Мэриэлис. – Нужно же об Эдди позаботиться.

– Скажите своему Эдди, – сказал здоровый, хватая Кья за руку, – что, если он обо всем этом хоть кому хоть слово скажет, останется без пальцев на ногах, всю обувь придется менять.

Мэриэлис и глаз не подняла, словно не слышала, а здоровый выдернул Кья из комнаты и захлопнул дверь, и Кья пошла по коридору следом за русским, глядя на его пижонские сапоги и бежевую спину.

Масахико и русский вошли в лифт первыми, Рез тоже было сунулся, но здоровый поймал его за плечо, сказал: «Ты останешься со мной» – и подтолкнул к лифту Кья.

Масахико нажал кнопку, лифт поехал, а русский повернулся к нему и спросил:

– Ты обладаешь машиной?

– Нет, – ответил Масахико.

Русский недовольно хрюкнул; от него так воняло одеколоном, что Кья с трудом удерживала свой желудок на месте. Когда лифт открылся, в тот самый, маленький, холл, русский выскочил первым и стал крутить головой, словно ожидая, что кто-то на него из-за угла бросится.

Кья и Масахико тоже вышли, и дверь лифта закрылась.

– Поиск машины, – сказал русский. – Пошли.

Следом за ним они выскочили через раздвижные стеклянные двери на парковочную площадку, чуть не наполовину занятую Эддиным «грейслендом». Рядом стоял серебристо-серый японский седан, и Кья подумала, что а вот этот, наверное, Резов. Кто-то успел уже закрыть номера обеих машин черными пластиковыми

пластинками.

Сзади зашуршала раздвигающаяся дверь, Кья обернулась и увидела Реза с этим нанотеховым блоком под мышкой, а в шаге за ним – безухого.

А потом сквозь занавеску из розовых полосок прорвался длинный, совершенно ошалелый мужик в белом кожаном смокинге, и он держал за шиворот парня поменьше, а тот все старался вырваться. Как только этот парень увидел Реза и остальных, он заорал: «Блэкуэлл!» – рванулся и выскочил из своего пиджака, но тот, в белом смокинге, все равно поймал его за ремень.

Русский заорал что-то по-русски, тот, который в смокинге, повернулся, увидел его и, похоже, узнал. И отпустил того парня.

– У нас тут минивэн, – сказал парень.

Безухий шагнул к тому, в смокинге, посмотрел на него, будто прямо вот сейчас прикончит, но ничего такого не сделал, а только отобрал у него парнев пиджак.

– О'кей, Роззер, – сказал он, повернувшись к Резу, – ты знаешь, как это делается. Ничего нового, то же самое, как вырваться из того дома на Сент-Килда[79], когда снаружи нас ожидали эти мельбурнские ублюдки.

Безухий накинул пиджак Резу на голову и плечи, хлопнул его ободряюще по руке, а затем подошел к розовой занавеске, отодвинул одну из ее полосок, посмотрел наружу и сказал, не то удивленно, не то восхищенно:

– Долбать и резать. Ну ладно, слушайте тогда меня. Двигаться быстро и не разбиваться, всем вместе, Рез посередине. Прямо к зеленому минивэну. Досчитаю до трех, и – рванем.

43
Завтрак педикюрщика

– Вы совсем не едите, – сказал Блэкуэлл, прикончив вторую порцию яичницы с сосисками.

Сегодня он оккупировал для завтрака небольшую столовую на одном из служебных этажей «Эльфийского колпака» и попросил, чтобы Лейни составил ему компанию. Вид отсюда был примерно тот же, что из номера Лейни, располагавшегося шестью этажами ниже: встающее солнце золотило вдали верхушки новых зданий.

– Блэкуэлл, а кто все-таки распустил слух о смерти Реза? Идору?

– Она? А почему вы так думаете? – Блэкуэлл отломил уголок тоста и теперь подчищал им с тарелки последние крошки яичницы.

– Не знаю, – пожал плечами Лейни. – Но мне кажется, что она любит что-нибудь такое выкинуть. И что понять ее поступки ой как непросто.

– Нет, – качнул головой Блэкуэлл, – это не она. Мы сейчас все проверяем. Похоже, какая-то его мексиканская поклонница совсем взбесилась и взломала главный сайт токийского клуба весьма суровым софтверным оружием. Она действовала из Штатов, с конвертированного корпоративного веб-сайта. Выпустила бюллетень, а затем обзвонила всех девиц, какие были в членском списке, чтобы вставали и мчались к этому самому «отелю любви».

Он закинул тост себе в рот, проглотил его, вроде бы и не жуя, и вытер губы салфеткой.

– Но Рез и *вправду* был там, – напомнил Лейни.

– Ну да, – кивнул Блэкуэлл. – Вот мы и пробуем с этим разобраться. И вообще, у нас сейчас забот выше ушей. – Он машинально потрогал свой ушной обрубок. – Нужно отмежевать Реза от этой погребальной шуточки, успокоить его аудиторию. Дать инструкции юристам, уже летящим сюда из Нью-Йорка и Лондона для переговоров со Старковым и его людьми. И с *ее* людьми, – добавил он. – Так что тут не соскучишься.

– А что это были за детишки? – спросил Лейни. – Рыжая пигалица и японский хиппи.

– Рез говорит, они в порядке. Мы разместили их в этой гостинице под наблюдением Арли, пусть она с ними разбирается.

– А где нанотеховый модуль?

– Вы. Этого. Не говорили, – размеренно произнес Блэкуэлл. – И впредь не будете говорить. Сейчас формулируется официальная правда о событиях минувшей ночи, и ничего подобного в ней не будет. Я ясно выражаюсь?

Лейни кивнул. Нет, ну точно парапет того здания чуть-чуть сместился. Или просто свет такой? Так и не придя ни к какому выводу, он взглянул на Блэкуэлла.

– А вот скажите, вы действительно изменили свое отношение ко всей этой истории или мне только кажется? Прежде я считал вас неколебимым противником союза Реза с идору.

– *Прежде* так и было, – вздохнул Блэкуэлл. – Но теперь-то, похоже, дело уже сделано, верно? Нечто вроде брака де-факто. Я-то в своей старомодности все надеялся, что в конце концов он сойдется с какой-нибудь обычной девицей. Чтобы чистила его винтовку, штопала носки, родила ему ребенка-другого. Но ведь это уже отпадает, верно?

– Думаю, что да.

– В каковом случае у меня есть два варианта. Либо я бросаю этого придурка, чтобы жил как знает, либо остаюсь с ним, делаю свое дело и пытаюсь приспособиться к тому, что уж из всего этого выйдет. И в каждом, Лейни, в каждом из этих случаев я должен помнить, что было бы со мной, не заявись он тогда в Пентридж, чтобы дать этот сольный концерт. Так вы собираетесь есть яичницу или нет?

– Я выполнил свою работу, – сказал Лейни. – Не с тем результатом, как вам хотелось, но выполнил. Вы согласны?

– Никаких возражений.

– А тогда мне лучше отчалить. Организуйте с оплатой, и меня уже к вечеру здесь не будет.

– Что так вдруг? – удивился Блэкуэлл. – Видеть нас больше не можете?

– Нет, просто так всем будет лучше.

– А вот Яма думает совсем иначе. И Рез. Не говоря уж об ее иначестве, каковое, вне всяких сомнений, тоже имеет свое мнение на этот счет. Вас, Лейни, прочили в судебные прогнозисты – если бы только не оказалось, что вы попросту высасываете всю эту узловую бредятину из пальца. Что, к слову сказать, очень бы меня позабавило. Но ничего подобного не произошло, так что в настоящий момент ваши услуги представляются нам более чем желательными и ваш уход нас бы крайне огорчил.

– Я вынужден уволиться, – сказал Лейни. – Меня шантажируют.

Блэкуэлл подался вперед, веки его вскинулись, розовый червячок в правой брови чуть шевельнулся.

– Ну неужели? – Мягкий, благожелательный голос. Голос сексолога, к которому пришел чрезмерно стеснительный пациент. – И кто же это такое придумал?

– «Слитскан». Кэти Торранс. Отчасти и по личным мотивам.

– Ну-ка, расскажите мне эту историю. Во всех подробностях. Пожалуйста.

И Лейни рассказал ему все, рассказал, что участвовал в испытаниях «5-SB», рассказал, что, по имеющимся данным, люди, подвергавшиеся действию этого препарата, рано или поздно становятся маньяками, начинают охотиться на знаменитостей.

– Я не говорил об этом раньше, – заключил он, – из опасения, что вы не захотите со мной связываться. Решите, что а вдруг я тоже спсихую.

– В общем-то, такие типы не редкость, – пожал плечами Блэкуэлл. – Прямо вот сейчас в Токио находится некий молодой человек, сочинивший все песни Ло и Реза, не говоря уж о таких мелочах, как весь репертуар Синего Ахмеда. Для пущей радости этот молодой человек прекрасно разбирается во взрывных устройствах, так что за ним нужен глаз да глаз. По счастью, мы тоже кое-что умеем. А потому, Лейни, если вы когда-нибудь смените шкуру и захотите нас укусить, и нам, и вам будет лучше, если вы будете *здесь*, поближе к бдительному оку нашей службы безопасности.

Лейни на минуту задумался. В общем-то, все это звучало вполне разумно.

– Ну а если «Слитскан» все-таки покажет эту запись? Вам ведь сразу захочется, чтобы я был где-нибудь подальше. *Мне* захочется, чтобы я был где-нибудь подальше. У меня нет семьи, нет никого, кто пострадает, но самому-то мне все равно придется с этим жить.

– Ну и как вы себе это представляете?

– Я уеду в какое-нибудь место, где люди не смотрят это говно.

– Ну что ж, – вздохнул Блэкуэлл, – когда вы найдете эту блаженную страну, возьмите меня с собой. Мы будем питаться орехами и плодами, сливаться с тем, что уж там осталось от долбаной природы. Но пока что, Лейни, я перекинусь парой слов с этой вашей Кэти Торранс. Я ей кое-что объясню. Ничего особо сложного. Простые, *предельно* простые механизмы действия причинно-следственных связей. И она *никогда* не допустит, чтобы «Слитскан» показал миру вашего малосимпатичного двойника.

– Блэкуэлл, – сказал Лейни, – меня она *терпеть не может* и хотела бы мне отомстить, но вот Реза она *ненавидит*, ненавидит слепой ненавистью, и *должна* его уничтожить. Кэти Торранс –

очень влиятельная особа из мощной глобальной организации. Ваши *угрозы* не испугают ее и не остановят, а только повысят ставку в игре. Она обратится к *своей* службе безопасности.

– Нет, – покачал головой Блэкуэлл, – ни к кому она не обратится, потому что это было бы грубым нарушением некоей весьма *личной* договоренности, которая будет достигнута в ходе нашей будущей беседы. Именно *личной*, это здесь ключевое слово. Мы встретимся с ней лицом к лицу, мы построим этот незабываемый, полный глубочайшего смысла эпизод отнюдь не как представители двух безликих организаций. Наше с вашей Кэти общение может оказаться для нее более интимным и – смею надеяться – более поучительным, чем все, что она знала прежде. Потому что я внесу в ее жизнь новую непреложность, а мы *все* нуждаемся в непреложностях. Они помогают формированию личности. Я вселю в вашу Кэти глубочайшее возможное убеждение, что при первой же попытке нарушить нашу договоренность она умрет. И не сразу, а лишь после того, как смерть станет ее единственным, всепоглощающим желанием. – Блэкуэлл обнажил в улыбке два ряда искусственных, ослепительно-белых зубов. – Так каким же конкретно способом должны были вы известить ее о своем решении?

Лейни вынул из бумажника белую карточку с от руки написанным номером.

– Спасибо. – Блэкуэлл взял карточку и поднялся. – Жаль, что вы так ничего и не съели, такой хороший завтрак пропал. Вернетесь в свой номер, сразу позвоните гостиничному врачу, пусть он с вами разберется. И – ложитесь спать. А с этим, – он засунул карточку в нагрудный карман алюминиевого пиджака, – я уж сам разберусь.

После ухода Блэкуэлла Лейни заметил посреди его чистой, словно языком вылизанной тарелки полуторадюймовый оцинкованный гвоздь, поставленный торчком на широкую, надежную шляпку.

По ближайшем рассмотрении бок Лейни оказался черно-желто-синим, как флаг некоей неведомой мордобойной державы. Врач туго замотал эту красоту тривиальным микропорным бинтом, оставил на тумбочке какое-то снотворное и удалился. Лейни проглотил снотворное, вымок хорошенько под душем, лег в постель и совсем было собрался потушить свет, когда рассыльный принес факс.

Факс был адресован К. Лейни, постояльцу.

ДНЕВНОЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ ДАЛ МНЕ РАСЧЕТ. «ЧРЕЗМЕРНО БЛИЗКИЕ ОТНОШЕНИЯ С ГОСТЯМИ». КАК БЫ ТАМ НИ БЫЛО,

ТЕПЕРЬ Я СТОРОЖУ «СЧАСТЛИВЫЙ ДРАКОН», СМЕНА НАЧИНАЕТСЯ В ПОЛНОЧЬ, МОЖЕШЬ ПРИСЫЛАТЬ МНЕ ФАКС, МЕЙЛ, ТЕЛЕФОН ТОЛЬКО ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО, НО В ОБЩЕМ РЕБЯТА ЗДЕСЬ ХОРОШИЕ. НАДЕЮСЬ, ТЫ В ПОРЯДКЕ. ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ОТВЕТСТВЕННЫМ. НАДЕЮСЬ, ТЕБЕ ТАМ НРАВИТСЯ. РАЙДЕЛЛ.

– Спокойной ночи, – сказал Лейни, роняя факс на прикроватную тумбочку, и мгновенно заснул.

И проспал до того момента, когда позвонила Арли, чтобы сказать, что она в холле и не хочет ли он выпить. Девять вечера, если верить голубенькому циферблату на углу тумбочки. Лейни надел свежевыглаженное белье и вторую малайзийскую рубашку с правильным шагом строчки и неправильным натяжением нити. Тут же выяснилось, что Белый Смокинг надорвал пару швов на его единственном пиджаке, но ведь, с другой стороны, главный русский, Старков, не пустил этого типа в минивэн, так что можно было считать возмездие свершившимся.

Пересекая холл, Лейни наткнулся на совершенно взъерошенного Райса Дэниелза. Шустрый юрист снова защемил свою голову черным хирургическим зажимом былых бестормозных времен – надо думать, чтобы не распухла от забот.

– Лейни! Господи! Вы не видели Кэти?

– Нет. Я весь день проспал.

– Послушайте, все это как-то дико, но я… вот клянусь, я уже начинаю думать, что ее *похитили*. – Дэниелз пританцовывал от возбуждения, привставая на носки роскошных замшевых мокасин.

– А в полицию вы обращались?

– Конечно, мы сразу так и сделали, но вы бы попробовали сами, это все равно что разговаривать с долбаными *марсианами*, все эти анкеты в их ноутбуках, и даже какая у нее была *группа* крови… А вы, Лейни, вы, часом, не знаете, какая у нее кровь?

– Жидкая, – ответил Лейни. – Такого вроде как соломенного цвета.

Но Дэниелз словно не слышал, он схватил его за плечо и оскалил зубы – надо думать, в *их* стае это означало благорасположение.

– Я вас уважаю, очень уважаю. За вашу невозмутимость.

Лейни заметил в дальнем конце холла Арли. На ней было что-то черное и короткое.

– Вы бы поосторожнее, Райс. – Он стряхнул с себя холодную цепкую руку. – Она еще появится. Я в этом не сомневаюсь.

А затем он шел к Арли и улыбался, и она тоже улыбалась и махала ему рукой.

44
Ля пуриссима

Кья лежала в постели и смотрела телевизор. Это успокаивало нервы, вроде транквилизатора. Вот и мама тоже, когда ушел отец, она тогда вообще не выключала телевизор, сидела перед ним с утра до вечера.

Но здесь было другое телевидение, японское, с девочками вроде Мицуко, только чуть помладше и в матросках, которые запускали на длинном столе громадные деревянные волчки. Здорово запускали. Это было такое соревнование, у кого дольше не упадет. Можно было включить перевод, но картинка, сопровождаемая японским, непонятно о чем, бормотанием, даже лучше успокаивала. А самым убаюкивающим были крупные планы тихо жужжащих волчков.

А вот чтобы узнать, как подает NHK все эти вчерашние заморочки, мистификации в сети и свечное действо у отеля «Дай», тут перевод был очень кстати.

Весьма, *весьма* пухлявенькая Хироми Огава с пеной у рта утверждала, что она знать не знает, кто это вдребезги разнес сайт ее отделения и оттуда, с еще дымящихся развалин, призвал всех токийских поклонниц Реза хором поскорбеть. Но в любом случае, подчеркнула Хироми, злоумышленником был кто-то посторонний, никак не связанный ни с одним из отделений всемирного клуба. Только Кья-то ничуть не сомневалась, что все это устроила Сона, а Хироми врет, врет по наущению этих своих знакомых из «Ло/Рез». Арли успела уже выяснить, что нападение было совершено из Аризоны, с заброшенного веб-сайта, и что раньше этот сайт принадлежал какой-то аэрокосмической компании. Откуда следовало, что Сона засветила свою секретную страну, навсегда ее потеряла. (Пускай там Арли сто раз хорошая, незачем ей знать про Сону.)

А еще показали снятые с вертолета кадры, море свечей на подступах к отелю «Дай» и ошарашенные лица спецназовцев, которым пришлось иметь дело с двадцатью пятью тысячами (приблизительная оценка) зареванных девчонок. Пострадавших было совсем немного, и все по мелочам, только одна девочка скатилась с крутой насыпи и поломала себе обе лодыжки. А вот как их всех оттуда вывезти, это была настоящая проблема, потому что девочки приезжали на такси, по пять-шесть в одной машине, ничуть не задумываясь, где они поймают такси для обратной дороги. А некоторые приехали на родительских машинах и

побросали их, торопясь к центру событий, где попало, что создало дополнительную неразбериху. Арестованных тоже было немного, несколько десятков, в основном – за «незаконное проникновение».

Рез сделал публичное заявление, что он жив и здоров и крайне сожалеет обо всей этой истории, к каковой он, естественно, не имеет ни малейшего отношения. Он был в том же самом черном костюме и в той же рубашке, но уже без видеомонокля и вроде как похудощавее, это уж кто-то поработал над записью. Вначале Рез улыбался и шутил, говорил, что в жизни не бывал в отеле «Дай», да и вообще ни в каком «отеле любви», а теперь, пожалуй, стоит наверстать упущенное, а затем вдруг стал очень серьезным и сказал, как ему жаль, что люди испытали столько неудобств, а некоторые из них даже пострадали из-за чьей-то безответственной выходки. В завершение он снова улыбнулся и сказал, что вся эта история была очень трогательной и произвела на него неизгладимое впечатление, потому что не так уж часто доводится человеку поприсутствовать на своих собственных похоронах.

Хозяева отеля «Дай» тоже выразили свое сожаление и тоже не понимали, как такое могло случиться. Судя по всему, здесь, в Японии, их хлебом не корми, только дай выразить сожаление или сочувствие, но эти, хозяева, сумели заодно сообщить, что в их заведении нет постоянно присутствующего персонала и что таким образом всем клиентам обеспечивается максимальная приватность. Арли потом сказала, что это реклама и можно не сомневаться, что ближайшие месяцы в отеле «Дай» не будет отбоя от посетителей, он теперь прославился.

В общем, все это подавалось как некая дурь, чреватая, однако, серьезными последствиями, избежать которых удалось исключительно благодаря хладнокровию и профессионализму полицейских, которые быстро сориентировались в ситуации, пригнали из пригородов электробусы и развезли девиц по городу.

Арли была из Сан-Франциско, работала на «Ло/Рез» и знала Реза лично, это она сидела за рулем минивэна и провела его сквозь зареванную толпу. А потом она сделала такое, что вообще сдуреть можно, – оторвалась от полицейского вертолета, вывернув на встречную полосу этого экспрессвея, для чего потребовалось перемахнуть через бетонный разделитель.

Арли привезла их с Масахико в этот отель, разместила в сообщающихся номерах, кособоких каких-то, ни одного прямого угла, но зато при каждой комнате свой отдельный душ. Она попросила их не выходить в сеть и никуда не звонить без ее разрешения, ну кроме если потребуется позвать обслугу, и ушла.

Кья тут же залезла под душ. Это было неслыханное

блаженство, а те одежки, которые были на ней все это время, она точно знала, что никогда их больше не наденет, ей и смотреть-то на них было тошно. Она взяла мешок, куда полагается класть одежду, чтобы ее постирали, покидала туда все с себя и засунула мешок в мусорную корзину. Затем она достала из сумки сменку, все там, конечно же, было мятое, словно корова жевала, но это ерунда, главное, что чистое, коже приятно. В стенку ванной был вделан электрофен, так что волосы высохли буквально в секунду, а унитаз не разговаривал, и разобраться в нем было совсем не трудно, всего три кнопки управления.

Потом она легла в постель и сразу уснула. Не слишком надолго.

Помешала Арли, она то и дело забегала посмотреть, как там Кья, и рассказывала ей последние новости, чтобы она, Кья, ощущала свою ко всему этому причастность. Арли сказала, что Рез живет в другом отеле и сейчас он там, но потом, попозже, он обязательно придет, чтобы поговорить с ней и поблагодарить ее за все, что она сделала.

Кья вроде обрадовалась, а вроде и нет. Теперь, когда она посмотрела на Реза в жизни, все то, что она знала и думала о нем прежде, поблекло и отошло на задний план, а прежнее ее восхищение сменилось чем-то неопределенным, близким к замешательству. Вневременная фигура закрепилась в настоящем, теперешнем времени, тут уж и не хочешь, а вспомнишь слова матери, что Ло и Рез немногим младше, чем она.

И было еще одно, неотвязное впечатление, оставшееся от тех минут, когда Кья сидела на корточках у задней стенки минивэна, втиснувшись между Масахико и маленьким японцем, у которого рукав едва висел на ниточке: она взглянула в окно и увидела девочек, провожавших минивэн глазами. Они не знали и не могли знать, что там, на полу этой машины, сидит, накрыв голову пиджаком, сам Рез – не знали, но вроде как чувствовали. И Кья почувствовала, что никогда уже больше не будет такой, как они, одним из лиц в теплом уюте толпы. Потому что теперь она знала, что есть комнаты, которые им и во сне не снились, комнаты, в которых происходят бредовые, а порой даже попросту *скучные* вещи, и именно оттуда, из этих комнат, и приходят в мир «звезды». Вот эта мысль и одолевала ее сейчас, когда она узнала, что Рез придет с ней повидаться. Эта и то, что он такой старый.

И все это заставляло задуматься, что она скажет другим, у себя в Сиэтле. Да разве ж они поймут? А вот Сона поймет, это уж точно. Ей не терпелось поговорить с Соной, но Арли сказала, что пока лучше этого не делать.

Самый долгоиграющий волчок начал подрагивать, и кадр

сместился на глаза девочки, которая его запустила.

Масахико открыл дверь, соединявшую (разделявшую?) их комнаты.

Волчок коснулся краем стола, подпрыгнул и покатился. Девочка прижала руки ко рту, из глаз ее брызнули слезы.

– Сейчас тебе нужно сходить со мной в «Застенный город», – сказал Масахико.

Кья взяла со стола дистанционный пультик и выключила телевизор.

– Так ведь Арли не велела нам пользоваться сетью.

– Она знает, – сказал Масахико. – Я с утра там сижу. – Одежда на нем была все та же, но постиранная и выглаженная; на черных, пузырящихся штанинах появились безукоризненные складки, что выглядело довольно дико. – И с отцом по телефону поговорил.

– Он сильно на тебя злится? Ну, за то, что эти гуми к нему приходили.

– Арли Маккрей попросила Старкова, чтобы кто-нибудь поговорил с представителем наших гуми. Они извинились перед отцом. Но там еще история с Мицуко, ее арестовали у отеля «Дай». Это поставило его в неприятное положение.

– Арестовали?

– За попытку незаконного проникновения. Мицуко тоже участвовала в этом свечном действе. Она залезла на сетку, а там сигнализация. Набежала полиция, а она еще наверху, не успела слезть.

– И как все это утряслось?

– Мой отец договорился об ее освобождении. Но он очень расстроен.

– Мне даже кажется, что это я во всем виновата, – сказала Кья.

Масахико пожал плечами и вернулся к себе в комнату. Кья последовала за ним, прихватив по дороге с полки «Сэндбендерс», очки и наперстки.

Постель на кровати только что узлом не завязана, дверь в ванную нараспашку, за ней на залитом водой кафельном полу валяются мокрые, скомканные полотенца, туалетная полочка залита шампунем из упавшего набок флакона. В номере скопилось по меньшей мере три гостиничных подноса с полуопустошенными керамическими мисочками лапши, и все, буквально все вокруг заставлено мини-банками из-под эспрессо. За один неполный день Масахико создал вокруг себя близкое подобие своей домашней берлоги. Свой компьютер он поставил на стол, а рядом положил ту дурацкую кепочку.

– А Сону кто-нибудь видел? – спросила Кья, сдвигая к ногам

кровати подушку и какой-то растерзанный журнал. Она села на расчищенное место, поставила «Сэндбендерса» себе на колени и начала надевать наперстки.

– Не думаю, – сказал Масахико и как-то странно на нее покосился.

– Отведи меня той же дорогой, что и в первый раз, – попросила Кья. – Я хочу снова там посмотреть.

Хак-Нам. Тайваньская улица. Стены, сплошь покрытые живыми, наползающими друг на друга надписями в графике всех известных письменных языков. Сотни дверей, и каждая из них – намек на свой особый, тайный мир. На этот раз Кья не только ощущала чьи-то пристальные взгляды, но и стала замечать вокруг себя бессчетное множество полупрозрачных теней. Надо думать, именно так представлялись местные жители, кроме тех, с кем ты общался напрямую. Город бесплотных призраков. Сегодня Масахико вел ее в какое-то другое место, они не взбирались по перекрученному лабиринту лестниц, а петляли по нижнему уровню – «первому этажу», как, вероятно, называли его обитатели оригинального Хак-Нама, – и Кья вспомнила «черную дыру» на том, висевшем в берлоге Масахико, платке.

– Теперь я должен тебя оставить, – сказал Масахико, когда они влетели с кишащей призрачной жизнью улицы в огромную пустоту. – Они не хотят ничьих глаз.

Он исчез. Кья осталась одна, и сперва ей показалось, что здесь действительно нет совсем ничего, кроме тусклого света, сочащегося откуда-то сверху, но потом она присмотрелась получше и смутно различила источник этого света – прозрачный, вроде как стеклянный потолок, огромный, очень-очень высокий и сплошь заваленный какими-то смутными, проникающими друг в друга предметами. И вспомнила крыши этого города, свалку виртуального хлама.

– Странное место, правда? – спросила возникшая рядом идору; тонкая, прихотливая вышивка на ее платье горела радужным светом и двигалась. – Темно и пусто. Но он захотел, чтобы мы встретились именно здесь.

– Кто захотел? Вы не знаете, где сейчас Сона?

Перед идору возник маленький ветхий столик, его резные, в форме драконов ножки были покрыты толстым, уже шелушащимся слоем бледно-зеленой краски. Посреди столика стоял грязный, захватанный стакан, на дне которого свернулась сороконожка.

Кто-то негромко откашлялся.

– Это сердце Хак-Нама, – продребезжал знакомый голос,

словно собранный из тысяч и тысяч сухих, древних и хрупких звуков. – Традиционное место для серьезных бесед.

– Вашей подруги нет, – сказала идору. – Я хотела известить вас об этом сама. А он, – жест в сторону стакана, – добавит подробности, которые я не понимаю.

– Как это «нет»? – удивилась Кья. – Там же просто прикрыли ее сайт, а сама она, Сона, так и сидит в этом Мехико со своей шайкой.

– Ее нет нигде. – В голосе Этруска прорезалось нечто вроде сочувствия.

– Когда вас оттуда забрали, – сказала идору, – забрали из этой комнаты в Венеции, ваша подруга обратилась к софтверу вашего компьютера и активировала видеокамеры в ваших очках. То, что она увидела, заставило ее предположить, что вам угрожает серьезнейшая опасность. Как оно, видимо, и было. Насколько я понимаю, у нее тут же зародился план. Вернувшись в свою тайную страну, она связалась с сайтом токийского отделения общества почитателей группы «Ло/Рез» и приказала Хироми Огаве, президенту этого отделения, обнародовать сообщение о смерти Реза в отеле «Дай». В противном случае она угрожала применить оружие, которое развалит сайт токийского отделения.

– Нож, – догадалась Кья. – Так он что, *настоящий*?

– И *крайне* незаконный, – заметил Этруск.

– Когда Огава отказалась, – продолжила идору, – ваша подруга пустила свое оружие в ход.

– Что, – пояснил Этруск, – рассматривается законодательством каждой из вовлеченных в эту историю стран как тяжкое преступление.

– Да, – согласилась идору, – а затем она воспользовалась остатками уничтоженного сайта и сама разослала это сообщение, после чего к отелю «Дай» начали стекаться толпы потенциальных свидетелей.

И снова ее сменил Этруск.

– Но в результате, – сказал он, – ваша подруга раскрыла свое присутствие на заброшенном веб-сайте. Это дошло до сведения первоначальных владельцев сайта. Ваша подруга его покинула, однако они организовали преследование и в конечном итоге вынудили ее расстаться со своим образом.

– С каким еще «образом»?

Кья заранее знала ответ и боялась его услышать.

– «Сона Роса» – это образ, который создала себе Мерсе́дес Пуриссима[80] Варгас-Гутьерес. Ей двадцать шесть лет, и она является жертвой энвиронментального[81] синдрома, очень

распространенного в Федеральном округе Мехико. – Сейчас его голос был как шелест дождя по тонкой железной крыше. – Она – дочь весьма преуспевающего адвоката по уголовным делам.

– Ну, тогда-то я ее найду, – обрадовалась Кья.

– Только она бы этого не хотела, – сказала идору. – Мерседес Пуриссима тяжело и безнадежно искалечена. Последние пять лет она живет в почти полном небрежении своей телесной сущностью.

Кья сидела и тихо плакала. Масахико снял с глаз присоски и подошел к кровати.

– Сона… – всхлипнула Кья. – Соны больше нет.

– Я знаю, – сказал Масахико и сел рядом с ней. – Ты так и не дорассказала мне историю «Сэндбендерсов». Мне интересно. Что там было дальше.

И она начала рассказывать.

45
Счастливый

– Колин, – пробормотала она заплетающимся со сна языком, – что это ты там делаешь?

Светящаяся панель деревянного телефона.

– Звоню в Лос-Анджелес, в «Счастливый дракон».

– Куда?

– Магазинчик такой. Круглосуточный.

– В три часа ночи…

– Нужно поблагодарить Райделла, сказать ему, что с работой все удачно.

Она тяжело вздохнула, перекатилась на другой бок и накрыла голову подушкой.

За окном, вдали, янтарными, иззубренными утесами высились новые здания, освещенные огнями огромного города.

46
Сказки реконструкции

Ей снился низкий, отмелистый берег, усыпанный сплющенными обломками бытовой электроники, снились суетливые, похожие на крабов твари с полосатыми, как древние резисторы, лапками. Токийский залив, спеленутый серым туманом, в старых фильмах эта колышащаяся завеса временно скрывала ужасы начальных кадров – инопланетную армаду либо каких-нибудь там чудовищ.

Она ступила в воду и пошла дальше; с каждым шагом Хак-Нам поднимался все выше, но, по искаженной логике сна, не становился ближе. Море лизало ей щиколотки. «Застенный город» растет. Взращивается. Из ткани берега, обломков и останков мира бывшего – мира, бывшего при прежнем порядке вещей. Из миллионов тонн хлама, ссыпанного сюда баржами и исполинскими грузовиками в ходе великой реконструкции. А теперь здесь суетятся крошечные жучки Родель-ван Эрпа, суетятся, вознося железные клетки будущих комнат, бессчетные, беспорядочные окна, прорезающие серую пелену тумана девственно-чистыми серебристыми прямоугольниками. Продукт беспорядочного людского сошествия, чудовищный и великолепный, он воссоздается по образу и подобию своей вторичной, бесплотной версии.

Инфракрасное трепыхание будильника. Черно-желто-красный платок, выхваченный из тьмы галогенным сиянием софита, в центре платка – прямоугольник, репрезентирующий безадресную пустоту, киллфайл из легенды. Врубив эспрессницу, Кья откладывает пульт и снова сворачивается калачиком, слушая тишину, которую скоро прорежет нарастающее сипение пара. Теперь она чуть не каждое утро проводит в городе, на Сай-Шин-роуд, в своей любимой парикмахерской, где можно узнать все последние сплетни. Случается, сюда заходит Этруск, в компании Клауса и Петуха и прочих духов, с которыми он водится, и Кья им ничуть не мешает. Она этим очень гордится, ведь вот, скажем, к Масахико отношение совсем другое, вроде как к постороннему. Интересно, они и вправду старые, невероятно древние или просто ведут себя так? Как бы там ни было, они обычно обо всем узнают первыми, и она научилась это ценить. И Этруск уже пару раз намекал на какую-то свободную комнату, совсем-совсем маленькую, но зато с окном, выходящим вроде бы на Лун-Чунь-роуд.

И вообще заметно, что Этруск хорошо к ней относится. Странно это даже, ведь все говорят, что по большому счету ему никто не нужен, а вот же, он восстановил папин счет, даже хотя она забыла вернуть этот ключ и там жуть сколько набежало. (Ключ от семнадцатого номера лежит теперь в красивой, из муарового шелка, косметичке, которую ей дали в самолете, когда летела домой; он из белого пластика и сделан по форме старых, механических ключей, магнитная полоска расположена вдоль длинного стержня, а плоский конец в виде короны, какую носят принцессы. Иногда Кья достает его и рассматривает, хотя чего там такого увидишь, просто кусок грошового пластика.)

Этруск и другие всю дорогу шпионят за «Проектом», как они это дело называют. Они говорят, что остров идору все еще не закончен. Он вроде бы уже и есть, но недостаточно стабилен, и, прежде чем начать строительство, пусть даже и с помощью нанотехов, его нужно укрепить, а то вдруг опять землетрясение. Кья иногда задумывается, а что, интересно, сделают со своим островом эти русские; иногда она думает, а как там Мэриэлис, и Эдди, и Калвин, тот парень из «Виски Клона», который выволок ее оттуда, хотя какое ему вроде бы было дело, что там с ней будет и как. Но теперь, когда столько забот, и «Застенный город», и школа, кажется, что все это было очень давно.

Мама, похоже, догадывается, что она не ездила тогда к Эстерке, хотя прямо ничего и не говорит, а только пару раз ни с того ни с сего пускалась в объяснения насчет контрацептивов и безопасного секса. Да и вообще, если разобраться, она была там немногим более двух суток, не считая, конечно, тех часов, что в самолете, потому что Рез так и не сумел выкроить времени, чтобы зайти и сказать ей спасибо, а Арли сказала, что лучше бы вернуться домой поскорее, пока никто не начал задавать вопросы, и что зато они отправят ее рейсом «Джапан эрлайнс», первым классом. Так что она, Арли, тем же вечером отвезла ее в Нариту, только не на том зеленом минивэне, потому что его уже отправили на свалку. А Кья все еще убивалась насчет Соны и из-за этого чувствовала себя полной дурой, потому что ей казалось, что умерла ее лучшая подруга, но ведь эта подруга никогда, по сути, и не существовала, а зато была эта девушка в Мехико с ее кошмарными проблемами, и в конце концов как-то так вышло, что она ревела и рассказывала все это Арли.

А Арли сказала: ты просто подожди. Ведь эта девушка из Мехико, она больше, чем кто угодно другой, нуждается в том, чтобы быть кем-нибудь другим. И какая разница, что она не *была* Соной, если она *создала* Сону, а это ничуть не меньшая реальность. Просто подожди, сказала Арли, и обязательно

появится кто-то другой, кто-то совсем новый, и будет такое чувство, что он тебя уже знал. А Кья сидела рядом с Арли в ее быстрой маленькой машине и думала, как это будет.

– Но я же никогда не смогу сказать ей, что я ее знаю.

– Нет, это сразу все испортит.

В аэропорту Арли купила ей билет на ближайший рейс «JAL», проводила в зал ожидания (нечто среднее между баром и приемной очень богатого концерна) и дала ей сумку с фирменной курткой группы технической поддержки «Ло/Рез». Куртка была специальная, от турне по «Комбинату», с датами всех концертов, вышитыми на трех языках, ее рукава были из прозрачной синтетики с подкладкой, переливающейся, как ртуть. Арли сказала, что это полный дерибас, но, может, у нее найдется дружок или подружка, кому такое нравится!

Кья так ни разу и не надела эту куртку и даже никому ее толком не показала, просто запихнула в пластиковый мешок из химчистки и повесила в шкаф. И с отделением своим стала общаться поменьше. (Келси, к слову сказать, вообще куда-то сгинула.) И никому там не рассказывала про эти японские заморочки, ведь все равно же толком не врубятся, тем более что есть моменты, которые вообще нельзя рассказывать.

А главное, что теперь все ее время уходило на Город, потому что там были Рез и Рэй, двое из множества призраков, *почти* не отличимые от прочих, но все же отличимые. Работали над своим «Проектом».

Многим эта идея не нравилась, но многим и нравилась. Например, Этруску. Он сказал, что это самая дикая бредятина с того самого времени, как вывернули наизнанку тот, первый киллфайл.

Иногда Кья думает, что они просто пудрят всем мозги, потому что кто ж это сможет сделать такое? Построить эту штуку в Токийском заливе, на насыпном острове.

Но идору сказала, что теперь, поженившись, они непременно хотят жить в Городе. А потому обязательно его построят.

И если у них получится, подумала Кья под змеиное шипение раскочегарившейся эспрессницы, я тоже уеду туда.

Благодарности

Согхо Исии, японский кинорежиссер, познакомил меня с цзюлунским (Коулунским)[82] «Застенным городом» по серии фотографических работ Рюдзи Миямото. Исии-сан считал, что нам нужно поставить научно-фантастический фильм. С фильмом ничего не вышло, и все же «Застенный город» упорно не шел у меня из головы, хотя все мои тогдашние познания о нем ограничивались тем, что я смог почерпнуть из потрясающих снимков Миямото (именно они дали мне позднее основную часть бэкграунда для романа «Виртуальный свет»).

Архитектор Кен Вайнберг обратил мое внимание на номер «Аркитекчерал ревью» со статьей о «Застенном городе», откуда я впервые узнал про «город тьмы», великолепную работу, состоящую из фактических свидетельств, собранных воедино Грегом Джерардом и Айаном Ламбротом (Watermark, Лондон, 1992). Благодаря любезности Джона Джерролда я получил эту книгу из Лондона.

Все мои познания об обрубании пальцев почерпнуты из криминальных мемуаров Марка Брендона Рида, более известного как Мясник («Вся подноготная Мясника», Sly lnk, Австралия, 1991). Мистер Рид куда страшнее моего Блэкуэлла, и даже ушей у него на штуку меньше.

Книга Карла Таро Гринфилда «Торопливые племена» (HarperCollins, Нью-Йорк, 1994) дала мне богатейший материал для описания джетлага.

Стивен П. («Плозибилити») Браун много месяцев опекал затянувшуюся работу, и все это время он ежедневно, а то и чаще (и всегда – с высочайшей снисходительностью), комментировал бессвязные обрывки текста, которыми я засыпал его по факсу, страстно надеясь, что в них обнаружится некий «прогресс». Его постоянное ободрение и неисчерпаемое терпение были абсолютно необходимы мне для завершения этой книги.

Мои издатели на обоих берегах Атлантического океана также проявили огромное терпение, за что я их и благодарю.

Все вечеринки завтрашнего дня [83]

Посвящается Грэму и Бэдчерам

1
Картонный город

Сквозь вечерний поток лиц, меж спешащих черных ботинок, сложенных зонтов, через толпу, втекающую единым организмом в удушливое чрево станции, незамеченный, неузнанный, пробирается Синья Ямадзаки, его ноутбук зажат под мышкой, как раковина некоего скромного, но вполне удачного экземпляра подводной фауны.

Привычно не обращая внимания на острые локти, безжалостно бьющие по ногам кейсы и крупногабаритные пакеты с эмблемами магазинов Гиндзы, Ямадзаки и его ноутбук – легкая кладь информации – спускаются в неоновые бездны. В этот приток относительного спокойствия – выложенный плиткой коридор между эскалаторами, движущимися вверх и вниз.

Центральные колонны в оболочке зеленой керамики поддерживают потолок, изрытый мохнатыми от пыли вентиляторами, дымоуловителями, громкоговорителями. За колоннами, у дальней стены, жмутся нестройным рядом потрепанные картонные ящики для грузовых перевозок – импровизированные укрытия, возведенные городскими бездомными. Ямадзаки замирает на месте, и на него обрушивается океанский грохот спешащих с работы и на работу ног. До этой секунды Ямадзаки не замечал его, поглощенный своей миссией. Он вдруг испытывает искреннее и глубокое желание оказаться где-нибудь в другом месте, подальше отсюда.

Он морщится от боли, когда стильная молодая дама, черты лица скрыты маской «Шанель-микропор», проезжает ему по ногам дорогостоящей детской коляской на трех колесах. Судорожно выпалив извинения, Ямадзаки успевает заметить крошку-пассажира, промелькнувшего за гибкими шторками из какого-то розоватого пластика, свечение видеодисплея, мерцающего в такт шагам матери, которая как ни в чем не бывало катит коляску вперед.

Ямадзаки вздыхает, никем не услышанный, и направляется, прихрамывая, к картонным укрытиям. Долю секунды он гадает, что подумают проходящие мимо пассажиры, увидев, как он залезает в пятый слева картонный ящик. Ящик едва доходит ему до груди, но длиннее прочих и отдаленно напоминает гроб; кусок захватанной пальцами белой рифленки, свисающей пологом, служит дверью.

А может, меня и не заметят, думает он. Так же как он сам ни

разу не видел, чтобы кто-то входил в одну из этих методично расставленных хибар или покидал ее. Как будто обитатели стали невидимками в рамках особой сделки, позволившей таким структурам существовать в контексте станции. Он изучает экзистенциальную социологию, и такие сделки всегда его особенно интересовали.

А сейчас он колеблется, сопротивляясь желанию снять ботинки и поставить их рядом с засаленной парой желтых пластиковых сандалий, размещенных у входа на аккуратно сложенном листе подарочной бумаги «Парко».

Нет уж, думает он, представляя, как попадает в поджидающую внутри западню, как борется с неизвестными врагами в картонном чреве. С обувью лучше не расставаться.

Снова вздохнув, он падает на колени, сжимая ноутбук обеими руками. Замирает на миг, коленопреклоненный, слушая за спиной звуки торопливых шагов – мимо, только мимо. Потом опускает ноутбук на керамическую плитку пола, толкает его вперед, под рифленый занавес, и сам на четвереньках – следом.

Он отчаянно надеется, что попал в правильный ящик.

Застывает на месте от неожиданного света и жары. Единственная галогенная лампа опаляет тесное помещение с частотой пустынного солнца. Лишенное вентиляции пространство нагрето, как вместительный террариум.

– Входи, – произносит старик по-японски, – и убери задницу из прохода.

Старик почти голый, если не считать подобия набедренной повязки, скрученной из останков того, что когда-то давно, возможно, было красной футболкой. Он сидит, скрестив ноги, на грубом, заляпанном краской татами. В одной руке тонкая кисть, в другой – ярко раскрашенная моделька. То ли робота, то ли армейского экзоскелета. Игрушка сверкает в солнечно-ярком свете, переливаясь синим, красным и серебряным. По татами разбросаны мелкие инструменты: бритва, резец; наждачная стружка.

Старик очень худ, свежевыбрит, но давно не стригся. Седые космы низко свисают, рот застыл в вечно недовольном изгибе. На старике очки в тяжелой оправе из черного пластика с допотопными толстыми стеклами. В стеклах прыгают зайчики света.

Ямадзаки послушно вползает в картонный ящик, чувствуя, как сзади с хлопком опускается дверь. Стоя на четвереньках, он с трудом удерживается от попытки сделать поклон.

– Он ждет, – говорит старик, кончик кисти парит над фигуркой в руке. – Там, внутри. – Движение головы.

Ямадзаки видит, что картон был недавно укреплен трубами пневмопочты, система определенно воспроизводит традиционную для Японии каркасную архитектуру, трубы стянуты мотками видавшей виды полимерной ленты. В этом маленьком пространстве слишком много предметов. Полотенца и одеяла, кастрюли на картонных полках. Книги. Маленький телевизор.

– Там, внутри? – Ямадзаки указывает на то, что, по его предположению, является еще одной дверью и напоминает ход в кроличью нору, скрытый от посторонних глаз засаленным квадратом желтого, дынного оттенка одеяла на пенной основе, вроде тех, что дают в капсульных отелях.

Но кончик кисти опускается, касаясь модельки, старик целиком сосредоточился на работе, так что Ямадзаки остается только проползти на четвереньках через крохотное до нелепости помещение и отдернуть в сторону край одеяла.

– Лейни-сан?

Что-то похожее на смятый спальник. Запах болезни.

– Ну? – хрип. – Давай сюда.

Сделав глубокий вдох, Ямадзаки заползает внутрь, толкая впереди себя ноутбук. Когда дынно-желтое одеяло падает, снова закрывая вход, яркий свет просачивается сквозь синтетику ткани и тонкую пенную основу, как тропическое солнце, проникающее в глубину кораллового грота.

– Лейни?

Американец стонет. Кажется, пытается повернуться или сесть. Ямадзаки не разглядеть. Глаза Лейни чем-то прикрыты. Мигает красный огонек диода. Кабели. Слабый отблеск интерфейса, отраженный на тонкой проводке вдоль скользкой от пота скулы Лейни.

– Вот теперь я увяз, – говорит Лейни и кашляет.

– Увязли в чем?

– За тобой не следили, случайно?

– Не думаю.

– Я бы почуял, если бы следили.

Ямадзаки чувствует, как пот внезапно начинает струиться из обеих подмышек, стекая ручьями по ребрам. Он заставляет себя сделать вдох. Воздух здесь тяжелый, гнилой. На ум приходят семнадцать известных науке резистентных штаммов туберкулезных палочек.

Лейни хрипло вздыхает.

– Но ищут-то они не меня, так?

– Нет, – говорит Ямадзаки, – ищут ее.

– Им ее не найти, – говорит Лейни. – Не здесь. И нигде. Не сейчас.

– Почему вы сбежали, Лейни?

– Долбаный синдром, – отвечает Лейни и снова кашляет, а Ямадзаки чувствует ровное, на низких частотах содрогание включившейся магнитной подвески, где-то в самом нутре станции, не механическую вибрацию, а мощные толчки отработанного воздуха, рвущегося через клапаны. – В конце концов он проявился. Этот долбаный «пять эс-би». Мания преследователя.

До Ямадзаки доносится топот ног, пробегающих где-то рядом, рукой подать, прямо за картонной стеной.

– Так вы из-за этого кашляете? – Ямадзаки моргает, отчего его новые контактные линзы начинают неприятно елозить.

– Нет, – отвечает Лейни и кашляет, прикрывая рот худой рукой. – Какой-то долбаный вирус. Здесь он у всех поголовно.

– Я переживал, когда вы исчезли. Вас стали искать, но когда пропала она…

– Дерьмо угодило прямиком в вентилятор.

– Дерьмо?

Лейни снимает громоздкие древние очки виртуальной реальности. Ямадзаки не успевает разглядеть, каким образом на них подается информация, в неровном свете их дисплея становятся видны запавшие глаза Лейни.

– Все скоро изменится, Ямадзаки. Мы подбираемся к невдолбеннейшей узловой точке. Теперь-то я это вижу. Все скоро изменится.

– Не понимаю.

– Знаешь, что самое смешное? Ничего не изменилось, когда все думали, что изменится. Миллениум был всего-навсего христианским праздником. Я изучаю историю, Ямадзаки. Я вижу ее узловые точки. Последний раз у нас такое было в тысяча девятьсот одиннадцатом.

– А что случилось в тысяча девятьсот одиннадцатом?

– Все изменилось.

– Как?

– Раз – и все. Так уж эта штука действует. Теперь-то я понимаю.

– Лейни, – произносит Ямадзаки, – когда вы мне рассказывали об этой мании, вы упомянули, что жертвы, то есть подопытные, становятся одержимы одной конкретной знаменитостью.

– Да.

– А вы одержимы ею?

Лейни смотрит на него в упор, глаза вспыхивают от прихлынувшего потока данных.

– Нет. Она ни при чем. Некто по имени Харвуд. Коди Харвуд. Впрочем, они еще встретятся. В Сан-Франциско. И еще один человек. Оставляет что-то вроде негативных следов; приходится делать выводы, исходя как бы из его отсутствия.

– Почему вы вызвали меня сюда, Лейни? Это жуткая дыра. Хотите, я помогу вам выбраться?

Ямадзаки вспоминает о швейцарском армейском ноже, лежащем в кармане. Одно из лезвий зазубрено; с его помощью он мог бы легко прорезать эту стену. Но энергетика места сильна, очень сильна, она подавляет его. Он будто находится бесконечно далеко от Синдзюку, от Токио, от всего. Чует запах пота Лейни.

– Вам нездоровится, – добавляет Ямадзаки.

– Райделл, – говорит Лейни, снова натягивая очки, – тот рентакоп из «Шато». Да помнишь ты его. Это он и дал мне наводку на тебя тогда, в старом добром Эл-Эй.

– И что?

– Мне нужен надежный парень на месте, в Сан-Франциско. Я сумел перевести туда кое-какие деньжата. Не думаю, что их перехватят. Я хорошо запутал следы в банковском секторе «Дейтамерики». Найди Райделла и скажи, что это ему аванс.

– За какую работу?

Лейни трясет головой. Кабели от очков сплетаются в темноте, как змеи.

– Он должен быть там, вот и все. Что-то наступает. Все меняется.

– Лейни, вам плохо. Давайте, я отвезу вас…

– Обратно на остров? Там же ничего нет. И никогда не будет, раз теперь ее нет.

И Ямадзаки знает, что это правда.

– Где Рез? – спрашивает Лейни.

– Отправился в турне по странам Комбината, когда решил, что она ушла.

Лейни задумчиво кивает, похожий в очках на богомола.

– Найди Райделла, Ямадзаки. Я скажу тебе, где он сможет взять деньги.

– Зачем это все?

– А затем, что он часть целого. Часть узла.

Спустя время Ямадзаки стоит, пристально глядя на башни Синдзюку, на стены бегущего света, на знак и означающее, что летят к небу в бесконечном ритуале коммерции и желания. Огромные лица заполняют экраны символами красоты, одновременно грозной и банальной[84].

Где-то внизу, под его ногами, Лейни ежится и заходится

кашлем в своем картонном убежище, вся «Дейтамерика» непрерывно течет в его глаза. Лейни – его друг, и другу сейчас плохо. Специфическое умение Лейни работать с данными – результат опытов, проводившихся в федеральном детском приюте во Флориде, с препаратом под кодовым названием «5-SB». Ямадзаки видел, что́ Лейни может творить с данными и что́ данные могут творить с Лейни.

И у него нет никакого желания увидеть это снова.

Скользя взглядом вниз по светящимся стенам, по медиалицам, он чувствует, как его контактные линзы двигаются, меняются, регулируя глубину фокуса. К этому он до сих пор не привык.

Неподалеку от станции, в переулке, светлом, как днем, он находит киоск, торгующий анонимными дебитными картами. Покупает одну. В другом киоске покупает по ней одноразовый телефон, которого хватит ровно на тридцать минут, Токио – Эл-Эй.

Он спрашивает у ноутбука номер Райделла.

2
«Счастливый дракон»

– Героин, – заявил Дариус Уокер, коллега Райделла по охране супермаркета «Счастливый дракон», – это опиум для народа.

Дариус только что закончил подметать. Он осторожно поднял большой совок и направился к встроенному контейнеру, наподобие медицинского для острых предметов, на котором стоял знак «Опасно для жизни». Туда они и выбрасывали иглы, когда находили их.

В среднем находили пять-шесть в неделю. Райделл ни разу не поймал ни одного наркомана, чтобы кололся прямо в супермаркете, хотя в принципе считал, что они способны и не на такое. Казалось, люди просто бросают использованные иглы на пол, обычно где-нибудь в глубине торгового зала, рядом с кормом для кошек. Регулярно подметая в «Счастливом драконе», можно было обнаружить и другие предметы: таблетки, иностранные монеты, больничные браслеты для опознания личности, смятые банкноты государств, где еще не отказались от бумажных денег. Не то чтобы было желание рыться в этом мусорном баке. Когда приходила очередь Райделла подметать, он надевал те же перчатки из кевлара, что были сейчас на Дариусе, а под них – проверенный латекс.

Он полагал, что Дариус все же прав в своем суждении, и это заставляло задуматься: сколько развелось кругом новой дряни, а народ и не думал забывать о старой. Запрети, скажем, сигареты – и люди как-нибудь да вывернутся. «Счастливому дракону» не разрешалось продавать бумагу для самокруток, но шла бойкая торговля мексиканскими папильотками, которые пускались в дело ничуть не хуже. Самая популярная марка называлась «Больше волос», и Райделл порой гадал, была ли использована хотя бы одна папильотка для завивки шевелюры. И как вообще можно завить волосы на прямоугольнички папиросной бумаги?

– Без десяти, – бросил через плечо Дариус. – Хочешь проверить поребрик?

В четыре часа одному из них выпадал десятиминутный перерыв – прогулка по заднему двору. Если проверять поребрик шел Райделл, это означало, что он был обязан первым уйти на перерыв, а потом дать передохнуть Дариусу. Проверку поребрика выдумала родительская корпорация «Счастливого дракона» в Сингапуре по совету штатной команды американских культурологов-антропологов. Мистер Парк, менеджер ночной

смены, объяснил это Райделлу, отмечая галочками пункты в своем ноутбуке. Для большей важности он цокал пальцем по каждому параграфу на экране, в его голосе ясно читалась скука, но Райделл счел это частью работы, а мистер Парк был редкий педант.

– Для демонстрировать забота «Счастливый дракон» о безопасность в район охранный персонал будет патрулировать поребрик перед магазин на постоянный основа, каждый ночь.

Райделл кивнул.

– Вы не позволено долго отсутствовать из магазин, – добавил мистер Парк. – Пять минута. Непосредственно перед перерыв! – Пауза. Цок. – «Счастливый дракон» должен быть высокопрофессиональный, дружелюбный, чувствительный к местной культура.

– А что это значит?

– Кто-нибудь спит, вы их согнать. Дружелюбный. Работать шлюха, вы ей «привет», анекдот, согнать.

– Я боюсь этих старух, – сказал Райделл без всякого выражения на лице. – В Рождество они наряжаются эльфами Санта-Клауса.

– Никакой шлюха перед «Счастливый дракон».

– Чувствительный к местной культуре?

– Рассказать анекдот. Шлюха любит анекдот.

– Может быть, в Сингапуре, – сказал Дариус, когда Райделл изложил ему инструкции Парка.

– Он не из Сингапура, – сказал Райделл. – Он из Кореи.

– Так что, по сути, они хотят, чтобы мы вышли показаться, расчистили несколько ярдов тротуара, были дружелюбными и чувствительными?

– И рассказать анекдот.

Дариус прищурился:

– Знаешь, какой народ зависает перед нашей халабудой на Сансет в четыре утра? Малолетки под «плясуном», ловят глюки из фильмов про монстров. Угадай, кому достанется быть монстром? Плюс там тебе еще и зрелые социопаты-нелинейщики: старше, изощренней, полифармней…

– Поли… чего?

– Которые смешивают наркоту, – сказал Дариус, – и совсем нелинейными делаются.

– Все равно надо выйти показаться. Раз уж велено.

Дариус глянул на Райделла:

– Ты первый.

Он был из Комптона и единственный из знакомых Райделла, кто действительно родился в Лос-Анджелесе.

– Ты крупнее.
– Размер – это еще не все.
– Ну да, конечно, – сказал Райделл.

Все лето Райделл и Дариус трудились в ночной охране «Счастливого дракона» – изготовленного на заказ модуля, который был доставлен грузовым вертолетом и водружен посреди стоянки бывшего автопроката на Стрипе. До этого Райделл работал ночным охранником в «Шато» на той же улице, а еще раньше крутил баранку для компании «Интенсекьюр». А еще раньше, весьма недолго – и об этом он старался вспоминать как можно реже – служил офицером полиции в Ноксвилле, штат Теннесси. По ходу дела он дважды чуть не стал героем телепрограммы «Копы влипли», на которой вырос, но с тех пор старался никогда ее не смотреть.

Ночные дежурства в «Счастливом драконе» оказались куда интереснее, чем Райделл мог себе представить. Дариус говорил, это все потому, что на милю-другую в округе нет больше точек, торгующих чем бы то ни было, что может кому-нибудь реально понадобиться, хоть регулярно, хоть эпизодически. Лапша для микроволновок, диагностические тесты для большинства вензаболеваний, зубная паста, весь ассортимент одноразовых товаров, карточки доступа в сеть, чуингам, вода в бутылках… «Счастливые драконы» расплодились по всей Америке, по всему миру, если на то пошло, и чтобы это доказать – вот вам у дверей, как фирменный знак, стояла «Всемирная Интерактивная Видеоколонна „Счастливого дракона“». Встречи с ней нельзя было избежать ни на входе, ни на выходе из магазина – и, конечно, нельзя было не увидеть очередную дюжину «Счастливых драконов», связанных в данный момент по сети с лавкой на Сансет: в Париже, в Хьюстоне или Браззавиле – где угодно. Их тасовали каждые три минуты, исходя из практических соображений и установленного факта, что, если максимальное время просмотра будет длиться чуть дольше, детишки со всех дебильных задворков мира начнут на спор трахаться перед камерой. Вам и так доставалось определенное число голых задниц и прочих частей тела. Или еще привычней, как этот урод из пражского захолустья, который, как раз когда Райделл выходил проверить поребрик, выставил напоказ в камеру средний палец – знак, понятный всему миру.

– И тебе того же туда же, – ответил Райделл неизвестному чеху, прикрепляя на пояс неоново-розовую сумочку с эмблемой «Счастливого дракона», которую он должен был по контракту таскать с собой во время дежурства.

Вообще-то, он не возражал, хотя сумка и выглядела дерьмово, натуральный кенгурятник; зато она была пуленепробиваемой, с выдвижным нагрудным кевларовым «слюнявчиком», который можно было закрепить вокруг шеи, если дела шли совсем плохо. Однажды некий обдолбанный в дым клиент с керамическим кнопарем попробовал пырнуть Райделла прямо в логотип «Дракона», – и это на второй неделе работы! – после чего Райделл даже как-то сдружился с несуразной штуковиной.

Он повесил памятный кнопарь на стену в своей комнате над гаражом миссис Сикевиц. Они нашли нож под стеллажом с арахисовым маслом, после того как парни из ДПЛА, Департамента полиции Лос-Анджелеса, забрали нелинейщика. У кнопаря было черное лезвие, как будто из отпескоструенного стекла. Райделлу нож не нравился: лезвие из керамики давало странную балансировку и было такое острое, что он успел уже дважды порезаться. Хрен знает, что с этим ножом делать.

Сегодня ночью проверять на поребрике было почти некого. Неподалеку стояла молодая японка с ошеломительно длинными ногами, торчавшими из еще ошеломительнее коротких штанишек. Ну, вроде как японка. В Эл-Эй Райделл понял, что разницу здесь уловить очень трудно. Дариус как-то сказал, что гибридная стать нынче ходовой товар, и Райделл решил, что он прав. Эта девица – сплошные ноги! – была почти с Райделла ростом, а ему казалось, что японцы обычно пониже. Но кто его знает, может, она выросла здесь, как перед этим выросли ее предки, и местная пища сделала их высокими. Он слыхал о подобных случаях. Но нет, решил он, приближаясь, дело в том, что это вовсе не девушка. Занятно, как это всегда улавливаешь. Ведь ничего такого, чтобы на поверхности. Словно ты и рад бы оценить все ее усилия быть девушкой, рад бы поверить, но подсознательно улавливаешь некий сигнал, типа, мол, телосложение не то.

– Эй, – сказал он.

– Хочешь меня согнать?

– Ну, – сказал Райделл, – мне положено.

– А мне положено стоять здесь на улице и втюхивать минет старым потасканным пердунам. В чем разница?

– Ты вольный стрелок, – наконец сформулировал Райделл, – а я получаю зарплату. Приспичит тебе прогуляться по улице минут двадцать, так никто тебя за это не уволит.

Он чувствовал запах ее парфюма сквозь сложную смесь ядовитых газов в воздухе и призрачный аромат апельсинов, витающий здесь порой по ночам. Где-то рядом цвели апельсиновые деревья, вернее, должны были цвести, но он до сих

пор ни одного не видел.

Она стояла и хмурилась на него:

– Вольный стрелок?

– Типа того.

Она профессионально качнулась на своих навороченных каблуках и выудила пачку русского «Мальборо» из эксклюзивной розовой сумочки. Мчащиеся мимо машины уже вовсю бибикали, водители дивились тому, как ночной охранник «Счастливого дракона» о чем-то болтает с девочкой-мальчиком шести с лишним футов ростом, а теперь она демонстративно совершала нечто и вовсе противозаконное. Она открыла красно-белую пачку и с вызовом предложила Райделлу закурить. Сигарет в пачке осталось две, с фабричными фильтрами на концах, но одна была явно короче другой, со следами малиново-синей губной помады.

– Нет, спасибо.

Она вытащила короткую недокуренную сигарету и сунула ее в рот.

– Знаешь, что бы я сделала на твоем месте? – Ее губы, огибая коричневый фильтр, казались парочкой миниатюрных надувных матрацев, покрытых блестящей голубоватой глазурью.

– И что же?

Она выудила из сумочки зажигалку. Точно такие продают в табачно-антикварных лавках. Скоро их тоже прикроют, как он слышал. Она щелкнула и прикурила. Втянула дым, задержала, выпустила, отвернувшись от Райделла.

– Я бы, твою мать, растворилась в воздухе.

Он оглянулся на «Счастливого дракона» и увидел, как Дариус что-то говорит мисс Хвалагосподу Сгиньсатана, кассиру-контролеру ночной смены. У Хвалагосподу было отменное чувство юмора, что, как считал Райделл, и неудивительно – с таким-то именем. Ее родители были членами особо ревностной секты южнокалифорнийских неопуритан и взяли фамилию Сгиньсатана еще до того, как родилась Хвалагосподу. Все дело в том, разъясняла она Райделлу, что никто сейчас толком не понимает, что значит «сгинь», так что, если она по глупости сообщала свою фамилию, все дружно записывали ее в сатанистки. Поэтому в миру она обходилась фамилией Проуби – так звали ее папашу прежде, чем он заразился религией.

Тут Дариус сказал что-то смешное, и Хвалагосподу захохотала, откинувшись всем телом. Райделл вздохнул. Ну почему Дариус не пошел проверять поребрик первым?

– Слушай, – сказал Райделл, – я же не говорю, что ты не имеешь права здесь стоять. Тротуар – это общественное место. Просто пойми, в компании существует такая политика.

– Я докуриваю эту сигарету, – сказала она, – после чего звоню своему адвокату.

– А нельзя без лишних напрягов?

– Не-а. – Широкая, ядовито-синяя, вздутая коллагеном улыбка.

Райделл мельком глянул назад и увидел, что Дариус делает ему какие-то знаки, показывая на Хвалагосподу с телефоном в руке. Он надеялся, что они еще не звонят в ДПЛА. Почему-то он почувствовал, что у девицы действительно есть адвокат, а это совсем бы не понравилось мистеру Парку.

Дариус вышел наружу.

– Это тебя! – крикнул он. – Слышишь, из Токио!

– Прошу прощения, – сказал Райделл и отвернулся.

– Эй! – сказала она.

– Что «эй»? – он снова посмотрел назад.

– А ты симпатяга.

3
Увяз

Лейни слышит, как его моча булькает, заполняя литровую пластиковую бутылку с наверчивающейся крышкой. Неловко стоять на коленях здесь в темноте, и ему не нравится, как бутылка теплеет в его руке, наполняясь. Он закручивает ее на ощупь и ставит осторожно в дальний угол от изголовья. Утром он отнесет ее, накрыв пиджаком, в мужскую уборную и там опорожнит. Старик знает: Лейни слишком болен, чтобы выползать и тащиться по коридору каждый раз, как приспичит, и у них есть соглашение по этому поводу. Лейни мочится в пластиковую бутылку и выносит ее, когда может.

Он не знает, почему старик позволяет ему торчать здесь. Он предлагал заплатить, но старик только собирает свои фигурки. На каждую уходит не меньше суток, и модели всегда безупречны. Куда они исчезают, когда он их заканчивает? И откуда берутся комплектующие детали?

По теории Лейни, старик – сэнсэй сборки, национальное достояние: знатоки всего мира присылают ему комплекты и ждут затаив дыхание, когда мастер с непревзойденным небрежным изяществом сложит винтажные «гандамы», дзэнским штрихом оставляя на каждом единственный крохотный и при этом идеальный изъян, одновременно подпись и отражение сущности мироздания. Действительно, как все несовершенно. Ничто не завершено. Всё лишь процесс, утешает себя Лейни, застегивает ширинку и валится в свое отвратительное логовище из спальных мешков.

Однако процесс оказался намного более странным, чем можно было подумать, размышляет он, сбивая угол спальника в подобие подушки, чтобы не касаться головой картона, сквозь который он чувствует твердую кафельную облицовку стены.

И все же, думает он, мне нужно оставаться здесь. И если в Токио существует место, где люди Реза меня не найдут, так это здесь. Он не совсем представляет, как тут оказался: все слегка затуманилось, когда навалился синдром. Некий сдвиг в сознании, некий сдвиг в природе восприятия. Недостаточно памяти, некий провал. Что-то не срастается.

А если он и вправду о чем-то договорился со стариком и просто забыл? Возможно, он уже покрыл все расходы, аренду, что там еще. Возможно. Поэтому старик дает ему пищу, приносит бутылки минералки без газа, терпит запах мочи. Может быть, все

именно так, но он не уверен.

Здесь темно, но он видит цвета, неясные сполохи, клочья, пунктиры, движение. Как будто следы информационных потоков «Дейтамерики» остались с ним навсегда, впечатанные в сетчатку. Ни лучика света не проникает снаружи из коридора – он залепил черной лентой все булавочные проколы, и теперь стариковская галогенная лампа отключена. Он допускает, что там, за стеной, старик спит, но он никогда не видел его спящим, не слышал ни звука, который бы мог означать переход ко сну. Возможно, старик спит, сидя прямо на татами, «гандам» в одной руке, кисть в другой.

Иногда ему слышится музыка в соседних коробках, но смутно, как будто жильцы надевают наушники.

У него нет ни малейшего представления о том, сколько людей живет в этом коридоре. Судя по всему, здесь хватит места на шестерых, но он видел и больше, а может, они ночуют посменно. Он не сильно понимает по-японски, даже спустя восемь месяцев, а если бы и понимал, все равно эти люди чокнутые и говорят они только о том, о чем говорят чокнутые.

И конечно, любой, кто бы увидел его здесь и сейчас, температурящего, на куче спальников, с его шлемом и сотовым портом для обмена данными, с его бутылкой остывающей мочи, решил бы, что он тоже чокнутый.

Но он вовсе не чокнутый. Он знает, что он не чокнутый, несмотря ни на что. Да, теперь у него синдром, болезнь, настигающая каждую жертву опытов, что проводились в том гейнсвилльском приюте, но он вовсе не чокнутый. Он лишь одержимый. И эта одержимость имеет свою особую форму в его голове, свою особую текстуру, свой особый вес. Он знает об *этом* от самого себя, может *это* распознавать и потому возвращается к *этому* по мере надобности, чтобы проверить. Отслеживает. Убеждается, что еще не стал *этим*. Вроде как если зуб разболелся или влюбишься, сам того не желая: язык всегда находит больной зуб, ты всегда чувствуешь эту саднящую пустоту вместо возлюбленной.

Но синдром – совсем другое. Он жил отдельно от Лейни и не имел никакого отношения ни к кому и ни к чему, чем Лейни хотя бы интересовался. Почувствовав впервые, что *это* начинается, он принял как должное то, что *это* связано с ней, с Рэй Тоэй, потому что был там, рядом с ней, или близко, как только возможно находиться к чему-то, что не существует физически. Они общались почти каждый день, он – и идору.

И вначале, как он теперь подозревает, *это*, наверно, и было связано с ней, но потом он как будто отправился вспять по

информационным потокам, не думая, что творит, точь-в-точь как машинально нащупываешь нить основы и начинаешь тянуть, распуская всю ткань.

И распустилось без остатка – его представление о том, как устроен мир. И за всем этим обнаружился Харвуд, который был знаменит, но знаменит в смысле «быть знаменитым своей знаменитостью». Харвуд, который, как говорят, избрал президента. Харвуд – гений пиара, унаследовавший компанию «Харвуд Левин», самую мощную в мире пиар-фирму, и поднявший ее на качественно новый уровень, сориентировав на радикально иные сферы влияния, но каким-то образом сумевший не стать жертвой механизма, производящего знаменитостей. Механизма, который мелет, как отлично знал Лейни, очень мелко. Харвуд, по слухам – лишь по слухам – вращавший все эти жернова, каким-то образом сумел не дать механизму защемить себе палец. Он, неведомо как, умудрялся быть знаменитым и при этом не выглядеть значительным, оставаться на периферии. В самом деле, на него почти никогда не обращали внимания, разве что когда он развелся с Марией Пас, и даже в тот раз героиней была сама звезда из Падуании, блиставшая в каждом новостном блоке, а Коди Харвуд улыбался из вереницы боковых врезок, гипертекстовых окошек: красавица и этот нерешительный с виду, скрытный, демонстративно лишенный всякой харизмы миллиардер.

– Привет, – говорит Лейни, нашаривая рукоятку примитивного механического фонарика из Непала; крохотный генератор приводится в движение устройством, похожим на скрепленные пружиной плоскогубцы.

Накачав фонарь жизнью, он упирает слабо мерцающий луч в картонный потолок. Потолок плотно залеплен множеством наклеек; маленькие прямоугольнички отпечатаны на заказ торговым автоматом, стоящим у западного входа на станцию. На всех наклейках – разнообразные фото затворника Харвуда.

Лейни не помнит, как ходил к автомату, как произвел элементарный веб-поиск фотографий Харвуда и заплатил за их распечатывание, но вполне допускает, что проделал все это. Откуда бы иначе они взялись. И точно так же не помнит, как отдирал защитную пленку с каждого фото и прилеплял его к потолку. Но кто-то проделал и это.

– Я вижу тебя, – говорит Лейни и расслабляет пальцы, отчего тусклый луч фонарика еще более мутнеет и окончательно гаснет.

4
Формальные отсутствия драгоценных вещей

На Маркет-стрит: безымянный мужчина, наваждение узловых конфигураций Лейни, только что видел девушку.

Утонувшая тридцать лет назад, она выступает, свежа, как первое творение, из бронзовых дверей какой-то маклерской конторы. И в тот же миг он вспоминает, что она мертва, а он – жив, и что это другое столетие, и что, вполне очевидно, это другая девушка, просто новенькая, с иголочки, незнакомка, с которой он никогда не заговорит.

Проходя мимо нее сквозь легкий расцвеченный туман подступающей ночи, он чуть заметно склоняет голову в честь той, другой, ушедшей давным-давно.

И вздыхает, колыша свое длиннополое пальто и упряжь под ним – один безропотный вдох и безропотный выдох, – среди толпы трейдеров, спешащих из своих многочисленных контор. Они заполняют осеннюю улицу, рекой текут в сторону выпивки, или обеда, или просто дома и сна, которые их ждут.

Но вот и та, с которой он никогда не заговорит, исчезает, и он содрогается, охваченный невыразимым чувством не то чтобы утраты, но обостренно осознав собственную длительность во всем мире и во всех городах, а в этом городе – особенно.

Под его правой рукой, надежно укрытый, подвешен клинок, покоящийся, словно летучая мышь, вниз острием, лезвие отточено до тонкости хирургического скальпеля.

Нож прихвачен магнитами, вставленными в нехитрую рукоятку из сплава никеля с серебром. Скошенный кончик лезвия, похожий на острый резец гравера, отклоняется в сторону пульсирующей под мышкой артерии, будто напоминая, что он тоже всего лишь в нескольких шагах от того места, куда ушла в безвременье так давно утонувшая девушка. В нескольких дюймах от той, другой, ждущей страны.

Его профессия – стражник у дверей в эту страну.

Если вынуть черный клинок, лезвие превращается в ключ. Когда он держит его, он держит в руке ветер.

Дверь мягко приотворяется.

Но он не спешит распахнуть ее настежь, и окружающие видят всего лишь строгого седовласого мужчину профессорского вида, в серовато-зеленом пальто (такого цвета бывают некоторые лишайники), – профессор часто моргает под изящной золотой

оправой своих маленьких круглых очков и поднимает руку, чтобы остановить проезжающее такси. По какой-то причине трейдеры вовсе не рвутся, как вполне бы могли, заявить свои права на экипаж, и мужчина проходит мимо них, его щеки прочерчены глубокими вертикальными морщинами, будто от старой привычки часто улыбаться. Никто не видит, чтобы он улыбался.

«Дао, – напоминает он себе, застряв в пробке на Пост-стрит, – старше Бога».

Он видит нищего попрошайку, сидящего под витриной ювелирной лавки. В витрине стоят небольшие пустые подставки – формальные отсутствия драгоценных вещей, запертых где-то на ночь. Нищий обмотал ноги коричневой бумажной пленкой, и эффект получился поразительный, словно он надел рыцарские латы, изготовленные из офисных материалов. Стройные икры, изящно сужающиеся ступни, элегантность, подобающая обладателю орденских лент. Поверх мотков пленки – сам человек, будто смазанное пятно, загогулина, его личность растерта бетоном и неудачами. Он слился цветом с мостовой, его расовая принадлежность неопределенна.

Такси медленно продвигается вперед. Мужчина сует руку за пазуху, чтоб развернуть лезвие ножа от ребер. Он левша, и ему приходится часто задумываться о таких тонкостях.

Девушка, утонувшая так давно, ныне уже покоится на дне, утянута вниз вихрем рыжеватых волос и притупившихся воспоминаний, туда, где его юность мягко колышется своими привычными течениями, и ему становится легче.

Прошлое – это прошлое, будущее еще бесформенно.

Есть только мгновение, именно в нем он предпочитает пребывать.

И вот он, склонившись, стучит водителю один раз в затемненную защитную перегородку.

Просит остановиться у моста.

Такси тормозит около изъеденной дождем свалки бетонных противотанковых заграждений – огромных ромбоидов, покрытых ржавыми потеками и замысловатыми инициалами давних любовных парочек.

Эта баррикада наверняка занимает почетное место в здешней романтической мифологии и является темой многих популярных баллад.

– Простите, сэр, – говорит ему таксист через несколько слоев защитного пластика и цифровой переводчик, – не будете ли вы так любезны высадиться здесь? Этот район опасен. И я не смогу

вас дожидаться.

Вопрос формальный, требование закона, во избежание судебных исков.

– Спасибо. Мне ничего не грозит. – Его английский так же формален, как у программы-переводчика.

Ему слышится мелодичный стрекот, его слова звучат на некоем азиатском наречии, которого он не узнает. Карие глаза таксиста оглядывают его, мягкие и бесстрастные, сквозь защитные очки и перегородку – многократные слои отражений.

Водитель открывает магнитный замок.

Мужчина выходит из такси, расправляя пальто. За противотанковыми заграждениями высятся ощетиненные, устремленные вверх террасы, лоскутная надстройка, в которую завернут мост. Косвенно его мозг осознает: это знаменитое место, открытка для туристов, символ города.

Он захлопывает дверцу, и машина отъезжает, оставив после себя в воздухе карамельную сладость отработанного газойля.

Он стоит, глядя на мост, на посеребренную облицовку бессчетных крохотных жилищ, это напоминает ему фавелы в Рио, хотя масштаб составных частей несколько иной. В этой надстройке есть что-то сказочное по контрасту с опорными конструкциями основы моста. Индивидуальные укрытия – если это действительно укрытия – очень малы, пространство здесь доминирует. Он помнит, что видел вход в нижний дорожный ярус, по бокам освещенный оплывшими факелами, хотя теперь, как он знает, местные жители по большей части сотрудничают с городскими властями в противодействии всеобщему загрязнению.

– «Плясуна» не желаете?

В тени между бетонными сооружениями она держит в ладонях миниатюрный пузырек. Отвратительная гримаса как способ облегчить процесс торговли. Этот наркотик постепенно разрушает десны, отмечая тех немногих, кто переживает его прочие побочные эффекты, характерным жутким оскалом.

Он отвечает взглядом настолько твердым, что в ее глазах вспыхивает панический ужас и она исчезает.

Рыжеватые волосы извиваются в бездне.

Он опускает взгляд на носки своих туфель. Черные и четко очерченные на фоне случайной мозаики утрамбованного мусора.

Перешагнув пустую жестянку из-под пива «Королевская кобра», он идет между двух ромбоидов прямо к мосту.

Недобры тени, сквозь которые он движется, тени от его ног словно лезвия еще более глубокой тьмы. Это зловещее место, куда приходят волки в ожидании слабых овец. Он не боится ни волков, ни прочих хищников, которых только мог породить

город, – ни сегодня не боится, никогда. Он просто наблюдает все эти вещи, живет мгновением.

Он позволяет себе предвосхитить вид, который ожидает его за последним ромбоидом: отверстая пасть, врата в его мечту, в его память, где торговцы рыбой раскладывают свой товар на прилавках, устланных грязным льдом. Вечная толкотня, прилив и отлив, пульс города.

И выходит в ослепляющий свет, красный росчерк псевдонеона тлеет над ровным изгибом сингапурского пластика.

Память предана.

Кто-то второпях шаркает мимо, не разбирая пути, слишком близко, и чуть не умирает, магниты слетают с тихим щелчком, который скорее чувствуешь, нежели слышишь. Но клинок остается под пальто, и пьяница, спотыкаясь, бредет дальше, не ведая, что был на волосок от смерти.

Он возвращает рукоятку на место и холодно смотрит на непредвиденное новшество: «Счастливый дракон» – извивается безликая вывеска по ребру или пилону, чье основание, кажется, сложено из десятка-другого видеомониторов.

5
Статика и марьячи [85]

– Значит, ее увел у тебя этот телепродюсер, – сказал кантри-певец, запихивая недопитую бутылочку водки обратно за пояс джинсов цвета индиго, таких новых и тугих, что поскрипывали.

Вогнутая плоская бутылка примостилась под старинной пряжкой, похожей на гравированную мемориальную доску, – вероятно, решил Райделл, в честь победы на родео или еще каком таком состязании. Райделл чуть приспустил боковое стекло, чтобы выветрились алкогольные пары.

– Координатор производства, – уточнил Райделл, мысленно желая пассажиру, которого звали Бьюэлл Кридмор, поскорее опять отрубиться.

Тот проспал изрядную часть пути, слегка похрапывая, и Райделла это вполне устраивало. Кридмор был другом или, скорее, знакомым Дариуса Уокера. Дариус некогда работал наркодилером в южном Лос-Анджелесе и подсел на свое же дерьмо. Теперь, излечившись, он проводил много времени с людьми, у которых были проблемы с наркотиками, пытался им как-то помочь. Райделл решил считать Кридмора одним из них, хотя по всем внешним признакам парень был обычным алкашом.

– Да уж, с той штучкой ты крепко обжегся, – сказал Кридмор, его залитые спиртным глаза напоминали щелочки.

Он был невысокий, очень жилистый – мышцы не качка, но землекопа. То, что Райделл принял за многослойный налет искусственного загара, начало облезать, обнажая природную бледность. Выбеленные волосы, темные у корней, были зализаны назад и закреплены каким-то составом, будто парень только что вышел из душа. Однако вряд ли он был в душе, он потел, несмотря на включенный кондиционер.

– Ну, – сказал Райделл, – я решил, что ей виднее.

– Это что еще за долбаная лажа? – спросил Кридмор. Вытащил бутылку из-за пояса и, сощурившись, прикинул, сколько там осталось от четырехсот граммов, как плотник, проверяющий уровень; оказалось, уровень не соответствует его стандарту на данный момент, и он вернул бутылку на место, за мемориальную доску. – Ты у нас не либераст часом, а?

Не притормозить ли у обочины, подумалось Райделлу, не отмудохать ли Кридмора до потери сознания и бросить прямо там же, на краю Пятой автострады, – пусть добирается до Сан-Франциско как хочет. Но делать он этого не стал и ничего не стал

отвечать.

– Кобели не должны подставляться, как сучки, вот что сегодня не в порядке с Америкой.

Райделл подумал о запрещенных приемах, о коротком и точном пережатии сонной артерии. Может, Кридмор даже не вспомнил бы, что Райделл с ним нечто этакое проделал. Но это не вырубит его полностью, по крайней мере надолго, а Райделла еще в Ноксвилле научили, что нельзя рассчитывать на реакцию пьяницы, так как пьяница на все реагирует непредсказуемо.

– Эй, Бьюэлл, так чья же это все-таки машина? – спросил Райделл.

Кридмор замолчал. Явно напрягся.

Райделл с самого начала подозревал, что машина может быть краденой. На самом деле думать об этом он совсем не хотел, так как ему требовалось в кратчайшие сроки добраться до Северной Калифорнии. Билет на самолет ему пришлось бы выкраивать из выходного пособия «Счастливого дракона», а с тратами надо бы осторожнее, пока он не определится, чем пахнет эта странная байка Ямадзаки – будто бы в Сан-Франциско ему светит какой-то заработок.

Ох, темнит Ямадзаки, сказал себе Райделл. Он так и не выяснил толком, чем, собственно, тот занимается. Что-то вроде японского антрополога на вольных хлебах, изучающего американцев, – насколько понимал Райделл. Возможно, японский эквивалент тех американцев, которых нанял «Счастливый дракон», чтобы рассказали им о необходимости «проверять поребрик». Хороший парень этот Ямадзаки, вот только непонятно, что ему надо. В прошлый раз Ямадзаки просил, чтобы Райделл нашел ему «серьезного нет-раннера», и Райделл отправил к нему этого Лейни, количественного аналитика, который только что ушел из «Слитскана» и прохлаждался в «Шато», накапливая здоровенный долг. Лейни ухватился за предложение, отправился в Токио, и впоследствии Райделла уволили за то, что было названо «чрезмерно близкими отношениями с гостями». Так вот, в общих чертах, и вышло, что Райделл оказался ночным охранником в захудалой лавчонке – потому что пытался помочь Ямадзаки.

И вот он гонит родстер «хокер-айти» по Пятой автостраде, без вариантов трезвый водитель, и понятия не имеет, что его ждет впереди, вяло прикидывая, не перевозит ли сейчас угнанный автомобиль через границу штата. И все потому, что Ямадзаки сказал, дескать, все тот же Лейни в Токио хотел бы нанять его на какую-то «полевую работу». Так именно и сказал Ямадзаки – «полевая работа».

И этого, особенно после беседы с Дариусом, Райделлу хватило.

«Счастливый дракон» начал Райделла утомлять. К тому же он никогда толком не ладил с мистером Парком, и когда уходил на перерыв на задний двор сразу после «проверки поребрика», настроение его совсем падало. Клочок земли, куда поставили «Счастливого дракона», был словно выкопан экскаватором у подножия ближайшего холма, и в одном месте совершенно голый, почти отвесный срез был защищен от оползней, на случай подземных толчков, странным каучукоподобным полимером серого цвета, не жидким и не твердым, который напрочь схватывал почву и был сплошь утыкан колесными колпаками, так как раньше тут была автостоянка. Колпаками, и бутылками, и прочей мусорной дрянью. В депрессии, сопровождавшей эти перерывы на заднем дворе, Райделл стал собирать пригоршнями камешки и со всей силы швырять в полимер. Ударялись они почти беззвучно; в сущности, они полностью исчезали. Просто врезались в эту странную массу, и она смыкалась за ними как ни в чем не бывало. Райделл стал видеть в этом символ чего-то более значительного, будто он сам, подобно этим камешкам, летит через пространство и будто этот полимер – сама жизнь: затягивается над ним, не оставляя даже намека на то, что он когда-то жил.

Когда Дариус приходил на свой перерыв и говорил Райделлу, что пора бы и назад в магазин, то иногда заставал Райделла за этим занятием – киданием камешков.

– Попади в колпак, – советовал ему Дариус. – Кокни бутылку.

Но Райделлу не хотелось.

Когда Райделл поведал Дариусу о Ямадзаки и Лейни и о деньгах, возможно ожидающих его в Сан-Франциско, Дариус выслушал очень внимательно, задал пару вопросов, а потом посоветовал Райделлу даже не раздумывать.

– А как насчет уверенности в завтрашнем дне? – спросил Райделл.

– Уверенности? Это же дерьмо, не работа! Спятил ты, что ли?

– Льготы, – парировал Райделл.

– А ты хоть раз пользовался здешней медицинской страховкой? За ней надо гнать в Тихуану.

– Я так не могу, – сказал Райделл, – просто взять и свалить.

– Поэтому тебя и увольняют с любой работы, – объяснил Дариус, – я читал твое личное дело.

В общем, Райделл вручил мистеру Парку письменное заявление, и мистер Парк моментально уволил его, припомнив многочисленные нарушения Райделлом порядков «Счастливого

дракона», вплоть до предложения медицинской помощи жертве столкновения с автомобилем на Сансет – поступок, который, как настаивал мистер Парк, мог вовлечь головную корпорацию «Счастливого дракона» в разорительную тяжбу по поводу страховки.

– Но она вошла сюда без посторонней помощи, – запротестовал Райделл, – и все, что я сделал, – предложил ей бутылку чая со льдом и вызвал дорожный патруль.

– Пройдоха адвокат заявлять, чай со льдом вызвать у ней системный шок.

– В задницу шок.

Но мистер Парк знал, что если он уволит Райделла, то расчетный чек будет меньше, чем если Райделл свалит по собственному желанию.

Хвалагосподу, которая обычно проливала слезу, если кто-то уходил, всплакнула, сдавила его в объятиях, а напоследок сунула ему тайком пару бразильских солнцезащитных очков с GPS, встроенным телефоном и AM/FM-радио, чуть ли не самую дорогую статью ассортимента «Счастливого дракона». Райделл попытался отказаться, зная, что пропажа обязательно всплывет при ближайшей инвентаризации.

– В задницу инвентаризацию, – заявила Хвалагосподу.

Вернувшись в свою клетушку над гаражом миссис Сикевиц, в шести кварталах от Сансет, Райделл вытянулся на узкой кровати и попытался заставить работать радио, встроенное в очки. Сквозь гудение статики еле-еле различалось что-то похожее на музыку марьячи, и это все, чего он смог добиться.

Чуть больше ему повезло с GPS, трекбол управления которым был вмонтирован в правую дужку. Пятнадцатиканальный приемник, казалось, четко держал сигнал, но инструкция была переведена отвратительно, и Райделл мог только переключаться с крупного плана на общий в схеме улиц, как он вскорости понял, Рио-де-Жанейро, а не Лос-Анджелеса. Ну и пусть, решил он, снимая очки, я все равно разберусь с этой штукой. Тут у левого виска запищал телефон, и он снова надел очки.

– Да?

– Райделл, здорово!

– Привет, Дариус!

– Хочешь завтра проехаться до Северной Калифорнии в клевой новенькой тачке?

– Кто туда навострился?

– Зовут Кридмор. Знает одного парня, с которым я знаком по программе.

У Райделла как-то был дядя, состоявший в масонах, и

программа, где был занят Дариус, напомнила ему об этом.

– Да уж… Нет, в смысле, с ним все о'кей?

– Похоже, что нет, – радостно сказал Дариус. – Так что парню нужен водитель. У него новенькая электрическая тачка, три недели как от дилера, которую позарез надо туда перевезти, и парень говорит, что на тачке можно ехать. Ты же крутил когда-то баранку, да?

– Было дело.

– Короче, это бесплатно. Этот тип Кридмор заплатит за подзарядку.

Вот таким образом Райделл оказался за рулем двухместного «хокер-айти», одного из этих низкопосаженных клиновидных образцов умных материалов, который, возможно, весил – без людей – чуть меньше парочки небольших мотоциклов. Казалось, во всей конструкции нет и грамма металла, просто обтекаемые сэндвичи вспененного пластика, прошитые для прочности угольными волокнами. Двигатель помещался сзади, аккумуляторы были распределены равномерно внутри самих сэндвичей, одновременно служивших и шасси и кузовом. Райделл и знать не хотел, что случится, если во что-нибудь врежешься на такой таратайке.

Однако она, черт возьми, почти совсем не шумела, превосходно слушалась руля и неслась вперед, как летучая мышь, только разгонись. Что-то в этой машине напоминало Райделлу о горизонтальном велосипеде, на котором он когда-то ездил, только здесь не нужно было жать на педали.

– Ты так мне и не сказал, чья это тачка, – напомнил Райделл Кридмору, только что проглотившему последние остатки водки (на два пальца).

– Одного дружка, – сказал Кридмор, приспустив стекло и выкинув пустую бутылку.

– Эй, – сказал Райделл, – это десять тонн штрафа, если тебя сцапают.

– Пусть на прощанье поцелуют нас в задницу, и хватит с них, – ответил Кридмор. – Сучьи ублюдки, – добавил он, после чего закрыл глаза и уснул.

Райделл вдруг обнаружил, что опять вспоминает о Шеветте. Жалея, что вообще позволил певцу втянуть себя в разговор. Он знал, что не хочет об этом думать.

Просто жми вперед, вот и все, сказал он себе.

На коричневом склоне холма, справа от трассы, белые крылья чьей-то ветряной мельницы. Свет предвечернего солнца.

Просто жми вперед, вот и все.

6
Силенцио

Силенцио достается носить. Он самый маленький, кажется почти пацаном. Сам не торчок, но если копы схватят его, ничего им рассказать не сможет. Во всяком случае, про гадость.

Силенцио уже какое-то время таскается за Крысуком и Плейбоем, смотрит, как они торчат, как они добывают бабки, которые им нужны, чтобы торчать еще и еще. Крысук делается злым, когда ему хочется заторчать, и Силенцио навострился в таких случаях держаться подальше от его ног и кулаков.

У Крысука длинный узкий череп, он носит контактные линзы с вертикальными радужками, как у змеи. Силенцио интересно: специально ли Крысук придумал выглядеть будто крыса, проглотившая змею, и теперь эта змея глядит наружу сквозь глазницы крысы? Плейбой говорит, что Крысук – это *pinche Chupacabra*[86] из Уотсонвилля, а они все там так выглядят.

Плейбой крупный, его туша обтянута длиннополым пальто, под которое надеты джинсы и старые рабочие сапоги. Он носит усы а-ля Панчо Вилья[87], желтые очки-авиаторы и черную федору[88]. Он подобрее с Силенцио, покупает ему буррито[89] с лотков, воду, жестянки попкорна, а один раз купил большую картонку фруктового напитка с мякотью.

Силенцио интересно: а может, Плейбой – его отец? Он не знает, кем бы мог быть его отец. Его мать чокнутая, торчит в своих лос-проэктос[90]. На самом деле он вовсе не думает, что Плейбой – его отец, потому что помнит, как встретил Плейбоя на рынке на Брайант-стрит, и это вышло по чистой случайности, но иногда ему все-таки интересно – когда Плейбой покупает ему поесть.

Силенцио уселся и смотрит, как Крысук и Плейбой торчат, прямо за этим пустым лотком, воняющим гнилыми яблоками. Крысук сунул в рот небольшой фонарик, поэтому видит, что делает. Сегодня черная ночь, и Крысук надрезает маленькую пластиковую трубку специальным ножом, рукоятка длинней, чем короткое гнутое лезвие. Все трое сидят на пластиковых упаковочных ящиках.

Крысук и Плейбой торчат от черного два, а может, три раза в сутки – и днем и ночью. Три раза по черному, а потом им нужно заторчать и от белого. Белое подороже, но когда слишком много черного, они начинают говорить быстро-быстро, а может, и видят людей, которых тут нет. «Разговор с Иисусом» – так это называет

Плейбой, но белое он называет «прогулка с королем». Но это совсем не прогулка: от белого они не двигаются, молчат и спят. Силенцио предпочитает белые ночи.

Силенцио знает, что они покупают белое у черных, а черное – у белых, и думает, что как раз эту тайну изображает картинка, которую Крысук носит на цепочке на шее: черная слеза и белая слеза, изгибаясь, сливаются вместе, и выходит окружность; в белой слезе небольшой кружок черного, в черной слезе – небольшой кружок белого.

Чтобы добыть деньги, они заговаривают с людьми, обычно в темных местах, так что люди пугаются. Иногда Крысук показывает им нож, а Плейбой в это время держит их за руки, чтобы не убежали. Деньги – внутри маленьких пластиковых чеков, на которых напечатаны бегущие картинки. Силенцио хотел бы оставлять у себя эти чеки, когда все деньги в них кончаются, но делать так нельзя. Плейбой их выкидывает, перед тем тщательно протирая. Он бросает их в щели на обочине улицы. Он не хочет, чтобы на них оставались отпечатки его пальцев. Иногда Крысук делает людям больно, чтобы они выдали ему заклинания, которые вызывают деньги из бегущих картинок. Заклинания – это фамилии, буквы и цифры. Силенцио помнит все заклинания, которые выпытали Крысук и Плейбой, но сами они об этом не догадываются; если бы он им сказал, они бы, наверно, рассердились.

Все трое спят в комнате, которая в Миссии. Плейбой сразу стаскивает матрац с кровати и кладет его на пол. Плейбой спит на матраце. Крысук – на голой кровати. Силенцио спит на полу.

Крысук разрезает трубку и кладет половину черного на палец Плейбоя. Плейбой лижет свой палец, чтобы черное прилепилось. Плейбой сует палец в рот и втирает черное в десны. Силенцио интересно, какое оно на вкус, но он не хочет разговаривать с Иисусом. Теперь и Крысук втирает черное в десны, фонарик забыт и зажат в свободной руке. Крысук и Плейбой похожи на идиотов, но Силенцио не смешно. Скоро им снова захочется заторчать, а черное даст им энергию, чтобы добыть необходимые для этого деньги. Силенцио знает, что денег нет, потому что все они не ели со вчерашнего дня.

Обычно они находят людей в темных местах между большими фигурами в начале Брайант-стрит, но теперь Крысук думает, что полиция наблюдает за теми местами. Крысук как-то рассказывал Силенцио, что полиция видит и в темноте. Силенцио глядел на полицейских, когда они проезжали мимо в своих машинах, и все гадал, как это полиция видит и в темноте.

Но сегодняшней ночью Крысук вывел их на охоту на мост, где

живут люди, и говорит, что здесь они найдут деньги. Плейбою не нравится этот мост, потому что люди с моста, говорит он, все *pinche*[91]; они не любят, когда на их территории орудуют чужаки. Крысук же уверен, что чует удачу.

Крысук швыряет пустой пузырек в темноту, и Силенцио слышит, как тот обо что-то негромко стукается.

Змеиные зрачки Крысука расширены от черного. Он проводит пятерней по волосам от лба до затылка и делает знак рукой. Плейбой и Силенцио следуют за ним.

Силенцио второй раз проходит мимо бодеги[92], следя за мужиком в длинном пальто, пока тот сидит за маленьким белым столиком, пьет свой кофе.

Крысук говорит, какое клевое пальто. Смотри, какие у старика очки, говорит Крысук, они же золотые. Силенцио думал, что у Плейбоя тоже золотые, но у плейбоевских желтые стекла. А у этого мужика стекла очков простые. У него седые, очень коротко стриженные волосы, и глубокие морщины прорезали лицо. Он сидит в одиночестве, глядя на самую маленькую чашечку кофе, какую Силенцио видал в жизни. Кукольная чашечка.

Они дошли за стариком до этого места. Он двигался к Острову Сокровищ. Плейбой говорит, что эта часть моста – для туристов. Здесь есть винные погреба, магазины со стеклянными окнами, много прохожих.

Теперь они ждут, чтобы понять, куда двинет старик, покончив со своим лилипутским кофе. Если он двинет обратно, к Брайант-стрит, тогда будут трудности. Если двинет дальше на Остров, Крысук и Плейбой будут счастливы.

Обязанность Силенцио – подать им знак, что мужчина уходит.

Силенцио, проходя мимо, чувствует на себе взгляд старика, но старик лишь рассматривает толпу.

Силенцио смотрит, как Крысук и Плейбой идут за мужиком к Острову Сокровищ.

Теперь они на нижнем ярусе моста, и Силенцио время от времени смотрит наверх, на дно следующего яруса – краска там облупилась. Это напоминает ему стену в лос-проэктос. Здесь почти нет людей. Почти нет огней. Мужик идет легкой походкой. Он не торопится. Силенцио чувствует, что тот всего лишь прогуливается, что идти ему, собственно, некуда. Силенцио чувствует, что старику ничего не нужно: он не ищет денег, чтобы поесть или заторчать. Должно быть, потому, что у него и так есть

деньги, которые нужны, чтобы поесть или заторчать, по этой-то причине Крысук и Плейбой выбрали его, они поняли, что у него есть деньги, которые им нужны.

Крысук и Плейбой стараются держать мужика в поле зрения, но близко не подходят. Идут как будто и не вместе. Плейбой держит руки в карманах своего большого пальто. Он снял очки с желтыми стеклами, под глазами у него черные круги, как у всех, кто торчит на черном. Он выглядит печальным, когда собирается добыть деньги, чтобы заторчать. Он выглядит так, будто слушает очень внимательно.

Силенцио следует за этими троими, время от времени оглядываясь. В данный момент его задача – поднять тревогу, если кто-то появится.

Мужик останавливается и смотрит в витрину магазина. Силенцио делает шаг назад и прячется за тележкой, груженной рулонами пластика, видит, как Крысук и Плейбой встают за другими укрытиями на тот случай, если мужик оглянется. Нет, не оглядывается, но Силенцио подозревает, что мужик рассматривает в витрине отражение улицы. Силенцио и сам так делал.

Мужик все стоит, держа руки в карманах длинного пальто, и смотрит в витрину.

Силенцио расстегивает джинсы и тихонько мочится на рулоны пластика, осторожно, чтобы не наделать шума. Застегивая джинсы, видит, что мужик отошел от витрины и по-прежнему движется в сторону Острова Сокровищ, где, говорит Плейбой, есть люди, которые живут как звери. У Силенцио, видавшего в жизни лишь собак, голубей и чаек, в голове моментально возникает картинка: крылатые люди с собачьими клыками. Раз возникнув, картинка остается в голове у Силенцио.

Выйдя из-за тележки одновременно с Крысуком и Плейбоем, которые последовали за мужиком, Силенцио замечает, как тот вдруг сворачивает направо. Исчез. Мужик исчез. Силенцио яростно моргает, трет кулаками глаза и смотрит еще раз. Крысук и Плейбой прибавили шагу. Они не пытаются прятаться. Силенцио тоже скачет вприпрыжку, чтобы не потеряться, и оказывается на том месте, где свернул мужик. Узкая спина Крысука скрывается за углом вслед за Плейбоем и исчезает.

Силенцио замирает. Чувствует, как колотится сердце. Делает шаг вперед и выглядывает из-за угла.

Это место, где по всем признакам должен быть магазин, но магазина там нет. Сверху свисают широкие листы пластика. Деревянные брусья, сплошные рулоны пластика. Мужик стоит там.

Он стоит у дальней стены и переводит взгляд с Плейбоя на Крысука, с Крысука на Силенцио. Смотрит сквозь круглые стекла очков. Силенцио чувствует, что мужик спокоен.

Плейбой направляется к мужику, перешагивая брусья и пластик. Плейбой молчит. Руки он все еще держит в карманах пальто. Крысук не двигается, он наготове и на глазах мужика вытаскивает свой нож и со щелчком, демонстративно раскрывает.

Лицо мужика не дрогнуло, а Силенцио помнит лица других людей и страх в их глазах, когда они видели нож Крысука.

В этот момент Плейбой спрыгивает с деревянного бруса, выдергивает руки из карманов, чтобы схватить человека за плечи и резко повернуть. Вот как все делается.

Силенцио видит, что мужик слегка пошевелился, а может, ему это кажется.

Все замирают.

Силенцио точно видел, как левая рука мужика метнулась под складки длинного пальто, которое только что было застегнуто. Но он не заметил, как получилось, что тот стоит, почти уже уперев свой кулак Плейбою в середину грудной клетки, выставив большой палец. Плейбой остолбенел. Его руки нелепо застыли, пальцы растопырены.

Силенцио смотрит, как Плейбоевы руки хватают воздух. Правая рука мужика медленно поднимается, чтобы оттолкнуть Плейбоя, а из Плейбоевой грудной клетки медленно появляется тонкая черная штуковина. Силенцио становится интересно, давно ли он там ее прятал, а Плейбой навзничь валится на рулоны пластика и деревянные брусья.

Силенцио слышит, как кто-то кричит «pinche madre»[93], и это, конечно, Крысук. Когда Крысук торчит от черного и дерется, он очень быстрый, и ни за что не угадаешь, что он сделает; он калечит людей и трясется, смеясь, оскаливая зубы. Сейчас он прыгает вниз по рулонам пластика, будто летит, нож сверкает в его руке, и перед глазами Силенцио возникает картинка – человек с крыльями и собачьими клыками, а оскал Крысука точно такой, его змеиные зрачки расширены от черного.

И черная штука, как длинный и влажный палец, протыкает насквозь шею Крысука. И все замирает снова.

Потом Крысук пытается что-то сказать, кровь выступает в него на губах. Он хочет достать мужика своим ножом, но нож рассекает лишь воздух и наконец выпадает из руки Крысука.

Мужик вынимает черную штуковину из горла Крысука. Крысук шатается на ослабевших ногах, и Силенцио вспоминает, как тот, бывало, переберет белого и пытается ходить. Крысук хочет обеими руками сжать горло. Его губы шевелятся, но слова

не выходят. Один из змеиных глаз Крысука выпадает. Под ним настоящий глаз, круглый и карий.

Крысук валится на колени, все еще сжимая горло руками. Его глаза – змеиный и карий – глядят снизу на мужика, и Силенцио чувствует, что смотрят они уже из другого мира и видят уже другие картины.

Из горла Крысука вырывается негромкий слабый звук, после чего он заваливается назад, по-прежнему стоя на дрожащих коленях, падает на спину с широко разведенными коленями, поджав обе ноги под задницу.

Силенцио видно, как серые штаны Крысука темнеют в промежности.

Силенцио смотрит на мужика. Тот глядит на него.

Силенцио смотрит на черный клинок, тот спокоен в руке мужика. Чувствуется, что клинок владеет мужиком, а не мужик – клинком. Что клинок может приказать мужику действовать.

Но вот мужик поворачивает клинок. Кончик у того почти квадратный, будто обрубленный. Клинок поворачивается еле заметно. Силенцио понимает, что это команда – ему.

Он делает шажок вбок, чтобы мужик его видел.

Клинок снова поворачивается. Силенцио понимает команду.

Ближе.

7
Коммуналка

Однажды Тесса сказала Шеветте: оставь без присмотра пустой дом в Малибу – и кто ни попадя сползет с холмов и станет жарить собачатину у тебя в камине.

От этой швали трудно избавиться, а замки их ничуть не смущают. Вот почему нормальные люди, привыкшие жить здесь еще до Слива, охотно сдают свои дома студентам.

Тесса была австралийкой, студенткой, изучавшей теорию медиа в университете Южной Калифорнии, и причиной, по которой Шеветта жила здесь, в основном валяясь на диване.

Ко всему вышесказанному добавьте тот факт, что у Шеветты не было ни работы, ни денег и она только что сбежала от Карсона.

Тесса сказала, что Карсон просто кусок дерьма.

И поглядите, куда меня занесло, думала Шеветта, накручивая педали на тренажере, который имитировал швейцарскую горную дорогу, и стараясь игнорировать вонь заплесневелого белья, доносившуюся из-за кирпичной перегородки. Кто-то оставил мокрое белье прямо в машине, скорее всего в прошлый вторник, перед пожаром, и теперь оно там прокисало.

Что было неудачно, поскольку весьма затрудняло гонки на велотренажере. Этот тренажер мог принимать конфигурацию разных велосипедов и создавать иллюзию разных ландшафтов, но Шеветта обожала именно этот старомодный десятискоростник со стальной рамой, на котором неслась сломя голову по горной дороге, да так, что альпийские цветы у обочины размывались в неясные полосы на периферии зрения. Другим ее любимчиком был «крейсер» на шинах-аэростатах для гонок по пляжу, что было неплохо в Малибу, поскольку в реальности гонять по пляжу было нельзя, если, конечно, вам не хотелось карабкаться через ржавую колючую проволоку и игнорировать предупреждения «ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ», торчащие через каждую сотню футов.

Однако вонь от прокисших носков, ну точно в раздевалке спортзала, продолжала догонять ее, и не было в этой вони ни намека на цветущие альпийские луга, и вонь говорила Шеветте, что у нее нет ни цента и нет работы и что она прозябает в кондоминиуме в Малибу.

Дом стоял прямо на пляже, проволока тянулась в десятке метров от черты прибоя. Никто не знал точно, что же «слилось», так как госслужбы упорно молчали. Что-то с грузовоза, говорили

одни, а другие твердили, что это было судно с отходами, затонувшее в шторм. Однако правительство использовало наноботы, чтобы расчистить заразу; на этом сходились все, и вот почему считалось, что гулять на пляже не стоит.

Шеветта нашла тренажер почти сразу, как попала сюда, и гоняла на нем два-три раза в день или, как вот сейчас, глубокой ночью. Казалось, больше никто не проявлял к нему интереса и даже не заглядывал в эту маленькую комнатенку, пристрой гаража, рядом с прачечной, что вполне Шеветту устраивало. Живя на мосту, она привыкла быть среди людей, но там каждый всегда занимался делом. В коммунальном доме же было полно студентов южнокалифорнийского университета, занимавшихся теорией медиа, и они ей действовали на нервы. Они торчали в сети сутки напролет и трепались об этом и, казалось, ровным счетом ничего не делали.

Она почувствовала, что повязка интерфейсвизора промокла и пот потек по лицу. Она сейчас здорово вжарила; ощущалось напряжение именно тех мышц спины, до которых обычно дело не доходило.

Тренажер гораздо лучше справлялся с имитацией желто-зеленого велосипедного лака, чем рычагов переключения скоростей, – это она заметила. Рычаги были какие-то мультяшные, дорожное покрытие неслось под ними, смазываясь в стандартную текстурную карту. Облака, наверно, тоже были «условным обозначением», подними она взгляд; типовая фрактальная ерунда.

Она была определенно не слишком счастлива от своего пребывания здесь, да и от своей жизни в общем и целом на данном этапе. Она разговорилась об этом с Тессой после обеда. Ну, скажем так, разругалась.

Тесса хотела снять документальный фильм. Шеветта знала, что такое документальный фильм, – Карсон работал на телеканале «Реальность», по которому шли исключительно документальные фильмы, так что Шеветте в свое время пришлось просмотреть их сотнями. В результате она, как теперь думала, усвоила массу информации ни о чем конкретном, в том числе ничего конкретного о том, что ей вроде бы реально стоило знать. Например, что конкретно ей делать сейчас, раз уж жизнь занесла ее в такое место.

Тесса хотела съездить с ней в Сан-Франциско, но Шеветта испытывала смешанные чувства по этому поводу. Темой документального фильма, который желала снять Тесса, были маргинальные сообщества, и Тесса сказала, что, дескать, Шеветта как раз принадлежала к одному из них, потому что жила на

мосту. «Маргинальный» значит «находящийся на обочине», и Шеветта считала, что в этом определении, как ни крути, есть толика смысла. И она действительно скучала по жизни в Сан-Франциско, скучала по тамошним людям, но ей не хотелось об этом думать. Из-за того, как все сложилось после ее приезда сюда, из-за того, что ни с кем не общалась.

Просто жми на педали, сказала она себе, уже достигнув иллюзорной вершины. Переключи передачу. Жми еще сильней. Поверхность дороги стала местами стеклянно поблескивать: симулятор не поспевал обновлять картинку.

– Наплыв. – Голос Тессы.

– Черт, – сказала Шеветта, сорвав с лица визор.

Платформа камеры, как надутая гелием подушка из серебристого майлара, на уровне глаз в открытом дверном проеме. Детская игрушка с небольшими пропеллерами в сетчатых кожухах, управляется из спальни Тессы. Световое кольцо отразилось в раструбе объектива, когда он вытянулся, давая наплыв.

Пропеллеры, зажужжав, слились в серое пятно, вынесли платформу в дверь, остановка; вновь смазались, разворот. Конструкция, покачавшись, быстро стабилизировалась: подвешенная снизу камера играла роль балласта. «Маленькая Игрушка Бога», так окрестила Тесса свой серебристый воздушный шар. Бестелесный глаз. Она посылала его в медлительные круизы по дому, на добычу фрагментарных образов. Каждый, кто жил здесь, непрерывно снимал на пленку кого-то другого, за исключением Йена; Йен носил стоп-кадр-костюм, даже спал в нем и записывал свои собственные движения.

Тренажер, умная машина, почувствовал, что Шеветта утратила фокусировку, и тяжко вздохнул, замедляясь; сложная система гидравлических приводов начала перестраиваться. Узкое клиновидное сиденье между ее бедер расширилось, раскинулось, чтобы охватить ягодицы в режиме «бич-байк». Ручки руля пошли вверх, приподнимая ее руки. Она продолжала крутить педали, но тренажер начал потихоньку тормозить.

– Сожалею. – Голос Тессы из крохотной колонки.

Но Шеветта знала, что Тесса не сожалеет.

– Я тоже, – сказала Шеветта, когда педали проделали финальный полуоборот, защелкнув замки для спуска. Она толкнула ограждения вверх и спустилась на землю, взмахом шуганув камеру и испортив Тессе кадр.

– *Une petite problemette*[94]. У тебя, я так думаю.

– Что?

– Пойдем на кухню, покажу.

Тесса запустила один из пропеллеров на задний ход, повернув платформу на оси. Потом направила два пропеллера вперед, и платформа поплыла обратно через дверной проем, в гараж. Шеветта проследовала за ней, стянув полотенце с гвоздя, вбитого в дверной косяк. Затворила за собой дверь. Стоило бы захлопнуть ее на все время тренировки, но она забыла. «Маленькая Игрушка Бога» не умела открывать двери.

Полотенце не мешало бы выстирать. Чуточку жестковатое, но не зловонное. Шеветта вытерла пот с подмышек и груди. Догнала воздушный шар, поднырнула под него и оказалась на кухне.

Почувствовала, как разбегаются тараканы. Каждая плоская поверхность, за исключением пола, была занята немытой посудой, пустыми бутылками, деталями съемочного оборудования. За день до пожара у них была вечеринка, и никто до сих пор не прибрался.

Сейчас здесь нет света, только пара огоньков сигнальных устройств да методичное миганье охранной системы, переключавшейся с одной внешней камеры ночного видения на другую. 4:32 ночи в углу экрана. Наверно, с половину охранных систем отрубили, потому что люди входили и выходили весь день, и снаружи всегда кто-нибудь был.

Жужжание платформы, которую Тесса подняла сзади над ее головой.

– В чем дело? – спросила Шеветта.

– Наблюдай за проездом.

Шеветта подвинулась поближе к экрану. Открытая веранда, нависшая над песком…

Пространство между их домом и соседним…

Проезд. И машина Карсона, прямо там.

– Вот дерьмо, – сказала Шеветта, когда изображение «лексуса» сменилось видом пространства между домами с другой стороны, а затем панорамой камеры из-под веранды.

– Стоит там с трех двадцати четырех.

Веранда…

– Как он меня нашел?

Между домами…

– Сетевой поиск, наверно. Сличение образов. Кто-то выкладывал фотографии с вечеринки. Ты была на нескольких.

«Лексус» в проезде. Пустой.

– Где он?

Между домами… Под верандой…

– Без понятия, – сказала Тесса.

– А где ты?

Снова веранда. Посмотришь на такое, и начнут мерещиться

вещи, которых нет. Она опустила взгляд на хлам, заваливший стойку, и увидела там мясницкий тесак в фут длиной, лежащий в остатках шоколадного торта, лезвие все залеплено засохшим кремом.

– На втором этаже, – сказала Тесса. – Тебе лучше подняться.

Шеветта вдруг замерзла в своих коротких велосипедных шортах и майке. По коже продрал озноб. Перешла из кухни в гостиную. Предрассветная серость сквозь стеклянные стены. Англичанин Йен растянулся на длинной кожаной кушетке и слегка похрапывал, красный светодиод помигивал на груди его стоп-кадр-костюма. Нижняя часть Йенова лица всегда казалась Шеветте не в фокусе; зубы неровные, разного цвета, будто пиксели мельтешат. Чокнутый, считала Тесса. И он никогда не переодевал костюма, в котором спал сейчас; шнуровал его туго, как корсет.

Что-то пробормотал во сне и повернулся на бок, когда она прошла мимо.

Она стояла в нескольких дюймах от стекла, ощущая сырость, которой тянуло снаружи. На веранде – ничего, только призрачный белый стул, пустые пивные жестянки. Где же Карсон?

Лестница на второй этаж была винтовой, клиновидные ступени из очень толстой доски закручивались вокруг металлической стойки. Углеродно-волоконные педальные скобы в подошвах туфель клацали при подъеме на каждом шаге.

Тесса ждала на самом верху, стройная белокурая тень, утопленная в дутой куртке, которая, как знала Шеветта, при солнечном освещении была темно-оранжевой.

– У соседнего подъезда припаркован фургон, – сказала она. – Погнали!

– Куда?

– По берегу на север. Заявку на грант утвердили. Я не спала, говорила с мамой и как раз ей об этом рассказывала, когда явился твой друг.

– Может, он просто хочет поговорить, – сказала Шеветта.

Она однажды сболтнула Тессе, как он ее избил, и теперь сожалела об этом.

– Не уверена, что на это стоит надеяться. Мы уезжаем, о’кей? Видишь? Я упаковалась. – Раздутый ромб мешка со съемочной техникой, свисающий с плеча, шлепал по бедру.

– А я нет, – сказала Шеветта.

– А ты и не распаковывалась, помнишь? – (Что было правдой.) – Выйдем через веранду, и за домом Барбары сразу в фургон: считай, мы свалили.

– Нет, – сказала Шеветта, – давай всех разбудим, включим

снаружи свет. Что он нам сделает?

– Не знаю, что он сможет нам сделать. Но он всегда сумеет вернуться. Теперь он знает, что ты живешь здесь. Тебе нельзя оставаться.

– Я не уверена, что он снова хочет сделать мне больно.

– Ты хочешь с ним жить?

– Нет.

– Ты приглашала его сюда?

– Нет.

– Хочешь с ним повидаться?

Колебание.

– Нет.

– Тогда тащи свою сумку. – Тесса прошла мимо нее, толкнула, прокладывая путь мешком. – Живо, – добавила она, уже спускаясь по лестнице.

Шеветта открыла было рот, но ничего не ответила. Развернулась, пошла на ощупь вдоль коридора к двери в свою комнату. Бывший чулан, вот что это было, хотя внутри попросторнее, чем в некоторых жилищах на мосту. Когда открывалась дверь, на потолке загоралась лампа под куполом-абажуром из льдистого стекла. Кто-то вырезал толстый шмат пены, занимавший около половины узкого пространства без окон, между стильной обувной стойкой из какой-то светлой твердой тропической древесины и плинтусом из того же материала. Шеветта никогда не видела изделий из дерева, столь точно подогнанных. Весь дом был такой под слоем коммунальной грязи, и она часто гадала, кто жил здесь раньше и что они чувствовали, зная, что должны уехать. Кем бы они ни были, судя по обувной полке, туфель у них было больше, чем у Шеветты за всю ее жизнь.

Ее рюкзак валялся на краю узкого лежбища из пены. Как и сказала Тесса, все еще нераспакованный. Хотя открытый. Косметичка со всякой всячиной брошена рядом. Старая байкерская куртка Скиннера висит над кроватью, плечи расправлены и сидят уверенно на резных деревянных плечиках. Некогда черная конская кожа вытерлась и стала почти серой. Куртка старше тебя, сказал он однажды. Новые черные джинсы на перекладине рядом с курткой. Она сдернула их и скинула с ног велотуфли. Натянула джинсы поверх шорт. Достала черную водолазку из раскрытой пасти рюкзака. Ощутила запах чистого хлопка, натянув ее через голову, – она все постирала, еще у Карсона, когда решила, что уходит. Поставив ногу на край кровати, зашнуровала шипованные штурмовые ботинки; обошлась без носков. Встала и сняла куртку Скиннера с плечиков. Куртка была тяжелой, как будто помнила тяжесть лошади. Надев

ее, Шеветта почувствовала себя в большей безопасности. Вспомнила, как всегда ездила в ней по Сан-Франциско, несмотря на ее изрядную тяжесть. Как в броне.

– Пошли давай, – тихо зовет из гостиной Тесса.

Шеветта впервые увидела Тессу, когда та явилась к Карсону с какой-то девицей из Южной Африки, брать у него интервью о работе на канале «Реальность». Что-то сработало; Шеветта улыбалась в ответ тощей блондинке, чьи черты были великоваты для ее лица, но она выглядела на все сто, смеялась и казалась умной.

Слишком умной, подумала Шеветта, запихивая косметичку в рюкзак, потому что теперь она все же собиралась с ней в Сан-Франциско, не будучи до конца уверенной в правильности этой идеи.

– Пошли давай.

Нагнулась, чтобы до конца втиснуть косметичку в рюкзак, защелкнула замок. Забросила рюкзак на плечо. Взглянула на велотуфли. Нет времени. Вышла и закрыла дверь чулана.

Наткнулась на Тессу в гостиной; та проверяла, отключена ли сигнализация на раздвижных стеклянных дверях.

Йен рычал, колошматя что-то во сне.

Тесса потянула одну из створок, открыв ее ровно настолько, чтобы можно было протиснуться; рама проскрежетала в заржавевшем пазе. Шеветта ощутила холодное дыхание моря. Тесса вышла наружу, просунула руку, вытащила свой мешок со съемочным оборудованием.

Шеветта вышла следом, рюкзак клацнул о раму. Что-то слегка коснулось ее волос, Тесса, вытянув руку, поймала «Маленькую Игрушку Бога». Протянула ее Шеветте, та взяла ее за один из сетчатых кожухов, окружавших пропеллеры; платформа казалась совсем невесомой и хрупкой, такую легко сломать. Потом они с Тессой взялись за дверную ручку и совместным усилием медленно задвинули дверную створку, превозмогая трение механизма.

Шеветта выпрямилась, обернулась, с опаской глянув на светлеющую массу – единственный признак океана в этот час, на черные петли колючей проволоки, и ощутила что-то вроде головокружения, как будто всего на одну секунду встала на самый край крутящегося мира. Раньше ее уже посещало такое чувство, там, на мосту, на крыше Скиннеровой конуры: будто стоишь на самой высокой точке мира, и туман, поглотивший бухту, возвращает эхом все звуки с иного, нового расстояния.

Тесса спустилась к пляжу по четырем ступенькам, и Шеветта услышала, как песок скрипит под ее каблуками. Было так тихо…

Она вздрогнула. Тесса пригнулась, проверяя, нет ли кого под выносной верандой. Где же он?..

Они так его и не увидели, по крайней мере там и тогда, с трудом пробираясь сквозь зыбучий песок, миновав персональную веранду старой Барбары, где широченные окна были сплошь заклеены рваной фольгой и побуревшим от солнца картоном. Барбара была владелицей всего этого дома вплоть до самого Слива, теперь ее редко видели. Тесса попыталась как-то уговорить ее сняться в своем фильме – маргинальное сообщество из одного человека, ставшего отшельником в своем жилище, среди коммунальных домов. Шеветте подумалось, не подглядывает ли сейчас Барбара за их побегом. Вдоль дома и за угол, потом между ним и соседним, туда, где ждал фургон Тессы, почти кубической формы, цветная раскраска облезла от песчаного ветра.

С каждым новым шагом все это больше походило на сон, и вот уже Тесса отпирает фургон, сперва посветив фонариком внутрь кабины, проверяя, не притаился ли Карсон там, и когда Шеветта запрыгивает на пассажирское место и устраивается на скрипучем сиденье – одеяло привязано к рваному пластику специальным шнуром для прыжков с моста, – она понимает, что уезжает. Куда-то.

И это ей нравится.

8
Дыра

Дрейф.

Лейни дрейфует.

Вот что он, в сущности, делает. Он знает: все, что для этого нужно, – отпустить тормоза. Он признает случайность.

Опасность признания случайности в том, что случайность может признать Дыру.

Дыра – это то, вокруг чего смонтирована личность Лейни. Дыра – это отсутствие фундаментальной сердцевины. Дыра – это то, во что он вечно запихивал вещи: наркотики, карьеру, женщин, информацию.

По большей части – с недавних пор – информацию.

Информацию. Этот поток. Эту… коррозию.

Дрейф.

Однажды, еще до того, как он перебрался в Токио, Лейни проснулся в спальне своего люкса в «Шато».

Было темно, лишь шуршание шин откуда-то с бульвара Сансет; глухое стрекотание вертолета, рыскавшего над холмами за отелем.

И Дыра, прямо там, рядом с Лейни, в одиноком размахе его королевских размеров кровати.

Дыра очень близкая, персональная.

9
Секундная стрелка

Яркие пирамиды фруктов под жужжащим неоном.

Мужчина смотрит, как мальчик опустошает второй литр сока с мякотью: заглатывает все содержимое высокого пластикового стакана не отрываясь, без видимых усилий.

– Не стоит пить холодные напитки так быстро.

Мальчик глядит на него. Между взором мальчика и его душой нет ничего: отсутствие маски. Отсутствие личности. Он, по всей видимости, не глухой, раз понял предложение выпить прохладительного. Но пока ничто не свидетельствует о том, что он наделен даром речи.

– Говоришь по-испански? – Сказано на мадридском наречии, не звучавшем на его устах долгие годы.

Мальчик ставит пустой стакан рядом с первым и смотрит на мужчину. Страха во взгляде нет.

– Люди, которые на меня напали, – это были твои друзья? – Приподняв одну бровь.

Ни малейшей реакции.

– Сколько тебе лет?

Старше, думает мужчина, своего эмоционального возраста. Намек на сбритую щетину в уголках верхней губы. Карие глаза чисты и безмятежны.

Мальчик разглядывает два пустых пластиковых стакана на исцарапанной металлической стойке. Поднимает взгляд на мужчину.

– Еще? Ты хочешь пить еще?

Мальчик кивает.

Мужчина делает знак итальянцу за стойкой. Снова поворачивается к мальчику:

– Тебя хоть как-нибудь зовут?

Ничего. Ничего не меняется в карих глазах. Мальчик глядит на него так спокойно, как может глядеть мирный пес.

Окруженная горками фруктов серебряная соковыжималка коротко хлюпает. Наструганный лед вбивается миксером в мякоть. Итальянец переливает напиток в пластиковый стакан и ставит его перед мальчиком. Мальчик смотрит на сосуд.

Мужчина меняет позу на скрипящем металлическом стуле, его длинное пальто свисает складками, как крылья отдыхающей птицы. У него под мышкой, тщательно вычищенный, спит клинок, свободно покачиваясь в своей магнитной упряжи.

Мальчик берет стакан, открывает рот и вливает густую смесь льда и фруктовой мякоти прямо в горло. Задержка в развитии, думает мужчина. Синдром трагической матки города. Жизненные сигналы искажены химикатами, недоеданием, ударами судьбы. И тем не менее он, как и все остальные, как и сам мужчина, существует в точности так, в точности там и в точности в тот момент времени, как, где и когда он должен существовать. Это дао: тьма внутри тьмы.

Мальчик ставит пустой стакан рядом с двумя другими.

Мужчина выпрямляет ноги, встает, застегивая пальто.

Мальчик протягивает руку. Двумя пальцами касается часов, которые мужчина носит на левом запястье. Рот мальчика приоткрывается, будто он хочет что-то сказать.

– Время?

Что-то шевелится в лишенных выражения карих безднах его глаз. Часы старинные, добыты у специалиста-дилера в одной из укрепленных аркад Сингапура. Это армейские часы. Они говорят мужчине о сражениях иных времен. Они напоминают ему о том, что любое сражение однажды станет таким же смутным воспоминанием и что лишь мгновение имеет смысл, лишь мгновение абсолютно.

Познавший истину воин идет в битву, будто на похороны любимой, да и как может быть иначе?

Мальчик наклоняется вперед; то, что таится в его глазах, видит только часы.

Мужчина размышляет о тех двоих, оставленных им сегодня вечером на мосту. Охотники в своем роде, отныне для них охота закончилась. И этот, третий, следовал за ними по пятам. Чтобы подбирать объедки.

– Тебе нравится?

Никакой реакции. Ничто не в силах нарушить концентрацию, связь между тем, что всплыло из бездны глаз мальчика, и аскетическим черным циферблатом наручных часов.

Дао делает ход.

Мужчина расстегивает стальную пряжку ремешка. Отдает часы мальчику. Он делает это не раздумывая. Он делает это с той же бездумной уверенностью, с какой чуть раньше убивал. Он делает это, потому что так нужно, потому что так правильно поступить; потому что жизнь его бьется в такт с дао.

Нет никакой нужды прощаться.

Он уходит от мальчика, оставленного навеки созерцать черный циферблат и стрелки.

Он уходит сейчас. Мгновение – в равновесии.

10
Американский акрополь

Райделл все-таки сумел настроить бразильские очки на фрагмент уличной схемы Сан-Франциско, но ему еще требовалось узнать от Кридмора, как добраться до гаража, где они собирались оставить «хокер-айти». Кридмор, разбуженный Райделлом, казалось, не сразу уяснил, кто такой, собственно, сам Райделл, но похвально быстро начал соображать. Сверившись со сложенной пополам визитной карточкой, извлеченной из «часового» кармана джинсов, он четко указал, куда нужно двигать.

Это было старое здание в районе, где подобные строения обыкновенно преображались в резиденции, но густота колючей проволоки намекала, что эта территория до сих пор не обуржуазилась. Вход контролировала пара громил со значками фирмы «Универсал», занимавшейся в основном рядовой охраной промышленных объектов. Громилы размещались в офисе у ворот и смотрели канал «Реальность-1» на плоском экране, водруженном на огромный стальной стол, у которого был такой вид, будто по каждому его квадратному дюйму прошлись большим отбойным молотком. Одноразовые кофейные чашки и пищевые контейнеры из белой пены. Все это показалось Райделлу по-домашнему родным, и он прикинул, что скоро там должна быть пересменка, в семь утра. Не такая уж дурная, наверно, работенка, бывает и хуже.

– Ставим на временную стоянку, – сказал им Райделл.

На плоском экране был виден олень. За ним – знакомые очертания заброшенных небоскребов центрального Детройта. Логотип «Реальности» в нижнем правом углу обеспечил нужный контекст: одна из этих программ о природе.

Райделлу дали список, чтобы он ткнул в номер предварительного заказа, записанный у Кридмора на бумажке, и оказалось, что за стоянку уплачено. Его заставили расписаться прямо там же, рядом с номером. Сказали поставить тачку на место номер двадцать три, уровень шесть. Он вышел из офиса, забрался обратно в «хокер», рванул вверх по скату, мокрые шины визгнули по бетону.

Кридмор проводил операцию по наведению лоска, глядя в подсвеченное зеркальце за противосолнечным забралом на пассажирском месте. Операция состояла из многократного прочесывания волос пальцами, вытирания пальцев о джинсы, потом разминания век. Затем он оценил результаты.

– Самое время выпить, – обратился он к отражению своих налитых кровью буркал.

– Семь утра, – сказал Райделл.

– О чем я и говорю, – сказал Кридмор, откинув забрало обратно наверх.

Райделл нашел номер двадцать три, написанный краской на бетоне, между двух неизвестных транспортных средств, задрапированных в чехлы. Он осторожно втиснул «хокер» меж ними и начал отключать машину. Проделать это удалось, не обращаясь к меню подсказок.

Кридмор вылез наружу и отошел помочиться на чью-то покрышку.

Райделл проверил салон – убедиться, что они ничего не оставили, расстегнул ремень безопасности, потянулся, чтобы закрыть пассажирскую дверцу, дистанционно открыл багажник, открыл дверцу водителя, проверил, не забыл ли ключи, вышел и захлопнул дверцу.

– Эй, Бьюэлл! Твой приятель собирается забрать ее отсюда, я правильно понял?

Райделл вытаскивал свои вещи из багажника «хокер-айти» – странно узкого, чем-то похожего на младенческий гробик. Больше там ничего не было, и Райделл решил, что Кридмор, видимо, пустился в вояж налегке.

– Нет, – сказал Кридмор, – они бросят ее здесь пылиться к чертовой бабушке. – Он застегивал ширинку.

– Тогда я отдам ключи тем парням из «Универсала», шестью этажами ниже, ладно?

– Нет, – сказал Кридмор, – ты отдашь их мне.

– Я расписался, – ответил Райделл.

– Дай их сюда.

– Бьюэлл, данное транспортное средство теперь находится под моей ответственностью. Я расписался за это.

Он захлопнул багажник, активировал системы безопасности.

– Пожалуйста, отойдите на шаг, – сказала «хокер-айти». – Уважайте мои частные границы так же, как я уважаю ваши. – У нее был красивый, странновато-бесполый голос, нежный, но жесткий.

Райделл отступил на шаг, потом еще на один.

– Это машина моего друга и ключи моего друга, и мне надо отдать их ему. – Кридмор положил руку на большую ковбойскую пряжку, как на штурвал персонального корабля-государства, но вид у него был неуверенный, словно похмелье лишило его сил.

– Просто скажи ему, что ключи будут здесь. Так это делается. Да и безопаснее будет. – Райделл закинул сумку на плечо и

пошел вниз по скату, радуясь возможности размять ноги. Он оглянулся на Кридмора. – Увидимся, Бьюэлл.

– Сукин сын, – сказал Кридмор, хотя Райделл принял это скорее за обращение к миру, породившему Райделла, чем к себе лично. Кридмор вяло, растерянно щурился под мутно-зелеными газосветными лампами.

Райделл же продолжал шагать вниз по разбитой бетонной спирали парковочной площадки еще пять уровней, пока не наткнулся на офис у самого входа. Громилы из «Универсала» сидели и пили кофе, досматривали конец передачи. Теперь олень пробирался сквозь снег – снег, что косо летел по ветру, леденящему совершенные вертикали стен мертвого и монументального сердца Детройта, широкие черные зубцы кирпича, уходящие ввысь, чтобы исчезнуть в белесом небе.

В Детройте снимали множество программ о природе[95].

Райделл вышел на улицу, чтобы найти такси или место, где позавтракать. По запаху Сан-Франциско весьма отличался от Лос-Анджелеса, и Райделлу это ощущение нравилось. Сейчас он найдет, где поесть, и наденет бразильские очки, чтобы дозвониться в Токио.

Выяснить все насчет этих самых денег.

11
Другой парень

Шеветта никогда не сдавала на права, так что везти их обеих до самого Сан-Франциско пришлось Тессе. Тесса, кажется, не возражала. В голове у нее сидела только документалка, которую они отснимут, и она могла продумывать ее вслух, не отрываясь от дороги, рассказывая Шеветте о разных сообществах, которые хотела охватить, и о том, как все это смонтирует. Шеветте оставалось лишь слушать или делать вид, что слушает, и в конце концов она просто заснула. Она заснула в тот момент, когда Тесса рассказывала ей о месте под названием «Застенный город», о том, что когда-то и вправду был такой город, рядом с Гонконгом, разрушенный еще до того, как Гонконг вновь стал частью Китая[96]. И вот тогда эти сумасшедшие хакеры совместно построили свой собственный город, что-то вроде огромного коллективного веб-сайта, а потом вывернули его наизнанку и исчезли внутри. Все это казалось очередной небылицей, когда Шеветта клевала носом, но рассказ остался у нее в голове картинками. Снами.

– Ну и что там твой другой парень? – спросила Тесса, когда Шеветта очнулась от этих снов.

Шеветта спросонья поглядела в окно на Пятую автостраду, на белую полосу, которая будто сматывалась в рулон под колесами фургона.

– Какой другой парень?

– Ну, коп. С которым ты гоняла в Лос-Анджелесе.

– Райделл, – сказала Шеветта.

– И почему же вариант не сработал? – спросила Тесса.

Шеветта на самом деле не знала ответа.

– Просто не сработал, и все.

– И тогда тебе пришлось приклеиться к Карсону?

– Нет, – сказала Шеветта, – не пришлось. – (Что это за белые штуки, их так много там, далеко в полях? Ветряные штуки: они дают ток.) – Просто казалось, что так надо.

– И со мной так бывало, – кивнула Тесса.

12
«Эль примеро»

Фонтейн первый раз замечает мальчишку, когда раскладывает утренний ассортимент в своей узкой витрине: жесткие темные волосы надо лбом, прижатым к пуленепробиваемому стеклу.

Фонтейн никогда не оставит на ночь в витрине ничего ценного, но вид полной пустоты ему не нравится.

Ему не нравится думать, что кто-то проходит мимо и мельком смотрит на пустоту. Это напоминает ему смерть. Так что каждую ночь он оставляет в витрине пару-другую не особо ценных предметов – якобы обозначить ассортимент лавки, на самом же деле в качестве частного акта искупительной магии.

Этим утром в окне виднеются тройка плохоньких швейцарских механических часов с циферблатами в крапинках времени, двойной перочинный нож IXL с точеными костяными ручками и эмблемой-щитком (в приличном состоянии) и восточногерманский военно-полевой телефон такого внушительного вида, будто он сконструирован не только для того, чтобы выдержать ядерный взрыв, но и для нормального функционирования во время самого взрыва.

Фонтейн, все еще под действием первого утреннего кофе, пристально смотрит вниз, сквозь стекло, на немытые ершистые волосы. Поначалу думает о трупе, и далеко не первом, найденном им вот так, но ни разу в подобной позе, торчком, на коленях, как при молитве. Однако нет, этот труп живой: дыхание туманит витрину Фонтейна.

В левой руке Фонтейна часы «Кортебер» 1947 года выпуска – тройная дата, фазы Луны, ручной подзавод, корпус из золота, практически в том состоянии, в каком часы в свое время покинули фабрику. В правой руке – оплавленная чашка из красного пластика с черным кубинским кофе. Лавка наполнена запахом кофе – такого, каким Фонтейн его любит: жженого и резкого.

Конденсат вяло пульсирует на холодном стекле: ореолы серого цвета очерчивают ноздри преклонившего колени.

Фонтейн кладет «Кортебер» обратно в поддон со всем своим лучшим ассортиментом, в узких секциях выцветшего велюра лежат по десятку часов в каждой. Он отставляет поддон на стойку, за которой стоит, когда приходят покупатели, перемещает чашку из красного пластика в левую руку и правой рукой с

облегчением нащупывает «смит-и-вессон кит-ган» 22-го калибра в правом нижнем кармане поношенного тренча, который служит ему халатом.

Маленький пистолет, древнее многих его лучших часов, на месте, потертая рукоять орехового дерева удобна и хорошо знакома. Возможно, предназначенный для хранения в сундучке рыболова и защиты от назойливых водных змей или обезглавливания бутылок из-под пива, все-таки «кит-ган» – продуманный выбор Фонтейна: шестизарядный револьвер бокового боя, с дулом длиной четыре дюйма. Он, Фонтейн, не хочет никого убивать, хотя, говоря по правде, ему приходилось и, вполне вероятно, еще придется. Ему неприятно ощущать отдачу и слышать грохот выстрела, он с недоверием относится к полуавтоматическому оружию. Он историк-анахронист: он знает, что система «смит-и-вессон» разрабатывалась под патрон 32-го калибра центрального боя, давным-давно вышедший из употребления, но некогда стандартный для американского карманного оружия. Переоборудованная под непритязательный патрон 22-го калибра, система дожила как «кит-ган» почти до середины двадцатого века. Удобная вещь и, как и все предметы Фонтейновой коллекции, подлинный раритет.

Он допивает свой кофе, ставит пустую чашку на стойку рядом с поддоном, полным часов.

Он, Фонтейн, прекрасный стрелок. С расстояния в двенадцать шагов, встав в архаичную позу дуэлянта – одна рука за спиной, он при свидетелях попадал в середину туза червей.

Он не сразу решается открыть парадную дверь своей лавки, это сложный процесс. А может, тот, преклонивший колени, там не один? На мосту у Фонтейна почти нет настоящих врагов, но кто его знает, какую гадость может занести сюда с того или иного конца, из Сан-Франциско или Окленда? А дикие джунгли Острова Сокровищ привычно порождают еще более зверское безумие.

Но все же.

Он сдвигает последний засов и вытаскивает револьвер.

Солнечный свет, будто некое странное благословение, пробивается сквозь пластик и ободранное дерево обшивки моста. Фонтейн вдыхает соленый воздух, причину коррозии.

– Эй, ты, – говорит он. – Мистер! – Револьвер у него в руке, спрятан в складках тренча.

Под тренчем, распахнутым по причине отсутствия пояса, на Фонтейне линялые, в крупную клетку, фланелевые пижамные штаны и белая сорочка с подогревом и длинными рукавами, загрубевшая от неоднократных стирок. Черные туфли без шнурков, на босу ногу, заскорузли и потрескались.

Темные глаза смотрят на него снизу вверх, лицо почему-то никак не хочет сводиться в фокус.

– Что ты здесь делаешь?

Мальчик склоняет голову набок, словно внимая чему-то, недоступному для слуха Фонтейна.

– Отойди от моей витрины.

С полнейшим и странным отсутствием грации, которое потрясает Фонтейна как тоже своего рода грация, не имеющая аналогов, странная личность поднимается на ноги. Карие глаза таращатся на Фонтейна, но будто бы не видят его или, возможно, не признают в нем другое человеческое существо.

Фонтейн демонстрирует «смит-и-вессон», палец лежит на спусковом крючке, но дуло не направлено на мальчика. Он наводит дуло только тогда, когда твердо решился стрелять, – урок, давным-давно преподанный отцом.

Этот стоявший в молитвенной позе и дышавший на витрину не живет на мосту. Фонтейну было бы трудно объяснить, откуда он это знает, но он знает. Это просто-напросто инстинкт, выработанный долгим проживанием здесь. На мосту он знает, конечно, не всех, да и вряд ли хотел бы знать всех, но тем не менее отличает «мостовых» от прочих с абсолютной уверенностью.

В этом же типе явно чего-то недостает. Что-то с ним не в порядке; и речь не о наркотиках, а о каком-то более постоянном виде умственного расстройства. И хотя среди населяющих мост есть подобные дурачки, все они сумели худо-бедно вписаться в окружающую среду и не склонны появляться так вот, с бухты-барахты, мешая торговому бизнесу.

Где-то наверху, высоко-высоко, ветер с бухты лупцует съехавший шмат пластика: бешеные хлопки, будто сумасшедшее крыло гигантской раненой птицы.

Фонтейн, глядя в карие глаза на лице, которое по-прежнему упорно не желает фокусироваться (по той причине, думает он сейчас, что просто на это не способно), сожалеет о том, что вообще открыл дверь. Соленый воздух даже сейчас вгрызается в блестящие металлические потроха его товара. Он делает жест револьвером: пошел отсюда.

Мальчик протягивает руку. Часы.

– Что? Ты хочешь мне это продать?

Карие глаза не реагируют на речь.

Фонтейн, во власти безотчетного побуждения, делает шаг вперед, его палец напрягается на спусковом крючке с самовзводом. Камора под бойком пуста безопасности ради, но стоит лишь резко надавить на крючок и не отпускать, и барабан

провернется до следующей, заряженной каморы.

Выглядят как нержавеющие. Циферблат черный.

Фонтейн видит грязные черные джинсы, изношенные кроссовки, линялая красная майка топорщится над вздутым животом – характерным признаком недоедания.

– Хочешь мне их показать?

Мальчик смотрит на часы в руке, потом указывает пальцем на те трое часов, что лежат в витрине.

– Конечно, – говорит Фонтейн, – у нас есть часы. Любых видов. Хочешь на них посмотреть?

Мальчик глядит на него, не опуская пальца.

– Давай, – говорит Фонтейн, – давай заходи. Чего зря мерзнуть. – Все еще держа в руке револьвер, хотя и ослабив нажим на спусковом крючке, он делает шаг назад, в лавку. – Ты идешь?

После короткой заминки мальчик входит следом, держа часы с черным циферблатом так, словно маленького зверька.

Наверняка ерунда какая-нибудь, думает Фонтейн. Проржавевший армейский «Уолтам» или еще какое дерьмо. Вот же дерьмо собачье, зачем он впустил сюда этого урода.

Мальчик стоит, уставившись в одну точку, посередине крохотной лавки. Фонтейн закрывает дверь, всего на один засов, и отступает за свою стойку. Все это он проделывает, не опуская ствола, оставаясь вне радиуса захвата и не спуская глаз с визитера.

Глаза мальчика становятся еще больше, когда он видит поддон с часами.

– Сначала – первое, потом – второе, – говорит Фонтейн, ловко убрав поддон свободной рукой с глаз долой. – Давай-ка посмотрим. – Показывает на часы в руке мальчика. – Сюда, – приказывает Фонтейн, постукивая по облупленному золоченому логотипу «Ролекс» на круглой подушечке темно-зеленой искусственной кожи.

Мальчик, кажется, понимает. Кладет часы на подушечку. Фонтейн видит грязь под обломанными ногтями, когда рука отпускает часы.

– Черт, – говорит Фонтейн. Что-то не так с глазами. – Отойди на минуточку во-он туда, – говорит он, мягко указывая направление дулом «смит-и-вессона».

Мальчик отступает на шаг.

По-прежнему глядя на мальчика, он копается в левом кармане тренча, извлекает оттуда черную лупу, зажимает ее левым глазом.

– Не вздумай теперь двинуться, понял? Не хочу, чтобы эта

штука пальнула…

Фонтейн берет в руки часы, коротко сощуривается на них сквозь лупу. Невольно присвистывает. «Жаже Лекультр». Перестает щуриться, проверяя, не шелохнулся ли мальчик. Щурится снова, теперь уже на артикул на спинке корпуса. «Королевские военно-воздушные силы Австралии, 1953 год», читает он.

– Где украл?

Ни звука.

– Состояние почти идеальное… – Фонтейн мигом ощущает неожиданную и глубокую растерянность. – Циферблат новодельный?

Ни звука в ответ.

Фонтейн прищуривается в лупу.

– Так это подлинник?

Фонтейн хочет эти часы.

Он кладет их обратно на зеленую подушечку, поверх потертого символа золотой короны, заметив, что ремешок из черной телячьей кожи – штучной работы, вручную обшит вокруг стерженьков, намертво закрепленных между ушками. Один этот ремешок, сделанный, как он прикидывает, в Италии или в Австрии, может стоить дороже многих часов, что он продает. Мальчик мгновенно забирает часы.

Фонтейн выставляет поддон:

– Посмотри-ка на это. Хочешь, поменяемся? Вот «Грюн Кёрвекс». Вот «Тюдор Лондон» тысяча девятьсот сорок восьмого года. Отличный, подлинный циферблат. А вот «Вулкан Крикет», золотая головка, стекло очень чистое.

Но он уже знает, что совесть никогда не позволит ему лишить эту потерянную душу часов, и от этого ему становится больно. Фонтейн всю жизнь пытался взрастить в себе семена бесчестья, того, что отец его называл жульничеством, но неизменно терпел фиаско.

Мальчик склоняется над поддоном, не замечая Фонтейна.

– Вот, – говорит Фонтейн, сдвинув поддон в сторону и заменив его своим подержанным ноутбуком. Он открывает на нем веб-страницы, где обычно покупает часы. – Просто жми вот сюда, потом вот сюда, и тебе скажут, как называется то, что ты видишь. – Он демонстрирует «Жаже» с серебристым циферблатом.

Фонтейн нажимает вторую кнопку.

– Хронометр «Жаже» сорок пятого года выпуска, нержавеющая сталь, подлинный циферблат, гравировка на задней поверхности корпуса, – сообщает ноутбук.

– Задней, – говорит мальчик, – поверхности корпуса.

– Вот смотри. – Фонтейн демонстрирует мальчику нержавеющую заднюю крышку нашпигованных золотом прямоугольных часов «Тиссо». – Но только с надписью типа: «Ударному Джо в двадцать пятую годовщину службы в Ударном корпусе, поздравляем!»

Мальчик выглядит совершенно бесстрастным. Нажимает на кнопку. На экране появляются другие часы. Нажимает вторую кнопку.

– Хронометр «Вулкан», движение часовой стрелки скачкообразное, корпус хромированный, ушки латунные, циферблат в очень хорошем состоянии.

– В очень хорошем, – поясняет Фонтейн, – а значит, недостаточно хорошем. Видишь вот эти пятнышки? – Он показывает на черные точки, отчетливо различимые на скане. – Если бы говорили в «отличном состоянии», тогда без вопросов.

– В отличном состоянии, – произносит мальчик, подняв взгляд на Фонтейна. И нажимает на кнопку, выводящую на экран изображение следующих по списку часов.

– Дай я еще раз гляну на те часы, ладно? – Фонтейн показывает на часы в руке мальчика. – Все в порядке. Я тебе их отдам.

Мальчик переводит взгляд с Фонтейна на часы и обратно. Фонтейн убирает «смит-и-вессон» в карман. Показывает мальчику пустые руки.

– Я тебе их отдам.

Мальчик протягивает руку. Фонтейн берет часы.

– Так ты мне не скажешь, где ты их взял?

Ни звука.

– Хочешь кофе?

Фонтейн показывает на булькающую в глубине лавки кастрюльку на электроплитке. Чувствует крепчающий запах горького варева.

Мальчик понимает.

Мотает головой.

Фонтейн снова вкручивает лупу и углубляется в созерцание.

Черт побери. Он хочет эти часы.

Позже, во второй половине дня, когда мальчик-разносчик бэнто[97] привозит Фонтейну обед, армейский «Жаже Лекультр» лежит в кармане Фонтейновых слаксов из серого твида, с высокой талией и экстравагантными складками, но Фонтейн знает, что часы – не его. Мальчик помещен в глубине лавки, в той захламленной маленькой зоне, что отделяет бизнес Фонтейна от его частной жизни, и Фонтейн, увы, осознает тот факт, что

чувствует запах своего гостя: чуть приглушенный утренним ароматом кофе ясный и настойчивый смрад застарелого пота и нестираного тряпья.

Когда разносчик выходит из лавки к своему перегруженному коробками велосипеду, Фонтейн открывает защелки на собственной коробке. Так, сегодня тэмпура[98], а тэмпуру он не очень любит, слишком быстро она остывает, но ему все равно, потому что он голоден. Пар клубится над тарелкой мисо[99], когда он со щелчком снимает пластиковую крышку. Пауза.

– Эй, – обращается он в пространство за лавкой, – хочешь немного мисо? – (Ни звука.) – Суп. Ты слышишь меня или нет?

Фонтейн вздыхает, слезает с деревянного табурета и заходит с горячим супом в чулан.

Мальчик сидит на полу, скрестив ноги, у него на коленях раскрыт ноутбук. Фонтейн видит фото очень большого, сложной системы хронометра, которое плавает по экрану. Вещь из восьмидесятых, судя по виду.

– Хочешь немного мисо?

– «Зенит», – отвечает мальчик, – «Эль Примеро». Нержавеющий корпус. Тридцать один камень, механизм хронографа «тридцать-девятнадцать пи-эйч-си». Тяжелый нержавеющий браслет с замком-застежкой. Оригинальная завинчивающаяся головка для перевода стрелок и подзаводки. Механизм и головка – с подписями и логотипами «Зенит».

Фонтейн таращит на него глаза.

13
Подержанный свет [100]

Ямадзаки возвращается, набрав антибиотиков, пакетов с едой и жестянок-самогреек с кофе. Он одет в пилотскую куртку из черного нейлона, тащит припасы и свой ноутбук в синей сетчатой сумке.

Он спускается в метро сквозь толпу лишь умеренно плотную, задолго до вечернего часа пик. Последнее время ему плохо спится, в его снах, как призрак, поселился дивный лик Рэй Тоэй – Рэй Тоэй, которая в одном смысле является его работодателем, а в другом смысле вовсе не существует.

Она – это голос и лицо, знакомые миллионам. Она – это море кода, вершина развития компьютерных программ индустрии развлечений. Публика знает, что ее не встретишь, прогуливаясь по улице; что она – это медиа в чистом виде. И в этом основная причина ее очарования.

Если бы не Рэй Тоэй, говорит себе Ямадзаки, Лейни бы тут сейчас не было. Именно для того, чтобы понять ее, предугадать ее мотивацию, Лейни и оказался в Токио. Он работал на менеджеров Реза – певца, объявившего о намерении жениться на ней. И каким же образом, спрашивалось, намерен он это проделать? Как может человек, даже настолько пропитавший медиа, взять в жены конструкт, пакет компьютерных программ, мечту?

Однако Рез, китайско-ирландский певец, поп-звезда, попытался. Ямадзаки об этом известно. Он знает об этом не меньше самого Реза, потому что Рэй Тоэй обсуждала это с ним. Он понимает, что Рез воплощен в цифровую форму настолько, насколько это вообще возможно для человека. Если Рез-человек вдруг умрет, Рез-идол, вне всяких сомнений, будет существовать и дальше. Но Резу страстно хотелось оказаться там в буквальном смысле – там, где находится Рэй Тоэй. Или, вернее, находилась, поскольку недавно она вдруг куда-то исчезла.

Певец пожелал соединиться с ней в неком цифровом мире или же в некой доселе неведомой пограничной зоне, в некоем промежуточном состоянии. И потерпел фиаско.

Не там ли сейчас она? И почему Лейни тоже сбежал?

Сейчас певец гастролирует по государствам Комбината. Путешествует исключительно железной дорогой. Станция за станцией, конечная цель – Москва, следом летят слухи о сумасшествии.

Дело ясное, что дело темное, говорит себе Ямадзаки,

спускаясь в картонный город, и снова задумывается, чем же именно там занят Лейни. Все эти разговоры про узловые точки в истории, про какой-то узор, возникший в текстуре событий. О том, что все скоро изменится.

Лейни – каприз природы, мутант, случайный продукт секретных клинических испытаний препарата, пробуждавшего у небольшого процента испытуемых способности, сходные с экстрасенсорными. Но Лейни не экстрасенс в иррациональном смысле; скорее, он способен благодаря органическим изменениям, давным-давно вызванным «5-SB», тем самым препаратом, воспринимать глобальные перемены, всплывающие из глубин огромных потоков данных.

И вот теперь Рэй Тоэй исчезла, заявляют ее менеджеры, а как такое могло случиться? Ямадзаки подозревает, что Лейни, возможно, в курсе, как или куда, и для Ямадзаки это причина, чтобы вернуться и найти его. Он вел себя крайне осторожно, дабы избежать слежки, прекрасно зная, что все предосторожности могут быть напрасны.

Запах токийской подземки, знакомый и уютный, как запах родного дома. Запах крайне характерный и в то же время не поддающийся описанию. Это запах японской цивилизации, частью которой он себя чувствует на все сто процентов, цивилизации, в данный момент воплощенной в этой уникальной среде, в мире тоннелей, белых коридоров, едва слышных серебристых поездов.

Он отыскивает проход между двумя эскалаторами, видит кафельные колонны. Он почти убежден, что картонных укрытий здесь уже нет.

Но они по-прежнему на месте, и, когда он напяливает белую микропорную маску и вползает в залитую ярким светом хибару мастера, там тоже все неизменно, за исключением заготовки, над которой сосредоточен старик: теперь это многоголовый динозавр с ногами робота, весь серебряно-синий. Кончик кисточки тщательно обрабатывает глаз рептилии. Старец не поднимает взгляда.

– Лейни?

Ни звука из-за лохмотьев дынно-желтого одеяла.

Ямадзаки кивает старику и ползет мимо него на четвереньках, толкая мешок с припасами перед собой.

– Лейни?

– Тихо, – отвечает Лейни из узкого утробного мрака. – Он говорит.

– Кто говорит? – И ныряет с мешком под хлипкую ткань, прикосновение которой к лицу заставляет вспомнить о детских яслях.

Когда Ямадзаки окончательно вползает, Лейни включает проектор в своих громоздких древних очках; картинка, которую он рассматривает, ослепляет Ямадзаки. Ямадзаки дергается, пытаясь увернуться от луча. Видит фигуры в кадре, залитые дневным светом, который кажется каким-то не новым, подержанным.

– …думаете, он это делает на регулярной основе? – (Картинка почти не дрожит; снято с руки, потом цифровая стабилизация.) – Что-нибудь с фазами Луны?

Ближний план одной из фигур, стройной, мужской, как и все остальные. Нижняя половина лица скрыта черным шарфом. Жесткие черные волосы над белым высоким лбом.

– Никаких оснований для подобного заключения. Он просто пользуется случаем. Ждет, пока они сами не придут к нему. Потом берет их. Эти вот, например… – (Камера плавно дает панораму лица и голой груди мертвеца с широко раскрытыми глазами.) – Типичные торчки. У данного экземпляра в кармане был найден «плясун». – (На бледной груди мертвеца видна темная запятая, прямо под грудиной.) – У второго проткнуто горло, но артерии каким-то образом не задеты.

– Еще бы он задел. – Голос человека за кадром.

– У нас есть досье, – также за кадром говорит человек с шарфом; изображение мертвого лица отбрасывается лучом на картонную стену, на желтое одеяло Лейни. – У нас имеется полный следственный отчет о психотипе. Но вы его попросту игнорируете!

– Конечно же, игнорирую.

– Вы решительно все отрицаете. – (Две пары рук в хирургических перчатках хватают труп и грубо переворачивают. Под левой лопаткой видна еще одна рана, поменьше; кровь скопилась под кожей, свернулась и потемнела.) – Однако он представляет для вас такую же реальную опасность, как и для всех остальных.

– Но он интересная личность, не так ли?

Рана, показанная крупным планом, похожа на маленький печальный ротик. Кровь кажется черной.

– Не для меня.

– Вы сами не интересная личность, случайно?

– Нет. – (И камера идет вверх, луч света ловит острую скулу над черным шарфом.) – И вы не хотите, чтобы я был таким же интересным, я правильно понял?

Раздается еле слышимый звон, передача прерывается. Лейни запрокидывает голову, лицо человека с шарфом в стоп-кадре на картонном потолке, слишком яркое, искаженное, и Ямадзаки

видит, что потолок усеян крохотными наклейками, множеством разных портретов невзрачного на вид человека, странно знакомого. Ямадзаки моргает, фокус его контактных линз смещается, ему не хватает очков. Без очков он чувствует себя не в своей тарелке.

– Кто это был, Лейни?

– Помощник, – говорит Лейни.

– Помощник?

– Трудно найти хорошего помощника в наши дни. – Лейни вырубает проектор и снимает очки. В неожиданном сумраке лицо его похоже на детский рисунок, черные дырки глаз на фоне мертвенно-белой мазни. – Тот, кому звонили…

– Который говорил?

– Он хозяин мира. Насколько вообще у мира может быть хозяин.

Ямадзаки хмурится.

– Я привез лекарства…

– Это было на мосту, Ямадзаки.

– В Сан-Франциско?

– Они шли там за другим моим человеком. Шли за ним прошлой ночью, но потеряли след. Они постоянно все теряют. Зато сегодня утром нашли трупы.

– За кем они шли?

– За человеком, которого нет. Которого я вычислил логически.

– Это портреты Харвуда? Харвуда Левина? – Ямадзаки узнал лицо, размноженное на стикерах.

– Он нанял отличных спецов, лучших, каких только можно купить за деньги, но они не смогут даже приблизиться к человеку, которого нет.

– Какому человеку?

– Думаю, он из… коллекции Харвуда. Харвуд коллекционирует людей. Интересных, любопытных людей. Когда-то он, наверно, работал на Харвуда, брал у него заказы. Он не оставляет следов, вообще никаких. Если кто-то встает у него на пути, этот кто-то попросту исчезает. После чего он стирает себя.

Ямадзаки находит антибиотики в сетчатой сумке.

– Лейни, почему бы вам не принять вот это? Ваш кашель…

– Где Райделл, Ямадзаки? Он уже должен быть там, на севере. Все начинает сходиться.

– Что «все»?

– Я не знаю, – говорит Лейни.

Склоняется вперед, роется в сумке. Находит банку с кофе и включает нагрев, перебрасывает ее из руки в руку по мере

нагревания. Ямадзаки слышит хлопок и шипение пара, когда Лейни вскрывает жестянку. Аромат кофе. Лейни шумно прихлебывает.

– Что-то затевается. – Лейни кашляет в кулак, плеснув обжигающий кофе со сливками на запястье Ямадзаки, который морщится. – Все сейчас меняется. Или не меняется, на самом-то деле. То, как я вижу, вот что меняется. Но с тех пор как я стал видеть иначе, стало твориться что-то еще. Что-то нарастает. Что-то большое. Больше, чем большое. Это скоро случится, и начнется каскадный эффект…

– Что случится?

– Не знаю. – Очередной приступ кашля вынуждает его отставить кофе. Ямадзаки открывает коробку с антибиотиками и пытается предложить их. Лейни отмахивается. – Ты возвращался на остров? Они хотя бы догадываются, где она может быть?

Ямадзаки часто моргает:

– Нет. Она пропала, и все.

Лейни улыбается, слабый блеск зубов во тьме рта.

– Это хорошо. Она тоже участвует в этом, Ямадзаки. – Он нашаривает свой кофе. – Она тоже участвует в этом.

14
Завтрак на плитке

Райделл нашел искомое в одном из тех зданий, которые некогда служили банком – в те времена, когда банкам нужны были здания. Толстые стены. Помещение превращено в круглосуточную закусочную, где подают только завтраки, что Райделл, собственно, и искал. Вид был такой, будто до закусочной здесь размещался магазин со скидками и кто его знает, что еще раньше, но внутри пахло яичницей и горелым жиром, а Райделл был голоден.

У входа стояла парочка типов, явно строителей, огромного роста, покрытых белой пылью от стенной кладки, они ждали столик, но Райделл заметил, что стойка свободна, отправился прямиком туда и забрался на табурет. Официантка рассеянного вида и неопределенного происхождения, со шрамами от угревой сыпи на скулах, налила ему кофе и приняла заказ, хотя было неясно, понимает ли она по-английски. Будто вся процедура сводилась к чистой фонетике, подумал он про себя, и она выучила, как звучит «два яйца, слегка недожарьте» и все остальное. Услышала, перевела на кто его знает какой язык, записала и отдала повару.

Райделл достал бразильские очки, надел их и пробежался глазами по списку в поисках токийского номера, который дал ему Ямадзаки. После трех гудков кто-то поднял трубку, но очки не смогли определить координаты ответившего телефона. Тоже мобильный, наверно.

На линии была тишина, но она имела текстуру.

– Эй, – сказал Райделл, – Ямадзаки?

– Райделл? Говорит Лейни… – Внезапный взрыв кашля, потом мертвая тишина, словно ткнули кнопку «убрать звук».

Когда Лейни вновь вышел на связь, голос его звучал полузадушенно.

– Извини. Ты где сейчас?

– В Сан-Франциско, – ответил Райделл.

– Это я знаю.

– В забегаловке на… на… – Райделл листал меню GPS, пытаясь в него войти, но очки упорно показывали что-то вроде транзитных карт Рио.

– Ладно, не суть, – сказал Лейни. Говорил он устало. (Который час, интересно, по токийскому времени? Все это есть в меню телефона, если бы только Райделл в нем разбирался…) –

Главное, что ты там.

– Ямадзаки сказал, у тебя тут для меня дельце.

– Да, – ответил Лейни, и Райделл вспомнил свадьбу двоюродного брата: голос Кларенса тогда прозвучал так же радостно, произнося это слово.

– Может, скажешь, что за дельце?

– Нет, – сказал Лейни, – а вот аванс заплачу. Деньги наличными по первому требованию, пока ты там, во Фриско.

– А то, чего ты от меня хочешь, – оно как, законно?

Повисла пауза.

– Не знаю, – ответил Лейни. – Что-то из этого, может, никто вообще никогда не делал, так что – трудно сказать.

– Что ж, думаю, мне нужно знать побольше, прежде чем возьмусь, – сказал Райделл, прикидывая, как, черт побери, он вернется в Лос-Анджелес, если тут ничего не выгорит. И есть ли вообще смысл туда возвращаться.

– Можешь считать, что надо найти пропавшего без вести, – сказал Лейни после очередной паузы.

– Имя?

– Отсутствует. Или, вернее, у него их несколько тысяч. Слушай, ты же любишь разную полицейскую фигню, правильно?

– Как это понимать?

– Только без обид; сам же травил всякие полицейские байки, помнишь? О'кей. Короче, тот, кого я ищу, великий мастер не оставлять следов. Ничего никогда нельзя обнаружить, даже глубочайший количественный анализ ничего не дает. – Лейни имел в виду что-то связанное с веб-поиском; собственно, этим он и занимался. – Он только присутствует физически, и все.

– Откуда ты знаешь, что он присутствует, если он не оставляет следов?

– Потому что умирают люди, – ответил Лейни.

И ровно в этот момент по обе стороны от Райделла за стойку уселись люди, резко пахнуло водочным перегаром…

– Я перезвоню, – сказал Райделл, прикрыв подушечку микрофона и стянув с головы очки.

Кридмор, радостно скалится слева.

– Как оно? – сказал Кридмор. – А это, знакомься, Мэри-Джейн.

– Мэриэлис.

На табурете справа от Райделла – крупная блондинка в летах, верхняя половина торса туго затянута чем-то черным и блестящим, а неутянутая часть образует ложбину, в которую Кридмор мог бы с легкостью засунуть одну из своих пинтовых бутылок. Райделл почуял что-то бесконечно усталое в ее глазах,

некую смесь страха, покорности и слепой, машинальной надежды: для нее не были добрыми ни это утро, ни этот год, ни, возможно, вся жизнь, но в этих глазах было что-то, что хотело ему понравиться. Чем бы это на самом деле ни было, оно помешало Райделлу встать, схватить сумку и выйти вон, а ведь именно так, он прекрасно знал, ему и стоило поступить.

– Ты чего, блин, даже не поздороваешься? – Дыхание Кридмора было токсичным.

– Привет, Мэриэлис, – сказал Райделл. – Меня зовут Райделл. Приятно познакомиться.

Мэриэлис улыбнулась, десять процентов усталости испарились всего на секунду из ее глаз.

– Вот, Бьюэлл мне тут говорит, что вы из Лос-Анджелеса, мистер Райделл.

– Да ну? – Райделл смерил Кридмора взглядом.

– Вы там по части медиа, мистер Райделл? – спросила она.

– Нет, – сказал Райделл, прибив Кридмора к табурету самым тяжелым взглядом, на какой был способен, – розничная торговля.

– Я сама по части музыкального бизнеса, – сказала Мэриэлис, – мой бывший и я держали самый успешный кантри-клуб в Токио. Но меня потянуло вернуться к своим корням. В Божью страну, мистер Райделл.

– Ты слишком много трещишь, – сказал ей Кридмор, не обращая внимания на Райделла, когда официантка принесла тому завтрак.

– Бьюэлл, – произнес Райделл почти доброжелательно, – заткнись нахер, а? – Он начал отрезать пригоревший край своей яичницы.

– Пива мне, – сказал Бьюэлл.

– О, Бьюэлл, – сказала Мэриэлис.

Она с трудом подняла с пола большую пластиковую сумку с впаянной молнией, разновидность бесплатных «раздаток» рекламных кампаний, и начала копаться внутри. Извлекла на свет божий длинную запотевшую банку и передала ее Кридмору поверх колен Райделла, пряча под стойкой. Кридмор откупорил ее и поднес к уху, будто наслаждаясь шипением углекислого газа.

– Звук завтрака на плитке, – возвестил он, после чего глотнул.

Райделл сидел на месте, жуя совершенно резиновую яичницу.

– Короче, идешь на этот сайт, – говорил ему Лейни, – даешь им мой пароль, «Колин-пробел-Лейни», заглавная «К», заглавная «Л», первые четыре цифры этого телефонного номера и слово «Берри». Это же твой ник, да?

– Вообще-то, меня так зовут, – сказал Райделл, – фамилия по материнской линии. – Он сидел в просторной, но не слишком чистой кабинке туалета бывшего банка. Отправился туда, чтобы избавиться от Кридмора и его спутницы и перезвонить Лейни. – Значит, я даю им все это. А мне они что дадут? – Райделл поднял взгляд на свою сумку, которую повесил на внушительный хромированный крюк на двери кабинки. Он не хотел оставлять ее в закусочной без присмотра.

– Они тебе дадут еще один номер. Идешь с ним к любому банкомату, показываешь любое удостоверение личности с фотографией, набираешь номер. Банкомат выдаст кредитный чип. На нем должно быть достаточно, чтобы продержаться несколько дней, но если не хватит, звони.

От пребывания в замкнутом помещении у Райделла появилось чувство, будто он попал в один из тех древних фильмов о подводных лодках, в эпизод, где вырубают все двигатели и ждут, тихо-тихо, зная, что глубинные бомбы уже сброшены. Здесь было в точности так же тихо, возможно из-за того, что банк был построен основательно; единственным звуком было журчанье бачка унитаза, что, подумал Райделл, только усиливало иллюзию.

– Ладно, – сказал он, – допустим, что все сработает, как должно сработать; но кого ты все-таки ищешь и что там такое было про умирающих людей?

– Европеец, мужчина лет под шестьдесят, возможно, с военным прошлым, но это было очень давно.

– Что сужает круг поисков примерно до миллиона подозреваемых – здесь, в Северной Калифорнии.

– Райделл, все сработает таким образом, что он тебя сам найдет. Я тебе скажу, куда пойти и что попросить, и все вместе привлечет его внимание.

– Звучит чересчур просто.

– Попасть в поле его внимания будет легко. Остаться в живых после этого – нет.

Райделл немного подумал.

– И что я должен сделать, когда он меня найдет?

– Задашь ему вопрос.

– Какой вопрос?

– Еще не знаю, – ответил Лейни, – я над этим сейчас работаю.

– Лейни, – сказал Райделл, – что все это значит?

– Если б я только знал, – сказал Лейни, и вдруг его голос стал очень усталым, – мне бы, наверно, не пришлось торчать тут. – Он замолчал. И повесил трубку.

– Лейни?

Райделл сидел и слушал, как журчит унитаз. В конце концов поднялся, снял сумку с крюка и покинул кабинку.

Вымыл руки под тонкой струйкой холодной воды, убегавшей в черную раковину из искусственного мрамора, всю покрытую коркой желтушного промышленного мыла, после чего проделал обратный путь по коридору, узкому из-за штабелей картонных коробок, набитых, как ему показалось, сантехническим инвентарем.

Он очень надеялся, что Кридмор с кантри-мамашей уже позабыли о нем и свалили.

Не тут-то было. Дама, вдохновившись Райделловым примером, трудилась над тарелкой яичницы, а Кридмор – пиво зажато меж джинсовых бедер – злобно таращился на двух огромных, припорошенных светлой пылью строителей.

– Привет, – сказал Кридмор, когда Райделл прошел мимо них с оттягивавшей плечо сумкой.

– Привет, Бьюэлл, – отозвался Райделл, взяв курс на входную дверь.

– Эй, ты куда пошел?

– На работу, – ответил Райделл.

– Работа, – донесся до него голос Кридмора, – вот ведь дерьмо!

Но дверь с размаху захлопнулась за Райделлом, и он очутился на улице.

15
Вновь здесь, наверху

Шеветта стояла рядом с фургоном, глядя, как Тесса выпускает на свободу «Маленькую Игрушку Бога». Майларовая платформа камеры, похожая на лепешку или раздувшуюся монету, наполнилась водянистым светом дня, поднимаясь в воздух и трепыхаясь, а потом выровнялась и закачалась на высоте футов пятнадцати.

Шеветта чувствовала себя очень странно, вновь оказавшись здесь, видя знакомые бетонные ромбоиды противотанковых заграждений, а за ними – немыслимый силуэт самого моста. Вон там она когда-то жила – хотя теперь это казалось сном или чьей-то чужой жизнью – на вершине ближайшей опорной башни. Вон в той клетушке из фанеры, высоко-высоко, она и спала, пока огромные руки ветра толкали, крутили, терзали мост, и порой она слышала, как тайно стонали железные сухожилия моста, звук этот несся вверх по скрученным тросам, слышимый только ею, Шеветтой, прижавшей ухо к гладкому, словно дельфинья спина, кабелю, который поднимался из овальной дыры, пропиленной в фанерном полу Скиннеровой конуры.

А теперь Скиннер мертв, как ей прекрасно известно. Умер, пока она ошивалась в Лос-Анджелесе, пытаясь стать кем-то, кем, как она тогда думала, ей хотелось бы стать. Она не приехала на похороны. Народ на мосту не устраивал из этого события; закон тут сводился к владению собственностью. Она не была дочерью Скиннера, а если бы и была и захотела владеть этой фанерной клетушкой на вершине опорной башни, достаточно было бы жить там столько, сколько ей нужно. Ей это не было нужно.

Но горевать в Лос-Анджелесе по Скиннеру было попросту невозможно, а сейчас это все вдруг всплыло, она вернулась в то время, когда жила у него. Как он нашел ее, до того больную, что не могла идти, и перенес к себе в дом, и откармливал супом, который покупал у корейских разносчиков, пока она не поправилась. Потом он оставил ее в покое, ни о чем не спрашивая, принимая ее, как принимают птицу, севшую на подоконник, пока она не освоила в городе велосипедные маршруты и не стала курьером. И вскоре они поменялись ролями: слабеющий, нуждающийся в помощи старик, и она – та, кто достанет суп, принесет воды, позаботится, сварен ли кофе. И так шло до тех пор, пока она, по собственной дурости, не попала в беду и в результате встретила Райделла.

– Эту штуку ветер унесет, – предостерегла она Тессу, нацепившую очки, на которые передавался сигнал с парящей камеры.

– У меня в машине еще три, – сказала Тесса и сунула правую руку в черную, скользко блеснувшую управляющую перчатку. Поэкспериментировала с тачпадом, запустив миниатюрные пропеллеры; платформа описала двадцатифутовый круг.

– Нужно поставить кого-нибудь охранять фургон, – сказала Шеветта, – если хочешь увидеть его снова.

– Поставить? И кого же?

Шеветта указала на тощего чернокожего мальчишку с немытыми дредами до самого пояса.

– Ты, как тебя звать?

– А тебе-то что?

– Заплачу, если присмотришь за фургоном. Вернемся – чип на полсотни. По рукам?

Мальчик равнодушно смотрел на нее.

– Звать Бумзилла, – сказал он.

– Бумзилла, – сказала Шеветта, – присмотришь за этим фургоном?

– По рукам, – сказал он.

– По рукам, – сказала Тессе Шеветта.

– Эй, леди, – сказал Бумзилла, ткнув пальцем в сторону «Маленькой Игрушки Бога», – я хочу эту штуку.

– Останешься тут, – сказала Тесса, – возьмем ассистентом.

Тесса касается пальцами черного тачпада на перчаточной ладони. Платформа с камерой закладывает второй круг и выплывает из поля зрения, над противотанковыми заграждениями. Тесса улыбается, увидев то, что увидела камера.

– Пошли, – сказала она Шеветте и направилась в проем между бетонными блоками.

– Не туда, – сказала Шеветта. – Вон туда.

Был только один путь, которым все шли, если просто хотели подойти к мосту. Заявиться другой дорогой означало либо что ты вообще ни уха ни рыла, либо что идешь по делу.

Она показала Тессе правильную дорогу. Из расщелин между бетонными блоками воняло мочой. Шеветта пошла быстрее, Тесса догоняла сзади.

И снова вышли в этот влажный свет, но теперь он заливал не лотки и торговцев, как помнила Шеветта, а красно-белый фасад типового магазина самообслуживания, нагло, по самому центру перегородившего вход на оба яруса моста, заливал вывеску «Счастливый дракон» и дрожащие картинки, ползущие вверх по фирменной башне из видеомониторов.

– Мать его за ногу, – ахнула Тесса, – вот и нашли маргиналов.

Шеветта замерла столбом.

– Как они только осмелились?

– Так и осмелились, – сказала Тесса. – Расположение-то призовое.

– Но это… это прямо как «Ниссан Каунти».

– Ну да, натуральный парк аттракционов. Этот район – приманка для туристов, так?

– Много же народа отправится туда, где нет полиции.

– Автономные зоны притягивают сами по себе, – сказала Тесса. – Эта вот здесь так давно, что с нее уже открытки штампуют. Главный символ города, все дела.

– Страх божий, – сказала Шеветта, – это… это же просто убийство.

– Кому, как ты думаешь, корпорация «Счастливый дракон» платит за аренду? – спросила Тесса, гоняя платформу туда и обратно, чтобы снять панораму фасада.

– Без понятия, – сказала Шеветта. – Эта хрень стоит прямо посреди бывшей улицы.

– Ладно, забудь, – сказала Тесса и нырнула в пешеходный поток, втекающий и вытекающий с моста. – Мы как раз вовремя. Снимем хронику местной реальной жизни, пока тут не открыли тематический парк.

Шеветта отправилась следом, еще не разобравшись, что она чувствует.

Обедали в мексиканской забегаловке под названием «Грязен Господь».

Шеветта не помнила ее по прошлой жизни, но забегаловки на мосту частенько меняли название. А также размеры и форму. Так получались странные гибриды: например, парикмахерская и устричный бар решали объединиться в более крупное заведение, где подстригали волосы и подавали устриц. Иногда этот метод срабатывал: одним из «долгожителей» на мосту со стороны Сан-Франциско был салон татуировок ручной набивки, заодно и кормивший завтраками. Сидишь себе над тарелкой яичницы с беконом и наблюдаешь, как кого-то колют иголкой по нарисованному от руки трафарету.

Но «Грязен Господь» предлагал лишь мексиканскую еду плюс японскую музыку – мило и без претензий. Тесса взяла уэвос ранчерос[101], а Шеветта заказала кесадилью[102] с курицей. Обе взяли по пиву «Корона», и Тесса припарковала камеру прямо под куполом пластикового навеса. Никто висящей платформы, похоже, не замечал, так что Тесса могла снимать свое

документальное кино и есть одновременно.

Ела Тесса много. Она говорила, что такой у нее метаболизм: сколько ни съест, никогда не толстеет, а есть ей нужно для того, чтобы набраться энергии. Тесса разделалась со своими уэвос еще до того, как Шеветта наполовину управилась с кесадильей. Она осушила стеклянную бутылку «Короны» и принялась возиться с долькой лайма, сжимая и пропихивая ее в горлышко.

– Карсон, – сказала Тесса. – Ты из-за него беспокоишься?

– А что с ним такое?

– Он руки распускает, твой бывший, вот что с ним такое. Это ведь его тачку мы видели там, в Малибу?

– Думаю, да, – сказала Шеветта.

– «Думаешь»? Ты что, не уверена?

– Слушай, – сказала Шеветта, – тогда было раннее утро. Все было очень и очень странно. И знаешь что? Это была не моя идея – ехать сюда, на север. Это была твоя идея. Ты хочешь снять кино.

Лайм провалился в пустую бутылку «Короны», и Тесса уставилась на нее с таким выражением, будто только что проиграла пари.

– Знаешь, что мне в тебе нравится? В смысле, одна из многих вещей, которые мне в тебе нравятся.

– Что же? – спросила Шеветта.

– Ты не из среднего класса. Никаким боком. Ты съезжаешься с этим типом, он начинает тебя поколачивать, и что же ты делаешь?

– Сваливаю нахрен.

– Правильно. Ты сваливаешь нахрен. А не устраиваешь консилиум с адвокатами.

– У меня нет адвокатов, – сказала Шеветта.

– Знаю. О том я и говорю.

– Не люблю адвокатов, – сказала Шеветта.

– Конечно не любишь. И у тебя нет рефлекса тяжбы.

– Тяжбы?

– Он тебя избивает. У него престижная студия на верхнем этаже, восемь сотен квадратных футов. У него есть работа. Он тебя избивает, но ты же не заказываешь автоматически ответного точечного удара; ты не из среднего класса.

– Я просто не хочу иметь с ним ничего общего.

– О том и речь. Ты же из Орегона, верно?

– В каком-то смысле, – сказала Шеветта.

– Ты когда-нибудь думала об актерской профессии?

Тесса перевернула бутылку вверх дном. Раздавленный ломтик лайма упал в горлышко, а несколько капель пива – на исцарапанный черный пластик стола. Тесса засунула в бутылку

мизинец и попыталась выудить ломтик.

– Нет.

– Ты нравишься камере. У тебя такое тело, что парням просто крышу срубает.

– Отстань, – сказала Шеветта.

– Как ты думаешь, почему они выложили твои фотографии с той вечеринки в Малибу?

– Потому что напились, – сказала Шеветта. – Потому что делать больше нечего было. Потому что они студенты и изучают медиа.

Тесса выудила из бутылки остатки лайма.

– Все три ответа верны, – сказала она, – но все-таки главная причина – твоя внешность.

За спиной Тессы, на стенном экране из штампованного вторсырья, появилась очень красивая молодая японка.

– Посмотри на нее, – сказала Шеветта, – вот это внешность, верно?

Тесса глянула через плечо.

– Это Рэй Тоэй, – сказала она.

– Ну так вот, она красива. Она, не я.

– Шеветта, – сказала Тесса, – ее же не существует. Такой девушки нет на самом деле. Это код. Пакет программ.

– Не может быть, – сказала Шеветта.

– Ты что, не знала?

– Но она же сделана с кого-то, верно? Обработали чьи-то фотографии…

– Ни с кого, из ничего, – сказала Тесса. – Никакой обработки. Она нереальна на сто процентов.

– Значит, этого люди и хотят, – отозвалась Шеветта, глядя, как Рэй Тоэй грациозно дефилирует по какому-то ретро-азиатскому ночному клубу, – а не бывшую велокурьершу из Сан-Франциско.

– Нет, – сказала Тесса, – ты все понимаешь в точности наоборот. Люди не знают, чего хотят, пока не увидят. Каждый объект желания – это найденный объект. Во всяком случае, обычно так.

Шеветта взглянула на Тессу поверх пустых пивных бутылок.

– К чему ты клонишь, а, Тесса?

– Документалка. Она должна быть про тебя.

– Даже не думай.

– Иначе не складывается, я уже вижу. Ты мне нужна для фокусировки. Нужно что-то, что сцементирует рассказ. Мне нужна Шеветта Вашингтон.

Шеветта начала потихоньку пугаться. И от этого разозлилась.

– Разве ты не получила грант на конкретный проект, о котором рассказывала? Про все эти штуки насчет маргинальных…

– Слушай, – сказала Тесса, – если тут есть какая-то проблема, а я этого не говорю, то это моя проблема. И это совсем не проблема, это – возможность. Это – шанс. Мой шанс.

– Тесса, ты меня ни за что не заманишь играть в твоем кино. Ни за что. Понятно?

– Об «играть» речь и не идет. Все, что тебе нужно делать, – это быть собой. И для этого потребуется выяснить, кто же ты на самом деле. Я сниму фильм о том, как ты выясняешь, кто ты на самом деле.

– Не снимешь, – сказала Шеветта, встав и чувствительно стукнувшись о платформу камеры, которая, стало быть, спустилась до уровня ее головы, пока они разговаривали. – Останови ее! – Она как от мухи отмахнулась от «Маленькой Игрушки Бога».

Четыре других клиента «Грязного Господа» просто скользнули по ним взглядом.

16
Подпрограммы

Эта дыра в сердцевине личности Лейни, это подспудное отсутствие, как он начинает подозревать, есть не столько отсутствие части его «я», сколько отсутствие «я» как такового.

Что-то случилось с ним после спуска в картонный город. Он начал понимать, что раньше у него не было в каком-то немыслимом и буквальном смысле никакого «я».

Но что же там тогда было? – недоумевает он.

Подпрограммы: неадекватные поведенческие подпрограммы выживания, отчаянно стремящиеся сконструировать существо, которое будет бесконечно приближаться к настоящему Лейни – но никогда им не станет. Раньше он этого не знал, хотя уверен, что всю свою жизнь подозревал: с ним происходит что-то безнадежно и в корне не то.

Что-то упорно твердит ему об этом. Кажется, это что-то – в самом центре монолита «Дейтамерики». Возможно ли такое?

Но вот он, сегодняшний, лежит в куче спальных мешков, в темноте, как будто в самом сердце земли, и за картонными стенами – стены из бетона, покрытые керамической плиткой, а за ними – опорный фундамент этой страны, Японии, и дрожь поездов как напоминание о тектонических силах, о смещении континентальных платформ.

Где-то глубоко внутри Лейни тоже что-то смещается. Он ощущает в себе движение и потенциал еще более крупного движения и удивляется, почему это его больше не пугает.

И все это в некоем смысле есть дар болезни. Не кашля, не лихорадки, но того, другого, подспудного нездоровья, которое он считает результатом действия «5-SB», проглоченного им полжизни назад в гейнсвилльском приюте.

Мы все были добровольцами, думает он, вцепляясь в очки и прыгая вслед за своим взглядом с края утеса данных, все глубже погружаясь вдоль скальной стенки кода, спрессованной из фрактальных полей информации, которые, как он начал подозревать, скрывают некую мощь или даже разум, превосходящий его понимание.

Что-то – существительное и глагол одновременно.

Тогда как Лейни, ныряльщик, широко раскрывший глаза от давления информации, воспринимает себя как просто прилагательное: мазок «цвета Лейни», абсолютно бессмысленный вне контекста. Микроскопический винтик в каком-то

катастрофическом замысле[103]. Но ввинченный, как он чувствует, в самый центр.

Решающий.

Потому-то «спать» – больше не вариант.

17
Зодиак

Они – черный мужчина с длинным лицом и белый толстый мужчина с огненной бородой – отводят Силенцио, голого, в комнату с мокрыми деревянными стенами. Оставляют его одного. Горячий дождь хлещет сверху из дырочек в черных пластиковых трубках. Хлещет еще сильнее, жалит.

Они унесли его одежду и обувь в пластиковом мешке, затем толстяк приходит обратно, дает ему мыло. Он знает про мыло. Он помнит и теплый дождь, который хлестал из трубки тогда, в лос-проэктос, но этот дождь лучше, и он здесь один в большой комнате, обитой деревом.

Силенцио с полным брюхом еды, он трет себя мылом снова и снова, потому что они так хотят. Намыливает голову.

Он закрывает глаза, чтобы не жгло мылом, и перед его внутренним взором в боевом порядке построились часы под зеленоватым, кое-где поцарапанным стеклом, будто рыбы, вмерзшие в озерный лед. Яркие блики стали и золота.

Его захватил непостижимый порядок – многозначный факт присутствия этих волшебных предметов, их нескончаемые различия, их специфические особенности. Бесконечное разнообразие, воплощенное в циферблатах, стрелках, циферках часовой разметки… Ему нравится теплый дождь, но ему отчаянно хочется вернуться, увидеть больше, услышать слова.

Он стал словами, тем, что они означают.

Стрелки «брегет». Расписной циферблат. Ушки «бомбей». Оригинальная головка. С подписью.

Дождь стихает и прекращается совсем. Толстяк, обутый в пластиковые сандалии, приносит Силенцио кусок толстой сухой материи.

Толстяк пялится на него.

– Часы, говоришь, любит? – спрашивает он у черного.

– Да, – отвечает чернокожий, – вроде бы ему нравятся часы.

Бородатый и толстый обертывает Силенцио полотенцем.

– А время он умеет по часам определять?

– Не знаю, – отвечает черный мужчина.

– Ну, – говорит бородатый толстяк, – пользоваться полотенцем он, похоже, не умеет.

Силенцио чувствует замешательство, стыд. Он смотрит в пол.

– Оставь парня в покое, Энди, – говорит черный. – Дай мне те шмотки, что я принес.

Имя чернокожего Фонтейн. Точно слово на языке лос-проэктос, означающее «вода». Теплый дождь в деревянной комнате.

Вот Фонтейн ведет его по верхнему ярусу, где одни люди кричат, потому что торгуют фруктами, мимо других, продающих разложенные на одеялах старые вещи, туда, где другой тощий черный мужчина стоит и кого-то ждет рядом с пластиковым ящиком. Ящик перевернут, дно залатано пеной и драной серебристой пленкой, а на мужчине полосатая штука из ткани, с карманами спереди, из карманов высовываются ножницы и еще штуки вроде той, которой Крысук любил без конца чесать свои волосы, когда ему удавалось добиться правильного баланса между черным и белым.

На Силенцио одежда, которую ему дал Фонтейн: она велика, болтается, она чужая, но пахнет вкусно. Фонтейн дал ему обувь из белой ткани. Слишком уж белой. Даже глазам больно.

От мыла и теплого дождика волосы у Силенцио стали тоже какие-то странные. Фонтейн жестом велит Силенцио сесть на ящик, а этот мужчина начинает стричь ему волосы.

Силенцио дрожит, а черный тем временем чиркает по его волосам одной из этих крысуковских штуковин, которую достал из кармана, и что-то бормочет сквозь зубы.

Силенцио поднимает глаза на Фонтейна.

– Все о’кей, – говорит Фонтейн, снимая обертку с маленькой острой палочки и засовывая ее в угол рта, – ничего не почувствуешь.

Силенцио интересно, как действует палочка, как черное или как белое, но Фонтейн не меняется. Он стоит, где стоял, с этой палочкой во рту, и глядит, как тощий черный мужчина ножницами снимает с Силенцио волосы. Силенцио глядит на Фонтейна, слушая, как лязгают ножницы и как звучит в его голове новый язык.

«Зодиак Морской Волк». Очень чистый корпус. Ввинчивающаяся головка. Оригинальный безель.

– «Зодиак Морской Волк», – говорит Силенцио.

– Ну, мужик, – говорит тощий черный мужчина, – да ты не прост!

18
Сельвин тун

У Райделла была своя теория насчет виртуальной недвижимости. Чем меньше и дешевле реальный офис фирмы, тем больше и помпезнее ее веб-сайт. По этой теории, Сельвин Ф. К. Тун, коулунский нотариус, должен был вести дела из свернутой в домик газетки.

Райделл так и не сообразил, как пропустить входную заставку, по-настоящему монументальную, в условно египетском духе, напомнившую о том, что его давний приятель Саблетт, кинофанат, называл «метафизикой коридоров». Заставка изображала вытянутый в перспективу сплошной коридор, и, будь он реальным, туда можно было бы въехать на танке. Горели барочные канделябры, от стенки до стенки простирался кроваво-алый виртуальный ковер, а текстура стен была странновато-липкой на вид и напоминала мрамор с золотыми прожилками.

И где это Лейни откопал подобного типа?

Каким-то образом Райделл сумел вырубить музыку – подобие классики, с непрерывным крещендо, – но все равно ему пришлось минуты три ползти до дверей офиса Сельвина Ф. К. Туна. Двери были высокие, просто высоченные, текстура их символизировала чье-то весьма абстрактное представление о ценной древесине.

– Тоже мне, тик, – сказал Райделл.

– Добро пожаловать, – произнес с придыханием гиперженственный голос, – в контору Сельвина Ф. К. Туна, нотариуса!

Двери широко распахнулись. Райделл смекнул, что, не выруби он вовремя музыку, она бы сейчас зашкалила.

Виртуально офис нотариуса был размером с олимпийский плавательный бассейн, но на проработку деталей здесь явно поскупились. Райделл шевельнул трекболом на очках и приблизил картинку прямо к столу, размером примерно с бильярдный и с той же, что у дверей, имитацией недоструганного дерева. На столе – парочка безликих железных предметов и стопка листов виртуальной бумаги.

– Что означает «эф-ка»? – спросил Райделл.

– Франсис Ксавье, – сказал Тун, похожий на карикатуру маленького китайца, причем нарочито примитивную, в белой рубашке, черном костюме и черном галстуке. Его черные волосы и черный костюм имели одну и ту же текстуру, эффект был странный, но, как решил Райделл, не преднамеренный.

– Я думал, вы занимаетесь видео, – сказал Райделл, – а «эф-ка» это вроде как прозвище. Стандартное же сокращение для «спецэффектов», точно?

– Я католик, – сказал Тун совершенно нейтральным тоном.

– Без обид, – сказал Райделл.

– Никто и не обижался, – сказал Тун, его пластиковое личико сияло под стать его пластиковым глазам.

Вечно забываешь, отметил про себя Райделл, как тошнотно все это может выглядеть, если делать левой пяткой.

– Чем могу быть вам полезен, мистер Райделл?

– Разве Лейни вам не сказал?

– Лейни?

– Колин, – сказал Райделл. – Пробел. Лейни.

– И?..

– Шесть, – сказал Райделл. – Ноль. Два. Четыре.

Пластиковые глаза Туна сузились.

– Берри, – добавил Райделл.

Тун поджал губы. Позади него в широком окне с другим уровнем разрешения открывался вид на Гонконг.

– Берри, – повторил Райделл.

– Благодарю, мистер Райделл, – сказал нотариус. – Мой клиент уполномочил меня сообщить вам следующий семизначный номер идентификации.

В правой руке Туна вдруг возникла золотая авторучка, будто монтажный ляп в студенческом фильме. Ручка была огромная, с тщательной текстурой, с завитыми драконами, их чешуя отсканирована с таким высоким разрешением, что затмевала все остальное на сайте. Должно быть, чей-то подарок, решил Райделл. Тун вывел пером семь цифр на листке виртуальной бумаги, после чего повернул листок так, чтобы Райделл мог их прочесть. Ручка исчезла так же ненатурально, как и появилась.

– Пожалуйста, не читайте этого номера вслух, – сказал Тун.

– Почему?

– В целях шифровки, – туманно ответил Тун. – У вас неограниченный запас времени для заучивания номера.

Райделл уставился на семь цифр и начал придумывать мнемонический код. В конце концов остановился на дате своего рождения, количестве штатов на тот момент, возрасте, в котором умер его отец, и мысленном образе двух банок «7-Up». Твердо уверившись, что сможет припомнить номер, он посмотрел на Туна:

– Куда мне идти за кредитным чипом?

– Сгодится любой банкомат. У вас есть удостоверение личности с фотографией?

– Конечно, – сказал Райделл.

– Тогда наши дела закончены.

– Один момент, – сказал Райделл.

– В чем дело?

– Скажите, как отключить на обратном пути этот ваш… коридор? Хотелось бы просто выйти, если вы, конечно, не против.

Тун вежливо взглянул на него:

– Кликните на мое лицо.

Райделл, щелкнув кнопкой на очках, вызвал курсор в виде карикатурной неоново-зеленой руки-указателя.

– Спасибо, – сказал он, когда офис Туна стал сворачиваться.

Он снова стоял в коридоре, спиной к дверям офиса.

– Черт, – сказал Райделл.

Снова грянула музыка. Он завозился с трекболом, пытаясь припомнить, как в первый раз убил звук. Впрочем, он хотел найти через GPS ближайший банкомат, поэтому не стал отключать очки.

Кликнул на дальний конец коридора.

Этот клик, похоже, вызвал волну осыпания битов, словно кто-то взял гладкие текстурные карты и жутковато перечертил: красный ковер стал серо-зеленым, вспучился странными буграми и оброс клочковатым мехом, похожим на донышко месяц не мытой кофейной чашки, стены тем временем прошли все градации от бордельного мрамора до влажной бледности брюха протухшей рыбы, огни канделябров померкли, как свечи. Туновская псевдоклассическая мелодия треснула, стала гулкой, жуткие басовые ноты рокотали где-то на самой грани инфразвука.

Все это произошло за какую-нибудь секунду, и еще примерно через секунду до Райделла дошло, что кто-то явно желает его безраздельного внимания.

– Райделл!!!

Это был голос, который монтируется из найденных случайно аудиофайлов: речь, состряпанная из воя ветра в каньонах между небоскребами, треска льда на Великих озерах, ора древесных лягушек в южной ночи. Райделлу приходилось слышать подобные голоса. Они действовали на нервы, для чего, собственно, и предназначались, а заодно маскировали голос говорящего. Если говорящий, конечно, имел голос.

– Эй, – сказал Райделл, – я кликнул, чтобы просто убраться отсюда.

Перед ним появился виртуальный экран, прямоугольник с закругленными углами, пропорции которого отсылали к культурной парадигме видеоэкранов двадцатого века. На экране в странном ракурсе – монохромный вид гигантского темного помещения, тускло подсвеченного сверху. Детали отсутствовали.

Ощущение распада, глубокой древности.

– Хочу сообщить вам важную информацию. – Последняя гласная последнего слова напоминала завыванье промчавшейся мимо сирены, эффект Доплера в чистом виде.

– Ну, – сказал Райделл, – если в вашем имени есть буквы «Ф. К.», что-то вы слишком уж расстарались.

Последовала пауза; Райделлу оставалось лишь глядеть на мертвое пустое помещение, изображенное, а может, воспроизведенное на экране. Он ожидал, что там сейчас что-нибудь произойдет; возможно, весь смысл и был в том, что ничего не происходило.

– Вам следует как можно серьезнее отнестись к полученной информации, мистер Райделл.

– Я серьезен, как раковая опухоль, – ответил Райделл. – Валяйте.

– Используйте банкомат в «Счастливом драконе», у входа на мост. Потом предъявите свое удостоверение в терминале «Глоб-экс» у заднего выхода из магазина.

– Зачем?

– Там для вас кое-что припасено.

– Тун, – сказал Райделл, – это вы?

Но ответа он не услышал. Экран пропал, а коридор вернулся в прежнее состояние.

Райделл решительно выдернул арендованный кабель из бразильских очков.

Поморгал.

Кафешка около Юнион-сквер, с интернет-деками и цветами в горшках. Утренняя офисная толпа уже начала выстраиваться за сэндвичами.

Он встал, сложил очки, сунул их во внутренний карман куртки и подхватил с пола сумку.

19
Промежуточные места

Шеветта движется мимо бесцветного пламени костра, что развел торговец каштанами, серый порошок древесного угля спекается в перевернутом V-образном капоте двигателя какой-то древней машины.

Она видит иное пламя, горящее в памяти: сияние кокса в кузнечном горне, который работает на выхлопе пылесоса. Старик-кузнец стоит рядом с ней и держит в руке приводную цепь какого-то допотопного мотоцикла, тщательно свернутую в компактную массу и закрепленную ржавой проволокой. Держит, чтобы взять щипцами и сунуть в плавильный горн. И чтобы в конце концов отковать из нее, добела раскаленной, странно-зернистое лезвие дамасского кинжала на новый лад, призраки звеньев становятся явственно видны, когда клинок откован, закален, выправлен и отполирован на точильном круге.

Куда же делся тот клинок, размышляет она.

Она наблюдала, как мастер искусно вытачивает и тушит, будто мясо, медную рукоять, склепывает ламинированные печатные платы и придает им нужную форму шлифовальным ремнем. Жесткая, ломкая на вид плата, слоистая ткань, попавшая, как насекомое, в ловушку фенольной смолы, на мосту была буквально повсюду – единая валюта мусорных ям. Каждая плата – как карта с тусклым металлическим узором, похожим на сетку городских улиц. Когда их приносили мусорщики, платы были усеяны мелкими деталями, которые с легкостью снимала горелка, плавя серый припой. Компоненты отпадали, и получались обожженные зеленые пластины с утонувшими в них станиолевыми картами воображаемых городов, останками второй эры электроники. Скиннер говорил ей, что эти доски вечны и инертны, как камень, что их не берут ни влажность, ни ультрафиолет, никакие другие силы распада; что им суждено заполонить всю планету, а поэтому стоит их использовать снова, вплетать, по возможности, в ткань других вещей, если хочешь построить что-нибудь долговечное.

Сейчас ей нужно побыть одной, поэтому она бросила Тессу на нижнем ярусе, пусть собирает материал со своей «Маленькой Игрушкой Бога». Шеветта не хочет слышать ни слова о том, что фильм Тессы должен быть более личностным, связанным с ней, с Шеветтой, а Тесса, похоже, не способна заткнуться или же смириться с отказом. Шеветта вспоминает Банни Малатесту –

диспетчера в ее бытность курьером, вспоминает его коронную реплику: «Какой слог в слове „нет“ до тебя не доходит?» Но Банни умел выдавать подобные фразы, словно грозная сила природы, а Шеветта знает, что ее на такое не хватит, – куда ей до Банни с его напором, его весомостью.

В общем, она добралась эскалатором, которого напрочь не помнит, до верхнего уровня, и теперь бредет, сама того не сознавая, к подножию их со Скиннером башни. Водянистый свет превратился в редкий порывистый дождь, секущий лоскутную вторичную надстройку моста. Люди втаскивают на веревках в дома постиранное белье, висящее там, где они его обычно развешивают, и кругом царит обыденная предштормовая суета, которая, по опыту Шеветты, немедленно утихнет, стоит лишь погоде проясниться.

И ведь до сих пор, размышляет она, я не видела ни одного лица, знакомого по прошлой жизни, и никто не сказал мне «привет», и она уже ловит себя на мысли, что все население моста подменили в ее отсутствие. Нет, вот прошла женщина, владелица книжного лотка, та самая, костяные палочки для еды торчат из крашенного черной краской узла волос на макушке, и еще Шеветта узнает того мальчика-корейца с больной ногой, он тащит куда-то отцовскую суповую тележку с таким лязгом, будто она стоит на тормозе.

Опорная башня, по которой она каждый день взбиралась наверх, в фанерную конуру Скиннера, вся облеплена пристройками, железный остов погребен в сердцевине органического комплекса помещений, приспособленных для тех или иных нужд. На туго натянутые, хлопающие на ветру листы молочно-белого пластика проецируются огромные тени от листьев, отброшенные неземным светом гидропонной установки. Она слышит рычанье электропилы из крохотной мастерской мебельщика, его помощник терпеливо сидит, натирая воском скамейку – коллаж из наборных дубовых досок с облупленной краской, растасканных мусорщиками с обшивки старых домов. А еще кто-то варит варенье, большой медный чайник кипит над газовой конфоркой.

Вот то, что нужно Тессе, думает она: маргиналы с моста, лелеющие свою маргинальность. Занятые своими нехитрыми делами. Но Шеветта видела, как они пьют по-черному. Видела накачанных наркотой, видела сумасшедших, навеки исчезающих в серой безжалостной зыби. Видела, как мужчины режут друг друга ножами насмерть. Видела окаменевшую мать, бредущую на рассвете с задушенным младенцем на руках. Мост не туристическая фантазия. Мост абсолютно реален, и жить здесь –

значит платить за это твердую цену.

Это мир внутри мира, и раз уж есть промежутки между вещами мира, пространства, построенные в промежутках, то в них обязательно есть свои вещи, и между ними – свои промежутки, а в тех промежутках – снова вещи, и так без конца.

Тесса этого не знает, и не дело Шеветты ей это объяснять.

Она пригибается, ныряя под съехавший лист пластика, во влажное тепло и свет гидропонных ламп. Вонь химикатов. Черная вода побулькивает среди обнаженных корней. Это лекарственные растения, предполагает Шеветта, но, наверно, не наркотические, в уличном смысле слова. Те выращивают поближе к Окленду, в особом секторе, специально для этого отведенном, и в теплые дни воздух там пропитан смолистым дурманом, отчего почти ощутимо звенит в ушах, незаметно меняется восприятие.

– Эй, есть здесь кто-нибудь?

Бульканье жидкости в системе прозрачных трубок. Пара измазанных илом желтых болотных сапог свисает с крючка, но хозяина нигде не видать. Она движется быстро, ноги сами помнят – туда, где виднеются изъеденные коррозией алюминиевые перекладины, прилепленные большими, с кулак, пузырями суперэпоксидки.

Когда она начинает карабкаться, застежка старой Скиннеровой куртки, массивный шарик на цепи, колотится и позвякивает. Эти перекладины – пожарная лестница, запасной выход на случай опасности.

Миновав тошнотворно-зеленое солнце главного гидропонного фонаря, помещенного в ржавую строительную арматуру, она подтягивается на последней алюминиевой перекладине и пролезает в узкое треугольное отверстие.

За ширмами стен из разбухшего от дождей композита темно. Одни лишь неясные тени там, где она помнит яркий свет, и она замечает, что верхнюю лампочку в этом глухом помещении кто-то выкрутил. Это нижний конец скиннеровского фуникулера – маленькая подъемная тележка, взятая у мусорщиков. Фуникулер соорудил для старика чернокожий мужчина по имени Фонтейн, и именно здесь она пристегивала велосипед в свои курьерские дни, втаскивая его на плече по другой, не потайной лестнице.

Она рассматривает зубцы шестеренок фуникулера, от скопившейся пыли смазка на них потускнела. «Гондола», желтый муниципальный ящик для вторсырья, достаточно глубокий, чтобы стоять в нем, держась за край, ждет, где и положено. Но если гондола находится здесь, это, скорей всего, значит, что нынешнего жителя конуры на вершине опорной башни нет дома. Если, конечно, гондолу не спустили в ожидании гостя, а в этом

Шеветта сомневается. Когда находишься наверху, лучше, чтобы гондола была под боком. Шеветте знакомо это чувство.

Она начинает карабкаться по деревянным ступенькам кое-как сбитой стремянки, и карабкается, пока не ударяется головой о трос, и вот уже щурится от ветра и серебристого света. Видит чайку, неподвижно зависшую в воздухе в каких-нибудь двадцати футах на фоне городских башен.

Ветер треплет волосы Шеветты, изрядно отросшие с тех пор, пока ее здесь не было, и в ней возникает чувство, которому не найти названия, но которое всегда было с ней, и она не видит смысла забираться дальше, потому что теперь она знает: дома, который живет в ее памяти, больше нет. Лишь пустая скорлупка, дребезжащая на ветру, – там, где она лежала когда-то, закутавшись в одеяла, чувствуя запах машинного масла, кофе и свежих опилок.

И где, вдруг она понимает, была порой счастлива от полноты бытия и готовности встретить завтрашний день.

И она сознает, что стала другой и что, когда была счастлива, вряд ли отдавала себе в этом отчет.

Она, сутулясь, втягивает голову в спасительный панцирь куртки и представляет себе, как плачет, хотя знает, что этому не бывать, и начинает спускаться.

20
Бумзилла

Бумзилла сидит себе на поребрике, рядом с фургоном, эти две сучки сказали, заплатим, если присмотришь. Еще полчаса не придут, он найдет подмогу и разденет фургон. Хочется заиметь того надувного робота, который был у сучки-блондинки. Вот это круто. Гонять эту летучую говешку.

Вторая сучка, типа байкерша, на ней старая косуха, драная, как из помойного бака. Круче только яйца, такая вот куртка.

Куда они смылись? Голодно что-то, ветер с опилками в рожу, дождь накрапывает.

– Ты не видел вот эту девчонку?

Белый мужик, с виду киноактер, рожа вся в темном гриме, как у этих, с южного побережья. Вон как выпендриваются, когда надумают сюда сунуться, шмотки заношены на хрен, типа как все путем. Кожан такой, типа только что припарковал за углом свой раздолбанный самолет. Синие джинсы. Черная фуфайка.

Бумзилла точно бы блеванул, попробуй кто запихать его в такое дерьмо. Бумзилла, – он знает, чего напялить, когда со своим дерьмом тут разгребется.

Бумзилла таращится на снимок, мужик его сует прямо под нос. Видит ту сучку, которая типа как байкерша, только шмотки покруче.

Бумзилла смотрит на харю в гриме. Видит белесые голубые буркалы на фоне грима. Типа: сиди, где сидишь. Типа: не рыпайся, башню разворочу.

Бумзилла смекает: мужик не в понятии, что это ихний фургон.

– Она потерялась, – говорит мужик.

«Сам ты, мудак, потерялся», – думает Бумзилла.

– Никогда не видал.

Буркалы смотрят пристальнее.

– Пропала без вести, понял? Хочу ей помочь. Сбежавший ребенок.

Мысленно: ну и ребенок, бляха-муха; сучка-то старше моей мамаши.

Бумзилла качает головой. Еще как серьезно качает, самый децл, туда-сюда. В смысле «нет».

Голубые буркалы шарят вокруг, ищут кого другого, чтобы засветить свой снимок; шарят мимо фургона. Ясно, в непонятках мудила.

Мудила отваливает налево, туда, где тусуется народ у кафешки, будет совать им свой долбаный снимок.

Бумзилла смотрит, как мудила сваливает.

Бумзилла сам сбежавший ребенок и собирается им оставаться, пока не сдохнет.

21
«Парагон-эйша»

Сан-Франциско и Лос-Анджелес больше походили на две разные планеты, чем на два разных города. И дело было не в трениях между Северной Калифорнией и Южной, а в более глубоких корнях. Райделл помнил, как много лет назад сидел где-то с пивом, смотрел «церемонию отсоединения» по Си-эн-эн и даже тогда не проникся всей этой заморочкой. Но вот сама разница – была, никуда не денешься.

Жесткий порыв ветра швырнул ему в лицо дождь, когда он шел по Стоктон-стрит к Маркет-стрит. Девицы из офисов придерживали руками юбки и хохотали, и Райделлу тоже захотелось смеяться, впрочем, это прошло еще до того, как он повернул на Маркет-стрит и двинулся вниз по Четвертой.

Именно здесь он встретил Шеветту, здесь она когда-то жила.

Она и Райделл ввязались в этих местах в одну авантюру, независимо, потом встретились, а уж окончание этой авантюры занесло их в Эл-Эй.

Ей просто не понравился Эл-Эй, вечно твердил он себе, хотя знал, что совсем не потому все вышло так, как вышло.

Они приехали на Юг настоящей парой, а Райделл зачем-то решил превратить в телешоу то, через что им вместе пришлось пройти. «Копы влипли», конечно, заинтересовались; «Копы» уже проявляли к Райделлу интерес давно, еще в Ноксвилле.

Свеженький после академии Райделл выстрелил на поражение, задерживая удолбанного «плясуном» психа, который хотел прикончить детей своей собственной подружки. Подружка впоследствии пыталась судиться с округом, городом и самим Райделлом, так что «Копы влипли» решили, что с Райделлом может выйти неплохой эпизод. И они его дернули самолетом в Южную Калифорнию, где у них была база. Он получил личного агента и тому подобное, но с «Копами» так и не срослось, и его взяли в «Интенсекьюр» водителем броневика, ездить по вызовам. Как только он умудрился вылететь и оттуда, случилась поездка в Северную Калифорнию, для временной и сугубо неофициальной работы – участия в местной операции «Интенсекьюр». Тут-то он и влип в заваруху, по ходу которой встретил Шеветту Вашингтон. В общем, когда он вернулся в Эл-Эй с готовым сюжетом и под ручку с Шеветтой, «Копы влипли» тут же сделали стойку. Они как раз пытались расшириться, развернуть каждый отдельный сюжет в целый сериал для той или иной нишевой аудитории, и отделу

демографии понравилось, что Райделл – мужчина, что он не слишком молод, не слишком образован и вдобавок южанин. Еще им понравилось, что он не расист и уж конечно то, что при нем была эта смазливая, альтернативного типа деваха, такая крепенькая, будто может легко колоть грецкие орехи между ляжек.

«Копы влипли» засунули их в маленький полуофициальный отель неподалеку от Сансет, и они с Шеветтой были там так счастливы первые две недели, что от одних воспоминаний Райделла уже корежило.

Каждый раз, когда они ложились в кровать, ему начинало казаться, что они творят историю, а не просто занимаются любовью. Номер был похож на небольшую квартирку, с отдельной кухней и газовым камином, и по ночам они кувыркались перед камином на одеяле, брошенном на пол, все окна открыты, весь свет погашен, синее пламя чуть мерцает, боевые вертолеты ДПЛА гудят над головой, и когда он оказывался в ее объятиях или она придвигалась лицом вплотную к его лицу, он понимал, что это хорошая история, самая лучшая и что все теперь выйдет просто замечательно.

Не вышло.

Райделл никогда особо не задумывался о своей внешности. Ему казалось, с этим все в порядке. Женщинам он, похоже, вполне нравился, ему даже говорили, что он похож на молодого Томми Ли Джонса, а Томми Ли Джонс был кинозвездой в двадцатом веке. И потому, что ему так сказали, Райделл однажды взял и посмотрел пару фильмов с этим парнем; фильмы ему понравились, хотя никакого сходства он не увидел и слегка озадачился.

Однако он начал беспокоиться, когда «Копы влипли» приставили к нему костлявую белобрысую стажерку по имени Тара-Мэй Алленби, которая ходила за ним как привязанная и непрерывно снимала установленным на плече стэдикамом.

Тара-Мэй жевала жвачку, мудрила с фильтрами и, в общем и целом, бесила Райделла до зубовного скрежета. Он знал, что сигнал с ее камеры идет напрямую к «Копам влипли», и стал подозревать, что они не слишком довольны тем, что видят. Тара-Мэй не развеяла его опасений, объяснив Райделлу, что камера добавляет верные двадцать фунтов к любой внешности, но, дескать, подумаешь, ей самой Райделл нравится вот таким, натуральным, в самом соку. В то же время она постоянно намекала, что он мог бы и подкачаться. Почему бы не последовать примеру этой вашей подружки, говорила она, вот так крепышка, даже зависть берет.

Но Шеветта ни разу в жизни не была в гимнастическом зале; крепышкой ее сделали родительские гены да еще те несколько лет, что она гоняла вверх-вниз по холмам Сан-Франциско на горном спортвелике с рамой из пропитанной эпоксидкой японской конструкционной бумаги.

Так что теперь Райделл просто вздохнул, дойдя до перекрестка Четвертой и Брайант-стрит и свернув по Брайант на мост. Сумка на плече начала заметно тяжелеть, явно в сговоре с силой тяготения. Райделл остановился и еще раз вздохнул, поправляя сумку. Выкинул мысли о прошлом из головы.

Просто топай, и все.

Никаких проблем с поисками этого филиала «Счастливого дракона».

Пропустить его было попросту невозможно: бац! – и вот он, торчит прямо там, где была середина Брайант, в самом центре, у входа на мост. Райделл не видел его, когда шел по Брайант, потому что павильон заслоняли груды старых противотанковых заграждений, сброшенных после землетрясения, но стоило миновать эти бетонные дуры, и вот, пожалуйста, любуйтесь.

Райделл заметил, пока шел к магазину, что это заведение – более новая модель, чем та, где он работал, на Сансет. У этой почти не было выступающих углов, так что отделка меньше крошится и ремонт требуется реже. Вероятно, разработка «драконовских» модулей сводилась к проектированию объекта, способного выдержать натиск миллионов небрежных и даже враждебных рук. В конце концов, подумал Райделл, должно получиться что-то вроде раковины моллюска – гладкое и твердое.

У магазина на Сансет было покрытие, которое пожирало граффити. Подростки из уличных банд приходили и что-нибудь малевали на стене; двадцать минут спустя из-за угла выскальзывали плоские и чем-то похожие на крабов пятна темно-синего цвета. Принципа их действия Райделл так и не осознал, но Дариус говорил, что их разработали в Сингапуре. Казалось, они были внедрены на несколько миллиметров вглубь красочного слоя – густого матового геля – и при этом свободно в нем передвигались. Райделл слыхал, что это называется «умный материал». Твари сползались и атаковали замысловатые аэрозольные каракули, нанесенные, дабы расписаться в фанатстве, пометить территорию или поклясться в мести (Дариус умел читать эту тайнопись и мог выстроить из нее целую историю), – сползались и начинали жрать. Нельзя сказать, что их «клешни» и «жвалы» так уж явственно двигались. «Крабы» всего лишь принюхивались к граффити, и постепенно каракули

начинали распутываться, бледнеть, синева «драконовских» буквоедов засасывала молекулы краски.

А однажды кто-то оставил после себя умные каракули – нечто типа переводной картинки, по-хитрому прилепленной к стене, хотя ни Райделл, ни Дариус так и не поняли, как злоумышленнику удалось это сделать незаметно. Может быть, сказал Дариус, картинкой выстрелили издали. Это была эмблема банды, звавшейся «Чупакабры», жуткая шипастая тварь, вся черно-красная, насекомоподобная и зловещая, и, как считал Райделл, довольно прикольная. Он еще видел такую наколку, когда сидел в магазине. Парни, щеголявшие такими тату, обожали носить эти ужасные контактные линзы, от которых зрачки становятся похожими на змеиные. Однако когда пожиратели граффити явились полакомиться «чупакаброй», она отползла.

Они осторожно подкрадывались к ней, а она их чуяла и отползала. Очень медленно, почти незаметно, но все-таки отползала. Тогда пожиратели граффити приближались к ней снова. Райделл и Дариус целый вечер наблюдали за ней, пока она не скрылась за углом. К окончанию их смены она обогнула магазин кругом и уже приближалась обратно к фасаду.

В начале их следующей смены зверюга красовалась все там же; компанию ей составляла пара стандартных клякс от аэрозольных хлопушек. Пожирателей заворожила «разумная чупакабра», а о своем привычном деле они и думать забыли. Дариус показал сие безобразие мистеру Парку, которому не понравилось, что ему не доложили сразу. Райделл открыл журнал дежурств и продемонстрировал подробный отчет, занесенный еще в конце прошлой смены, отчего мистер Парк только разозлился еще больше.

Примерно через час подкатил хирургически чистый, без опознавательных знаков белый фургон, и два типа в белых комбинезонах «Тайвек» принялись за работу. Райделл очень хотел посмотреть, каким образом они вытравят хитрые граффити, но тем вечером в магазине случилась натуральная эпидемия краж, и он так и не увидел, что же фургонщики сделали с «чупакаброй». Он знал, что им не понадобится ни скребков, ни растворителей. Ноутбук и два зонда с присосками – вот и все их орудия. Вероятно, парни просто взломали программу «чупакабры», переписали код и уехали, а пожиратели граффити снова принялись без помех всасывать последний писк настенной живописи.

Этот «Счастливый дракон» у моста был гладкий и белый, как новая фарфоровая тарелка, отметил Райделл, подойдя чуть поближе. Магазин казался обрывком чужого сна, свалившимся с

неба. Вход на мост всегда открывался неожиданно, драматически, и Райделл спросил себя, много ли было дискуссий в Сингапуре, прежде чем поставить здесь модуль. «Счастливый дракон» имел филиалы во многих местах первостатейной для туристов привлекательности, Райделл их видел на экранах «Всемирной Интерактивной Видеоколонны» в Эл-Эй; один филиал размещался в торговом центре под Красной площадью, другой – модный «Кей-Дам» – в центре Берлина, третий, самый крупный, – на Пиккадилли в Лондоне, но то, что модуль поставили здесь, казалось Райделлу поразительно странной или, если угодно, до странности преднамеренной акцией.

Мост был специфическим местечком, достаточно безопасным, но вот только не для туристов. Нет, конечно, пешие туристы наблюдались, и в изрядном количестве, особенно на этом конце моста, но никаких экскурсий, никаких гидов. Если ты шел на мост, ты шел по собственному почину. Шеветта говорила, что «мостовые» люто ненавидят проповедников, и Армию спасения тоже, и вообще любые организации. Райделл смекнул, что этим-то мост в первую очередь и притягивает людей – своей неподконтрольностью.

«Автономная зона» – так называл это Дариус. Он сказал Райделлу, что Сансет-Стрип изначально был одной из таких же зон на стыке разных полицейских юрисдикций и это прочно отпечаталось в ДНК улицы, – вот отчего, скажем, под Рождество на Стрипе по-прежнему паслись шлюхи в колпаках эльфов.

Но, возможно, «Счастливый дракон» знает что-то такое, чего люди не знают, подумал он. Все в мире может меняться. Его отец, например, божился, что Таймс-сквер когда-то была ого-го каким опасным местечком.

Райделл с трудом пробивался через толпу, втекавшую и вытекавшую с моста мимо «Всемирной Интерактивной Видеоколонны», и ему все мерещилось, что вот сейчас он поднимет взгляд и увидит родной филиал на Сансет, и Хвалагосподу радостно просияет ему с парадного входа.

Увидел он лишь юного сеульского скейтбордиста, трясущего мошонкой в камеру.

Он вошел внутрь, где его немедленно остановил очень крупный джентльмен с очень низким лбом и белесыми бровями.

– Сумку сюда, – приказал охранник, украшенный точно таким же неоново-розовым кенгурятником, какой Райделл таскал на себе в Эл-Эй. Собственно, райделловский кенгурятник лежал в сумке, которой этот парень домогался.

– Пожалуйста, – подсказал Райделл, передавая сумку.

«Драконовским» охранникам полагалось добавлять это слово:

пожалуйста. Так гласила выданная мистером Парком инструкция; ведь если уж ты просил кого-то сдать сумку, то признавал тем самым, что считаешь клиента потенциальным воришкой, и лучше бы оформить это повежливей.

Охранник с подозрением сощурил глаза. Он пихнул сумку в одну из ячеек за своим боевым постом и протянул Райделлу бирку с логотипом «Счастливого дракона», похожую на огромную подставку для стакана, с цифрой «5» на обороте. Такими здоровенными, помнил Райделл, их делали в расчете на то, чтобы они не влезали в обычный карман; соответственно, снижалась вероятность того, что народ случайно утащит бирки с собой. Один из способов снизить оперативные расходы. Абсолютно все в «Счастливом драконе» было продумано таким образом. Ну как ими не восхищаться, а?

– Спасибо, – сказал Райделл и направился к банкомату Международного банка в дальнем конце «Дракона»; он знал, что машина наблюдает за тем, как он приближается и вынимает бумажник из заднего кармана. – Я здесь, чтобы мне выдали чип, – сказал он.

– Пожалуйста, представьтесь.

У всех «драконовских» банкоматов был один и тот же голос – неестественный, полузадушенный сип маленького кастрата; интересно, почему бы это. Но можно не сомневаться, что и это продумано; скажем, чтобы люди зря не ошивались вокруг и не трепались с машиной от нечего делать. Райделл знал, что для острастки это сучье отродье могло прыснуть в клиента перечным газом. Аппараты были обклеены предупреждениями о такой опасности, хотя лично он глубоко сомневался, что кто-то хоть раз реально прочитал эти бумажки. А вот о чем никто не предупреждал: если вам взбредет в голову какая-нибудь каверза посерьезнее, – к примеру, захотите пошуровать монтировкой в щели, откуда выскакивал чип, зловредная тварь обдаст водой и вас, и себя, а потом пустит электрический ток.

– Берри Райделл, – сказал он, достав из бумажника свои водительские права, выданные в Теннесси, и вставив их в сканер банкомата.

– Контактная проверка ладони.

Райделл положил руку на вмятину в форме руки. Он ненавидел эту процедуру. Разносчики лишаев и всякой заразы – вот что такое эти штуки для сканирования ладони. Грязь с чужих рук.

Он вытер ладонь о штаны.

– Пожалуйста, введите ваш персональный идентификационный код.

Райделл ввел, шаг за шагом восстановив мнемонический код и закончив двумя жестянками «7-Up».

– Обрабатываю ваш запрос о кредите, – сказал аппарат с такой болью в голосе, будто ему отдавили яйца.

Райделл глянул назад и понял, что, в принципе, он здесь единственный клиент, не считая седовласой женщины в черных кожаных брюках, мучившей кассира на языке, который Райделл счел немецким.

– Транзакция завершена, – сказал банкомат.

Райделл, крутанувшись, увидел, как «драконовский» кредитный чип выползает из отверстия выдачи. Он толкнул его обратно, не до конца, чтобы сумма остатка высветилась на экране. Недурно. Очень даже недурно. Он спрятал чип в карман, убрал бумажник подальше и развернулся в сторону кассы «Глоб-экс», которая также служила местным отделением ВПС, Всеамериканской почтовой службы. Как и банкомат, эта штука представляла собой очередной спецузел или, точнее, просто вздутие в пластиковой стене. У них на Сансет такой беды не было, и Хвалагосподу была вынуждена числиться одновременно клерком «Глобал экспресса» и/или служащей ВПС, причем последняя должность не слишком ее восхищала, поскольку родительская секта однозначно идентифицировала все федеральные организации как сатанинские.

Кто медлит, того Бог хранит – так учил в свое время Райделла его отец, и Райделл всю жизнь старался что есть сил практиковать подобную благочестивую неспешность. В глубокую задницу он каждый раз попадал, если память не изменяет, именно что от неумения медлить. Ни с того ни с сего ему вдруг попадала вожжа под хвост, и притом в самый неподходящий момент.

Смотри, куда прыгаешь. Сто раз отмерь. Задумайся о последствиях.

Он задумался о последствиях. Некто воспользовался его кратким, но вынужденным визитом в виртуальный коридор Сельвина Ф. К. Туна, чтобы ненавязчиво намекнуть: Райделлу стоит получить кредитный чип в данном конкретном банкомате, а потом кое за чем заглянуть в «Глоб-экс». Этим «некто» мог быть сам Сельвин Тун, говоривший, так сказать, через «черный канал», а может, это был кто-то другой, да мало ли кто мог взломать явно не самый надежно защищенный сайт в мире. Впрочем, надругательство, учиненное над коридором ради Райделла, носило все приметы хакерских забав. Как он убедился на собственном опыте, хакеры просто не могут удержаться от показухи, а также склонны к модной зауми. И еще Райделл знал,

что они могут запросто усадить тебя в кучу дерьма, и чаще всего сажают.

Он посмотрел на выпуклость «Глоб-экс».

И побрел туда.

С этим делом он управился даже быстрее, чем с получением кредитного чипа: показал права – замочек открылся. Посылка была крупнее, чем он ожидал, но даже для таких габаритов казалась тяжеловатой. Попросту тяжеленной. Богатая упаковка на пенной основе, очень тщательно опечатанная серой пластиковой пленкой и облепленная со всех сторон анимированными голограммами «Глоб-экс максимум экспресс» и стикерами таможни. Он изучил накладную. Посылка вроде бы пришла из Токио, но только на первый взгляд, потому что накладная была подписана фирмой «Парагон-Эйша Дейтафлоу» по адресу: Лайгон-стрит, Мельбурн, Австралия. У Райделла не было знакомых в Австралии, но зато ему было известно, что доставка международного груза в любой из таких приемных пунктов «Глоб-экс» считалась делом, во-первых, невозможным, а во-вторых, определенно подсудным и незаконным. Без адреса получателя, будь то частное лицо или фирма, было не обойтись. Эти приемные пункты занимались исключительно местной доставкой.

Черт побери. Штуковина была слишком тяжелой. Он сунул ее под мышку – все два фута в длину и шесть дюймов в диаметре – и потащился к выходу, забрать свою сумку.

Которая теперь стояла открытой на маленькой стойке, а безбровый охранник разглядывал неоново-розовый «драконовский» кенгурятник Райделла.

– Что ты тут делаешь с моей сумкой?

Охранник поднял голову.

– Это имущество «Счастливого дракона».

– Тебе не положено копаться в сумках клиентов, – сказал Райделл, – по инструкции.

– Я обязан рассматривать это как кражу. У вас здесь имущество «Счастливого дракона».

Тут Райделл вспомнил, что положил керамический кнопарь в кенгурятник, так и не сумев придумать, что с ножиком еще можно сделать. Он попробовал вспомнить, запрещены эти штуковины или нет – здесь, на Севере. В Южной Калифорнии было, например, так, а в Орегоне эдак.

– Это мое имущество, – сказал Райделл, – и ты мне его отдашь, прямо сейчас.

– Уж извините, – сказал охранник с вызовом.

– Эй, Райделл, – раздался знакомый голос, и дверь распахнулась с такой страшной силой, что Райделл услышал

отчетливый хруст в механизме автоматического доводчика. – Сукин ты сын, как жизнь молодая?

В мгновение ока Райделла окутали пары водки и шального тестостерона. Он обернулся и увидел Кридмора, который зловеще скалился, однозначно потеряв человеческий облик. У него за спиной маячил мужчина, коренастый, бледное лицо, темные глаза близко посажены.

– Ты, алкаш, – рявкнул охранник, – пошел вон отсюда!

– Так-так, значит, я алкаш. – Кридмор картинно сморщился, будто его мучила душевная боль. – Говорит, что я алкаш… – Кридмор обернулся к стоявшему позади мужчине. – Рэнди, этот козел говорит, что я алкаш.

Уголки губ дородного мужика, имевшего странно маленький и нежный для такого тяжелого и небритого лица рот, мгновенно опустились вниз, как будто он был неподдельно и очень, очень глубоко огорчен тем фактом, что одно человеческое существо смело третировать другое таким непотребным образом.

– Ну так порви этому педриле очко, – мягко посоветовал крепыш, будто подобная перспектива сулила радостную, пусть и маловероятную возможность повеселиться после большого разочарования.

– Я алкаш?! – Кридмор опять повернулся к охраннику. Наклонился над стойкой, коснувшись подбородком верха райделловской сумки. – Ты чё тут моему приятелю мозги паришь, а?

Кридмор излучал опасность сродни рептилии, пережравшей амфетаминов, его гнев не поддавался измерению по шкале млекопитающих. Райделл увидел, что у Кридмора начался тик, размеренно и непроизвольно запульсировал мускул на щеке, словно крохотное запасное сердце. Поняв, что Кридмор безраздельно владеет вниманием охранника, Райделл сгреб левой рукой сумку, а правой – розовый кенгурятник.

Охранник сделал попытку вернуть их. Что, несомненно, было ошибкой, так как хватательный рефлекс заставил его выбросить вперед обе руки.

– Хер соси!!! – взвизгнул Кридмор, выдав удар с такой бешеной скоростью и энергией, каких Райделл от него не ожидал; кулак певца кантри погрузился по самое запястье в брюхо охранника, прямиком под ложечку.

Ошалев от такой неожиданности, страж согнулся пополам. Кридмор уже замахнулся, чтобы врезать ему по роже, но Райделл успел опутать запястья Кридмора лямками сумки, едва не грохнув объемистую посылку на пол.

– Валим, Бьюэлл, – сказал Райделл, выталкивая Кридмора в

дверь. Райделл знал, что сейчас кое-кто долбанет ногой по особой кнопке в полу.

– Этот козел утверждает, что я алкаш, – протестовал Кридмор.

– Ну что тебе сказать, Бьюэлл, ты действительно алкаш, – задумчиво сказал крупный мужчина, поспевая следом.

Кридмор хихикнул.

– Пошли отсюда, – сказал Райделл и двинул к мосту.

Широко шагая, он пытался не выронить «глоб-эксовский» подарок, шатко зажатый подмышкой. Порыв ветра швырнул в лицо горсть опилок; проморгавшись и скосив глаза, чтобы их очистить, Райделл впервые заметил, что в накладной все же стоит имя получателя, но не его, а Колина Лейни.

«Колин-пробел-Лейни». Как же так вышло, что Райделлу отдали чужую посылку?

Но тут они очутились в гуще толпы, направлявшейся вверх по широкому трапу на нижний ярус.

– Что это там за херовина? – спросил Кридмор, вытянув шею.

– Мост Сан-Франциско – Окленд, – ответил Райделл.

– Вот ведь какое дерьмо, – сказал Кридмор, косясь на толпу, – воняет, как банка с тухлой наживкой. Спорим, здесь можно найти себе такую дырку, каких свет не видывал.

– Мне нужно выпить, – тихо сказал громила с изящным ртом.

– Кажется, мне тоже, – откликнулся Райделл.

22
Пеняй на себя

У Фонтейна две жены.

Не такое это положение, скажет он вам, чтобы к нему стремиться.

Они живут в неустойчивом перемирии в одной квартире, ближе к Оклендскому концу. Фонтейн уже какое-то время уклоняется от общения с ними и спит здесь, в своей лавке.

Молодая жена (ей сорок восемь, она моложе старшей на пять лет) ямайских кровей, родом из Брикстона[104], высокая и светлокожая; для Фонтейна она сущее наказание за все грехи его жизни.

Ее имя Кларисса. Впадая в ярость, она сбивается на говор, усвоенный в детстве: «Прыз тебе в студию, Фонтен».

Фонтейну достается «прыз» вот уж несколько лет, и сегодня он опять его получает: рассерженная Кларисса стоит перед ним с магазинным баулом, набитым, такое ощущение, параличными японскими младенцами.

На самом деле это куклы младенцев в натуральную величину, произведенные в последние годы прошлого века для утешения бабушек с дедушками, живших вдалеке от внуков, каждая кукла сделана по фотографии реального ребенка. Выпускала их в Мэгуро фирма под названием «Близняшки», и они вскоре приобрели немалую коллекционную ценность, ибо каждый экземпляр был уникальным.

– Не нужны мне они, – говорит Фонтейн.

– Слушай, ты, – наседает Кларисса, отключив ямайский говор. – Возьмешь ты их, никуда не денешься. Ты их берешь, ты их толкаешь, получаешь за них хорошие деньги и отдаешь мне. Потому что иначе хрен я останусь в этой дыре, где ты бросил меня вместе с этой сумасшедшей сукой, на которой женат.

На которой я был женат, когда ты «женила» меня на себе, размышляет Фонтейн, и это ни для кого не секрет. Означенную Турмалину Фонтейн, известную также как Жена Номер Раз, вполне адекватно, как полагает Фонтейн, описывает выражение «сумасшедшая сука».

Турмалина – воплощенный кошмар; лишь ее необъятные габариты и непроходимая лень не дают ей сюда заявиться.

– Кларисса, – протестует он, – если б они хоть были новенькие, в упаковке…

– Они не бывают в упаковке, ты, идиот! С ними же всегда

играли!

– Ну, тогда ты знаешь рынок лучше, чем я, Кларисса. Сама, значит, и продавай.

– Ты хотишь поговорить про алименты?

Фонтейн смотрит на японских кукол.

– Господи, вот ведь уродцы. Выглядят как мертвые, понимаешь?

– Потому что их надо заводить, болван.

Плюхнув баул на пол, Кларисса хватает пупса за голову и вонзает длинный изумрудно-зеленый ноготь кукле в затылок. Пытается продемонстрировать еще одну уникальную, сугубо индивидуальную особенность этих игрушек – включить цифровую запись младенческих звуков прототипа, а может быть, даже его первых слов, – но вместо них раздается чье-то нарочито тяжелое дыхание, а затем – ребячливое хихиканье, сопровождаемое разноголосьем детских ругательств.

– Кто-то их уже поломал, – хмурится Кларисса.

Фонтейн вздыхает:

– Сделаю все, что смогу. Оставь их здесь. Ничего не могу обещать.

– Лучше молись, чтобы я их здесь оставила, – говорит Кларисса, швырнув младенца в сумку вниз головой.

Фонтейн украдкой бросает взгляд вглубь лавки, где на полу, скрестив по-турецки ноги, сидит босой мальчик, стриженный почти под ноль, с раскрытым ноутбуком на коленях, поглощенный поиском.

– Это еще что за черт? – вопрошает Кларисса, подойдя ближе к стойке и впервые заметив мальчика.

Данный вопрос почему-то ставит Фонтейна в тупик. Он теребит свои лохмы.

– Он любит часы, – говорит Фонтейн.

– Ха, – говорит Кларисса, – он любит часы. Что же ты не приведешь сюда своих собственных детей? – Ее глаза сужаются, морщинки у глаз становятся глубже, и Фонтейну вдруг очень хочется их поцеловать. – Что же ты завел здесь какого-то «толстяка-латиноса-любит-часы» вместо них?

– Кларисса…

– В жопу «Кларисса»! – Ее зеленые глаза расширяются от гнева, становятся белесыми и ледяными, как далекое эхо ДНК неизвестного британского солдата: Фонтейн часто с улыбкой воображал себе душную ночь зачатия где-нибудь в Кингстоне: эхо, что отозвалось через несколько поколений. – Чтобы сбагрил эти куклы, или пеняй на себя, понял?

Она лихо разворачивается на пятках, что совсем нелегко в ее

черных галошах, и, гордая и прямая, с достоинством уходит из лавки Фонтейна, в мужском твидовом пальто, которое, вспоминает Фонтейн, он купил в Чикаго лет пятнадцать назад.

Фонтейн вздыхает. Тяжесть наваливается на него к концу дня.

– В этом штате законно быть мужем двух женщин сразу, – говорит он в воздух, который пахнет кофе. – Черт раздери, это безумно, но все же законно. – Он шаркает к входной двери, в ботинках с развязанными шнурками, и закрывает ее за ушедшей, запирает замок. – Ты все еще думаешь, что я двоеженец или что-то типа того, малыш, но это – штат Северная Калифорния.

Он возвращается и еще раз смотрит на мальчика, который, похоже, только что открыл веб-сайт аукциона «Кристи».

Мальчик смотрит на него снизу вверх.

– Наручные часы в форме «бочонок», платиновый корпус, минутный репетир, – говорит он, – «Патек Филипп», Женева, лот сто восемьдесят семь сто пятьдесят четыре.

– Думаю, не совсем для нас, – говорит Фонтейн. – Другая весовая категория.

– Карманные часы «Хантер», золотой корпус, четвертьчасовой репетир…

– Забудь об этом.

– …со скрытой внутри эротической заводной куклой.

– Это нам тоже не по зубам, – говорит Фонтейн. – Послушай, – говорит он, – вот что я тебе скажу: с этим ноутбуком ты смотришь слишком медленно. Я покажу тебе быстрый способ.

– Быстрый. Способ.

Фонтейн идет рыться в выдвижных ящиках стальной картотеки, покрытой засохшей краской, и роется до тех пор, пока не находит старый военный шлем виртуальной реальности. Резиновая «губа» вокруг бинокулярного видеодисплея вся в трещинах, крошится. Еще несколько минут уходит на то, чтобы найти совместимый аккумулятор и определить, заряжен он или нет. Мальчик игнорирует Фонтейна, уйдя с головой в каталоги «Кристи». Фонтейн подключает к шлему аккумулятор и возвращается.

– Вот, смотри. Видишь? Надеваешь эту штуку на голову…

23
Русский холм

Квартира огромна, в ней отсутствуют предметы, не имеющие практической пользы.

Поэтому паркет из дорогого дерева не скрыт коврами и очень тщательно начищен.

Удобно расположившись в полуразумном офисном кресле шведской работы, он точит клинок.

Это задача (он думает о ней как о функции), которая требует пустоты.

Он сидит перед столом – выполненная в девятнадцатом веке реконструкция трапезного стола семнадцатого столетия. На расстоянии шести дюймов от ближайшего края в ореховом дереве лазером просверлены два треугольных гнезда под тщательно рассчитанным углом. В эти гнезда он теперь вставил два графитово-серых керамических стержня длиной девять дюймов каждый, треугольных в поперечном сечении, образующих острый угол. Форма и размер выемок рассчитаны не менее тщательно, поэтому точильные камни держатся намертво.

Клинок лежит перед ним на столе, его лезвие меж керамических стержней.

Он берет клинок в левую руку и прикасается основанием лезвия к левому точильному камню. Направляет клинок на себя и вниз, одним резким, ровным, решительным рывком. Он услышит малейший намек на несовершенство, но это возможно только в том случае, если при ударе он зацепил кость, а его клинок в последний раз цеплял кость много лет тому назад.

Ничего.

Мужчина выдыхает, вдыхает и прикасается лезвием к правому точильному камню.

Звонит телефон.

Мужчина выдыхает. Кладет клинок на стол, лезвием между керамических стержней.

– Да?

Голос, звучащий из нескольких скрытых колонок, хорошо ему знаком, хотя мужчина почти десятилетие не встречался с обладателем голоса в обычном физическом пространстве. Мужчина знает: слова, что он слышит, исходят из миниатюрного сверхдорогого, надежного в эксплуатации объекта недвижимости, повисшего где-то среди спутников планеты. Это прямая передача, ничего общего с аморфным облаком ординарной человеческой

коммуникации.

– Я видел, что вы делали на мосту прошлой ночью, – говорит голос.

Мужчина молчит в пустоту. На нем изысканная фланелевая рубашка из тонкого хлопка, воротник застегнут, галстук отсутствует, манжеты с простыми плоскими круглыми запонками из платины. Мужчина кладет руки на колени и ждет.

– Они считают, что вы сумасшедший, – говорит голос.

– Кто из ваших наемников говорит вам подобные вещи?

– Дети, – говорит голос, – жестокие и способные. Я нашел самых лучших.

– Почему вас это волнует?

– Я хочу знать.

– Вы хотите знать, – говорит мужчина, поправляя складку на левой брючине, – и почему же?

– Потому что вы мне интересны.

– Вы боитесь меня? – спрашивает мужчина.

– Нет, – отвечает голос. – Не думаю.

Мужчина молчит.

– Почему вы убили их? – спрашивает голос.

– Они просто умерли, – говорит мужчина.

– Зачем вы ходили туда?

– Я хотел посмотреть на мост.

– Мои ребята считают, вы ходили туда специально, чтобы кого-то завлечь, кого-то, кто на вас нападет. Чтобы кого-то убить.

– Нет, – говорит мужчина, в его голосе слышится разочарование. – Они просто умерли.

– Но при вашем посредстве.

Мужчина слегка пожимает плечами. Смыкает губы в ниточку. Потом:

– Случается всякое.

– «Случается всякое дерьмо», как мы говаривали когда-то. Не оно ли и случилось?

– Мне не знакомо данное выражение, – говорит мужчина.

– Я давно не просил вас о помощи.

– Это результат взросления, надеюсь, – говорит мужчина. – Вы стали меньше сопротивляться инерции случая.

Голос умолкает. Молчание затягивается. Наконец:

– Вы научили меня этому.

Убедившись, что беседа окончена, мужчина берет клинок в правую руку и приставляет конец лезвия к правому точильному камню.

Плавно сдвигает клинок на себя и вниз.

24
Два фонарика сзади [105]

Они отыскали темную забегаловку, которая как будто вывешивалась в пространство далеко за пределами бывших перил моста. Не очень просторное помещение, но довольно длинное, с барной стойкой вдоль стены, выходившей на мост, а напротив – ряд разномастных окон, глядевших на юг, поверх пирсов, на бухту Чайна-Бейсин. Давно не мытые стекла вставлены в рамы, промазанные бурыми стекловидными сгустками силикона.

Кридмор, пока суть да дело, поразительным образом оклемался, выглядел искренним и благожелательным, представив наконец своего упитанного спутника – Рэндалл Джеймс Брэнч Кейбелл Шоутс[106], из города Мобил, штат Алабама. Шоутс был сессионным гитаристом, если верить Кридмору, в Нэшвилле и еще где-то там.

– Рад встрече, – сказал Райделл.

Рука Шоутса была прохладная, сухая и мягкая, но с крохотными твердыми мозолями, будто лайковая перчатка, вышитая острыми камешками граната.

– Друг Бьюэлла – значит мой друг, – ответствовал Шоутс без малейшей иронии.

Райделл глянул на Кридмора, пытаясь понять, какое нейрохимическое плато пересекает тот в данный момент и сколь долго намерен держаться избранного курса.

– Должен сказать тебе спасибо, Бьюэлл, за то, что ты там устроил, – сказал Райделл, ибо это была чистая правда.

Чистой правдой было и то, что Райделл не мог с уверенностью сказать, устроил Кридмор всю эту ситуацию или *сам и был* ситуацией, но по-любому Кридмор и Шоутс нарисовались в нужное время и в нужном месте, – впрочем, собственный опыт работы в «Счастливом драконе» подсказывал Райделлу, что история еще будет иметь продолжение.

– Сукины дети, – высказался Кридмор, словно комментируя в общих чертах положение дел.

Райделл заказал всем пиво.

– Слушай, Бьюэлл, – сказал он Кридмору, – возможно, нас станут искать из-за того, что случилось.

– Какого хрена? Мы здесь, эти сукины дети там.

– Значит, так, Бьюэлл, – сказал Райделл, представив, что вынужден объясняться с упрямым и капризным ребенком, – я как раз получил вот эту посылку, до того как у нас там вышел

маленький спор, а потом ты врезал охраннику в дыхло. Сейчас он не сильно этому рад, и, вполне вероятно, он вспомнит, что у меня была в руках эта посылка. Вот большой логотип «Глоб-экс», видишь? Значит, охранник может взять записи «Глоб-экс» и найти меня на видео или аудиозаписи, неважно как, и сдать все это в полицию.

– В полицию? Сукин сын будет нарываться на проблемы, мы их ему обеспечим, верно?

– Нет, – сказал Райделл, – это не поможет.

– Ну, если все так безнадежно, – Кридмор положил руку Райделлу на плечо, – тогда мы будем тебя навещать, пока не откинешься.

– Ну уж нет, Бьюэлл, – сказал Райделл, стряхнув с плеча руку, – на самом деле я вовсе не думаю, что тот тип станет обращаться в полицию. Скорей, он захочет узнать, на кого мы работаем и стоит ли подать на нас в суд и выиграть.

– Подать на тебя?

– На нас.

– Ха, – сказал Кридмор, переваривая эту новость, – ну ты и попал, чувак.

– Не факт, – сказал Райделл, – смотря что скажут свидетели.

– Намек понял, – сказал Рэнди Шоутс, – но мне будет нужно поговорить с моим лейблом, с юристами.

– С твоим лейблом? – переспросил Райделл.

– Так точно.

Тут прибыло пиво в бутылках с длинным коричневым горлышком. Райделл хлебнул из своей.

– Кридмор на твоем лейбле?

– Нет, – сказал Рэнди Шоутс.

Кридмор перевел взгляд с Шоутса на Райделла и снова на Шоутса.

– Рэнди, я всего-навсего дал тому типу разок в дыхло. Я и знать не знал, что это скажется на нашей сделке.

– Оно и не скажется, – откликнулся Шоутс, – если ты будешь в состоянии войти в студию и записаться.

– Черт подери, Райделл, – сказал Кридмор, – ну кто тебя просил все портить?

Райделл, рывшийся в эту секунду в своем вещмешке под столом, вытащил из вещмешка злополучный кенгурятник, открыл его, посмотрел снизу вверх на Кридмора, но ничего не сказал. Нащупал кратоновую рукоять керамического кнопаря.

– Вы, ребята, меня извините, – сказал Райделл, – но мне бы срочно на толчок.

Он встал, взял под мышку коробку «Глоб-экс» и с кнопарем в

кармане двинулся к официантке, чтобы спросить, где мужская уборная.

Второй раз за сегодняшний день он уселся в туалетной кабинке, не используя ее по назначению; эта благоухала значительно сильнее первой. Водопроводную систему здесь монтировали совсем уж на живую нитку – куда ни глянь, пучками змеились прозрачные, малоаппетитного вида трубки, над раковиной с капавшими кранами отслаивались стикеры «ВОДА НЕ ПИТЬЕВАЯ» с эмблемой Северной Калифорнии.

Он вынул из кармана нож и надавил на кнопку, черное лезвие выскочило и щелкнуло. Он надавил на кнопку еще раз, сдвинул стопор, закрыл кнопарь и открыл его снова. И что в этих кнопарях такого, отчего с ними хочется вот так баловаться? Можно подумать, что людям нравятся кнопари именно ради такого баловства, что это как-то связано с психологией – рефлексами тупых обезьян. Сам он считал, что на самом деле эти механизмы абсолютно бессмысленны, хотя, конечно, удобны, этого у них не отнять. Малолеткам кнопари нравились своей крутостью, но если уж кто-то увидит, как ты открываешь такую штуку, он сразу либо сбежит, либо пнет тебя пару раз, либо просто пристрелит, смотря как настроен и как сам вооружен. Райделл допускал, что теоретически возможны какие-то особые ситуации, когда можно просто щелкнуть кнопарем и пырнуть кого-нибудь, но едва ли это бывает так уж часто.

Он положил коробку с «глоб-эксовским» стикером себе на колени. Кончиком лезвия – осторожно, чтобы не порезаться, как тогда, в Эл-Эй, – рассек серую пленку. Нож прошел сквозь материю, как сквозь масло. Когда разрез стал достаточно длинным, чтобы посылку можно было открыть, Райделл опасливо сложил нож и убрал его. После чего поднял крышку.

Сперва ему показалось, что он смотрит на дорогой термос из характерной шероховатой нержавейки, но, достав предмет из коробки, сразу понял, что это нечто иное, – очень уж тяжелая была штуковина и очень уж тщательно выделанная.

Он перевернул ее вверх тормашками и обнаружил на дне прямоугольную розетку с кластером микрогнезд – и больше ничего, за исключением слегка потертого синего стикера с надписью «Аспект славы». Он потряс «термос». Тот не забулькал, не издал вообще звуков. Монолит, да и только, крышки нигде не видно, как открыть – непонятно. Райделл был удивлен, что подобную штуку пропустила таможня; интересно, как чиновники «Глоб-экс» объясняли, что это вообще такое, и как доказали, что этот «термос», или что уж там, не напичкан какой-нибудь контрабандой? Сам Райделл с ходу назвал бы хоть дюжину видов

контрабанды, которой можно нашпиговать предмет таких габаритов и жить припеваючи, получив его здесь посылкой из Токио.

Может, внутри действительно наркотики, подумал он, или еще какая-нибудь дрянь, и его, Райделла, просто-напросто хотят подставить. Может, копы сейчас выбьют дверь сапогами и нацепят на него наручники за незаконный ввоз эмбриональной ткани или вроде того.

Он сидел без движения. Ничего не произошло.

Он положил предмет на колени и обшарил плотную упаковку из пены, надеясь найти хоть какую-нибудь записку, какой-нибудь ключик, который мог бы объяснить, что это такое. Там было пусто, так что он засунул предмет обратно в коробку, вылез из кабинки, помыл руки не питьевой водой и вышел из уборной, намереваясь покинуть бар, а заодно и Кридмора с Шоутсом, после того как захватит сумку, которая находилась под их присмотром.

Оказалось, что к ним присоединилась та самая дама, Мэриэлис, утренняя знакомая, и что Шоутс где-то успел достать гитару, старую и потертую, с длинной трещиной в корпусе, криво заклеенной изолентой, что ли. Шоутс отставил свой стул подальше, чтобы гитара влезла между его брюхом и краем стола, и настраивал инструмент – с тем выражением типа «я слышу тайные гармонии», которое обычно бывает на лице у людей, настраивающих гитары.

Кридмор весь вытянулся вперед, наблюдая; его будто мокрые, обесцвеченные прядями волосы тускло блестели в полутьме бара, и Райделл увидел во взгляде Кридмора неприкрытый голод, от которого ему стало не по себе, как будто он вдруг увидел, как Кридмор к чему-то стремится сквозь стену дерьма, которой сам себя окружил. От этого Кридмор внезапно стал выглядеть человечнее, но и еще противнее.

И тут Шоутс рассеянно извлек из кармана рубашки нечто вроде колпачка от старой губной помады и, нацепив это на мизинец, принялся играть, используя трубку из золотистого металла как слайд. Звуки, которые он ласково извлекал из гитары, саданули Райделла прямо под ложечку, так же точно, как Кридмор недавно одним ударом снес охранника: они липли к сердцу, как канифоль липнет к пальцам, когда играешь в пул. Мелодия властно забирала сердце Райделла.

В баре в этот ранний час посетителей было немного, и все они притихли, завороженные гитарными экзерсисами Шоутса, а потом Кридмор запел, с дрожью в голосе, будто отходную молитву.

Кридмор пел о поезде, отбывающем со станции, о двух огнях

последнего вагона – синим фонариком была его крошка.

Красным фонариком был его разум[107].

25
Костюм

Перестав спать, Лейни, некурящий и непьющий, завел привычку залпом глотать патентованное средство от похмелья в крохотных пузырьках коричневого стекла – старинное, но все еще популярное японское снадобье, спиртовой раствор кофеина с аспирином, разбавленный жидким никотином. Он откуда-то знает (откуда-то он теперь знает все, что ему нужно знать), что именно этот препарат, наряду с периодическим приемом гипнотически голубого сиропа от кашля, удержит его на плаву.

Сердце – как молот, глаза – нараспашку входящим данным, руки – ледяные; он решительно движется вперед.

Он больше не выползает из своего картонного ящика, полагаясь в равной степени на Ямадзаки (тот приносит лекарства, от которых Лейни отказывается) и на одного из соседей по картонному городу, холеного безумца – очевидно, знакомый старого сборщика трансформеров, хозяина помещения, которое Лейни у него то ли снял, то ли еще как ангажировал.

Лейни не помнит, когда рядом впервые возникло ходячее сумасшествие, которое он зовет Костюмом, но это и не важно.

Костюм, очевидно, бывший служащий. Костюм носит костюм – один и тот же костюм – всегда и везде. Костюм черный, некогда это был и вправду очень хороший костюм, и если судить по его состоянию, очевидно, у Костюма – в какой бы картонке он ни окопался – есть утюг, иголка и нитка, а также умение всем этим пользоваться. Нельзя, например, и предположить, чтобы пуговицы на этом костюме были пришиты вкривь и вкось или чтобы белая рубашка Костюма, блестя в галогеновом свете картонного жилища у мастера трансформеров, не сияла белизной.

Но не менее очевидно и то, что Костюм знавал лучшие времена, впрочем, это можно с уверенностью сказать обо всех здешних обитателях. Так, белая рубашка Костюма бела оттого, что Костюм ее ежедневно красит – вероятно, предполагает Лейни (хотя информация эта ему не нужна), забеливателем, предназначенным для подновления спортивной обуви. Тяжелая черная оправа очков Костюма скреплена подозрительно ровными дугами черной изоленты, нарезанной узенькими и одинаковыми, как на заказ, полосками с помощью позаимствованных у старика ножа «экзакто» и миниатюрного стального уголка, – и только потом приклеенной точно и аккуратно.

Костюм настолько опрятен, правилен, насколько это в

человеческих силах. Но Костюм очень давно не мылся – несколько месяцев, а может, и несколько лет. Каждый квадратный дюйм его видимой плоти, конечно, начищен и безупречно чист, но Костюм источает не вполне описуемый запах самого отчаяния и безумия. Он всегда и везде носит с собой три идентичных, запаянных в пластик экземпляра книги о себе самом. Лейни, не разбирающий японских иероглифов, заметил, что на всех трех экземплярах красуется одна и та же фотография самого Костюма, расплывшегося в улыбке, вне всяких сомнений, Костюма лучших времен, почему-то сжимающего в руке хоккейную клюшку. И Лейни знает (не зная, откуда он это знает), что книга – одна из тех самодовольных, неприятных духоподъемных автобиографий, сочиняемых наемными писателями для некоторых чиновников. Но в остальном история Костюма покрыта для Лейни туманом неизвестности, и весьма вероятно, что и для самого Костюма тоже.

Лейни думает о другом, но порой ему приходит в голову, что если он посылает в аптеку Костюма как своего более презентабельного представителя, тогда он, Лейни, действительно в плохой форме.

Так оно, конечно, и есть, но по сравнению со всемирным потоком данных, которые, не иссякая и вольно, как воды Нила, текут сквозь него, заполняя весь его внутренний мир, все это кажется сущим пустяком.

Теперь Лейни знает о существовании талантов, для которых нет имени. О режимах восприятия, которых, возможно, никогда раньше не было и в помине.

Например, в нем развилось непосредственно пространственное ощущение чего-то очень близкого к тотальности всей инфосферы.

Он чувствует ее как некую единую неописуемую форму, как нечто набранное шрифтом Брайля для него лично, на фоне декорации невесть чего, и эта форма причиняет ему боль – ту боль, которую, как было сказано поэтом, мир причиняет Богу[108]. Внутри этой формы он нащупывает узлы потенциальности, они нанизаны на линии, являющиеся историями случившегося, которое становится еще-не-случившимся. Он очень близок, как ему кажется, к видению, в котором прошлое и будущее сливаются воедино; его настоящее, когда он вынужден в него вернуться, представляется все более произвольным, а конкретное расположение этого настоящего на временной линии, которая является Колином Лейни, стало теперь скорее условностью, нежели чем-то абсолютным.

Всю свою жизнь Лейни слышал треп о смерти истории, но,

оказавшись лицом к лицу с буквальной формой всех человеческих знаний, всей человеческой памяти, он начинает понимать, что говорить о смерти истории бессмысленно.

Никакой истории нет. Есть только эта форма, состоящая, в свою очередь, из меньших форм, и так далее – головокружительным фрактальным каскадом до бесконечно высокой степени разрешения.

Но есть еще воля. «Будущее» – всегда во множественном числе.

И поэтому он решает больше не спать, и посылает Костюма купить побольше микстуры «Восстановитель», и вдруг замечает, – когда Костюм выползает наружу из-под занавешивающего вход одеяла дынного оттенка, – что лодыжки бедняги обмазаны чем-то чертовски напоминающим асфальт, вместо носков.

26
«Сбойный сектор» [109]

Шеветта купила два сэндвича с курицей прямо с тележки на верхнем уровне и пошла назад искать Тессу.

Ветер переменился, потом затих, а заодно с ним спал и предштормовой напряг – это странно окрыляющее состояние.

Шторм на мосту всегда был делом серьезным; даже в обычный ветреный день кто-нибудь мог упасть и расшибиться. А если ветер крепчал, мост содрогался, словно корабль, зацепившийся якорем за дно бухты, но стремящийся в море. Сам мост стоял прочно, что бы ни стряслось (хотя Шеветта полагала, что во время того землетрясения он все же сдвинулся, отчего больше и не использовался по назначению), но все, что на нем потом наросло, было очень даже подвижно и, если не повезет, могло-таки сдвинуться, порою с катастрофическими последствиями. Вот почему все так спешили, когда поднимался ветер, – спешили проверить стяжки авиакабелей, кое-как сколоченных пихтовых досок сечением два на четыре дюйма каждая…

Скиннер научил ее всем этим штучкам между делом, хотя по-своему уроки он давать умел. Один из этих уроков касался того, каково было находиться здесь в ту самую ночь, когда мост впервые захватили бездомные. Что это было за чувство – карабкаться через ограду, установленную после того, как землетрясение повредило опоры и движение транспорта остановили.

Это было не так уж давно, если мерить время годами, но целую жизнь назад с точки зрения самой концепции места. Скиннер показывал ей картинки, как выглядел мост прежде, но она, хоть убей, до сих пор не может представить себе, что раньше люди здесь не жили. Еще он показывал ей рисунки, изображавшие старые мосты, мосты с магазинами и домами, что казалось ей логичным: раз есть мост, как можно на нем не жить?

Ей здесь нравится, она готова это признать, но в то же время что-то в ней будто наблюдает со стороны и не участвует, словно она сама снимает документалку вроде той, что хотела снять Тесса, некую внутреннюю версию всех видеопроектов, которые Карсон делал для канала «Реальность». Как будто она вернулась и не вернулась. Как будто стала иной, пока ее тут не было, и за время отсутствия не заметила в себе перемены, а сейчас наблюдает сама за собой.

Вот и Тесса нашлась – сидит на корточках перед узким торцом какой-то лавки, слова «Сбойный сектор» разбрызганы аэрозольным баллончиком по фанерному фасаду, который выглядит так, будто его покрасили серебрянкой с помощью метлы.

На коленях у Тессы лежала «Маленькая Игрушка Бога», часть воздуха выпущена, а сама Тесса возилась с креплением камеры.

– Балласт, – заявила Тесса, подняв глаза, – всегда уходит первым.

– Держи, – сказала Шеветта, протянув ей сэндвич, – пока еще теплый.

Тесса зажала воздушный майларовый шарик коленями и взяла промасленный бумажный пакет.

– Придумала, где собираешься спать? – спросила Шеветта, разворачивая свой сэндвич.

– В фургоне, – сказала Тесса с набитым ртом. – Там все есть, в смысле пена, спальные мешки.

– Только не там, где он стоит, – сказала Шеветта, – там место такое, довольно людоедское.

– Ну и где тогда?

– Если у него еще остались колеса… Есть место, рядом с одним пирсом, в самом начале Фолсом-стрит; люди паркуют там тачки и там же спят. Копы знают об этом, но смотрят сквозь пальцы; им же легче, раз все паркуются в одном месте, выходит вроде как кемпинг. Но куда приткнуться иногда не вдруг найдешь.

– Это хорошо, – сказала наевшаяся Тесса и тыльной стороной ладони вытерла жирные губы.

– Цыплята с моста. Их разводят у Оклендского конца, кормят объедками и всякой дрянью.

Шеветта откусила сэндвич – белая квадратная булочка, присыпанная мучной пылью, – и стала жевать, уставившись от нечего делать в окошко «Сбойного сектора».

Квадратные плоские бирки из пластика разных цветов и размеров сперва озадачили ее, но потом она поняла: это были диски для данных, древние магнитные носители информации. А вон те здоровенные круглые блины черного пластика – аналоговые аудиомедиа, механическая система. Ставишь иголку на спиральную борозду и крутишь эту хреновину. Откусив еще кусочек, она отошла от Тессы, чтобы получше все рассмотреть. В окошке виднелись мотки тонкой стальной проволоки, погрызенные розовые цилиндры из воска с выцветшими бумажными ярлыками, желтоватые прозрачные пластиковые катушки четвертьдюймовой коричневой пленки…

Разглядывая этот склад, она увидела в глубине шеренги старинных процессоров, большинство в корпусах из этого грязно-бежевого пластика. Почему вот люди в первые двадцать лет компьютерной эры абсолютно все делали этого мерзкого цвета? Все цифровые устройства, изготовленные в том веке, были почти на сто процентов такого же убогого сиротского цвета беж – если, конечно, дизайнеры не стремились к какой-нибудь особенной крутизне, и тогда, пущего драматизма ради, неизменно красили все черным. Но в основном эту старую рухлядь штамповали по одному шаблону – безымянных, неприметных оттенков светло-коричневого.

– Все, теперь этой штуке каюк, – печально вздохнула Тесса, которая, прикончив свой сэндвич, снова взялась ковырять отверткой с микрожалом в «Маленькой Игрушке Бога». Отчаявшись, она сунула отвертку Шеветте. – Верни это ему, ладно?

– Кому?

– Сумоисту из лавки.

Шеветта взяла инструмент и вошла в «Сбойный сектор».

За прилавком стоял молодой китаец, весивший, судя по виду, фунтов двести, а то и больше. Голова, как обычно у борцов сумо, недавно обритая, с петушиным хвостом на макушке, маленькая бородка под нижней губой. На нем была хлопковая рубашка с короткими рукавами, в больших тропических цветах, а мочку левого уха пронзал конический шип голубого люцита. Парень стоял за прилавком возле стены, обклеенной рваными постерами с рекламой доисторических игровых приставок.

– Это ведь ваша отвертка?

– Она справилась? – Он даже не шелохнулся, чтобы взять инструмент.

– По-моему, нет, – сказала Шеветта, – но думаю, поняла, в чем проблема.

Послышалось тихое быстрое щелканье. Она посмотрела вниз и увидела робота шести дюймов ростом, стремительно семенящего через прилавок на длинных мультяшных ножках. Он был похож на рыцаря в доспехах: глянцево-белые щитки-сегменты поверх сверкающего каркаса из стали. Она уже видела таких роботов: это были дистанционные периферийные устройства, контролируемые программой, которая заняла бы почти весь объем памяти стандартного ноутбука. Робот остановился, сложил кисти ручек вместе, виртуозно исполнил миниатюрный поклон, выпрямился и протянул свои крохотные кистевые зажимы к отвертке. Шеветта позволила ему взять отвертку и напугалась от резкого рывка его маленьких рук. Он встал по стойке смирно,

пристроив инструмент на плечо, словно крохотную винтовку, и отдал Шеветте честь.

Сумоист, видимо, ожидал реакции, но Шеветта никак не отреагировала. Она ткнула пальцем в бежевое «железо».

– Отчего вся эта старая рухлядь всегда одного цвета?

На лбу сумоиста пролегла складка.

– Есть две теории. Первая сводится к тому, что это должно было помочь офисным работникам привыкнуть к новаторским технологиям, которые могли в конечном итоге привести к радикальной модернизации офиса или его упразднению. Поэтому производители и выбрали оптимальный цвет – он напоминал окраску дешевых кондомов. – Парень ухмыльнулся.

– Да ну? А вторая теория?

– Люди, которые занимались дизайном этого барахла, подсознательно пришли в ужас от собственного продукта и, чтобы не испугаться до смерти, постарались придать ему максимально невзрачный вид. В буквальном смысле «ванильное мороженое без наполнителя». Следите за ходом мысли?

Шеветта поднесла кончик пальца к роботу; тот совершил обходной маневр и отступил, чтобы избежать прикосновения.

– Кому же нужна эта старая рухлядь? Коллекционерам?

– Разве не понятно?

– Кому тогда?

– Программистам.

– Не понимаю, – сказала Шеветта.

– Начнем вот с чего, – сказал он, протянув руку, чтобы крохакибер вложил в нее отвертку. – Когда это старье было новьем, когда эти бедняги писали программы на миллионы строк, по умолчанию предполагалось, что через двадцать лет весь их софт сменит некая улучшенная, продвинутая версия. – Он махнул отверткой в сторону процессоров на полках. – Но производителей ждал сюрприз: они обнаружили, что никто особо не рвется тратить десятки миллионов долларов на замену существующего софта – не говоря уж о «железе», – а также, может, и на переобучение нескольких тысяч наемных работников. Поспеваете за мной? – Он поднял отвертку на уровень глаз и прицелился ей в Шеветту.

– О'кей, – сказала она.

– Так, идем дальше. Если нужно, чтобы техника обучилась новым трюкам или лучше выполняла старые, что ты делаешь – пишешь новые программы, так сказать, с нуля или же латаешь старые программы?

– Латаю старые?

– В самую точку. Ты наращиваешь новые алгоритмы. Когда

машины заработали быстрее, стало не важно, что алгоритм решает задачу за триста шагов, хотя, в принципе, можно обойтись всего тремя. Так и так на все про все уходит доля секунды, ну и кому какое дело?

– Ладно, – сказала Шеветта, – ну и кому какое дело?

– Разным умникам, – сказал он и почесал свой «петушиный хвост» концом отвертки, – которые понимают, что́ реально творится, а именно: такой вот ископаемый софт непрерывно наращивает кору подпрограмм, и в итоге ни один программист в буквальном смысле не может понять, как же конкретно решается та или иная задача.

– Я все равно не вижу, какой может быть прок от этой туфты.

– Ну, на самом-то деле ты абсолютно права. – И он подмигнул. – Рубишь, сестричка. Но факт остается фактом: существуют очень продвинутые ребята, которым нравится иметь под боком всю эту рухлядь… может быть, просто чтобы не забывать, откуда пошли все нынешние навороты и что нынче мы занимаемся одним – непрерывно ставим заплаты. Ничто не ново под луной, сечешь?

– Благодарю за отвертку, – сказала Шеветта. – Мне нужно срочно пойти повидать одного маленького африканца.

– Что, правда? И зачем?

– Фургон, – сказала Шеветта.

– Ну, подруга, – сказал он, приподняв брови, – соображаешь!

27
Ночлег и завтрак

Райделл видит, как здесь, на нижнем ярусе, темно, узкая главная улица запружена деловито снующей толпой, зеленоватый свет отрытых на свалках флуоресцентных ламп пробивается сквозь пугающие сплетения прозрачных водопроводных труб, ручные тележки громыхают мимо, чтобы занять свои дневные позиции. Он вскарабкался на один пролет лязгающей стальной лестницы, через отверстие, небрежно пробитое в дорожном покрытии над головой, и вылез на верхний ярус.

Сюда попадало чуть больше рассеянного света. Освещение скрадывалось наваленными лачугами-коробками, между ними – навесные мостики, мокрые паруса постиранного белья, поднятые последним вздохом угасшего ветра.

Юная девушка с карими глазами, большими, как у героинь старого аниме, раздает желтые флаеры «Ночлег и завтрак». Он изучил карту на обороте листовки.

Потопал дальше, с сумкой через плечо и «глоб-эксовской» посылкой под мышкой, и через пятнадцать минут наткнулся на нечто, украшенное розовой неоновой вывеской «Плошка мяса от шеф-повара гетто». Он узнал название с оборотки желтого флаера, на карте оно значилось как ориентир для поиска «ночлега и завтрака».

К заведению с запотевшими окнами стоит очередь, цены написаны на картонке вроде как лаком для ногтей.

Он лишь однажды был на мосту, да и то ночью, в дождь. То, что он видел сейчас, напомнило ему парк аттракционов, Ниссан Каунти или Скайуокер-парк, и он удивился, как же можно держать подобное заведение без охраны или хотя бы элементарного полицейского поста.

Вспомнилось, что́ Шеветта говорила ему об отношениях «мостовых» и полиции: одни стараются держаться моста, а другие – держаться от него подальше.

Он заметил стопку желтых флаеров у фанерной двери в стене, всего в нескольких футах от входа в «Шеф-повар гетто». Дверь оказалась не заперта и вела в некое подобие коридора – узкого, обитого белым упругим пластиком, натянутым на каркас из бруса. Кто-то успел накарябать на обеих стенах граффити – похоже, толстым черным маркером, – но коридор был слишком узким, так что общего замысла «художника» не разобрать. Звезды, рыбы, круги с крестами внутри… Пришлось Райделлу нести

сумку за спиной, а «глоб-эксовскую» коробку спереди. Дойдя до конца коридора и свернув за угол, он очутился в чьей-то чрезвычайно тесной кухне.

Стены, оклеенные полосатыми обоями, причем на каждой стене – разными, словно вибрировали. Женщина помешивала что-то на маленькой газовой плитке. Не такая уж старая, вот только седая, с пробором посередине. Такие же огромные глаза, как у девушки, только серые, а не карие.

– Ночлег и завтрак? – спросил он ее.

– Бронировали место?

На ней были мужская твидовая спортивная куртка с рукавами, протертыми на локтях, надетая поверх джинсовки, и фланелевая бейсбольная рубашка без воротничка. Никакой косметики. Лицо обветренное. Длинный нос с горбинкой.

– Нужно было бронировать?

– Мы сдаем комнаты через агентство в городе, – сказала женщина, вынув деревянную ложку из закипавшего варева.

– Это мне дала девушка, – сказал Райделл, показав ей флаер, который все еще был у него в руках, прижатый к сумке.

– Вы хотите сказать, она их действительно раздает?

– Вручила прямо в руки, – ответил он.

– Деньги есть?

– Кредитный чип, – сказал Райделл.

– Заразные болезни?

– Нет.

– Наркоман?

– Нет.

– Наркодилер?

– Нет, – сказал Райделл.

– Что-нибудь курите? Сигареты, трубку?

– Нет.

– Агрессивны?

Райделл заколебался.

– Нет.

– И еще, признаете ли вы Господа Иисуса Христа своим личным спасителем?

– Нет, – сказал Райделл, – не признаю.

– Прекрасно, – сказала она, погасив горелку. – Вот чего я действительно не переношу. Выросла среди этих психов.

– Все-таки, – сказал Райделл, – нужно мне бронирование, чтобы переночевать у вас тут, или нет?

Он разглядывал кухню, недоумевая, где прячется это самое «тут»; кухня была примерно семь на семь футов, и нигде никакого другого входа, кроме того дверного проема, в который Райделл и

втиснулся. Из-за обоев, кое-где отставших от пара, помещение казалось декорацией на сцене любительского театра.

– Нет, – сказала она, – не нужно. У вас же флаер.

– А место у вас есть?

– Конечно. – Она сняла горшок с плитки, поставила его на круглый металлический поднос, лежавший на маленьком крашеном белом столике, и накрыла чистым кухонным полотенцем. – Ступайте, откуда пришли. Ступайте, ступайте. Я выйду следом.

Он послушался – вышел и стал ждать ее в дверях. Заодно заметил, что очередь к «Шеф-повару гетто» стала еще длиннее.

– Нет, – сказала женщина у него за спиной, – это здесь, наверху.

Он обернулся и увидел, как она дернула за конец длинной оранжевой веревки из нейлона, отчего каскадом обрушилась алюминиевая лесенка на противовесе.

– Лезьте наверх, – сказала она, – я пришлю ваши сумки.

Райделл опустил на асфальт свой вещмешок и «глобэксовскую» посылку и встал на нижнюю ступень лесенки.

– Смелее, – сказала она.

Райделл вскарабкался наверх и обнаружил невероятно тесное помещение, в котором, очевидно, ему и предлагалось спать. Сперва он подумал, что кто-то решил устроить здесь японский капсульный отель из обрезков досок, купленных на распродаже стройматериалов. Стенки были из какой-то обшивки дешевого дерева, которая имитировала скверную имитацию какой-то другой обшивки, которая, вероятно, имитировала некий ныне забытый оригинал. Крохотный квадрат пола рядом с Райделлом – единственная часть комнаты, не занятая кроватью, – был застлан ковриком с коротеньким ворсом странного бледно-зеленого цвета с оранжевыми блестками. Уличный свет проникал из дальнего конца комнаты, где, как решил Райделл, было изголовье кровати, но ему пришлось бы встать на колени, чтобы понять, как такое возможно.

– Хотите снять этот номер? – крикнула снизу женщина.

– Конечно хочу, – сказал Райделл.

– Тогда тяните наверх свои сумки.

Он обернулся и увидел, как она ставит его вещмешок и «глобэксовскую» посылку в ржавую проволочную корзину, которую подвесила к лесенке.

– Завтрак в девять ноль-ноль, – сказала она, не глянув наверх, и исчезла.

Райделл подтянул к себе лесенку с багажом за оранжевую веревку. Он вытащил из корзины вещи, а лесенка осталась в том

же положении, – видно, ее удерживал невидимый противовес.

Он встал на четвереньки, заполз в свою спальню по шмату пены, накрытой типичным микрошерстным одеялом на пенной основе, и уткнулся головой в какую-то пластиковую полусферу (возможно, самолетный блистер), приклеенную эпоксидкой с внешней стороны стены. Снаружи блистер был покрыт как будто слоем соли, застарелыми отложениями морских брызг и пены. Свет внутрь он пропускал, но едва-едва. Спать, судя по всему, придется, засунув голову прямо в эту хреновину. Ничего, сойдет и так. Пахло здесь странно, но не противно. Надо бы спросить, сколько стоит ночлег, но с этим можно повременить.

Райделл сел на край кровати и снял туфли. Из обоих носков пальцы торчат. Нужно купить побольше носков.

Он достал из куртки очки, надел их и вызвал из памяти номер Лейни. Слушая гудки, представлял себе комнату где-то в Токио, в которой звенит телефон, некий роскошный отель, хотя, возможно, телефон звенел в офисе на столе, громадном, как у Туна, только реальном. Лейни взял трубку на девятом гудке.

– «Сбойный сектор», – пробормотал Лейни.

– Что?!

– Кабель. Он там.

– Какой еще кабель?

– Для проектора.

В эту секунду Райделл глядел на «глоб-эксовскую» коробку.

– Какого еще проектора?

– Который ты сегодня забрал в «Глоб-эксе».

– Погоди минутку, – сказал Райделл, – ты-то откуда знаешь?

Минутная пауза.

– Просто знаю.

– Слушай, – сказал Райделл, – у меня тут неприятности. Я подрался. Ну то есть не я подрался, другой парень, но драка вышла из-за меня. Они просмотрят записи охранной системы «Глоб-экса» и узнают, что я расписался за тебя. И у них будет видеоролик со мной.

– Ничего у них на тебя нет.

– Да есть у них все! – запротестовал Райделл. – Я же там был!

– Не был, – сказал Лейни. – У них есть видеоролик со мной.

– О чем вообще речь, Лейни?!

– О бесконечной пластичности цифры.

– Но я расписался. Написал свое имя, не твое.

– На экране, верно?

– Ну-у… – Райделл задумался. – Кто это, интересно, может взломать «Глоб-экс» и переписать эти данные?

– Не я, – сказал Лейни, – но я вижу, что их переписали.

– Ну и кто это сделал?

– Сейчас это чисто теоретический вопрос.

– Что это значит?

– Это значит – не задавать вопросов. Ты сейчас где?

– На мосту, в «ночлеге с завтраком». А ты меньше кашляешь.

– Это голубой сироп, – сказал Лейни; Райделл понятия не имел, о чем это он. – Где проектор?

– Штука вроде термоса? У меня.

– С собой не таскай. Найди лавку под названием «Сбойный сектор» и скажи, что тебе нужен кабель.

– Какой именно кабель?

– Тебя будут ждать, – сказал Лейни и дал отбой.

Райделл сидел на кровати, в солнцезащитных очках, порядком разозленный на Лейни. Чувствовал жгучее желание провалить операцию. Найти работу в парковочном гараже. Сидеть себе и глазеть на природу в бывшем деловом центре Детройта.

Но тут чертова рабочая этика не дала ему покоя. Он снял очки, засунул их в карман куртки и принялся вновь надевать туфли.

28
Фолсом-стрит

Начало Фолсом-стрит под дождем, все эти закопченные микроавтобусы, кособокие домики на колесах, рванобрюхие колымаги всех мастей, лишь бы к ним было применимо слово «древний»; машины, ездившие – если они вообще ездили – на бензине.

– Ты только глянь, – сказала Тесса, подогнав свой фургон впритык к старому «хаммеру», в прошлом армейскому: каждый квадратный дюйм облеплен микромусором на эпоксидке, миллион мельчайших обломков производства, мокро блестящих в свете фар.

– Думаю, здесь найдется свободное место, – сказала Шеветта, вглядываясь в мутные размывы «дворников».

«Дворники» Тессова фургона были в стиле Малибу – старые и успевшие отвыкнуть от влаги. Когда дождь зарядил всерьез, подругам пришлось снизить скорость и буквально ползти весь последний квартал до самого Эмбаркадеро.

Теперь капли размеренно барабанили по металлической крыше фургона, но Шеветта знала Сан-Франциско и понимала, что это ненадолго.

Черный парень с дредами честно заработал свой чип на полсотни. Когда они вернулись, он неприветливо горбился на поребрике, словно горгулья, и покуривал русские сигареты из красно-белой пачки, сунутой за подвернутый рукав поношенной армейской рубашки, которая была ему на три размера велика. Фургон, как ни странно, все еще был на колесах, и шины целы.

– Как думаешь, чего он там бубнил, – спросила Тесса, маневрируя между замшелым школьным автобусом, воистину антиквариат, и развалленным катамараном на трейлере со сгнившими шинами, – про то, что тебя, мол, искали?

– Не знаю, – сказала Шеветта; она спросила мальчишку кто, но он лишь пожал плечами и отвалил, предприняв сначала решительную попытку выклянчить у Тессы «Маленькую Игрушку Бога». – Может, он и сказал бы кто, если бы ты отдала ему камеру.

– Ага, как же, – сказала Тесса, заглушив двигатель, – это половина моей доли от дома в Малибу.

Сквозь щели-оконца крохотной кабинки катамарана струился свет, и внутри кто-то копошился. Шеветта принялась опускать свое окошко, но ручку заело через два оборота, так что ей

пришлось открыть дверцу.

– Эй, это место Бадди, – сказала девочка, высунувшись из люка катамарана; она говорила громко, стараясь перекрыть шум дождя, хриплым, немного испуганным голосом. Стояла, съежившись то ли под старым пончо, то ли под куском брезента, так что Шеветта не могла разглядеть лица.

– Да ладно… – сказала Шеветта, – нам нужно встать тут всего на одну ночь или хотя бы пока дождь не стихнет.

– Здесь паркуется Бадди.

– Ты не знаешь, когда он собирался вернуться?

– А тебе-то что?

– Завтра мы уедем с утра пораньше, – сказала Шеветта, – мы просто две тетки. Не возражаешь?

Девочка чуть приподняла брезент, и Шеветта мельком увидела блеск ее глаз.

– Две тетки, и все?

– Давай мы останемся, – сказала Шеветта, – тогда не будешь дергаться, кого еще принесет вместо нас.

– Ладно, – сказала девчушка.

И пропала, нырнув обратно. Шеветта услышала, как, скрипя, закрывается люк.

– Подтекает, тварь, – сказала Тесса, изучая крышу фургона при свете черного карманного фонарика.

– Не думаю, что дождь на всю ночь, – сказала Шеветта.

– Так мы можем припарковаться?

– Пока не вернулся Бадди.

Тесса посветила фонариком в заднюю часть фургона. Там уже изрядно натекло.

– Давай перетащим вперед пленку и спальники, – сказала Шеветта, – чего им зря мокнуть.

Она пролезла между сиденьями в глубину фургона.

29
Порочный круг

Включив очки, Райделл нашел карту моста – магазинный и ресторанный путеводитель для туристов. Текст был на португальском, но можно было вызвать и английскую версию.

Справился он не сразу; стоило неверно шевельнуть трекболом, и его вновь перекидывало на клятые схемы метрополитена Рио, но в конце концов он умудрился-таки открыть искомое. Не GPS-карту, а просто чертежи обоих ярусов, бок о бок, но кто ж его знает, насколько они устарели.

Его «ночлега с завтраком» на карте не было, зато были и «Плошка мяса от шеф-повара гетто» (три с половиной звезды), и лавка «Сбойный сектор».

Подсказка, всплывшая над картой, когда он щелкнул на «Сбойный сектор», описала его как «источник винтажного железа и софта с характерным упором на двадцатый век». Насчет характерного упора он не очень понял, но, к счастью, распознал, где лавка находится: нижний ярус, неподалеку от бара, где они сидели с Кридмором и его приятелем-гитаристом.

За слоем трижды поддельных панелей имелся шкафчик для всякого скарба, туда он и спрятал свой вещмешок и «глоб-эксовскую» посылку с «термосом». Кнопарь он, чуть подумав, сунул под шмат пены. Скинуть бы клятую штуковину в бухту, но запаришься, прежде чем найдешь для этого открытое место, на мосту же все застроено. Таскать нож с собой он не хотел, ну да ладно, как-нибудь избавится от него потом.

Когда он вышел наружу, дождь поливал вовсю, он уже видел раньше дождь на мосту – когда в первый раз оказался здесь. Выглядело это так: дождь падал на беспорядочное скопление коробок-лачуг, построенных местным народом на самом верху, и вскоре просачивался вниз широкими разбегающимися ручьями – словно кто-то вынул пробку из ванны. Ничего похожего на дренажную систему здесь не было, постройки возводились случайным образом, так что верхний уровень, хоть и под крышей, был каким угодно, только не сухим.

Казалось, из-за дождя очередь к «Шеф-повару гетто» весьма поредела, и он быстро прикинул, не поесть ли, но потом вспомнил, что Лейни выдал ему аванс и теперь хочет, чтобы он незамедлительно пошел в этот «Сбойный сектор» и достал этот чертов кабель. Так что вместо того, чтобы поужинать, он, пригнув голову, стал спускаться на нижний ярус.

Здесь было относительно сухо и потому очень людно. Казалось, будто проталкиваешься через очень длинный неудобный вагон подземки в час пик, вот только добрая половина «пассажиров» занималась в точности тем же, двигаясь в обоих направлениях, а другие стояли как вкопанные, загораживая проход и отчаянно пытаясь торговать всяким барахлом. Райделл вынул свой бумажник из правого заднего кармана брюк и переложил в правый передний.

Толпа действовала Райделлу на нервы. Ну, скорее не сама толпа, а связанная с ней толкучка. Слишком тесно, люди напирают со всех сторон. Кто-то мазнул рукой по его заднему карману, пытаясь нащупать бумажник, которого там уже не было. Кто-то сунул ему прямо под нос эти длинные тонкие мексиканские штуки из обжаренного теста, выкрикивая цену по-испански. Он обнаружил, что инстинктивно втягивает голову в плечи.

Здешний запах начал его доставать: пот и парфюм, мокрые шмотки, жареная пища. Вернуться бы к «Шеф-повару гетто» да выяснить, за что заведение получило свои три с половиной звезды.

Еще немного этого безобразия, и с меня хватит, решил он, высматривая над головами толпящихся очередную лестницу на верхний ярус. Уж лучше насквозь промокнуть.

Но тут вдруг проход расширился и стало довольно просторно, толпа отхлынула в обе стороны, где были лотки с продуктами, кафе и магазинчики, и сразу обнаружился «Сбойный сектор» – прямо по курсу, сверху донизу вымазанный чем-то вроде старой алюминиевой краски, которой красили печи для обжига.

Райделл передернулся, пытаясь стряхнуть вызванное толпой напряжение. Он весь вспотел, сердце бешено билось. Заставил себя сделать пару глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Во что бы там Лейни его ни втравил, он хотел все сделать как надо. Если психовать, как сейчас, кто его знает, как все повернется. Спокойствие. Главное – не заводиться.

Завелся он почти тут же, не сходя с места.

За прилавком стоял здоровенный китаец, почти наголо обритый, с крошечной бородкой, будто прилепленной под нижней губой, такие бородки всегда действовали Райделлу на нервы. Очень здоровенный парень, со странно гладкой кожей, просто гора мышц. В гавайской рубашке с огромными розовато-лиловыми орхидеями.

Антикварные, в золотой оправе, очки «Рэй-Бэн Авиатор» и типичная говноедская ухмылочка. Ухмылочка Райделла особенно взбесила.

– Мне нужен кабель, – сказал он, и прозвучало это полузадушенно; звук собственного голоса ему не понравился, что окончательно вывело его из себя.

– Я знаю, что вам нужно, – ответил китаец с такой показной скукой, которой Райделл не мог не заметить.

– Тогда ты, должно быть, знаешь, какой именно кабель мне нужен, верно?

Райделл подошел ближе к прилавку. К стенке были прикноплены старые рваные постеры с рекламой непонятных штук под названием «Heavy Gear II» или «T'ai Fu»[110].

– Вам нужны два кабеля. – Ухмылочка исчезла, парень изо всех сил старался выглядеть крепким орешком. – Первый шнур – сетевой: воткнете в любой источник постоянного тока либо в стенную розетку со встроенным трансформатором. Как думаете, справитесь?

– Может, и справлюсь. – Райделл вплотную прижался к прилавку и покрепче упер ноги. – Расскажи-ка мне про второй кабель. Ну, например, что именно он соединяет и с чем?

– Мне платят не за то, чтобы я вам тут все растолковывал, понятно?

На прилавке валялся какой-то длинный тонкий инструмент. Что-то вроде специальной отвертки.

– Нет, – сказал Райделл, взяв с прилавка отвертку и изучая ее острый конец, – но ты мне сейчас все растолкуешь.

Он схватил парня за левое ухо свободной рукой, взял с дюйм черенка отвертки между большим и указательным пальцем и засунул жало ему в правую ноздрю. Держать его за ухо было легко, потому что китаец продел через мочку какой-то толстый шип из пластика.

– Ой, – сказал парень.

– На пазухи не жалуемся?

– Нет.

– Дело наживное. – Он отпустил его ухо; китаец стоял, боясь шелохнуться. – Надеюсь, ты не будешь дергаться?

– Нет…

Райделл снял с него «Рэй-Бэны» и швырнул их через правое плечо.

– Меня уже тошнит от людей, которые скалят зубы оттого, что знают всякую хренотень, которой не знаю я. Усек?

– О'кей.

– Что значит «о'кей»?

– Ну, просто… о'кей.

– О'кей, тогда где чертовы кабели?

– Они под прилавком.

– О’кей, тогда откуда они там взялись?

– Сетевой шнур стандартный, но лабораторного класса: трансформатор, фильтр. Второй шнур… я не могу сказать вам…

Райделл чуть-чуть сместил инструмент, и зрачки у парня расширились.

– Не о’кей, – сказал Райделл.

– Не знаю я! Знаю, что пришлось собирать его по спецификациям аж во Фресно[111]. Я только торгую тут в лавке. Никто мне не сообщает, кто за что платит. – Он сделал глубокий судорожный вдох. – А если б хоть раз сообщили, то кто-нибудь вроде вас пришел бы сюда и заставил меня говорить, разве нет?

– Да-а… – протянул Райделл, – и это значит, что сюда в любой момент могут явиться люди, которые будут резать тебя на кусочки, пока ты не скажешь им все – даже то, чего не знаешь…

– В кармане моей рубашки, – осторожно сказал китаец, – есть адрес. Пойдите туда, потолкуйте с кем-нибудь, может, они вам и скажут.

Райделл легонько прощупал перед рубашки, убедиться в отсутствии там использованных игл и прочих сюрпризов. Мощная мышца под самым карманом слегка напрягла его. Он просунул внутрь два пальца и извлек картонную карточку, криво вырезанную из чего-то более крупного. Райделл увидел адрес веб-сайта.

– Кабельщики?

– Не знаю. Не знаю также, зачем бы мне давать вам это.

– И это все, что ты знаешь?

– Да.

– Не двигайся, – сказал Райделл. Он вытащил инструмент из ноздри парнишки. – Кабели под прилавком?

– Да.

– Не думаю, что позволю тебе за ними нагнуться.

– Стойте, – сказал парень, подняв обе руки, – я должен предупредить вас: там, под прилавком, робот. Ваши кабели у него. Он просто хочет вручить их вам, но вы можете не так понять.

– Робот?

– С ним все о’кей!

Показалась крохотная, тщательно отполированная стальная клешня, сильно напомнившая Райделлу щипчики для сахара, которые когда-то были у его матери. Щипцы уцепились за край прилавка. Потом существо подтянулось на подбородке, словно однорукое, и Райделл увидел голову. Робот закинул ногу и вскарабкался на прилавок, волоча за собой два запаянных пластиковых конверта. Голова его была непропорционально мала,

с одного боку из нее торчала вверх крыловидная антенна или еще какой выступ. Всё в лучших японских традициях: крохотный худой сверкающий робот одет в белые доспехи не по росту, предплечья и голени шире плечей и бедер. Робот выволок прозрачные конверты – в каждом аккуратно свернутый кабель – на прилавок, положил их и осторожно, по-рачьи, дал задний ход. Райделл взял конверты, засунул в карман своих брюк цвета хаки и, передразнивая движения робота, дал задний ход – осторожно, по-рачьи.

Краем глаза он заметил, что рэй-бэновские очки китайца целы.

Уже стоя в дверях, он швырнул черную отвертку парню, который рванулся схватить ее, но промахнулся. Она отскочила от постера «Heavy Gear II» и завалилась куда-то за стойку.

Райделл нашел гибрид автопрачечной и кафешки, под названием «Порочный круг», в глубине которого имелась интернет-дека, отгороженная ширмой из черного пластика. Судя по наличию ширмы, с интернет-деки ходили на порносайты, вот только зачем заниматься этим в автопрачечной?

Как бы то ни было, ширме Райделл обрадовался: он не любил на людях разговаривать с невидимым собеседником, поэтому интернет-кафе обычно избегал. Он сам не понимал, почему телефонная связь, обычное аудио, его не смущала. Не смущала, и все. Когда говоришь с кем-то по телефону, это не выглядит так, словно разговариваешь с невидимым собеседником, хотя, разумеется, так оно и есть. Ты разговариваешь с телефоном. А вот, кстати, если через наушник бразильских очков…

Он плотно задвинул за собой ширму, оставшись наедине с грохотом сушильных машин. Этот звук всегда действовал на него успокаивающе. Провод уже соединял очки с декой. Он надел их и трекболом ввел нужный адрес.

Пролетел сквозь короткую и, по всей вероятности, чисто символическую заставку в виде неонового дождя с преобладанием розовых и зеленых штрихов и вдруг оказался там.

Среди пустого пространства, образ которого промелькнул в коридоре у Туна, – внутренний двор потустороннего замка, занесенный песком и освещенный сверху жутким, безжизненным светом.

На этот раз, впрочем, он мог посмотреть наверх. Казалось, он стоит на полу огромной пустой вентиляционной шахты, стены причудливо текстурированной тьмы вздымаются, как в каньоне.

Высоко-высоко виднеется световой люк размером примерно с большой плавательный бассейн, оттуда, через вековую грязь и

наносы чего-то более массивного, сочится пятнистый дневной свет. Перемычками из черного металла разделялись длинные прямоугольники, некоторые в дырах, как от пулеметной очереди; он догадался, что это останки древнего армированного стекла.

Когда он опустил голову, те двое уже ждали, откуда-то взявшись, – сидят на причудливых китайских стульях.

Один тощий, бледный, в темном костюме неопределенной эры производства, с высокомерно поджатыми губами. На нем очки в массивной прямоугольной оправе из черного пластика и шляпа с загнутыми полями – такую Райделл видел только в старом кино. Шляпа низко надвинута на глаза, чуть выше очков. Он сидит, положив ногу на ногу, и Райделлу видны его черные «оксфорды». Руки сложены на коленях.

Второй являл собою куда более абстрактную фигуру, лишь смутно напоминая человека; место, где, по идее, должна быть голова, венчала корона из пульсирующей крови, как будто жертву снайпера в момент попадания засняли на видео, а запись закольцевали. Ореол из крови и мозгов мерцал, не успокаиваясь. Под «взрывом» – рот отверст в беззвучном вопле. Все остальное – за исключением рук, вцепившихся, словно в агонии, в тускло блестящие ручки стула, – как будто распадалось под натиском страшного огненного ветра. Райделлу вспомнилась черно-белая кинохроника, эпицентр атомного взрыва в замедленной съемке.

– Мистер Райделл, – сказал человек в шляпе, – благодарю за визит. Можете называть меня Клаус. А это… – он сделал жест бледной, словно из бумаги, рукой, которая незамедлительно вернулась на колено, – это Петух.

Некто по имени Петух не шевельнулся, когда заговорил, но разинутый рот периодически оказывался не в фокусе. Голос страшилища был звуковым коллажем, как в туновском коридоре.

– Послушайте, Райделл. В данный момент вы несете ответственность за некий предмет, имеющий чрезвычайную важность и обладающий величайшей потенциальной ценностью. Где он?

– Я не знаю, кто вы такие, – ответил Райделл, – и не скажу вам ни слова.

Ни один из них не отозвался, наконец Клаус сухо кашлянул.

– Единственно верный ответ. Вы поступите мудро, если будете держаться такой позиции. Действительно, вы не имеете ни малейшего понятия, кто мы такие, и если нам через какое-то время вновь придется предстать перед вами, вы нас не узнаете.

– Так чего ради мне вас слушать?

– В вашем положении, – сказал Петух голосом, который напоминал звук бьющегося стекла, модулированный под

человеческую речь, – я бы посоветовал слушать каждого, кто решит к вам обратиться.

– Но доверять или не доверять тому, что услышите, – ваш выбор, – сказал Клаус, щегольски поправляя манжеты, и вновь скрестил руки.

– Вы хакеры, – сказал Райделл.

– На самом деле, – сказал Клаус, – для нас лучше подходит слово «послы». Мы представляем… – он помедлил, – другую страну.

– Хотя, конечно, – сказал непрерывно распадающийся Петух, – не в любом устаревшем смысле чисто геополитических…

– Слово «хакер», – перебил Клаус, – имеет определенные криминальные коннотации…

– Чего мы никак не можем принять, – встрял Петух, – так как давным-давно учредили автономную реальность, где…

– Успокойся, – сказал Клаус, и Райделл перестал гадать, кто здесь главный. – Мистер Райделл, ваш работодатель мистер Лейни недавно стал, за неимением более удачного выражения, нашим союзником. Он привлек наше внимание к определенной проблеме, и мы, несомненно, только выиграем, оказав ему посильную помощь.

– Что за проблема?

– Объяснить это достаточно трудно, – сказал Клаус, кашлянув, – если вообще возможно. Мистер Лейни наделен крайне специфическим талантом, который недавно с блеском нам и продемонстрировал. Мы находимся здесь для того, мистер Райделл, чтобы заверить вас: все ресурсы «Застенного города» будут в вашем распоряжении в грядущем кризисе.

– Какой еще город? – спросил Райделл. – Какой еще кризис?

– Узловая точка, – сказал Петух голосом, журчащим, словно струйка воды в каком-то незримом баке.

– Мистер Райделл, – сказал Клаус, – вы не должны ни на секунду расставаться с проектором. Советуем вам использовать его при первой же возможности. Освойтесь с ней.

– С кем?

– Мы опасаемся, – продолжал Клаус, – что мистер Лейни, по состоянию здоровья, не сумеет продолжить дело. Некоторые из нас обладают тем же талантом, но проявляется он неизмеримо слабее. Если Лейни будет для нас потерян, мистер Райделл, то мы опасаемся худшего из возможных исходов.

– Господи Исусе, – сказал Райделл, – вы думаете, я понимаю, о чем речь?

– Поверьте, мистер Райделл, я вовсе не пытаюсь специально вас запутать. Сейчас нет времени для объяснений, а некоторые

вещи, видимо, объяснить и вовсе невозможно. Просто запомните то, что вам сказали, и знайте: мы всегда к вашим услугам, вот адрес. А теперь вы должны незамедлительно вернуться в ту точку пространства, где спрятан проектор.

Они исчезли, вместе с ними исчез и черный двор замка, свернулся во фрактальную сферу зелено-розового неона, которая сжалась в точку и погасла во тьме за бразильскими солнцезащитными очками, оставив на сетчатке Райделловых глаз яркие искры.

30
«Близняшки»

Фонтейн провисел почти всю вторую половину дня на телефоне, пытаясь сбагрить зловещих японских пупсов Клариссы, обзванивая дилеров по списку в порядке убывания вероятности.

Он знал, что так дела не делаются, если хочешь заработать побольше, но он не был экспертом на кукольном рынке; кроме того, от этих копий «близняшек» у Фонтейна начинались кошмары.

Дилеры в основном норовили дешево купить оптом, чтобы затем продать коллекционерам подороже. Фонтейн давно понял, что если ты коллекционер, то дилеров насылает на тебя матушка-природа в целях разъяснения: что-то у тебя, парень, денег многовато. Но всегда был шанс отыскать прощелыгу, который знает кого-нибудь из числа особых покупателей, к кому стоит обратиться. Вот на что надеялся Фонтейн, когда начал обзвон.

Но после восьми бесполезных звонков ему пришлось вести переговоры с неким Эллиотом (залив Бискейн, Флорида), которого, как он знал, однажды посадили под электронный домашний арест за махинации с фальшивыми Барби. Это было федеральное преступление, а Фонтейн обычно старался избегать подобных людей, но у Эллиота, кажется, имелся выход на покупателя. Хотя он, как и следовало ожидать, всячески темнил.

– Состояние товара, – говорил Эллиот. – Три первостепенных пункта в этом деле суть состояние, состояние и еще раз состояние.

– Эллиот, по-моему, они выглядят замечательно.

– На шкале НАКАК нет оценки «замечательно», Фонтейн.

Фонтейн не был уверен на сто процентов, но подумал, что данное сокращение могло означать лишь Национальную Ассоциацию Коллекционеров Анимированных Кукол.

– Эллиот, я понятия не имею, как оценивается состояние этих штучек-дрючек. Все пальцы на руках и ногах у них на месте, так? В смысле, эти чертовы твари будто живые, понятно?

Фонтейн услышал, как Эллиот вздыхает. Он ни разу с ним не встречался.

– Мой клиент, – сказал Эллиот, произнося слова медленно, со значением, – помешан на состоянии. Мой клиент хочет, чтобы они были свежайшими. Чтобы они были свежее свежего, упакованные в коробочки. Клиенту нужен новехонький антиквариат.

– Эй, послушай, – сказал Фонтейн, вспомнив, что говорила Кларисса, – эти штуки не бывают нетронутыми, да? Бабушки-дедушки покупали их в качестве… э… суррогатных отпрысков, да? Такое вот дорогое развлечение. Их тискали, ими пользовались.

– Не всегда, – ответил Эллиот. – Самые ценные экземпляры – и у моего клиента есть несколько таких – это копии, заказанные незадолго до безвременной кончины новорожденного внука.

Фонтейн отнял трубку от уха и посмотрел на нее, как на мерзкую тварь.

– Мать вашу за ногу, – прошептал Фонтейн.

– Что ты сказал? – спросил Эллиот. – А?

– Прости, Эллиот, – сказал Фонтейн, вновь поднеся трубку к уху, – меня срочно ждут на другой линии. Я перезвоню. – Фонтейн прервал связь.

Он сидел, нахохлясь, на высоком табурете за стойкой. Отклонился вбок, чтобы еще раз глянуть на полную сумку «близняшек». Они выглядели отвратительно. Они были отвратительны. Эллиот был отвратителен. Кларисса тоже была отвратительна, но внезапно на Фонтейна накатило мимолетное напряженно-эротичное видение с участием той, с кем он давно уже не имел сексуального контакта. То, что в этой фантазии в буквальном смысле участвовала именно Кларисса, он воспринял как весьма знаменательный факт. То, что эта фантазия тут же вызвала у него полноценную эрекцию, он воспринял как еще более знаменательный факт. Он вздохнул. Оправил штаны.

Жизнь, философски отметил он, штука твердая, как орех.

Сквозь шум дождя, сбегающего по канавкам вокруг лавки (Фонтейн починил водостоки), из задней комнаты доносилось тихое, но быстрое щелканье, и он отметил его особую регулярность. Каждый из этих кликов означал очередные часы. Он показал мальчишке, как открывать аукционы на ноутбуке – не все эти «Кристи» и «Антикворум», а настоящие, живые аукционы в Сети, похожие на драки без правил. А еще он ему показал, как делать закладки, решив: было бы забавно собрать то, что понравится парню.

Фонтейн вздохнул снова, на этот раз – поскольку не имел ни малейшего понятия, что ему теперь делать с этим мальчишкой. Впустив его однажды по той причине, что ему захотелось – чертовски захотелось – взглянуть поближе на «Жаже Лекультр» военного образца, Фонтейн теперь не смог бы никому объяснить, почему вдобавок начал подкармливать парня, сводил его в душ, купил ему новые шмотки и показал, как пользоваться шлемом виртуальной реальности. Он не смог бы этого объяснить даже

самому себе. Он не был склонен к благотворительности, нет, едва ли, но иногда ловил себя на том, что будто бы пытается исправить какое-то одно конкретное зло в мире. В этих попытках Фонтейн никогда не видел особого смысла, ибо то, что следовало исправить, исправлялось совсем ненадолго, а на самом деле вовсе не менялось.

И вот теперь – этот мальчик; вполне может быть, у него какая-то мозговая травма, и к тому же наверняка врожденная, но Фонтейн полагал, что беда не имеет первопричины. Могло быть и чистой воды невезение, но гораздо чаще Фонтейну приходилось видеть, как жестокость, пренебрежение или неблагополучные гены прорастают сквозь поколения, сплетаясь, будто виноградные лозы.

Он сунул руку в карман своих твидовых штанов, где берег «Жаже Лекультр». Там они лежали в целости и сохранности, в гордом одиночестве, чтобы ничего не поцарапало. Он вынул их и полюбовался, но общий настрой его мыслей помешал минутному развлечению, маленькому удовольствию, которое он надеялся получить.

Ну как, скажите на милость, в который раз подивился он, как этот парнишка сумел завладеть столь элегантным предметом серьезной коллекционной ценности?

И еще его поражало мастерство выделки ремешка. Он в жизни не видел ничего даже отдаленно похожего, притом что ремешок был предельно прост. Ремесленник сел за рабочий стол, взял часы, «ушки» которых соединялись не пружинными защелками, а намертво приваренными стерженьками нержавеющей стали, неотъемлемыми частями корпуса, и вырезал, и склеил, и прошил вручную чертову прорву полосок черной телячьей кожи. Фонтейн исследовал изнанку ремешка, но там ничего не было, никакого торгового знака или подписи.

– Если бы вы могли говорить… – сказал Фонтейн, разглядывая часы.

И что, интересно, они поведали бы? История того, как мальчик завладел ими, могла оказаться банальным приключением в их собственной истории. На мгновение он представил часы на запястье какого-нибудь офицера, вышедшего в бирманскую ночь, взрыв осветительной ракеты над холмистыми джунглями, визг обезьян…

Водились ли в Бирме обезьяны? Он твердо знал, что британцы там воевали, когда была изготовлена эта вещица.

Он глянул на исцарапанное зеленоватое стекло, покрывавшее витрину. Вон они, его часы; каждый циферблат – маленькая поэма, карманный музей, поддающийся со временем законам

энтропии и случайности. Бьются крохотные механизмы – их драгоценные сердца. Бьются все более устало, как он знал, от удара металла о металл. Он ничего не продавал без ремонта, все вычищал и смазывал. Каждый полученный экземпляр он немедленно относил к молчаливому, чрезвычайно искусному поляку в Окленд, чтобы тот все почистил, смазал и настроил. Он понимал, что делает это совсем не затем, чтобы его товар стал надежнее и лучше, а чтобы дать каждому из маленьких механизмов больше шансов на выживание во враждебной по определению Вселенной. Он не стал бы в этом признаваться, но это была чистейшая правда.

Он засунул «Жаже Лекультр» обратно в карман и встал с табурета. С отсутствующим видом уставился на стеклянную горку; на полке на уровне глаз, как на выставке, – военные автомобильчики от «Динки-тойс»[112] и нож «рэндалл» 15-й модели, «Эйрман»[113], – короткий широкий тесак с зазубренным лезвием и черной рукояткой из микарты[114]. С машинками успели наиграться, тусклый серый металл проглядывал из-под облезлой зеленой краски. «Рэндалл» был даже не заточен, лезвие из нержавеющей стали словно только что от шлифовального ремня. Фонтейну было любопытно: сколько их – ни разу не использованных в бою? Будучи тотемными объектами, они теряли значительную часть коллекционной ценности, если их затачивали, и у него сложилось впечатление, что ножи обращаются почти как некая ритуальная валюта, исключительно для мужского пола. В данный момент в его ассортименте были два «рэндалла»; второй – маленький, без гарды и с листовидным лезвием, якобы изготовленный по заказу спецслужб США. Лучше всего датировка определялась по клейму изготовителя на ножнах, и Фонтейн оценивал возраст своих экземпляров лет в тридцать. Подобные вещи были лишены для Фонтейна особой поэзии, однако он понимал законы рынка и умел оценить стоимость предметов. В основном они говорили ему – как и витрина любого магазина армейских неликвидов – о мужском страхе и мужской беспомощности. Он стал презирать их, когда однажды увидел глаза умирающего человека, которого застрелил в Кливленде – возможно, в том самом году, когда изготовили один из этих ножей.

Он запер дверь, повесил табличку «ЗАКРЫТО» и вернулся в заднюю комнату. Мальчик сидел в той же позе, в какой он его оставил, лицо скрыто массивным старым шлемом, подключенным к открытому ноутбуку на коленях.

– Эй, привет, – сказал Фонтейн, – как рыбалка? Клюнуло что-нибудь, на что стоит поставить, как думаешь?

Мальчик по-прежнему монотонно кликал одну и ту же клавишу на ноутбуке, шлем слегка колыхался в такт.

– Эй, – сказал Фонтейн, – так ты получишь сетевой ожог.

Он сел на корточки рядом с мальчиком, морщась от боли в коленях. Разок постучал по серому куполу шлема, потом аккуратно стянул его. Глаза мальчика быстро моргали, взгляд ищет погасший свет миниатюрных видеоэкранов. Рука его кликнула ноутбук еще несколько раз и замерла.

– Давай посмотрим, что ты там наловил, – сказал Фонтейн, забрав у него ноутбук. Пробежался по клавишам: любопытно было посмотреть, где мальчик мог оставить закладки.

Он ожидал, что это будут веб-страницы аукционов, лоты и снимки с описанием выставленных часов, но вместо них обнаружил пронумерованные списки, набранные архаичным машинописным шрифтом.

Он изучил один список, потом другой. Почувствовал холод в затылке и на секунду решил, что парадная дверь открыта, но потом вспомнил, что сам ее запер.

– Черт, – сказал Фонтейн, выводя на экран все больше и больше списков, – черт побери, как ты сумел туда залезть?

Это были банковские счета, конфиденциальные расписки, перечни содержимого депозитных сейфов, стоящих в старого образца, из кирпича и бетона построенных банках, и все где-то в штатах Среднего Запада. Каждый список содержал по меньшей мере одни часы – весьма вероятно, часть чьего-то наследства, и, весьма вероятно, забытую часть.

«Ролекс Эксплорер» в Канзас-Сити. Какая-то разновидность золотого «Патека» в одном из маленьких городков Канзаса.

Он перевел взгляд с экрана на мальчика, четко осознавая, что стал свидетелем чего-то совершенно аномального.

– Как ты залез в эти файлы? – спросил он. – Это же частная информация! Это невозможно. Это действительно невозможно! Как ты это сделал?

В ответ – только пустота в карих глазах, неподвижно уставленных на него, бездонная или же совсем лишенная глубины, кто знает.

31
Вид с лифта, едущего в ад

Ему снится огромный лифт, плывущий вниз, пол как в бальной зале старинного лайнера. Стены частично открыты, и он вдруг видит ее, стоящую у перил рядом с вычурным чугунным столбиком-подпоркой, который украшают херувимы и виноградные гроздья, покрытые толстым слоем черной эмали, блестящей, словно пролитые чернила.

Щемящее очертание ее профиля он видит на фоне огромного мрачного пространства, пейзаж островов, темные воды океана, которые их омывают, огни грандиозных безымянных городов кажутся с этой высоты маленькими светлячками.

Лифт, этот бальный зал с сонмом вальсирующих призраков, сейчас невидимых, но ощущаемых как неизбежный гештальт, кажется, едет вниз сквозь дни его жизни, сквозь тайную историю, которая последовательными приближениями подводит его к этой ночи.

Если это действительно ночь.

Он чувствует прикосновение к ребрам простой рукояти клинка сквозь накрахмаленную вечернюю рубашку.

Рукояти оружия, изготовленного искусным мастером; простые, именно простейшие формы дают руке пользователя величайший диапазон возможностей.

То, что устроено слишком изощренно, чересчур сложно, предвосхищает результат действий; предвосхищение результата гарантирует если не поражение, то отсутствие грации.

Так вот, она поворачивается к нему и в это мгновение становится всем и чем-то намного большим, ибо в тот же миг он понимает, что это сон: и эта огромная клетка, которая едет вниз, и она, что навсегда потеряна. Он открывает глаза и видит ничем не примечательный потолок спальни на Русском Холме.

Он лежит, вытянувшись поверх солдатского одеяла из серой овечьей шерсти, в своей серой фланелевой рубашке с запонками из платины, черных штанах, черных шерстяных носках. Руки сложены на груди, будто средневековый горельеф – рыцарь на крышке собственного саркофага, – а телефон все звонит.

Он прикасается к одной из запонок, чтобы ответить.

– Еще не слишком поздно, я надеюсь, – говорит голос.

– Поздно для чего? – спрашивает он, не шевелясь.

– Я должен с вами поговорить.

– Должны?

– Теперь особенно.

– Почему, интересно?

– Времени в обрез.

– Времени? – И перед ним снова пейзаж, виденный из огромной клетки, едущей вниз.

– Разве вы не чувствуете? Ведь ваша любимая поговорка «Нужно быть в нужном месте в нужное время». Вы с вашим «ожиданием развития событий» – неужто этого не чувствуете?

– Я не работаю на достижение результата.

– Работаете, – говорит голос, – в конце концов, вы несколько раз достигали нужных мне результатов. Вы сами и есть результат.

– Нет, – говорит человек, – я просто знаю место, где я должен быть.

– В ваших устах это звучит так просто. Жаль, что это не так просто для меня.

– Возможно, – говорит он, – вы просто подсели на сложность.

– В буквальном смысле, – говорит голос. (Человек в белой рубашке представляет несколько квадратных дюймов электросхем на спутнике, через которые голос доходит до него. Это самое крохотное и самое дорогое княжество на свете.) – В наши дни все завязано на сложности.

– Все в мире связано только вашей волей, – говорит он, закидывая руки замком на затылок. Пауза.

– Было время, – наконец решается голос, – когда я считал, что вы ведете со мной игру. Что все ваши штучки вы придумали специально для меня. Чтобы раздражать меня. Или развлекать. Не давать угаснуть моему интересу. Чтобы заручиться моим покровительством.

– Я никогда не нуждался в вашем покровительстве, – мягко говорит он.

– Да, полагаю, вы не нуждались, – продолжает голос, – но всегда будут люди, которым необходимо кого-то устранить, и они будут платить за это хорошие деньги. Но что правда, то правда: я считал вас просто наемником, возможно, наемником с четко выраженной философией, однако я считал, что философия ваша не более чем способ, который вы разработали, чтобы быть интересным, выделяться из толпы.

– Там, где я, – говорит человек пустому серому потолку, – там нет толпы.

– О, толпа есть, и какая! Талантливая молодежь, добивающаяся гарантированных результатов. Брошюры. У них есть брошюры. И строки, между которыми можно читать. Чем вы занимались, когда я вам позвонил?

– Видел сон.

– Не могу представить, что вам снятся сны. Сновидение было приятным?

Он задумчиво смотрит в пустоту серого потолка. Боится вновь увидеть строго очерченный профиль. Закрывает глаза.

– Мне снился ад, – говорит он.

– На что это было похоже?

– Лифт, идущий вниз.

– Господи Исусе, – говорит голос, – такая поэзия… На вас не похоже.

Еще пауза.

Он садится на кровати. Гладкая, темная полировка паркета холодит ноги сквозь черные носки. Он начинает особую тренировку, которая не требуют видимых телодвижений. Его плечи слегка затекли. Он слышит, как невдалеке проезжает машина, звук шин по мокрой мостовой.

– В данный момент я нахожусь недалеко от вас, – прерывая молчание, говорит голос, – я в Сан-Франциско.

Теперь молчит он. Продолжает свою тренировку, вспоминая кубинский пляж, где несколько десятилетий назад ему впервые показали комплекс этих упражнений. Его учителем в тот памятный день был мастер аргентинской школы ножевого боя, которую единодушно объявили вымыслом самые авторитетные специалисты в области боевых искусств.

– Сколько времени прошло с тех пор, – спрашивает голос, – как мы виделись в последний раз?

– Несколько лет, – говорит человек.

– Думаю, мне нужно с вами увидеться, прямо сейчас. Очень скоро должно случиться нечто экстраординарное.

– Вот как, – говорит он, злорадная улыбка мелькает на его лице, – вы что, собрались уйти на покой?

В ответ слышен смех, передающийся тайными проходами микроскопического города на геосинхронной орбите.

– Не настолько экстраординарное, нет. Просто определенную узловую структуру вскоре ждут глобальные перемены, а мы находимся вблизи эпицентра.

– Мы? Мы не связаны никакими текущими обязательствами.

– В физическом смысле. В географическом. Это случится здесь.

Он переходит к завершающей фазе своих упражнений, мысленно видя вспотевшее лицо учителя во время их первого урока.

– Зачем вы ходили на мост прошлой ночью?

– Мне нужно было подумать, – говорит он и встает с кровати.

– Что вас туда потянуло?

Память. Потеря. Призрак из плоти на Маркет-стрит. Волосы, пахнущие сигаретным дымом. Ее свежие губы холодят его губы и раскрываются чудесным теплом.

– Ничего, – отвечает он.

Его руки смыкаются, ловя пустоту.

– Пора повидаться, – говорит голос.

Руки раскрываются. Отпустив пустоту.

32
Меньшие братья

Пока шел дождь, в задней части фургона скопилось на четверть дюйма воды.

– Картон, – сказала Тессе Шеветта.

– Картон?

– Нужно найти картон. Сухой. Коробки, любые. Берешь, раскрываешь, кладешь на пол в два слоя. Будет сухо. Вполне.

Тесса включила карманный фонарик и посмотрела еще раз.

– Мы что, собираемся спать в этой луже?

– Как маргиналы, – сказала Шеветта.

Тесса выключила свет, развернулась, глядя назад.

– Слушай, – сказала она, указывая фонариком, – по крайней мере, лить перестало. Пошли обратно на мост. Найдем пивняк, поедим чего-нибудь, об остальном подумаем позже.

Шеветта ответила, что не имеет ничего против, если только Тесса оставит в фургоне «Маленькую Игрушку Бога» и вообще не будет никак записывать события этого вечера, – и Тесса согласилась.

Они бросили фургон на парковке и пошли вдоль Эмбаркадеро, мимо колючей проволоки и баррикад, перекрывавших подходы (неэффективно, как знала Шеветта) к разваленным пирсам. Там, в тени, стояли наркоторговцы, и по пути на мост подругам предложили спид, винт, травку, опиум и «плясуна». Эти дилеры, объяснила Шеветта, проиграли в конкурентной борьбе, не смогли занять и удержать местечко поближе к мосту. Такие местечки были особо востребованы, и наркодилеры с Эмбаркадеро постепенно смещались либо в сторону особой зоны, либо прочь от нее.

– А как они конкурируют? – спросила Тесса. – Они что, дерутся?

– Нет, – сказала Шеветта, – это же рынок, верно? Те, у кого хороший товар, хорошие цены, – те… ну, в общем, клиенты хотят иметь дело с ними. Кто-то явился с дурным товаром, цену зарядил дурную – клиенты его посылают подальше. Но когда здесь живешь, видишь их каждый день, всю эту дрянь… если они подсядут на свое же дерьмо, то рано или поздно им конец. Докатятся до того, что сами будут торчать здесь на задворках, а потом ты их просто больше не увидишь.

– То есть на мосту они не торгуют?

– Ну, – сказала Шеветта, – торгуют, конечно, но не то чтобы

очень. И если торгуют, то тихо. На мосту к тебе так вот прямо не подкатываются, если не знают, кто ты такой.

– Ну и что выходит? – спросила Тесса. – Откуда им знать, подкатываться или нет? Какое здесь правило?

Шеветта задумалась.

– Правила нет, – сказала она, – просто им не положено подкатывать, вот и все. – Она засмеялась. – Ну, я не знаю, на самом-то деле, просто так получается. Точно как с драками: драки бывают нечасто, зато серьезные, люди калечат друг друга.

– И сколько же народу здесь живет? – спросила Тесса, когда они миновали Брайант-стрит и направились к лестнице.

– Не знаю, – сказала Шеветта, – и не уверена, что кто-нибудь знает. Раньше как было? Если ты что-то делаешь на мосту, если держишь какое-нибудь заведение, то в нем и живешь. Потому что как иначе подтвердишь свое право? Никакой тебе арендной платы, вообще ничего. А теперь тут есть заведения, которые ничем не отличаются от обычных, понимаешь? Тот же вон «Сбойный сектор», в котором мы были. Кто-то владеет всем этим барахлом – они же оформили фасад и наверняка платят тому парню, сумоисту, чтобы спал в подсобке, охранял их лавочку.

– Но ты сама не работала здесь, когда здесь жила?

– Нет, – сказала Шеветта, – я гоняла курьером. Раздобыла велик и объездила весь город, вдоль и поперек.

Они протолклись на нижний уровень, и шли мимо ящиков с рыбой, разложенной на льду, пока не наткнулись на забегаловку, которую Шеветта запомнила со времени одной из поездок на южный конец моста. Порой там бывала еда, порой – только музыка; названия у забегаловки не было.

– Здесь дают отличные острые крылышки, – сказала Шеветта. – Любишь острые крылышки?

– Скажу точно, когда выпью пива. – Тесса разглядывала забегаловку, будто пытаясь определить, насколько та маргинальная.

Оказалось, тут можно взять австралийского пива, которое Тесса очень любила, – называлось оно «Красный паук», – его принесли в коричневых бутылках с наклейкой в виде красного паука, и Тесса объяснила, что такие пауки в Австралии считаются вроде «черной вдовы», а то и похуже. Впрочем, ничего не скажешь, пиво было действительно что надо, и после того, как они выпили по одной и заказали по новой, Тесса решила съесть чизбургер, а Шеветта – порцию острых крылышек с картошкой фри.

В забегаловке и вправду пахло как в настоящем баре: прокисшим пивом, табачным дымом, подгоревшим жиром и

потом. Шеветта вспомнила первые бары, в которые осмелилась зайти, – забегаловки вдоль сельских дорог в родном Орегоне, – там пахло в точности так же. В барах, куда ее водил Карсон в Эл-Эй, почти ничем не пахло. Разве что свечами для ароматерапии или вроде того.

У дальней стены заведения была построена сцена – попросту низкий черный помост, всего на фут выше пола, – и там сновали музыканты, возились с проводами и аппаратурой: клавиши, барабаны, микрофонная стойка. Шеветта никогда особенно не увлекалась музыкой, хотя в бытность курьером и любила потанцевать в каком-нибудь сан-францисском клубе. Вот Карсон, он был очень разборчив, пытался и Шеветту приобщить, но она так и не въехала. Он обожал всякое старье из двадцатого века, часто к тому же французское, особенно какого-то там Сержа – жуть что такое, словно парню медленно дрочат, когда поет, но и это ему не очень-то по кайфу. Шеветта купила тогда последний «Крутой коран» – «Моя война – это моя война», – вроде как из самозащиты, но даже ей самой не очень понравилось, а когда она в первый и единственный раз включила запись при Карсоне, он так на нее посмотрел, будто она нагадила ему на ковер или еще хуже.

Парни, которые сейчас настраивались на маленькой сцене, были не с моста, но Шеветта знала, что некоторые музыканты, даже знаменитые, иногда выступают и записываются на мосту – просто чтобы потом всем об этом рассказывать.

На сцене выделялся заросший белесой щетиной здоровяк, в какой-то дурацкой мятой ковбойской шляпе, сдвинутой на затылок. Он возился с еще не подключенной к усилителю гитарой и слушал другого парня, посубтильнее, в джинсах и с огромной пряжкой на поясе, похожей на гравированный серебряный поднос.

– Эй, знаешь анекдот? – спросила Шеветта, показывая на крашеного блондина с пряжкой-подносом. – Одну девку насилуют в темноте, а она потом копам говорит: «кепка» это, зуб даю. Ну, они отвечают: откуда ты знаешь, что «кепка», раз было темно? А она: да у него же был такой крохотный член и такая здоровая пряжка на поясе!

– Что за «кепка»? – Тесса опрокинула в рот остатки пива.

– Скиннер их называл реднеками, то бишь «красношеими», – сказала Шеветта. – А «кепка» – это из-за нейлоновых бейсбольных кепок, которые они вечно носили, с такой еще сеточкой сзади, для вентиляции. Моя мать называла такие кепки «подайте-мне-кепочки».

– Это еще почему?

– Фраза такая: «Дайте мне кепочку». Их раздавали бесплатно,

на них всякую рекламу тискали.

– То есть фанаты кантри-музыки и тэ дэ?

– Ну, нет, скорее групп типа «Дьюкс оф Ньюк'Ем». Вряд ли это кантри.

– Это музыка тех, кто лишен избирательных прав, в основном представителей белого пролетариата, – сказала Тесса, – которые влачат свое жалкое существование в пост-постиндустриальной Америке. Ну, если верить тому, что вещает «Реальность». А у нас в Австралии тоже есть анекдот про большие пряжки, только там пилот и наручные часы.

Шеветте почудилось, что блондин с большой пряжкой тоже пялится на нее, так что она отвела взгляд и уставилась на компанию вокруг бильярдного стола; там тусовалась парочка самых настоящих «кепок», и она показала их Тессе в качестве иллюстрации.

– Дамы, прошу меня извинить, – сказал кто-то. Женщина.

Повернувшись, Шеветта оказалась прямо на линии огня двух очень серьезных сисек, зашнурованных в черный блестящий топ. Огромная копна нечесаных белых волос а-ля Ашли Модин Картер, певица, которую, должно быть, любят слушать «кепки», как считала Шеветта, – если они вообще слушают женщин, в чем она сомневалась. Женщина поставила две свежеоткупоренные бутылки «Красного паука» на их с Тессой столик.

– От мистера Кридмора, – произнесла она, лучезарно улыбаясь.

– Какого мистера Кридмора? – спросила Тесса.

– Бьюэлла Кридмора, дорогуша, – ответила женщина. – Вон он, на сцене, перед саундчеком вместе с легендарным Рэнди Шоутсом.

– Он что, музыкант?

– Он певец, дорогуша, – сказала женщина и как-то внимательно посмотрела на Тессу. – Вы эй-энд-ар[115], со студии?

– Нет, – сказала Шеветта.

– Черт побери, – сказала женщина, и на мгновение Шеветте почудилось, что она сейчас заберет пиво обратно, – я думала, вы с какого-нибудь альтернативного лейбла.

– Альтернативного чему? – спросила Тесса.

На женщину будто снизошло просветление.

– Бьюэлл поет, дорогуша. И это совсем не похоже на то, что ты, наверно, зовешь «кантри». Ну, на самом-то деле это больше рутс-мьюзик, всякие корневые дела. Бьюэлл хочет обратить время вспять, копнуть глубже Уэйлона и Вилли[116], вернуться на забытую и, типа, исконную родину. Вот, значит. Вроде того. – Женщина просияла, глаза ее немного косили; у Шеветты

возникло такое чувство, что свою тираду та заучила наизусть, и, видимо, не очень твердо, но все равно обязана ее выдать. – Рэнди недавно научил Бьюэлла одной старой песне под названием «Виски и кровь потекли по дороге, но я не слыхал, чтобы кто-то молился». Это как церковный гимн, дорогуша. Очень традиционный. Как услышу – у меня прямо мурашки по коже. Вроде бы называется он именно так. Но сегодня концерт будет пободрее, электрический.

– Ваше здоровье, – сказала Тесса, – и спасибочки за лагер.

Женщина, кажется, озадачилась.

– О… да не за что, дорогуша. Пожалуйста, не уходите, потусуйтесь. Это дебют Бьюэлла в Северной Калифорнии, он в первый раз будет петь со своими «Меньшими братьями».

– С кем? – переспросила Шеветта.

– «Бьюэлл Кридмор и его Братья меньшие». Думаю, это что-то из Библии, хотя не могу назвать вам главу и стих. – Женщина указала в сторону сцены своей рвущейся на свободу грудью и решительно двинула в том же направлении.

Шеветте, собственно, больше не хотелось пива.

– Она купила нам выпивку, потому что приняла нас за эй-аров. – Шеветта знала, что это такое, от Карсона. Эй-арами назывались те люди из музыкального бизнеса, которые искали и раскручивали новые таланты.

Тесса от души прихлебнула из своей бутылки и проводила глазами женщину – та остановилась у бильярдного стола, перекинуться парой слов с одним из парней, действительно красовавшихся в сетчатых кепочках.

– Здесь что, все вроде нее?

– Нет, – сказала Шеветта, – ну то есть в городе есть клубы для чего-то такого, но этого народа на мосту я еще никогда не видала.

Саундчек заключался в том, что мужик в расплющенной ковбойской шляпе заиграл на гитаре, а блондин с большой пряжкой на поясе – запел. Они несколько раз начинали и прекращали исполнять какую-то песню, одну и ту же, каждый раз по-другому накручивая ручки на пульте, но сразу стало понятно, что гитарист действительно умеет играть (у Шеветты возникло чувство, что он пока не показывает, на что в самом деле способен), а певец – петь. Песня была про то, что ему так тоскливо, и про то, что ему надоело, что ему так тоскливо.

Бар тем временем начал заполняться народом, судя по виду, как местным – завсегдатаями, так и пришлым; последние явно заявились специально, чтобы послушать группу. Местные отличались обилием татуировок, пирсинга на лице и асимметричными прическами, гости – головными уборами (по

большей части сетчатыми кепочками и ковбойскими шляпами), джинсами и свисающими (у мужиков, во всяком случае) брюшками. Брюшки выглядели так, будто переехали к своим обладателям как-то незаметно для последних и прописались на их, в общем и целом, обезжиренных телах. Подобное брюшко свисает над джинсами с довольно узкой талией и распирает фланелевую рубашку, но ниже талии загоняется в штаны при помощи здоровенной пряжки.

Она уже пригубила, от скуки, присланное Кридмором пиво, когда увидела, что певец двинул в их сторону. Он одолжил у кого-то сетчатую кепочку и натянул ее задом наперед на свои противные, мокрые с виду, явно выбеленные волосы. Он был одет в ковбойскую рубашку цвета «электрик», на которой все еще виднелись горизонтальные, поперек грудной клетки, магазинные складки; белые, в виде жемчужин, пуговицы рубашки были расстегнуты на бледной впалой груди, совсем не похожей цветом на лицо, которое, как решила Шеветта, было загримировано. В каждой руке у певца было что-то вроде томатного сока в высоком бокале со льдом.

– Как оно? – сказал он. – Я тут только что видел эту… Мэриэлис. Думал, вот принесу старушке чего-нибудь выпить. Я Бьюэлл Кридмор. Вам нравится пиво, дамы?

– Да, спасибо, – сказала Тесса и уставилась в противоположную сторону.

Кридмор быстро и не таясь – во всяком случае, так показалось Шеветте – пораскинул мозгами и решил, что с ней у него шансы больше.

– Слышали про нас в городе или там, в Окленде?

– Мы зашли сюда исключительно за острыми крылышками, – сказала Шеветта, показывая на стоящую перед ней тарелку с куриными костями.

– И как они?

– Нормально, – сказала Шеветта, – мы как раз уходим.

– Уходите? – Кридмор сделал добрый глоток томатного сока. – Дьявол, мы же в десять начнем. Вам надо остаться и послушать. – Шеветта заметила странный налет на краях бокалов, похожий на зеленый песок, и теперь часть «песка» прилипла к верхней губе певца.

– Что ты там делаешь с этими «цезарями»[117], Бьюэлл? – Это был верзила-гитарист. – Ты же мне обещал перед концертом не пить.

– Это для Мэриэлис, – ответил Кридмор, жестикулируя одним из бокалов, – а это – для прелестной дамы. – Он поставил бокал, из которого отхлебнул, прямо перед Шеветтой.

– Тогда почему у тебя на губах эта чертова чесночная соль? – спросил верзила.

Кридмор оскалился и вытер губы тылом руки.

– Нервы, Рэнди. Важная ночь. Все будет тип-топ…

– Да, Бьюэлл, очень надеюсь. Если не увижу, что ты умеешь держать выпитое, для тебя это будет последний со мной концерт. – Гитарист отобрал у Кридмора бокал, осторожно хлебнул, с отвращением сморщился и куда-то пошел, унося с собой выпивку.

– Сукин сын, – констатировал Кридмор.

Именно в этот момент Шеветта увидела Карсона, входящего в бар.

Узнавание – с ее стороны – было мгновенным и стопроцентным. Это не был Карсон, одетый для посещения салонов, пахнущих ароматерапией, – это был Карсон, экипированный для экспедиции в гиблые гребеня.

Шеветта была вместе с ним, когда он покупал эту экипировку, из-за чего ей пришлось выслушивать, что куртка сшита из аляскской воловьей шкуры (у аляскских волов, дескать, шкура толще, потому что зимы там холоднее) и является музейного качества воспроизведением оригинала, сшитого в тысяча девятьсот сороковых годах. Джинсы были чуть ли не дороже, и история их была более сложная. Деним для них ткали в Японии – древние американские станки бережно ремонтировались, – а уже, собственно, шили их не где-нибудь, а в Тунисе, по выкройкам группы голландских дизайнеров и историков моды. С подобной чушью Карсон носился как с писаной торбой – со всей этой «абсолютно аутентичной» поддельной чушью, так что, когда Шеветта увидела, как он переступил порог забегаловки, у нее не возникло и тени сомнения, что это он.

А еще, сама не зная как, она поняла, что попала в беду. Возможно, подумалось позже, так вышло, поскольку Карсон не знал, что она здесь, и поэтому не старался выглядеть рубахой-парнем, под какого всегда косил рядом с ней.

Она смотрела и видела другого человека – очень страшного, очень холодного, озлобленного человека, – смотрела и знала, что это Карсон. Карсон медленно повернулся, оглядывая бар…

Номер, который она отколола, сильно удивил ее саму. А еще сильнее, наверно, этот номер удивил Кридмора. Верхушка огромной серебряной пряжки вдруг показалась ей удобным поручнем. Она схватилась за нее, потянула вниз, и Кридмор от неожиданности упал на колени, а она обняла его руками за шею и поцеловала взасос, надеясь, что его затылок в перевернутой

сетчатой кепочке закроет ее от Карсона.

Радостный энтузиазм Кридмора, к сожалению, примерно соответствовал тому, чего она вполне могла бы ожидать, имей время подумать.

33
Дариус

Райделл был на полпути назад, пробираясь через хруст и скрежет нижнего яруса, когда зазвонили очки. Он прислонился спиной к ближайшей стене, достал очки из кармана, раскрыл и надел.

– Райделл?

– Я.

– Приятель, это Дариус. Как ты?

– Сносно, – ответил Райделл. Очки почему-то чудили; странно растянутые фрагменты карт Рио прокручивались сверху вниз в поле его зрения. – Сам-то как? – Он слышал визг электродрели, а может, электроотвертки – там, где-то в Эл-Эй. – Ты в «Драконе»?

– Да, – сказал Дариус, – у нас тут, похоже, большое строительство.

– Строительство чего?

– Не знаю, – ответил Дариус, – они тут монтируют новый узел, сразу за банкоматом. Где раньше продавалось детское питание и всякие там подгузники, помнишь? Парк не желает говорить, что за спешка; наверно, сам не знает. Но что бы это ни было, ставят чертов узел во всех филиалах… Да, как добрался? И как там этот, ну, Кридмор?

– Думаю, он алкоголик, Дариус.

– Базара нет, – сказал Дариус. – Как новая работа?

– Я пока не очень въехал, – сказал Райделл, – но становится все интересней.

– Ну, здорово, – сказал Дариус. – Я, кстати, просто так позвонил, узнать, как твои дела. Вот Хвалагосподу тут, привет тебе от нее… Хочет знать, как тебе очки.

Карты Рио задергались, съежились, вновь понеслись сверху вниз.

– Скажи ей, очки просто блеск, – ответил Райделл. – Скажи ей «спасибо».

– Скажу, – сказал Дариус. – Давай там, смотри в оба.

– И ты не зевай, – сказал Райделл.

Дариус дал отбой, и карты потухли.

Райделл снял очки и убрал их подальше.

Миска говядины. Может, зайти по пути и попробовать говядины у «Шеф-повара гетто»?

Но тут он подумал про Клауса с Петухом и решил, что сперва

проведает «термос».

34
Разрывы в рыночном континууме

– На что это, по-твоему, похоже, Марциал? – спросил Фонтейн своего адвоката, Марциала Матитсе из фирмы «Матитсе, Рапелего и Ньембо», чья собственность состояла из трех ноутбуков и антикварного китайского велосипеда.

Марциал на другом конце линии поцокал языком, и Фонтейн догадался, что адвокат как раз смотрит на списки, которые где-то нарыл мальчишка.

– Кажется, это описи содержимого депозитных сейфов, согласно требованиям государственного закона во всех штатах. Антитеррористическое законодательство. Не дает кому попало скапливать прекурсоры для производства наркотиков, ядерные боеголовки и все в таком духе. Еще предполагалось, что оно поможет борьбе с отмыванием денег, но это было давно, когда деньги еще были большими пачками зеленой бумаги. Но на твоем месте, Фонтейн, я задал бы своему адвокату другой вопрос. Например: не нарушаю ли я закон, храня у себя подобные документы?

– А я нарушаю? – спросил Фонтейн.

Марциал несколько секунд хранил в телефоне молчание.

– Да, – наконец сказал он, – нарушаешь. Но это зависит от того, каким образом ты их получил. И я только что выяснил, что действительных владельцев собственности, указанной в каждой описи, уже нет в живых.

– Нет в живых?

– Абсолютно. Эти документы прилагались к завещаниям. Они все еще охраняются законом, но я вижу, что некоторые предметы автоматически пойдут с молотка, когда завещания вступят в силу.

Фонтейн оглянулся через плечо и увидел мальчика, по-прежнему сидящего на полу и сосущего через соломинку третий по счету стакан гуавы со льдом.

– Как ты это добыл? – спросил Марциал.

– Сам не уверен, – ответил Фонтейн.

– По умолчанию предполагается, что эти файлы нельзя взломать, – сказал Марциал, – если ты, конечно, не федерал. Если взлом произведен не тобой, Фонтейн, то ты всего лишь нарушаешь закон о частной информации, не более того. Но если это сделал ты или если ты являешься сообщником взломщика, тогда ты виновен во владении запрещенной технологией, за каковое преступление можешь сесть в одну из тех на редкость

эффективных тюрем, столь заботливо обустроенных частным сектором.

– Не виновен, – сказал Фонтейн.

– Пусть будет по-твоему, – сказал Марциал, – но если все-таки виновен, ты можешь, разумно все спланировав и обеспечив должную секретность, использовать такую технологию для выявления особых, крайне выгодных разрывов в рыночном континууме. Понимаешь, о чем я, Фонтейн?

– Нет, – ответил Фонтейн.

– Скажем так: если ты нашел способ завладеть документами, которые больше никому не по зубам, то можешь поговорить об этом с человеком, знающим, какие именно документы нужно раздобыть, чтобы рассчитывать на максимальную отдачу.

– Слушай, Марциал! Я вовсе не интересуюсь…

– Фонтейн, успокойся. Я понимаю, что толкать подержанные ножи и старые, обглоданные крысами игрушки – твое любимое дело. Твое призвание. Ты занимаешься этим не ради денег, я знаю. Однако же если у тебя появился черный ход сам знаешь куда, я советую тебе тайно проконсультироваться со своим адвокатом, то есть со мной, и чем раньше – тем лучше. Слышишь?

– Марциал, я вовсе…

– Кларисса наводит справки у одного из моих партнеров по фирме, Фонтейн. Я говорю тебе об этом строго конфиденциально.

Фонтейн не обрадовался.

– Она говорит о разводе, мой друг.

– Мне пора, Марциал. Покупатели…

Фонтейн дал отбой. Новости Марциала о Клариссе были не так уж новы для него, но до сих пор он старался избегать даже мыслей об этом.

Он понял, что слышит тихое, ритмичное щелканье, и, обернувшись, увидел, что мальчишка опять надел шлем.

35
На автопилоте

Шеветта не закрыла глаза, когда притянула к себе и поцеловала Кридмора, но, крепко обхватив его руками за шею, чтобы он не вырвался и спрятал ее от Карсона, она все равно ничего не могла разглядеть из-за рукава Скиннеровой куртки. Она видела только – за расплывшимися на сверхближнем плане скулой и левым ухом Кридмора – резкое, как выброс адреналина, продвижение Карсона сквозь толпу. Этот кадр был настолько шокирующим, что она не заметила ответной реакции Кридмора, язык которого ловко и напористо стремился сплестись с ее языком, а руки, забравшиеся под скиннеровскую куртку, отчаянно пытались поймать хоть один сосок.

Четкий кадр идущего Карсона тут же затмил крупный план лица Тессы, выпучившей от изумления глаза и готовой расхохотаться. Кридмор коснулся наконец вожделенной груди, и Шеветта, рефлекторно отдернув от его шеи левую руку, дала ему под дых, как сумела, жестко и точно, вложив в удар всю свою силу.

Кридмор распахнул голубые, налитые кровью глаза, и Шеветта оттолкнула его, отпихнула свой стул и скатилась под столик, теперь уже целиком на автопилоте. Ей показалось, что она слышит, как Кридмор ударился головой о столешницу, пытаясь поймать ее, но теперь, когда он больше не впивался ей в губы, она почувствовала вкус его губ, и в этом было что-то до боли знакомое, и, пока разум еще воспринимал происходящее механически, тело решило уберечь ее от опасности простым способом. А именно бегом, на четвереньках – под столиком; на открытом пространстве – все так же на четвереньках, но набирая темп; на спринтерской скорости – низко нагнувшись и выбросив руки вверх, чтобы сбить с ног любого, кто решит ее остановить; наружу – в дверь.

Туда, где инстинкт, шестое чувство, какое-то смутное воспоминание заставили ее повернуть направо, в сторону Окленда.

Она не сбавляла хода, пока не ощутила себя в безопасности, а заодно поняла наконец, чем таким знакомым отдавал поцелуй Кридмора: «плясуном». Интересно, сколько же этой дряни досталось ей. Не много, наверно, но она ощущала «плясун» в грохоте своего сердца, видела наркотик в призрачных ореолах каждого фонаря и узнавала в том факте, что ничто из

происшедшего ее не особо и волнует.

Под «плясуном» беда могла казаться незначительной.

Беда – это Карсон, подумала она, с дрожью вспоминая его сегодняшнее выражение, этот взгляд, который она когда-то всегда ловила, но никак не могла поймать. Она боялась Карсона с тех пор, как он ее ударил, но не понимала этого так отчетливо. Тогда он не сделал ей так уж больно, по крайней мере в физическом смысле. До него она жила там, где люди калечили друг друга, ранили по-настоящему, а этот симпатяга, мальчик из мира медиа, который даже не знал, как правильно бить, – разве он опасен?

Но теперь под действием остатков наркотика из слюны Кридмора она испугалась вовсе не того, что Карсон ее когда-то ударил или что он может сделать это опять, а своей инстинктивной догадки: с ним что-то не то, что-то совсем нехорошо. Испугалась того, что Карсон – это большая беда и он умело скрывает это – всегда, постоянно и тщательнее, чем выбирает свои чертовы шмотки.

Тесса в том разговоре с Шеветтой, после которого Шеветта и переехала в Малибу, сказала ей, что завидует мужскому бессилию как сигналу бедствия. Даже если они сами не отдают себе отчета в этом, сказала Тесса, все равно от них ничего не дождешься. Но нам, женщинам, этого не дано: мы остаемся с ними, если даже ничему уже не поможешь, – но тебе нельзя с ним оставаться, ведь если он ударил тебя, то сделает это снова.

Теперь Шеветта просто шла в сторону Острова Сокровищ; мост казался призрачным, однотонным, может быть, и под действием «плясуна», но ей было все равно.

– Куда ветер несет, – сказала она.

Такова была ее реакция на события – ощущение полного отсутствия контроля. Она остановилась. Может быть, реакция только на Карсона.

– Эй, Шеветта.

Обернувшись, она увидела знакомую физиономию, вот только не помнила имени. Растрепанные бледные волосы, узкое жесткое лицо, по левой щеке змеится страшный шрам. Когда-то парень был тоже курьером, во времена «Объединенной», – не из Шеветтиной бригады, а так, сталкивались на вечеринках.

– Цапля, – вспомнила она прозвище.

– Я думал, ты уехала, – сказал Цапля, было заметно, что несколько зубов у него сломаны.

Может, у него и в голове что-то сломано, подумала она. А может, просто употребил веществ.

– Я и уехала, – сказала Шеветта.

– А куда?

– В Южную Калифорнию.

– Ты там гоняешь? Курьеришь?

– Нет, – отвечала она.

– Я теперь не могу гонять, – проговорил Цапля, переступая с ноги на ногу; левая нога не сгибалась – что-то не то с коленом. – С клеткой поцеловался.

Как давно она не слышала, чтобы автомобиль называли клеткой!

– Страховку дали?

– Держи карман шире – тачка-то оказалась из городского ДЮ. – (Ну да, Департамент юстиции.) – Напустил на них адвокатов, но… – Калека пожал плечами. – Один из моих адвокатов, Ньембо… Знаешь эту троицу? Беженцы из Африканского Союза, помнишь? Ньембо – он знает этого, как его, Фонтейна. Фонтейн, помнишь?

– Да, – сказала Шеветта и оглянулась на всякий случай. – Он все еще в Окленде, дети, жены и все такое?

– Нет, – сказал Цапля, – нет, у него лавка прямо тут, наверху, – он махнул рукой. – Там и спит. Продает всякий хлам туристам. Ньембо сказал, женушки его живьем съесть готовы. – Он искоса взглянул на нее, шрам на щеке стал заметнее. – Хорошо выглядишь. Прическу сменила.

Вид шрама вызвал новую реакцию «плясуна»; она содрогнулась, в голове возник новый расклад – Карсон со злобным лицом, засунув руки в карманы кожаной куртки, идет ей навстречу по мосту.

– Хорошо, что увиделись, Цапля.

– Да, – сказал он с печалью и недоверчивой безнадежностью; зябко повел плечами, будто хотел немного освободиться от боли, потупил глаза и двинулся прочь, в ту сторону, откуда пришел.

Шеветта смотрела вслед его хромающей походке: изуродованная нога прямая, словно палка.

Она застегнула молнию своей кожаной куртки и пошла искать лавку Фонтейна, сомневаясь, распознает ли ее.

36
Аспект славы

Райделл взял в «Шеф-поваре гетто» «плошку мяса» в одноразовой таре из белой пены, после чего ему пришлось думать, как забраться наверх, ничего не пролив.

Лезть по приставной лестнице с чем-то горячим в руке – одна из тех затей, о которых обычно не задумываешься и которые на поверку оказываются ой как непростыми. Карабкаться, цепляясь одной рукой за долбаные перекладины, а другой стараясь удержать горячее варево, требовало сноровки.

Однако он добрался до верха, не расплескав ни капли, потом поставил еду и стал отпирать решетку (с ячейками в виде сот, два на четыре дюйма). Решетку справа и слева держали хромированные непальские замочки на скобах; ключи, висевшие на гвозде, он обнаружил, когда уходил. В смысле защиты это была абсолютно бессмысленная конструкция, так как любой мог забраться внутрь, поковыряв хилые замки отмычкой, или выломав ломиком скобы, или просто дергая сетку, пока не вылезут гвозди. С другой стороны, подумалось Райделлу, если уйдешь и не запрешь эту конуру и кто-то попросту вынесет твое барахло, даже не приложив к этому усилий, будешь чувствовать себя еще большим придурком.

Управившись, он присел на край кровати с миской и пластмассовой ложкой, которую ему дали бесплатно. Едва вдохнул пар, поднимающийся от горячей еды, и тут подумал, что стоит сначала проверить «термос». Проектор – так назвал его Лейни. Райделл вздохнул, поставил тарелку на пол и встал (правда, в три погибели).

«Глоб-эксовская» посылка была по-прежнему в шкафчике, за вещмешком, и обтекаемый металлический цилиндр по-прежнему был на месте.

Он сел обратно, поставив посылку рядом с собой на кровать, и принялся уплетать остывающее мясо, которое и вправду стоило того. Странное дело – и почему такое, как попало наструганное, в сущности, напрочь разваренное мясо неясного происхождения – возможно, и вправду говядина – при определенных обстоятельствах бывает вкуснее, чем настоящий сочный бифштекс? Он слопал все, до последнего зернышка риса, до последней капли бульона, и решил, что свои три с половиной звезды на туристской карте заведение заслужило.

Потом открыл посылку и достал «термос». Снова увидел

стикер «Аспект славы» и понял не больше, чем в прошлый раз. Поставив загадочный предмет на пестренький коврик, извлек спрятанный в изголовье кровати кнопарь. Вспорол пластиковые конверты, вытянул кабели и уселся их рассматривать.

Вот этим проводом, подумал он, стандартным сетевым, подключается любой ноутбук к обычной стенной розетке, хотя конец, который втыкается в «термос», выглядит не совсем привычно. А вот второй кабель, однако, серьезная вещь, одни разъемы чего стоят. Райделл нашел гнездо, в которое, очевидно, втыкался один конец этого провода, – только куда, скажите на милость, втыкать второй? Если юный сумоист не соврал, это был специальный кабель ручной сборки, которым «термос» подключался туда, куда его редко кто подключает. Оптический кабель, судя по виду.

Сеть – это просто. Что он понял сильно не сразу, так это где в спальной каморке стенная розетка, но и она в конце концов нашлась (отводка обычного желтого удлинителя сурового промышленного вида) там же, в вещевом шкафчике.

На цилиндре не видно ни ручек, ни выключателей. Он подключил сетевой кабель к розетке, снова уселся на кровать, держа свободный конец в руке и разглядывая серебристый цилиндр.

– Была не была, – сказал Райделл и воткнул в него кабель. Тут же его посетило явственное видение того, что «термос» – ни малейших сомнений – нашпигован пластитом, снабжен детонатором и только ждет живительного тока…

Но нет – будь «термос» бомбой, Райделл был бы уже мертв. Мертв он не был.

Но и «термос» не подавал признаков жизни. Райделлу показалось, что он слышит тихое гудение – вот, собственно, и все.

– Ни хрена не понятно, – констатировал Райделл.

Какое-то мерцание. Неоновая бабочка. Порванные крылья.

И ниоткуда возникла эта странная девушка на корточках – так близко, что его сердце кувырнулось и замерло.

Что это: вот ее не было – и вот она есть. Закололо в груди, и тогда он вспомнил, что нужно дышать.

Если бы Райделла попросили описать ее, он сказал бы – красивая, и забуксовал бы, не сумев объяснить почему. Ему пришло в голову, что она прекрасный пример той «гибридной стати», о которой говорил Дариус, но он понятия не имел, что за расы скрестили здесь свою кровь.

– Где мы? – спросила она.

Он растерянно заморгал, не понимая, кого она видит и к кому обращается – к нему или к кому-то другому в другой

реальности.

– Ночлег с завтраком, – сказал он в порядке эксперимента. – Мост через бухту между Сан-Франциско и Оклендом.

– Вы друг Лейни?

– Я… Ну да.

Теперь она осматривалась – с явным интересом, и у Райделла по спине побежали мурашки; он увидел, что ее одежда повторяет, как в зеркальном отражении, его собственную, только на девушке все сидело идеально и, разумеется, смотрелось совсем по-другому. Свободные штаны цвета «хаки», синяя джинсовая рубашка, черная нейлоновая куртка, на груди прямоугольник на «липучке» – в него вставляется логотип компании. И так далее, вплоть до черных носков (с дырками на пальцах? – вдруг подумал он) и меньших по размеру черных рабочих ботинок, которые он купил, чтобы ходить в «Счастливый дракон». Но оторопел он потому, что твердо помнил: в момент своего появления она сидела перед ним на корточках голой.

– Я Рэй Тоэй, – сказала она.

Волосы у нее были жесткие и блестящие, стрижка небрежная, но безупречная, губы полные, вечно на грани улыбки. Райделл протянул руку, и рука прошла прямо сквозь ее плечи, сквозь узор когерентного света, которым, как он прекрасно знал, девушка и была.

– Это голограмма, – сказала она, – но я настоящая.

– Где вы?

– Я здесь, – сказала она.

– Но где вы по-настоящему?

– Здесь. Голограмма не транслируется. Ее генерирует модуль от «Аспекта славы». Я здесь, вместе с вами. Комната очень маленькая. Вы бедны?

Она втиснулась рядом с Райделлом (он догадался, что она бы легко прошла сквозь него, не подвинься он вовремя) на край кровати, чтобы рассмотреть покрытую солевыми отложениями пластиковую полусферу. Райделл заметил, что девушка в буквальном смысле светится, хотя этот свет почему-то казался ему отраженным, лунным.

– Комнату я снимаю, – ответил Райделл. – Да, я не очень богат.

Услышав это, она оглянулась.

– Я не хотела вас обидеть.

– Да ладно, – сказал Райделл, глядя то на проектор, то на нее. – Я просто имел в виду, ну, многие люди сказали бы, что я беден.

– Но еще больше людей сказали бы, что вы богаты.

– В этом я что-то не уверен…

– А я уверена, – сказала она. – Сейчас в мире больше людей, которые гораздо беднее вас, чем тех, кто богаче. У вас есть ночлег, у вас есть одежда. Я вижу, что вы только что ели. Как вас зовут?

– Берри Райделл, – сказал он, вдруг застеснявшись. Но, подумал он, по крайней мере, я знаю, кто она такая или кем должна быть. – Слушайте, я вас узнал. Вы японская певица, ну, та, которой… В смысле, которая…

– Не существует?

– Я этого не говорил. В смысле, это ведь вы должны были выйти замуж за этого парня – ирландца, китайца, то есть не важно, в общем, из той группы?

– Да. – Она вытянулась на кровати, лежа на животе, подперев руками подбородок, головой всего в нескольких дюймах от затуманенного пузыря из пластика. (Райделл на миг отчетливо представил, как, словно из-под воды, тусклым глазом исполинской морской твари, смотрит на нее этот пузырь.) – Но мы не поженились, Берри Райделл.

– Откуда вы знаете Лейни? – спросил он ее, пытаясь нащупать хоть какую общую почву.

– Мы с Лейни друзья, Берри Райделл. Вы знаете, где он сейчас?

– Точно не знаю, – ответил Райделл, что было правдой.

Она перевернулась – великолепная и в буквальном смысле светящаяся, в нелепой зеркальной копии его экипировки, которая смотрелась на ней как образец последней высокой моды, и пронзила его исполненным печали взором. В эту секунду он вполне готов был добровольно и счастливо смотреть в ее глаза, будь она только согласна, – и просидеть так хоть целую вечность.

– Мы с Лейни разлучились. Не могу понять почему, но, хочется верить, это в наших интересах. Кто дал вам проектор, Берри Райделл?

– Я не знаю, – ответил Райделл. – Сюда его доставили «Глоб-эксом» на имя Лейни. Отправитель – компания «Парагон-Эйша», из Мельбурна…

Она подняла брови:

– Вы не знаете, почему мы оказались с вами здесь, в Сан-Франциско, Берри Райделл?

– Нет, – сказал он. – А вы?

– Лейни считает, что мир скоро рухнет, – сказала она, и улыбка ее была лучезарна.

Он не мог не улыбнуться в ответ.

– Я-то думал, мы это уже пережили, когда кончился век.

– Лейни говорит, миллениум был всего лишь датой. Лейни уверен, что на этот раз все будет по-настоящему. Но я не говорила с ним очень давно, Берри Райделл. Не знаю, насколько мы приблизились к узловой точке.

37
Дерьмовые деньги

Сегодня вечером Бумзилла с какой-никакой деньжонкой, тем дебитным говночипом, который ему дали эти сучки-фургонщицы, пойдет в «Счастливый дракон». Он всегда туда ходит, когда у него есть бабки, потому что у этих гадов прорва всякого клевого говна.

Жратва ему там нравится, потому что это не «мостовая» жратва, а, как по телику, в фабричной упаковке. И вообще, там все есть: всякая хрень, на которую можно пялиться, игры и все такое. Классное место.

В один распрекрасный день он разгребется со своей жизнью. У него будет дом, красота, как в «Счастливом драконе». Везде свет, как у них, и еще он надыбает этих летающих камер, как у тех сучек с фургоном. Будет в жопу всем заглядывать, и никто даже не пикнет.

Чип надо показать, когда подходишь к дверям: помашешь перед носом охранника, он тебя впустит. Он должен убедиться, что ты тоже в игре, а не вор какой-нибудь. Бумзилла давно это просек.

Сегодня вечером все по-другому. У главного входа в «Дракон» – здоровый белый фургонище. Самый большой, самый белый фургон, какой он когда-либо видал. Никаких надписей, кроме северокалифорнийских номеров, рядом стоит пара охранников. Не на нем ли привозят новые игры? Бумзилла никогда не видал такого фургона.

И вот он уже в дверях, предъявляет чип и идет для начала, как обычно, за леденцами.

Бумзилла любит эти японские леденцы, эту маленькую химлабораторию. Смешиваешь разные компоненты, эта штука шипит, нагревается, а потом остывает. Берешь, выдавливаешь в формочку, и – гляди-ка ты! – оно уже твердое. Когда его ешь, оно просто как леденец, но Бумзилле нравится сам процесс.

Он покупает шесть штук, злится, что нет с виноградным вкусом, и парочку шоколадок. Долго прикалывается с аппарата, печатающего журналы на заказ, смотрит на экранах всякое говно, из которого можно слепить себе личный журнал. Потом – в дальний отдел, купить лапши, типа, просто добавь воды и дерни за веревочку.

Решая, что лучше – лапша с говядиной или с курицей, он замечает, что разобрана целая секция «драконовской» стенки. Между «Глоб-эксом» и кассой.

Ага, так вот зачем белый фургон, видно, здесь будут ставить какую-то новую хрень. Чешет в затылке – может, игровой автомат какой-нибудь?

Белые люди в белых хлопчатых комбинезонах демонтируют стену.

Он смотрит на них, потом идет обратно к главному входу, показывает свое говно. Кассир прокатывает купленное по окошку на стойке, которое как калькулятор, берет у Бумзиллы чип и – вжик! Капец говноденьгам…

Он выходит с кульком на улицу, в полутьме находит поребрик, присаживается. Сейчас он сготовит первый из шести леденцов. Красный.

Смотрит на экраны у главного входа, возле которого стоит белый фургон, и видит точно такие фургоны почти что на всех экранах. Значит, сейчас во всем мире у «Счастливых драконов» торчат эти белые фургоны, а стало быть, нынче ночью везде установят какую-то новую хрень.

Бумзилла вскрывает коробочку с леденцом, изучает многоступенчатые, но без единого слова, инструкции.

Надо делать все правильно.

38
«Винсент черная молния»

Должно быть, Фонтейнова лавка – вот эта, фиолетовая, узкая, с высоким окном, законопаченным таким количеством силикона, что хватило бы на обмазку целого свадебного торта. Весь фасад был когда-то выкрашен нудной фиолетовой краской, теперь облупившейся из-за дождей и солнца; Шеветта смутно помнила, что раньше здесь торговали подержанной одеждой, что ли. Фиолетовым было решительно все: потеки силикона, железяки, прибитые к старой деревянной двери со вставленными вверху окошками.

Если это действительно лавка Фонтейна, то он не побеспокоился дать ей название, – впрочем, это вполне в его духе. И кучка предметов, лежащих в окне под лучом старинного «Тензора», тоже была в его духе: несколько древних наручных часов с проржавевшими циферблатами, большой складной нож с костяной рукояткой, отполированной до блеска, и огромный уродливый телефон, обтянутый складчатой черной резиной. Фонтейн был помешан на старых вещах и раньше, бывало, притаскивал разную рухлядь, показывал ее Скиннеру.

Иногда ей казалось, он это делал лишь для того, чтобы завести старика, чтобы вытянуть из него истории. Скиннер был молчуном, но, крутя и вертя в руках какое-нибудь ветхое Фонтейново сокровище, порой начинал рассказывать, и тогда Фонтейн садился и слушал, время от времени согласно кивая, будто истории подтверждали какие-то его давние подозрения.

Узнав новые детали прошлой жизни Скиннера, Фонтейн принимался сам изучать предмет с усиленным любопытством, задавать вопросы.

Ей казалось, Фонтейн живет в мире вещей – вещей, сделанных людьми; с их помощью ему легче приблизиться к людям. Если Скиннер не мог рассказать ему историю какой-нибудь штуки, он выдумывал собственную, по особым приметам вычитывал предназначение вещи из ее формы, судил о ее применении. Казалось, это его утешает.

Для Фонтейна все имело историю. Каждый предмет, каждая деталь, из которых складывался рукотворный мир. Многоголосый хор, прошлое, что живет во всем, море, волны которого раскачивают корабль настоящего. Когда он строил для Скиннера фуникулер, подъемник, заползавший по канату к верхушке наклонной железной башни, – бедро у Скиннера разболелось

настолько, что он уже не мог взбираться домой с прежней легкостью, – Фонтейн имел наготове историю о происхождении каждой детали. Он сплел эти истории вместе, пустил электричество: тележка поднялась, клацая, к люку в полу стариковской комнаты.

Сейчас Шеветта стоит здесь, рассматривая в витрине часы с порыжевшими циферблатами и неподвижными стрелками, она боится истории.

Потому что знает: Фонтейн определит ее историю совершенно по-своему, и это будет та самая история, которой она пыталась избежать.

За дверным стеклом, достаточно толстым, чтобы преломлять свет, в дальнем конце лавки, словно сквозь воду, горят огни. Там еще одна дверь, приотворенная.

«CLOSED/CERRADO» – сообщает картонка с загнутыми уголками, висящая за стеклом на крючке с присоской, как из душевой.

Шеветта стучится.

Почти сразу внутренняя дверь распахивается, чья-то фигура маячит на фоне яркого света.

– Эй, Фонтейн! Это я, Шеветта.

Фигура, шаркая, приближается, это действительно он – угловатый чернокожий с седеющими волосами, скрученными в несимметричные косички, которые висят, как веточки пыльного комнатного растения, вянущего без воды. Когда он огибает тускло отблескивающую стеклянную витрину, она замечает в его руке древний пистолет с крутящимся барабаном, одна пуля на выстрел.

– Фонтейн? Это я…

Он замирает у стойки, смотрит. Делает шаг вперед. Опускает ствол.

– Шеветта?

– Да.

– Подожди. – Он подходит ближе и пристально смотрит на нее, потом вглядывается в темноту за ней. – Ты одна?

– Да, – говорит она, тоже оглядываясь.

– Подожди… – Лязг замков, отодвигаемых засовов, наконец дверь открывается, и он изумленно таращится на нее. – Ты вернулась.

– Как ты, Фонтейн?

– Прекрасно, – говорит он, – прекрасно. – Отступает назад. – Заходи.

Она входит. Запах машинного масла, политуры, убежавшего кофе. Тысяча разных вещей угадываются в глубине, осевшие на

Фонтейнов риф истории.

– А я-то думал, что ты в Эл-Эй.

– Была. Вернулась…

Он закрывает дверь и запирает ее – процесс сложный, но он справится и в темноте, и, может быть, даже во сне.

– Старик помер. Ты слышала?

– Слышала, – говорит она. – Отчего?

– Совсем дряхлый стал, – говорит он, убирая в карман пистолет. – Не мог однажды встать с постели. Свернулся калачиком, как младенец. Кларисса ходила, нянчилась с ним. Она, Кларисса, сиделкой раньше была. Говорит, когда кто отвернется к стене – считай, скоро помрет.

Шеветте мучительно хочется что-то сказать, но слова не идут.

– Эй, подруга, мне нравится твоя стрижка, – говорит Фонтейн, рассматривая ее. – Не такая колючая, как прежде.

– Все меняется, – говорит Фонтейн, имея в виду мост и его население.

Он рассказывает ей о новой моде строить магазины, чаще всего – не на деньги людей с моста; о том, как владельцы нанимают людей, чтобы те жили в этих лавках и охраняли чужую собственность.

– Вот «Счастливый дракон», например, – говорит он, держа обеими руками белую фарфоровую кружку с горьким густым кофе, – стоит там потому, что кто-то решил сделать на нас деньги. Туристы там покупают все подряд, потом идут на нас поглазеть. Раньше такого ни за что бы не было.

– А как ты думаешь, отчего все так изменилось?

– Да ни отчего, само по себе, – отвечает он. – У всего есть срок.

– А Скиннер? – спрашивает она. – Он здесь жил всю жизнь, разве нет? В смысле, когда все было так, как было. С самого начала. С тех пор, как построили мост.

– Ну не всю жизнь. Только под конец. Вот эта куртка, которая на тебе, он ее в Англии купил, когда был молодой. Он там жил и гонял на мотоциклах. Он мне рассказывал. Гонял на них до самой Шотландии, всю страну объездил на очень старых байках.

– Да, он однажды рассказывал что-то такое. Потом он вроде вернулся сюда, и как раз тряхнуло. Мост повредило. Вскоре он и поселился здесь.

– Вот, – говорит Фонтейн, – я тебе кое-что покажу.

Он открывает шкафчик. Вынимает оттуда клинок с рукояткой из позеленевшей меди с чеканкой. Вытаскивает его из начищенных до блеска кожаных ножен. Лезвие из дамасской

стали все в патине темных узоров.

Клинок воспоминаний Шеветты, рукоять в чешуе обточенных шлифовальным ремнем сегментов печатной платы.

– Его при мне ковали, – произносит она, склоняясь поближе, чтобы рассмотреть.

– Из приводной цепи мотоцикла «Винсент Черная Молния» тысяча девятьсот пятьдесят второго года выпуска[118]. Скиннер гонял на нем по Англии. Этому зверю тогда самому было добрых лет сорок. Скиннер говорил, ни один мотоцикл не мог с ним сравниться. Хранил его цепь, пока не нашел того кузнеца. – Фонтейн подает ей клинок. Пять дюймов лезвие, пять дюймов рукоять. – Пусть будет у тебя.

Шеветта проводит пальцем по плоскости лезвия, по чешуйчатому узору черно-белых пятен металла, выкованного из звеньев мотоциклетной цепи.

– Я недавно думала об этой штуке, Фонтейн. Сегодня. Вспомнила, как мы ходили к тому кузнецу, который жег кокс в кофейной жестянке.

– Да. Я тоже помню, как он это ковал. – Он протягивает ей ножны.

– Но тебе ведь нужно продать эту штуку. – Она пытается вернуть нож.

– Это не для продажи, – отвечает он, – я хранил это для тебя.

У Фонтейна в задней комнате сидит очень странный мальчик. Неуклюжий латиноамериканец, коротко стриженный. Он все время сидит на полу, скрестив ноги, на голове – старый шлем виртуальной реальности, как будто подобранный на свалке боевых роботов. На коленях – старый ноутбук. Мальчик методично жмет кнопку, картинки на экране меняются.

– Кто это? – спрашивает она тихо, чтобы мальчишка не услышал, когда они выходят и Фонтейн начинает заваривать новую порцию своего ужасного кофе.

– Не знаю, – отвечает Фонтейн, обернувшись и внимательно глядя на парнишку. – Я нашел его утром возле лавки, он стоял у витрины и дышал на стекло.

Шеветта глядит на Фонтейна, не понимая, о чем он.

– Он любит часы, – говорит Фонтейн, щелкая пьезозажигалкой; на горелке вспыхивает газ. – Утром я показал ему, как искать часы, с тех пор он только этим и занимается. – Фонтейн подходит к мальчику, смотрит на него сверху вниз. – Не уверен, знает ли он английский, а если и знает, то понимает по-своему.

– Может, он знает испанский?

– Ко мне заходил Большой Карлос, – отвечает Фонтейн, – и, кажется, парень разницы не заметил.

– Ты теперь и живешь здесь, Фонтейн?

– Да, – говорит он, – мы не ладим с Клариссой.

– Как твои ребята?

– У них все в порядке. Черт, и у Турмалины тоже все в порядке, все так считают, кроме нее. В смысле жить с ней невозможно, понимаешь, но на здоровье она не жалуется.

Шеветта берет зачехленный дамасский клинок и пытается засунуть его во внутренний карман с молнией. Он туда влезает и, если застегнуть молнию до упора, лежит вертикально.

– А что он делает с твоим ноутбуком?

– Охотится за часами. Я показал ему аукционы в Сети, и теперь он роется везде. Залезает в такие места, что я не пойму, как он это делает.

– Он будет здесь жить?

Фонтейн морщит лоб.

– Вообще-то, я этого не планировал.

Шеветта встает и потягивается, перед глазами стоит образ Скиннера, ее старика, сидящего на кровати в каморке на вершине опорной башни. «Плясун», подхваченный от Кридмора, выветрился, оставив только усталость. Долгий был день. Какой долгий день.

– Мы заночуем в фургоне, в начале Фолсом-стрит.

– Мы – это кто?

– Я и Тесса. Моя подруга.

– Знаешь, я всегда тебе рад.

– Тесса будет волноваться, – отвечает она. – Здорово, что повидались, Фонтейн. – Она застегивает молнию на куртке. – Спасибо, что сохранил нож. – Она так и не услышала истории, которую хотела узнать. Теперь она просто чувствует усталость и, кроме усталости, не чувствует больше ничего.

– Твой нож. Он сделал его для тебя. Хотел, чтобы он достался тебе. Так и сказал.

Он поднимает глаза и глядит на нее, седые дреды падают на лоб. И добавляет тихо:

– Все спрашивал, где ты, сама знаешь.

Вот она, встреча с историей, и как это больно.

39
Паноптикум [119]

Движение Лейни сквозь мировую информацию (или движение этой информации сквозь него) давно уже перестало быть лишь занятием и стало способом существования.

Страшная Дыра, пустота в самой его душе перестала ужасать его. Он выполнял миссию, хотя с готовностью признавал, что не имеет ни малейшего понятия о том, в чем, собственно, заключается его миссия.

Это началось, размышляет он, прихлебывая сироп от кашля в утробной тьме своей картонной лачуги, с моего интереса к Коди Харвуду. С первых признаков так называемого сталкер-синдрома, который, как полагают, рано или поздно пробуждается в каждом подопытном, когда-либо получавшем дозу «5-SB». Его собственной первой реакцией было, конечно же, отрицание: со мной этого просто не может случиться, через столько-то лет! Харвуд, однако, был ему интересен и по весьма определенной причине; осознание узловых точек, точек, которые генерируют перемены, заставляло его постоянно думать о Харвуде. Дело было не в том, что он зациклился на Харвуде, а в том, что события притягивались к Харвуду, ненавязчиво, но неуклонно, как стрелка компаса к магнитному полюсу.

Жизнь Лейни в этот момент была однообразна: нанятый менеджерами поп-группы «Ло/Рез» для содействия «браку» певца Реза и японской виртуальной звезды Рэй Тоэй, он зажил в Токио жизнью, которая вращалась вокруг визитов на частный, искусственного происхождения островок в Токийском заливе, дорогостоящий холмик из промышленных отходов, на котором Рез и Рэй Тоэй собирались создать какую-то новую реальность. То, что Лейни оказался неспособен уловить суть этой новой реальности, не сильно его удивило. Рез был настоящим самодуром – очень может быть, последней предпостчеловеческой мегазвездой, – а Рэй Тоэй, идору, была развивающейся системой, личностью, которая непрерывными итерациями выстраивалась из поступающего на вход опыта. Рез был Резом и, по определению, существом негибким, а Рэй Тоэй была той рекой, в которую никто не войдет дважды. Становясь все более независимой благодаря усвоению нового опыта и взаимодействию с людьми, она росла и менялась. Рез не менялся, и психолог, работавший с менеджерами его группы, однажды признался Лейни, что Рез («классический пример нарциссического расстройства личности») попросту не

способен на это. «Я общался с массой людей, особенно в шоу-бизнесе, страдающих этим недугом, – сказал психолог, – но не видел никого, кто бы от этого излечился».

В общем, каждый рабочий день в токийском порту Лейни садился в надувную лодку «Зодиак» и безмятежно скользил по ровной глади залива до безымянного круглого островка, чтобы там взаимодействовать с идору (глагол «обучать» здесь не подходил). И хотя никто этого не планировал, он погрузил ее в тот поток информации, в котором чувствовал себя как дома (или, по крайней мере, дальше всего от Дыры). Он дал ей, так сказать, инструмент для плаванья, хотя как называется этот инструмент, не знал сам, да и никто не знал. Он показал ей узловые точки этого потока, и они вместе наблюдали, как изменения перетекают из этих точек в физический мир.

Он ни разу не спросил ее, каким образом она собирается «выйти замуж» за Реза, и вообще сомневался, что она это знает – в обыденном смысле слова. Она просто продолжала возникать, существовать и становилась все более настоящей. И Лейни влюбился в нее, хотя понимал, что для того она и была спроектирована – чтобы он, и весь мир вместе с ним, влюбился в нее. Как порождение коллектива разработчиков, она была усиленным отражением желания; и раз дизайнеры постарались на славу, она была сном наяву, объектом любви, близким мировому коллективному бессознательному. Речь шла, как прекрасно понимал Лейни, не только о сексуальном желании (хотя, конечно, он чувствовал его, к своему смятению), но и о самом настоящем, поначалу болезненном, пробуждении его чувств.

Он влюбился в нее, а влюбившись, понял, что сам смысл этого слова стал для него другим, вытеснив усвоенные прежде понятия и концепции. Это абсолютно новое чувство он держал в себе, ни с кем не делясь, и в первую очередь – с самой идору.

И под конец этой истории Коди Харвуд, застенчивый, улыбчивый и уклончивый, – человек, который никогда не вызывал у Лейни ни малейшего интереса, – стал преследовать его как наваждение. Харвуд, чаще всего подаваемый как гибрид Билла Гейтса и Вуди Аллена для двадцать первого века, раньше представлялся Лейни не более чем смутным источником раздражения, одной из тех знакомых «картинок», которые всплывают время от времени в медиа, чтобы затем кануть в вечность – до следующего появления. У Лейни не было никаких идей насчет Харвуда, за исключением того, что этот тип мелькал перед ним всю его жизнь, непонятно почему, и он, Лейни, как-то устал от этого.

Но чем дольше он бороздил потоки данных, связанные с

Харвудом и деятельностью его фирмы «Харвуд Левин», тем более очевидным становилось, что это было место схождения узловых точек, своего рода метаузел, и что там затевалось нечто грандиозное, хотя он не мог определить, что именно. Запойное изучение Харвуда и всех харвудских дел привело Лейни к осознанию того, что историю тоже можно рассматривать в терминах узловых точек, и та история, которую обнаружил Лейни, имела мало или вообще никакого отношения к любой общепринятой.

В свое время, конечно, его учили, что история – как и география – мертва. Что история в устаревшем смысле этого слова была всего лишь концепцией. История была повествованием, рассказами, которые мы твердим сами себе о своем происхождении, о прошлых эпохах, и каждое новое поколение по-своему интерпретировало эти рассказы. Так было всегда. История казалась гибкой материей, она зависела от точки зрения. В цифровую эру это стало лишь чересчур очевидным. История была всего лишь способом сохранения данных, объектом манипуляции и интерпретации.

Но история, которую открыл Лейни через искажение восприятия, вызванное многократным приемом «5-SB», выглядела совсем иначе. Она была той самой формой, состоящей из всех возможных рассказов, всех мыслимых версий; она была формой, увидеть которую мог лишь он (насколько он понимал).

Сперва, сделав это открытие, он пытался поделиться им с идору. Может быть, если ей показать эту форму, она, как новая постчеловеческая сущность, просто начнет видеть так же. Но он был разочарован, когда она сказала ему, что такое видение ей недоступно; что она лишена его способности распознавать в истории узловые точки – проявляющуюся структуру – и не надеется обрести такую способность в ходе своего развития.

– Полагаю, это доступно только человеку, – наконец призналась она, когда он настаивал на своем. – Это проявление вашей биохимической природы, усиленной особым образом. Это чудесно, но это не для меня.

А вскоре – так как из-за усиливающейся сложности она все более отчуждалась от Реза, о чем Лейни стало уже известно, – она сама обратилась к нему с просьбой проинтерпретировать информационные потоки, обтекавшие их с Резом. Он это сделал, – впрочем, весьма неохотно, – так как любил ее. Интуиция подсказывала, что вслед за этим ему придется с ней проститься.

Поток данных вокруг Реза и Рэй буквально кишел узловыми точками, особенно в тех местах соединения с сетью, через которые к идору непрерывно поступала тайная информация из

«Застенного города», этой полумифической параллельной вселенной надзаконных иконоборцев.

– Зачем ты связалась с этими типами? – спросил он тогда.

– Они нужны мне, – ответила она, – не знаю, в чем дело, но знаю, что это так. Таковы обстоятельства.

– Если бы не они, – сказал он, – у тебя не было бы таких обстоятельств.

– Я знаю. – Улыбка.

Интерес к Харвуду все возрастал, поездки на остров и совместные с идору экспедиции в информационные дебри тяготили его. Ему словно бы стало неловко от того, что она видит его рассеянным, невольно сосредоточенным на другом объекте – и таком банальном. Ощущение присутствия Харвуда, потоки информации, генерируемые им, заполняли Лейни. И однажды утром, проснувшись в токийском отеле, который ему оплачивала группа «Ло/Рез», он решил не ходить на работу.

Спустя время он узнал от Ямадзаки, и это подтверждалось наблюдениями за информационными потоками, что идору тоже покинула Токио. У него были соображения насчет ее контактов с гражданами (ему казалось, что они бы стали настаивать на этом термине) тщательно закамуфлированного в мировой паутине «Застенного города»; в данный момент, очевидно, она была в Сан-Франциско.

Впрочем, он заранее знал, что она там окажется, иначе и быть не могло. По той причине, что именно Сан-Франциско – он понял это, наблюдая за формой событий, – был тем местом, где кончался мир. Заканчивался на его глазах. И она была частью конца света – точно так же, как сам Лейни и Харвуд.

Но что-то важное должно было произойти – происходило на его глазах. Именно поэтому он не смел спать. Поэтому должен был и дальше гонять Костюма, безупречного и дурно пахнущего, с лодыжками, обмазанными черным, за «Восстановителем» и голубым сиропом.

В последнее время, уже на грани истощения, он иногда на несколько секунд, которые кажутся ему долгими часами, превращается в другое существо.

Он будто бы становится сетчаткой, равномерно покрывающей внутреннюю поверхность сферы. Пристально, не мигая, он смотрит всей поверхностью внутрь глаза и видит собственный орган зрения, в то время как из незримой радужки одно за другим возникают разрозненные, похожие на игральные карты изображения Харвуда.

Ямадзаки недавно принес ему подушки, новые спальники,

воду в бутылках, комплект одежды, которым он так и не воспользовался. Он смутно осознает происходящее, но когда он становится глазом, направленным внутрь себя и на бесконечную цепь образов, то не осознает ничего, кроме этой внутренности, бесконечной и замкнутой.

Какая-то часть его сознания гадает: является ли это следствием болезни, реакцией на «5-SB», или этот огромный, глядящий внутрь глаз на самом деле внутренняя ипостась той единой формы, в которую входит каждый бит мировой информации?

Последняя гипотеза хотя бы отчасти подтверждается тем, что он не раз ощущал, как глаз выворачивается, конвульсивно превращаясь в Мёбиусову ленту, после чего неизменно обнаруживал, что смотрит снаружи на эту форму, которую невозможно описать.

Однако в последнее время у него появляется ощущение, что он не единственный, кто смотрит. Кто-то еще чрезвычайно интересуется Харвудом. Он чувствует, что они оба знают о присутствии друг друга. Возможно ли это?

Старинный пластиковый наручный будильник с эмблемой «Оружейниц»[120] вырывает его из потока. Лейни нащупывает часы в темноте и выключает звонок. Непонятно, откуда они взялись. Может, старик принес?

Пора звонить Райделлу в Сан-Франциско. Он бережно проводит пальцами по одноразовым телефонам, ища, не осталось ли в каком на десять минут разговора.

40
Желтая лента

Рэй Тоэй умела быть очень маленькой.

Шесть дюймов ростом, она сидела на Райделловой подушке перед пластиковым колпаком в спальной нише, и Райделл радовался, как ребенок.

Уменьшенная проекция казалась более четкой; она становилась ярче, и он невольно вспоминал диснеевские штучки, волшебниц из старого аниме. У нее запросто могли бы быть крылья, думал он, и она летала бы по воздуху, оставляя сверкающий шлейф, если бы захотела. Но она всего лишь сидела на подушке, маленькая и прекрасная, и болтала без умолку.

А когда он закрывал глаза – не чтобы спать, пусть просто отдохнут, – то понимал, что ее голосок на самом деле звучит из проектора, стоящего на кровати. Она рассказывала ему что-то про Реза, певца, за которого хотела выйти замуж, объясняла, почему из этого ничего не вышло, но поспевать за ее мыслью было трудно. Райделл понял, что Резу был интересен только сам Рез и мало что другое, а Рэй Тоэй стали интересовать другие люди (или, подумал он, другие вещи, если с ее точки зрения). Райделл терял нить рассказа и действительно начал засыпать под ее нежный голосок.

Прежде чем прилечь, прежде чем она показала ему, что может уменьшаться, он поставил на место сетку и расправил занавеску, прикрепленную к ней кнопками, – выцветшая помятая тряпка с узором в виде затейливых ключей и странных длинношеих кошек (он решил, что это все-таки кошки).

Он не сразу услышал, что зазвенели очки, потом искал в полумраке куртку. Только куртки на нем и не было, а так он заснул полностью одетым и даже обутым и спал очень крепко.

– Алло? – Он нацепил очки левой рукой, а правой уперся в потолок. Панельная обшивка подалась вверх, и он решил впредь быть осторожнее.

– Ты где? – Это был Лейни.

– Ночлег с завтраком, – ответил Райделл.

От темных очков стало совершенно темно. Он видел только слабую искру собственного зрительного нерва, мерцание безымянных цветов.

– Кабели достал?

– Да, – сказал Райделл.

Он вспомнил, как нагрубил парнишке-сумоисту, и

почувствовал себя неловко. Да, слегка дал маху. А все из-за этой клаустрофобии, или как ее там, которая на него порой нападает в толпе. Тара-Мэй Алленби сказала ему, что это называется «клаустрофобия», то есть «боязнь замкнутого пространства», но на самом деле у него это не от тесноты. А еще дико бесят эти дурацкие бородки под нижней губой.

– Оба кабеля, – добавил он.

– Уже подключил?

– Только питание, – сказал Райделл. – Второй… я не знаю, куда он втыкается.

– И я не знаю, – сказал Лейни, – но она на месте?

– Только что была, – сказал Райделл, высматривая во тьме свою волшебную звездочку, но потом вспомнил, что на нем очки.

Его рука нащупала выключатель, свисавший с провода над головой. Щелкнул. Загорелась голая пятидесятиваттная лампочка. Он сдвинул очки на нос, посмотрел поверх них, обнаружил, что проектор на месте и все еще подключен.

– «Термос» у меня.

– Не выпускай его из виду, – сказал Лейни, – и кабели тоже. Не знаю, что именно она должна для нас сделать, но вокруг нее все и крутится.

– Что крутится вокруг нее?

– Изменение.

– Лейни, она сказала, что, по-твоему, будто наступает конец света.

– Не будто, а наступает, – поправил Лейни.

– С чего ты взял?

Лейни вздохнул; вздох перешел в кашель, который он, очевидно, пытался подавить.

– Конец тому миру, который мы знаем, – выдавил он. – Как мы его знаем… Больше я об этом ничего не могу сказать, да и никто не смог бы. Не о том тебе надо думать. Ты же работаешь на меня, не забыл?

«Да, а ты – сумасшедший, – подумал Райделл, – но у меня в кармане твой кредитный чип…»

– Ладно, – сказал он, – и что дальше?

– Пойдешь на место вчерашнего двойного убийства, недалеко от тебя, на мосту.

– И что я должен там выяснить?

– Ничего, – сказал Лейни. – Просто сделай вид, будто пытаешься что-то выяснить. Притворись, как будто ты следователь. Перезвони, когда будешь готов, я дам GPS-координаты.

– Стоп, – сказал Райделл. – А если я вправду что-нибудь

выясню?

– Перезвони мне.

– Не вешай трубку, – попросил Райделл. – Как случилось, что вы с ней перестали общаться? Она сказала, вы разлучились.

– Ее… владельцы… хотя это слово не совсем годится… в общем, они не прочь со мной потолковать, потому что она сбежала. И люди Реза тоже не прочь. Так что нынче мне приходится быть *incommunicado*[121], по крайней мере для них. Но она и не пыталась со мной связаться. Она сможет, когда ей будет нужно. – Он дал отбой.

Райделл снял очки, положил их на подушку и добрался ползком до кровати.

– Эй, – обратился он к «термосу», – вы там?

Тишина.

Он принялся собираться. Распаковал вещмешок, прорезал в нем пару дырок тем же кнопарем, снял нейлоновый пояс и пропустил его через прорези так, что получился ремень, который можно было перекинуть через плечо.

– Эй, – позвал он «термос» еще раз, – вы здесь? Я собираюсь вас отключить.

Помедлил и отключил. Сложил в сумку «термос», сетевой кабель, другой кабель и «драконовский» ранец, который однажды уже спас его шкуру, – может, и вправду счастливый. Натянул нейлоновую куртку, сунул очки в карман и, подумав немного, осторожно спрятал кнопарь в правый передний карман брюк. Потом представил, что нож может там открыться – нет защелки-предохранителя, еще осторожнее вытащил кнопарь из штанов и положил в боковой карман куртки.

…И дошел до места преступления без особых проблем, хотя GPS-наводчик из Лейни получился еще тот. Координаты искомой точки у него были (Райделл понятия не имел откуда), а вот карты моста не было, так что он невесть как привязал к координатной сетке Райделловы очки и велел шагать в сторону Сан-Франциско, на нижний ярус, шагай дальше, шагай-шагай, уже теплее. О’кей, сворачивай направо.

Райделл уткнулся носом в глухую фанерную перегородку, обклеенную пожухшими от дождя постерами (на европейском языке, которого он не знал) концерта какого-то типа по имени Оттоман Бэдчер. Райделл описал Лейни увиденное.

– Не то, – сказал Лейни, – но уже совсем рядом.

По соседству обнаружилась закрытая лавка – Райделл не смог понять, чем там торговали, дальше в стене был проем. В глубине виднелись рулоны пластика, деревянный брус. Кто-то строит еще

одну лавку, подумал Райделл. Если это действительно место преступления, оно должно быть отгорожено желтой пластиковой лентой с буквами СФДП[122], но тут он вспомнил, что копы на мосту не частые гости, и спросил себя: как же тут избавляются от трупов? Если сбросить в воду, город будет не слишком рад, хотя, конечно, ни за что не докажешь, что данный конкретный труп сбросили именно с моста. И все же Райделлу было не по себе оттого, что желтой ленты нет. Для него она была символом уважения.

Он вошел в проем, обогнул рулоны пластика, забрался на невысокий штабель фанеры и вдруг увидел в резком свете помоечных флуоресцентных ламп, висевших ближе к тротуару, два напоминающих морозные узоры белых пятна, напыленных поверх двух более темных пятен каким-то аэрозолем, и сразу понял, что это такое. «Килз», та самая дрянь, которой заливают пятна крови на тот случай, если у человека была какая-то зараза. Он знал, как выглядит кровь, опрысканная «Килзом». Это он сейчас и видел.

Тоже мне, место преступления, подумал он. И, разглядывая, недоумевал, как, по мнению Лейни, он должен себя вести, чтобы выглядеть сыщиком. Опустил вещмешок с проектором Рэй Тоэй на груду рулонов пластика.

Осадок «Килз» – вещество водоустойчивое, поэтому дождем его не смыло. Райделл тут же вспомнил, что жертвы, кем бы они ни были, погибли здесь прошлой ночью.

Ощущение было совершенно идиотское. Когда-то он мечтал стать копом, спал и видел, как подныривает под желтую ленту, чтобы изучить место преступления. И всех вывести на чистую воду. Ну вот пожалуйста – стоит, изучает.

Он вынул из кармана очки и набрал номер Лейни. Однако тот, в своем роскошном отеле где-то в Токио, не соизволил ответить.

– Шерлок Холмс хренов, – сказал самому себе Райделл, слушая, как в Токио звонит телефон.

41
«Трансамерика»

– Его зовут Райделл, – говорит Харвуд. – Программа сравнения изображений сразу его узнала. Недолгое время сотрудничал с «Копами влипли».

– Сотрудничал с кем?

Клинок вместе с ножнами и подвесом заперт в сумеречной кладовке неподалеку от центральной лифтовой шахты, приблизительно в восьмистах футах ниже.

– «Копы влипли». Культурная ценность. Вы что, не смотрите телевизор?

– Нет.

Он смотрит на восток с сорок восьмого, последнего, этажа самого высокого в городе здания на руины Эмбаркадеро, на цыганский блеск моста, на хищную темень Острова Сокровищ. Подойдя ближе к окну, трогает свой пояс. Между двумя слоями черной телячьей кожи проложена лента из очень дорогого и очень специфического материала. При определенных обстоятельствах она перестает быть тонкой, как паутина, тканью, которую шаловливый ребенок мог бы, кажется, легко порвать на кусочки, и превращается в тридцать дюймов чего-то гибкого, обоюдоострого и наточенного как бритва. Похожего по текстуре на свежую кость каракатицы.

– У вас же есть чувство юмора, – звучит позади него голос Харвуда. – Я точно знаю.

Он глядит из окна вниз. Искаженная перспектива вдоль грани обелиска, этой так называемой пирамиды, а на половине высоты – темное вздутие от специального японского средства, которым заделана оставшаяся после землетрясения трещина. Это новая заплата, сменившая россыпь прежних полиуглеродных, – и предмет жарких дискуссий среди архитекторов и эстетов. На миг очарованный, он наблюдает, как отраженный свет огней близлежащих зданий слегка колеблется, когда глянцевитая поверхность пузыря напрягается в ответ на порыв ветра, которого он не чувствует. Живая грыжа.

Он оборачивается к Харвуду, сидящему за огромным столом из темной матовой древесины; груды архитектурных моделей и холмы документов намекают на течение воображаемых рек – топография, в которой можно прочесть перемены, происходящие с миром за окном, если известны смыслы и есть достаточная заинтересованность в результате.

Глаза Харвуда – его самая непосредственная черта, все остальное существует как будто отступив на шаг, в другое, абстрактное измерение. Несмотря на высокий рост, он, кажется, занимает немного пространства, поддерживая связь с окружающим через сознательно зауженные каналы. Стройная фигура, спокойное продолговатое лицо, моложавость, характерная для людей состоятельных. Подвижные глаза, увеличенные старомодными очками.

– Почему вы притворяетесь, что вам не интересен этот бывший полицейский, посетивший место ваших недавних подвигов? – На запястье Харвуда браслет из золота и титана отражает пойманный свет; какая-то многофункциональная побрякушка с замысловатыми дисплеями.

– Я не притворяюсь.

На огромный плоский экран слева от стола Харвуда четыре камеры передают разные ракурсы высокого, крепко сбитого мужчины, который стоит с опущенной головой, будто погружен в мрачные раздумья. Камеры, должно быть, не крупнее тараканов, но четыре картинки, несмотря на плохое освещение, очень четкие.

– Кто поставил туда эти камеры? – спрашивает он.

– Моя талантливая молодежь.

– Зачем?

– Именно на тот случай, если кто-нибудь решит посмотреть, где умерли эти двое, о которых всем лучше забыть, и будет стоять там в раздумье. Посмотрите на него. Он в раздумье.

– Он выглядит несчастным.

– Он пытается вообразить вас.

– Это вы воображаете, что он воображает.

– Тот факт, что он вообще сумел найти это место, свидетельствует о знаниях и мотиве. Он знает, что там погибли два человека.

Среди моделей на столе Харвуда стоит одна, блестящая, красно-белая, украшенная работающими миниатюрными видеомониторами на фирменной стойке. Крохотные картинки движутся и меняются в жидких кристаллах.

– Не вы ли владелец компании, построившей это? – Он тычет в модель пальцем.

В глазах за стеклами очков отражается удивление, потом интерес.

– Нет. Мы их консультируем. Наш профиль – связи с общественностью. Мы всего лишь, как я помню, обрисовали им возможные последствия. А также консультировали городские власти.

– Получилось ужасно.

– Согласен, – говорит Харвуд, – если смотреть на это с точки зрения эстетики. О том же беспокоился и муниципалитет. Но наши исследования показали, что установка модуля около моста поможет развитию пешего туризма, а это – решающий аспект нормализации.

– Нормализации?

– Запускается процесс возвращения местного сообщества на привычные, так сказать, рельсы. Но вопрос это тонкий. Дело здесь в первую очередь в имидже, то есть как раз по нашей части. – Харвуд улыбается. – Во многих крупных городах есть подобные автономные зоны, и то, как данный город сумеет справиться с ситуацией, радикально влияет на его имидж. Например, Копенгаген был одним из первых – и добился прекрасных результатов[123]. С другой стороны, Атланта – классический пример того, как делать нельзя[124]. – Харвуд подмигивает. – Вот что у нас теперь вместо прежней богемы, – говорит он.

– Вместо чего?

– Богема. Альтернативные субкультуры. Жизненно важная прослойка индустриальной цивилизации прошлого и позапрошлого веков. Нужно ведь было индустриальной цивилизации где-то грезить? Что-то вроде бессознательного полигона для разработки альтернативных социальных стратегий. Каждая субкультура имела собственный стиль одежды, характерные формы художественного самовыражения, излюбленные наркотические вещества, а также сексуальные пристрастия, не совпадавшие с ценностями культуры в целом. Часто у них были «тусовки», место, с которым они себя ассоциировали. Но теперь они вымерли.

– Вымерли?

– Мы начали срезать их, прежде чем созреют. С нынешним развитием маркетинга и более агрессивными рыночными механизмами не успевает пройти критически важная стадия роста. Для созревания аутентичным субкультурам нужны глухомань и время, а какая теперь глухомань? Они потеряли смысл вместе с географией в целом. Автономные зоны обеспечивают некоторую изоляцию от мировой монокультуры, но затем с трудом поддаются рыночной ассимиляции, в отличие от прежних субкультур. Почему это так, мы пока не знаем.

Маленькие картинки смещаются, мигая.

– Не стоило это ставить туда.

В глазах Харвуда изумление.

– Впервые, кажется, слышу из ваших уст мнение столь определенное.

Ответа нет.

– У вас есть шанс увидеть это еще раз. Я хочу, чтобы вы узнали, что замышляет наш задумчивый друг.

– Это как-то связано с теми глобальными переменами, на которые вы намекнули в нашу прошлую беседу?

– Да.

– И что это за перемены?

Харвуд задумчиво смотрит в пространство.

– Вы верите в силы истории?

– Я верю в то, что приводит к данному мгновению.

– Кажется, я и сам начал верить в это ваше мгновение. Думаю, мы приближаемся к нему, захваченные притяжением его странности. Это мгновение изменит все и ничего. Я заинтересован в таком результате, при котором сохраню положение, я хочу, чтобы слова «Харвуд Левин» не превратились в четыре бессмысленных слога. Если мир должен перевернуться, то и я хочу перевернуться вместе с ним и остаться самим собой.

Он думает о множестве оптических прицелов, наведенных сейчас на него скрытыми системами управления огнем. Он вполне уверен, что смог бы убить Харвуда, если того потребует мгновение, – но, с другой стороны, знает, что почти наверняка умрет раньше, пусть даже на долю секунды.

– Кажется, вы стали более сложным с нашей последней встречи.

– Изощренным, – отвечает Харвуд с улыбкой.

42
Красные призраки европейского времени

Фонтейн разводит в плошке мисо. Вот что он пьет перед сном – успокоительно соленое пойло и кусочки водорослей на донышке. Он вспоминает встречу со скиннеровской девчонкой. Обычно, раз покинув мост, никто туда не возвращается. Что-то необычное было связано с ее уходом, но он уже позабыл, что именно. Не дело так бросать старика, но он все равно бы долго не протянул.

Мальчишка по-прежнему молча сидит и щелкает клавишами – охотится за часами. Фонтейн переливает мисо в кружку с отбитой ручкой и вдыхает сладостный аромат. Он устал за день, но нужно подумать, где уложить мальчика на ночь, если тот вообще станет спать. Может, так и просидит всю ночь, охотясь за своими часами. Фонтейн качает головой. Щелканье прекращается.

С кружкой в руках он оборачивается – что же там случилось?

На экране ноутбука, лежащего у мальчика на коленях, скан циферблата потрепанного «Ролекса-Виктори», дешевая модель военных лет, для канадского рынка; в принципе, эти часы уходят за неплохие деньги, но не в таком убитом состоянии. Стальной корпус исцарапан, циферблат в пятнах. Черные арабские цифры различаются четко, но внутренний круг, красный, «европейское время», почти что стерся.

Фонтейн отхлебывает мисо и пытается понять, чем же так заворожили мальчика красные призраки европейского времени.

Вдруг голова мальчишки склоняется под тяжестью шлема, и Фонтейн слышит, как он начинает похрапывать.

43
Ливия и пако

Лейни видит себя на острове посреди потока, вдоль и поперек которого непрерывно курсирует; потока шириной с разум.

Это место не похоже на конструкт, на искусственную окружающую среду, скорее – узловатое сплетение ветвей информации, уходящих корнями в субстрат старого кода. Оно похоже на плот, наспех сколоченный из случайных обломков, но «плот» стоит на приколе, он неподвижен. Лейни знает, что есть причина, по которой остров поставлен у него на пути.

Причина, как он вскоре выясняет, в том, что с ним хотят пообщаться Ливия и Пако.

Они сообщники Петуха, юные граждане «Застенного города», представленные здесь в виде сферы из ртути, зависшей в невесомости, и черного кота на трех лапах. У сферы из ртути (Ливия) – милый девичий голосок, а трехлапый кот, у которого недостает еще и глаза (Пако), общается с помощью искусно модулированного мяуканья, напоминающего Лейни старый мексиканский мультик. Эти двое почти наверняка из Мехико, если географию вообще нужно принимать в расчет, и, вполне вероятно, принадлежат к той группировке революционной молодежи, которая в данный момент добивается повторного затопления осушенных озер Федерального округа – радикальной перестройки, почему-то крайне занимавшей Рэй Тоэй в последний месяц ее пребывания в Токио. Она тогда была вообще увлечена мегаполисами, и Лейни стал ее гидом по самым диковинным из разработок, сходивших в текущем веке за градостроительные планы.

Он завис в точке срастания старых корневых кодов, в пространстве, лишенном какой-либо конкретной формы или текстуры, если не считать таковыми Ливию и Пако, и слушает их.

– Петух говорит, вы чувствуете, что кто-то наблюдает, как вы наблюдаете за Коди Харвудом, – говорит сфера из ртути, пульсируя от звуков собственного голоса, в ее поверхности отражается оживленная улица с бегущими автомобилями.

– Может, просто артефакт, – возражает Лейни, жалея уже, что вообще рассказал об этом Петуху, тот ведь известный параноик. – Побочное действие «пять эс-би».

– Мы так не думаем, – отвечает кот, пристроив драную одноглазую морду на холмик застопоренных данных. Зевая, он обнажает серовато-белые десны и единственный желтый клык.

Его глаз смотрит с яростью, не мигает. – Мы установили, что за вашими наблюдениями действительно наблюдают.

– Но не сейчас, – говорит Ливия.

– Потому что мы сконструировали эту завесу, – говорит кот.

– Вы знаете, кто это делает? – спрашивает Лейни.

– Харвуд, – отвечает Ливия; сфера из ртути деликатно колышется.

– Харвуд? Харвуд знает, что я наблюдаю за ним?

– Харвуд, – говорит кот, – ввел себе «пять эс-би». Через три года после того, как вас выпустили из гейнсвилльского приюта.

Лейни с внезапным ужасом осознает себя существом из плоти и крови, осознает плачевное состояние своего здоровья. Своих легких, перетруженных в картонной коробке посреди бетонной утробы станции Синдзюку.

Харвуд. Так вот кто мерещился ему в качестве божественного присутствия.

Харвуд, который…

Такой же, как он, Лейни.

Харвуд, который видит, как теперь понимает Лейни, узловые точки. Который видит, из чего вырастает история. Так вот почему он находится в самом сердце назревающего кризиса, этой неизвестности, которую Лейни никак не может охватить целиком. Конечно же, Харвуд там.

Потому что Харвуд в определенном смысле и есть причина.

– Откуда вы знаете? – слышит Лейни свой голос и силой воли пытается превозмочь бренность тела. – Вы в этом уверены?

– Мы нашли лазейку, – мелодичным звоном отзывается Ливия, сфера растягивается, как учебное пособие по топографии, превращая отражения бегущих авто в ожившие фрагменты гравюр Эшера, которые движутся по окружности, отражаясь друг в друге. – Петух приказал, и мы сделали.

– А он знает об этом? – спрашивает Лейни. – Харвуд знает?

– Видимо, он не заметил, – мурлычет кот; кровавая короста там, где было ухо.

– Вот, посмотрите, – говорит Ливия, не пытаясь скрыть гордость.

Морщинистая поверхность зеркальной формы растекается, идет рябью, на Лейни смотрят серые глаза молодого и очень серьезного человека.

– Вы хотите, чтобы мы убили его? – говорит молодой человек. – Или я вас неправильно понял?

– Вы понимаете меня правильно, – отвечает Харвуд; голос знаком Лейни, его ни с чем не спутаешь, хотя сейчас в нем слышится усталость.

– Знаете, лично я считаю, что это удачная идея, – говорит молодой человек, – вот только если бы вы дали нам время на подготовку… Я предпочитаю выбрать время и место самостоятельно.

– Нет, – отвечает Харвуд, – действуйте по обстоятельствам.

– Конечно, вы не обязаны раскрывать мне причину, – говорит молодой человек, – но мне все-таки интересно. Ведь мы давно советовали его убрать, как только заключили с вами договор.

– Теперь время настало, – отвечает Харвуд. – Момент наступил.

Ветер развевает темный шарф молодого человека. Шарф трепещет, изображение мелькает.

– А что насчет того рентакопа?

– Уберите его, если покажется, что он думает бежать. В противном случае было бы полезно его допросить. Он тоже каким-то образом здесь замешан.

Ливия, вращаясь, вновь становится сферой.

Лейни, закрыв глаза, нащупывает в наэлектризованной тьме свой успокоительный сироп. Он чувствует, как ненавидящий желтый глаз наблюдает за ним, ему кажется, что это глаз Харвуда.

Харвуд знает.

Харвуд ввел себе «5-SB».

Харвуд такой же, как он.

Но у Харвуда есть своя программа – которая, хотя бы отчасти, и порождает всю ситуацию.

Лейни отвинчивает крышку. Глотает голубой сироп. Ему нужно подумать.

44
Только стоит подумать

Дождя больше не будет, решает Шеветта, съежившись под скиннеровской курткой.

Она сидит на скамейке за штабелем пустых курятников, понимает, что нужно куда-то идти, но не может сдвинуться с места. Все думает об умершем тут Скиннере и о словах Фонтейна. Ручка ножа, лежащего во внутреннем кармане, упирается ей под левую ключицу – так она сгорбилась. Она распрямляется, прижавшись к фанерной стенке, и пытается собраться.

Она должна найти Тессу и вернуться к фургону, и по возможности не натолкнуться на Карсона. Может, он и не заметил, как она сквозанула; тем не менее она была почему-то уверена, что искал он именно ее. Но если он ее не заметил там, наверно, в баре его уже и нет. А если все-таки видел, ему и в голову не придет, что она может туда вернуться. В любом случае, выходит, скорее он сейчас уже где-то еще. А вот Тесса, любительница пива, может, все еще и там, потому что ей точно не улыбается ночевать в мокром фургоне. Решила себе, что бар – очень даже маргинальное место, так что Шеветте бы теперь осторожно туда проскользнуть, забрать подругу и уговорить вернуться к фургону. Едва ли Карсон пойдет вынюхивать их на Фолсом-стрит, а если пойдет, с ним там живо разберутся.

Не дело сидеть здесь, рядом с пустыми курятниками, потому что это верный способ подцепить вшей – от одной мысли у нее зачесалась голова. Она встала, потянулась, чувствуя легкую аммиачную вонь куриного помета, и зашагала по верхнему ярусу в сторону города, поглядывая по сторонам, не видать ли Карсона.

Не так уж много народа кругом, и ни одного туриста. В дождь так бывает, вспомнилось ей. И вновь нахлынуло то же чувство: да, она любит мост, но больше здесь не своя. Чувство не то чтобы всеобъемлющее, но острое и глубокое, болезненное, как будто внутри засел крючок. Она вздохнула, вспомнив туманные утренние часы, когда спускалась с опорной башни с велосипедом через плечо и потом гнала до «Объединенной», гадая, приберег Банни для нее сразу же заказ, так сказать, счастливый билетик, или даст ей «мертвяк» – так они называли доставку на городские окраины. Иногда ей нравилось получать «мертвяк» – хоть повидаешь те кварталы, куда прежде не заносило. А иногда ей выпадало «чисто», что на их языке означало «заказов на доставку нет», и это тоже бывало здорово – гонишь в «Алкохолокост» или

еще какой бар для курьеров и наливаешься эспрессо, пока Банни не вызовет на базу по пейджеру. Да уж, неплохие были деньки, когда она колесила на «Объединенную». И не навернулась по-серьезному ни разу, так чтобы мордой об асфальт, и копы не особо рвались тебя штрафовать, если ты девушка: можешь безнаказанно гонять по тротуарам и всячески выкобениваться. Впрочем, представить себя снова в седле, снова курьером она уже не могла, и вернулось прежнее настроение – она не знала, чем еще ей заняться. Во всяком случае, она не собиралась играть главную роль у Тессы ни в какой версии документалки.

Вспомнилась тощая техничка по имени Тара-Мэй, которую «Копы влипли» прислали, чтобы «набрать метраж» бедолаги Райделла, а тот всего-то и хотел, что сняться в одном из их дурацких эпизодов. Нет, одернула она себя, неправда; чего Райделл действительно хотел, так это быть копом, поэтому и пошел в полицейские еще в Теннесси. Но карьера не задалась, и эпизод с его участием тоже не вышел, не говоря уже о мини-сериале, который хотели запустить. А все из-за того, наверно, что, отсмотрев материал Тары-Мэй, «Копы влипли» решили, будто Райделл выглядит на экране несколько грузноватым. Ну какой же он толстый, сплошные мышцы и ноги длинные, но вот на экране выглядел совсем по-другому. И от этого у него чуток поехала крыша, от этого и еще от вечной трескотни Тары-Мэй, что, мол, Шеветте стоит пойти на курсы речи и актерского мастерства, освоить все эти чертовы боевые искусства и бросить баловаться наркотиками. Шеветта сказала, что не балуется никакими наркотиками, Тара-Мэй заявила, что, если нечего бросать, это затруднит налаживание нужных связей, есть ведь всевозможные группы поддержки, а это лучший способ встретить людей, которые помогут твоей карьере.

Но Шеветте не нужна была карьера, по крайней мере та, на которую намекала Тара-Мэй, а Тара-Мэй оказалась попросту неспособна понять. На самом деле в Голливуде была масса народа вроде Тары-Мэй, если не большинство; у каждого, помимо того чем они в настоящее время зарабатывали на жизнь, было еще какое-то другое, «настоящее» занятие. Водители писали романы, бармены играли в театре; массажистка, к которой ходила Шеветта, «на самом деле» была дублершей какой-то актрисы, о которой Шеветта до этого слыхом не слыхивала, вот только той массажистке так и не позвонили, впрочем, у них был ее номер, но Шеветте стало казаться, что все их номера, все до единого, прибрала к рукам судьба и никто на самом деле не выигрывал, но не хотел даже слышать об этом и продолжал балаболить, если ты покупался на их треп, о своей «настоящей работе».

Теперь она понимала, что это, среди прочего, и встало между ней и Райделлом: он всегда покупался, что бы ему ни заливали. И тоже рассказывал им, как он сильно хочет сняться в эпизоде «Копов влипли» и что, похоже, действительно снимется, поскольку программа оплачивает его жилье. О чем на самом деле никто знать не желал, потому что это было уж слишком по-настоящему, но Райделл так этого и не понял. И тогда они принимались выкачивать из него телефонные номера, имена, рекомендательные письма и заваливать дисками и послужными списками, надеясь на то, что он тупой и будет показывать все это продюсерам. Он и оказался достаточно туп, или, во всяком случае, достаточно простодушен, что в глазах «Копов влипли» тоже сыграло против него.

И в результате она, непонятно как, оказалась с Карсоном. Райделл сидел на кушетке в своей квартире, выключив свет, и потерянно смотрел один за другим старые выпуски «Копов влипли», а она ничем не могла ему помочь. Все было хорошо, пока их объединяло некое дело, но с тем, чтобы просто быть вместе, как-то потом не заладилось, да еще Райделл впал в тоску, когда стало ясно, что с программой облом…

Но вот и бар, небольшая толпа у дверей, звуки музыки, которые она давно слышала, но пропускала мимо ушей, смолкли, когда она подошла.

Бар был битком набит. Она проскользнула между парочкой мексиканцев, похожих на дальнобойщиков, с такими стальными, будто острие долота, штуками, приделанными к носкам черных ковбойских сапог. Протолкавшись внутрь, поверх голов посетителей она увидела Кридмора с микрофоном в руке, глупо улыбавшегося толпе. Это был оскал «плясуна», десять тысяч ватт дурного электричества; судя по деснам – юзер с каким-никаким, но стажем.

Люди хлопали и свистели, требуя продолжения, и Кридмор, по лицу которого градом катился пот, явно не собирался их разочаровать.

– Спасибо вам, сердечное спасибо! – услышала она его усиленный динамиками голос. – Следующая песня, которую я сочинил сам, скоро выйдет на первом сингле нашей группы «Бьюэлл Кридмор и его Братья меньшие», он называется… «Только стоит подумать, что взял судьбу за яйца»!

Может, она и неправильно расслышала, поскольку в этот момент оглушительно грянула вся группа, гитарист извлекал из старой электрогитары, здоровенной и блестящей, стальной серпантин аккордов, так что слов разобрать было невозможно. Но пел Кридмор и вправду здорово.

Люди набились как сельди в бочку, и ей было трудно высматривать Карсона, но, с другой стороны, он бы ее тоже вряд ли разглядел.

Она продолжала проталкиваться изо всех сил, пытаясь найти Тессу.

45
Ход конем

Райделл прошел курс внешнего наблюдения еще в академии, и его любимой темой была слежка за подозреваемым. Этим не приходилось заниматься в одиночку – как правило, вдвоем, и чем больше у тебя было напарников, тем лучше. Их учили подменять друг друга: кто-то занимает твое место, ты контролируешь объект, опережая его, готовый в нужную минуту подменить очередного напарника. За спиной у объекта никогда слишком долго не маячило одно и то же лицо. В этом было определенное искусство, и когда ты становился мастером, слежка превращалась в своего рода танец.

Ему так ни разу и не выпал шанс применить филерские навыки на практике, ни во время краткой службы в полиции, ни потом, когда работал на «Интенсекьюр», но он знал, что тренировки не пропали даром, – умел распознавать ощущение, когда за тобой следят, особенно если делают это правильно.

На этой мысли он и поймал себя сейчас, закинув на плечо вещмешок с проектором Рэй Тоэй и намереваясь покинуть жалкое подобие места преступления. Если Лейни хотел, чтобы он привлек чье-то внимание, постояв здесь, – что ж, он постоял здесь. Но, может, сейчас это самое ощущение, что за тобой следят, возникло лишь оттого, что Лейни сказал, мол, кто-то обязательно заметит, если Райделл там появится.

Нервы, наверно. Вполне возможно, только на самом деле он совсем не нервничал, просто устал. Всю ночь гнал на север с Кридмором и единственный раз за день отдохнул чуть-чуть, когда закемарил, слушая Рэй Тоэй. Сейчас он больше всего на свете хотел вернуться в комнатушку, проверить проектор – вернулась ли она? – и завалиться спать.

Но, черт возьми, неприятное ощущение в затылке не проходило. Он глянул назад, но там не было ни души, только место, где засохшую кровь обрызгали «Килзом».

Мимо неспешно шел парень, направляясь в сторону Окленда и «ночлега с завтраком».

Молодой парень с темным ежиком по-военному, черная куртка, на подбородок натянут черный шарф. Кажется, и не видит Райделла, просто идет себе, руки в карманах. Райделл тихонько двинул за ним, держа дистанцию футов в пятнадцать.

Он пытался представить себе это место, как оно выглядело раньше, еще обычным мостом. По дороге, где он шел сейчас,

когда-то катили миллионы машин. Тогда здесь был хороший обзор, просто фермы, перила и дорожный настил; теперь это был настоящий туннель, стены собраны из всяких отходов: досок, пластика – всего, что люди смогли отыскать, и скреплены чем попало, лишь бы не развалились, и не разваливаются ведь, несмотря на вечные здешние ветра.

Однажды он был проездом в Луизиане, и что-то в облике этого места напомнило ему тамошние байу[125]: кругом болталась всякая всячина, трубы и кабели и какие-то штуки непонятного назначения, и все это отчасти смахивало на испанский бородатый мох, мягко размывающий контуры. И освещение сейчас было тусклым, словно бы смотришь под водой, – просто флуоресцентные лампы со свалки, подвешенные футов через двадцать, одни вовсе не светят, другие едва мерцают.

Он обошел большую лужу, образовавшуюся там, где какой-то торговец сбросил на землю куски грязного наколотого льда.

Впереди он увидел, как парень в черном шарфе сворачивает в кафе, одну из тех забегаловок, каких здесь пруд пруди, – два маленьких столика и стойка, за которой уместятся четверо, от силы пятеро. Здоровенный блондин, похожий на штангиста, как раз выходил из дверей, когда «шарф» зашел внутрь, и здоровяк всего на миг скосил глаза на Райделла, и этого хватило, чтобы Райделл понял.

Классическая смена филеров. Ему сели на хвост, причем как минимум трое.

Здоровяк направился в сторону райделловского ночлега, Острова Сокровищ и Окленда. Загривок у него был толщиной с Райделлово бедро. Проходя мимо, Райделл быстро заглянул внутрь кафешки, увидел, что «шарф» заказывает кофе. Невинный, как младенец. Райделл не стал оглядываться, потому что знал – сделай он так, и они поймут. Поймут, что он догадался. Поймут, как сам он понял, когда здоровяк выдал себя неосторожным взглядом.

Пояс, который он пропустил через вещмешок, начал резать ему плечо сквозь нейлоновую куртку; Райделл шел и думал про Лейни, Клауса и Петуха – все они явно считали проектор чем-то чрезвычайно важным и ценным. Поэтому-то за ним следят – из-за проектора или из-за того таинственного человека, про которого говорил Лейни. Человека, которого нет? В любом случае, Райделл не мог припомнить, чтобы у него на мосту были когда-то серьезные враги, хотя в этом трудно быть уверенным. Еще он подумал, что вряд ли эти парни обычные грабители, очень уж уверенно выглядят.

Он сунул руку в карман куртки и нащупал нож. Нож был на

месте, чему Райделл порадовался, а вот мысль о том, чтобы и вправду кого-нибудь порезать, не радовала совсем. С ножами ведь какая штука: люди, готовые пустить нож в ход, обычно даже не догадываются, как это грязно. Это вам не кино, на самом деле кровь из людей брызжет, как из свиней на бойне. На Сансет-стрип возле «Дракона» ему доводилось иметь дело с порезанными. И еще одно: кто знает, может, порезанный болен какой-то заразой? Им с Дариусом полагалось в таких случаях надевать защитные очки, чтобы кровь не попадала в глаза, но обычно все случалось слишком быстро и про очки они не вспоминали, а там уже было поздно.

Но главная проблема с ножами – даже с такими, что режут железо, как спелые бананы, – в том, что от них мало толку, когда начинается пальба.

Кто-то подвесил над закрытым ларьком старое зеркало для наблюдения за воришками, и, проходя мимо, Райделл попробовал глянуть, не идет ли кто следом, но увидел только толпу.

Он стал беспокоиться: он делал в точности то, чего, вероятно, от него и ждали, – вел их прямиком к тому месту, где собирался ночевать (это если они еще сами не знают). Ну, придет он туда, и что дальше? Окажется, считай, в ловушке, единственный выход из конуры – хлипкая лесенка, бери его голыми руками. Можно, конечно, просто шагать себе вперед, но толку-то что?

Надо бы, подумал он, выкинуть фортель, которого от меня не ждут. Перевернуть, так сказать, столы, ну или как-то еще избавиться от этих типов, кто бы они там ни были. А затем позвонить Лейни и попытать его на их счет.

В Ноксвиллской академии был преподаватель, который любил толковать о нелинейном мышлении. Что, по сути, не очень-то сильно отличалось от того, что Дариус говорил о наркоманах-нелинейщиках, совсем съезжавших крышей возле «Дракона». Вот и Райделлу сейчас требовалось выкинуть нечто радикальное – неожиданный ход конем.

Глянув направо, Райделл заметил, что стена там на самом деле представляет собой огромный холст, натянутый на каркас из бруса и покрытый многолетними напластованиями краски. Фреска не фреска, нет времени вглядываться.

Открывшийся кнопарь оглушительно щелкнул, наверняка они это услышали, так что Райделл на ходу широко махнул керамическим лезвием вниз и вбок, прорезав дыру в виде перевернутой буквы «Г». Пригнувшись, он проскочил в отверстие как во сне, холст затрещал, краска посыпалась. Он очутился в тепле, в ярком свете и в компании незнакомцев, сидящих вокруг стола с картами в руках, около каждого горками навалены

перламутровые фишки. Дама – пирсинг на сосках обнаженной груди, окурок сигариллы в уголке рта – встретила взгляд Райделла и сказала сквозь зубы:

– Повышаю.

– Не обращайте на меня внимания, – услышал Райделл свой голос и увидел, как мужчина с лысой татуированной головой, по-прежнему держа в одной руке карты, поднял из-под стола другую руку, в которой был пистолет.

В ту же секунду до Райделла дошло, что он так и держит у всех на виду раскрытый черный кнопарь. Озноб пробежал по его позвоночнику, а ноги автоматически понесли мимо стола, человека с картами и глубокой, бесконечной, огромной черной дыры, окруженной поблескивающим кольцом нержавеющей стали на конце пистолетного дула.

Сквозь толстый занавес из коричневого велюра с запахом старинных кинотеатров, и дальше, по-прежнему невредимый. Щелкнув на ходу кнопкой, закрыл нож, также на автопилоте. Убрал в карман. Перед ним грубо сколоченная лесенка. По ней наверх, и как можно скорее.

Вылез наружу через квадратный проем в деревянном настиле из горбыля, увидел узкий проход между стенами, выпиленными из облупившихся рекламных щитов, огромный женский глаз на обрывке заляпанной выцветшей афиши, будто устремленный в бесконечную даль.

Стоп. Отдышись. Сердце как молот. Слушай.

Хохот. Картежники?

Он двинулся вперед по проходу с нарастающим чувством удовлетворения – он сделал гадов. Сбросил с хвоста. Куда бы его ни занесло на верхотуре, он сможет отсюда выбраться, спустится на главный ярус, а там уже разберется как и что. Но у него по-прежнему был проектор, и он сбросил ублюдков с хвоста, и задницу не отстрелили за то, что влез в чей-то покерный расклад.

– Нелинейное мышление! – произнес он вслух, поздравляя себя с успехом, и в конце прохода повернул за угол.

Ребро его хрустнуло от удара штангиста, и Райделл понял, что черная перчатка, вроде тех, с которыми он упражнялся в Ноксвилле, начинена свинцом.

Он отлетел к противоположной стенке и стукнулся головой, а когда попытался выпрямиться, вся левая половина тела отказалась двигаться.

Штангист высоко вскинул черную перчатку, чтобы нокаутировать Райделла прямым в лицо. И ухмыльнулся.

Райделл попытался тряхнуть головой.

Еле заметное удивление, а может быть, замешательство

отразилось в маленьких глазках противника. Потом они потухли. Ухмылка исчезла.

Внезапно здоровяк тяжело рухнул на колени, покачнулся и грохнулся боком на серый деревянный настил. За ним стоял худощавый седой мужчина в добротном длиннополом пальто темно-зеленого цвета, придерживая лацкан, будто секунду назад убрал что-то за пазуху. Глаза бесстрастно смотрели на Райделла сквозь очки в золотой оправе. Лицо в морщинах. Мужчина отряхнул свое модное пальто и опустил руки.

– Вы ранены?

Райделл захрипел в ответ и сморщился от боли, чувствуя, как трутся друг о дружку костяные сколы.

– Ребро, – еле-еле выдавил он.

– Вы вооружены?

На Райделла смотрел ясный неподвижный взгляд.

– Нож, в правом кармане куртки, – ответил Райделл.

– Вот пусть там и лежит. Вы способны передвигаться самостоятельно?

– Конечно, – ответил Райделл, сделал шаг и споткнулся о тело здоровяка.

– Прошу вас, следуйте за мной, – сказал незнакомец и повернулся.

Райделл последовал за ним.

46
Сосновый ящик

Шеветта не сразу приметила «Маленькую Игрушку Бога», курсирующую над головами. У бара, как и у многих других заведений, расположенных на главном уровне, то есть на бывшей проезжей части, не было собственно потолка – только изнанка следующего яруса, так что условный потолок фактически был неровным, с выступами днищем. В какой-то момент хозяева бара выкрасили это безобразие черной краской, и Шеветта вполне могла бы и не заметить парящую камеру, если бы не отблески огней рампы на майларовой надувной платформе. Движения камеры определенно контролировались человеком, она будто подкрадывалась, чтобы заснять лицо Кридмора крупным планом. Потом Шеветта разглядела еще два серебристых шара, «припаркованных» в своего рода нише между потолочными выступами.

Значит, сообразила она, Тесса заставила кого-то свозить ее на Фолсом-стрит. Потом она либо вернулась сюда на фургоне, либо кто-то ее подбросил. (Пешком точно не пошла бы – со связкой шариков, ага.) Шеветта надеялась на второе, потому что ей вовсе не улыбалось снова искать парковку. Чем бы Тесса ни надумала здесь заниматься, позже им все равно нужен будет ночлег.

Песня Кридмора завершилась улюлюкающим воплем безмозглого протеста, и толпа кепок отозвалась страшным ревом. Шеветту просто ошеломил их энтузиазм – не из-за Кридмора, а самим фактом того, что подобная музыка может вызвать столь бурную реакцию. Впрочем, музыка в этом смысле – странная штука; у любого стиля всегда есть свои фанаты, и если собрать в одном баре достаточное их количество, можно неплохо повеселиться.

Она продолжала проталкиваться сквозь толпу, отбрасывая наглые руки, высматривая Тессу и опасаясь наткнуться на Карсона, когда ее нашла кридморовская подружка Мэриэлис. Та, похоже, развязала пару шнурков на своем бюсте и являла собой зрелище даже внушительнее прежнего. Она казалась очень счастливой или, во всяком случае, настолько счастливой, насколько может выглядеть женщина, так сильно пьяная.

– Дорогая! – вскричала она, схватив Шеветту за плечи. – Куда ты пропала? У нас тут любая выпивка для наших гостей из шоу-бизнеса бесплатно!

Мэриэлис явно позабыла, что Шеветта с Тессой вовсе не эй-

ары, но, судя по всему, Мэриэлис обычно много чего забывала.

– Замечательно, – сказала Шеветта. – А вы не видели Тессу? Мою подругу, с которой я здесь была, австралийку?

– Там, наверху, в осветительной будке, с самим Святым Виттом, дорогая! Она снимает все представление Бьюэлла на эти летающие штучки! – просияла Мэриэлис. Запечатлела смачный, жирный от помады поцелуй на щеке Шеветты и мгновенно забыла про нее, с равнодушием повернувшись в направлении, вероятно, барной стойки.

Теперь и Шеветта разглядела осветительную будку: что-то вроде огромного упаковочного ящика, прибитого в углу напротив сцены, с покореженным пластиковым окошком по периметру, за которым она увидела Тессу и какого-то бритого парня в агрессивно узеньких черных очках. Головы торчали, как марионетки над ширмой. Туда можно было забраться по стремянке, прикрепленной к стенке ржавыми водопроводными трубами.

На Тессе были ее специальные очки, и Шеветта поняла, что подруга следит за сигналом от «Маленькой Игрушки Бога», контролирует ракурс и фокусировку с помощью своей черной перчатки. Кридмор запел снова, поэнергичнее, публика стала притопывать и подпрыгивать в такт.

У стремянки стояли двое парней в кепочках, пили пиво из банок. Шеветта проскользнула мимо и стала карабкаться вверх, никак не отреагировав, когда один из них с гоготом шлепнул ее по заду.

Нырнула головой в квадратную дырку, нос на уровне пыльного, залитого пивом коричневого коврика.

– Тесса, привет.

– Шеветта, ты? – Тесса не обернулась, поглощенная тем, что видит в своих очках. – Куда пропала?

– Я встретила Карсона, – сказала Шеветта, залезая в будку сквозь дырку, – и убежала.

– Какие чудесные кадры, – сказала Тесса. – У этих типов такие лица… Прямо Роберт Франк[126]. Я сведу запись в моно и уберу цвет…

– Тесса, – сказала Шеветта, – нам пора убираться отсюда.

– А ты кто еще такая, мать твою? – обернулся к ней бритый. На нем была глухая безрукавка, бицепсы не толще Шеветтиной руки, узкие голые плечи, как куриные косточки.

– Его зовут Святой Витт, – пояснила Тесса рассеянно, словно пыталась машинально предотвратить возможную ссору, а думала о чем-то совершенно другом. – Он тут заведует светом, а еще сидит на звуке в двух других клубах на мосту – в «Когнитивных

диссидентах» и еще где-то… – Ее рука манипулировала черной перчаткой.

Шеветта когда-то бывала в «Когнитивных».

– Тесса, это бар для «плясовых», – сказала она.

– Потом двинем туда, – ответила Тесса. – Святой Витт утверждает, что они там как раз раскачаются и будет в сто раз интересней, чем здесь.

– Где угодно будет интересней, чем здесь, – сказал Святой Витт с безмерной усталостью в голосе.

– Синий Ахмед записал там сингл, – сказала Тесса, – «Моя война – это моя война».

– Отстой, – сказала Шеветта.

– Ты имеешь в виду кавер «Крутого Корана», – сказал Святой Витт; его голос был полон презрения, – ты никогда не слышала версию самого Ахмеда.

– С чего это ты так уверен? – рассердилась Шеветта.

– Потому что тот сингл так и не выпустили, – самодовольно заявил Святой Витт.

– А может, он утек, нахрен?

Шеветте хотелось нокаутировать эту обдолбанную мартышку, явно же свалится от одного тычка, но совершенно непредсказуемо, что может случиться, если накачанный «плясуном» совсем озвереет. Чего стоят только байки о сопляках двенадцати лет от роду, которые якобы хватают полицейскую машину за бампер, и бац – переворачивают, а еще говорили, мышцы у малолеток вспучиваются так, что кожа лопается, каковые подробности Шеветта искренне считала брехней. Наверняка так и было: Карсон называл это городскими легендами.

Песня Кридмора завершилась стальным гитарным лязгом. Шеветта повернулась к сцене. Кридмор, заведенный до предела, триумфально оглядывал зал, будто перед ним огромный стадион, запруженный поклонниками.

Толстый гитарист снял свою красную гитару и передал ее одетому в черный кожаный жилет парню с бакенбардами, который в свою очередь подал ему черную гитару с корпусом потоньше.

– А сейчас будет «Сосновый ящик», – объявил Кридмор, когда был взят первый аккорд.

Шеветта толком не разобрала половины слов, но мелодия была древней и скорбной, и речь шла о том, что все кончается «сосновым ящиком», видимо, подразумевался этот, как его, гроб – ну, в чем раньше людей хоронили, – хотя так же можно было назвать и эту вот будку, в которой Шеветта застряла вместе с

Тессой и этим козлом. Она заметила хромированную табуретку, разрезанное сиденье которой было заклеено скотчем, и, за неимением лучшего, уселась на нее и решила спокойно дождаться, пока Тесса не решит, что засняла достаточно. А потом Шеветта придумает, как бы им обеим отсюда убраться.

47
Сай-син-роуд

Ливия и Пако привели Лейни в парикмахерскую на Сай-Син-роуд. Пути он не осознал и осознать не мог: Сай-Син-роуд находится в «Застенном городе», а Лейни не был местным жителем. Координаты «Застенного города», концептуальные механизмы, при помощи которых его подданные смогли отделиться от всего информационного ландшафта человечества, являются главной и тщательно охраняемой здешней тайной. «Застенный город» – целая вселенная, живая легенда.

Лейни уже бывал здесь, хотя и не в этом конкретном конструкте, в парикмахерской, и ему не по душе все это место. Что-то в самом коде, легшем в основу «Застенного города» при его создании, вызывает метафизическое головокружение, а его видимая репрезентация утомительно агрессивна, будто попал в дипломный видеофильм какого-нибудь арт-колледжа с бесконечным постановочным бюджетом. В «Застенном городе» всё с подвохом: тебе никогда не покажут неискаженного изображения – все прогоняется через полдюжины разных фильтров, вызывающих такое и сякое осыпание битов, словно здешние обитатели твердо решили запечатлеть свои радикальные воззрения во всем, вплоть до мельчайших фрактальных текстур города. Там, где тонко сконструированный веб-сайт лишь слегка намекнул бы на грязь или потертость, «Застенный город» упивается распадом, непрерывно меняет текстурные карты, обнажающие другие текстуры, тоже траченные молью.

Вот эта парикмахерская, к примеру, выложена из наползающих друг на друга текстурных черепиц, не стыкованных по краям, что намеренно разрушает любую иллюзию цельной поверхности или пространства. И все здесь исполнено в тонах залитого дождем Чайнатауна: неоново-розовый, неоново-синий, неоново-салатный и решительно выцветший неоново-красный.

Ливия и Пако мгновенно удаляются, оставив Лейни размышлять: во что бы он сам, дойди у него руки, воплотился в подобной обстановке? Наверно, в большой картонный ящик?

Эти размышления прерываются появлением Клауса и Петуха, внезапно возникающих на двух из четырех парикмахерских кресел. Выглядит эта парочка в точности как прежде, разве что федора на голове у Клауса теперь из черной кожи, с загнутыми кверху по всей окружности полями, а Петух стал еще больше похож на кричащих римских пап Фрэнсиса Бэкона[127].

– Пошла совсем другая игра, – начинает Лейни.

– Какая? – Клаус как будто языком трогает больной зуб.

– Харвуд вводил себе «пять эс-би». И вы в курсе, потому что эти ваши недоноски-чиланго[128] только что раскололись. Когда вы узнали об этом?

– Информация раскрывается строго по принципу необходимости… – начинает вещать Петух тоном августейшего всезнайки, но Клаус прерывает его:

– За десять минут до вашего появления. Очень хотелось бы услышать, что вы об этом думаете.

– Это же все меняет, – говорит Лейни. – Каких успехов он добился за эти годы! Пиар-империя, рекламные кампании, слухи о том, что он сыграл главную роль в избрании президента Миллбэнк, а также способствовал разделу Италии…

– Я думал, это его подружка, – говорит Петух мрачно, – принцесса эта падуанская…

– Вы хотите сказать, что он просто чует удачу? – напирает Клаус. – Что он находится в узловом модусе и предчувствует назревающие перемены? Если в этом секрет его фирмы, друг мой, почему же не вы самый богатый человек в мире?

– Эта штука работает не так! – протестует Лейни. – «Пять эс-би» пробуждает чувствительность к узловым точкам, к разрывам в информационной текстуре. Которые лишь указывают на то, что перемены близко, но о самих переменах ничего не говорят!

– Верно, – соглашается Клаус, поджимая губы.

– Я хочу знать, – продолжает Лейни, – мне нужно знать – прямо сейчас! – что задумал Харвуд на этот раз. Он сидит в самом фокусе грандиозных перемен. Видимо, способствует им. Рэй Тоэй тоже там завязана, и этот наемный ластик для стирания людей, из коллекции Харвуда, и безработный рентакоп… Эти люди скоро изменят историю человечества каким-то еще не известным способом. Подобной ситуации не было с тысяча девятьсот одиннадцатого года…

– А что случилось в девятьсот одиннадцатом? – требовательно спрашивает Петух.

Лейни вздыхает:

– Мне кажется, все очень запутанно, у меня не было времени заняться этим вплотную. В тысяча девятьсот шестом году в Париже попал под телегу муж мадам Кюри. Видимо, с этого все и началось. Но если в нашем случае Харвуд и впрямь является странным аттрактором, фокусом причудливости, к которому тяготеют прочие события, и при этом осознает свою роль, – что же в его голове такого, что потенциально может в буквальном смысле изменить все?

– Мы не можем сказать наверняка, – начинает Петух, – но…

– Нанотехнология, – говорит Клаус. – Харвуд был главным игроком в корпорации «Санфлауэр». План перестройки Сан-Франциско. Весьма радикальная реструктуризация на основе нанотехнологий, вполне в духе того, что сделали после землетрясения в Токио. С Сан-Франциско такой номер не прошел, причем, кажется, благодаря этому вашему Райделлу, что действительно забавно, но об этом потом. Сейчас же главное, что Харвуд продолжает интересоваться нанотехнологиями, чему подтверждением сделка, заключенная между фирмой «Нанофакс АГ» из Женевы…

– Подставная харвудовская контора, – добавляет Петух, – управляемая через фирму-пустышку с Антигуа…

– Заткнись! – (Петух замолкает.) – Между фирмой «Нанофакс АГ» из Женевы и корпорацией «Счастливый дракон» из Сингапура. «Счастливый дракон», конечно же, клиент фирмы «Харвуд Левин».

– «Нанофакс»?

– Самим названием сказано все, – говорит Клаус, – и почти ничего.

– Как это понимать?

– «Нанофакс АГ» предлагает технологию, которая цифровым методом воспроизводит физические объекты на расстоянии. Область ее применения, разумеется, довольно сильно ограничена юридически. Но детская кукла, помещенная в «Нанофакс» в лондонском «Счастливом драконе», будет в точности воспроизведена «Нанофаксом» в нью-йоркском «Драконе»…

– Как?

– Из любых доступных материалов, с помощью наноассемблеров. Однако на систему наложены жесткие юридические ограничения. Например, «Нанофакс» не имеет права воспроизводить функционирующее оборудование. И конечно же, «Нанофакс» не имеет права ни при каких обстоятельствах воспроизводить функционирующие наноассемблеры.

– Я думал, уже доказано, что такая система не будет работать, – говорит Лейни.

– О нет! – говорит Петух. – Они просто этого не хотят.

– Они – это кто?

– Государства, – отвечает Петух. – Помните о таких?

48
Живите в мгновении

Райделл смотрел в спину человека, уверенно идущего впереди, и испытывал сложное чувство, чувство, которому не мог дать название, которое было сильней боли в боку, остро пронзавшей его, когда он оступался. Он, Райделл, всю жизнь мечтал хорошо владеть своим телом: просто двигаться, двигаться правильно, не задумываясь об этом. Быть расслабленным и в то же время точным в движениях. Он инстинктивно понимал, что перед ним именно такая свободная пластика; мужчине было около пятидесяти, но двигался он абсолютно естественно и постоянно оказывался в тени. С прямой спиной, в длиннополом кашемировом пальто, руки в карманах, он просто скользил, и Райделл топал за ним, остро чувствуя свою неуклюжесть из-за физической боли и боли своего все еще юношеского сердца: мальчик, что жил у него внутри, всегда мечтал хоть немного быть похожим на этого человека, кем бы он ни был.

Он убийца, киллер, напоминал себе Райделл, думая о распростертом трупе здоровяка; Райделл прекрасно знал, что убийство – это не взрывоподобное сплетение мотивов, как в кино, а страшное братание с тем светом, до могилы, а то и дальше (тут он очень надеялся, что ошибается), поскольку в его сны до сих пор являлся призрак Кеннета Терви, единственного человека, которого он вынужден был прикончить. Хотя никогда не сомневался в необходимости прикончить Терви, так как Терви продемонстрировал серьезность своих намерений, стреляя в дверь шкафа, где запер детей своей подружки. Убийство было вратами в нечто страшное и бесконечное. Райделл истово в это верил и точно знал, что отчаянные бандиты в реальной жизни не более романтичны, чем ворох остывших кишок. И все же он шагает, старается изо всех сил поспеть за этим седовласым мужчиной, который минуту назад убил человека способом, какого Райделл, похоже, не смог бы определить, убил тихо и не напрягаясь; убил человека так привычно, как другие меняют рубашку или вскрывают жестянку пива. Что-то внутри Райделла завидовало этому, он покраснел, осознав эту зависть. Мужчина остановился в тени и оглянулся.

– Как самочувствие?

– Нормально, – ответил Райделл, который почти всегда отвечал так на этот вопрос.

– Это вряд ли. У вас гематома. А может, и внутреннее

кровотечение.

Райделл стоял перед ним, держась рукой за опухший бок.

– Что вы сделали с этим типом?

Нельзя сказать, что мужчина улыбнулся, но морщины на его щеках стали чуть глубже.

– Я завершил движение, которое он начал, замахнувшись на вас.

– Вы его чем-то зарезали, – сказал Райделл.

– Да. Это был самый элегантный финал при сложившихся обстоятельствах. Его необычный центр тяжести дал мне возможность рассечь спинной мозг, не задев позвонки. – Все это тоном, которым сообщают об открытии нового, чрезвычайно удобного автобусного маршрута.

– Покажите мне.

Мужчина чуть качнул головой. Птичья острота восприятия. Свет отразился в круглых очках с золотой оправой. Рука нырнула за пазуху длиннополого пальто и с непринужденной грацией извлекла чуть изогнутый клинок с косым, как у долота, острием. Райделл знал, что такой клинок называется танто – уменьшенная разновидность одного из японских мечей. Свет, на мгновение блеснувший в круглых линзах, теперь вспыхнул тончайшей радугой вдоль искривленного лезвия и соскочил со скошенного конца. Мужчина проделал движение, которым извлек клинок, обратным ходом. Клинок исчез в глубине пальто, как прокрученная задом наперед видеозапись.

Райделл вспомнил, каким действиям обучали его на случай, когда нападают с ножом, а ты безоружен. Если другого выхода нет, рекомендуется снять куртку и обмотать ею запястья, чтобы их не порезали. Он представил себе, что использует вещмешок с проектором в качестве щита против клинка, который только что видел, и безнадежность этой затеи неожиданно показалась ему смешной.

– Чему вы улыбаетесь? – спросил незнакомец.

Улыбка погасла на лице Райделла.

– Вряд ли смогу объяснить, – сказал он. – Кто вы такой?

– Этого я вам не могу сказать, – ответил человек.

– Меня зовут Берри Райделл, – сказал ему Райделл. – Вы только что спасли мою задницу.

– Но не ваш бок, судя по всему.

– Он мог меня убить.

– Нет, – сказал мужчина, – он бы вас не убил. Он бы лишил вас возможности сопротивляться, доставил кое-куда и стал пытать, чтобы получить информацию. И только потом убил бы.

– Что ж, – сказал Райделл; бесстрастность собеседника его

смущала. – Тогда большое спасибо.

– Всегда к вашим услугам. – Ответ был не лишен высокомерия.

– Что ж, – сказал Райделл, – но почему вы сделали это, ну, убрали его?

– Было необходимо завершить движение.

– Не понимаю, – сказал Райделл.

– Это было необходимо, – произнес мужчина. – Сегодня ночью вас разыскивают многие. Я не знаю точно, сколько их. Наемники.

– Вы убили еще кого-то вчера? Кровь уже засыпана «Килзом».

– Да, – сказал мужчина.

– Неужели я в большей безопасности с вами, чем с теми парнями, которых вы зовете наемниками?

– Да, полагаю, это так, – чрезвычайно серьезно сказал незнакомец и нахмурился.

– Вы больше никого не убивали за последние сорок восемь часов?

– Нет, – сказал мужчина, – не убивал.

– Что ж, – сказал Райделл, – думаю, с вами мне ничего не грозит. Я, разумеется, не собираюсь с вами драться.

– Это мудро, – сказал человек.

– И не думаю, что смогу идти достаточно быстро или достаточно долго с таким ребром.

– Это верно, – сказал человек.

– Ну и что нам теперь делать? – Райделл пожал плечами и в тот же момент пожалел об этом, его лицо исказила гримаса боли.

– Уйти с моста, – сказал мужчина, – и найти медицинскую помощь, вы же ранены. Я лично могу применить свое практическое знание анатомии, если будет необходимо.

– С-спасибо, – выдавил Райделл. – Лучше просто куплю бинты и каких-нибудь пластырей с анальгетиками в «Счастливом драконе», этого мне, наверно, хватит. – Он поглядел по сторонам, ища парня с шарфом, который, возможно, наблюдал за ним именно сейчас. У него было чувство, что шарф особенно опасен. – А если эти наемники засекут, что мы уходим?

– Не предвосхищайте результата ваших действий, – сказал мужчина. – Спокойно ждите развития событий. Живите в мгновении.

В мгновение ока Райделл понял: пропала его задница. Прощай, поминай как звали.

49
Радоновая тень

Фонтейн отыскал для мальчика старую походную подушку, должно быть оставленную детьми, и уложил его на спину; тот все похрапывал. Сняв с него тяжелый шлем, он увидел, что мальчик спит с полуоткрытыми глазами; наверно, ему снятся часы, которые сменяют друг друга сплошной чередой. Он укрывает мальчика старым спальным мешком с выцветшими медвежатами; задумавшись, ставит мисо на стойку.

Чувствовалась едва заметная вибрация; то ли шаткая конструкция его лавки, то ли остов моста, глубинные ли плиты земли слегка подрагивали – толком и не поймешь, но старинные крохотные вещицы в шкафах подают голос, регистрируя неуловимое движение. На одной из полок падает ничком оловянный солдатик – отчетливый звук напоминает Фонтейну, что надо бы купить музейного воска, липкой субстанции для предотвращения подобных казусов.

Усевшись на высокий табурет за стойкой, Фонтейн раздумывает: а что, если проверить в браузере историю поиска, выяснить, какие страницы открывал мальчик на ноутбуке? Все эти дела с депозитными ячейками и то, как завелся его адвокат Марциал… Куда еще мог мальчик залезть? Впрочем, вряд ли в по-настоящему опасное место, решает Фонтейн, раз он всего лишь охотится за часами. Но как он достал описи частных хранилищ? Фонтейн ставит чашку на стойку и, покопавшись, выуживает «Жаже Лекультр» из кармана, читает маркировку на задней крышке:

G6B / 346
RA / | AF
172 / 53

6B – означает степень точности хода, он это знает, но 346 для него – загадка. Широкая стрелка в центре – знак собственности ее королевского величества. 53 – конечно, год выпуска, но что означает 172? Сумеет ли мальчик разгадать эти цифры, если правильно задать ему вопрос? Фонтейн знает, что все биты информации где-то вливаются в общий поток. Он кладет часы на подушечку с логотипом «Ролекс» и снова берется за мисо. Глядя сквозь покрытый узором царапин стеклянный верх стойки, он замечает одну из недавних покупок, до сих пор он не рассмотрел ее как следует. Часы «Хельброс», сороковые годы двадцатого века,

сделаны по дизайну военных наручных часов, но «Хельброс» – часы не «казенные». Ерунда, которую он купил у старьевщика с холмов Окленда. Он сует руку в витрину и достает это барахло, подлинное барахло по сравнению с G6B.

Окантовка вокруг стекла сильно побита – и полировка не спасла, а люминесцентные детали на матовом циферблате приобрели серебристый оттенок. Он достает из другого кармана лупу, ввинчивает ее в глаз и переворачивает «Хельброс», внимательно разглядывая через своего «циклопа» с десятикратным увеличением. Заднюю крышку когда-то снимали, потом привинтили обратно, но не плотно. Он откручивает ее пальцами и изучает следы истории механизма, оставленные часовщиком.

Щурится в лупу: последняя дата починки, отчеканенная внутри крышки, – август 1945 года.

Он вертит часы, рассматривает их со всех сторон. Кристалл искусственный, какой-то сорт пластика, определенно старинный и очень похоже, что оригинальный и подлинный. Потому что он видит, повернув часы к свету под определенным углом, что от радиации оригинальных радиевых цифр кристалл помутнел – каждая цифра, считай, впечатала в кристалл свою рентгеновскую проекцию.

Это открытие и дата – 1945-й – заставляет Фонтейна ужаснуться. Он ставит крышку на место, кладет «Хельброс» обратно под стекло, проверяет замки и засовы на двери, съедает остатки мисо и идет укладываться.

Мальчик лежит по-прежнему на спине, уже не храпит. Все тихо. Фонтейн устраивается на своей узкой постели, револьвер «смит-и-вессон», как всегда, лежит наготове.

50
«Лишние хлопоты»

Умиравший от рака отец рассказал Райделлу одну историю, якобы вычитанную им в сборнике афоризмов и занимательных рассказов.

В Англии в стародавние времена казнили одного человека. Казни там были жесточайшие – каленым железом, колесованием и прочее. Человек увидел перед собой плаху, топор палача. Он все время молчал и как бы равнодушно претерпел разнообразные муки, посмотрел на топор, на плаху, толстого палача и даже в лице не изменился.

Но потом к нему явился другой заплечных дел мастер с настоящим арсеналом пыточных орудий. Человека предупредили, что сначала его будут потрошить и только потом отрубят голову. Послышался вздох. «Лишние хлопоты», – сказал человек.

– Если я им так нужен, – сказал Райделл, ковыляя за незнакомцем, прячущим танто во внутреннем кармане, – почему они меня просто не схватят?

– Потому что вы идете со мной.

– Что же они вас не застрелят?

– Потому что у нас, у меня и этих людей, общий хозяин. В каком-то смысле.

– Он не позволит им вас застрелить?

– Смотря по обстановке.

Они подходили к безымянной забегаловке, в которой, как помнил Райделл, Бьюэлл Кридмор спел одну старую песню. Было шумно: громкая музыка, хохот, толпа у двери, все с пивом и, не скрываясь, дымят сигаретами.

Каждый шаг отзывался болью в боку Райделла, а он вспоминал Рэй Тоэй, сидящую на его подушке. Что, интересно, значит для нее этот «термос», то есть проектор, который он тащит на своем плече? Неужели она только так может проявляться в мире и общаться с людьми? Чувствует ли она хоть что-нибудь, когда голограмма включена? (Райделл сомневался.) А может, создавшие ее программы дают ей иллюзию более полноценного существования? Но если вы нереальны изначально, как сравнивать существование и не-существование?

Впрочем, сейчас его больше всего волновало, что и Лейни, и Клаус, и Петух настаивали на исключительной важности проектора, а он, Райделл, беззаботно хромает по доброй воле рядом с этим убийцей, типом, который явно работает на того, кто

охотится за ним, Райделлом, ну и за проектором тоже, а он, понимаете ли, тащится как на поводке. Бараном на бойню.

– Мне нужно зайти сюда на минутку, – сказал Райделл и остановился.

– Зачем?

– Повидаться с другом, – ответил Райделл.

– Это что, благовидный предлог улизнуть?

– Я не хочу идти с вами.

Мужчина бесстрастно взирал на него из-за тонких очков.

– Вы осложняете положение, – наконец сказал он.

– Ну, так убейте меня, – сказал Райделл, стиснув зубы. Он перекинул ношу с плеча на плечо и, пошатываясь, прошел в дверь мимо курильщиков, в лицо ему пахнуло теплым ядреным пивным духом и разгоряченной толпой.

Кридмор стоял на сцене рядом с Рэнди Шоутсом и волосатым басистом с бакенбардами, они как раз заканчивали какую-то песню. Кридмор подпрыгнул с финальным «вау!», инструменты прогрохотали коду, и толпа взревела, топая ногами и бурно аплодируя. Райделл увидел глаза Кридмора – пустые, сверкающие, кукольные – в свете софитов.

– Эй, Бьюэлл! – закричал Райделл. – Кридмор! – Он оттолкнул кого-то плечом и захромал дальше. Теперь он был всего в нескольких футах от сцены. – Кридмор!!! – Сцена была маленькая и невысокая, от силы фут высотой, толпа не такая уж и плотная.

Кридмор заметил его. Спрыгнул со сцены. Его ковбойская рубашка с жемчужными пуговицами была расстегнута до пупа, впалая белая грудь лоснилась от пота. Кто-то подал ему полотенце, и он стал вытирать им лицо, показывая длинные желтые зубы с изъязвленными деснами.

– Райделл, – сказал он, – сукин ты сын. Где ты был?

– Тебя искал, Бьюэлл.

Мужчина с танто положил руку на плечо Райделла.

– Это неразумно, – сказал он.

– Слушай, Бьюэлл, – сказал Райделл, – возьми мне пива, ладно?

– Ты видел меня, Райделл? Мать твою, мужик, я был сыном гребаного Иисуса! Гребаным Хэнком Уильямсом[129], мать твою так! – Кридмор сиял, и Райделла поразил его вид на грани безумия. Кто-то вручил Кридмору пару высоких пивных банок, уже открытых. Передав одну Райделлу, Кридмор вылил холодный солодовый напиток себе на грудь и принялся им растираться. – Черт возьми, я крут!

– Здесь нас слишком легко окружить, – сказал мужчина в пальто.

– А ну отпусти моего приятеля, ты, – сказал Кридмор, впервые заметив незнакомца. – Педрила, – добавил он, будто читая на его лице и с трудом подыскав ему оскорбительное определение.

– Бьюэлл, – сказал Райделл, взяв того за руку, – познакомься с моим новым приятелем.

– Кажется, одному педриле пора подобрать подол лопатой, – отметил Кридмор, теперь уже в бешенстве сузив глаза; повод был найден.

– Отпустите мое плечо, – тихо сказал мужчине Райделл. – Выглядит не очень хорошо.

Мужчина снял руку с его плеча.

– Мне очень жаль, – сказал Райделл, – но я собираюсь остаться здесь с Бьюэллом и примерно сотней его закадычных друзей. – Он посмотрел на жестянку в своей руке. Какая-то хрень под названием «Королевская кобра»[130]. Отхлебнул. – Если хотите уйти, уходите. Или просто убейте меня, да и дело с концом.

– Черт тебя дери, Кридмор, – сказал Рэнди Шоутс, тяжело ступив на пол со сцены. – Гребаный наркоман. Ты напился! Напился и до сисек обдолбался «плясуном»!

Кридмор выпучил глаза на верзилу-гитариста, глаза его, казалось, были сплошными зрачками.

– Господи, Рэнди, – начал было он, – ты же знаешь: мне надо было немного расслабиться…

– Расслабиться? Расслабиться?! Господи Исусе! Ты забыл слова такой классики, как «Брось мудака и пошли со мной!». Это ж как надо обсадиться, чтоб так слажать? Чертова публика знает слова этой песни, мужик; они даже тебе подпевали! Пытались, по крайней мере. – Шоутс для пущей ясности ткнул Кридмору в грудь свой мозолистый большой палец. – Я говорил тебе, что не работаю с обдолбанными макаками. Ты понял, алкаш? Пошел вон отсюда. Абзац.

Кридмор, казалось, пытался заглянуть внутрь своей души, будто искал там какое-то подобие достоинства, необходимого, чтобы с честью встретить этот неожиданный поворот. Видимо, нашел. Чуть выпрямился.

– А пошел ты! – сказал Кридмор. – Козел! – добавил он, когда Шоутс с отвращением отвернулся и зашагал прочь.

– Бьюэлл, – сказал Райделл, – на тебя заказан столик или что-нибудь типа того? Где бы мне присесть?

– Мэриэлис, – ответил Кридмор, явно думая о своем, и неопределенно махнул рукой куда-то в сторону. После чего отвалил, по всей видимости – за Шоутсом.

Не обращая внимания на человека с танто, Райделл направился к бару, где обнаружил Мэриэлис, одиноко сидящую за столиком. На нем стояла табличка из гофрированного коричневого картона, разукрашенная разноцветными фломастерами: надпись, сделанная вручную, гласила: «БЬЮЭЛЛ КРИДМОР & ЕГО БРАТЬЯ МЕНЬШИЕ», обе «О» выведены красным цветом и разрисованы смеющимися рожицами. Столик был уставлен пустыми бутылками, а у Мэриэлис был такой вид, будто ей только что крепко стукнули пыльным мешком по голове.

– Вы из эй-энд-ар? – вздрогнув, спросила она у Райделла, словно очнулась от сна.

– Меня зовут Берри Райделл, – ответил он, выдвинув стул и опустив с плеча вещмешок с проектором. – Мы недавно встречались. Вы – Мэриэлис.

– Да, – улыбнулась она, польщенная тем, что ей так любезно об этом напомнили, – я Мэриэлис. Правда ведь, Бьюэлл чудесно выступил?

Райделл присел осторожно на стул, чтобы не потерять сознание от боли в ребре.

– Есть здесь где-нибудь розетка, Мэриэлис? – Он уже открывал вещмешок, выпрастывая проектор, разматывал сетевой кабель.

– Вы из эй-энд-ар! – сказала Мэриэлис, зачарованно наблюдая за движениями Райделла. – Я так и знала! А с какого лейбла?

– Пожалуйста, воткните эту штуку туда. – Райделл показал на розетку в неровной стене рядом с Мэриэлис и протянул ей штепсель.

Она поднесла врученное к самому носу, в недоумении поморгала, огляделась, увидела розетку. Воткнула в нее штепсель и повернулась в Райделлу, будто озадаченная тем, что только что сделала.

Мужчина с танто подтащил стул, поставил его у столика и сел напротив Мэриэлис. Но никто не обратил на него внимания.

– Так, теперь вы, – обратилась к нему Мэриэлис, украдкой бросив взгляд, чтобы проверить, в порядке ли ее корсаж, – вы, видимо, глава лейбла, так?

– Голова Гейбла?

– Я это сразу поняла, – сказала Мэриэлис.

Райделл услышал гудение проектора.

И в тот же момент появилась Рэй Тоэй, она стала рядом с их столиком, и Райделл понял, что снова, всего на секунду, видел ее обнаженной, ее белая кожа сияла, и вот на ней уже красуется наряд, как на Мэриэлис.

– Привет, – сказал Райделл.

– Отсосите досуха мне молокососом… – промолвила Мэриэлис тихим от изумления голосом, уставясь на Рэй Тоэй. – Богом клянусь, я не видела, что вы тут стоите…

Мужчина с танто тоже смотрел на Рэй Тоэй, свечение ее голограммы отражалось в круглых линзах очков.

– Мы в ночном клубе, Берри Райделл?

– В баре, – уточнил Райделл.

– Резу нравились бары, – сказала она, с интересом разглядывая толпу. – У меня сложилось впечатление, что посетители баров только делают вид, будто разговаривают друг с другом, а на самом деле разговаривают сами с собой. Это оттого, что их высшая нервная деятельность слегка подавлена в развлекательных целях?

– Я просто балдею от вашего топа, – сказала Мэриэлис.

– Меня зовут Рэй Тоэй.

– Мэриэлис, – сказала Мэриэлис, протянув ей руку. Идору сделала то же самое, ее рука прошла сквозь руку Мэриэлис.

Мэриэлис вздрогнула.

– Кролику больше не наливать, – пробормотала она.

– Меня зовут Рэй Тоэй, – сказала идору мужчине с танто.

– Добрый вечер.

– Я знаю, как вас зовут, – сказала она ему мягко. – Я очень многое знаю о вас. Вы удивительная личность.

Он спокойно смотрел на нее.

– Благодарю вас, – сказал он наконец. – Мистер Райделл, как я понял, вы решили остаться здесь с друзьями?

– Ненадолго, – ответил Райделл. – Мне нужно кое-кому позвонить.

– Воля ваша, – сказал мужчина.

Он повернулся, чтобы видеть вход, и в это время в двери стремительно вошел молодой человек в шарфе и разом увидел всех.

«Лишние хлопоты», – подумал Райделл.

51
Смысл жизни

В счастливый период своей работы на «Парагон-Эйша ДейтаФлоу» Лейни особенно любил два токийских бара: «Нервный персик», тихое местечко «посидеть и выпить» неподалеку от станции «Симо-Китадзава», и «Смысл жизни» – арт-бар в цоколе офисного здания в квартале Аояма. Лейни считал «Смысл жизни» арт-баром по той причине, что заведение было украшено огромными черно-белыми снимками юных барышень, фотографирующих собственные промежности старомодными зеркалками. Барышни на картинках выглядели так скромно, что требовалось время на осознание того факта, чем они, собственно, занимаются. В основном они просто стояли на фоне людных городских пейзажей, положив свои камеры на мостовую, улыбались в объектив того, кто их фотографировал, и нажимали на дистанционный спуск. На них были надеты свитера и юбки в крупную клетку, и улыбались они невинно и старательно. Никто не объяснял Лейни смысл фотографий, а ему самому не приходило в голову спрашивать, но он всегда был способен оценить искусство, и сейчас он снова смотрел на эти снимки – благодаря Петуху, который откуда-то знал, что Лейни нравился тот бар в Аояме, и потому решил воспроизвести его в «Застенном городе».

Как бы то ни было, Лейни здесь уютнее, чем в парикмахерской из несовпадающей мозаики. Можно просто смотреть на этих барышень, на спокойные монохромные изображения шерстяных одежд, плоти и прочих городских текстур, и это его расслабляет. Хотя странное ощущение – сидеть в баре, когда твое тело отсутствует.

– Скрытничают. – Петух говорит о Ливии и Пако, сумевших взломать самые личные средства коммуникации Коди Харвуда. – Может, они физически внедрили некое устройство в «харвуд-левиновский» спутник связи. Нечто маленькое. Очень маленькое. Но как они им управляли? И как быстро оно смогло вызвать физические изменения в работе процессора на спутнике, чтобы его не засекли?

– Уверен, они нашли более красивое решение, – говорит Клаус, – но мне абсолютно безразлично какое. Доступ есть доступ. Способ доступа – вопрос чисто академический. Важен сам факт, что мы взломали его «горячую линию». Его «красный телефон».

– Ну да, сам себя не похвалишь – никто и не похвалит, – говорит Лейни. – Итак, мы знаем, что Харвуд ввел себе «пять эсби», но не знаем, зачем он это сделал и как использует узловое восприятие. Вы вроде убеждены, что это как-то связано со «Счастливым драконом» и поспешным запуском «Нанофакса».

– А вы – нет? – спрашивает Клаус. – «Нанофаксы» устанавливаются в «Счастливых драконах» по всему миру. Прямо сейчас. В буквальном смысле слова. Большинство уже установлены и находятся в полной готовности.

– То есть скоро первого тайваньского плюшевого мишку отправят по факсу из Де-Мойна в Сиэтл? И что наш друг надеется с этого получить? – Лейни устремляет взгляд на барышню с фото, которая ему особенно нравится, представляя, как ее палец нажимает на поршень дистанционного спуска, напоминающего шприц.

– Думаю, он надеется получить сеть, – отвечает Петух. – Заявленная функция особо ни при чем – так, предлог. На этом уровне всякая функция – только предлог. Нечто временное. Ему нужно создать сеть. А потом уже решит, как ее использовать.

– Но остается главный вопрос: зачем ему все это нужно? – не унимается Лейни.

– Затем, что он живет между молотом и наковальней, – откликается Клаус. – Он, возможно, самый богатый человек в мире – и всегда опережает события. Он агент перемен, а инвестировал гигантские деньги в статус-кво. Он олицетворение парадокса. Слишком продвинутый, чтобы жить, слишком богатый, чтобы умереть. Понимаете?

– Нет, – отвечает Лейни.

– Мы думаем, что, по сути, он такой же, как мы, – говорит Клаус. – Он хочет взломать реальность, но он – игрок глобального казино и готов прихватить с собой все человечество, куда бы ни зашел.

– Нельзя не восхититься, правда? – доносится из глубины замершего бэконовского крика голос Петуха.

Восхищаться Лейни не готов.

Интересно, думает он, включает ли эта копия «Смысла жизни» и крохотный, на шесть персон, бар этажом ниже, – там сидишь в полутьме под огромными фотографиями, сделанными самими барышнями: сильно увеличенные треугольники белых женских трусиков, блестящие от желатиновой эмульсии.

– Я могу взглянуть на Харвуда через этот ваш канал?

– Да, пока он вас не вычислил.

52
Мой дружок вернулся[131]

Когда Шеветта жила на мосту, у нее был парень по имени Лоуэлл, который принимал «плясун».

У Лоуэлла был друг по прозвищу Коудс[132], которого звали так потому, что он умел раскодировать краденые мобилы и ноутбуки, и Святой Витт напомнил Шеветте этого Коудса. Коудсу она тоже не нравилась.

Шеветта терпеть не могла «плясун». Она терпеть не могла находиться рядом с теми, кто его употребляет: «плясовые» были эгоистичными, самодовольными тварями, и притом нервными, подозрительными, склонными к бредовым фантазиям – им казалось, что каждый хочет их кинуть, что все им врут и строят козни у них за спиной. И ей было особенно противно смотреть, как кто-нибудь принимает эту дрянь, втирает ее себе в десны – чистый ужас, от этого просто тошнило. Первым делом у них немели губы, изо рта капала слюна, а они считали, что это прикольно. А больше всего она ненавидела «плясун» за то, что когда-то сама принимала его, и даже сейчас, имея все эти причины для ненависти, она глядела, как Святой Витт энергично втирает в десны солидную дозу, и боролась с желанием попросить у него граммулечку.

Вот же и вправду коварная дрянь, ведь ей сегодня попала лишь крупинка с поцелуем этого кантри-певца, засунувшего ей в рот язык (если бы это был единственный способ его принимать, она бы никогда и не пробовала), и теперь подлые молекулы теребили мозговые рецепторы, хныча: «хочу-хочу». А ведь она даже никогда не сидела на «плясуне» – в том смысле, в каком это понимают уличные торчки.

Как-то Карсон продюсировал для «Реальности» программу об истории стимуляторов, так что Шеветта знала: «плясун» куда мощнее крэка. В плане привыкания «плясун» был не таким стремительным, и все равно она лишь чудом сумела не вляпаться, зависая с Лоуэллом. Лоуэлл любил объяснять – детально и очень долго, – как выработанный им режим приема «плясуна» поможет ему оптимизировать свое функционирование в мире и не приведет к такой вредной штуке, как привыкание. Типа надо просто-напросто знать, как это делать, и когда это делать, и, самое важное, зачем это делать. Мощные вещества вроде этого, доказывал Лоуэлл, существуют вовсе не для того, чтобы просто взять и заторчать, когда приспичит. «Плясун» создан затем, чтобы

ты мог делать дела. Он дает тебе энергию, говорил он, чтобы ты делал дела и, главное, заканчивал их.

Все было правильно, только Лоуэлл под «плясуном» в основном хотел заниматься сексом, но из-за того же «плясуна» не мог кончить. Что, с точки зрения Шеветты, было и неплохо, поскольку в противном случае он обычно кончал очень быстро. В сюжете «Реальности» говорилось, что «плясун» позволяет мужчинам испытывать что-то вроде женского оргазма, этакое продолжительное крещендо, менее локализованное и более аккуратное.

Убийственная, в общем, дрянь, валившая с ног и в прямом смысле в одну постель. Незнакомые люди, вместе приняв «плясун», если был хоть намек на взаимную симпатию, решали, что это, в принципе, замечательная идея, которую нужно немедленно воплотить, но только при условии, что обе стороны согласны долбиться чуть ли не до смерти.

А иногда действительно умирали: сердца прекращали биться, легкие – дышать, выгорали жизненно важные участки мозга. Люди убивали друг друга, обезумев от дряни, а потом убивали уже хладнокровно, чтобы достать еще.

Одно слово, дрянь.

– У тебя еще хоть немного осталось? – спросила Шеветта Святого Витта, который вытирал слюнявые уголки рта какой-то ветошкой в коричневых пятнах ссохшейся крови.

Святой Витт уставил на нее свои узкие очки:

– Шутишь, что ли?

– Да, – сказала Шеветта, отпихнув табуретку, – шучу.

Должно быть, уже совсем ночь. И как у нее только язык повернулся? Она чувствовала хриплое дыхание парня в звуковой кабинке.

– Снято, – сказала Тесса, стягивая очки. – Народ расходится. Шеветта, помоги собрать камеры.

Святой Витт ухмыльнулся. От удовольствия, что не только он должен тут вкалывать, подумала Шеветта.

– Выходит, Карсона ты не видела? – спросила Шеветта, прильнув к окошку; беспорядочно редеющую толпу, увиденную сверху, явно можно было описать какой-нибудь функцией вроде логарифмической.

– Карсона?

Прямо перед сценой она увидела Бьюэлла Кридмора, беседующего с высоким парнем в черной куртке, тот стоял к будке спиной. Потом верзила-гитарист в помятой ковбойской шляпе спрыгнул со сцены и конкретно наехал на Кридмора. Тот пытался возражать, заглох, потом снова огрызнулся. Гитарист

отвернулся и пошел прочь. Шеветта смотрела, как Кридмор что-то опять говорит тому высокому, махнув рукой в сторону будки, парень повернулся и пошел к будке – лица его было не видно из-за провисшего черного кабеля.

– Он недавно здесь был, – сказала Шеветта. – Вот почему я лизалась с тем болваном и еле ноги унесла. Ты не удивилась?

Тесса уставилась на нее.

– Откровенно говоря, да. Но я подумала, что, может, просто узнала о тебе что-то новое. – Она рассмеялась. – Уверена, что это был именно он?

– Это был он, Тесса.

– Откуда он знает, что мы здесь, на мосту?

– А может, ему в кондоминиуме сказали? Ты там много трепалась о своей документалке.

– Может быть, – сказала Тесса, теряя интерес. – Помоги-ка мне лучше поймать платформы, ладно? – Она протянула Шеветте четыре нейлоновых поводка с петлями и карабинами на концах.

– Слушай, – сказала Шеветта, – я не хочу до утра торчать в «Когнитивных диссидентах». И тебе тоже не стоит. Я сейчас видела, как этот твой новый приятель втер себе в десны просто лошадиную дозу.

– Шеветта, – сказала Тесса, – мы забрались на мост, чтобы все фиксировать, помнишь? Мы теперь маргиналы.

Святой Витт противно хихикнул.

– Тесса, пойдем спать, пожалуйста. Где твой фургон?

– Там, где мы его припарковали.

– А как ты доставила сюда свои воздушные шарики?

– Элмор, – сказала Тесса, – у него есть одна из этих кепочек и трицикл-вездеход в придачу.

– Постарайся его отыскать, – сказала Шеветта, спускаясь по лесенке. – Будет неплохо, если он нас подбросит.

И что, если отговорить Тессу не получится? В худшем случае придется все же туда пойти, хотя бы для того, чтобы приглядеть за ней. «Диссиденты» и так были суровым испытанием, а уж если видеошлем нахлобучишь…

Шеветта спустилась по лесенке и вышла на середину зала, куда под управлением Тессы уже спускалась «Маленькая Игрушка Бога». Она дотянулась до нее, пристегнула поводок и повернулась, чтобы махнуть Тессе, сидящей в звуковой будке: мол, можно спускать остальные камеры.

И еще не осознав, что происходит, она поняла, что смотрит – бесконечно долгие секунды, как во сне, – в глаза Карсона, и тут он ударил ее.

Изо всех сил, прямо в лицо, точно так же, как тогда, в первый

раз, и она снова увидела разноцветные искры, словно в киношном флэшбеке, увидела, как навзничь падает на большую кушетку в его мансарде, кровь течет из носа, и ей не верится, что это сделал он.

Вот только сейчас она отлетела и врезалась в парочку припозднившихся зрителей, которые поймали ее, воскликнув: «Хей, оп!» – и Карсон снова настиг ее, крепко захватив пятерней Скиннерову куртку…

– Эй, приятель, – сказал один из мужиков, поймавших ее, и выставил вперед руку с растопыренными пальцами, словно пытаясь блокировать второй удар, который Карсон собрался ей нанести с таким же спокойным и серьезным лицом, какое она видела у него в монтажной канала «Реальность». И, посмотрев в глаза Карсона, она не увидела в них ничего похожего на гнев или ненависть – только абстрактную и даже в чем-то техническую нужду.

Карсон попробовал врезать ей снова: удар пришелся по руке добровольного защитника, тот вскрикнул. Это дало Шеветте возможность вырваться.

Она отшагнула в сторону и потрясла головой – в ушах сильно шумело. И с глазами тоже что-то не того.

Карсон снова двинулся на нее, не изменившись в лице, и в это мгновение она поняла, что на самом деле не знает, ни кто он такой, ни что с ним происходит.

– До тебя в тот раз просто не дошло, да? – сказал он, а может, ей только почудилось, что он это сказал; она чувствовала, как из распухшего глаза по щеке текут слезы, и слышала звон в голове.

Она отступила на шаг. Он придвинулся.

– До тебя в тот раз не дошло.

Вдруг чья-то рука опустилась ему на плечо и развернула его. И тут же Карсон рухнул как подкошенный. Шеветта не успела разглядеть, как его снесли.

Это был Райделл.

Не может быть.

И все-таки это был он.

Райделл в своей нейлоновой куртке охранника, с изумлением глядящий на нее.

Наверно, я сплю, подумала Шеветта, это точно сон, и она почувствовала невероятное облегчение, потому что жизнь обретет смысл, когда она проснется.

Карсон тем временем заворочался на полу, поднялся на колени, встал, отряхнулся, смахнув раздавленный фильтр от сигареты с рукава куртки, и замахнулся было, чтобы врезать Райделлу в живот; Райделл попробовал увернуться, и кулак

Карсона пришелся ему по ребрам, а не в солнечное сплетение.

Райделл, испустив вопль острой, невыносимой боли, согнулся пополам.

…И тогда парень в черной спортивной кожаной куртке, какие носят гонщики, постриженный военным ежиком, в черном шарфе, завязанном высоко на шее, парень, которого Шеветта до этого ни разу не видела, возник перед Карсоном.

– Ошибочка, – послышалось ей, сказал этот парень. Он что-то извлек из кармана, проговорив: – На тебя не рассчитывали.

И выстрелил в Карсона, прямо в упор, не целясь.

Звук был негромким, совсем негромким, больше похожим на «фьюить» большого пневматического молотка, и сопровождался желто-синей вспышкой, и Шеветта потом никак не могла с уверенностью сказать, что видела это, хотя и знала, что видела: Карсона отбросили в сторону тысячи фут-фунтов энергии, жаждавших успокоиться в его теле.

Картина эта не закрепилась в памяти, она смазалась, о чем Шеветта не сожалела.

А еще она была благодарна, хотя совсем по другим причинам, Тессе, которая из будки под потолком вырубила свет.

53
Знаешь, я не могу тебе позволить выскользнуть из моих объятий [133]

Райделл понял, что это за хлопок: инфразвуковая пуля, через глушитель, который тормозит ее, выпуская излишки расширяющихся газов вспыхнувшего заряда, но начальная скорость все равно остается достаточной, и сила удара в точке попадания…

Он понял это, несмотря на острую боль в боку, будто ему засунули раскаленное железо между ребер; понял, несмотря на шок (он в буквальном смысле слова был в шоке, даже в нескольких смыслах) от встречи с Шеветтой (этим новым вариантом Шеветты, с совсем другой стрижкой – примерно такой он всегда представлял ее в фантазиях). Он понял это в темноте, наступившей после смерти (вне всяких сомнений) этого мужика – кем бы он ни был, – который пришел по Шеветтину душу, которого он свалил с ног и который встал и, судя по всему, вогнал часть его сломанного ребра в диафрагму. Райделл узнал звук выстрела и мысленно ухватился за него, только по той причине, что глушитель означал: «шарф» – тренированный профессионал, не какой-нибудь ресторанный *espontaneo*[134].

В первые мгновения темноты Райделл понял, что у него есть шанс: если «шарф» действительно был профи, то шанс имелся. Пьяница, псих, любой обычный бандюга в кромешной тьме бара стал бы палить наугад. Профи всегда постарается свести на нет случайность.

Случайный фактор был довольно высок: шум все еще не разошедшейся толпы, крик Шеветты. Толпа визжала, напирала и билась, чтобы протиснуться в двери. Райделл понял, что дело плохо и чревато последствиями; одно время он подрабатывал охранником на концертах и видел, как трупы счищают с барьеров.

Он старался стоять потверже, уговаривая боль немного уняться, и ждал следующей атаки «шарфа».

Куда делась Рэй Тоэй? Она должна была высветиться во тьме, как сияющая вывеска кинотеатра.

Но она ослепительным столбиком взмыла из-за плеча Райделла и ринулась туда, где стоял «шарф», – больше похожая на комету, чем на фею, и угрожающе сияя. Она дважды стремительно обогнула голову «шарфа», и Райделл увидел, как тот отбивается от нее пистолетом. Словно шар серебристого света, она двигалась так быстро, что в глазах Райделла рябило.

«Шарф» пригнулся, когда она влетела ему прямо в глаза; он завертелся на месте и ринулся влево. Райделл завороженно смотрел, как сфера, чуть разгоревшись, со свистом несется по периметру бара, будто холодная бледная шаровая молния; люди стонали, ахали и визжали, когда она пролетала над ними. Над свалкой у самых дверей, там несколько человек уже валялись без сознания; а Шеветты не было видно.

Рэй-сфера нырнула вниз, на середину бара, и Райделл увидел Шеветту, на четвереньках ползущую к двери. Он бросился к ней, хромая, его ребро, казалось, вот-вот лопнет от боли, нагнулся, схватил ее и вздернул на ноги. Она вырывалась.

– Это я. – Нереальность происходящего его потрясала – он снова встретил ее здесь, на мосту, при таких обстоятельствах. – Это я, Райделл.

– Какого хрена ты здесь делаешь, Райделл?

– Убираюсь вон.

Еще одна яркая вспышка и пневмомолоточное «фьють!» совпали во времени. Райделлу показалось, что пуля свистнула рядом с его головой на долю секунды раньше. Мгновенным ответом на выстрел были тугие сгустки света, один за другим застрочившие за его спиной. Из проектора, догадался он, и, видимо, прямо в глаза «шарфу».

Райделл схватил Шеветту за руку и потащил за собой по полу; выделившийся адреналин заглушил боль в боку. Яркий поток света из проектора осветил часть стенки справа от двери. Райделл взмолился, чтобы стенка оказалась фанерной и не слишком твердой, выхватил из кармана кнопарь, нажал кнопку и, размахнувшись, вогнал лезвие в стенку прямо перед собой. Нож ушел вглубь по самую рукоятку, он рванул его вправо и вниз, слыша странный тихий звук рассекаемых древесных волокон. Он разрезал стенку на несколько футов вниз, повернул нож влево и успел прорезать почти до исходной точки, когда раздался стеклянный «тинк!» лопнувшей керамики.

– Бей сюда, – сказал он, стукнув по центру незаконченной дырки обломком лезвия. – Упрись в меня спиной и пинай!

И Шеветта пнула. Она умела пинаться, как мул. Со второй попытки стенка подалась, он подтолкнул Шеветту вверх и наружу, стараясь не кричать от боли. Он так и не понял, как ему удалось превозмочь боль, но он это сделал, ожидая, что в любую секунду в него угодит одна из чертовых инфразвуковых пуль.

Снаружи у двери несколько человек лежали в отключке, другие, присев на колени, пытались им помочь.

– Сюда! – крикнул он, захромав по пандусу в направлении «Счастливого дракона».

Но Шеветты рядом не было. Он развернулся и увидел, что она направилась в противоположную сторону.

– Шеветта!

Он пустился за ней, но она и не думала останавливаться.

– Шеветта!

Она обернулась. Ее правый глаз заплыл синяком и слезился; левый был невидящим и сумасшедшим. Словно она видела Райделла, но не понимала, кто он.

– Райделл?

И хотя он все это время думал о ней, вспоминал, увидеть ее сейчас лицом к лицу было чем-то совсем иным: он узнавал ее прямой носик, линию подбородка и губы.

– Все нормально, – сказал он, у него не было больше слов.

– Это не сон?

– Нет, – сказал он.

– Они застрелили Карсона. Кто-то убил его. Я видела, как кто-то в него выстрелил.

– Да кто он такой? Почему он тебя ударил?

– Он был… – она запнулась, прикусив нижнюю губу. – Просто парнем, с которым я недавно жила. В Эл-Эй.

– Ага, – сказал Райделл; он понял пока одно: «шарф» только что застрелил парня Шеветты.

– В смысле, я с ним больше не живу. Теперь уже нет. Он преследовал меня, но, господи, Райделл, почему этот тип… вот так вот просто взял и пристрелил его?!

Потому что он преследовал меня, подумал Райделл. Потому что хотел измолотить меня до бесчувствия, потому что я – их добыча. Но Райделл не стал ей этого говорить. Вместо этого он сказал:

– Тот тип с пистолетом будет меня искать. И не только он. Значит, тебе не нужно быть рядом со мной, когда он меня отыщет.

– Зачем ты ему?

– Затем, что у меня есть одна вещь… – Но этой вещи у него не было; он оставил проектор в баре.

– Ты что, меня там искал, что ли?

Я искал тебя с тех самых пор, как ты вышла за дверь. Я каждый день прочесывал дебри этой неспящей вселенной в слабой надежде найти тебя. И каждый день я находил пустоту, и ни разу, никогда – тебя. В памяти его раздался звук, с которым камешки плюхались в полимерную стену за «Счастливым драконом» на Сансет-стрип. Мимо, мимо…

– Нет, – сказал он. – Я здесь просто работаю. Частное расследование для некоего мистера Лейни.

Она не поверила.

– Карсон загнал меня сюда, на мост. Я не хотела быть с ним. А теперь вот – ты. Что происходит?

Лейни говорит, что это конец света.

– Я просто здесь, Шеветта. И ты – просто здесь. А теперь мне нужно идти…

– Куда?

– Обратно в бар. Я забыл там одну штуковину. Это важно.

– Не ходи туда!

– Я должен.

– Райделл… – сказала она, ее стало трясти. – Ты… ты… – И она посмотрела на свои руки, ее ладони были в чем-то темном; и он увидел, что это кровь, и понял, что это кровь ее парня. Она зарыдала и стала пытаться обтереть ладони о джинсы.

– Мистер Райделл?

Это был его сегодняшний знакомец, бережно державший, будто младенца, на сгибе локтя райделловский вещмешок.

– Мистер Райделл, я полагаю, что с вашей стороны будет неблагоразумно пытаться покинуть мост. Оцепление почти наверняка уже выставили, и они скорее застрелят вас, чем дадут вам уйти. – Мертвенно-бледный свет флуоресцентных ламп, свисавших сверху рядами, мерцал в его круглых линзах; на Райделла смотрел сухопарый, собранный человек, глаза его ничего не выражали. – Вы вместе с этой юной дамой?

– Да, – сказал Райделл.

– Мы должны двигаться в сторону Окленда. – И он вручил Райделлу вещмешок, солидную тяжесть проектора; Райделл надеялся, что тот прихватил и сетевой кабель. – В противном случае они обгонят нас и отрежут нам отступление.

Райделл повернулся к Шеветте:

– Может, они не видели, что мы вместе. Ты спокойно можешь уйти.

– Я бы не советовал, – сказал человек. – Я видел вас вместе. Они, скорее всего, тоже.

Шеветта смотрела на Райделла снизу вверх.

– Каждый раз, когда ты появляешься в моей жизни, Райделл, я попадаю… – Она скорчила гримасу.

– В дерьмо, – договорил он за нее.

54
Отнюдь не всему суждено случиться

Наручный будильник с эмблемой «Оружейниц», приклеенный скотчем к картонной стенке, уносит Лейни из «Застенного города». Будильник жужжит, объявляя о неизбежном приходе Костюма. У Костюма нет своих наручных часов, но он безжалостно пунктуален, выверяя свои обходы по часам подземки, которые, в свою очередь, подводятся по радио атомными часами в Нагое.

Лейни чувствует вкус крови. Он уже давненько не чистил зубы, они ему кажутся чужими и неровными. Он сплевывает в бутылку, для этого предназначенную, и пытается оценить свои силы для посещения туалета, ему важно следить за собой. Чувствует щетину, отросшую на щеках, и вычисляет усилие, необходимое для ее устранения. Можно попросить, чтобы Костюм раздобыл одноразовую электробритву, но на самом деле Лейни предпочел бы станок. Он из тех мужчин, кто никогда не отращивал бороду, даже случайно. (И теперь внутренний голос, который всегда лучше игнорировать, нашептывает: уже и не отрастишь.)

Он слышит, как старик в соседней коробке что-то говорит по-японски, и понимает, что Костюм уже прибыл. Интересно, какой трансформер старик собирает в данный момент, – и тут же Лейни видит внутренним взором, с галлюцинаторной ясностью, как последние мазки краски ложатся на трансформер, изображающий Колина Лейни.

Этот Лейни изготовлен из деталей, выпускаемых ограниченными партиями только для самых серьезных коллекционеров – отаку[135] сборных моделей, и потому отлитых из полистирола тошнотворного розовато-лилового цвета. Пластик, используемый в таких конструкторах, имеет, как правило, отвратительные оттенки, поскольку производители знают, что после сборки модели все равно будут окрашиваться.

Модель Лейни, которую расписывает старик, – это молодой Лейни, Лейни лос-анджелесских времен, когда он работал количественным аналитиком на «Слитскан» – невероятно злобную телепрограмму таблоидного пошиба; этот Лейни носит одежду от падуанского дизайнера и щеголяет очень дорогими солнцезащитными очками, оправу которых – прямо сейчас! – серебром прорисовывает самая тонкая соболиная кисточка старика, кисточка едва ли толще волоса.

Сон прерывается появлением Костюма, его прическа похожа на отлитый из пластика помпадур, будто на старинном манекене. Лейни скорее чувствует, нежели видит, с какой аккуратностью Костюм в последний раз починил черную оправу своих очков, и когда он вползает внутрь под пологом дынно-желтого одеяла, от костюма Костюма несет плесенью. Странно, что запах теплого тела создает ощущение холода, но Костюм пахнет именно так.

Костюм принес Лейни новую порцию сиропа от кашля, новую порцию «Восстановителя», несколько больших шоколадных батончиков с сукразитом и кофеином и двухлитровую бутыль псевдоколы. Выкрашенная манишка Костюма слабо мерцает, будто цифры наручных часов у водолаза в глубине темного колодца, а может, жертвенного кенотафа. Лейни на миг подхватывается потоком смутных обрывистых воспоминаний об отпуске на Юкатане.

Что-то случилось, думает Лейни; что-то случилось с моими глазами, потому что теперь рубашка Костюма сияет светом тысячи солнц, а все остальное черным-черно, как старые негативы. Но он находит в себе силы отдать Костюму два новых дебитных чипа, которые невозможно отследить, и даже кивает в ответ на подобающий сарариману[136] спешный короткий поклон среди спальных мешков и батончиковых оберток, и Костюм уходит в своей светящейся рубашке. Вне всяких сомнений, это был артефакт того загадочного процесса, который Лейни и призван здесь изучить.

Лейни высасывает половину бутылочки сиропа, жует и проглатывает кусочек шоколадного батончика и запивает все это большим глотком теплой колы.

Он закрывает глаза, и, еще до того, как надевает шлем, ему кажется, что его поглощает поток данных.

Моментально ощущается присутствие Ливии и Пако, указывающих ему путь. Они не тратят времени на разговоры и представление, но он узнает их по особому почерку, стилю навигации. Он позволяет им унести себя туда, куда им угодно, и, конечно же, не жалеет об этом.

Перед ним распахивается всплывающее окно.

Он видит сверху очень большую комнату – вероятно, офис Харвуда в Сан-Франциско, видит Харвуда, сидящего за широким, темного дерева столом, уставленным архитектурными моделями и стопками распечаток. В руке у Харвуда телефон.

– Да, открытие сервиса обставлено совершенно абсурдно, – говорит Харвуд, – но, с другой стороны, и сам сервис дурацкий. Система будет работать, потому что она излишня, понимаете?

Она слишком тупа, чтобы не сработать.

Лейни не слышит ответа и делает вывод, что Ливия и Пако взломали камеру слежения в офисе Харвуда. Аудиосигнал снят с воздуха, а не перехвачен с телефонной линии.

Харвуд закатывает глаза.

– Люди поражены бессмысленностью сервиса. Вот что их привлекает. Да, это бред, но это весело. Вы хотите послать игрушку своему племяннику в Хьюстон, а сами в Париже: покупаете, несете в «Счастливый дракон», и игрушка копируется с точностью до молекулы в хьюстонском «Драконе»… Что? Что происходит с игрушкой, купленной вами в Париже? Оставьте ее себе. Отдайте кому хотите. Разорвите на части, вы, занудная, примитивная сука. Что? Что вы, нет. Нет, Норико, простите, пожалуйста, но это, должно быть, ваша программа-переводчик шалит. Как вы только могли подумать, что я способен на такое? – Харвуд смотрит перед собой с непередаваемой скукой. – Конечно, я хочу дать интервью. Да это же эксклюзив, в конце концов! Я сразу подумал о вас.

Харвуд улыбается, успокаивая журналистку, но улыбка исчезает в тот же миг, когда она задает свой следующий вопрос.

– Люди боятся нанотехнологий, Норико. Мы знаем об этом. Даже в Токио семнадцать целых восемь десятых процента вашего удивительно технофетишистского населения по сей день отказываются зайти в здание, построенное с применением нанотехнологий. Или вот у нас тут в Малибу, где произошла очень серьезная биотехнологическая катастрофа – впрочем, никак не связанная с нанотехнологиями. Воду там сейчас очищают комплексом из трех видов «умных» водорослей, но местные жители почему-то убеждены, что пляжи кишат невидимыми наноботами, готовыми активно внедриться в вашу сморщенную киску. Что? Неприязненная кошка? Нет, Норико, это что-то с вашим софтом. И я надеюсь, что вы просто стенографируете, потому что мы договаривались об интервью без записи. Если хоть одно мое слово где-либо всплывет в записи, больше вам интервью не видать. Что? Прекрасно. Рад, что вы понимаете. – Харвуд беззвучно зевает. – Последний вопрос, пожалуйста.

Харвуд слушает, поджав губы.

– Потому что «Счастливый дракон» создан ради удобства. «Счастливый дракон» существует для того, чтобы люди имели возможность купить те вещи, которые им на самом деле нужны, и тогда, когда они им нужны, – двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. В то же время «Счастливый дракон» существует для развлечений. Люди с удовольствием будут пользоваться этими устройствами. Мы провели достаточно исследований и

поэтому знаем, что на самом деле не знаем, какое именно применение этой технологии найдут покупатели «Счастливого дракона», но это тоже весело.

Харвуд исследовал закоулки своей левой ноздри ногтем мизинца, но, по всей видимости, не нашел там ничего интересного.

– Поцелуй мой член, – сказал он. – Что-о? «Поцелуй – моя составная часть»? Я так не думаю, Норико, но на вашем месте я бы проверил эту вашу программу. Да. Всего наилучшего.

Харвуд кладет телефонную трубку, взгляд его сосредоточен. Телефон звонит. Он берет трубку, слушает. Хмурится.

– Почему я не удивлен? Почему не удивлен совсем? – Лейни кажется, что Харвуд готов рассмеяться. – Ну что же, вы можете попытаться. Несомненно, можете. Пожалуйста, попытайтесь. Но если у вас не получится, тогда он убьет вас. Всех. До единого. Но я не должен из-за этого волноваться, правда? Потому что у меня есть ваш буклет, и это действительно чудесный буклет – женевская типография, мелованная бумага, полноцветная печать, – вы меня убедили, что я нанял лучших, самых лучших. И я не сомневаюсь, что вы действительно лучшие. Мы же провели сравнительный анализ рынка. Но я знаю также, что он – это он. И да поможет вам Бог.

Харвуд вешает трубку.

Лейни чувствует, что Ливия и Пако дергают его, торопят куда-то в другое место.

Он хочет остаться с Харвудом: сесть бы друг против друга за этим столом и обсудить узловое восприятие. К примеру, было бы здорово услышать, как Харвуд интерпретирует узловую точку тысяча девятьсот одиннадцатого года. Хотелось бы обсудить с Харвудом запуск «драконовских» нанофаксов. Он так и видит, как отправляет (хотя «отправляет» неверное слово) сборную модель Лейни – вот только куда, да и кому?

Ливия и Пако тянут его туда, где *это* разрастается, и Лейни видит, что оно изменилось. Интересно, давно ли Харвуд не рассматривал образ нового мира (если, конечно, хоть какой-то мир действительно может быть назван новым)? Интересно, получится ли у Лейни хоть когда пообщаться с Харвудом? Сомнительно.

Отнюдь не всему суждено случиться, напоминает он себе.

Но этому – суждено, откликается тихий, спокойный голосок смерти.

Поцелуй мой член, отвечает ей Лейни.

55
Талантливая молодежь

Позднее Фонтейн вспоминал, что когда он проснулся, услышав за дверью какую-то возню, то подумал не о своем «смит-и-вессоне», а о русском чейн-гане, обернутом в марлю и загипсованном добрых четыре месяца назад, – с глаз долой, из сердца вон.

И удивлялся, почему, интересно, он сразу подумал об этой на редкость уродливой штуке, когда до его сознания дошло, что кто-то требовательно стучит в застекленную дверь.

– Фонтейн! – театральный шепот.

– Боже правый, – сказал Фонтейн, спустив ноги на пол.

Он протер глаза и покосился на светящиеся стрелки бездушного черного кварцевого японского будильника, вроде как подарка Клариссы, которая любила подчеркивать, что Фонтейн частенько опаздывает, особенно платить алименты, хоть и владеет таким количеством винтажных хронометров.

Он и часа не спал.

– Фонтейн! – шепот женский, да, но не Клариссы.

Он натянул штаны, ноги ощутили неприятный холодок расхлябанных ботинок, и взял свой «кит-ган».

– Я буду говорить, что действовал в целях самозащиты, – сказал он себе, убедившись, что его загадочный мальчишка спит: беспечно развалился на походной подушке и громко посапывает.

Шаркая ботинками, он подошел к двери и увидел лицо скиннеровской девчонки. Под глазом у нее был здоровенный фингал, одежда грязная, и сама она очень испугана.

– Это я, Шеветта! – Скребет по стеклу.

– Дорогая, не надо бить мои чертовы окна.

Фонтейн держал пушку за спиной, чтобы не было видно, – как обычно, когда говорил через дверь, – и тут заметил, что девчонка была не одна; за нею стояли двое белых мужчин – один здоровенный, русоволосый, похожий на копа, другой же напомнил ему профессора музыки, с которым он был знаком в Кливленде с полвека назад. Взглянув на профессора, Фонтейн почему-то ощутил озноб. Очень уж спокойный тип, даже чересчур.

– Шеветта, – сказал Фонтейн, – я сплю.

– Нам нужна помощь.

– Кому это «нам»?

– Это вот Райделл, – сказала она. – Помнишь его?

Фонтейн вспомнил, хотя и смутно: парень, с которым она

свалила в Лос-Анджелес.

– Райделл – и?..

Она хотела было ответить, замешкалась, растерянно оглянулась.

– Друг, – не очень убедительно сказал верзила, названный Райделлом.

Он прижимал к себе дешевенький мешок на шнуровке, в котором, казалось, лежит большой термос, а может, и портативная рисоварка. (Фонтейн надеялся, что все это не окажется очередным эпизодом из тех, когда его лавку принимали за ломбард.)

– Впусти нас, Фонтейн. У нас неприятности.

«Сейчас вы, наверно, сами ходячие неприятности, – подумал Фонтейн, – а иначе почему у тебя такой страшный фингал?» Он начал отпирать дверь, заметив, что Шеветта вертит головой по сторонам, будто опасаясь нежелательных попутчиков. Этот похожий на копа Райделл тоже оглядывался. Профессор же пристально смотрел на него, на Фонтейна, и Фонтейн был рад, что держит в руке свой «кит-ган».

– Запирай дверь, – сказала Шеветта, войдя наконец с Райделлом и профессором.

– Зачем? – спросил Фонтейн. – Может, я захочу вам на нее указать.

– Указать на дверь мне?

– Вам. Множественное число. Указать вам на дверь. Следите за ходом мысли? Я спал.

– Фонтейн, на мосту полно людей с пушками!

– Конечно, полно, – ответил Фонтейн, трогая пальцем насечки на маленьком самовзводном бойке.

Профессор молча затворил дверь.

– Эй! – протестующе воскликнул Фонтейн.

– Отсюда есть другой выход? – спросил профессор, глядя на засовы.

– Нет, – сказал Фонтейн.

Профессор осмотрелся, поглядел на стену, возле которой спал мальчик.

– За той стеной – обрыв?

– Верно, – сказал Фонтейн, чувствуя странную обиду оттого, что этот человек с такой легкостью получил у него информацию.

– А над вами никто не живет? – Незнакомец глянул вверх, на крашеный фанерный потолок лавки.

– Честно говоря, не знаю, – признался Фонтейн. – Если кто и живет, то очень уж тихо. Никогда их не слышал.

У этого копа Райделла, кажется, были проблемы. Он кое-как

дотащился до застекленной витрины и со стуком поставил на нее вещмешок.

– Эй, слушай, ты же не хочешь сломать мне витрину?

Райделл обернулся, держась рукой за бок:

– Есть пластырь, широкий?

У Фонтейна, конечно, была аптечка для оказания первой помощи, но в ней не было ничего полезного. Там была пара упаковок марлевых бинтов производства аж 1978 года и хитроумная глазная повязка, с инструкцией вроде на финском.

– У меня есть изолента, – ответил Фонтейн.

– Что это?

– Эластичная лента. Серебристая, знаешь? Хорошо липнет к коже. Подойдет?

Райделл с трудом снял черную нейлоновую куртку и неуклюже, одной рукой, начал возиться с пуговицами измятой джинсовой рубашки. Девчонка бросилась помогать, и, когда она стянула с него рубашку, Фонтейн увидел серо-желтый свежий синяк. Плохой синяк.

– У вас что, авария?

Он затолкал «смит-и-вессон» в карман штанов, не очень-то безопасный тайник, но удобный, учитывая обстоятельства. Потертое ореховое дерево рукоятки торчало наружу как раз настолько, чтобы было сподручно выхватить револьвер, если понадобится. Он достал катушку с лентой из верхней выдвижной секции старой железной картотеки. Отмотал примерно фут; лента отошла с характерным звуком.

– Хочешь, наклею тебе эту штуку? Я клеил ею боксеров в Чикаго. На ринге, знаешь?

– Пожалуйста, – сказал Райделл и, сморщившись, поднял руку с ушибленной стороны.

Фонтейн оторвал отмотанный кусок ленты и осмотрел ребра Райделла.

– Эта лента – мистическая, понятно? – Он резко, со щелчком, растянул ее руками, повернув темной, клеящей стороной к Райделлу.

– Почему это? – спросил Райделл.

– Потому что у нее есть темная сторона… – Фонтейн продемонстрировал, – и светлая сторона… – он показал серебристую тусклую изнанку, – и она не дает Вселенной распасться на части.

Райделл завопил было, когда лента приклеилась, но сдержался.

– Дыши, – сказал Фонтейн. – Рожать приходилось?

– Нет, – выдавил Райделл.

– Ну, – сказал Фонтейн, готовя следующий кусок, подлиннее, – ты должен сейчас подышать точно так, как приказывают бабам, когда у них схватки. Итак: выдыхай…

Процесс пошел быстрее, и, покончив с перевязкой, Фонтейн увидел, как Райделл застегивает пуговицы сразу обеими руками.

– Добрый вечер! – внезапно сказал профессор; Фонтейн обернулся, не выпуская катушки, и увидел, что мальчик уже не спит – сидит, широко распахнув свои карие невидящие глаза, и таращится на человека в серо-зеленом пальто. – Хорошо выглядишь. Твой дом здесь?

Что-то шевельнулось в глубине глаз мальчика, посмотрело и втянулось обратно.

– Вы что, знакомы? – спросил Фонтейн.

– Мы встретились вчера вечером, – ответил профессор. – Здесь, на мосту.

– Минуточку, – сказал Фонтейн. – Так часы у него от вас?

Профессор обернулся и без выражения молча уставился на Фонтейна.

Фонтейна кольнула совесть.

– Все в порядке, – сказал он. – Я их просто берегу, чтобы не сломались.

– Понятно.

– Это чудесные часы, – сказал Фонтейн. – Откуда они у вас?

– Из Сингапура.

Фонтейн перевел взгляд с продолговатого лица человека, который, скорее всего, отнюдь не был профессором музыки, на ничего не выражающее лицо мальчишки.

– Я вижу, вы прячете пистолет в кармане, – сказал человек.

– Я просто рад вас видеть, – сказал Фонтейн, но никто не засмеялся[137].

– Какой калибр?

– Двадцать второй.

– Длина ствола?

– Четыре дюйма. На прицельную стрельбу не рассчитан, – сказал Фонтейн, – но для четырехдюймового ствола бьет вполне точно.

От такого допроса он сильно занервничал, хотелось почувствовать пистолет в руке, и в то же время ему было ясно, что, если он дотронется до оружия, что-то непременно случится. Непременно.

– Дайте его мне, – сказал незнакомец.

– С какой такой радости?

– Этой ночью неустановленное число вооруженных людей разыскивают мистера Райделла. Они хотели бы поймать его

живым и допросить, но, несомненно, убьют его, если он попытается скрыться. Они убьют всех, кто окажется рядом с ним. Чисто аккуратности ради. Понимаете?

– А кто они?

– «Талантливая молодежь», – сказал незнакомец.

– Что?

– Они – наемные убийцы, которым платит некто, считающий, что мистер Райделл работает на конкурента, то есть на врага.

Фонтейн уставился на него:

– Зачем вам мой пистолет?

– Чтобы уложить как можно больше этих людей.

– Я не знаю, кто вы, – сказал Фонтейн.

– Верно, – сказал «профессор», – не знаете.

– Дурдом… – Фонтейн посмотрел на Шеветту. – Ты его знаешь?

– Нет, – сказала Шеветта.

– А ты, Райделл? Ты его знаешь?

Райделл перевел взгляд с Фонтейна на мужчину с танто, снова на Фонтейна.

– Нет, – сказал Райделл, – но…

– Что «но»?

– Я бы отдал ему пистолет.

– Почему?

– Не знаю, – ответил Райделл изменившимся голосом, – просто знаю, что я бы отдал.

– Дурдом!.. – повторил Фонтейн, внезапно охрипнув. – Ну и ну, Шеветта! Зачем ты сюда пришла? Привела ко мне этих людей…

– Райделл не мог идти быстро, – сказала она. – Мне очень жаль, Фонтейн. Нам нужна была помощь.

– Мать твою, – сказал Фонтейн и вытащил из штанов «смит-и-вессон»; вороненая сталь нагрелась от тепла его тела. Отщелкнул барабан и высыпал пять патронов на ладонь. Хрупкие латунные штучки с карандаш толщиной, на конце каждой – покрытый медью, безукоризненно отштампованный, полый шарик свинцового сплава. – Вот эта штука, о'кей? Все мои боеприпасы. – Он протянул револьвер незнакомцу, направив ствол в потолок и не закрыв барабан, потом отдал патроны.

– Благодарю вас, – отозвался тот. – Можно зарядить его прямо сейчас?

– Джентльмены, – сказал Фонтейн, чувствуя какую-то непонятную слабость, – можете запускать свои долбаные моторы.

– Я советую, – сказал мужчина, вставляя патроны один за другим, – запереть дверь, когда я уйду, и спрятаться подальше от

окон и двери. Если эти молодчики узнают, что вы здесь, они постараются всех вас убрать. – Он защелкнул барабан и прицелился в стену.

– Механизм одинарного действия, – сказал Фонтейн. – Сносит немного влево. Приходится корректировать.

– Благодарю вас, – снова сказал незнакомец и вышел, закрыв за собой дверь.

Фонтейн посмотрел на Райделла и увидел, что глаза того предательски блестят.

56
Комбинатская штука

– Мистер Фонтейн, – сказал Райделл, – у вас не найдется еще какой-нибудь пушки?

Все трое сидели рядом на полу, привалившись к стенке, выходившей в сторону Окленда, в задней комнате тесной фонтейновской лавки. Между Райделлом и Фонтейном стоял вещмешок с проектором. Мальчик, недавно спавший здесь на полу, сидел на узкой койке Фонтейна у противоположной стены и щелкал по клавишам ноутбука, что-то искал; на голове у него был старый здоровенный видеошлем военного образца, отчего он казался роботом, – впрочем, виднелась нижняя половина лица с приоткрытым ртом. Все лампы были погашены, так что во тьме пульсировало сияние пикселей, просачиваясь из-под шлема, когда мальчик вызывал очередную страницу.

– Я не торгую огнестрелом, – сказал чернокожий. – Антикварные часы, ножи известных марок, военные игрушки…

«Хватит с меня ножей», – подумалось Райделлу.

– Мне просто не нравится сидеть тут и ждать.

– Никому не нравится, – раздался голос Шеветты. Она прижимала к глазу мокрую тряпку.

На самом деле Райделлу не нравилось сидеть главным образом потому, что он не был уверен, сможет ли встать. Его бок, заклеенный эластичной лентой, болел теперь не так сильно, но Райделл знал, что тот наверняка затечет. Он уже собирался попросить у Фонтейна какой-нибудь нож, когда тот сказал:

– Ну…

– Что «ну»? – спросил Райделл.

– Ну, – сказал Фонтейн, – эта штука на самом деле не входит в мой ассортимент, понимаешь?

– Какая штука?

– У меня есть адвокат, он из Африканского Союза, сечешь? Политический беженец.

– Да ну?

– Ну да, – сказал Фонтейн, – сам ведь знаешь, как оно бывает, когда люди выбираются из подобных ситуаций, все эти этнические чистки и прочее говно…

– И что?

– Ну, понимаешь, им надо чувствовать, что у них есть защита, а то мало ли чего…

Райделлу стало интересно.

– В общем, – продолжал Фонтейн, – они предпочитают перестраховаться. И мой адвокат Марциал, он вот точно такой. На самом деле он с этим борется, понимаешь? Ходит к психотерапевту и все такое… пытается научиться ходить по улицам без пистолета и при этом не бояться, что его в любой момент могут пристрелить враги из другого племени, сечешь? Типа, это Америка, да?

– Думаю, что в Америке по сей день любого могут пристрелить враги из другого племени, мистер Фонтейн.

– Это правда, – сказал Фонтейн, заелозив задницей, – но у Марциала все равно этот… как его, посттравматический синдром, да?

– И вы помогаете ему решать проблемы с психикой? Помогаете тем, что храните его оружие у себя, мистер Фонтейн? Вещь, которую он не хотел бы держать в своем собственном доме?

Фонтейн посмотрел на Райделла. Закусил губу. Кивнул.

– И где эта штука?

– Она в стене, у нас за спиной.

Райделл уставился на кусок стены между собой и Фонтейном.

– Это фанера?

– В основном да, – сказал Фонтейн, развернувшись. – Видишь, вот тут? Это как бы заплатка, гипсовый наполнитель. Мы сколотили ящик, вставили внутрь, заштукатурили и закрасили.

– Думаю, эту штуку легко обнаружить металлоискателем. – Райделл припомнил, как его обучали искать подобные тайники.

– Не думаю, что в ней много металла, – сказал Фонтейн. – Уж точно не в системе доставки.

– Можно на нее посмотреть?

– Ну, – сказал Фонтейн, – если мы ее достанем, я попал.

– Нет, – сказал Райделл, – я попал.

Фонтейн вытащил откуда-то маленький складной нож с костяной ручкой. Раскрыл и стал осторожно тыкать в стену.

– Можно взять нож побольше, – посоветовал Райделл.

– Тсс! – прошептал Фонтейн.

Райделлу оставалось только смотреть, как под ножом появляется темное колечко диаметром в аккурат для того, чтобы носить на пальце. Фонтейн поддел его и вытащил из затвердевшего гипса, но, по всей видимости, оно к чему-то крепилось.

– Дерни за него.

Райделл просунул сквозь кольцо средний палец, слегка потянул. Держится прочно.

– Давай, – сказал Фонтейн, – посильнее.

Штукатурка треснула, посыпалась, и тонкая стальная

проволока, припаянная к кольцу, пошла по периметру заплаты в стене, прорезая ее, как засохший сыр. Шероховатый, в дюйм толщиной квадрат отвалился под рукой Райделла. Фонтейн стал вытаскивать что-то из открывшейся квадратной ниши. Какой-то предмет, завернутый вроде в старую зеленую рубашку.

Райделл смотрел, как Фонтейн осторожно разворачивает зеленую тряпку, из которой появилось небольшое увесистое нечто, похожее одновременно на пакет из-под молока (времен детства Райделла) и электродрель. Оно было шинельного, блекло-оливкового цвета и если вправду являлось огнестрельным оружием, то самым нелепым и неуклюжим из всех, какие только встречались Райделлу. Фонтейн взял эту штуковину, направив косо вверх, в потолок. На другом ее конце была неудобная с виду пистолетная рукоятка, а дюймах в шести перед ней – какая-то рифленая насадка, вроде ручки от швабры.

– Что это? – спросил Райделл.

– Чейн-ган, – ответил Фонтейн. – Одноразовый. Не перезарядишь. Корпуса, считай, нет: эта длинная квадратная штука – и патроны, и ствол, два в одном. Никаких подвижных деталей: запал электрический. Вот тут, где должна быть гашетка, две кнопки – направил куда тебе надо и жмешь на обе одновременно. Четыре выстрела. Четыре заряда.

– А почему чейн-ган?

– Марциал говорит, что это, скорее, граната направленного действия, понимаешь? Или вроде как портативная осколочная мина. Главное, как он сказал, – не пользоваться в закрытых помещениях и палить исключительно в тех, кого не жалко разнести в бога душу мать.

– И где же «цепная» часть?[138]

Фонтейн вытянул свободную руку и легонько стукнул указательным пальцем по толстому квадратному стволу.

– Здесь, внутри. В эту штуковину набито четыреста двухфутовых обрезков тоненькой стальной цепочки, острой как бритва.

Райделл взвесил в руках нелепый предмет, взяв его за обе рукоятки и оттопырив пальцы, чтобы случайно не нажать на кнопки.

– И эта штука…

– …сделает из тебя котлету, – закончил Фонтейн.

– Я слышала выстрел, – сказала Шеветта, убрав с глаза мокрую тряпку.

– Ничего не слышал, – сказал Райделл.

– А я слышала, – сказал Шеветта. – Всего один.

– Двадцать второй же калибр, – заметил Фонтейн, – почти и

не слышно.

– Я не могу больше тут сидеть, – заявила Шеветта.

На этот раз и Райделлу послышался выстрел. Просто хлопок. Короткий, отчетливый.

– Знаете что, ребята, – сказал он, – пойду-ка я посмотрю, что к чему.

Шеветта наклонилась к нему – один глаз заплыл, темно-лиловый, распухший, почти закрылся, второй – серый, одновременно испуганный и гневный.

– Это не телевизор, понял? Знаешь, в чем разница? Это не серия чего-то там. Это жизнь. Твоя жизнь. И моя. И его, – она показала на Фонтейна, – его тоже, – она показала на мальчика в шлеме. – Почему ты не можешь просто посидеть?

Райделл покраснел, почувствовал, как у него горят уши.

– Я не могу просто сидеть и ждать, когда…

– Да знаю я, – сказала Шеветта. – Чего от тебя еще ждать-то.

Райделл протянул Фонтейну чейн-ган и встал на ноги; его бок затек, но не так страшно, как он боялся. Фонтейн вернул ему пушку.

– Засовы на входной двери как отпереть?

– Никак, – ответил Фонтейн. – Я их не запирал.

Райделл вышел из-за невысокой перегородки, скрывавшей их от застекленной двери и окон.

И сразу же кто-то, сидевший в засаде напротив, выдал очередь из какого-то автомата с таким эффектным глушителем, что был слышен лишь шум отлаженного механизма и стрекотанье пуль. Оба фонтейновских окна мгновенно обрушились – как и стекло в двери.

Райделл обнаружил, что лежит на полу; он не мог вспомнить, как там оказался. Стрельба по ту сторону улицы враз смолкла.

Райделл вспомнил, как падал в подвальном тире Ноксвиллской академии, вынимал рожок из штурмовой винтовки буллпап, доставал другой рожок и вгонял на место. Вспомнил, сколько секунд уходит на это точное количество необходимых движений.

В его ушах отдавался высокий, тонкий, прерывистый звук, и тут он понял, что это плачет Шеветта.

Он вскочил и выставил комбинатскую картонку фонтейновского адвоката сквозь дырку в двери, где только что было стекло.

Одна из двух кнопок, сказал он себе, это предохранитель. Нажал другую.

Улица заполняется огнем. Отдача была столь сильной, что Райделл чуть не сломал себе запястье; но, похоже, больше никто,

решительно никто ничего там уже не перезаряжал.

Там, напротив.

57
Центр

На следующий день, прибираясь, Фонтейн обнаружит на полу в задней комнате дырявую картонную коробку крупной мексиканской соли.

Он поднимет ее – непривычно тяжелую – и станет вытряхивать соль на ладонь, пока не вывалится распустившийся экзотический цветок пули с полой головкой, пули, которая пробила фанерную перегородку и врезалась в центр этой круглой коробочки, стоявшей на полке. Кинетическая энергия перешла в тепловую, но теперь пуля была холодной, похожей на растопорщенное золотистое зернышко попкорна. Вот так распустившись, ей и полагалось кромсать человеческую плоть.

Фонтейн положит ее на полку рядом с оловянным солдатиком – еще одним выжившим в войне.

Но это будет завтра, а сейчас он мог лишь двигаться, словно в дреме, в этой окружающей тишине, вязкой, как глицерин, и все вытеснило воспоминание о том, как однажды отец, несмотря на безумный страх матери, вывел Фонтейна во двор за их домиком в прибрежной Виргинии, чтобы вместе очутиться в центре урагана.

Когда первая ярость шторма уже позади, не движется ничто. Птицы молчат. Каждая ветка на облетевших деревьях отчетливо видна и исполнена покоя. Но самым краем сознания, пожалуй, можно заметить вдалеке некое вращение. Что-то инфразвуковое, что-то, что только чувствуешь, но не слышишь. Что-то, что снова вернется. Вне всяких сомнений.

Вот и сейчас он чувствует что-то подобное. Он видит, что руки мальчика застыли, дрожа, над клавишами ноутбука, голова по-прежнему в этом старом военном шлеме. На мгновение Фонтейну кажется, будто мальчик ранен, – но крови не видно, он просто напуган.

Пушки созданы, чтобы стрелять, Фонтейн это знает, и Райделл только что доказал это, выстрелив из марциаловской пушки, этой безобразной русской штуковины, зловещего комбинатского трофея, пришедшего через Африку напоминанием о войнах неизбывной тупости, этнических конфликтах, тлеющих не одно столетие, как безвоздушные пожары в недрах торфяных болот. Пушка для тех, кто неспособен научиться стрелять.

Он дышит вонючей гарью, в горле резкий химический привкус. Хруст битого стекла под каблуками. Райделл стоит у двери, громоздкий чейн-ган тянет вниз его руку, словно пистолет

дуэлянта. Фонтейн становится рядом с ним, смотрит на бывшую проезжую часть, теперь узкую и перекрытую, будто разглядывает декорации, а может, диораму, – и снаружи там все залито красным. Хотя глубже, в тени, наверняка найдутся и более вещественные доказательства случившегося – ошметки костей и плоти и тот автомат с глушителем.

– Шеветта, – зовет ее Райделл, будто внезапно вспомнив, что она здесь, и, хромая, хрустя битым стеклом, идет ее искать.

Фонтейн моргает, глядя на блестящее красное пятно, в которое кто-то так стремительно превратился, и замечает краем глаза некое движение – там, высоко. Что-то серебряное.

Он испуганно пятится, но это всего лишь воздушный шар, сплющенная подушка из надутого майлара с маленькими пропеллерами в сетчатых кожухах и видеокамерой. Шар спускается вдоль фасада его лавки; затем пропеллеры начинают вертеться в обратную сторону, шар останавливается, плавно вращаясь, объектив направлен на Фонтейна.

Фонтейн смотрит вверх на странную штуковину со страхом: вдруг она тоже угрожает смертью, но та просто висит себе в воздухе, будто наблюдает за ним. Он отворачивается и оглядывает разгромленную лавку. Битое стекло – наиболее очевидное свидетельство ущерба, пулевые отверстия заметны меньше. Два из них, впрочем, образовались в круглой эмалевой эмблеме «кока-колы», которая раньше считалась сохранившейся на восемьдесят процентов, а теперь по состоянию сойдет в лучшем случае за «очень хорошую».

Больше всего его волнует витрина, хотя он боится того, что́ увидит, когда подойдет: часы, засыпанные стеклянным крошевом, будто рыбы в разбитом аквариуме. Выудив оттуда изогнутые «Грюн Кёрвекс» за ремешок, имитирующий крокодиловую кожу, Фонтейн обнаруживает, что они не тикают. Он вздыхает. Кларисса давно зудела, что надо бы купить несгораемый шкаф и запирать в нем на ночь самые ценные экземпляры. Если бы он послушался, все часы тикали бы по-прежнему. Стоп: эти вот тикают – хронометр «Докса» со слегка заржавленным циферблатом, его любимая вещь, стабильно игнорируемая покупателями. Фонтейн подносит его к самому уху и слышит работу механизма, собранного за много лет до его рождения.

Но вот он замечает то, от чего Кларисса разозлится еще больше: ее младенцы, «близняшки», валяются кучей, напоминая фото нераскрытого зверского преступления из бульварной газеты, их лопнувшие головы и туловища сочатся силиконом (это жидкость, которая ведет себя как твердое тело, а может, наоборот, – Фонтейн никак не запомнит). Ни одна из кукол не

уцелела, и, наклонившись, чтобы их рассмотреть, он вдруг слышит лепет: механизм воспроизводит один и тот же слог, неразборчивый слог непонятно на каком языке, японском или английском. Это зрелище поражает Фонтейна настолько, что на память сразу приходят воспоминания детства: сквозь полицейский кордон видны развалины гарлемского кинотеатра; пожар, уничтоживший здание, пощадил витрину с конфетами, хотя внутри в ней все расплавилось, растеклось и затвердело карамельной лавой. Но вонь пожарища не смогла окончательно перебить сладкий аромат. Чего не скажешь об этом силиконе.

До Фонтейна доносятся громкие голоса Шеветты и Райделла, похоже, они о чем-то спорят. Фонтейну хочется, чтобы они замолчали.

Он – в центре урагана и хочет это ощутить.

58
Маленькое синее отверстие

Крупным планом, снятым с руки, Лейни видит маленькое синее отверстие около глаза этого мертвеца – оно похоже на радикальный эксперимент с тушью для ресниц. Входное отверстие от пули совсем крошечное.

– Обратите внимание на отсутствие пороховых ожогов, – говорит владелец камеры. – Выстрел произведен с расстояния.

– Зачем вы мне это показываете? – спрашивает Харвуд, он представлен только своим голосом.

Камера отъезжает, общий план покойника – блондин в черной кожаной куртке, привалившийся к какой-то вертикальной поверхности с разводами аэрозольной эмали. Он выглядит удивленным и слегка косоглазым. Камера отъезжает еще раз: виден второй труп – в черном бронежилете, ничком лежит на мостовой.

– По пуле на брата. Мы не ждали, что у него будет пистолет.

– На мосту не больно-то соблюдают закон об обращении огнестрельного оружия.

Человек разворачивает камеру на себя, камера берет лицо снизу, от пояса.

– Я просто хотел напомнить, что я вас предупреждал.

– Если он выйдет оттуда живым, у вашей фирмы будут проблемы посерьезнее, чем просто нарушение отдельных пунктов договора. Вы подписали соглашение о том, что позаботитесь обо всем, припоминаете?

– А вы дали обещание следовать нашим советам.

– Я к ним прислушался.

– Я взялся за дело с командой из пяти человек. Теперь двое из них мертвы, с тремя другими нет связи, и я только что слышал что-то похожее на взрыв. Здешний социум нестабилен по самой своей природе, какой-то вооруженный муравейник. Эти люди возбуждаются от малейшей искры, над ними нет никакой власти. Легко может вспыхнуть бунт, и тогда бесполезно будет даже пытаться устранить этого вашего кадра или пытаться поймать Райделла.

– Вы хотели сказать «снова поймать Райделла».

– У меня есть еще один, последний совет. – Человек слегка поднимает камеру, лицо во весь экран, на треть обернутое черным шарфом.

– Слушаю.

– Сжечь.

– Что?

– Мост. Легко загорится.

– Но вы потеряете время на подготовку.

– Все уже подготовлено. – Человек направляет камеру на небольшой пульт дистанционного управления, который он держит в другой руке. – Мы заранее установили радиоуправляемое устройство. Мы всегда готовы к непредвиденным ситуациям.

– Но разве наша парочка не сбежит, воспользовавшись суматохой? В конце концов, вы сами сказали, что опасаетесь бунта…

– Никто отсюда не сбежит… Мост загорится с обоих концов – от Брайант-стрит до Острова Сокровищ.

– А вы как собираетесь спасаться?

– Все предусмотрено.

Харвуд молчит.

– Ну что ж, – говорит он наконец, – полагаю, вам следует попробовать.

Человек нажимает кнопку на пульте.

Лейни в панике выскакивает из ранее всплывшего окошка, ищет Ливию и Пако.

Проектор все еще там, все еще на мосту. Лейни по-прежнему не понимает, для чего предназначен этот предмет, но Рэй Тоэй должна быть в центре событий.

И он понимает, что Харвуд знает, а может, просто чувствует это и делает все – уже сделал, – чтобы этому помешать.

Он срывает с головы шлем и шарит в темноте, нащупывая телефон.

59
Птицы горят

Шеветта сидела, уставившись на отверстия в фанерной перегородке между лавкой и подсобкой. От каждой дырки расходилось по паре длинных выщербин. Она мысленно проследила пулевые траектории.

До сих пор не верилось, что ее не зацепило, и она все никак не могла унять дрожь, крепко стискивая зубы, чтобы не стучали. Вдобавок у нее началась икота, и свое смущение она вымещала на Райделле, одновременно чувствуя себя виноватой – потому что он, судя по всему, тоже был в шоке.

Она смутно осознавала, что к двери подходят какие-то люди и заглядывают внутрь, но, видя Райделла с чейн-ганом, исчезают. Это «мостовые», а они всегда так себя вели. Если бы Райделл был безоружен, они бы спросили, все ли в порядке, не надо ли помочь, ну а так предпочитали, по выражению Скиннера, «не лезть в чужой огород».

Шеветта раздвоилась; одна ее часть ругалась с Райделлом из-за того, что он снова втянул ее в какое-то дерьмо, вторая – не уставала изумляться, что осталась жива в такой передряге.

Что-то загудело в кармане Райделла, он вытащил темные очки, черная оправа с дешевой хромированной отделкой, и нацепил их на нос.

– Алло? – сказал Райделл. – Лейни?

Она не заметила, как мужчина, уговоривший Фонтейна отдать пистолет, открыл дверь – раздался скрежет стекла – и вошел в лавку; выглядел он точно так же, как и когда уходил, вот только теперь у него на щеке была длинная свежая ссадина с капельками крови. Он достал из кармана плоский маленький револьвер и протянул Фонтейну, держа оружие за ту штуку, в которую суют пули, стволом в сторону.

– Благодарю вас, – сказал мужчина.

Фонтейн поднес пушку к носу, понюхал и вопросительно поднял брови.

– Я отрегулировал снос, – сказал мужчина (что бы это ни значило). – Компенсировать больше не нужно.

Фонтейн со щелчком открыл штуку для пуль и высыпал на ладонь пять пустых латунных гильз. Посмотрел на них, поднял взгляд на мужчину.

– Как успехи?

– Трое, – сказал тот.

– Да, кажется, есть, – говорил тем временем Райделл. – Тут один парнишка на нем работает. Подключить кабель? Хочешь с ней поговорить, Лейни? Она мне сказала, вы много общались…

Смешной у Райделла вид: стоит и болтает будто сам с собой, одна рука поднята, держит очки, другая опущена, держит чейнган. Сунул бы он его уже куда-нибудь, что ли, хоть обратно в тайник, хоть куда еще.

– Райделл, хватит, – сказала она, но внезапно увидела «Маленькую Игрушку Бога» – парит под потолком и глядит на нее. – Тесса? Тесса, ты меня слышишь?

Пронзительный визг статического электричества; так пытаются говорить попугаи.

– Тесса?

– Прошу прощения, – сказал мужчина в длиннополом пальто. – Люди, которые на вас напали, поддерживают связь по нескольким каналам. Я включил излучатель помех на этих частотах. – Он посмотрел на «Маленькую Игрушку Бога». – Контрольные механизмы этого устройства не повреждены, но звуковая связь в данный момент невозможна.

– Тесса! – Шеветта яростно замахала воздушному шару, но тот лишь таращился на нее своим главным объективом.

– Что значит «поджигают»? – говорил Райделл. – Сейчас? Прямо сейчас?! – Райделл стянул очки с носа. – Они поджигают мост.

– Что-о?! – Она вспомнила предостережения Скиннера и то, как осторожно люди на мосту пользовались газом и спичками; бросишь на землю окурок – здравствуй, сломанный нос.

Райделл снова надел темные очки.

– Говоришь, чтобы мы бежали, я не ослышался? Что значит «оставь там»? Черт возьми, Лейни? Алло? – Райделл снял очки, руки дрожат от потрясения. – Слушайте все сюда. Уходим, быстро. Лейни утверждает, что мост подожгли.

Райделл наклонился, морщась от боли, развязал вещмешок и достал оттуда странную серебряную штуку. Она блеснула в льющемся снаружи свете. Будто большой стальной термос. Райделл вытянул из вещмешка какие-то свернутые кольцом кабели и бросил один Шеветте:

– Найди розетку.

Со вторым кабелем он подошел к мальчику в старом военном шлеме.

– Эй, парень! Придется одолжить у тебя ноутбук. Слышишь меня?

Шлем приподнялся, и, казалось, на Райделла уставился гигантский термит. Райделл взял ноутбук, выдернул провод,

подключенный к шлему. Шеветта увидела, что парень закрыл рот. На экране ноутбука красовался циферблат настенных часов. Нет, подумала Шеветта, это, наверно, какие-то старые карманные часы, увеличенные до размеров детской головки.

Райделл близко поднес к глазам концы кабеля, внимательно разглядел, выбрал один и попробовал воткнуть в гнездо на задней панели ноутбука, потом в другое. Подошло. Шеветта нашла розетку, косо торчащую из стены. Подключила кабель и протянула второй конец Райделлу, который втыкал кабель от ноутбука в серебристый «термос». Райделл воткнул оба кабеля в спаренное гнездо. Ей послышалось, будто термос начал гудеть.

И между Шеветтой и Райделлом возникла девушка, бледная и худая, тело ее светилось, на миг она показалась голой. Но тут же явилась в скиннеровской куртке из потертой конской кожи, черные джинсы, черная водолазка, кроссовки с ребристой подошвой. Все гораздо более новое и стильное, чем одежда Шеветты, но, в общем, очень похоже.

– Меня зовут Рэй Тоэй, – сказала девушка. – Берри Райделл, вам нужно немедленно покинуть мост. Он горит.

– Вы сказали, что знаете мое имя, – сказал мужчина в пальто; в излучаемом Рэй Тоэй сиянии длинная тонкая ссадина на его щеке стала черной. – Там, в баре.

– Вас зовут Конрад, – сказала она. – Первая буква «кей», не «си».

Тот удивленно поднял брови над золотой оправой круглых очков.

– И откуда вам это известно?

– Мне известно многое, Конрад. – И с этими словами на несколько секунд превратилась в другую девушку, голубоглазую блондинку, радужки окаймлены черным ореолом.

Мужчина застыл, будто изваяние из невероятно плотного дерева, тяжелое, инертное, и Шеветта почему-то вспомнила, как в лучах солнца, пронизывающих старый музей, плывут пылинки, – когда-то она это видела, вот только не помнила, где и когда.

– Лиза, – сказал мужчина; имя будто всплыло из мучительной глубины. – Вчера мне почудилось на Маркет-стрит, что вижу ее.

– Очень многое возможно, Конрад.

Райделл тем временем достал из вещмешка розовый кенгурятник и стал застегивать его вокруг пояса. Спереди на кенгурятнике красовался ухмыляющийся мультяшный дракон. Шеветта уставилась на дракона, а Райделл расстегнул молнию, извлек скатанный розовый нагрудник, развернул его и защелкнул вокруг шеи. Нагрудник гордо сообщал: «Служба безопасности „Счастливого дракона“» – черными рублеными буквами.

– Что это за штука? – спросила Шеветта.

– Типа бронежилет, – ответил Райделл и повернулся к светящейся девушке. – Лейни говорит, что я должен оставить проектор на мосту. Выходит, мы вас бросим…

– Этого я и хочу, – сказала она. – Мы собираемся проникнуть в суть харвудовского замысла. Помешать ему. И изменить все. – Она улыбнулась Райделлу, и Шеветта почувствовала укол ревности.

Но тут же услышала приближающийся шум, рев и вой надрывающихся электромоторов. Раздался грохот металла, и Фонтейн отпрыгнул от двери. Трехколесный вездеход, лязгнув, остановился снаружи; Тесса сидела позади мальчишки с круглой, словно луна, физиономией, в черной сетчатой кепочке, надетой задом наперед, и черной футболке. На Тессе были видеоочки, на обеих руках красовались контрольные перчатки. Она стянула очки и откинула волосы со лба.

– Шеветта, быстро!

– Слезь-ка с трайка, дорогуша, – сказал круглолицый мальчишка. – Тут хрен развернешься.

Тесса спрыгнула с трицикла и вошла в лавку, глядя вверх на «Маленькую Игрушку Бога».

– Звук почему-то не проходит, – сказала она.

Мальчишка переключил один из электромоторов на втулках задних колес на обратный ход. Трицикл, накренясь, подался назад и снова вперед, развернувшись в сторону Сан-Франциско.

– Скорее, дорогуша! – сказал мальчишка.

– Две камеры снимают пожар, – сказала Тесса. – Эта халабуда горит.

– Пора сваливать. – Райделл положил руку на плечо Шеветты. – Мистер Фонтейн, не желаете прокатиться на этой штуке с Шеветтой?

– Никуда я не собираюсь, сынок, – ответил Фонтейн.

– На мосту пожар, мистер Фонтейн.

– Я здесь живу.

– Райделл, пошли, – сказала Шеветта, схватив его за брючный ремень.

Тесса залезла обратно на сиденье позади водителя в сетчатой кепочке и снова надела видеоочки.

– Господи Исусе, – сказала Тесса. – Глазам не верю! Вот это ракурсы!

Шеветта вытащила Райделла за дверь и уселась на трицикл боком, оставив место для Райделла.

– Стойте, – сказал Райделл. – Мы не можем просто так их оставить…

– «Мы»? Приятель, ты никуда не едешь… – Но тут круглолицый мальчишка заметил чейн-ган и заткнулся.

– Езжайте, – сказал Фонтейн. Он стоял в дверях, приобняв за плечи мальчика, сидевшего недавно в шлеме, глаза парнишки смотрели на Райделла с равнодушием зверька. – Езжайте. У нас все будет в порядке.

– Мне очень жаль, – сказал Райделл. – Жаль, что так вышло с лавкой…

– Задницу твою будет жаль, если ты сейчас не уедешь.

Шеветта услышала, как со стороны Сан-Франциско завопила какая-то женщина, и изо всех сил дернула Райделла за ремень, так, что от ширинки его штанов отлетела пуговица. Он устроился напротив Шеветты, одной рукой держась за сиденье, другой стискивая чейн-ган.

Последнее, что видела Шеветта, это была светящаяся девушка, которая говорила что-то человеку по имени Конрад. Потом взревели электромоторы, и трицикл рванул в сторону города.

– До свидания, Фонтейн! – прокричала Шеветта, но вряд ли он ее услышал.

Ей вспомнилась ночь, когда горела роща в холмах над кондоминиумом, вспомнилось, как в темных кустах вокруг дома проснулись птицы, чуя огонь. Их пронзительные голоса.

Сейчас, сквозь чересполосицу фанерных навесов над головой, она чувствует утробный рокот большого пожара.

60
Крысы всё знают

Фонтейн понимает, что мост и вправду горит, когда, выглянув наружу, видит крысу, бегущую в сторону Окленда. Потом вторую. И третью. Крысы всё знают, а мостовые крысы считаются самыми знающими, – да и как может быть иначе, когда на них постоянно охотятся дикие мостовые коты и многочисленные не менее дикие дети, вооруженные рогатками из авиационного алюминия и медицинских резиновых трубок. Эти мостовые рогатки убийственны не только для крыс; стреляют из них шариками плотной влажной глины – военная хитрость, пришедшая из Средневековья и актуальности не утратившая.

Фонтейн смотрит, как мимо несутся крысы, и тяжко вздыхает. В лавке у него где-то спрятан пожарный топор, трофей с буксира, затонувшего в 2003 году в Чайна-Бейсин, а также огнетушитель, но едва ли от них будет какой-нибудь толк, хотя прорубить топором в стене дыру и спрыгнуть прямо в бухту – это тоже вариант. Интересно, вправду ли там полно акул, как думают здешние дети. Он доподлинно знает, что в бухте водятся рыбы, мутировавшие, по слухам, из-за оксидов, которые образуются от реакции соленой воды с железными пирсами у опорных башен.

Но Фонтейн пережил многочисленные катастрофы – и общественные и личные, – и в нем теперь живет вера, что все в конце концов будет хорошо, как бы все ни казалось безнадежно. Да и с некоторыми вещами просто ничего не поделаешь, по крайней мере Фонтейну.

И вместо того чтобы спешно рыться в шкафу, куда, как смутно помнит, он засунул тот пожарный топор, Фонтейн берет швабру и начинает прибираться в лавке, стараясь смести как можно больше стекла в одну кучу. Стекло, размышляет он, – из тех странных субстанций, которые занимают относительно мало места, пока не разобьются. Но в то же время, вспоминает он чей-то рассказ, стекло – это жидкость, если рассматривать его на огромных временных отрезках, поистине космических. Любое стекло в любой раме, в любом окне бесконечно медленно тает, оседает, расползается, вот только едва ли хоть одно окно переживет тысячелетия, необходимые для превращения в твердую лужу.

Тем временем к бегущим крысам присоединяются люди – толпа самая разношерстная, как иначе, на мосту-то. Фонтейн только надеется, что Кларисса и дети в безопасности; он им

звонил, но никто не брал трубку, а оставлять сообщение было довольно бессмысленно, учитывая обстоятельства.

Он оглядывается и видит, что голографическая подружка Райделла стоит на коленях у койки, говорит что-то мальчику. Рядом с тем сидит профессор, позаимствовавший у Фонтейна «кит-ган». Фонтейн поражен: они кажутся одной семьей, может и неправдоподобной, но не лишенной тепла. Фонтейн достаточно долго живет на свете и повидал технический прогресс в разных видах, так что вопросом, кто такая эта девушка или что она такое, не мучается: она похожа на компьютерную игрушку, которая будто вышла из компьютера и сидит у вас в комнате, и найдутся люди, думает он, которым это очень понравится.

Он натыкается на загубленных кукол-близняшек, лежащих в силиконовой пене. Теперь молчат все. Он сметает их в одну кучу с осколками, но выглядит это совершенно жутко. И тогда, отставив швабру, он поднимает одного из младенцев за безжизненную руку. Выносит маленького кукольного японца наружу, кладет на спинку перед лавкой. Потом всех по очереди, и когда он кладет последнего, мимо лавки тяжелой увалистой походкой тащится грузная тетка с тюком вроде как мокрого белья. Она видит, что делает Фонтейн, и начинает кричать. И кричит, пока не скрывается с глаз, и ее все еще слышно, когда Фонтейн возвращается в лавку, думая о Турмалине, своей первой жене.

В воздухе уже дымно – пора, наверно, поискать топор.

61
«Футуроматика»

Форма, которую Лейни видит, когда смотрит на Харвуда, на идору, на Райделла, на всех остальных, до сих пор никогда не представлялась ему пространством, местом, где можно жить. Но теперь, когда его подгоняет новое неотложное дело (и сопровождает практически все население «Застенного города», действующее с синхронностью хорошо спевшегося хора), – теперь у него выходит и вправду очутиться там, в пространстве, координаты которого заданы переменчивыми факторами новорожденной узловой точки. Это место, где метафоры бессильны, дескриптивная черная дыра. Он ее ощущает, но описать не способен, ни себе, ни тем более кому-нибудь другому.

Все больше эта штука, эта поворотная точка истории похожа на ту Дыру, которую он предполагает в центре своей души: пустота, лишенная и света, и даже тьмы.

Мгновенно Лейни понимает, сам не зная как, что там же находится и Харвуд.

«Харвуд?»

«О, Колин Лейни! Вечер чудес! Не ждал, не ждал».

«Ты приказал сжечь мост?»

«А как насчет тайны частной жизни?»

«Ты пытаешься остановить ее, верно?»

«Полагаю, да, хотя и не знаю, что́ она пытается сделать. Она – развивающаяся система. Она не знает себя».

«А ты? Ты знаешь, чего ты хочешь?»

«Я хочу, чтобы нанотехнология пришла в мир, который сохранит хотя бы видимость сходства с тем миром, в котором я проснулся сегодня утром. Я хочу, чтобы мой мир преобразился, но не очень отличался от теперешнего. Я хочу и на елку влезть, и не ободраться. И мне кажется, я нашел способ это устроить. Хотя и у тебя есть свой вариант. Теперь мы должны спросить себя: в чем здесь ошибка?»

«Ты сам сделал свой выбор. Сам решил попробовать „пять эс-би“. В сиротском приюте мы добровольно участвовали в экспериментах, но понятия не имели о том, что нас ждет».

«А я решил попробовать „пять эс-би“, наблюдая за тобой, Лейни. За тобой и за девушкой по имени Дженнифер Мо, которая маниакально, с самыми убийственными планами, преследовала этого актеришку Кевина Берка. Она покончила с собой после того, как взяла его в заложники в медитационном центре штата

Айдахо».

Лейни знал историю Дженнифер Мо; эта история преследовала его с тех самых пор, когда он впервые прочел о ней, несколько лет назад, в документе с правительственным грифом «секретно».

«Почему сталкер-синдром не подействовал на тебя, Харвуд? Почему ты оказался нечувствительным?»

«Возможно, потому, что я слишком уж одержим самим собой, чтобы всерьез заинтересоваться кем-нибудь другим. Не жизнь, а лафа. Лучше этого – только точное знание будущего. Нет, даже не лучше: так у нас есть чуточка свободной воли, и только гляньте, насколько мы счастливее! Разве нет? А смотреть назад почти так же весело, как смотреть вперед, хотя в том направлении наш пресловутый цифровой суп довольно быстро теряет густоту: эта история с мужем мадам Кюри… все изменилось, но кто знает об этом? Я спрашиваю, Лейни, кто знает?»

«Только мы с тобой».

«Да, только мы двое».

«Все изменится снова. Сегодня ночью».

«Утром, если точнее. По тихоокеанскому времени очень рано. Конечно, все изменится, и я пришел сюда для того, чтобы все изменилось именно так, как хочу я».

«Мы собираемся сорвать твои планы».

«Конечно, такова конфигурация этой ночи, верно? Я и не ждал, что будет по-другому».

Теперь Лейни чувствует две вещи одновременно: холод физический и неотвратимый, который поднимается у него под сердцем, и незримое присутствие множества обитателей «Застенного города», замерших у него за спиной, словно глиняные солдаты, готовые вечно маршировать в императорской гробнице. Но эти солдаты двинутся, если Лейни прикажет им, и еще он чувствует присутствие Рэй Тоэй и понимает, что еще не все закончено.

«Она здесь, Лейни. Она попала в поток. Ты сделал это – ты и твои друзья. Но вам это не поможет, потому что я отправляюсь туда, где вы меня не найдете. Кратковременный отпуск. Пока все не кончится. Твои друзья не единственные, кто умеет исчезать без следа».

И с холодом, охватывающим его сердце, Лейни понимает, что это правда, что Харвуд уходит, выворачиваясь наизнанку, в информационную червоточину, подобную той, в которой существует «Застенный город».

И он тянется вниз (кажется, вниз, хотя здесь нет ни координат, ни направления), и вместе с ним тянется все

воинство, в поисках…

62
Лос-проэктос

Силенцио вспоминает огонь в ржавых жестянках во дворах лос-проэктос, люди стоят, сплевывают и греют руки. Плейбоя и Крысука он встретил около такого костра, и теперь в этой комнате тоже воняет жестянками. Силенцио страшно, и даже это существо, которое светится само по себе и говорит с ним на языке его мамы (только по-доброму), не может прогнать страх, и Силенцио хочет лишь вернуться к часам, к циферблатам, оценке состояния и ценам, в эту вселенную, которая сама отыскала его, в этот способ существования, вне которого – только страх.

Съежившись на кровати черного мужчины, с доброй феей, сияющей рядом, он чувствует еще больший страх, а черный мужчина забрался в шкаф и выкидывает наружу какие-то штуки, но Силенцио нужны только часы.

На границе его сознания притаились крылатые люди с собачьими клыками, их лица черней, чем лицо у черного мужчины с часами. Их лица черные, как та черная гадость, которую люди втирают в десны.

– Придвинь к нам проектор, – говорит фея мужчине, который остановил Плейбоя и Крысука. Силенцио замечает, что, обращаясь к тому, она делается другая – волосы гладкие, золотые, лицо какое-то чужое. – Принеси ноутбук. Осторожнее с кабелем.

Мужчина придвигает серебристую штуку, которая пугает Силенцио (теперь Силенцио боится всего), несет на кровать искатель часов, из которого тянется провод.

– Подключи шлем. Быстро!

Мужчина втыкает провод от шляпы в искатель часов и подает Силенцио шляпу. Внутри нее Силенцио близко видит картинки, на них – те же часы, что на экране искателя, и Силенцио чувствует облегчение, страх отступает далеко, к той границе, за которой люди с собачьими клыками. Он надвигает шляпу на глаза.

И оказывается в странном месте, где нет ни верха, ни низа, бесконечное пространство шире дворов лос-проэктос, такого он никогда не видел.

Но та, что светится, тоже здесь, и рядом с ней – еще кто-то, только менее четкий.

– Это мистер Лейни, – говорит она на языке, на котором говорила мать. – Ты должен помочь ему. Он ищет часы. Вот такие.

И в ее ладони Силенцио видит часы, которые были на экране искателя. Это «Лекультр Футуроматика», с черным циферблатом и автоматическим подзаводом, без головки. Силенцио знает их серийный номер, историю их хождения по торгам, номер лота на сегодняшнем аукционе.

– Кто-то украл их, – говорит она. – Ты должен идти за ними.

Силенцио переводит взгляд с прекрасного циферблата «Футуроматики» на прекрасное лицо женщины.

– Ты должен найти для мистера Лейни…

Часы исчезают, вместе с ними и она, и тот, другой, тоже. Они бросили Силенцио в этом пространстве, где только ширь, лишенная цвета и формы. Силенцио кажется, что сейчас он заплачет.

Где-то там, очень-очень далеко, он чувствует их, чувствует эти часы. Он узнаёт их, они все еще там, но кругом только эта бесконечность, эти серые поля света. Снова исчезли.

Нет. Есть же система: система из всех часов. Сходства. Различия. Слова. Кодировка. Ничто не теряется в этой системе, и «Футуроматика» выступает на первый план, будто всплывает из чистой воды. До часов подать рукой.

И снова исчезли. Пустота.

Но он хочет видеть их. И он снова входит в систему.

Он несется над серыми полями, ища только «Футуроматику», – вслед за часами…

63
Фуникулер

В Ноксвилле Райделл прошел курс по сдерживанию массовых беспорядков и поэтому кое-что знал – правда, чисто теоретически – о пожарах и прочих стихийных бедствиях, но к такой гонке готов не был: на полном газу, едва держась одной рукой за раму трицикла, через верхний уровень моста. Кепчатый Элмор, которого каким-то чудом припахала Шеветтина подружка, несся в сторону Брайант-стрит. До сих пор Райделл ни разу не видел здесь никакого транспорта, за исключением велосипедов, и ему пришло в голову, что в нормальных условиях они бы далеко не уехали.

Вот только условия сейчас были точно ненормальные, да и само это место нормальным никак не назовешь. Народ валил бурлящим потоком с верхних ярусов этой коммуны сквоттеров, как муравьи бегут из развороченного муравейника, но Райделла поразила общая невозмутимость. В каком-то смысле эти люди не были обыкновенными гражданами – скорее, закаленными борцами за выживание, привыкшими жить среди себе подобных, полагаясь только на себя. Вероятно, некоторые из них кричали, а кое-кто, может быть, бежал не в ту сторону или в панике по кругу, – но этого было не разобрать, мчась на ходящем ходуном трицикле. Райделл явственно ощущал их решительность; они поняли, что мост горит, и потому решили, что надо сваливать. Большинство, кажется, что-то тащили. Некоторые тащили на себе детей, но чаще домашнюю утварь, и Райделл заметил по меньшей мере трех человек с оружием.

Сквозь толпу Элмор пробивался в крайне прямолинейном стиле; он просто гнал машину вперед, не глядя, кто и что перед ним, и давил на мерзко пищащий маленький рожок (сигналов которого, подумал Райделл, все равно никто не слышал), – гнал, полагаясь на то, что люди успеют отскочить. И обычно успевали, порой лишь чудом, но тут правое заднее колесо сбило штабель желтых пластиковых корзин для овощей – прямо на головы двух обильно татуированных типов в кожаных портках и заляпанных краской строительных ботах. Элмору пришлось ударить по тормозам, и Райделл увидел, как Шеветта слетела с сиденья; он не смог ее удержать, потому что в руке у него был чейн-ган, девать который было некуда.

Перед баррикадой из желтых пустых корзин Элмор дал задний ход, откатил на четыре фута и, газанув, прямиком

впахался в корзины и в татуированных типов; те, обезумев от ярости, закопошились в куче, вскочили и набросились на Элмора, который отнюдь не выглядел силачом.

– Отцепитесь от него! – заорала подружка Шеветты, сопротивляясь попыткам стащить ее с сиденья вместе с водителем.

Райделл вскинул чейн-ган и ткнул им в лицо одного из татуированных. Тот скосил глаза, поморгал, посмотрел на Райделла и хотел было кинуться уже и на него, но какой-то коповский рефлекс заставил Райделла прореветь: «ДПЛА! Лечь на землю!» – что звучало абсолютно бессмысленно, учитывая обстоятельства, но тем не менее сработало.

– Это – пушка, – добавил Райделл и вспомнил предупреждение Фонтейна о том, что из чейн-гана невозможно прицелиться.

– Вы совсем рехнулись! – выпалил второй татуированный, с голой грудью, в затейливых наколках, и драпанул по желтым корзинам; свет отразился от круглого стального болта в его нижней губе. Напарник рванул за ним.

Райделл спрыгнул на землю и помог Шеветте выбраться из кучи раздавленных баклажанов. Оглянувшись на трицикл, увидел, как женщина со спортивной стрижкой и серьезными бицепсами в прыжке подсекла Элмора и тот кувырнулся в корзины.

– Где Тесса?

– Не знаю, – ответил Райделл, подавая Шеветте руку. – Пошли!

Когда они отошли от машины (которая все равно, похоже, никуда не поедет), Райделл почувствовал, что на мосту происходит что-то странное. Всю дорогу от лавки Фонтейна люди стремились в сторону Брайант, а теперь он видел, что они бегут обратно, на их лицах был страх.

– Похоже, у въезда тоже пожар, – сказал Райделл.

В воздухе уже висел дым, и Райделл заметил, что он становится все гуще.

– Где Тесса, Райделл?

– Потерялась где-то.

На них с визгом налетела девушка в горящей рубашке, бежавшая со стороны города. Райделл повалил ее, бросив Шеветте чейн-ган, и перекатил, чтобы сбить пламя. Девушка кричала не переставая, а потом вскочила и побежала дальше, но Райделл видел, что рубашка уже не горит. Он забрал у Шеветты чейн-ган.

– Туда мы даже не будем соваться, – сказал он. Ему не

хотелось думать о том, что́ там сейчас делается, если уж толпа пытается пробиться через огонь. – Давай попробуем здесь.

Он поволок Шеветту в двери пустого кафе: чашки с кофе на столиках, из колонок вкрадчиво журчит музыка, пар поднимается от кастрюли с супом, стоящей на электроплитке за стойкой. Втащил Шеветту за стойку, в тесную кухоньку, но обнаружил, что окна там забраны от воров ажурными металлическими решетками.

– Черт, – сказал Райделл, внимательно всматриваясь в окно, все в отложениях морской соли, и пытаясь прикинуть высоту над уровнем моря на случай, если придется выбираться здесь.

Теперь была очередь Шеветты схватить его и тащить на улицу. Выскочив из кафе, они чуть не попали под ноги очередной толпы, в панике бегущей от того, что происходило на Брайант. Они оба упали, и Райделл увидел, как чейн-ган провалился сквозь дыру, прорезанную в настиле для пучка канализационных труб. Донесся звук от удара снизу, и Райделл накрыл руками голову, ожидая взрыва, но взрыва не последовало.

– Смотри, – сказала Шеветта, поднявшись и махнув рукой, – мы как раз у подножия скиннеровской башни. Давай попробуем забраться на верхотуру.

– Оттуда потом не спустишься, – вставая на ноги, возразил Райделл; боль в ребрах была просто убийственной.

– Но и гореть там нечему, – сказала она, – надо только пройти через гидропонную теплицу.

– Задохнемся от дыма.

– Не факт, – сказала она, – но здесь внизу он нас точно задушит. – Она посмотрела на него. – Прости меня, Райделл.

– За что?

– За то, что я думала: это все из-за тебя.

– Очень надеюсь, что нет, – сказал Райделл.

– Как тебе жилось?

Он ухмыльнулся, несмотря на боль, тому, что она спросила об этом сейчас.

– По тебе скучал, – сказал он.

Шеветта замялась.

– А я – по тебе.

Она снова схватила его за руку и бросилась к затянутой белым пластиком конструкции возле опорной башни. Пластик, судя по всему, взрезали изнутри – кто-то торопился выйти. Шеветта нырнула в пятифутовую прорезь. Райделл, нагнувшись, последовал за ней; внутри было влажно, как в джунглях, и пахло химическими удобрениями. Дым был и в теплице, клубился в мареве гидропонных ламп. Шеветта закашлялась. Тени бегущих

людей мелькали за полупрозрачным пластиком. Шеветта вскочила на лестницу и полезла вверх. Райделл застонал.

– Что? – Она остановилась и глянула вниз.

– Ничего, – сказал он и пополз за ней, кусая губы каждый раз, когда приходилось поднимать руки.

Где-то вдали послышались сирены – странный нарастающий вой, голоса сплетались и расходились, настоящий концерт волков-роботов. Не такой ли вой стоял здесь в первые минуты после землетрясения?

Он в самом деле не знал, сколько перекладин этой лестницы осилит. Лестница была металлическая, прилеплена к стене этим суперклеем, которым тут всё подряд лепят; он поднял голову вверх, увидел, как ребристые пластиковые подошвы Шеветты исчезают в треугольном проеме.

И он почувствовал, что улыбается, – потому что это действительно была она, это были ее подошвы и она только что сказала, что скучала по нему. Остаток пути показался ему не таким уж и трудным, но когда он добрался до верха и, втиснувшись в проем, присел отдышаться на край, то увидел, что она начала подниматься по наклонной ферме, цепляясь обеими руками за тупозубый рельс, по которому ездила маленькая тележка, видневшаяся у верхушки башни.

– Господи, – сказал Райделл, представив себе, что ему придется последовать за ней.

– Стой на месте, – бросила она через плечо. – Я попробую спустить к тебе эту рухлядь.

Райделл смотрел, как она поднимается, боялся, что она поскользнется на смазке, но она упорно карабкалась вверх и вскоре уже сидела в тележке, которая с этого расстояния напоминала мусорный бак, вроде тех, что стояли за «Счастливым драконом», только поменьше.

Заскулил электродвигатель. Скрипнув, маленькая тележка с Шеветтой поползла вниз.

Он встал на ноги, дым попал ему в легкие, сломанное ребро кололо, словно штык, изнутри всякий раз, когда он начинал кашлять.

– Кто-то лазал туда, наверх, – сказала Шеветта, доехав до Райделла. – На смазке следы. Я совсем недавно забиралась туда посмотреть, и там была только пыль.

– Может, здесь просто кто-то живет, – сказал Райделл, рассматривая темные хлипкие стены, окружавшие башню на высоте двенадцати футов от платформы, на которой он стоял.

Он забрался в тележку, и Шеветта нажала кнопку. Тележка скрипнула, застонала и поползла вверх.

Первое, к чему Райделл был не готов, – к масштабу пожара, вид на который открылся, когда они поднялись над закрывавшей обзор фанерной стенкой. Конец моста со стороны Брайант-стрит был полностью охвачен огнем, огромные тучи черного дыма валили клубами в ночное небо. Сквозь эту завесу виднелись огни спасательных вертолетов – десятки и десятки огней, – и, заглушая скрип зубчатого колеса, до Райделла донесся хор завывающих сирен.

– Господи Исусе! – выдохнул он.

Он посмотрел в сторону Острова Сокровищ – там тоже горело, хотя вроде бы послабее; или, может, просто было далеко.

– У тебя есть фонарик? – спросила Шеветта.

Он расстегнул молнию своего «драконовского» кенгурятника и выудил оттуда одноразовый «драконовский» фонарик, еще один трофей из Лос-Анджелеса. Шеветта включила его, провернув лампочку, и полезла по лесенке, что вела к дырке, пропиленной в полу кубической каморки на самой верхушке башни – здесь она жила, когда Райделл впервые встретил ее. Просто квадратный лаз, в который она сейчас светила фонариком.

– Открыто, – негромко сказала Шеветта, и Райделл, собравшись с силами, двинул за ней.

Когда он протиснулся в комнатенку, Шеветта стояла там и светила в разные стороны. Внутри ничего не было, только мусор. В одной из стен круглое отверстие; Райделл вспомнил, что раньше там было вставлено старое цветное стекло.

В тусклом свете фонарика он увидел новое выражение ее лица.

– Здесь и вправду ничего не осталось, – сказала она, будто не веря своим глазам. – Я почему-то думала, что здесь все по-прежнему…

– Никто здесь больше не живет, – как-то неуверенно сказал Райделл.

– Люк на крышу тоже открыт, – сказала Шеветта, направив луч вверх.

Райделл подошел к старой стремянке, прихваченной к стенке болтами, и полез вверх, ощущая ладонями влажное шершавое дерево. До него стало доходить, что идея лезть на эту верхотуру была не самая удачная, ведь если мост действительно сгорит до основания, вряд ли они уже отсюда спустятся. Он знал, что дым так же опасен, как пламя, и не был уверен, что она это понимает.

Второе, к чему он оказался не готов, когда высунул голову из люка наружу, – к тому, что в ухо ему тут же уткнется ствол пистолета.

Старый приятель в шарфе.

64
Пятнашки

Харвуд начинает, искажаясь, убывать, и все остальное убывает вместе с ним, среди ужасного всепоглощающего холода. Лейни чувствует, будто на огромном расстоянии его ноги скручивает судорога в путанице спальников и оберток от шоколадных батончиков. Вдруг появляется сама Рэй Тоэй и вручает ему тайный символ – круглую печать, циферблат, двенадцать знаков дня, двенадцать – ночи, черный лак и золотые цифры, он кладет этот символ туда, где мгновение назад был Харвуд.

И видит, как этот символ утягивается бесконечно далеко, вслед за Харвудом; он полностью во власти сил превращения и вот исчезает совсем.

Лейни убывает тоже, но не за Харвудом.

– Тебе водить, – шепчет Лейни во тьму своей зловонной коробки, стоящей в подземном переходе среди инфразвуковых вздохов метропоездов и постоянного топота проходящих ног.

В то же мгновение он оказывается во Флориде, на залитых солнечным светом широких бетонных ступенях, ведущих наверх, к безликому входу в федеральный сиротский приют.

Там, наверху лестницы, – девчушка по имени Дженнифер, ей в точности столько же лет, сколько Лейни, на ней джинсовая юбочка и белая тенниска, у нее прямая черная челка, она осторожно идет – пятка к носку, пятка к носку, руки в стороны для равновесия – по самому краю верхней ступеньки, как по натянутому канату.

Она очень сосредоточенна и серьезна.

И кажется, что если она упадет, то непременно разобьется.

Лейни, увидев ее, улыбается, вспомнив внезапно приютские запахи: бутерброды с джемом, дезинфекция, глина для лепки, чистые простыни…

Холод обступает его со всех сторон, но наконец-то он дома.

65
Свежий воздух

Фонтейн, орудуя пожарным топором, размышляет о том, что прожил довольно долгую жизнь, но то, что происходит сейчас, для него абсолютно внове: поднять топор над головой, потом – резко садануть вниз по задней стене лавки, фанера гулко грохочет. Он слегка озадачен тем, как легко отскакивает топор, но при следующем замахе переворачивает его и колотит не лезвием, а киркой, на третьем ударе наконец пробивая стенку насквозь. Фонтейн удваивает усилия.

– Нам нужен свежий воздух, – говорит он скорее самому себе, чем парочке, чинно сидящей на его койке, – седому профессору и мальчику, чья голова опять скрыта шлемом. Посмотришь на этих двоих – так подумаешь, что и проблем-то, собственно, нет никаких и этот чертов мост не горит.

Куда девалась голографическая девица?

Работа топором дает результаты, хотя руки уже разболелись. Дыра в стене уже размером с блюдце и становится все больше.

Он еще не знает, что ему делать, когда она станет достаточно велика, но он любит, чтобы были заняты руки.

Таков он всегда, Фонтейн: когда дела идут плохо, да что говорить, хуже некуда, а вероятнее всего, подошли к концу, – он любит, чтобы были заняты руки.

66
Грузовоз

Шеветта выползает через люк на крышу Скиннеровой лачуги и видит там Райделла, стоящего на коленях, в этом своем «счастливо-драконовском» защитном слюнявчике, но критическим фактором здесь является человек из бара – тот, который застрелил Карсона, он воткнул в ухо Райделла пистолет, а сейчас смотрит на нее и улыбается.

Он не так уж ее старше, стрижка короткая, как у военного, черная кожаная куртка, шарф повязан будто бы небрежно, но ясно, что с ним пришлось повозиться. Она спрашивает себя: как это люди становятся вот такими – берут и тычут пушкой кому-нибудь в ухо, и вы знаете, что спустить курок им труда не составит? И почему ей кажется, будто Райделл специально находит таких людей, – или это они его специально находят?

За спиной человека в черном, над мостом, она видит высокую водяную дугу и понимает, что это, должно быть, водометы с пожарного катера, она как-то видела пожарный катер в действии – когда загорелся пирс на Эмбаркадеро.

Господи, как же здесь наверху сейчас все-таки странно: ночное небо все в дыму, бушует пламя, а тускловатые городские огни за клубящейся завесой словно плывут. Вокруг нее падают и, мерцая, умирают красные светящиеся искорки, в воздухе запах гари. Она не хочет, чтобы Райделл пострадал, но она не боится. Не боится, и все тут; сама не знает почему.

В паре шагов она замечает какую-то штуку – да это же дельтаплан, стоит на пластиковой раме, закреплен вбитыми в крышу блестящими стальными колышками.

И не только дельтаплан, там еще черные нейлоновые мешки сложены. Верно, спальники и всякое такое. Кто-то, видать, приготовился и ночь тут провести, если что, и она понимает, что парень с военной стрижкой подготовил себе укрытие на случай, коли надо будет спрятаться переждать. До нее вдруг доходит, что небось это он и поджег мост и виновен уже во множестве смертей, а сейчас стоит себе улыбается, будто очень рад ее видеть, и пистолет его воткнут Райделлу в ухо.

У Райделла сокрушенный вид. Такой печальный.

– Ты убил Карсона, – слышит она собственный голос.

– Кого?

– Карсона. В баре.

– Он здорово попортил тебе вывеску.

– Он был мудак, – сказала она, – но убивать его было незачем.

– К счастью, – ответил «шарф», – вопрос тут не в том, кто мудак, а кто нет. А то бы мы никогда не закончили.

– Ты умеешь управлять этой штукой? – Шеветта кивнула на дельтаплан.

– Конечно. – И Райделлу: – Я сейчас уберу пистолет из вашего уха.

Сказал – и убрал. Райделл взглянул на нее. Парень с военной стрижкой ударил его пистолетом по голове. Райделл опрокинулся навзничь. Упал и лежит, как большая сломанная кукла. Одна из светящихся искр упала на его дурацкий розовый слюнявчик, выжгла черную метку.

– Я оставлю вас тут, – сказал «шарф». Навел пистолет на ноги Райделла. – Коленная чашечка.

– Не надо, – сказала Шеветта.

Он улыбнулся:

– Ложись там, где стоишь. На самом краю. Лицом вниз. – (Дуло не дрогнуло.)

Она легла на самом краю.

– Руки за голову.

Она заложила руки за голову.

– Так и лежи.

Самым краешком глаза ей было видно, как он шагает к дельтаплану. Крыло трепещет под напором бриза, ритмично бренчит.

«Шарф» поднырнул под своего воздушного змея и оказался внутри углеродно-волоконного каркаса. Впереди – перекладина для управления; она видела в программах «Реальности», как летают на этих штуковинах.

В руке «шарф» по-прежнему держал пистолет, но в Райделла уже не целился.

Она вдыхала запах асфальта, спекшегося на крыше. Вспоминала, как размазывала асфальт со Скиннером в жаркий безветренный день, как они разогревали ведро с затвердевшим гудроном над газовой горелкой.

Мир, который Скиннер помогал строить, горел на ее глазах, и они с Райделлом могли сейчас запросто сгореть вместе с ним, а парень с военной стрижкой спасал свою шкуру.

– Неужели ты долетишь на этой штуковине до самого Эмбаркадеро?

– Легко и непринужденно, – ответил он.

Сунул пистолет в карман черной куртки и вцепился в перекладину обеими руками, приподнимая дельтаплан. Бриз подхватил его. «Шарф» двинулся вперед, поймал ветер, напомнив

ей отчего-то шагающего ворона, из тех больших воронов, которых она видела в детстве в Орегоне. Теперь он был всего в нескольких футах от края, на той стороне крыши Скиннеровой лачуги, что смотрела на устье Чайна-Крик.

– Ты со своим дружком доставила мне чертову массу хлопот, – сказал он, – но теперь вы оба либо сгорите заживо, либо задохнетесь от дыма, так что, полагаю, мы квиты. – Он огляделся, шагнул вперед.

Шеветта ничего не успела решить, но вдруг обнаружила, что вскакивает на ноги и бежит, выхватывая нож, который оставил ей Скиннер. Ножом прорезает – в тот миг, когда «шарф» уже шагает через край, – метровую прореху в черном треугольном крыле, от середины к кромке.

Не успев издать ни звука, он рухнул вниз, все быстрей и быстрей вращаясь, словно лист, и ударился там обо что-то, и все, и нет его.

Она осознала, что стоит на самом краю, носки кроссовок выступают в пустоту, – и отшагнула назад. Посмотрела на нож, зажатый в руке, на впечатанный в лезвие узор кованых звеньев мотоциклетной цепи. Швырнула его в море, повернулась и пошла к Райделлу, опустилась рядом с ним на колени. Волосы его были мокрые от крови, глаза открыты, но, казалось, он ничего не видит.

– Где он? – спросил Райделл.

– Не верти головой, – сказала она, – его больше нет.

Ветер изменил направление, на них навалился такой густой дым, что город совсем пропал. Оба начали кашлять.

– Что там за шум? – еле выдавил Райделл, пытаясь вытянуть шею.

Она решила, что это, должно быть, огонь ревет, но звук перешел в уверенный рокот, и, всмотревшись, она увидала – точно на уровне своей головы – невозможный, с целый квартал шириной, блестящий серый нос грузовоза, украшенный буквами «Омаха трансфер», тридцати футов каждая.

– Господи боже, – сказала она, когда чудовище нависло над ними; его гладкое, невероятно широкое брюхо было совсем рядом – рукой подать.

И оно сбросило свой груз – около двух миллионов галлонов чистой ледниковой воды, предназначенной для городов к югу от Лос-Анджелеса, а ей оставалось только прижаться к Райделлу и держать рот закрытым, сопротивляясь давлению этого океана, а потом она оказалась совсем в другом месте и плыла по течению, и еще ей казалось, что она так давно, так давно не спала.

67
Серебряный замок

В серых полях Силенцио находит серебряный замок, место пустое и какое-то новое. Здесь совсем нет людей, одни лишь коридоры, и он удивляется, зачем кто-то построил такую штуку.

Система наручных часов ведет его вглубь, все глубже и глубже, каждый следующий коридор похож на предыдущий, и он устал от этого, но «Футуроматика» все еще где-то там, впереди, и он обязательно ее найдет.

А когда наконец он находит ее в очень маленькой комнате, у корня, из которого растет серебряный мир, оказывается, что он не один.

В этой комнате какой-то мужчина, и мужчина глядит на Силенцио и не может поверить, что Силенцио тоже там, в глазах мужчины страх, зеркально отражающий, как чувствует Силенцио, его собственный страх, и Силенцио хочет сказать мужчине, что ему надо только взять часы, поскольку они – часть системы стрелок, циферблатов и приклеенных цифр, и что Силенцио не сделает ничего дурного, но глаза у мужчины похожи на глаза тех, кому Крысук показывал нож, и вдруг за спиной у Силенцио кто-то кашлянул. Обернувшись, Силенцио видит страшного человека, его голова как облако крови, окровавленный рот раскрыт в безмолвном вопле, и этот рот совсем не шевелится, когда страшный человек произносит:

– Привет, Харвуд.

И вдруг почему-то Силенцио вновь рядом со светящейся девушкой.

Она говорит ему, чтобы он снял шляпу, и, снимая, он видит, как в шляпе гаснут картинки замка, а комната вся заполнена дымом, и снаружи, через разбитую дверь проникает еще больше дыма, а черный мужчина, седые веточки его волос бессильно свисают, пробил в стенке дырку своим топором. Дырка не очень большая, но он залезает в нее по самые плечи, и Силенцио видит, как черный мужчина дергается, будто от удара. Он вылезает из дырки обратно в комнату, с выпученными глазами и мокрый, весь мокрый, с него ручьями течет вода, вода хлещет в комнату через дырку, седые волосы, спутавшись, липнут к лицу мужчины, и еще больше воды бежит за разбитой дверью по туннелю, похожему на улицу, – так много воды!

А мужчина в длиннополом пальто стоит себе, руки в карманах, и смотрит, как льется вода, и Силенцио видит, как

морщины на лице того становятся глубже. И он кивает Силенцио, кивает черному мужчине и выходит вон через разбитую дверь.

Силенцио хочется знать, стало ли так же мокро в серебряном замке.

68
Фабрика абсолюта [139]

Бумзилла – в «Счастливом драконе», приперся обратно, на этот раз потому, что знает: сегодня они в первый раз запустят свой долбаный драконовский «Нанофакс», и это вам не игрушки, а типа того, что копируешь любое дерьмо из одного магазина в другой. Он не уверен, что врубается, как это, но в магазине бесплатно дают шоколадные батончики и много газировки всем детям, так что ладно, сегодня проканает за ребенка, но все псу под хвост, потому что мост загорелся и эти, мать их так, грузовозы слетелись и сбросили чертову прорву воды, приехала сотня, наверно, пожарных машин, и все при делах, и полиция тут, и тактические отряды, и вертолеты в воздухе, короче, «Счастливый дракон» обломался, и супершоу в честь первого запуска «Нанофакса» не будет, менеджер спятил, ходит взад-вперед по проходу, сам с собой разговаривает. Но магазин все равно торгует в полный рост, шишки из главного офиса не разрешают закрываться, в общем, Бумзилла начал уже лопать бесплатные батончики, раз охранники знай себе смотрят, как дымится мокрый черный мусор, больше на этом конце моста ничего не осталось, так что сам настоящий мост стало видно, ну, старую часть, вон она, тоже черная, торчит себе в воздухе, как скелет.

И потом заявляется менеджер и читает по ноутбуку: леди и джентльмены, сей судьбоносный момент истории, трали-вали, и вот мы видим, как самый первый предмет помещают в передатчик в нашем центральном филиале в далеком Сингапуре (Бумзилла видит по телевизору, который висит на пилоне, что этот «предмет» – золотая статуэтка «Счастливого дракона» собственной персоной, улыбка до ушей), и через минуту он будет репродуцирован на молекулярном уровне в каждом филиале нашей сети по всей планете.

Кассирша и двое охранников хлопают. Бумзилла сосет ледышку со дна своей газировки. Ждет, чего будет.

У «Нанофакса» в «Счастливом драконе» спереди такой большой люк, что Бумзилла точно туда поместится, коли приспичит, так что в башке у него возникает вопрос: а можно ли так наделать много-много Бумзилл в других местах и можно ли будет доверять этим сраным Бумзиллам? Если да, тогда он сколотит, в натуре, крутую банду, но вот в чем загвоздка: сам он лично никому не доверяет, так с какой стати они ему будут

доверять?

Фонарик над люком делается зеленым, люк отъезжает кверху, и наружу вылазит, типа как раскладная, эта голозадая девка, волосы черные, китаянка, а может, японка, в общем, что-то типа того, длиннющая, и титьки маленькие. Бумзилле такие не нравятся, но она улыбается, и у всей этой кодлы – кассирши, охранников, менеджера – челюсти отвисают, глаза на лоб лезут: девка потягивается, по-прежнему улыбаясь, и быстро чешет к парадному входу вдоль стойки охранников, и Бумзилла видит, как она тянет руку и открывает дверь, типа все, я ушла, всем привет, а уж там, снаружи, такой бардак вперемешку с катастрофой, что на какую-то голозадую японку никто и смотреть-то особо не станет.

Но самый-то бред и бардак в том… и Бумзилла настолько от этого обалдевает, стоя там, в магазине, и глядя на долбаную видеоколонну через стеклянные двери, что решает выйти наружу и скурить последнее русское «Мальборо», и как следует обмозговать увиденное… самый бардак в том, что, когда он видит, как она проходит мимо экранов, он видит ее на всех экранах без исключения, она выходит из всех «Счастливых драконов» на всей планете, с одной и той же счастливой улыбкой.

Бумзилла все еще думает, что бы это значило, от «Мальборо» остается лишь фильтр, и тогда он решает: какого черта, время зажевать омлетоладью из «драконовской» микроволновки. Бумзилла считает, что это его заслуженный бизнес-завтрак, у него даже деньги есть, но, когда он заходит обратно, омлетоладьи, как выясняется, кончились, сраные суки-пожарные все их сожрали.

– Какого хрена, – говорит он, – отфаксуйте хоть одну из долбаного Парижа!

И охранники вышвыривают его нахрен.

69
Никто никуда не торопится [140]

Райделл просыпается от боли если не в раю, то в чем-то очень к нему близком, в этом чудесном, сухом, абсолютно новом, высокотехнологичном спальном мешке, рядом со свернувшейся калачиком Шеветтой, ребра горят; он лежит, слушает стрекозиное гудение вертолетов и вяло думает, а не содержит ли чего-нибудь вредного клеящий слой изоленты, которой он обмотан.

Они нашли этот спальный мешок в герметичной упаковке сразу после потопа – зацепился за один из колышков, которыми «шарфов» дельтаплан крепился к крыше. И не было в их жизни более желанной находки – скинуть промокшую одежду и забраться в сухое тепло, в этот мешок с водонепроницаемой и, вероятно, пуленепробиваемой подкладкой, в этот весьма дорогой предмет снаряжения. И лежать себе там, внутри, и смотреть, как прибывают еще два грузовоза – огромные, неповоротливые беспилотники, свернувшие с курса, как впоследствии выяснится, согласно плану, разработанному несколько лет назад комитетом по чрезвычайным ситуациям Северной Калифорнии, – прибывают, чтобы сбросить еще больше воды, погасив огонь со стороны Острова Сокровищ, а заодно окатив и весь центральный пролет. И каждый грузовоз, истощенный и обвисший, тут же поднимался ввысь, избавившись от балласта, как слон в нелепом слоновьем балете.

Райделл с Шеветтой держали друг друга в объятиях там, наверху, пока не рассвело и морской ветер не развеял запах гари.

Райделл окончательно проснулся и видит голое плечо Шеветты, он ни о чем особо не думает, вот разве что медленно формируется в голове мысль о завтраке, хотя это может и подождать.

– Шеветта? – Голос из маленького дребезжащего динамика.

Райделл смотрит вверх и видит серебристый майларовый шарик, натягивающий поводок, глаз видеокамеры наблюдает за ними.

Шеветта шевелится.

– Тесса?

– С тобой все в порядке?

– Да, – отвечает она, голос сонный, – сама-то ты как?

– Это полный метр, – говорит голос из воздушного шарика. – Огромный бюджет. У меня есть такие кадры… ты не поверишь, настоящий экшн.

– Что значит «это полный метр»?

– Я подписала контракт. Они прилетели прямо сегодня утром. Что ты делаешь на этой верхотуре?

– Пытаюсь спать. – Шеветта перекатывается на другой бок, натянув на голову спальный мешок.

Райделл лежит, наблюдая за тем, как воздушный шарик подпрыгивает на своем поводке, пока наконец не исчезает.

Он садится и трет руками лицо. Выкатывается из мешка и неуклюже встает – голый мужчина с большой заплатой из серебристой изоленты на ребрах. Интересно, на скольких телеэкранах он виден в эту секунду. Хромая, топает к люку и лезет вниз, в темноту, где пристраивается поссать у стенки.

– Райделл?

Райделл вздрагивает – ну вот, ногу обмочил. Это Кридмор, сидит на полу, подтянув колени к подбородку и обхватив руками голову, мокрую на вид.

– Райделл, – говорит Кридмор, – есть выпить?

– Что ты делаешь на этой верхотуре, Бьюэлл?

– Сначала я залез в эту теплицу, ну, которая внизу. Думал, там будет вода. Потом понял, что сварюсь, как жопа каракатицы, ну и залез на эту верхотуру. Сучьи дети.

– Кто?

– Мне крышка, – продолжает Кридмор, не отвечая на вопрос. – Рэнди разорвал со мной контракт, а долбаный мост сгорел. Вот так дебют, а? Господи!

– Ты можешь сочинить про это песню, я так думаю.

Кридмор глядит на него снизу вверх в полнейшем отчаянии. Нервно сглатывает. Когда он вновь заговаривает, в голосе его ни следа акцента.

– Ты правда из Теннесси?

– Конечно, – отвечает Райделл.

– Мать твою, зачем я не оттуда, – говорит Кридмор, голос его тих, но эхом отдается внутри пустого деревянного ящика, солнечный свет пробивается через квадратную дырку над головой, освещая часть досок, два на четыре дюйма сечением, которые выложены в длину, чтобы пол был прочнее.

– А откуда ты, Бьюэлл? – спрашивает Райделл.

– Сукин ты сын, – отвечает Кридмор, снова с акцентом, – я из Нью-Джерси.

И начинает плакать.

Райделл снова лезет наверх, и потом, стоя на лестнице, высовывает голову и смотрит в сторону Сан-Франциско. Конец света, о котором твердил Лейни, видимо, не случился.

Райделл переводит взгляд на спальный мешок, внутри

которого то, чего он жаждет больше всего на свете, – та, которую хочет любить всю свою жизнь. Ветер меняется, шевелит его волосы, и когда он выходит на крышу, залитый солнечным светом, все еще слышно, как внизу рыдает Кридмор.

70
Визит вежливости

Взяв такси до «Трансамерики», он закрывает глаза и видит часы, которые вручил мальчику, – часы, время которых движется по черному циферблату, а его собственное внутреннее время вырвалось на свободу, снятое с мертвого якоря незнакомкой, воссоздавшей для него облик Лизы. Стрелки часов вычерчивают радиевую орбиту, мгновение за мгновением. В это утро он видит спираль бесконечных возможностей, открытых, впрочем, не для него.

Мост, оставшийся позади, – возможно, навсегда, – это транспортное средство, само ставшее пунктом назначения: соленый воздух, помоечный неон, отрывистые крики чаек. Здесь он краем глаза увидел кусочек жизни, которая, как он понял, вечна и бесконечна. Видимый беспорядок, организованный неким глубинным, непостижимым образом.

Возможно, он слишком долгое время провел на службе и в компании тех, кто якобы правит миром. Тех, чьи мельницы мелют все мельче, все ближе к какой-то немыслимой точке омега[141] чистой информации, к какому-то чуду, которое вечно должно вот-вот произойти. Которое, подсказывает ему интуиция, явлено не будет, теперь уже – никогда, а если и будет, то совсем не в той форме, о которой мечтали его бывшие работодатели.

В атриуме он описывает цель своего прихода как визит вежливости. Его разоружают, обыскивают, надевают наручники и всемером (по приказу Харвуда) препровождают в лифт.

Когда двери лифта бесшумно закрываются, он ощущает легкое чувство вины перед своими конвоирами за их возбуждение и неопытность, за то, что надели на него наручники спереди, а не сзади.

Еще до того, как скоростной лифт достигнет этажа, на котором находится офис Харвуда, он останется в одиночестве.

Он дотрагивается до пряжки пояса и думает о простом, но убийственно эффективном орудии, скрытом между слоями изысканной итальянской телячьей кожи.

И существует в мгновении.

71
Ямадзаки

Ямадзаки, мрачный и нервный, спускается в метро в час пик ранним утром в сопровождении громадного бритоголового, с изувеченным ухом австралийца.

– Ты знал, что он здесь? – спрашивает здоровяк.

– Он желал уединения, – говорит Ямадзаки, – мне очень жаль.

Ямадзаки ведет австралийца к картонному городу и указывает коробку Лейни и вход в нее.

– Эта?

Ямадзаки кивает.

Австралиец достает нож, который беззвучно раздвигается от нажатия кнопки. Лезвием, зазубренным с двух сторон, вырезает верх ящика и поднимает его, будто крышку коробки с крупой, и Ямадзаки опять видит наклейки с Коди Харвудом.

Австралиец, будучи намного выше Ямадзаки, внимательно смотрит внутрь коробки. Сам Ямадзаки пока не решается туда посмотреть.

– От чего он бежал? – спрашивает австралиец.

Ямадзаки глядит снизу вверх в его маленькие, очень умные глазки на совершенно зверском лице.

– Ни от чего, – говорит Ямадзаки. – Он бежал навстречу чему-то.

Прибывший поезд в глубинах системы гонит наверх, на улицу теплый спертый воздух навстречу новому дню.

72
Фонтейн

Фонтейн возвращается от почерневших ребер, бредет в сторону Брайант-стрит с кувшином воды и парой сэндвичей, выданных Красным Крестом. Там очень странно, слишком уж похоже на фильм-катастрофу; ему не нравится. Фургонов с телевизионщиками больше, чем карет «скорой помощи», хотя и тех полно. Жертв на удивление мало, и он решает, что это связано с местным духом: люди, живущие на мосту, всегда серьезно подходили к делу выживания и некоторым образом верили в стихийное сотрудничество. Может быть, думает он, ему никогда не узнать, что все это значило – в смысле причин и следствий, – хотя он уверен, что был свидетелем чего-то значительного.

Хотелось бы надеяться, что Шеветта и ее парень выбрались, – впрочем, он полагает, что это именно так, и профессор исчез, ушел по делам, которыми занимаются люди вроде него, а об этих делах лучше вовсе не знать. Марциалу придется рассказать, что его чейн-ган пропал, так это даже и лучше, что пропал. Кто-то разбрызгал напротив лавки целый галлон этой штуки под названием «Килз» – на всякий случай, а то вдруг мокрое место, оставшееся от кого-то после чейн-гана, окажется особо заразным.

Он подходит к лавке, и до его слуха доносится шорох сметаемых стеклянных осколков. Фонтейн видит, что косолапый парень в больших белых кроссовках проделал большую работу, даже расставил вещи на сохранившихся полках. Серебристый кусок железа, похожий на большой шейкер для коктейлей, занимает почетное место, возвышаясь над разбитой витриной между оловянными солдатиками и двумя вазами – образцами окопного искусства, изготовленными из кайзеровских пушечных гильз.

– Куда она делась? – спрашивает Фонтейн, глядя на серебристую штуковину.

Парень перестает подметать, вздыхает, опирается на швабру и молчит.

– Улетела, а?

Парень кивает.

– Сэндвичи, – говорит Фонтейн, протянув один из них парню. – Нам тут придется затянуть пояса на какое-то время.

Он вновь поднимает взгляд на сосуд. Откуда-то ему известно, что там ее нет – кем и чем бы она ни была. Сам сосуд стал

историей – ни больше, ни меньше, чем грубые, но в своем роде элегантные вазы из пушечных гильз, выделанные в какой-то французской траншее. В этом тайна вещей.

– Фонтейн…

Обернувшись, он видит Клариссу, стоящую в дверях с большой сумкой.

– Кларисса…

В глубине ее зеленых, как море, глаз плещется беспокойство или тревога, а может, забота.

– У тебя все нормально?

– Да, – говорит Фонтейн.

– Я думала, ты помер, Фонтейн.

– Нет.

– Я принесла еду.

– Дети в порядке?

– Им страшно, – отвечает она, – они с Турмалиной.

– С ней мне тоже было бы страшно.

Тень улыбки. Кларисса подходит к нему, отставив в сторону сумку. Ее губы мимолетом касаются его губ.

– Спасибо, – говорит он ей, приподнимая тяжелую сумку, откуда веют приятные запахи. – Спасибо, Кларисса.

В глазах ее слезы.

– Подонок, – говорит она, – где мои куклы?

– Мне очень жаль, – отвечает он серьезно, как только может, – но они пали жертвой страшного пожара.

И они оба начинают смеяться.

73
Силенцио

– Где ты это нашел?

– Остров Сокровищ, – врет мальчик, передавая часы – сплошной кусок ржавчины – через стеклянную витрину.

Силенцио пристально смотрит сквозь лупу на мокрую лепешку из металла. Царапает ржавчину алмазным резцом.

– Нержавеющие, – соглашается он и знает, что парень поймет: «нержавеющие» – это прекрасно, хотя не так прекрасно, как «золотые». В общем, стоят как нормальный обед.

– Я хочу посмотреть, как вы будете их чинить, – подает голос мальчик.

Силенцио вынимает лупу из глаза и смотрит на парня, как будто видит его в первый раз.

– Я хочу посмотреть, как вы будете их чинить.

Мальчик тычет пальцем в стекло, показывая на часы, разложенные в витрине.

– Ах, ты про стенд! – говорит Силенцио. – Ты ведь был здесь с Сандро, когда мы реставрировали тот «Вашерон».

Силенцио приносит реставрационный стенд из задней комнаты лавки – квадратную подушечку десять на десять дюймов. Он ставит ее на витрину, и мальчик наклоняется ближе, чтобы рассмотреть бархатисто-зеленую поверхность, которая состоит из миллионов манипуляторов.

Силенцио кладет часы на стенд. Смотрит вместе с парнем, как часы легко и плавно, будто сами по себе, встают на ржавое ребро и, кажется, тонут – не может быть! – в неглубокой площадке и стекле под нею. Исчезают, как монета, брошенная в ил.

Силенцио смотрит на часы на своем запястье – военный «Жаже Лекультр», Королевские ВВС Австралии.

– Девять минут, – говорит Силенцио, – кофе вон там.

– Я хочу посмотреть, – говорит мальчишка.

– Ничего там не видно.

Внутри стенда над ржавым диском часов трудятся сканеры и дизассемблеры. Молекулы приходят в движение. Через девять минут часы снова всплывут, блестящие и безупречные – как в тот день, когда покинули швейцарскую фабрику.

– Я хочу посмотреть, – повторяет мальчишка.

Силенцио понимает.

Он идет за кофе.

Благодарности

Всем, кто ждал этой книги еще терпеливее, чем обычно, в особенности – моим издателям, в лице чудесных Сьюзен Эллисон и Тони Лейси.

Деб, Грэму и Клэр, с любовью – за то, что мирились куда как с большим, чем обычное затворничество.

Джулии Уитуэр, как первому читателю текста – и за многое другое.

Далее особым друзьям этой книги: Гордону Беггу, Джудит Бил, Джессике Истмен, Карлу Таро Гринфелду, Марку Хейлику, Ричарду Кадри, Кевину Келли, Луэсе Джин Лэм, Роджеру Триллингу, Джеку Уомаку. Спасибо вам всем.

А еще спасибо посткиберпанковскому сообществу города Мехико, которое – хоть я и отклонил их заботливое предложение о неофициальной экскурсии – поддерживало меня своим теплым энтузиазмом все время написания решающей главы в отеле «Камино Реал».

10 мая 1999 г.

Ванкувер,

Британская Колумбия

notes

Примечания

1

Ласаро Карденас (1895–1970) – мексиканский генерал и политический деятель. Президент Мексики в 1934–1940 гг.

2

Улицы *(исп.)*.

З

Зд. катафалк *(исп.)*.

4

Ральф Лорен (Ральф Лифшиц, р. 1939) – популярный американский модельер и дизайнер. Карьеру начал под псевдонимом Поло. Выпускает преимущественно готовую одежду, и, хотя он американец, его имя часто ассоциируется с английскими материалами (фланель, твид). Выступал художником по костюмам при съемках фильмов «Великий Гэтсби» (1974) и «Энни Холл» (1977).

Viva *(исп.)* – да здравствует.

6

«Большой Круг» (Big Circle Gang) – одна из наиболее крупных гонконгских триад. Строго говоря, не гонконгская, а зародилась в материковом Китае и руководится оттуда же. С начала 1990-х гг. активно проникает в Америку (преимущественно через Канаду).

7

LAX – главный аэропорт Лос-Анджелеса.

8

Тендерлойн (от *англ.* tenderloin – филе) – район Нью-Йорка, известный преступностью; название происходит от того, что полиция может здесь очень хорошо кормиться на взятках. Позднее так же стали называть аналогичные кварталы других американских городов.

9

Падуания (или Падания) существует уже в наше время. Это – самопровозглашенная республика, состоящая из северных районов Италии. Падуания имеет гимн, герб, знамя и даже выборный парламент. Центральное правительство Италии не обращает внимания на падуанских сепаратистов, все их государственные учреждения не имеют никакой реальной власти.

Баррио – бедный (как правило, латиноамериканский) квартал.

11

Шрайнеры (от *англ.* shrine – святыня) – члены Древнего арабского ордена аристократов Таинственной Святыни (американская масонская ложа, образованная в конце XIX в.).

12

Warbaby *(англ.)* – дитя войны.

13

Саут-Айленд, или Южный остров, – самый большой из островов Новой Зеландии.

14

Аллюзия на Евангелие от Иоанна (8: 32): «И познаете истину, и истина сделает вас свободными».

15

Натаниэль *Каррир* и Джеймс Мередит *Айвз* – американские граверы конца XIX в., совладельцы фирмы, издававшей литографии со сценами из американской истории и быта.

16

СФДП – Сан-Францисский департамент полиции.

17

Panhandle *(англ.)* – ручка сковородки.

18

Кимчи – корейское овощное блюдо, очень острое и пряное.

19

Мишшн-Рок, Чайна-Бэйзин – старые прибрежные районы Сан-Франциско, где располагаются заброшенные доки и верфи. Существует план (у Гибсона он уже реализован) «освоить» район заново, застроить престижными домами.

Масс. – сокращение от Массачусетс.

21

Шаффл – танец с характерными шаркающими движениями ног.

22

«Миранда» – знаменитая формула: «Вы имеете право молчать. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в качестве доказательства. Вы имеете право на совет адвоката». В 1966 г. некий Эрнесто Миранда, обвиняемый в похищении и изнасиловании, был, несмотря на признание, оправдан Верховным судом США, так как полицейские при аресте в спешке не зачитали ему эту формулу. Потом он, правда, все равно сел – но за другое.

23

Чарльз Мэнсон (1934–2017) – глава своего рода сатанинской коммуны, зверски убившей в 1969 г. актрису Шерон Тейт (жену режиссера Романа Полански) и всех собравшихся у нее гостей.

Патио – крытый двор.

25

Berry *(англ.)* – ягода.

N. Y. C. – Нью-Йорк-Сити.

27

Гигер Г. Р. (1940–2014) – швейцарский художник, работавший также в театре и кино. Достойный продолжатель традиций Босха, Бёклина, Гауди, не говоря уж о Дали и Эрнсте. Для его творчества характерно сочетание машиноподобных и квазиорганических форм. Широким массам известен благодаря работе над фильмом Ридли Скотта «Чужой» (1979).

28

Ар-Ви – RV, аббревиатура от «recreational vehicle», транспортное средство, предназначенное для отдыха.

29

Для любопытных: на вывеске было написано: IN-AND-OUT BURGER. Франклин разбил буквы «B» и второе «R», получилось вроде «импульс сунь-вынь».

30

По положению цифр на часовом циферблате. Таким способом наблюдатель сообщает стрелку, в какое место мишени попала пуля (напр., «девятка на четыре часа»).

31

В Калифорнии, неподалеку от Сан-Франциско, есть свой Сан-Хосе.

32

Nom de guerre *(фр.)* – псевдоним, букв. «боевое имя». Лавлесс – главный отрицательный персонаж американского телесериала «Дикий, дикий Запад» (1965–1969). Известен киноримейк 1999 г. (реж. Барри Зоненфельд).

33

Nombre *(исп.)* – номер.

Имеются в виду колумбийские кокаиновые картели.

35

Имеется в виду всемирная сеть магазинов «The Gap». Основана в 1969 г., торгует одеждой, сумками и т. д.

36

«Долина кукол» – бестселлер Жаклин Сьюзанн, выпущенный в 1966 г. и годом позже экранизированный; также выходило несколько телеверсий. «Кровавый меридиан, или Закатный багрянец на Западе» (Blood Meridian, or The Evening Redness in the West) – роман современного классика Кормака Маккарти, выпущенный в 1985 г. «Все о бензопилах» (Chainsaw Savvy: A Complete Guide) – иллюстрированное руководство по бензопилам, выпущенное Нилом Содерстромом в 1982 г.

37

«Ночь мертвых» (*исп.*) – традиционный для Латинской Америки карнавал, проводимый в начале ноября.

Хибати – японская жаровня.

39

Апостат – вероотступник.

40

В оригинале применено американское письменное сокращение «R. U.», обозначающее «Are you» (по названиям букв алфавита, «Ар-Ю»).

41

Назареи считали Иисуса Христа истинным Мессией, придерживаясь во всем остальном законов и обычаев иудаизма. Секта вела свою родословную от евреев, слышавших Христа и уверовавших, подвергалась гонениям со стороны более ортодоксальных иудаистов и давным-давно исчезла. (Не путать с *назореями*, они – нечто совсем другое.)

42

Первая Иисусова Церковь – подразумевается вымышленная юмористами Первая Церковь Иисуса Христа, Элвиса. В произведениях киберпанка эта Церковь часто фигурирует как реально существующая (напр., «Амбиент» Джека Уомака, «Армагеддон-крейзи» Мика Фаррена).

43

Buddy *(англ.)* – дружок. Иногда это слово используется как имя.

44

Сонора. Судя по всему, автор имеет в виду мексиканский штат, граничащий с Калифорнией. В Калифорнии есть городок Сонора, но он находится в *Северной* Калифорнии и настолько мал, что вряд ли будет бороться за свою независимость.

45

Малибу-Бич – приморский поселок километрах в пятидесяти от центра Лос-Анджелеса.

46

«ОХО» – фирменное название бульонных кубиков, производимых компанией «Брук Бонд Оксо Лимитед».

47

Mardi Gras *(фр.)* – букв. «жирный вторник». Вторник на Масленой неделе. В некоторых городах в этот день устраивается карнавал.

Тэззи – прозвище жителей Тасмании.

49

Анри Руссо (1844–1910), по кличке Таможенник, – французский художник-примитивист, часто изображал тропическую природу.

50

Сан-Хуаны – острова Сан-Хуан, принадлежащие США и расположенные вблизи от Тихоокеанского побережья на стыке США и Канады.

51

«Кепки» – зд. и дальше Гибсон употребляет слово «meshback», буквально обозначающее летнюю кепочку с сетчатым затылком, как якобы существующую идиому для провинциальной ограниченности и т. д., см. по тексту. Это выражение несколько родственно нашему «кепка», обозначающему лопушистого провинциала.

52

«Си-Так» – аэропорт «Сиэтл-Такома». Такома – портовый город в штате Вашингтон, примерно в 100 км к югу от Сиэтла.

Дрожь, содрогание *(фр.)*.

Топека – умеренных размеров город, столица Канзаса.

55

Будокан («Ниппон будокан») – спортивно-концертный комплекс в Токио; по основному профилю и в буквальном переводе – «Дворец боевых искусств». Концертные альбомы «Live at Budokan» выпускали Боб Дилан, Эрик Клэптон, Ян Гиллан, Оззи Осборн и т. д. и т. п.

Эндоморфный – пикнический, «тяжелый» тип телосложения; характеризуется относительным преобладанием структур, развившихся из зародышевой энтодермы.

57

Dukes *(англ.)* – герцоги, Nuke’em = Nuke Them *(англ.)* – раздолбите их атомными бомбами, но при этом все название в целом произносится как «Герцоги Ньюкемские» – титул не существующий, но звучащий вполне натурально. Источником названия группы является, по-видимому, компьютерная «стрелялка» «Duke Nukem».

58

«Дымящееся зеркало» (Тескатлипока) – один из основных богов у большинства племен южноамериканских индейцев. Тескатлипока – судья и мститель за все злое, он всеведущий, беспощадный и крайне непредсказуемый в своих деяниях.

59

Визуальная подсказка: речь явно о Дэвиде Боуи.

Procol Harum, «A Whiter Shade of Pale».

61

«Оргонную энергию», пронизывающую все мироздание, придумал австрийский, позднее американский психоаналитик Вильгельм Райх (1897–1957).

62

Город Нэшвилл, столица штата Теннесси, считается заодно и столицей кантри-музыки.

63

Давно существует идиома «субботний специальный» (Saturday night special), обозначающая дешевенький, легко добываемый револьвер.

Техническая деталь. У кровельных гвоздей больше шляпка.

65

Блэкуэлл употребляет здесь специфически австралийский оборот «Good on you».

66

Гигер Г. Р. (Гансрюди Гигер, 1940–2014) – швейцарский художник (см. примеч. 2 на с. 200). Альбом «H. R. Giger: N. Y. City» выпустил в 1981 г.

Львиный город – буквальный перевод названия Сингапур.

Акихабара – квартал в Токио, знаменитый изобилием магазинов бытовой электроники.

69

Понятие «информационное убежище» образовано по модели существующего понятия «налоговое убежище».

«Свободное влагалище», или «Бесплатное влагалище», или даже «Свободу влагалищу» *(англ.)*.

71

Очевидным образом Дзюн употребляет термин японского буддизма «укиё», переводимый на английский язык как «floating world», а на русский – как «зыбкий мир», «бренный мир», «текучий мир» или, что чаще, оставляемый вообще без перевода.

72

Популярный герой комиксов-вкладышей в американскую жевательную резинку, появился в 1954 г.

73

Art Deco *(фр.)* – букв. «декоративное искусство», стиль 1920–1930-х гг., отличающийся яркими красками и геометрическими формами.

Гоми (яп.) – мусор, хлам.

75

По фамильярному прозвищу принцессы Дианы – Леди Дай (правильное произношение ее имени – Дайана).

76

Банф – национальный парк (и город) на юго-западе Канады.

Маки (яп.) – рулетик. Может быть мясным, или одна из разновидностей суси.

Casino *(um.)* – домик. Читается «каси`но».

79

Сент-Килда – изолированный архипелаг у северо-западного побережья Шотландии, входит в группу Гебридских островов.

Purissima *(исп.)* – чистейшая, непорочная, честнейшая и т. д.

81

Энвиронментальный – связанный с окружающей средой, обычно – с ее загрязнением. Гибсон раз за разом рисует Мехико недалекого будущего как город с кошмарно загрязненной атмосферой.

82

Цзюлун (Коулун) – полуостров материкового Китая, близко примыкающий к острову Сянган (Гонконг) и составляющий с ним единое административное образование. – *Также см. с. 581.*

83

Роман – «All Tomorrow's Parties» – назван по одноименной песне группы *The Velvet Underground* с их первого альбома «The Velvet Underground & Nico» (1967).

84

Ср.: «Уже родилась на свет / Грозная красота» (У. Б. Йейтс. Пасха 1916 года. Перев. А. Сергеева).

85

«I hear Mariachi static on my radio» – из песни «Carmelita» американского автора-исполнителя Уоррена Зивона, впервые исполненной канадским певцом Мюрреем Маклохленом в 1972 г., а самим Зивоном – на альбоме «Warren Zevon» (1976); также известен кавер Линды Ронстадт (альбом «Simple Dreams», 1977).

86

Букв. «гад (змея) чупакабра» *(исп.)*; латиноамериканский сленг, пародия на латинскую зоологическую номенклатуру.

87

Панчо Вилья – Франсиско Вилья (Доротео Аранго, 1877–1923), руководитель крестьянского движения на Севере Мексики в период Мексиканской революции 1910–1917 гг.

Федора – фасон мягкой фетровой шляпы.

89

Буррито – мексиканская лепешка с начинкой из мяса, сыра или бобов.

90

Los projectos *(исп.)* – букв. «новостройки», нищие латиноамериканские кварталы.

Гады *(исп.)*.

Bodega *(исп.)* – винный погреб.

Букв. «чертова мать» *(исп.)*.

Небольшая проблемка *(фр.)*.

95

Имеется в виду «Американский акрополь» (см. название данной главы) – предложенный (но не осуществленный) в 1995 г. нью-йоркским фотографом и историком чилийского происхождения Камило Хосе Вергарой проект создать на базе заброшенного высотного квартала в Детройте центр изучения урбанистического распада, возвращения в город диких животных и т. п.

96

Имеется в виду Коулун – полуостров, континентальная часть Гонконга. В 1847 г. на его территории была построена небольшая крепость. В архитектурном отношении город-крепость Коулун представлял собой удивительный феномен крайне хаотичной городской застройки и исключительно высокой плотности населения. В 1991 г. власти Гонконга начали эвакуацию коулунцев с целью уничтожить «городскую язву, рассадник преступности, проституции и наркоторговли», а в 1993 г. город-крепость был разрушен окончательно. В память об этом месте Гибсон и создает сюрреалистический виртуальный «Застенный город» хакеров в романе «Идору».

Бэнто – традиционные японские коробочки для еды.

Тэмпура – японское блюдо: рыба, обжаренная в кляре.

99

Мисо – соевая паста. Здесь: суп, приготовленный с мисо.

100

«Secondhand Daylight» – второй альбом британской постпанк-группы *Magazine*, выпущен в 1979 г.

101

Яичница с помидорами и острым соусом *(исп.)*.

102

Лепешка из слоеного теста *(исп.)*.

103

«A microscopic cog in some catastrophic plan» – чуть перефразированная цитата («You’re one microscopic cog in his catastrophic plan») из песни Ника Кейва «Red Right Hand» с альбома «Let Love In» (1994).

Брикстон – район Лондона, где проживают главным образом выходцы из Вест-Индии.

105

«Two lights on behind» – из песни *The Rolling Stones* «Love in Vain» с альбома «Let It Bleed» (1969).

106

Свои средние имена Рэндалл Шоутс получил в честь Джеймса Брэнча Кейбелла (1879–1958) – писателя из Виргинии, стоявшего у истоков жанра иронического фэнтези, автора многотомного «Сказания о Мануэле». Из его 52 книг на русский переводились пять: «Юрген» (1919), «Земляные фигуры» (1921), «Таинственный замок» (1923), «Серебряный жеребец» (1926), «Кое-что о Еве» (1927).

107

То есть Кридмор поет все ту же стоунзовскую «Love in Vain» (см. примеч. 1 на с. 633):

When the train left the station
It had two lights on behind
Yeah, when the train left the station
It had two lights on behind
Whoa, the blue light was my baby
And the red light was my mind.

108

«Если ты грешишь, что делаешь ты Ему? И если преступления твои умножаются, что причиняешь ты Ему?» (Иов. 35: 6).

109

Аллюзия на *Bad Sector* – работающий с 1992 г. эмбиент-нойз-проект итальянца Массимо Магрини из пизанской Лаборатории компьютерного искусства.

110

«Heavy Gear II» – игра-симулятор боевого робота. «T'ai Fu: Wrath of the Tiger» («Тай-фу: Гнев тигра») – игра для консоли «плейстейшн», действие игры происходит в Древнем Китае. Выпущены обе в 1999 г. – тогда же, когда этот роман Гибсона.

111

Во Фресно расположено одно из 23 региональных отделений Университета штата Калифорния.

112

Dinky Toys – под такой торговой маркой английская фирма *Meccano* с 1934 г. выпускает игрушечные модели машин (масштаб 1:43).

113

Randall Made Knives – компания по выпуску ножей ручной работы, основанная Бо Рэндаллом во Флориде в 1938 г.; патент на нож модели № 15 был им оформлен в 1956 г. Очередь на получение рэндалловского ножа обычно занимает пять лет.

114

Микарта – впервые изготовленный в США в 1910 г. композитный материал из полимерной пленки и ткани или бумаги.

115

A&R (Artists and Repertoire) – отдел студии звукозаписи, занимающийся поиском новых талантов и вопросами репертуара.

116

Имеются в виду популярные кантри-музыканты Уэйлон Дженнингс (1937–2002) и Вилли Нельсон (р. 1933).

117

«Цезарь» (тж. «Кровавый цезарь») – канадский коктейль, популярное средство от похмелья, близкий родственник «Кровавой Мэри»: вместо томатного сока к водке добавляется сок кламато (смесь отжатых помидоров и измельченных моллюсков).

118

Vincent Black Lightning – мотоцикл, выпускавшийся британской компанией «Винсент» в 1948–1952 гг.; самый быстрый из серийных мотоциклов своего времени, он развивал скорость до 240 км/ч. Об этой машине написана известная песня Ричарда Томпсона «1952 Vincent Black Lightning» (альбом «Rumor and Sigh», 1991), на которую Гибсон в первую очередь и ссылается.

119

Паноптикум – проект идеальной тюрьмы, разработанный в конце XVIII в. английским философом Иеремией Бентамом: цилиндрическое строение со стеклянными внутренними перегородками, в центре которого находится невидимый для заключенных надзиратель; они не знают, в какой точно момент за ними наблюдают, и у них создается впечатление постоянного контроля.

120

«Оружейницы» (Gunsmith Cats) – популярная манга Кэнъити Соноды, публиковавшаяся в 1991–1997 гг.

121

Без связи с внешним миром *(исп.)*.

122

Сан-Францисский департамент полиции.

123

Неофициальное «государство в государстве» под названием «вольный город Христиания» существует в Копенгагене с 1971 г., когда коммуна хиппи вселилась в заброшенные казармы.

124

Богемный район Атланты под названием Литтл-Файв-Пойнтс ведет свою историю с середины 1970-х гг., когда различные неформалы начали заселять бывший торговый район, заброшенный в начале 1960-х гг. (через него планировалось проложить шоссе).

125

Байу – заболоченный рукав реки, озера или морского залива на юге США.

126

Роберт Франк (1924–2019) – известный американо-швейцарский фотограф, кинорежиссер и оператор. Серия его работ «Американцы» (1958) является важным фотодокументом эпохи битников, предисловие к альбому «Американцы» написал Джек Керуак.

127

Фрэнсис Бэкон (1909–1992) – ирландский художник-экспрессионист. Сам Бэкон утверждал, что он просто реалист: «Ничто не может быть ужаснее, чем сама жизнь…» Серия картин «Кричащие папы», написанная в 1950-е гг., представляет собой вариации на тему «Портрета папы Иннокентия X» (1650) кисти Веласкеса.

Chilango *(исп.)* – сленговое самоназвание жителей Мехико.

129

Хэнк Уильямс (1923–1953) – знаменитый американский автор-исполнитель, стоявший у истоков современной кантри-музыки.

130

King Cobra – строго говоря, не пиво, а так называемый солодовый напиток (malt beer) от американской компании «Анхойзер-Буш» (Сент-Луис, штат Миссури), крепостью 6 % (также см. с. 554). Не путать с одноименным сортом от индийско-британской пивоваренной компании Cobra Beer, который выпускается только с 2005 г. (хотя компания на рынке с 1990-го).

131

«My Boyfriend's Back» – песня, написанная продюсерским трио FGG Productions (Боб Фелдман, Джерри Голдстайн, Ричард Готтерер) для девичьей вокальной группы *The Angels* и поднявшаяся в 1963 г. на первое место в хит-параде «Биллборда».

Codes *(англ.)* – коды.

133

«You Know I Can’t Let You Slide Through My Hands» – последняя строчка первого четверостишия в песне *The Rolling Stones* «Wild Horses» с альбома «Sticky Fingers» (1971).

Драчун *(исп.)*.

135

Otaku *(яп.)* – фанатик.

136

Сарариман (тж. саларимен) – так в Японии называют служащих, особенно крупных корпораций. Термин образован от несуществующего английского слова «salaryman» («человек на зарплате»).

137

Аллюзия на известную шутку кинозвезды Мэй Уэст (1893–1980): «Это у тебя пистолет в кармане брюк или ты просто рад меня видеть?»

138

Chain gun *(англ.)* – пулемет или автоматическая пушка с цепным приводом затвора. Часто (например, в компьютерных играх) так же называют многоствольные пулеметы типа гатлинга, но на самом деле их затвор имеет внешний привод иной конструкции, не цепной (электрический, гидравлический и т. д.).

139

«Фабрика Абсолюта» (1922) – фантастический роман-фельетон Карела Чапека о том, как перепроизводство божественной энергии («абсолюта») приводит к мировой войне.

140

«Everything Takes Forever» – первый альбом нью-вейв-группы *Band of Outsiders* из Нью-Йорка; спродюсирован Иваном Кралом (басист чешского происхождения из группы Патти Смит) и выпущен в 1985 г. во Франции.

141

Точка омега – так в работе французского теолога и философа Пьера Тейяра де Шардена «Феномен человека» (1938–1940; публ. 1955) называется состояние наиболее организованной сложности и наивысшего сознания, к которому эволюционирует Вселенная.